

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

26

М. А. МАКСИМОВИЧА.

Mikhail Aleksandrovitch Maksimovitch.

ТОМЪ I.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ.

КІЕВЪ.

Типографія М. П. Фрица, на большой Владимірской ул., въ собственномъ домѣ.

1876.

Юго-Западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, въ засѣданіи 3-го октября 1875 года, выслушавъ предложеніе предсѣдателя отдѣла В. Б. Антоновича о напечатаніи полнаго собранія ученыхъ сочиненій покойнаго М. А. Максимовича, изъявилъ согласіе принять на себя это изданіе и назначилъ коммиссію изъ среды своихъ членовъ, которой поручилъ составить докладъ о программѣ предполагаемаго изданія. Въ составъ коммиссіи избраны были дѣйствительные члены отдѣла: А. С. Роговичъ, П. И. Житецкій, В. П. Науменко, И. А. Сребницкій, О. Г. Лисицынъ и В. Б. Антоновичъ.

Въ засѣданіи 17 ноября 1875 года коммиссія представила Отдѣлу докладъ слѣдующаго содержанія:

„Коммиссія полагаетъ приступить къ изданію сочиненій М. А. Максимовича на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ изданіе должны войти, по возможности, всѣ сочиненія М. А. Максимовича, за исключеніемъ:

а) Тѣхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ, которыя въ настоящее время не имѣютъ уже значенія ни для науки, ни для исторіи ея развитія въ Россіи.

б) Этнографическихъ сборниковъ пѣсенъ, какъ матеріала, вошедшаго уже въ позднѣйшіе аналогическіе сборники; при чемъ критическіе и историческіе комментаріи къ пѣснямъ, представляющіе небольшія замѣтки и статьи по исторіи и этнографіи, будутъ отнесены въ соотвѣтствующіе отдѣлы и сохранены въ нихъ.

в) Популярно-педагогическихъ изданій, имѣющихъ исключительно практическій характеръ („книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“, „Краткій букварь для русскаго народа“).

г) Статей, изданныхъ сначала отдѣльно, но вошедшихъ потомъ въ видѣ главъ въ другія, болѣе обширныя сочиненія.

д) Мелкихъ замѣтокъ, имѣвшихъ только временный, случайный характеръ, если таковыя встрѣтятся.

2) Все изданіе по содержанію распадается на слѣдующіе отдѣлы, редажировать которые приняли на себя слѣдующіе члены:

Отд. I Естественныя науки—А. С. Роговичъ.
„ II Статьи филолог. содержанія — П. И. Житецкій.
„ III Статьи по исторіи, русской словесности и русской библіографіи—В. П. Науменко.
„ IV Труды по исторіи, археологіи и исторической географіи—В. Б. Антоновичъ, И. А. Сребницкій, О. Г. Лисицынъ.
„ V Статьи по этнографіи—Лисицынъ.
„ VI Матеріалы для біографіи М. А. Максимовича: беллетристика, переписка, рѣчи и т. п. Н. С. Тумасовъ.

3) Вслѣдствіе многолѣтней и разнообразной ученой дѣятельности М. А. Максимовича, статьи, написанныя имъ, представляютъ такое разнообразіе, при томъ многія изъ нихъ до того не значительны объемомъ, при всей серьезности и научной важности своего содержанія, что коммиссія не находитъ возможнымъ издавать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ составленія или выхода въ свѣтъ; хронологическій методъ былъ бы, конечно, гораздо удобнѣе для освѣщенія личности автора, но онъ представилъ-бы такое усложненіе для пользованія изда-

ніемъ съ научной цѣлью, что коммиссія считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ группировать статьи по отдѣламъ и въ каждомъ отдѣлѣ по содержанію. На каждой статьѣ, по возможности, будетъ обозначено время ея составленія, а въ опытѣ біографіи автора будетъ указана хронологическая связь между статьями".

Отдѣлъ, согласившись съ изложенною программою, предложилъ Коммиссіи принять ее для руководства при изданіи сочиненій М. А. Максимовича.

Собравъ многочисленныя статьи, написанныя М. А. Максимовичемъ, Коммиссія распредѣлила ихъ по отдѣламъ и затѣмъ приступила къ изданію перваго тома, въ составъ котораго вошли сочиненія историческаго содержанія. Редакція этого тома поручена была В. Б. Антоновичу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Историческій Отдѣлъ.

1. СТАТЬИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ИСТОРІИ РУСИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ПОЛОВИНЫ XIII СТОЛѢТІЯ.

Откуда идетъ русская земля, по сказанію несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ. [1])

Посвящено памяти Ломоносова.

„. . . Откуду есть пошла Русская Земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская Земля стала есть.“

Несторъ.

„Неправедно разсуждаетъ, кто Варяжское имя приписываетъ одному народу. Многія сильныя доказательства увѣряютъ, что *Варяги* отъ разныхъ племенъ и языковъ состояли“.

Ломоносовъ.

Представляю вниманію и суду читателей краткое изслѣдованіе *о Руссахъ и Варягахъ* въ нашемъ отечествѣ, по сказанію объ нихъ преподобнаго Нестора, которое я старался согласовать съ другими нашими, особенно древними, писаніями, и изъяснилъ оное нѣсколько иначе, чѣмъ другіе; ибо, по моему изслѣдованію, ни у одного Русскаго писателя до XIX в. не видно мысли, чтобъ Руссы было Скандинавы.

Для опредѣленія Несторова мнѣнія, приняты мною въ основаніе два списка его Повѣсти временныхъ лѣтъ: *Лаврентьевскій*, написанный въ Суздалѣ инокомъ Лаврентіемъ 1377 г., и *Ипатьевскій*, написанный также въ XIV в. (по мнѣнію Карамзина) и вѣроятно въ Южной Руси,—какъ два *древнѣйшіе*, а потому если и отступившіе отъ подлинника Несторова, то не много и не во многомъ. Первымъ изъ нихъ я пользовался по печатному изданію Тимковскаго (М. 1824), преры-

---

[1]) Издано отдѣльною книгою. Кіевъ 1837.

вающемуся 1019 годомъ, утвержденіемъ Ярослава въ Кіевѣ; вторымъ—по Шлецерову *Нестору* (въ Русскомъ переводѣ Языкова Спб. 1809—19.), оканчивающемуся 980 годомъ, началомъ княженія Владимірова въ Кіевѣ. Прочіе списки Русской лѣтописи принадлежатъ позднѣйшему времени, и, за исключеніемъ *Кенигсберскаго* (XVI в. по Карамз.), представляютъ иногда значительныя отмѣны противъ двухъ первыхъ, сообразно мнѣніямъ, какія въ среднія времена были; почему въ такомъ значеніи я и принималъ сіи отмѣны, часто между собою совершенно сходныя.

Для означенія же того, что называю я древнимъ, среднимъ, новымъ періодомъ нашей словесности, не лишнимъ почитаю здѣсь представить принятое мною дѣленіе оной на *періоды* и *отдѣлы*.

1-й *Періодъ*, *Древній*—отъ 60-тыхъ годовъ IX вѣка до послѣдней четверти XIII-го.

Въ 60-тые годы IX вѣка, началась новая жизнь Русской земли, съ пришествіемъ Руссовъ; началось Русское Православіе; составилась Словенская грамота, книжный Словенскій языкъ и преложеніе на оныя священныхъ и церковныхъ книгъ, на коихъ основалось и утвердилось Русское просвѣщеніе въ Кіевѣ.

Господствомъ сихъ книгъ, книжно-Словенскаго языка и вліяніемъ *Греко-Восточнаго просвѣщенія* ознаменованъ сей древній періодъ.

Я раздѣляю древній періодъ на 3 отдѣла:

1-й Отдѣлъ—до кончины Ярослава, 1054.

2-й Отдѣлъ—до кончины Мономаха, 1125.

3-й Отдѣлъ—до конца древняго стольнаго Кіева, съ переселеніемъ Русскаго митрополита въ сѣверо-восточную Русь.

II-й *Періодъ*, *Средній*—отъ послѣдней четверти XIII-го по XVIII-й вѣкъ.

Переселеніемъ Русскаго митрополита изъ Кіева во Владиміръ-Залѣскій и первымъ тамъ соборомъ 1274 г., положено начало обновленія умственной и общественной жизни сѣверовосточной Руси и того вліянія на нее *Русскаго духовенства*,

какое особенно было въ сей періодъ,—означенный съ другой стороны вліяніемъ *Латино-Западнаго* просвѣщенія на умственную жизнь Южной и Западной Руси, съ которыми вмѣстѣ оно перешло и въ Великую Россію. Кромѣ того сей періодъ ознаменованъ сильнымъ раскрытіемъ, на Православіи утвержденной, *Русской народности*, и ея безпримѣрно-богатымъ проявленіемъ въ *народной поэзіи* Великорусской и Украинской.

Я раздѣляю средній періодъ на 3 отдѣла:

1-й Отдѣлъ—до исхода XV вѣка.

2-й Отдѣлъ—до исхода XVI вѣка.

3-й Отдѣлъ—до конца XVII вѣка.

III-й *Періодъ, Новый*—XVIII-й вѣкъ и первая четверть XIX-го.

Въ 1700-мъ году, съ утвержденіемъ полнаго единовластія Петра Великаго, начались его нововведенія въ Россіи и преобразованіе оной по образцу Европейскому, чѣмъ и положено начало *Гражданско-Русскаго просвѣщенія* подъ вліяніемъ ново-Европейскаго. (Въ 1700 г. между прочимъ прекратилось Русское патріаршество, начался Новый годъ съ Генваря, новое лѣточисленіе съ Р. Х.).—Стремленіемъ къ *Европеизму*, переимчивымъ подражаніемъ ему и его усвоеніемъ ознаменованъ сей новый періодъ, который я раздѣляю на 4 отдѣла:

1-й Отдѣлъ—до вѣка Елисаветы, по 1740 годъ (до Ломоносова).

2-й Отдѣлъ—до кончины Екатерины Великой, 1796 года (до Карамзина).

3-й Отдѣлъ—до 1812 года (до Жуковскаго).

4-й Отдѣлъ—до кончины Александра I, 1825 г.

(Карамзинъ-историкъ предозначаетъ новѣйшее направленіе Русской словесности).

IV-й *Періодъ, Новѣйшій* или *Современный*.

Въ нынѣшнее историческое царствованіе возродилось общее стремленіе къ *самобытному* и своеобразному раскрытію *Русскаго духа* во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ,—означилось *просвѣщенное* обращеніе къ *своенародности* и *положительности:* ибо раскрытіемъ народ-

ности мы были богаче всѣхъ, а стихія былевой (исторической) положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности нашей—въ самой поэзіи.

„Се Русія—уродившися въ вѣрѣ Православной, за слушную рѣчь почиталемъ, абы вѣдалъ самъ и иншимъ Рускимъ сыномъ сказалъ: отколь Русь почалася, и якъ панство Руское, за початку ставши, до сего часу идетъ.“

Заключаю мое предисловіе сими словами Кіевскаго инока Ѳеодосія Софоновича, изъ его *Хроники зъ Лѣтописцовъ стародавнихъ*, 1672 г.

О РУССАХЪ И ВАРЯГАХЪ.

§ 1. По Словенски *языкомъ* называется и собственно языкъ, и народъ. Такое двойственное значеніе сего слова, равно и его образованіе изъ слова язъ или азъ—я имѣютъ основаніемъ своимъ ту вѣрную мысль, что въ языкѣ выражается личность народа, и обличаютъ глубокое чувство и сознаніе сей личности у племени Словенскаго.

Исторія словесности и языка каждаго народа должна идти рядомъ съ исторіей самаго народа, тѣмъ болѣе, что сія послѣдняя и основывается преимущественно на памятникахъ словесности и языка.

При изслѣдованіи языка Русскаго, при изъясненіи свойствъ его и опредѣленіи стихій, вошедшихъ въ его составъ еще въ древнемъ періодѣ, необходимо сперва опредѣлить: отъ какихъ народовъ могло быть вліяніе на языкъ старожиловъ въ Россіи—*Восточныхъ Словенъ?* [1])

---

[1])—Народы *Словенскаго* или *Славянскаго* племени я раздѣляю на два отдѣла: на *Восточныхъ* или *Русскихъ* Словенъ и Словенъ *Западныхъ*.

I. Между ВОСТОЧНЫМИ или РУССКИМИ Словенами я различаю:

1) *Руссовъ Сѣверныхъ,* къ коимъ принадлежатъ *Великоруссы* или собственно такъ-называемые нынѣ *Русскіе,* и *Бѣлоруссы.*

2) *Руссовъ Южныхъ* или Украино-Галицкихъ.— Сообразно сему и прежніе Восточно-Словенскіе народы (упоминна-

Но при этомъ неизбѣжно прикасается къ тому вопросу, который такъ важенъ для нашей Исторіи, такъ занимателенъ и вмѣстѣ затруднителенъ для нашей исторической критики; на который она, при всемъ многоразличіи соображеній и мнѣній своихъ, даетъ отвѣты рѣшительные, но не дала еще рѣшенія окончательнаго. Я разумѣю вопросъ: отъ кого досталось народу и языку нашему имя Руси, объединившее собою Восточныхъ Словенъ, вошедшихъ въ составъ Рос-

---

емые Несторомъ и другими) можно раздѣлить (по примѣру К. Калайдовича, 1815) на: 1) *Сѣверновосточныхъ:* Словены Новогородскіе, Кривичи съ Полочанами, Дреговичи. Сюда-же причислить должно и двѣ вѣтви, отшедшія отъ Ляховъ—Радимичи и Вятичи; въ составъ Велико-Руссовъ вошли и Куряне (которые зовутъ себя *Руськими,* отличая тѣмъ себя отъ Малороссіянъ, а потому слово *Руській* напрасно усвоивается исключательно Бѣлоруссамъ). 2) *Южновосточныхъ:* Поляны, Сѣверяны съ Суличами, Древляны, Тиверцы и можетъ-быть Бѣлые Хорваты (Галичане).

II. ЗАПАДНЫЕ СЛОВЕНЫ раздѣляются на: 1) *Сѣверозападныхъ* или *Вендскихъ,* къ которымъ принадлежатъ: *Чехи* (съ Моравами) или *Богемцы, Словаки, Ляхи* (съ Мазовшанами или Мазурами, Силезами и съ прежними Лутичами Поморянскими и собственно Поморянами), *Сърбы* или *Венды* (Лузацкіе). Сюдаже я причисляю и бывшихъ тамъ *Руссовъ* и другихъ Варяговъ Словенскаго племени (Вильковъ или Заодерскихъ Лутичей, Вагровъ и проч., уже обнѣмечившихся подобно Поморянамъ).—

2) *Южнозападныхъ* или *Задунайскихъ* (называемыхъ и просто *Южными*), къ которымъ принадлежатъ: *Сербы* съ прочими Иллирійцами, *Хорваты* или Кроаты, *Хорутаны* или Винды и *Болгары* (перешедшіе на Дунай съ Волги). Они первые изъ Словенскихъ народовъ сдѣлались грамотными, и ихъ языкъ образовался въ *книжнословенской,* какъ справедливо у насъ принялъ Востоковъ,—въ *Собр. Слов. Пам.* Кеппена 1827,—и какъ особенно изслѣдовалъ то Венелинъ, составившій и граматику языка Болгарскаго, (къ сожалѣнію доселѣ неизданную). Неудовлетворительность дѣленія, предложеннаго Добровскимъ: на *Сѣверозападный* и *Юговосточный* отдѣлы уже давно замѣчена и у насъ, почему оно уже и оставлено нѣкоторыми и нашими писателями.

сіи? И если это имя не было общимъ для нихъ издревле [1]), то какому народу принадлежало оно прежде — Словенскому, или не-Словенскому, и какому именно?

Съ тѣхъ поръ какъ Шлецеръ въ своемъ Несторѣ (1802 г.) обновилъ возникшее за 100 лѣтъ мнѣніе Байера [2]) или точ-

[1]) Мнѣніе, что имя Руси принадлежало жителямъ нашего отечества искони, съ незяпамятныхъ временъ, въ настояще время принимаетъ Венелинъ (*Древн. и нын. Бол.* 1829), признающій Сарматовъ и Гунновъ за-одно съ Руссами, къ коимъ причисляетъ онъ и Болгаръ, называя ихъ Волжскими Руссами—и Гуннами. Волжскими Словенами также и Ломоносовъ признавалъ нетолько Варяговъ-Руссовъ съ Балтійскаго Поморія, но и Болгаръ.—Отъ Волги производили и названіе *Волынянъ*.—

[2]) Академикъ Байеръ, въ разсужденіи своемъ о *Варягахъ* (которое напечатано на Латинскомъ языкѣ 1735 года, а въ Русскомъ переводѣ явилось впервые кажется 1768 г. въ 1 ч. Исторіи Татищева) возстановилъ тотъ объемъ, какой имѣло слово *Варягъ* въ древней Русской лѣтописи, утверждая, что въ ней назывались такъ всѣ вообще Скандинавы и Даны; онъ положилъ основаніе и тому мнѣнію, по коему Руссовъ стали почитать племенемъ Скандинавскимъ,—по Тупману и Шлецеру—*Шведами*.

Впрочемъ это мнѣніе долго еще не имѣло у насъ хода; ибо — съ одной стороны *Ломоносовъ*, имѣя такое-же какъ и Байеръ понятіе о *Варягахъ* относительно Скандинавовъ, сильно поддерживалъ противъ Миллера давнее и общее у насъ мнѣніе о *Словенизмѣ* Варяго-Руссовъ, мнѣніе, хотя у него и не очень ученымъ образомъ (по понятію Шлецера) обставленное, но въ сущности дѣла справедливое. Ломоносову въ этомъ соревновалъ даже противникъ его *Тредьяковскій*, который въ то-же время писалъ противъ Байера и другихъ *три разсужденія*, напечатанныя 1773 г. Тредьяковскій, доказывая *по-своему* Словенизмъ *Варяго-Руссовъ*, имя Варяги распространялъ не только на Скандинавовъ, но и на всѣ Западно-Европейскіе народы, сообразно не Несторову, но древнѣйшему значенію у насъ этого слова (см. § 9, нашего изслѣдованія).— Съ другой стороны — вскорѣ послѣ исторіи Ломоносова издана была наконецъ (1768 — 84) исторія *Татищева,* и его мнѣніе о происхожденіи Руссовъ отъ Финновъ, происхожденіемъ почти современное Байерову мнѣнію, сдѣлалось господ-

нѣе сказать мнѣніе Тунмана о Варягахъ и Руссахъ,—ученіе о Скандинавскомъ происхожденіи Руси пересилило собою мнѣнія прежде бывшія у насъ на Руси, отъ Нестора до Ломоносова и Болтина; и этому ученію послѣдовала большая часть

ствующимъ между Русскими, особливо съ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, послѣ того, какъ это мнѣніе поддержалъ Болтинъ (съ 1788).—Самъ издатель Татищева, трудолюбивый Миллеръ, былъ продолжателемъ и распространителемъ (съ 1750—72) сходнаго съ Ломоносовскимъ, давняго мнѣнія о пришествіи Руссовъ изъ Пруссіи (гдѣ жили *Роксоланы* по Геогр. Равенск.), которое подержано было и со стороны князя Щербатова (1770). Такимъ образомъ до Болтина господствовала *старая Русская* или *Ломоносовская* историческая школа, ведущая къ намъ Русь черезъ Новгородъ *съ Сѣверозапада*, *съ Поморія Балтійскаго* и производящая ее отъ Роксоланъ.—Такое мнѣніе и не могло не имѣть хода, когда принято было и Миллеромъ, оставившимъ Байерово мнѣніе, послѣ горькой неудачи высказать оное въ своей академической рѣчи.—Вслѣдствіе непремѣннаго настоянія Ломоносова передъ Шуваловымъ, Миллерова рѣчь, уже напечатанная, была подвергнута ученому суду и разбору членовъ Академіи Наукъ (Ломоносова, Попова, Крашенинникова, Струбе, Фишера) и неодобрена ими къ произношенію и выходу въ свѣтъ: ибо, пишетъ Тредьяковскій, «освидѣтельствованная всѣми членами академическими, нашлась, что какъ исполнена неправости въ разумѣ, такъ и ни къ чему годности въ слогѣ». Такъ сильно не-по-нраву и не-по-мысли своего времени было мнѣніе о *Скандинавскомъ* происхожденіи Руси, которое, послѣ того событія, считалось тогда не только несправедливымъ, но даже зазорнымъ,—подобно тому, какъ и Татищева исторія долго, до выхода въ свѣтъ, слыла подозрительною.—Несмотря однако на эти *дѣла и преданія минувшихъ лѣтъ*, наша *историческая критика* начинается съ Байера и Татищева; оба они ведутъ къ намъ Русь прямо съ *Сѣвера*, изъ-за *Балтійскаго моря*—(одинъ изъ Скандинавіи, другой изъ Финляндіи); оба были основателями двухъ *новыхъ* у насъ системъ историческихъ; у каждаго былъ свой сильный провозвѣстникъ сходной критической умонаклонности: сначала у Татищева—*Болтинъ*, потомъ у Байера—*Шлецеръ*. Потому сперва образовалась школа (Татищево-Болтинская) *Сѣверно-Финскаго* происхожденія Руси; потомъ школа (Байеро—Шлецеровская) *Сѣверно-Скандинавскаго* происхожденія Руси.

нашихъ лучшихъ, всѣмъ извѣстныхъ писателей по Русской исторіи. — Еще прежде Шлецера, бывшій адъюнктомъ Байера Миллеръ хотѣлъ было въ академической рѣчи (О началѣ народа и названія Русскаго, 1749) провозгласить Скандинавское происхожденіе Руси. Но въ ту пору всеобъемлющій Ломоносовъ остановилъ его; а потомъ уже и самъ Миллеръ былъ противъ онаго мнѣнія и приблизился къ мнѣнію Ломоносова, который, по выраженію Шлецера, и въ исторіи былъ оракуломъ для Русскихъ, — который и въ этомъ случаѣ сдѣлалъ тоже, что и съ языкомъ Русскимъ. Въ полновѣсной рѣчи Ломоносова слились и древняя Словенщина, и Латинь, и Германизмъ; въ историческомъ его мнѣніи о Руси совмѣстились прежнія начала, коими изъясняли ея происхожденіе. По его мнѣнію, Варяго-Руссы были Словенскій народъ, древле переселившійся на Варяжское Поморіе съ Волги, понынѣ Мордвою называемой *Ра*, — вышедшій оттуда вмѣстѣ съ Аланами, потому и названный Роксаланами и Аланъ-Орсами [1]), а самъ по себѣ называвшійся Россами, Россанами (и даже Ранами, отъ р. Ра, какъ называетъ Гельмольдъ Словенъ Ругійскихъ); по переселеніи ихъ въ Россію, прежнее мѣстопребываніе ихъ въ Поморіи назвалось Порусcіей или Пруссіей, не по сосѣдству, а по наслѣдованію (см. его *Древнюю Россійскую Исторію*, 1766, и въ *Крат. Россійскомъ Лѣтописцѣ*, 1760). —

Въ 1768 г. Миллеромъ изданъ І-й томъ Исторіи Россійской Татищева (дотолѣ ходившей въ рукописяхъ), въ коей Руссы производятся отъ *Финновъ* (а Рюрикъ отъ королей Лифляндскихъ). Сіе мнѣніе между писателями нашими имѣло

---

[1]) Отъ Роксоланъ производили нашихъ Руссовъ еще въ XVI вѣкѣ разные ученые иностранные. Въ прошломъ столѣтіи у насъ Татищевъ опровергалъ это; но Ломоносовъ и многіе другіе писатели признавали за вѣрное. Въ нынѣшнемъ десятилѣтіи Венелинъ, Бутковъ, Бодянскій опять обратились къ этому древнему роднику Руссовъ, хотя этихъ общихъ имъ *Роксоланъ* каждый принимаетъ различно — одинъ за Словенъ, другой за Финновъ, третій за народъ племени Турецкаго — что кому надо, смотря по системѣ.

многихъ послѣдователей [1]) и было господствующимъ до исторіи Карамзина.

Но послѣ того, какъ Шлецерово мнѣніе принялъ Карамзинъ, впрочемъ поворотивши его нѣсколько на Ломоносовское (ибо Руссовъ Шведскихъ онъ провелъ къ намъ черезъ Пруссію), — у насъ стало господствовать покрываемое именемъ Нестора мнѣніе, будто Руссы были народъ Скандинавскаго или Гото-Нѣмецкаго племени. — Въ слѣдствіе того новый историкъ нашъ—Полевой принялъ за основное предположеніе, что Скандинавами начинается исторія Русскаго народа, и съ нихъ началъ свою исторію (1829). Но Сенковскій полагаетъ что покоренные Руссами-Скандинавами Словены и Финны *обрусѣли* прежде, чѣмъ покорители ихъ, забывъ нарѣчіе свое, сдѣлались *Человѣками* т. е. Словенами; что овладѣнные Руссами, съ принятіемъ ихъ имени, неминуемо долженствовали утратить свою народность и сдѣлаться Скандинавами въ образѣ

---

[1]) Татищевское мнѣніе о происхожденіи Варяговъ-Руссовъ изъ Финляндіи возобновилъ въ нынѣшнемъ году *Бутковъ* (см. его статью *о Руси и Руссаландѣ* въ Сынѣ От. 1836 № 1), весьма увеличивъ оное присоединеніемъ древнѣйшей Руси Ломоносовской, но съ распространеніемъ на нее Финскаго родоначалія.—По гипотезѣ Буткова—кромѣ Варяговъ-Руссовъ, названныхъ *Гото-Рюсами* и приведенныхъ изъ Финляндіи или *Рюссаланда* (что напоминаетъ мнѣніе Академика Струбе), къ Руси причисляются еще прежніе Роксоланы, перешедшіе на Балтійское Поморіе издревле съ Волги, Дона и Дуная, въ которыхъ Бутковъ «узнаетъ поколѣніе *Финское*, коего точное имя было *Руска-лайнъ* отъ Финскихъ-же словъ *руска*—рыжій, русый, красный—общій обликъ Финскій—и *лайнъ*, родъ, племя»,—почему и у Татищева *Финны* назывались также *Чермными*. Ибнъ-Гаукаловыхъ Руссовъ Бутковъ надѣется открыть также въ Поволжской *Чуди*—въ Чувашахъ, Черемисахъ, Мордвѣ—«вѣроятныхъ однородцахъ Роксоланскихъ»—въ этой *Руси Пургасовой* (1228 г.), на которую указываетъ онъ какъ на Русь забытую, пропущенную критиками.—Въ такомъ обширномъ, новомъ видѣ является Татищевская система, пополняя содержаніе и объемъ свой началомъ старой Русской школы, которое она покрываетъ своимъ собственнымъ Чудскимъ началомъ; а истощая оное въ своемъ первомъ родникѣ. дополняетъ его Скандинавскою стихіею Байеровской школы,

мыслей, нравахъ и даже занятіяхъ. Русскій языкъ называетъ онъ химическимъ соединеніемъ Словеснаго и Скандинаво-Нѣмецкаго, съ примѣсью Финскаго, и говоритъ, будто даже Запорожскіе казаки говорили Скандинавскимъ языкомъ, а начало Украинскихъ думъ сопряжено съ Исландскою словесностью (Сагою); Запорожье называетъ онъ *Днѣпровскою Скандинавіею Руссовъ.* [1])

---

[1])—См. Библ. для Чтенія 1834, N 1 и др.—«Все усколь-знуло—по словамъ Сенковскаго— отъ вниманія и проницательности нашихъ историковъ; все изсякло въ туманѣ неумѣстнаго Словенизма и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ старой критики.» Много правды въ укоризнахъ Сенковскаго исторической критикѣ за ея отверженіе преданій народныхъ, за односторонность ея труповаго изслѣдованія буквы, а не духа въ исторіи. Но его обвиненіе Карамзина въ *Словенизмѣ* слишкомъ скоро, равно какъ и его предпочтеніе Эймундовой саги лѣтописи Нестора.

Тѣ-же явленія Норманскаго свойства въ Русской исторіи можно изъяснить прямѣе, истиннѣе и плодоноснѣе *Словенизмомъ* Варяговъ-Руссовъ, отъ коихъ не только не утратилась народность старобытныхъ насельниковъ нашего отечества, но пробудилась и раскрылась съ новою силою и съ новымъ духомъ, такъ сказать, *удвоеннаго Словенизма.* И если уже надо сравнительное имя для земли Русской, то вмѣсто «Новой Скандинавіи», лучше-бы назвать ее новымъ *Поморіемъ* (именемъ, уже употребленнымъ въ Пѣсни Игорю для края, прилежащаго къ Черному морю): и тогда также можно-бы сказать вмѣстѣ съ Сенковскимъ, что «исторія Россіи начинается на водахъ Балтійскаго моря».

Что касается до его теоріи языкознанія, по подобію химической теоріи сродства,—то она хороша въ отношеніи чисто-логическомъ, какъ теорія выведенная умственно и притомъ примѣнительно къ законамъ естествознанія, но въ приложеніи къ исторической дѣйствительности своего собственнаго предмета — она невѣрна: ибо Русскій языкъ принялъ отъ Скандинавскаго еще меньше, чѣмъ отъ Татарскаго; притомъ-же Скандинавскіе Норманы вообще не передавали никогда языка своего, но сами принимали языкъ народовъ, у коихъ поселялись.

Вообще это химическое соединеніе Скандинавскаго и Словенскаго языка въ Русскій, и это физіологическое претво-

Можетъ быть такое впаденіе въ излишество и въ крайность ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси предвѣщаетъ, что сему ученію приходитъ уже конецъ: ибо такимъ явленіемъ обыкновенно кончались не только многія системы философіи и другихъ наукъ, но и разныя стремленія и направленія въ другихъ отрасляхъ мысли и жизни частной и

реніе въ Русскомъ тѣлѣ Скандинавской крови въ Словенскую, суть предположенія даже лишнія для изъясненія историческихъ явленій Руси,—кромѣ того, что сами по себѣ они неправы противъ дѣйствительности.—

Такимъ-же образомъ, принимая Варяговъ-Руссовъ за Словенъ Прибалтійскихъ, можно понять съ коихъ поръ и какимъ путемъ стали являться у насъ разныя понятія, обычаи, законы, имена и другіе предметы *общіе* намъ съ Балтійскими Словенами,—и для изъясненія сихъ явленій можно, кажется, совсѣмъ обойтись *безъ предположенія о вѣроятномъ переселеніи Балтійскихъ Словенъ на берега Волхова не прежде конца XI вѣка.* Тѣмъ болѣе лишнимъ мнѣ кажется такое предположеніе, что оно (противорѣча положительнымъ свидѣтельствамъ о древнихъ событіяхъ Новагорода и Кіева) требуетъ для основанія своего еще большаго предположенія, а именно—*отрицанія* самаго бытія Новагорода до XI вѣка, и вообще отрицанія древней исторіи нашего отечества; а таковое отрицаніе необходимо предполагаетъ еще другое—отрицаніе достовѣрности и подлинной древности Русской лѣтописи и всѣхъ древнихъ нашихъ памятниковъ; а для сего отрицанія необходимо предположеніе о позднѣйшемъ составленіи и систематическомъ, постоянномъ подлогѣ стольких памятниковъ!!!—На такомъ *отрицаніи положительнаго* заложено основаніе, и изъ *предположительныхъ утвержденій* начато построеніе новѣйшей, особенной исторической системы. По крайней мѣрѣ таковою мнѣ представляется система сія, *относительно ея основныхъ началъ,*—при всемъ уваженіи моемъ къ ученымъ трудамъ и достоинствамъ заслуженнаго ея основателя.—*Отрицательное* ученіе Каченовскаго о древней Руси совсѣмъ противоположно системѣ Сенковскаго, ибо Сенковскій преслѣдуетъ Шлецеровскій духъ отрицательнаго критицизма въ исторіи и предается сагамъ, кои Шлецеръ *выбрасывалъ* изъ Русской исторіи, какъ «Исландскія бредни». Но, послѣдовавъ догматизму или положительному ученію Шлецерову о Скандинавствѣ Руссовъ, онъ расточаетъ его до крайности: по Сенковскому—въ древней Русской исторіи

общественной. Впрочемъ это покажетъ время! А между тѣмъ, какъ распространялось и доходило до такой крайности это ученіе, продолжались и особенно въ послѣднее время являлись мнѣнія противорѣчащія Скандинавству Руссовъ,—и замѣчательно, что въ большей части ихъ обновлялись многія изъ прежнихъ мнѣній съ новою вѣроятностію и въ новыхъ видахъ.

Будемъ надѣяться что новый историкъ-критикъ все это разнообразіе мнѣній приведетъ къ одному знаменателю, и изъ хаоса писаній Византійскихъ, Арабскихъ, Западно-Европейскихъ, Скандинавскихъ и своихъ отечественныхъ, отдѣлитъ свѣтъ истины отъ тьмы недоумѣнія и сомнѣнія. Но пока совершится это, пока раскроется положительно древнѣйшая исторія Руссовъ, опредѣлится точнѣе и подробнѣе перехожденіе ихъ и распространеніе въ нашемъ отечествѣ,—мы удовольствуемся для нашей цѣли своими Русскими писателями, особенно Несторомъ, и непосредственно изъ нихъ самихъ (соображая по возможности и съ иноземными писателями) изложимъ: какъ думали у насъ на Руси о Руссахъ и Варягахъ, сихъ первостепенныхъ дѣятеляхъ въ началѣ земли Руской? Этимъ историческимъ изложеніемъ мы покажемъ понятія писателей, кои сами по себѣ составляютъ предметъ нашихъ занятій (исторіи Русской словесности); вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣ-

---

все Скандинавія!—Напротивъ Каченовскій совершенно отрицаетъ ученіе о Скандинавствѣ и Руссовъ, и вообще Варяговъ, принимая вмѣсто того для Новагорода—Балтійскихъ *Словенъ Вагровъ* (подобно Герберштейну), для Кіева — *Черноморскую Азіатскую Русь* (предположенную Шлецеромъ и имъ-же самимъ отреченную отъ нашей исторіи). Но отрицательный духъ Шлецеровскаго критицизма Каченовскій распростираетъ на все древне-Русское и усиливаетъ до чрезвычайности: по его системѣ—*ничего нѣтъ Скандинавскаго* въ нашей древней исторіи, да и сама она вся—почти сказка! (*см.* прим. 14).

Вотъ двѣ новѣйшія *противоположности,* въ которыхъ Шлецеровская система распадается на свои составныя начала, доходя въ каждой до той крайней односторонности, при которой сіи разрозненныя начала дѣйствуютъ другъ на друга уже разрушительно, соединяясь съ *другими* началами прежнихъ источниковъ нашей исторіи.

шимъ себѣ и предлежащій вопросъ о племени Руссовъ и Варяговъ, сколько нужно для нашей цѣли.

§ 2. Изъ Лѣтописи Русской видно, что Несторъ входилъ уже въ *соображенія* о началѣ прозванія Русской земли, (безъ чего нельзя было, кажется, и обойтись писавшему о событіи семъ спустя два вѣка); видно, что переименованіе Восточныхъ Словенъ общимъ именемъ Руси занимало и его самаго, и его переписчиковъ и продолжателей въ среднія времена: такъ, что лѣтопись Русская въ семъ отношеніи представляетъ не простое сказаніе о событіяхъ, но *мнѣнія историческія*.

Приступая къ собственно-*Русскому* бытописанью Несторъ говоритъ: Русская Земля начала такъ прозываться при Греческомъ царѣ Михаилѣ, начавшемъ царствовать въ 852 г. «Въ лѣто 6360, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля.»

Сказавъ это, онъ тотчасъ-же объясняется слѣдующими словами: «О семь бо (то есть, о началѣ прозванія земли Русской) увѣдахомъ, яко при семь Цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко-же пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмь: тѣмъ-же отселе почнемъ и числа положимъ.» Здѣсь разумѣется нашествіе Руси на Царьгородъ, подъ предводительствомъ (владѣвшихъ Кіевомъ и землею Полянскою) Оскольда и Дира, на 14-мъ году царствованія Михаилова; слѣдственно *въ 866 году*, который у Нестора и относится къ началу Русской земли [1]), въ которомъ дѣйствительно приходили на Царьгородъ Руссы, по сказанію многихъ Византійцевъ [2]).

---

[1]) По Нестору начало Русской земли въ 866 г., а не за 10 лѣтъ до Рюрика, какъ многіе понимали.—Слѣдственно, уже и по времени первое вторженіе Нормановъ 852 г. in fines Slavorum не совпадаетъ съ началомъ прозванія земли Русской, какъ полагаетъ Крузе, принимающій (подобно Нейману и другимъ) за начало прозванія Русской земли по Нестору 852-й годъ, который у Нестора относится къ началу царствованія Михаила. См. о семъ критическія замѣчанія Погодина на изданный имъ переводъ Нейманова сочиненія *о жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*, 1826.

[2]) Отрицательная критика Шлецерова и современная отвергаетъ участіе Оскольда и Дира въ нашествіи Руси на

И такъ изъ сего ясно, что Несторъ потому *отселѣ* началъ собственно-Русское бытописаніе, что имя Руси нашелъ онъ именно въ это время *историческимъ*, ибо лѣтописаніе Греческое было для него исторіей всемірной; ясно также, что названіе *Русской земли* онъ производитъ отъ *Руси, ходившей въ 866 году на Царьгородъ*, съ Оскольдомъ и Диромъ, изъ Кіева. Это основное, авторитетомъ Греческаго лѣтописанія утвержденное, положеніе у Нестора очевидно изъ его словъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію.

Въ подкрѣпленіе сего надо припомнить, что эти Руссы были первыми христіанами Русскими, принявшими тогда-же кре-

---

Царьгородъ 866 года, на томъ основаніи, что Византійцы, при описаніи сего нападенія Руссовъ, умалчиваютъ объ этихъ Кіевскихъ князьяхъ. Но это умолчаніе еще не доказательство. Кто-же нибудь да предводилъ Русью и кого-нибудь хоть другаго могли-бы именовать Византійцы. Но они говорятъ только *вообще* о Руссахъ, не называя никого лично, по имени—или по незнанію того, или-же по нежеланію. Такая безличность въ сказаніяхъ о непріятельскихъ нападеніяхъ совсѣмъ не рѣдкое явленіе въ лѣтописяхъ. Такъ Гельмольдъ, описывая нѣсколько сходный съ нимъ приступъ Ружанъ къ Любеку и ихъ отраженіе Генрихомъ, не называетъ по-имени ни одного Ружанина. Арабскіе историки часто повѣствуютъ о побѣдахъ Руссовъ, безъ названія вождей ихъ. И въ нашихъ лѣтописяхъ нерѣдко говорится о нападеніяхъ разныхъ непріятелей, безъ имени ихъ вождей. Можно-бы привести здѣсь, что Византіецъ IX вѣка—*Георгій* (Гамартолъ или Грѣшный) упоминаетъ Оскольда и Дира, говоря о нашествіи Руси 866 года, въ своемъ *Временникѣ*, который извѣстенъ былъ Нестору; но Георгіева лѣтопись намъ извѣстна только въ Словенскомъ переводѣ, и потому неизвѣстно находятся-ли имена Оскольда и Дира въ подлинникѣ Греческомъ. Впрочемъ, сказаніе Несторово о сихъ двухъ первыхъ на Руси христіанскихъ страдальцахъ и князьяхъ хотя и коротко, но столь опредѣлительно и ясно въ своихъ подробностяхъ, что сомнѣваться въ правдѣ онаго еще болѣе несправедливо, чѣмъ имя *Дира* признавать нарицательнымъ словомъ (*воевода*), какъ доказывалъ Байеръ. Дѣянія Оскольда и Дира съ сосѣдними народами и ихъ сношенія съ Византійцами подлежатъ не отрицаніямъ, но еще новымъ соображеніямъ, послѣ которыхъ, мнѣ кажется, они представились-бы въ большей обширности.

щеніе, чудеснымъ дѣйствіемъ Святой Богоматери Влахернской— въ патріаршество Фотія, который обращеніемъ сихъ Руссовъ хвалился въ окружной грамотѣ своей 866 года [1]).—По этимъ Руссамъ земля наша причислена къ Грековосточной церкви, и считалась ея 60-мъ архіепископствомъ [2]).

Оскольдъ-же и Диръ суть первые *Русскіе* князья въ Кіевѣ [3]),—въ которомъ водворившись 864 г., скоро сдѣлали они грознымъ на Черномъ морѣ имя *Руси*, и въ которомъ княжили они около 18 лѣтъ, до нашествія Олега (882). Ими былъ заключенъ и первый договоръ или *урядъ* Руси съ Греками [4]); и вообще начались наши сношенія съ Царемгородомъ, какъ сношенія *Руси*, ибо Кіевъ имѣлъ оныя гораздо давнѣе.

---

[1]) «Россы (говоритъ Фотій) славные жестокостью, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ имперіею Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа, и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ епископа и священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію христіанскому (И. Г. Р. т. 1, стр. 119). Василій Македонянинъ, по свидѣтельству Византійцевъ, также послалъ къ нимъ *Михаила* епископа, посвященнаго патріархомъ Игнатіемъ (что было около 867 г.).

[2]) Когда именно Россія причислена къ Греко-Восточной церкви?—Во время Льва Премудраго около 891 г. Россія считалась уже 60-ою *Церковью* или *Митрополіею*, подлежащею патріарху Константинопольскому,—какъ видно изъ росписи, находящейся у Кодина, сохранившейся и у насъ въ Софійскомъ и другихъ временникахъ подъ именемъ *Льва Премудраю о митрополіяхъ, подлежащихъ патріарху Константинопольскому*. Но какъ и отъ Фотія, и отъ Игнатія были уже епископы въ Руси, то вѣроятно она была причислена подъ власть патріаршескую съ 866 года.—

[3]) Въ началѣ Ипатьевскаго списка (*Кіевской лѣтописи*) помѣщена перечень Князей Кіевскихъ, гдѣ говорится: «первѣе начаста княжити въ Кіевѣ Диръ и Оскольдъ, одино княженіе; а по нею Олегъ»—и т. д.

[4]) О семъ договорѣ съ Руссами упоминается у Византійскихъ писателей, а именно въ жизни Василія Македонянина; но вѣроятно сей договоръ былъ не письменный, а только *просто словесный*. Эти первыя сношенія Руси съ Царьгородомъ,

По этимъ Руссамъ, весьма усилившимся (въ княженіи Оскольда и Дира) на сѣверныхъ берегахъ Черняго или Синяго моря, можетъ-быть и море сіе прослыло *Русскимъ* [1],—подобно тому какъ море Балтійское (съ Нѣмецкимъ), по Варягамъ назвалось *Варяжскимъ:* то и другое имя у Нестора и у Арабскихъ писателей.

§ 3. Но откуда и когда пришли въ Кіевъ эти Руссы, и какого они были племени?—Сіе можно разрѣшить читая далѣе повѣсть Несторову—отъ призванія Рюрика до завладѣнія Олегомъ Кіева, и изъ его космографическаго введенія.—

Новогородскіе Словены, Кривичи и Чудь, по изгнаніи отъ себя Варяговъ, коимъ они платили дань, и послѣ междоусобій, рѣшились *поискать* себѣ Князя, который-бы владѣлъ ими и судилъ по праву. Въ 862 г. они пошли за море *къ Варягамъ*, *къ Руси*: ибо такъ звались тѣ Варяги, какъ другіе зовутся *Свеями*, другіе же *Урманами*, *Англянами*, другіе *Готами*. («Сице бо ся зваху тьи Варязи суть; яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си». *Лавр. сп.*)

Изъ этого повѣствованія Нестора всего болѣе заключаютъ, будто онъ считалъ Руссовъ народомъ племени Скандинавскаго. Но изъ этихъ словъ его видно только то, что онъ *Варягами* называлъ не однихъ Шведовъ, Норвеговъ, Англянъ и Готовъ (народы Нѣмецкаго племени), но также и *Русь;* однако совсѣмъ еще не слѣдуетъ изъ сего одного мѣста, чтобы

о коихъ извлеченія находятся и въ нашемъ позднѣйшемъ лѣтописаніи, кои такъ важны для бытописанія нашего вообще и въ особенности относительно введенія у насъ христіанской вѣры,—заслуживаютъ новаго и подробнѣйшаго изслѣдованія, какъ сказано выше.

[1]) Черное море у Нестора называется *Понтомъ*, *моремъ Понетьскимъ* и *Рускимъ;* въ Пѣсни Игорю называется оно *Синимъ моремъ* (какъ у Турковъ Азовское или *Сурожское*); но въ Украинскихъ пѣсняхъ уже *Чернымъ моремъ*. Когда именно вошло у насъ это послѣднее имя?—Что касается до Запорожскихъ козаковъ, то названіе Черняго моря они безъ сомнѣнія переняли у Татаръ; Горцы и Крымцы и теперь зовутъ его по-Татарски *Кара-Тэнгизъ*.

Руссы были и племени Скандинавскаго, а кромѣ сего ни откуда уже болѣе изъ Нестора того не слѣдуетъ!

Руссы на сѣверѣ могли именоваться *Варягами*, причисляться къ нимъ, и не бывъ соплеменниками прочихъ Варяговъ; но по общему пребыванію ихъ на *Варяжскомъ* морѣ,— по одинакому съ ними на морѣ томъ образу жизни *Варяжскому*, и даже по участію своему въ ихъ подвигахъ на сушѣ.

Таковыми дѣйствительно и были многіе изъ сѣверозападныхъ Словенъ Поморскихъ, между коими были сильнѣе всѣхъ, особенно славились на морѣ *Ружане*, называвшіеся *Ругіянами, Ранами и Руссами.*

Такъ Луитпрандъ (X. в.), говоря объ Игоревомъ походѣ съ *Руссами* или *Россами*, называетъ ихъ еще и *Норманнами*, именно «*a positione*», какъ народъ *сѣверный* «sub Aquilonis parte constituta».

А что эти Варяги-Руссы были Словены, это увидимъ далѣе изъ Нестора; увидимъ также, что у Нестора Русь и Варяги строго различаются при описаніи отечественныхъ событій; что къ Варягамъ причисляется у него только та Русь, которая пребываетъ у Варяжскаго моря, въ отличіе отъ перешедшей уже къ намъ Руси.

Подобно сему иноплеменные намъ Варяги у насъ, въ Русской землѣ, принимали иногда имя Руси, но какъ мѣстное и временное, по службѣ своей.

Варяжскій и Новогородскій князь Олегъ, по завладѣніи Кіевомъ, назвался *Русскимъ княземъ* [1],—также, какъ послѣ

[1]) Документально въ *договорѣ съ Греками* 912 года.— Сей древнѣйшій памятникъ Русскаго языка и законоположенія, сохраненный въ спискахъ Несторовой лѣтописи, весьма важенъ въ многоразличныхъ отношеніяхъ для нашей исторіи. Шлецеру онъ могъ еще казаться сперва «загадкою, которую (по словамъ его) разрѣшить труднѣе Гомерова списка кораблей», а потомъ и поддѣлкою XIII или XIV вѣка; но послѣдовавшія ученыя изысканія, особливо Эверсовы (1826 г.). уже рѣшили это достаточно.— Что касается до новѣйшаго сомнѣнія (Уч. Зап. М. У. 1834) о подлинности сего договора и подозрѣнія о его подложности и поддѣлкѣ по образцу западному, то это болѣе слѣдствіе *отрицательнаго ученія о древ-*

Литовскій князь Гедиминъ, сдѣлавъ тоже (1320), назвался и

ней Руси, чѣмъ прямое возраженіе, изъ непосредственнаго новаго разсмотрѣнія сего памятника происшедшее (какъ у Шлецера.) Подобно сему возникли новыя сомнѣнія о подлинности и другихъ древнихъ Русскихъ памятниковъ, — именно какъ слѣдствія и теоретическіе выводы изъ общихъ положеній этой отрицательной системы, потомъ уже подкрѣпляемыя разными доказательствами направленными болѣе къ оправданію системы, чѣмъ къ открытію истины и разъясненію самихъ памятниковъ.—Убѣжденъ будучи съ своей стороны въ истинной древности и неподложности договоровъ Руси съ Греками, Повѣсти Несторовой, Русской Правды, Пѣсни Игорю и проч., основываясь на нихъ, какъ на памятникахъ подлинныхъ,—я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и съ своей стороны объ этой *отрицательной системѣ*.—Относительной пользы и достоинства ея не отрицаю; признаю вполнѣ справедливость и тонкость многихъ частныхъ ея замѣчаній и подробностей; однако-же, въ ея *общемъ началѣ* и *направленіи*, я почитаю ее неправильною: ибо она оказалась покушеніемъ мысли оспорить бытіе,—усиліемъ логической возможности и вѣроятія опровергнуть историческую дѣйствительность и достовѣрность.—Не-знаю, усвоится-ли системѣ сей достоинство *высшей критики*, во имя коей отвергаетъ она наши древніе памятники: ибо, утверждаясь на понятіи независимомъ отъ предметовъ своихъ, она прикасается къ нимъ болѣе въ наружныхъ, отдѣльныхъ, случайныхъ подробностяхъ чѣмъ проникаетъ въ ихъ сущность и общую цѣлость.—Но *скептицизмомъ* система сія прослыла не-даромъ: ибо «духъ отрицанія, духъ сомнѣнія» есть главный характеръ ея, по которому она составляетъ собою крайность *мнительнаго* и вмѣстѣ *самопроизвольнаго критицизма* Шлецерова. Но Шлецеръ, хотя часто небережно и своенравно обходился съ повѣстью Несторовой,— хотя непонятное для него, или несходное съ его мнѣніемъ обыкновенно слагалъ на вставщиковъ и переписчиковъ, однако видѣлъ все достоинство Несторовой повѣсти и важность ея для древней исторіи не только Русской, но и вообще сѣверной того времени, и старался истолковать, выразумѣть, объяснить ее.—Эверсъ, при всей противоположности Шлецеру въ положительномъ ученіи своемъ о Руси, нашелъ въ Несторовой повѣсти богатый источникъ истины для исторіи самаго законодательства Русскаго. Не говорю о Карамзинѣ, Тимковскомъ, и большей части писателей современныхъ. Для

княземъ Русскимъ; какъ Польскій король Казимиръ, по овла-

всѣхъ были и есть несомнѣнны ея *достовѣрность* и *подлинность*, въ защиту коихъ еще недавно писалъ Погодинъ (Библ. для Чт. 1834-35).—Чѣмъ болѣе раскрывается наша древняя исторія, съ большимъ узнаніемъ писаній иноземныхъ, съ лучшимъ уразумѣніемъ нашихъ собственныхъ древнихъ памятниковъ, тѣмъ очевиднѣе становится и достовѣрность древней Русской лѣтописи и ея достоинство, въ сравненіи съ другими иноземными лѣтописями, передъ которыми Шлецеръ отдавалъ ей первенство и предпочтеніе, въ такихъ усиленныхъ выраженіяхъ. Но это самое достоинство ея и обратило противъ нея отрицательную систему, а вмѣстѣ съ нею и противу всей Древности Русской.

—Невозможно, говорятъ, что-бы Несторъ—Кіевскій, монахъ, въ XI вѣкѣ—могъ написать Лѣтопись довольно стройную и несовсѣмъ чуждую соображенія! Невѣроятно, чтобы онъ — въ Кіевскомъ монастырѣ, въ то время — имѣлъ такія свѣдѣнія, изъ коихъ многія неизвѣстны намъ изъ другихъ иноземныхъ писателей! Неизвѣстно, откуда именно Несторъ взялъ многія изъ этихъ свѣдѣній, а притомъ иноземцы о многомъ повѣствуютъ иначе! Нѣтъ списка отъ XI или XII вѣка, на которомъ-бы именно выставлено было, что это начало Русской лѣтописи, повторяющееся въ сотняхъ списковъ, написано *Несторомъ!*—Но вмѣсто того, чтобы заняться еще большимъ объясненіемъ сихъ (уже значительно изъясненныхъ) обстоятельствъ, а въ случаѣ остающихся, еще недоразумѣній предоставить ихъ на рѣшеніе будущимъ изслѣдованіямъ,—отрицательная система отвергла самое явленіе: лѣтописи Нестора она отказала въ древности и подлинности, и назвала ее позднѣйшимъ и недостовѣрнымъ сборникомъ XIV-го, а можетъ-быть и конца XIII вѣка,—будто въ это тяжкое для Руси время легче было составить ее иноку Суздальскому или Новогородскому!—

И на такомъ-то основаніи почти вся древняя историческая жизнь Руси, съ ея первыми лицами, событіями и большею частію памятниковъ ея словесности, заподозрѣна въ позднѣйшемъ вымыслѣ и даже умышленномъ подлогѣ, въ переиначенныхъ заимствованіяхъ изъ какихъ-то иноземныхъ писаній (или непоказныхъ, или ничего непоказывающихъ въ пользу системы, напр. Гельмольда, Адама Бременскаго).—Вслѣдствіе того Рюрикъ съ братьями, Оскольдъ и Диръ, Олегъ (не говоря уже о Кіѣ, Щекѣ, и Хоривѣ, о Гостомыслѣ и Ва-

дѣніи Галиціей или Червоною Русью (1340), назвался и *королемъ Русскимъ*.

димѣ) — признаны за лица баснословныя! Завладѣніе Новогородской земли Варягами, призваніе трехъ братьевъ на княженіе, сказаніе о началѣ земли Русской, о походахъ вѣщаго Олега, о покореніи Полоцка Владиміромъ и его родоначаліи Полоцкихъ князей — вымыслы! Путешествіе С. Ольги на сѣверъ, княженіе Владиміра и Ярослава въ Новѣгородѣ, Русская Правда и самое бытіе Новагорода до конца XI вѣка — все это должны быть умышленныя и позднѣйшія выдумки хитрой политики Новогородцевъ! *Небывалые*-же и *нестоющіе критики* договоры съ Греками Олега, Игоря и Святослава (не говоря уже объ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава)—то-же Новогородскія поддѣлки XII или XIII вѣка, подобно Русской Правдѣ! А Пѣснь Игорю—это поддѣлка еще позднѣйшая, чѣмъ лѣтопись, приписываемая Нестору: ибо вѣроятно-ли, чтобы у насъ она явилась въ то время — «когда еще въ Европѣ большею частію писали на Латинскомъ языкѣ, когда еще не раздавались народныя пѣснопѣнія, не было еще Дантовой Божественной Комедіи и Петрарковыхъ канцоновъ?»...—

Сколько знанія, соображенія, искусства и труда надо предположить въ XIII или XIV вѣкѣ на Руси, допуская вымыслъ исторіи, какую только вѣковая жизнь народа сильнаго создавать можетъ! предполагая возможность поддѣлки памятниковъ столь похожихъ на истинные и подлинные, столь согласныхъ съ неоспоримымы останками нашей древности и сообразныхъ съ событіями того времени у прикосновенныхъ къ намъ народовъ и ихъ писаніями!!—И изъ какихъ-бы это видовъ? Изъ корыстной-ли, общественной выгоды хотѣли дѣйствовать на современниковъ? или-же изъ самоотверженія и любви къ своему прошедшему замышляли о потомствѣ?... И въ комъ-бы нашлось тогда столько знанія и умѣнія: уже-ли въ промышленникѣ Новогородскомъ? Кто-бы рѣшился на такое недобросовѣстное и непрямое употребленіе своего дарованія: уже-ли набожный инокъ Суздальскій?... Слишкомъ высокое въ первомъ отношеніи, погрѣшительное во второмъ, и несправедливое во всякомъ случаѣ понятіе о старинѣ Русской XIII и XIV вѣка!

Средство *всеобщаго* подлога *литературнаго* для того времени есть совершенная невозможность и несообразность во всѣхъ отношеніяхъ,—и цѣлая система столь искуснаго вымысла стольких памятниковъ, въ XIII или XIV вѣкѣ, была-бы явле-

§ 4. Перейдемъ къ призванію князей и пришествію съ ними Руси въ землю Новогородскую.

ніемъ гораздо болѣе неизъяснимымъ и беспримѣрнымъ, гораздо менѣе вѣроятнымъ и возможнымъ, чѣмъ дѣйствительное явленіе оныхъ въ свое подлинное, древнее время, до нашествія Татарскаго!—

Были и у насъ въ среднія времена свои вымышленныя сказанія о Руси и не Руси, впрочемъ изъ замышленій менѣе обширныхъ и болѣе простодушныхъ; но они у насъ и признаются за вымыслы и отличаются отъ дѣйствительности, какъ отъ подлинной Татарской монеты отличается поддѣлка Болгарская. Если-же настоящія письмена на какой-нибудь древности покажутся иногда простыми арабесками, то это вина уже критики.

Въ позднѣйшее время являлись и у насъ литературные подлоги: но кто-же вѣритъ, напримѣръ, въ подлинность Іоакимовой лѣтописи, гимновъ Бояновыхъ, писанныхъ рунами Словенскими?...

Что касается до недостатковъ, погрѣшностей и заблужденій, то они были и есть у насъ, какъ и вездѣ и всегда: «errare humanum est» говорили Латины; но по Русской пословицѣ «ошибка въ фальшъ не ставится».—И если древняя Русь въ XI и началѣ XII вѣка не была дикою степью и пустынею, какъ земля Половецкая или Скандинавія, — если она съ принятіемъ православія скорѣе другихъ просіяла-былю и кой-въ чемъ упредила современный ей западъ: то я не вижу еще основанія и причины почему-бы намъ отрекаться отъ того и наводить сомнѣнія на древнюю жизнь Руси. Созданія думы и слова ея сохранили ее для памяти потомства; и никакая критика, самая мнительная и недовѣрчивая, со всею силою своей возможности и вѣроятія, не въ-силахъ поколебать ея исторіи, опровергнуть памятниковъ ея словесности. Вѣрно *могли* ихъ написать —когда *написали*!.. Сомнѣваться-же можно во всемъ, не вѣрить можно ни чему, и всякое вѣрованіе можно называть слѣпою вѣрою, суевѣріемъ, старовѣрствомъ и предразсудкомъ. Исторія философскихъ системъ представляетъ разительные тому примѣры; но система логически-вѣрная, не есть еще истинная и естественная!.. И если несомнѣнна «польза изученія Русской исторіи въ связи со всеобщею», то это изученіе должно-бы привести не къ отрицанію нашей древней исторіи, а къ открытію: 1) того общаго *соотвѣтствія и подобія* историческихъ явленій, съ

«Ркоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Вся [1]): земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжить и володѣти нами»! Въ-слѣдствіе сего призванія—«изъбрашася три братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша».

Разсмотримъ сначала призваніе, одно изъ трудныхъ мѣстъ для объясненія, по самой краткости своей.

Въ спискѣ Лаврентьевскомъ — «рѣша Русь»; въ Ипатьевскомъ—«ркоша Русь».

По буквальному смыслу обоихъ древнѣйшихъ списковъ выходитъ, будто *Русь* участвуетъ въ призваніи князей и говоритъ заодно съ Словено-Чудскими послами — (въ качествѣ ли посредниковъ, или толковниковъ — это неизвѣстно, да и здѣсь для нашего вопроса еще не важно); а потому и надо-бы предположить, что искатели князя, пойдя за море къ Варягамъ-Руси, звали ихъ княжить на свою сторону и говорили сначала имъ свою рѣчь; но на оную видно изъ той Руси вызвались не князья, а просто только охотники идти въ Новогородскую землю,—и по ихъ указанію и въ ихъ сопровожденіи послы обратились съ своею рѣчью къ Рюрику, князю другихъ Варяговъ, ближайшихъ (по связямъ и отношеніямъ или по сосѣдству) къ той Руси [2]).—

какими человѣческая жизнь раскрывалась на нашемъ востокѣ и Европейскомъ западѣ, 2) тѣхъ *особенностей*, съ какими—въ тѣхъ-же соотвѣтственныхъ и однозначительныхъ явленіяхъ своихъ—человѣческая жизнь *здѣсь* и *тамъ* выражалась своимъ собственнымъ, отличнымъ образомъ.

[1]) По Ипатьевскому списку Шлецеръ справедливо, мнѣ кажется, замѣтилъ, что подъ словомъ *вся*, *еси*, такъ часто встрѣчающимся въ лѣтописи при Кривичахъ, надо разумѣть Чудской народъ *Весь*.

[2]) При моемъ понятіи о томъ, кто были *Варяги-Руссы* и *Рюрикъ*, я почитаю достойнымъ еще новаго и подробнѣйшаго раскрытія тѣхъ *отношеній*, въ которыхъ, не-задолго до призванія на княженіе и пришествія Рюрика, находились и онъ и Ружане (съ ближайшими къ нимъ Заодерскими Словенами)—какъ между собою, такъ и къ Лотарю.

Тогда можетъ-быть объяснилось-бы виднѣе, почему Варяги-Руссы покидали край свой и почему они соединились

Въ Кенигсбергскомъ спискѣ, вмѣсто «рѣша Русь», поставлено «рѣша Руси»,—что предпочелъ и Тимковскій, при изданіи Лаврентьевскаго списка. Если и такъ принять, то сущность дѣла мало измѣнится: пусть искатели князя сказали рѣчь свою только Руси; все-же отъ этой Руси свѣдалъ Рюрикъ о призваніи, и воспользовался онымъ.—

Въ прочихъ позднѣйшихъ спискахъ поставлено уже «рѣша . . . . . Варяговъ»; Рюрикъ съ братьями названы «князьями Нѣмецкими, избравшимися отъ Нѣмець»; вмѣсто «пояша по собѣ *всю Русь*» говорится «пояша съ собою *дружину многу*»; а въ Полетиковомъ спискѣ вмѣсто «идоша къ Варягомъ къ Руси» поставлено «идоша *къ Варягомъ изъ Руси.*»

Тутъ уже нѣтъ Варягомъ-Руси,—и уже не Несторово сказаніе, а мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, которые подъ Варягами разумѣли Нѣмцевъ, а Руссовъ отличали отъ нихъ, и производили большею частію отъ Росса, упоминаемаго въ Библіи у Іезекіиля,—думая первое можетъ-быть по старинному народному преданію, а во второмъ утверждаясь мнѣніемъ Макарія, отъ котораго особенно распространилось оное, и по вліянію котораго въ Степенной Книгѣ сказано: «послаша Русь къ Варягомъ . . . . . и пріидоша изъ за моря на Русь».—

Обратимся къ Нестору. У него не сказано отъ какихъ именно Варяговъ избрался Рюрикъ; но у него Варяжская

именно съ Рюрикомъ; тогда и самое призваніе Рюрика и его пришествіе, столь кратко изложенныя у Нестора, можетъ-быть сдѣлались-бы понятнѣе и опредѣленнѣе. Ибо теперь все еще есть мѣсто тѣмъ мыслямъ, что Рюрикъ былъ не столько призваннымъ защитникомъ, сколько насильственнымъ завладѣтелемъ Новогородской земли (по Миллеру, Шлецеру, Крузе) предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобное, что и первое (859 г.) нападеніе Варяговъ изъ за-моря предполагается учиненнымъ дружиною Рюрика съ береговъ Шведскихъ (изъ Бирки).— Впрочемъ, если бы и оправдалось вполнѣ такое мнѣніе относительно Рюрика, все-же посольство къ Варяго-Руссамъ и призывъ на княженіе могли быть своимъ чередомъ, независимо отъ пришествія или нашествія Рюрикова, и должны быть принимаемы какъ *событіе историческое.*

Руся показана вообще на Прибалтійскомъ Западѣ, за Поморянами или за Одеромъ,—и по соображенію сего показанія съ его словами, «идоша *за море* къ Руси,» я думаю, что это скорѣе всего могли быть Ружане или Руссы острова Ругена, лежащаго недалеко отъ южной Ютландіи. А какъ въ то время усиленія Норманскихъ походовъ, *волкомъ рыскалъ* [1]) по сѣверозападу сынъ короля Ютландскаго Гальфдана *Рорикъ* или *Рёрикъ*, и сказанія объ немъ западныхъ лѣтописей замѣчательно совпадаютъ съ повѣствованіемъ Нестора о князѣ Рюрикѣ; то и можно почти навѣрное положить, что сей Рорикъ и нашъ князь Рюрикъ были одна и та-же особа [2]).

---

[1]) Выраженіе весьма употребительное у пѣвца Игоря, когда онъ изображаетъ любимѣйшія свои лица—Бояна, Всеслава, Игоря. «Всеславъ Князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше . . . . великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше.» Къ Рёрику я примѣнилъ его и потому, что Норманова называли *варгами* (Wargr) т. е. *волками*,—откуда всего вѣроятнѣе, кажется, можно производить слово *Варягъ* одновначительное съ *Норманомъ* Въ такомъ-же смыслѣ вѣроятно и Заодерскіе Лутичи (т. е.) лютые названы *Вильками* т. е. волками, и этимъ именемъ (*Вилцы* или *Вильки*) величали ихъ—по Гельмольду—«а fortitudine». По такому (Татищевскому) объясненію этихъ словъ выходитъ, что имена *Вагровъ* и *Вильковъ* (принадлежащихъ къ *Варягамъ*-Словенамъ) однозначительны, только у первыхъ отъ Нѣмецкаго, у вторыхъ отъ Словенскаго слова.

[2]) Въ этомъ убѣждаюсь я статьею Крузе *о происхожденіи Рюрика*, помѣщенною въ Ж. М. Нар. Пр. 1836 N 1.— Тождество Рюрика съ Рёрикомъ Крузе изъясняетъ всѣхъ удачнѣе; онъ показываетъ, что въ тѣ самые годы, когда Рюрика невидно въ Россіи, Рёрикъ является завоевателемъ въ Германіи,—когда Несторъ говоритъ объ немъ, тогда молчатъ Франкскія лѣтописи;—слѣдъ его исчезаетъ въ Германіи, когда Несторъ повѣствуетъ о его смерти въ Россіи.

Изъ сего открывается, что небогатое событіями и прерывистое сказаніе Нестора о Рюрикѣ было не безъ основанія и не заслуживаетъ за то укоризны: именно эта недостаточность его и показываетъ, что оно ограничено только *домашними* и *положительными* извѣстіями, чуждо вымысловъ и заимствованій изъ западныхъ источниковъ и даже своенарод-

Безъ сомнѣнія онъ былъ очень готовъ княжить въ обширномъ Острагардѣ, который самъ напрашивался *подъ его руку.*— Подъ знамена сего «Нѣмскаго Князя» *(Арх. Лѣт.)* набралось много Руси, какъ видно изъ словъ Нестора; и такимъ образомъ Руссы пришли въ Новгородскую землю въ числѣ Рюриковой дружины, которой знатнѣйшую часть составляли по всей вѣроятности однородные ему Варяги—Даны.

§ 5. Мѣстопребиваніе *Руси* на Прибалтійскомъ западѣ по Нестору можно опредѣлить изъ его космографическаго введенія въ связи съ выше-приведеннымъ (§ 3) исчисленіемъ народовъ Варяжскихъ (*Свеи, Урмане, Англяне, Готы).*

Несторъ говоритъ *(Лавр. Сп.):* «Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдять къ морю Варяжьскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агнянски и до Волошьски; Афетово бо и то колѣно: Варязи *Свеи, Урмане, Русь, Агляне.»*

И такъ Варяги во-первыхъ сѣдятъ по Варяжскому морю къ востоку отъ *Поморской Чуди* (Эстляндской). Кто эти Варяги- -у Нестора не сказано; поелику-же между Варягами, сѣдящими къ западу, неупоминаются Готы, то не разумѣлъ-ли Несторъ сихъ заморскихъ обитателей Готскаго берега? Но кромѣ того подъ восточными Варягами, простирающимися до предѣла Симова, онъ весьма могъ разумѣть Варяговъ, насельниковъ по нашему Сѣверу.—

Западные Варяги у него считаются по порядку къ западу: по ту сторону моря—*Свеи, Урмане;* по сю сторону—*Русь, Англяне.*

Между западными и восточными Варягами присѣдятъ къ морю, начиная съ востока: Чудь (поморская), Пруссы и Ляхи. Ляхи у Нестора показаны на Вислѣ; къ Ляхамъ онъ причисляетъ *Лутичей, Мазовшанъ* и *Поморянъ* (говоря: «Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне»).

ныхъ преданій, по коимъ Несторъ могъ-бы распространить свою повѣсть о древнемъ Князѣ,—какъ сдѣлалъ составитель такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи въ сказаніи о первыхъ лицахъ земли Новогородской.—

И такъ западные Варяги на южномъ поморіи по Нестору начинаются тамъ, гдѣ кончаются *Поморяне* (собственнымъ именемъ означенные и причисленные къ Ляхамъ) и простираются на западъ до *земли Волошской* (Франціи). А на этомъ пространствѣ отъ Одера къ Эльбѣ, въ этой terra horroris для имперіи,—всплошь отъ Поморянъ жили также народы словенскіе. Посему и видно, что къ Варягамъ относятся у Нестора эти словенскіе народы. За Одеромъ жили *Руссы*, подъ разными видоизмѣненіями своего имени [1],—*Вильки* (Меклембургцы), *Вагры* (Голштинцы); но изъ всѣхъ ихъ, а можетъ

[1]) Варяги-Руссы вообще и собственно Ругіяны или Ружаны называются у иноземныхъ писателей различно: Rusi, Russi, Rugi, Rugiani, Rujani, Rojani, Rani, Rimi, Runi, Rutheni, Rudeni; а островъ Ругенъ—Rugia, Rutia, Ruscia, Russia. Любопытно видѣть какъ разнообразится одно и то-же имя у разныхъ лицъ; но еще любопытнѣе разнообразіе понятій у разныхъ лицъ объ томъ-же предметѣ.

Татищевъ (Т. II. стр. 404, но слич. Т. I. стр. 266) едва-ли не справедливѣе всѣхъ полагалъ, что въ назначеніи Оттономъ 1-мъ Адальберта къ *Руссамъ*, надо разумѣть *Ругіянъ.*—Карамзинъ находилъ вѣроятнымъ мнѣніе *ученаго Ассемани*, что въ словахъ Регинова продолжателя «Helenae Reginae Rugorum», должно читать Russorum; а въ назначеніи Адальберта—вмѣсто Russorum надо разумѣть (вопреки Шлецеру) Rugorum,—и предполагалъ, что Ламбертъ, Дитмаръ или писецъ его разумѣли Rugia, а написали Russia! (Т. I. пр. 395).—Напротивъ Шлецеръ, доказывая, что не только Елена царица Ругійская была наша княгиня Ольга, но и Адальбертъ былъ первымъ у насъ епископомъ, говоритъ такъ: «что Rugi значатъ *Руссы*—это вѣрно, ибо глупость писателей временниковъ среднихъ вѣковъ извѣстна.... Ассеманіевы бредни, который подъ Ругіянами считалъ жителей Ругена, не стоютъ опроверженія.» (Т. III. 454). Но Каченовскому (Уч. Зап. 1835) превращеніе словъ Rugi и Rugia въ слова Russi и Russia кажется «вольностью тогдашнихъ грамотеевъ»; а *Руссія, сопредѣльная Помераніи* (по жизнеописателю еп. Оттона, 1124) «представляется или въ искаженномъ видѣ, или словомъ схваченнымъ съ воздуха» (въ которомъ оно часто раздавалось)!—Такова сила предубѣжденія, съ которымъ оспаривали имя *Руси* у того края, изъ коего оно къ намъ перешло и гдѣ долго еще оставалось. Представляются очевидныя свидѣтельства

быть и для всѣхъ ихъ, у Нестора одно только имя—*Русь*; а за Русью—*Агняне* или *Англяне*, самые западные Варяги. Но ближайшими къ намъ и къ Поморянамъ Руссами были Ружане, жители острова Ругена. Сіи Руссы у словенскихъ народовъ пользовались особенною извѣстностью по торговлѣ, морской силѣ и оракулу своему, на поклоненіе коему ходили они; да и Несторъ говоритъ «идоша за море»; посему и я предполагаю, что всего скорѣе къ нимъ могли попасть Новгородскіе искатели князя.—Естественно, что съ просьбою къ себѣ на княженіе они обратились къ Руссамъ, какъ къ своимъ соплеменникамъ; а не пошли къ прежнимъ, безъ сомнѣнія ближайшимъ Варягамъ, коихъ власть и право уже нéхотя разъ испытали и коихъ они прогнали, какъ *враговъ* своихъ: эти Варяги и безъ нихъ знали, что земля ихъ велика и обильна...

Слова Нестора: «пояша по собѣ всю Русь» значатъ не то, что-бы Руси тогда совсѣмъ уже не осталось на прежнемъ ея мѣстѣ. Рюрикъ взялъ съ собою «всю Русь» при немъ бывшую или къ нему приставшую: это понятно и безъ пере-

---

(Дитм., Ламб. и многіе др.): но—«хоть знаю, да не вѣрю!»... Здѣсь можно вспомнить и то, какъ розно писали имя нашего отечества: Ruzia, Ruzzia, Rutia, Ruthenia, Reussen... Подобно сему и Пруссію называли Pruzia, Pruzzia, Prussia, Borussia, Prucia, Pruthenia, Preussen. Шлецеръ не безъ основанія очень сѣтовалъ на таковыя варіяціи.

Что касается до Ружанъ, то пресвитеръ *Гельмольдъ* (1170 года), въ своей *Хроникѣ Словенъ* (Кн. I.), описываетъ ихъ довольно подробно; такъ на-примѣръ:

«*Раны* или *Ругіяны* народъ сильнѣйшій изъ Словенъ; одинъ только имѣетъ у себя царя; противъ ихъ мнѣнія ничего не совершается въ дѣлахъ общественныхъ; столь страшны они, по близости съ ними боговъ или лучше демоновъ, коимъ служатъ они съ большимъ противъ другихъ почитаніемъ». (Гл. 1).

«Ругіяны народъ жестокій, живущій въ сердцѣ моря, чрезмѣрно преданный идолопоклонству, первенствующій у всѣхъ Словенскихъ народовъ, имѣющій у себя царя и знаменитѣйшее капище. Увлеченные жаждою обладанія, они пришли (на корабляхъ) къ Любеку, стремясь завладѣть всею областію Вагировъ и Нордальбинговъ...» (Гл. 37.)—

(Сличи слова Фотія о Черноморскихъ Руссахъ 866 года).

мѣны этихъ словъ на «дружину многу», сдѣланной позднѣйшими переписчиками. Руссовъ довольно оставалось еще на западѣ за Одеромъ и въ XI вѣкѣ; потому-то Несторъ въ своей космографіи и упоминаетъ *Русь* дважды: одинъ разъ—какъ общее имя нашихъ восточныхъ, уже Русскихъ Словенъ и переселившихся къ нимъ Руссовъ; а въ другой разъ — какъ народъ еще западный и Варяжскій. И Шлецеръ по-напрасну въ обоихъ этихъ мѣстахъ Несторово слово *Русь* почиталъ вставкою переписчика; а «дружину многу» позднѣйшихъ переписчиковъ предпочиталъ *всей Руси* Нестора.

А что дѣйствительно Русь оставалась еще послѣ 862 года на западѣ за Одеромъ, гдѣ показываетъ ее Несторъ, и что эти Руссы были Словены, тому, къ прежде-извѣстнымъ у насъ свѣдѣніямъ, Морошкинъ [1]) нашелъ новыя, ясныя доказательства въ западныхъ писаніяхъ, коими до него не воспользовались критики. Особенно важно извѣстіе объ участіи

---

[1]) Въ *примѣчаніи о происхожденіи Руссовъ* къ изданному имъ сего 1836 года переводу *Рейцова* сочиненія *Опытъ Исторіи Россійскихъ Законовъ.* Обращаю вниманіе читателей моихъ на примѣчанія Морошкина относительно *Руссовъ* и *Варяговъ,* гдѣ найдутъ они многое, въ подтвержденіе раскрываемаго нами Ломоносовскаго мнѣнія о тѣхъ и другихъ, къ которому онъ сдѣлалъ прямой переходъ, устремясь по слѣдамъ Каченовскаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Прибалтійскаго Словенизма въ западныхъ источникахъ.—Тамъ-же читатели найдутъ примѣчаніе и о *Русской Правдѣ,* о которой Морошкинъ представилъ нѣсколько новыхъ и основательныхъ соображеній, какъ въ утвержденіе ея древности и Словено-Русскаго происхожденія, такъ и въ подтвержденіе того, что Ярославъ 1 былъ законодателемъ суда церковнаго. Но изслѣдуя сей предметъ, Морошкинъ ничего не говоритъ о Владимірѣ, который былъ еще прежде у насъ законодателемъ *церковнаго суда.* При разсмотрѣніи вопроса: когда Русская Правда сдѣлалась *письменнымъ памятникомъ* нашего законодательства,—мнѣ представляется поводъ думать, что она таковою составилась въ Кіевѣ еще *до Ярослава,*-вѣроятно при Владимірѣ: ибо—отъ него у насъ было уже *письменное* законодательство *церковнаго суда и завѣта о десятинахъ*; «Бѣ-бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи землениѣмь, и о ратехъ, и *уставѣ земленѣмъ».* (*Лавр. Сп*).

Русскаго князя (Princeps Russiae) *Велеміра*, Русскаго герцога (Dux Russiae) *Радеботта* и Ружскаго князя *Венцеслава* (Pr. Rugiae) въ Магдебургскихъ турнирахъ Генриха Пшицелова 938 г. Ибо изъ сего видно (по условіямъ турнира), что эти *Russia* и *Rugia* въ первой половинѣ X вѣка были въ предѣлахъ Римской Имперіи; что эти Русскіе князья были вѣры западной, которая до Нестора еще называлась у насъ *Варяжскою* (см. § 9), а въ среднія времена *Нѣметьскою* (*Соф. Врем.*).

Самыя имена этихъ Русскихъ князей: Велеміръ, Радеботто, Венцеславъ, суть Словенскія. Тамъ-же, за Одеромъ (въ *Руденіи*, по Силезскимъ грамотамъ) встрѣчаются фамиліи съ Русскимъ окончаніемъ: *овъ*, какое несвойственно Скандинавскимъ именамъ,—равно и деревни съ окончаніемъ: *ово* (напр. Завидово), рѣки съ окончаніемъ: *иха* (Сѣнниха, Десниха, Юниха). — Но Варяжскія имена нашихъ первыхъ князей: Рюрикъ, Труворъ, Олегъ, Игорь, Оскольдъ,—имена другихъ находниковъ Варяговъ, суть не Словенскія, а Скандинавскія. Такъ и между послами въ Олеговомъ договорѣ различаете Карла, Руальта, отъ Вельмудра; въ Игоревомъ договорѣ: Ивора, Акуна, Грима, отъ Прастѣна, Володислава, Воика.—

§ 6. Посмотримъ теперь на появленіе Руси въ Кіевѣ.

По приходѣ своемъ съ Русью въ Новогородскую землю «старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Ладозѣ [1]), а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій (въ) Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородьци: ти суть людье Новугородьци отъ рода Варяжьска, прежде бо бѣша Словѣни.»

Изъ этихъ словъ Шлецеръ заключилъ, будто у насъ Русскою землею назвался сначала и долго назывался одинъ сѣверъ, и именно Новгородъ [2]). Но сего опять не слѣдуетъ

---

[1]) Изъ Ипатьевскаго и Кенигсбергскаго списковъ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ—объ Рюриковомъ мѣстопребываніи, а равно и о построеніи Ладоги—пропускъ.

[2]) Ошибка произошла и отъ того, что между словами: «Руская земля, Новугородьци» не было поставлено *запятой*. Я принялъ текстъ съ тѣмъ раздѣленіемъ словъ, какъ онъ изданъ Тимковскимъ, почитая оное правильнымъ.

ни изъ самихъ этихъ словъ Нестора, ни изъ перваго положенія его о прозваніи Русской земли (§ 2), ни изъ его дальнѣйшаго повѣтствованія.

По-моему смыслъ этихъ словъ такой, что *отъ тѣхъ* пришельцевъ или находниковъ получили свое прозваніе и *Русская земля*, и *Новгородцы*, коихъ предки — старожилы или насельники Новгородскіе—назывались прежде Словенами.

Русская Земля такъ прозвалась *отъ тѣхъ*, разумѣется отъ Руссовъ; ибо отъ Варяговъ она скорѣе прозвалась-бы Варяжскою. О семъ прозваніи Несторъ объяснился уже сначала, и здѣсь говоритъ какъ уже объ извѣстномъ, повторяетъ для связи сего сказанія о пришествіи Руси съ прежде-указаннымъ на нихъ извѣстіемъ, о коемъ подробнѣе расказываетъ онъ послѣ, въ свое время, т. е. подъ 866 годомъ.

Но о прозваніи *Новогородцевъ*, упомянутомъ здѣсь впервые, Несторъ здѣсь-же и объясняется; и я такъ понимаю слова его: что *Новогородцами* назвались на своемъ новосельи водворившіеся въ Новѣгородѣ князья съ родомъ [1]) своимъ Варяжскимъ; а *отъ тѣхъ* уже находниковъ-Варяговъ прозвались *Новогородцами* и старожилы Словены (подобно тому, какъ Русью назвались прежде всего Поляне, а Полянская земля Рускою землею—отъ своихъ находниковъ-Руссовъ).—

---

[1]) *Родъ* значитъ не только родню, родичей въ ближайшемъ смыслѣ, но и въ смыслѣ однородцевъ, земляковъ—съ той же родины, и даже въ значеніи *народа*, на-примѣръ: «Рода, нарицаеміи Руси...» Слѣдующія за сими (въ Никоновской лѣтописи и Степенной книгѣ) слова—... «иже и Кумани, живяху въ Ексипопонтѣ»—послужили основаніемъ для *третьей* изъ новыхъ историческихъ школъ. Но эти слова безъ сомнѣнія, взяты изъ какого нибудь византійца, какъ видно уже по именамъ: *Ексинопонтъ* и *Кумани*,—и можно думать, что они принадлежатъ писателю того времени, когда у византійцевъ сдѣлались извѣстны *Куманы*, которыми онъ—разсказывая о нападеніи прежнихъ Руссовъ въ 866 году на Царьгородъ, мирномъ договорѣ съ ними Василія Македонянина и ихъ преложеніи на христіанство—поясняетъ черноморское пребываніе и варварство этихъ *Дромитовъ*—обладателей *Ахиллесова бѣга*, а по Льву Діакону—*одноземцевъ Ахиллесовыхъ*, такихъ-же голубоокихъ, крас-

Рюрикъ черезъ два года, по смерти братьевъ, пріявши власть одинъ, роздалъ города своего новогородскаго княженія мужамъ своимъ, Варягамъ. «И по тѣмъ городомъ (поясняетъ Несторъ) суть находници Варязи; а первіи насельници — въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотьскѣ (и въ Изборскѣ) Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣ-озерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ» княжившій въ Новѣгородѣ.

И были у него два мужа, Оскольдъ и Диръ, «не племени его, ни боярина», коимъ не далъ онъ «ни града ни села«

новолосыхъ и быстроногихъ. Впрочемъ весьма можетъ быть и то, что этотъ Грекъ считалъ Руссовъ и одноплеменниками *Кумановъ*—съ тою-же вѣрностью и точностью, какъ другіе Византійцы называли сихъ-же (Оскольдовыхъ) и Святославовыхъ Руссовъ Скиѳами Таврійскими, а иные Франками, — и съ довольною близостью къ Шлецерову мнѣнію о Руссахъ 866 года. — Но Шлецеровъ выводъ изъ этого одного мѣста Степенной книги и Никоновской лѣтописи, будто и сами Русскіе въ XV вѣкѣ считали прежнихъ Руссовъ *Куманами* или *Половцами* столь-же основателенъ, какъ и его заключеніе—изъ приводимыхъ шведскими историками словъ новогородскаго архимандрита Кипріана — будто и сами Русскіе въ началѣ XVII вѣка считали Руссовъ *Шведами*. И Шлецеръ, опровергая (будто древне-Русское) мнѣніе, что Руссы были Куманы, сражался съ собственною мечтою!

Эти-же четыре дѣйствительно неважныя слова признаны за важное извѣстіе и системою отрицательною, для ея подкрѣпленія въ томъ, что Русь есть Азіатское племя. Но она не должна-бы по силѣ произвола основываться на этомъ извѣстіи, которое по ея-же правиламъ должно быть для нея *недостовѣрно и вообще*—какъ лѣтопись Русская, *недостовѣрно и въ особенности* — какъ извѣстіе исполненное баснословія и вымысловъ: ибо въ томъ-же мѣстѣ *князьями сихъ Руссовъ* называются именно Оскольдъ и Диръ—лица баснословныя и вымышленныя Новогородцами, по утвержденію сей системы! Какъже ей полагаться на такое мѣсто?.... Но—стало быть и по системѣ отрицательной можно черпать изъ источниковъ вдвойнѣ недостовѣрныхъ, особливо для оправданія своего мнѣнія,—можно и среди басновловія отыскивать истину, или то, чему надо быть истиною для своей системы!.... А между тѣмъ южная Русь, особливо въ козачествѣ, дѣйствительно представляетъ

(какъ сказано въ Арханг. лѣтоп.). И опи испросились къ Царюгороду съ родомъ своимъ, и пойдя по Днѣпру остались въ Кіевѣ; и «многи Варяги совокуписта» стали владѣть землею Полянскою.

Съ уходомъ сихъ мужей отъ Рюрика, въ Новогородскомъ княженіи словно не стало Руси; ибо, по лѣтописи Нестора, въ Новѣгородѣ и прочихъ городахъ Рюрикова владѣнія видимъ только *Варяжскій родъ*, только распространеніе и усиленіе *находниковъ Варяговъ;* а въ тоже почти время *Русь* является и дѣйствуетъ на Черномъ морѣ, подъ предводительствомъ своихъ Кіевскихъ князей, подъ своимъ собственнымъ именемъ.

До перехода Олега въ Кіевъ, ни онъ самъ, ни Рюрикъ съ братьями, ни Игорь, не называются Русскими князьями; да и въ войскѣ, съ коимъ Олегъ съ сѣвера шелъ на Кіевъ, были: Варяги, Словены, Кривичи и Чудь, а Руси не было; и въ Рюриковомъ княженіи слѣдъ ея виденъ развѣ только въ имени рѣки *Порусьи* и гóрода *стáрая Руса* или *Русь.*

въ стихіяхъ жизни своей много *Азіатскаго*, *наѣзднического*, *Черкесскаго* а). Да и въ древней Кіевской Руси Азіатская стихія жизни начинаетъ являться еще при воинственникѣ Святославѣ, который «за порогами Днѣпровскими сложилъ буйную голову свою—сей *первообразъ* головъ козацкихъ» б). Но уже-ли присутствія Азіатски-наѣзднической стихіи — въ жизни этихъ Черноморскихъ или южныхъ Руссовъ-Словенъ —нельзя изъяснить безъ *предположенія* о ихъ племенномъ однородствѣ съ Печенѣгами, Половцами, Берендѣями, Торками и Черкесами кавказскими?... И здѣсь также могу сказать: предположеніе лишнее и для изъясненія явленій, кромѣ того, что несправедливо само по себѣ! Безъ него можно обойтись, какъ и безъ мнѣнія Герберштейна, который не только имя Варяги ограничивалъ одними Словенами-Ваграми, но и Пятигорскихъ Черкесовъ (=Косоги) причислялъ къ народамъ племени Словенскаго.

а) Объ этомъ я своимъ мнѣніемъ еще за 10 лѣтъ сошелся съ историческимъ мнѣніемъ Каченовскаго, при первомъ изданіи *малороссійскихъ пѣсенъ* (въ 1827 году). Предисловіе къ нимъ было сперва напечатано въ Вѣстникѣ Европы (1827. № 15), гдѣ мысли мои о присутствіи Азіатской или Кавказской стихіи въ бытѣ и составѣ украинцевъ издатель почтилъ своимъ подтвердительнымъ примѣчаніемъ, ссылаясь и на мнѣніе Карамзина о Козакахъ и Черкесахъ (Т. V. стр. 393 и слѣд.). Личное посѣщеніе Кавказа въ 1832 году еще болѣе меня увѣрило въ прежнихъ моихъ мысляхъ.

б) Повторяю сказанное мною во второмъ изданіи *украинскихъ народныхъ пѣсенъ*, 1834 года,—на стран. 67.

Между тѣмъ Русь распространяется, усиливается въ Кіевѣ или Полянской землѣ [1]), откуда она дѣйствуетъ и въ-послѣдствіи.

Изъ сего уже, мнѣ кажется, всего простѣе заключить, что Русь перешла на Днѣпръ съ Оскольдомъ и Диромъ; а потомъ пристала къ нимъ и часть Варяговъ, для овладѣнія Полянскою землею, при чемъ вѣроятно не обошлось безъ драки съ Козарами, коимъ данниками были Поляны [2]).

---

[1]) Умноженіе Руссовъ въ Кіевской землѣ весьма могло произойти отъ новаго переселенія Руссовъ съ Поморія Балтійскаго прямо въ Кіевъ (какъ предполагаетъ Морошкинъ),— и можетъ быть верховья р. *Роси* у Днѣпра были поселеніемъ сихъ выходцевъ. Съ предположеніемъ сего *очень вѣроятнаго* переселенія Руссовъ на Днѣпръ, становится еще понятнѣе и умноженіе ихъ у Чернаго моря и въ службѣ Царьгородской (700 Руссовъ въ 902 г., еще до *Игоря)!*

[2]) Предполагаемая мною немирная уступка Кіева Руссамъ отъ Казаръ, кажется, дѣло весьма естественное и возможное,—хотя о томъ молчатъ Русскія лѣтописи, кромѣ одной, на которую однако-же, какъ давно отреченную Миллеромъ, Шлецеромъ и Карамзинымъ, уже положено не ссылаться. Я разумѣю такъ-называемую Іоакимову лѣтопись, не могущую быть авторитетомъ и по странному ея появленію въ свѣтъ— въ исторіи Татищева, и по многимъ вымысламъ, коими она изукрашена, даже нарочно вопреки Нестору. При всемъ томъ не вся она чужда истины въ своей основѣ, и есть въ ней нѣкоторыя извѣстія, кои могутъ послужить, если не основнымъ, то хоть дополнительнымъ или вспомогательнымъ запасомъ историческимъ и быть приняты въ соображеніе. Таково между прочимъ слѣдующее мѣсто: «Оскольдъ-же шедъ облада Кіевомъ, и собравъ вои, *повоева первѣе Козаръ,* потомъ иде въ ладіяхъ ко Царюграду, но буря разби на морѣ корабли его». (Тат. I). Пусть это даже вымыслъ, составленный по соображенію сочинителемъ лѣтописи: только онъ очень правдоподобенъ. Впрочемъ и съ моей стороны это только предположеніе. Между тѣмъ, не въ оправданіе себя, скажу и здѣсь, что великій *произволъ* критики Шлецеровской палъ на всѣ дѣянія Оскольда, даже во всемъ сказаніи самаго Нестора. Къ сказанному о семъ прежде прибавлю слѣдующія замѣчанія.

1) Только въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ сказано, что Оскольду и Диру Рюрикъ «не далъ ни града ни села». Шлецеръ слова сіи включилъ даже въ самый текстъ Несторовъ:

Тамъ и прозвалась *Русская земля, отъ тѣхъ* Руссовъ, пришедшихъ сначала на нашъ сѣверъ съ тремя Варяжскими князьями и ихъ родомъ. Принадлежа къ Варяжской дружинѣ Рюрика, Русь могла еще числиться подъ общимъ именемъ Варяговъ; но потомъ отдѣлилась подъ собственнымъ именемъ.

А почему? Шлецеръ «очень радъ, что Архангелогородскій лѣтописецъ его (прежнее) подозрѣніе обращаетъ въ достовѣрность»! Здѣзь критикъ подумать не захотѣлъ, чтобы это могло быть собственною догадкою лѣтописца, которая могла у него родиться, когда дѣло шло о раздачѣ Рюрикомъ городовъ мужамъ своимъ.

2) Въ Никоновской лѣтописи есть дополнительное извѣстіе къ походу Оскольда и Дира на Царьгородъ 866 года. «Въ лѣто 867 возвратишася Оскольдъ и Диръ отъ Царяграда вмале дружине, и бысть въ Кіевѣ плачъ велій». Это извѣстіе, здѣсь опредѣленнѣе чѣмъ гдѣ-либо сказанное, Шлецеръ почитаетъ уже собственнымъ изобрѣтеніемъ лѣтописца, которое онъ легко могъ предположить и исчислить изъ предыдущаго, даже въ назначеніи 867 года! А почему?—Шлецеръ отвергаетъ весь походъ Оскольда и Руссовъ изъ Кіева на Царьгородъ!

3) Въ той-же Никоновской лѣтописи, и только въ ней одной, сохранились извѣстія: подъ 864 г. о убіеніи Болгарами Оскольдова сына,—подъ 867 г. о побіеніи Печенѣговъ Оскольдомъ и Диромъ.—За эти событія (равно и за войну съ Полочанами 865 г., по мнѣнію Карамзина), какъ нигдѣ болѣе неупоминаемыя, виновата Никоновская лѣтопись: ибо первое событіе для Шлецера «непонятно и невѣроятно»; а второе показалось ему «страшною ошибкою въ лѣтосчисленіи»—потому будто, что въ спискахъ Несторовой лѣтописи (за исключеніемъ двухъ древнѣйшихъ, т. е. Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго, въ которыхъ объ этомъ совсѣмъ пропущено) сказано: Печенѣги *пріидоша первое на Русь* при Игорѣ 915 года;—между тѣмъ какъ въ Никоновской лѣтописи говорится не объ нападеніи Печенѣговъ на Русь, а объ Оскольдовомъ ихъ побіеніи, которое могло быть и наступательное, и *не близъ Кіева;* притомъ о появленіи, кажется, ихъ на Руси (хотя мимоходомъ)—Несторъ упоминаетъ прежде, послѣ Обровъ: «Посихъ же паки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ; послѣ же при Ользѣ».

Я не ручаюсь за истину сихъ показаній, но не вижу причины признавать ихъ и недостовѣрными,—не могу не ука-

Такимъ же образомъ и Варяги, отпадавшіе отъ Рюрика, приставали къ дружинѣ Русской, къ Руси Оскольдовой на югѣ; тамъ въ землѣ Русской, они дѣйствовали уже подъ общимъ, главнымъ именемъ *Руси*.

И этотъ выводъ, мнѣ кажется, согласенъ съ первымъ, главнымъ положеніемъ Нестора, и съ послѣдующимъ его сказаніемъ.

Мы видѣли (§ 4), что въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи, въ выше-приведенномъ мѣстѣ, относительно слова *Русь* находятся разногласія: продолжатели измѣняли текстъ, каждый по своему разумѣнію, о Руси—такъ, что при ихъ сличеніи находите обоюдность весьма выгодную для историческихъ системъ, видите только разныя мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, и не можете опредѣлить, прямо и непосредственно изъ нихъ, какъ думалъ и какъ хотѣлъ сказать самъ Несторъ,—чего и добивался Шлецеръ въ своемъ *Сводѣ*. Самъ Шлецеръ говорилъ, что это разногласіе въ тѣхъ именно словахъ, отъ коихъ зависитъ объясненіе, откуда Русь получила свое названіе; но, не смотря на то, Шлецеръ изъ этихъ-то словъ вывелъ, будто Руссы были Варяги-Скандинавы, и именно Шведы. А принявъ это, будто по Нестору (въ самомъ-же дѣлѣ

зать того, что *отрицаніе* ихъ основано болѣе на *произволѣ* критики, который тамъ-же является и въ обратномъ видѣ *въ удтвержденіи*—а именно:

4) Въ той-же Никоновской лѣтописи подъ тѣми-же годами сохранились извѣстія: подъ 864 г. о возмущеніи Новогородцевъ противъ Рюрика и убіеніи Рюрикомъ храбраго Вадима и его совѣтниковъ, (о чемъ говорится еще въ Степенной Книгѣ тѣми-же словами); а подъ 867 г. о побѣгѣ отъ Рюрика въ Кіевъ многохъ Новогородскихъ мужей.—Эти три извѣстія Никоновской лѣтописи Шлецеръ принимаетъ уже, какъ «отмѣнно важныя» и, подобно Миллеру, выводитъ изъ нихъ соображеніе и заключеніе о насиліи Рюрика, неудовольствіи Новогородцевъ и проч. Всѣ эти три извѣстія также пропущены въ другихъ лѣтописяхъ нашихъ: но здѣсь, по суду Шлецерову, виноваты уже *трусливые переписчики*, которые (всѣ)! *съ умысломъ* это выпустили и скрыли!! Нест. Ч. 1. 358).

по Тунману), онъ не только нападавшихъ въ 866 году на Царьгородъ Руссовъ, вопреки Нестору, призналъ за особый сильный *Черноморскій* народъ Азіатскаго племени [1]); но сказалъ

---

[1]) Странная участь этихъ *Черноморскихъ Руссовъ*-Азіатцевъ въ нашихъ историческихъ системахъ. Они какъ *мечта* являются съ юга для тѣхъ, кои ведутъ къ намъ съ сѣвера Русь Скандинавскую, и какъ дѣйствительная *существенность* принимаются первыми отрицателями пришествія Руси съ сѣвера. Такъ еще первоначальникъ ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси—Байеръ принялъ-было *Руссовъ* или *Россовъ* 866 года за Арабовъ и разбойниковъ изъ города *Роса*, что въ Киликіи; но потомъ самъ-же отмѣнилъ это мнѣніе и увѣрился, что то были наши Кіевскіе Руссы, по общему о томъ мнѣнію. Но въ Московскомъ университетѣ явилась новая система, по которой древніе Руссы приняты положительно за *особый Черноморскій Таврическій* народъ, принадлежавшій къ *особому Кавказскому* или Горскому племени—древнихъ Лазовъ. Система сія, мною полагаемая въ основаніе третьей новой исторической школы, была преподаваема въ 80-тыхъ годахъ ученымъ, первымъ въ Россіи заслуженнымъ професоромъ *Чеботаревымъ* а), который былъ основателемъ и предсѣдателемъ *общества исторіи и древностей Россійскихъ* при Московскомъ университетѣ, котораго Шлецеръ называлъ «своимъ руководителемъ въ Русской исторіи». Но Шлецеръ былъ жарчайшій поборникъ Скандинавской Руси: потому, хотя и принялъ Черноморскихъ Руссовъ своего руководителя, но только какъ громовой отводъ для своей Шведской Руси, и до того лишилъ ихъ всякой опредѣленности, что послѣдователь Скандинавскаго-же ученія Крузе—Шлецерово мнѣніе о Черноморскихъ Россахъ назвалъ «*мечтою*, незаслуживающею даже опроверженія» (Ж. М. Н. Пр. № 6.). И въ самомъ дѣлѣ—*Черноморскіе Руссы*, по представленію ихъ Шлецерову, небо-

а) Ученый Чеботаревъ, какъ извѣстно, по повелѣнію Екатерины Великой—составлялъ *выписки* изъ всѣхъ древнихъ Русскихъ лѣтописей, послужившія основаніемъ для ея *Записокъ касательно Россійской Исторіи* (изд. въ 6 ч. 1793—801 т.). Симъ дѣломъ онъ занимался вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ *Барсовымъ*, ученикомъ и *наслѣдникомъ занятій и славы Ломоносова*, по выраженію незабвеннаго Муравьева. Въ жизнеописаніи Чеботарева (см изданныя Моск. Общ. Любит. Росс. Словесн. *Рѣчи. произнесенныя въ Торж. Собр. ИМП. М. У. Русскими Профессорами онаго*, Ч. I. 1819) говорится объ ненапечатанной *Русской Исторіи*, составленной Чеботаревымъ для слушателей его; объ ней упоминаетъ и Гречъ (въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Литературы* 1822 г.). Я видѣлъ отрывокъ изъ нея у одного изъ бывшихъ въ 1785 году его слушателей—М. В. Могилянскаго, откуда и узналъ предложенное здѣсь мнѣніе Чеботарева о Руси, кажется ему первому и принадлежащее, но доселѣ еще ему неусвоенное.

даже, что недолжно и упоминать въ Русской исторіи объ этихъ Руссахъ 866 года, отъ коихъ именно Несторъ и ведетъ начало *Русской земли*. Отверженіе жестокое, особенно

лѣе какъ призракъ или мечта, отъ которой самъ онъ зачуралъ Русскую исторію! Ибо хотя онъ и представляетъ ихъ какъ народъ «сильный, великій, завоевательный, давно уже извѣстный и приводившій въ ужасъ всѣ берега Чернаго моря, хотя рѣшительно отрицаетъ, что они не могли быть *Арабами*, ни *Козарами*, ни *Куманами*; однако этотъ *особый народъ* казался ему «неизвѣстною ордою Варваровъ, которая показалась на западѣ и исчѣзла; шла съ востока, но неизвѣстно *откуда;* названа въ Царьгородѣ Россами, но неизвѣстно *почему;* прогнана въ свои пустыни не Европейскимъ просвѣщеніемъ или храбростію, но *случаемъ* только, и неизвѣстно *куда*—и не появлялась *никогда* послѣ въ исторіи, по крайней мѣрѣ подъ именемъ *Россовъ!* Самое его различеніе этихъ *Россовъ* отъ нашихъ *Руссовъ*, по буквамъ *о* и *у*, также не болѣе какъ слуховой обманъ: *Куманы* также называются *Команами;* а притомъ пресловутые *Свеоны* Бертинскихъ лѣтописей называются въ нихъ также *Россами*, и между тѣмъ они составляютъ одно изъ трехъ Шлецеровыхъ доказательствъ мнимаго торжества нашихъ *Руссовъ* со *Шведами!* При всемъ томъ Шлецеръ увѣренъ былъ, что онъ «ясно доказалъ, будто Несторъ ошибся, различа Руссовъ отъ Шведовъ и несправеоливо перемѣшавъ Византійскихъ *Россовъ* съ своими *Руссами*». Онъ говорилъ еще, что «этимъ Черноморскимъ Руссамъ надобно быть или Скифами, или Сарматами, или Словенами» говорилъ это въ насмѣшку надъ «*любимою мечтою* Русскихъ историковъ», сказавъ въ другомъ мѣстѣ, что въ Русской исторіи (до его времени) «царствуетъ *неученая фантазія*». И такъ Шлецеру казалось странною *мечтою* мнѣніе о происхожденіи Руси Словенскомъ! Но это была мечта Ломоносовская, вѣковымъ повѣрьемъ Руси и другихъ Словенъ освященная, и какъ видно — возникшая изъ существенности: потому и обращается опять въ дѣйствительность. Шлецерово-же мнѣніе, хотя было плодомъ и *ученой фантазіи* его, однако теперь называется *мечтою* отъ самыхъ послѣдователей ученія о Скандинавской Руси; и когда онъ зарекается о Черноморскихъ Россахъ не упоминать въ Русской исторіи, то мечта его походитъ на темное предчувствіе новой школы, которая его отреченнымъ южнымъ Руссамъ-Азіатцамъ дастъ силу положительности, а положительное ученіе его о сѣверныхъ

для нареченнаго *отца* нашей исторической критики, но не сильное противу истины: ибо только что сказалъ самъ Шлецеръ, что Руссы и Варяги прочіе—были народы разноплеменные!

Руссахъ-Скандинавахъ запечатлѣетъ отрицаніемъ и признáетъ мечтою, которая для системы его будетъ какъ электрическій ударъ, перемѣняющій магнитные полюсы въ концахъ магнитной стрѣлки мореходца.

И въ самомъ дѣлѣ не замедлила собраться *третья* новая школа, противоположная *двумъ* первымъ новымъ школамъ историческимъ коея общій отличительный признакъ въ томъ, что она, отрицая пришествіе къ намъ *Руси* не только изъ Скандинавіи или Финляндіи, но и вообще съ сѣвера и отъ Балтійскаго моря, ведетъ ее къ намъ *прямо съ юга, съ Черноморія,* черезъ Кіевъ.

Я уже сказалъ, откуда пошла эта школа. Основаніемъ ей послужило одно мѣсто въ Степенной Книгѣ, повторяемое и Никоновскою лѣтописью, гдѣ говорится, что съ Оскольдомъ и Диромъ, въ ихъ нашествіи 866 года на Царьгородъ, были «Роди нарицаеміи *Руси,* иже и *Кумани,* живяху въ Ексинопонтѣ» и что Василій Македонянинъ сотворилъ *мирное устроеніе* съ сими Руссами и *преложилъ ихъ на Христіянство.* Выходя отсюда, Чеботаревъ полагаетъ, что, при походѣ Оскольда съ Кіевскими Словенами и Варягами изъ Кіева, пристали къ нему и *Руссы,* жившіе при Черномъ морѣ въ Крыму, (какъ нѣкогда приставали къ Аттиллѣ, противъ общаго непріятеля), и послѣ возвращенія *ихъ князей* (Никон. лѣтоп.), они присоединились къ Кіевскому княженію, и Греки стали называть уже цѣлое государство *Русью,* по имени ближайшей къ нимъ части онаго, а потомъ оно сдѣлалось уже общимъ и между Словенами. Этихъ Руссовъ и Кумановъ онъ признаетъ за народъ особаго племени, къ коему причисляетъ Козаровъ, Болгаровъ древнихъ и Алановъ, посредствомъ коихъ всѣ они примкнуты къ древнимъ Лазамъ или нынѣшнимъ Лезгинамъ. Въ такомъ (едва-ли не лучшемъ) видѣ своемъ явилась съ самаго начала третья школа, которую—въ общей системѣ ученій о Руси—я поставляю въ особый *Южный разрядъ системъ,* и, въ противоположность ему, двѣ первыя новыя школы я означаю именемъ *Сѣвернаго разряда.* Главнымъ провозвѣстникомъ третьей школы и сильнѣйшимъ сопротивникомъ Шлецерова ученія о Руссахъ-Шведахъ былъ Эверсъ, который признавалъ Черноморскихъ Руссовъ за *Ко-*

§ 7. Послѣдуемъ далѣе за Несторомъ, съ пришествія Олега въ Кіевъ.

Мы уже замѣтили, что въ Рюриковомъ княженіи на сѣверѣ не-упоминается у Нестора ничего Русскаго, по отло-

---

заровъ, какъ думалъ еще прежде Лекіенъ, производившій впрочемъ Руссовъ по-старинному отъ Роса и Роксоланъ. По слѣдамъ Эверса, это ученіе о пришествіи къ намъ Руси прямо съ Черноморія поддержалъ Нейманъ, который отвергалъ Скандинавское происхожденіе Руси на *основаніи Нестора* (также какъ и Эверсъ), но принималъ Руссовъ за *давній Черноморскій* народъ—только не Азіатскаго племени, какъ думали Чеботаревъ, Шлецеръ и Эверсъ, но однородный съ древними Скандинавами, что близко къ Фатерову производству Руси отъ древнихъ Черноморскихъ Готовъ. Такимъ поворотнымъ предположеніемъ Нейманъ думалъ сойтись съ догматизмомъ Байеровской школы, какъ нѣкогда обращенный Миллеръ направлялъ къ ней Ломоносовское мнѣніе о Роксоланахъ Прусскихъ, отрицая ихъ отъ *Заодерскихъ* Словенъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ понятный шагъ отъ искомой истины. Наконецъ Каченовскій далъ этой школѣ новое, сильнѣйшее отчужденіе отъ Скандинавіи и вообще отъ сѣвернаго происхожденія Руси, придавъ къ тому еще отчужденіе и отъ Несторова сказанія о древней Руси вообще и о древности нашего Новогородскаго сѣвера въ-особенности; Черноморскихъ Руссовъ онъ опять призналъ особымъ народомъ племени Азіатскаго, какъ положено было въ началѣ сей школы *Чеботарево-Эверсовской*. Такимъ образомъ третья новая школа въ системѣ Каченовскаго получила особенный видъ, и кромѣ вышесказаннаго общаго или родоваго признака, отличилась еще особеннымъ признакомъ *отрицанія нашей древности*,—отъ принятія въ себя и чрезмѣрнаго усиленія духа критицизма Шлецеровскаго, который сопутствуетъ ей даже и въ поворотномъ ея направленіи въ искомой истинѣ—въ обращеніи Каченовскаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Словенизма на Балтійскомъ Поморіи—у Гельмольда и вообще у западныхъ писателей. Система Каченовскаго показалась еще въ Вѣстникѣ Европы (1829 г.); но рѣшительнѣе открывалась по частямъ въ отрывкахъ (о Русской Правдѣ) самаго основателя и въ сообщенныхъ отъ него статьяхъ учениковъ его: С. Строева, Ключникова, Перемышлевскаго (Уч. Зап. М. У. 1834-35); относительно-же происхожденія Руси и ея распространенія изъ Кіева, сіе ученіе подробно изложилъ Бодянскій, (въ *Сынѣ От.* 1835), который,

женіи Оскольда и Дира; что Русь дѣйствуетъ на югѣ, и отъ нея въ Кіевской области, въ землѣ Полянской начинается *Русская земля.*

принимая Черноморскихъ Руссовъ Турецкаго племени, предполагаетъ ихъ неперешедшимъ на западъ остаткомъ *Роксоланъ.* Такимъ образомъ и положительное ученіе этой системы о Руси приводится къ давнему началу старой Русской школы, на которое весьма согласенъ былъ и самъ провозвѣстникъ сей третьей новой школы, къ которому пришла и Татищевская школа гипотезою Буткова.

Среди двухъ противоположностей, какія представляютъ собою *двѣ первыя новыя* историческія школы съ *третьею новою,* — представительница старой Русской школы—*система Ломоносовская* занимаетъ *средину,* которая, предупредивъ собою обѣ стороны, избѣгла заблаговременно тѣхъ крайностей, въ какія потомъ вдалась каждая новая школа. Ибо Ломоносовская система, не отрицая *балтійскаго* происхожденія Руси, ведетъ къ намъ ее *съ сѣверо-запада чрезъ Новгородъ;* но начало ея полагаетъ *на нашемъ юго-востокѣ:* мысль, до которой достигла уже школа финляндской Руси, — мысль, отъ коей не могла отстраниться вполнѣ школа Скандинавской Руси, которая господствуетъ въ школѣ Черноморской Руси, и въ особенной системѣ *исконнаго* пребыванія Руси въ нашемъ отечествѣ, развиваемой Венелинымъ. Эта система современна (1829 г.) системѣ Каченовскаго и можетъ быть отнесена къ тому-же южному разряду системъ историческихъ; ибо и по системѣ Венелина также отрицается Скандинавское происхожденіе и Руси и Варяговъ вообще, признаваемыхъ также исключительно за Словенъ прибалтійскихъ и Русь представляется такъ-сказать въ Азіатскомъ свѣтѣ отъ Косаръ, Гунновъ, Аваровъ или Обровъ, принимаемыхъ систематикомъ заодно съ *Болгарами,* кои у него причисляются къ Руссамъ (Сарматамъ), также какъ и *Роксоланы.* Однако весь этотъ разноименный народъ (причисляемый новыми писателями то къ Турецкому, то къ Монгольскому племени) Венелинъ, подъ общимъ именемъ Руссовъ, причисляетъ къ народамъ племени *Славянскаго;* и такимъ образомъ его система представляетъ переходъ къ старой Русской школѣ изъ южнаго разряда новыхъ системъ, который она примыкаетъ собою къ старой Русской школѣ съ *юго-восточной* ея стороны. Но въ самомъ разрядѣ семъ она составляетъ собою особый отдѣлъ противопо-

Тамъ въ теченіе 18 лѣтъ безъ-сомнѣнія утвердилось имя *Русское*, о которомъ молва достигла къ Корсунцамъ и Грекамъ, безъ-сомнѣнія еще до похода въ 866 году, какъ объ имени народа, овладѣвшаго Полянскою землею и Кіевомъ.— Историческая рѣка *Рось* или *Русь* [1]) и, впадающая въ нее

ложный отрицательной системѣ Каченовскаго: ибо сія послѣдняя дѣйствуетъ отрицательно и сократительно на древнее бытіе Руси и особенно Новагорода, умаляя до возможной степени предѣлы онаго извѣстные исторически; напротивъ система Венелина стремится расширить древнее бытіе Руси за исторически-обмѣренные предѣлы онаго и во времени, и въ пространствѣ.

Что касается до второй изъ новыхъ школъ, т. е. Байеро-Шлецеровской: то впаденіе въ крайнюю односторонность ея положительнаго ученія, мы признали уже въ системѣ Сенковскаго, которая за то (съ другой, критической стороны своего состава) означилась возвращеніемъ къ давнему, теплому вѣрованію *общественнаго человѣка* въ живыя историческія преданія, въ народныя пѣснопѣнія и особенно повѣсти или сказанія (саги), до *похоронъ* исторіи подъ письменнымъ лѣтописаньемъ! Но поворотъ положительнаго ученія сей школы къ Ломоносовской (съ ея *сѣверозападной* стороны) сдѣланъ еще Карамзинымъ. Незабвенный историкъ нашъ хотя и принималъ Скандинавское происхожденіе Варяго-Руссовъ, однако чувствовалъ *Словенизмъ* ихъ, созерцая безъ систематическаго предубѣжденія древнія событія Руси. Потому, хотя онъ уступилъ систематику-Шлецеру и призналъ основательнымъ то мнѣніе, что Варяги-Русь были родомъ изъ шведскаго Рослагена, однако не отвергъ и пребыванія ихъ на сѣверо-западѣ, почиталъ вѣроятнымъ переселеніе ихъ изъ-за моря сначала въ Пруссію, гдѣ, обитавъ долго между Латышами, они могли уразумѣть языкъ Словенскій еще до пришествія къ Словенамъ Новогородскимъ и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ ихъ обычаямъ (Т. I. стр. 50).

Таковымъ представляется мнѣ значеніе новыхъ и новѣйшихъ системъ, взятыхъ вмѣстѣ, въ ихъ взаимной систематической связи и историческомъ послѣдованіи.

[1]) Рѣка *Рось*, названная *Русью* въ Софійскомъ Временникѣ и въ одной изъ Украинскихъ пѣсень, протекаетъ въ Кіевской губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ при селѣ Пекаряхъ противъ села Прохоровки, верстахъ въ 6 ниже Канева и въ верстѣ ниже Днѣпровскаго острова Ковержина; рѣчка *Росава*

рѣчка *Россава* такъ назвались вѣроятно потому, что на нихъ Руссы имѣли одно изъ главныхъ либо первыхъ своихъ поселеній; таково-же быть-можетъ и происхожденіе села *Русанова*, находившагося на лѣвой сторонѣ Днѣпра, верстахъ въ 30 отъ Кіева (невдалекѣ отъ Борисполя. См. чертежъ Украины Боплановъ).

Съ приходомъ Олега въ Кіевскую землю происходитъ новое утвержденіе въ ней и распространеніе на другія области имени Русскаго. Оскольдъ и Диръ, княжившіе въ Кіевѣ, не бывъ княжескаго рода, были безъ сомнѣнія ненавистны для

впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны при селѣ Гамарнѣ. Историческія, привольныя мѣста сіи назывались *Порусьемъ* или *Поросьемъ* (подобно Посулью, Посемью, Поволожью); а жители оныхъ мѣстъ—*Поросянами* или *Порсянами*. Поросье служило вообще мѣстомъ поселенія или слободъ для разныхъ народовъ. Такъ въ 1031 году «Ярославъ и Мстиславъ идоста на Ляхи и заяста грáды Червенскіе опять, и повоеваста Лядкую землю, и многи Ляхи приведоста и раздѣливше я, Ярославъ посади я по Рси, идѣ-же суть и до сего дне». Въ Поросьи поселены были также Черные Клобуки, Берендѣи и Торки, жившіе и по лѣвой сторонѣ Днѣпра въ Переяславской области («Торки Переяславстіи»). И въ среднемъ періодѣ на этомъ Поднѣпровьи поселялись Запорожскіе Козаки. (О мѣстныхъ названіяхъ по имени Торковъ и прочихъ, равно Козаръ, Печенѣговъ, будемъ говорить при другомъ случаѣ).

Кромѣ Роси, въ Днѣпръ втекаетъ еще (въ Екатеринославскихъ степяхъ) рѣчка *Русинова Балка*. На Боплановомъ чертежѣ Украины показана другая *Росава*, небольшая рѣчка, впадающая съ лѣвой стороны въ Днѣстръ при г. Ямполѣ. Въ книгѣ большаго чертежа упоминается еще рѣчка *Руса*, по Путивльской дорогѣ, впадающая въ р. Семь съ правой стороны, верстахъ въ 25 ниже г. Рыльска (Курской губерніи).

Можно-бы привести еще и другія мѣстности сего имени въ Россіи; но, по неизвѣстности о времени и поводѣ ихъ названія (и по неприведенію еще въ извѣстность всѣхъ *мѣстныхъ* именъ рѣкъ, урочищъ—въ наименованіи коихъ Ходаковскій замѣчалъ особую систему),—онѣ не могутъ еще привести къ прямымъ заключеніямъ.

Здѣсь еще припомнимъ только, что правый рукавъ Неменя издревле называется *Русомъ* или *Русою*, безъ-сомнѣнія отъ Руссовъ: но когда онъ получилъ это имя, а окрестности его названы *Порусьемъ?*

нашихъ Варяжскихъ природныхъ князей за свое отпаденіе отъ нихъ, возвышеніе, а можетъ-быть и христіанство,—за отлученіе Руси отъ Рюрикова княженія; притомъ въ Никоновской лѣтописи упоминается, что въ 867 г. многіе Новогородскіе мужи убѣжали отъ Рюрика въ Кіевъ, что Оскольдъ и Диръ воевали Полочанъ, уже принадлежавшихъ Рюрикову княженію. Воитель Олегъ умерщвляетъ этихъ первыхъ князей Русскихъ, овладѣваетъ Кіевомъ и принимаетъ на себя имя Русское, распространяетъ его на все: онъ уже *Русскій князь*; Кіевъ отъ него нареченъ *матерью Русскимъ городамъ* («Чернигову, Переяславлю, Полотску, Ростову, Любечу, и прочимъ городамъ»); онъ обладаетъ уже всею землею Русскою (какъ сказано въ нѣсколькихъ спискахъ); бывшіе при немъ: «Варяги, Словены и прочи прозвашася Русью»; подъ общимъ именемъ *Руси* въ 907 году идутъ на Царьгородъ и Варяги, и Словены, и Поляны, и другіе; и Варяжскіе мужи Олеговы—Карлъ, Ингельдъ, Руальдъ и т. п. въ мирномъ Договорѣ съ Греками говорятъ уже: «Мы отъ рода Рускаго».

Такое предпочтеніе и принятіе Русскаго имени Олегомъ по завладѣніи Кіевомъ, было безъ сомнѣнія потому, что здѣсь имя это было уже утвердившееся и извѣстное на югѣ, особенно Грекамъ; что господствовавшихъ здѣсь Руссовъ, по убіеніи князей ихъ, надо было привлечь къ себѣ и предпочтеніемъ ихъ имени, и можетъ-быть даже повелѣніемъ Грекамъ: шить парусы для Руси *паволочитые* (матерчатые), а для Словенъ (Новогородцевъ)—*кропинные* (полотняные).

И такъ Кіевъ есть мать городовъ Русскихъ: *отсюда пошла земля Русская!* отсюда сыны ея растекались грозными станицами на югъ, на свое Русское море, по которому ходили они на всѣ стороны. Съ Игоремъ (941 г.) они воевали уже страну Вифанскую, и воевали по Понту до Иракліи и Пафлагонской земли, поплѣнили всю страну Никомидскую, и сожгли всю Суду [1]). При Святославѣ уже завоевана была

[1]) Шлецеръ говорилъ, что въ этихъ дѣлахъ Игоря коечто прибавлено Несторомъ *изъ патріотизма*; но Арабскіе писатели прибавляютъ къ побѣдамъ Руссовъ и еще кое-что (неизвѣстное нашему лѣтописателю)—кажется не изъ патріотизма!

Козарія, уже Тмутаракань (Тамань), и Косоги (Черкесы и Ясы (Осетины), и Болгарія—были *подъ Русью* [1]). Изъ Кіева распространилась и вѣра, и грамота и все просвѣщеніе Русское. Оскольдъ и Диръ первые положили начало Руси; вѣщій Олегъ былъ распростанитель и возвеличитель ея имени, и водворитель Рюрикова княжескаго племени на ея престолѣ; а Святославъ былъ первый Русскій князь уже и по имени Русскому, уже отмѣнившійся въ образѣ жизни и войны; самый видъ его былъ болѣе Азіатскій, чѣмъ Скандинавскій.

§ 8. Такимъ образомъ имя *Русина* стало господствующимъ; его принимали всѣ вступавшіе подъ знамена Кіевскія и служившіе князьямъ Русскимъ: потому и Варяги-Скандинавы могли въ общей массѣ называться *Русью*, не бывъ настоящими природными Руссами; какъ и теперь называется *Русскимъ* каждый подданный Русской державы, каждый служащій Россіи.

У Нестора имя Руси принимается различно: 1) какъ имя *общее* народамъ, вступающимъ подъ знамена Русскія; 2) какъ географическое имя *земли Русской собственно*, простирающееся и на всѣ области и города, кои принадлежали въ Кіевскому княженію, были *подъ Русью* [2]) 3) наконецъ и какъ имя особаго народа въ Русской землѣ [3]); но въ этомъ случаѣ оно всегда отличено отъ имени *Варяга*, которымъ въ Несторовой Повѣсти о внутреннихъ событіяхъ Русской земли означаются собственно Скандинавы. Русинъ у Нестора—на югѣ, на Днѣпрѣ; Варягъ приходитъ съ сѣвера, изъ-за моря. Въ подтвержденіе сего приведу еще нѣсколько мѣстъ изъ Нестора.

---

[1]) Не знаю, назывались-ли *Руссами* прежде Святослава Болгары на Дунаѣ; но во время Святослава тамъ очень могло простиреться имя Руси на Болгаръ.

[2]) «Се-бо токмо Словѣнескъ языкъ въ *Руси:* Поляне, Деревляне, Новогородьци»... *(Лавр. Сп).*

[3]) Собирательное имя народа—*Русь*, какъ *Чудь, Серебъ;* а единичное—*Русинъ*, какъ *Чудинъ, Болгаринъ*, *Сербинъ* или *Серблянинъ;* но во множественномъ не *Русины*, а *Руссы* (Кіев. Лѣт). и *Русичи* (Пѣснь Игорю), какъ Чуди, Сербы, Болгары, Такъ говорится *Татаринъ*, *Татары*; а въ собирательномъ смыслѣ по-Украински говорится *Татарва.*

Игорь совокупилъ вои многи: *Варяги*, *Русь*, Поляны Словены, Кривичи, Тиверцы, Печенѣги: и про все это ополченіе Корсунцы и Болгары говорили: «се иде Русь!». Въ семъ послѣднемъ случаѣ *Русь*—имя родовое, даже для Печенѣга; но подъ нимъ числится и особый народъ — *Русь*, но есть также и *Варяги*.

Ярославъ на Святополка шелъ изъ Новагорода съ *Варягами* и *Новогородцами*; Руси не было. Но когда онъ сѣлъ въ Кіевѣ на отцевскомъ и дѣдовскомъ престолѣ, тогда противу Болеслава и Святополка ходилъ уже «совокупивъ *Русь и Варяги и Словѣне*.» Опять Русь идетъ съ Юга!—Въ 1043 году Ярославъ послалъ сына своего Владиміра на Грековъ, давъ ему «вои многи—*Варягы, Русь*.» По приходѣ къ Дунаю, Русь говорила Владиміру: «станемъ здѣ на полѣ»; а Варяги говорили: «пойдемъ въ лодіяхъ подъ городъ». *(Соф. Врем.)*

Варягъ, хотя и дѣйствуетъ подъ именемъ Руси и принимаетъ христіанство, но остается Варягомъ, Заморяниномъ, не-Русскимъ! Таковъ онъ является особенно въ сказаніи о Владимірѣ. Услышавъ въ Новѣгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ за море; Ярополкъ-же посадилъ своихъ посадниковъ въ Новѣгородѣ, и былъ одинъ владѣтелемъ въ Руси. Пришелъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ; собралъ вои многи—Варяговъ и Словенъ, Чудь и Кривичей, и пошелъ сначала въ Полотскъ на Рогволода, а потомъ въ Кіевъ; и когда, по умерщвленіи Ярополка двумя Варягами, Владиміръ сталъ Кіевскимъ княземъ, то *Варяги*, помогши ему овладѣть Кіевомъ, домогались у него дани съ сего города; но онъ «избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры», а прочихъ послалъ въ Царьгородъ, отправивъ на-передъ посла, говоря такъ: «Царю, се идутъ къ тебѣ Варязи; не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единого». [1])

[1]) Такими-же корыстниками и головорѣзами представляются Варяги Норвежскіе, съ конунгомъ своимъ Эймундомъ, и въ собственныхъ сказаніяхъ о службѣ своей на Руси у В. К. Ярослава. Эти сказанія составляютъ извѣстную *сагу Эймундову*, дѣйствительно важную для нашей исторіи временъ Ярослава (вопреки Шлецеру!).

§ 9. Изъ сказаннаго доселѣ видно, кажется, что *Руссы* и *Варяги* въ нашихъ лѣтописяхъ принимаются какъ два различные, разноплеменные народа. Въ древнемъ бытописаніи Русскомъ, Варягъ сперва является и изгоняется какъ заморскій врагъ и разбойникъ, потомъ какъ призванный изъ заморья властитель и находникъ; наконецъ какъ *прибавленный* и наемный воинъ, какъ меченосецъ заморскій (какимъ онъ былъ въ Царьгородѣ подъ именемъ Варанга). Отъ чего-бы ни произошло первоначально имя Варяга [1]), но Варягами-

[1]) Было-ли племеннымъ имя *Варяги?* не отъ птоломеевыхъ-ли еще *Варгіоновъ* (близъ Рейна) оно распространилось?— это не рѣшено еще; а между тѣмъ уже много значеній надавали сему слову. Древнѣйшее производство Варяговъ есть то, что они суть Словены *Вагры* или *Вагиры:* такъ думали еще Стрыйковскій, Герберштейнъ и другіе иностранные ученые, какъ и у насъ въ прошломъ вѣкѣ, а нынѣ такъ думаетъ Каченовскій съ своими послѣдователями. Вельтманъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1834 № 12) ведетъ Варяговъ отъ *Фереинговъ*— Кельтическаго сброда на островахъ Ферскихъ (между Шотландіей и Исландіей).

Однако-же большая часть ученыхъ имя Варяги производятъ отъ качества или званія. Одни производятъ отъ *Vargus*— изгнанникъ, бродникъ; другіе отъ *Wargr*—волкъ; иные отъ Готскихъ *федератовъ*-союзниковъ, и *ферингаровъ*-защитниковъ, стражей;—отъ *варганъ*—чужеземецъ;—отъ *Varech*—и потому разумѣютъ моряковъ;—отъ нѣмецкаго слова *War*—война; либо отъ Финскаго слова *варъ*—по-Русски *воръ* и разбойникъ: такъ и дѣйствительно у насъ изъясняли имя Варяга—*ворягою.* Тредьяковскій производилъ отъ Словенскаго слова *варяю* и принималъ Варяга въ смыслѣ обывателя, старожила, «предтечи« Европейскаго; другіе производили еще отъ Лопарскаго слова *варьіотъ*—вооруженный; Бутковъ производитъ отъ поморско-Словенскаго слова *варянгъ*—мечь, по которому Варягъ значитъ *меченосецъ*, какими и были Варяги у насъ, *Варанги* у Греческихъ императоровъ. Есть производства Варяговъ еще въ другія званія, но довольно и этихъ для показанія, что всѣ они, хотя ни сколько не сходны между собою, но удивительно какъ идутъ къ Варягамъ. Откуда-бы ни взялось имя Варяговъ, но ихъ первое появленіе къ нашимъ сѣвернымъ старожиламъ, ихъ первое значеніе въ нашей исторіи было *вражеское;* потому—исключительно для любителей словопроиз-

собственно называется у Нестора всякій народъ Скандинавскаго племени: для всѣхъ ихъ безразлично со-времени ихъ вражскаго нападенія изъ заморья въ 859 году, въ Несторовой повѣсти одно имя—*Варягъ*, какъ племенное, общее, постоянное, неотпадающее отъ нихъ ни въ Новѣгородѣ, ни въ Кіевѣ, ни на Черномъ, ни на Варяжскомъ морѣ, ни въ язычествѣ, ни въ христіанствѣ.

Западная, поморская Русь у Нестора причисляется къ Варягамъ, не по племени и языку, ибо племени и языка она была Словенскаго. Къ Варягамъ причисляется у Нестора западная Русь по общему съ ними мѣстопребыванію и образу жизни; по союзничеству и наконецъ одновѣрству съ настоящими Варягами, въ отличіе отъ Руси восточной *«христіанской* или *православной»*, уже сроднившейся съ юговосточными Словенами.

Въ такомъ только смыслѣ можно считать западную Русь *Норманами;* ибо и съ этимъ словомъ у Германцевъ и другихъ соединялось понятіе сѣвернаго врага-воителя или разбой-

---

водства—прибавляю новую догадку: не значитъ-ли слово *Варягъ* просто *врагъ, ворогъ*, а по сѣверному произношенію *ворагъ!* (Такъ слово *храбрый*, напр. въ пѣсни Игорю и Украинскихъ пѣсняхъ, было—*хоробрый*, а въ великорускихъ пѣсняхъ, собранныхъ Киршею — *хорабрый*). Если-бы и въ самомъ дѣлѣ явились впервые къ намъ Варяги подъ какимъ-нибудь изъ вышеприведенныхъ. именъ, то оно все-таки могло быть Словенами и Чудью оборочено на значеніе *ворога* или *врага*, въ какомъ отношеніи сперва и были къ нимъ Варяги,—они могли такъ-сказать перевести на свой языкъ и *Ференга* и *Варгра* и *Варанга,* — какъ Неметовъ Словены перевели *Нѣмцами*, съ придачею смысла Нѣмоты; (какъ и теперь наши простолюдины переводятъ экзекутора—*сѣкуторомъ*, дилижансъ *нележанцемъ;* какъ латинскую *жизненную воду*, aqua vitae, Украинцы передѣлали въ *оковитую!*). Прозваніе Норманovъ *ворогами* могло обратиться въ народное названіе *Варягами*, подобно тому какъ Куманы (отъ р. Кумы?) почему-то у насъ названы *половцами* т: е: ловцами или охотниками, а потомъ это прозваніе обратилось въ народное имя *Половчинъ*, *Половцы* а) не Пôловцы или Полôвцы).

ника, а не различіе племени. Въ такомъ смыслѣ Несторовы *Варяги* тоже, что *Норманы*.

Такъ въ среднемъ періодѣ у насъ именемъ *Татарина* назывались новые враги наши—наѣздники Азіатскіе, съ огнемъ и мечемъ нахлынувшіе изъ-за Урала въ XIII вѣкѣ; но между ними были совершенно розныя племена — и Монгольскія, и Турецкія, коихъ облики по сю пору еще можно различать, наприм. между Татарами Крымскими. Такимъ-же образомъ разноплеменные народы слывутъ у насъ подъ общими именами: *Горца* и даже *Черкеса*, *Сибиряка*, *Крымца*.

Руссы были одного племени и языка съ Днѣпровскими Словенами, притомъ они были освободители ихъ отъ налога Козаровъ, коимъ первую дань пытались-было Поляны заплатить обоюдуострыми мечами: потому Руссы лучше принялись, скорѣе присвоились имъ, тѣснѣе сроднились и слились съ ними.

Но Варяги были иноязычники, иноплеменники Словенамъ: Варяги только жили да работали у нихъ; и мы видѣли выше, какъ разумѣлъ ихъ Владиміръ, бывъ еще въ язычествѣ (§ 8). «Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ: вставше Новгородци избиша Варяги», а сказаніе о Вадимѣ показываетъ, ка́къ еще съ первыхъ временъ принялись Варяжскіе князья у Словенъ Новогородскихъ.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ имя Руси все болѣе и болѣе усвоялось восточнымъ Словенамъ, съ именемъ Варяга у Руссовъ умножалось понятіе о чужомъ, не-Русскомъ; и въ половинѣ XI вѣка словомъ *Варяжскій* означали у насъ уже противоположное Греко-восточному и Словено-Русскому—*западное*.

Такъ въ отвѣтѣ преподобнаго Ѳеодосія печерскаго Изяславу: *Варяжскою вѣрою* называется западная или *Латинская* вѣра, въ противоположность Русскому *православію*. *Варягъ* и *Латинникъ* у него одно,—и онъ сильно увѣщеваетъ князя [1])

---

[1]) Извѣстны сношенія Изяслава съ папою Григоріемъ VII, по смерти Ѳеодосія 1074 г. и письмо папы къ князю въ 1075 г. Видно, что Изяславъ обращался къ Ѳеодосію съ вопросомъ о *Варяжской вѣрѣ*, замысливъ уже о сихъ сношеніяхъ; потому отвѣтъ исполненъ сильныхъ и рѣзкихъ изобра-

«блюсти себя отъ *Варяговъ*, не присвоятися имъ; и своихъ дщерей—говоритъ—недостойно хрестьяномъ даяти за ня, ни поимати за себе у нихъ, ни братитися съ ними, ни кумитися.» И такъ еще до Нестора на Варяга смотрѣли Руссы именно какъ на *иновѣрца* западнаго,—противополагали *хрестьянину, правовѣрному*, особенно въ обители Ѳеодосіевой, гдѣ и Нестору не-могло быть чуждымъ такое понятіе.

Въ томъ-же смыслѣ и въ Новѣгородѣ употреблялось слово *Варяжскій* въ половинѣ XII вѣка. Кирикъ вопрошаетъ архіепископа Илію: «А оже се носили (жены) къ *Варяжскому* попу дѣти на молитву?—Шесть недѣль опитемье, рече, занеже акы двовѣрци суть».

Но Несторъ сохранилъ историко-географическое значеніе Варяговъ; а западныхъ или германскихъ Тевтоновъ называетъ *Нѣмцами*, именемъ (по мнѣнію Болтина) происшедшимъ отъ германскаго народа, издревле называвшагося *Неметами*. Такъ въ космографическомъ введеніи исчисляются народы, идущіе по западу, къ югу отъ Варяговъ: «Галичане (т. е. Галлы), Волхва, Римляне, *Нѣмци*, Корлязи, Фрягове и прочіи». [1]) И

женій, для отвращенія князя отъ его намѣреній и утвержденія въ православіи, въ насажденіи коего величайшимъ у насъ вертоградаремъ былъ преподобный Ѳеодосій, смѣло и сильно ревновавшій и къ укрощенію уже возникавшихъ *усобицъ* княжескихъ.

[1]) Здѣсь въ Улановъ обращены *Аланы*, коихъ остатки понынѣ есть между горцами Кавказскими.

Къ числу немногихъ будто-*анахронизмовъ* Несторовой лѣтописи, коими доказываютъ, будто она не могла быть писана въ XI вѣкѣ, — принадлежитъ даже слово *Нѣмецъ*, которое признаютъ зашедшимъ къ намъ отъ Балтійскихъ Словенъ, а ихъ переселеніе въ Новгородъ предполагаютъ въ XII вѣкѣ. Но развѣ слово это могло быть узнано въ Кіевѣ не иначе, какъ только съ переселеніемъ въ Новгородъ самихъ Балтійскихъ Словенъ, и именно Вагровъ? Когда-бы ни переселились Вагры или Варги на Волховъ (хотя-бы и въ XVI в., съ Герберштейномъ), но въ исходѣ XI вѣка весьма могли знать о *Нѣмцахъ* Кіевляне и отъ другихъ Словенъ сѣверо-западныхъ, напримѣръ, отъ Поляковъ, коихъ пребываніе въ Кіевѣ до Нестора свидѣтельствуется и западными того времени писа-

въ самой повѣсти его—«приходиша (къ Владиміру, 987 г.) *Нѣмци* глаголюще: придохомъ посланіи отъ Папежа».

Такъ и митрополитъ Никифоръ въ посланіи къ Мономаху говоритъ: «потомъ-же преяша стараго Рима *Нѣмци*, и обладаша землею тою. И по малѣ времени старіи и правовѣрніи мужи, иже храняхуть и дрѣжаху законъ Христовъ и святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, отъидоша; по умертвіи онѣхъ мъладіи и неутверженіи прельсти Нѣмечьскѣй въслѣдоваша...»

Такъ и у пѣвца Игоря: въ Кіевѣ—«ту *Нѣмци* и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю»; а въ Крыму—«*Готскія* красныя дѣвы въспѣша на брезѣ Синему морю.»

Такъ и въ Уставѣ о городскихъ мостѣхъ (постановленномъ въ концѣ XII в., вѣроятно, Ярославомъ Владиміровичемъ II) различаются еще въ Новѣгородѣ—*Нѣмци* и *Гти* (т. е. Готы).

Но съ XIII вѣка имя *Нѣмца* распространяется у насъ уже и на Варяжскихъ или Скандинавскихъ Тевтоновъ. Такъ въ договорѣ Смоленскаго князя съ Ригою и Готскимъ берегомъ (1228 г.) жители обоихъ называются обыкновенно Латинами, Латинскимъ языкомъ, но также *Нѣмчиномъ* и *Нѣмчицею*.

Въ среднемъ-же періодѣ этимъ именемъ стали пояснять старое имя (Варяга). Такъ въ Полетиковомъ спискѣ лѣтописи сказано, что Рюрикъ избрался «отъ Варягъ отъ Нѣмецъ»; въ прочихъ спискахъ уже просто «отъ Нѣмецъ» или «изъ Нѣмецъ». Въ Софійскомъ временникѣ надъ выше-упомянутымъ

телями, если уже не вѣрить своимъ. Притомъ для узнанія Кіевлянами Словенскаго имени Германцевъ, достаточно было въ Кіевѣ и одного выходца изъ Поморцевъ Балтійскихъ, одного Кіевлянина, ходившаго къ Словенамъ Балтійскимъ! Но съ возобновленіемъ Несторо-Ломоносовскаго или стариннаго Русскаго мнѣнія о *Словенизмѣ Варяго-Руссовъ* IX вѣка, съ коими одинъ *родъ Русскій* составляли и *Вагры* (Голштинцы) и *Вильки* (Мекленбургцы),—подобныя возраженія возникать не могутъ, и тѣ сходства, какія есть у насъ съ Словенами Прибалтійскими, изъясняются сами собою, историческая тайна этихъ сходствъ открывается просто!

посольствомъ Нѣмцевъ отъ Папежа къ Владиміру поставлено: «О Нѣметьской вѣрѣ» (вмѣсто прежняго имени—Варяжской или Латинской); а надъ присланіемъ отъ Грековъ философа: «О вѣрѣ христіяньской».

Такимъ образомъ этимъ новымъ словомъ замѣнилось старое слово *Варягъ,* которое изъ прежняго выше-изложеннаго значенія его у насъ (какъ заморскаго разбойника и *ворога,* потомъ какъ наемнаго Скандинавскаго воина и меченосца) перешло въ значеніе иноплеменника и иновѣрца Европейскаго, и въ-послѣдствіи обратилось въ понятіе *воряги,* съ которымъ не-шутя изъясняли имя Варяга — даже Кониссkій, въ своей исторіи Малой Россіи.

Но и слово *Нѣмецъ* скоро вышло изъ предѣловъ своего прежняго, племеннаго значенія — сначала Неметовъ, потомъ всѣхъ Германцевъ, а потомъ всего Тевтонскаго племени. *Немѣцкимъ* стали называть въ народѣ уже неопредѣленно не только все Европейское, западное, но и все *иноязычное,* не говорящее словами Словенскими или Русскимъ языкомъ, и потому какъ-бы *нѣмое.* Такъ до XVIII вѣка назывались у насъ *Нѣмцами* вообще всѣ почти Европейцы, приходившіе въ Россію. Въ Никоновской лѣтописи: «А Югра есть народъ нѣмъ; они говорятъ, но языка ихъ никто не разумѣетъ».—Такъ въ пѣснопѣніи народномъ среднихъ временъ *объ Иванѣ Годиновичѣ* находите:

«Въ дальню землю Загорскую,
За царя Афромѣя Афромѣевича,
За царя отдать—ей царицею слыть,
Повоя всѣ поклонятся,
Панова и Улановья,
А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ!»—

Примѣровъ такого распространенія и превращенія въ смыслѣ именъ народныхъ можно привести большое число.— Такъ Латыши называютъ *Кревами* не одних Бѣлоруссовъ, но и всѣхъ Русскихъ, потому что Кривичи, были къ нимъ ближайшіе. Такъ *Франками* по сю пору Черкесы называютъ вообще Европейцевъ; а у Русскихъ это слово совсѣмъ потеряло значеніе народа. Такъ *Берендѣй,* имя столь близкаго и

извѣстнаго намъ въ древнее время народа, осталось теперь только въ имени сказочнаго царя Берендѣя. *Словены* назвались этимъ именемъ по глубокому въ себѣ чувству Божественнаго дара *слова*, отъ чего произошли имена и *славы*, и *человѣка*. Но нѣкоторые Европейскіе народы это племенное имя наше обратили въ значеніе *склава*, какъ Спартанцы народное имя *Илотовъ*. Такъ славное имя Грека—у Сербовъ перешло въ *грка*-торгаша; такъ у насъ народное имя Швейцара обратилось въ швейцара-придверника.

Именемъ *Гайдамака* называли себя Запорожскіе козаки, когда имъ была «Сѣчь мати, а Великій Лугъ батько»; но потомъ, когда ватаги ихъ, не составлявшіе войска Запорожскаго, стали охотиться разбоемъ,—у Поляковъ, Малороссіянъ и другихъ слово *гайдамакъ* стало значить разбойника.

Такъ и слово *козакъ*, нѣкогда бывшее, кажется, племеннымъ именемъ горскаго народа *Косоговъ*, а потомъ у Азіатскихъ ордъ значившее вообще *наѣздника*, у Турковъ и Татаръ получило бранный смыслъ, когда козаками стали называться Запорожцы, кои дали себя знать *Туреччинѣ* да *Татарщинѣ*. Напротивъ на Украинѣ слово *козакъ* обратилось въ народное имя, коимъ называли себя Украинцы въ смыслѣ добровольнаго воина. Такимъ-же образомъ изъ нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ западное рыцарство или кавалерство, въ противоположность коему козачество Украинское представляло собою *рыцарство восточное*, *народное*, имѣшее и свою козацкую поэзію, и свои крестовые походы за восточную церковь (съ 1592 года), и нашедшее себѣ владыку въ православномъ *царѣ Восточномъ* [1]). И бандуристъ Украинскій свою думу о козацкомъ подвигѣ заключалъ припѣвкою:

---

[1]) *Восточнымъ царемъ* называли на Украинѣ (въ пѣсняхъ, актахъ) царя Московскаго; въ Великоруссіи-же Русскій царь величается *Бѣлымъ царемъ* (какъ и на востокѣ) и *Православнымъ*.

Легла козацкая, молодецкая голова,
Какъ отъ вътру на степи трава!
Слава—не умретъ и не ляжетъ,
Рыцарство *козацкое всякому разскажетъ!* [1]).

§ 10. Изъ всего сказаннаго видно, кажется, что *землею Русскою* назвалась сначала Кіевская или Полянская земля, а не Новогородская; ибо до завладѣнія Олегомъ Кіева, въ Новогородской землѣ, по лѣтописямъ, не видно Руси. Между тѣмъ Русь была уже 18 лѣтъ въ Кіевѣ: потому и земля Русская иногда называлась еще *Кіевомъ*, на-примѣръ: «и взяша (Батый) градъ Переяславль Русскій [2]) иже въ Кіевѣ.» (*Никон. лътоп*).

Новогородцами, какъ изъяснено § 6 по Несторовой повѣсти, назвались сначала Варяжскіе находники на своемъ новосельи, а отъ нихъ уже и прежніе Новогородскіе насельники *Словены*, которые долго еще назывались этимъ народнымъ своимъ именемъ, въ отличіе отъ Новогородцевъ-находниковъ, отъ Варяговъ. Это видѣли мы уже изъ нѣсколькихъ мѣстъ Несторовой повѣсти. Въ Русской Правдѣ также упоминаются какъ особыя имена *Русинъ* и *Словенинъ*, и особо отъ обоихъ отличается *Варягъ*. Имя *Словенинъ*, къ Новогородцамъ относящееся, находимъ и въ Кириковыхъ вопрошаніяхъ (Епископу Нифонту) отъ половины XII вѣка [3]).

---

[1]) Сказанное здѣсь о значеніи словъ *козакъ* и *гайдамакъ* подробнѣе изложено у меня въ изданіи *украинскихъ народныхъ пѣсенъ* (Ч. I. 1734 на стран. 66-70, 80 и другихъ). Приведенные въ переводѣ стихи о *козацкомъ рыцарствѣ* составляютъ конецъ прекрасной Украинской думы (въ изданіи IX-й) *объ Иванѣ Коновченкѣ*, относящейся къ 1684 г. Въ одной изъ войсковыхъ козацкихъ пѣсенъ (№ 14, на стр. 149) встрѣчается выраженіе: *конь лыцарскій.* Принятіе и распространеніе имени *козака* на Украинѣ въ XVI вѣкѣ поясняетъ, какимъ образомъ имя *Русина* тамъ распространялось и утвердилось въ IX вѣкѣ.

[2]) Сей Переясловъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ называется обыкновенно *Русскимъ*, въ отличіе отъ Переяславля-Залѣскаго.

[3]) «Молитвы оглашенныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину преди крещенія 40 дній поста, и съ церкви исходити отъ оглашенныхъ; Словенину за 8 дній». (*Памятн. Росс. Слов. XII в.* 1821).

И такъ имя *Словенинъ*, какъ стародавнее для Новогородцевъ, удерживается за ними въ XI и XII вѣкѣ; но *Руссами* Словены Новогородскіе до XIII вѣка не назывались ни у нихъ самихъ, ни у другихъ Русскихъ писателей не-Новогородскихъ [1]). Новогородскій лѣтописецъ [2]), при описаніи событій съ половины XI-го и въ продолженіе почти всего XII-го вѣка, *Русью* и *Рускою землею* называетъ почти всегда только Кіевскую или южно-Русскую область.

Вотъ нѣсколько тому примѣровъ, которыхъ можно привести гораздо больше. «Епископъ и купцѣ и слы *Новгородскыя* не пущяху *изъ Руси*». «Ходиша вся *Руска земля* на *Галицъ*». «Послаша *Новгородьци* къ Святославу *въ Русь* по сынъ; и приведоша Володиміра *въ Новгородъ*. Въ томъ-же лѣтѣ на зиму иде князь Святославъ Всеволодовиць, Олговъ внукъ *изъ Руси* на *Суждаль*, а сынъ его Володиміръ съ Новгородьци *изъ Новагорода*».

Въ отличіе отъ сей собственно-*Русской земли* или *Руси*, Новогородскій лѣтописецъ въ XII вѣкѣ *Просторускою землею* называетъ (какъ я полагаю) середнюю Русь т. е. сѣверозападную и сѣверовосточную. Напримѣръ: «Придоша подъ Новгородъ Суждальци съ Андреевицемъ. Романъ и Мстиславъ съ Смоляны и съ Торопьцяны, Муромци и Рязанци, и вся земля *Просторусьская*».

---

[1]) Названіе сѣверныхъ обитателей нашего отечества Руссами отъ иностранныхъ писателей, сколько извѣстно, начинается въ исходѣ XII вѣка. Такъ Гельмольдъ повѣтствуетъ, что южные берега Балтійскаго моря населены Словенскими народами, изъ коихъ: отъ востока первые *Руссы* (Ruzi), потомъ *Поляки*, у коихъ на сѣверѣ Пруссы. Такъ въ привилегіи Фридриха 1-го Любеку, 1188 г., говорится о *Рутенахъ*, подъ коими историки Ганзы и Каченовскій разумѣютъ Новогородцевъ, хотя это названіе могло быть болѣе географическое, чѣмъ племенное.

[2]) Новогородскимъ лѣтописцемъ во второй половинѣ XII вѣка былъ *попъ, поставленный Нифонтомъ*. Сей священникъ былъ Іоаннъ, онъ-же и архіепископъ Илія—по предположенію митрополита Евгенія (см. *Ист. Слов. Дух. Пис.* Ч. I.).

Такъ и лѣтопись Кіевская *Русью*, *Рускою землею* называетъ южную Русь, отличая тѣмъ ее отъ *Новагорода*.

Послѣ сего, мнѣ кажется, несомнѣнно можно положить, что имя Русской земли сначала принадлежало собственно не Новугороду, а Кіеву [1]).

Олегъ, сдѣлавшись Кіевскимъ, Русскимъ княземъ, уставилъ — «Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто *мира дѣля*, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ». Ольга установляетъ по Лугѣ оброки и дани. Новгородъ остается опять безъ особаго у себя князя, какъ данникъ и оброчникъ Руси, и Константинъ Багрянородный называетъ его *Ексо-Россіею* (внѣшнею Россіею). Въ такомъ общемъ, географическомъ смыслѣ имя *Руси* могло простереться на Новогородскую землю не прежде, какъ по завладѣніи Кіева Олегомъ, когда и Новгородъ вмѣстѣ съ прочими городами сталъ *подъ Русью*.

Въ 970 году *людье Новгородьстіи* (видно опять не-поладивъ между собою безъ князя) идутъ просить себѣ князя у Руси, но уже Кіевской. Просьба ихъ была не-совсѣмъ покорнѣйшая: если не пойдете къ намъ (говорили они), то найдемъ себѣ князя. Только-бы кто пошелъ къ вамъ! — сказалъ имъ Святославъ. Но они, по указанію Добрыни на своего племянника, у великаго князя выпросили себѣ Владиміра, который и былъ *первымъ Русскимъ* княземъ въ Новѣгородѣ.

Благовластный Ярославъ, за важную для него услугу Новогородцевъ, при овладѣніи отцевскимъ Кіевскимъ престо-

---

[1]) Еще Карамзинъ замѣтилъ по нашимъ лѣтописямъ, что Русью или *Русскою землею* въ древности у насъ называлась преимущественно Кіевская или южная Русь. Мнѣніе о переходѣ и распространеніи на сѣверныя области Русскаго имени съ нашего Кіевскаго юга, положено еще Чеботаревымъ; но систематически оное развилъ въ своей школѣ Каченовскій, что и составляетъ свѣтлую и прочную сторону его системы, которая для доказательства сего мнѣнія, не опровергаетъ свидѣтельства и Русскихъ лѣтописей, основывается на нихъ безъ систематическаго предубѣжденія и не подозрѣваетъ ихъ на сей разъ ни въ вымыслѣ, ни въ умыслѣ.

ломъ, даровалъ имъ *Русскую Правду* и отпускную *Грамоту*. При раздѣлѣ Ярославомъ на удѣлы Русскаго государства, Новгородъ не вошелъ уже въ его составъ. Онъ самъ себѣ *промышлялъ* Князей у Руси, и потому часто оставался безъ князя, ибо управлялся болѣе рѣшеніями вѣчевой сходки своей, которыми весьма условлена была власть княжеская. Новгородъ богатѣлъ торговлею съ Ганзейскими городами, *плотничалъ* (какъ говорили Кіевляне) и расширялъ волости свои въ такъ-называвшихся *верхнихъ земляхъ* Россіи. Наконецъ онъ говорилъ уже: «кто противъ Бога и Великаго-Новагорода?»

Особящійся такимъ образомъ на сѣверѣ, Новгородъ принадлежалъ къ Руси болѣе по духовной власти митрополита Кіевскаго и всея Руси, принадлежалъ Кіеву болѣе по суду церковному, судясь въ мірскихъ дѣлахъ судомъ Ярославлимъ или Русскою Правдою, а въ послѣдствіи *своимъ судомъ*. Онъ былъ такъ-сказать крестнымъ сыномъ Руси, и уже въ среднія времена вполнѣ усыновился новой, второй матери обновленныхъ Русскихъ городовъ—*Москвѣ Бѣлокаменной*. Москва, присоединивъ къ своему великокняжескому *Московскому* престолу всю Суздальскую, а потомъ и Новогородскую землю, образовала изъ того *Великую Русь*, коея народъ и языкъ по преимуществу зовутся *Русскими*, которая въ областяхъ своихъ именуется собственно-*Россіею*, и въ народѣ своемъ величается *Святою*:

«Какъ у насъ было на Святой Руси!
Какъ у насъ было въ Каменной Москвѣ!...»
«Москва.... какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца Русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!»

Да, много отозвалось въ этомъ словѣ! Въ этомъ сердцѣ Россіи опять слилось, сроднилось почти все, чѣмъ владѣлъ стольный Кіевъ, что воспріяло отъ него и кровь и духъ и имя Русское, и безъ чего кончалъ онъ богатырскій вѣкъ свой, вмѣстѣ съ Царемгородомъ [1]). *Того Стараго Владиміра* (гово-

[1]) Взятіе Царьгорода западными крестоносцами и разореніе Кіева совершились въ одномъ, 1204-мъ году.

рилъ пѣвецъ Игоря) *нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ! Знамена его раздѣлились....* [1]).

Уже при Ярославлѣ отсталъ отъ Кіева сѣверозападный удѣлъ его съ своими *грозными* Полочанами; и Бѣлая Русь первая приняла отъ Кіева имя земли Русской [2]). Костьми *Русскихъ сынов*ъ засѣялись кровавые берега Неменя, и онъ, *Руссомъ* вливаясь въ Варяжское море, отдѣлилъ намъ землю Русскую отъ Прусской [3]). Всеславъ Полоцкій «расшибе славу Ярославу»; но его душа была въ Кіевѣ: «тому въ Полотскѣ позвонища заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы; а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша»! Но въ XII вѣкѣ внуки Всеславовы уже отпали отъ дѣдовской славы.

---

[1]) Слова сіи взяты изъ Пѣсни о полку Игоревѣ.—Изъ нея также я заимствовалъ и слѣдующія за тѣмъ (какъ мнѣ кажется Бояновы) выраженія о Всеславѣ, Полочанахъ и Неменѣ: «Немизѣ кровавѣ брезѣ... посѣяни костьми *Русскихъ сыновъ.*» — Послѣднее выраженіе встрѣчается и у Нестора: «Сію бо (Ольгу) хвалять *Рустіе сынове* яко начальницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь.»—Такимъ образомъ *родинное* чувство у насъ выражалось понятіемъ *сыновства*, по которому пѣвецъ Игоря и Русина называетъ *Русичемъ*, и Днѣпръ величаетъ *Словутичемъ* (т. е. Славичемъ, сыномъ Славы)... Изъ его-же Пѣсни я заимствовалъ также слова: *доски безъ князя* (т. е. безъ главной связи на кровлѣ). «Уже дъскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовърсѣмъ.» По древнему Русскому повѣрью, по-нынѣ ведущемуся, это *примѣта дурная.*

[2]) Такимъ образомъ и въ договорѣ 1228 г. Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ—*Русскою землею* называются волости князей: Смоленскаго, Полоцкаго и Витебскаго; а именемъ *Русина* и *Руси*—ея жители.

[3]) О Неменѣ, какъ границѣ между Россіей и Пруссіей, говоритъ Петръ Дуисбургскій (1326 г.). *Въ повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ*, написанной 1440 г. монахомъ Симеономъ (который былъ съ митрополитомъ Исидоромъ въ Италіи), находится слѣдующее мѣсто: «а кони митрополичьи гнали берегомъ отъ Риги къ Любеку на *Руску землю*, и оттолѣ на *Прусскую* землю, и оттолѣ на *Поморскую* землю, и оттолѣ на Жунскую землю, и оттолѣ на Свицкую, и оттолѣ къ Любку». (см. *Др. Рус. Вивл).*

Послѣ втораго Владиміра, послѣдняго единовластника древней Руси (1125 г.), стольный Кіевъ сталъ упадать; по поламъ рвалось его богатырское сердце, и великокняжеская сила его разошлась на двѣ стороны.

Съ Андреемъ Боголюбскимъ перешла она въ удѣлъ сѣверовосточный, въ землю Суздальскую, куда еще отецъ его Долгорукій перенесъ имя Руси вмѣстѣ съ именами городовъ Южнорусскихъ; туда перешло оно и съ переходомъ во Владиміръ-Залѣскій изъ Кіева митрополита *всея Руси*. Сѣверовосточная Русь наслѣдовала и бармы мономаха, коими вѣнчается Русскій царь на единодержавіе.

Храбрый Романъ Галицкій великокняжескую силу Кіева перевелъ въ югозападный удѣлъ его, въ его землю Галицкую или Червоную Русь, и названъ былъ самодержцемъ всея Руси [1]).

И такъ Новогородская земля *обрусѣла* позднѣе, чѣмъ сѣверозападная или Бѣлая Русь, чѣмъ сѣверовосточная или Суздальская Русь, чѣмъ югозападная или Червоная Русь, кои въ XII вѣкѣ уже *были Русью*, города коихъ были родными дѣтьми Кіеву, и по утратѣ коихъ первозванная *земля Русская* прозвалася *Украиною* [2]), а въ XIV вѣкѣ во Владимірѣ-Волынскомъ получила имя *Малой Руси* [3]). Сія-то древняя Кіев-

---

[1]) Въ Волынской лѣтописи, подъ 1204 г., Романъ названъ *Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всея Руси*. Въ Червоной Руси или Галиціи понынѣ удержалось имя *Русина* для народа, языкъ называется *Русскимъ*, и буквы для печати употребляются Словенскія.

[2]) *Украиною* Кіевская область называется въ Кіев. Лѣт. подъ 1187 г. «О немъ-же (Владимірѣ Глѣбовичѣ) Украина много постона».

[3]) Имя *Малой Руси* упоминается въ первый разъ 1335 г., въ грамотѣ Георгія князя Владиміра-Волынскаго, сохранившейся въ Кенигсберскомъ архивѣ (*Ист. Мал. Рос.* Бантыша-Каменскаго, 1830. Ч. I.). Къ сему-же вѣку принадлежитъ и наименованіе *Великою Русью* сѣверной Россіи, которая *Великою Русью* называется 1340 г., въ грамотѣ Симеона Гордаго; Іоаннъ-же Васильевичь Грозный титуловался уже *царемъ и самодержцемъ всея Руси*. Вѣроятно къ XIV в. относится и прозваніе *Бѣлой Руси* этимъ именемъ.

ская Русь была разсадникомъ *Русскаго духа* для храбрыхъ сыновъ своихъ—*Русичей*, духа любви къ Русской землѣ и ея славѣ [1]), которою звучали самыя имена Русскихъ князей.

«Не посрамимъ земли Рускія, но ляжемъ костьми: мертвыи бо срама не имамъ»! восклицалъ воинственникъ Святославъ передъ побѣднымъ *Русскимъ боемъ* [2]).

«За землю Русскую»! взывалъ къ *княженецкимъ* сынамъ Владиміровой Руси пѣвецъ Игоря Новагорода-Сѣверскаго.

Но у *житыхъ людей* двухъ *господъ*—великаго-Новагорода и Пскова—тогда была еще «душа на Великой, а сердцѣ на Волховѣ».

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

О разнообразіи и единствѣ мнѣній относительно происхожденія Руси.

«Аще же и многаго искуства желаетъ кто: вѣсть древняя, и быти хотящая разсмотряетъ: свѣсть извитія словесъ и разрѣшенія; знаменія и чудеса проразумѣваетъ, и сбытія временъ и лѣтъ.»

Прем. VII. 8.

Да не будетъ мнѣ въ осужденіе, что разнословія переписчиковъ и продолжателей Русской лѣтописи я называю *исто-*

---

[1]) Раскрытіе сего *Русскаго духа* изъ пѣсни Игорю представлено во второй статьѣ моей объ этой пѣсни *относительно ея духа.*

[2]) «Любящу *Русскій бой*» — выраженіе, находящееся въ Кіевской лѣтописи подъ 1229 годомъ.

«Душа на Великой, а сердце на Волховѣ» — старинная Новогородская пословица, которую—равно какъ и нѣкоторыя другія народныя выраженія — я заимствовалъ изъ сочиненія Снегирева *Руские въ своихъ пословицахъ*, 1831 - 1834. Авторъ приступилъ уже къ изданію и другаго плода трудовъ своихъ надъ предметами стародавней народности нашей—изслѣдованія простонародныхъ Русскихъ праздниковъ.

Что не одинъ Новгородъ называемъ былъ *господиномъ*, но и Псковичи этимъ именемъ величали свой городъ, о томъ см. *Ист. Кн. Пск.* Ч. I.

рическими мнѣніями, также, какъ и умозаключенія ученыхъ критиковъ; что вообще въ моихъ изслѣдованіяхъ я обращаюсь къ повѣрьямъ, преданіямъ и понятіямъ народнымъ, также со вниманіемъ, какъ и къ повѣрьямъ, мнѣніямъ и сомнѣніямъ ученымъ!—Я думаю, что мнѣніе можетъ имѣть не антикварій кабинетный только, но и келейный писецъ;—что иногда въ преданіи народномъ затаено больше истины, чѣмъ раскрыто оной въ иной догадкѣ и въ розыскѣ ученаго;—и что въ иномъ пѣснопѣніи нашего простонародья больше истинной, непреходящей красоты, чѣмъ во многихъ стихотвореніяхъ сословія книжнаго. Такъ въ незамѣтномъ зернѣ подъ пеленою сѣмени, такъ въ простомъ плодоносномъ цвѣткѣ, больше жизни для будущаго, чѣмъ въ пышно-махровомъ росписномъ пустоцвѣтѣ заморской луковицы! «Не только свѣта, что въ окнѣ» говоритъ Украинская пословица.

Въ самомъ дѣлѣ, когда объ одномъ предметѣ нѣсколько ученыхъ мнѣній, противорѣчащихъ другъ другу: не въ правѣ-ли всякъ сказать, что въ этихъ мнѣніяхъ весьма учено говорится и умно разсуждается объ околичностяхъ: касательно-же сущности дѣла, въ нихъ во всѣхъ, либо съ выключеніемъ одного, не больше истины, какъ и въ разнословіяхъ лѣтописцевъ!

Нѣкоторые историки-критики (особенно Болтинъ) довольно погуляли надъ иноческимъ мнѣніемъ среднихъ временъ о происхожденіи Руси отъ Росса, упоминаемаго у Іезекіиля, хотя къ мнѣнію сему Эверсъ былъ благосклоннѣе. Но ка́къ-же они сами, эти нѣкоторые критики, ка́къ вообще ученые новаго времени рѣшили происхожденіе Руси?

Въ сонмѣ ученыхъ говорятъ, что Руссы произошли и получили имя *отъ Роксоланъ*, *отъ Козаръ*, *отъ Готовъ*, *отъ Финновъ*, *отъ Шведовъ*, *отъ Скандинавовъ вообще*, *отъ Рустринговъ* или *Фрисландцевъ*, *отъ Словенъ*... Ясное дѣло, что всего этого быть не можетъ! И не значитъ-ли это, въ общемъ итогѣ мнѣній и голосовъ, что Руссы принадлежатъ къ племени Ноеву, разсѣянному по лицу земли? Арабскій-же писатель Миркондъ именно говоритъ, что Руссы произошли отъ Іафетова сына Русса; а Стрыйковскій производитъ Словено-

русскій народъ отъ шестаго сына Іафетова Мосоха и полагаетъ, что Словены назвались *Россянами* или *Россами* отъ *россѣянія* [1]) по многимъ странамъ. Послѣднее мнѣніе было сильно у насъ распространено Кіевскимъ Синопсисомъ, было принято нѣкоторыми учеными и прошедшаго столѣтія... Но чего не принимали ученые?...

У Словенъ есть еще своенародное, ближайшее къ намъ преданіе о трехъ братьяхъ: *Чехъ*, *Лехъ*, *Руссъ* и сестрѣ ихъ *Вендѣ*, прямо указывающее на принадлежность Руссовъ къ сѣверозападной отрасли Словенскаго племени. Это преданіе историками-критиками признано за сказку, и потому отвергнуто... Но что не было ими отвергаемо?...

Развѣ Татищевъ, вѣруя не только въ Несторову, но и въ такъ-называемую Іоакимову лѣтопись и производя Россовъ отъ *Финновъ*, не отвергалъ всѣ прежнія о томъ мнѣнія?

Развѣ Шлецеръ — сей славный, грозный паладинъ Русскихъ лѣтописей, образецъ терпѣнія въ трудѣ и нетерпимости въ мнѣніи — не исключилъ разныя событія, лица и даже народы изъ Несторовой повѣсти, «какъ старыя и *вздорныя* сказки, какъ новыя, *глупыя* вставки и *дурацкія* передѣлки, какъ подложныя и умышленныя поддѣлки», коихъ не могъ онъ сообразить и изъяснить, изъ коихъ нельзя вывести, что Руссы были *Шведы?* Развѣ не положилъ онъ клеймо отверженія на Скандинавскія саги наравнѣ съ Іоакимовою лѣтописью, которую признавалъ даже «столь важный человѣкъ» какъ Болтинъ? Не выходилъ-ли онъ изъ терпѣнія, не приходилъ въ удивленіе отъ того, что сей, по словамъ его, величайшій знатокъ отечественной исторіи, одинъ между Русскими и ученый, и искусный критикъ—могъ думать, вмѣстѣ съ Татищевымъ, что

---

[1]) Такъ Прокопій изъяснялъ названіе и Словенъ *Спорами* (отъ разсѣянія), которое по Шафарику есть измѣненное имя *Сорбовъ* или *Сербовъ*. Другія подобныя сему словопроизводства Русскаго имени отъ Греческихъ, Еврейскихъ словъ, приводитъ Герберштейнъ въ началѣ своего сочиненія (Rerum Moscovit.). Названіе Руссовъ производили также отъ *русаго* цвѣта волосъ, каковое объясненіе дѣлали и Византійцы, называвшіе Руссовъ одноземцами Ахиллеса.

Руссы были Финны, а *не Шведы!*... И не сказалъ-ли онъ (Господь съ нимъ!), что между всѣми Русскими, писавшими до него (до 1802 г.) Русскую исторію, не было ни одного ученаго историка?... И все потому, что никто изъ нихъ не держался его *Шведской грамоты!*

А Погодинъ — новый паломникъ Несторовой повѣсти, защитникъ ея подлинности отъ сопротивныхъ отрицаній невѣрующей критики и Шлецеровой, и современной—не опровергъ-ли онъ и Шлецерово, и Эверсово, и Нейманово мнѣніе о Руси, наравнѣ съ мнѣніемъ о Россѣ, съ преданіемъ о Руссѣ и Пруссѣ [1]), когда доказывалъ, что Русь есть особое *племя*

---

[1]) О Пруссѣ, какъ братѣ Кесаря Августа и родоначальникѣ Рюрика, давшемъ свое имя Пруссіи—говорится въ *Степенной книгѣ*, по мысли и наставленію митрополита Макарія составленной, и въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи (Архангелогородскомъ, Алатырскомъ). Это мнѣніе, принесенное къ намъ еще Глинскимъ (по Татищеву), у насъ сильно распространилось въ половинѣ XVI вѣка; на этомъ, какъ историческомъ тогда мнѣніи, самъ Грозный царь утверждалъ свои исторически-справедливыя требованія въ письмѣ къ Баторію. Въ прошломъ вѣкѣ почти никто уже изъ нашихъ писателей, кромѣ князя Хилкова, не признавалъ этой Прусско-Литовской родословной. Ломоносовъ упоминаетъ объ ней, но не принимаетъ, и его не поняли ни Миллеръ, ни Шлецеръ; а вслѣдъ за ними—и Погодинъ повторилъ (въ разсужденіи *о происхожденіи Руси*, 1825 г.), будто Ломоносовъ выводилъ Руссовъ изъ Пруссіи «положась на свидѣтельство Степенной книги о Пруссѣ». Но Ломоносовъ имѣлъ совсѣмъ другія основанія для сего мнѣнія, которому онъ первый у насъ далъ учено-систематическій видъ, изыскивая словенизмъ Руссовъ и ихъ пребываніе на Прибалтійскомъ западѣ, по указаніямъ Гельмольда и другихъ западныхъ писателей; но онъ дополнилъ это мнѣніе древне-Русскимъ, *Несторовскимъ* понятіемъ о Варягахъ и Руссахъ, и учено-иноземнымъ мнѣніемъ среднихъ временъ о тожествѣ Руси съ Роксоланами, и отрѣшилъ большую часть тѣхъ вымысловъ, которыми и наша и чужеземная старина (въ XVI, XVII и четыредесятилѣтіе XVIII вѣка) потѣшалась въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о происхожденіи и прозваніи Руссовъ. Въ Ломоносовскомъ мнѣніи прежнія понятія о Руси сосредоточились и преобра-

Норманское?... Онъ говорилъ рѣшительно: «что всякій желающій отвергать сіе мнѣніе, долженъ непремѣнно прежде опро-

---

зились въ *систему историческую*. Сею системою прекращается *первый*, длинный періодъ *Русской школы*, которая зачалась изъ живыхъ, своенародныхъ стихій историческихъ и вкоренилась еще на исходѣ XI вѣка, въ Кіевѣ, *повѣстію Несторовою*, при вліяніи стихіи византійской; потомъ—въ половинѣ XVI вѣка, въ Москвѣ, при сумеркахъ византійскаго свѣта и вѣяніи западномъ—выросла она въ родословное систематическое древо *Степенной книги*, покрывшееся широколиственною сѣнью *Никоновской лѣтописи*; во второй половинѣ XVII вѣка, въ Кіевѣ, явилась она *Хроникою* Софоновича (1672 г). и умножилась Латино-Польскими прививками *Гизелеева Синопсиса* (1674 г.), почти цѣлое столѣтіе размножавшагося во всѣхъ Русскихъ школахъ. Ея полный разцвѣтъ—съ одной стороны начался *ядромъ Россійской Россіи*, (въ Шведскомъ заточеніи князя Хилкова, въ Вестеросѣ, 1715 г.); съ другой, въ Александро-Невской семинаріи, изобразился сотнями родословныхъ круговъ въ стихотворномъ *Зерцалѣ историческомъ*, 1748 г. Наконецъ Русская школа завершилась (1754 г). плодомъ ученыхъ занятій исторіей *Ломоносова* а), его *историческою системою*, и, ею обновленная и возрожденная,

а) Въ *Моск. Телегр.* 1827, Ч. XVIII, помѣщенъ, подъименемъ *послужнаго списка*, отчетъ Ломоносова въ его ученыхъ занятіяхъ съ 1751 по 1757 годъ, гдѣ означилъ онъ, что «по своей профессіи и въ другихъ наукахъ учинилъ погодно» (въ химіи, въ физикѣ, въ исторіи, въ словесныхъ наукахъ). Такъ напр. въ 1751 г. «онъ читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской исторіи: Нестора, за нимъ Пряславли, большой лѣтописецъ Татищева первой томъ, Кромера, Вейссля, Гелмолда, Арнолда, и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя ексцепты или выписки и примѣчанія, числомъ 653 статьи». Въ 1752 г. «Для собранія матеріаловъ къ Россійской исторіи, читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Іорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Өеофана Исповѣдника, Леона Грамматика...» Въ 1753 г. «1) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2) Читалъ Россійскіе академическіе лѣтописцы, безъ записокъ, чтобъ общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ». Въ 1754 г. «Сочиненъ опытъ исторіи Славянскаго народа до Рурика...» и т. д.

Вотъ доказательство учености Ломоносова, не выставленной имъ на-показъ, какъ *товаръ-лицемъ*, вопреки Шлецеру, который, въ пылу своего неудовольствія за непризнаніе Байеровской системы, отказывалъ Ломоносову и вообще Русскимъ историкамъ въ *учености* и обвинялъ ихъ въ *неученой фантазіи*, какъ Нестора въ выдумкахъ изъ *патріотизма!* Если Ломоносовъ и не нагромадилъ въ своемъ сочиненіи столько ссылокъ и выписокъ, какъ Шлецеръ подъ сводомъ Нестора, то надо вспомнить, что онъ писалъ не *критическое изслѣдованіе* и не *сводъ лѣтописей*, но основанную на нихъ *исторію Русскую;* притомъ-же онъ написалъ за полвѣка до Шлецерова свода Нестора, когда не было еще для Русской исторіи вѣка Екатерины великой. Говорятъ критика работаетъ для историка: но много-ли приготовили для историка Ломоносова, до 1750 года, наши первые критики —Татищевъ, Байеръ и Миллеръ?... И для учености бываетъ разный талантъ: для иной—*свѣтлый лучъ мысли* изъ тмы свѣдѣнія, хотябы онъ казался и *фантастическимъ* какъ сѣверное сіяніе изъ мглы и хлада недосягаемыхъ льдовъ полярныхъ; для другой—*громада свѣдѣній*, подъ которою *умъ заходитъ за разумъ*, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли!

вергнуть Нестора, не только что не можетъ употреблять его въ свою пользу».

Но Каченовскій сомнѣвается въ достовѣрности древней Русской лѣтописи и отвергаетъ подлинность не только ея,

---

явилась въ свѣтъ въ началѣ историческаго вѣка великой Екатерины, въ 1766 году, уже по смерти Ломоносова (1765 г.). Потому систему его я называю *ученою представительницею старой Русской школы*, среди новыхъ школъ историческихъ, между которыми она — и какъ новая система, XVIII вѣка — есть *старшая Русская* школа историческая.

Представляя по-возможности полное исчисленіе *мнѣній о Руси* нашихъ писателей, особенно старинныхъ, и утверждая, что на Руси въ прежніе вѣка не считали Руссовъ ни Скандинавами вообще, ни Шведами въ-частности, я небезполезнымъ считаю сдѣлать здѣсь еще два слѣдующія замѣчанія противъ Шлецера.

1) Несторъ выводитъ Варяго-руссовъ *не изъ Скандинавіи* (какъ утверждалъ Шлецеръ вслѣдъ за Тунманомъ), но съ Поморія Балтійскаго (какъ показано въ § 5 сего изслѣдованія): этимъ разрушается *первое* изъ доказательствъ тожества Руси съ Шведами; а вмѣстѣ и важный авторитетъ, на коемъ утверждаются двѣ первыя новыя школы, отъ коего давно уже отложилась третья новая школа. 2) Доказывая тожество Руси съ Шведами, Шлецеръ говоритъ, будто и въ XVII в. *сами Русскіе считали рѣшеннымъ дѣломъ*, что Варяги (т. е. Руссы) *были Шведы*. Въ доказательство такого неправильнаго понятія, онъ приводитъ изъ *Скарина* извѣстіе (на которое ссылались и другіе), что во время Лжедимитріевъ, отряженный Новгородцами архимандритъ *Кипріанъ* сильно настаивалъ, что-бы Шведскаго королевича Карла избрать въ князья Московскіе и употребилъ такія выраженія: «какъ примѣромъ древности и исторіею можно доказать, что за нѣсколько сотъ лѣтъ до покоренія Новагорода подъ власть Московскую, былъ князь изъ Шведовъ Рюрикъ»... Но изъ сего извѣстія о Кипріановыхъ словахъ совсѣмъ не слѣдуетъ Шлецеровскаго заключенія о мнѣніи *Рускихъ* въ XVII в. относительно Руси. Слова Кипріана относятся не къ *Руси*, а единственно къ лицу *Рюрика*, котораго и лѣтописцы наши въ среднія времена называли только общѣе—*княземъ Нѣмецкимъ* подъ какимъ названіемъ могъ быть и Шведскій, и Датскій, и Прусскій и Норвежскій. Но въ самомъ-ли дѣлѣ они почитали его Шведомъ, или-же такая опредѣленность произошла только на сей случай—отъ

но и Русской Правды и прочихъ древнихъ памятниковъ Русской словесности; а между тѣмъ невѣритъ Скандинавскому происхожденію не только Руссовъ, но и самихъ Варяговъ. Передавшись на сторону западныхъ писателей, онъ, вмѣсто такъ-называемыхъ Варяго-Руссовъ, предполагаетъ Словенъ

Новгородцевъ и Шведовъ, рѣшеніе того не осносится къ вопросу о племени Руссовъ. Въ Синопсисѣ и Зерцалѣ историческомъ Рюрикъ также называется *Нѣмецкимъ* княземъ; но въ Зерцалѣ онъ называется пришельцемъ изъ *Вагріи*, а Руссы въ обоихъ принимаются за *Словенскій* народъ.

Вмѣсто сего указанія на слова Кипріана о Рюрикѣ, я приведу еще одно изъ мнѣній Русскихъ, принадлежащее къ первой половинѣ XVI вѣка, а именно — мнѣніе *Герасимова*. Историкъ *Павелъ Іовій*, епископъ Новокомскій (XVI вѣка), въ книгѣ *о посольствѣ великаго князя Василія Іоанновича къ Папѣ Клименту VII*, пишетъ, что нашему ученому гонцу *Димитрію Герасимову* предлагалъ онъ вопросъ: не осталось-ли у Москвитянъ — или въ преданіяхъ отъ предковъ, или въ свидѣтельствахъ письменныхъ—памяти о Готахъ, которые за 1000 лѣтъ разрушали и опустошали имперію Цесаря и городъ Римъ? На это Герасимовъ отвѣчалъ такъ: «и Готскаго народа и Тотилы царя имена весьма извѣстны и знамениты; въ ополченіи томъ воевали многіе народы, а больше всѣхъ Москвитяны; войска весьма еще умножилось толпами Ливонцевъ и Волжскихъ Татаръ; но всѣ они названы были Готами потому, что Готы, населявшіе островъ Исландію или Скандинавію, были зачинщиками того ополченія». Откуда-бы ни взялъ Герасимовъ это свѣдѣніе, но изъ словъ его—о столь сильномъ участіи нашихъ предковъ въ Вендо-Готскихъ ополченіяхъ на Римъ, въ половинѣ VI-го вѣка—видно что онъ, зная довольно о древнихъ Скандинавахъ или Готахъ, не считалъ ихъ своими предками!

Здѣсь можемъ вспомнить вообще о сильныхъ нападеніяхъ, какія въ числѣ Вендскихъ народовъ дѣлали на Римскую имперію *Ругіяны*, и о тѣхъ связяхъ, въ какихъ издревле были *Ружаны* съ Готами Скандинавскими. Правда, что *древнихъ Ругіянъ* многіе почитали народомъ Германскаго племени (подобно Тациту, который впрочемъ къ Германцамъ относилъ и Венедовъ); однако были и такіе, которые древнихъ Ругіянъ относили къ Словенскому (Вендскому) племени, какъ и позднѣйшихъ Варяго-Руссовъ. Кто правъ—это еще *вопросъ*, который можетъ-быть рѣшится и въ пользу втораго мнѣнія!

Вагровъ [1]), какъ позднѣйшихъ (XII вѣка) переселенцевъ или

---

[1]) Выше упомянуто что подъ именемъ Варяговъ еще въ XVI вѣкѣ нѣкоторые ученые разумѣли Заодерскихъ Словенъ *Вагровъ* или *Вагировъ*. Это мнѣніе у насъ было въ ходу въ вѣкъ Елисаветы. Такъ извѣстный сотрудникъ Байера Александро-Невскій монахъ Никодимъ Селлій (изъ Датскихъ реформатовъ, ум. 1746 г). написалъ Латинскими стихами *Продромъ*, сохранившившійся въ Русскомъ стихотворномъ-же переводѣ, подъ именемъ *Зерцала историческаго Россійскихъ Государей* а), который 1748 года сдѣланъ извѣстными въ нашей исторіи лицами: *Амвросіемъ* Зертисъ-Каменскимъ и *Гавріиломъ* Кременецкимъ, и поднесенъ государынѣ Елисаветѣ отъ имени Александро-Невской семинаріи. Въ немъ читаете:

«Въ лѣта древношедшіе сыны три княжіе.
Рюрикъ, Труворъ и Синей, вси братья родные,
Изъ Вагріи въ Русскую вышли землю званны,
И получили страны жребіемъ метанны».

Близкое къ сему мнѣніе (въ *Моск. Наблюдатель* 1836 г). изъявилъ Венелинъ, въ статьѣ своей, называемой *Скандинавоманія.* Онъ за Варяговъ принимаетъ *Померанцевъ*, полагая что Несторъ и его современная Русь Варягами называли только Померанскихъ Словенъ. «Несторъ, (по словамъ Венелина) дошедши до Вислы, такъ и машетъ рукою на Померанію, говоря: *по тому же морю къ западу»*. Но Несторъ говоритъ также: «по сему же морю сѣдятъ Варязи сѣмо ко *въстоку»*. О мѣстопребываніи Варяговъ-Руссовъ по Нестору, см. § 5 моего изслѣдованія.

а) Къ Зерцалу историческому (напеч. 1773 г. въ *Древн. Рос. Вивл.* Ч. I, а во 2 изд. въ Ч. XVI — безъ родословныхъ Амвросій и Гавріилъ приложили отъ себя *три родословныя табели*, для того, что «Генеалогія по сущей правдѣ есть главнѣйшій фундаментъ Россійской исторіи». Я имѣю (отъ Г. Романовича старинный списокъ въ листъ сего Зерцала, при коемъ родословныя табели на 43 листахъ представлены съ отличнымъ тщаніемъ, во множествѣ *кружковъ*, гдѣ въ полномъ цвѣту является Кіевскій Синопсисъ. Въ одномъ изъ нихъ славный Ружанинъ *Одонацеръ* (Одоацеръ, Одоакръ), побѣдитель стараго Рима, величается *Славенорусскимъ княземъ* какъ и въ Синопсисѣ, и называется *Одонарецъ*: не есть-ли это настоящее имя сего витязя, которое измѣнили перестановкою буквъ (какъ у Арабовъ Александръ измѣнился въ Эскандеръ), и не было ли оно сначала *Оттонарецъ?*... Такъ въ именахъ Ворисоенъ, Моровей, Клодовей, Боцарисъ—узнаны Словенскія имена: *Берестинъ*—Шафарикомъ, *Мировой*, *Кладивой*, *Бочаръ*—Венелинымъ; такъ въ имени Болгарскаго царя, Арабами называемаго Блатаваръ или Влатавацъ, узнано Словенское слово *Владавецъ;* такъ Плиніево имя Сѣвернаго океана Mare Maruza видимо—говоратъ—есть *море Мороза*. Вспомнимъ, что и по новой латыни Декартъ называется *Картезіусомъ!* Къ моей догадкѣ (въ опытѣ гипотезы), что *Нарецъ*, *Нарцы* значатъ нарицателей или именователей (отъ слова—*реку: нарцы*—назови, *рци* -словно) и обличаютъ тотъ же народный смыслъ о первоначальномъ достоинствѣ человѣка, какъ и въ именахъ *Словенинъ*, *Словенецъ*, *Словакъ*, прибавлю здѣсь, что оно измѣнилось потомъ въ *Норецъ*, *Норикъ*, и даже въ *Нарочникъ* или *Наручениъ*, т. е. Наречникъ, Нареченикъ—каковымъ именемъ назывались нѣкоторые Заодерскіе Руссы или *Рудены* (по Силезскимъ грамотамъ XIII вѣка): здѣсь буква *е* перешла въ *о* и *у*, какъ и въ словѣ *рокъ* (выговариваемомъ въ разныхъ мѣстахъ *рикъ*, *рукъ*, происшедшемъ отъ *реку*, рекъ,—какъ и Латинское fatum отъ fari).

колонистовъ съ Балтійскаго поморія на берега Ильменя и Волхова,—гдѣ до той поры, по его мнѣнію, совсѣмъ не было ни Словенъ, ни Новагорода!...

Наконецъ Морошкинъ, хотя думаетъ, что первыми Варягами были Словены (Вагры и Руссы), а позднѣйшими преимущественно Скандинавы; но Варяговъ принимаетъ по-Ломоносовски — не какъ одно племя или націю, а какъ военное сбродное товарищество морскихъ разбойниковъ. Онъ доказываетъ, что Руссы были *Словены сѣверозападные*, но полагаетъ, что они «пришедши съ Варягами къ Новогородцамъ, не показываются болѣе отдѣльною націею въ исторіи нашего отечества; но, давъ имя Россіи, исчезли между Словенскими племенами Новагорода, Полотска, Смоленска и Ростова.»

Такимъ-то образомъ смѣняются и препираются историческія мнѣнія: каждое новое, для своего самосохраненія, гонитъ старое, потомъ само старѣетъ и упадаетъ, а старое нерѣдко опять юнѣетъ, возстаетъ и обновляетъ вѣкъ свой.

Да и не всякая-ли новая система отвергаетъ другую, какъ ложь и заблужденіе, и что-бы самой пожить хотя нѣсколько, обводитъ *мертвою рукою* прежде жившія и процвѣтавшія системы?... Такъ нашъ сѣверный селянинъ-*огнищанинъ* [1]) рубитъ и сжетъ вѣковое дерево, «что-бы на его пепелищѣ засѣять однолѣтній злакъ свой, и пажить свою ставитъ «выше лѣса стоячаго!» И чѣмъ ограниченнѣе и одностороннѣе, чѣмъ новѣе и жизненнѣе система, тѣмъ больше творецъ ея, а и того больше ея послѣдователи, увѣрены, что ею они рѣшили уже все,—и скорѣй они изреченіе мудреца: «я знаю, что ничего не-знаю» назовутъ философскою побасенкою, словоизви-

---

[1]) *Огнищанъ*, упоминаемыхъ въ Русской Правдѣ, многіе почитаютъ за одно съ первостатейными гражданами, или вообще за обывателей, хозяевъ дома съ *огнищемъ*—focus. Но митрополитъ Евгеній даетъ болѣе прямое указаніе на значеніе сего слова: «*Огнищемъ* и нынѣ по Вологодской, Архангельской и Вятской губерніямъ называется лѣсъ, выжженный для посѣва хлѣба или льна, а земледѣльцы, такимъ образомъ засѣвающіе, прозываются *огнищанами*». (см. *ист. Княж. Псков.* 1831 Ч. I. стр. 42).

тіемъ любомудрія, чѣмъ согласятся, что ихъ система по-крайней мѣрѣ недостаточна и одностороння, если вовсе не ложна.

Не будемъ однако слишкомъ винить науку, систему ума человѣческаго. Тотъ-же жребій палъ и на природу, систему ума Высшаго. «Время всѣмъ, и время всякой вещи подъ небесѣмъ: время раждатися и время умирати; время садити и время исторгати сажденое!» *(Экклез)*.

О всемъ твореніи, отъ малаго до великаго, печется благодатная природа: но и въ ней такъ-же мѣняется, чередуется, преходитъ бытіе; и въ ней одна тварь живетъ на счетъ другой; мелкотравчатый мохъ и невидный поростъ одолѣваютъ, замуровываютъ собою лѣса; на прахѣ сѣнелиственнаго дерева возникаетъ давно-заглохшее отъ него зерно травнаго былія; иногда въ осень разцвѣтаютъ опять цвѣты весенніе:

«*А* какъ-бы на цвѣты не морозы,
И зимою-бъ цвѣты разцвѣтали!»...

Но мы на прежнее возвратимся.

Что Руссовъ нашихъ не-напрасно считали у насъ издавна Словенами, и что понапрасну съ-недавна стали считать ихъ Скандинавами—это, послѣ новыхъ ученыхъ изслѣдованій, становится для меня истиною положительною, и я принимаю несомнѣнно Руссовъ за особый народъ, принадлежавщій къ сѣверозападной отрасли Словенъ. Такимъ образомъ Словенское преданіе о *трехъ братьяхъ* обращается для меня уже въ мнѣніе историческое; спадаетъ съ него сказочный покровъ, въ которомъ ходила и укрывалась истина о племени той Руси, отъ коей, по сказанію Нестора, получила имя земля Русская (до той поры называемая Скиѳіей, Сармаціей, Гардарикомъ...). Безъ ученыхъ изслѣдованій не можетъ быть отличена истина; а если и была открыта, то опять завьется въ младенческую пелену сказки или впадетъ въ сонное забытье!...

И тѣмъ охотнѣе я слѣдую сему мнѣнію о племени Руссовъ, что оно было народнымъ преданіемъ Словенскимъ; тѣмъ открытѣе и утвердительнѣе говорю въ пользу его, что оно не новое, не чье-либо личное мнѣніе, а только сознанное вновь и пробуждаемое нынѣ *общее мнѣніе* нашей Русской старины, отъ Нестора до Ломоносова,—которое болѣе полувѣка было

заглушено новыми мнѣніями, народившимися, со времени Байера и Татищева, особенно въ нынѣшнемъ *вѣкѣ системъ*.

Что-же эти прочія мнѣнія и ученія о происхожденіи Руси отъ другихъ народовъ?..

Ученія эти междоусобствуютъ, обличаются взаимными другъ на друга показаніями — и хорошо дѣлаютъ, поколику они гипотезы и частныя системы. Пусть-себѣ выводятъ другъ въ другѣ темныя пятна и уничтожаютъ свое частное, произвольное, смертное начало!... Но уже-ли этимъ распрямъ и отрицаніямъ не будетъ конца? уже-ли съ этимъ взаимнымъ обличеніемъ и отверженіемъ должны и кончиться ученыя мнѣнія?...

Нельзя подумать, что-бы эти ученія были вовсе неосновательны, что-бы въ этихъ ученыхъ мнѣніяхъ не было сколько-нибудь истины положительной. Только бѣдная глупость бредитъ сущую безсмыслицу, да и та иногда обмолвится правдою, ибо зачатки истины глубоко лежатъ въ умѣ и падшаго человѣка! Потому лучше думать, что въ каждой гипотезѣ или мнѣніи ученомъ есть и своя дѣльная, основательная, своя истинная или вѣроятная сторона; что каждое изъ нихъ справедливо хотя отчасти; что большая часть ихъ послужилá къ открытію истины и назидательна не въ отрицательномъ только или относительномъ смыслѣ, но и положительнымъ, существеннымъ образомъ. — А если такъ, то каждое изъ нихъ можетъ еще, своею невыдуманною стороною, поступить въ общую сложность мнѣній, какъ запасъ для построенія древнѣйшей исторіи Руссовъ и для объясненія ихъ отношеній къ другимъ народамъ; потому, каждое мнѣніе можетъ еще быть принято на *новую ученую бесѣду о Руси*, не какъ *иной*, а какъ *гость* Русскій, съ правомъ голоса своего и съ правиломъ Русской пословицы: «по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ».

Выслушайте каждое изъ нихъ особо и непредупрежденно: вамъ представятъ событія, словопроизводства, имена, мѣстныя преданія, свидѣтельства писателей, и съ такою увѣренностію, что вамъ небезсмыслицею покажется близкое *сродство Руси*—у однихъ съ *Финнами*, у другихъ съ *Козарами*, у третьихъ съ *Болгарами*, у четвертыхъ съ *Скандинавами* и т. д. и вы повѣрите, хоть на время, что у каждаго изъ сихъ наро-

довъ точно была древле родная связь съ Русью, и что Руссы могли-бы произойти—отъ каждаго изъ нихъ... Но произойти отъ всѣхъ ихъ—неестественно! Ибо, по историческому закону образованія природы и разсѣянія рода человѣческаго, происходятъ виды отъ рода, многое отъ единаго, младшее отъ старшаго, а не наоборотъ. Да и по закону логическому—если доказывается и принимается, что и Скандинавы, и Финны, и Болгары, и Козары *были Руссами*, и при каждомъ изъ нихъ повторяется=*Руси*; то и слѣдовало-бы, кажется, имя *Руси* принимать ихъ *общимъ* и *родовымъ* именемъ и производить *не Руссовъ отъ нихъ*, но *ихъ отъ Руси*! Потому, кажется, и слѣдуетъ предположить, что они съ Русью имѣли древнюю родную связь, но въ-послѣдствіи разроднились съ нею, отмѣнились, переименовались и объособились племеннымъ образомъ.—Вотъ *общая мысль*, которая просвѣчиваетъ сквозь чащу разнообразныхъ доказательствъ и мнѣній о происхожденіи Руси, когда проходишь это Полѣсье или (какъ зовутъ его Сѣверцы) эту *Русскую Палестину*!....

И такъ, если мнѣнія и гипотезы ученыхъ объ Руси несчитать вовсе ложными и неосновательными (а такими считать ихъ несправедливо); то, выходя изъ оной общей мысли, можно-бы, кажется, составить *предварительную, общую гипотезу*, въ которую другія мнѣнія и гипотезы вошли-бы *отчасти*, со своими доказательствами, соображеніями и свидѣтельствами о сродствѣ Руси съ прочими народами; въ которой онѣ примкнули-бъ другъ къ другу не своею крайнею или особенною но основною и общею стороною, и сошлись-бы въ *Руси*, какъ въ племени древнемъ и родоначальномъ для многихъ другихъ народовъ.

Разумѣется, что и такая согласовка противоположностей была-бы еще также *гипотеза*, какъ и другія ученія объ Руси,— и только тѣмъ отъ нихъ отличная, что въ ней была-бы одна главная, средоточная, общая мысль, повторяющаяся и въ другихъ гипотезахъ, только въ обратномъ видѣ,—что въ кругу ея другія гипотезы обновились-бы, являясь съ своей истинной или вѣроятной стороны, и *приживаясь* другъ къ другу какъ взаимно необходимые члены одного тѣла. Но внѣ такаго круга

онѣ остаются по-прежнему—частными, односторонними системами, взаимно противорѣчивыми и междоусобными, искусно отрицающими и зыбко утверждающими; а безъ главной, связующей мысли, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, онѣ какъ *доски безъ князя на златоверхомъ теремѣ* Русской исторіи!...

Дорожа учеными мнѣніями и ихъ доказательствами о сродствѣ и тожествѣ Руси съ разными народами, можно *на основаніи оныхъ* сдѣлать и попытку такой общей предварительной гипотезы объ Руси, на-примѣръ хоть въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ.

ОПЫТЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ГИПОТЕЗЫ О ПЕРВОБЫТНОЙ И ДРЕВНѢЙШЕЙ РУСИ ДО ВРЕМЕНЪ РЮРИКА И ОСКОЛЬДА.

1. *Руссы* или *Россы* (т. е. красные) составляютъ первый отдѣлъ особаго, кореннаго древнеазійскаго Іафетова [1]) племени *Нарцы* (т. е. нарицатели, именователи). Объ нихъ упоминается въ Библіи подъ именемъ *Роса*; говорится и въ Коранѣ, какъ объ одномъ изъ славнѣйшихъ Азійскихъ народовъ, по-имени *Рось* или *Расъ*.—Другой отдѣлъ сего племени составляетъ народъ *Словенскій* (т. е. говорящій), вмѣстѣ съ ко-

[1]) Родоначальника Руссовъ Миркондъ называетъ Іафетовымъ сыномъ *Руссомъ*. Племя Руси могло назваться такъ и по имени *Русса* (какъ-бы онъ ни приходился Іафету), подобно тому какъ племя *Евера* назвалось *Евреями*; но еще вѣроятнѣе, что племенное имя Руссовъ обращено на востокѣ въ личное имя Русса,—какъ дѣлали то и послѣ сѣверные Словены, олицетворяя народы подъ именемъ *Русса, Славена, Вандала*; какъ Черкесы и Азіатцы другихъ племенъ создаютъ себѣ праотцевъ-героевъ, величая ихъ своимъ племеннымъ именемъ, и по значенію его придавая имъ различныя дѣянія. Это общенародное дѣло человѣческой юности; и встарину часто такимъ образомъ имена лицъ распространяли на народъ, а имена народныя сокращали въ личныя. И это имѣетъ свой *смыслъ*,—который прежде являлся въ простыхъ наименованіяхъ, въ баснословныхъ выраженіяхъ народовъ лицами; а потомъ послужилъ источникомъ философско-историческихъ системъ, глубокихъ и высокихъ взглядовъ на личность и возрасты народовъ, на идею цѣлаго человѣчества, какъ *величайшаго человѣка*, на его возрасты, и т. п.

торымъ Руссы обитали въ Азіи въ сосѣдствѣ съ Индіей: тамъ была сначала земля Руссовъ и Словенъ—*Русь* и *Славь*, откуда потомъ они вышли, разлучились и перешли въ Европу. Словены переплыли въ Европу *западнымъ* путемъ (вмѣстѣ съ другими *Пелазгійскими*—Ѳракійскимъ, Эллинскимъ, Латинскимъ, Галатскимъ или Кельтскимъ, Нѣмецкимъ или Тевтонскимъ); Руссы перешли изъ Азіи *сѣвернымъ* путемъ черезъ Кавказъ; тѣ и другіе за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.

«Бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афетова *Нарцы*, еже суть *Словенѣ*. По мнозѣхъ же времянѣхъ, сѣли суть Словѣне по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ (XI в.) Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ». Такъ говорилъ Кіевскій Русинъ *Несторъ* и представилъ вкратцѣ расплемененіе Словенъ на разные народы; но подробнаго о томъ сказанія мы Руссы послушаемъ отъ Чеха, когда Шафарикъ издастъ свое изслѣдованіе Старобытностей Словенскихъ [1]). Что касается до первобытной Руси, то съ переходомъ большей ея части черезъ Кавказъ кончился *первобытный* періодъ ея жизни *восточной*, безразличной. — Такой періодъ зовутъ обыкновенно *до-историческимъ* и баснословнымъ: и точно онъ наиболѣе *гадательный*, но тѣмъ не менѣе важный для понятія о народѣ и языкѣ его. Въ отношеніи къ нему можетъ имѣть мѣсто Русская пословица: «догадка лучше разума».

II. Слѣдуетъ *второй*, уже *историческій* періодъ Руси, для исторіи періодъ *древнѣйшій* и еще весьма предположительный. Это періодъ *разсѣянія* Руси по Европѣ и ея расплемененія на разные народы. По гипотезѣ нашей—Русь первобытная, устремясь отъ Кавказа на сѣверъ и западъ, разошлась по Европѣ въ двѣ главныя отрасли.

1. Первая отрасль *восточная*, расплеменяющаяся на разныя колѣна или побѣги, идетъ вдоль Урала до океана Сѣвернаго, и, заселивъ сѣверовостокъ Европы, кончается въ Скандинавіи.

---

[1]) Двѣ первыя тетради Шафарикова сочиненія уже вышли въ свѣтъ, и переводъ оныхъ, дѣлаемый Бодянскимъ на Русскій языкъ съ Чешскаго, издается въ Москвѣ Погодинымъ.

а) Одно колѣно сей восточно-Русской отрасли осталось на Кавказѣ, между Каспіемъ или моремъ *Хвалынскимъ* и Понтомъ или моремъ *Русскимъ*,—между рѣкою *Рою* или *Росью* (Волгою) и *Русскою рѣкою* (Дономъ). Въ-послѣдствіи оно являлось и подъ именемъ *Руссовъ*, распространявшихся даже за Волгу до Урала,—и подъ именемъ *Козаръ*, которые по сказанію нашей Четь-Минеи, бесѣдовали языкомъ Словенскимъ.

б) Второе колѣно восточно-Русской отрасли образуется на Волгѣ въ Руссовъ-*Болгаровъ*. Одна часть ихъ, западная или Дунайская, переходитъ на Дунай и *приживается* тамъ къ южной отрасли Словенъ. Остальная, восточная или *Поволожская* часть Болгаръ, раздѣлившаяся на Казанцевъ и Хвалисовъ, въ-послѣдствіи отатарилась.

в) Третье колѣно восточно-Русской отрасли [1]), скитаясь по простору сѣверо-востока Русскаго, простерлось до Скандинавіи и Сѣвернаго океана или *Моря-Мороза*, по Фински *Рутіанъ-мери*. Оно выродилось въ *Чудь бѣлоглазую* (какъ зовется она въ Русскихъ пѣсняхъ), раздѣлившуюся на Финновъ и Лопарей. Многіе изъ вѣтвей Поволожской Чуди опять возродились и уже обрусѣли, (а *русыя* косы Мордовокъ переходятъ на головы прекрасныхъ Россіянокъ); Чухонская Чудь

---

[1]) Въ моемъ систематическомъ очеркѣ человѣческаго рода (1831 г.) Финны отнесены къ колѣну *Іафетскому* или Кавказо-Европейскому, также какъ и Руссы, и Словены, и Нѣмцы.

а) Такъ называемый *Гиперборейскій* или *сѣверный* видъ, не есть особый, коренной и самообразный видъ (species). Это, такъ сказать, оконечныя на сѣверѣ вѣтви *Кавказскаго* (бѣлаго), *Монгольскаго* (желтаго) и *Американскаго* (краснаго) *видовъ* человѣческаго рода. — Такимъ-же образомъ и *Океанцы* не суть особый *видъ*, но только смѣшеніе на югѣ оконечностей *Кавказскаго*, *Монгольскаго*, *Негрскаго* и даже *Американскаго* видовъ, которые въ Океаніи пріобрѣтаютъ общее подобіе.—Такъ Малайцы полуострова Гангскаго и острововъ архипелага Индійскаго составляютъ оконечное племя Кавказскаго вида, которымъ сей видъ сливается съ прочими видами на югѣ. Такъ и Турецкое племя принадлежитъ не къ Монгольскому, а составляетъ только переходъ къ нему отъ Кавказскаго вида и оканчивается на сѣверѣ Якутами,—какъ Тунгузское племя отъ Монгольскаго вида переходитъ Бурятами. Въ Гиперборейцевъ и Океанцевъ соединены разные народы не по давнему и коренному сродству (affinitas); но только по ихъ подобію (analogia), происшедшему отъ мѣстности, позднѣйшаго смѣшенія и проч.

(Сіе распредѣленіе мое вкратцѣ помѣщено въ Телескопѣ 1831 года; но подробно изложено было въ сочиненіи моемъ *Сокращенная Система Животнаго Царства*, 1831. Ловецкій, во 2-мъ изданіи своей Зоологіи (приведя мою систему животныхъ) упоминаетъ объ этомъ сочиненіи, котораго дѣйствительно было въ печати уже 124 страницы; но я не выдалъ его въ свѣтъ, а теперь и совсѣмъ его нѣтъ на свѣтѣ).

обнѣмечилась; а Угорская Чудь отуречилась въ землѣ Угорской (Венгріи).

г) Четвертое колѣно восточно-Русской отрасли составляютъ *Іоты* или *Готы*, которые вкоренились въ Скандинавіи и въ ней издревле онѣмечились (можетъ-быть отъ Свеоновъ), подобно тому, какъ въ-послѣдствіи обнѣмечились Поморскіе Словены и оставшіеся вмѣстѣ съ ними Варяго-Руссы.

Всѣ эти положенія общей гипотезы можно подкрѣпить свидѣтельствомъ древнихъ писателей или-же именитостію новыхъ—частію усопшихъ, частію живыхъ. За однородство Руси съ Болгарами постоитъ Венелинъ; сродство Болгаръ съ Чудью подкрѣпляется именитостію нашего академика - оріенталиста; однородство Чуди съ Русью и Словенизмъ въ составѣ Венгерскаго народа будетъ защищать Бутковъ; а за *Руссизмъ* Скандинавовъ крѣпко стоитъ почти вся современная именитость нашихъ писателей по части Русской исторіи, со времени ученаго Шлецера. Честь и слава имъ и ихъ ученымъ изслѣдованіямъ за сіи открытія!

2. Но «око видитъ далеко, а мысль еще дальше» говоритъ пословица Русская,—и вѣщій Ломоносовъ распозналъ еще одну отрасль Руси на западѣ, на Поморіи Балтійскомъ. Эту *Русь* слѣдуетъ назвать *коренною*: ибо не только сама она через много вѣковъ сохранила тамъ свою древнюю породу, свое красное имя и слово; но вновь передала ихъ своимъ прежнимъ поколѣніямъ, покрыла ими поколѣнія восточно-Словенскія, и осѣнила многіе народы иноплеменные. И только эта коренная Русь могла разростись съ такою могучею, широкою силою!

«Краткое сказаніе старика Наума о старобытной Руси».

«...Лѣтъ за сто до Р. Х., послѣ боевыхъ схватокъ съ Лукоморскимъ царемъ Митридатомъ, большая часть старобитныхъ Руссовъ покинули свое Синее, Русское море, простились съ своею матушкою-Волгою или старою Росью, съ своею Русскою-рѣкою — тихимъ Дономъ Ивановичемъ, и несказаннымъ Берестиномъ или Днѣпромъ Словутичемъ. И пошли они къ

своимъ милымъ и стародавнимъ землякамъ Словенамъ—на Дунай-рѣку (по-старинному Іокзу). И прошли они черезъ Карпаты или Татры, а оттуда на Сѣверъ по рѣкѣ Одеру въ землю Поморскую. Тамъ поселились они у Сѣвернаго Русскаго моря-океана (Варяжское тожь), на славномъ Русскомъ островѣ (Рузѣ или Ругенѣ), по которому и звали ихъ Ружанами или Ругіянами. При томъ переходѣ и на своемъ новосельи, храбрый Руссъ побратался съ красною дѣвицею Вендою, съ бойкимъ Чехомъ и Лехомъ: и такимъ образомъ Русь съ поконъ-вѣку присвоилась къ побратимству Вендскому или западно-Словенскому. Главнымъ жительствомъ Руси былъ островъ ея съ своимъ заповѣднымъ лугомъ, куда ходили на поклоненіе Русскому богу народы Словенскіе. Ружаны были славны, что отъ нихъ брали себѣ князей заморскіе Готы, съ которыми щитоносцы наши своими обоюдоострыми мечами погромили старый Римъ и царство Гишпанское. Отъ Одера, по которому звали Руссовъ Оботритами или Обродитами, они селились въ Поморяніи къ рѣкѣ Вислѣ во второмъ вѣкѣ по рождествѣ Христовомъ. По сказанію лѣтописанья Пруссваго, они въ IV вѣкѣ жили уже на востокъ отъ Вислы до рѣки Немиги или Неменя, коего правый рукавъ назвался по нимъ Руссомъ, сторона та Порусьемъ, а народъ ея Прусьею. Руссы селились и на западъ отъ Одера къ рѣкѣ Ляби (по Нѣмецки Эльба), и внизъ по Одеру къ Карпатамъ и горамъ Полонинымъ [1]). За Одеромъ была и въ X вѣкѣ, даже до XIV-го, особая *Руссія*, сопредѣльно Поморяніи. Да то была уже не та Русь, что въ стародавніе годы: видно вся Русская сила оттуда съ княземъ Рюрикомъ Гальфдановичемъ перешла въ нашу землю! А до той поры сильна была Русь на западѣ; могучи были Радогость, Видоміръ, Губъ, Одонарецъ, и другіе витязи Русскіе; и еще за Карла Великаго Имперцы Заодерскую землю звали *землею страха*. Гдѣ становились и воевали Руссы, тамъ оставляли по себѣ въ память свое имя рѣкамъ, городамъ и горамъ

---

[1]) *Полониными горами*, въ повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ, названы Тирольскія Альпы; вообще-же *Полонинами* у Руссовъ Карпатскихъ называются снѣжныя горы.

(Русидава, Руссіонъ, Россокастръ, Россемонтъ); а на Карпатахъ по сю пору видны *рѣзы* или письмена, какими Руссы записали себя и на Синаѣ.

Иноязычники писали и пишутъ имя Руси всякій по-своему: Русаци, Руссаны, Россаны, Роксаны, Россоланы, Роксаланы, Алонорсы, Аорсы, Рушиклы, Рудены, Рутены, Рейсы, Рюсы, Руски: а все это по-нашему сказать—*Руссы* или *Россы.*»

Эти коренные Поморскіе или Словенскіе *Руссы* и Руссы Заморскіе или Скандинавскіе, сойдясь опять на одномъ, сѣверномъ *Русскомъ* (т. е. Балтійскомъ) морѣ, сходятся въ новое, морское братство *сѣверное* или *Норманское*, которое у насъ встарину называлось *Варягами*. И здѣсь, въ IX вѣкѣ, кончается второй древнѣйшій періодъ жизни Руссовъ, періодъ ихъ разсѣянія и расплемененія; а съ нимъ вмѣстѣ и моя предварительная гипотеза о первобытной и старобытной или древнѣйшей Руси.

Съ 862 года начинается *третій* періодъ Руси, періодъ ея сосредоточенія и просіянія въ Кіевѣ; а потомъ слѣдуетъ ея утвержденіе и усиленіе въ Москвѣ и распространеніе оттуда на седьмую часть земнаго міра. Съ той поры начинается положительная, достовѣрная исторія Руси на обновленной ею Русской землѣ, исторія все болѣе и болѣе проясняющаяся и пополняющаяся.

~~~~

Предложенную гипотезу о древнѣйшей Руси можно-бы распространить въ цѣлое ученіе или *систему историческую*, на первый разъ—хотя по доказательствамъ и свѣдѣніямъ уже запасеннымъ и соображеннымъ въ разныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и частныхъ системахъ. Но — слаще вода изъ самаго ключа! Потому лучше углубиться въ тѣ-же историческіе источники, перевѣдать ихъ вновь и сообразить съ новой точки зрѣнія, при чемъ конечно откроются и новые родники. Тогда могло-бы обнаружиться: что́ слѣдуетъ въ древнѣйшую исторію Руси принять какъ достовѣрную положительность, что можно допустить какъ вѣроятное предположеніе, что надо исключить какъ невѣрный вымыслъ или мечту временную и преходящую.
~~~~

Какой изъ этихъ трехъ жребіевъ на какое падетъ мнѣніе и умозаключеніе—того напередъ, наугадъ сказать нельзя, особенно тому, за кѣмъ есть уже своя новая и частная, уже свершенная, но еще не оправданная временемъ и непризнанная система. То рѣшить могутъ только дальнѣйшія, всестороннo-объемлющія ученыя изслѣдованія историческихъ событій и свидѣтельствъ, при живомъ соображеніи ихъ между собою и съ главною общею мыслію. И мою *предварительную гипотезу* я предлагаю болѣе какъ чувство потребности и желаніе таковыхъ новыхъ, подробныхъ и живыхъ изслѣдованій, «утвержденныхъ въ томъ-же разумѣніи и въ той-же мысли,» безъ чего не можетъ быть раскрыта истина.

Какъ знать!... можетъ-быть и моему *мысленному древу* Руси не только суждено уцѣлѣть со всѣми его вѣтвями, но еще и умножиться новыми лѣторослями, отъ будущихъ изысканій и соображеній!... Но, быть можетъ, и то, что лезвіе будущаго знанія срѣжетъ съ него все вѣтвіе: и Козарское, и Болгарское, и Чудское, и Скандинавское,—и останется только собственная, коренная Русь. Какъ безвѣтвенная, всѣхъ растеній на земли длиннѣйшая пальма-ротанга—*молніевидно* проходитъ она съ востока черезъ Кавказъ и Карпаты на Поморіе сѣверозапада; тамъ, въ *лугу заповѣдномъ* [1]) пала она передъ своимъ Свѣтовидомъ; и, обратясь на востокъ, разразилась Перуномъ и водрузилась крестомъ на горахъ Кіевскихъ; и вновь

[1]) Тацитовъ «*Nemus castum* in insula Oceani» многіе полагаютъ на островѣ Ругенѣ. Я перевожу его стариннымъ Русскимъ выраженіемъ *заповѣдный лугъ;* ибо у южныхъ Словенъ лугъ значитъ тоже, что у латинъ *lucus, nemus.* Такъ и теперь по-Украински *лугомъ* называется собственно побережный лугъ, заросшій лѣсомъ или дубровою; а поемный или заливной лугъ называется болоньемъ и лукою. Поэтому въ пѣсняхъ Украинскихъ встрѣчаете, на-примѣръ: «Ой не шуми луже, дубровою дуже»! или «Ой не шуми, луже, ты зеленый гаю»! слышите—*луговый гомонъ* (шумъ, гамъ). Потому въ нихъ для *луга* постоянный эпитетъ-*темный*, усвояемый часто и *лѣсу;* между тѣмъ въ великорусскихъ пѣсняхъ *луга* называются обыкновенно *зелеными* или *шелковыми*, ибо Великороссіяне подъ лугомъ разумѣютъ собственно безлѣсный лугъ.

воздвиглась крестомъ Православія, и встрепенулась державнымъ орломъ на бѣломъ камени Московскомъ!...

Въ такомъ разѣ моя гипотеза весьма-бы умалилась, сократилась-бы въ объемъ предположенія Ломоносовскаго и только вровень сошлась-бы съ мнѣніемъ о Словенахъ-Руссахъ въ нашемъ отечествѣ, которое принято мною за *положительное* и изложено въ изслѣдованіи моемъ. Но для другихъ гипотезъ тогда пришелъ-бы уже послѣдній часъ. Тогда и Козарство, и Болгарство Руси—погибли-бы *аки Обри!* Тогда и сродство ея съ волшебными Финнами, и тожество ея съ полуночными Скандинавами, какъ Оссіяновскія тѣни съ небосклона нашей исторіи отлетѣли-бы навѣки въ Скандинавскій мрачный рай исключительной храбрости и безконечной брани!... И будущій изслѣдователь исторіи нашей, поминая какъ звали сіи ученія, тогда сказалъ-бы: «древняя мимоидоша»... Тяжело отставать отъ привычныхъ понятій, которыя иногда наглухо сростаются съ нашею мыслію; но кто-бы напередъ не пожертвовалъ своимъ личнымъ мнѣніемъ, не разстался съ своею новою системою, съ любимою мечтою, при одной мысли, что то будетъ благопріятно *истинѣ*, для которой и работаютъ ученые?...

Но—что будетъ, то покажетъ будущее время: «день бо явитъ»! Теперь-же, глядя на тружениковъ науки, какъ постоянно они, при всѣхъ неудачахъ, стремятся на высоту невѣдомой истины, можно жалѣть только: зачѣмъ ведетъ къ ней путь такой далекій и тернистый, на коемъ неизбѣжно столько паденій и заблужденій!

Но всякій труженикъ знанія уже утѣшенъ въ сердцѣ своемъ тою самонаградною любовью, которая стремитъ его къ возвышенной цѣли. Пусть только отложитъ онъ завременное самонадѣяніе разума своего передъ истиною: ибо ученый есть только созерцатель и вѣдатель сущей истины, а не строитель ея по произвольной мѣрѣ своего частнаго разумѣнія. Пусть каждый изслѣдователь Русскаго бытописанія помнитъ о той ясной, живой положительности, съ какою писана древняя Русская лѣтопись, о томъ духѣ смиренномудрія, какимъ исполненъ былъ преподобный отецъ бытописанія Русскаго. «Азъ грѣшный Несторъ, мній всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца

всѣхъ Ѳеодосія». Но умственный трудъ сего *наименьшаго* инока былъ рѣдкимъ явленіемъ своего вѣка между новыми народами, и его скромная *повѣсть временныхъ лѣтъ* цѣлыя столѣтія разливала свѣтъ о древней Руси и навсегда останется многоцѣннымъ, несокрушимымъ памятникомъ нашего бытописанья и словесности, какъ тѣлесные останки безсмертнаго инока почиваютъ нетлѣнными въ первой обители Русскихъ праведниковъ, въ святой колыбели бытописанія Русскаго!

8 ноября, 1836.

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Большую часть примѣчаній я предложилъ какъ дополненіе и поясненіе моего *Изслѣдованія* о Руссахъ и Варягахъ; но въ иныхъ я представилъ дополненіе къ *Послѣсловію* объ ученыхъ мнѣніяхъ, состоявшихся на сей предметъ со времени исторической критики онаго. Эти мнѣнія приняты въ разсмотрѣніе двояко: и какъ *особый* предметъ исторической науки, и какъ общій историческій вспомогательный запасъ для открытія *искомой истины*—происхожденія Руси. Въ обоихъ случаяхъ надо было все многоразличіе ученыхъ мнѣній, гипотезъ и системъ разсмотрѣть и сравнить совмѣстно, и привести ихъ въ общее единство, въ одну *систему системъ историческихъ*, какъ поступаетъ на-примѣръ съ философскими и другими системами ихъ *исторія*, какъ съ царствами природы поступаетъ систематика исторіи естественной.

Въ Послѣсловіи я представилъ общее теоретическое сравненіе сихъ мнѣній, относительно ихъ главнаго начала и существеннаго направленія: при всемъ настоящемъ ихъ разногласіи, я попытался найти въ ихъ многообразіи одну, для нихъ самихъ незамѣтную *общую мысль*, посредствомъ которой они, вращаясь нынѣ около той-же искомой истины, могли-бы войти въ одинъ правильный кругъ ея, принять новое, постоянное и дружное теченіе, къ просвѣтлѣнію и себя, и общей имъ искомой истины. Эту *связь* ихъ, по внутреннему *единству* общей мысли, я представилъ въ видѣ *гипотезы гипотезъ*—по свойству самаго предмета; но при этомъ я обнаружилъ и необходимость *новаго*, тѣснѣйшаго соединенія многоразличныхъ частныхъ направленій въ одно направленіе общей *составной силы*, для раскрытія искомой истины,—тѣмъ болѣе, что сис-

темы всѣхъ школъ, съ 1829-го по сей годъ, съ возрастающею настоятельностью требовали переизслѣдованія, обновленія нашей древней исторіи.

Въ примѣчаніяхъ я уже въ частности представилъ вкратцѣ *исторію* сихъ мнѣній и *систематическое* распредѣленіе ихъ въ разряды и школы, съ показаніемъ ихъ признаковъ, по существенному значенію каждаго въ ихъ общей, взаимной связи и особенномъ отличіи.

Изъ историческаго хода мнѣній и предложеннаго систематическаго ихъ опредѣленія, видно кажется, что оба *новые* разряда ихъ, уже въ самомъ началѣ своемъ и въ своихъ основныхъ положеніяхъ, были *половинчатые* и *односторонніе;* каждый изъ нихъ, развивая свою особую сторону или свою удѣльную часть искомой истины, являлся разными *гипотезами* и *системами*, которыя потомъ выходили изъ предѣловъ своей удѣльной истины: доходя до крайности и истощая въ ней собственное начало своей школы, онѣ впадали въ направленіе другой,—или-же для своего пополненія обращались опять къ началамъ *Словено-Русской школы* и въ нихъ сводили концы свои, сходились *во едино.* Такимъ образомъ прежнія начала или основанія историческаго догматизма и критицизма получали новую силу, становились опять удѣломъ искомой истины.

При этомъ открывается и то, что Словено-Русская школа, обновленная въ *системѣ Ломоносова*, прямо заняла самое выгодное мѣсто *посреди* новыхъ системъ, и, будучи *плодомъ* предшедшихъ ей началъ, при свѣтѣ новаго, зачалась *полною* и *обостороннею.* Это есть такъ-сказать цѣльный компасъ, съ постояннымъ *наклоненіемъ* сѣвернаго конца и съ правильно-повременнымъ *склоненіемъ* обоихъ къ западу и востоку: сѣвернаго — отъ Одера къ Ильменю, южнаго отъ Волги. Новыя системы разломили этотъ компасъ на двѣ половины: одна совсѣмъ упала на сѣверъ отъ Новагорода, другая совершенно наклонилась на югъ отъ Кіева.

Потому Ломоносовская система способна воспріять въ себя дѣйствительныя открытія новыхъ, другъ другу противоположныхъ системъ, преобразить оныя въ новый видъ, и сама отъ нихъ развиться въ историческую систему—*болѣе другихъ полную и совершенную;* между тѣмъ какъ другія, новыя системы по необходимости должны отрицать открытія противоположнаго разряда и теряться въ разныхъ предположеніяхъ— однѣ при изъясненіи сѣверныхъ, другія при изъясненіи южныхъ событій древней Руси.

Таковой полнѣйшей и совершеннѣйшей системы Ломоносовское мнѣніе о древнѣйшей Руси содержитъ въ себѣ

только живой *зародышъ*, для развитія коего тогда не доставало еще тѣхъ критическихъ работъ надъ происхожденіемъ Руси, которыя произведены послѣ, по способамъ Болтина, Шлецера и Эверса. Въ ученомъ мнѣніи Ломоносова много еще *своевременнаго*, равно какъ и въ его дѣловомъ поборствѣ за Словенизмъ Руси при обращеніи Миллера, оказавшаго потомъ великія услуги: и Ломоносовъ не такъ-бы конечно утвердилъ свое мнѣніе о Руси въ наше испытанное время! Но дѣло всеобъемлющаго ума мы судимъ не по свершенію, и не по своевременнымъ недостаткамъ, но по тому чувству истины, съ какимъ онъ прикасался къ ней,—но по той мысли, съ какою обнималъ онъ предметъ свой, хотя-бы принимался за него и между прочимъ. И я несогласенъ съ историкомъ Русскаго народа, когда говоритъ онъ, что исторія не была *удѣломъ* Ломоносова, хвалитъ только его краснорѣчивое предисловіе объ исторіи, и напоминаетъ какой-то поговоръ, будто онъ «писалъ по приказанію». Вслѣдствіе ощутительной потребности тогда въ Россійской исторіи, незабвенный Шуваловъ исторію Петра великаго поручилъ написать славнѣйшему въ то время Европейскому полигистору Вольтеру; а къ сочиненію исторіи Россіи — Русскій меценатъ *ободрялъ* [1]) своего Русскаго академика, своего ближняго сподвижника въ просвѣщенія Россіи—(какъ въ вѣкъ Александра, новый представитель словесности нашей былъ ободряемъ отъ него въ великомъ подвигѣ сочиненія *исторіи Россійскаго государства*).

Профессоръ химіи на каѳедрѣ и въ лабораторіи академической, Ломоносовъ былъ однимъ изъ первыхъ *физиковъ* своего вѣка, первымъ *словесникомъ* въ своемъ отечествѣ—какъ пѣснотворецъ и витія и какъ законодатель Русскаго слова: и каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ пожалѣть развѣ о томъ, что для своего совершенства не было *исключительнымъ удѣломъ* всеобъемлющаго человѣка, который, *примѣчая* свою преждевременную кончину, говорилъ: «на смерть взираю равнодушно; я жалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести академіи».

«Профессоръ химіи (говоритъ Шлецеръ) сжалился надъ Русской исторіей и написалъ—довольно сносное руководство... Былъ и въ исторіи оракуломъ для своихъ соотечественниковъ.» Но и въ нынѣшнее время, вѣщаніе сего Холмогорскаго *оракула* и *учителя* нашего: *о разноплеменности Варяговъ, о Словенизмѣ Варяговъ-Руссовъ, ихъ пришествіи къ намъ съ Балтій-*

---

[1]) См. письмо Ломоносова къ Шувалову, 4 Генваря, 1753.

скаго моря и древнѣйшемъ туда переходѣ съ нашего Русскаго юга—я не усомнился предпочесть другимъ новымъ системамъ, именно какъ начало и основаніе болѣе другихъ вѣрной и полной *системы о древнѣйшей Руси*, способное къ дальнѣйшему усовершенію чрезъ раскрытіе собственныхъ началъ.

Къ этому предпочтенію привело меня *во-первыхъ*—чтеніе Нестора и соображеніе съ нимъ другихъ старинныхъ писаній Русскихъ, на чемъ и основалъ я свое положительное мнѣніе о Руссахъ и Варягахъ прочихъ въ нашемъ отечествѣ; *во-вторыхъ*—разсмотрѣніе и сличеніе новыхъ системъ и гипотезъ о происхожденіи Руси, въ ихъ постепенномъ ходѣ, взаимной связи и ихъ общемъ отношеніи къ искомой истинѣ. Положительное мнѣпіе мое я надѣюсь съ своей стороны оправдать приложеніями онаго въ изслѣдованіяхъ о древпей Русской словесности, а въ случаѣ нужды подкрѣпить и дальнѣйшими онаго изъясненіями. Можетъ-быть оно оправдается и со стороны моихъ читателей сочувствіемъ и согласіемъ хотя нѣкоторыхъ: надежда, свойственная всякому писателю! Что-же касается до моего *опыта гипотезы*, то это добровольная дань моя новѣйшимъ системамъ—*мира-дѣля* и *общенія-ради*,—и ея дальнѣйшее бытіе зависитъ уже совершенно сколько отъ ихъ собственной судьбы, столько и отъ ихъ произвола. Съ ихъ стороны, надѣюсь, ни одна не обвинитъ меня по крайней мѣрѣ въ невниманіи къ ней; ибо я старался выразумѣть существенное отличіе каждой—чья-бы ни была она, опредѣлить ея отличіе и значеніе къ кругу всѣхъ системъ и расположить ихъ систематически. Я сказалъ объ нихъ свое—незнаю, во всемъ-ли справедливое, но всегда настоящее и открытое мнѣніе. Если иныя мнѣнія и пропущены, то это такія, которыхъ еще не успѣлъ я разсмотрѣть, (не получивъ еще очень многихъ книгъ по части Русской исторіи), или такія, въ которыхъ не замѣтилъ никакой существенной особенности; за то инымъ я возвратилъ право на старшинство и вызвалъ ихъ изъ забвенія. На труды писателей нашихъ я смотрѣлъ здѣсь по ихъ отношенію только къ мнѣнію о происхожденіи Руси, безъ отношенія къ ихъ участію въ успѣхахъ отечественной исторіи вообще: ибо эти два отношенія могутъ и не быть вмѣстѣ. По-тому-то, на-примѣръ, говоря такъ мало на сей разъ о Карамзинѣ, я всего чаще говорилъ о Шлецерѣ, и большею частію вопреки его мнѣнію, и отдалъ первенство мнѣнію Ломоносова.

Ломоносовъ, хотя десятилѣтнимъ плодомъ ученыхъ своихъ занятій—*Россійскою исторіей*—имѣлъ ограниченное уча-

стіе въ дальнѣйшемъ ходѣ Русской исторіи вообще, однакоже она есть первое у насъ явленіе, первое начало исторіи Русской: это былъ *новый годъ* ея, ровно черезъ 9 вѣковъ послѣ того года, съ котораго нашъ *первый лѣтописецъ* ведетъ начало *Русской земли*, въ который началась историческая жизнь Руси, блеснула первая заря ея православія! Однако онъ былъ отличнымъ *систематиковъ* въ искомой нами истинѣ; а своимъ дѣловымъ поборствомъ за Словенизмъ Руси, онъ — въ лицѣ Миллера, но не изъ частной *личностй* къ нему—на 60 лѣтъ разрядилъ у насъ первую тучу Байеровской школы (съ 1749 по 1809), обративъ ее на свое поле Русской исторіи, которое—съ перворостками системы его, прозябавшими въ писаніяхъ Тредьяковскаго, обращеннаго Миллера, князя Щербатова—было потоплено полноводнымъ разливомъ системы Татищевской и застужено сѣвернымъ вѣтромъ критики Шлецеровской.

Но Карамзинъ, посвятившій 23 года и *лучшее время* своей жизни исключительно Русской исторіи, оказалъ для нея наибольшую услугу своею богатою сокровищницею и славной Русской былины и краснаго слова Русскаго; однако почти мимоходомъ высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи Руси, чуждое систематическаго ограниченія и рѣшительности, какъ и все его твореніе (гдѣ лѣтопись является въ сопровожденіи критики, но безъ систематическаго, насильственнаго направленія къ извѣстной цѣли, по предварительной собственной мысли писателя). Онъ «искалъ выраженія въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей... не боялся съ важностью говорить о томъ, что уважалось нашими предками; хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ лѣтописцевъ». Напротивъ Шлецеръ, въ продолженіе 40 лѣтъ не покидавшій Русской лѣтописи, среди гигантскихъ работъ своего ученаго критицизма, оказавшій важную услугу первымъ листамъ нашей лѣтописи, привязавъ къ нимъ Атлантовскую ношу учености, былъ самый упорный и односторонній систематикъ своего мнѣнія о Руси. Какъ критикъ-систематикъ, Шлецеръ *пронесся морокомъ* въ нашей исторіи, смутивъ на время ясность и просторъ ея небосклона, но просушивъ и скрѣпивъ ея землю, которую Карамзинъ покрылъ *зеленымъ шелковымъ покровомъ* своего творенія—этою свѣтлою, цвѣтущею весною *новаго лѣта* исторіи Русской! Въ 1816 году, ровно черезъ полвѣка послѣ *новаго года* Русской исторіи, на-

стала эта весна ея: и Карамзинъ въ своей *исторіи Россійскаго Государства* былъ вмѣстѣ «первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ», по выраженію Пушкина. Съ кончиною исторіографа (въ 1826 г). кончилось первое полугодіе новаго лѣта Русской исторіи; и 1829 годъ былъ уже годомъ ея перехода за черту средолѣтія.

Появленіе 1-го тома *Исторіи Русскаго Народа* — какъ явленіе фаэтона въ тропическомъ поясѣ для мореходцевъ— было главнымъ показателемъ поступленія Русской исторіи въ поворотный кругъ *систематизма*, въ первую — общую или созерцательную ступень онаго. Полевой требовалъ «исторіи, созидаемой философіей, по общей идеѣ человѣчества, — очищенной отъ всѣхъ частныхъ направленій, отвлеченной отъ своего вѣка, своего народа, самаго себя». Такое требованіе было довершеніемъ наконецъ и въ исторіи Русской той *идеальности*, которая первоначально—какъ *геній чистой красоты*, съ своей высоты поднебесной—слетѣла къ намъ поэзіей *пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ*, возвѣстилась его *лирою*, и, развиваясь въ 4-мъ отдѣлѣ новаго періода нашей словесности, подъ конецъ онаго обратилась въ *философское отдѣленіе*. Это направленіе въ исторіи, въ томъ-же году, явилось и въ другомъ видѣ: *идеальнымъ построеніемъ* древнѣйшей Русской исторіи, по законамъ логической возможности—въ системѣ Венелина; а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнительный произволъ критицизма Шлецеровскаго достигъ до *всеобщности* и *скептическаго отрицанія* нашей древней исторіи — въ системѣ Каченовскаго, на основаніи той-же логической возможности и вѣроятія, — хотя въ обоихъ случаяхъ съ одною цѣлію: *достовѣрности* и *дѣйствительности исторической*. Два явленія эти произошли въ южномъ, какъ новѣйшемъ разрядѣ системъ; но мы видѣли, что и другихъ школъ системы, въ продолженіе послѣдняго, *систематическаго* десятилѣтія, возникли съ разновиднымъ устремленіемъ ко *всеобщности* и *всеобъемлемости*, къ *переизслѣдованію* и *пересозданію* исторической дѣйствительности [1]).

Но изданный въ 1829-же году XII-й томъ исторіи Карамзина какъ-бы напомнилъ собою еще прежде назнаменованное ею направленіе для нашей исторіи. Въ томъ-же году и поэзія наша — историческою *поэмою* Пушкина—*Полтавою*, и историческимъ *романомъ* Загоскина — возвѣстила вступленіе

[1]) Я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться о томъ, что. *довершеніе* предыдущаго періода бываетъ обыкновенно въ то время, когда возникаетъ *начало* послѣдующаго: и такимъ образомъ бываетъ современно нѣсколько направленій, и часто старшенствуетъ еще прежнее направленіе въ періодѣ новонаставшемъ.

словесности нашей въ новый кругъ *самобытности* и *своенародности*, составляющихъ собственное отличіе и стремленіе нашего *вполнѣ-историческаго вѣка*. Вскорѣ за тѣмъ (1830-32) воздвигся *сводъ законовъ*, съ погоднымъ *Полнымъ Собраніемъ* оныхъ, какъ первый историко-систематическій памятникъ нынѣшняго царствованія, какъ образцовое начало той полной и положительной системы, которая довлѣетъ нашей исторіи! [1]).

Строительный систематизмъ философіи, съ высоты своего теоретическаго умоначертанія, склоняется къ направленію историческому, положительному; а непрестанно усиливающаяся собственно-историческая изыскательность доказываетъ на-дѣлѣ существованіе того направленія, той желанной дѣятельности, о которой замышляютъ системы въ строгихъ своихъ требованіяхъ. Въ какой мѣрѣ уже сошлись и еще сойдутся эти два направленія: то можно яснѣе видѣть и точнѣе опредѣлить спустя еще одно десятилѣтіе сего втораго полугодія въ *новомъ лѣтѣ* Русской исторіи. Можемъ сказать только, что необходимо должно быть сліяніе оныхъ въ одно живое и полное *изслѣдованіе* всѣхъ подробностей и частностей нашей прежней жизни, имѣющее въ виду будущее ихъ соединеніе въ одно стройное цѣлое. Идеальность философскаго созерцанія обратила насъ къ *самопознанію;* а для него и чрезъ него мы обратились къ *своенародности* и *исторической дѣйствительности;* сама философія стала искать самопознанія въ исторіи—какъ въ опытѣ прошедшаго, въ вѣковѣчной памяти человѣчества, въ этой «священной книгѣ народовъ, въ зерцалѣ ихъ бытія и дѣятельности», по выраженію Карамзина. И для исторіи Русской теперь та рабочая, лѣтняя пора, когда *высшая критика* ея—не отвлекаясь отъ всѣхъ частныхъ направленій, не увлекаясь какъ-нибудь однимъ изъ нихъ—должна собрать ихъ всѣ и обратить въ одно живое, всеобщее, всестороннее и постепенное изслѣдованіе богатства нашей прежней жизни, во всѣхъ ея многосторонниxъ явленіяхъ и разнообразныхъ выраженіяхъ, для будущей величавой полноты, несомнѣнной положительности и стройной цѣлости *исторіи Русской*... «Изъ великаго ихъ множества (говоритъ Ломоносовъ) немало по общей судьбинѣ во моракѣ забвенія покрыто. Однако, противу мнѣнія и чаянія многихъ, толь довольно предки наши оставили на память, что примѣнясь къ лѣтописателямъ другихъ народовъ, на своихъ жаловаться не найдемъ причины».

---

[1]) Нѣсколько мыслей моихъ о народности и положительности въ поэзіи нашей высказалъ я въ изданіи *Малоросс. пѣсень*, 1827, и въ изслѣдованіи о *пѣсни Игорю;* а объ современномъ направленіи къ самобытности и своенародности—въ *рѣчи о Русскомъ просвѣщеніи*, говоренной въ Московскомъ университетѣ, 1832 г.

Въ заключеніе сего общаго примѣчанія, предлагаю сокращенно *историко-систематическое обозрѣніе мнѣній объ Руси* (при составленіи коего приняты во вниманіе ихъ первое появленіе и обнародованіе на Русскокъ языкѣ и разпространеніе у насъ въ общественномъ мнѣніи).

I. Первую или *Словено-Русскую* область историческихъ мнѣній о Руси составляетъ *старая* или *собственно-Русская, Несторо - Ломоносовская школа*, основавшаяся на преданіяхъ отечественныхъ, на живыхъ и своенародныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, ознаменованная вѣрованіемъ въ ихъ положительность и единствомъ мнѣнія о *Словенизмѣ Руси*.

1) Отъ Нестора до Ломоносова продолжался *первый*— *Догматическій* или *Монастырскій* періодъ Словено-Русской школы ознаменованной господствомъ простаго, догматическаго вѣрованія въ показанія историческихъ свидѣтельствъ и понятій. Въ седми-вѣковомъ развитіи сего періода можно различить слѣдующія степени:

а) *Лѣтосказательную* или древне-Русскую—отъ Несторовой *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, съ исхода IX вѣка,—продолжавшуюся около пяти столѣтій.

б) *Родословную* или Московскую—отъ Макарьевской *Степенной Книги*, съ половины XVI вѣка, — господствовавшую въ Великой Россіи два столѣтія.

в) *Синоптическую* или Кіевскую,—Монастырско-Академическую,-начатую *Хроникою* Софоновича, 1672 г., и ознаменованную господствомъ Гизелевскаго *Синопсиса*, напечатаннаго 1674 г. Вліяніе Синопсиса въ Великой Россіи усилилось съ 1714 г., и въ С.-Петербургѣ слилось въ одно *родословное* направленіе *Зерцала Историческаго*, 1748 г.—Ломоносовъ, своимъ *Краткимъ Лѣтописцемъ Россійскимъ*, 1760 г., заключилъ первый періодъ Словено-Русской школы, и *первое лѣто* исторіи Русской.

2) *Россійскою Исторіей*, изданною 1766 г., доведенною до 1054 г., Ломоносовъ положилъ у насъ основаніе *второму* или *Академическому періоду* Словено-Русской школы, ограничивъ ея прежній догматизмъ новымъ ученымъ критицизмомъ, еще до него начатымъ у насъ 30-лѣтними трудами Татищева, съ 1719 г., и трудами Байера, вызваннаго въ Академію Наукъ 1726 г. Словено-Русская школа, послѣ сего обновленія, господствовала у насъ еще до 1788 г.,—хотя безъ дальнѣйшаго возвышенія, но за то съ богатою прибылью отъ обнародованія ея памятниковъ историческихъ: потому она и во *второмъ* или *Критическомъ* періодѣ нашей исторіи есть *старшая истори-*

ческая школа. Ея возобновленіе въ новѣйшемъ или Систематическомъ періодѣ начинается 1836 г., розысканіемъ Морошкина и предлагаемымъ нынѣ моимъ сочиненіемъ.

II. Вторую область мнѣній о Руси составляютъ *новыя мнѣнія*, зачавшіяся во *второмъ—Новомъ* или *Академическомъ* періодѣ, подъ перевѣсомъ критическаго, болѣе или менѣе произвольнаго изслѣдованія и толкованія историческихъ свидѣтельствъ, при *отрицаніи* Словенизма Руси и разномысліи о ея племени и происхожденіи.

1) Первый, *Сѣверный разрядъ* новыхъ мнѣній, принимающій *Русь не-Словенскую, Забалтійскую*, явился 1735 г., съ одной стороны — академическими разсужденіями Байера, съ другой — критическими примѣчаніями Татищева (составляющими первый томъ его своднаго лѣтосказанія, названнаго Россійской Исторіей). Разсужденіе перваго по-Русски явилось 1767 г., въ переводѣ Кондратовича; критическія изслѣдованія втораго вышли въ свѣтъ 1768 г.

Сѣверный разрядъ мнѣній о Руси развился въ двѣ школы:

а) Болтинъ съ 1788 года, своими критическими замѣчаніями на Леклерка, Щербатова, и друг., образовалъ у насъ *первую новую* школу, изъ Татищевскаго мнѣнія о происхожденіи Руси *отъ Финновъ*. Въ 1836 году эта *Татищево-Болтинская* школа отозвалась въ мнѣніи Буткова, съ увеличеніемъ до объема старой Русской школы.

б) Шлецеръ (1802 г.), своими критическими изслѣдованіями Нестора, по-Русски явившимися 1809 г. въ переводѣ Языкова,—образовалъ у насъ *вторую новую* школу, изъ системы Байера и Тунмана, принимающую происхожденіе Руси *отъ Скандинавовъ*. Господство ея началось у насъ особенно въ 1816 г., съ Исторіи Карамзина, но съ направленіемъ къ *Словенизму Руси*. Собственное-же начало сей *Байеро-Шлецеровской* школы объособилъ Погодинъ 1825, объобщилъ Полевой (1829), и наконецъ у Сенковскаго (1834) оно преувеличено и обращено къ давнему вѣрованію въ преданія и сказанія народныя (но преимущественно Скандинавскія).

Въ одномъ изъ примѣчаній (стр 10-11) сказано, какъ это ученіе было не помысли соотечественникамъ нашимъ въ вѣкѣ Елисаветы; здѣсь прибавлю, что и производство Руси отъ Финновъ было также не по-мысли Русскимъ. Великая Екатерина, созидая одинъ изъ блистательнѣйшихъ вѣковъ нашей *исторіи-жизни*, открыла новый свѣтъ и для *Русской исторіи-науки*, принимала участіе въ ея ходѣ не только царственное, но и ученое—какъ «собиратель» *Записокъ касательно Россійской исторіи*, кои сначала напечатаны были въ *Собесѣдникѣ*, 1783—84 г.

Въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1835 г. № 1, помѣщены снимки съ собственноручныхъ замѣчаній Государыни на исторію Стриттера, гдѣ между прочимъ говорится: «Соблазнительно покажется всей Россіи, аще пріимете толкованіе Стриттера о происхожденіи Россійскаго народа отъ Финновъ. Самое отвращеніе и соблазнъ не малое доказательство, что происхожденія разныя. Сравните Россійскаго крестьянина съ Финскимъ: похожи-ли другъ на друга? похожъ-ли языкъ? Хотя Россіяне со Славяны разнаго происхожденія конечно, но отвращеніе не находится между ими. Стриттеръ откуда уроженецъ?»... и т. д. По собственному мнѣнію Государыни, *Руссы* были особый древнѣйшій народъ, населявшій Великую Россію еще до пришествія Словенъ, кои около 480 г. овладѣли ими, передали имъ свой языкъ и смѣшались съ ними въ одинъ народъ *Слoвено-Русскій*; по кончинѣ Гостомысла въ 860 г., сіи Словены-Русь соединились съ Варягами-Русью, пришедшими съ сыномъ короля Финляндскаго Рюрикомъ и его братьями. Замѣчу здѣсь и то, что «собиратель записокъ» первый обратилъ вниманіе на сравненіе Россійской исторіи съ исторіями современниковъ князей Русскихъ каждаго вѣка, дабы «усмотрѣть умоначертаніе всякаго вѣка.» Ломоносовъ указалъ сходство и различіе исторической жизни Россіи только съ жизнію стараго Рима.

2) Второй, *Южный разрядъ* мнѣній о Руси начался въ 80-тые годы, въ Московскомъ университетѣ, лекціями и записками Чеботарева.

а) Эверсовыми критическими изслѣдованіями сей разрядъ образовался *въ третью новую* школу, разнообразнѣйшую въ своемъ понятіи о племени, принимаемой ею *Черноморской не-Словенской Руси.* Начало у насъ сей *Чеботарево-Эверсовской школы* (при господствѣ *второй*) можно положить съ 1825—26 г., съ Погодинскихъ переводовъ Эверса и Неймана. Усиленіе и видоизмѣненіе оной было въ 1834—35 г., въ системѣ Каченовскаго, начавшейся 1829 г.

б) Въ 1829-же году сей разрядъ умножился *системою Венелина*, принимающею *исконное* или незапамятное пребываніе въ нашемъ отечествѣ *Руссовъ*, одноплеменныхъ *Словенамъ*: это переходъ сего разряда къ Словено-Русской школѣ, съ юговосточной ея стороны.

И такъ, отъ *перваго появленія*, сѣверному разряду нынѣ уже минуло 100, а южному 50 лѣтъ.

1 декабря 1836.

Кіевъ.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВАРЯГО-РУССОВЪ.

(Письмо М. П. Погодину). [1]

Благодарю тебя за твое въ Москвитянинѣ напечатанное письмо ко мнѣ, столь внимательное къ моему изслѣдованію о Руси, за четыре года изданному. Это письмо напомнило мнѣ много старины нашей общей и моей собственной, и дало мнѣ случай прочесть *опытъ гипотезы о первобытной и древнѣйшей Руси*, про который я уже и забылъ-было. Эту *гипотезу* составилъ я изъ разнородныхъ, противоположныхъ мнѣній о происхожденіи Руси; но я строго отличилъ ее отъ моего положительнаго о томъ мнѣнія; я не назвалъ ее моею системою, и предложилъ ее въ *послѣсловіи* къ моей книгѣ—«болѣе какъ чувство потребности и желаніе новыхъ, подробныхъ и живыхъ изслѣдованій» о происхожденіи Руссовъ, которыхъ я признаю племенемъ не Нѣмецкимъ, а Словенскимъ. За чѣмъ же ты эту гипотезу предлагаешь своимъ читателямъ какъ *мою собственную систему*, и говоришь, будто я *хочу увѣрить*, что Русы были и Шведы, и Финны, и Козары, и Пруссы?... Не ужь-ли же и ты изъ моего послѣсловія не разпозналъ, что эта гипотеза написана мною—*мира-дѣля и общенія ради*—вмѣсто сатиры на разнородность мнѣній и толковъ, какую нашелъ я въ сочиненіяхъ о происхожденіи Руси, прочтенныхъ мною одно вслѣдъ за другимъ, начиная съ твоего *Разсужденія*?... Не ужели и для тебя надобно не въ бровь, а прямо въ глазъ!.. Въ такомъ случаѣ я долженъ только изви-

---

[1]) Письмо это было помѣщено въ Москвитянинѣ (1841. Часть III, стр. 198—211); оно составляетъ отвѣтъ на рецензію сочиненія «Откуду идетъ Русская земля», помѣщенную М. П. Погодинымъ въ Москвитянинѣ—же. (1841 г. Ч. II).

ниться въ недостаткѣ ясности, съ какою напримѣръ говоришь ты: «всѣ вы, друзья мои, сказать просто, пересыпаете изъ пустого въ порожнее!» Но говоря такъ, самъ же ты вводишь насъ въ тоже искушеніе, бросая намъ, вмѣсто перчатки, твое разсужденіе о происхожденіи Руси, и вызывая всѣхъ разбирать, опровергать твои доказательства. *Для себя* я опровергъ ихъ еще тогда, какъ писалъ мое изслѣдованіе; но я пожалуй готовъ и *для тебя*, и *для всѣхъ* написать опроверженіе такъ горячо тобою защищаемаго мнѣнія, и даю тебѣ слово сдѣлать это, какъ только я поправлюсь въ здоровьи и распакую свою библіотеку, отправленную теперь на поселеніе деревенское. Если же ты намѣренъ почтить разборомъ своимъ мое изслѣдованіе и мнѣніе о происхожденіи Руси, то не лучше-ли разсмотрѣть его въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ 1 главѣ моей исторіи древней Русской Словесности: тамъ оно изложено короче и отчетливѣе. А что бы надолго не остаться въ долгу за твое первое письмо, теперь же начну мою бесѣду съ тобою о Руси, о твоихъ доказательствахъ и возраженіяхъ.

Какъ первое доказательство защищаемаго тобою мнѣнія, ты приводишь то мѣсто изъ Несторовой лѣтописи, изъ коего неправильно толкуютъ, будто-бы Варяги-Русь были племени Скандинаво-Нѣмецкаго.

Я въ моемъ изслѣдованіи замѣтилъ, что изъ этихъ словъ Нестора слѣдуетъ только то, что онъ Руссовъ относилъ къ *Варягамъ*, также какъ и Шведовъ, Готовъ, Англянъ; однако совсѣмъ еще не слѣдуетъ, чтобы Руссы были и племени Скандинавскаго.

Ты возражаешь: «да, а Варяги были Норманы,—слѣдовательно и Русь была Норманны».

И такъ именно *Варяговъ* и *Норманновъ* ты считаешь синонимами? Что же послѣ этаго главный тезизъ твоего разсужденія: «*Варяги-Русь племя Норманское*»! Не то ли же что— *Варяги-Русь племя Варяжское*!... Тождесловіе! Но шутки и восклицанія въ сторону.

Я также, какъ и ты, считаю имена *Варяги* и *Норманы* однозначительными: оба они составляютъ общее имя народовъ, жившихъ на Прибалтійскомъ сѣверѣ Европы; но они не озна-

чаютъ племеннаго отличія, точно такъ, какъ имя *Сибиряка*, *Горца* показываютъ только географичиское мѣсто народа, безъ различія какого онъ племени — Монгольскаго, Турецкаго, Черкесскаго, Словенскаго.

Ломоносовъ въ своей исторіи говоритъ: «Неправедно разсуждаетъ, кто Варяжское имя приписываетъ одному народу».... и т. д. Эти слова я поставилъ въ епиграфъ моего изслѣдованія, и ты, конечно вмѣстѣ со мною, назовешь ихъ справедливыми: ибо ты самъ, въ твоей Русской исторіи, признаешь *разноплеменность* Варяговъ или Нормановъ, и говоришь, что такъ назывались и Словены, и Финны, и Скандинавы, жившіе при Балтійскомъ морѣ. Такимъ образомъ, и по твоему утвержденію, были Варяги и Норманы, одни Скандинаво-Нѣмецкаго племени, другіе Словенскаго, третьи Чудскаго или Финскаго. Если же слова Нестора показываютъ только, что Руссы были Норманы или Варяги; то изъ нихъ не слѣдуетъ еще, чтобы Руссы были непремѣнно Скандинавы. Слова Нестора содержатъ въ себѣ только общее, родовое, а не видовое опредѣленіе Руссовъ, они показываютъ не племенное отличіе, а только сѣверное, прибалтійское мѣстопребываніе Руси.

Но у васъ поборниковъ *Скандинавскаго* ученія о Руси, такъ уже настроена мысль, что какъ только найдете гдѣ нибудь слово Норманны, или Варяги, или Руссы, то вамъ тотчасъ и видятся Скандинавы. Это видѣніе Скандинавства Руссовъ, теперь господствующее въ нашей исторіи, иногда обращается почти въ болѣзнь умозрѣнія. Такъ Сенковскому, когда онъ послѣ своего фантастическаго путешествія принялся за Библіотеку для чтенія, въ 1834 году, казалось будто Руссами назывались всѣ Скандинавы, будто цѣлая Скандинавія перешла въ наше отечество, будто нашъ Русскій языкъ произошелъ отъ Скандинавскаго, будто Скандинавскій языкъ былъ языкомъ Запорожскихъ козаковъ и будто козацкое Запорожье есть не иное что, какъ *Днѣпровская Скандинавія Руссовъ!* Очевидно, что это все были только миражи, призраки историческіе.

Другой примѣръ. Отыскалось у Арабскаго географа Ахмедъ-эль-Катеба краткое извѣстіе, что *въ 844 году Севила была разграблена язычниками, называемыми Русъ.* Приверженцы

Скандинавскаго ученія тотчасъ уже и говорятъ: вотъ новое доказательство Скандинавскаго происхожденія Руси! Но почему же эти Катебовы *язычники Русы* были непремѣнно изъ заморья Скандинавскаго — почему, напримѣръ, не съ поморья Балтійскаго, гдѣ также были Варяги или Норманы, и по твоему утвержденію, и по указанію Нестора?.... Очевидно, что извѣстіе Катебово принадлежитъ къ тѣмъ доказательствамъ, которымъ можно давать *разное направленіе*, или какъ ты называешь къ *перспективнымъ*. Ты упрекаешь Надеждина за эти *перспективныя доказательства*, и отрицаешь, чтобы доказательствамъ можно было давать разныя направленія.

Но таково именно это краткое, неопредѣленное извѣстіе Катебово, таковы и слова Нестора, приведенныя тобою какъ *первое доказательство* твоего историческаго мнѣнія о Руси. Содержа въ себѣ только общее родовое опредѣленіе Руси, указывая только на сѣверное или прибалтійское происхожденіе, оныя слова Нестора могутъ быть пріурочены ко всякому историческому мнѣнію, если оно только ведетъ Русь отъ Балтійскаго моря. Ты, напримѣръ, полагаешь, что эти слова составляютъ первое доказательство мнѣнія, но между тѣмъ ты утверждаешь, что Варяги—Русь *не Шведы;* но у Шлецера эти самыя слова Нестора составляютъ одно изъ главныхъ и немногихъ доказательствъ, что Варяги Русь *были Шведы*, хотя тотъ же Шлецеръ говоритъ, что въ этихъ словахъ Нестора, отъ коихъ именно зависитъ объясненіе, откуда Русь получила свое названіе, существуетъ большое разногласіе списковъ.

Очевидно, что первое твое доказательство, хотя и предлагается во имя Нестора, не есть прямое, основное доказательство; но *перспективное* или обоюдное, изъ коего слѣдуетъ только, что *Руссы были Варяги или Норманы* (въ чемъ согласны и ты, и я); но не слѣдуетъ, чтобы *Руссы были Скандинавскіе Нѣмцы* (какъ кажется тебѣ, но моему понятію противно). Не говоря уже, по крайней мѣрѣ, что «всякій, желающій опровергать твое мнѣніе, долженъ непременно прежде опровергнуть Нестора». Отвергать Нестора можетъ только Каченовскій съ Бодянскимъ и другими послѣдователями сво-

его ученія о Руси, которое, по своему главному утвержденію, можетъ назваться *Турецкимъ*!

2) Такимъ же образомъ и другое твое доказательство: слова Ліутпранда, который, говоря объ Игоревыхъ *Руссахъ*, сказалъ, что они называются еще *Норманами*, показываютъ только сѣверное происхожденіе ихъ, и *не значатъ ничего*, какъ доказательство, что Руссы были племени Нѣмецкаго, ибо въ нихъ ничего о томъ не говорится. Вотъ мое доказательство на твое требованіе: мнѣ кажется, что оно удовлетворительно, и я не знаю, чего тебѣ еще надобно? Можно еще прибавить развѣ то, что Ліутпрандъ въ этомъ мѣстѣ называетъ *Норманнами* разноплеменное ополченіе Кіевской Руси на Царьградъ, которое, по словамъ Нестора, состояло изъ *Варяговъ* (наемныхъ, заморскихъ), *Руси*, *Полянъ*, *Словенъ* (Новгородцевъ) *Кривичей*, *Тиверцовъ* и *Печенѣговъ*.

Такимъ образомъ и второе твое доказательство не есть прямое и основное, а только *перспективное*, общее для каждаго ученія, по которому Русь признается народомъ отъ сѣвернаго или Балтійскаго моря, а не съ юга.

Дальнѣйшія твои требованія *доказать тебѣ* то, другое, третье, я готовъ исполнить, но только не всѣ; ибо ты требуешь иногда *невозможнаго*, и притомъ безъ пользы для твоего историческаго мнѣнія.

3) На примѣръ ты говоришь: «докажите мнѣ, что вира не похожа на wierhgeld, что *тіунъ*, *верфь*, *губа* не отзываются по Нѣмецки». Кто же возьмется тебѣ доказывать это? Развѣ тотъ, кто сталъ бы доказывать, что Русскія слова *матерь*, *море*, *ночь*, *сѣкира*, *ленъ*, *котъ*, и проч. не отзываются Латинскими словами: *mater, mare, nox, securis, linum, cattus*, что слово *Варягъ* не отзывается Русскими словами: *Ворогъ*, *Воряга*, не походитъ на Санскритское *wariaga* (кабанъ), не звучитъ собственными именами — *Варіонъ*, *Вагръ*, не сбивается на *wargus* (бродникъ), *wargr* (волкъ), *Варангъ* (чужеземецъ), *war* (война), варъ (воръ), *варьёмъ* (вооруженный), *варянгъ* (мечь) и пр. И такъ ты требуешь, въ семъ случаѣ, во первыхъ *невозможнаго*, во вторыхъ *безполезнаго*. На примѣръ: слово *вира* очевидно сходствуетъ съ Нѣмецкимъ *wierhgeld;* но что же

изъ этого слѣдуетъ въ доказательство твоего историческаго мнѣнія? Положимъ, что это слово заимствовано нами и другими Словенами у Нѣмцевъ; но оно могло перейти къ намъ (вмѣстѣ съ самыми узаконеніями) и въ Новгородъ, и въ Кіевъ прямо отъ Германскихъ Нѣмцевъ, и я нахожу это вѣроятнымъ; и это слово скорѣе служитъ въ пользу моего мнѣнія, что Руссы пришли къ намъ съ поморія Балтійскаго. Но тебѣ кажется, что и это слово занесли къ намъ Скандинавскіе Норманны! Это гораздо менѣе вѣроятно, и особенно потому, что слово *вира* есть чуждое законодательству Скандинавскому, о чемъ я упомянулъ въ IX главѣ моей исторіи Русской Словесности. Но если бы даже новѣйшія изысканія и открыли это слово въ какомъ нибудь узаконеніи Скандинавскомъ, все таки оно будетъ не болѣе, какъ соломинка, въ числѣ доказательствъ Скандинавскаго происхожденія Руссовъ, за которую не надежно хвататься въ пучинѣ Варяжской.

4) Ты говоришь: «докажите мнѣ, что дѣйствія, пріемы, осанка, походка нашихъ Варяговъ—Руси не суть Норманскія». Опять требованіе невозможнаго и напраснаго. Кто же станетъ доказывать это? Но если, по твоимъ же словамъ, къ числу Варяговъ или *Норманов*ъ, принадлежали и Прибалтійскіе Словены, то у нихъ пріемы, дѣйствія и проч. безъ сомнѣнія были также *Норманскія*, слѣдственно распространеніе на нашемъ Кіевскомъ югѣ море-ходно-воинскаго Норманскаго быта могло произойти отъ *поморскихъ Норманов*ъ *Словенскаго племени*, (какимъ я признаю Руссовъ), и еще болѣе чѣмъ отъ Скандинавскихъ Норманновъ Нѣмецкаго племени, которые, въ свою очередь, распространяли тотъ же ратный духъ въ нашемъ отечествѣ. За двѣсти лѣтъ Богданъ Хмельницкій именно говорилъ, что наши предки, *валечные Руссы*, были съ поморья Балтійскаго. Такъ думали у насъ давно—давно; и мое утвержденіе въ томъ и состоитъ, что на *Руси никто изъ Русскихъ*, до исхода прошлаго столѣтія, не считалъ своими предками Скандинавскихъ Нѣмцевъ—хотя Рюрика и считали княземъ *Нѣмецкимъ* [1]). Впрочемъ въ Святославѣ уже видно

[1]) Впрочемъ Ломоносовъ и Рюрика признавалъ Словяниномъ, также какъ и теперь это полагаютъ нѣкоторые. Потому мое мнѣніе не точь въ точь мнѣніе Ломоносовское.

значительное измѣненіе стихіи Норманской, отъ прилива къ ней Азіатскаго наѣздническаго удальства: отсюда произошелъ особенный характеръ нашей Южно-русской воинственности, которая потомъ въ полной силѣ явилась въ Запорожскомъ козачествѣ, и я давно уже сказалъ, что въ Запорожьи воинственный Святославъ сложилъ буйную голову свою—*сей первообразъ головъ козацкихъ*». Не справедливо для изъясненія нѣкоторыхъ примѣтъ Азіатско-наѣздническаго быта въ южной Руси, отвергать Норманство Руссовъ, и признавать ихъ ордою азіатскою, какъ то дѣлаетъ *Турецкое* ученіе о Руси Эверса, Каченовскаго, Лелевеля и другихъ. Но и Норманство Руссовъ не есть прямое и основное доказательство, чтобы они были Скандинаво-Нѣмецкаго племени. Такимъ образомъ и это доказательство твое—чисто перспективное; оно только отчасти служитъ въ пользу твоего утвержденія; не менѣе того, оно входитъ и въ мой образъ мыслей о Руссахъ, и едва-ли не плодоноснѣе развивается въ примѣненіи къ развитію новой *Русской жизни* въ нашемъ отечествѣ, которая началась съ водворенія Руссовъ въ землѣ Кіевской, и не только не утратила отъ того Словенской народности (какъ хотѣлось того Сенковскому), но еще умножила, возрастила ее до настоящаго величія и могущества.

5) Ты говоришь: «докажите мнѣ, что собственныя имена Рюрика, Трувора, Игоря, Олега, Свѣнельда, Руальда не суть имена Норманскія». Я опять скажу: это доказать весьма трудно, конечно еще не очень давно доказывалъ Бодянскій, что всѣ эти имена суть Словенскія, — какъ нѣкогда родоначальникъ вашего Скандинавскаго ученія Байеръ доказывалъ, что имя Святослава есть Нѣмецкое; но я, подобно тебѣ, думаю, что приведенныя тобою имена не только *Норманскія*, но и *Нѣмецкія*; изъ нихъ видно, «что Рюрикъ съ своимъ родомъ былъ изъ Варяговъ Нѣмецкихъ; но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы и Руссы, пришедшіе въ Новгородъ подъ знаменами Рюрика, потомъ перешедшіе въ Кіевъ подъ предводительствомъ *Оскольда* и *Дира* (коихъ имена уже не отзываются по Нѣмецки)— были также Норманы Нѣмецкаго племени. Мои доказательства на то я представлю тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ моемъ

для котораго изъ твоихъ требованій остаются еще только три: 1) имена Днѣпровскихъ пороговъ; 2) анекдотъ Бертинскихъ лѣтописей; 3) связь Константинопольскихъ Вяряговъ и Стурлезоновыхъ Верингеровъ съ нашими Варягами наемниками! Тебѣ кажется, что ты задалъ довольно работы, но я бы желалъ гораздо больше: нѣтъ-ли у тебя еще восьми, хоть трехъ доказательствъ, но только прямыхъ, основныхъ, изъ коихъ *непосредственно*, а не *перспективно* можно бы увидѣть, что Руссы были Норманны, Варяги Скандинавскаго племени!... Тогда бы я охотнѣе исполнилъ твое требованіе въ совершенной точности, т. е. взялъ бы Эверсовы возраженія, твои возраженія ему, твои доказательства положительныя, и учинилъ надлежащую расправу.

Теперь скажу нѣчто въ оправданіе себя. 1) Ты сказалъ, будто я, въ моемъ изслѣдованіи, *разбираю слова Нестора, не обращая никакого вниманія на всѣ прочія свидѣтельства.*

Въ этихъ словахъ твоихъ есть и правда, но только въ неправильномъ видѣ. Изслѣдуя лѣтопись Нестора, я старался уразумѣть и вывести изъ нея то, что прямо слѣдуетъ изъ собственныхъ его словъ, безъ придачи имъ постороннихъ понятій, принадлежащихъ какому-нибудь особенному ученію о происхожденіи Руси, о которомъ въ то время я не имѣлъ еще никакого положительнаго своего мнѣнія. Потому-то я читалъ Несторову лѣтопись безъ всякаго систематическаго пристрастія и предубѣжденія, и нашелъ, что изъ нея вовсе не видно Скандинаво-Нѣмецкаго происхожденія Руси. Это обстоятельство, а равно и то, что для исторіи Русскаго языка мнѣ необходимо было опредѣлить себѣ племенную принадлежность Варяговъ-Руссовъ, заставили меня перечитать все, что только могъ я достать здѣсь, написаннаго о происхожденіи Руси. Это чтеніе привело меня къ тому, что я всѣмъ другимъ мнѣніямъ предпочелъ старинное русское мнѣніе о происхожденіи Руссовъ *съ поморья Балтійскаго*, и принадлежности ихъ *къ племени Словенскому*. Послѣ этого я написалъ мое изслѣдованіе: «откуда идетъ Русская земля». Для моей цѣли довольно было ограничиться Несторовою лѣтописью и другими старинными отечественными писаніями, объ которыхъ я и говорилъ

преимущественно въ моемъ изслѣдованіи, разбирая слова Нестора. Но что я имѣлъ въ виду и разныя другія свидѣтельства, ты можешь удостовѣриться въ томъ, если станетъ у тебя охоты прочесть шестьдесятъ довольно длинныхъ примѣчаній, къ моему изслѣдованію приложенныхъ. Если же не всѣ свидѣтельства мною упомянуты, такъ это зависѣло отъ плана, предположеннаго мною для сего сочиненія.

2) Ты замѣчаешь мнѣ, что я ученіе Ломоносова, Татищева и другихъ величаю именемъ *системы* не по достоинству ихъ; тебѣ хотѣлось бы кажется этимъ именемъ величать только Скандинавское ученіе Байера, тобою защищаемое, да Эверсово сочиненіе, тобою переведенное и опроверженное. Пожалуй, я согласенъ съ тобою, и готовъ отнынѣ всѣ упомянутыя ученія называть не системами, а просто мнѣніями или ученіями. Но дѣло не въ названіи а въ томъ, что тебѣ не нравится равное вниманіе мое ко всѣмъ ученіямъ; что тебѣ кажется достойнымъ вниманія и разбора только Скандинавское ученіе Байера и Шлецера, поддержанное твоимъ магистерскимъ разсужденіемъ и безпрестанно для тебя подтверждающееся новыми открытіями Шегрена, Френа, Круга. Любезный другъ! приведенныя тобою имена почтенны и знамениты своею ученостію, но для меня не менѣе, въ отношеніи къ Руси, почтенны имена Ломоносова, Татищева, Чеботарева, Болтина и другихъ Русскихъ ученыхъ; хотя Шлецеръ въ своемъ Несторѣ и дерзнулъ сказать, что между Русскими историками не было ни одного ученаго. Я (въ моемъ изслѣдованіи) сказалъ уже, что «и для учености бываетъ разный талантъ: для иной—свѣтлый лучъ мысли изъ тьмы свѣдѣній, хотя бы онъ казался фантастическимъ, какъ сѣверное сіяніе изъ мглы и хлада недосягаемыхъ льдовъ полярныхъ; для другой—громада свѣдѣній, подъ которою умъ заходитъ за разумъ, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли»... Теперь скажу въ добавокъ къ тому, что именитость не есть ручательство за истину. Вспомни мои разборы Лодерова сочиненія о холерѣ и зоологической системы Фишеровой, помѣщенныя въ Телескопѣ. Тамъ до очевидности показалъ я, какъ ничтожны упомянутыя произведенія двухъ столь знаменитыхъ мужей!.... Ты

говоришь: «Развѣ страница, написанная Татищевымъ о Финскомъ происхожденіи Руси, есть система?» Но эту страницу распространилъ своею критикою Болтинъ, критикъ искусный и по признанію Шлецера. А посмотри, съ какою ученостію Бутковъ развиваетъ и скругляетъ Татищевскую мысль въ цѣлое стройное ученіе, которое, по главному утвержденію своему, можетъ называться *Чухонскимъ*.

Но за что же отдаешь ты такое предпочтеніе Шлецерову Шведскому ученію? Уже ли за то, что Шлецеръ къ первымъ страницамъ Несторовой лѣтописи навязалъ такую громадную ношу учености? Но это показываетъ только, что у Шлецера была свинцовая трудолюбивость; что же касается до его головы, то она была не свѣтла? Я говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ. Вы называете Шлецера *отцемъ* нашей исторической критики; но это былъ для нея лихой *вотчимъ*, отъ котораго родился и нашъ историческій *скептицизмъ*. Какъ самопроизвольно и небрежно обходился онъ съ Несторовой лѣтописью? Все, что находилъ онъ въ Несторѣ несогласнымъ со своимъ личнымъ мнѣніемъ о Руси, называлъ онъ *глупыми* вставками, *дурацкими* передѣлками и умышленными поддѣлками позднѣйшихъ переписчиковъ и продолжателей; а что у нихъ же находилъ согласнымъ съ своимъ мнѣніемъ, то включалъ въ древній текстъ Нестора; да и самаго лѣтописателя нашего онъ обвинялъ въ выдумкахъ изъ патріотизма, и очень не чисто глядѣлъ на его иноческія вѣрованія. Какой же это образецъ критики? И что же значатъ восторженныя гиперболическія похвалы Нестору отъ Шлецера? Подъ видомъ Нестора онъ хвалилъ только себя! А въ своемъ Шведскомъ ученіи о Руси—онъ былъ самый упорный и односторонній систематикъ. Я воображаю, какъ ты теперь и смѣешься и негодуешь на меня; но разсуди самъ и скажи:

1) Какъ истолковалъ Шлецеръ слова Константина Багрянороднаго—*Навгородъ внѣ Россіи*, и даже обратилъ ихъ въ доказательство своего ложнаго мнѣнія, будто Русь существовала долго сначала не въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ?

2) Какъ безобразно представилъ онъ исторію Оскольда и Дира, нашихъ первыхъ князей—христіанъ?

3) Какъ неправильно изъяснилъ положеніе и названіе *Угорскаго* (Оскольдовой могилы.)?

4) Какъ странно отвергъ онъ походъ Кіевской Руси на Царьгородъ въ 866 г., и признать ее какимъ-то особымъ народомъ, неизвѣстно откуда приходившимъ, неизвѣстно куда скрывшимся, и даже сказалъ, что объ этихъ Россахъ не надо и вспоминать въ Русской исторіи.... объ тѣхъ именно Русскихъ, отъ которыхъ Несторъ ведетъ начало нашей Русской исторіи,—о которыхъ патріархъ Фотій писалъ свою окружную грамоту, какъ о новыхъ христіанахъ?...

5) А его сомнѣніе о Черноморскихъ набѣгахъ Игоря, будто бы выдуманныхъ Несторомъ изъ патріотизма!....

6) А его отверженіе Исландскихъ сагъ.....

7) Совершенное отверженіе для нашей исторіи Скиѳовъ, Сарматовъ, Роксоланъ и проч. Но ты лучше меня знаешь подробности Шлецерова сочиненія, которое на заглавіи своемъ носитъ имя преподобнаго *Нестора*,—ты, который опровергъ такъ искусно главное Шлецерово утвержденіе, будто Варяги-Русь были *Шведы!* Вспомни только безпристрастно всѣ Шлецеровы промахи, освободясь — если можно, отъ впечатлѣній молодости, какія накричалъ тебѣ Шлецеръ своею рѣзкою, бранчивою, самопроизвольною критикою.

Къ числу этихъ впечатлѣній я отношу и то, что ты при всемъ своемъ уваженіи къ нашему Ломоносову, говорилъ и говоришь объ его историческомъ мнѣніи о Руси, судя и заключая не по его словамъ, а по словамъ Шлецера. Увлеченный ими, ты въ своемъ разсужденіи говорилъ, будто Ломоносовъ выводилъ Русь изъ Пруссіи—*положась на свидѣтельство Степенной книги*. Сущая неправда. Я уже имѣлъ случай сказать, что Ломоносовъ имѣлъ совсѣмъ другія основанія для сего мнѣнія, которому онъ первый у насъ далъ ученосистематическій видъ, изыскивая словенизмъ Руссовъ [1]) и ихъ пребываніе на Прибалтійскомъ сѣверѣ по указаніямъ Гельмольда и другихъ западныхъ писателей, дополнилъ это мнѣніе древне Русскимъ, *Несторовскимъ* понятіемъ о Варягахъ и

---

[1]) Замѣчательно, что и Карамзинъ, хотя вывелъ Руссовъ изъ Швеціи, но сначала *ословянилъ* ихъ въ Пруссіи и потомъ уже привелъ въ Новгородъ.

Руссахъ и учено-иноземнымъ мнѣніемъ среднихъ временъ о тожествѣ Руси съ Роксаланами,—и отрѣшилъ большую часть тѣхъ вымысловъ, которыми и наша и чужеземная старина потѣшались въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о происхожденіи и прозваніи Руссовъ.

Теперъ ты говоришь: «Развѣ слова Ломоносова (*сказанныя имъ на удачу*) составляютъ систему?»

О названіи его ученія *системою* мы уже объяснились: по крайней мѣрѣ названіе это гораздо больше идетъ къ его ученію, нежели къ ученію Эверса и другихъ. Но что значитъ *на удачу!* И про Суворова говорили, что онъ дѣйствовалъ *на удачу*..... Но полководцу нашему служило счастье, а нашему академику нѣтъ, не смотря на одобреніе славнаго мецената.

Ломоносовъ надъ своею исторіею трудился въ продолженіи десяти лѣтъ, прежде чѣмъ написалъ онъ (въ 1754 г.) Опытъ исторіи Русской до Рюрика, перечитывалъ нашихъ лѣтописцевъ, писателей западныхъ и Византійскихъ, дѣлалъ изъ нихъ сотни выписокъ, соображалъ характеръ нашихъ историческихъ событій. Прочти объ этомъ замѣчаніе мое, припомни, много-ли приготовила наша историческая критика (Татищева, Байера, Миллера) до 1750 для нашего перваго историка, и потомъ скажи, что значитъ выраженіе— *Ломоносовъ писалъ на удачу!* Я же, въ заключеніе сего письма, повторю о Ломоносовѣ: «каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ пожалѣть развѣ о томъ, что для своего совершенства не было *исключительнымъ удѣломъ* всеобъемлющаго человѣка, который, *примѣчая* свою преждевременную кончину, говорилъ: на смерть взираю равнодушно, а жалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести Академіи».

27 марта 1841.

Кіевъ.

ВОЛЫНЬ ДО XI ВѢКА. [1])

Страна, извѣстная подъ именемъ Волыни, была съ древнѣйшихъ временъ заселена Словенами, подобно землѣ Кіевской, Червоно-русской или Галицкой и Подолью. Во всѣхъ этихъ участкахъ южной Руси коренными и первобытными жителями были юго-восточные Словены, которые, хотя нѣкоторое время и находились въ взаимномъ раздѣленіи на разныя отрасли, иногда не мирившія другъ съ другомъ (какъ напримѣръ Древляне съ Полянами Кіевскими), но тѣмъ не менѣе были ближайшія другъ къ другу, по степени родства и по мѣстопребыванію. Русское владычество, соединившее сихъ Словенъ въ 9 и 10 вѣкахъ подъ знамена Кіевскія, положило на нихъ вновь неизгладимую печать единства, по которой они доселѣ не перестаютъ быть однимъ, кореннымъ южно-русскимъ народомъ, при всѣхъ переворотахъ съ ними и раздѣленіяхъ южной-Руси въ продолженіи девяти вѣковъ. Не смотря на областныя названія ихъ: Галичанами, Подолянами, Волынянами, Украинцами, Запорожцами, Слобожанами, Черноморцами— имя *Русина* остается ихъ общимъ, родовымъ именемъ, которымъ и теперь зоветъ себя коренной народъ земли Галицкой,—которымъ и весь Южно-Русскій или Малороссійскій народъ отличаетъ себя отъ Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и другихъ Словенъ, хотя въ нашемъ государствѣ имя Русскаго теперь усвоилось преимущественно народу Великой или Московской Руси, коей судило Провидѣніе быть средоточіемъ вовсоединеннаго Русскаго міра. Но до 13 вѣка, когда первопрестольный Кіевъ былъ средоточіемъ древняго Русскаго міра,

---

[1]) Кіевлянинъ 1841 года, стр. 289—297.

во всѣхъ его концахъ именемъ *Руси* или *Русской земли* называлась преимущественно земля Кіевская. Потому-то и въ Царѣ-городѣ Константинъ Багрянородный писалъ, что Великій Новгородъ находится *внѣ России*. Такъ и у нашихъ соплеменниковъ Поляковъ, *Русью* назывался прежде преимущественно южно-русскій народъ, въ отличіе отъ Москвитянъ или Великороссіянъ; древнее Галицкое княжество называлось у нихъ съ половины 14-го вѣка *воеводствомъ Русскимъ*; Украинскіе козаки въ нѣкоторыхъ конституціяхъ 17 вѣка именуются *старожитною Русью*; старинныя Польскія хроники называютъ *Русинами* князей Черторійскихъ, получившихъ это имя отъ древняго города Черторійска на Волыни.

Такимъ образомъ на сію страну, и по ея коренному народу, и по ея древней и нынѣшней государственной принадлежности, не иначе должно смотрѣть, какъ на участокъ коренной, старожитной Руси. Самое названіе *Малороссіи* или *Малой Руси*—Russia minor первоначально принадлежало Волынской и Галицкой землѣ, и уже въ послѣдствіи распостранилось на лѣвую сторону Днѣпра, и даже преимущественно ей усвоилось.

Въ историческомъ бытіи Волыни сами собою различаются пять періодовъ: *первый*—до окончательнаго утвержденія Русской власти надъ Волынью великимъ Владиміромъ въ исходѣ 10-го вѣка; *второй*—до перехода Волыни въ составъ Литовскаго или западнорусскаго государства, въ половинѣ 14-го вѣка; *третій*—до соединенія Волыни и всего Литовскаго княжества съ короною польскою, въ 1569 году, *четвертый*—до возвращенія Волыни подъ Русскую державу; въ 1793 году; и *пятый*—нынѣшнее бытіе Волыни, преобразованной въ Волынскую губернію.

~~~~~

Свѣдѣнія наши о древнѣйшемъ бытіи Волыни—до 11-го вѣка—основываются на немногихъ историческихъ извѣстіяхъ, относящихся къ ея первымъ обитателямъ и къ завоеванію ихъ Русскими князьями.

Одинъ только преподобный Несторъ оставилъ, хотя краткія и неполныя, но опредѣлительныя указанія. Сіи указанія
~~~~~

дополняются, нѣсколькими извѣстіями Константина Багрянороднаго и безъименнаго Баварскаго географа, писавшаго въ исходѣ 9-го вѣка. Вотъ что можно вывести изъ сихъ писателей о жителяхъ древнѣйшей Волыни, коея предѣлы въ прежнія времена простирались далѣе на западъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ ея ограниченіи.

Восточная половина сего края, по обѣимъ сторонамъ западнаго Буга, заселена была *Бужанами* и *Дулѣбами*.

Дулѣбы въ 6-мъ или 7-мъ вѣкѣ много потерпѣли отъ Обровъ и Аваровъ, по сказанію Нестора; мѣстная память объ нихъ сохранцется и нынѣ въ наименованіи нѣсколькихъ селъ *Дулѣбами* или *Дулибами*.

Бужане составляли довольно многочисленную Словенскую отрасль, ибо, по сказанію Баварскаго географа, они (Bussani) жили въ 250 городкахъ (civitates).

Но что сказать о самихъ *Волынянахъ*, именемъ коихъ во времена Нестора назывались уже Дулѣбы и Бужане? Всего вѣроятнѣе, что Волынянами, сначала называлась только нѣкоторая часть Словенъ, жившая въ верховьяхъ западнаго Буга, около города Волыня. Польскіе историки, по сходству звуковъ, считали Волынянъ пришельцами съ береговъ Волги, почему и вмѣсто Волыни они писали *Волгинія*. Но и то и другое напрасно. Жители Волги назывались-бы не Волынянами, а Волжанами — по закону Словенскаго звукоизмѣненія, какъ обитатели Буга назывались Бужанами. Въ древнѣйшихъ спискахъ Русской лѣтописи (Лаврентьевскомъ и Троицкомъ) вмѣсто Волынь и Волыняне весьма часто писано *Велынь* и *Велыняне* [1]. Это почти прямо указываетъ на *Велыновъ* или *Велынянъ*, отрасль Прибалтійскихъ Словенъ, которая преимущественно обитала на островѣ Велынѣ или Волынѣ (по Нѣмецки Юлинъ) гдѣ былъ и городъ сего имени. И мнѣ кажется, что наши Волыняне всего скорѣе были храбрые выходцы съ Балтійскаго поморья, которые сначала поселились у западнаго Буга, а потомъ распространились далѣе, и своимъ именемъ покрыли

---

[1]) Самое различіе въ произношеніи сихъ именъ *Волынь* и *Велынь* свойственно Словенскому звукоизмѣненію *е* въ *о*, какъ напримѣръ въ словахъ *полынь* и *пелынь* *гробля* и *гребля*, *озеро* и *езеро*. Названіе *Велынь* можно считать древнѣйшимъ.

прочихъ жителей сего края. Они то, конечно, были основателями и города *Волыня*, на лѣвой сторонѣ Буга, при устьѣ рѣки Гучвы. Теперь на томъ мѣстѣ село Городокъ; но еще видны остатки большаго вала и нѣсколько могилъ—безмолвныхъ памятниковъ того города, коего именемъ называется понынѣ цѣлая область.

Что касается до другихъ Словенскихъ отраслей, вошедшихъ въ составъ Волынскаго народа, то онѣ опредѣляются болѣе предположительно.

Лучане, два раза упомянутые Константиномъ Багрянороднымъ въ числѣ Словенъ подвластныхъ Руси, еще до временъ Владиміровыхъ, по мнѣнію Карамзина, обитали въ окрестностяхъ древняго Волынскаго города *Лутеска*, то есть нынѣшняго Луцка. Впрочемъ *Лучанами* назывались въ Московскихъ грамотахъ жители великихъ Лукъ, которые, по мнѣнію Шафарика, и были Лучане Константина Багрянороднаго.

Между народами, описанными географомъ Баварскимъ подъ именами *Sittici* и *Attuertani*, Шафарикъ угадываетъ Славянскія имена *Житичей* и *Туричанъ*, и полагаетъ, что первые всего скорѣе могли быть жителями окрестностей Житомира, а Туричане жили на рѣкѣ Турьѣ, гдѣ издревле существовалъ городъ (нынѣ мѣстечко) Турійскъ и есть село Туричаны.

Какъ-бы то ни было, но Словены Волынскіе, слившіеся мало по малу въ одинъ составъ южно-русскаго народа, со всѣхъ сторонъ окружены были Словенскими-же отраслями. Западными сосѣдями ихъ были *Хорваты*, населявшіе восточную Галицію и послужившіе основаніемъ Червоной Руси. Къ югу отъ нихъ простирались вдоль Днѣстра и Буга до Чернаго моря и Дуная—*Тиверцы* и *Угличи* или *Уличи*, отличавшіеся своею воинственностью и множествомъ городковъ, которые существовали и во время Нестора, но теперь съ Словенскими именами остались уже немногіе. На восточномъ рубежѣ Волыни жили *Древляне*, особенно замѣчательные въ отношеніи къ этой странѣ потому, что ихъ лѣсистый край, въ древности называвшійся *Деревами*, причисляется нынѣ къ ея составу, съ городами: Вручаемъ (Овручемъ), Коростенемъ (Искоростью) и

другими. Къ сѣверу отъ Древлянъ и Волынянъ, между рѣками Припетью и Западною Двиною, жили *Дреговичи*, которые можетъ быть простирались отчасти и въ Волынское Полѣсье.

Скажемъ теперь о присоединеніи Волынскихъ Словенъ подъ Русскую власть Кіева, которое совершилось не вдругъ и не безъ противоборства.

Первымъ шагомъ къ тому было завоеваніе Древлянъ, на которыхъ наложили свою руку еще первые Русскіе князья Кіева, Оскольдъ и Диръ, около 864 года. Завоеватель Олегъ, сдѣлавшись Русскимъ княземъ, покорилъ вновь подъ власть Кіева Древлянъ, въ 883 году и потомъ пошелъ на ихъ сосѣдей. Въ 885 году онъ воевалъ съ Угличами и Тиверцами, которые не поддавались ему безъ боя. Вѣроятно около того же времени, послѣ завладѣнія Тиверцами, Олегъ простеръ свои завоеванія на Дулѣбовъ и Галицкихъ Хорватовъ; по крайней мѣрѣ тѣ и другіе въ началѣ 10-го вѣка были уже подъ Русью, ибо въ 906 году тѣ и другіе находились въ грозномъ Олеговомъ ополченіи на Царьгородъ вмѣстѣ съ Тиверцами, Древлянами и другими отраслями Словенъ, уже подвластными Кіеву.

Князь Игорь обновилъ Русскую власть надъ Древлянами въ 913 году, завоевалъ наконецъ въ слѣдующемъ году упорныхъ Угличей. Древляне вновь отказались было платить дань; памятникомъ ихъ подданства Кіеву и теперь возвышается *Игорева могила*, близь древняго ихъ города Коростеня, нынѣ мѣстечка Искорости. Ольга отмстила Древлянамъ за убіеніе своего мужа, а въ 970 году князь Святославъ отдалъ Древлянскую землю въ удѣльное княженіе сыну своему Олегу, который и княжилъ въ ней до 977 года.

Между тѣмъ Червень, Перемышль и другіе города Галицкіе или Червенскіе заняты были Поляками; почему Владиміръ Святославичь въ 981 году ходилъ на Мечислава и отвоевалъ у него достояніе Кіева, добытое Олегомъ. Вѣроятно въ этотъ-же походъ великій князь Кіевскій овладѣлъ Бужанами и прочими жителями Волыни; а для упроченія своей власти надъ нею и надъ Галичемъ, онъ построилъ во свое

имя городъ *Владимiръ* на р. Лугѣ, въ 20 верстахъ отъ города Волыни.

Этотъ новый Волынскiй городъ, въ 988-мъ году, великiй Владимiръ назначилъ въ удѣльное княженiе своему юному сыну Всеволоду, который и княжилъ тамъ до 1052 года. При первомъ учрежденiи Русскихъ епархiй, въ 992 году, одна изъ нихъ назначена во Владимiрѣ Волынскомъ и посланъ туда епископъ Стефанъ. Содѣлавшись такимъ образомъ средоточiемъ Русской власти надъ Волынiю, городъ Владимiръ въ тоже время послужилъ сей странѣ источникомъ просвѣщенiя христiанскаго,—и она къ началу 11-го вѣка была уже причастна той Русской жизни, которая, образуясь въ Кiевѣ, разливалась изъ него по всѣмъ концамъ древней Владимiровой Руси. По имени своего главнаго города, Волынь называлась иногда *землею Володимiрскою*, откуда и произошло названiе *Лодомирiи*.

1839.

О ДРЕВНЕЙ ЕПАРХІИ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ [1].

§ 1. Извѣстно, что Русская митрополія первоначально находилась въ Переяславѣ, и уже княземъ Ярославомъ, около 1034 года, перемѣщена въ Кіевъ. Объ этомъ хорошо знали Малороссіяне и въ XVII-мъ вѣкѣ; и когда въ Малороссіи, вслѣдствіе Андрусовскаго договора, шли тревожныя рѣчи объ отдачѣ Полякамъ Кіева, тогда, на Глуховской радѣ, 1669 года, гетманъ, старшина и козаки постановили такъ: «а въ Переяславѣ учинить митрополію, какъ и прежде сего бывало».

Митрополія въ Переяславѣ находилась при церкви св. Архистратига Михаила, построенной, какъ говоритъ мѣстное преданіе, первымъ Русскимъ митрополитомъ, св. Михаиломъ, который и въ Кіевѣ основалъ монастыри: Михайловскій Золотоверхій, и Михайловскій Выдубицкій, — какъ извѣстно, тоже по преданію мѣстному. Вторый митрополитъ, Леонтій —и назывался «Русскимъ и Переяславскимъ». Третій митрополитъ, Іоаннъ, конечно, былъ основателемъ Іоанновскаго монастыря, столь извѣстнаго въ древнемъ Переяславѣ.

§ 2. По перенесеніи митрополіи въ Кіевъ Ярославомъ, въ Переяславѣ учреждена была особая епархія Переяславская.

Объ этомъ, въ новѣйшей исторіи Русской церкви (Спб., 1857), мы встрѣтили выраженія не совсѣмъ опредѣлительныя: сказано, что, и послѣ 1072 года «Переяславъ еще не составлялъ особой епархіи» (II, 9); а потомъ, что «Переяславская епархія сдѣлалась извѣстною въ 1072 году» (II, 11). Первое сказано по новому, а второе по старому; въ обоихъ же случаяхъ 1072-й годъ значится потому, что въ лѣтописи Несторовой

[1]) Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1858 г. кн. IV—Смѣсь, стр. 145—150.

подъ этимъ годомъ впервые упоминается Переяславскій епископъ (Петръ). Но извѣстно, что и прежде сего епископа (Петра) былъ Переяславскій епископъ, Николай, изъ иноковъ Печерскихъ; и не только въ синодикахъ и каталогахъ Переяславскихъ, но и въ исторіи Русской церкви самаго преосв. Макарія первымъ Переяславскимъ епископомъ полагается Николай, а вторымъ Петръ, помянутый въ лѣтописи Нестора подъ 1072 годомъ въ числѣ духовныхъ лицъ, находившихся при перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ. И такъ Переяславская епархія извѣстна намъ прежде сего года. Она учреждена была, по всей вѣроятности, въ митрополитство достопамятнаго Иларіона, вслѣдъ за тѣмъ, какъ состоялось особое Переяславское княжество, назначенное Ярославомъ сыну его Всеволоду (около 1054 года).

§ 3. Третьимъ Переяславскимъ епископомъ былъ достопамятный Печерскій инокъ, Ефремъ, построившій въ Переяславѣ новую великую церковь св. Михаила, при которой прежде была митрополія, украсившій городъ Переяславъ церковными и другими зданіями.

Изъ Нестора не видно, чтобы епископъ Ефремъ съ 1089 года правилъ дѣлами митрополіи Кіевской, а съ 1092 года былъ митрополитомъ Кіевскимъ, хотя то и другое принято уже за достовѣрное въ исторіяхъ Русской церкви преосв. Филарета и преосв. Макарія. Въ первой изъ нихъ сказано, что управленіе дѣлами митрополіи Кіевской поручено было епископу Ефрему—за его «личныя высокія качества» (I, 207): и этого предположенія было бы достаточно. Но въ исторіи преосв. Макарія предпослано еще другое предположеніе, что епископы Переяславскіе были викаріями митрополитовъ Кіевскихъ, и что Печерскій инокъ Ефремъ, по смерти Переяславскаго епископа Петра, вызванъ былъ изъ Константинополя и «хиротонисанъ на эту кафедру въ качествѣ викарія митрополіи Кіевской», а «по смерти митрополита Іоанна III-го (т. е., не III-го въ 1089 году, а II-го или Добраго) Ефрему, какъ викарію его, поручено было управленіе дѣлами митрополіи» (II, 9). Вслѣдствіе такого предположенія о викаріатствѣ, преосв. Макарій и сказалъ, что «Переяславъ (и послѣ 1072 года) не состав-

лялъ еще особой епархіи». Но я думаю, что это предположеніе о викаріатствѣ Переяславскихъ епископовъ признано быть не можетъ, и что древнюю Переяславскую епархію надобно признавать по прежнему—такою-же особою и самостоятельною, какъ и епархія Черниговская.

§ 4. Если какіе изъ древнерускихъ епископовъ и были викаріями митрополіи Кіевской, то это, мнѣ кажется, всего скорѣе были епископы Юрьевскіе, подобно тому, какъ въ наши дни викаріи митрополитовъ Кіевскихъ считаются епископами Чигиринскими.

Во 1-хъ, епископы Юрьевскіе имѣли ближайшее отношеніе къ Кіеву, по принадлежности города Юрьева и всего Поросья къ Кіевскому княжеству. (До половины XII-го вѣка не было въ Пороси никакого удѣльнаго княженія).

Въ 2-хъ, въ лѣтописаньи встрѣчаются такіе случаи, что Юрьевскіе епископы священнодѣйствовали за митрополитовъ Кіевскихъ въ ихъ отсутствіе, или же были ихъ сослужителями. Такъ въ 1073 году, при заложеніи Печерской церкви, находился Юрьевскій епископъ Михаилъ—«митрополиту Георгію тогда сущю въ Грьцѣхъ» (сказано въ лѣтописи Нестора), Такъ въ 1183 году (по сказанію Кіевской лѣтописи) Васильевская церковь на великомъ дворѣ въ Кіевѣ освящена была (Генв. 1-го) митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ Юрьевскимъ; а на пиръ тотъ духовный великій князь созвалъ: «священнаго митрополита Никифора, ины епископы, игумены»....

Въ 3-хъ, въ лѣтописи Нестора, гдѣ только говорится о соборѣ нѣсколькихъ епископовъ вмѣстѣ (1072, 1089, 1091 гг.), Юрьевскій епископъ именуется послѣ всѣхъ: не потому ли, что онъ, какъ викарный, считался младшимъ передъ епископами прочихъ епархій (хотя епископство Юрьевское, по времени учрежденія, почти ровесникъ Переяславскому). Тоже видно и въ Кіевской лѣтописи на первой порѣ, именно, подъ 1115 годомъ.

Въ 4-хъ, младшинство Юрьевскихъ епископовъ примѣтно и изъ того случая, что Андріанъ, будучи Юрьевскимъ епископомъ, правилъ нѣкоторое время епархіею Бѣлогород-

скою (что возлѣ Кіева), а въ 1197 году онъ сталъ настоящимъ епископомъ Бѣлогородскимъ.

Не знаю, достаточно ли всего этого для утвержденія древняго викаріатства за епископами Юрьевскими; по крайней мѣрѣ, ничего такого не встрѣчается для заключенія о викарітствѣ епископовъ Переяславскихъ.

§ 5. У преподобнаго Нестора, въ житіи Θеодосія, написано, что Печерскій инокъ, Ефремъ, находился въ Константинополѣ и послѣ изведенъ былъ въ Кіевскую сторону и поставленъ митрополитомъ въ Переяславѣ. Но изъ лѣтописи Нестора, подъ 1089 годомъ, становится яснымъ это величаніе епископа митрополитомъ: Ефремъ соорудилъ великую церковь св. Михаила, при которой прежде была митрополія, и онъ—«митрополитъ тоя церкви—бѣ бо преже въ Переяславли митрополья»; онъ митрополитъ только той Переяславской церкви, а не всея Руси. Черезъ годъ послѣ того, т. е., подъ 1091 годомъ, Несторова же лѣтопись именуетъ сего Ефрема просто: епископомъ Переяславскимъ. Такъ и черезъ столѣтіе послѣ Нестора, св. Симонъ, епископъ Суздальскій, усерднѣйшій собиратель всѣхъ преданій о Печерскомъ монастырѣ, называетъ преподобнаго Ефрема только «епископомъ Переяславскимъ». Но онъ, конечно, назвалъ бы Ефрема митрополитомъ, если бы онъ былъ имъ, подобно тому, какъ въ томъ же посланіи Симона къ Поликарпу, названъ митрополитомъ Иларіонъ, постриженецъ Антоніевъ, какъ и Ефремъ.

Въ пещерахъ Кіевскихъ мощи преподобнаго Ефрема, конечно, были бы съ титломъ митрополита, если бы онъ былъ въ этомъ санѣ, подобно тому, какъ мощи св. Михаила (и только его одного)! именуются у Лаврянъ издревле съ титломъ «митрополита Кіевскаго». Но никто изъ Лаврянъ не говорилъ намъ, чтобы преподобный Ефремъ, инокъ Печерскій, былъ митрополитомъ Кіевскимъ или Русскимъ; между тѣмъ и въ Патерикѣ печерскомъ, и въ Четь-Минеяхъ св. Димитрія сей Ефремъ именуется — «епископомъ Переяславскимъ».

Лѣтопись Густынская очевидно различаетъ двухъ современныхъ соименниковъ: о печерскомъ инокѣ и епископѣ

Переяславскомъ Ефремѣ — она говоритъ подъ 1090 годомъ: «во Греціи бо бывъ и тамо всякой красотѣ научився»; а объ митрополитѣ—Ефремѣ, подъ 1092 годомъ, она говоритъ: «въ сіе время посвященъ есть Ефремъ Грекъ на митрополію Кіевскую отъ Николая III-го патріарха». Сего Ефрема митрополита Никоновская лѣтопись называетъ «Грекомъ изъ Митилены». И эти лѣтописныя сказанія, хотя и позднія, заслуживаютъ болѣе довѣрія, чѣмъ еще позднѣйшее принятіе двухъ современныхъ соименниковъ—митрополита Кіевскаго Ефрема-Грека, и епископа Переяславскаго Ефрема, изъ иноковъ Печерскихъ — за одно лицо, которому приписано еще украшеніе храмами города Суздаля, принадлежащее, очевидно, третьему современнику того же имени, Суздальскому епископу Ефрему, бывшему тоже изъ братіи печерской, по свидѣтельству св. Симона.

Различая такимъ образомъ трехъ духовныхъ лицъ съ именемъ Ефрема въ концѣ XI-го вѣка, т. е., митрополита Кіевскаго, епископа Переяславскаго и епископа Суздальскаго, не могу согласится съ новѣйшимъ историкомъ Русской Церкви который утвердительно полагаетъ, что митрополитъ Кіевскій Ефремъ былъ «изъ природныхъ Русскихъ» (II, 9) и говоритъ, что «сказанія нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописей и каталоговъ, которые называютъ митрополита Ефрема Грекомъ, не заслуживаютъ довѣрія» (II, 266). О митрополитѣ Кіевскомъ, Ефремѣ Грекѣ, Несторова лѣтопись не упоминаетъ: но въ ней не помянуты и три первые митрополиты Русскіе: св. Михаилъ, Леонтій и Іоаннъ, въ бытіи которыхъ уже не сомнѣваются историки.

§ 6. Четвертымъ Переяславскимъ епископомъ былъ Лазарь, а пятымъ—Силевестръ: оба изъ игуменовъ Выдубицкаго Михайловскаго монастыря.

Шестой епископъ—Іоаннъ.

Седьмой—Маркъ или Маркелъ, изъ игуменовъ Іоанновскаго Переяславскаго монастыря; скончался 1134 года.

Восьмой Переяславскій епископъ пропущенъ въ лѣтописяхъ и исторіяхъ, но въ синодикахъ сохранилось имя его—

Макарій, которое и передаю въ общую извѣстность, и полагаю епископство его съ 1134 по 1141 годъ, въ которомъ поставленъ:

Девятый епископъ Переяславскій—Евѳимій.

Послѣ него полагаютъ теперь епископа Василія (съ 1157 — 1158 г.); но въ синодикахъ Переяславскихъ мнѣ не встрѣчалось это имя, и оно требуетъ новаго себѣ подтвержденія со стороны историковъ, его признающихъ.

Вслѣдъ за Евѳиміемъ, въ синодикахъ полагаются:

Девятый епископъ—Антоній (съ 1168 г.).

Десятый—Павелъ (съ 1198 г).

Одиннадцатый—преподобный Симеонъ, убитый Татарами при разореніи Переяслава въ 1237 году, и наконецъ—

Двѣнадцатый — Ѳеодоръ. О семъ послѣднемъ епископѣ можно съ вѣроятностью полагать, что онъ поставленъ былъ митрополитомъ Кирилломъ III-мъ, въ половинѣ XIII-го вѣка; но епархія Переяславская вскорѣ прекратилась надолго, до ея возобновленія въ концѣ 1701 года.

Москва.
1858 г., 17 октября.

ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ ОТРОКЪ ЯНЪ УСМОЩВЕЦЪ. [1]

Славенъ былъ городъ Переяславъ, считавшійся *третьимъ* городомъ Русской земли еще во время вѣщаго Олега. Славенъ былъ онъ и въ богатырскій вѣкъ Владиміра Святаго, поставившаго тутъ новый пригородъ Переяславъ, въ память того, что здѣшній могучій отрокъ оправдалъ названіе своего города, *перенялъ славу* у великана Печенѣжскаго. И вотъ какъ это было въ 993 году, по древнему сказанію, записанному въ лѣтописи Несторовой.

Какъ воротился Владиміръ князь съ Хорватской войны, то пришли Печенѣги изъ за Сулы. Владиміръ пошелъ противъ нихъ, и встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ, у того броду, гдѣ нынѣ Переяславъ. И сталъ Владиміръ на этой сторонѣ, а Печенѣги на той; и не смѣли ни тѣ, ни другіе переходить черезъ рѣку. И подъѣхалъ Печенѣжскій князь къ рѣкѣ, позвалъ Владиміра, и говоритъ ему: «Выпусти ты своего воина, а я своего, и пусть дерутся: когда твой воинъ ударитъ моимъ, не воевать намъ три года; а когда ударитъ нашъ воинъ— воюемъ три года» и разошлись они врозь.

Тогда Владиміръ пришелъ въ свой станъ и послалъ биричей по шатрамъ кликать: нѣтъ ли такого воина, чтобы схватился съ Печенѣжиномъ? И не нашлось никого.

Заутра пріѣхали Печенѣги, и вывели своего воина; а у нашихъ не было. И началъ тужить Владиміръ, посылаючи по всѣмъ воинамъ. И пришелъ къ князю одинъ старый мужъ, и говоритъ ему: «Княже, есть у меня меньшой сынъ; я вышелъ съ четырьмя, а онъ дома. Съ дѣтства его нѣтъ никого, ктобы

[1]) Статья эта входила въ составъ брошюры, предназначенной для популярнаго чтенія: «Сказанія о стародавнихъ людяхъ Кіевской земли. Кіевъ 1865.»

одолѣлъ его. Разъ я погрозился на него, когда онъ мялъ кожу; а онъ, прогнѣвясь на меня, перервалъ кожу руками.» Слыша это обрадовался князь, и послалъ за нимъ; и привели его къ князю; и князь повѣдалъ ему все. А онъ говоритъ: «Княже! не вѣдаю смогу ли: пусть испытаютъ меня; нѣтъ ли быка великаго и сильнаго?» И нашли быка великаго и сильнаго; и велѣлъ онъ раздразнить быка. Положили на него желѣза горячаго и пустили его. И побѣжалъ быкъ мимо отрока. И ухватилъ онъ быка рукою за бокъ; и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько захватила ему рука. И сказалъ ему Владиміръ:» Можешь бороться съ Печенѣжиномъ!»

Заутра пріѣхали Печенѣги, и начали звать: «Нѣтъ ли воина, а нашъ вотъ готовъ!» Владиміръ же въ ту ночь велѣлъ снарядиться въ оружье. Приступили тогда обѣ стороны. Выпустили Печенѣги своего воина; былъ онъ превеликъ зѣло и страшенъ. И выступилъ воинъ Владиміровъ; и увидѣлъ его Печенѣжинъ, и посмѣялся, ибо онъ былъ средняго росту. И отмѣривъ между обоими полками, спустили борцовъ; и схватились они; и начали крѣпко держать другъ друга; и задавилъ онъ Печенѣжина въ рукахъ до смерти, и ударилъ имъ объ земь. И закричали, и побѣжали Печенѣги; а Русь погналась за ними, рубя ихъ, и прогнала ихъ. А Владиміръ, радъ будучи, заложилъ городъ на томъ броду, и назвалъ его Переяславомъ, *зане перея славу отрокъ-отъ.* И сдѣлалъ Владиміръ великимъ мужемъ его и отца его. И воротился Владиміръ въ Кіевъ съ побѣдою и славою.

Изъ Никоновской лѣтописи извѣстно, что нашего Переяславскаго ратоборца звали *Янъ Усмошвецъ* (или, сказать попросту - *Иванъ Кожемяка*), что онъ воевалъ съ Печенѣгами въ 1001 и въ 1004 годахъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ богатыремъ, Алешею Поповичемъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ СВЯТОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЪ [1]).

Великій князь Святославъ Ярославичъ представленъ въ принадлежавшемъ ему рукописномъ изборникѣ съ книгою въ рукахъ — потому, что онъ былъ большой любитель книгъ и наполнялъ ими свои полаты. Таковъ былъ и отецъ его Ярославъ Владиміровичъ: любилъ онъ читать книги и много онъ ихъ положилъ въ созданной имъ Кіевской церкви св. Софіи. А просвѣтилъ своихъ сыновей и свой Русскій народъ христіанскою вѣрою и книжнымъ ученіемъ великій князь Владиміръ Святославичъ, котораго за то и величаютъ—*солнцемъ* Русской земли.

Святославъ Ярославичъ родился въ Кіевѣ 1027 года, и былъ 27-ми лѣтъ, когда отецъ его, подъ конецъ своей многотрудной жизни, назначилъ сыновьямъ удѣлы въ Русской землѣ. Старшему сыну Изяславу далъ онъ первопрестольный городъ Кіевъ, Святославу Черниговъ, Всеволоду Переяславъ, Вячеславу Смоленскъ, а меньшему Игорю Владиміръ-Волынскій. А старѣйшій братъ ихъ Владиміръ Ярославичъ скончался еще при жизни отца, будучи на княженіи въ Новгородѣ, и тамъ погребенъ въ созданной имъ церкви св. Софіи.

Но кромѣ названныхъ шести удѣловъ Ярославовыхъ, былъ тогда на Руси еще удѣлъ Полотскій, отдѣленный великимъ княземъ Владиміромъ для жены своей Рогнѣды и для сына ея Изяслава Владиміровича. Изяславовъ сынъ Брячиславъ наступалъ на Новгородъ, желая притяжать его къ своему По-

---

[1]) Статья эта была помѣщена въ брошюрѣ, назначенной для популярнаго чтенія, вышедшей подъ заглавіемъ: «Сказанія о стародавнихъ людяхъ Кіевской земли— Кіевъ, 1865». Въ началѣ статьи помѣщенъ былъ рисунокъ, изображающій семейство В. Князя, составленный на подобіе извѣстнаго рисунка, находящагося въ «Изборникѣ».

лотскому княжеству отъ Кіева,—и за то была у него во всю жизнь война съ дядею Ярославомъ. Такъ и Брячиславовъ сынъ Всеславъ былъ въ борьбѣ съ своими дядями Ярославичами, и особенно съ Изяславомъ Кіевскимъ. Всеславъ Полотскій, считавшійся въ народѣ за волшебника, добивался Новгорода и занялъ было его себѣ въ 1066 году; но Ярославичи пошли на него и, сойдясь подъ Минскомъ на рѣкѣ Немигѣ, одержали надъ нимъ побѣду.

Объ той битвѣ осталась такая древняя пѣсня, что «на Немигѣ рѣкѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не добромъ были засѣяны, засѣяны были костьми Русскихъ сыновъ».

Не добромъ, а горемъ и лихомъ для Русской земли были тогдашнія междоусобицы княжескія; да и самимъ князьямъ было отъ нихъ много бѣды и печали. Такъ и князь Изяславъ, крѣпко порывавшійся завладѣть Полотскимъ княжествомъ, лишался дважды великокняжескаго престола Кіевскаго: разъ—черезъ Всеслава Полотскаго, вѣроломно имъ взятаго и заключеннаго въ Кіевской темницѣ; въ другой разъ черезъ роднаго брата Святослава Черниговскаго.

На слѣдующій годъ, послѣ той битвы на Немигѣ, подступили къ Переяславу иноплеменные враги Русской земли, Половцы, однородные съ прежними врагами Печенѣгами. Вышли противъ нихъ на рѣку Альту Ярославичи и были побѣждены, и бѣжали—Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Одержавшіе побѣду дикари азіатскіе двинулись дальше и стали воевать около Чернигова. Тогда Святославъ собралъ дружины тысячи три и вышелъ противъ Половцевъ къ городу Сновску. Увидавъ идущій полкъ, они выстроились. И увидѣлъ Святославъ, что ихъ въ четверо больше; и сказалъ онъ дружинѣ своей словами своего прадѣда Святослава храбраго: «Потягнемъ, уже намъ нѣкуда дѣться»! И ударили, и одолѣли. Много Половцевъ потонуло въ рѣкѣ Снови; а князя ихъ живаго взяли въ полонъ. Та побѣда была 1 ноября 1067 года.

А въ мартѣ мѣсяцѣ 1073 года Святославъ Ярославичъ занялъ великокняжескій престолъ Кіевскій, согласясь съ братомъ Всеволодомъ противъ Изяслава, побѣжавшаго отъ нихъ къ Ляхамъ. Того же года Святославъ, вмѣстѣ съ Печерскимъ игуменомъ Ѳеодосіемъ и Юрьевскимъ епископомъ Михаиломъ, заложилъ основаніе каменной церкви Печерской. Великое почтеніе оказывалъ Святославъ къ блаженнымъ начальникамъ Печерскаго монастыря. Еще въ 1068 году, когда, воротившійся въ Кіевъ съ Ляхами и съ своимъ шуриномъ Болеславомъ Смѣлымъ, князь Изяславъ прогнѣвался на Антонія за Всеслава Полотскаго, Святославъ ночью взялъ къ себѣ въ Черниговъ святаго мужа, который тамъ возлюбилъ Болдины горы, ископалъ на нихъ пещерку и пребывалъ въ ней нѣкоторое время. Когда же весною 1074 года сильно заболѣлъ Ѳеодосій и уже поставилъ вмѣсто себя избраннаго братіей Стефана, князь Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ посѣтилъ богоноснаго отца, который тогда говорилъ ему: «Се отхожу свѣта сего, и се придаю ти монастырь на соблюденіе, егда будетъ что смятенье въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду». Князь же цѣловалъ его и обѣщался прилагать попеченіе о монастырѣ.

Владѣвшій большимъ богатствомъ князь Святославъ поставилъ въ самомъ Кіевѣ монастырь св. Симеона, въ Копыревомъ концѣ подъ Подоломъ. Развалины того монастыря, не вдалекѣ отъ нынѣшней церкви Андрея Первозваннаго, видны были и въ 17-мъ вѣкѣ.

Святославъ Ярославичъ скончался въ 1076 году 27 Декабря, и положенъ въ Черниговѣ, въ церкви св. Спаса, основанной Мстиславомъ Владиміровичемъ Храбрымъ.

Въ томъ году, какъ Святославъ сталъ великимъ княземъ Кіевскимъ, многограмотный дьякъ Іоанъ списалъ для него большую книгу, названную *Изборникомъ*, ибо она содержитъ въ себѣ выборъ изъ святыхъ отцевъ церкви и другихъ греческихъ писателей о предметахъ христіанскаго ученія и другихъ наукъ. Та драгоцѣнная книга уцѣлѣла до нашихъ временъ. Въ ней, на оборотѣ перваго листа, написана разными красками и золотомъ картина, представляющая князя Свято-

слава, съ книгою въ рукахъ, его княгиню и сыновей. О княгинѣ Святославовой не сохранилось никакого свѣдѣнія; но князья Святославичи — *Глѣбъ*, *Романъ*, *Давидъ*, *Олегъ*, и *Ярославъ*— довольно извѣстны изъ сказаній преподобнаго Нестора, лѣтописца Печерскаго.

ВЪ КАКОМЪ ВѢКѢ ЖИЛЪ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ? [1]

Народныя великорусскія пѣсни и сказки величаютъ Илью Муромца какъ главнаго богатыря Владимірова времени; и на этомъ основалось мнѣніе, что онъ жилъ въ *десятомъ* вѣкѣ. Но такое основаніе ненадежно для вывода историческаго; ибо въ изустной поэзіи сѣверно-русскаго народа все древнее, дотатарское время сливается и смѣшивается въ одинъ богатырскій вѣкъ славнаго князя кіевскаго Владиміра, и въ современники ему даются лица позднѣйшихъ вѣковъ. Таковы напримѣръ новгородцы: *Ставръ*, современный Мстиславу великому, или *Садкó*, богатый гость, жившій при Мономаховыхъ внукахъ (см. новгородскія лѣтописи, подъ 1118 и 1167 гг.). Потому и мнѣніе о принадлежности Ильи Муромца X-му вѣку мы не можемъ признать за основательное, и предпочитаемъ ему другое мнѣніе, издавна существующее въ Кіевѣ. Здѣсь, въ Антоніевой или Ближней пещерѣ почиваютъ издревле мощи святаго богатыря, — и декабря 19 празднуется «память преподобнаго отца нашего Ильи Муромца, въ *двѣнадцатомъ вѣкѣ бывшаго*». Признаніе за нимъ этого столѣтія утвердилось въ Кіевѣ особенно со времени митрополита Евгенія; а впервыя оно было обнародовано еще въ *1638* году, въ книгѣ *Тератургимъ*, напéчатанной въ Печерской лаврѣ. Сочинитель ея, здѣшній монахъ Аѳанасій Кальнофойскій, написалъ, что преп. Илія Муромецъ жилъ за *450* лѣтъ; выходитъ около *1188* года. Это давнее кіевское показаніе обращается уже, по справедливости, въ господствующее *историческое* мнѣніе. Не далѣе, какъ въ прошломъ, 1870 году, А. Н.

---

[1] Кіевскія епархіальныя Вѣдомости 1871 г. № 15.

Майковъ, въ предисловіи къ своему переводу слова о полку Игоревѣ, сказалъ такъ: «большая часть этихъ богатырей жили гораздо позже Владиміра; напримѣръ объ Ильѣ Муромцѣ есть *положительное свѣдѣніе*, что онъ жилъ въ XII столѣтіи, около 1188 года». Противъ этого мнѣнія возсталъ г. Квашнинъ-Самаринъ, въ пятой книгѣ *Бесѣды*, въ статьѣ своей: «Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи. Тамъ онъ говоритъ вотъ что: «Показаніе Кальнофойскаго не есть сколько нибудь сильный аргументъ. Онъ могъ поставить цифру на угадъ; да притомъ въ XVII-мъ столѣтіи малороссы знали крайне плохо древнюю исторію Руси. Мы не беремся даже сказать, зналъ ли Кальнофойскій навѣрное, за сколько лѣтъ отъ него жилъ св. Владиміръ» (с. 225).

Зачѣмъ такое немилостивое и несправедливое осужденіе отъ нынѣшняго великоросса?!... Оно изобличаетъ собою *незнаніе* ни книги Кальнофойскаго, ни другихъ историческихъ книгъ, написанныхъ тогдашними кіевлянами—Захаріей Копыстенскимъ, Сильвестромъ Коссовымъ, Ѳеодосіемъ Софоновичемъ.. Гдѣ же и кто лучше ихъ зналъ тогда древнюю исторію Руси?

Аѳанасій Кальнофойскій былъ одинъ изъ тѣхъ ученыхъ сподвижниковъ достопамятнаго Петра Могилы, которые вмѣстѣ съ нимъ (1635 г.) открыли гробницу св. Владиміра, въ развалинахъ Десятинной церкви, какъ это видно изъ его Тератургимы. Что онъ зналъ все написанное дотолѣ въ Кіевѣ о св. Владимірѣ, то видно также изъ его книги. Конечно не *наугадъ* написалъ онъ и свое показаніе о принадлежности Ильи Муромца *второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка*. Въ кіевскихъ пещерахъ, надъ мощами почивающихъ тамъ подвижниковъ, были стародавнія доски съ краткими о нихъ извѣстіями. Тѣми надписями руководились всѣ, писавшіе въ томъ вѣкѣ о св. отцахъ Печерскихъ. Вотъ древній источникъ, изъ котораго Кальнофойскій могъ заимствовать показаніе свое объ Ильи Муромцѣ. Въ историческомъ отношеніи оно важнѣе всякаго баснословія поэтическаго, тѣмъ болѣе, что не встрѣчается ему противорѣчія въ другихъ преданіяхъ кіевскихъ о святомъ богатырѣ.

А г. Квашнинъ-Самаринъ опровергаетъ Кальнофойскаго двумя будто бы кіевскими преданіями. Необходимо объяснить это двоякое недоразумѣніе нынѣшняго москвитянина. Онъ говоритъ: «преданіе Печерскаго монастыря, восходящее тоже къ XVII вѣку, *если?* (или) не далѣе, говоритъ напротивъ того, что Илья Муромецъ *окончилъ дни* въ одной изъ кіевскихъ пещеръ *раньше основанія Печерскаго монастыря и раньше св. Антонія*, значитъ никакъ не въ XII столѣтіи, а много раньше, и легко можетъ быть, во время Владиміра» (стр. 224).

А я скажу на это, что такого преданія не было и не могло быть, въ Печерскомъ монастырѣ, судя по всѣмъ писаніямъ о немъ, начиная съ Несторовыхъ сказаній о его началѣ. Новѣйшее недоразумѣніе произошло вотъ изъ чего. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ изданія книги Кальнофойскаго, одинъ лаврскій «изобразитель» потрудился вырѣзать на деревѣ изображенія разныхъ отцевъ печерскихъ, для распространенія ихъ между богомольцами; въ томъ числѣ онъ представилъ и св. Илью, съ такимъ надписаніемъ: *преп.* Илья Муромскій, иже вселися въ пещеру *преп.* Антонія въ Кіевѣ, идеже до нынѣ нетлѣней пребываетъ». Изображеніе сдѣлано произвольно и несходно съ мощами святаго богатыря, у котораго лѣвая рука съ язвою отъ копья, а на правой рукѣ три первые перста сложены крестомъ по православному: видно, что они такъ и оцѣпенѣли въ молитвенную минуту его кончины. Но по чрезвычайной рѣдкости того рисунка, онъ изданъ былъ г. Стасовымъ въ извѣстіяхъ русскаго археологическаго общества (во 2 выпускѣ 3 тома); а потомъ скопированъ былъ и г. Закревскимъ при его описаніи Кіева. Профессоръ Миллеръ, въ своей книгѣ объ Ильѣ Муромцѣ, приводя вышепомянутую надпись лаврскаго древорѣза, въ которой слова *преподобный*, *нынѣ* поставлены подъ титлами, ошибся въ ея чтеніи, и вмѣсто словъ: «вселися въ пещеру *преподобнаго* Антонія» прочелъ: «вселися въ пещеру *прежде* Антонія»! Такъ прочелъ онъ, конечно, подъ вліяніемъ предвзятой мысли о принадлежности Ильи Муромца десятому вѣку. Эту случайную и недавнюю ошибку профессора Миллера г. Квашнинъ-Самаринъ поспѣшилъ обратить уже въ давнее «преданіе Печерскаго монастыря» и опро-

вергаетъ ею показаніе Кальнофойскаго! На самомъ же дѣлѣ и та надпись нисколько ему не противорѣчитъ; ибо *пещера преп. Антонія* была ископана имъ не раньше, какъ въ княженіе Изяслава Ярославича, и вселиться въ нее нельзя было никому, раньше самаго основателя и первоначальника Печерскаго монастыря. Но въ той пещерѣ почиваютъ мощи русскихъ подвижниковъ, бывшихъ и въ XII-мъ вѣкѣ, и въ XIII-мъ, и кончавшихъ дни свои не только въ Кіевѣ, но и вдали отъ него.

Другое возраженіе: «западный путешественникъ Ляссота, бывшій въ Кіевѣ въ XVI столѣтіи, говоритъ, что онъ видѣлъ *около развалинъ десятинной церкви* разрушенную гробницу нѣкоего героя Ильи *Муровлянина*, о которомъ ходитъ много сказокъ»... (с. 225). Здѣсь опять невѣрная передача кіевскаго преданія, записаннаго *Эрихомъ Ляссотою, 1594* года, въ его дневникѣ (tagebuch), весьма любопытномъ для исторіи тогдашняго козачества приднѣпровскаго. У него нѣтъ и помину о *развалинахъ Десятинной церкви*: ихъ поставилъ г. Квашнинъ-Самаринъ отъ себя подъ вліяніемъ той предвзятой мысли, что богатырь Илья окончилъ дни еще при св. Владимірѣ.

Ляссота описываетъ старокіевскую *церковь св. Софіи* и говоритъ, что при ней «внѣ ея, въ особой каплицѣ, находилась прежде гробница Ильи *Моровлина* (Morowlin) знаменитаго героя или богатыря (bohater), о которомъ разсказываютъ много сказокъ. Она теперь разрушена; но гробница сподвижника его уцѣлѣла въ той же каплицѣ. Внѣ церкви показываютъ также мѣсто, гдѣ похоронены благотворители и строители церкви, но на ихъ могилахъ нѣтъ памятниковъ».

Это кіевское преданіе о гробницѣ Ильи при церкви Софійской, записанное иноземцемъ Ляссотою [1]) почти за полвѣка до книги Кальнофойскаго, не только не противорѣчитъ его показанію, но подтверждаетъ собою, что богатырь нашъ скончался не при св. Владимірѣ, а уже по кончинѣ его сына

---

[1]) Въ Тератургимѣ Кальнофойскаго, въ концѣ выписки изъ Печерскаго помянника, означенъ между *земянами* кіевскими *Ляссота*. Не будетъ ли это *Юрій Ляссота*, извѣстный изъ подымной росписи 1631 года? Въ дневникѣ Окольскаго 1638 года упоминается еще *Андрей Ляссота*, сотенный атаманъ полка Черкасскаго.

Ярослава; слѣдовательно, никакъ не раньше второй половины XI-го вѣка; но погребенными при той церкви Илья и его сподвижникъ могли быть и въ исходѣ XII-го вѣка.

Итакъ, нѣтъ противорѣчія извѣстію Кальнофойскаго ни въ этомъ мѣстномъ старокіевскомъ преданіи о *гробницѣ* богатыря Ильи, бывшей при церкви Софійской; ни въ той надписи лаврскаго древорѣза о *вселеніи* преп. Ильи въ пещеру Антоніеву, означенномъ, какъ мнѣ кажется, уже по народному понятію и представленію о святомъ служителѣ Русской земли. А потому кіевское давнее мнѣніе о принадлежности Ильи Муромца *второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка* остается въ полной силѣ своей, и должно быть признаваемо за *положительное* свѣдѣніе историческое.

При этомъ свѣдѣніи не значительнымъ оказывается и то предположеніе г. Квашнина-Самарина, что Илья Муромецъ, можетъ быть, есть одно лицо съ тѣмъ *Рохдаемъ удалымъ*, о которомъ говорится въ позднѣйшей лѣтописи Никоновской, что онъ «наѣзжаше на триста человѣкъ»; что онъ умеръ и погребенъ въ *1000*-мъ году (то есть, за 15 лѣтъ до кончины св. Владиміра).

«Много сказокъ» о богатырѣ Ильѣ, по словамъ Ляссоты. Вотъ одна изъ тѣхъ *староукраинскихъ* сказокъ, записанная имъ въ Кіевѣ-за *276* лѣтъ, стало быть, много раньше, чѣмъ великорусскіе стихи о богатыряхъ стали входить въ русскую письменность. «Здѣсь (въ кіевскихъ пещерахъ) находятся также мощи великана и богатыря, прозываемаго Чоботькомъ». (Что это народно-украинское прозваніе принадлежало Ильи Муромцу, то извѣстно изъ книги Кальнофойскаго). «О немъ ведется слѣдующій разсказъ. Однажды напали на него нежданно многочисленные враги, въ ту самую пору, какъ онъ обулся только еще въ одинъ *чóботъ* (сапогъ). Въ торопяхъ, не успѣвъ найти другаго оружія, онъ сталъ обороняться отъ нихъ другимъ, еще не надѣтымъ на себя чѣботомъ, и побилъ имъ всѣхъ напавшихъ на него враговъ. Отъ того и получилъ онъ свое прозваніе».

На родинѣ Ильи Муромца, въ селѣ Карачаровѣ (которое въ нынѣшнемъ столѣтіи принадлежало еще графу Разумовскому, а потомъ, досталось графу Уварову), есть крестьяне *Ильюшины*, присвояемые въ потомство славнаго богатыря. Съ такою же вѣроятностью можетъ быть приписанъ ему въ родню и дворянскій родъ *Чоботьковъ*, еще на моей памяти процвѣтавшій въ Кіевѣ.

1871 г. 9 іюля

Михайлова-гора.

ЗАМѢТКА О СЛОВУТОМЪ ПѢВЦѢ МИТУСѢ. [1])

Не знаю, кому первому изъ русскихъ ученыхъ принадлежитъ мнѣніе, давно принятое многими, что *словутный пѣвецъ Митýса*, упоминаемый Волынскою лѣтописью подъ 1241 годомъ, былъ пѣснотворецъ, подобный Бояну и пѣвцу Игоря Святославича. Но изъ сказанія Волынской лѣтописи напрасно, мнѣ кажется, выведено такое заключеніе; скорѣе слѣдовало принять, что помянутый Митýса (т. е. Димитрій) былъ знаменитый въ свое время церковный пѣвецъ, принадлежавшій къ пѣвчимъ владыки Перемышльскаго, но не хотѣвшій прежде поступить въ пѣвчіе князя Данила Романовича. Вотъ самое сказаніе лѣтописи: «Даніилъ же дворецкаго посла на Перемышль, на Константина Рязанского, посланаго отъ Ростислава, и владыцѣ Перемышльскому, коромолующу ему съ нимъ; и слышавъ Константинъ Андрея, грядущя нань, избѣже нощью. Андрей же не удоси его; но удоси владыку, и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутьного пѣвца Митýсу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного акы связьня [2]) приведоша, сирѣчь, якоже рече Приточникъ: буесть дому твоего съкрушиться, бобръ и волкъ и язвець снѣдяться».

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о домѣ сопротивнаго князю Данилу владыки Перемышльскаго и его гордыхъ слу-

---

[1] Основа. 1861 г. Іюнь.

[2]) Такъ поправляю я; въ подлинникѣ: *акы связаного*, и не выходитъ смысла. Переписчикъ, вѣроятно, не зналъ или не разобралъ слова *связень*—узникъ (въ Кіевской лѣтописи, подъ 1185 годомъ, полоненный на р. Каялѣ князь Игорь Святославичъ говоритъ: и *связня* преда мя.). Нарѣчіе *древле* здѣсь, какъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи, значитъ: *прежде*, предъ тѣмъ.

жителяхъ, въ числѣ которыхъ былъ и словутный пѣвецъ Митуса. И такъ, этого пѣвца нельзя ставить въ число древнихъ южнорусскихъ пѣснотворцевъ, какими были: *Боянъ* (современникъ Нестора) и *Пѣвецъ Игоря* (1185-86); ему чета—развѣ «скопець *Мануйло-пѣвецъ гораздый*, иже бѣ пришелъ изъ грекъ самъ третій къ боголюбивому князю Мстиславу» (Кiев. Лѣт. подъ 1137 г.)

Кстати, о шапкахъ, упомянутыхъ при описаніи гордыхъ слугъ владыки Перемышльскаго: *тулы бобровые*—высокія шапки въ видѣ клобуковъ; *прилбицы* (волчьи и барсуковые)—шапки съ мѣховыми околышами и съ верхами суконными, бархатными. О *прилбицѣ* княжеской см. въ Кіевской лѣтописи (подъ 1172 годомъ); а изображеніе можно видѣть на картинахъ въ древнемъ харатейномъ житіи св. Бориса. О *прилбицахъ* простыхъ ратниковъ Русскихъ XVI вѣка упоминается въ Статутахъ Литовскихъ.

29 марта 1860 г.

Михайлова-Гора.

О МНИМОМЪ ЗАПУСТѢНІИ УКРАИНЫ ВЪ НАШЕСТВІЕ БАТЫЕВО И НАСЕЛЕНІИ ЕЯ НОВОПРИШЛЫМЪ НАРОДОМЪ. [1])

(Письмо М. П. Погодину).

Пора намъ прекратить споръ нашъ, въ Русской Бесѣдѣ, хоть перемиріемъ! Въ моихъ *Филологическихъ* и двухъ *Отвѣтныхъ* письмахъ, сказано уже все, что я намѣренъ былъ объяснить тебѣ о предметѣ нашего спора съ его *филологической* стороны; и если ты не возвратился къ прежнему понятію, которое старался я оправдать, если ты погрязъ въ своемъ новомысліи, изъ котораго я надѣялся тебя вызволить, то въ этомъ уже твоя воля, не моя вина. Ты въ «Отвѣтахъ» своихъ сознаешься, что ты—«не филологъ, а историкъ», что «филологія не твое дѣло»: и это справедливо; отъ этого-то и происходитъ особенность нѣкоторыхъ твоихъ утвержденій о языкѣ, противъ которыхъ и возражать не для чего. Надѣюсь, что г. Бодянскій—«законный судья» въ этомъ дѣлѣ—не откажется исполнить твое прежнее и мое нынѣшнее желаніе: выскажетъ свое мнѣніе о языкѣ Несторовой и послѣдующихъ Южнорусскихъ лѣтописей, и тѣмъ порѣшить нашъ споръ, съ *филологической* стороны. Тогда намъ можно будетъ приступить и къ заключенію вѣчнаго мира, который будетъ, какъ говорили въ древности, стоять до рати!

Во второмъ Отвѣтномъ письмѣ моемъ, я говорилъ съ тобою, какъ съ *историкомъ*; и хочу еще поговорить о предметѣ нашего спора—въ отношеніи *историческомъ*, увлекаясь на то любезнымъ заключеніемъ твоего втораго Отвѣта, что

---

[1]) Русская Бесѣда 1857 г. кн. IV, стр. 22—35.

«говорить дѣло о дѣлѣ»—ты «всегда радъ» и со мною «еще болѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ, но безъ предубѣжденій». Поговоримъ же—и, во первыхъ, о томъ историческомъ *предубѣжденіи*, которое нынѣ стало твоимъ *убѣжденіемъ*: о запустѣніи Кіевопереяславской земли или Украины въ нашествіе Батыево, и заселеніи ея новопришлымъ народомъ.

Признаюсь, что отъ тебя особенно, какъ *историка*, я надѣялся новаго свѣта на темное для исторіи время Татарщины въ Кіевской землѣ, т. е. на два сорока лѣтъ, прошедшіе отъ Батыя до Гедимина; и надѣялся тѣмъ болѣе, что ты такъ рѣшительно распорядился Кіевскою землею на это время: вывелъ изъ нея коренныхъ обитателей, Полянъ, куда-то въ предѣлы Сѣвернорусскіе; а въ нее перевелъ новыхъ поселенцевъ изъ Карпатовъ! Во второмъ Отвѣтномъ письмѣ я сталъ говорить: «Исторія Кіевопереяславской земли, отъ Батыя до Гедимина, примолкаетъ, и это естественно...» Ты, перебивъ на этомъ мою рѣчь, возгласилъ: «примолкаетъ — но не для всѣхъ. Имѣяй уши слышати, слышитъ. Послушай-же!« Я подумалъ при этомъ, что вотъ тутъ-то будетъ мнѣ отъ тебя благовѣстіе неслыханное.... и что же? Ты съ такою важностью заставилъ меня прослушать отъ тебя все тѣ же извѣстные отрывки изъ Воскресенской лѣтописи и путешествія Плано-Карпини [1]); и ничего болѣе не далъ, на все восьмидесятилѣтіе Татарщины Кіевской! Дѣлать нечего; остановясь на приведенныхъ тобою отрывкахъ, я замѣчу тебѣ, что изъ нихъ совсѣмъ не видно предполагаемаго тобою *переселенія Полянъ изъ Кіевской стороны на Русскій Сѣверъ*, не видно и *запустѣнія Кіевопереяславской земли*, которое издавна въ такомъ ходу, у разныхъ писателей.

Воскресенская лѣтопись говоритъ о побѣгѣ князя Михаила въ Угры, а иныхъ въ *дальныя страны*: очевидно, въ страны не Русскія, а тѣ, въ которыхъ набѣдовался князь Михаилъ, и воротился въ Кіевъ. Но вѣдь эти, бѣжавшіе на чужбину—горстка, въ сравненіи съ цѣлымъ народонаселеніемъ,

---

[1]) Еще недавно, во 2-й книгѣ Записокъ Кулиша, г. Руликовскій доказывалъ опустѣніе Украины въ нашествіе Батыево, основываясь только на словахъ Плано-Карпини.

изъ которой впрочемъ частица (хотя и *ничтожная*, но твоему) все таки воротилась тогда же.

Воскресенская лѣтопись упоминаетъ далѣе о немилостивомъ избіеніи Татарами *затворившихся въ градѣхъ*. Вотъ это и есть собственно *опустошеніе* Татарами Русскихъ областей, всѣхъ равно, по которымъ только проходили; въ городахъ собственно и гибло народонаселеніе Русское, сопротивлявшееся Татарамъ. Сюда наиболѣе относится и извѣствіе Плано-Карпини, что «*большая часть* Руссовъ была побита или уведена въ плѣнъ Татарами». Наши князья, будучи *въ волѣ Татарской*, сами принуждены бывали разорять свои города, на примѣръ, Волынскіе и Галицкіе, 1261 года. Но вѣдь города, не смотря на потерпѣнное разореніе, не пропадали, а возобновлялись, какъ въ Суздальской, Волынской, Галицкой земляхъ, такъ и въ Кіевской. Татаре 1240 года побили *всѣхъ* Кіевлянъ «*отъ мала и до велика*» (говоритъ Суздальскій лѣтописецъ). Однако черезъ шесть лѣтъ, когда былъ Плано-Карпини въ Кіевѣ, тамъ, по его словамъ, были и *тысяцкій*, и *бояре Кіевскіе*, и около 200 дворовъ жителей. И такъ городъ Кіевъ продолжался. Въ 1300 году «весь Кіевъ разбѣжался»; однако онъ опять сбѣжался. (Та же исторія, какъ и съ городами земли Суздальской, Волынской, Галицкой). Въ разореніе Кіева Батыемъ, разоренъ былъ *Печерскій монастырь;* однако черезъ всѣ 80 лѣтъ Татарщины продолжался непрерывный рядъ семи игуменовъ Печерскихъ; въ томъ числѣ были и краснорѣчивый, зѣло учительный *Серапіонъ*, поставленный въ епископы Владиміро-Суздальскіе (1274 г.), и *Агапитъ*, бывшій (1288 г.) во Владимірѣ-Волынскомъ, на погребеніи набожнаго князя Владиміра. Въ разореніе Кіева Батыемъ разоренъ былъ и *Выдубицкій монастырь*; и пишутъ намъ, что онъ послѣ того долго впустѣ лежалъ; однако мы знаемъ, что *недолго*, — что черезъ шесть лѣтъ, князь Даніилъ, по пути къ Батыю «пришедъ въ домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичъ, и созва калугеры и мнискій чинъ, и рекъ *игумену и всей братьи*, да сотворять молитву о немъ; сотвориша, да отъ Бога милость получить; и бысть тако; и падъ предъ архистратигомъ Михаиломъ; изыде изъ монастыря

въ лодьи» (*Вол. Лѣт.* подъ 1250 г.). Достаточно ли тебѣ, на первый разъ, этихъ указаній о Кіевѣ?

Ты указываешь мнѣ особенно на слова Плано-Карпини, что *Канова*, т. е. *Каневъ* зависѣлъ *непосредственно отъ Татаръ*.

Я къ этому, пожалуй, прибавлю еще и сосѣдній городъ— *Переяславъ:* «и пріиде (Даніилъ) Переяславлю, и срѣтоша Татарове» (*Вол. Лѣт.*). Отсюда видно только, что въ этихъ городахъ распоряжались тогда Татаре; но нисколько не видно *запустѣнія* Украины; не видно того именно, что̀ ты выводишь мнѣ отсюда: будто «Кіевопереяславскіе Поляне искали себѣ убѣжища и спасенія *на сѣверъ*»! И откуда же это видно?— Ты называешь теперь *Полянъ — Великороссіянами*, говоришь мнѣ объ ихъ уходѣ на сѣверъ—«изъ-подъ перваго, такъ сказать, удара новыхъ, сильныхъ враговъ». Но если предполагать сколько нибудь единства въ народномъ *характерѣ Великороссійскомъ*, тогда и въ странѣ твоихъ «Кіевскихъ Великороссіянъ» (Полянъ) можно бы предполагать такое же явленіе, какое было въ странѣ Великороссіянъ Суздальскихъ, тоже испытавшихъ на себѣ «первый ударъ новыхъ, сильныхъ враговъ». Но отъ чего же въ Суздальской землѣ, — послѣ того, какъ въ 1239 году «бысть переполохъ золъ по всей земли, не вѣдяху и сами кто гдѣ бѣжитъ» (Троиц., Сузд. Лѣт.), не смотря и на послѣдующія разоренія отъ Татаръ (на примѣръ, на новое взятіе 14-ти городовъ 1293 года) — отъ чего Суздальская земля осталась населенною своими туземцами, а твои «Кіевскіе Великороссіяне» послѣ такого же *пополоху*—покинули свой родимый край, и убрались безвозвратно куда-то на сѣверъ?... Вотъ каковы у тебя—*Поляне!*

Наконецъ, въ приведенномъ тобою отрывкѣ изъ Воскресенской лѣтописи, говорится: «а иже крыяхуся въ пещерахъ, и въ горахъ, и въ лѣсахъ, *мало тѣхъ остася*». Эти слова все таки не говорятъ ни о конечномъ запустѣніи Кіевопереяславской страны, ни о переселеніи древняго и кореннаго народа ея *на сѣверъ*. Мало остася!... Но въ Волынской лѣтописи находятся выраженія посильнѣе. Въ 1283 году Татаре Телебугины «*учиниша пусту землю Володимерьскую*». Далѣе: «и стояша на Львовѣ землѣ 2 недѣли, кормячесь, не воююче;

и не дадяхуть ни изъ города вызѣзти въ зажитье; кто же выѣхашеть изъ города, овы избиваша, а друзіи поимаша; а иныя, излупивше, пущаху наги, а тіи отъ мороза изомроша, зане бысть зима люта вельми; и *учиниша землю пусту всю*.... измре въ городѣхъ во остою *бесчисленое множьство*, друзіи же *изомроша въ селѣхъ*, вышедшіе изъ городовъ по отшествіи беззаконныхъ Агарянъ.... Левъ князь сочте колко погибло во его землѣ людій; што поимано, избито, и што ихъ Божіею волею изъмерло, *полтретьинадесятъ тысячи*». Видишь ли, не смотря на *безчисленное множество* только умершихъ въ осадѣ, на учиненіе *пустою всей земли*—оказалось на повѣрку всего на всего — $12^1/_2$ тысячъ погибшихъ, въ томъ числѣ и плоненныхъ; и въ *опустошенныхъ* тогда татарами земляхъ Владимірской и Львовской оставалось населеніе столь значительное, что для князей было кѣмъ воевать и сосѣдей и другъ друга.—Гиперболическихъ выраженій лѣтописца не слѣдуетъ принимать всегда въ буквальномъ смыслѣ, и особенно для такихъ заключеній, каково—опустѣніе и безлюдье Кіевопереяславской земли. Постоянная людность земель Суздальской, Волынской, Галицкой, при всѣхъ разореніяхъ отъ Татаръ, при всей *волѣ Татарской* въ то время надъ Русью, не дозволяетъ намъ допускать обезлюденья и въ землѣ Кіевопереяславской. Когда Батый прошелъ отъ Кіева до Галича, разоривъ много городовъ—«имъ же нѣсть числа»—земля позади его не осталась *безлюдною;* и онъ, конечно, зналъ это, если Димитрій тысяцкій Кіевскій могъ говорить ему: «земля ти есть сильна; сберуться на тя, и не пустять тебе въ землю свою»! [1]).

---

[1]) Эти слова изъ *Волынской лѣтописи* заимствованы въ позднѣйшую Воскресенскую лѣтопись, вмѣстѣ съ другими выраженіями о нашествіи Батыя на Кіевъ, Волынь и Галичь (лѣтописи Суздальская и Троицкая ими не воспользовались). Потомъ, листовъ черезъ шесть, Воскресенская лѣтопись, приступивъ къ подробному описанію убіенія Михайлова, повторяетъ нѣчто изъ написаннаго уже выше, и прибавляетъ *отъ себя* слова, приведенныя тобою мнѣ, заключая такъ: «*Мало тѣхъ остася;* тѣхъ же не по колицѣхъ временехъ оставиша во градѣ, сочтоша я въ число, и начаша на нихъ дань имати». Можно ли же такими словами позднѣйшаго Сѣверно-Русскаго лѣтописца доказывать столь отважную гипотезу, какъ *запустѣніе* Кіевской земли въ нашествіе Батыево! — Такъ и слова Карпини о избіеніи и полоненіи Татарами *большей части* Руссовъ, относятся не собственно къ землѣ Кіевской, а ко всей Южной Руси, по которой онъ проѣхалъ отъ князя Василька, изъ Владиміра-Волынскаго въ Кіевъ А потому изъ тѣхъ словъ можетъ быть выводимо заключеніе о запустѣніи *Кіевской* земли на

Города и села были разоряемы Татарами, и вновь строились; люди разбѣгались, и вновь сходились въ свои города и села: такая тревожная жизнь была долею многострадальной Украины на нѣсколько вѣковъ и послѣ того, какъ съ отвоеваніемъ Кіевской земли Гедиминомъ у Татаръ (1320 г.), минулась ихъ воля; но ихъ набѣги продолжались изъ вѣка въ вѣкъ, казалось, нескончаемо. Народъ Украинскій, такъ же какъ и Волынскій, и Галицкій, убывалъ сотнями и тысячами, отъ схватокъ съ Татарами, отъ хищнаго полоненія ими; однако народонаселеніе Украины, такъ же какъ и Волыни и Галича, все продолжалось по прежнему, какъ продолжается донынѣ, въ стародавнихъ городахъ и селахъ, пріумножавшихся нововаселенными. Я не вижу, и ты не указалъ мнѣ, даже слѣда того посполитаго переселенія Полянской, Кіевопереяславской Руси *на Русскій сѣверъ*, въ 80-лѣтіе Татарщины, о которомъ толкуешь ты, въ своей Новороссійской системѣ. А что ты, въ дополненіе къ помянутымъ отрывкамъ изъ Воскресенской лѣтописи и Плано-Карпини, указываешь мнѣ на вызваннаго Московскимъ княземъ на службу *Кіевскаго* вельможу Родіона Нестеровича, вышедшаго съ 1700-ми княжатъ и дѣтей боярскихъ, то это было 1332 года, уже послѣ Татарщины Кіевской, уже изъ-подъ власти Литовской. И такъ, это не относится къ посполитому переселенію Полянъ въ сѣверную Русь, во избѣжаніе тяготы Татарской. Этотъ выходъ Нестеровича свидѣтельствуетъ о значительной населенности Кіевской стороны въ первую половину XIV-го вѣка; но онъ не имѣетъ вліянія на нашъ вопросъ, такъ же, какъ не имѣетъ его, по твоему, выходъ Подольской Руси въ Карпаты, бывшій того

столько жъ, не болѣе, какъ и земли *Волынской*. Пріими въ соображеніе и то, что Плано-Карпини отъ *первой Татарской заставы*, на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ кочевалъ Куремша,—ѣхалъ до Кіева (на обратномъ пути *шесть* дней. На этомъ разстояніи, и ниже селенія *Кановы* (Канева) были подобныя же селенія (villae), изъ которыхъ въ одномъ былъ тогда начальникомъ *Михей*, провожавшій путешественника до первой Татарской заставы. Это было, очевидно, на пространствѣ между рѣками *Росью* и *Тясминомъ*, которое въ XII-мъ вѣкѣ принадлежало уже къ Кіевскому княжеству и на которомъ были уже города и селенія Русскіе, въ томъ числѣ и *Боровый* (впослѣдствіи *Боровица*). А ты, въ изслѣдованіяхъ своихъ, границею Кіевскаго княжества, полагаешь р. *Рось*. Прибавь до р. *Тясмина!* Тамъ былъ въ древнее время и Русскій монастырь—*Мотренинскій*, въ которомъ трапезную церковь освящалъ Переяславскій епископъ *Павелъ*, около 1200 года. Вотъ тебѣ еще одна новость о нашей старинѣ!

же XIV-го вѣка, подъ знаменемъ Каріатовичей; наконецъ, по твоей новой системѣ, выходцы Нестеровичевы должны принадлежать не къ древнимъ Полянамъ, а къ твоимъ новопришлымъ Карпатцамъ.

По твоей Новороссійской системѣ выходитъ, что старобытный народъ Кіевопереяславской земли уходитъ изъ нея навсегда, куда-то въ сѣверную Русь «изъ-подъ перваго, такъ сказать, удара» Татарскаго; а Карпатцы твои нарочно идутъ, на мѣсто Полянъ, чтобы подклонить свои головы подъ ярмо Татарское. Вотъ каковы у тебя *Карпатцы!*

Да и какое есть у тебя свидѣтельство историческое на это переселеніе Малороссіянъ изъ Карпатовъ на Днѣпръ, въ вѣкъ Татарщины? Ты не представилъ мнѣ даже и намека историческаго на это переселеніе. И не есть ли оно у тебя столь же произвольная *выдумка*, какъ у другихъ—заселеніе опустѣлой Украины «бѣглецами Литовскими!»—Тутъ я докончу вышепомянутую рѣчь моего «Отвѣта», прерванную тобою на словѣ: *примолкаетъ*.... «Но эта мгла Татарскаго вѣка не должна служить мутною водою для рыболовства, на кормленіе всяческихъ историчечкихъ выдумокъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ, какія сохранились о томъ вѣкѣ Татарщины, видно, что въ Кіевопереяславской Руси продолжался все тотъ же народъ, и тотъ же старый бытъ народный, въ прежнихъ городахъ и селахъ.».

Что же касается до Тиверцовъ, Болоховцевъ, Дулѣбовъ, то я указалъ тебѣ на нихъ и предоставилъ тебѣ забрать ихъ себѣ, но только подъ условіемъ: «аще совѣсть не зазритъ»— и только на тотъ случай «если тебѣ уже непремѣнно хочется пополнить Великороссійское населеніе переселенцами съ Русскаго юга, по нашествіи Батыевомъ». Понимаешь? А ты и радъ случаю, и безъ зазрѣнія исторической совѣсти забираешь къ себѣ на сѣверъ Тиверцевъ, Болоховцевъ, даже Дулѣбовъ, по нашествіи Батыевомъ.... Поздравляю! Между тѣмъ сообщу тебѣ, что остатки необъясненныхъ еще *Болоховцевъ*, по стариннымъ актамъ—оказываются переходящими на житье въ предѣлы Кіевскаго воеводства, въ XVI-мъ вѣкѣ.

Припомню еще тебѣ, что Украинцы назывались у Сѣверянъ *Полянами* и въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Лѣтъ за 12, когда ты, даже и въ Изслѣдованіяхъ своихъ, раздѣлялъ и поддерживалъ наше мнѣніе, что «Поляне были *Малороссіяне*», ты въ Москвитянинскомъ отвѣтѣ своемъ называлъ мнѣ *Малороссіяниномъ* даже Андрея Боголюбскаго. Это, конечно, было напрасно; ибо князь Андрей, питомецъ и любитель земли Суздальской, не представляетъ въ себѣ ничего малороссійскаго. Теперь, когда у тебя древніе Поляне признаны уже за *Великороссіянъ*, теперь у тебя не только Мономахъ есть «характеръ чисто Великороссійскій», но и обо всѣхъ трехъ стахъ князей Русскихъ до-Татарскаго времени ты говоришь мнѣ *рѣшительно:* «это все *Великороссіяне!*» Вотъ это другая крайность: какъ будто ты никакъ не можешь обходиться въ наукѣ безъ крайностей и односторонности! Но ты напрасно говоришь, будто сіе новое твое утвержденіе о *Великороссіянствѣ* всѣхъ Древнерусскихъ князей явилось у тебя «*на основаніи знанія*» — о различіи между характеромъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ. Нѣтъ, это знаніе еще такое неопредѣленное и для тебя самого такое сбивчивое, что на немъ собственно не можно было основать столь смѣлаго заключенія обо *всѣхъ* князьяхъ, особенно тебѣ, которому *Норманство* Рюрика видится и во внукахъ и въ правнукахъ его. Ты говоришь еще, что къ своему *рѣшительному* заключенію о князьяхъ: «это все Великороссіяне» — ты пришелъ «пройдя жизнь трехъ-сотъ удѣльныхъ нашихъ князей, вдоль и поперекъ». Не воображай себѣ однако, чтобы пройденная тобою *жизнь* князей дала тебѣ такой выводъ! Запасъ лѣтописнаго сказанія о жизни князей извѣстенъ весь; изъ него очень видно, на сколько можно изъ него прямо и непосредственно выводить характеристику каждаго изъ трехъ сотъ князей. Если уже можно различіе Русскаго племени — на Великую, Малую, Бѣлую Русь, распространять и на племя Древнерусскихъ князей нашихъ, то это можно только на соображеніи: въ какой Русской области выростали и княжили какіе князья, — допуская народное вліяніе на нихъ туземства. На этомъ основаніи, никакъ нельзя обо всѣхъ князьяхъ говорить рѣши-

тельно: «это все *Великороссіяне*». Съ достатотчнымъ вѣроятіемъ и правомъ ты можешь говорить это только о князьяхъ, выроставшихъ и княжившихъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ народонаселеніе было издревле *Великороссійское*, напримѣръ, о князьяхъ Суздальскихъ, начиная хоть съ Андрея Боголюбскаго. Но князей, выроставшихъ и княжившихъ въ землѣ Волынской, Галицкой, гдѣ и ты все еще признаешь народонаселеніе *Малороссійское* издревле, этихъ князей и тебѣ слѣдуетъ признать—за *Малороссіянъ*. Наконецъ, племя Полоцкихъ князей надо признать за *Бѣлоруссовъ*, если ты признаешь особенность *бѣлорусской* народности еще въ древнее время (чего и не признать, кажется, не можно). А князей, выроставшихъ въ Переяславѣ и Кіевѣ, ты можешь себѣ считать *Великороссіянами*, пока будутъ у тебя считаться Великороссіянами наши Южнорусскіе Поляне. Вотъ ограниченіе, какое, мнѣ кажется, надо положить твоему нынѣшнему наведенію Великороссіянства на всѣхъ Древнерусскихъ князей.

P. S.—По содержанію твоего втораго Отвѣта, я не могу не замѣтить въ тебѣ перемѣны, какой и не предполагалъ я, живя отшельникомъ въ моей Надднѣпровской глуши и вступая съ тобою въ ученый споръ. Ты, при отходѣ Москвитянина въ царство мертвыхъ, уже прибѣгаешь къ той методѣ, которую ты называлъ мнѣ «телеграфскою»: ты иногда переиначиваешь мои слова и придаешь мнѣ не мои понятія; вмѣсто того, чтобы опрокинуть меня или самому отступить, ты нерѣдко отводишь споръ въ сторону, заговариваешь не объ томъ, въ чемъ дѣло, лишь бы какъ нибудь показаться правымъ или одолѣвшимъ. Приведу тебѣ четыре примѣра, если ты, играя въ свое любимое сравненіе Славянскаго племени съ растасованною колодою картъ, все еще требуешь отъ меня «*тузовъ-доказательствъ*» — не довольствуясь прежними.

Примѣръ 1. — Въ доказательство, что Малороссійскіе лѣтописцы древніе и новые переводили *живыя* рѣчи своихъ героевъ на языкъ *Церковнославянскій*, я привелъ тебѣ, между прочимъ, весьма извѣстныя [1]) слова Игоря Святославича:

---

[1]) Ими пользовался и г. Мей, въ своемъ переводѣ Игоревой Пѣсни.

«тайны Божія никто же вѣсть». Ты въ Отвѣтѣ своемъ вотъ что сказалъ на это: «Что касается до рѣчи Игоревой *въ Кіевѣ* (тайны Божія никто же вѣсть), то подъ 1186 г. я не нахожу ея: не записалъ ли ты ея въ первую эпоху историческихъ занятій въ 1820—1821 году?»

Ты ли говоришь это, поставляющій себя мнѣ въ примѣръ *безпристрастія*, говорящій, что и въ своихъ отвѣтахъ мнѣ—ты имѣешь въ виду преимущественно *молодыхъ* друзей науки! Вѣдь ты хорошо знаешь, что Игорева рѣчь была у рѣки *Донца*, 1 мая 1185 года. За чѣмъ же ты поставилъ: *въ Кіевѣ?* За чѣмъ говоришь: «не нахожу ея подъ 1186 годомъ»—когда ты долженъ былъ найти ее подъ 1185 годомъ, на 130 страницѣ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей* т. II? Я записалъ тебѣ слова Игоревы не въ 1820 — 21 году (когда мы были студентами), а въ 1857 году когда мы съ тобою давно уже отстали и отъ профессорства); вмѣсто немудрой цитаты на 130 страницу и 1185 годъ, я написалъ тебѣ вотъ что: «такъ и лѣтописецъ Кіевскій, полагаю въ 1186 году, когда Игорь, *воротившійся изъ плѣна* въ свой Новгородъ-Сѣверскій, *въ Кіевъ*, передалъ живую рѣчь его по-церковно-славянски...» Тутъ я тебѣ, какъ историку-изслѣдователю, передалъ мое замѣчаніе, что у Кіевскаго лѣтописца, хотя весь походъ Игоря, и плѣнъ его, и пріѣздъ въ Кіевъ послѣ плѣна, помѣщены подъ однимъ 1185 годомъ, но писалъ онъ это позднѣе «*полагаю 1186 года*», когда Игорь пріѣзжалъ *въ Кіевъ* къ Святославу и Рюрику. Этимъ замѣчаніемъ я хотѣлъ, собственно тебѣ, дать знать, что, въ твоемъ Словарѣ Князей, возвращеніе Игоря изъ плѣна и посѣщеніе Кіева—напрасно положены въ 1185 году, и только потому, что въ Кіевской Лѣтописи положено такъ. Ты не разобралъ, что вторая половина событій съ Игоремъ относится къ 1186 году, и мое замѣчаніе преклонныхъ лѣтъ ты отнесъ къ годамъ юности... «А чи диво ся, братіе, стару помолодити»! Также точно ты не разобралъ, что набѣгъ Игоря на Половцевъ за р. Мерломъ относится къ 1184 году, и поставилъ его, при четырехъ князьяхъ — подъ 1183 годомъ, даже съ поправкою на *1182!* А что въ лѣтописи весь походъ Игоря на Каялу,

бывшій 1185 года, описанъ позднѣе этого года (полагаю 1186-го), на это приведу тебѣ еще вотъ какую примѣту. Описывая побоище на Каялѣ *1185* года *5 мая* (такъ я опредѣлилъ, сличеніемъ Кіевской лѣтописи съ Игоревою Пѣснію), лѣтописецъ говоритъ: «тогда же на полчищи Кончакъ поручися по *свата* Игоря» (стр. 131). А они *сватами* тогда еще не были; Игоревичъ женился на Кончаковнѣ уже послѣ побѣга отца своего изъ плѣна (см. конецъ Игоревой Пѣсни); ясно, что лѣтописецъ, называя Игоря Кончаковымъ *сватомъ*, описывалъ происшествіе послѣ. Укажу тебѣ еще бо́льшій анахронизмъ въ Кіевской лѣтописи подъ тѣмъ же 1185 годомъ: Рюрикъ названъ «великимъ княземъ»; ясно, что прибавка принадлежитъ позднѣйшему почерку пера, бывшему уже по смерти Святослава Всеволодовича.

Примѣръ 2. — Когда ты, въ духѣ и манерѣ покойныхъ скептиковъ, заговорилъ (въ письмѣ къ Срезневскому), что Несторъ не могъ знать и писать *по-церковнославянски*, я указалъ тебѣ на писавшихъ и знавшихъ у насъ по-церковнославянски прежде Нестора, особенно на діакона Григорья и дьяка Іоанна. Ты сперва возразилъ мнѣ, что они «переписывали, а не писали». Я указалъ тебѣ на послѣсловія, которыя они *писали*, и которыя для филологовъ очень важны. Ты на это возражаешь: «да *Малороссійскаго*-то нѣтъ въ нихъ ни слуху, ни духу — ни единаго слова»! Да вѣдь я тебѣ и указалъ на нихъ не въ доказательство *Малороссійскаго*, а во свидѣтельство умѣнья писать *по-церковнославянски*. Притомъ же, діаконъ Григорій былъ не Кіевлянинъ, а Новгородецъ; слѣдственно, тебѣ напрасно было искать въ немъ «слуху и духу Малороссійскаго»; въ немъ надо было искать слѣдовъ *Великороссійскихъ*, слѣдовъ нарѣчія Новгородскаго; и я тебѣ указывалъ на нихъ (см. Филологическія письма). Подобно тому, когда мнѣніе Срезневскаго о происхожденіи Малороссійскаго нарѣчія въ послѣ-татарское время—ты провозгласилъ *новостью неслыханною*, и укорилъ всѣхъ журналистовъ и профессоровъ Словесности за ихъ равнодушіе къ этой новости, отъ которой, по твоему, долженъ былъ взволноваться нашъ учено-литературный міръ, я, въ успокоеніе тебя, замѣтилъ,

что это мнѣніе не новое, что оно было у насъ давно въ ходу, и показалъ это выписками изъ Граматина, Греча, Сахарова, даже Симоновскаго. Тебѣ надо было сознаться, что ты ошибся, выдавая старое мнѣніе за *неслыханную новость;* въ этомъ все дѣло. Но ты, вмѣсто сознанія своей ошибки, придумалъ отвѣчать вотъ что: «утвержденія Симоновскаго, Сахарова, Граматина и Греча объ относительной новости Малороссійскаго нарѣчія, по безъотчетности своей и отсутствію всякой ученой формы, никакъ не идутъ въ сравненіе съ Лавровскимъ и Срезневскимъ, которые представили филологическія доказательства, основанныя на законахъ языка». Послушай: дѣло только о *новости* и *неслыханности* этого мнѣнія. А достоинство его у Срезневскаго и Лавровскаго ты опредѣлилъ самъ, сказавъ, что оно *не вѣрно.* Для сущности дѣла, для истины, нѣтъ большой разницы въ томъ, что *невѣрное* мнѣніе ходило сперва за-просто, а теперь выступило съ важностью ученой формы и законности!

Примѣръ 3.—По содержанію и ходу нашего спора (котораго предметъ многосложный), во второмъ Отвѣтномъ письмѣ (котораго содержаніе все *историческое*)—я указалъ въ твоемъ Словарѣ князей полдюжины *ошибокъ* существенно важныхъ, и кромѣ того, далъ тебѣ новое и, надѣюсь, удовлетворительное объясненіе неразгаданной историческою критикою рѣчки *Съжицы.* Къ этому я побужденъ былъ твоимъ заманчивымъ вопросомъ: «Квитъ ли»? и моею готовностью воздать тебѣ седмерицею. Положимъ, что это съ моей стороны была уже излишняя щедрость; но отъ тебя, какъ ученаго изслѣдователя древней исторіи и географіи Русской и какъ автора Словаря князей, я въ правѣ былъ ожидать, что за поправки мои ты скажешь мнѣ: спасибо [1]), подобно тому какъ я объявилъ тебѣ мою благодарность за поправку моей обмолвки о князѣ *Юрьичѣ.* Но ты отвѣчалъ мнѣ вотъ что: «ты позабылъ только, что счетъ долженъ заключаться въ предѣлахъ статей объ языкѣ и залѣзъ въ мой Словарь. Не собралъ ли ты еще на досугѣ какихъ *опечатокъ* въ Москвитянинѣ за 15 лѣтъ, сообщи»....

---

[1]) Ты, въ предисловіи Словаря, говорилъ, что всякое указаніе на ошибки въ немъ, какъ бы оно ни было мало, примешь *съ благодарностью.*

При такомъ отвѣтѣ мнѣ вспомянулся твой знаменитый афоризъ: «родъ человѣческій идетъ *діагонально*»!

Не ты ли самъ зазвалъ меня въ Словарь твой, заговоривъ о немъ въ первомъ отвѣтѣ, дабы самому замолвить о немъ словцо, жалуясь на молчаніе о немъ всѣхъ библіографовъ Русскихъ! Такъ теперь ты заговорилъ о своемъ Москвитянинѣ, дабы самому восписать ему хвалу, жалуясь на какія-то «вражьи вопли»; а между тѣмъ, рѣчью объ Москвитянинскихъ опечаткахъ, ты отводишь отъ ошибокъ Словаря! Заключиться въ предѣлахъ статей объ языкѣ мнѣ нельзя было; ибо какъ въ твоемъ письмѣ къ Срезневскому «О древнемъ Русскомъ *языкѣ*», такъ и въ твоемъ первомъ отвѣтѣ на мои «Филологическія письма» содержится много соображеній *чисто-историческихъ*. Что касается до *опечатокъ* въ твоемъ Москвитянинѣ, то я встрѣчалъ ихъ множество, только ихъ не отмѣчалъ. Но твой Словарь князей я читалъ съ карандашемъ въ рукѣ, и отмѣтилъ *болѣе полусотни*—не опечатокъ, а настоящихъ *ошибокъ* и *неисправностей* въ постановкѣ годовъ и именъ собственныхъ. Если хочешь, я сообщу тебѣ со временемъ мои поправки Словаря, который я очень люблю, и желаю ему всевозможнаго совершенства.

Примѣръ 4.—Недоумѣніе твое, почему у Малороссійскаго народа не воспѣвается нынѣ князь Володимеръ, наравнѣ съ героями козаччины, я разрѣшилъ тебѣ, кажется, удовлетворительно — тѣмъ, что «у народа Малороссійскаго, которому вмѣстѣ съ Кіевомъ достались и священные остатки Володимера подъ развалинами его Десятинной церкви, онъ запечатлѣлся второю половиной своей великой жизни, какъ *Святый Володимеръ*, какъ *Равноапостольный князь*» (см. Фил. письма). Отъ того-то у Малороссійскаго народа нынѣ князь Володимеръ воспѣвается на ряду съ другими святыми лицами, какъ въ церковныхъ пѣсняхъ, такъ и въ стихахъ, называемыхъ *набожными*. Но я говорилъ тамъ же (въ Фил. письмахъ): «нельзя и сомнѣваться, что *въ Кіевѣ*, на пирахъ Володимеровыхъ, пѣлись пѣсни и Малороссійскими и Великороссійскими пѣвцами». Тамъ же: «Что сказанья и пѣсни о пирахъ Володимеровыхъ и другихъ его похожденіяхъ были *и здѣсь*

на Украинѣ въ древнее время, то видно *изъ лѣтописи нашего Нестора*, гдѣ говорится»... (указаны слова Нестора о единоборствѣ Переяславскаго отрока, о *Кіевскихъ пирахъ*).

Какъ же переиначено мое мнѣніе во второмъ твоемъ отвѣтѣ! «Ты объясняешь тѣмъ, что пѣсни о Володимерѣ, какъ ласковомъ гостепріимцѣ, произошли изъ Новгорода»... Да, я такъ думаю о пѣсняхъ *Великороссійскихъ*, разумѣя древнѣйшія между ними, первоначальныя. — «А *въ Кіевѣ* онъ былъ славенъ, де, *только своею святостію*». Нѣтъ, я не говорилъ этого, я говорилъ не это! И какъ странны для меня дальнѣйшія твои слова: «Помилуй! да пиры-то Володимеровы гдѣ описаны? Пиры Володимеровы описаны, кромѣ пѣсенъ, въ Кіевской лѣтописи, *у Нестора. Послушай-ка его*»! И ты выписываешь мнѣ сполна тѣ самыя слова Нестора о пирахъ Кіевскихъ, на которыя я тебѣ указывалъ въ Филологическихъ письмахъ, и прибавляешь: «стыдись такого натянутаго объясненія»! (То есть, *натянутаго* тобою объясненія)!

Не лучше и весь твой финалъ о лѣтахъ Володимерова княженія въ Новгородѣ. Въ моихъ письмахъ я назвалъ оное *десятилѣтіемъ*, означая крайними годами: съ *970* по *980*. Тебѣ не для чего было и привязываться къ этому; ибо и самъ ты, въ Словарѣ князей, въ спискѣ князей по удѣламъ, гдѣ означаются иногда полугодовые и даже меньшіе перерывы въ княженіяхъ, ты также поставилъ въ *Новгородѣ*: «Володимеръ Святославичь... 970—980» (стр. XXXII). Но во второмъ отвѣтѣ своемъ, ты вздумалъ высчитывать у Владиміра годы изъ его *дѣсятилѣтняго* княженія въ Новгородѣ и говоришь мнѣ: «И какихъ *десять* лѣтъ считаешь ты въ Новгородѣ»? Припомянувъ мнѣ о побѣгѣ Владиміра за море и походѣ на Рогволода Полоцкаго, ты продолжаешь: «сколько же остается Владиміру быть въ Новгородѣ? Лѣтъ *пять*—и какія же *пять* лѣтъ? Лѣта — *отрочества*, когда *никакого гостепріимства* не могло еще въ немъ обнаружиться».

Послушай! Если уже ты вздумалъ высчитывать лѣта, проведенныя въ отлучкахъ изъ Новгорода, то надо было сдѣлать это вѣрно. А ты вычелъ у Владиміра *два* года лишнихъ! Вѣдь онъ началъ княжить въ Новгородѣ съ *970* года, а бѣ-

жалъ за море *977*-го, слѣдовательно черезъ *семь* лѣтъ своего княженія въ Новгородѣ. Какъ же ты назначаешь всего *пять* лѣтъ? А что Владиміръ бѣжалъ къ Варягамъ черезъ *семь* лѣтъ своего Новгородскаго княженія, то видно и по твоему Словарю: «977. Услышавъ объ убіеніи брата *Ярополка*, бѣжалъ за море» (стр. 9). Тутъ, вмѣсто брата *Ярополка*, поставить слѣдовало: брата *Олега!* Между тѣмъ, воротясь съ Варягами, Владиміръ «*сѣде* въ Новгородѣ» — потому разумѣется, что онъ все еще былъ—*князь Новгородскій* (980 года); пошелъ онъ на Полоцкаго князя съ Варягами и Новгородскими славянами, тоже, какъ *Новгородскій князь*. И взялъ онъ тогда себѣ женою Рогнѣду Рогволодовну. Припомни, вслѣдъ за тѣмъ, Грекиню Ярополковую, и прочая.

Ясно что Владиміръ былъ уже возмужалый и для важныхъ подвиговъ и для супружества; а ты представляешь его въ такомъ *отрочествѣ*, что не могло еще въ немъ обнаружиться «никакого гостепріимства»! И говоришь мнѣ въ заключеніе»: *слѣдовательно*—не слишкомъ ли *отважно* ты спрашиваешь у меня—нѣтъ ли еще какого недоразумѣнія? Есть, но справься прежде съ *данными!* — Итакъ — все еще *есть* у тебя *недоумѣніе!* Отваживаюсь спросить: какое же именно? На этомъ вопросѣ я прекращаю всю мою съ тобою ученую распрю, и въ заключеніе скажу словами нашихъ древнихъ междоусобствовавшихъ князей: «Мы есмы не Угре ни Ляхове; но единаго дѣда есмы внуци!»

Vale et nos ama!

Москва, 22 сент., 1857 г.

2. СТАТЬИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ИСТОРІИ ЛИТОВСКОЙ РУСИ.

НѢЧТО О ЗЕМЛѢ КІЕВСКОЙ. [1])

Ровно за тысячу лѣтъ, въ *864* году, начали княжить въ Кіевѣ Оскольдъ и Диръ, и ихъ княженіемъ началась тутъ *Русская земля*, возвеличенная и просвѣщенная святымъ княземъ Владиміромъ.

Ровно за сто лѣтъ, въ *1764* году, гетманъ Разумовскій, замышляя о потомственномъ для себя гетманствѣ, получилъ увольненіе отъ этого званія и отъ управленія Малороссіей; на томъ и кончилась тутъ Малороссійская *Гетманщина*, сложившаяся при Богданѣ Хмельницкомъ изъ воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Браславскаго.

Многострадальная, заслуженная въ Русскомъ мірѣ земля... А приведена-ли въ общую извѣстность и въ ясное историческое сознаніе тысячелѣтняя жизнь ея?

«Го́мôнъ, го́мôнъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрывае....»

Вотъ и въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, въ сочиненіи г. Кокошкина «Три мѣсяца на Волыни» (см. въ 4 нумерѣ *Дня*), встрѣчаются такія слова: «въ *1471* году Поляки присвоили себѣ еще Кіевскую область и образовали воеводство Кіевское, раздѣливъ его на три судовыхъ староства» и прочая. Зачѣмъ приписывать Полякамъ такія распоряженія въ Кіевской землѣ, въ которыхъ они не могли даже и участвовать?... Впрочемъ, это старая сказка, взятая на-вѣру изъ «Исторіи Малой Россіи» Дм. Н. Бантыша-Каменскаго; а у него она была видоизмѣненіемъ еще старѣйшей сказки, будто «Казиміръ Ягелловичъ въ 1461 году присоединилъ Кіевское кня-

---

[1]) Украинецъ 1864 г. стр. I—II.

жество къ коронѣ Польской». Такъ писали у насъ и Петръ Ивановичь Симоновскій, и Аѳанасій Филимоновичъ Шафонскій и другіе ученые мужи Екатерининскаго вѣка. А ихъ предшественники, начиная съ Григорія Ивановича Грабянки, обращеніе Кіевскаго княжества въ воеводство относили даже къ Локеткову сыну Казиміра, къ 1340 году, смѣшивая Кіевское княжество съ Галицкимъ. Такъ сбивчивы и неясны были у насъ въ прошломъ столѣтіи историческія представленія о Кіевской старинѣ Литовскаго періода. А повелись у насъ различныя недоумѣнія о Кіевской Руси еще въ *золотой вѣкъ* Жигимонта-Августа, который въ актѣ Люблинской уніи утвердилъ ту историческую ложь, выданную на Люблинскомъ сеймѣ за сущую истину, будто-бы «земля и княжество Кіевское—передъ прошедшими временами, совершеннымъ и цѣлымъ правомъ, до короны Польской *всегда надлежало»* и будто-бы *много* есть такихъ актовъ, которые «именно о землѣ и княжествѣ Кіевскомъ то свидѣтельствуютъ, яко до короны Польской вѣчно правомъ совершеннымъ надлежати имѣетъ, какъ и *всегда надлежало* даже до короля Владислава-Ягелла, который потомъ симъ способомъ, что надъ обоима народами, такъ Поляками яко и Литвою, нераздѣльно государствовалъ— отъ короны Польской, яко отъ собственнаго тѣла, тую землю и княжество Кіевское отлученное, при великомъ княжествѣ Литовскомъ имѣти хотѣлъ, хотя безъ соизволенія всѣхъ становъ коронныхъ...» Такими удивительными фразами державный Литвинъ заворожилъ Польскій умъ на многія поколѣнія, и это обаяніе продолжается даже до-нынѣ. Но для насъ тѣ баснословныя фразы напоминаютъ Гоголево заколдованное-мѣсто: «земля славная, и урожай на ней всегда бывалъ на-диво; но на заколдованномъ мѣстѣ никогда не было ничего добраго. Засѣютъ какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разобрать нельзя....»

Не-для-чего и распространяться о томъ, что въ *древнее*, до-татарское время, въ продолженіе *376*-ти лѣтъ, княжество Кіевское надлежало до Польской короны столько же, сколько и Польша надлежала до *золотаго стола* Кіевскаго.

Съ нашествія Батыя на Кіевъ въ 1240 году, Кіевское княжество *80* лѣтъ подлежало власти татарской.

Съ нашествія Гедимина на Кіевъ въ 1320 году, княжество Кіевское (въ совокупности съ древнимъ Переясловскимъ) было присоединено къ великому княжеству Литовскому, и съ той поры до Люблинской уніи; въ продолженіе *249*-ти лѣтъ, оно составляло принадлежность и часть государства Литовскаго.

Отдѣленіе Кіевскаго княжества отъ Литвы и соединеніе его съ королевствомъ Польскимъ, произошло въ Люблинѣ въ половинѣ 1569 года. Исходомъ этого Люблинскаго періода, продолжавшагося около *85*-ти лѣтъ, была *шестилѣтняя* козацкая война гетмана Богдана Хмельницкаго съ Поляками, вслѣдствіе которой вся Малороссійская гетманщина обѣихъ сторонъ Днѣпра отложилась отъ Польской короны и въ генварѣ 1654 года присоединилась къ государству Московскому. Такимъ образомъ вся земля Кіево-Переясловская или Украина, на исходѣ восьмаго вѣка своей исторической жизни, возвратилась опять въ общій составъ Русскаго міра, пріумноженная еще Запорожьемъ, которое во время пред-Татарское было землею Половецкою.

Въ продолженіе Литовскаго періода Украина оставалась *Кіевскимъ княжествомъ* полтораста лѣтъ—до кончины своего послѣдняго удѣльнаго князя, Симеона Александровича или Олельковича, памятнаго возобновителя великой церкви Печерской, въ которой и погребенъ *1471* года. Тогда великій князь Литовскій Казиміръ Ягелловичъ взялъ Кіевскій удѣлъ на себя; Симеоновой княгинѣ Маріи, оставшейся съ сыномъ Василіемъ († 1498) и дочерью Александрою или Ольгою, далъ онъ во владѣніе Пинскій повѣтъ, утвержденный послѣ и за ея зятемъ, княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Ярославичемъ; а въ Кіевъ назначилъ онъ воеводою Мартина Гаштольда, тестя Симеонова. Кіевляне не приняли было этого Литвина-католика, и просили себѣ въ князья Симеонова брата, Михаила Олельковича, князя Слуцкаго; но Казиміръ настоялъ на-своемъ. Такъ произошло прекращеніе Кіевскаго княжества и обращеніе его въ *Кіевское воеводство* — въ пользу Литов-

скаго великаго княжества, а не королевства Польскаго. Казиміръ былъ не въ отца своего, Ягелла Ольгердовича († 1434). Любящій свое отечество и государство, Казиміръ два года не соглашался принимать Польской короны, оставшейся праздною послѣ брата его Владислава, убитаго подъ Варною († 1444); а, рѣшаясь быть королемъ Польскимъ (съ 1447 г.), онъ объявилъ такое условіе, чтобы Поляки впредь не присвояли себѣ никакого права на Волынь и Подолье, за которыя велась долгая междоусобица Польско-Литовская. Когда же черезъ девять лѣтъ, т. е. въ *1456* году, онъ утвердилъ за Польшею Каменецкую часть Подолья, то Литвины, бывшіе тогда въ совершенномъ разрывѣ съ Поляками, такъ оскорбились этою уступкою, что сбирались на войну съ Польшею для возвращенія Каменца; а потомъ они хотѣли даже выбрать себѣ въ великіе князья—Симеона Олельковича Кіевскаго. Успокоивая всячески своихъ соотчичей, Казиміръ еще въ маѣ *1457* года, выдалъ имъ грамоту объ уравненіи въ правахъ съ короною Польскою, обезпечивая притомъ *цѣлость* государства Литовскаго и подтверждая въ заключеніе, что во всѣхъ земляхъ великаго княжества, ни должностей и достоинствъ, ни имѣній не будутъ получать чужеземцы, а только природные жители здѣшнихъ областей. Такимъ образомъ отдаленная отъ Поляковъ земля Кіевская была для нихъ не доступною, и въ ней могли тогда распоряжаться только Русинъ да Литвинъ. Посмотрите на Кіевскихъ воеводъ, бывшихъ до 1609 года:

1. Мартинъ Гаштольдъ, (1471—)
2. Иванъ Ходкевичь, (—1482)
3. Юрій Пацъ, (—1492)
4. Кн. Дмитрій Путятичъ, (—1503)
5. Кн. Иванъ Львовичъ Глинскій, (—1507)
6. Юрій Михайловичъ Монтовтовичъ, (1507-1508)
7. Кн. Юрій Александровичъ Гольшанскій, (1508—)
8. Юрій Николаевичъ Радивилъ, (1511-1514)
9. Андрей Якубовичъ Немировичъ, (1514-1539)
10. Кн. Андрей Михайловичъ Сангушко - Коширскій, (—1542)
11. Кн. Юрій Ивановичъ Дубровицкій, (1542—)

12. Кн. Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій, (1544-1554)
13. Григорій Александровичъ Ходкевичъ, (1554—)
14. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, (1557-1608).

Пропуская намѣстниковъ, старостъ и другихъ урядниковъ, взгляните еще на тогдашнихъ Кіевскихъ бискуповъ: съ 1473 года — Станиславъ, братъ Мартина Гаштольда, а по немъ — Войтѣхъ Нарбутъ, Матвѣй Остиковичъ, Янъ Андрушевичъ, Николай Пацъ, Іаковъ Воронецкій, Іосифъ Верещинскій († 1599)—все Литвины, а подъ конецъ и Волынцы. Да не могло и быть иначе, если и по *новому* статуту, утвержденному Казиміровымъ внукомъ Жигимонтомъ-Августомъ на Бѣльскомъ сеймѣ *1564* года, тоже полагалось, что во всѣхъ земляхъ великаго княжества Литовскаго ни на какія должности и достоинства духовныя и свѣтскія не можетъ быть ни выбираемъ, ни отъ великаго князя ставленъ, никакой заграничникъ и чужеземецъ, а только старожитный урожденецъ этого государства, *Литвинъ* и *Русинъ* (артикулъ, подтвержденный и Стефаномъ Баторіемъ на Варшавскомъ сеймѣ *1579* года, а потомъ внесенный и въ новопоправленный статутъ *1588* года). Да и въ актахъ Люблинской уніи Кіевскаго княжества съ королевствомъ Польскимъ, король обязывался давать здѣсь всѣ чины и уряды — обывателямъ земли Кіевской. Такимъ образомъ и послѣ Люблинской уніи все еще устраняемы были отъ Кіевской земли Поляки, какъ заграничники и чужеземцы. Въ первое сороколѣтіе того періода, на Украину надвигалась Волынская Русь, подъ воеводскимъ господствомъ приснопамятнаго князя К. К. Острожскаго († 1608). Кіевскими намѣстниками или подвоеводыми у него были Волынскіе земляки его: Василій Рай, князь Евстаѳій Ружинскій, князь Матвѣй Воронецкій, Головинскій, Холоневскій. Кіевскими кастелянами, послѣ Павла Ивановича Сапеги, были съ 1569 года: князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, Иванъ Чапличъ-Шпановскій — и такъ далѣе. Князьямъ Вишневецкимъ особенно послужила тогда фортуна и въ занятіи Украинскихъ помѣстій, даже до предѣловъ Путивльскихъ,—какъ нѣкогда, до 1508 года, служила она здѣш-

нимъ князьямъ Глинскимъ въ сторонѣ Литовской. Что же касается до Поляковъ, то ихъ время на Руси Кіевской пришло уже въ *смутное* для всея Руси время, подъ верховодствомъ Станислава Жолкевскаго, воеводы Кіевскаго († 1620); а процвѣло оно — подъ коронно-гетманскимъ полновластіемъ Станислава Конецпольскаго († 1646). И какъ прежній разливъ Волынскаго панства по землѣ Кіево-Переяславской вызвалъ противъ себя козацкія возстанія Косинскаго и Лободы, такъ этотъ сильный приливъ властительной Польщизны на Украину — встрѣчалъ себѣ отбой въ козацкихъ возстаніяхъ Запорожскихъ гетмановъ: Голубя, Тараса, Сулимы, Павлюка и Остряницы съ Гунею. Въ 1638 году полный перевѣсъ остался было на сторонѣ Польской. Но черезъ десять лѣтъ «Египетскаго ига»—воздвигся Богданъ Хмельницкій, поощренный самимъ королемъ Владиславомъ на войну съ Поляками. Тою шестилѣтнею войною и докончилъ онъ періодъ соединенія Люблинскаго.

«Понéважъ всемогущею Своею рукою десною Богъ и Сотворитель неба и земли сподобилъ мнѣ непріятелей и гонителей Всходней православной Церкви, Матки нашей, Ляховъ зъ Украины въ Польщу далеко прогнати, стараніе маю пильное около благолѣпія церквей Божіихъ и о монастырехъ, для размноженья хвалы Божои»... Такъ писалъ Богданъ въ собственноручномъ универсалѣ своемъ Кіево-братскому монастырю, данномъ изъ Чигирина въ Генварѣ 1651 года. Его намѣреніемъ было—«вырвать изъ Ляцкой неволи Русскій народъ», какъ онъ говорилъ депутатамъ королевскимъ въ Переяславѣ, въ февралѣ 1549 года. Его борьба съ Поляками была не на животъ, а на смерть... И если бы королю Яну-Казиміру не удалось обмануть царя Алексѣя Михайловича своимъ обѣщаніемъ ему Польской короны, по Виленскому договору 1656 года, то еще тогда пришелъ-бы *конецъ Польши.*

Бѣдовая была эта Польская корона! Изъ-за-нея разрушилось великое княжество Литовское, разорвалась по-поламъ и прекратилась гетманщина Малороссійская, не послушалась гетмана Богдана и досталась Австріи первозванная Малороссія—земля Галицкая. Эту корону сложилъ съ утомленной го-

ловы своей Янъ-Казиміръ, предрекши будущій раздѣлъ Польши. Отъ нея отпрашивался молодой князь Михаилъ Вишневецкій у горделивой матери своей, павши къ ея ногамъ и говоря: «да минуетъ меня чаша сія»! Но ужъ видно—чему быть, того не миновать. Суждено было и землѣ Кіевской еще долго пить изъ этой чаши.... И какъ часто тоговременная Украина могла взывать съ своимъ древнимъ пѣвцомъ: «О стонати Русской земли, помянувше первую годину и первыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ»!

1864 г. 9 марта.

Михайлова-Гора.

ЗАМѢТКА О ЗАПИСИ ВЛАДИМІРА ОЛЬГЕРДОВИЧА НА ЕВАНГЕЛІИ СМѢДИНСКОЙ НИКОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ [1]).

(Письмо къ П. А. Муханову).

На дняхъ мнѣ попался препровождаемый при семъ листочекъ, скопированный мною еще въ 1874 году изъ записной книги Петра Могилы, только что отысканной въ то время. Любознательный архимандритъ, будучи 1629 г. въ сентябрѣ въ Полѣсьѣ, посѣтилъ въ Пинскомъ повѣтѣ село Смѣдинъ, видѣлъ въ тамошней церкви «напрестольное евангеліе на мемвранахъ писанное;» въ началѣ его была запись Владиміра Ольгердовича, которую и велѣлъ онъ скопировать въ свою дорожную книгу, записавъ тамъ и сказаніе Смѣдинскаго священника Ѳеодота, что это село было прежде большимъ городомъ, что церковь въ немъ поставлена, по крещеніи Руси, В. Кн. Владиміромъ и тогда въ ней поставлена была икона Николая Чудотворца, уцѣлѣвшая и до ихъ дней... Существуетъ ли тамъ и нынѣ Никольская церковь, и тотъ образъ и то евангеліе — мнѣ неизвѣстно; а мою копію съ копіи Могилинской той записи 14-го вѣка представляю въ ваше археографическое распоряженіе. [2])

---

[1]) Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи—выпускъ 5-ый, (1871 г.) отдѣленіе IV, стр. 172—173.

[2]) Приложенная при этомъ письмѣ авторомъ выписка изъ дневника Петра Могилы не была напечатана. (Ред.)

ПАМЯТЬ О КІЕВСКОМЪ ВОЕВОДѢ ГРИГОРІИ ХОДКЕВИЧѢ. [1])

Письмо къ М. П. Погодину.

Онъ былъ на Кіевскомъ воеводствѣ предмѣстникомъ святопамятнаго князя Константина Константиновича Острожскаго.

Въ Кіевскомъ Синопсисѣ, многократно издававшемся съ 1674 года, сказано:» Року отъ Р. Х. 1555, бысть воевода Григорій Александровичъ Ходкевичъ.»

Въ лѣтописи и описаніи Кіева, изданной 1858 года Николаемъ Закревскимъ, при исчисленіи Кіевскихъ воеводъ, сказано: «1555. Григорій Александровичъ Ходкевичъ, ревностный католикъ; его удалили, а правили Кіевскіе городничіе и старосты.»

Зачѣмъ эта ошибочная прибавка, столь обидная для памяти заслуженнаго мужа! Въ то время не было ревностныхъ католиковъ между панами-радами литовскими; да и въ самой Польшѣ католичество было тогда въ крайнемъ упадкѣ и небреженіи. А нашъ Ходкевичъ... но вотъ онъ самъ говоритъ о себѣ:

«..Азъ, Григорій Александровичъ Ходкевичъ, видѣхъ таковое христіянское наученіе въ сей книзѣ, восхотѣлъ, еже бы слово Божіе размножилося, и наученіе людемъ закону Греческаго мирилося, да не оскудѣ сихъ книгъ на многоразличныхъ мѣстѣхъ; и не пощадѣхъ отъ благодарованныхъ ми сокровищь на сіе дѣло дати; къ тому же изобрѣтохъ себѣ въ томъ дѣлѣ друкарьскомъ людей наученыхъ: Ивана Ѳедоровича Москвитина и Петра Тимофѣевича Мстиславца, новелѣлъ есми имъ, учинивши варстатъ друкарьскій, выдруко-

---

[1]) Утро 1868 г., стр. 378—380.

вати сію книгу *Евангеліе учительное*, первое на почесть и похвалу Господу Богу въ Тройцы единому, и къ наученію людемъ христіяньскимъ закону нашего Греческаго».

Сіи, можно сказать, предсмертныя слова Григорія Ходкевича находятся въ предисловіи къ Евангелію учительному, которое печатали московскіе художники въ 1568-1569 годахъ, въ его наслѣдственномъ городкѣ Заблудовѣ (Гродненской губерніи).

Передъ своимъ не долгимъ воеводствомъ въ Кіевѣ (съ 1554 по 1557 г.) онъ былъ старостою Ковенскимъ и подкоморымъ; а потомъ продолжалъ служеніе въ другихъ званіяхъ. Въ 1563 году былъ онъ: «панъ Троцкій, гетманъ дворный великаго княжества Литовскаго, справца староства Жомоитскаго, державца Кормяловскій». Скончался въ 1569 г., будучи «паномъ Виленскимъ, наивысшимъ гетманомъ великаго княжества Литовскаго» и проч.

Мы помянемъ бывшаго воеводу Кіевскаго словами того приснопамятника—книгопечатника, Ивана Өеодоровича Москвитина, изъ его послѣсловія къ Апостолу, напечатанному имъ во Львовѣ, въ 1574 году: «Аще когда прилучится кому вникнути въ сію душеполезную апостольскую книгу, и разумѣти, что потребно и душеполезно, той прежде всѣхъ виновнику всѣмъ благамъ и содѣтелю жизни нашея Богу благодать да воздастъ; а его милости пану Григорію Александровичу Ходкевичу вѣчныя памяти и съ святыми равнопрестольными, отъ вѣка Богу угодившими, съ селенія и съ жительства получити да проситъ».

Григорій Ходкевичъ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Вишневецкой и оставилъ по себѣ двухъ сыновъ: *Андрея* и *Александра*.

Онъ былъ внукъ извѣстнаго въ лѣтописяхъ *Ивана Ходкевича*, воеводы Кіевскаго, при которомъ въ 1482 г. Менгли-Гирей произвелъ страшное опустошеніе Кіева. Тогда и воевода, съ женою и дѣтьми, взятъ былъ въ плѣнъ, въ которомъ и скончался онъ 1486 года. Вызволенный изъ плѣна сынъ его, *Александръ Ходкевичъ*, памятенъ устроеніемъ общежительной обители Супрасльской, въ началѣ XVI вѣка. По

примѣру благочестиваго отца, и Григорій Александровичъ былъ строителемъ Заблудовскаго Успенскаго монастыря.

Въ отсутствіе воеводъ Кіевскихъ, правили воеводствомъ не городничіе, а *намѣстники* воеводскіе, называвшіеся по просту *подвоеводами*. Иногда, до опредѣленія настоящаго воеводы, назначаемы были *справцы* воеводства Кіевскаго (по нынѣшнему сказать, *исправляющіе должность)*; но *«старостъ* Кіевскихъ» совсѣмъ не было, такъ какъ не было и *староства* Кіевскаго. (Въ *Актахъ Южной и Западной Россіи*, т. I. 1863 г. помѣщена любопытная королевская грамота, данная 1541 г. *справцѣ* воеводства Кіевскаго, князю Андрею Михайловичу Кошерскому о строгомъ воспрещеніи козакамъ дѣлать набѣги на татарскіе улусы. Въ примѣчаніи къ ней сказано: «Такого же содержанія грамоты даны старостѣ Черкасскому, князю Андрею Пронскому, и *старостѣ Кіевскому* Бобоѣду. «Но здѣсь очевидная описка или обмолвка; должно читать: *старостѣ Каневскому)*.

Въ дополненіе къ моей «памяти о воеводѣ Кіевскомъ» скажу, что и въ старинныхъ Кіевскихъ помянникахъ, въ Никольскомъ и другихъ, записанъ: «Родъ пана Григорія Ходкевича». А у Закревскаго и въ новомъ «Описаніи Кіева» сказано: «Григорій Александровичъ Ходкевичъ, ревностный папистъ». (стр. 894) Помилуй Богъ!

4 дек. 1867 г.

Михайлова-Гора.

ЗАМѢТКА О ЗЕМЛѢ ВОЛЫНСКОЙ. [1])

Извѣстное дѣло, что земля Волынская еще въ X-мъ вѣкѣ составляла часть древней, Владиміровой Руси. Въ тѣ поры главнымъ мѣстомъ Волыни сталъ городъ *Володиміръ*, построенный во свое имя великимъ просвѣтителемъ Руси, который въ 988 году посадилъ тамъ на княженіе сына своего *Всеволода*. Въ половинѣ XI-го вѣка, когда великій князь Ярославъ Владиміровичъ раздавалъ своимъ сыновьямъ Русскія земли, Волынь досталась въ удѣлъ меньшому сыну его, *Игорю*.

Польскіе дѣеписатели говорятъ, будто этотъ Володимирскій князь подчинилъ Волынь королю Болеславу Смѣлому и съ этого начинаютъ право Поляковъ на землю Волынскую. Но это древнее право ихъ на Волынь такое-же мечтательное, какъ и то право на землю Кіевскую, которое Болеславъ Храбрый зарубилъ своимъ *мечемъ-щербцомъ* на Золотыхъ-воротахъ, еще и не существовавшихъ въ его время.... Вѣдь Болеславъ Храбрый приходилъ въ Кіевъ, на помочь своему зятю Святополку, въ *1018* году и скончался въ *1025*-мъ; а Золотыя-ворота поставлены Ярославомъ уже послѣ знаменитой побѣды его надъ Печенѣгами, одержанной *1035* года. Слѣдовало-бы Польскимъ дѣеписателямъ сообразить и то, что Игорь Ярославичь княжилъ на Волыни только до *1057* года и скончался въ *1060*-мъ, на княженіи Смоленскомъ; а Болеславъ Смѣлый приходилъ въ Кіевъ, на помочь своему Изяславу, въ *1068* году, т. е. черезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Игоревой.

---

[1]) Украинецъ 1864. стр, 12—17.

Волынская земля принадлежала тогда великимъ князьямъ Кіевскимъ, которые еще долго распоряжались ею, сажая на княженіе въ Володиміръ своихъ молодшихъ князей — Олега Святославича (1076 г.), Ярополка Изяславича (съ 1078 г.), Давыда Игоревича (съ 1085 г.) и т. д. Володимирскіе Русскіе князья, усилившіеся въ XII вѣкѣ, продолжались до нашествія Гедиминова. Между тѣмъ на Волыни, какъ и въ другихъ областяхъ Русскаго міра, были меньшія удѣльныя княжества: *Дорогобужское* (съ 1084 г,), *Луцкое* (съ 1099 г.), *Пересопницкое*, *Бельзское*, *Городенское* и еще нѣкоторыя. (Сюда не относится княжество *Древлянское* или *Овруцкое*, которое принадлежало къ области Кіевской и въ древнее время, и по обращеніи Кіева въ воеводство. Такъ и въ гетманство Богданово—Овруцкая сотня принадлежала къ полку Кіевскому. Житомиру и нынѣ едва-ли не лучше было-бы принадлежать по-прежнему къ городамъ Кіевскимъ).

Съ нашествія Гедимина Витеновича на Южную Русь, вся Волынская земля перешла въ его власть изъ-подъ власти Татарской и, въ продолженіе *двухъ съ половиною* вѣковъ, принадлежала къ его великому княжеству Литовскому. Этой долгой принадлежности ея не опровергаютъ тѣ Польско-Литовскія междоусобицы, какія были за Волынь и Подолье — и у Казиміра Локетковича съ его шурьями Гедиминовичами, и у Ягелла Ольгердовича съ его Литовскими родичами, княжившими на столѣ Гедиминовомъ. Не смотря на всѣ дипломатическія и наѣзднческія притязанія Поляковъ на Волынскую землю, ни на временныя захваты ими разныхъ городовъ ея, она составляла часть великаго княжества Литовскаго — *до Люблинской уніи 1569 года.*

Несогласно съ этою историческою истиною, въ прошломъ, 1863 году, въ извѣстной статьѣ г. Антоновича *о Козачествѣ*, написаны, слѣдующія слова: «Но при сыновьяхъ Ягелла Поляки, наконецъ, одержали верхъ. Въ 1434 году Подолье, а *двадцать* лѣтъ спустя и Волынь, были отторжены отъ Литвы и присоединены къ Польшѣ». (стр. XX).

Зачѣмъ такое преждевременное отторженіе Волыни отъ Литвы и присоединеніе къ Польшѣ — *115*-ю годами ранѣе,

чѣмъ это сталось на самомъ дѣлѣ?... Вѣдь это сталось уже на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, что воеводство Волынское оторвано было отъ Литвы, также какъ и Браславское, Кіевское, Подляское, и каждое порознь присоединено къ Польшѣ, наравнѣ съ оборванною Литвою. Такимъ образомъ «Поляки, наконецъ, одержали верхъ»—не при *сыновьяхъ* Ягелла, умершаго въ 1434 году, а уже при его бездѣтномъ *правнукѣ*, Жигимонтѣ-Августѣ, подъ конецъ его жизни († 1572), съ которою прекратилось и любезное для Поляковъ племя *Ягеллончиковъ*.

Что бы историческую дѣйствительность всякому видѣть здѣсь ясно, достаточно взглянуть на послѣднее десятилѣтіе XV-го вѣка, когда по смерти Казиміра Ягелловича († 1492 г). одинъ его сынъ, Александръ, былъ великимъ княземъ Литовскимъ, а другой сынъ, Янъ-Альбрехтъ, королемъ Польскимъ: къ чьему государству принадлежала Волынь?.. Разумѣется, къ государству великаго князя Литовскаго, а не короля Польскаго, что видно изъ всѣхъ грамотъ и листовъ Александровыхъ, гдѣ идетъ рѣчь о Волынской землѣ и ея жителяхъ. Такъ напримѣръ, въ апрѣлѣ 1496 года, вел. кн. Александръ писалъ къ брату своему королю слѣдующее: «Присылалъ къ намъ владыка Володимерьскій, жалуючи на старосту вашой милости Белзьского, пана Каменицкаго, штожъ, наславши людей своихъ, пятсотъ коней, окромѣ пѣшихъ, на мѣсто его, домы выграбили и вси статки домовыи: кони, быдло пограбили и што-колвекъ мѣли, и врядника его и людей сто и двадцать чоловѣкъ головами повели, окромѣ жонъ и дѣтей. Ино мы перво сего многокротъ до вашое милости, брата нашого, всказывали и писывали, што ся *нашимъ подданымъ, княземъ и земяномъ Волыньскимъ*, кривды, великіе и наѣзды и забитья зъ панства вашое милости, зъ коруны, отъ земянъ вашое милости дѣють; и ваша милость на то намъ ничого не отказали, ани отписали, а нашимъ поданнымъ того не оправлено ажъ и до тыхъ часовъ. Тыми пакъ разы вжо не земяне, але державцы вашое милости, староста, починаетъ таковые наѣзды кгвалты надъ поддаными нашими, а надъ то еще на горло владыцѣ отповѣдаетъ. Ино самъ того ваша милость рачьте

посмотрѣти, гораздо-ль то ся дѣетъ?...» и т. д. (см. въ. *Актахъ Зап. Рос.* Т. I, № 135).

Не таковъ былъ Казиміръ Ягелловичъ, чтобы въ его правленіе могла быть присоединена Волынь отъ Литвы къ Польшѣ. Изо всѣхъ прежнихъ Волынскихъ княжествъ онъ занялъ для Польши одно только *Бельзское* княжество, отчужденное отъ Литвы еще отцомъ его, который въ 1388 году придалъ эту землю Мазовскому князю Семовиту Тройденовичу, перебивъ у него, потомка Пястова, Польскую корону. Казиміръ занялъ Бельзскую землю для Польши уже въ *1462* году, когда вымерли Мазовскіе князья; да и за то была ему тревога со стороны Литовской.

И почему оное мнимое присоединеніе Волыни къ Польшѣ пріурочено къ *1454* году, именно къ той порѣ, когда Волынь была не отторгнута отъ Литвы, а утверждена за нею окончательно? Утверждена была за Литвою Волынская земля въ *1452* году—волею владѣвшаго ею до своей смерти и до смерти не любившаго Поляковъ *Свидригайла Ольгердовича* († 1452 г.), и присягою тогдашнихъ представителей Волынской земли, въ числѣ которыхъ были князья *Иванъ* и *Михайло Черторыйскіе* — неизмѣнныя копья Свидригайловы; а принимали ихъ присягу въ Луцкѣ—*Юрій князь Пинскій*, *Радивилъ* и другіе депутаты Литовскіе.

То были люди, стоявшіе крѣпко противъ соединенія ихъ отечества съ Польшею. Ихъ знаменитые внуки, особенно Юрій Радивилъ, напоминали Жигимонту Казиміровичу о *Витовтовой коронѣ*, перехваченной и затаенной Поляками, и просили короновать ею сына его, Жигимонта Августа, на великое княжество Литовское, дабы оно не могло быть *привлащено* къ коронѣ Польской.

1864 года, 15 мая.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМА О КНЯЗЬЯХЪ ОСТРОЖСКИХЪ. [1])

(Къ графинѣ А. Д. Блудовой).

Письмо первое.

Вашимъ попеченіемъ началось и устрояется *Острожское Кирилло-Меѳодіевское Братство*... Уже можно привѣтствовать Волынскую землю съ этимъ благотворнымъ для нея учрежденіемъ, и нельзя не пожелать прочнаго бытія и полнаго разцвѣта новому Православно-Русскому братству, собирающемуся во имя святыхъ перво-учителей Славянскихъ, которые и «сами были *Славяне*», по замѣчанію стараго лѣтописца Южно-Русскаго. Да будетъ же Острожское братство благоуспѣшно, наравнѣ съ прежними предпріятіями благочестивыхъ женъ Волынскихъ, ознаменовавшихъ свою любовь къ православной церкви и просвѣщенію Русскому! Мы съ благодарностью вспоминаемъ имена—Анны Гулевичевны Лозкиной, основательницы Кіевскаго Богоявленскаго братства (въ 1615 году); Анны Гойской, основательницы Почаевской обители (въ 1597 году); княгини Раины Вишневецкой, строительницы трехъ монастырей въ Украинѣ Переяславской—и другихъ Волынянокъ. А величавыя развалины славнаго города Острога, при которыхъ свивается гнѣздо братской любви и милосердія, — онѣ наводятъ неотразимую думу о князьяхъ Острожскихъ... Два съ половиною вѣка уже, какъ прекратился этотъ знаменитый княжескій родъ, бывшій въ продолженіе трехъ вѣковъ красою и славою Волынской земли; но

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1866 года, №№: 3, 4, 6, 7, 9 и 10.—Отдѣльное изданіе—Кіевъ 1866 г.

память о немъ пребываетъ изъ рода въ родъ. Этою памятью Древне-русская жизнь Волынской земли соединяется съ ея новымъ бытіемъ въ общемъ составѣ Русскаго міра. Эта дорогая для Руси память должна, мнѣ кажется, быть присущею и въ *Братствѣ Острожскомъ*, составлять его непремѣнную стихію, его существенную особенность отъ всѣхъ другихъ братствъ и учрежденій, возникающихъ во имя святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Въ этихъ мысляхъ я обращаюсь къ вамъ, графиня, и въ моихъ письмахъ передамъ на усмотрѣніе ваше нѣсколько замѣчаній и воспоминаній о достопамятныхъ князьяхъ Острожскихъ.

Прежде всего, разумѣется, предлежитъ вопросъ генеалогическій: отъ какой отрасли Владимірова племени произошелъ родъ князей Острожскихъ?—Уже давно господствуетъ у насъ мнѣніе Польскихъ историковъ, что князья Острожскіе были потомки *Романа Галицкаго*. Такъ еще въ старомъ лѣтописцѣ Южнорусскомъ, составленномъ въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ историковъ Польскихъ, — Галицкій король Даніилъ Романовичъ названъ *предкомъ* князей Острожскихъ, и положено такое ихъ родословіе: «*Романъ Даниловичъ*, родной братъ князя Льва, оставилъ сына *Василія*, князя Острожскаго; тотъ Василій оставилъ по себѣ сына *Даніила*, князя на Острогѣ; отъ того Даніила остался сынъ *Ѳеодоръ*...» и такъ далѣе.

Здѣсь Даніилъ Острожскій и его сынъ Ѳеодоръ — лица дѣйствительныя, историческія, также и сынъ Даніила Галицкаго, князь Романъ; но ему усыновляемый *Василь Романовичъ* есть лицо призрачное, не бывшее ни между потомками Даніила Галицкаго, ни между предками князей Острожскихъ.

Нѣсецкій и другіе Польскіе генеалоги, своимъ разногласіемъ и произволомъ въ производствѣ князей Острожскихъ отъ Галицкихъ, обнаружили только несостоятельность этого производства, запутавъ родословіе и прибавкою еще одного *Василія* между Даніиломъ и Ѳеодоромъ Острожскими, такъ что святопамятный князь *Ѳеодоръ Даниловичъ* именуется у нихъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ (подобно тому, какъ у того же

Нѣсецкаго, знаменитый князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій переименованъ въ Дмитрія Александровича).

Очевидно, что господствующее мнѣніе о происхожденіи князей Острожскихъ отъ Галицкихъ неосновательно и невѣрно, также какъ и Старо-польское мнѣніе о происхожденіи самаго Романа Галицкаго—отъ Давида Игоревича, хотя это мнѣніе донынѣ въ ходу у писателей Польскихъ (напримѣръ у Крашевскаго). Такъ и въ старомъ Южнорусскомъ лѣтописцѣ, къ имени Давида Игоревича, означено: «продокъ княжатъ Острожскихъ».

Чтобы выбраться изъ этой генеалогической дебри на прямой путь историческій, я обратился къ старымъ помянникамъ Кіевскихъ церквей, гдѣ записанъ «родъ князя Константина Ивановича Острожскаго», вскорѣ послѣ его погребенія въ Печерской церкви, то есть, еще въ тридцатыхъ годахъ шестнадцатаго вѣка. Тамъ имена предковъ его поминаются въ такомъ порядкѣ:

1) князя *Георгія*,
2) князя *Дмитрія*,
3) князя *Даніила*,
4) князя *Θеодора*, въ инокахъ *Θеодосія*... и т. д.

Несомнѣнно, что эти имена были написаны для церковнаго поминовенія еще самимъ княземъ Константиномъ, правнукомъ Θеодора, а потому это родоначаліе князей Острожскихъ должно признать за достовѣрное и нерушимое.

Соотвѣтственный рядъ княгинь представляетъ слѣдующія имена:

1) княгиня *Варвара*,
2) княгиня инокиня *Елисавета*,
3) княгиня *Василисса*,
4) княгиня *Агаθія*, въ инокиняхъ *Агрипина*... и т. д.

Вотъ первыя четыре степени родства князя Константина. Оно начинается прадѣдомъ его прадѣда Θеодора—княземъ *Георгіемъ* и его княгинею *Варварою*. Кто же были эти родоначальники князей Острожскихъ? — «Благовѣрніи князи

Туровскіи». Такъ написано къ ихъ именамъ—въ помянникѣ Дубенской церкви, [1]) давно составленномъ по старѣйшимъ поминаніямъ той же церкви. Эта маленькая замѣтка, въ нихъ сохранившаяся, вѣрнѣе всѣхъ генеалоговъ указываетъ намъ на князей Острожскихъ, какъ на отрасль *князей Туровскихъ и Пинскихъ*. Князья эти произошли отъ Владиміра Святаго чрезъ его правнука *Святополка Изяславовича;* внукъ Святополка былъ *Юрій Ярославичь;* а его внукъ былъ *Владиміръ* князь Пинскій, отецъ *Юрія* или *Георгія*, въ которомъ мы узнали, подлиннаго родоначальника князей Острожскихъ.

Юрій Владиміровичь появляется въ лѣтописаньи въ 1262 году, по случаю побѣды надъ Литвою, одержанной Волынскимъ княземъ Василькомъ Романовичемъ, подъ городомъ Неблемъ. «Се же услышавше князи—Пиньстіи Ѳедоръ и Демидъ и Юрьи, и пріѣхаша въ Василькови съ питьемъ и начаша веселитися, видяще бо ворогы своя избиты, а своя дружина вся цѣла». А въ концѣ Волынской лѣтописи читаемъ слѣдующее: «Въ лѣто 6800 (1292) преставился Пинскій князь Юрій, сынъ Володимеровъ, кроткій, смиренный, правдивый; и плакася по немъ княгини его, и сынове его, и вси людье плакахуся по немъ плачемъ великимъ».

Изъ его сыновей мы знаемъ уже князя *Дмитрія*, съ котораго и начинаются *князья Острожскіе*.

P. S. — Не лишнимъ считаю сказать о старомъ *лѣтописцѣ* Южнорусскомъ, на который я ссылался. Онъ извѣстенъ по списку, сдѣланному въ Черниговѣ 1699 года іеромонахомъ *Леонтіемъ Боболинскимъ*. Еще въ запискахъ Храповицкаго, подъ 9 декабря 1791 года, сказано: «Приказали написать Черниговскому епископу, чтобъ, списавъ вѣрно изъ библіотеки тамошней семинаріи лѣтописецъ, въ 1699 году Боболинскимъ сочиненный, присылалъ сюда черезъ почту по тетрадямъ». Но, о. Леонтій былъ только переписчикомъ. У меня подъ рукою теперь другой списокъ, нѣсколько старѣе и безъ тѣхъ прибавленій, какія сдѣланы Боболинскимъ, даже изъ печатнаго Кіевскаго синопсиса; онъ кончается сказаніемъ о

[1])—См. выписку изъ помянника въ *Памятникахъ* Кіевс. Коммис. Т. IV. 1 стр. III—«князи *Гуровскіи*»—явная ошибка вм. *Туровскіи*.

гетманѣ Подковѣ; писанъ мелкимъ письмомъ, на 696 листахъ, озаглавленъ такъ: «Лѣтописецъ, то есть *Хроника*, съ разныхъ, многихъ а досвѣдчонныхъ авторовъ и историковъ, диалектомъ Русскимѣ есть сложены». Кѣмъ сложена эта современница *Хроники Густынской*, мнѣ неизвѣстно.

Письмо второе.

Предоставляя будущимъ историческимъ соображеніямъ и открытіямъ новоузнанную чету князей Острожскихъ: князя *Дмитрія Юрьевича* и его княгиню инокиню *Елисавету*, я перехожу къ извѣстному въ исторіи сыну ихъ *Даніилу Острожскому*. Онъ является вслѣдъ за тѣмъ, какъ въ 1340 году Краковскій король Казиміръ Владиславичъ посягнулъ въ первый разъ на завладѣніе землею Галицкою или Львовскою. Тогда Данило Острожскій, согласясь съ Перемышльскимъ старостою Дашкомъ и призвавъ на подмогу себѣ войско Татарское, истребилъ Польскую стражу, оставленную королемъ въ землѣ Галицкой; а потомъ они опустошили принадлежащія ему земли: Краковскую, Сендомирскую и Люблинскую. Такимъ отпоромъ Казиміру Великому, въ 1341 году, пріостановлено было на нѣсколько лѣтъ его завладѣніе землею Галицкою, и его первый захватъ Волынской земли, ставшійся въ 1349 году, но на другой же годъ отраженный Волынскимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ. (Земля Волынская, также какъ и Подолье, и земля Кіевская, тогда принадлежали уже къ великому княжеству Литовскому.)

Въ городѣ Острогѣ была тогда церковь св. Николая, въ которой находилось еще и въ XVII вѣкѣ евангеліе съ слѣдующею вкладною записью: «Се язъ князь Данило и съ княгинею Василисою, и съ дѣтьми нашими, придалисьмы землю, на имя Чепель, уѣздомъ и въ обрубѣ, ко святому Николѣ Острожскому, въ парканежъ, какъ тая земля въ соби маетъ, вѣчно и непорушно; не маемъ ся мы въ тую землю вступати, ни дѣти, ни потомки наши; маютъ тую землю той церкви попы держати, и маютъ соби всякій пожитокъ имати, а за насъ Бога милостиваго просити и роды наши поминати; а

если бы кто мѣлъ той земли кривду чинити, маемъ мы и потомки наши боронити; а если бы кто мѣлъ тежъ тую землю отъ Божій церкви отымати, тотъ маетъ передъ милостивымъ Богомъ на страшномъ суду съ нами ся разсудити.» [1])

Сыновей у нихъ было три: *Θеодоръ*, *Алексѣй и Андрей*, какъ это можно усмотрѣть изъ помянниковъ Кіевскихъ. Въ исторіи памятенъ старшій сынъ, *Θедоръ Даниловичъ*, видный съ 1386 года, когда и король Ягелло, и великій князь Витовтъ, не только подтвердили Острожское владѣніе, утвержденное за нимъ княземъ Любартомъ, но еще пріумножили городами Заславлемъ и Корцемъ. Потомъ Θедоръ Острожскій является спустя 45 лѣтъ. (Подобные пропуски лѣтописные можно видѣть въ жизни Всеслава Полоцкаго, Романа Галицкаго и другихъ князей). По кончинѣ могучаго Витовта (въ декабрѣ 1130 года), стремившагося упрочить и возвеличить свое Литовское государство, Поляки не замедлили захватить Подолье и покушались отвоевать Волынскую землю у новоизбраннаго въ великіе князья Свидригайла Ольгердовича. Но послѣ неудачной осады Луцка самимъ королемъ Ягелломъ Ольгердовичемъ 1431 года, тотчасъ придумано было иное средство ослабить государство Литовское — внести въ него междоусобицу и раздвоеніе; для того и поставленъ былъ въ великіе князья Жигимонтъ Кейстутовичъ, ненавистное для Руси орудіе Польши. Тогда снова возгорѣлась война. Любимый Русью, хотя суровый князь Свидригайло двинулся въ Литву; а Θедору Острожскому поручено было одержать Подолье; и онъ исполнилъ это побѣдоносно, очистивъ всю Браславщину къ исходу 1432 года; [2]) а на слѣдующую весну

---

[1]) Изъ выписки 1634 года, помѣщенной въ «краткомъ описаніи города Острога», составленномъ *А. Перлштейномъ* въ дополненіе къ «Острожской Старинѣ» *В. Домбровскаго*, напечатанной въ *Кіевлянинѣ* 1840 г.

[2]) Вотъ сказаніе изъ стараго лѣтописца Южнорусскаго.

«Року 1432. Θедоръ княжа Острожское, мужъ великои дѣлности и валечный, держачи сторону Швидригайлову, добылъ Смотричь, Враславль и Скалу, замки подъ Ляхами, а потомъ и все Подолье на Швидригайла до Руси вырвалъ у Поляковъ. Прето король Якгело, до Львова вытягнувши, пославъ войско коронное на Подоле, которое князь Θедоръ, уставичне зъ своимъ, войско лядское губилъ и наежчалъ; а коли уже Ляхи, для близкои зимы, до дому ся вертали, заразъ князь Острожскій Θедоръ таемне за ними тагнулъ, часу, мѣстца и пригоды, где бы на нихъ ударить, смотрѣлъ; и есть Мурахва река, которая до Днестра впадаетъ, болотна и широко выливаючая, черезъ

отобралъ онъ и Каменецъ, полонивши тамъ знаменитаго старосту Өеодорика Бучацкаго. Извѣстіе объ этихъ и дальнѣйшихъ подвигахъ князя Острожскаго сохранилъ историкъ и дипломатъ того вѣка, Краковскій каноникъ Янъ Длугошъ, у котораго впрочемъ и разбитые Русью Поляки выходятъ изъ сраженья побѣдителями. Не смотря на то, онъ называетъ князя *Өедька* мужемъ храбрымъ и воинственнымъ, и ставитъ его выше всѣхъ тогдашнихъ вождей Литвы и Руси.

Но воинственный князь Өеодоръ сподобился стать превыше въ сонмѣ святыхъ отцовъ Печерскихъ. Вотъ извѣстіе о немъ изъ краткаго жизнеописанія св. отцевъ дальней или Өеодосіевой пещеры, составленнаго тамъ въ XVII вѣкѣ. «Преподобный *Өеодоръ Даниловичъ*, князь Острожскій, оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себе святое иночество, и такъ подвизався крѣпко о согласеніи своемъ, угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдалъ; а тѣло его, здѣ положеное, опочиваетъ».

Я увѣренъ, что Кіевскіе братчики не преминутъ внести образъ святаго князя въ домовую церковь братства Острожскаго. А со временемъ, по всей справедливости надо бы въ Острогѣ поставить хотя придѣльную церковь, во имя преподобнаго князя Острожскаго,—тѣмъ болѣе, что имъ созданная въ Острогѣ каменная *Пречистенская* церковь, обращена еще въ XVII вѣкѣ, въ католическій костелъ, до нынѣ тамъ существующій. На Волынской землѣ слѣдуетъ быть храму во имя святаго ея уроженца и подвижника. Тогда 28-й день августа, въ который празднуется, его память, сталъ бы народнымъ праздникомъ Волынской земли. Съ какимъ усердіемъ притекалъ бы туда православный народъ Волынскій, помолиться своему святому князю! Съ какимъ умиленіемъ слушали

лѣсы идучи; а уже была трохи примерзла; — черезъ которую князь Өедоръ иншою дорогою первей пребывши, засадился на другомъ берегу зъ войскомъ своимъ въ лѣсѣ, тамъ же нагле и безъ вѣсти, зъ великимъ и гвалтовнымъ окрикомъ, на Ляхи ударилъ; а Ляхи, будучи стривожены пригодою новою и несподѣванною, одни вплавь ледъ ломать, а другіе возы свои въ гати покинувши и поперевертавши, учинили битву; але князь Острожскій войскомъ перевышалъ. Ляховъ помешанныхъ, изъ рѣки выежчаючихъ, Русь отъвсѣль назрѣвали, били, топили и имали. Лечь Волоховъ, которые были на лупезствѣ, побито отъ Ляховъ, и погинуло ихъ много.

бы церковную пѣснь о немъ: «Красоты ризныя возгнушавшагося, и богатства тлѣннаго со благодареніемъ отвершагося, въ ризу же безстрастія облекшагося и богатому въ щедротахъ возслѣдовавшаго Христови, пріидите вѣрніи, усердно восхвалимъ Ѳеодора достославна, яко молящагося непрестанно о душахъ нашихъ»!

Письмо третье.

Въ предыдущемъ письмѣ я не сказалъ о времени, когда Ѳеодоръ Острожскій сталъ *инокомъ Ѳеодосіемъ*, и когда онъ скончался.

Положительнаго извѣстія о томъ еще не нашлось. Весьма правдоподобно мнѣніе Филарета Черниговскаго, что князь Ѳеодоръ удалился въ Печерскую обитель около 1438 года (см. *Русскіе Святые* — за августъ); но невѣроятно, чтобы онъ скончался—«*въ концѣ XV-го вѣка*», какъ это написано было Евгеніемъ, въ *Описаніи Кіево-печерской лавры*, и потомъ повторялось въ *Словарѣ Святыхъ*, въ *Указателѣ святыни Кіева* и въ другихъ сочиненіяхъ.

По примѣру князя Ѳеодора, и его княгиня *Агаѳія* приняла иночество съ именемъ *Агрипины*. Меньшой братъ его Алексѣй также окончилъ жизнь инокомъ *Александромъ*.

Сыновей у Ѳедора Даниловича было два: *Василій и Даніилъ*. Первый изъ нихъ у современниковъ прозывался *Василіемъ Краснымъ*. Въ то время, какъ достославный отецъ его отражалъ войсковые нападки Поляковъ на Русскія земли государства Литовскаго, Василій Красный противодѣйствовалъ дипломатическимъ притязаніямъ Польши на цѣлое государство Литовское, которыя въ XV вѣкѣ усилились чрезмѣрно, въ замѣнъ притупившагося оружія. На этомъ дипломатическомъ поприщѣ и прославился онъ еще 1431 года, въ Вильнѣ, при избраніи Свидригайла, и въ переговорахъ, при осадѣ Луцка. Спустя 15 лѣтъ, при новомъ великомъ князѣ, Казимірѣ Ягелловичѣ, Василій Острожскій особенно настаивалъ на отказъ его отъ Польской короны, съ чѣмъ и былъ посыланъ на Петрковскій сеймъ. Хотя же въ слѣдующемъ, 1447

году этотъ великій князь Литовскій согласился, наконецъ, быть вмѣстѣ и королемъ Польскимъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Поляки отказались на всегда отъ своихъ притязаній на Волынь и Подолье. Василій Красный, въ свитѣ стараго Свидригайла, находился и при коронаціи юнаго Казиміра

Въ своемъ городѣ Острогѣ князь Василій поставилъ большую каменную ограду, которой остатки и нынѣ еще видны. Онъ также укрѣпилъ и другіе города свои: Заславль и Дубно. Ему приписываютъ и сооруженіе въ Острогѣ великолѣпной церкви Богоявленской. Впрочемъ, уцѣлѣвшія на ея опустѣлыхъ стѣнахъ числа указываютъ на другихъ строителей. Если *начало* ея — въ 1321 году, [1]) то ея первое построеніе (разумѣется, деревяннымъ зданіемъ) могло принадлежать еще князю Дмитрію Юрьевичу. Другое, Славянское число, если разобрано вѣрно (7031), означаетъ 1523 годъ, и тогда сооруженіе или обновленіе Богоявленской церкви принадлежитъ князю Константину Ивановичу, о которомъ говорятъ, что онъ перенесъ гробъ своего дѣда Василія изъ Острога въ Печерскую лавру. А скончался князь Василій Ѳедоровичь 1453 г.

Послѣ него Острожское владѣніе раздѣлилось между двумя сыновьями. Князь *Юрій Васильевичъ*, исторически извѣстный съ 1456 года, сталъ владѣльцемъ города Заславля, по которому какъ онъ, такъ и его потомство, назывались князьями *Заславскими* или *Жеславскими*. Надо однако же отличать эту Волынскую Русскую фамилію отъ Литовскихъ князей *Заславскихъ* или *Ижеславскихъ*, такъ называвшихся по древнему городу Изяславлю, построенному Владиміромъ Великимъ въ Полоцкомъ княжествѣ, для Рогнѣды, во имя ея сына. (Нынѣ мѣстечко *Заславъ*, Минской губерніи.) Потомствомъ *Ивана Васильевича* продолжался родъ князей *Острожскихъ*. Этотъ князь извѣстенъ битвами съ Татарами и построеніемъ Троицкой церкви въ Межирѣчьи Острожскомъ. Женатъ онъ былъ на Украинской княжнѣ Глинской, родившей ему того славнаго *князя Константина*, гробницѣ котораго кланяемся мы въ великой церкви Печерской.

---

[1]) Полагаюсь на вышеупомянутую статью г. Перлштейна, напечатанную въ *Чтеніяхъ* 1847 года.

Надгробная статуя представляетъ возлежащаго рыцаря, изображеніе, приличное для князя Константина послѣ многотрудной его жизни. Прежняя надпись, бывшая до лаврскаго пожара въ 1718 году, состояла въ слѣдующихъ словахъ: «Константинъ Іоанновичъ князь Острожскій, воевода Троцкій, гетманъ великаго княжества Литовскаго, по многихъ побѣдахъ отъ смерти полягши, здѣ погребенъ, лѣта отъ Р. X. 1533, имѣяй лѣтъ 70; одержа побѣдъ 63.» [1])

Начавъ служебное поприще еще при Казимірѣ, онъ былъ съ 1498 года уже Литовскимъ гетманомъ. Въ послѣдній годъ XV-го возгорѣлась война у Александра Казиміровича съ его тестемъ, Іоанномъ III-мъ Васильевичемъ. Древняя междоусобица удѣльныхъ Русскихъ князей обратилась съ XIV-го вѣка въ борьбу двухъ половинъ Руси: Западной и Восточной, въ тяжбу двухъ новообразовавшихся государствъ: Литовскаго и Московскаго. Но при началѣ Александровой борьбы съ Іоанномъ, князю Константину не посчастливилось; потерпѣвъ страшное пораженіе на р. Ведрошѣ 1550 г. 14 іюля, онъ сталъ, безъ малаго на 7 лѣтъ, плѣнникомъ Московскимъ. Въ эти годы усилился и возвысился въ Литвѣ блистательный князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, котораго Менгли-Гирей называлъ первымъ молодцемъ въ государствѣ. Но по смерти Александровой онъ встрѣтилъ непріязнь къ себѣ въ новомъ государѣ Литовскомъ, Жигимонтѣ Казиміровичѣ. Тогда Михаилъ Глинскій, съ многочисленнымъ родомъ своимъ, передался на сторону Московскую, замышляя отнять у Литвы землю Кіевскую. Но въ ту пору бѣжавшій изъ Москвы князь Константинъ явился въ своемъ отечествѣ великимъ богатыремъ, и первымъ подвигомъ его было успѣшное противудѣйствіе дяди своему Глинскому. За тѣмъ слѣдовали его побѣды надъ Татарами, изъ которыхъ особенно знамениты двѣ: подъ Вишневцемъ 1516 года и на Ольшаницѣ близъ Канева 1527-го. Государь Литовскій Жигимонтъ старался всячески отличать и награждать своего *свѣтлоурожен-*

---

[1]) Какъ въ этой надписи, такъ и во всѣхъ писаніяхъ Польскихъ кончина Константинова полагается въ 1533 году, но по Литовской метрикѣ она означена въ 1530-мъ году.

наго князя: щедро надѣлялъ его имѣніями; титуловалъ его *найвысшимъ* гетманомъ Литовскимъ; возвысилъ въ званіе воеводы Троцкаго; почтилъ его небывалыми еще торжественными въѣздами въ обѣ столицы свои: въ Вильну и Краковъ, по примѣру древнихъ героевъ Римскихъ; а однажды, въ знакъ особеннаго отличія, пожаловалъ его королевскимъ правомъ приложенія печати на *красномъ* воску.

Будучи въ полной славѣ и власти, князь Константинъ стоялъ крѣпко за права восточной православной церкви; сооружалъ храмы въ Вильнѣ, Новгородѣ-Литовскомъ и своемъ Острожскомъ владѣніи, гдѣ основалъ нѣсколько новыхъ монастырей, благотворя и прежнимъ; особенно же онъ былъ усерденъ къ монастырю Печерскому. Туда и перевезенъ былъ его гробъ сыномъ *Ильею.* Тамъ была погребена и первая его супруга, кн. *Татіана*, дочь князя Семена Юрьевича Гольшанскаго [1]).

Нечего и говорить, какъ величали его Литовскіе и Польскіе писатели, называя *Русскимъ Сципіономъ,—вождемъ всѣхъ вѣковъ достойнѣйшимъ*, и проч. Въ заключеніе, приведу слова изъ исторіи, писанной новымъ гражданинамъ Волынской земли, знаменитымъ Московскимъ бѣглецомъ, князямъ, Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ. «А о тѣхъ Волынцахъ не только въ хроникахъ мужество ихъ описуется, но и новыми повѣстьми храбрость ихъ свидѣтельствуется, яко мало прежде и о другихъ рѣхомъ, егда быша въ вѣрѣ православной, пребываша по обычаямъ мѣрнымъ, и къ тому имѣюще надъ собою гетмана храбраго и славнаго *Константина*, въ правовѣрныхъ догматахъ свѣтлаго и во всякомъ благочестіи сіяющаго, яко славни и похвальни въ дѣлѣхъ ратныхъ явишась, отечество свое обороняюще».

Письмо четвертое.

По смерти князя Константина Ивановича владѣльцемъ Острога былъ старшій сынъ его *Илія*, староста Браславскій,

---

[1]) Княгиня Татіана скончалась вскорѣ послѣ 1520 года, и отъ нея у князя Константина остался сынъ *Илія*; а его сынъ *Василій-Константинъ* и дочь *Софія*, родившаяся до 1528 года, были отъ второй жены, княгини Александры.

и Винницкій; а малолѣтній княжичь Константинъ, въ крещеніи Василій, оставался при своей вдовствующей матери, Александрѣ Семеновнѣ, дочери князя Слуцкаго, получившей себѣ въ вѣно отъ покойнаго мужа городъ Туровъ. Въ этой прародинѣ князей Острожскихъ и выросталъ будущій, послѣдній представитель ихъ славы и доблести.

Между тѣмъ Илья Константиновичъ въ 1539 году вступилъ въ бракъ съ Беатою Костелецкою, дочерью бывшей королевской наложницы Катерины, воспитанною и процвѣтавшею при дворѣ корыстолюбивой и безнравственной королѣвы Боны. Года черезъ три послѣ того умеръ князь Илія, поручивъ опекѣ королевича Жигимонта-Августа свою малолѣтнюю единственную дочь, Елисавету или Алжбету, извѣстную по своей злополучной, трагической судьбѣ... И ктоже въ ней виновнѣе?—Своенравная-ли Беата, которой хотѣлось владѣть огромнымъ наслѣдствомъ своей дочери?—Молодой-ли князь Константинъ Константиновичъ, который помогъ князю Дмитрію Сангушку обвѣнчаться на своей юной племянницѣ, чтобы и ее и Острожское владѣніе вырвать поскорѣе изъ рукъ ненавистной для него ляховицы?—Или же король Жигимонтъ-Августъ, такъ немилостиво осудившій на изгнаніе Дмитрія Сангушка, придержась гнуснаго обвиненія, сочиненнаго на заказъ Станиславомъ Чарнковскимъ? — Нашелся и другой угодникъ, Мартынъ Зборовскій, который настигъ убѣжавшую чету уже не въ своей, а въ Чешской землѣ, въ Яромирѣ, и не остановился умертвить Сангушка (1554 г). и, вмѣстѣ съ его головою, доставить алчной Беатѣ ея овдовѣвшую дочь.... И для чего же? чтобы августѣйшій опекунъ выдалъ ее насильно за любимаго имъ Поляка Гурку, не смотря уже и на отчаянное сопротивленіе ея матери... Бѣдная Алжбета! Не доставшись любившему ее князю Семену Слуцкому, оставшись вдовою и послѣ немилаго ей Лукаша Гурки, она явилась уже безумная къ своему дядѣ въ Острогъ, гдѣ и скончалась. А выжитая отсюда Беата благоденствовала еще на Волыни, въ мѣстечкѣ Янушполѣ, пока не женился на ней (послѣ 1563 года) Сѣрадскій воевода Альбрехтъ Ласкій, который,

не могши съ нею ужиться, заточилъ ее на вѣки въ своемъ Венгерскомъ замкѣ Кезмаркѣ.

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ происходила во Львовѣ осада Беаты Острожской и насильное взятіе оттуда ея дочери для Поляка Гурки,—Жигимонтъ-Августъ разыгралъ въ Люблинѣ другую драму, болѣе важную: онъ разшибъ свое Литовское государство на составныя части и каждую порознь присоединилъ къ королевству Польскому. И нашъ древній, первопрестольный Кіевъ, со всею южною и сѣверо-западною Русью, сталъ достояніемъ Польской короны... La divina comedia!

Нельзя не подивиться тому постоянству, съ какимъ Поляки, въ продолженіе 180-ти лѣтъ, достигали всячески этой вожделѣнной для нихъ *Люблинской уніи*, предначатой еще во время облапошеннаго ими короля Ягелла Ольгердовича. Литвины обрадовались было *Ягелловской Уніи*, какъ дружественному союзу двухъ самостоятельныхъ государствъ, для взаимной обороны отъ общихъ враговъ; потѣшались данными имъ Польскими гербами... И возненавидѣли Поляковъ, разглядѣвши, что они написали себѣ, какъ заповѣдь—усвоеніе, претвореніе, втѣленіе Литвы въ Польшу! И ужъ какъ ни бились Монивиды, Радивилы и другіе паны-рады Литовскіе, чтобы устранить отъ себя Поляковъ, «какъ заграничниковъ и чужеземцевъ»; но не смогли и не съумѣли уберечь Гедеминова наслѣдія отъ роковаго поглощенія Польшею; оно совершилось въ 1569 году, державнымъ содѣйствіемъ Ягеллова правнука, разслабленнаго и бездѣтнаго Жигимонта-Августа.

Была возможность избѣгнуть этого поглощенія, именно на Люблинскомъ сеймѣ, еслибы и князь Константинъ Острожскій, воевода Кіевскій, и князь Александръ Черторыйскій, воевода Волынскій, и всѣ представители Южно-Русскихъ земель—не согласились на отлученіе ихъ отъ великаго княжества Литовскаго и присоединеніе къ королевству Польскому и тѣмъ поддержали бы несогласіе Литвиновъ на Люблинскую унію. Тогда бы и Польша, по смерти своего послѣдняго Литвина—Ягеллончика, оставшись сама при себѣ, въ своихъ собственныхъ, старо-польскихъ предѣлахъ, при своемъ тогдашнемъ об-

ращеніи изъ католичества въ протестантство,—можетъ быть, она еще и пришла бы въ самосознаніе, и устроилась бы въ государство правильное и крѣпкое... Но между Литвою и Русью не оказалось уже единомыслія; а Польша, обуянная успѣхомъ своего напряженнаго стремленія превратить въ себя уже разрушенное для нея Литовское государство, сама погибла съ шумомъ на его громадныхъ обломкахъ.

Великолѣпный князь Константинъ Константиновичъ, согласившійся неохотно на Люблинскую унію, оставался воеводою Кіевскимъ, маршаломъ Волынской земли и старостою Владимирскимъ, еще около *сорока* лѣтъ — и наглядѣлся всякаго (нестроенія) въ новосоставленной *Рѣчи - посполитой Польской.* Онъ видѣлъ, какъ быстро отлетала отъ нея та *свобода вѣроисповѣданія*, которою такъ славенъ въ ея исторіи вѣкъ Жигимонта-Августа, которую этотъ «прироженный государь Литвы» подтвердилъ и на прощанье съ свѣтомъ, въ 1572 году, означенномъ въ исторіи Европейскаго запада—*Варѳоломеевскою ночью.* И не странно-ли! Свободная въ выборѣ королей рѣчь—посполитая, волновавшись первымъ избраніемъ болѣе полутора года, выбрала себѣ въ короли участника Варѳоломеевской ночи, 22-лѣтняго Генриха Валуа, который черезъ четыре мѣсяца бѣжалъ изъ Кракова тайкомъ, какъ тать ночной, увезя съ собою въ Парижъ Польскую корону... «Ночью избранъ, ночью пріѣхалъ, и ночью уѣхалъ» — замѣчаетъ современникъ.

Со скорбію видѣлъ князь Острожскій, какъ іезуиты, приголубленные королемъ Баторіемъ для распространенія «свободныхъ наукъ» въ Польшѣ, заткали ее своею хитромысленною паутиною и водворили въ ней *духъ вѣрогоненія*, проявившійся такъ сильно въ правленіе Жигимонта III-го Вазы, который руководился ими отъ юности своей и до смерти. Не исполнилось и четверти вѣка послѣ Люблинской гражданской уніи, какъ уже введена была, державнымъ насиліемъ этого короля, *церковная унія Брестская*, терзавшая Западно-Русскій народъ цѣлыхъ два вѣка, до самаго конца Польши (1596—1796.)

«Ото-жъ унія: лежитъ Русь съ Поляками» — говорилъ коронный гетманъ Конецпольскій, указывая на группы, во

12

время Переяславской войны съ козацкимъ гетманомъ Тарасомъ, 1630 года. Раздоръ въ Руси и народная ненависть къ Полякамъ были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой іезуитской *уніи*, предпринятой въ пополненіе Римской паствы, потерпѣвшей великій уронъ отъ реформаціи.

Какъ же дѣйствовалъ князь Острожскій во второе сороколѣтіе своей жизни? Подобно своему герою-отцу, онъ неоднократно поражалъ орды татарскія, насылая на нихъ и подвластное ему козачество Украинское [1]); а въ 1579 году, когда побѣдоносный Баторій двинулъ сильныя полки противъ Іоанна Грознаго, нашъ воевода Кіевскій прошелъ грозою по Сѣверской землѣ до окрестностей Смоленска. Но не военныя дѣла составили его именитость въ исторіи; онъ стяжалъ себѣ безсмертную славу, какъ великій поборникъ православія, какъ защитникъ и утѣшитель православнаго Западно-Русскаго народа, когда настало новое гоненіе отъ воспрянувшаго въ Литвѣ и Польшѣ латинства, и бояре Кіевскіе могли говорить своему князю какъ въ древней пѣснѣ о полку Игоревѣ: «Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на вóлю!»

Высокое значеніе князя Острожскаго признаваемо было всѣми тоговременными людьми, начиная съ короля Баторія, ставшаго католикомъ изъ протестанта для Польской короны. Онъ называлъ князя Острожскаго верховнымъ хранителемъ и защитникомъ православной церкви въ Западной Руси. А чтобы слышать голосъ ближайшихъ къ нему людей, прочтемъ слѣдующія строки изъ Октоиха, изданнаго въ Дерманскомъ монастырѣ въ 1604 году, т. е. за четыре года до кончины князя Константина Константиновича: «Иже въ благочестіи сіяющь пресвѣтлый князь, имъ же и его же ради Богъ, въ настоящихъ и мимошедшихъ объстояніяхъ же и бѣдахъ нашихъ, насъ защищаше и утѣшаше, и достойную чюдеси божества своего силу въ немъ во утвержденіе благочестія святого являше; сей днесь старостію приклоненъ, о его же здравіи

[1]) «Но вскорѣ козаки Туркамъ и Татарамъ отмстиша за сіе; ибо, въ року 1575, посланы бывше отъ Кіевскаго воеводы зъ Черкасъ и зъ Канева човнами, Днѣпромъ, на орды нападаша, и много побивше, плѣнъ веемше, возвратишася къ своимъ зъ корыстьми» (см. лѣтопись Грабянки).

вси купно молите Господа Бога, да обычнаго ради милосердія своего Богъ, иже живота и смерти власть имѣяй, и сему, яко единому отъ рабъ своихъ, работающу ему въ тщаніи благочестія, лѣтъ же и здравія приложитъ; сей бо, якоже вси есте днесь свидѣтели, время все живота своего, яко въ любезныхъ и сладостнѣйшихъ ему трудѣхъ же и подвизехъ, ради умноженія славы вышняго Бога, и въ тяжкихъ нуждахъ о еже сохранитися цѣлу благочестію святыя соборныя апостольскія церкве, усердно и любезно купно съ нещаднымъ ему изнуреніемъ имѣній иждивъ, и даже и до днесь раздраженное его сердце любовію еже о свободѣ и о мирѣ православія не угасаетъ, и еже о семъ тщатися не престаетъ».

Письмо пятое.

Любопытны сказанія, передаваемыя позднѣйшими Польскими писателями о великомъ богатствѣ вельможнѣйшаго изъ князей, князя Острожскаго, о чрезвычайной пышности, бывшей при его дворѣ, и о прочемъ,—сказанія иногда слишкомъ уже пріукрашенныя. Но лучшимъ украшеніемъ при его Острожскомъ дворѣ, конечно, были: *училище* и *типографія*, заведенныя имъ въ 70-тыхъ годахъ XVI-го вѣка. Острожское училище было первою на Руси *Греко-Славянскою* школою, для преподаванія «*вызволенныхъ* или *вольныхъ наукъ*,» по примѣру училищъ Латино-Западныхъ. Тутъ былъ ректоромъ *Кириллъ Лукарь*, достопамятный поборникъ и страдалецъ православія, бывшій впослѣдствіи патріархомъ Константинопольскимъ и по проискамъ іезуитовъ утопленный въ морѣ, 1638 года.

Должно быть, такую-же школу завелъ у себя тогда и двоюродный братъ Острожскаго, князь Юрій Юрьевичъ Слуцкій, которому, какъ потомку старшаго Ольгердова сына Владиміра, былъ особенный почетъ въ сенатѣ Литовскомъ: онъ занималъ первое послѣ Виленскаго бискупа мѣсто, выше прочихъ бискуповъ и всѣхъ сенаторовъ свѣтскихъ. Скончался онъ въ 1579 году: погребенъ въ Печерской лаврѣ.

Антоній Поссевинъ, въ своихъ донесеніяхъ папѣ Григорію XIII-му (1581 г.), говоритъ, что «князья Острожскій и

Слуцкій имѣютъ свои типографіи и училища, въ коихъ сей расколъ питается» (т. е. наша православная, восточная вѣра). Для насъ это указаніе знаменитаго іезуита важно, когда вспомнимъ, что вслѣдъ за тѣмъ онъ назначенъ былъ отъ папы главнымъ *куратором* іезуитскихъ училищъ въ государствѣ Польскомъ; что по его-же представленію, при іезуитской Виленской школѣ, [1]) были заведены—и типографія съ Славянскимъ шрифтомъ, для распространенія католическихъ книгъ въ Русскомъ переводѣ, начиная съ катихизиса Каназіева,—и особая семинарія для Русскаго юношества, на содержаніе которой папа Григорій назначилъ изъ своей казны по 1200 коронатовъ ежегодно.

Такова была забота о привлеченіи въ католичество Западно-русскаго юношества, особенно изъ высшихъ сословій—забота, увѣнчавшаяся впослѣдствіи огромнымъ успѣхомъ, да и въ самомъ началѣ своемъ не безплодная, какъ хвалился уже Поссевинъ, какъ писалъ со скорбію и князь Курбскій въ отвѣтномъ письмѣ ко вдовѣ князя Ивана Черторыйскаго, намѣревавшейся отдать своего сына въ училище Виленское.

Остереженіе Курбскаго было не напрасное: этотъ князь Юрій Ивановичъ Черторыйскій, въ концѣ 1596 года, передалъ сестрѣ своей Еленѣ Горностаевой предковскій православный монастырь *Пересопницкій*; а въ 1698 году, вмѣстѣ съ Станиславомъ Радивиломъ и другими сверстниками своими, обратился къ королю-миссіонеру съ просьбою о присоединеніи ихъ къ Римскому костелу. Самъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій имѣлъ несчастіе, схоронивъ двухъ сыновей, Константина и Александра, оставаться еще пять лѣтъ при своемъ третьемъ сынѣ Янушѣ, отступникѣ отъ православія.

---

[1]) Іезуиты въ первый разъ были введены въ Краковъ 1565 года, Вармійскимъ бискупомъ Станиславомъ Гозіемъ, стоявшимъ на стражѣ изнемогавшаго въ Польшѣ латинства. Такимъ же стражемъ его въ Литвѣ остался Виленскій бискупъ Валеріанъ Протасевичъ, который принялъ іезуитовъ, присланныхъ отъ Гозія, и, подъ прикрытіемъ войсковымъ ввелъ ихъ въ Вильну въ 1569 году, т. е. въ годъ Люблинской уніи. Тутъ они не замедлили открыть свое училище, возведенное (1579 г.) на степень академіи Стефаномъ Баторіемъ, который ласкалъ іезуитовъ, впрочемъ, не изъ сочувствія къ нимъ, а какъ полезное для него на то время орудіе. Свѣтиломъ Виленской школы былъ краснорѣчивый іезуитъ *Петръ Скарга*, одинъ изъ лучшихъ Польскихъ писателей того времени, бывшій послѣ придворнымъ проповѣдникомъ и духовникомъ Жигимонта III-го.

Между тѣмъ, какъ размножались въ западной Руси іезуитскія школы, начиная съ Полоцка, стали возвышаться и вновь учреждаться Православно-русскія братства и обзаводиться училищами, высшими противъ своихъ прежнихъ приходскихъ школъ, а также и типографіями. Еще въ исходѣ XVI-го вѣка явились православныя братскія школы: Львовская (1587), Виленская, (1588), Брестская (1592), Могилевская (1596)— на подмогу школѣ Острожской. Такимъ образомъ воспиталось не одно поколѣніе просвѣщенныхъ людей, — въ залогъ Русскаго православія и въ отпоръ католичеству и уніатству.

Изъ питомцевъ Острожскаго училища особенно памятенъ доблестный гетманъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, настояніемъ котораго возстановлена была, въ 1620-мъ году, православная Кіевская митрополія, четверть вѣка сиротѣвшая безъ своего пастыря. Этотъ козацкій гетманъ оставилъ по себѣ безсмертную память и въ Кіевскомъ Богоявленскомъ братствѣ, гдѣ и погребенъ весною 1622 года.

У князя Острожскаго было въ виду преимущественно просвѣщеніе духовенства, особенно Волынскаго, надъ которымъ въ его время начальствовали непутные епископы, во Владимірѣ—Ѳеодосій Лазовскій, а въ Луцкѣ—Іона Борзобогатый-Красенскій. При воспоминаніи объ нихъ, не льстивою оказывается похвала, восписанная князю въ предисловіи къ Новому Завѣту, напечатанному въ Острогѣ 1580 года, гдѣ сказано: «Сіяюще, яко цвѣторасльная вѣтвь благочестія, источникъ милости и рачитель богодухновенныхъ догматъ святыя соборныя апостольскія церкви, распаляемъ многою любовію, достохвально желаніе подвигнулъ еси о благочестивый княже! паче же въ нынѣшнее время, посредѣ рода строптива и развращенна, еже толикимъ нерадѣніемъ къ заповѣдемъ Господа нашего Іс. Христа супротивленіе пріемлюще, растерзаютъ немилостивнѣ церковь Божію и възмущаютъ нещадно стадо его....»

Понятно, что благочестивый князь, глубоко преданный православной церкви, помышлялъ о возстановленіи ея къ первобытной чистотѣ и цѣлости; и когда зашло дѣло о *соединеніи церквей*, онъ первый готовъ былъ на сіе святое дѣло въ

томъ смыслѣ, какъ о немъ молитъ Всевышняго наша православная церковь, а не въ смыслѣ подчиненія всѣхъ христіанскихъ церквей — Римскому папѣ, присвоившему себѣ главенство и пастыре начальство, принадлежавшее единому Господу Христу.

Заботясь о просвѣщеніи, князь Острожскій и въ 1593 году, въ пунктахъ, приложенныхъ въ письмѣ его къ новопоставленному въ епископы — коварному сенатору Поцѣю, собственноручно писалъ, чтобы позаботиться, между прочимъ— «о закладанію *школъ* и *наукъ вольныхъ*, а звлаща для цвиченя духовныхъ; пильно потреба, жебыхъмо мѣли ученые пресвитеры и казнодѣе добрые; бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилося.»

Такъ и черезъ девять лѣтъ, когда уже свирѣпствовала нововведенная унія, князь Острожскій отдалъ свой прадѣдовскій монастырь Дерманскій подъ киновію или общежитіе, и въ своей записи о томъ (1602 г.) говоритъ между прочимъ: «Бѣгуновъ чернцовъ и чинови тому противныхъ абы въ томъ монастырѣ не пріймовати; едно таковыхъ, которые бы подъ тотъ порядокъ подлегать хотѣли и которые бы се зыйшли до науки; маютъ тежъ способнѣйшіе до науки учится *письма Словенского*, *Грецкого* и *Латинского*, отъ особъ вѣры святое восточное будучихъ».

Въ этотъ общежительный монастырь князь назначилъ тогда игуменомъ *Исаакія*, протосинкелла Александрійскаго, отдѣлилъ часть типографіи и отрядилъ Острожскаго пресвитера *Даміана*, стараніемъ котораго и напечатаны были здѣсь: *Октоихъ* 1604 года въ листъ, а въ слѣдующемъ году—*Діалогъ о православной вѣрѣ* и *Листъ къ Ипатію* (Поцѣю), въ 4-ку, писанные патріархомъ Мелетіемъ.

Кромѣ *Дерманскаго Троицкаго* монастыря, оставшагося при замкѣ Острожскомъ, были во владѣніи князя еще монастыри: *Дорогобужскій*, *Пречистенскій*, *Дубенскій Спасскій*, *Дубенскій Крестовскій*, *Степанскій Михайловскій*.

Тоговременные князья Волыни усердно заботились объ устроеніи православныхъ монастырей въ своихъ имѣніяхъ. Такъ, у благочестиваго князя Богуша Ѳедоровича Корецкаго,

воеводы Волынскаго, были монастыри: *Корецкій Маренинскій* и *Городискій*. Князь Ѳедоръ Андреевичъ Сангушко, староста Владимирскій и маршалъ Волынской земли, устроилъ у себя въ 1542 году *Мѣлецкій* монастырь во имя свят. Николая и т. д.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій былъ весьма набоженъ и строго соблюдалъ православные обряды и обычаи своихъ предковъ. Съ наступленіемъ великаго поста онъ уединялся обыкновенно въ Крестовскій монастырь, гдѣ впродолженіе 20-ти лѣтъ былъ настоятелемъ святой мужъ *Іовъ Желѣзо*, вызванный княземъ изъ обители Угорницкой, впослѣдствіи долго еще бывшій игуменомъ Почаевскаго монастыря, гдѣ и почиваютъ его нетлѣнныя мощи; скончался въ 1651 году. (Не знаю, когда именно принялъ онъ схиму; будучи на Кіевскомъ соборѣ 1627 года, онъ подписался такъ: «*Іоаннъ Желѣзо*, игуменъ Почаевскій»).

Вспомянемъ еще одного Острожскаго питомца—блаженнаго *Аѳанасія*. Князь Константинъ Константиновичъ въ 1599 году назначилъ его игуменомъ въ Межигорье и помогъ ему возстановить эту древнюю обитель, которая съ той поры быстро возвысилась и была долго въ великой славѣ и любви у народа Малороссійскаго.

Письмо шестое.

Въ нынѣшнемъ письмѣ я займу вниманіе ваше книгами, изданными въ Острогѣ. Большая часть ихъ составляетъ уже чрезвычайную рѣдкость; но книжныя рѣдкости попадаются иногда неожиданно. Я увѣренъ, что у многихъ здѣшнихъ старожиловъ, особенно у священниковъ, въ бумажномъ хламу, сохранились еще нѣкоторыя Острожскія изданія, хотя и не полныя. Доброе дѣло сдѣлали бы они, еслибы все, что найдется у нихъ похожаго на то, передали въ библіотеку Острожскаго братства, въ которой весьма прилично быть собранію здѣшнихъ изданій. Для такого собранія и небольшой отрывокъ можетъ быть пригоденъ, въ пополненіе собою другихъ. А на первый разъ, въ основаніе такого собранія, скорѣе всего

нашелся бы запасъ у книгособирателей Московскихъ..... Изъ Москвы былъ и первый Острожскій книгопечатникъ, достопамятный Гостунскій діаконъ *Иванъ Өедоровъ*, который вмѣстѣ съ *Петромъ Тимофѣевымъ Мстиславцемъ*, напечаталъ въ 1562 — 64 году, *Апостолъ* — первенецъ Московской печати. Но тогдашніе торгаши-книгописцы извели на нихъ ересь, и они бѣжали въ Литовскую Русь, принимавшую охотно выходцевъ Велико-Русскихъ. Тоже было и съ первоначальнымъ печатникомъ Славянскими буквами, *Швайпольтомъ Фѣолемъ*, который въ 1491 году напечаталъ въ Краковѣ Часословъ, а потомъ *Псалтырь*, *Октоихъ*, *Тріоди*, но обвиненный въ ереси, удалился въ Венгрію.

Гетманъ Литовскаго княжества, Григорій Александровичъ Ходкевичъ, бывшій предмѣстникъ князя Острожскаго на воеводствѣ Кіевскомъ, пріютилъ у себя Московскихъ книгопечатниковъ и завелъ типографію въ своемъ городкѣ Заблудовѣ (Гродненской губерніи). Тамъ они въ 1568—69 напечатали *Евангеліе Учительное* и *Псалтырь*. Но въ томъ же, 1569 году, скончался благочестивый Литовскій гетманъ. Тогда Петръ Мстиславецъ перешелъ въ Вильну, завелъ новую типографію, у братьевъ Козмы и Луки Мамоничей, и напечаталъ въ ней 1575 года *Евангеліе* и *Апостолъ*. Впрочемъ въ Вильнѣ еще прежде была типографія, въ домѣ бурмистра Якова Бабича, гдѣ неутомимый Полочанинъ *Скорина* печаталъ съ 1525 года *Апостолъ*, *Псалтырь*, *Акафисты* и другіе первенцы печати Западно-Русской.

Между тѣмъ Иванъ Өедоровъ, покинувъ деревню, подаренную ему Ходкевичемъ, перешелъ въ Червоную Русь, и въ 1570-мъ году началъ заводить во Львовѣ свою типографію. Тутъ онъ напечаталъ въ 1573—74 году *Апостолъ*—первенецъ печати Червоно-Русской. Вскорѣ послѣ того онъ вызванъ былъ въ Острогъ и началъ устроять здѣсь новую типографію.

Вышеупомянутый докторъ *Скорина* изъ Полоцка, еще въ первой четверти XVI вѣка, въ домѣ Виленскаго бурмистра Бабича, перевелъ на Западно-Русскій языкъ библію, съ Латинской вульгаты, которая и напечатана была по частямъ въ Чешской Прагѣ 1517—1519 года иждивеніемъ Виленскаго

же гражданина Богдана Онькова. Эта *Библія Руска* (въ 4-ку) предупредила собою появленіе въ печати и библіи на Чешскомъ языкѣ (1555), и двухъ переводовъ ея на языкъ Польскій—одинъ для католиковъ, изданный въ Краковѣ 1561 года, другой для протестантовъ, напечатанный въ Брестѣ 1563 года, иждивеніемъ Николая Радивила Чернаго, бывшаго главнымъ подвижникомъ протестанства въ княжествѣ Литовскомъ. (У него въ Несвижѣ, 1562 года, напечатанъ былъ «*Катихизисъ* для простыхъ людей языка Русскаго», сочиненный кальвинистомъ Симономъ Буднымъ съ товарищы).

Въ тѣ поры князь Острожскій предпринялъ изданіе Церковно-славянской библіи — безсмертнаго труда святыхъ первоучителей славянскихъ. Но полнаго списка ея не нашлось ни въ одной Славянской землѣ, кромѣ Москвы.

Оттуда и получилъ князь, около 1570 года, списокъ библіи, выпрошенный для него у Іоанна Васильевича Грознаго Михайломъ Богдановичемъ Гарабурдою, писаремъ Литовскаго княжества, неоднократно исправлявшимъ посольство въ Москву. Когда же, при сличеніи многихъ списковъ, открывались въ текстѣ «не только разньствія, но и развращенія», тогда князь Острожскій послалъ искать еще другихъ списковъ, на западѣ и востокѣ, въ разныхъ монастыряхъ Греческихъ, Сербскихъ и Болгарскихъ; онъ обращался и къ патріарху Константинопольскому Іереміи, прося у него исправныхъ списковъ библіи и знающихъ людей. Послѣ того, по общему совѣту своихъ сотрудниковъ, князь Острожскій избралъ Греческій текстъ 70-ти толковниковъ и велѣлъ слѣдовать ему при исправленіи разнословій, и когда оконченъ былъ этотъ достопамятный трудъ, приступили къ его изданію, и въ началѣ 1580 года представленъ былъ князю *Новый Завѣтъ* съ *Псалтырью* впереди, въ 8-ку—какъ *первый* плодъ отъ его печатнаго Острожскаго дома.

Того же года напечатана была отдѣльно *Симфонія* въ 8-ку, а наконецъ и полная *Библія* въ листѣ. Это первое изданіе Острожской библіи величайшая рѣдкость. Встрѣчается обыкновенно второе ея изданіе 1581 года. Въ первомъ ея предисловіи, отъ имени князя, изложена вышеприведенная

исторія изданія. Второе предисловіе о важности и пользѣ священнаго писанія, равно какъ и находящіеся тамъ стихи, сочинены *Герасимомъ Даниловичемъ Смотрицкимъ*, который былъ у князя подскарбіемъ и главнымъ сотрудникомъ по дѣламъ книжнымъ.

Того же 1581 г. напечатана *Хронологія*, въ листъ, сочиненная *Андреемъ Рымшею* (котораго стихи встрѣчаются и въ Литовскомъ Статутѣ, изданномъ въ Вильнѣ 1588 года).

Послѣ изданія означенныхъ книгъ въ Острогѣ, знаменитый «друкарь Москвитинъ» возвратился во Львовъ, гдѣ и скончался 5-го декабря 1583 года.

Въ томъ же году, въ маѣ мѣсяцѣ, скончался на Волыни и другой знаменитый Москвитинъ, Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, такъ много здѣсь потрудившійся въ занятіяхъ книжныхъ, такъ ревностно увѣщевавшій своими посланіями здѣшній людъ пребывать «въ благочестіи праотеческомъ» и остерегаться «отъ мысленныхъ звѣрей....». Въ своемъ завѣщаніи (24 апрѣля) онъ назначилъ первыми опекунами женѣ и своему сыну князя Острожскаго и его старшаго сына Константина.

Между тѣмъ уже началась тревога отъ папистовъ — на первый разъ по поводу новаго Григоріанскаго календаря, непринятаго православною церковью,—тревога, неутишенная и грамотами Баторія. По этому случаю напечатаны были въ Острогѣ 1583 года: *Листы патріарха Іереміи*, въ 4-ку, и *Діалогъ патріарха Геннадія*, въ 8-ку. Герасимъ Смотрицкій издалъ потомъ свое сочиненіе: *Календарь Римскій новый* 1587 года, въ 4-ку. (Ему же принадлежатъ и сатирическія *Вирши* на отступниковъ).

Съ 1588 года видѣнъ въ Острогѣ новый дѣятель—пресвитеръ *Василій*. Онъ издалъ въ томъ году два замѣчательныя писанія свои противъ мнѣній Римско-католическихъ: *О единой истинной православной вѣрѣ и святой апостольской церкви*, и *Исповѣданіе о исхожденіи святаго Духа*,—въ 8-ку. Вслѣдъ затѣмъ были изданы тутъ двѣ знаменитыя въ христіанскомъ мірѣ *книги: Василія Великаго* о постничествѣ (1594, въ листъ) и *Маргаритъ Іоанна Златоуста* (1596, въ листъ.)

Въ эти годы кипѣло уже дѣло церковной *уніи*, заправленной езуитами, при помощи королевской, на горе и соблазнъ православному народу Кіевской митрополіи и на пагубу королевству Польскому. Это тяжелое и темное дѣло довершилось, наконецъ, въ октябрѣ 1596 года, на соборѣ *Брестскомъ* или *Берестейскомъ*, послѣ котораго еще съ большимъ ожесточеніемъ продолжалась борьба православныхъ людей, *неунитовъ*, съ отщепенцами отъ православія, *унитами* или *уніатами*, она продолжалась въ полемикѣ книжной. Еще въ исходѣ 1595 года, при отъѣздѣ въ Римъ Терлецкаго и Поцѣя, этотъ второй епископъ - *фальшоръ* пустилъ въ ходъ свою книжку *Унія*, напечатанную въ Вильнѣ; а отъ православнаго Виленскаго братства, знаменитый въ немъ проповѣдникъ *Стефанъ Зизаній-Тустановскій*, въ началѣ 1596 года, издалъ на западнорусскомъ и Польскомъ языкахъ—*Казанье св. Кирилла; патріарха Іерусалимскаго, о Антихристѣ и знакахъ его*. Эта книжка была посвящена князю Острожскому, какъ главному противнику уніи и защитнику православія.

Послѣ собора Брестскаго явилось краткое изложеніе его дѣяній, изданное со стороны православныхъ, въ началѣ 1597 года, на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Эктезисъ* (Ekthesis); а съ противной стороны вышла тогда же на Польскомъ языкѣ книжка *Оборона* (Obrona) *Брестскаго собора*, написанная іезуитомъ Петромъ Скаргою. Въ отповѣдь на эту оборону, издана была знаменитая книга *Апокризисъ*, напечатанная въ исходѣ 1597 г., въ 4-ку, въ *Острогѣ* (а не въ Вильнѣ, какъ полагаютъ обыкновенно.) Она вышла подъ псевдонимомъ *Христофора Филалета*; а сочинилъ ее, по порученію князя Острожскаго, *Христофоръ Бронскій*, какъ извѣщаетъ трудолюбивый уніатъ прошлаго столѣтія Стебельскій. Противъ этой книги въ 1600 году издано было уніатами очень бранчивое, но недѣльное возраженіе, подъ заглавіемъ *Антирризисъ*, на языкѣ Польскомъ. Оно сочинено Греко-уніатомъ *Петромъ Аркудіемъ*, котораго вывезъ изъ Рима Ипатій Поцѣй и которому дано было принадлежавшее Жидичинскому Никольскому монастырю помѣстье въ Пинскомъ

повѣтѣ, въ обиду заслуженнаго Львовскаго епископа Гедеона Балабана, бывшаго вмѣстѣ и архимандритомъ Жидичинскимъ.

Между тѣмъ въ Острогѣ были напечатаны въ 1598 г.: *Отпись на листъ отца Ипатія* (Поцѣя) въ 4-ку, и такъ называемая «Книжица въ десяти отдѣлахъ» въ 8-ку, содержащая въ себѣ *Листы патріарха Мелетія къ православнымъ*, между которыми помѣщенъ и листъ самаго князя Острожскаго.

Кромѣ этихъ полемическихъ сочиненій, изданы были въ Острогѣ слѣдующія богослужебныя книги, подъ наблюденіемъ вышеупомянутаго священника Василія: *Псалтырь съ Часословомъ* — и тотъ же *Псалтырь съ возслѣдованіемъ*, 1598 г. въ 8-ку: *Часословъ* 1602 г. въ 8-ку; *Служебникъ* 1604 г. въ 4-ку; *Молитвословъ* или *Требникъ* 1606 года въ 4-ку.

Послѣднею изъ книгъ, напечатанныхъ въ Острогѣ при жизни князя Константина, была: *Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій* 1607 г. въ 4-ку. Она состоитъ изъ двухъ *словъ* св. Іоанна Златоуста и *Тестамента* Василія, царя Греческаго сыну своему Льву философу, въ переводѣ съ Греческаго языка на Славянскій и Западно-русскій; ее издалъ извѣстный уже намъ Острожскій пресвитеръ *Даміанъ*, принимавшій дѣятельное участіе въ соборѣ Брестскомъ. Тамъ онъ наряженъ былъ къ митрополиту Михаилу Рагозѣ, который позднѣе всѣхъ прибылъ въ Брестъ, скрывался отъ свиданія съ православными, и не явился къ нимъ на соборъ. Отецъ Даміанъ былъ родной братъ славнаго козацкаго гетмана *Северина Наливайка*, который, воротясь изъ похода противъ Татаръ и въ Венгрію, пошелъ въ 1595 году на опустошеніе имѣній Терлецкаго и другихъ отступниковъ отъ православія—на Волыни, въ Полѣсьи и Бѣлоруссіи; а потомъ, ставши въ борьбу съ короннымъ гетманомъ Станиславомъ Жолкевскимъ, былъ полоненъ имъ подъ Лубнами и претерпѣлъ мучительную казнь въ Варшавѣ 1597 года.

Съ какимъ негодованіемъ и презрѣніемъ козаки смотрѣли на уніатовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Козацкій гетманъ Григорій Изаповичъ, въ своемъ универсалѣ 1610 года 29 мая изъ Запорожья, объявлялъ всѣмъ, чтобы извѣстнаго уніата *Антонія Грековича* «где колвекъ

здыбавши, якъ пса убити». И онъ впослѣдствіи былъ утопленъ козаками въ Днѣпрѣ (1618 года).

Между тѣмъ въ Острогѣ 1612 года былъ напечатанъ еще *Часословъ* (въ малую 8-ку), двумя изданіями, различными не только наборомъ, но и прибавочными статьями. Этотъ замѣчательный Часословъ изданъ былъ *повелѣніемъ* князя Януша Острожскаго, кастеляна Краковскаго, который, хотя былъ уже католикомъ, но ради славы отца своего, поддерживалъ еще и всѣ его просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія.. Такъ и знаменитое училище Острожское, хотя и пришло въ упадокъ по смерти своего основателя, однако продолжалось еще и при Янушѣ Острожскомъ. Вотъ что говорится въ *Виршахъ* Кассіана Саковича на погребеніе гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, изданныхъ въ Кіевѣ 1622 года:

«Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Премыскихъ.
Выхованъ въ вѣрѣ церкви всходной зъ лѣтъ дѣтинскихъ.
Шолъ потомъ до Острога, для наукъ уцтивыхъ,
Которыи тамъ квитли, за благочестивыхъ
Княжатъ, которыи ся въ наукахъ кохали,
На школы маетностій много фундовали:
Абы ся млодя въ наукахъ уцтивыхъ цвѣчила,
Церкви и тежъ отчизнѣ пожитечна была.
Дай Боже, бы тася тамъ фундація трвала,
Жебы ся оттоль хвала Божія помножала!...»

Письмо седьмое.

Святопамятный князь Константинъ Константиновичъ Острожскій скончался 1608 года 13 февраля, въ субботу Өеодоровой недѣли, на 82-мъ году жизни; погребенъ въ Острогѣ, въ замковой Богоявленской церкви, возлѣ своего меньшаго и любимаго сына Александра.

Въ воспоминаніе его отцовской заботы объ этомъ сынѣ, прочтемъ слѣдующее его письмо, сообщенное мнѣ въ 1840

году покойнымъ историкомъ Галицкой Руси, Денисомъ Зубрицкимъ.

«Братству Львовскому Успенія Пречистое Богородицы Матере Божои, о Господѣ радоватись и мирне здравствовать желаемъ. Не невѣдомо мню вамъ се есть, яко сынъ мой, князь Александро восточникъ между зубами западныхъ людей вѣры и науки и всего набоженства усѣлъ, сирѣчь обитателемъ Ярославскимъ се сталъ; гдежъ помощи и ратунку въ потверженью вѣры его отъ насъ мѣти не можетъ, скудости ради учителей, безъ нихъ же и сами гладомъ страждемъ. Но, понеже у васъ большей обрѣтается, молю Васъ, да не сице отъ васъ поблизь суще небреженія ради, якожъ и Константинъ, сынъ мой, постраждетъ. Бога ради попеченіе всяко сотворѣте, да не имѣютъ въ немъ части нѣединоя езуиты. За што вамъ Богъ Свою мзду отдастъ, и мы въ чесомъ случится взаимствуемъ. За тымъ вашъ мостей Господу Богу поручаемъ. Данъ зъ Дубна року 1592, мѣсяца декабрія 1 дня. Вашъ мостей зычливый пріятель—Константинъ княжа Острожское, воевода Кіевскій, маршалокъ земли Волынское, староста Володимирскій—власная рука».

Но князь Александръ остался недоступнымъ для іезуитовъ; да и старшій братъ Константинъ только временно увлекался ими, а потомъ прогналъ ихъ отъ себя, и скончался 1595 года въ православной вѣрѣ своихъ предковъ.

Князь Александръ Константиновичъ водворился въ древнемъ Галицкомъ городкѣ Ярославѣ, женясь на дочери Сендомирскаго воеводы Яна Костки, владѣвшаго этимъ городомъ. Для отца своего онъ былъ отрадою и помощью въ защитѣ православной церкви. Такъ и въ 1599 году, когда состоялась Виленская конфедерація православныхъ съ протестантами, на общую защиту отъ гоненія латинянъ, — первыми *попечителями церкви* выбраны были, со стороны православныхъ, три сенатора: князь Константинъ Острожскій, воевода Кіевскій; князь Александръ Острожскій, воевода Волынскій; князь Ѳедоръ Сангушко—Коширскій, кастелянъ Браславскій, и т. д.

Въ 1603 году обширное Острожское владѣніе князя Константина [1]) раздѣлено было между двумя его сыновьями, и въ томъ же году скончался князь Александръ, отравленный своимъ слугою... Вотъ замѣтка о немъ, напечатанная въ Октоихѣ Дерманскомъ:

«Въ лѣто 1603-е декабря 2-го дня преставися благочестивый князь Александръ воевода Волынскій, сынъ благовѣрнаго князя Константина; велій плачь и жалость отцу же и чадомъ остави; найпаче же христіаномъ, вси бо бяху чающе помощь тѣмъ получити въ бѣдахъ и гонѣніяхъ, одержащихъ Христову церковь.»

Послѣ него остались два сына: *Константинъ* и *Иванъ*, и три дочери, бывшія въ замужествѣ: одна за княземъ Любомирскимъ, другая за Замойскимъ, третья за Ходкевичемъ. Овдовѣвшая княгиня его *Анна*, которую называли обыкновенно «княгинею Ярославскою,» была ревностною католичкою и любительницею іезуитовъ; по ихъ проискамъ она, по смерти мужа, отогнала отъ своихъ сыновей и отъ Ярославской церкви бывшаго здѣсь учителемъ и проповѣдникомъ *Лаврентія Зизанія-Тустановскаго*, который еще въ 1596 году, въ Виленскомъ братствѣ, издалъ свою «Грамматику Словенску» и нѣкоторыя другія книжки. [2])

Кажется въ 1608 году, княгиня Анна заставила своихъ сыновей причаститься въ Ярославскомъ костелѣ и воспѣть Te Deum laudamus! Однако впослѣдствіи, когда ихъ дядя Янушъ, не имѣвшій сыновей, учреждалъ троекратно свою пресловутую Острожскую *ординацію* и назначалъ въ наслѣдники своихъ племянниковъ, подъ условіемъ быть католиками,

---

[1]) Владѣніе *Острожское* состояло тогда въ 25 городахъ, 10 мѣстечкахъ и 670 селеніяхъ, кромѣ приписанныхъ къ разнымъ монастырямъ и церквамъ (въ томъ числѣ г. Александровъ принадлежалъ къ Печерской лаврѣ).

Сверхъ того князьямъ Янушу и Александру Острожскимъ принадлежало еще владѣніе *Тарновское*, оставшееся отъ матери, ихъ княгини *Софіи*, дочери графа Станислава Тарновскаго, кастеляна Краковскаго. Были у нихъ еще и Литовскія помѣстья, купленныя отцомъ ихъ въ Литвѣ. Не даромъ была пословица: *богатый якъ Острожскій*.

[2]) Лаврентій перешелъ изъ Ярославля къ княгинѣ Аннѣ Ходкевичевнѣ Корецкой, которая, по смерти своего мужа, князя Якима, пускалась въ разныя вѣрованія и исповѣданія; но потомъ возвратилась къ православію и была ревностною его подвижницею и защитницею. Этой княгинѣ посвящалъ свои писанія нашъ знаменитый проповѣдникъ Леонтій Карповичъ. Въ числѣ духовныхъ лицъ, бывшихъ на Кіевскомъ соборѣ 1628 года, подписанъ и «Лаврентій Зизаній-Тустановскій, протопопа Корецкій».

то оба они отказались отъ богатаго наслѣдсвва. Вскорѣ послѣ того, воротясь изъ путешествія по чужимъ краямъ, они померли въ Люблинѣ — Константинъ въ 1618 году, а черезъ годъ, въ тотъ же день и часъ, меньшій братъ Иванъ. [1])

А въ 1620 году скончался и Янушъ Константиновичъ, погребенный въ Тарновѣ. На этомъ князѣ пресѣкся знаменитый родъ Острожскихъ. Наслѣдникомъ Янушевой ординаціи сталъ его зять, князь *Александръ Ивановичъ Заславскій*, бывшій недолго воеводою Кіевскимъ и скончавшійся въ августѣ 1629 года, вскорѣ послѣ смерти своей княгини Ефросины.

Наслѣдницею другой половины Острожскаго владѣнія, Александровой, осталась дочь его княжна *Анна* или *Галшка Острожская*, на которой и не замедлилъ жениться знаменитый воевода Виленскій *Карлъ Ходкевичъ*; но онъ скоро простился съ своею прекрасною и добродушною Галшкою — назначенный въ гетманы, для Хотинской войны 1621 года. Въ той войнѣ уже въ послѣдній разъ воевалъ козацкій гетманъ Сагайдачный, и вернулся въ Кіевъ, къ своей женѣ Анастасіи, обремененный новыми, смертельными ранами; а новобрачный коронный гетманъ Ходкевичъ и не вернулся: онъ заболѣлъ и умеръ въ Хотинѣ 24-го сентября, и уже на другой годъ перевезенъ былъ въ Острогъ, попеченіемъ своей молодой вдовы. Княгиня Ярославская была безотлучно при своей тоскующей дочери; а вскорѣ приблизились къ ней и утѣшители іезуиты. Для нихъ воеводина Анна основала въ Острогѣ 1624 года большой коллегіумъ. Но кровь Острожскихъ сильно еще говорила въ ней; гробницы отца и дѣда напоминали еще внятно о благочестивыхъ предкахъ... и она предпринимала даже возстановить заново, въ своемъ городѣ Туровѣ, православную епископію [2]) по грамотѣ Жигимонта I-го, данной прадѣду ея, князю Константину Ивановичу.

---

[1]) Любопытно сказаніе о двукратномъ предреченіи ихъ смерти, но въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ запискахъ Петра Могилы. (см. въ прибавленіяхъ къ Кіевскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ за 1861 годъ).

[2]) Посвященный 1620 года патріархомъ Ѳеофаномъ—грекъ *Аврамій* въ епископы Туровскіе и Пинскіе, *Исаакій Борисковичъ*—на епископію Луцкую и Острожскую, были живы и въ 1633 году; но они не были допущены на свои каѳедры, занятыя уніатами, и находились въ Кіевѣ.

Когда же въ началѣ 1633 года, на избирательномъ сеймѣ, новый король, Владиславъ IV-ый подтвердилъ права и вольности Кіевской православной митрополіи, и былъ избранъ на томъ сеймѣ въ епископы Луцкіе и Острожскіе, извѣстный своею преданностью православію, Волынскій обыватель *Александръ Пузына*, переименованный въ *Аѳанасія*,— тогда іезуиты Острожскіе подѣйствовали уже рѣшительно на Анну Александровну и—овладѣли ея душею. Въ концѣ того же года, обозрѣвая свою епархію, епископъ Аѳанасій посѣтилъ Острогъ; но каѳедральная замковая церковь была заперта для него шестью замками, и Острожскій староста Адамъ Буяновскій объявилъ приказъ своей госпожи, чтобы не признавать его за владыку и не допускать къ церквамъ, находящимся въ ея городахъ и селахъ. А въ 1636 году произошла въ Острогѣ возмутившая здѣшній народъ исторія, которую я передамъ словами современной лѣтописи Львовской.

«Въ томъ же року, на свята великодныи, зъ недѣли на понедѣлокъ, у Острогу, пани воеводиная, дочка княжны Ярославской, пошедши до замку, казала собѣ гробъ отворити, и добывши склепу, гдѣ лежало тѣло отца ея, и казала его взяти, которое южъ было згнило, только кости; которыи взявши, казала ихъ помыти, и посвятити езуитамъ, и отвезти до Ярославля, до матки своей; и казала провадити изъ церкви, кгды Русь звыкла, на память звитязства Христа Спасителя нашего, съ крестами, съ короговами тріумфъ коло церкви отправовати, абы съ того напасть на Русь чинити; и такъ учинили много злого христіанству».

Прошло еще два года, и всѣ имѣнія, которыми такъ щедро были надѣлены отъ князя Константина училище Острожское, и типографія, и госпиталь, и монастырь Дерманскій— всѣ они были уже въ рукахъ іезуитовъ...

Но прошло еще десятилѣтіе — самое тяжкое для православнаго народа Кіевской митрополіи—и явился грозный отмститель за всѣ ея обиды и напасти, *Богданъ Хмельницкій*, поощренный къ возстанію самимъ королемъ Владиславомъ. Тогда Украинское козачество, разлившееся до Днѣстра и до Ворсклы, нагрянуло и на Острогъ въ августѣ 1648 года, и

знаменитый коллегіумъ былъ пущенъ «дымомъ до неба». Подобно ему и всѣ іезуитскія коллегіумы, бывшія въ Кіевѣ, Переяславѣ и другихъ Малороссійскихъ городахъ, потерпѣли тогда опустошеніе.

А въ генварѣ 1654 года, вся Малороссійская гетманщина, состоявшаяся при Богданѣ изъ воеводствъ: Кіевскаго, Черниговскаго и Браславскаго, отложилась отъ Польши и присоединилась къ государству Московскому, въ общій составъ Русскаго міра. Этимъ *Переяславскимъ* соединеніемъ Кіевской земли съ Московскою докончено было ея *Люблинское* соединеніе съ Польшею, продолжавшееся около 85 лѣтъ. Припомню, что Переяславская присяга гетмана Богдана и всей войсковой старшины (8 генваря) совершена была въ той соборной Успенской церкви, которую поставилъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, на мѣстѣ древней церкви Мономаховой на княжемъ дворѣ.

Того же 1654 года скончалась Анна Острожская Ходкевичева. Въ одной изъ расписанныхъ горницъ запустѣлаго Острожскаго коллегіума, лѣтъ за двадцать, было еще ея изображеніе, въ видѣ католицкой монахини. Списать бы для памяти это изображеніе внуки Константиновой, какъ послѣдней вѣтки княжескаго рода Острожскихъ.

Надъ прахомъ достославнаго воеводы Кіевскаго, величавымъ памятникомъ возвышается опустѣлая соборная церковь Богоявленская. Мнѣ кажется, что при назначенномъ уже возобновленіи этой благолѣпной церкви, справедливо было бы устроить придѣлъ во имя *царя Константина*, которое повторялось въ четырехъ послѣднихъ поколѣніяхъ князей Острожкихъ. Хорошо было бы и въ нашемъ Острожскомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ Братствѣ совершать ежегодную память о *просвѣтителѣ Острожскомъ*....

На этомъ бы мнѣ и кончить; но вспомянулось, что во имя св. Кирилла и Меѳодія учредилось и въ Парижѣ братство, и притомъ братство іезуитское, которое уже обзавелось и типографіей съ Славянскими шрифтами.... Старая пѣсня, *по замышленію Поссевина*! На эту пѣсню мы можемъ сказать

старыми словесы нашего приснопамятнаго гетмана Сагайдачнаго:

«Мають отцы езуиты и все духовенство костела Римскаго, и безъ насъ православныхъ, кого до унѣи своеи наворочати и присвояти, — тыхъ народовъ, которыи отнюдь не вѣдаютъ и не вѣрятъ въ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшаго. А мы, православныи, древнихъ святыхъ апостольскихъ и отческихъ преданій и догматовъ, безъ жаднои унѣи и схизмы, придержащися, не отчаеваемся нашого спасенія и блаженного живота вѣчного».

25 февраля 1866 г.
Михайлова-Гора.

О ЛИТОВСКОМЪ ГЕТМАНѢ КНЯЗѢ ОСТРОЖСКОМЪ. [1])

(Письмо къ М. О. Кояловичу.)

Помѣщая такъ благовременно, въ *Днѣ,* ваши занимательныя «лекціи по исторіи западной Россіи,» вы пожелали указаній на *ошибки* ваши, чтобы воспользоваться ими при дальнѣйшемъ изученіи этой исторіи. Docendo discimus... и я вмѣняю въ обязанность моему *Украинцу* пособить вамъ хотя нѣсколько въ этомъ дѣлѣ, равно для насъ близкомъ.

Прежде всего посмотримъ на достопамятнаго Литовскаго гетмана, князя Константина Ивановича Острожскаго — гробницѣ котораго донынѣ кланяемся мы въ великой церкви Печерской. О немъ, въ восьмой лекціи, вы сказали слѣдующее: «Мы имѣемъ одинъ крупный фактъ, доказывающій сильное развитіе въ то время латинскаго фанатизма и въ Литовскомъ княжествѣ. Въ *1522* году Сигизмундъ сдѣлалъ великимъ Литовскимъ гетманомъ Русскаго православнаго князя Константина Ивановича Острожскаго. Съ этимъ званіемъ естественно соединялось право присутствовать въ сенатѣ. Литвины-латиняне сильно вооружились противъ этого назначенія и стали доказывать, что схизматикъ не имѣетъ права засѣдать въ сенатѣ; замѣтимъ, что они вооружались противъ героя того времени, противъ человѣка, который вѣрно служилъ Литовскому княжеству, страдалъ *десять* лѣтъ въ плѣну въ Москвѣ и затѣмъ одержалъ надъ войсками Московскаго князя блистательную побѣду. Самъ Сигизмундъ I вступился за князя и на-силу убѣдилъ латинянъ принять его въ Литовскій сенатъ, въ видѣ исключенія.»

[1]) Украинецъ 1864 г., стр. 17—22.

Фактъ очень *крупный*, но такой сомнительный и неисправный, что мы не можемъ принять его въ достовѣрную исторію западной Россіи.

Начать съ того, что князь Константинъ Острожскій, начавшій свою службу еще при Казимірѣ Ягелловичѣ, назначенъ былъ въ Литовскіе *гетманы* не Жигимонтомъ I и не въ 1522 году, а еще Александромъ, около 1498 года, и еще въ тѣ поры принадлежалъ къ *панамъ-радамъ* великаго княжества Литовскаго. Документальнымъ свидѣтельствомъ тому можетъ послужить Александрова судная грамота *1499* года съ такою подписью: «А при томъ были—*гетманъ, намѣстникъ Браславскій и Виницкій, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій*, а маршалокъ, намѣстникъ Витебскій, панъ Станиславъ Глѣбовичъ.» (см. *Акты Зап. Рос.* Т. I, № 174.)

Въ половинѣ 1500 года княз Острожскій, потерпѣвъ пораженіе на рѣчкѣ Ведроши, сталъ плѣнникомъ Московскимъ. Тогда Литовскимъ гетманомъ, вмѣсто его, былъ *Станиславъ Петровичъ Кишка*, еще и въ Августѣ 1507 года; но подъ конецъ этого года званіе *гетмана* принялъ опять князь Острожскій, возвратившійся въ свое отечество. Это можно видѣть изъ Жигимонтовой грамоты, данной ему въ ноябрѣ 1507 года на имѣніе и замокъ Чудновъ въ повѣтѣ Кіевскомъ; въ ней сказано: «Вбачивши глубокость вѣры, и непорухомую сталость, и мужства терпливость, и нелитованье горла напротивку непріятелей нашихъ *свѣтлоуроженного князя Констянтина Ивановича Острозского, гетмана великаго панства Литовскаго, старосты Луцкаго, Браславскаго* и *Виницкаго, маршалка Волынскои земли*» и т. д. (см. *Акты Зап. Рос.* Т. II. № 29).

Съ той поры князь Константинъ оставался гетманомъ до кончины своей, принадлежа постоянно къ Литовской Радѣ и занимая въ ней одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Это видно изъ многихъ современныхъ актовъ; напримѣръ, изъ посольскаго акта 1520 года, на которомъ подписано: «А при томъ были панове рада наша—воевода Виленскій, канцлеръ нашъ Миколай Миколаевичь Радивиловичь; *панъ Виленскій, гетманъ нашъ найвышшій, староста Луцкій, Браславскій и*

Виницкій, маршалокъ Волынскои земли, князь Констянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, державца Мозырскій, Ольбрахтъ Мартиновичь Гаштольдъ...» и т. д. Такимъ же образомъ и въ началѣ *1522* года, на вальномъ сеймѣ Городенскомъ, князь Константинъ присутствовалъ, будучи въ тѣхъже званіяхъ и занимая первое послѣ бискуповъ мѣсто, выше Гаштольда и другихъ Литвиновъ. А къ половинѣ того года произошла слѣдующая перемѣна въ званіяхъ: *воеводою Виленскимъ* сталъ Гаштольдъ; ему принадлежавшее званіе *воеводы Троцкаго* передано гетману князю Острожскому; а ему принадлежавшее званіе *пана Виленскаго*—Станиславу Яновичу... Изъ-за этого-то званія, *воеводы Троцкаго* и была въ 1522 году тревога Литвиновъ-католиковъ противъ православно-русскаго князя, по сказанію позднѣйшихъ дѣеписателей польскихъ. Но изъ приведенныхъ выше указаній на современныя свидѣтельства очевидно, что въ 1522 году не могло быть и рѣчи о допущеніи въ Литовскій сенатъ того доблестнаго мужа, который уже принадлежалъ къ нему въ продолженіе четверти вѣка и былъ въ немъ однимъ изъ первенствующихъ членовъ. Не о *принятіи* его въ сенатъ, *въ видѣ исключенія*, а развѣ о *выключеніи* его изъ сената могъ бы заговорить тогда кто-нибудь отчаянный изъ Литвиновъ-католиковъ, вопреки здравому человѣческому смыслу и существовавшему въ ихъ государствѣ обыкновенію; ибо въ Литовскомъ великомъ княжествѣ, гдѣ большинство князей и пановъ было тогда исповѣданія православнаго, панами-радами были одинаково — сановники обоихъ исповѣданій. Такъ продолжалось и послѣ *1522*-го года. Такъ было и въ предыдущее правленіе Александрово, чему свидѣтелей много, въ томъ числѣ православные князья: Александръ и Семенъ Юрьевичи Гольшанскіе, Дмитрій Путятичъ, Михайло Глинскій и самъ Константинъ Острожскій, которому новый господарь Литвы, Жигимонтъ I, воздавалъ великія почести по великимъ заслугамъ его государству.

Первою заслугою его, по возвращеніи изъ Московскаго плѣна, былъ крѣпкій отпоръ князю Михайлу Глинскому, который, можетъ быть, и не проигралъ бы своего знаменитаго

дѣла, если бы его племянникъ пробылъ въ плѣну *десять* лѣтъ; но онъ не досидѣлъ тамъ и *семи* полныхъ лѣтъ, и подоспѣлъ въ самую пору. Еще въ началѣ 1507 года, генваря 20-го, канцлеръ Николай Радивилъ и другіе паны-рады Литовскіе, вызывая въ Вильну Кіевскаго митрополита Іосифа, писали, что они послали уже подкрѣпленіе въ замокъ Минскій — «а и сами дасть-ли Богъ, сождавшися съ *княземъ Константиномъ* и съ землею Волынскою, и со всѣми паны и бояры и повѣты, Бога вземши на помочь, на кони всядемъ и потягнемъ противку того непріятеля господарьского и будемъ ему отпоръ чинити, сколько намъ милый Богъ поможетъ». (См. *Акты Зап. Рос.* Т. II, № 10).

У насъ, въ старомъ лѣтописцѣ и въ хроникѣ Густынской, (составленныхъ въ XVII вѣкѣ, при пособіи Кромера и Стрыйковскаго) пораженіе и плѣнъ князя Константина означены подъ *1499* годомъ. Но здѣсь нѣтъ той хронологической опредѣлительности, съ какою показано это событіе въ лѣтописаньи Московскомъ, подъ *1500* годомъ. «И снидошася воеводы на Митковомъ полѣ, на рѣчкѣ на Ведрошѣ, *мѣсяца Іюля въ 14 день*, во вторникъ, на память святого апостола Акилы; и бысть промежъ ими бой великъ и сѣча зла, и милостью Божіею и Пречистыя Его Матери, одолѣша воеводы великаго князя Ивана Васильевича, многихъ побиша, а иныхъ многихъ живыхъ поимаша воеводъ и гетмановъ и панскихъ дѣтей — князя Константина Острожскаго, и пана Григорья Остиковича, и пана Литавора маршалку, и иныхъ многихъ; и послаша ихъ къ великому князю на Москву; а съ собою пригонилъ къ великому князю на Москву Михайло Андреевъ сынъ Плѣщѣева, *Іюля въ 17 день*, въ пятокъ, и сказалъ великому князю воеводъ его здоровіе и Божію помощь на Литовскую землю. Бысть тогда радость велія на Москвѣ».

1864 г. 5 августа.

Михайлова-Гора.

О ПАМЯТНИКАХЪ ЛУЦКАГО КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАГО БРАТСТВА. [1]

Въ книгѣ Кіевлянина (1841 г.), въ статьѣ о Луцкѣ, сказано, въ какія времена возникло и существовало Луцкое Крестовоздвиженское братство, почти забытое въ нашихъ бытописаніяхъ.

Первѣйшимъ *ктиторомъ* и собирателемъ его, въ 1617 году, былъ Черньчицкій игуменъ іеромонахъ *Герасимъ Микуличъ,* въ схимѣ нареченный *Григоріемъ.* Въ 1618 году, отъ 4 марта, братство сіе получило королевскую привиллегію на построеніе церкви, школы и больницы; въ 1620 году, новоучрежденный братскій монастырь получилъ отъ патріарха Кирилла благословительную грамоту съ правомъ Ставропигіи. Въ томъ же году учреждена была при немъ и школа, [2] и больница; а въ 1631 году начато построеніе большой Крестовоздвиженской церкви. Къ Луцкой братіи, кромѣ духовныхъ особъ, принадлежали очень многія лица изъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, многіе Запорожскіе козаки и другихъ званій люди, стремившіеся къ поддержанію отечественнаго православія на Волыни. При семъ братствѣ, по примѣру другихъ, было и *меньшее* или *младенческое* братство, существовавшее подъ *титуломъ* великомученика Георгія. Оно первоначально состояло изъ мѣщанъ Луцкихъ; но потомъ къ нему причислили себя: *Паисій Ипполитовичъ,* епископъ Холмскій и

---

[1]) Кіевлянинъ 1841 года, стр. 311—323.

[2]) Сохранилось подлинное завѣщаніе іеродіакона *Сильвестра,* игумена монастыря Чорненскаго, 1635 г. 9 августа (по новому календарю) писанное, которымъ онъ учрежденную имъ типографію отдаетъ Луцкому Братству. Было ли что напечатано въ той типографіи, неизвѣстно.

Белзскій, *Петръ Могила*, Архимандритъ Печерскій и другія духовныя особы; въ послѣдствіи къ сему братству причислялись многія сестры: Марія Гулевичева, Анна Завадская, Марина Мазепина (около 1666 г.) и другія.

Подобно Братству Кіевскому, и Луцкое Братство подвержено было гоненіямъ и разореніямъ [1]) отъ враждебныхъ *апостатовъ*. Не смотря на то, оно существовало около ста лѣтъ въ духѣ *православія* и, конечно, съ пользою для народа Волынскаго. Но въ прошломъ вѣкѣ (кажется въ концѣ втораго десятилѣтія) Братскій Луцкій монастырь занятъ былъ уніатами, которые хотя старались также поддержать и Братство, и школу [2]), и больницу, но уже не съ такимъ успѣхомъ. Уніатская паства была не обильна и не блистательна, и къ концу того же прошлаго столѣтія существованіе и монастыря [3]), и братства кончилось; а Крестовоздвиженская церковь оставалась на нѣкоторое время только Базиліанскимъ соборомъ.

Запустѣлое зданіе храма и нынѣ возвышается въ Луцкѣ какъ величавый памятникъ незабвеннаго братства: оно противостоитъ разрушительному дѣйствію стихій и какъ-бы ждетъ себѣ, да начнется въ немъ снова хвала Божія!...

Но кромѣ сего предметнаго памятника, сохранилось еще нѣсколько письменныхъ остатковъ Луцкаго Братства. Изъ нихъ примѣчательны, во-первыхъ, двѣ рукописныя книги: *сборникъ* и *помянникъ*.

Сборникъ Луцкаго Братства, тщательно переписанный въ 1620 году, въ листъ, заключаетъ въ себѣ патріаршія

---

[1]) Одно изъ таковыхъ нападеній на Луцкое Братство учинено 1634 г. 24 мая. Послѣ обычной въ сей день у католиковъ процессіи церковной, нѣсколько *принципаловъ* и *схоластиковъ* Луцкой іезуитской коллегіи, собравъ шайку до ста человѣкъ, вооруженные напали на братство, произвели опустошеніе въ церкви, школѣ и больницѣ, нещадно *били* и *мордовали* игумена, монаховъ, учениковъ, калѣчныхъ старцевъ и бабъ—«абы только былъ Русинъ.» Такъ сказано въ протестаціи по сему дѣлу, поданной того года отъ Луцкаго епископа Аѳанасія и другихъ обывателей, и записанной въ гродскихъ замка Луцкаго книгахъ.

[2]) Въ концѣ Луцкаго помянника записанъ 1778 года окт. 30 — «родъ Іеромонаха Августина Славѣнскаго въ монастырѣ Луцкомъ Брацкомъ философіи профессора и тогожъ монастыра вѣкарого» (т. е. *намѣстника*).

[3]) Послѣднія замѣтки въ Луцкомъ помянникѣ о духовныхъ лицахъ состоятъ въ означеніи кончины *Флоріана Яцковскаго*, игумена монастыря Луцкаго 1785 г., и Іеромонаха Сенезія—1793 г. марта 9. Послѣдній *уписъ* въ помянникѣ сдѣланъ 1787 г. сент. 18—«сродниковъ раба Божія *Ѳеодора Бензи* и жени єго Агафіи, зъ веси Радомисля».

грамоты, порядокъ и постановленія братства, правила находившейся при немъ Греколатинословенской школы, и списки церковнаго братскаго имущества, прибавленные въ послѣдствіи.—Нѣкоторыя выписки изъ сего примѣчательнаго сборника предложены выше; но вполнѣ онъ будетъ изданъ вскорѣ однимъ просвѣщеннымъ ревнителемъ благочестивой старины нашей.

Помянникъ Луцкаго Братства, изъ коего заимствована вышепредложенная выписка о дворянскихъ русскихъ фамиліяхъ на Волыни, написанъ также въ листъ. Вотъ его заглавіе, писанное киноварью.

«Сія книга, глаголемая поменникъ церкви Брацкое Луцкое въ року 1618 писати зачатый; а презъ мене, многогрѣшнаго Іеромонаха Іеремѣю Савицъкого, законника катедралнаго Луцкого, с послушанія тутъ на тотъ часъ в року 1671 мешкаючого слово въ слово рукою моею власною за отпущеніе грѣховъ переписаный».

На оборотѣ сего заглавнаго листа Савицкій - Худина нарисовалъ посрединѣ въ кругѣ крестъ на полумѣсяцѣ; а сверху и снизу сего герба написалъ слѣдующіе стихи:

«Брацтво Луцъкое крестъ Христовъ за гербъ маетъ,
С тымъ живетъ, жити маетъ, и умираетъ.
С крестомъ Христа всѣ маютъ спотъкати души,
Зде впѣса́ніе, кгды Христосъ всѣхъ на судъ руши.
Христе Боже, дай намъ Тебе оглядати
На онъ часъ, и одесную Тебе стати.
Боже, тойжъ страшнаго суду годины
Не пошли на лѣвицу грѣшнаго Худины;
Але за модлами презъ мене зде вписа́нныхъ душъ
И всѣхъ святыхъ Твоихъ Худину зъ землѣ в небо рушъ».

Помянникъ распредѣленъ Савицкимъ на три части: въ первой помѣщены роды особъ *стану шляхетнаго*, во второй особъ *стану духовнаго*, въ третьей *стану посполитаго*,—а въ началѣ поминаній Савицкій приложилъ три указательные *реестра* родовъ, въ помянникѣ вписанныхъ. Неизвѣстный по имени инокъ, соревнуя Савицкому, въ 1748 году тщательнымъ почеркомъ дописалъ какъ въ поминаніяхъ, такъ и въ реест-

рахъ продолженіе помянника, оправилъ его въ новый кожаный переплетъ и въ концѣ реестровъ приложилъ слѣдующіе стихи:

«Чительнику побожный и ласкавый,
Хочешъ ли родъ свой знайти безъ забавы
Реестръ зъ личбою впродъ писанный читай,
Грѣшнаго Іеремѣю поминай,
Савѣцкаго, законника Худину,
Втуюжъ читаня твоего годину.

Весьма любопытенъ еще Братскій *Каталогъ*—небольшая книжка, въ которую вписывали собственноручно имена свои всѣ принадлежавшіе къ Братству сему, начиная съ перваго *ктитора* его—до *Ивана Ходаковскаго*, написавшаго свое имя въ 1701 году, и *Василія Коссовича*, приписавшагося въ 1715 году. Здѣсь встрѣчаете почтенныя имена—князей Четвертенскихъ и Пузыновъ, Древинскихъ, Балабановъ, Адама Урсула Рудецкаго [1]). Здѣсь видите собственноручныя подписи Ивана Попѣла, Гулевичей, Зубцевскихъ, Гуляницкихъ, Жабокрицкихъ, Выговскихъ, Головинскихъ, Грабовскихъ, Ярошинскихъ, Трипольскихъ и многихъ другихъ, въ то время еще православно-русскихъ фамилій. Здѣсь полковникъ Константинъ Волкъ, Сотникъ Антонъ Даниловичъ, Семенъ Скороходъ и другіе Запорожскіе козаки—со *всеусердіемъ* вписывали имена свои и обѣщанія «готовымися быти при вѣрѣ и церкви святой восточной, примножати и розмножати даже до послѣдняго

---

[1]) Князья *Четвертенскіе* и *Пузыны* отличались своею набожностью и долѣе другихъ князей Волынскихъ оставались преданными отечественной вѣрѣ. Изъ первой фамиліи извѣстны, какъ святители церковные: *Гедеонъ*, бывшій Луцкимъ епископомъ, а съ 1685 года Кіевскимъ митрополитомъ, и Сильвестръ, бывшій Могилевскимъ епископомъ въ первой половинѣ 18-го вѣка; изъ князей Пузыновъ извѣстенъ *Аѳанасій*, бывшій Луцкимъ епископомъ въ митрополитство Петра Могилы.

Имя *Гедеона Балабана*, епископа Львовскаго, незабвенно, какъ имя великаго защитника отечественной вѣры, при началѣ Уніи. Изъ сей фамиліи къ Луцкому Братству, при началѣ онаго, принадлежалъ *Дмитрій*; потомъ *Діонисій*—епископъ Холмскій, а съ 1657 года митрополитъ Кіевскій (въ братскій каталогъ записался 1657 г. 8 сент).—*Александръ*, записавшійся въ 1667 году, и Іеромонахъ *Іоасафъ Балабанъ*, бывшій игуменомъ Братскимъ.

Изъ фамиліи *Древинскихъ* также нѣсколько лицъ принадлежало къ Луцкой братіи; изъ нихъ особенно *Лаврентій* памятенъ своею трогательною и смѣлою рѣчью, въ защиту православныхъ, произнесенною на сеймѣ 1620 года.

Адамъ Урсулъ-Рудецкій достоинъ воспоминанія какъ благочестивый основатель православнаго *Чорненскаго* монастыря, учрежденнаго имъ 1631 года въ деревнѣ Чорной надъ рѣкою Горынью, но теперь уже не существующаго.

времени». Такимъ образомъ эта книжка есть памятникъ Русской старины, примѣчательный для исторіи не только Луцкаго Братства, но всего народа Волынскаго въ отношеніи церковномъ: изъ него видно, какъ долго еще не уступала ни насилію, ни прельщенію преданность къ отечественной вѣрѣ въ родныхъ сынахъ Волыни [1]). Спишемъ первый листокъ сего драгоцѣннаго альбома, для воспоминанія о тѣхъ лицахъ, кои первыя записались въ Братство Луцкое [2]).

—«Каталогосъ или Реестръ събранныхъ обще именъ братій еже о Христѣ обрѣтающихся въ градѣ Луцкомъ, и прочая благородныхъ окрестъ живущихъ сыновъ восточнаго православія. Року по седмой тисечи 125. А по рожествѣ Христовѣ 1617.

Въ первыхъ начало сице имать:—отецъ Герасимъ Микуличь Іеромонахъ игуменъ Черньчицкій: еже и ктиторъ святого брацтва сего написался: *Еромонахъ Герасимъ нареченьный у схимі Григорій Микуличь рука власная. Моусей Илковичь Соловицкій священникъ на той часъ Дмітровскій, рукою власною.*

Отецъ Иоанъ Феодоровичь Вознесенскій Яровицкій власною рукою.

---

[1] Вотъ для примѣра нѣсколько подписей изъ конца 17-го вѣка около 1670): „Widząc ja świątobliwe porządki Czerkwi Bożey w porządku Czerkwie Bożey Bractwa S. Krzyża Podniesienia, za czem y ia, będąc synem teyże Czerkwi Wstocznej, z Bracią mnie miłą zarowno gotowiem dotrzymać, y z możności moi co może być na też mieysce S. Bractwa Łuckiego *Stefan Jaroszynsky*“.

„Roku 1693 d. 23 Jannnary. Na pamiątkę tego, że krwią przenajdroższą Zbawiciela mego, na krzyżu za występki moie zawieszonego, odkupiony iestem pod znak Cerkwi S. Wschodniey Prawosławney, sub titulo Exaltationis S. Crucis będącey, monastera Łuc. Wpisuie się w katalog ten *Jan Fedkiewicz*, jako syn tey Prawosławney Wschodniey Cerkwie“.

„Roku 1699. 8-bris d. 5 w ten katalog Bractwa Łuckiego Greko-Ruskiego Prawosławiy S wpisuie się, obliguie się do zgonu życia mego całości tego miesca S. przestrzegać we wszystkych potrzebach y onego nie odstempować. *Jan Hulanicki-Lienkowicz*“.

[2]) Изъ вписавшихся въ чинъ меньшей братіи, первыми были: Игнатій Григорьевичъ *Кореницкій*, Андрей и Иванъ *Корпиловцы*. Зѣновій и Андрей *Каленьковичи*, Павелъ *Слизень*. Северинъ *Кириловичъ*, Григорій *Валодковичъ*, Андрей *Сезеновичъ* или *Созоновичъ*, Иванъ Васильевичъ *Злоба*, Михайло Ивановичъ *Шишка*, Мойсей *Новицкій* кравецъ, и другіе мѣщане Луцкіе. Кромѣ сихъ, въ помянникѣ записаны имена и другихъ *славетныхъ пановъ* мѣщанъ Луцкихъ, напримѣръ: пановъ *Гулаковъ* 1648 года,—«пана Василія *Шиляя*, который въ рѣцѣ Стырѣ утонулъ року 1652 подъ часъ повѣтрія.»—«Павла *Бѣлецкаго* на тотъ часъ даскала (т. е. *учителя*) брацкаго Луцкого.»—Много записано мѣщанъ изъ другихъ мѣстъ.

Смѣренный Iеромонахъ Iсакій Борисовичъ Iгуменъ Черньчицкій рукою власною.

Грѣшный Иоаннъ.... служитель храму.... (На оборотѣ):

Смиренный Ермонахъ Паисій Мостицкій рукою власною.

Смиренный Иоаннъ Гораиновичъ священникъ Черницкій рукою власною.

Гавриилъ священникъ Тростенецкій, пресвиторъ храма святыя Живоначалныя Троица. Рукою власною.

Feodor Swiatopolk K. Czetwertensky.

Михайло Гулевичъ Воютинскій Подсудокъ Луцкій.

Лаврентій Древинскій Чашникъ его К. Мсти земли Волынское, рука власная.

Александеръ Зубцевскій Мостовничій Луцкій р. в.

Володимеръ *Зубцевскій Городничій* Луцкій *рука власная.*

Крыштофъ *Еловицкій Подстолій* земли *Волынское* рукою *власною.»*

Къ сожалѣнію первые листы сего каталога повреждены, а нѣкоторые вовсе утрачены, напримѣръ, тотъ, гдѣ была подпись Петра Могилы. Но для пополненія каталога сохранилась копія (впрочемъ неполная и неисправная) — въ другой подобной книжкѣ, въ которой 1722 года написанъ новый, уже уніатскій «*реестръ* именъ и особъ свѣцкихъ вписующихся въ Брацтво молодшее». Сей реестръ продолжался до 1762 года и содержитъ въ себѣ имена большею частію окрестныхъ мѣщанъ.

Кромѣ упомянутыхъ книгъ, отъ Братства Луцкаго уцѣлѣло еще нѣсколько подлинныхъ актовыхъ листовъ и двѣ-три выписи изъ книгъ гродскихъ. Изъ числа первыхъ замѣчательны: вышеупомянутая привиллегія Жигимонта III-го, двѣ грамоты Петра Могилы и нижеслѣдующій листъ, данный Луцкимъ мѣщанамъ отъ старшей братіи на устроеніе Братства.

«Мы всѣ нижей подписаные особы, Релѣи Старожитное Греческое Восточного Православіа: обывателе воеводства Волынского, которіе ту часто бываемо и справы свои мѣваемо: где правъ и вольностей нашихъ постерѣгаемо, а мѣсца на то особливого немаючи, где бы набоженство свое ведлугъ старожитности продковъ нашихъ отправовано было. С тыхъ

мѣръ, погледаючи на иншіе мѣста, где Брацтва фундаціи и порядки свои маютъ, тымъ трибомъ и мы идучи, за благословеніемъ Патріаршимъ и за привилеемъ короля его милости, напродъ заложивши Брацтво милосердіа, которое за собою всѣ добріе учинки тягнетъ: абы хвала Божаа въ церкви *его* отправована была, абы *тежъ священники и клерики* и шпиталное убозство слушное выхованье мѣти могли, старатися хочемо. Тое есть упатривши собѣ на то мѣсце особливо, где бы церковъ и школу и шпиталь ведлугъ преможеня нашого побудовати, фундовати и всякою оздобою опатровати. А ижъ сами, в томъ мѣсте обецне немешкаючи и про одлеглость не часто бываючи, полецаемо той дозоръ и працу вкладаемо на меншихъ пановъ братій нашихъ, пановъ мещанъ Луцкихъ: абы они, яко до того належные, на мѣсци нашомъ працу и всякій дозоръ подыймовали, и ряду всякого постерегали, и нами ся, яко старшими, отзывали. А мы тежъ при тихъ, яко старшие молодшихъ, повини вспомогати, заступати и боронити на каждомъ мѣсцу и в каждой справе. На що и руки нашѣ подписуемо и печати свои прикладаемо.

Дѣалось в замку Луцкомъ, мѣсяца Септемвріа 1 дня. Року по Нарожденю Іисуса Христа Сына Божіа 1619».

(Къ сему листу, кромѣ печати Братской, приложено 38 печатей, въ три ряда, и 46 собственноручныхъ подписей).

„Demetri Balaban.—Jerzy z Baraza Woroniecky.—Alexander Zubcewsky Mostowniczy Lucky. — Іезекиелъ Курцевичъ Архимандритъ Терехътимировскій. — Смѣренный Іеромонахъ Ісакій.—Григорій Ушакъ-Куликовскій Подсудокъ Кремянецкій. —Константинъ Хорошко.—Крыштофъ Еловицкій Подстолій земли Волынское.—Filon Elowicky.—Jan Markowsky.—Иванъ Выговскій. — Alexander Puzyna. — Jerzy Puzyna. -- Lawrenty Drewynsky Czesznik Wolynsky.— Abram Grabowiecky.— Михайло Гулевичь-Воютинскій Подсудокъ Луцкій.—Krzysztof Kolczycky Skarbnyk Woyewodztwa Czarnychowskiego.—Jury Kulczycky.—Павелъ Вышборскій.—Павелъ Друцкій-Любецкій Судя Гродскій Луцкій.—Томашъ Гуляницкій.—Иванъ Исайковскій. —Jacko Huliewicz-Wojutynsky.— Jan Bankowsky.— Миколай Нападовскій. — Alexander Niemierycz z woiewodztwa Kijow-

skiego.— Александеръ Волковскій. — Семенъ Гулевичъ-Воютинскій. — Iwan Hulewicz. — Өедоръ Гулевичъ-Воютинскій. — Jan Wolkowsky Podczesznik.—Григорій Черникъ Коморникъ.—Roman Hulewycz.— Piotr Hulyewicz. — Григорій Баковецкій. — Михало Мышка-Холоневскій. — Hrehory Zabokrzycky.— Adam Swisczowsky. — Piotr Suryn. — Михаилъ Судимонтовичъ-Кропивницкій Подсудокъ.—(неразобранная подпись.)—*Pawel Szolgien.— Богданъ Братковскій.— Andrzey Sawatsky.— Grzegorz Siennicki.—Өеодоръ Кузьмичъ*".

Такъ старожитные обыватели Волыни были преданы отечественной вѣрѣ.

Но, говоря о разныхъ сословіяхъ Волынскаго народа, въ этомъ отношеніи, нельзя умолчать и о низшемъ сословіи, которое на сей разъ можно назвать *крестьянскимъ* въ первоначальномъ смыслѣ этого слова. Въ то время, какъ православныя церкви въ разныхъ Волынскихъ деревняхъ обращаемы были въ уніатскія, изъ нихъ — для сходства съ католическими костелами—выламывали иконостасы. Поселяне, хотя уже были зачислены въ уніатовъ и молились въ преобразованныхъ церквахъ, но сбирали выброшенные изъ нихъ иконостасы и другія утвари, и тщательно хранили ихъ цѣлые десятки лѣтъ, какъ святую старину свою. Теперь, когда всѣ уніаты въ нашемъ отечествѣ возвратились къ православію, въ семи Волынскихъ деревняхъ старыя церкви обновились— своими прежними царскими вратами и утварями, сбереженными въ простонародьи.

1841 г. 1 марта.

РОДОСЛОВНЫЯ ЗАПИСКИ КІЕВЛЯНИНА [1]).

Извѣстно, какими средствами Польша, завладѣвъ Западною Русью и поддавшись іезуитамъ, возобновляла свое католичество и угнѣтала другія христіанскія вѣроисповѣданія. Помощію тѣхъ средствъ она не только въ своемъ коренномъ Польскомъ народѣ возстановила католичество, сильно подорванное въ ней реформаціей [2]), но произвела было несчастный переворотъ и въ присоединенныхъ къ ней областяхъ Рускихъ: Она произвела то, что знатнѣйшая часть кореннаго Западно-Русскаго дворянства мало по малу отстала отъ древней вѣры своихъ предковъ и перешла въ католичество. Не говоримъ о языкѣ Польскомъ: какъ языкъ господствовавшей тогда націи (притомъ языкъ соплеменный русскому, еще не утратившій тогда молодой свѣжести своей подъ тяжелою схоластикою іезуитской Латини)—онъ не только усвоился русскимъ католикамъ, но былъ въ большомъ употребленіи и между православно-русскими подаными Польши, о чемъ свидѣтельствуетъ и нѣсколько книгъ на польскомъ языкѣ, сочиненныхъ рускимъ духовенствомъ и напечатанныхъ въ самой Печерской Лаврѣ.

Теперь уже болѣе полувѣка, какъ западная Русь, переставъ быть Польскою областью, возвратилась опять къ государственнорусской жизни, стала опять Русью. Потому особенно теперь, для коренныхъ и старожитныхъ обывателей западной Руси, должна быть близка сердцу историческая истина о ихъ русскомъ происхожденіи. Тѣ изъ нихъ, кото-

---

[1]) Кіевлянинъ 1841 г, стр. 302—310.

[2]) Въ 16 вѣкѣ католичество Польши находилось въ такомъ упадкѣ, что нѣкоторое время въ составѣ Сената было не болѣе трехъ католиковъ.

рыхъ предки извѣстны или славны были еще до панованья Жигимонта III-го, безъ сомнѣнія очень хорошо знаютъ, что они не только граждане Русскіе, но Русскіе по своему древнему роду и крови, и по вѣрѣ предковъ своихъ, которая у самихъ Поляковъ была первоначально не католическою, а восточною, какъ и у другихъ словенскихъ народовъ. Но менѣе значительныя западно-русскія фамиліи, — по принятіи римскаго исповѣданія и по привычкѣ къ обычаямъ и языку коренныхъ Поляковъ, между ними поселившихся,—легко могли забыть, что они не Поляки, но такъ же Русскіе по своему происхожденію, какъ и тѣ одноземцы ихъ, которые устояли въ православной русской вѣрѣ, или возвратились къ ней отъ Уніи. Для такихъ фамилій, особенно въ настоящее время, историческое самопознаніе полезно не менѣе самопознанія нравственнаго. Потому-то каждый памятникъ, служащій къ поясненію и подробнѣйшему раскрытію вышесказанной исторической истины, заслуживаетъ изслѣдованія и приведенія въ общую извѣстность.

Воспоминаніе о Русскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ фамилій Западнаго края Россіи, предложено въ первой книгѣ Кіевлянина — въ статьѣ о надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ. Тамъ же—въ статьяхъ: Острожская старина, и воспоминаніе о Пересопницѣ—показанъ переходъ Князей Острожскихъ и Черторійскихъ въ католичество. Можно будетъ въ Кіевлянинѣ представить подробно переходъ въ католичество и нѣкоторыхъ другихъ западно-русскихъ фамилій; но на сей разъ предлагается:

Выписка дворянскихъ русскихъ фамилій на Волыни, принадлежавшихъ въ 17 вѣкѣ къ православной восточной церкви.

Здѣсь исчислены не всѣ русскія фамиліи на Волыни, а только тѣ, которыя вписаны въ 17 вѣкѣ въ первомъ или *шляхетномъ* отдѣленіи *помянника* Крестовоздвиженскаго Луцкаго Братства, для поминовенія церковнаго.

«Тоутъ зачинаеться поменикъ церковнаго Луцкаго Брацтва зацъне оуроженыхъ ихъ милостей пановъ и князей, шляхты,

обывателей Волынскихъ, ктиторовъ святыя обытели сея Ставропігиу Патріаршого Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня».

«1. Року 1618 мѣсяца Новембра дня 16, на несмертельную память родъ сей княжатъ И. М. Святополковъ Четвертинскихъ, которіи идутъ отъ Володимера, монархи всея Россіи, найпершого християнина.

2. Князя Стефана Святополка *Четвертенского*, подкоморого Браславского.
3. Князей Пузыновъ. (року 1637).
4. Пана Лаврентого *Древинского*, чашника землѣ Волынское.
5. Пана Александра *Мозель*. (року 1647).
6. Пана Тимоѳея *Головинского*.
7. Пана Андрея *Подгороденского*. (р. 1634).
8. Пановъ *Рогозинскихъ*. (р. 1634).
9. Пана Якова *Гарабурды*.
10. Панее Демяновое *Павловичовое*, судиное кгродскои Володимерское.
11. Пана Адама сирѣчь Андреа *Урсула-Рудецкого*.
12. Пана Іякова *Дорогиницкого* и жоны его Оксиміи.
13. Пана Миколая *Боговитина*.
14. Панее *Кграбовецкое*.
15. Пана Николая *Борейка* Кнерутскаго.
16. Пана *Кукоского*.
17. Пана Ѳеодора *Воютинского*.
18. Пановъ *Еловицкихъ*. (р. 1638).
19. Пана Михаила *Нападовского*.
20. Пана Михаила *Кропивницкого*, подсудка Браславского и жены его Евдокіи Головинскои (р. 1640).
21. Панее *Киндерскои*, чашниковое Браславское.
22. Панее Лаврентовое *Древинское*, чашниковое Волынское.
23. Пана Александра *Жабокрицкого*. (р. 1647.)
24. Пана Александра *Немирича*.
25. Пана Самуеля *Гумницкого*. (р. 1668.)
26. Пана Павла *Русиновича*. (р. 1652.)

27. Пана Володимера *Зубцевского*, городничого Луцкого.
28. Пана Александра *Макарского*.
29. Пана *Китайчича* Романа.
30. Пана Петра *Калусовского*.
31. Панее Маріи *Гулевичовое*.
32. Панее *Туберскои* Ірины, съ повѣту Вомодимерского. (р. 1640.)
33. Пановъ *Савичовъ*.
34. Панее *Хорошковое*.
35. Пана *Люлѣ*, обывателя повѣту Кіевского.
36. Пана Матѳея *Ясенницкого*.
37. Пана Евстафія *Тряцевского* и жены его Анны.
38. Панее Екатерины *Соколовой-Смоковской*.
39. Пана Льва *Козинского*.
40. Пана Лукіана *Соболевского*. (р. 1650).
41. Ядвиги *Валицкои* Ивановое Мордвиновое.
42. Пана *Ковальского*.
43. Пана Богдана *Братковского*, скарбника Браславского. (р. 1673).
    Противъ послѣдняго въ семъ родѣ имени—*Даніила*, приписано съ боку: «невинно отъ Ляховъ страцон. Р. 1702».
44. Пана Василія *Подлѣского*. (р. 1672).
45. Панее Анны *Лясочинскои*. (р. 1675).
46. Пана *Пасенковского*.
47. Пана Максиміліана *Булыги*. (р. 1669).
48. Пана Томаша (Ѳомы) *Сосницкого*.
49. Пана Павла *Лоскоцкого*. (р. 1653).
50. Пана Павла *Селявы*. (р. 1657).
51. Пана Яна *Прекгалинского* и жены его Екатерины Корпиловцевны.
52. Пана Павла *Шолкгенѣ*.
53. Пана Сидора *Подгаецкого*. (р. 1654).
54. Пана Романа *Яроцкого*. (р. 1654).
55. Панее *Урвановое Маримушанки*.
56. Панеи Ѳеодоры *Павловичовои*, судинои Володимерскои.

57. Пана Александра *Езерковскою*, наместника Бурграбства Луцкаго. (р. 1677).
58. Панее Александровое *Лепесовицкои*. (р. 1639).
59. Пана Николая *Мокренскою*. (р. 1677).
60. Пана Василія *Юшковскою*. (р. 1677).
61. Пана Θеодора *Нецевича*, писара кгродского Володимерскго. (р. 1677).
62. Пана Лукаша *Выговскою* и жены его Θеодоры.
63. Панее *Пискоровское* Матөеевое съ Подгаецъ. (р. 1649).
64. Пана Яна *Бушинского* и жоны его Марины. (р. 1670).
65. Пана Миколая *Бобовского*. (р. 1677).
66. Пана Самоеля *Вышковскою*. (р. 1677).
67. Пановъ *Балабановъ*. (р. 1677).
68. Пана Іякова *Сусла*. (р. 1678).
(Доселѣ исчисленные дворянскіе роды вписаны въ помянникѣ въ 1676—78 годахъ Іеромонахомъ Савицкимъ).
69. Пана Θеодора *Влостовскою*. (р. 1678).
70. Пана Θомы *Гуляницкою*, писаря кгродского Кіевского. (р. 1678).
71. Пана Григорія *Тимовецкою*. (Р. 1678).
72. Пановъ Павла и Екатерины *Трипольскихъ*, хоронжихъ Житомѣрскихъ. (р. 1724).
73. Пановъ *Шостаковскихъ*. (р. 1686).
74. Пана Александра *Ступницкою*. (р. 1686).
75. Пана Александра *Жураховскою*. (р. 1686).
76. Пана Масимиліана *Верещаки*, регента земского Луцкого. (р. 1686).
77. Панеи Маріаны *Вышотравчины*. (р. 1717).
78. Пана Николая *Колчицкою*, чеснѣка Летичевского. (р. 1688).
79. Пана Марка *Скуратовскою*. (р. 1681).
80. Пана Петра *Скуратовскою*, городничого Житомѣрского. (р. 1720).
81. Пана Іоанна *Ленковича Гуляницкою*. (р. 1720).
82. Пана Георгія *Полянскою*, столника Вендинского (р. 1720).

83. Пана Самуеля *Выговского*. (р. 1718).
84. Панее Екатерины *Гурскои*, столнѣковой Дрогицкой. (р. 1740).
85. Θеодора *Тичинского*. (р. 1735).
86. Ясневель. Его М. кѵръ *Діонисія* на Жабокривахъ *Жабокрицкого*, епископа Луцкого и Острожского. (р. 1698).
87. Пана Адама *Гулевича* зъ Воютина (р. 1708).
88. Яснев. Кѵръ. *Іосифа* зъ Выгова *Выговского*, Ексархи митрополіи Кіевской, епископа Луцкого и Острогского. (р. 1728).
89. Пана Василія *Коссовича*, писаря консист. епископіи Луцкой (1727).
90. Пана Григорія *Теодоровича*, писаря конс. епископіи Луцкои. (р. 1730).
91. Пановъ *Горбовскихъ*, столниковъ Инфлянскихъ. (р. 1649).»

(Сіи дворянскіе роды записываемы были съ 1678 года; но въ помянникѣ переписаны набѣло въ 1748 году, уніатскимъ монахомъ. Изъ числа послѣднихъ здѣсь поименованныхъ Русскихъ фамилій двѣ-три, не болѣе, были уже уніаты. Послѣ 1749 года, въ этомъ шляхетномъ отдѣленіи помянника приписана только фамилія—«Павла *Рабчука*, року *1763*», хотя помянникъ продолжался еще до сентября 1787 года. Послѣ № 61-го приписанъ «родъ Панее Анны *Пузынянки* зъ дому Заленскихъ. р. 1683»).

Для большаго уразумѣнія сей выписки и самаго помянника можетъ послужить статья о памятникахъ Луцкаго Братства. Здѣсь замѣтимъ еще, что при этомъ Луцкомъ помянникѣ сохранился заглавный листъ особаго помянника, на которомъ написано киноварью:

«Сѣй поменникъ яснепресвѣтлаго, благочестиваго и Христолюбиваго Государя Его милости: І. О. Василія Воеводы милостію Божіею Государя и обладателя землѣ Молдовлахійскія: данный до монастыря общежительнаго Братскаго Луцкого, до храму воздвиженія Честнаго и Животворящаго креста Господня. Року 1643».

3. СТАТЬИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ИСТОРІИ КОЗАЧЕСТВА.

ИЗВѢСТІЕ О ЛѢТОПИСИ ГРИГОРІЯ ГРАБЯНКИ, ИЗДАННОЙ 1854 ГОДА КІЕВСКОЮ ВРЕМЕННОЮ КОММИССІЕЙ. [1]

§ 1. Сія лѣтопись Малороссіи составлена въ первые годы прошлаго столѣтія, *Григорьемъ Ивановичемъ Гребенкою*, который жилъ и служилъ въ Гадяцкомъ полку, а въ гетманство Данила Апостола сталъ (съ 1729 года) Гадяцкимъ полковникомъ, называясь уже *Грабянкою.* (Такъ въ прошломъ столѣтіи *Захаревскіе* назвались Захаржевскими, *Василевичи*—Базилевичами, *Джеджелѣи*—Жежелёвскими и прочая).

Съ легкой руки нашего лѣтописца-полковника, бытописанье Малороссіи велось непрерывно въ продолженіе всего 18-го вѣка разнообразными трудами нѣсколькихъ лицъ,— и во-первыхъ—*Самойла Величка*, бывшаго при Кочубеѣ войсковымъ канцеляристомъ, написавшаго (въ 1720 году) драгоцѣнную для насъ *лѣтопись*, которой 2 части уже изданы Кіевскою Временною Коммиссіей. Первый томъ ея изданъ 1848, подъ редакціей Н. А. Ригельмана; 2-й, напечатанный 1851 г., возбуждаетъ ожиданіе 3-го тома, гдѣ замѣчательный полтавецъ будетъ повѣствовать уже о событіяхъ своего времени).

За нимъ слѣдуетъ неизвѣстный составитель краткой *лѣтописи*, изданной *В. Рубаномъ* 1773 года, которая въ эту пору докончена послѣднимъ Кіевскимъ козацкимъ полковникомъ (впослѣдствіи канцлеромъ и свѣтлѣйшимъ княземъ) *Александръ Андреевичемъ Безбородькомъ.*

---

[1]) Москвитянинъ 1855 г. т. V.

Инженеръ-поручикъ князь *С. Н. Мышецкій* написалъ около 1740 г. краткую *исторію о Козакахъ Запорожскихъ* (изданную отъ Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, въ *Чтеніяхъ*, 1847 г., тогдашнимъ секретаремъ общества, *О. М. Бодянскимъ*).

Бунчуковый товарищъ *Петръ Симоновскій*, сочинилъ 1765 г. *Описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ* (изданное 1847 года, О. М. Бодянскимъ, въ *Чтеніяхъ*). Въ то время и достопамятный архіепископъ *Георгій Кониській* — сочинилъ *исторію Руссовъ* (изданную О. М. Бодянскимъ, въ *Чтеніяхъ*, 1846 г.)

Послѣ того — инженеръ-маіоръ *Александръ Ригельманъ*, составилъ пространное *лѣтописное Повѣствованіе о Малой Россіи* въ 1785—86 г. (изданное *Бодянскимъ* же въ *Чтеніяхъ*, 1847 г.); а—Дѣйств. Статс. Сов. *Афанасій Шафонскій*, сочинилъ 1786 г. *Топографическое Описаніе Черниговскаго Намѣстничества* (изданное 1851 года, предсѣдателемъ Кіевской Временной Коммиссіи, *М. О. Судіенкомъ*, который издалъ еще *Матеріалы для отечественной исторіи;* Т. I. напечатанъ 1853 г., Т. II., содержащій письма отъ разныхъ лицъ къ гетману Скоропадскому, — напечатанъ нынѣшняго *1855* года).

Не говорю здѣсь о многихъ описаніяхъ достопамятныхъ трудолюбцевъ *Миллера* и *Бантыша-Каменскаго*, умалчиваю и о нѣсколькихъ меньшихъ писателяхъ прошлаго столѣтія, къ числу которыхъ принадлежалъ неизвѣстный составитель *Краткихъ Извѣстій о Малой Россіи*, изданныхъ *В. Рубаномъ*, 1773 г. (а потомъ еще разъ, 1847 г. въ *Чтеніяхъ*, въ числѣ историческихъ статей о Малороссіи Г. Ф. *Миллера*).

§. 2. Лѣтопись Грабянки доведена до *1708* года; впрочемъ послѣдніе десять лѣтъ едва обозначены въ ней. Главную и лучшую часть ея составляетъ повѣствованіе о гетманствѣ Богдана Хмельницкаго, — важное и потому, что оно пополняетъ собою Величкову лѣтопись, изъ которой къ сожалѣнію утратились листы о событіяхъ съ исхода 1648 и по 1652 г. Грабянкина лѣтопись существуетъ въ двухъ редакціяхъ. Одна *первоначальная*, писанная съ преобладаніемъ

языка церковнославянскаго, изобилующая стихами. Этой старшей редакціи лѣтопись (по Судіенковскому списку, который нѣкогда принадлежалъ знаменитому *Григорью Андреевичу Полѣтикѣ*) издана теперь, отъ Временной Комиссіи, трудомъ г. *Ивана Самчевскаго.*

Другая, *вторичная* редакція отличается перемѣною выраженій церковнославянскихъ на русскія и пропускомъ большей части стиховъ. Въ такомъ видѣ она была напечатана *1783* года, *Ѳедоромъ Туманскимъ* въ его періодическомъ изданіи «Россійскій Магазинъ» и поминается у позднѣйшихъ писателей подъ именемъ «*лѣтописца,* изданнаго Туманскимъ». Объ этомъ прежнемъ изданіи не говорится въ нынѣшнемъ, конечно потому, что Коммисіи неизвѣстно было это, какъ по чрезвычайной рѣдкости «Россійскаго Магазина», такъ и потому, что тамъ на лѣтописи не означено имя *Грябянки.*

Не называя имени Грабянки, говоритъ объ ней и Ригельманъ, въ своемъ *Предъувѣдомлѣніи:* «имѣющіяся въ Малой Россіи Исторія Малороссійскія *двѣ...*» Въ Предисловіи г. Самчевскаго совершенно справедливо замѣчено, что эти *двѣ Исторіи* не иное что, какъ лѣтопись Самовидца и Лѣтопись Грабянки, изъ которыхъ Ригельманъ многія мѣста вносилъ цѣликомъ въ свое «Повѣтствованіе.»—Нѣтъ сомнѣнія, что *Лѣтопись Самовидца* (изданная 1846 г. О. М. Бодянскимъ въ *Чтеніяхъ*) была въ числѣ источниковъ для Грабянки, котораго лѣтопись о послѣднихъ годахъ 17 вѣка представляетъ очевидное изъ нея заимствованіе. Но, въ свою очередь, и Грабянкина лѣтопись послужила для нея, а именно: *начало,* позднѣе придѣланное къ лѣтописи Самовидца, конечно тѣмъ же, кто продолжилъ ее до 1734 года, — извлечено изъ лѣтописи Грабянкиной, чтò видно и по тѣмъ же ошибкамъ или анахронизмамъ. Напрасно г. Самчевскій называетъ лѣтопись Самовидца *одновременною* съ Грабянкиною и Величковою; нѣтъ, это памятникъ *17-го вѣка,* также какъ и *лѣтопись Густынскаго монастыря.* Обѣ онѣ, каждая по своему, отличаются рѣзко отъ всѣхъ вышепомянутыхъ писаній 18-го вѣка. Изъ этихъ, только *Величкова лѣтопись* иногда отзывается еще прежнимъ лѣтописнымъ простодушіемъ и свое-

народнымъ юморомъ, не смотря на пышно-реторическія свои вступленія. Но въ *исторіи Кониского* видите уже художественное одушевленіе, которое давнопрошедшую жизнь народа иногда ставитъ живьемъ передъ очами. — Къ сожалѣнію, въ этой исторіи часто не достаетъ той вѣрности и точности факта, изъ которыхъ мы такъ бьемся теперь, домогаясь ихъ и доискиваясь въ современныхъ памятникахъ, матеріалахъ, запискахъ, актахъ. Но изъ-за этого, конечно, важнаго недостатка ея, нельзя же отрицать ея, не менѣе важнаго, достоинства,—нельзя отрицать уже потому, что тѣмъ же, можно сказать, поэтическимъ безпечьемъ и небрежьемъ о прозаической, мелочной точности факта—болѣе или менѣе страждутъ всѣ писанія о Малороссіи, даже и тѣ чисто-фактическія, которыя чужды всякаго одушевленія, и потому ничѣмъ уже не искупаютъ своей неисправности въ фактахъ. Вглядитесь пристальнѣе, и вы этотъ недостатокъ въ разной степени замѣтите вездѣ, отъ Синопсиса Кіевскаго до новыхъ прибавленій къ нему и другихъ сюда относящихся писаній достопамятнаго Евгенія, отъ лѣтописи Грабянкиной до послѣднихъ писаній послѣдняго историка Малороссіи Н. А. Маркевича.

А потому и неудивительно, если этотъ общій и столь характерный недостатокъ историческихъ работъ отозвался и на работѣ г. Самчевскаго надъ изданіемъ Грабянкиной лѣтописи. Онъ написалъ весьма обстоятельное предисловіе, гдѣ подробно изложилъ содержаніе, составъ лѣтописи, означилъ всѣ ея списки, служившіе ему при изданіи; онъ приложилъ *Объясненіе* невразумительныхъ словъ, и алфавитный *указатель*. Но вездѣ, въ этомъ похвальномъ и полезномъ трудѣ, не достаетъ именно того, о чемъ сказано выше. Напримѣръ, въ Указателѣ: «*Вустръ, рѣка*, 267 стр.» а въ лѣтописи, на стр. 267: «*городъ Вустръ...*» Или: «Карповичъ Григорій, *Староста*, 304, 314». А въ текстѣ: на стр. 304 «*Полковника Чигиринскаго* Григорія Карповича», а на 314 «Григорій Карповичъ *Полковникъ Стародубовскій*». Ужели Стародубъ—далъ *Старосту* вм. Полковника!...

§ 3. Укажу въ предисловіи г. Самчевскаго на то мѣсто, гдѣ онъ указываетъ въ лѣтописи Грабянки на тѣ свѣдѣнія,

которыя «не были до сихъ поръ извѣстны» (т.-е. для того, кто не зналъ этой лѣтописи по прежнему изданію). Между этими свѣдѣніями редакторъ полагаетъ списокъ реестровыхъ козаковъ 1650 г., *совершенно отличный* отъ всѣхъ другихъ.... Чѣмъ же?.... Тѣмъ, что въ немъ значится въ *16-ти* полкахъ— *33,989 ч.* (стр. XVI). Но въ текстѣ Грабянкиной лѣтописи (стр. 94) напечатано въ *15-ти* (а не въ 16-ти, полкахъ, *35,080* ч!... «Явная ошибка; *должно быть* 33,989 ч.», говоритъ самъ редакторъ въ примѣчаніи. А по моему, еслибъ и написано или напечатано было 33 т., то я сказалъ бы: не *можетъ быть*; это ошибка; ибо, по Зборовскому договору 1649 года, положено было число реестроваго козачества ограничить *сорока тысячами*, а для Хмельницкаго это было minimum!

Отъ чего-же у редактора явилось 33 т. въ 16 полкахъ, когда у лѣтописца *35* т. въ *15-ти* полкахъ? Повѣряя итогъ Грабянкинъ, редакторъ получилъ только 33 тысячи отъ того, что онъ сложилъ числа не 16-ти (какъ говоритъ онъ), а только *14-ти* полковъ: ибо въ текстѣ, хоть и сказано *въ 15-ти*, но по ошибкѣ писца написано только *14 полковъ*, съ пропускомъ одного изъ 15-ти, *Браславскаго* полка;—додайте его число, и будетъ 35 т. Но не обвиняйте слишкомъ за такой пропускъ изданіе лѣтописи Грабанки. Точно таже исторія случилась и съ *лѣтописью* польскаго историка *Веспасіана Коховскаго*, изъ которой взялъ Грабянка этотъ списокъ полковъ, 1650 года. Тамъ,—на стр. 186 перваго *климактера* Annalium Poloniae (Коховскій свои томы называетъ *климактерами*, потому, что въ каждомъ описано *семилѣтіе*; въ 1-мъ, изданномъ 1683 г. описаны 1648-56)—тамъ сказано: *въ шестнадцати* полкахъ; а поименно названы *только 15*, съ пропускомъ одного изъ 16-ти-- *Бѣлоцерковскаго*.

И этотъ знаменитый списокъ *16-ти полковъ* — «тôлько безъ однôго—(какъ говорится въ пѣсни про Нечая:

«Иде Ляшкôвъ сорокъ тысячъ
Тôлько безъ однôго»)—

понынѣ въ ходу у нашихъ бытописателей, да еще и не въ томъ видѣ, какъ взятъ изъ Коховскаго (у котораго въ итогѣ въ 15-ти полкахъ выходитъ 35,925), а съ тѣмъ безобразнымъ

итогомъ, какой напечатанъ въ лѣтописи, изданной Рубаномъ— 57,889 ч. (а у Ригельмана этотъ-же списокъ даетъ—*58* тысячъ)!

Объяснивъ выше, отчего взялись *33* т., скажу теперь, отчего явились въ Рубановой лѣтописи понынѣ повторяемыя *57* т. въ *15-ти* полкахъ: отъ грубой переправки чиселъ въ трехъ полкахъ. Какой-то шалунъ поставилъ:

въ Черниговскомъ.......... вм. 996—9,096.
въ Нѣжинскомъ.............. вм. 983—9,083.
въ Кальницкомъ............. вм. 2046—6,046.

И эти числа повторяютсь въ исторіяхъ: Симоновскаго, Ригельмана, Бантыша-Каменскаго, Маркевича. Повторяется и замѣчаніе Рубановой лѣтописи, что «здѣсь не видны полки *Гадяцкій*, въ коемъ полковникомъ былъ *Бурлай* и *Бѣлоцерковскій*, гдѣ *Гира*». Но Бѣлоцерковскимъ полковникомъ, послѣ Зборовскаго дѣла, былъ уже не *Гира*, а *Громыка*; что же касается до Гадяцкаго *Бурлая*, то этотъ знаменитый своими черноморскими походами старый козакъ, докончилъ свой вѣкъ при осадѣ Збаражской; а въ 1650 году и Гадяцкій полкъ его находился уже въ составѣ Полтавскаго полка.

§ 4. Кромѣ пропуска *Бѣлоцерковскаго* полка (съ которымъ и будетъ *16-полковъ*, установленныхъ Хмельницкимъ послѣ Зборовскаго мира, а въ нихъ не менѣе *сорока* тысячъ реестроваго козачества)—въ спискѣ Коховскаго есть еще важная ошибка,—всѣми у насъ донынѣ повторяемая и никѣмъ незамѣчаемая: это legio Ostrensis, *полкъ Остриянскій*—поставленный вмѣсто *Прилуцкаго*, существовавшаго постоянно съ 1648 по 1782 г.

Считаю несправедливымъ оставлять долѣе въ нашемъ бытописаньи этотъ неисправный 15 полковой списокъ, перенесенный Грабянкою изъ Анналовъ Коховскаго, а въ лѣтописи Рубановой еще боле испорченный. Въ замѣнъ его предлагаю болѣе вѣрный и полный списокъ составленный мною по «книгѣ реестровъ войска запорожскаго», писанной въ октабрѣ 1649 года (объ ней подробнѣе сказано будетъ въ моемъ *обозрѣніи полковъ и сотенъ*, на которыя дѣлилась Малороссія).

Полки и ихъ полковники, въ 1650 году:

1. Чигиринскій—Өедоръ Якубовичъ-Веснякъ.
2. Черкаскій—Ясько Ворonченко.
3. Каневскій—Семенъ Савичъ.
4. Корсунскій—Лукьянъ Мозыра.
5. Бѣлоцерковскій—Михайло Громыка.
6. Уманскій—Іосифъ Глухъ.
7. Браславскій—Данило Нечай.
8. Кальницкій—Иванъ Өедоренко.
9. Кіевскій—Антонъ Ждановичъ.
10. Переяславскій—Өедоръ Лобода.
11. Кропивянскій—Филонъ Джеджелѣй.
12. Миргородскій—Матвѣй Гладкій.
13. Полтавскій—Мартынъ Пушкаренко.
14. Прилуцкій—Тимофей Носачь.
15. Нѣжинскій—Прокопъ Шумейко.
16. Черниговскій—Мартынъ Небаба.

§ 5. Въ предложенномъ мною спискѣ 10-ти полковъ, читатель встрѣтитъ нѣкоторыя имена совсѣмъ не тѣ, подъ какими полковники Хмельницкаго ходятъ уже около полутораста лѣтъ въ нашемъ лѣтописаньи. Но въ лѣтописаньи нашемъ есть такія имена полковниковъ, подъ которыми ихъ не знали и не узнали бы ихъ современники; и я почелъ справедливымъ возвратить имъ подлинныя ихъ имена.

Напримѣръ, *Павицкій:* этимъ именемъ означаютъ всѣ полковника Каневскаго; но тогдашній Каневскій полковникъ, конечно, не откликнулся бы на это имя, и, можетъ быть, осердился бы за него, какъ за прозвище. Его фамилія была *Савичъ;* подъ этимъ именемъ являлся онъ и въ Москву отъ гетмана Богдана, въ началѣ 1651 года. По-латынѣ Савичъ—*Sawicius.* Это имя въ лѣтопись Коховскаго вошло съ опискою: начальное *S* принято за *P,* и написано *Pawicius;* отсюда у Грабянки, съ передѣлкою латинскаго *ius* на *кій*, сталъ Каневскій полковникъ *Павицкій*, и ходитъ онъ изъ книги въ книгу, даже до *Указателя*, составленнаго г. Самчевскимъ. А у Величка въ перечнѣ полковниковъ Хмельницкаго (см.

Т. 1. с. 300) читаете имена: Пободайло, Гладкій, Голота, *Каневскій*, Небаба.... Тутъ имя полка обратилось въ фамилію полковника: панъ *Каневскій* (у Симоновскаго обращенный въ *Кононовича*) не другой кто, какъ тотъ-же *Савичъ!* Такъ и полковникъ *Переяславецъ*, тамъ-же у Величка названный, не другой кто, какъ Переяславскій полковникъ *Лобода*, тамъ не названный этимъ именемъ. Названіе *Переяславца* вм. *Лободы*—пошло изъ Пасторіевой Bellum Scythico-Cosacicum, напечатанной *1652* года; тамъ (на с. 183) говорится о трехъ козацкихъ полковникахъ, явившихся въ польскій лагерь для переговоровъ, во время Берестецкаго дѣла: «Tres erant numero: *Kresa* Czeherinensis tribunus, *Hladki* et *Pereaslavecius*».

Этотъ *Гладкій*, тотъ самый tribunus Mirhorodensis, которому Хмельницкій—«повелѣ отсѣщи главу» (*Грабян. лѣт.* с. 118).—У Коховскаго онъ постоянно именуется *Maximus Hladki;* потому и у нашихъ лѣтописцевъ—онъ *Максимъ;* но Бантышъ-Каменскій, внося въ свою исторію 14-полковой списокъ, переправилъ въ немъ такъ: *Максимъ Таранъ* (взявъ это изъ 20-полковаго списка, составленнаго Конискимъ); такимъ образомъ нашъ историкъ поправилъ фамилію, которую слѣдовало удержать, а удержалъ имя, которое слѣдовало поправить,-ибо того *Гладкаго* звали не Максимомъ, а *Матвѣемъ!*

Адамовича не было въ гетманство Богданово между полковниками козацкими, да кажется и никогда не было.—Въ перечнѣ Величка зовется онъ просто—*Антонъ*; сперва онъ былъ *Антонъ Кіевскій*, потомъ *Антонъ Чигиринскій* (см. *лѣтоп. Самов.* подъ 1657 г)., а его фамилія была *Ждановичъ;* такъ онъ написанъ въ «книгѣ Реестровъ» 1649 г.; такъ и черезъ 10 лѣтъ, въ Переяславскомъ постановленіи, (напечатанномъ тогда въ Кіевѣ) въ 10-й статьѣ названъ онъ — *Антошка Ждановъ.* По латынѣ *Ждановичъ—Zdanowicius;* у Коховскаго ошибочно напечатано *Adamovicius,* отсюда и пошелъ *Адамовичъ!*—Въ украинской думѣ на смерть Богдана Хмельницкаго онъ зовется *Антономъ Волочаемъ*, какъ объяснилъ я еще въ изданіи *Украинскихъ пѣсенъ*, 1834 г.

Корсунскій полковникъ *Лукьянъ Мозыра*, **въ лѣтописяхъ Коховскаго является двойникомъ: и** *Mozyra*, **и** *Mrozovicius*. **Оттуда и у Грабянки, и въ указателѣ его редактора—***Мозыра* **и** *Морозъ*, **два лица. А между тѣмъ эта передѣлка** *Мозыры* **въ Мрозовича и** *Мороза* **соблазнила не одного истолкователя украинскихъ пѣсенъ видѣть этого Корсунскаго полковника въ пѣсенномъ героѣ** *Морозенкѣ*.

«Ой Морозе, Морозенку,
Ты славный козаче!
За тобою Морозенкомъ
Украина плаче».

Но изъ многихъ козаковъ *Морозенковъ* Богданова времени, я признаю здѣсь Нестера Морозенка, бывшаго Кропивянскимъ полковымъ обознымъ, при полковникѣ Филонѣ Джеджелѣѣ. Лукьянъ Мозыра въ первый разъ является на поприщѣ историческомъ въ іюлѣ 1648 г., какъ одинъ изъ пословъ Хмельницкаго къ королю Владиславу (см. *Памятники* Кіев. времен. Комис. Т. I. с. 118); старшимъ посломъ былъ *Өедоръ Якубовичъ-Веснякъ*. У Коховскаго названы: «Georgius Boldar, Wisniak, et Mozera» (Т. 1. с. 42). У Грабянки, по нынѣшнему изданію, эти имена переданы такъ: *«Григоріемъ Богданомъ, Вишнякомъ й Мозырою»;* а по изданію Туманскаго—«Григоріемъ, Богданомъ *Вишняками* и зъ *Козарою*»; а у Ригельмана (I. с. 118)—*«Григорьевымъ, Богданомъ Вишнякомъ, и Мозиромъ»*. Вотъ какія превращенія претерпѣли: *Бовдыръ*, *Веснякъ*, и *Мозыра*!

Грабянка и его редакторъ принимаютъ *Вишняка* (т.-е. *Весняка*) за особое лице отъ Чигиринскаго полковника, который у насъ переведенъ *Якубовскимъ*; но это одно лице. *Якубовичъ* (а не Якубовскій) имѣлъ и другую фамилію—*Веснякъ*, подъ которою чаще поминается онъ какъ въ московскихъ актахъ того времени, такъ и въ писаніяхъ польскихъ, напримѣръ, въ *Дневникѣ* польскихъ коммиссаровъ, бывшихъ у Хмельницкаго въ Переяславѣ, въ началѣ 1649 года (тамъ названъ *«Федоръ Веснякъ* старшій полковникъ *Черкаскій*,—ошибкою, вм. *Чигиринскій*).

§ 6. Изъ помянутаго Дневника (два раза уже переведеннаго на русскій языкъ) извѣстно, что коммиссары ходили

въ Переяславѣ къ *обозному Чорнотѣ* (правильнѣе Чорнятѣ) просить о своихъ плѣнникахъ—(Конецпольскомъ, Чарнецкомъ, Потоцкомъ и другихъ), предлагали ему и подарки; но получили отъ него такой отвѣтъ: «просить Хмельницкого, щобъ выпуствивъ плѣнныхъ, не пойду, бо я хворый; прийде сюды до мене гетманъ, зъ которымъ мы сю ночь пили; да я йому не рàдивъ и не порàжу выпускать пташокъ изъ клѣтки; и колибъ я бувъ здоровъ, то не знаю, якъ бы и вы сами выйшли»! (Чорнята не задолго передъ тѣмъ, при осадѣ Замостья, былъ тяжело раненъ въ ногу). — У Грабянки вспоминается объ немъ только въ 1648 г., передъ походомъ во Львовъ, когда Хмельницкій «собравъ къ себѣ *первѣйшихъ полководцевъ*: Герасима Чорноту, Максима Кривоноса, Калину» (стр. 58). По списку, изданному Туманскимъ, вм. *Чорноты* поставленъ *Герасимъ Горкуша*. Эта же неосновательная замѣна имени приводится по другому списку въ нынѣшнемъ изданіи (въ примѣчаніи, на с. 58). Но полковникъ *Горкуша* другое лице, упоминаемое и у Грабянки, на стр. 106. А редакторъ, въ своемъ указателѣ, принимаетъ ихъ обоихъ за одно лицо, и Чорноту, *перврѣйшаго* послѣ гетмана старшину въ войскѣ, т.-е. войсковаго или генеральнаго обознаго, называетъ онъ отъ себя *полковникомъ*!—Имя ему *Герасимъ* взято Грабянкою изъ Коховскаго, у котораго именуется онъ *Erasmus*; но его подлинное имя было *Иванъ Чорнята*.

Фамилія нѣжинскаго полковника *Прокопа Шумейка* у Коховскаго напечатана правильно Szumeyko; но у Грабянки, а за нимъ и всей лѣтописной братіи, зовется *Шуменкомъ*!

§ 7. Въ лѣтописи Грабянки встрѣчаются иногда подробности, собственно ей принадлежащія, напримѣръ: о смерти Прилуцкаго полковника *Шкурата* (это *Иванъ Шкуратъ*), въ дѣлѣ Берестецкомъ; тоже о смерти Уманскаго полковника *Ганджи*, въ битвѣ Пилявской (1648 г.). Объ этомъ послѣднемъ сохранилось понынѣ мѣстное преданіе подъ Пилявою,— гдѣ есть и двѣ могилы, называемыя *Ганджовками*: близъ одной, говорятъ, Ганджа такъ тяжко былъ раненъ въ животъ, что и кишки выпали; но онъ все держался на конѣ и свалился уже возлѣ другой могилы.—Ганжа примѣчателенъ какъ

первый посланецъ отъ Хмельницкаго, давшій про него вѣсть козацкому войску, веденному на него Барабашемъ, котораго тогда и свалилъ Джеджелѣй. А въ изданіи Туманскаго, въ этомъ мѣстѣ вм. *Ганжа* напечатано: *ханъ же*! Не Ганжа-ли, въ пѣснѣ украинской, воспѣтъ подъ именемъ *Ивана Бѣды*?..

Но въ лѣтописи Грабянкиной есть ошибочныя извѣстія, отчасти занятыя изъ Коховскаго,—а у Коховскаго—изъ Пасторія и другихъ. Таково, напримѣръ, извѣстіе о битвѣ *Кречовскаго* и *Пободайла* съ Радзивиломъ въ Литвѣ, гдѣ они «поражени и сами убіенни осташа» (стр. 89). Эта битва происходила 1649 г., а не 1650 г., подъ которымъ показана у Грабянки. *Иванъ Кречовскій* дѣйствительно былъ тамъ смертельно раненъ въ голову, и уже умирающій принесенъ въ непріятельскій лагерь. Но *Степана Пободайла* тогда убили или утопили только непріятельскіе языки и перья; онъ невредимо черезъ Днѣпръ воротился въ Черниговскій полкъ, гдѣ былъ онъ обознымъ при полковникѣ Небабѣ, и, по смерти его, занялъ его мѣсто; убитъ онъ *1654* года подъ старымъ Быховомъ. У Величка означено и погребеніе Пободайла, въ сент. того года, въ возобновленномъ имъ Ильинскомъ монастырѣ. Напрасно Н. А. Маркевичъ (въ своемъ «Черниговѣ») отрицаетъ полковничество Пободайла, продолжая полковничество Небабы до 1654 года. Небаба убитъ несомнѣнно въ *1652* году передъ Петровымъ днемъ въ дѣлѣ подъ Лоевомъ; тяжело раненный въ правую руку, онъ долго еще отбивался лѣвою отъ двухъ наскакавшихъ на него всадниковъ.

§ 8. Подъ конецъ Грабянкиной лѣтописи помѣщены «имена полковымъ городамъ и полковникамъ, по обохъ сторонахъ Днѣпра, за Хмельницкого будучимъ». Тутъ названы *34* города, бывшіе полковыми разновременно; при каждомъ одинъ, рѣдко два полковника, между которыми встрѣчаются бывшіе не *за Хмельницкаго*, а гораздо послѣ.

Напримѣръ: «6 городъ *Паволочъ*, а въ немъ полковникъ *Андрѣй Дорошенко*». Но этотъ Дорошенко былъ здѣсь полковникомъ за Самойловича. Почему-бы не назвать перваго Паволоцкаго полковника *Ивана Куцевича-Минковскаго* (съ 1651 г.); или хоть того памятнаго *Ивана Поповича*, о кото-

ромъ такъ справедливо сказалъ Грабянка (стр. 183): «поистинѣ, аще бы сіи два союзные мужи—Поповичь, глаголю, и Сомко, далѣе пожили, то могли бы старого Хмельницкого дѣлемъ слѣдовати».

«22 Городъ *Зенковъ*, а въ немъ полковникъ *Василь Шиманъ*». Но это относится къ началу гетманства Брюховецкаго, т.-е. къ 1663 году.

«30 Городъ *Сосница*, а въ немъ полковникъ *Леонтій Рукашка*. Вѣроятно *Ракушка*, а не *Рукашка!* Но въ Сосницѣ, не на-долго бывшей полковымъ городомъ съ 1663 г., извѣстенъ только одинъ полковникъ—*Яковъ Скиданъ*.

«Городъ *Стародубъ*, а въ немъ полковникъ *Григорій Карповичъ Коробка*». Не *Коробка*, а *Каровка* или *Коровченко* (онъ же и *Волскій*). Это тотъ самый *Григорій Карповичъ Коровченко—полковникъ Чигиринскій*, о которомъ говорится у Грабянки подъ 1677 и 1678 годами (см. стр. 226), а также и въ приложеніи, на стр. 304. По разореніи Чигирина Турками, онъ сталъ *Стародубовскимъ полковникомъ*, см. въ томъ же приложеніи, подъ *1679* г.—на стр. 314. Послѣ онъ былъ еще и на полковничествѣ Кіевскомъ, на которомъ и скончался 1712 года. Въ указателѣ вышло изъ него три лица: *Карповичъ Григорій*, *Коробка*, и *Коравченко*.

Нѣсколько городовъ,—какъ-то: *Лисянка*, *Животовъ*, *Арклѣевъ*, *Ичень*,—показаны въ этомъ спискѣ безъ наименованія полковниковъ; это потому, что Грабянка заимствовалъ ихъ изъ лѣтописи Самовидца, гдѣ подъ 1649 год. наименованы первоначальные полки, съ гетманствомъ Хмельницкаго возникшіе, безъ наименованія бывшихъ на нихъ полковниковъ. Изъ современныхъ вкладныхъ надписей на церковныхъ книгахъ, я узналъ, что *Ирклѣевскимъ* полковникомъ 1648 года былъ *Михайло Телюченко*; встрѣтился мнѣ и *Лисянскій* полковникъ Богданова времени—*Демко Якимовичъ*.

§ 9. Къ лѣтописи Грабянкиной, въ видѣ прибавленія, съ особымъ предисловіемъ редактора, приложены *отрывки* изъ лѣтописнаго сборника, писаннаго 1699 года черниговскимъ іеромонахомъ *Леонтіемъ Боболнскимъ*, а именно: отрывокъ о волошскомъ господарѣ Ивонѣ; объ Иванѣ Подковѣ,

о Чигиринской войнѣ; и листъ Исаіи Копинскаго къ князю Іереміи Вишневецкому.—Все это любопытно; но здѣсь только два первые отрывка показались намъ новостью. При помощи Кіевскихъ библіотекъ, нельзя ли определить, откуда они заимствованы? (Не изъ *описанія*-ли *войны Ивоніи*, сочиненнаго въ тѣ поры *Горецкимъ*—на латинскомъ языкѣ, и напечатаннаго 1578 г).

Что касается до сказаній о *Чигиринской войнѣ*, то они слово въ слово выписаны Боболинскимъ изъ 3-го изданія *Кіевскаго Синопсиса* (1680 г.), къ которому и Грабянка (на стр. 229 и 231), и Величко отсылаютъ своихъ читателей, говоря объ той войнѣ. Послѣ того эти сказанія печатались разъ двадцать, въ новыхъ изданіяхъ Синопсиса. Почему бы не упомянуть объ этомъ г. редактору? равно и о томъ, что *Листъ Исаіи Копинскаго* былъ прежде напечатанъ, въ *лѣтописи Густынскаго монастыря*, изданной 1848 г. Бодянскимъ въ *Чтеніяхъ!* (Для меня, по привычкѣ къ исторіи Русской Словесности, всегда ощутительны подобные пропуски.) Между тѣмъ, въ предисловіи къ этимъ отрывкамъ, встрѣчаются двѣ неточности или ошибки, о сказаніи Кіевскаго Синопсиса; считая это сказаніе сочиненіемъ Боболинскаго, г. Самчевскій приписалъ ему, какъ очевидцу, свидѣтельство: 1) о сооруженіи *каменой ограды* вокругъ Лавры—гетманомъ *Самойловичемъ*; 2) о построеніи *въ первый разъ* моста въ Кіевѣ на Днѣпрѣ—*1697* года. Но сооруженіе *каменной ограды* вокругъ Лавры (равно какъ и позолота верховъ прежней Печерской церкви) принадлежитъ гетману Мазепѣ; а объ Самойловичѣ, у Боболинскаго, и въ Синопсисѣ, сказано, что онъ Печерскую Лавру «потщася оградити и утвердити окрестъ *крѣпкими земляными валами*». Построеніе моста на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ *въ первый разъ*—принадлежитъ Владиміру Мономаху: «того же (1115) лѣта устрои мостъ черезъ Днѣпръ Володиміръ», говоритъ Кіевская лѣтопись. Построеніе же мостовъ на Днѣпрѣ во время Чигиринской войны, и въ Синопсисѣ, и у Боболинскаго, показано *1679* года, а не *1697* г. Въ лѣтописаньи годы важное дѣло, а здѣсь разницы 18 лѣтъ; и въ опечаткахъ не поправлено. Въ концѣ сказанія нахо-

дится *Пересторога*, въ которой Боболинскій объясняетъ, почему положилъ «тые походы подъ Чегиринъ—въ концу Русской Кроники» и кончаетъ такъ: «благородный Зиновій Богданъ Хмельницкій, гетманъ Войскъ Запорозскихъ, доброволне поддался въ защитъ и опеку, со всѣмъ Малороссійскимъ панствомъ: Сѣверомъ, и Украиною, и цѣлымъ Запорожемъ, со всѣми козаками—року *1653*, мѣсяца януарія дня 7, въ Переяславлю Малороссійскомъ, Цару его милости Московскому выконалъ присягу.» Тутъ, хоть въ примѣчаніи, слѣдовало бы поправить и годъ и число генваря, въ которыхъ ошибся Боболинскій: присяга гетмана Хмельницкаго и всей войсковой старшины происходила *1654 г. 8-го генваря*, — въ Успенской Переяславской церкви.

§. 10. Въ прибавленіяхъ помѣщенъ *Реестръ* и Черниговскимъ князьямъ, погребеннымъ въ Черниговѣ, составленный *1792* г. протопопомъ *Іоанномъ Левитскимъ;*—онъ помѣщенъ «какъ замѣчательная перечень, составленная съ *удивительнымъ* трудолюбіемъ»(!) А по моему эта статейка, на трехъ листикахъ—похвальная въ 1792 году, не стоила печати въ 1854-мъ. Что мнѣ въ этомъ *Реестрѣ* князей, когда я при первомъ взглядѣ на него вижу, что нѣтъ въ немъ—ни *Буйтура Всеволода Святославича*, котораго похоронили въ Черниговѣ, *въ церкви св. Богородицы*, 1196 года, ни старшаго Всеволодова брата *Олега*, который скончался *1179* года, и положенъ въ церкви *св. Михаила.*

Кстати: почему описатели Чернигова, говоря о древнихъ Черниговскихъ церквахъ, не вспоминаютъ объ этой *каменной Михайловской* церкви, поставленной 1174 года тогдашнимъ Черниговскимъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ? Пропускъ довольно важный для опредѣленія мѣстностей древняго Чернигова, ибо Михайловская церковь поставлена была *на княжь дворѣ.*—Такъ въ Переяславѣ мы опредѣляемъ мѣсто княжаго двора по соборной Успенской церкви, зная, что она была возобновлена впервые княземъ К. К. Острожскимъ на прежнемъ ея мѣстѣ; а первоначально ее поставилъ Владиміръ Мономахъ, 1098 г., *на княжь дворѣ.*

1855 г., іюня 29-го.
Михайлова-Гора.

ИЗВѢСТІЕ О ЮЖНОРУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ, ИЗДАННЫХЪ НИКОЛАЕМЪ БѢЛОЗЕРСКИМЪ ВЪ КІЕВѢ, 1856 г. [1]).

Съ 1845 года, Кіевская Временная Коммиссія, въ своихъ изданіяхъ, а профессоръ Бодянскій въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ, напечатали такое богатство Малороссійскаго лѣтописанья, что передъ нимъ книжка г. Бѣлозерскаго—какъ степная могилка передъ горами Кіевскими. Но гдѣ собрано уже много предметовъ по какой-либо отрасли знанія, тамъ и малая прибавка чего-либо новаго есть пріобрѣтеніе, радующее собирателя. Потому-то любители Малороссійскаго лѣтописанья порадовались нынѣ изданнымъ «Южнорусскимъ лѣтописямъ», а трудящіеся на семъ поприщѣ порадовались появленію на немъ еще одного усерднаго дѣятеля.

Въ прошломъ 1855 году я напечаталъ въ Москвитянинѣ «Извѣстіе о лѣтописи Григорія Грабянки, изданной 1854 года Кіевскою временною Коммиссіей». Вмѣняю себѣ въ обязанность представить такой же отчетъ о нынѣ изданныхъ лѣтописяхъ, и тѣмъ продолжить мою критику Малороссійскаго лѣтописанья.

Первый небольшой томъ изданія г. Бѣлозерскаго состоитъ изъ слѣдующихъ шести статей:

1. Краткій лѣтописецъ, названный «Черниговскою лѣтописью».
2. Краткое лѣтоизобразительное описаніе....
3. Хронологія высокославныхъ и ясневельможныхъ гетмановъ.
4. Имянная перепись Малороссійскихъ гетмановъ.

---

[1]) Русская Бесѣда 1857 г., кн III, стр. 45—59.

5. Слово во время бездождія и глада.

6. Ляментъ людей побожныхъ (стихотвореніе).

Двѣ послѣднія статьи взяты изъ «Пчелы», писанной въ Крупичь-Полѣ (Борзенскаго уѣзда) 1679 года (извѣстной уже по книгѣ «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», г. Бодянскаго, которому и принадлежитъ нынѣ эта *Пчела*). Обѣ статьи Слово и Ляментъ, любопытны: какъ всякій памятникъ, выражающій свой вѣкъ; но—вѣдь это не *лѣтописи*, и, по настоящему, имъ не слѣдовало бы стоять на ряду и въ счету съ прочими четырьмя статьями; имъ слѣдовало бы стать особо, въ качествѣ *прибавленія*, гдѣ можетъ имѣть мѣсто все, пригодное на подмогу лѣтописанью.

1. О Черниговской лѣтописи. Подлинное заглавіе въ ней такое: «Лѣтописецъ въ Русскихъ и Польскихъ що ся station сторонахъ дѣяло». Г. Бѣлозерскій очень вѣрно различилъ въ ней двѣ части: одну, состоящую въ замѣткахъ отъ 1587 до 1692 г., писанныхъ на правой или Кіевской сторонѣ Днѣпра; другую, писанную въ Черниговѣ, состоящую въ замѣткахъ отъ 1693 до 1750 года. По этой добавочной части весь лѣтописецъ названъ отъ издателя «Черниговскою лѣтописью». Въ этомъ, конечно, нѣтъ надлежащей точности; ибо Черниговскій прибавокъ состоитъ только изъ 4 страницъ, а Заднѣпровская, главная часть въ семеро больше. Но если *Кіевская* лѣтопись XII-го вѣка и *Волынская* XIII-го (такъ называлъ ихъ и Карамзинъ) изданы 1843 года подъ именемъ «Ипатьевской лѣтописи» (только потому, что старшій списокъ ихъ XV в. принадлежалъ прежде одному изъ сѣверноруccкихъ Ипатьевскихъ монастырей), и это нелѣпое названье ихъ еще не отвергнуто, то нынѣ изданному лѣтописцу и подавно можно принять на себя имя «Черниговской лѣтописи», какъ по его прибавочной части, относящейся преимущественно къ Чернигову, такъ и по тому, что полный списокъ его находится въ Черниговской семинаріи.

Заднѣпровская часть этой лѣтописи (1587—1692) и составляетъ собственно *пріобрѣтеніе* къ Малороссійскому лѣтописанью, именно, какъ памятникъ *семнадцатаго* вѣка, отъ котораго такъ мало осталось оригинальныхъ произведеній по

сей части, писанныхъ Южно-русскими людьми. За нее-то особенно и будетъ всегда благодарность г. Бѣлозерскому отъ занимающихся Малороссійскою исторіею, какъ они благодарны г. Зубрицкому за *Львовскую лѣтопись*, сообщенную отъ него г. Погодину, для помѣщенія въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ». (1838 г.); какъ они благодарны г. Кулишу за *лѣтопись Самовидца*, сообщенную отъ него г. Бодянскому, для помѣщенія въ «Чтеніяхъ» (1846 г.). Конечно, Черниговская лѣтопись далеко не то, что̀ эта замѣчательная козацкая лѣтопись Самовидца; что̀ была и та «Козацкая Кроничка, писанная въ Переяславѣ 1636 года», изъ которой отрывки уцѣлѣли въ лѣтописи Величковой; и не то, что̀ «Лѣтописецъ о первомъ начатіи и созданіи монастыря Густынскаго»,— этотъ послѣдній на Русскомъ югѣ живой отголосокъ древле-иноческаго Несторовскаго лѣтописанья. Черниговская лѣтопись скорѣе походитъ на Львовскую, которая тоже большею частью состоитъ въ отрывочныхъ замѣткахъ, и рѣдко разговорится попросторнѣе, какъ, напримѣръ, подъ 1630-мъ годомъ (*о Переясловщинѣ*), или подъ 1637 годомъ (*о Кумѣйщинѣ*). Но, занимая послѣднее мѣсто между помянутыми лѣтописями XVII-го вѣка, Черниговская лѣтопись представляетъ не мало новыхъ, собственно ей принадлежащихъ, подробностей, которыми и подорожитъ будущій историкъ Малороссіи, какъ дополнительными чертами, при изображеніи лицъ и событій. Приведу нѣсколько примѣровъ.

1620 года. Извѣстно, что Коронный гетманъ Жолкѣвскій, такъ неславно кончившій военное поприще на Цецорской войнѣ съ Турками, сложилъ тамъ свою голову, въ буквальномъ смыслѣ. Въ современной Польской *Новинѣ* (напечатанной въ *Старожитностяхъ*, изданныхъ Амвросіемъ Грабовскимъ: 1840 г., I. 130), сказано, что безглавое тѣло гетмана привезено въ Баръ, а оттуда въ замокъ его Жолкву и проч.... Въ Черниговской лѣтописи находится дополнительная подробность: «А самому Жовковскому гетманови мужикъ сокирою голову оттялъ надъ Днѣстромъ противъ Могилева Подолского» (стр. 13).

1649. О свиданьи гетмана Хмельницкаго съ королемъ Яномъ Казимиромъ подъ *Зборовомъ*, послѣ знаменитой побѣды и славнаго мира, которымъ увѣнчался тамъ первый длинный рядъ побѣдъ Богдановыхъ, въ лѣтописи Самовидца сказано: «Гетманъ Хмелницкій бытностію своею былъ у короля, его милости, въ Зборовѣ, гдѣ оного шановано, ударовано и другого дня отпущено до войска» (стр. 15). Современный Польскій *Діаріушъ* (напечатанный тамъ же, въ *Старожитностяхъ*, I. 266), говоритъ въ заключеніе: «И та есть справедливая *Series* трагедіи Зборовской. Сколько сотъ лѣтъ уже не была Польша *in tantis angustiis*, ни короли Польскіе, какъ того года, *15 августа*! Едва не вернулась та напасть, что̀ была подъ Варною, или подъ Лигницею, и тѣ времена, когда ханъ Татарскій былъ въ Краковѣ 12 недѣль. Будетъ у насъ памятенъ этотъ день—кровью и смертью братьевъ нашихъ, трупами которыхъ почти на милю покрыты поля». А про свиданье Зборовскаго побѣдителя съ пощаженнымъ [1]) отъ него королемъ, сказано въ *Діаріушѣ*, что въ пятницу, по заключеніи мира, давши присягу въ полѣ, явился Хмельницкій и— упалъ до̀ ногъ королю, его милости, и съ плачемъ говорилъ коротко; но не сказано, что̀ говорилъ онъ. Другіе пишутъ, что Хмельницкій говорилъ длинную рѣчь. Въ Черниговской лѣтописи записано такъ:

«А Хмелницкій, пріѣхавши у сту коней до обозу Полского, нарядно, бучно, збройно, и пришедши до короля, палъ предъ нимъ на землю; и потымъ, кгды за росказанемъ подведено его, мовилъ ему король: «Если то годится такъ сынови коронному, тобѣ, пане Хмелницкій, на пана своего руку подносити и воевати на него»! А Хмелницкій отказалъ плачучи: «Я на короля, пана моего милостивого, руки не подношу, тилько на его сенато̀ровъ, которые, и на святой памяти короля Владислава, рожоного вашей милости, пана моего милостивого, не дбаючи напомнене, такъ мнѣ самому, яко и всему народови Малороссійскому, незносные и невымовные

---

[1]) Въ лѣтописи Самовидца сказано: «Однакже и гетманъ Хмелницкій не зычилъ того, же былъ мѣлъ ся достати монарха христіанскій въ руки и въ неволю басурманскую. И такъ съ собою трактовати почали чрезъ дней два, и учинили згоду» (стр. 15).

чинили кривды; а теперъ—чого не дай Боже! кгды бы насъ зламали, не зоставили бы и наслѣдку Руского! А такъ, найяснѣйшій монархо и милостивый пане, будемъ и мы отъ нихъ боронитися, поки насъ станетъ, абы въ наши козацкіе городы и не заглянули. Я теперъ, найяснѣйшій королю, пане мой милостивый, учинити готовъ все, що ми скажешъ; а зъ Ляхами буду битися!»

Таковы же были и прежнія рѣчи Богдана, начавшаго свою борьбу съ Поляками, не на животъ, а на смерть, еще при жизни Владислава, который самъ наконецъ поощрялъ козачество на возстаніе противъ Поляковъ. Вспомнимъ слова Бѣлоцерковскаго Универсала (1648), или еще ближе, вспомнимъ тѣ слова, которыя Хмельницкій, упоенный побѣдами и виномъ, говорилъ грозно Польскимъ коммиссарамъ въ Переяславѣ, гдѣ у него были тогда и послы: Московскій и Венгерскій (въ Генварѣ 1649 г.): «Тутъ на Украинѣ не зостанется у мене и слѣду князѣвъ и шляхты; а схоче который зъ нами хлѣбъ ѣсти, той нехай буде послушный войску Запорожскому, а на короля не брыкае!» и пр.

1658. Ни въ одной Малороссійской лѣтописи не означена такъ опредѣлительно Кіевская битва, въ августѣ 1658 года, называвшаяся въ народѣ *Скавичщиною*, какъ она означена въ Черниговской лѣтописи. «Того жъ року Данило Выговскій подступилъ подъ городъ Московскій Кіевскій, отъ монастыря Печерского, зъ войскомъ козацкимъ, а *Янєнко, Полковникъ Кіевскій*, зъ другого боку, стоячи на Шкавицѣ, добывали города Московского; на той часъ воеводою былъ Василій Борисовичъ [1]) Шереметевъ; а потымъ кгды дня оного Данило Выговскій былъ веселъ, Москва, вышедши изъ города, обозъ Даниловъ розбила, а козаковъ много згинуло, а Данилко Выговскій самъ ледво утекъ....» (стр. 26). Вотъ для сравненія, изъ лѣтописи Самовидца»: Того жъ лѣта Выговского братъ, Данило, съ полками козацкими сталъ подъ Кіевомъ, на Щековицѣ, хотячи Кіева доставати; але бояринъ Шереметевъ тое его войско разогналъ» (стр. 30). Тутъ въ

[1]) Такъ поправляю я; въ Черниговской лѣтописи и здѣсь, и далѣе, Шереметевъ зовется *Борисомъ Васильевичемъ*.

Черниговской лѣтописи названъ Кіевскій полковникъ *Яненко*, кажется, неизвѣстный еще въ Малороссійскомъ лѣтописаньи, которое и послѣдній козацкій походъ на Польшу, наряженный отъ Хмельницкаго (1657 года), поручаетъ «Кіевскому Полковнику, Антону Адамовичу». Между тѣмъ еще въ письмѣ Выговскаго къ патріарху Никону, писанномъ отъ 17 августа 1754 года (изъ табора подъ Хвастовымъ), сказано: «Посылали *Павла Яненка, полковника Кіевского*, изгономъ до Мозырь, гдѣ за тѣмъ же Его Царского Величества, и сына Его Царского Величества, Государя нашего Царевича и Великаго Князя, Алексѣя Алексѣевича, щастіемъ, Павлушу, Литовскаго полковника, со всѣмъ полкомъ, погромилъ» (см. *Малороссійская переписка*, хранящаяся въ Московской Оружейной палатѣ, отрытая Иваномъ Забѣлинымъ,—въ *Чтеніяхъ*, 1848). Отсюда ясно, что Кіевскимъ полковникомъ былъ *Павелъ Яненко* съ 1654 года, и былъ онъ до 1659 года, въ которомъ на его мѣстѣ сталъ *Василій Дворецкій* (Бутримовъ тожъ).

Въ Кіевскихъ актахъ того времени не разъ встрѣчался онъ мнѣ подъ именемъ *Павла Яновича Хмельницкаго,* а по книгѣ Реестровъ 1649 года *Павелъ Яненко* значится въ числѣ Чигиринской полковой старшины. Чтò же касается до его предмѣстника на Кіевскомъ полковничествѣ, до, такъ называемаго, *Антона Адамовича*, то я уже въ прежнемъ «Извѣстіи» пояснилъ, что этимъ именемъ въ потомствѣ онъ обязанъ лѣтописателю Коховскому; который передѣлалъ оное изъ *Антона Ждановича* (также, какъ имя Каневскаго полковника, *Семена Савича*, по латынски *Sawicius,* напечатанное у Коховскаго ошибкою *Pawicius*, дало нашему лѣтописанью, на полтораста лѣтъ, не бывалого—*Семена Павицкаго*!). Знаменитый Кіевскій полковникъ, *Антонъ Ждановичъ* (поминаемый въ народной Украинской думѣ подъ именемъ *Антона Волочая*), послѣ того, какъ онъ, 1653 года, будучи гетманскимъ посломъ къ королю, задержанъ былъ Радзивиломъ въ качествѣ плѣнника, послѣ того былъ полковникомъ *Чигиринскимъ*; а въ походѣ 1657 года былъ онъ уже въ званіи *войсковаго* или *генеральнаго судьи,* какъ это узнаемъ теперь изъ Черниговъ-

ской лѣтописи: «Антонъ, судія енеральный козацкій, ходилъ въ зимѣ на Венгеры.... и т. д. (стр. 25).

Приведу еще одинъ примѣръ, о кончинѣ гетмана Ивана Выговскаго, который, пока былъ подъ рукою Богдана Хмельницкаго генеральнымъ писаремъ, былъ золотой человѣкъ, принадлежа къ тѣмъ людямъ, которые отмѣнно способны быть орудіемъ, но не годны къ самостоятельности. Выговскій былъ изъ Русскаго Волынскаго шляхетства; въ старинныхъ церковныхъ памятникахъ встрѣчалась мнѣ записка о родѣ «пана Остафія Выговскаго» — его отца. По смерти Богдана Хмельницкаго, удаливъ отъ гетманства молодаго Юруся Хмельниченка (опредѣленіемъ его въ Кіево-братскія школы на ученіе), и выхитривъ себѣ гетманство (при содѣйствіи боярина Хитрова), Иванъ Выговскій заварилъ кровавую междоусобицу козацкую и раздвоеніе Украины, увлеченный изветшалою мечтою о Кіевскомъ княжествѣ, на которую и уловилъ его честолюбіе соблазнитель *Бенёвскій*. Но въ замѣнъ утраченнаго гетманства и несбывшагося Кіевскаго княжества, ему, Выговскому, досталось отъ Польской короны только титло воеводы Кіевскаго, ибо дѣйствительные Кіевскіе воеводы съ 1654 года были уже отъ Русской державы—князь Куракинъ, Шереметевъ (Василій Борисовичъ), думный дворянинъ *Иванъ Чаадаевъ*, бывшій воеводою во время титулярнаго воеводства *Ивана Выговскаго*. Въ 1664 году, когда король-іезуитъ (Янъ Казиміръ) проходилъ неудачною для него войною черезъ Украину въ Сѣверскую сторону, Выговскій явился въ Чигиринщинѣ, чтобы поискать вновь гетманства козацкаго; и тутъ онъ нашелъ себѣ послѣдній конецъ: его, какъ извѣстно, «Маховскій полковникъ казалъ розстреляти, не дбаючи же воеводою былъ; и на томъ гетманство Выговскаго скончилося». (*Лѣтоп. Самов.* стр. 44). Въ Черниговской лѣтописи находимъ слѣдующій эпилогъ къ трагедіи Выговскаго: «Татаре, да Чернецкій и Маховскій Ивана Выговского казали разстреляти; а онъ на той часъ, во избѣ поклякнувши, читалъ акаѳистъ Пресвятой Богородицы. Хованъ у Великомъ Скитѣ и зъ женою своею *Стеткевичовною*, [1]) которой кгды сказано, же пана забито, пала и

[1]) Такъ поправляю я; въ изданіи поставлено: Ететкевичовною.

умерла, зоставивши сына своего единого, еще невеликого» (стр. 29). Какъ знаменательно это упокоеніе мятежныхъ костей честолюбца — возлѣ жены, такъ сильно его любившей, и въ той обители (Чигиринской), которую онъ обстроилъ своимъ иждивеніемъ, и въ которую царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ всю церковвую утварь, еще до присоединенія Малороссіи къ Русской державѣ. Выговскій, отъ 12 августа 1653 года, изъ Суботова, писалъ къ патріарху Никону: «Великое твое Святительство изволило ходатайствовати къ В. Г. Его Царскому Величеству, и Его Царское Величество, яко Царь православныхъ, всѣми церковными обрядами, ризами, стихарями, сосудами и книгами, пожаловати изволилъ церковь святыя Живоначальныя Троицы въ Чигиринскомъ монастырѣ, моимъ тщаніемъ, Іоанна Выговскаго, писаря войска Запорожскаго, созданную» (см. тамъ-же въ «Малорос. перепискѣ»).

Такъ мало по малу опредѣляются для историка Малороссіи, все вѣрнѣе и полнѣе, разныя подробности. А мы того и хотимъ отъ исторіи, чтобы въ ней старина Южнорусская открывалась въ подлинномъ своемъ видѣ до послѣднихъ подробностей, какъ открылись нынѣ древніе фрески на стѣнахъ Кіево-софійскаго собора, изъ подъ штукатурки XVII-го вѣка. И если исторія Малороссіи, за сто лѣтъ до насъ написанная достопамятнымъ Георгіемъ Конисскимъ, уже неудовлетворительна для насъ, такъ именно потому, что мы уже видимъ въ ней недостатокъ точности и вѣрности въ изображеніи очень многихъ подробностей; хотя съ другой стороны, она также, какъ народная историческая дума, *полна животворнаго художественнаго одушевленія, и чуткаго вѣрнаго разумѣнія о сущности событій и значеніи лицъ*; *а во многихъ случаяхъ она остается и единственнымъ источникомъ свѣдѣнія историческаго*. Конисскому въ его время не доставало еще достовѣрнаго свѣдѣнія на многія мѣста въ исторіи; а будь у него весь тотъ историческій запасъ, какимъ въ нынѣшнемъ столѣтіи обладалъ Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, изъ подъ его руки вышла бы не такая безцвѣтица, какъ «Исторія Малой Россіи», особливо во второмъ, умноженномъ ея изданіи. Великій нашъ художникъ, Пушкинъ, въ разборѣ

своемъ сочиненій Кониссваго, сказалъ: «*Множество мѣстъ въ (его) Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистію великаго живописца*».

Чтò касается до изданія Черниговской лѣтописи, то мнѣ кажется, что ее слѣдовало напечатать всю по одному полному (*семинарскому*) ея списку, и не для чего было начало ея (до 1652 г.) издавать по *отрывку*, уцѣлѣвшему отъ другого списка. Издатель говоритъ, что этотъ отрывокъ—«очевидно *древнѣе* и притомъ *исправнѣе*.» Но тутъ старшинство въ какомъ нибудь десяткѣ лѣтъ (если еще есть старшинство) не важно; что же касается до исправности, то предпочтенный отрывокъ никакъ не можетъ ею похвалиться, и по нѣкоторымъ разнословіямъ, приведеннымъ въ выноскахъ, семинарскій списокъ, по крайней мѣрѣ во многомъ, исправнѣе предпочтеннаго отрывка. Вотъ для сравненія первый листокъ лѣтописи.

Въ первой строкѣ напечатано въ текстѣ: «Лѣта отъ *Рождества* 1587.» Въ выноскѣ; «по семин. спис: отъ *Рождества Христова*.» Такъ и слѣдовало, ибо всегда такъ было писано, и полнымъ складомъ и сокращенно: отъ Р. Х.

Въ текстѣ напечатано: «Діонисій *Збарязскій*, епископъ Холмскій *оболженный*.» Въ выноскѣ по сем. сп: «Діонисій *Збируйскій*, епископъ Холмскій и *Белзскій*.» Такъ и слѣдовало бы поправить въ самомъ текстѣ, не скрѣпляя печатью грубой описки предпочтеннаго отрывка.

Далѣе, въ выноскѣ помѣщены изъ семинарскаго списка слѣдующія слова, пропущенныя въ отрывкѣ, и въ напечатанномъ съ нею текстѣ: «того жъ року *Косинскій* воевалъ съ Поляками, и зосталъ отъ нихъ подъ *Пяткою* пораженнымъ.» Какая же это исправность списка, въ которомъ такой важной пропускъ!

Далѣе въ текстѣ: «а потомъ подъ Лубнами на *Солоницы*.» Въ выноскѣ: по семин. сп: «На *Солоныцы*.» Такъ и слѣдовало; Засульская слободка подъ Лубнами, возлѣ которой былъ осажденъ и взятъ Наливайко, понынѣ зовется *Солоныцею*, а не *Солоницемъ*.

Далѣе въ текстѣ (подъ 1605): На Жигимонта короля Полского отъ пановъ былъ *розказъ*.» Явная описка. Въ

выноскѣ, по семин. сп: «*рокошъ.*» Вотъ это такъ! Такъ и слѣдовало поставить и въ текстѣ, поправивъ притомъ и 1605 годъ на 1606. Сличи во Львовской лѣтописи; «1606. *Рокошъ* великій былъ подъ Вислицею противъ королеви» (См. и у Самовидца годъ того *рокоша*, и у Маскевича подъ 1606 г.).

Вотъ сколько мѣстъ съ одного перваго листка, въ которомъ семинарскій списокъ *исправнѣе*. Тоже видно и по другимъ мѣстамъ. Вышеприведенную (Зборовскую) рѣчь Богдана Хмельницкаго я пополнилъ и поправилъ варіантами, приведенными въ выноскахъ изъ семинарскаго списка.

2. *Лѣтоизобразительное описаніе.* Это одна изъ нѣсколькихъ, составленныхъ въ прошломъ столѣтіи, коротенькихъ лѣтописей, о событіяхъ съ 1506 по 1783 годъ «наипаче, кто именно когда былъ козацкимъ гетманомъ.» Хорошо, что оно издано; этимъ пополняется литература Малороссійскаго лѣтописанья. Но я не скажу вмѣстѣ съ издателемъ, чтобы это «Лѣтоизобразительное описаніе» заключало въ себѣ «*много новыхъ* и довольно *важныхъ* извѣстій.» По моему примѣчанію, тутъ Малороссіи поживиться нечѣмъ.

3. *Хронологія Гетмановъ.* Составлена во второй половинѣ прошлаго столѣтія монахомъ Гадяцкаго монастыря (такъ полагаю, особенно по его выраженію подъ 1657 годомъ о Гадяцкомъ игуменѣ: «*на тотъ бокъ* Днѣпра» т. е., на правый съ лѣваго). Безъ дальняго разбора вносилъ онъ въ свою хронологію замѣтки о гетманахъ, изо всего, что попадалось ему подъ руку; оттого иногда встрѣчаются у него странныя вещи, какъ напримѣръ: 9-й гетманъ *Высота*, бывшій за Ярослава, съ сылкою на Стрыйковскаго, листъ 154. Да и слѣдующій за нимъ 10-й гетманъ, *Иванъ Петрижицкій*, положенъ передъ Шахомъ 1577 года, между тѣмъ, какъ онъ былъ гетманомъ 1632 года (эту же несвоевременную постановку Петрижицкаго передъ Шахомъ находимъ и въ «лѣтописномъ повѣствованіи» Ригельмана)! Но есть и въ Хронологіи очень дѣльныя, и для историка новыя замѣтки о гетманахъ, особенно тѣ, которыя выписаны изъ старинныхъ памятниковъ. Такова, напримѣръ, замѣтка о погребеніи *Евстафія Гоголя* въ Межигорскомъ монастырѣ 1679 года, 7 ген-

варя (стр. 119.). Она опредѣляетъ собою неизвѣстное доселѣ время, когда кончилось задиѣпровское гетманство Гоголя. Вотъ и другая выписка: «Благороднымъ гетманомъ войска Запорожскаго: Петру Конашевичу-Сагайдочному, Дорошу Коцкевичу, Михаилу Дорошенку, Тимофею Арандаренку, Леонтію Бубновскому, Богдану Хмельницкому, Іоанну Выговскому — вѣчная память»! Тутъ сохранилась память о двухъ гетманахъ — *Дорошѣ Коцкевичѣ* и *Леонтіѣ Бубновскомъ*, о которыхъ не было и помину въ нашемъ лѣтописаньи.

4. *Имянная перепись Гетмановъ*. По объясненію г. Бѣлозерскаго, она принадлежитъ къ знаменитому сочиненію Аѳанасія Шафонскаго о Черниговскомъ Намѣстничествѣ, но не вошла въ печатное его изданіе (1851 года). Подобныхъ списковъ гетмановъ есть уже довольное число — отъ списка, составленнаго послѣднимъ Кіевскимъ полковникомъ (впослѣдствіи канцлеромъ) А. А. Безбородкомъ, до «Хронологическаго списка», составленнаго митрополитомъ Евгеніемъ (въ прибавленіи къ синопсису Кіевскому, напечатанному 1836 года). Нынѣ изданная перепись ничего новаго не прибавляетъ къ тѣмъ спискамъ; но она любопытна, какъ произведеніе ученаго Шафонскаго, служащее показателемъ тогдашняго (1786 года) знанія его о гетманахъ, числѣ ихъ и порядкѣ. Много невѣрностей и пропусковъ, какъ въ этой перписи, такъ и въ прочихъ спискахъ; но я не буду на нихъ останавливаться; а вмѣсто того, имѣя предъ глазами, въ книжкѣ г. Бѣлозерскаго, три статьи о гетманахъ, напишу здѣсь новый списокъ ихъ, по моему, на сей часъ, свѣдѣнію о нихъ. Ограничиваюсь гетманами, бывшими до Богдана Хмельницкаго, такъ какъ о нихъ собственно ведется сомнѣніе и разногласіе у историковъ Малороссіи, по недостатку современныхъ, опредѣлительныхъ извѣстій.

Краткій списокъ гетмановъ козацкихъ, бывшихъ до Богдана Хмельницкаго.

1. *Предславъ Ланцкоронскій*, съ 1506 († 1531).
2. *Евстафій Дашковичъ* († около 1535).

3. *Самойло Кошка* или *Кушка*, около 1534 (освободился изъ Турецкой неволи около 1588).

4. *Венжикъ* (т. е. Вячеславъ) *Хмельницкій*, съ 1534.

5. *Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій*, 1556 († 1564, въ Царьгородѣ).

6. *Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій* († 1584, въ Кіевѣ).

7. *Князя Евстафій Ивановичъ Ружинскій* († послѣ 1581).

8. *Иванъ Свѣрговскій* (называемый и Свирщевскимъ,) 1574 († Турками подъ Киліей).

9. *Богданко* или *Яковъ-Богданъ* (прозваніемъ *Ружный*, или *Ружинскій?*), въ 1575 и 1576; убитъ подъ Исламомъ.

10. *Иванъ Подкова* (называемый и *Серпягою*), въ 1577 († 1578 г., 16 іюня, во Львовѣ, королемъ Баторіемъ).

11. *Шахъ* (Яковъ), 1577 и 1578 († монахомъ Каневскаго монастыря).

12. *Самуилъ Зборовскій* 1580 († 1584, въ Краковѣ, канцлеромъ И. Замойскимъ).

13. Князь Михаилъ Ивановичъ Ружинскій, въ 1585.

14. *Лукъянъ Чорнинскій* 1586.

15. *Семенъ Скалозубъ*, въ 1588 и 1589; убитъ на Черномъ морѣ.

16. *Христофоръ Косинскій*, въ 1592—1594; убитъ подъ Пяткою.

17. *Богданъ Микошинскій*, 1594.

18. *Павелъ Наливайко*, 1595 и 1596 († 1597 въ Варшавѣ).

19. *Гаврило Кортневичъ* 1600.

20. *Иванъ Коцковичъ* (или Куцковичъ), 1602.

21. *Зборовскій*, 1606.

22. *Григорій Тискиневичъ*, 1610.

23. *Бородавка*, 1621 († 31 августа козаками).

24. *Петръ Конашевичъ - Сагайдачный* († 1622 г., 10 апрѣля, въ Кіевѣ).

25. *Олиферъ Остаповичъ Голубъ*, 1622 (онъ же и *Стеблевецъ*).

26. *Богданъ Конча* (называемый Конгою).

27. *Максимъ Григоровичъ* (убитъ 1624 козаками).

28. *Дорошъ Коцкевичъ* (1625).

29. *Михайло Дорошенко*, съ 1625; убитъ 1628 въ Крыму.

30. *Вовкъ* (Константинъ), 1626.

31. *Грйшко* или *Григорій Савичъ Чорный*, 1629 (убитъ 1630 козаками).

32. *Тарасъ*, прозваніемъ *Трясило*, 1630.

33. *Оренда* или *Тимофей Михайловичъ Арандаренко*, 1630.

34. *Леонтій Бубновскій.*

35. *Семенъ Перевязка.*

36. *Иванъ Петрижицкій*, 1632.

37. *Андрей Гавриловичъ.*

38. *Самойло Сулима*, 1633—1635 († въ Варшавѣ, 1635).

39. *Савва Кононовичъ*, называемый и *Савалтовичемъ* (убитъ Запорожцами).

40. *Павлюкъ* или Павелъ Михновичъ Бутъ, 1637 († въ Варшавѣ, 1638).

41. Степанъ Остряница (называемый и *Остряниномъ*), 1638 († въ Варшавѣ, 1639).

42. *Дмитро Гуня*, съ половины 1638 († въ Варшавѣ, 1639).

43. *Карпо Повтора-Кожуха*..

44. *Максимъ Гулакъ* (называемый *Булюкомъ*)..

* * *

Обратимся теперь къ самой редакціи «Южно-русскихъ лѣтописей». Нельзя одобрить того, что издатель удержалъ въ печатномъ текстѣ всѣ *списки* собственныхъ именъ, какія находились въ рукописяхъ. Для чего это? Или мало еще было этого сметья въ прежнихъ книгахъ, чтобы нарочно засорять имъ наше лѣтописанье въ новѣйшихъ изданіахъ? Посмотрите, напримѣръ, въ знаменитомъ трудѣ Голикова: «Вѣдомость о полкахъ и сотняхъ, на которыя дѣлилась Малороссія въ 1723 году»; тамъ имена многихъ *сотень* такъ изувѣчены, что нельзя бы по нимъ и угадать подлинныхъ именъ, если бы мы не знали ихъ по другимъ спискамъ. Что переписчики и наборщики часто ошибаются въ постановкѣ буквъ, это не диковина, но для того есть корректура. А г. Бѣлозерскій наро-

чно удерживаетъ въ текстѣ, напримѣръ: *Чернецы* вм. Чернецкій (с. 30); *Константинъ Московскій* (с. 31) вм. Константій Мокѣевскій; или *Ромодановскій*, *Ромадовскій*, *Ромадановскій*» повторяя въ выноскахъ слѣдуетъ Ромадановскій слѣдуетъ Ромадановскіе (с. 28, 32). Тоже и въ собственныхъ именахъ мѣстъ, напримѣръ: «въ *Жинѣ*», а въ выноскѣ: «слѣдуетъ *въ Бужинѣ*». Само собою, что слѣдуетъ; и слѣдовало бы такъ поставить въ текстѣ, не портя его недопискою этого имени, которое, черезъ четыре строки, поставлено вполнѣ: *Бужинъ*. Г. Бѣлозерскій говоритъ, что въ Черниговской лѣтописи «много анохронизмовъ». А кто же, какъ не онъ, обязанъ былъ уменьшить множество ихъ, поправкою всѣхъ ошибочно написанныхъ годовъ, и постановкою (хотя въ скобкахъ) пропущенныхъ, безъ чего событія нѣсколькихъ лѣтъ остаются иногда подъ однимъ? Неисправность въ годахъ еще скучнѣе видѣть въ лѣтописи, чѣмъ въ написаніи собственныхъ именъ; а, къ сожалѣнію, она такъ нерѣдко встрѣчается въ новыхъ историческихъ книгахъ, даже такихъ, гдѣ объ исправности чиселъ можно бы озаботиться столько же, какъ нѣкогда заботились объ томъ при изданіи таблицъ логариѳмовъ. Г. Бѣлозерскій отмѣчалъ иногда въ выноскахъ ошибки текста; но отмѣтилъ ихъ такъ мало, какъ это можно было сдѣлать только при первомъ чтеніи книги; а ему, какъ издателю, слѣдовало остановиться надъ каждымъ годомъ и собственнымъ именемъ, и повѣрить ихъ тщательно. Издатели лѣтописей и другихъ историческихъ памятниковъ—работники для историка, которому и безъ того много труда соглашать безпрестанныя разногласія и Малороссійскихъ, и Польскихъ писателей объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ и лицахъ, и поправлять заматорѣлыя ошибки, гурьбою переходившія и переходящія изъ книги въ книгу… А тутъ ему, взявши, напримѣръ, Черниговскую лѣтопись, надо еще осматриваться на каждой строкѣ, чтобы не принять изъ нея что-либо написанное ошибочно писцемъ, и не провѣренное, не поправленное издателемъ. При такой мелочной заботѣ и работѣ, истомится и разсѣется у историка рабочая сила его, которая должна быть сбережена ему на другое, важнѣйшее дѣло. А

для обыкновенныхъ читателей тѣмъ болѣе надо издавать текстъ лѣтописей готовый и исправный; ибо многіе ли изъ нихъ станутъ спускаться въ выноски за наставленіями, какъ слѣдуетъ быть въ текстѣ, вмѣсто того, чтó напечатано въ немъ, встрѣчая при томъ (въ выноскахъ) безполезныя разнословія списковъ, а иногда и напрасныя слова самого издателя! Бóльшая часть читателей удовольствуются однимъ текстомъ, какъ онъ напечатанъ; а въ томъ видѣ, какъ напечатанъ текстъ «южнорусскихъ лѣтописей», онъ можетъ вводить въ заблужденіе читателей своими частыми ошибками, или ставить въ тупикъ своими противорѣчіями, оставленными безъ исправленія и примѣчанія со стороны издателя. Такъ, напримѣръ, поставленіе Самойловича на гетманство, по Черниговской лѣтописи означено подъ 1674-мъ годомъ, по Лѣтоизобразительному описанію подъ 1673-мъ годомъ, а по Хронологіи и Переписи—подъ 1672-мъ; и нигдѣ читателю не сказано, какой же ему изъ этихъ годовъ слѣдуетъ принять. На первой страницѣ Черниговской лѣтописи напечатано въ текстѣ, что Михаилъ Рогоза посвященъ на митрополію Кіевскую 1590 года; а въ выноскѣ означено, что по другому (семинарскому) списку тутъ поставленъ 1591 годъ; а того не означено, что тутъ слѣдуетъ 1588 годъ! Приведу еще примѣръ. На 18 страницѣ напечатано: «1645 Владиславъ, кроль Полскій, померъ. Того жъ року Петръ Могила, Кіевскій митрополитъ, померъ; а по немъ зосталъ Митрополитомъ *Сілвестъ* Косовъ.» Читатель отсылается въ выноску, и тамъ находитъ только отмѣтку объ имени *Сілвестъ*, что оно въ другомъ (семинарскомъ) спискѣ пишется: *Силверстъ*. Но тутъ не то бѣда, что въ обоихъ спискахъ неправильно пишется имя *Силвестръ;* для читателя важнѣе то, что Владиславъ умеръ не въ 1645-мъ, а въ 1648-мъ году; равно и Петръ Могила скончался не *того-жъ* (1645) года, а въ ночь на новый 1647 годъ, въ которомъ и Сильвестръ Коссовъ сталъ митрополитомъ Кіевскимъ.

Иногда, какъ сказалъ я, читатель отсылается въ выноски за напрасными словами самаго издателя. Такъ въ Хронологіи (на стр. 116) напечатано въ текстѣ: «*и Гира* гетманъ, не дошедъ съ Москвы до князя Григорія Григорьевича Ромода-

новскаго, въ *Лохвицѣ*, подъ *Пискамы* отъ Татаръ убитъ». Въ выноскѣ поставлено: «Кажется, слѣдуетъ *Кгира?*» Но это *idem per idem*... и развѣ былъ гетманъ *Кгира*? Въ текстѣ должно быть вмѣсто «*и Гира* гетманъ»... *Искра* гетманъ.... Далѣе слѣдовало, не отдѣляя имени города Лохвицы отъ Ромодановскаго, поставить такъ: «Ромодановскому *въ Лохвицу*, подъ *Пѣсками* отъ Татаръ убитъ.» Объ этомъ же событіи говорится и въ другой статьѣ въ Лѣтоизобразительномъ описаніи (стр. 72): «не дошедъ къ Ромодановскому, на шляху подъ Пѣсками Лохвицкими убитъ». Кто же убитъ? Тутъ совсѣмъ пропущено имя *Искры*, убитаго тамъ *12 генваря*, 1659 года. Объ этомъ происшествіи подробно говорится въ лѣтописи Величка (т. I., стр. 363), и даже воспѣто стихами:

«Згаснулъ тамъ *Искра*, имѣвшій свѣтити,
А нехотѣвшій будущихъ смотрѣти»... и т. д.

Заглянулъ бы туда издатель «Южно-русскихъ лѣтописей» и не было бы напрасныхъ словъ: «Кажется, слѣдуетъ *Кгира!*»

Иванъ Искра былъ не послѣдній Полтавецъ своего времени. Во все время, какъ *правдомолвный Пушкарь* былъ *полковникомъ* Полтавскимъ, Искра былъ первымъ по немъ старшиною того полка (т. е., *обознымъ*). Онъ принадлежалъ къ старинному Православно-Русскому *шляхетству*, которое, въ гетманство Богдана Хмельницкого, по устраненіи Польской шляхты изъ Малороссіи, осталось въ ней, какъ основаніе и залогъ будущаго дворянства Малороссійскаго. Искра былъ посланъ въ Москву еще отъ гетмана Хмельницкаго, съ которымъ они считались *сватами*, по женитьбѣ пасынка Богданова (сынъ первой жены его, Анны Сомковны, изъ Переяслава) на Искриной дочери, Евдокіи Ивановнѣ.

Въ замѣнъ существенныхъ исправленій въ лѣтописномъ текстѣ, требуемыхъ историческою критикою, г. Бѣлозерскій обратилъ вниманіе на подправку *правописанія*. «Для ясности смысла, говоритъ, поставилъ, гдѣ слѣдуетъ, буквы *ы* и *и*», и т. д. Но развѣ слѣдуетъ буква *ы*, напримѣръ, въ словахъ: *преставылся* (стр. 16), тысячей *тры* (стр. 38), *за коныки*, и проч? Развѣ поставлена, *гдѣ слѣдуетъ*, буква *и*, когда напечатано: на *дви частѣ* (стр. 15); подъ *Пискамы* и подъ *Пѣс-*

ками; Хмельницкій и *Хмелнѣцкій* (на стр. 19, тоже и на 20). или: *Казимиръ*, *Казимѣръ*, *Казимеръ*, *Казьмеръ*, и проч.? Что нибудь бы уже одно: или, не касаясь правописанія, печатать текстъ буква въ букву противъ рукописей, поправляя только явныя описки, или же привести весь текстъ къ однообразному прописанію, подходящему къ тому, какое господствовало у Малороссіянъ прошлаго столѣтія. Но въ обоихъ случаяхъ необходимо было исправить написанныя ошибочно собственныя имена и годы и поставить въ текстъ годы пропущенные, это необходимо сколько для читателей, столько и для достоинства самаго текста, поврежденнаго перепискою, а отчасти и недосмотромъ самихъ сочинителей. Кому не случалось обмолвкою написать не то имя или число, которое и было на умѣ?... Изо всего сказаннаго мною о первомъ томѣ «Южнорусскихъ лѣтописей» можно заключить, что въ немъ истинное перло есть «Черниговская лѣтопись». За нее-то, скажу еще разъ, и будетъ всегда благодарность г. Бѣлозерскому отъ занимающихся Малороссійскою исторіею; прекрасное дѣло сдѣлалъ бы онъ, еслибы сію, открытую имъ лѣтопись, издалъ онъ вторично въ томъ видѣ, какъ слѣдуетъ: она же такая маленькая, что и не потребуетъ для себя большого труда.... Впрочемъ, незабвенный учитель нашъ Мерзляковъ, въ своемъ пѣснопѣніи «Трудъ», сказалъ:

«Гдѣ нѣтъ труда—огнь чувствъ безъ силъ;

Тамъ же сказалъ онъ:

«И жизнь моя, скорбей сосудъ,
Не есть ли духа, персти трудъ»?

О ПРИЧИНАХЪ ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ И МАЛОРОССІЯНЪ, БЫВШАГО ВЪ XVII ВѢКѢ. [1]

(Письмо къ М. А. Грабовскому).

Съ особеннымъ вниманіемъ прочелъ я статью вашу, помѣщенную во 2-мъ томѣ Записокъ г. Кулиша. Въ ней, какъ видно, вы думали положить оливковую вѣтвь мира на могилу давно отжитой старины Польско-Украинской — могилу, объ которой можно сказать словами народной пѣсни:

«Вся кровцею обкипѣла.
Ой якою? Козацькою,
Вполовину изъ Ляцкою».

Касаясь Польско-Украинскихъ междоусобицъ и смутъ, особенно Хмельниччины, вы говорите: «я не вступаюсь нисколько за лица, надъ которыми разразилась буря народнаго возстанія; но, изъ уваженія къ *исторической истинѣ*, желалъ бы установить какія-нибудь *общія оправданія и обвиненія*, какъ одной, такъ и другой стороны» (с. 317). Да, она-то, всѣмъ намъ любезная и вожделѣнная *историческая истина*, и должна служить, намъ, потомкамъ, оливною вѣтвію мира послѣ долгой и кровавой междоусобицы нашихъ предковъ! Вы не разъ въ своей статьѣ указываете на разные недостатки всѣхъ прежнихъ исторій о войнахъ Польско-козацкихъ; и я съ вами согласенъ; и съ своей стороны, въ разныхъ статьяхъ моихъ, касавшихся исторіи Малороссіи, я указывалъ на погрѣшности, въ ней ведущіяся, и нерѣдко толпами изъ книги въ книгу переходящія. Но отъ тѣхъ же недостатковъ не свободна и ваша статья, при всемъ уваженіи вашемъ къ исторической истинѣ. Вы говорите: «мы должны стоять

[1]) Русская Бесѣда 1857 г. кн. IV, стр. 35—61.

выше *логики козацкой»* (с. 318). Но для чего же вы не стали выше логики *анти-козацкой*? А безъ того, установляя общія обвиненія и оправданія для обѣихъ сторонъ, вы слишкомъ много переложили *оправданія*—на сторону *Польскую*!

Пробѣгая слегка по всѣмъ струнамъ народной жизни, и ударяя forte только на двѣ — (на *безчинство* Польскихъ жолнѣровъ, квартировавшихъ на Украинѣ, и на *строгія мѣры* Польскаго правительства къ обузданію Козачества отъ наѣздовъ на Туреччину), вы думаете заглушить ими говоръ исторіи о томъ, что Польское правительство и владѣльцы Украинскихъ имѣній угнетали Украину. Вы говорите: «смѣю сказать *утвердительно*, что ни административнаго гнета, ни гнета, проистекающаго изъ права владѣльческаго, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, *быть не могло*. Напротивъ, не слѣдовало бы забывать *добра*, которое *сдѣлали Украинѣ Поляки»* (с. 312).

«Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ пословица: и, какъ въ нашей памяти о прошедшей жизни все тяжкое и лихое отсѣдаетъ большею частью на дно, а наверхъ всплываетъ преимущественно доброе; то прежде всего и хочется услышать отъ васъ: какое именно «*добро*, сдѣланное *Поляками* Украинѣ» и нами забываемое, вы намъ напоминаете?

Въ отвѣтъ на это, вы продолжаете: «*Литвины* прогнали изъ этой страны Татаръ; *Поляки* эти безлюдные степи почти вновь населили» (с. 322). Далѣе, желая напомнить намъ справедливость господства Польши надъ Украиною, вы говорите: «это *господство* не было ни у кого похищено, ни отнято силою—развѣ только у Татаръ. Обладаніе Южною Русью было со стороны *Польши* ни завоеваніемъ, ни порабощеніемъ, а напротивъ—*освобожденіемъ* этой земли».

Да, *Литовцы* съ своей стороны *освободили* Малороссію отъ Татаръ. Но вы продолжаете: «Отнятыя у Азіатскихъ дикарей и очищенныя отъ нихъ пустыни, *Поляки мало по малу заселили*, *упрочивъ безопасность Русичей*, остававшихся на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ, и заохотивъ разбѣжавшихся въ другія земли возвратиться на родину». (с. 316).

Такъ вотъ что называете вы *добромъ* Украинѣ отъ *Поляковъ*, старую пѣсню ошибочныхъ исторій о мнимомъ запустѣніи и безлюдьи Украины, порабощенной Татарами, — о небываломъ заселеніи ея почти вновь—*Поляками*! Эту пѣсню пора бы уже позабыть; а вы ее выставляете намъ, какъ «*добро*, сдѣланное Украинѣ *Поляками*!»

Чтобы разсѣять этотъ историческій призракъ, и установить надлежащій вѣсъ, для разбора свидѣтельствъ о тогдашнемъ запустѣніи и заселеніи Украины, и получить надлежащую мѣру, для сужденія о господствѣ Польши надъ *Украиною*, припомнимъ и установимъ эпохи ея исторической жизни, съ той поры, какъ она утратила свою древнюю Великокняжескую *самостоятельность*.

I) Эпоха *Татарской* власти надъ всею Украиною—отъ нашествія Батыева на Кіевъ, 1240 года, до освобожденія Кіева Гедиминомъ, 1320 года—всего 80 лѣтъ.

II) Эпоха *Литовской* власти—отъ присоединенія Украины къ великому княжеству Литовскому Гедиминомъ, 1320 года, до половины 1569 года, когда Украина (стараніемъ и волею Жигимонта-Августа) приняла *соединеніе* (унію) съ короною Польскою—всего 249 лѣтъ.

III) Эпоха *Польской* власти—съ половины 1569 года, когда Украина стала въ составѣ *Рѣчи-посполитой Польской*, до приведенія Богданомъ Хмельницкимъ всей Украины подъ *державу Русскую*, въ генварѣ 1654 года—всего *85 лѣтъ*.

(А если эпоху *Польской* власти считать до возстанія Хмельницкаго и кончины Владислава IV-го, въ 1648 году, то—всего *79 лѣтъ*).

IV) Эпоха *раздвоеннаго* бытія Украины: *восточной*—постоянно подъ властію *Русскою; западной*—сперва въ колебаніи между Россіею и Польшею, въ продолженіе *57 лѣтъ;* потомъ (послѣ договора Прутскаго 1711 года), въ постоянной принадлежности Польшѣ до конца ея королевства (1795).

Въ предѣлахъ этой исторической рамы, и не смѣшивая эпохъ, мы можемъ рисовать картину Украинской жизни исторически вѣрную. И здѣсь тотчасъ становится яснымъ, что все, относящееся къ населенію Украины до половины

1569 года, не должно быть приписываемо *Полякамъ*. Освобожденіе отъ Татаръ принадлежитъ великому князю *Литовскому* Гедимину. Подъ властью преемниковъ его, и ихъ Кіевскихъ намѣстниковъ или удѣльныхъ князей Кіевскихъ—Украина *два съ половиною вѣка* жила отдѣльно отъ Польши, хотя нѣкоторые великіе князья Литовскіе, принимая на себя Польскую корону, были вмѣстѣ и королями Польскими. Но Украина, въ эти два съ половиною вѣка (какъ и въ прежнее 80-лѣтіе Татарщины) не оставалась *безлюдною пустынею;* Украинскій народъ не сидѣлъ такъ долго на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ. Разоряемые по временамъ отъ Татаръ города и села, если и залеживались иногда впустѣ, то заселялись опять своимъ же народомъ, Украинскимъ, не покидавшимъ своего отечества. Что города и села Украины, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра въ продолженіе Литовской эпохи не оставались впустѣ, то видно и по нѣкоторымъ старымъ спискамъ городовъ, и по отдачѣ ихъ великими Литовскими и удѣльными Кіевскими князьями разнымъ лицамъ и монастырямъ въ вотчины [1];—видно еще изъ того, что почти всѣ города и села Кіевопереяславской земли, поминаемыя Древнерусскимъ лѣтописаньемъ въ XII и XIII вѣкѣ, существуютъ донынѣ, подъ тѣми же своими древними именами, иногда нѣсколько измѣненными [2]. Временныя запустѣнія городовъ и селъ Украинскихъ, какъ отъ набѣговъ Татарскихъ, такъ и по древнему праву простонародья на вольный переходъ изъ одной отчины въ другую, видны по старымъ актамъ и въ *третью* и въ *четвертую* эпоху Малороссійской жизни, когда было вліяніе *Поляковъ* на заселеніе, а иногда и на опустошеніе городовъ и селъ Украинскихъ

---

[1]) Напримѣръ: князь Витовтъ далъ *Глинскъ*, *Глинку* и *Полтаву* въ отчину Татарскому князю Лексѣ, родоначальнику князей Глинскихъ; а городъ *Остеръ*, съ принадлежащими къ нему селами: *Черниным*ъ, *Выполозовымъ* и другими, отдалъ князю Митьку Сѣкирѣ и прочая. Я не могу представить, чтобы все то были пустыри; да если бы на тотъ часъ, когда они были жалованы, и были пустырями, то немедленное за тѣмъ населеніе ихъ свидѣтельствуетъ, что на всѣхъ полосахъ Украины была *людность*, готовая для заселенія возобновлемыхъ городовъ и селъ.

[2]) Напримѣръ: городъ *Боровый* нынѣ *Боровица;* городъ *Дерновый* по Кіевской лѣтописи или *Древенъ* по Сѣвернорусскимъ писаніямъ) нынѣ *Деренкóвецъ;* городъ *Желнинъ*—по нынѣшнему *Жовнинъ; Зарубъ*—по нынѣшнему *Зарýбинцы;* село *Янцино* подъ Переяславомъ--нынѣ *Яненки* (Малыя) и. т. д.

(напримѣръ, городъ *Черкасы* сожженъ 1537 г.); а потому, и въ эти двѣ эпохи—не однимъ *добромъ* поминать могутъ Поляковъ города и села Украинскіе.

И такъ заселенія, бывшія на Украинѣ до соединенія ея съ Польшею 1569 года, несправедливо приписывать *Полякамъ*; и Украина до этого времени, отъ временъ Гедимина, не должна быть представляема «безлюдною пустынею». Нашествіе Менгли-Гиреево на Кіевъ и окрестныя волости (1482 г). было едва-ли не опустошительнѣе, чѣмъ нашествіе Батыево; но и послѣ Менгли-Гирея возобновленіе Кіева и окрестныхъ волостей произведено было не *Поляками*, которыхъ и нельзя назвать тогдашними *колонизаторами* Украины: до 1569 года они могли быть развѣ *колонистами*.

Г. Руликовскій, въ примѣчаніяхъ къ вашей статьѣ, приводитъ любопытную выписку изъ ревизіи Житомирскаго зáмка *1545* г., [1]) по которой видно, что тамъ владѣльцами тогда

---

[1]) У него обмолвкою сказано: «въ царствованіе Сигизмунда-Августа» (стр. 336); тогда княжилъ еще отецъ его, Жигимонтъ 1-й. По малой населенности вокругъ Житомира, бывшей 1545 года, нельзя еще *заключать*, «какъ ничтожна была *первоначальная* населенность края». Самъ Руликовскій, изъ той же ревизіи, приводитъ свидѣтельство, что «Житомиръ и его окрестности, въ царствованіе Казиміра, были довольно *многолюдны*, а села сидѣли на своихъ селищахъ» (стр. 336). А послѣ, въ 1545 году, люди уже не смѣютъ «на селищахъ передъ Татары жити» и живутъ подъ защитою Житомирскаго замка!—Подобные отливы народонаселенья бывали часто на всѣхъ полосахъ южнорусской земли, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Напримѣръ, изъ ревизіи *Остерскаго замка*, составленной при Жигимонтѣ-Августѣ, видно, что въ трехъ миляхъ отъ замка «пашню опущено за неспокоемъ отъ Татаръ»; а въ числѣ замковыхъ селъ означено «Село Жуки человѣкъ было *одиннадцать*, алежъ *пять* ихъ сее зимы, послѣ колядъ, пошли прочъ».

Тѣмъ менѣе можно допустить дальнѣйшій выводъ г. Руликовскаго, изъ ревизіи Житомирскаго Замка: «Что же сказать о болѣе украинныхъ земляхъ около Кіева, Черкасъ и Уманя? Онѣ были тогда, въ полномъ смыслѣ слова, *дикою степью и пустынею*». Мнѣ кажется, что этого никакъ нельзя сказать особливо о землѣ около *Кіева* и *Черкасъ*. Временами и здѣсь, какъ и вездѣ, бывали отливы народонаселенія, запустѣніе городовъ, селъ и пашень; но вслѣдъ за тѣмъ происходили приливы народонаселенія, возобновленіе городовъ, селъ и земледѣлія. Такъ въ *Черкащинѣ* въ XIV и XV вѣкѣ ею правили Черкаскіе *намѣстники* удѣльныхъ Кіевскихъ князей, жаловавшихъ тамъ села разнымъ лицамъ (напримѣръ: Олелько жаловалъ село *Родивоново* князю Ѳеодору Глинскому). Слѣдственно, тамъ не была такая «дикая степь и пустыня». Вы тоже говорите (стр. 312) о пожалованіи въ той сторонѣ королями Александромъ и Казиміромъ разнымъ лицамъ земель—иногда съ двумя или тремя подданными. Слѣдовательно, и тогда все таки не было «безлюдной пустыни»; (а къ тѣмъ двумъ-тремъ подданнымъ, конечно, сходилось немедленно народу больше. Но въ XVI вѣкѣ, въ правленіе Жигимонта 1-го, когда «Черкаскимъ и Каневскимъ *старостою*» былъ Остафій Дашковичъ, какъ *многолюденъ* тогда былъ тотъ край отъ Чигирина до Канева, и какъ былъ крѣпокъ тогда замокъ Черкаскій! — Пожалованіе разнымъ лицамъ, въ разныхъ мѣстахъ Украины—*пустошей, пустынь*, запустѣлыхъ *городищъ, селищъ, дворищъ*, съ малымъ числомъ *подданныхъ* и совсѣмъ безъ *людей*, свидѣтельствуетъ только о

были все *«дворяне южнорусскаго имени* и Грекороссійскаго исповѣданія», какъ и вы утверждаете справедливо (стр. 317). «*Они-то,* говоритъ вашъ комментаторъ, заселили Украину, по грамотамъ *Польскихъ королей*, жалованнымъ имъ за заслуги *общему ихъ отечеству*, *Польшѣ*, подъ которою разумѣлось все, что не принадлежало державамъ сосѣднимъ» (с. 340). Но вѣдь Польша, до 1569 года, не была еще *общимъ отечествомъ* Поляковъ и Украинцевъ; Украина принадлежала еще къ составу великаго княжества Литовскаго, интересы котораго такъ часто шли врозь съ интересами Польши» [1]). Не будемъ же приписывать Полякамъ и Польшѣ того, что по всей очевидной справедливости относится къ самой Кіево-Переяславской Руси, къ ея удѣльнымъ князьямъ Кіевскимъ, и къ великимъ князьямъ Литовскимъ (независимо отъ того, были или небыли они королями Польскими). *Два съ половиною вѣка* прошло отъ конца Татарщины до начала Польщизны на Украинѣ: и въ этотъ *Литовскій* періодъ ея жизни, не должно вносить произвольно ничего сторонняго и лишняго.

неспокойномъ и тяжкомъ положеніи Украины въ тѣ времена, а не показываетъ ея *безлюдья;* быстрое населеніе возобновляемыхъ городовъ и селъ свидѣтельствуетъ о всегдашнемъ *многолюдствѣ* Украины; но оно было *передвижное*, сколько «за неспокоемъ отъ Татаръ», столько и по вольности перехода изъ одной волости въ другую.

Впрочемъ этотъ историческій предметъ требуетъ еще новой и подробнѣйшей разработки, какъ и вся вообще исторія Малороссіи, въ три первыя эпохи ея жизни, съ нашествія Батыева.

[1]) Довольно будетъ здѣсь припомнить слѣдующее. Въ Литовскомъ Статутѣ Жигимонта 1-го, 1529 года, положено: «будучи въ панствѣ нашомъ коронѣ Польской не маемъ никому ничого въ панствѣ нашомъ Великомъ Князствѣ Литовскомъ зъ имѣній людей и земль давати» и т. д (Разд. 1 ар. 25). «Тежъ шлюбуемъ и обецуемъ, ижъ въ земляхъ нашихъ того Великаго князства земль и городовъ, мѣстъ, и которыхъ колвекъ дѣдицствъ и держаня, и тежъ которыхъ колвекъ урядовъ, честей и достойности жадному *обчому*, але толко *прирожонымъ а тубылцомъ* (т. е. *природнымъ и туземцамъ*) тыхъ земль нашихъ Великого князства вышшемененого будемъ давати» (Разд. III. ар. 3). Такъ и въ Статутѣ Жигитонта-Августа, 1566 года, постановлено было: «беручи то изъ Статуту стараго—въ томъ панствѣ Великомъ князствѣ Литовскомъ и во всѣхъ земляхъ ему прислухаючихъ достойностей духовныхъ и свѣцкихъ, городовъ, дворовъ, старостовъ, въ держаньи и поживаньи и вѣчностей жадныхъ чужеземцомъ и заграничникомъ а ни сусѣдомъ того панства давати не маемъ; але то все мы и потомки наши великіе князи Литовскіе давати будутъ повинни *только Литвѣ, а Руси*, родичомъ старожитнымъ и врожонцомъ Великого князства Литовского и иныхъ земль, тому великому князству належачихъ» (Разд. III. ар. 9). Тамъ же: «Те жъ добра князства Литовского не уменьшимъ и то, што будеть черезъ непріятелей того панства нашого отдалено, разобрано и ку иншему панству отъ того панства нашого коли колвекъ упрошено ку *Коронѣ*, ку *Мазовшу*, ку Прусомъ, ку Ифлянтомъ, то за се ку власности того великого князства привести, привлащати и границы оправити обецуемъ» (Разд. III. ар. 3).

Вы упоминаете и о *«вліяніи Поляковъ* на *первоначальное* образованіе Запорожскаго братства», — говоря, что на это «есть *много* указаній». (с. 318) Прошу васъ указать мнѣ ихъ;—я ихъ еще не знаю; и полагаю доселѣ, что Поляки не имѣли вліянія на *первоначальное* образованіе *Товариства Запорожскаго.*

Устройство Козачества на Украинѣ вы также приписываете *вліянію Поляковъ,* прибавляя, что это *«фактъ,* давно признанный исторіей» (с. 318). Но признаніе такого факта принадлежитъ къ ошибкамъ исторіи. Козачество на Украинѣ повелось и распространилось еще въ первую половину XVI вѣка, въ княженіе Жигимонта I-го; и главнымъ устроителемъ Черкащины былъ *Остафій Дашковичъ,* православный Русинъ. О сподвижникѣ его, первомъ козацкомъ гетманѣ (съ 1506 года)—*Предславѣ Ланцкоронскомъ,* я не знаю положительно, какого онъ былъ рода и исповѣданія (но эту фамилію имѣли и православные Русскіе люди). Послѣдующіе гетманы: *Венжикъ Хмельницкій* и *кн. Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій* тоже были не Поляки, а православные Русины, какъ и *Самойло Кбшка,* гетманствомъ своимъ принадлежавшій, кажется, первой половинѣ XVI-го вѣка. Козачество *Украинское* или *Городовое* и Козачество *Запорожское* или *Низовое* существовали за долго до 1569 года, съ котораго можно вести начало историческаго *вліянія Поляковъ* на Украину.

Остановимся же теперь на этой *третьей* эпохѣ, и прежде всего—откажемся навсегда отъ изветшалого и неправильнаго мнѣнія, будто *Поляки населили мало по малу пустыни Украины,* отнятыя у Азіатскихъ дикарей Литовцами! Въ послѣднюю четверть XVI-го вѣка возобновлялись и устроялись многіе города Украины, послѣ новыхъ опустошеній Татарами (не означенныхъ опредѣлительно въ исторіи); но они возобновлялись по большой части людьми *Русскими:* Чигиринъ, Корсунь—князьями Вишневецкими, Богуславъ, Кàневъ—княземъ Янушемъ Острожскимъ, Сквира—княземъ Ружинскимъ и т. д. Въ Полтавщинѣ состоялась тогда огромная *Вишневèччина*—вотчина князя Михайла Вишневецкаго, перешедшая отъ него къ сыну его Михайлу Михайловичу. Новые вла-

дѣльцы на Украинѣ, бывшіе изъ природныхъ Поляковъ, конечно, населяли свои помѣстья, но изъ готоваго и подручнаго народонаселенія Украинскаго; а эти новыя ихъ заселенія были въ тоже время запустѣніемъ другихъ мѣстъ на Украинѣ, покидаемыхъ вольнопереходимъ народомъ.

А чтобы Поляки «упрочили безопасность Русичей» (отъ Татаръ), какъ утверждаете вы, то не было ли здѣсь на оборотъ? не щитилась-ли Польша Южною Русью отъ Татарвы? Татарскіе набѣги бывали нерѣдко и въ XVII-мъ и даже въ XVIII-мъ вѣкѣ. Упрочить безопасность Южной Руси отъ Татаръ суждено было не Польшѣ.

Еще вы говорите, что *Поляки заохотили* (Русичей), разбѣжавшихся въ другія земли, возвратиться на родину. Какихъ это эмигрантовъ Южнорусскихъ вы разумѣете? Вы говорите о князьяхъ *Южнорусскихъ* и *Южнорусскомъ дворянствѣ*, «возвратившихся изъ *скрытныхъ* и *отдаленныхъ* мѣстъ, куда загнали ихъ Татары» (стр. 317). Объясните мнѣ эту историческую загадку!.. Quis.... quando? Именно въ *третью* эпоху Украинской жизни и начались выходы Украинскаго козачества и простонародья изъ своей родины на земли Московскаго государства. Въ 1582 г. появились наши *Черкасы* въ Путивльскихъ предѣлахъ. Въ 1611 г. перешло 10,000 нашихъ козаковъ на Донецъ. Но особенно въ *десятилѣтіе*, прошедшее отъ Остряницы до гетманства Хмельницкаго (1638—48), въ которое такъ непосредственно и крѣпко распоряжались и начальствовали *Поляки* надъ козачествомъ Украинскимъ, тогда—сколько тысячъ Приднѣпровскаго народа переселилось въ Слободскую сторону! Да и въ гетманство Богдана Хмельницкаго, въ 1651 году, когда, по силѣ Бѣло-Церковскаго договора, Поляки снова стали возращаться на Украину, какъ много тогда Украинскаго народа покинуло свою родину и перешло въ Слобожане!

Между тѣмъ вы говорите: «я ужъ сказалъ, что *господство* Польши надъ Украиною было *справедливо*; теперь прибавлю, чего никто до меня не произносилъ, что оно было—*благотворно*. Это новое мнѣніе не требуетъ новыхъ доказательствъ. Состояніе Украины до Хмельницкаго, ея населен-

ность и богатство говорятъ о томъ *слишкомъ убѣдительно»* (с. 318).

На это я замѣчу, что и самая *справедливость* господства Польши надъ Украиною требовала бы съ вашей стороны болѣе яснаго показанія и раскрытія. По «логикѣ козацкой» — это *господство* признавалось не совсѣмъ законнымъ, и не совсѣмъ справедливымъ. Кіевопереяславская Русь или Украина приняла *соединеніе* съ Польшею въ одну *Рѣчь Посполитую*, на правѣ людей *равныхъ съ равными*, *вольныхъ съ вольными*: jako rownych do rownych i wolnych do wolnych ludzi»—сказано въ актѣ соединенія 5 іюня 1569 г. Это коренное условіе, поставленное и узаконенное актомъ соединенія, предполагаетъ *равенство* обѣихъ сторонъ, въ составѣ *Рѣчи-Посполитой*, а не *господство* одной надъ другою. Потому-то и видимъ обыкновенно, что козацкое рыцарство, признавая вполнѣ свое *подданство* Польскому королю, какъ *главѣ* политическаго тѣла,—признавая обязанностію своею *служеніе* Польской коронѣ, наравнѣ съ Поляками,—не признаетъ, однако, законнымъ и справедливымъ насильственнаго надъ собою *господства Поляковъ*. И чѣмъ *добровольнѣе* было соединеніе Украины съ Польшею, какъ равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными, тѣмъ незаконнѣе и тяжелѣ должно было казаться для Украинцевъ *господство* надъ ними Поляковъ. Я говорю это собственно для поясненія «логики козацкой»— не входя въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли оное *соединеніе* было выраженіемъ доброй воли и желанія со стороны Литовскаго княжества и Кіевской Руси. Вспомните, чего стоило Польшѣ добиться до этого «добровольнаго соединенія» — сколько воды ушло отъ первой къ тому попытки до совершенія дѣла, и что отвѣчали соединяемые каждый разъ Полякамъ на ихъ предложенія!

Что же касается до вашего утвержденія, будто господство Польши надъ Украиною «было *благотворно*», то указанное вами *состояніе* Украины до Хмельницкаго»—ни сколько не говоритъ въ пользу; а не то чтобы оно говорило «слишкомъ убѣдительно!»

Развѣ это *благотворное господство*, когда въ ближайшія къ гетманству Хмельницкаго десять лѣтъ (1738—1648), Украинское народонаселеніе бѣжитъ тысячами изъ своей родины; а въ предъидущія десять лѣтъ—оно погибаетъ тысячами въ битвахъ съ Поляками, при непрестанныхъ ополченіяхъ гетмановъ: Тараса, Сулимы, Павлюка, Остряницы, Гуни,—ополченіяхъ, неудержимыхъ никакими казнями? Тутъ противъ *благотворности* Польскаго господства говоритъ сама исторія.

Вы въ доказательство упоминаете еще о *народныхъ пѣсняхъ* и обычаяхъ Украинскихъ, что они «почти столь же *дороги* для Поляка, какъ и для Малороссіянина» (стр. 319). Это явленіе, конечно, утѣшительное; но оно говоритъ въ пользу насъ, утихомиренныхъ потомковъ, а не въ пользу враждовавшихъ между собою предковъ нашихъ (да будетъ имъ перомъ земля!). Какъ одинъ изъ старѣйшихъ между собирателями народныхъ пѣсенъ и Малороссійскими этнографами (порадованный нѣкогда вашимъ прекраснымъ разборомъ моего втораго изданія Украинскихъ пѣсенъ, въ вашей достопамятной книгѣ «Literatyka i Krytyka»),—я позволяю себѣ рѣшительно противорѣчить вамъ, именно содержаніемъ и духомъ Украинскихъ пѣсенъ, относящихся къ временамъ отъ Наливайка до Хмельницкаго включительно. Въ тѣхъ пѣсняхъ, какъ и въ пѣсняхъ *четвертой* эпохи Малороссійской жизни, — гдѣ только идетъ рѣчь объ отношеніи Украины къ Польшѣ и Полякамъ, тамъ ихъ *господство* оказывается вовсе не милымъ для Украинцевъ: и по пѣснямъ—никакъ нельзя сказать того, что вы сказали теперь по этому поводу: «Такое развитіе духовной жизни въ южной Руси не иначе могло совершиться, какъ *подъ вліяніемъ любви и свободы*» (стр. 319). Нѣтъ, не свобода, а насиліе отъ Поляковъ, не любовь, а ненависть къ Полякамъ—высказываются безпрестанно въ пѣсняхъ народа Украинскаго въ продолженіе двухъ столѣтій. И если собрать воедино всѣ отрывки народно-украинскихъ пѣсенъ о *Ляхахъ*, тогда — какой грозный голосъ народной поэзіи будетъ противъ справедливости и благотворности Польскаго господства надъ Украиною! А народныя пословицы и поговорки представляютъ неутѣшительное къ нимъ дополненіе. «За наши

грѣхи надходять Ляхи» — говорили въ свое время Русины· «Щобъ же я тричи Ляхомъ ставъ, коли то неправда!» и теперь еще говоритъ Украинецъ; а другой при этомъ тотчасъ останавливаетъ его замѣчаніемъ: «чоловѣче, схаменись! Помни на свою душу, не запропащай ѐѐ!» А что народъ Украинскій смотрѣлъ на всѣхъ Поляковъ одинаково, то высказалъ онъ въ пословицѣ: «на одинъ копылъ дѣдько всѣхъ Ляхôвъ крôивъ.»

Вы говорите, все къ тому же: «духъ подавленія другой народности былъ чуждъ Полякамъ; напротивъ единственную силу политической системы соединенія разноплеменныхъ провинцій составлялъ у нихъ — духъ *терпимости* и какой-то великодушной *гордости,* которая не только не позволяла имъ отнимать у кого-нибудь что-нибудь, но заставляла что-нибудь придавать отъ себя; и это всего яснѣе выражается въ *добровольномъ соединеніи Литвы съ Польшею*» (стр. 318).

Но если взять и то, гдѣ всего яснѣе, по вашему, выражается вами сказанное: развѣ при *соединеніи* 1569 года не отнято было у Литовскаго княжества давнее достояніе онаго— земля Кіевская, пріумноженная отъ него цѣлымъ *Запорожьемъ* (которое было прежде землею Половецкою или Команскою)? Развѣ уступлена была Литвѣ принадлежавшая ей Волынская земля, за которую шла у нихъ такая долгая и неуступчивая тяжба? И развѣ довольною осталась Литва тѣмъ «добровольнымъ соединеніемъ»? А чтò придали *своего* Поляки Украинѣ, присоединившейся къ нимъ непосредственно, отдѣльно отъ княжества Литовскаго, съ которымъ она, въ продолженіе *двухъ съ половиною вѣковъ,* составляла одно сильное государство Западнорусское? Великодушіемъ ли означалась на Украинѣ та великодушная *гордость* Поляковъ, — которой, впрочемъ, нельзя не признать, въ другихъ случаяхъ и отношеніяхъ? А чтó придали они своего Гáлицкой или Червоной Руси, такъ давно ими завладѣнной и донынѣ оторванной отъ Русскаго міра?.. Что же касается до «*духа терпимости*»: то его-то нельзя назвать *единственною силою,* которою держала Польша Украину въ политической системѣ своего королевства. Будь онъ у Поляковъ, *вся Украина* могла бы остаться

въ соединенiи съ Польшею не *85 лѣтъ* только — и какихъ лѣтъ? — въ продолженiе которыхъ было столько кровавой междоусобицы, приведшей всю Украину къ освобожденiю себя отъ Польши и къ переходу подъ державу Русскую. Былъ духъ терпимости у Поляковъ, пока они домогались *соединенiя* съ ними Украины: но что пользы было въ той терпимости для Украины, еще не имѣвшей прямаго соприкосновенiя съ Польшею? А когда совершилось *соединенiе* ихъ въ одно политическое тѣло — духа терпимости не стало скоро, и особенно съ той поры, какъ новоизбранный король, Жигимонтъ III, съ своими душевладѣльцами iезуитами, началъ поднимать въ Польшѣ католичество, добровольно покинутое въ томъ вѣкѣ столькими Поляками и Литвинами, для реформатства. Iезуиты были мастера своего дѣла; и съ возобновленiемъ католичества въ Полякахъ, они влили въ нихъ *духъ нетерпимости* и *вѣрогоненiя*, равно какъ и въ ту часть южнорусскаго шляхетства, которую они успѣвали ловить въ свои хитролестныя сѣти.

И здѣсь-то *главная* причина того *разрыва* между Украиною и Польшею, который и вы назвали — «неизбѣжнымъ» (стр. 317). Вы сами проговорились было объ томъ въ началѣ своей статьи, когда, поставляя на первомъ планѣ картины вашей *безчинство Польскихъ жолнѣровъ*, сказали: «что на Украинѣ они распоряжались точно такъ же, а можетъ быть и хуже того. Въ провинцiи отдаленной, богатой и нѣсколько пустынной, населенной народомъ *иноплеменнымъ* и *иновѣрнымъ*, Польскiй жолнѣръ становился, безъ сомнѣнiя, еще наглѣе, нежели въ глубокой Польшѣ» (стр. 310).

Въ самомъ дѣлѣ: такое ужасное и безумное глумленiе Польскихъ жолнѣровъ надъ Украинскимъ народомъ, какое видно изъ универсала Остряницы, и которое было тѣмъ больнѣе, что было по свѣжимъ слѣдамъ тѣхъ казней, какiя Потоцкiй совершалъ по всей Украинѣ 1637 года, по взятiи Павлюка—могло ли оно не произвести новаго и немедленнаго возстанiя, въ продолженiе прежнихъ? Но объяснять возстанiе Хмельницкаго, по вашему — «всего болѣе насилiемъ и сумазбродствомъ Польскихъ жолнѣровъ» (стр. 130) — я нахожу

пріемомъ несогласнымъ съ историческою истиною. Въ десятилѣтіе, прошедшее отъ Маслоставской коммиссіи до гетманства и возстанія Богдана, было и другое, тяжкое для всей Украинской Руси, дѣло: назначеніе полковниковъ во всѣ козацкіе полки и коммиссара, вмѣсто гетмана, изъ *Поляковъ*. Но козацкій рыцарь, Хмельницкій, и тутъ былъ еще десять лѣтъ терпѣливо покоренъ войсковой власти, такъ же, какъ и при выдачѣ Павлюка подъ Боровицею, гдѣ онъ подписалъ договоръ, будучи тогда *войсковымъ Писаремъ*. Еще и въ 1647 году, Хмельницкій, будучи тогда *Чигиринскимъ сотникомъ*, ходилъ съ своимъ полковникомъ Полякомъ противъ Татаръ, сдѣлавшихъ набѣгъ на Чигиринъ. А между тѣмъ—какія оскорбленія и обиды терпѣлъ тогда этотъ заслуженный въ Рѣчи Посполитой воинъ, терпѣлъ не отъ квартировавшихъ на Украинѣ Польскихъ жолнѣровъ, а отъ подстаросты Чигиринскаго и отъ другихъ должностныхъ распорядителей Украиною; терпѣлъ, не находя себѣ суда и расправы даже и въ сенатѣ! Вы говорите: «всѣ мы давно ужъ знаемъ, что Запорожье поднялось по случаю *частныхъ обидъ*, нанесенныхъ Хмельницкому Польскими урядниками» (стр. 313). *По случаю*—такъ; но вѣдь въ мірѣ не рѣдко великія дѣла зачинались отъ малыхъ случаевъ—per augusta ad angusta. Какъ бы что ни было велико само по себѣ, а если оно еще не пристало къ сердцу всѣхъ и каждаго, или хоть большинства, то оно не въ силахъ поднять цѣлаго народа, какъ одного человѣка. Запорожье поднималось не разъ на Поляковъ и до Хмельницкаго; и не всякій же разъ поднималось оно, по случаю *частныхъ обидъ*. Такъ Сулима возсталъ за построеніе Кодацкой крѣпости Конецпольскимъ. Но возвратимся къ Богдану Хмельницкому. Послѣ стольких *частныхъ обидъ* ему, бѣжалъ онъ на Запорожье, не для того только, чтобы избавиться отъ тюрьмы и вѣроятно смерти, назначенной ему прихотливою волею магната (Потоцкаго); онъ бѣжалъ, имѣя въ своихъ рукахъ «королевскіе листы», благопріятные для козачества и Украины, которые затаилъ было нéдругъ своей отчизны, асаулъ Барабашъ, и которые замысловатымъ случаемъ досталъ Хмельницкій. Этою то силою, то есть *королевскими листами*,

и поднялъ онъ Запорожье на возстаніе, на которое такъ единодушно откликнулась вся Украина, потерявшая наконецъ все свое воловье терпѣніе. А что королевская воля была тогда въ разладѣ съ большинствомъ вельможныхъ Польскихъ пановъ, что король самъ поощрялъ козаковъ защищать вооруженною рукою свои права отъ Поляковъ, то относилось къ дизорганизаціи Польскаго королевства, которая тогда начиналась уже ощутительно.

Личныя обиды, особенно, если онѣ касаются большинства лицъ, составляющихъ общество, — такія обиды, какія терпѣлъ Богданъ Хмельницкій, одинъ изъ разумнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ козацкихъ, такъ вѣрно служившій двумъ королямъ своимъ и Польской коронѣ, около 30-ти лѣтъ, на морѣ и на сушѣ, — если такія обиды продолжаются сплошъ да рядомъ нѣсколько десятилѣтій: тогда онѣ составляютъ сумму вполнѣ достаточную для народнаго протеста всей Украины, въ улику *неблаготворности* Польскаго надъ нею *господства*. А вы говорите о войнахъ Хмельницкаго: «очевидно, что эти войны могли только вспыхивать въ то время, когда край находился въ цвѣтущемъ состояніи, когда онъ былъ *богатъ*, можно сказать, даже *свободенъ*, и раздраженъ только такими *единичными* или *мѣстными* обидами, о какихъ мы только что говорили,» (стр. 312). При такомъ представленіи, пожалуй, можно подумать, что Украинское козачество и простонародье съ жиру бѣсились, и были ужъ черезъ-чуръ обидчивы и самолюбивы! Но въ самомъ дѣлѣ, о тогдашнемъ господствѣ Поляковъ надъ Украиною, можно сказать ея же поговоркою: «залили сала за шкуру!» А тогдашнее *богатство* Украины было для нея — «чужая корысть». У Чигиринскаго козацкаго сотника негодный подстароста Чигиринскій отнималъ отцовское сельцо его, достопамятное въ исторіи *Суботово;* большая половина нынѣшней Полтавщины работала на роскошество отступника отъ православія Іереміи Вишневецкаго; а моя родимая Бубновская сотня обливалась пóтомъ на упитаніе іезуитовъ Переяславскихъ...

Вы хотите снять еще одинъ тяжеловѣсъ съ Польской чаши, стараясь доказать, будто *не было* тогда, и даже *не могло*

быть, «гнету», проистекающаго изъ права владѣльческаго. Но вѣдь давно сами Польскіе латинисты сложили вирши:

Clarum Regnum Polonorum
Est coelum Nobiliorum,
Paradisus Judaeorum
Et *infernus rusticorum* [1]).

Въ «золотой вѣкъ» Жигимонта—Августа насталъ желѣзный вѣкъ для простонародья Южнорусскаго.

Относительно владѣльческаго права, что изъ него *могъ* проистекать сильный *гнетъ* для простонародья, я припомню здѣсь, что еще въ 1557 году предоставлено было помѣщику и его управляющему безъотвѣтное право казнить своихъ крестьянъ смертью; а черезъ три года послѣ соединенія Украины съ Польшею, т. е. 1572 года, издано было постановленіе, запрещающее жаловаться подданнымъ крестьянамъ на своихъ помѣщиковъ. — Относительно дѣйствительно бывшей тяготы, я укажу все на тоже, можно сказать, общее мѣсто писателей нашихъ: «Описаніе Украины» Боплана, современника Хмельницкаго; это свидѣтель сторонній, и не пристрастный къ Украинцамъ, воевавшій противъ нихъ, по службѣ своей въ рядахъ Польскихъ. Изъ писателей Польскихъ сошлюсь на великолѣпные и, можно сказать, классическіе *Климактеры* Коховскаго. А изъ Украинскихъ свидѣтельствъ я приведу вамъ слова славнаго гетмана Сагайдачнаго, не поднимавшаго оружія на Поляковъ. Въ своемъ письмѣ къ королю Жигимонту III, отъ 15 февраля 1622 года изъ Кіева, онъ говорилъ:

«А любо зъ стороны высокодумныхъ и вельможныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ—Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ, на Украинѣ, властной предковѣчной отчизнѣ нашой, власть свою неслушне распростираючихъ, повѣваютъ на насъ войско Запорожское холодныи и непріязненныи вѣтры, хотящіи славу нашу въ персть вселити, и насъ, братію свою, вѣрныхъ Вашого найяснѣйшого Величества, и всей коронѣ Полской слугъ, въ подданство и ярмо работническое собѣ безбожне наклонити; однакъ упо-

---

[1]) Свѣтлое царство Поляковъ есть небесное царство для пановъ, рай для жидовъ, и адъ для мужиковъ.

ваемъ, же кгды Ваше Величество восхощетъ и повелитъ, то внетъ бури и вѣтры оные престанутъ и въ тишину преложатся. И не такъ есть намъ жалостно на пановъ прелечоныхъ, яко на ихъ старостовъ, нецнотливыхъ сыновъ и пьяницъ, которыи ни Бога боятся, ни премощныхъ Вашого найяснѣйшого Величества монаршихъ мандатовъ слухаютъ: бо скоро я гетманъ, по указу Вашого Величества, на Хотѣнскую военную службу зъ козаками зъ Украины выйшолъ, тогда они старостки заразъ козачокъ бѣдныхъ зачали на всякіе работизны нанскіе, безъ жаднаго обзору и призрѣнія, часто выгонити, бити, и вязенями неслухающихъ мордовати; що тяжко и жалосно козакамъ, зъ службы Вашой монаршой военной, зъ ранами еще неугоенными и червей полными повернувшимъ, было отъ женъ и матерей своихъ слышати, и слезы зъ очесъ ихъ точащіяся видѣти... Ваше же найяснѣйшее королевское Величество, яко отецъ милостивый и Панъ нашъ найласкавшій, и по семъ короткомъ донесеню нашомъ, можетъ своевольныхъ старостокъ и праволомцовъ (которые на особливомъ реестрику выражаются) усмирити и покорити; а козаковъ бѣдныхъ отъ ихъ безбожныхъ насильствъ, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгдыжъ, если они козаки не получатъ въ томъ Вашого королевского найяснѣйшого Величества призрѣнія и респекту, то жебы що новое отъ нихъ (якъ уже и пошемруютъ) не уродилося, и огня гнѣвного (чего не дай Боже) не запалило; въ якій часъ, уже не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ пьяницъ старостокъ, велможныи ихъ милость панове Польскіи нарѣкати и жалковати мусѣли бы».

Эти слова достопамятнаго гетмана, такъ вѣрно служившаго королю и коронѣ, и вмѣстѣ такъ много радѣвшаго для православія Украины и ея просвѣщенія, показываютъ намъ ясно, что великъ былъ тогда на Украинѣ *гнетъ владѣльческій*, простиравшійся беззаконно даже на козачество; и что *онъ* дѣйствительно былъ однимъ изъ поводовъ къ новому возстанію козачества на Поляковъ, которое и началось вскорѣ по смерти Сагайдачнаго. Согласно съ гетманомъ обвиняющимъ болѣе *старостокъ*, чѣмъ самихъ вельможныхъ пановъ,

гласитъ и Украинская простонародная поговорка: «не такъ паны, якъ тѣ пôдпанки». Но то все-таки не оправданіе панамъ, что они не самолично, а посредствомъ своихъ подстаростокъ томили народъ. А эти ненавистные *Жиды арендари*, которымъ давались отъ Польскихъ пановъ такія страшныя и оскорбительныя права надъ владѣльческими имѣніями, простиравшіяся даже на жизнь подданныхъ крестьянъ и на Православныя церкви!... До *соединенія* съ Польшею жидамъ не было такого житья на Украинѣ; и еще въ Статутѣ Владислава-Ягелла Ольгердовича (1420) вѣрно сказано было о жидахъ, что отъ нихъ «христіанство убôжело».

Вы говорите: «смѣло можно сказать, что преднамѣренной идеи угнетенія Украины оно (Польское правительство) *никогда не имѣло и имѣть не могло*». (с. 311).

Зачѣмъ же говорить это, когда въ правленіе Жигимонта III-го настало угнетеніе православныхъ и другихъ диссидентовъ, въ пользу католиковъ — именно по *преднамѣренной идеѣ*! Развѣ безъ преднамѣренія было, напримѣръ, королевское повелѣніе не пропускать патріаршихъ пословъ, въ 1593 году? или—королевскій универсалъ 1596 года, запрещающій строить православныя церкви; и нѣкоторыя другія повелѣнія, притѣснительныя для православныхъ?.... Но вы, въ своей картинѣ прошедшаго, совсѣмъ не упоминаете объ этомъ; и самая *Унія*, бывшая яблокомъ раздора между православными и католиками, у васъ поставлена вдали и въ такомъ освѣщеніи, при которомъ она не имѣетъ своего подлиннаго вида; а главнодѣйствующія лица—іезуиты, и совсѣмъ у васъ не видны. Вы говорите, что народъ Украинскій, раздраженный жолнѣрами и строгими мѣрами» придалъ значеніе угнетенія и насилія между прочимъ — и желанію правительства Польскаго «соединить Южнорусскую церковь съ Римскою. Эту несчастную Унію предали проклятію и Малороссіяне и большая часть писателей Польскихъ; но она требуетъ еще внимательнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія».—Дѣйствительно требуетъ, дабы всѣ видѣли ясно и существо ея, и всю ея исторію въ Югозападной Руси; — требуетъ тѣмъ болѣе, что знаменитые іезуиты, въ своихъ сочиненіяхъ, дозволяли себѣ

не только преднамѣренное перетолкованіе, но и вымыслы не бывалыхъ событій. И еще незабвенный Иннокентій, 1840 года въ Кіевѣ, собиралъ прилѣжно все, что было печатано и писано объ Уніи, предполагая соединить все то въ одно изданіе, подъ заглавіемъ: «Памятникъ Уніи». Въ IV томѣ Актовъ Югозападной Россіи напечатано нѣсколько неизвѣстныхъ дотолѣ и очень важныхъ матеріаловъ для исторіи Уніи. Сверхъ того, много драгоцѣнныхъ и неизвѣстныхъ доселѣ актовъ объ Уніи выбрано изъ градскихъ книгъ трудолюбіемъ профессора Иванишева (да не умедлитъ онъ обнародованіемъ ихъ!). [1])

Между тѣмъ вы продолжаете: «я не могу здѣсь о ней распространиться ради одной важности и обширности предмета; скажу только одно: что задачею Уніи было *устройство іерархіи*, а не *перемѣна вѣроисповѣданія;* но принятая въ послѣднемъ смыслѣ, она сдѣлалась оскорбительна и ненавистна для народа» (с. 319).

Но Унія и не могла быть иначе принята всѣми православными; ибо главное и первое ея условіе было—признаніе *главенства и непогрѣшительности Папы Римскаго;* а это есть уже существенная *перемѣна православнаго исповѣданія,* которое признавало и признаетъ главою церкви — *Іисуса Христа.*

Задачею Уніи, говорите вы, было *«устройство іерархіи»*—т. е. іерархіи *Римской;* и она, конечно, весьма нуждалась въ томъ послѣ реформаціи, отъ которой былъ такой большой ущербъ въ паствѣ Папской. Но устройство Римской іерархіи, посредствомъ *Уніи, было задачею разстройства* нашей *православной іерархіи* или *митрополіи Кіевской*, подлежавшей отъ перваго начала своего къ *патріаршеству Константинопольскому*. На это разстройство Жигимонтъ III, какъ король Польскій, не имѣлъ никакого права; напротивъ, онъ обязанъ былъ поддерживать и охранять ея устроеніе. И въ какое же время вздумалъ онъ привлачить къ Римскому престолу митрополію Кіевскую: когда родная и ближайшая

---

[1]) Теперь они уже изданы.

ей митрополія Московская возвысилась на степень особаго *патріаршества!*

Оскорбительною и ненавистною для народа — для *всѣхъ* сословій Южнорусскаго народа, сдѣлалась Унія потому, что она и подготовлена, и объявлена была—безъ участія и согласія народа; что она вводима была мѣрами насильственными, незаконными и притѣснительными для всѣхъ православныхъ. Можно ли было такому важному дѣлу, какъ *соединеніе* Кіевской православной іерархіи съ Римскокатолическою, совершиться безъ соборнаго совѣщанія и согласія всѣхъ патріарховъ православныхъ? А оно совершилось не только безъ ихъ согласія, но и вопреки желанію Южнорусскаго народа,— обманнымъ дѣйствіемъ двухъ самозванныхъ, не отъ Руси посланныхъ въ Римъ, епископовъ, *Терлецкаго* и *Поцѣя*, да третьяго отступника отъ православія, митрополита *Рагозы*, которые всѣ три настроены были къ тому отъ короля, посредствомъ соблазнителей іезуитовъ, да такихъ насильниковъ, какимъ былъ, напримѣръ, Луцкій староста Александръ Сѣмашко въ 1590 и 1591 годахъ. Подробности той подготовки и все веденіе оной, до самаго дня объявленія Уніи на Брестскомъ Соборѣ (1595 года Окт. 9), были такъ нечестны и наглы, что должны были возбудить глубокое негодованіе и презрѣніе во всей Южной Руси, начиная съ перваго представителя ея и поборника, князя К. К. Острожскаго, воеводы Кіевскаго. Но не смотря на народный протестъ противъ Уніи, она была введена *насильственно*, съ утѣсненіемъ православія въ землѣ Южнорусской. Эта несчастная Унія и была главною виновницею раздора между Польшею и Украиною. Раздоръ этотъ знаменовался не одними ополченіями козачества, но и войною духовною, первоначальникомъ которой былъ онъ же, святопамятный князь, К. К. Острожскій.

Вы говорите, что Унія «служила *знаменемъ*, которое каждый козацкій предводитель выставлялъ передъ народомъ, чтобы освятить въ его понятіяхъ предпринимаемое возстаніе.» Положимъ и такъ; но это показываетъ уже, что̀ значила она для православнаго Южнорусскаго народа. Она была искренно названа «*наибольшимъ* утѣсненіемъ» въ универсалѣ Остря-

ницы (1638 г.), поднимавшемъ народъ на новое *возстаніе*. Также точно главнымъ зломъ и поводомъ къ раздору признавали Унію козацкіе вожди и въ своихъ *мировыхъ* съ Поляками, соглашаясь взаимно на *искореденіе Уніи*, какъ напримѣръ, въ договорѣ Зборовскомъ 1649 года. Чтобы показать, какъ ей не рады потомъ были и Поляки и козаки, я приведу слѣдующія слова объ *Уніи* изъ *Коммиссіи Гадяцкой* (1658 г.), столь благопріятной для Поляковъ: «А тоей вѣры, которая есть *противная вѣрѣ Греческой православной*, которая *раздоръ между Римскимъ и Старогреческимъ закономъ умножаетъ*, никто изъ духовныхъ и мірскихъ сенаторского и шляхетного становъ — церквей, монастырей строити, возстановляти и умножати, такъ въ добрахъ духовныхъ, яко королевскихъ и собственныхъ наслѣдныхъ, якимъ нибудь образомъ не имѣетъ и силою сей коммиссіи не долженъ будетъ вѣчными часы.

За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ (1638) молодой гетманъ Остряница, въ универсалѣ, поднимавшемъ народъ къ возстанію на Поляковъ, говоритъ: «а що *найбольше*, же и хвала Божія въ церквахъ православныхъ — отъ тѣхъ непріятелей нашихъ, отщепенцовъ и геретиковъ Ляховъ, хощетъ и усиливается перемѣнити и до заблужденія Римского *на Унію обернути и гвалтовне преклонити*». Это *гвалтовное* (насильственное) преклоненіе на Унію и лежало на сердцѣ у всей православной Украины, какъ горе *наибольшее* всѣхъ прочихъ. Такъ и старый гетманъ Сагайдачный, главный виновникъ возстановленія православной Кіевской митрополіи (1620 года)— онъ, въ своемъ прощальномъ, предсмертномъ письмѣ къ королю Жигимонту III, въ мартѣ 1622 года, говоритъ: «*Особливе Унія*, за милостивымъ Вашого найяснѣйшого королевского Величества позволенемъ, теперь въ Руси чрезъ святѣйшого Өеофана патріарху Іерусалимского знесенная, абы впредъ въ той же Руси никогда не отновлялась и своихъ роговъ не возносила. Маютъ абовѣмъ отци іезуиты и все духовенство костела Римского—(и безъ насъ православныхъ) кого до Уніи своеи наворочати и присвояти, тыхъ народовъ, которыи отнюдь не вѣдаютъ и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ

міръ пришедшого. А мы, православныи, древнихъ святыхъ апостольскихъ и отческихъ преданій и догматовъ безъ жадной Уніи и схизмы придержащися, не отчаеваемся нашого спасенія и блаженного живота вѣчного».

Какъ ожесточены были козаки на первыхъ уніатскихъ пастырей, которые, ставъ отступниками отъ православія были злѣйшими хулителями и гонителями его, о томъ и говорить нечего. Это раздвоеніе Югозападной Руси, въ религіозномъ отношеніи, на Унитовъ и Неунитовъ—было великое зло, происшедшее отъ господства Польши надъ Югозападною Русью. А какъ и со стороны католической *Унія* была первымъ способомъ и дѣйствіемъ къ подавленію православія въ Кіевской и всей Югозападной Руси, то въ исторической картинѣ прошедшихъ смутъ и междоусобицъ, Унія должна стоять на первомъ планѣ.

Если бы она объявлена была мирно, какъ зазывная figura на заселеніе новой *слободки* въ панскомъ владѣніи людьми вольноприходящими, тогда дѣло было бы совсѣмъ иное. Но Унія кинулась на Кіевъ, пуще Татаръ, посягая на подавленіе православной вѣры, составлявшей издревле первѣйшую святыню жизни для человѣка Южнорусскаго. И потому-то Унія, равно ненавистная для всѣхъ православныхъ, встрѣтила себѣ отпоръ во всѣхъ сословіяхъ Южнорусскаго народа. И каждый своими способами, кто во что гораздъ, отстаивалъ православную церковь отъ разнообразнаго на нее нападенія со стороны католической и уніатской. Шла не одна войсковая борьба козацкая, но и умственная борьба книжная—та и другая, во взаимной связи. А между тѣмъ, въ усиленіе утѣсняемаго православія, устроялись новые монастыри и возвышались прежніе, собирались новыя церковныя братства, заводились новыя школы и типографіи. Сталь, бьющая о кремень, высѣкала искры; и возгоралось вновь просвѣщеніе православно-русское, задремавшее въ Кіевской землѣ во времена ея Литовства. Вотъ развѣ гдѣ *благотворная* сторона тогдашняго господства Польши надъ Украиною, хотя и неожиданная, нежеланная для первой.

Умственное образованіе — его назвалъ бы я, въ отвѣтъ на ваши слова: «не ужели между Украиной и Польшей не было никакой разумной внутренней связи?» (с. 316). Но, къ сожалѣнію, и эта *разумная внутренняя связь* Польши съ Украиною скоро стала вся въ рукахъ іезуитовъ.

Вы, между прочимъ, говорите: «Обратимъ здѣсь вниманіе на одно весьма важное обстоятельство, которое наши историки упускаютъ изъ виду: почему знаменитые Южнорусскіе патріоты, какъ: *Острожскій*, *Вишневецкій*, *Кисѣль* и вообще *все дворянство Южной Руси*, дворянство большею частію родовое Русское и православное или «благочестивое» *держали сторону Поляковъ?* Что ни говори, а Украинскія смуты были не что иное, какъ *войсковые бунты*, *мятежи черни*, *домашняя война*» (стр. 316).

Нѣтъ, это не такъ; и въ нашихъ исторіяхъ (не выключая и моихъ историческихъ статей о Малороссіи), не упускали изъ виду этого обстоятельства; но оно съ нашей точки зрѣнія совсѣмъ не такимъ являлось, какимъ вы его представляете. Знаменитѣйшіе патріоты и все православное дворянство Южной Руси, въ разсматриваемой нами смутной борьбѣ (въ *третью* эпоху)—не держали стороны *Поляковъ*, противъ остальныхъ сословій Украинскаго народа; напротивъ, они были на сторонѣ, преслѣдуемой католичествомъ Польскимъ. Поглядите на выписки изъ актовъ Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства (первоначально обнародованныя мною въ «Кіевлянинѣ» книгѣ 2-й), на Почаёвскую запись Анны Гойской 1597 г. (помѣщенную въ 3-й книгѣ «Кіевлянина»), на акты Кіевскаго Братства (изданныя въ «Памятникахъ Кіевской Коммиссіи», книгѣ 2-й): изъ нихъ очевидно, какъ единодушно и одностойно соединялось Южнорусское дворянство со всѣми прочими сословіями своего народа, въ отстояніе православной церкви отъ гоненій Польско-католическихъ и уніатскихъ. Припомните *Виленскую Конфедерацію* 1599 года, въ которой знатнѣйшее *православное* дворянство Южной Руси соединилось съ *протестантскимъ* дворянствомъ Литовскаго княжества, на отпоръ первому и жестокому насилію Польско-католическому. Это гоненіе такъ подробно и разительно

въ томъ *патріотическомъ* актѣ [1]); а подписались на немъ первыми, изъ *православныхъ*: *князья* — Константинъ и сынъ его Александръ *Острожскіе*, Өедоръ *Сангушко*, Адамъ и Михаилъ *Вишневецкіе*, Акимъ *Горецкій*, Кириллъ *Ружинскій* и проч., (а изъ *Евангеликовъ* — князь Криштофъ Радзивилъ, Андрей Лещинскій, Иванъ Абрамовичь, Криштофъ Зѣновичь и проч.). Въ самихъ ополченіяхъ козацкихъ на Поляковъ едва ли не всегда принимало участіе дворянство Южнорусское, по давней привычкѣ своей вступать въ ряды козацкаго рыцарства. Сколько Южнорусскихъ дворянъ воевало противъ Поляковъ, подъ гетманскою булавою Богдана Хмельницкаго, отъ войсковаго писаря *Ивана Выговскаго*, до Сбсницкаго сотника *Михаила Жураховскаго* (въ 1649 г.). Да и со стороны была тогда отъ Южнорусскаго шляхетства помочь козакамъ противъ Поляковъ. Извѣстнѣйшій примѣръ—*князь Аөанасій Пузына*, православный епископъ Луцкій и Острожскій, снабжавшій пушками и порохомъ отряды Хмельницкаго, воевавшіе на Волыни. Не забудемъ и той части православнаго Южнорусскаго шляхетства, которое, придержась козацкой стороны Богдана, вмѣстѣ съ нимъ перешло подъ державу Русскую; о которомъ въ его договорныхъ статьяхъ, именно въ статьѣ 3-й, сказано: «*Шляхта*, которые въ Россіи обрѣтаются, и вѣру (*т. е. присягу*) по непорочной заповѣди Христовѣ тебѣ, великому Государю нашему, твоему Царскому Величеству, учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ пребывали и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирали и добра свои и вольности имѣли, какъ при короляхъ Польскихъ бывало; чтобъ иные, увидя таковое пожалованіе твоего Царскаго Величества, клонилися подъ область и подъ высокую руку твоего Царскаго Величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ». Итакъ не *все* Южнорусское дворянство было на сторонѣ Поляковъ.

Вы назвали изъ этого времени *Кисьля* и *Вишневецкаго*. Но престарѣлый воевода *Адамъ Кисьль* былъ на сторонѣ

---

[1]) Сей актъ, въ переводѣ на Русскій языкъ съ Польскаго, напечатанъ митрополитомъ Евгеніемъ въ «Описаніи Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи» 1825 г. См. въ прибавленіяхъ, № 15.

Поляковъ, какъ единственный сенаторъ, оставшійся изъ православныхъ; да и разыгралъ же онъ забавную и вмѣстѣ жалкую роль обоюдника, о которомъ говорили тогда, что у него «Русская кость обросла Польскимъ мясомъ». А князь *Іеремія Вишневецкій*, въ тѣ поры, будучи уже отступникомъ отъ православія, былъ вмѣстѣ и отступникомъ отъ своего Русскаго рода-племени, былъ «Русскаго поколѣнія Ляхъ», какъ выражается о немъ лѣтопись Львовская: и онъ былъ не только на сторонѣ Поляковъ, но (потерявъ свою огромную *Вишневѐччину*, при возстаніи Хмельницкаго)—онъ былъ злѣе Поляковъ въ преслѣдованіи козачества и всѣхъ православныхъ (какъ обыкновенно бываетъ, что отщепенецъ злѣе всякаго другаго противъ того, отъ чего онъ отложился). Впрочемъ на сторонѣ Поляковъ были въ тѣ поры и нѣкоторые козацкіе старшины, обязанные Полякамъ за свое старшинство; таковы были генеральные асаулы: *Ильяшъ* [1]) и *Барабашъ*. Конецпольскій успѣлъ было разсорить *реестровыхъ* козаковъ съ *Запорожцами*, и, взявъ первыхъ крѣпко въ свои руки, онъ умѣлъ дѣйствовать ими противъ Запорожцевъ (на примѣръ, при вѣроломномъ взятіи Сулимы, при одоленіи Павлюка). Но вѣдь это было въ *тридцатыхъ* годахъ XVII вѣка; и по этимъ случаямъ, нельзя же сказать, что во всей Польско-козацкой борьбѣ реестровое козачество держало сторону Поляковъ! Притомъ это козачество, какъ «войско его Королевской Милости» и поневолѣ должно было держаться стороны могучаго Конецпольскаго, будучи тогда подчинено ему, какъ гетману коронному. Но когда не стало Конецпольскаго, какъ только насталъ гетманомъ Богданъ Хмельницкій, тотчасъ все измѣнилось; и что̀ было собрано и послано отъ Поляковъ противъ него, стало за него, истребивъ преданныхъ Полякамъ Ильяша и Барабаша. Вы сами говорите справедливо, что этотъ поворотъ реестровыхъ козаковъ на Поляковъ былъ «неизбѣженъ» (стр. 314). Но ваши слова, что реестровые козаки во время Остряницы (1638)—«*стояли еще крѣпко*

---

[1]) *Ильяшъ Караимовичъ* (Армянчикъ), бывшій «знатнымъ товарищемъ» въ полку Переяславскомъ, назначенъ старшимъ надъ реестровымъ козачествомъ—отъ Потоцкаго, во время войны съ Павлюкомъ, въ концѣ 1637 года.

за Поляковъ», даютъ такой видъ, будто они и задолго прежде стояли крѣпко за Поляковъ противъ Запорожцевъ. Повторяю для ясности, что это было уже позднѣйшимъ явленіемъ; тѣмъ не менѣе, однако, это было важнымъ *началомъ* того *междоусобія* въ козачествѣ и того *раздвоенія* въ цѣлой Украинѣ, для которыхъ настоящая пора приспѣла уже по смерти Хмельницкаго, — уже въ *четвертую* эпоху исторической жизни Малороссіи. Тогда и дворянство православно-русское, оставшееся подъ короною Польскою, почти все переродилось въ дворянство Польско-католическое; а въ *третью* эпоху произошло только начало этому перерожденію, — но начало всетаки важное, причинявшее тогда для всей остальной Православно-русской стороны столько скорби, а для многихъ и ненависти къ отступникамъ отъ предковской вѣры и народности Русской. И это превращеніе стольких лицъ изъ знатнѣйшаго Южно-русскаго дворянства въ Поляковъ-католиковъ—не можетъ же южная Русь считать для себя *добромъ*, происшедшимъ отъ вліянія и господства Польскаго! Во всякомъ случаѣ, ваше утвержденіе, будто въ той Польско-Украинской борьбѣ — знаменитые *Южно-русскіе патріоты* и вообще *все Южно-русское православное дворянство*, держали сторону Поляковъ, не согласно съ исторіею. Несправедливо и ваше ограниченіе тогдашнихъ Украинскихъ смутъ одними— *«войсковыми бунтами, мятежами черни»*. Въ тѣхъ смутахъ главнымъ и постояннымъ дѣломъ было—*отстояніе православной восточной вѣры отъ нападеній католико-уніатскихъ;* и въ этомъ отстояніи своего православія, равно драгоцѣннаго для всѣхъ сословій, принимали живое участіе *всѣ сословія* Южно-русскаго народа: и дворянство, и духовенство, и козачество, и мѣщанство, и простонародье или поспольство. Въ кругу той всеобщей и разнообразной борьбы, козацкія возстанія, которыя для Поляковъ, конечно, были — «войсковыми бунтами», — для православно-русской стороны были «крестовыми походами». По какимъ бы частнымъ случаямъ и поводамъ они ни возникали (дѣло исторіи разобрать и опредѣлить эти случаи съ точностью), но *«важнѣйшимъ, наибольшимъ, особливымъ»* побужденіемъ въ нихъ постоянно

было — *отстояніе* своего древняго православія отъ насилія уніато-католическаго. Все прочее сходилось, сосредоточивалось въ этомъ; ибо въ этомъ была главная *сущность* той долгой, смутной борьбы Польско-Украинской, начавшейся вмѣстѣ съ зачатіемъ Уніи, въ девяностыхъ годахъ XVI вѣка. *Обида православія* была *главною*, самою чувствительною, горшею обидою для всего Южнорусскаго народа, при которой — всѣ остальныя обиды были уже *второстепенными*, и безъ которой всякая изъ остальныхъ обидъ, какъ бы ни велика была, была бы сноснѣе. То была—*душа* всего; то былъ nervus rerum gerendarum.

Къ числу второстепенныхъ обидъ принадлежитъ и вторая изъ двухъ, поставленныхъ вами на первомъ планѣ, т. е. *строгія мѣры* правительства къ удержанію козачества отъ набѣговъ на Туреччину. Но это относилось собственно къ *Запорожцамъ* или *Низовцамъ*, и бывало только по временамъ; ибо чаще само Польское правительство возбуждало Запорожцевъ на Татаръ и Турковъ, и нуждалось въ ихъ козацкой для того силѣ. Да и какъ можно было воздержать Запорожье отъ набѣговъ на Татаръ и Турковъ, когда оно на томъ состоялось и выросло,—и Татарва была у него всегда, какъ смерть, за плечами!

Вотъ мои замѣчанія и возраженія на вашу статью, написанныя мною «изъ уваженія къ исторической истинѣ». Я исполнилъ ими мое Кіевское вамъ слово: «хочу на вы идти!» и желалъ бы знать: чтò примете вы изъ моихъ замѣчаній, какъ истинное и неопровержимое, и чтò отвергнете, какъ ошибочное и неудобопріемлемое?...

Въ заключеніе, мнѣ остается сказать еще о *замѣчаніи* на вашу статью издателя и переводчика ея. Г. Кулишъ говоритъ въ началѣ: «И самъ г. Грабовскій впадаетъ въ *односторонность* и *преувеличеніе*, говоря, что для Украинцевъ *Ляхами*, *недоляшками* и *ополячившимися панами* были всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія, и у кого было что заграбить» (с. 321.). Это сказалъ онъ справедливо; однако и самъ онъ впадаетъ въ односторонность и преувеличеніе, — ибо въ основу своего историческаго взгляда онъ принялъ

ваше одностороннее представленіе Польско-украинской борьбы—«войсковыми бунтами, мятежами черни;» но у него это развито въ направленіи противоположномъ вашему, въ направленіи *антишляхетномъ*.

По его понятію «въ Украинскомъ простонародьи — въ *необыкновенной* степени было развито *сознаніе своей человѣчности*, а *шляхетное устройство* рѣчи посполитой діаметрально противорѣчило этому сознанію» (с. 327). Изъ этой противоположности—«и родилась страшная международная ненависть въ Рѣчи Посполитой; и въ этомъ смыслѣ, Малороссія и Польша представляютъ едва-ли не *единственный* примѣръ войны изъ-за *оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства*, къ которому примѣшались другія оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ горючихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя» (с. 325).

Но возведя историческое дѣло къ самому отвлеченному началу—къ *сознанію своей человѣчности* въ украинскомъ простонародьи, г. Кулишъ тотчасъ свелъ оное къ болѣе ощутительному и историческому началу—къ *народности:* «двѣ совершенно *противоположныя національности* столкнулись на почвѣ, занятой Польскою политическою системою, и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло *на пользу человѣчества*, доказали другъ другу, кажется слишкомъ ясно свою *несовмѣстность*» (с. 327). Тутъ выходитъ противоположность *Ляха* съ *Русиномъ*, которая не совсѣмъ совпадаетъ съ тою противоположностью—*шляхтича* съ *простолюдиномъ*; да и въ Южной Руси съ древняго времени было же свое высшее сословіе, до распространенія въ ней шляхетства Польскаго.

Но односторонность принятаго отъ васъ представленія борьбы Польско-Украинской означилась ясно въ слѣдующемъ представленіи гетманщины, возникшей при Хмельницкомъ: «И этотъ народъ, выйдя, подъ предводительствомъ Хмельницкаго, изъ рабскаго общественнаго состоянія, *отдѣлясь отъ собственнаго дворянства*, то есть, лишась *сословія просвѣщенаго, знакомаго съ администраціей и политикой*, въ тотъ же самый *моментъ* образовалъ у себя своеобразное прави-

тельство съ судопроизводствомъ и расправою на всѣхъ пунктахъ земли Южнорусской, съ почтовымъ сообщеніемъ административныхъ распоряженій, съ *громадскими мужами* въ каждомъ самомъ малолюдномъ селѣ, съ представителями сословій для рѣшенія важныхъ общественныхъ дѣлъ, и съ верховнымъ трибуналомъ, котораго президентомъ былъ избирательный гетманъ, ограниченный голосами генеральныхъ старшинъ» (с. 327).

Въ этомъ болѣе идиллическомъ, чѣмъ историческомъ представленіи тогдашней гетманщины — «единомышленнымъ гражданскимъ обществомъ, показавшимъ въ Малороссійскомъ народѣ присутствіе высшихъ гражданскихъ понятій» — преувеличено гражданское его благоустроеніе, и представлено новорожденнымъ въ одинъ моментъ то, что̀ было готовымъ запасомъ въ Малороссіи отъ ея прежней дѣйствительной жизни (какъ-то: и гетманство избирательное, и генеральная старшина, и судопроизводство, и громадскіе мужи, и почтовыя сообщенія); а главное—не справедливо то, будто народъ *отдѣлился* тогда «отъ собственнаго дворянства», *лишился* «сословія просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой». Что часть Малороссійскаго *шляхетства* осталась въ тогдашней гетманщинѣ, о томъ уже выше упомянуто: о немъ говорится въ договорныхъ статьяхъ Хмельницкаго; и на утвержденіе прежнихъ правъ его испрошена была особая царская грамота, данная 1654 г. 27 марта. Виновникъ возрожденія Малороссіи, Богданъ Хмельницкій, былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, и весьма знакомый съ администраціей и политикою: его-то умомъ, доблестью и властью въ народѣ, состоялась тогдашняя Малороссія, въ единствѣ особаго гражданскаго общества, и къ нему вполнѣ шла Украинская пословица: «до булавы треба головы»;—и, какъ только не стало этой головы козацкой (1657 г.), тотчасъ одностойная Малороссія пошла врозь.

«Той на право, той на лѣво;
А все братья—то-то диво»!

Изъ ближайшихъ при гетманѣ Богданѣ дѣльцовъ и двигателей Малороссіи—*Иванъ Остафьевичъ Выговскій*—изъ шляхетства

Волынскаго, и *Павелъ Иванович Тетеря* — изъ шляхетства Кіевскаго, принадлежали къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени; равно и генеральный судья *Самойло Богдановъ*, и генеральный асаулъ *Демко Многогрѣшный*, и секретарь Хмельницкаго *Самойло Зорка*. Да и большая часть тогдашнихъ полковниковъ—отъ *Антона Ждановича* Кіевскаго до *Ивана Ничипоренка* или *Золоторенка* Нѣжинскаго, были также люди письменные и весьма способные Хмельницкому, для его переговоровъ съ Москвою, Польшею, Турціею и прочими сосѣдними землями. Наконецъ, въ картинѣ г. Кулиша пропущено цѣлое «просвѣщенное сословіе»—Южнорусское *духовенство*, котораго вовсе не *лишался*, а напротивъ весьма держался народъ Малороссійскій, которое въ половинѣ XVII столѣтія стояло уже на высокой степени просвѣщенія, въ уровень просвѣщенія Западно-европейскаго. Довольно назвать тогдашняго Кіевскаго митрополита, *Сильвестра Коссова* и тогдашняго ректора Кіевобратской коллегіи—Лазаря Барановича, которые, притомъ, оба были изъ рода *шляхетнаго*.

Москва.
1857 г. 1 ноября.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА О КОЗАКАХЪ ПРИДНѢПРОВСКИХЪ.

(Къ М. В. Юзефовичу.) [1]

Письмо первое.

Благодарю васъ за третью часть вашего «Архива Юго-западной Руси», которую я только-что дочиталъ, и весьма ею усладился. Слишкомъ сто актовъ о козакахъ до Богдана Хмельницкаго.... какое важное приращеніе для исторіи козацкой Украины, въ той именно ея половинѣ, которая особенно нуждается въ современныхъ актахъ, для своего пополненія и поправленія! На сколько она пополняется и поясняется этою частію Архива, то можно видѣть уже изъ предисловной статьи г. Владиміра Антоновича, представляющей собою обильное новыми подробностями обозрѣніе исторической судьбы нашего Южнорусскаго козачества до Богдана Хмельницкаго. Читая эту статью съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ, я нашелъ, что она была бы гораздо лучше и для вашего Архива удовлетворительнѣе, если бы вполнѣ отвѣчала своему заглавію: «Содержаніе актовъ о козакахъ, 1500—1648 г.» то есть, еслибъ авторъ представилъ въ ней собственно тѣ выводы, какіе изъ данныхъ актовъ получаются для исторіи. Но ему захотѣлось предпослать свой особенный взглядъ на происхожденіе козацкаго сословія въ приднѣпровской Руси и провести этотъ взглядъ черезъ все содержаніе актовъ. Для этого онъ началъ еще съ того отдаленнаго времени, какъ на Руси водворились князья варяжскіе; а подойдя, на 12-мъ листѣ,

---

[1]) Два первыя письма были напечатаны въ газетѣ «День» 1863 г. (№№: 44 и 46), три-же послѣднія въ газетѣ «Кіевлянинъ» 1865 г. (№№: 23—25).

къ началу XVI-го вѣка, онъ предлагаетъ картину первоначальнаго козачества и козацкаго гетманства, какая представляется съ его точки зрѣнія и по его личному разумѣнію. Эта картина показалась мнѣ не-сходною съ историческою дѣйствительностью: почти всѣ тогдашнія лица и событія являются тутъ или не въ своемъ видѣ, несвоевременно, или неумѣстно; такимъ образомъ весь первый періодъ нашего козачества—до гетмана Косинскаго (до 1591 года), и безъ того уже затемненный произволомъ прежнихъ лѣтописателей, покрывается новымъ туманомъ. А какъ это случилось въ изданіи Кіевской Временной Коммиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ вашимъ, то я и хочу съ вами побесѣдовать о статьѣ г. Антоновича, для поясненія исторической истины объ Украинскихъ козакахъ XVI-го вѣка.

Существенная особенность мнѣнія г. Антоновича состоитъ въ слѣдующемъ положеніи: «Отъ времени появленія въ исторіи до Люблинской уніи, козаки живутъ подъ управленіемъ князей изъ дома Гедимина, сохраняя и развивая подъ ихъ правленіемъ свое общинное устройство». (стр. CXVII).

Это положеніе опровергается уже тѣмъ, что главные козацкіе предводители и распорядители, бывшіе въ первые тридцать лѣтъ XVI-го вѣка, Предславъ Ланцкоронскій и Евстафій Дашковичь, были не князья; а въ 1534 году козацкимъ гетманомъ былъ «нѣякійсь козакъ, Вѣнжикъ Хмельницкій» по выраженію нашего лѣтописца Грабянки. Что же касается до князей Димитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго, то ихъ гетманство Грабянка полагалъ уже послѣ Венжика Хмельницкаго, между нимъ и Свирговскимъ. Имѣя въ виду этотъ порядокъ козацкихъ вождей, я могу сказать утвердительно, что нѣкоторые изъ князей Гедиминова дома были предводителями козацкими и до Люблинской уніи, и послѣ нея,—только не «на правахъ князя», а за-урядъ съ лицами всякого сословія и въ перемежку съ ними; притомъ же это было уже во второй половинѣ XVI-го вѣка, а въ первой — и не было козацкихъ гетмановъ изъ князей. Такимъ образомъ появленіе нѣкоторыхъ князей въ ряду вождей козацкихъ не оправдываетъ собою мнѣнія г. Антоновича о пребываніи козаче-

ства нашего подъ управленіемъ княжескимъ—до Люблинской уніи. Да и самъ онъ говоритъ, что отъ реформы, всѣ прочіе князья—Гедиминовичи потеряли «лучшую изъ своихъ привилегій—право начальствовать общиннымъ ополченіемъ» (т. е. козаками); что въ тридцатыхъ годахъ XVI-го вѣка—«выборное начало торжествуетъ окончательно надъ элементомъ княжескимъ, и въ военачальники выбираются козаками уже не князья, но люди такіе, которые выдаются личными дарованіями, а не генеалогическими правами» (стр. XXXI). Такое управленіе у козаковъ выборными людьми не-княжескаго происхожденія, назначаемое г. Антоновичемъ около 1534 года, состоитъ въ очевидномъ противорѣчіи съ его же положеніемъ о правленіи князей Гедиминовичей надъ козаками до Люблинской уніи, т. е. до 1569 года. Не правда ли?

Послѣ этого общаго замѣчанія, войдемъ въ частное разсмотрѣніе, начиная съ первыхъ годовъ XVI-го вѣка, къ которымъ относится первый актъ вашего Архива. Что же касается до послѣдней четверти XV-го вѣка, когда являются на Днѣпрѣ козаки, то мы оставимъ ее пока въ сторонѣ, не видя еще ни откуда ни одного тогдашняго начальника козаковъ, ни тогдашняго ихъ устройства, хотя и не сомнѣваемся, что оно было у нихъ общинное, также какъ и у мѣщанъ, и у всего поспольства Южнорусскаго. Къ тому же, въ Кіевскомъ актѣ 1499 года, гдѣ впервые упоминаются козаки, они являются на Днѣпрѣ не въ войсковомъ дѣлѣ, а въ промыслѣ чумацкомъ, какъ торговцы рыбою. (см. Акты Зап. Рос. т. 1. № 170).

Г. Антоновичъ говоритъ: «значеніе козаковъ, какъ ратныхъ общинныхъ людей, въ зависимости отъ различныхъ князей Гедиминовскаго дома, подтверждается выраженіями о нихъ современниковъ. Такъ въ одномъ изъ прилагаемыхъ актовъ, мы видимъ, что козаки, жившіе въ Черкасахъ, называются (не позже 1503 года) козаками князя Димитрія (Вишневецкаго). У Стрыйковскаго, при разсказѣ о нападеніи Татаръ 1516 года есть извѣстіе, что цѣлый отрядъ ихъ былъ уничтоженъ козаками князя Вишневецкаго» (стр. XXVI).

Въ обоихъ этихъ случаяхъ г. Антоновичъ видитъ славнаго рыцаря Дмитрія Вишневецкаго и полагаетъ, что козаки были изъ его удѣла. Но я думаю, что помянутыя здѣсь лица: «князь Дмитрій»—не Вишневецкій; а «князь Вишневецкій»—не Дмитрій. Взглянемъ на оба свидѣтельства порознь.

Въ архивномъ актѣ (№ 1), писанномъ около 1502 года, называются поименно нѣкоторые Черкаскіе козаки (Митенко, Мандрика и проч.) и между ними различаются одни «Щуровой роты», другіе «князья Дмитрія». Первое названіе, конечно, отъ имени ротнаго или сотеннаго начальника Черкаскихъ козаковъ, Щура. Такъ и въ Богданово гетманство многія сотни разныхъ полковъ назывались еще по именамъ своихъ сотниковъ, напримѣръ въ полку Черкаскомъ: сотня Шубцева; сотня Драгилова и т. д. (см. въ книгѣ Реестровъ 1649 года). Что же касается до козаковъ князя Дмитрія, то нельзя согласиться съ г. Антоновичемъ, чтобы это былъ князь Дмитрій Вишневецкій, и чтобы эти Черкаскіе козаки были изъ его родоваго удѣла.

При - Днѣпровскіе города Черкасы и Каневъ, первоначальные разсадники козачества Украинскаго, всегда принадлежали къ Кіевскому княжеству, которое въ XIV-мъ вѣкѣ было удѣломъ Владиміра Ольгердовича, а въ XV-мъ возвращено было его сыну Олельку и внуку Симеону. Эти Кіевскіе князья назначали въ Черкасы своихъ намѣстниковъ. (Изъ нихъ извѣстенъ, напримѣръ, Свиридовъ, котораго Симеонъ Олельковичъ посылалъ опредѣлять по урочищамъ границу Литовскаго княжества, отъ р. Морахвы до Очакова, а оттуда до р. Донца и Тихой Сосны). Когда же, по смерти Симеоновой, 1471 года, Казиміръ Ягелловичь обратилъ Кіевское княжество въ воеводство и настали воеводы Кіевскіе, тогда въ Черкасы и Каневъ назначались намѣстники великокняжескіе (Кмита Александровичъ, Сенько Полозовичъ); а при Жигимонтѣ I-мъ начались старосты Черкаскіе и Каневскіе (Евстафій Дашковичь, Василь Тышкевичь и т. д.). Такимъ образомъ ни козаки, ни мѣщане, ни все поспольство Черкаское не могло принадлежать къ удѣлу князей Вишневецкихъ; ихъ родовой удѣлъ, со временъ Витовта, былъ на

Волыни, гдѣ и гнѣздо ихъ Вишневецъ; и не видно еще ни одного современнаго свидѣтельства, чтобы у этихъ князей, до половины XVI-го вѣка, были имѣнія въ Украйнѣ При-Днѣпровской. А г. Антоновичъ надѣляетъ Дмитрію Вишневецкому, въ родовой удѣлъ, при-Днѣпровскія земли не только въ Черкаскомъ и Каневскомъ полкахъ, но и въ Переяславскомъ, гдѣ не было владѣній даже и у Еремiи Вишневецкаго, обладавшаго огромною Вишневéччиною въ восточной Украйнѣ, отъ Полтавы до Прилуки и до Домантова включительно. Онъ говоритъ: «Потомки Корыбута-Дмитрія Ольгердовича (родоначальника князей Вишневецкихъ, Заславскихъ, Корецкихъ и Ружинскихъ) утвердились въ южной Волыни, а также въ землѣ Кiевской, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, южнѣе Кiева» (стр. XX). Такое отчужденіе южной половины Кiевскаго княжества отъ Владиміра Ольгердовича и его наслѣдниковъ, въ пользу Корыбутовичей, мнѣ кажется несправедливымъ, равно какъ и самое родословіе, причисляющее къ племени Корыбутову не только князей Корецкихъ, потомковъ другаго Дмитрія Ольгердовича, не Корыбута, но и князей Заславскихъ, изъ которыхъ одни (Волынскіе) составляли отрасль князей Острожскихъ, а другіе (Минскіе) были внуки Евнута Гедиминовича. Къ потомкамъ Корыбутовымъ, кромѣ князей Вишневецкихъ и Збаражскихъ, принадлежали еще Порицкіе и Воронецкіе: и все это были князья на Волыни, къ обывателямъ которой принадлежали и князья Ружинскіе.

Тутъ кстати сдѣлаю родословную замѣтку о нашемъ героѣ, Дмитріѣ Вишневецкомъ. Напрасно Нѣсецкій и другіе Польскіе писатели усыновляютъ его Александру Михайловичу Вишневецкому, отъ котораго пошла такъ называемая королевская линія этихъ князей. Въ современныхъ памятникахъ онъ именуется «Дмитріемъ Ивановичемъ»; а потому надо его причислить въ княжеескую линію Вишневецкихъ, которая пошла отъ Ивана Михайловича. Родными братьями Дмитрія Вишневецкаго были: Андрей, староста Браславскій, а потомъ Волынскій; Константинъ, староста Житомирскій, и юный Жигмонтъ, питомецъ и любимецъ Жигимонта-Августа, извѣстный своею печальною смертью (1552 года въ Кенигсбергѣ,

отъ неловкаго выстрѣла въ честь Польскаго короля, бывшаго въ гостяхъ у князя Альбрехта; бомба ударила въ голову Вишневецкаго и мозгомъ его обрызгало короля.) А какой трудный былъ послѣдній годъ жизни Дмитрія Вишневецкаго, 1563-й: перебѣжавъ отъ Іоанна Грознаго опять къ своему королю, онъ пошелъ съ четырмя тысячами войска добывать обѣщанной ему короны Молдавской; предательски достался въ плѣнъ воеводѣ Томжѣ и, переданый отъ него въ руки Турокъ, нашелъ себѣ мученическій вѣнецъ въ Царѣградѣ. Сколько же ему было тогда лѣтъ? Положимъ даже 70: очевидно, что въ 1502 году онъ былъ еще такимъ отрокомъ, который никакъ не могъ быть козацкимъ вождемъ и котораго ни за что не назвали бы, въ современномъ актѣ, просто княземъ Дмитріемъ. Названіе князя однимъ личнымъ именемъ— это такая честь, какой удостоивали тогда лишь немногихъ заслуженныхъ мужей. Такъ въ писаніяхъ первой половины XVI-го вѣка княземъ Константиномъ называется великій Литовскій гетманъ Константинъ Ивановичъ Острожскій († 1533 год.). Напримѣръ, въ описаніи Волынскихъ Замковъ, 1545 г., сказано: «Перемиль — зáмокъ съ селами выпросилъ князь Константинъ для князей Вишневецкихъ». (см. Памятники К. В. К. т. IV. Отд. 2 стр. 181). Оттуда же видно, что родовое владѣніе Дмитрія Вишневецкаго было въ повѣтѣ Кременецкомъ: Подгайцы, Окнины, Кушнинъ, Лопушна и проч. (стр. 200 и 201). Тамъ же означено, что въ числѣ разныхъ обывателей того повѣта, находившихся лично при описаніи Кременецкаго замка, 25 іюля 1545 года, былъ и «князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій». (стр. 197) А въ статьѣ г. Антоновича сказано, что «Дмитрій Вишневецкій переѣхалъ къ Василію III Іоанновичу и предложилъ ему присоединить свой удѣлъ къ великому княжеству Московскому». (стр. XXX). То есть, онъ переѣхалъ еще до 1533 г., въ которомъ скончался царь Василій Іоанновичъ.... Но возвратимся къ архивному акту о козакахъ Черкаскихъ. Когоже надо разумѣть подъ помянутымъ при нихъ «княземъ Дмитріемъ»? Не иного кого, какъ воеводу Кіевскаго, князя Дмитрія Путятича († 1503 г.), о которомъ и въ Густынской хро-

никѣ, подъ 1501-мъ годомъ, сказано такъ: «И посла (Шахматъ) до Дмитрія князя, воеводы Кіевскаго.» Само собою разумѣется, что нѣкоторая часть козаковъ Черкаскихъ названа именемъ этого князя не потому, чтобы она была изъ его родоваго удѣла, а по своей службѣ у него, какъ воеводы Кіевскаго, вѣроятно, при Кіевскомъ замкѣ, бывшемъ на горѣ Киселевкѣ. (Извѣстно, что козаки въ томъ вѣкѣ жили и служили по зáмкамъ Украинскимъ.)

И такъ первый архивный актъ ничего не даетъ въ пользу мнѣнія г. Антоновича о происхожденіи и пребываніи козаковъ подъ властію князей Гедеминовичей. Обратимся къ свидѣтельству Стрыйковскаго о «козакахъ князя Вишневецкаго» 1516 г. Въ строгомъ смыслѣ, этого свидѣтельства нельзя признать за «выраженіе современника», потому, что Стрыйковскій былъ современникомъ Баторія. Впрочемъ изъ его отрывочнаго упоминанія, приведеннаго г. Антоновичемъ, невидно еще, чтобы тѣ козаки 1516 года были изъ родоваго владѣнія князя Вишневецкаго, и чтобы онъ былъ начальникомъ ихъ «на правахъ князя». Вѣроятнѣе, что тѣ козаки составляли охотное войско, на тотъ часъ служившее князю Вишневецкому, подобно тому, какъ весною 1556 года, триста Каневскихъ козáковъ, съ своими атаманами Млинскимъ и Михайломъ Есковичемъ пристали на Днѣпрѣ къ дьяку Ржевскому и съ его Великорусскими козаками подъ Очаковымъ, побили Татаръ и Турокъ. Сторонній историкъ весьма могъ тѣхъ Запорожскихъ козаковъ назвать козаками дьяка Ржевскаго. Что же касается до самаго князя Вишневецкаго, упомянутаго при козакахъ 1516 года, то въ немъ можно видѣть не Дмитрія, а развѣ дѣда его Михаила Васильевича, который съ своими двумя сыновьями принималъ участіе въ знаменитой побѣдѣ надъ Татарами, одержанной княземъ Константиномъ Острожскимъ подъ Вишневцемъ (или точнѣе говоря, подъ Лопушною), 1511 года. Сыновья его, Иванъ и Александръ, участвовали и въ другой знаменитой побѣдѣ князя Константина надъ Татарами, одержанной 1527 года у Ольшаницы (въ Бѣлоцерковщинѣ). Но внуки Михаила Вишневецкаго, въ томъ числѣ и Дмитрій, не видны на военномъ

поприщѣ во всю первую половину XVI-го вѣка изъ писаній того времени. Не прежде, какъ въ 1556 году, Дмитрій Вишневецкій становится вождемъ Днѣпровскихъ козаковъ, на славномъ издревле островѣ Хортицѣ. Вотъ современное о томъ свидѣтельство изъ лѣтописанія Московскаго:

«Того-жъ мѣсяца (сентября) пріѣхалъ ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи, отъ Вишневецкаго князя Дмитрея Ивановича, бить челомъ Михайло Есковичъ, чтобъ его государь пожаловалъ, а велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы отъѣхалъ, и на Днѣпрѣ на Хортицкомъ островѣ городъ поставилъ, противъ Конскихъ водъ, у Крымскихъ кочевищъ. И царь и великій князь послалъ къ Вишневецкому дѣтей боярскихъ, Андрея Щепотева да Нечая Ртищева, да того-жъ Михайла, съ опасною грамотою и съ жалованьемъ» [1]).

Послѣ этого яснаго и непреложнаго свидѣтельства нечего бы и говорить уже о козацкомъ гетманствѣ Дмитрія Вишневецкаго въ первой четверти XVI вѣка. А г. Антоновичъ изъ старой ошибки, сдѣланной нашими лѣтописцами въ прошлое столѣтіе, дѣлаетъ новую еще большую. Истолковавъ не вѣрно два выше разсмотрѣнныя свидѣтельства, онъ говоритъ: «Изъ этого уже явствуетъ ошибка ученыхъ, занимавшихся исторіею козаковъ: они, принимая предводителей козацкихъ этого времени за преемственныхъ козацкихъ гетмановъ, ставятъ время гетманства Предслава Ланцкоронскаго между годами 1500 и 1512, Дмитрія Вишневецкаго — между 1512 и 1514 и Евстафія Ружинскаго — между 1514 и 1534. Между тѣмъ, мы видимъ изъ приведенныхъ нами мѣстъ, что Дмитрій Вишневецкій упоминается какъ начальникъ козаковъ и раньше и позднѣе этого времени, въ которомъ указываютъ его гетманство». Но не всѣ же наши историки указывали это гетманство между 1512 и 1514 годами. Еще Грабянка полагалъ—Дмитрія Вишневецкаго послѣ Венжика Хмельницкаго; такъ полагали и Миллеръ, и Бантышъ-Каменскій, и Евгеній (въ Кіев. Синопсисѣ), и другіе. Вольно же было

---

[1]) Привожу эти слова изъ 5 книги исторіи Татищева, изданной О. М. Бодянскимъ 1848 г.

нашему приснопамятному земляку и пріятелю Маркевичу, возобновлять старыя ошибки, въ томъ числѣ и перемѣщеніе Дмитрія Вишневецкаго съ Евстафіемъ Ружинскимъ—изъ второй половины XVI столѣтія въ первую, и постановку ихъ между Ланцкоронскимъ и В. Хмельницкимъ [1]). А г. Антоновичъ, отвергая Маркевическое преемство Ланцкоронскаго, Вишневецкаго и Ружинскаго, ставитъ ихъ одновременно каждаго въ своемъ удѣлѣ, отъ самаго начала XVI вѣка; а потомъ повѣствуетъ объ упадкѣ, небывалой княжеской власти надъ козаками, происшедшемъ будто-бы отъ реформы Ружинскаго, и о томъ, какъ недовольный этою реформою Вишневецкій переѣхалъ къ Василію Іоанновичу и предложилъ ему свои родовыя при—Днѣпровскія земли....

Тутъ же у него сказано: «Попытки Великороссіянъ—овладѣть Сѣверскою и Черниговскою землею въ 1534 году были отражены Ружинскимъ и Кіевскимъ воеводою Немировичемъ». Но дѣло было наоборотъ. Сѣверская земля, какъ извѣстно, въ продолженіе XVI-го вѣка и въ началѣ XVII-го, принадлежала государству Московскому. Въ 1534 году попытка овладѣть ею была со стороны новаго Литовскаго гетмана, Юрья Николаевича Радивила, который и посылалъ туда, подъ Стародубъ и Черниговъ, Кіевскаго воеводу Андрея Немировича съ королевскимъ конюшимъ Василіемъ Чижемъ (см. Акты Зап. Рос. т. II. № 181). Тогда же «приходили Литовскіе люди, воевода князь Александръ Вишневецкій, а съ нимъ многіе люди къ Смоленску къ посаду, да и посадъ было зажгли»—сказано въ Царственной книгѣ на стр. 39.

Вслѣдъ за тѣмъ г. Антоновичъ говоритъ: «старанія самаго Вишневецкаго (Дмитрія) утвердиться то на Хортицѣ, то на правобережной Украинѣ, гдѣ онъ завладѣлъ было на время Черкасами и Каневомъ въ 1537 году, побудивъ жителей этихъ городовъ къ возстанію противъ королевскаго старосты, оказались тщетными».

---

[1]) Объ этой перестановкѣ я недавно еще говорилъ въ моихъ письмахъ къ Н. И. Костомарову, напечатанныхъ въ Основѣ, 1861 г. (см. письмо 9-е о введеніи къ лѣтописи Самовидца).

Но тутъ опять напрасное примѣненіе къ Дмитрію Вишневецкому современнаго акта, напечатаннаго въ Архивѣ подъ № 2-мъ. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. На мѣсто знаменитаго Черкаскаго и Каневскаго старосты, Остафія Дашковича, назначенъ былъ въ 1536 году Василь Тишкевичъ (бывшій впослѣдствіи воеводою Подляскимъ). Черкасцы и Каневцы взбунтовались противъ Тишкевича, а виновникомъ этого бунта, по голосу современниковъ, былъ Янъ Петровичъ Пенько, королевскій чиновникъ, находившійся при тѣхъ замкахъ. Получа объ этомъ королевскій листъ, Пенько явился въ Краковъ къ королю и увѣрилъ его въ своей невинности, говоря, между прочимъ, что «ничего о томъ не вѣдаетъ, съ чего тое бунтованье ихъ вросло и для которыхъ причинъ противъ старосты его милости они то вчинли». Такимъ способомъ Пенько не только успѣлъ получить королевскую оправдательную грамоту 1537 года (напечатанную въ Архивѣ), но и назначенъ былъ въ Черкаскіе старосты, вмѣсто Тишкевича. Однако Черкасцы были недовольны и имъ, и жаловались королю, что онъ «кривды великіе и утиски чинитъ и новины вводитъ». По этому случаю пріѣзжалъ въ Черкасы Кіевскій воевода Немировичъ и уладилъ дѣло своею грамотою 1539 года (напечатанною во 2 томѣ актовъ Зап. Рос. подъ № 195). Не знаю, кто именно—Оникій Горностай, или уже другой кто былъ Черкаскимъ и Каневскимъ старостою въ 1557 году, когда Дмитрій Вишневецкій перешелъ изъ Запорожья въ Черкасы и Каневъ. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого основанія приписывать ему то возмущеніе Черкасцевъ и Каневцевъ, которое было, за двадцать лѣтъ, противъ старосты Тишкевича.

Не менѣе ошибочнымъ я нахожу и то, что сказано у г. Антоновича о Михайлѣ Вишневецкомъ. Онъ говоритъ: «Лѣтописи называютъ преемниками Ружинскаго (Евстафія) людей незнатнаго происхожденія; это: Венцеславъ Хмельницкій, Свирговскій, Ѳедоръ Богданъ, Шахъ, Подкова, Скалозубъ и т. д.—вотъ гетманы, которые послѣ Ружинскаго выдвигаются изъ толпы по ея выбору и наслѣдуютъ власть Гедиминовичей. Бывшіе князья долго еще не желаютъ отречься отъ прежнихъ правъ своихъ, и заявленіе этихъ правъ мы встрѣ-

чаемъ въ лицѣ двухъ изъ нихъ: 1) брата Дмитрія Вишневецкаго, Михаила, 2) Михаила Ружинскаго. Первый, послѣ бѣгства брата изъ Москвы, пребывалъ въ вѣрности къ Іоанну IV-му и успѣлъ возвратить себѣ, пользуясь расположеніемъ жителей къ своему роду, города Черкасы и Каневъ. Онъ удерживаетъ титулъ гетмана козацкаго, и въ этомъ качествѣ участвуетъ въ войнѣ великаго князя Московскаго съ возставшею Астраханью, 1569 и 1570 г., между тѣмъ какъ Украйною управляетъ выборный гетманъ Свирговскій». (стр. XXXI).

Откуда взялось свѣдѣніе о вѣрности Михаила Вишневецкаго царю Московскому? Напротивъ, изъ современныхъ извѣстій видно, что весною того же 1563 года, въ которомъ Дмитрій Вишневецкій бѣжалъ къ королю, двоюродный братъ его, Михаилъ Вишневецкій, съ Запорожскими козаками и Бѣлгородскими Татарами, напалъ на Сѣверскую область и произвелъ тамъ разореніе. Объ этомъ нападеніи «ротмистра князя Михаила Вишневецкаго» царь жаловался королю, отъ 10-го іюля, черезъ гонца своего, дворянина Андрея Клобукова, которому поручено было развѣдать о бѣжавшемъ князѣ Дмитріѣ [1]). Вскорѣ послѣ того Черкасы и Каневъ достаются въ распоряженіе князя Михаила Александровича Вишневецкаго — потому, что король назначилъ его въ старосты Черкаскіе и Каневскіе. Въ этомъ званіи, лѣтомъ 1659 года, онъ отправляется — не въ Астрахань, а въ Люблинъ, на дѣло соединенія земли Волынской съ Польшею [2]), по совершеніи котораго, онъ получаетъ еще новое званіе—кастеляна Кіевскаго. Что же касается до гетманского титула, то изъ всѣхъ нашихъ историковъ, только у Конисскаго, да вслѣдъ за нимъ у Маркевича, Михайло Вишневецкій полагается гетманомъ, съ 1569 года до 1574-го, съ котораго, по единогласному признанію всѣхъ лѣтописателей, — былъ гетманомъ Свирговскій (или Свирчовскій). Откуда же г. Антоновичъ взялъ, что Свирговскій управлялъ Украйною еще въ 1569 и 1570 годахъ, какъ «выборный гетманъ»; а Вишневецкій былъ тогда только

---

[1]) См. въ Чтеніяхъ 1860 г. кн. IV, переписку между Россіею и Польшею, составленную Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ, (стр. 218).
[2]) См. Жизнь Курбскаго, изд. Н. Д. Иванишевымъ 1849 г. Т. I. № 7.

съ «титуломъ гетманскимъ», удержаннымъ по притязанію на прежнія права князей — Гедиминовичей предводить ополченіями? Что же касается до Астраханской побѣды Вишневецкаго, то она весьма требуетъ подтвержденія извѣстіями современными; а безъ того остается еще дѣломъ сомнительнымъ, не смотря на всю защиту его покойнымъ Маркевичемъ. Задавшись мыслію о «прежнихъ правахъ» Гедиминовичей надъ козаками и объ упадкѣ ихъ княжеской власти, г. Антоновичъ не хочетъ допустить ихъ въ число выборныхъ гетмановъ козацкихъ. Такимъ образомъ у него и князь Михайло Ружинскій въ 1585 году, только «удерживаетъ титулъ гетманскій», захватываетъ власть надъ козаками — «опираясь на прежнія свои права»! «Впрочемъ—говоритъ онъ—власть его, должно полагать, была и незначительна и кратковременна, такъ какъ ни одна хроника не записала его имени въ числѣ гетмановъ козацкихъ, и вышеприведенный актъ составляетъ единственное въ этомъ отношеніи указаніе».

Этотъ актъ 1585 года, нынѣ напечатанный въ Архивѣ, подъ №: 7-мъ, давно уже вычитанъ въ гродской Житомирской книгѣ Н. Д. Иванишевымъ, отъ котораго и я узналъ о немъ, лѣтъ за семь, и принялъ къ свѣдѣнію новооткрытаго гетмана, князя Михаила Ружинскаго. Называютъ его въ этомъ актѣ «гетманомъ козаковъ Запорожскихъ» — войтъ, бурмистръ и радцы и все поспольство города Кіева; ясно, что онъ былъ настоящій признанный гетманъ Запорожскій. Его власть надъ козаками была, конечно, полная гетманская, и не «кратковременная», но продолжавшаяся и въ 1588 году, въ которомъ Низовые, т. е. Запорожскіе козаки, съ своимъ гетманомъ, княземъ Ружинскимъ, были во Львовѣ,—какъ это видно изъ современной записки, помѣщенной въ хроникѣ мѣста Львова, изданной Денисомъ Зубрицкимъ 1844 г. (см. на стр. 213). Итакъ гетманство Михаила Ружинскаго надо признать въ 1585—1588 годахъ. А былъ онъ изъ князей Волынскихъ, которымъ дорогу на Запорожье открылъ Дмитрій Вишневецкій, пришедшій туда козаковать въ 1556 году. Онъ первый изъ князей—Гедиминовичей сталъ гетманомъ козацкимъ. Его начальство надъ собою признали тѣже Запорож-

скіе козаки (или «Черкасы Каневскіе»), съ тѣмъ же атаманомъ своимъ, Михайломъ Есковичемъ, что весною того года приставали къ дьяку Ржевскому и съ нимъ ходили подъ Очаковъ. Съ нимъ-то Дмитрій Вишневецкій, того же года «о Покровѣ, городъ взялъ Исламъ-Керменъ, и людей побилъ, и пушки вывезъ къ себѣ на Днѣпръ въ свой городъ». А въ слѣдующемъ году, весною—сказано въ лѣтописаніи Московскомъ—онъ писалъ къ государю, что «царь Крыма Девлетъ-Кирей, и съ сыномъ и со всѣми людьми Крымскими, приходилъ подъ его городъ на Хортицкой островъ и приступалъ 24-го (мая), и Божіимъ милосердіемъ, и царя и великаго князя именемъ и счастіемъ, отъ царя отбился, и побилъ у царя многихъ людей лучшихъ и пошелъ царь отъ него съ великимъ соромомъ». А въ октябрѣ 1558 года «писалъ изъ Черкасъ да изъ Канева къ царю и великому князю, князь Дмитрей Ивановичь Вишневецкій, что онъ съ Днѣпра съ Хортицкаго острова пошелъ потому, что корму не стало у него и козаки отъ него разошлися, а царь Крымской пошелъ на его городъ, да Турского люди многіе въ судѣхъ, да Волохи, а онъ за кормомъ не сѣлъ въ городъ, а пришелъ за Черкасы и Каневъ, и государь какъ велитъ? И царь великій князь писалъ ко князю Дмитрію Ивановичу, а велѣлъ ѣхати къ себѣ, а Черкасы и Каневъ велѣлъ королю отступитца, потому что царь великій съ королемъ въ перемирьи. Въ Ноябрѣ князь Дмитрей Ивановичъ къ царю и великому князю пріѣхалъ служити, и царь государь его пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ, и далъ ему отчину городъ Бѣлевъ, со всѣми волостями и селы, да въ оныхъ городѣхъ села подклѣтные государь подавалъ и великими жалованьи устроилъ....» На томъ и кончилось его двухлѣтнее гетманство надъ козаками Запорожскими.

Письмо второе.

Оставимъ на время князей, бывшихъ вождями козацкими, и посмотримъ на первоначальнаго подвижника приДнѣпровской козачины, на Евстафія Дашковича. Не странно

ли, что у нашихъ старшихъ лѣтописателей прошлаго столѣтія, отъ Грабянки до Конисскаго, нѣтъ и помину о Дашковичѣ?... За то Шафонскій и Ригельманъ ставили его — первымъ гетманомъ козацкимъ; но Маркевичъ признавалъ его только первымъ атаманомъ Запорожскимъ; на самомъ дѣлѣ Дашковичъ былъ не гетманомъ и не кошевымъ атаманомъ, а старостою Черкаскимъ и Каневскимъ, да къ тому еще (въ тринадцатыхъ годахъ) державцею Пропойскимъ и Чичерскимъ и въ этихъ званіяхъ заслужилъ себѣ имя—славнаго козака.

О его происхожденіи говорятъ и Нѣмцевичъ и другіе Польскіе писатели, что онъ былъ изъ простолюдья, изъ Овручскихъ подданныхъ князя Острожскаго; но это едва-ли справедливо. Будь онъ «прóстый хлопъ»—не было бы у него «власного отчизного селища Гвоздова», которое онъ въ Кіевѣ отписалъ монастырю Пустынно-Никольскому,—и родная сестра Овручскаго кмётка Богдана Дашковичовна не была бы женою пана Бориса Тишкевича, а послѣ него—пана Андрея Немировича, воеводы Кіевскаго. Дашковичъ могъ быть слугою князя Константина—это иное дѣло. Въ многочисленной прислугѣ Константинова сына, великолѣпнаго воеводы Кіевскаго, встрѣчались князья.

Что касается до статьи г. Антоновича, то въ ней Дашковичъ приписанъ къ Овручскому мѣщанству и отпущенъ къ Запорожцамъ. «Между ними—говоритъ онъ—въ началѣ XVI вѣка, скитался бѣглый мѣщанинъ изъ Овруча, Евстафій Дашковичъ; пріобрѣвъ вліяніе своею храбростію и смѣтливостью, онъ возымѣлъ мысль образовать изъ своихъ товарищей-бѣглецовъ устроенное общество съ совершенно оригинальною организаціею. Дашковичъ началъ съ того, что отправился въ Польшу и тамъ, на сеймѣ въ Петровкѣ, въ 1511 году, когда штаты Рѣчи Посполитой разсуждали о средствахъ предохранить Южнорусскія земли отъ набѣговъ Татаръ, предложилъ какъ лучшее и самое дешевое средство,—признавать войскомъ Рѣчи Посполитой приднѣпровскихъ скитальцевъ и поручить имъ охраненіе границъ. Предложеніе было принято, и Сигизмундъ 1-й согласился признать законность войска, образовавшагося безъ его вѣдома и поручить

ему стражу границъ Рѣчи Посполитой; въ награду же за эту услугу онъ подарилъ земли, никому доселѣ не принадлежавшія, лежавшія между Бугомъ и Тясминомъ, Самарою и Калміусомъ. Вѣстникомъ этого королевскаго распоряженія былъ самъ же Дашковичъ; для выходцевъ оно имѣло значеніе амнистіи и безопасности личной со стороны Польскаго правительства, и потому они охотно сгруппировались около Дашковича и приняли предложенное имъ устройство, которое и состояло въ развитіи до возможныхъ предѣловъ общинныхъ началъ». (стр. LXXIV).

Но вѣдь это небылица, которой можно бы уже и не писать у насъ въ нынѣшнее время. Статочное ли дѣло, чтобы на великомъ сеймѣ 1511 года дѣлалъ такія предложенія бѣглый мѣщанинъ, и чтобы, довѣрясь такому представителю еще неустроенныхъ бѣглецовъ и скитальцевъ, Жигимонтъ I-й такъ уже и поручилъ охраненіе границъ своего государства и подарилъ столь обширныя земли?... сколько тутъ ошибочнаго: отъ скитанія Дашковича подъ видомъ бѣглаго мѣщанина и до сейма великаго, который въ 1511 году былъ не въ Петриковѣ, а въ Берестьи! По извѣстіямъ современнымъ, Дашковичъ виденъ отъ самаго начала XVI вѣка, съ 1501 года, въ которомъ Московскій великій князь Іоаннъ III-й Васильичъ, послѣ побѣды Ведрошской, посылалъ своихъ воеводъ, «Литовскія земли воевати». И вотъ «пріидоша воеводы ко Мстиславлю ко граду ноября 4-го въ четвертокъ, и срѣте ихъ изъ града князь Михайло Ижеславскій, зять княже Юрьевъ Лугвеньевичъ, да великаго князя Александра Литовскаго воевода Остаѳей Дашковичъ...»

Спустя годъ, или около того, князь Василій Семеновичъ Ряполовскій сказывалъ, «что намѣстникъ Кричевской Остаѳей Дашковичъ вступается въ волость Прикладни и въ деревни Прикладненскіе....» (см. Акты Зап. Рос. Т. 1. стран. 322). А въ 1504 году королевскій гонецъ Матвей Кунцевичъ, въ Москвѣ, предлагалъ, чтобы отданъ былъ бѣжавшій изъ Литвы со многими дворянами воевода Остафій Дашковичъ. На это дьякъ Болдырь Паюсовъ далъ Кунцевичу такой отвѣтъ, что «по перемирнымъ договорамъ велѣно выдавать

татя, бѣглеца, холопа, раба и должника; а какъ Дашковичъ чиновный человѣкъ, Греко-россійской вѣры и добровольно принялъ службу, то выданъ быть не можетъ».

Тамъ на государевой службѣ и находился Дашковичъ до 1508 года, до той знаменитой грозы, которую поднималъ въ Литвѣ князь Михайло Львовичъ Глинскій. Тогда великій князь Василій Ивановичъ» прислалъ ему на помочъ Остафія Дашковича, оного славнаго козака, который ся былъ до него передалъ, якъ мѣлъ обычай, съ двадцати тысячами людей Московскихъ ездныхъ»—по словамъ стараго лѣтописца Южнорусскаго. А въ августѣ того 1508 года Жигимонтъ I-й, наряжая изъ Смоленска посольство къ Менгли-Гирею, писалъ между прочимъ слѣдующее: «А тому зрадцѣ нашому Глинскому людей его въ тотъ-же часъ многихъ збито, а останокъ ихъ съ Остафіемъ Дашковичомъ вси къ намъ прибѣгли». (см. Акты Зап. Рос. Т. II. № 41.)

Вотъ гдѣ и чѣмъ былъ, въ началѣ XVI вѣка, подлинный, историческій Дашковичъ. Ему, какъ человѣку извѣстному и опытному, пришедшему вновь «на службу господарскую», — Жигимонтъ I-й могъ поручить охраненіе границъ государства и, по его представленію, дать козакамъ права на приднѣпровскія земли, никѣмъ еще не заселенныя.

Несправедливо вмѣнять Дашковичу первоначальное собраніе и устроеніе Запорожскихъ выходцевъ. Товариство Запорожское, съ своимъ общиннымъ устройствомъ и съ своими атаманами, существовало еще прежде, чѣмъ Дашковичъ вернулся изъ Москвы и сталъ на Руси Кіевской.

На что умножать сказки о первоначальникахъ козачества? Довольно и той, которую отъ самихъ Запорожцевъ слышалъ и записалъ въ прошломъ столѣтіи князь Мышецкій про знаменитаго стрѣльца и атамана Семена, который, съ своего Семенова-Рога на Бугскомъ Лиманѣ, приходилъ на Украину, къ Лысянкѣ, Медвѣдовкѣ и другимъ мѣстамъ, съ сотнею своихъ товарищей и набралъ тутъ себѣ войска болѣе двухъ тысячъ, и послѣ похода на Дунай, водворился на Очаковской сторонѣ, на Днѣпрѣ, особымъ улусомъ.

На что говоритъ и то, будто Запорожье при Дашковичѣ «состояло не болѣе какъ изъ двухъ тысячь человѣкъ». Вѣдь это число относится только къ извѣстному предложенію, которое сдѣлано было Дашковичемъ 1522 года на вальномъ сеймѣ Городенскомъ: чтобы Днѣпровскіе острова застроить крѣпкими зáмками и постоянно содержать тамъ 2,000 вооруженныхъ пѣшихъ козаковъ, да еще ста четыре конныхъ.

Запорожцы не рѣдко сбирались вокругъ Дашковича—въ его походахъ и битвахъ, и, вѣроятно, приняли отъ него нѣкоторыя правила, къ улучшенію своего быта и порядка; но въ отношеніи къ Запорожью могъ быть ему совмѣстникъ—другой козацкій вождь, Предславъ Ланцкоронскій. А, какъ староста Черкасскій и Кáневскій, Дашковичъ около четверти вѣка (до 1536 года) былъ главнымъ распорядителемъ и подвижникомъ козачества въ Украинѣ приднѣпровской. Тутъ ему совмѣстниками могли быть развѣ Кіевскіе воеводы (князь Юрій Александровичъ Гольшанскій да Андрей Якубовичъ Немúровичъ). И, конечно, не иному кому, какъ доблестному Дашковичу, тогдашнее козачество обязано своимъ усиленіемъ и распространеніемъ на Украинѣ приднѣпровской. Онъ упрочилъ бытіе нашего козачества, какъ особаго сословія въ народѣ Малороссійскомъ. Онъ былъ первымъ строителемъ и Чигирина, будущей родины и гетманской столицы Богдана Хмельницкаго.

Современнымъ Дашковичу козацкимъ вождемъ былъ Предславъ Ланцкоронскій, о которомъ всѣ наши старшіе лѣтописцы прошлаго столѣтія поминаютъ, какъ о первомъ гетманѣ козацкомъ. Сказаніе о немъ, взятое изъ Польскаго историка Мартына Бѣльскаго, внесено еще въ хронику Густынскую и состоитъ въ слѣдующемъ: «Въ лѣто 1516 Жигмонтъ король—посла Предслава Ля́нцкорунскаго на Украину собирати люду и такожде Татаромъ пакостити; онъ же, собравъ охотниковъ скилка сотъ, пойде съ ними аже подъ Бѣлгородъ и тамо забра множество товара, и коней, и овецъ Татарскихъ и Турецкихъ, и возвратися съ ними. Татаре же и Турци, собравшеся, гониша по нихъ и постигоша ихъ подъ Очаковомъ у Овидова озера, и бишася съ ними; но наши

поразиша ихъ и со великимъ добытіемъ во здравіи возвратишася».

Вотъ походъ Ланцкоронскаго къ Бѣлгороду и битва его подъ Очаковымъ, 1516 года, какъ событіе историческое. Къ этому извѣстію предпослано такое замѣчаніе: «Въ сіе лѣто начашася на Украинѣ козаки». Такимъ образомъ у Польскаго истрика, а за нимъ и у нашего составителя Густынской хроники, началомъ козачества на Украинѣ полагаются тѣ охотники, съ которыми Ланцкоронскій совершилъ походъ къ Бѣлгороду и Очакову 1516 года. Но извѣстно положительно и документально, что въ Приднѣпровской Украинѣ, въ Черкащинѣ, были козаки еще до Жигимонта 1-го; да и въ Запорожьи также было козачество гораздо прежде 1516 года. Между тѣмъ лѣтописное сказаніе и тутъ обращается въ слѣдующую сказку: «И потомъ бранилюбивый сей народъ, засмаковавши себѣ здобичъ, наставиша себѣ старѣйшинуспосредѣ себе, нарицаемаго козака, отъ него же и сами потомъ козаками нарекошася, и начаша сами часто въ Татарскую землю ходити, и даже доселѣ не престаютъ пакости творити Татарамъ и Туркамъ. А старѣйшину себѣ избираютъ спосредѣ себе, мужа храбра и смыслена, по своему древнему обычаю; живутъ же всегда на Запорожью, рыбы ловяще, ихъ же безъ соли на солнцу сушатъ; а на зиму расходятся кождо во свой градъ, толко зъ скилко сотъ оставляютъ на куренѣ стерещи стрѣлбы и човновъ, а на лѣто паки собираются. И симъ образомъ козаки начало свое пріяша».

Сказка сказкою; но лѣтописное замѣчаніе «о началѣ козаковъ» нельзя ли принять съ такимъ ограниченіемъ, что въ 1516 году начались козаки на Украинѣ приднѣстровской, въ Браславщинѣ, гдѣ до того года не видно козачества ни изъ какихъ показаній современныхъ? Какъ бы ни было, впрочемъ, а сказаніе Мартына Вѣльскаго было классическимъ мѣстомъ, на которомъ основывался и Коховскій (1683 г.) и, писавшій подъ его его вліяніемъ (около 1710 г.), нашъ Украинскій лѣтописатель Грабянка. У него такъ говорится сначала, что «въ року 1516, Жигмонтъ 1 — охотнаго воинства отъ козаковъ и Поляковъ собра, посла ихъ подъ Бѣлгородъ.....

и отъ того времени козаками нарицахуся, аще кто и Полякъ бяше, си есть, свободное воинство, яко безъ найму, своею волею на Татаре хождаху». А потомъ у него сказано: «Въ року 1506-мъ былъ первымъ козацкимъ гетманомъ Предславъ Лянцкронскій; а въ року 1534 будучи гетманомъ Запорозкимъ, нѣякійсь козакъ Венжикъ Хмельницкій розбилъ великую орду въ Полщѣ подъ Заславемъ; по немъ былъ гетманомъ Дмитрій князь Вишневецкій, а по немъ Евстафій князь Ружинскій» — и ни слова объ нихъ болѣе. Ясное дѣло, что здѣсь у Грабянки 1506-годъ при Ланцкоронскомъ поставленъ ошибкою, вмѣсто 1516-го. А между тѣмъ этотъ ошибочный 1506 годъ, пошелъ надолго у насъ, какъ начальный годъ козацкаго гетманства. Съ этимъ годомъ стоитъ первый гетманъ Ланцкоронскій и въ извѣстномъ «собраніи гетмановъ» и во введеніи, придѣланномъ къ «лѣтописи Самовидца», заимствованномъ очевидно изъ лѣтописи Грабянкиной; у Шафонскаго, Ригельмана,—1506-й годъ приложенъ къ первому гетману Дашковичу, а Ланцкоронскій поставленъ вторымъ гетманомъ, съ надлежащимъ 1516-мъ годомъ. Но въ «исторіи Руссовъ» Конискаго, а за нимъ и у Маркевича, гетманство Ланцкоронскаго начинается съ 1500 года, а прекращается 1512-го.

Но въ «описаніи» Симоновскаго (сочиненномъ вслѣдъ за прекращеніемъ Гетманщины) сказано такъ: «Первой козацкой гетманъ (по новоизданной и выпечатанной въ Гамбургѣ 1763 года, исторіи о Россійскомъ государствѣ, на Нѣмецкомъ языкѣ, чрезъ доктора Бишинга) былъ князь Богданъ Рожинскій, которому король Баторій, въ вѣчное и наслѣдственное владѣніе пожаловалъ городъ Терехтемировъ». Такъ и Миллеръ говорилъ, и Бантышъ-Каменскій повторилъ (1822 г.). что Богдана Ружинскаго — «можно почитать первымъ Малороссійскимъ гетманомъ». Вотъ краткая исторія о началѣ козацкаго гетманства въ лѣтописаньи Малороссійскомъ — до Маркевича включительно, который такъ горячо нападалъ на Бантыша-Каменскаго, стоя горою за начало гетманщины и гетманства съ 1500 года! Сущность дѣла въ томъ: назывались ли у современниковъ, или не назывались гетманами ко-

зацкіе военачальники, бывшіе до Баторія? Дѣло въ титулѣ; но вѣдь немалая тогда велась тяжба изъ-за титула и между великими князьями—Московскимъ и Литовскимъ. Не военнаго человѣка, гетмана Розумовскаго, Екатерина II переименовала въ фельдмаршалы; а черезъ четверть вѣка она наименовала Потемкина «великимъ гетманомъ козацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ». Но наша братья—историки не имѣютъ права ни жаловать въ гетманы, ни разжаловать—давнопрошедшихъ военачальниковъ козацкихъ. Ну, если Грабянка наименовалъ Ланцкоронскаго первымъ гетманомъ отъ себя, также самопроизвольно, какъ Шафонскій и Ригельманъ—Дашковича.

Если любознательность нашихъ историковъ, могутъ занимать имена, года, дѣянія царей и цариковъ Татарскихъ, царей и царицъ Босфорскихъ, то для насъ тѣмъ болѣе должны быть занимательны вожди и начальники нашего козачества, историческая жизнь котораго такъ дорога и важна для памяти народной, и которое донынѣ живо въ своихъ потомкахъ, козакахъ Малороссійскихъ и Черноморскихъ. А мы и до сихъ поръ не добыли себѣ вѣрнаго знанія о предшественникахъ Богдана Хмельницкаго; они и донынѣ не перестаютъ быть игралищемъ произвола научнаго и недоучнаго. Въ пользу гетманства Ланцкоронскаго можно указать на универсалъ Богдана Хмельницкаго 1655 года 15 генваря, данный Низовому Запорожскому войску, въ подтвержденіе правъ, жалованныхъ королемъ Баторіемъ 1576 года. Тамъ о Самарскихъ земляхъ сказано: где еще до гетмана Прецлава Ланцкорунскаго козаки Запорожскіе свои зимовники мѣвали». Но въ 1775 году, когда шло роковое дѣло о Запорожьи, Миллеръ опровергалъ подлинность сего универсала, представленнаго Запорожцами въ копіи. Предоставляю вамъ съ Н. Д. Иванишевымъ рѣшить, правъ-ли былъ Миллеръ. Во всякомъ случаѣ, былъ-ли Ланцкоронскій гетманомъ, или только старостою Хмельницкимъ, его козацкое военачальство должно быть полагаемо не ранѣе, какъ съ 1516 года.

Козацкое ополченіе, предводимое имъ въ томъ году къ Бѣлгороду и Очакову, состояло изъ набранныхъ имъ на Ук-

раинѣ охотниковъ (voluntarii). Это совсѣмъ не то, что представляетъ г. Антоновичъ, будто и Ланцкоронскій въ своемъ удѣлѣ былъ начальникомъ общиннаго ополченія на правахъ князя. Для Ланцкоронскаго онъ измѣняетъ свое основное положеніе о Гедиминовщинѣ и говоритъ, что «первые гетманы козацкіе ведутъ свой родъ исключительно отъ Гедимина, или отъ великокняжескихъ ленниковъ»! А въ удѣлъ дворянскому роду Ланцкоронскихъ назначаетъ онъ Браславщину, гдѣ былъ Браславскій козацкій полкъ—будто бы еще до 1516 года.

Письмо третье.

По вашему желанію, возобновляю мою письменную бесѣду съ вами о козакахъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо же мнѣ кончить разборъ новаго мнѣнія о *происхожденіи козачества*, предложеннаго г. Антоновичемъ въ его предисловной статьѣ къ Архиву Югозападной Россіи, 1863 года.

Для нашего козачества приднѣпровскаго онъ предположилъ первоначальный вѣкъ благосостоянія его подъ кроткимъ управленіемъ различныхъ князей Гедиминова дома, будто бы имѣвшихъ здѣсь свои *удѣлы* въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI-го. Изъ этихъ *князей-гетмановъ* онъ называетъ только—Дмитрія Вишневецкаго, Евстафія Ружинскаго, да еще кого-то изъ князей Корецкихъ.

Тотъ вѣкъ благосостоянія козаковъ у него кончается около *1534* года—со смертью героя Ружинскаго. Тогда настаетъ пора окончательнаго торжества *выборнаго начала* надъ *элементомъ княжескимъ*: гетманами становятся изъ толпы, по ея выбору—Венжикъ Хмельницкій и другія лица незнатнаго происхожденія и наслѣдуютъ власть Гедиминовичей. Но и между самыми князьями-гетманами была борьба за козаковъ, когда Евстаѳій Ружинскій *объединилъ* собою и увлекъ подъ свою власть все южнорусское козачество, разрозненное по ихъ удѣламъ: они противодѣйствовали, протестовали передъ Жигимонтомъ I-мъ противъ *реформы* Ружинскаго; но тотъ, своими *многочисленными*, *побѣдоносными* походами противъ

татаръ и турковъ, успѣлъ доказать на дѣлѣ, сколь полезную военную силу могутъ доставить государству козаки, соединенные и правильно организованные имъ въ *двадцать* полковъ... (стр. XXIX).

На самомъ же дѣлѣ—ничего этого не было; да и самаго князя Евстафія Ружинскаго не было въ приднѣпровской Руси во всю *первую* половину XVI вѣка, также точно, какъ и Дмитрія Вишневецкаго не было на Приднѣпровьи до *пятидесятыхъ* годовъ того вѣка.

Что касается до князей Корецкихъ, то изъ нихъ, отъ начала XVI-го вѣка, извѣстенъ *Θедоръ Ивановичъ Корецкій*. Въ 1508 году, когда Жигимонтъ I раздавалъ разнымъ лицамъ великаго княжества Литовскаго обширныя имѣнія князей Глинскихъ, перешедшихъ въ сторону московскую, князь Θедоръ Ивановичъ выпросилъ и себѣ въ Кіевскомъ повѣтѣ село *Сущаны*, принадлежавшее Ивану Глинскому. Съ той поры князья Корецкіе стали владѣльцами и въ воеводствѣ Кіевскомъ, но въ томъ концѣ его, гдѣ тогда еще не было козачества; да и не видно ни откуда, даже изъ позднѣйшаго лѣтописанія Малороссійскаго, чтобы Θедоръ Корецкій, или знаменитый сынъ его Богушъ, былъ на гетманствѣ козацкомъ.

Историческое недоразумѣніе о гетманствѣ князя Дмитрія Вишневецкаго разрѣшено уже въ моемъ первомъ письмѣ. Теперь очередь бесѣдѣ нашей о князьяхъ Ружинскихъ.

Не знаю, почему эти князья отнесены у г. Антоновича —къ потомкамъ Корыбута Ольгердовича. У польскихъ историковъ и генеалоговъ давно утвердилось мнѣніе Окольскаго, что князья Ружинскіе были потомки Наримунта Гедиминовича. Такого мнѣнія былъ, по свидѣтельству Кобержицкаго, самъ Романъ Ружинскій, именовавшій себя *Наримундовичемъ* (какъ Вишневецкіе звались *Корыбутами* по своему предку).

Такимъ образомъ и мнѣніе Папроцкаго о происхожденіи князей Ружинскихъ отъ Коріята Гедиминовича оставлено заштатнымъ. Но его сказаніе о *четырехъ* князьяхъ этой фамиліи принято въ исторію, какъ сказаніе современника. Въ своихъ *Гербахъ рыцарства польскаго*, изданныхъ 1584 года, Папроцкій называетъ *Михаила Ружинскаго* и трехъ его сы-

новъ: *Кирилла* (или Кирика), *Богдана*, бывшаго гетманомъ Низовыхъ козаковъ, и *Николая*.

Къ этимъ четыремъ у Окольскаго и Нѣсецкаго прибавлено еще два: *Дмитрій Ружинскій*, бывшій полковникомъ при князѣ Сангушкѣ въ московской войнѣ 1567 года; *Романъ Ружинскій*, болѣе всѣхъ знаменитый по московской войнѣ смутнаго времени, въ продолженіе которой и скончался онъ 8 апрѣля 1610 года.

Тутъ напрашивается на воспоминаніе *Адамъ Ружинскій*, подвизавшійся вмѣстѣ съ Романомъ въ войнѣ московской, бывшій съ нимъ и во Львовѣ, гдѣ они 1600 года вписали имена свои въ книгу Львовскаго православнаго братства. Но намъ надобны не эти Ружинскіе послѣдняго поколѣнія, а тѣ, что были въ первой половинѣ XVI-го вѣка; намъ надобенъ Евстафій Ружинскій... Вооружитесь терпѣніемъ выслушать, и я раскажу вамъ, какъ этотъ князь объявился мнѣ мало-помалу по старописьменнымъ памятникамъ.

Еще въ 1840 году, когда издавался мой *Кіевлянинъ*, я старался знакомиться поближе съ давнопрошедшими людьми Южной Руси и для того пересматривалъ между прочимъ и старые церковные *помянники* печерской лавры и другихъ монастырей кіевскихъ. Тамъ не разъ встрѣчалось мнѣ слѣдующее вписаніе: «Родъ князя Евстаѳія Ружинскаго—Евстаѳія, Анну, Ѳому, Меркурія, Романа». Но отсюда можно было усмотрѣть только то, что Романъ Ружинскій былъ меньшой сынъ Евстаѳія.

Въ 1841 году получилъ я для Кіевлянина изъ Львова, отъ покойнаго Д. И. Зубрицкаго, въ собственноручномъ его спискѣ, два акта: завѣщаніе гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго 1622 года и письмо князя К. К. Острожскаго, писанное имъ въ Кіевѣ 1581 года—къ своему Кіевскому намѣстнику, князю *Остаѳею Ивановичу Ружинскому*. Вотъ онъ гдѣ: въ Кіевѣ, воеводскимъ намѣстникомъ или подвоеводымъ, 1581 года. Тогда стало для меня ясно, что если онъ былъ козацкимъ гетманомъ, то не иначе, какъ означено было въ лѣтописи Грабянки, гдѣ сказано, что *послѣ* Венжика Хмельницкаго (извѣстнаго въ 1534 году) «былъ гетманомъ Дмитрій

князь Вишневецкій; а *по немъ* Евстаѳій князь Ружинскій» (т. е. послѣ 1558 года). Но нельзя было не взять во вниманіе и того, что *Евстаѳій Ружинскій* не принятъ въ число козацкихъ гетмановъ, ни Симоновскимъ, ни Бантышемъ-Каменскимъ, ни Евгеніемъ, которые въ замѣнъ того принимали князя *Богдана Ружинскаго*, въ лицѣ славнаго *Богданка*, бывшаго козацкимъ гетманомъ въ 1575 и 1576 годахъ.

Когда же издана была г. Иванишевымъ *Жизнь князя Курбскаго*, обильная современными актами, тогда двумя изъ нихъ объяснился мнѣ родъ князей Ружинскихъ. Особенно послужилъ къ этому *Реестръ* обывателей Владимирскаго повѣта, приведенныхъ въ іюнѣ 1569 года къ присягѣ на Люблинскую унію, королевскимъ комисаромъ Яномъ Фалибовскимъ. Тутъ оказалось три семьи князей Ружинскихъ: 1) Григорій, Евстаѳій, Михаилъ и Дмитрій *Ивановичи*; 2) Стефанъ и Михаилъ, не названные по-отечеству (то были, по моему соображенію, *Ѳедоровичи*; 3) княжна Василиса съ своимъ потомствомъ (признаю это явною ошибкою писца въ гродской Владимирской книгѣ и читаю такъ: *княгиня Васильева* съ своимъ потомствомъ).

При совершеніи присяги «Михаилъ и Дмитрій Ивановичи Ружинскіе», объявили, что братъ ихъ *Григорій* служитъ у князя Романа Сангушка на Украинѣ въ Рѣчицѣ [1]); а другой братъ ихъ, *Евстаѳій*, служитъ у Черкасскаго и Каневскаго старосты князя Михаила Вишневецкаго и ѣдетъ съ нимъ къ его королевской милости въ Люблинъ. Т. е. нашъ герой, въ 1567 году былъ подстаростою Черкасскимъ или намѣстникомъ старосты Черкасскаго и Каневскаго, Михаила Александровича Вишневецкаго, съ которымъ ѣздилъ на сеймъ Люблинскій

Тогда же Стефанъ Ружинскій объявилъ, при совершеніи присяги, что его братъ *Михаилъ* на ту пору осѣдлости не имѣетъ, потому что заложилъ весь свой участокъ и поѣхалъ къ пріятелямъ въ Польшу. Я вижу теперь, что не Михайло Ивановичъ Ружинскій, человѣкъ семейный и степенный, а

---

[1]) Т. е. онъ былъ тогда Рѣчицкимъ намѣстникомъ Романа Сангушка, воеводы Браславскаго и державцы Рѣчицкаго.

этотъ другой, бездомовный *Михайло Ружинскій*, ѣздившій къ своимъ пріятелямъ въ Польшу, отправился впослѣдствіи козаковать на Запорожье и тамъ былъ *гетманомъ* въ 1585—1588 годахъ, какъ это пояснено въ моемъ первомъ письмѣ, на основаніи свидѣтельствъ современныхъ.

Двоюродный братъ его, князь Евстаѳій, въ 1573 году находился на своей родинѣ; марта 16-го онъ былъ въ Берестечкѣ, на съѣздѣ Волынскихъ обывателей, для выбора депутатовъ, которые должны были ѣхать въ апрѣлѣ подъ Варшаву на элекцію новаго короля; къ числу депутатовъ принадлежалъ и Евстаѳій Ружинскій. (см. *Жизнь кн. Курб.* т. I № 15). Вскорѣ послѣ того онъ поступилъ опять на службу —въ воеводскіе намѣстники князя К. К. Острожскаго. На этой должности онъ видѣнъ съ 1575 года, по актамъ Межигорскаго монастыря, у котораго онъ отнялъ было нѣкоторыя земли. Вотъ чѣмъ былъ подлинный, историческій князь Евстаѳій Ружинскій—*подстаростою Черкасскимъ*, потомъ *подвоеводымъ Кіевскимъ*; а на его гетманство козацкое не нашлось и до нынѣ подтвержденія современнаго или стародавняго.

Въ Грабянкиной лѣтописи, сочиненной около 1710 года, въ первый разъ у насъ поставленъ въ числѣ козацкихъ гетмановъ *Евстафій Ружинскій*, между Дмитріемъ Вишневецкимъ и Свѣрговскимъ (т. е. между 1558 и 1574 годами). Не знаю, кто такой около 1730 года переставилъ Вишневецкаго и Ружинскаго въ первую четверть XVI-го вѣка, давъ имъ мѣсто между Ланцкоронскимъ и Венжикомъ Хмельницкимъ. Въ такомъ неправильномъ порядкѣ, съ одними именами, безъ годовъ и дѣяній, оба князя поминались у насъ — и въ «Собраніи гетмановъ», приложенномъ къ лѣтописи Грабянкиной, и во введеніи, придѣланномъ къ лѣтописи Самовидца, и въ другихъ лѣтописныхъ произведеніяхъ. Въ такомъ же видѣ оба князя достались и подъ руку, написавшую *Исторію Руссовъ*.

Въ этой знаменитой исторіи, весьма замѣчательной со стороны художественной, Малороссійская козаччина XVI и XVII вѣка представлена съ тою-же поэтически-своевольною перестройкою исторической дѣйствительности, съ какою и Гоголь въ своемъ *Тарасѣ Бульбѣ*, и Шевченко въ своихъ

Гайдамакахъ, изображали избранныя ими эпохи. О дознаніи и соблюденіи вѣрнаго историческаго *факта* у всѣхъ троихъ не было и заботы!

Даровитому историку, укрывшемуся подъ славнымъ именемъ Георгія Конискаго, хотѣлось наполнить цѣлое XVI столѣтіе всплошь—*гетманами*, узнанными имъ въ неполномъ числѣ и невѣрномъ порядкѣ: и вотъ у него назначаются самопроизвольно опредѣленные годы гетманства—Ланцкоронскому съ 1500 года, Дмитрію Вишневецкому по 1514, Евстаѳію Ружинскому по 1534 и т. д. Понятіе о *Гетманщинѣ*, предначатой Петромъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ и потомъ созданной Богданомъ Хмельницкимъ, въ которой гетманы были не только военачальниками козацкими, но и правителями страны, это понятіе было наведено историкомъ и на первыхъ гетмановъ козацкихъ XVI вѣка. Тутъ Дмитрій Вишневецкій славится гражданскими добродѣтелями, поправляетъ разоренные города и прочая, и за то стяжаетъ имя — *отца народа;* преемникъ его Евстаѳій Ружинскій является сильнымъ подвижникомъ и преобразователемъ козацкой Украины, по подобію Богдана Хмельницкаго... А мы и повѣрили! Когда же показался у насъ въ первый разъ подлинный князь Евстаѳій Ружинскій, съ вышепомянутымъ письмомъ князя Острожскаго 1581 года, тогда главный редакторъ археографической коммиссіи, блаженной памяти Іоаннъ Григоровичъ, сдѣлалъ къ тому письму такое примѣчаніе: «Должно замѣтить, что Кіевскій воеводскій намѣстникъ, князь Евстафій Ружинскій, о которомъ въ этой грамотѣ говорится, — *другое лицо*, а не козачій гетманъ того же имени. Послѣдній жилъ въ первой половинѣ XVI вѣка и управлялъ Запорожьемъ въ 1514—1534 годахъ. См. Маркевича *Ист. Малорос.* V, 149 [1])».

Но посмотрѣть бы въ самомъ источникѣ, изъ котораго взятъ Маркевичемъ этотъ гетманъ, въ Исторіи Руссовъ: «*По кончинѣ* гетмана князя Вишневецкаго, въ 1514 году, выбранъ гетманомъ князь Евстаѳій Ружинскій, который съ молодыхъ

---

[1]) См. въ *Акт. Зап. Рос.* Т. III примѣчаніе 76.

лѣтъ, обучаясь и вояжируя долго въ чужихъ краяхъ, а паче по Германіи и Франціи, пріобрѣлъ въ разныхъ наукахъ, а особливо въ военной, великое знаніе. И первымъ его стараніемъ было произвесть въ Малой Россіи *реформу* войскамъ»...

Въ самомъ дѣлѣ, тутъ на гетманствѣ и Дмитрій Вишневецкій и Евстаѳій Ружинскій — совсѣмъ *другія лица*, а не тѣ ихъ соименники, которые дѣйствительно были въ предѣлахъ Днѣпровскихъ во второй половинѣ XVI вѣка. Объ этихъ послѣднихъ стоило бы еще поразвѣдать въ затворахъ Кіевскаго центральнаго архива; а тѣхъ призрачныхъ двойниковъ ихъ, подвизавшихся только на страницахъ лѣтописныхъ, пора бы уже и въ отставку...

Хотѣлось бы дозваться еще объ отцѣ Евстаѳія — князѣ *Иванѣ Ружинскомъ*. О немъ примѣтилъ я современное упоминаніе — въ описаніи Волынскихъ замковъ 1545 года, гдѣ названы почти всѣ тогдашніе князья Волыни, гдѣ мы видѣли уже и князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго, присутствовавшаго въ Кременцѣ. Въ томъ описаніи замковъ, въ числѣ обывателей Владимирскаго повѣта вы найдете: «князя Ивана, княгиню Васильеву и княгиню Ѳедорову — *Ероговицкихъ*» (стр. 23); а въ другой разъ они названы *Роговицкими*. Такъ напечатано и въ текстѣ и въ указателѣ, приложенномъ къ 4 тому *Памятниковъ*. Но такихъ князей, Роговицкихъ или Ероговицкихъ, и неслыхано. Это очевидная ошибка, слѣланная черезъ два съ половиною вѣка, по недосмотру Кременецкаго присяжнаго писаря Годзиминскаго, давшаго въ 1793 году выпись этого важнаго акта, которая принадлежала покойному К. К. Свидзинскому и напечатана въ *Памятникахъ*. Подлинное чтеніе вышеприведеннаго мѣста должно быть такое: «князя Ивана, княгиню Васильеву и княгиню Ѳедорову *Ружинскихъ»*: на это прямо указываетъ помѣстье этихъ князей *Ружинъ* во Владимирскомъ повѣтѣ, означенное въ томъ актѣ; а также отцовское имя знакомыхъ уже намъ четырехъ братьевъ *Ивановичей*. Такимъ образомъ открылось для меня еще одно поколѣніе князей Ружинскихъ, принадлежавшее первой половинѣ XVI вѣка и состоявшее изъ князей: *Ивана*, *Василія* и *Ѳедора*. Изъ нихъ, въ 1545 году, одинъ Иванъ былъ въ жи-

выхъ; а послѣ тѣхъ двухъ оставались двѣ вдовствующія княгини, носившія на себѣ имена ихъ, которыя и до насъ донеслися. Одни имена... но они даютъ собою знать, что княжескій родъ Ружинскихъ и въ первой половинѣ XVI вѣка принадлежалъ къ обывателямъ земли Волынской, а не Кіевской; что находившійся во владѣніи этихъ князей *Ружинъ* Владимирскаго повѣта, а не иной, былъ родимымъ гнѣздомъ ихъ, отъ него же и ихъ прозваніе.

8 генваря, 1865 г.
Кіевъ.

Письмо четвертое.

Я представилъ вамъ ясное свидѣтельство, что Евстаѳій Ружинскій такъ же какъ и Дмитрій Вишневецкій, находился въ приднѣпровской Руси во второй половинѣ XVI вѣка, и что оба эти князья занесены въ первую четверть того вѣка —ошибкою позднѣйшаго лѣтописанья Малороссійскаго. Подобныя ошибки случаются и въ новѣйшихъ работахъ историческихъ. Вотъ, напримѣръ, первый томъ «Актовъ Южной и Западной Россіи», изданный Археографическою Коммиссіей 1863 года, подъ редакціей Н. И. Костомарова. Тамъ подъ № 57 находится «*1510* г. королевска граямота Кіевскому воеводѣ князю Юрью Ходкевичу» (стр. 44). Тоже повторено и въ оглавленіи. Но знаменитые Ходкевичи, такъ же какъ и Радивилы, не были въ то время *князьями*. *Григорій* (а не *Юрій*) *Александровичъ Ходкевичъ* былъ воеводою Кіевскимъ въ 1554 — 1556 годахъ. А въ *1510* году на Кіевскомъ воеводствѣ былъ *князь Юрій Александровичъ Гольшанскій*, на имя котораго (только безъ означенія фамиліи) и дана была та королевская грамота.

На первый взглядъ, не великая важность, что историческое лицо поставлено не на своемъ мѣстѣ; но ошибочная постановка бываетъ иногда основою большихъ недоразумѣній и напрасныхъ построеній историческихъ, какъ это случилось съ нашимъ Евстаѳіемъ Ружинскимъ—въ исторіи Руссовъ.

Какъ трудно отрѣшиться отъ всего, что есть вымышленнаго въ этой обаятельной исторіи, даже и при нарочитомъ неблаговоленіи къ ней, то видно на книгѣ самаго г. Костомарова *Богданъ Хмельницкій*. Тамъ, по случаю разныхъ баснословій о похоронахъ Ивана Золотаренка, къ которымъ прибавилось нѣчто и въ исторіи Русовъ, г. Костомаровъ укоряетъ *Конискаго* — въ «обыкновеніи выставлять собственныя гипотезы за истину» (II, 475); а между тѣмъ самъ выставляетъ за истину одну изъ самыхъ крупныхъ историческихъ гипотезъ — *реформы* призрачнаго гетмана Евстафія Ружинскаго, которыя у г. Антоновича получили новое фантастическое представленіе...

Но прежде, чѣмъ остановимся надъ этими *реформами*, я долженъ заявить вамъ мое сомнѣніе объ исторіи Руссовъ: въ самомъ ли дѣлѣ она есть сочиненіе Георгія Конискаго? Не напрасно-ли помыкается его имя, за недостатки ея со стороны фактической, и превозносится, за ея достоинства со стороны художественной, за которыя самъ Пушкинъ назвалъ Конискаго—*великимъ живописцемъ*?

Достопамятный мужъ знакомъ былъ хорошо съ старинными актами, относящимися къ исторіи церкви въ Западной Россіи, и обладалъ большою начитанностью польскихъ историческихъ писателей: о томъ свидѣтельствуютъ намъ — его книга «Prawa i wolnosci», изданная 1767 года въ Варшавѣ и небольшое сочиненіе его объ уніи, изданное въ *Чтеніяхъ*. Да и могъ ли Конискій безъ историко-фактическаго запаса вступить на то поприще, на которомъ подвизался съ такою славою! Его историческое познаніе неизбѣжно отозвалось бы въ сочиненной имъ исторіи, какого бы ни была она направленія и духа. А въ исторіи Руссовъ совсѣмъ не видно близкаго знакомства ни съ современными актами, ни съ польскими историками, ни съ главнѣйшими малороссійскими лѣтописями: все взято не изъ первыхъ рукъ, какъ будто по-наслышкѣ, и перестроено на свой ладъ, безъ соблюденія вѣрности и точности историческаго факта. Не по характеру Конискаго, мнѣ кажется, было сочинять такую исторію и предлагать ее депутату Полѣтикѣ на то важное дѣло, на которое она требо-

валась, и съ тѣми архипастырскими увѣреніями, о которыхъ говорится въ предисловіи неизвѣстнаго намъ лица. О Конискомъ извѣстно то, что онъ сообщилъ *краткій лѣтописецъ* Василію Рубану, который и напечаталъ его въ 1773 году съ дополненіемъ, написанннымъ А. А. Безбородькомъ. Сомнительнымъ кажется мнѣ и то, чтобы Григорій Андреевичъ Полѣтика, человѣкъ ума положительнаго, знакомый съ лучшими малороссійскими лѣтописями, въ томъ числѣ и съ Величковою, могъ предпочесть имъ неисправную со стороны фактической Исторію Руссовъ и придержаться ее въ своихъ дѣловыхъ справкахъ и писаніяхъ, какъ это въ наше время сдѣлалъ авторъ Украинскихъ мелодій въ своей Исторіи Малороссіи.

Надо бы дознаться объ извѣстности исторіи Руссовъ депутату Полѣтикѣ и его сношеніяхъ съ Конискимъ. Трудолюбивый митрополитъ Евгеній не упоминаетъ объ этой исторіи въ числѣ сочиненій Кониская, даже и при второмъ изданіи своего словаря духовныхъ писателей. Бантышъ-Каменскій не зналъ ее при первомъ изданіи своей Исторіи Малой Россіи въ 1822 году. Онъ воспользовался при второмъ изданіи знаменитою Исторіею, когда она была уже въ ходу, во многихъ спискахъ, которые—подобно Горю отъ ума—распространялись все больше и больше, пока не напечаталъ ее О. М. Бодянскій въ Чтеніяхъ 1846 года. Мнѣ сдается, что исторія Руссовъ сочинена неизвѣстнымъ для насъ авторомъ, укрывшимъ свое имя подъ двумя малороссійскими именитостями, дабы сказать въ предисловіи, что прошедшая черезъ эти «отличные умы исторія»—«кажется быть достовѣрною»!

Теперь обратимся къ реформамъ воображаемаго гетмана Ружинскаго. Въ книгѣ г. Костомарова (по поводу которой были мои письма и къ нему и къ М. П. Погодину), написано слѣдующее: «послѣ Ланцкоронскаго — избираемы были гетманы изъ знатныхъ русскихъ фамилій. При одномъ изъ нихъ, *Ружинскомъ*, учреждено было чиноначаліе—*генеральная старшина:* есаулы, судьи, писаря, обозные. Число козаковъ быстро увеличивается. Козацкое сословіе населяло земли, занимаемыя теперь губерніями: Кіевскою, Полтавскою и южною частью

Подольской, и раздѣлялось на *двадцать* полковъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра (I, 9).

Тутъ въ книгѣ г. Костомарова ссылка на исторію Руссовъ; а въ этой исторіи читаемъ слѣдующее: «Гетманъ Ружинскій, по изволенію короля Сигизмунда 1-го, пресѣкая своевольства и нестроенія, учредилъ въ Малороссіи *двадцать* непремѣнныхъ полковъ, по *двѣ тысячи* каждый, назвавъ ихъ по городамъ знатнѣйшимъ, какъ то:

Кіевскій, Черниговскій, Сѣверскій, Переясловскій, Кальницкій, Кропивянскій, Острянскій, Миргородскій, Каневскій, Черкасскій, Чигиринскій, Уманскій, Корсунскій, Браславскій, Полтавскій, Гадяцкій, Нѣжинскій, Лубенскій, Прилуцкій, Виницкій.

Каждый полкъ раздѣленъ на *сотни*, названныя также по городамъ и мѣстечкамъ» и т. д.

При первомъ взглядѣ уже на эти благоустроенные полки, они оказываются невѣроятными. Могъ ли воображаемый гетманъ, по изволенію своего господаря, учреждать въ 1514 непремѣнные двухтысячные полки *Черниговскій*, *Сѣверскій* и *Нѣжинскій*—въ чужой области, принадлежавшей государству Московскому, которое въ ту пору было въ сильной борьбѣ съ великимъ княжествомъ Литовскимъ? Вотъ уже изъ оныхъ двадцати полковъ убываютъ *три*; а за ними и четвертый полкъ *Острянскій*, потому что въ староствѣ Остерскомъ, которое намъ подробнѣе другихъ извѣстно по памятникамъ XVI вѣка, нѣтъ и признаковъ двухтысячнаго тамъ козачества. Тоже должно сказать о полкахъ восточной Украины: *Полтавскомъ*, *Гадяцкомъ*, *Миргородскомъ*, *Прилуцкомъ;* нѣтъ и намека въ современныхъ писаніяхъ, чтобы тамъ было многотысячное число козаковъ во всю первую половину XVI вѣка. Тоже самое и съ другаго конца—въ Украинѣ Подольской: три полка въ 1514 году: *Браславскій*, *Виницкій*, *Кальницкій*, такая же невѣроятность, какъ и сопредѣльный съ ними полкъ *Уманскій*. А въ Исторіи Руссовъ Евстаѳій Ружинскій устроиваетъ въ 1514 году еще пять полковъ *охочекомонныхъ*, по пяти сотъ человѣкъ въ каждомъ, и по устроеніи такимъ образомъ Малороссійскаго войска идетъ въ 1516 году

въ походъ подъ Бѣлгородъ и въ Очаковскія степи.... т. е., Ружинскому приписанъ и расписанъ походъ Ланцкоронскаго [1]), отодвинутаго на гетманство къ 1500-му году!

Такъ и всѣ дѣянія призрачнаго героя Ружинскаго заимствованы отъ другихъ лицъ и отъ учрежденій позднѣйшихъ.

Установленіе въ козачествѣ *генеральной* старшины—взято отъ гетманства знаменитаго Богданка или Богдана Михайловича Ружинскаго, при которомъ «въ лѣто *1576*, за Стефана короля Польскаго, козаки въ лучшій еще строй учинены... и начаша по гетманѣ быти *обозные, судьи, асаулы, полковники...»* какъ сказано въ лѣтописи Ґрабянки. До того же времени, сколько мнѣ извѣстно на этотъ часъ, нигдѣ въ современныхъ памятникахъ не встрѣчаются эти козацкіе чины, даже и *полковники*, потому что и самое установленіе *реестроваго* козачества и постоянныхъ *полковъ* на Украинѣ относится къ реформѣ Баторіевой. До нея же—видны пока только *роты* или сотни козацкія; видны *атаманы* у козаковъ, выходившихъ изъ Украины на Запорожье, да главный начальникъ надъ ними—*гетманъ*.

Сорокатысячное число реестроваго козачества — взято, очевидно, изъ договора Зборовскаго 1649 года. Отъ той же эпохи перенесены и *двадцать* полковъ, *тѣ самые*, что перечисляются въ исторіи Руссовъ подъ 1650 годомъ, какъ полки будто-бы возобновленные и пополненные Богданомъ Хмельницкимъ. Тутъ эти двадцать полковъ, при повѣркѣ ихъ, которую мнѣ удалось сдѣлать въ 1850 году, подлинною книґою *Реестровъ войска Запорожскаго*, оказываются весьма неисправными.

Первая порча въ реестрѣ *шестнадцати* полковъ, установленныхъ Богданомъ Хмельницкимъ послѣ Зборовскаго мира, произошла 1683 года, въ знаменитой лѣтописи Коховскаго. (I, 166) Тамъ нечаянно пропущенъ полкъ *Бѣлоцерковскій* съ

---

[1]) При Ланцкоронскомъ († 1531 г.) было козачество въ обширномъ воеводствѣ Браславскомъ, но не въ такомъ же большомъ числѣ. Можемъ назвать и по имени *Дмитра Базаровича*, козака Звенигородца, получившаго въ 1546 году утвердительную грамоту на принадлежавшіе ему два хутора: Соколковъ и Мильковцы. См. любопытную брошюру, напечатанную 1862 года въ Венеціи, подъ именемъ Awulsa Humania (т. е. Спорныя мѣста Уманьщины).

тогдашнимъ полковникомъ *Михайломъ Громикомъ*. Вмѣсто полка *Прилуцкаго* (съ полковникомъ Тимофеемъ Носачемъ) названъ небывалый полкъ *Острянскій*, долго сбивавшій съ толку дѣеписателей малороссійскихъ, Кіевскій полковникъ *Антонъ Ждановичъ* превращенъ въ *Адамовича*; а Каневскій полковникъ *Семенъ Савичъ*—въ *Павича* (Pawicius). Миргородскій полковникъ *Матвѣй Гладкій* переименованъ въ *Максима*.

Со всѣми этими неисправностями и главное—съ недочетомъ одного, Бѣлоцерковскаго полка, Богдановы полки переведены были у насъ изъ книги Коховскаго въ лѣтопись Грабянкину. Еще болѣе попортились они въ Краткомъ Лѣтописцѣ, изданномъ 1773 года Рубаномъ, изъ котораго долго былъ заимствованъ и въ послѣдующія сочиненія о Малороссіи невѣрный *пятнадцати-полковый* списокъ. Онъ положенъ въ основаніе и тому *двадцати-полковому* списку, который составленъ на-обумъ въ Исторіи Руссовъ, собственно къ гетманству Богдана Хмельницкаго, къ 1650 году; а отсюда перенесенъ и къ реформѣ Евстаѳія Ружинскаго, къ 1514 году. Таково происхожденіе тѣхъ небывалыхъ въ правленіе Жигимонта I-го двадцати козацкихъ полковъ, съ сорокатысячнымъ числомъ реестроваго козачества! А они между тѣмъ перечислены и приняты въ соображеніе и въ *Изслѣдованіяхъ* самаго Погодина...

Подвизались эти воображаемые полки съ своимъ призрачнымъ гетманомъ и въ *Старожитностяхъ Польскихъ* (1843 г., въ статьѣ Морачевскаго), и въ *Исторіи козаковъ* Чарновскаго—съ легкой руки Мацѣевскаго, издавшаго для своихъ соотчичей извлеченіе изъ исторіи Руссовъ и сказавшаго, что въ ней «содержатся такіе *факты*, какіе и не снились нашимъ историкамъ». (Мацѣевскій сказалъ правду!) Наконецъ, въ Изслѣдованіи г. Антоновича, тотъ князь Евстаѳій Ружинскій доходитъ do nec plus ultra. Поставленный на гетманство *одновременно* съ Дмитріемъ Вишневецкимъ и Предславомъ Ланцкоронскимъ, онъ является между ними какъ вождь гомерическій и съ двадцатью полками своими совершаетъ *многочисленные, побѣдоносные* походы противъ татаръ и турковъ—въ

правленіе Жигимонта Стараго... Но все это должно исчезнуть съ лица козацко-украинской исторіи.

«Какъ обманъ. какъ упоенье,
Какъ прелестный призракъ сна..»

12 генваря 1865 года.

Письмо пятое.

Послѣ критическаго осмотра, сдѣланнаго въ предыдущихъ письмахъ, можемъ разобрать теперь мнѣніе г. Антоновича о происхожденіи козачества—по составнымъ его стихіямъ, начиная съ главной, съ *элемента гедимино-княжескаго.*

Мы удостовѣрились, что на первыхъ порахъ исторической извѣстности приднѣпровскихъ козаковъ, съ конца XV-го и до половины XVI-го вѣка, не видно ни одного *гетмана* изъ княжескихъ родовъ, причисляемыхъ генеалогами къ потомкамъ Гедимина; а потому не для чего принимать въ жизни приднѣпровскаго козачества—ни того рѣшительнаго торжества народнаго выборнаго начала надъ элементомъ княжескимъ, какой положенъ около *1534* года, ни предположенной до этого года поры *благосостоянія* козацкаго подъ кроткимъ управленіемъ *различныхъ* князей Гедиминова дома. Для представленія себѣ такой поры, надо обратиться ко временамъ, бывшимъ до 1471 года, когда вся земля Кіевская (съ Черкащиною и принадлежавшими къ ней Днѣпровскими порогами, и съ землею Переяславскою) составляла *одно удѣльное княжество*, принадлежавшее Гедиминову внуку, Владиміру Ольгердовичу, возвращенное потомъ сыну его Александру или Олельку, а по немъ доставшееся его сыну, Симеону Олельковичу, княжившему здѣсь до кончины своей, до *1471* года. Но при тѣхъ князьяхъ-Гедиминовичахъ невидно еще козачества приднѣпровскаго ни изъ какихъ свидѣтельствъ историческихъ; слѣдственно, то была пора исторической безвѣстности приднѣпровскихъ козаковъ. Исторически извѣстными становятся *козаки* на Украинѣ уже послѣ 1471 года, когда Кіевское княжество обращено было въ *воеводство.* А князей Гедиминовичей не было тогда ни между *воеводами Кіевскими*, ни

между *намѣстниками Черкасскими*, отъ которыхъ въ ближайшей зависимости были тогдашніе приднѣпровскіе козаки, выходившіе изъ своей *Черкащины* и внизъ Днѣпра на Запорожье, и вверхъ Днѣпра до Кіева и далѣе.

У князей Вишневецкихъ, Ружинскихъ, Корецкихъ и другихъ Гедиминовичей не было тогда въ здѣшней сторонѣ владѣній ни родовыхъ, ни выслуженныхъ; а объ ихъ *удѣлахъ* въ Кіевскомъ воеводствѣ и говорить нечего. Когда въ 1496 году въ семьѣ Казиміровой было домогательство, чтобы великій князь Литовскій Александръ далъ своему брату Жигимонту *удѣлъ* въ землѣ Кіевской, онъ такъ отвѣчалъ брату своему Альбрехту, королю Польскому: «панове рада великаго князства Литовского и вся земля того ни которымъ обычаемъ не хотятъ дозволити и допустити».

Князья Вишневецкіе, Ружинскіе, Корецкіе, въ тѣ поры росли и множились на Волыни, гдѣ и родимыя гнѣзда ихъ— *Вишневецъ*, *Ружинъ*, *Корецъ;* и были они лицами посторонними для первоначальнаго козачества приднѣпровскаго, не принимавшими никакого участія не только въ его *происхожденіи,* но и въ дальнѣйшей судьбѣ его, даже до половины XVI-го вѣка. И такъ Гедимино-княжескій элементъ не имѣетъ никакого значенія въ происхожденіи приднѣпровскаго козачества, которое и явилось въ исторіи безъ него, и развилось не подъ его вліяніемъ. Развилось оно въ правленіе Жигимонта І-го подъ начальствомъ *Евстафія Ивановича Дашковича*, бывшаго *старостою* Черкасскимъ и Каневскимъ съ 1508 до 1536 года. Къ тому времени относится и первое *гетманство* у козаковъ, начавшееся въ 1516 году съ *Предслава Ланцкоронскаго.* И когда началось Запорожское гетманство, вслѣдъ за короннымъ гетманствомъ польскимъ (начавшимся съ *Николая Каменецкаго*), тогда прежній Литовскій гетманъ, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, былъ уже съ титуломъ *найвысшаго гетмана.* (Были вскорѣ послѣ того еще *надворные* гетманы Литовскіе.)

Если бы княжескій элементъ Гедиминова дома имѣлъ такое важное значеніе въ происхожденіи козачества, какое придано ему у г. Антоновича, то козачеству и быть-бы на

Волыни, изъ общиннаго люда, находившагося подъ властью различныхъ княжескихъ родовъ. Но на Волыни, столь изобильной князьями всякаго рода, тамъ - то и не было козачества. Не показываетъ ли это, что княжескій элементъ былъ не способствующимъ, а препятствующимъ къ происхожденію козачества?

Обратимся къ другому, народно-русскому началу — къ *общинному устройству*. На него г. Антоновичъ обратилъ справедливое вниманіе; а приложилъ его къ дѣлу слѣдующимъ способомъ.

Чтобы открыть возможно большій просторъ къ усиленію общиннаго порядка въ народѣ приднѣпровскомъ и поставить его въ прямое соотношеніе съ воображаемыми здѣсь князьями Гедиминовичами онъ выселяетъ отсюда нѣсколько разъ сословіе древнерусскихъ *бояръ*.

Чтобы умножить населеніе здѣшнихъ общинниковъ, онъ переселяетъ сюда общинниковъ Волынскихъ, покидающихъ свой край, вслѣдствіе усилившагося тамъ владѣльческаго гнета.

Для усиленія отваги въ приднѣпровскомъ людѣ онъ ставитъ на видъ постоянную опасность здѣшняго края отъ набѣговъ татарскихъ.

А для всего этого—онъ полагаетъ рѣзкое различіе Волынской земли отъ Кіевской, происшедшее въ половинѣ XV-го вѣка, отъ того будто бы, что въ 1434 году Подолье, а спустя *двадцать* лѣтъ и Волынь, были отторгнуты отъ Литвы и присоединены къ Польшѣ. (стр. XXI).

Противъ этого преждевременнаго присоединенія Волынской земли отъ Литвы къ Польшѣ я возражалъ уже особою статьею въ моемъ *Украинцѣ 1864 года*. Тамъ показано, кажется ясно, что въ половинѣ XV-го вѣка Волынь была окончательно утверждена за Литвою и оставалась за нею до самой Люблинской уніи 1569 года. А потому напрасно положено у г. Антоновича, будто въ половинѣ XV вѣка на Волыни русскіе бояре получили широкія права *шляхетства* польскаго, а сельскія общины были ими въ конецъ подавлены и низведены на уровень польскаго *посполъства*, и вслѣдствіе того, бояре *отхмынули* съ приднѣпровья на Волынь, ради широ-

кихъ правъ Польскаго шляхетства, а сельскіе общинники *бѣжали* изъ Волыни въ привольныя мѣста приднѣпровскія.

Но здѣшнимъ боярамъ не для чего было перебираться на Волынь; ибо какъ владѣльческія права, такъ и служебныя обязанности этого упавшаго въ южной Руси сословія были одни и тѣже на Волыни и въ приднѣпровьи; Казимірова грамота *1457* года, объ уравненіи съ правами Польской короны, относилась ко *всѣмъ* областямъ великаго княжества Литовскаго. Всѣ уставы, гдѣ идетъ рѣчь о боярахъ, отъ Казимірова *1468* года до выданнаго въ *1557* году Жигимонтомъ-Августомъ, относились ко *всему* великому княжеству Литовскому.

Бояре, жившіе въ Черкащинѣ и во всей землѣ Кіевской, пользовались тѣми же правами относительно подданыхъ имъ людей, какими пользовались *князья* и всѣ *паны*, что подтверждено было и грамотою Александра Казиміровича, данною *1495* года Черкасскому намѣстнику Кмитѣ Александровичу.

Бояре, жившіе на Волыни, такъ же какъ и бояре приднѣпровскіе, отбывали обязанность *слугъ путныхъ* и *панцырныхъ*— и не только господарскихъ или великокняжескихъ, но и просто *княжескихъ слугъ*, при переходѣ государственныхъ имѣній въ частное владѣніе разныхъ князей. Это было и въ первой половинѣ XVI-го вѣка. А во второй половинѣ того вѣка сословіе Волынскихъ бояръ въ отношеніи къ своимъ помѣщикамъ-князьямъ спускалось иногда на уровень *посполъства!* Въ томъ удостовѣриться можно, переглядѣвъ поголовно всѣхъ бояръ, упоминаемыхъ въ опасеніи Волынскихъ замковъ 1545 года, въ жизни князя Курбскаго и въ инвентаряхъ помѣщенныхъ въ 3-мъ томѣ *Памятниковъ*.

Между тѣмъ, не смотря на троекратное выселеніе бояръ изъ Приднѣпровья, предложенное въ изслѣдованіи г. Антоновича, разъ—послѣ нашествія Батыева; въ другой—послѣ нашествія Гедиминова (когда, по его словамъ, «элементъ боярскій, уже разъ разогнанный и ослабленный Монголами, вслѣдствіе литовскаго завоеванія, почти *окончательно* исчезаетъ въ приднѣпровской Руси» стр. XVI); въ третій разъ—въ половинѣ XV вѣка, по случаю онаго присоединенія Волыни къ

Польшѣ,—не смотря на все это, современные акты намъ показываютъ, что и въ половинѣ XVI вѣка *бояре* все еще жили въ приднѣпровской Украинѣ и въ самой *Черкащинѣ*, вмѣстѣ съ *козаками*, нисколько не мѣшая развитію и усиленію этого народнаго сословія, а вѣроятно, еще способствуя тому—своимъ переходомъ изъ упавшаго боярства въ возраставшее козачество.

Такимъ образомъ, по указанію исторической дѣйствительности, надо бы устранить изъ приднѣпровской Руси на Волынь — не бояръ, а князей Гедиминовичей до половины XVI-го вѣка (подобно тому, какъ семейство Симеона Олельковича, по его смерти, перемѣщено было изъ Кіевской земли въ Пинскую).

Появленіе тѣхъ Волынскихъ князей въ нашемъ козачествѣ и водвореніе ихъ на Украинѣ приднѣпровской началось уже во второй половинѣ XVI-го вѣка.

Относительно *сельскихъ общинъ* на Волыни, что онѣ не были «въ конецъ подавлены» еще съ половины XV-го вѣка, можно указать на извѣстную статью г. Иванишева, которая вся основана на общинахъ, существовавшихъ на Волыни во второй половинѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII-го. Собранія сельскихъ общинъ Луцкаго повѣта даже назывались *вѣчами* въ 1564 года, какъ и въ древнее время. Что касается до бѣгства Волынскихъ селянъ на приднѣпровье, вслѣдствіе владѣльческаго гнета, то я, не имѣя въ виду положительныхъ свѣдѣній объ этомъ для XV вѣка, приведу вамъ слѣдующее мѣсто изъ описанія Волынскихъ замковъ 1545 года. Князья и земяне, желая уравненія своихъ Волынскихъ *дворищъ* со *службами* Литовскими, говорили тогда о своемъ жительствѣ на пограничьи и о *вольностяхъ* подданныхъ людей на Волыни, что если бы кто изъ нихъ «въ чемъ маломъ отъ пановъ своихъ былъ притѣсненъ, на онъ же часъ, тоежъ годины, прочъ идетъ на границы Лядскіи до короны Польское».

Возмемъ, наконецъ, третье и самое важное условіе, вызывавшее собою народъ на козачество: татарскіе набѣги. Волынская земля была также въ постоянной опасности отъ нихъ, какъ и земля Кіево-Переяславская. Тутъ на Волыни — гово-

рили тѣже князья и паны—будь или нѣтъ перемирье съ Татарами, а мы рѣдко ссѣдаемъ съ коней... Много братьи нашей до непріятельской земли, въ руки поганскія взято»! Спустя четыре года, какъ они это говорили, т. е. въ 1549 году, былъ новый Татарскій набѣгъ на ихъ землю, и взятъ былъ въ полонъ князь Вишневецкій съ княгинею, въ его селѣ Передмиркѣ. Видите, не было на Волыни недостатка и въ этомъ условіи козачества; а козачества тамъ не было. . Не ясно ли отсюда, что *начало общинное*, находясь подъ непосредственнымъ господствомъ *элемента княжескаго*, не даетъ изъ себя *козачества* и при набѣгахъ Татарскихъ?

На этомъ можно, кажется, и кончить разборъ мнѣнія г. Антоновича о *происхожденіи козачества.*

Этимъ мнѣніемъ воспользовался уже г. Кояловичъ, въ своихъ «лекціяхъ по исторіи западной Россіи». Заимствовавъ нѣкоторыя существенныя черты, онъ исключивъ элементъ княжескій, но страннымъ способомъ: поставленныхъ одновременно на гетманство князей-Гедиминовичей и съ ними Ланцкоронскаго (этого *сердечнаго ляха*, изъ предѣловъ Краковскихъ), г. Кояловичъ обратилъ въ обыкновенные *дворянскіе роды*, уцѣлѣвшіе въ небольшемъ числѣ на Руси приднѣпровской. Вотъ что сказано у него, въ концѣ одиннадцатой лекціи, о бытіи нашего *приднѣпровскаго козачества* съ конца XV-го вѣка.

«Сильное въ Малороссійскомъ племени общинное устройство давало возможность легко и скоро составлять самобытныя, независимыя *военныя общины*, которыя выступали противъ непріятеля. Этому помогала также малочисленность въ Малороссіи людей высшаго сословія, для котораго жизнь была очень неудобна. Немногіе жившіе здѣсь *дворянскіе роды* по неволѣ сближались съ народомъ, проникались его стремленіями и становились во главѣ козацкихъ отрядовъ, въ качествѣ ихъ гетмановъ. Такими гетманами *одновременно* бывали *въ разныхъ мѣстахъ* Малороссіи: *Вишневецкіе*, *Корецкіе*, *Конецпольскіе* (т. е. Ланцкоронскіе?), *Рожинскіе.* Въ XVI вѣкѣ, когда Крымское царство очень усилилось, всѣ козацкія группы стали сливаться, и народныя начала начали получать *рѣ-*

шительный перевѣсъ. Гетманы *чаще и чаще* (!) являлись по избранію народа» и т. д.

Но Ланцкоронскіе, Вишневецкіе, Ружинскіе — были козацкими гетманами *разновременно*, въ продолженіе всего XVI-го столѣтія, а не въ началѣ его и въ концѣ XV-го, и *не одновременно:* это историческій призракъ, отъ котораго слѣдуетъ отказаться и г. Антоновичу, и его послѣдователю, г. Кояловичу. Не правда-ли?

16 genв. 1865 года.

ЗАМѢТКА О КОЗАЦКИХЪ ГЕТМАНАХЪ.

(Письмо къ С. М. Соловьеву). [1])

Съ любопытствомъ прочелъ я, въ 18-мъ нумерѣ *Русскаго Вѣстника*, вашу замѣчательную статью: *Малороссійское козачество до Хмельницкаго*. Въ ней встрѣтилъ я нѣсколько новыхъ лицъ и событій для исторіи Малороссіи, и этими новостями выкупается тотъ недостатокъ вашей исторической картины, что въ ней совсѣмъ не видно козацкихъ гетмановъ, бывшихъ до 1592 года, а между ними столько именъ прославленныхъ и бытописаніемъ, и пѣснопѣніемъ народнымъ! Половина тѣхъ козацкихъ вождей была изъ высшаго сословія (какъ напримѣръ, Предславъ Ланцкоронскій, князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, князь Михайло Ивановичъ Ружинскій, и это одно уже говоритъ противъ вашего основнаго вывода о малороссійскомъ козачествѣ, что *«козакъ* и *бѣлый холопъ* или крестьянинъ были *синонимы»*. Нѣтъ, съ именемъ малороссійскаго козачества соединялось у насъ понятіе *воинства; козакъ* и *рыцарь*—вотъ *синонимы*! Взглядъ на козачество какъ на *хлопство* есть взглядъ Польско-аристократическій, явившійся уже въ то время, когда козачество стало во враждѣ и борьбѣ съ панствомъ королевства польскаго. Впрочемъ *Исторія Малороссійской козаччины до Хмельницкаго* такъ еще не полна и такъ засорена ошибками позднѣйшихъ писателей, что почти на каждомъ шагу требуетъ и пополненія изъ памятниковъ современныхъ, и повѣрки критической. За историческія новости, добытыя вами изъ актовъ совре-

---

[1]) Русскій Вѣстникъ 1859 года — ноябрь, кн. 2; современная лѣтопись, стр. 163—166.

менныхъ, я хочу послужить вамъ слѣдующими замѣтками о гетманахъ втораго періода, то-есть съ 1592 до 1648 года.

1) У васъ сказано: «въ 1592 году, подъ начальствомъ какого-то *Поляка Косинскаго*». Такъ можно бы сказать; напримѣръ о *Войтѣхѣ Коновицкомъ*, который въ 1591 году былъ *старшимъ* въ козачествѣ. А козацкій *гетманъ Христофоръ Косинскій* былъ такой же Полякъ, какъ и гетманы Сагайдачный, Выговскій, Мазепа: они были изъ православно-русской шляхты королевства Польскаго.

2) Приводя сказаніе бѣлорусской лѣтописи о неистовствахъ козацкихъ во время похода шведскаго, вы сказали: «въ 1603 году какой то гетманъ, именемъ *Иванъ Куцка*». Онъ былъ гетманомъ еще въ 1602 году, какъ извѣстно мнѣ изъ одного современнаго письма, въ которомъ онъ зовется *Иваномъ Куцковичемъ*. Подъ этимъ именемъ и слѣдуетъ ему быть въ исторіи.

3) Говоря о гетманахъ того времени, вы не помянули *Гаврила Кортневича*, который, въ 1600 году съ украинскими козаками воевалъ въ Молдавіи (см. *Сказаніе о гетманѣ Сагайдачномъ въ Кіевлянинѣ* 1850 года). Прошу васъ принять этого гетмана, узнаннаго мною изъ современной подписи на рукописномъ Евангеліи, хранящемся въ Переяславской Воскресенской церкви, бывшей нѣкогда полковою. А для большей вѣры, я выпишу вамъ первую половину той евангельской подписи. «Року тысяча шестосотного, мѣсяца сентября 14 дня, на память всемірного Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня, свята руского. Я рабъ Божій Онофрей Онощенко, козакъ войска Запоровкого и съ товарышми своими; на первей именемъ Петромъ, и Андриемъ Марковичемъ, и Корниемъ Олексенемъ, Севериномъ Федоровичемъ, и Лазаремъ, Кономомъ Ивановичомъ, Хомою, Пилипомъ Лукашевичомъ, Федоромъ Олельченкомъ, Андриемъ Худяченкомъ, надали есмо сию нашу книгу, зовомую именемъ Иевангеліе напрестолное тетръ, писаное у цалую десть, макандеромъ писаную и срѣбромъ оправную злотистую по обудвухъ сторонахъ, ку церкви и храму триднѣвнаго Воскресения Господа Бога и Спаса нашого Исуса Христа, у мисти Переясловли,

ку чти и хвали Богу Сотворителю и имени Его святому, которую книгу, зовомую Иевангеліе тетръ, за милостию Бога Сотворителя и за помочю Его святою, и за стараниемъ Его милости господаря короля Жикгимонда, и усей речи Посполитой, и пана Замоского канслера Полского, и за працею кола рыцерского войска Запорозского, а за гетмана на тотъ часъ будучого надъ войскомъ Запорозскимъ *Гаврила Кортъневича* у земли Мултнянской». (Затѣмъ слѣдуетъ длинное заклятіе тому, «хто бы мелъ таковый быти злый», чтобы вздумалъ «украсти албо пакъ якимъ же бы колвекъ обычаемъ, ведлугъ злого умыслу свого, ее отдалить отъ той святой церкви». Говорятъ, что графъ Н. П. Румянцевъ, будучи въ Переяславѣ, хотѣлъ пріобрѣсть это евангеліе для своей библіотеки; но, прочитавъ заклинательную подпись на немъ, не захотѣлъ нарушить давней воли вкладчиковъ. Хорошо, еслибъ этому примѣру слѣдовали и другія лица, духовныя и свѣтскія.

4) О гетманѣ Сагайдачномъ у васъ сказано, что онъ, получивъ тяжелую рану въ Хотинскомъ дѣлѣ, «удалился въ Кіевскій Братскій монастырь и умеръ здѣсь въ слѣдующемъ 1622 году». Сагайдачный только погребенъ въ построенный имъ Братской церкви, а, воротясь въ Кіевъ съ Хотинской войны, онъ докончилъ дни свои въ собственномъ дому, при женѣ своей Анастасіи, урожденной Павченской.

5) Гетмана *Павлюка* вы называете уменьшительно—*Павликомъ*; мнѣ кажется, что надо было сохранить первую, малороссійскую форму, подъ которою извѣстенъ этотъ гетманъ въ лѣтописаніи малороссійскомъ и польскомъ. Подъ этимъ же именемъ извѣстны и другіе козацкіе вожди, напримѣръ, запорожскій атаманъ *Павлюкъ*, бывшій въ гетманство славнаго *Богданка*, въ правленіе Баторія. У васъ сказано: 11 октября 1639 года *Карпъ Павловичъ* (*Павликъ*), полковникъ войска Запорозскаго, старшій на всей Украйнѣ, издалъ универсалъ». Нѣтъ, то былъ не *Павлюкъ*, а сподвижникъ его, полковникъ *Павелъ Карповичъ Скиданъ*, о которомъ и у васъ говорится. А гетманъ Павлюкъ на своихъ универсалахъ подписывался такъ: *Павелъ Михновичъ Бутъ*; вотъ его фамильное имя, извѣстное и по другимъ Украинцамъ. (Былъ, напримѣръ, бра-

славскій полковникъ *Иванъ Бутъ*, записанный въ старомъ памятникѣ Пустынно-Никольскаго Кіевскаго монастыря, котораго онъ былъ *ктиторомъ*). Что касается до 1639 года, то это у васъ просто описка, вмѣсто 1637. Кстати припомню, что преемникъ гетмана Сагайдачнаго, *Олиферъ*, называемый у васъ безфамильно, подписывался такъ: *Олиферъ Остаповичъ Голубъ*. Въ лѣтописаньи онъ зовется еще *Стеблевцемъ*, вѣроятно, по его родинѣ, городку Стеблёву.

1859 г. 10 ноября.
Михайлова-Гора.

ЗАМѢТКА О ПЕРВЫХЪ ГЕТМАНАХЪ КОЗАЦКИХЪ И ПЕРВЫХЪ ПОЛКОВНИКАХЪ ПРИЛУЦКИХЪ. [1])

(Письмо къ Н. А. Маркевичу).

Съ любопытствомъ прочелъ я, въ послѣдней книжкѣ Московскихъ *Чтеній*, вашу статью о полковникахъ Прилуцкихъ. Она для меня важнѣе вашей остроумной статьи о первыхъ гетманахъ; ибо въ ней, изъ мѣстныхъ записей, вы открываете намъ разомъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ донынѣ полковниковъ бывшаго Прилуцкаго полка; и вашъ прежній ихъ списокъ (въ исторіи Малороссіи), состоявшій только изъ пяти человѣкъ, теперь обращается въ довольно длинный рядъ; 1) *Ясько Ворonченко*, 2) *Петро Дорошенко*, 3) Дмитро Чернявскій, 4) Ѳедоръ Терентьевъ, 5) Лазарь Горленко, 6) Иванъ Стороженко, 7) Дмитро Горленко, 8) Иванъ Носъ, 9) Игнатъ Галаганъ, 10) Григорій Галаганъ, 11) Александръ Якубовичъ. —Исполать вамъ! Вотъ если бы вы собрались съ такими же мѣстными источниками, да написали подробное сказаніе о цѣломъ Прилуцкомъ полкѣ и его сотняхъ.... Сколько достопамятныхъ событій, лицъ и мѣстъ представилось бы вокругъ *Прилука*, у котораго еще Мономахъ встрѣчался съ Половцами! Ваша родимая *Прилука* понынѣ означена гербовою головою золото-рогаго быка,—въ память тѣхъ временъ, когда она, со множествомъ другихъ городовъ Украинскихъ, входила въ составъ обширной *Вишневеччины*....

Къ началу тѣхъ временъ относится и первое учрежденіе *Прилуцкаго полка*, если учредителемъ его былъ князь Евста-

[1]) Москвитянинъ 1849 г. № 9, стр. 1—6.

фій Ружинскій. Но если учреждение Прилуцкаго и другихъ полковъ въ Малороссіи было еще около 1516 года, тогда оно принадлежитъ не Евстафію Ружинскому. Отъ чего такъ? вы спросите: вѣдь гетманство Евстафія Ружинскаго было около 1516 года!... Да, почти всѣ вы, бытописатели Малороссіи, относите къ тому времени гетманство этого князя и прекращаете его жизнь въ 1534 году. Но онъ въ ту пору гулялъ еще отрокомъ, въ предѣлахъ Владиміро-Волынскихъ.... Мужествовалъ онъ въ предѣлахъ Днѣпровскихъ уже во второй половинѣ 16-го вѣка, послѣ князя Дмитрія Вишневецкаго, передъ Свирговскимъ.... Въ памятный для Южной Руси 1569 годъ князь *Евстафій Ивановичъ Ружинскій*, служившій тогда при *Михаилѣ Александровичѣ Вишневецкомъ*, ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ на Люблинскій сеймъ (а другой братъ, Степанъ Ивановичъ Ружинскій, въ то время находился въ Рѣчицѣ, служа при Романѣ Өедоровичѣ Сенгушкѣ, воеводѣ Брацлавскомъ, державцѣ Рѣчицкомъ и проч.). Послѣ того князь Михайло Вишневецкій былъ Кіевскимъ кастеляномъ (до кончины своей въ 1584 году 15 Октября); а князь Евстафій служилъ тогда воеводскимъ *намѣстникомъ Кіевскимъ*. Все это я говорю на основаніи современныхъ Южно-русскихъ писаній, столь-же достовѣрныхъ, какъ и тѣ, на основаніи которыхъ вы говорите намъ о полковникахъ Прилуцкихъ. Такова, напримѣръ, (полученная мною отъ Зубрицкаго, для Кіевлянина) дарственная запись Кіевскаго воеводы князя Острожскаго, Кіево-подольской Успенской церкви, на гору Щековицу: она дана въ Кіевѣ, 2 декабря 1581 года, на имя *намѣстника Кіевскаго князя Евстафія Ивановича Ружинскаго*.

При такомъ очевидномъ и непремѣнномъ перемѣщеніи князя Евстафія во вторую половину 16-го вѣка, сама собою открывается въ бытописаніи гетманская вакансія передъ 1534 годомъ. Кандидатъ на нее давно уже представленъ—въ думѣ Украинскихъ бандуристовъ и въ письмѣ знаменитаго кошеваго атамана Сѣрка, писанномъ 1675 года. Это гетманъ *Самуилъ Кушка* или *Кошка* (вѣроятно потомокъ извѣстнаго Уманскаго владѣльца Кошки); онъ воевалъ по Черному морю, и попался въ плѣнъ Туркамъ около 1534 года. Историку

Малороссіи остается только утвердить этого героя въ числѣ первыхъ гетмановъ козацкихъ.

Того же по всей справедливости заслуживаетъ и *Коломійченко*, тоже воспѣваемый въ думахъ бандуристовъ: это, безъ сомнѣнія, *Самуилъ Зборовскій*, извѣстный изгнанникъ Польскій, служившій при Баторіѣ, еще до королевства его, потомъ находившійся въ козацкихъ ополченіяхъ при гетманѣ Свирговскомъ; а послѣ того и самъ онъ, выбранъ будучи въ гетманы Запорожцами, ходилъ съ ними на Черное море. Онъ обезглавленъ въ Краковѣ 1584 года самовластнымъ канцлеромъ Иваномъ Замойскимъ.

Этою казнью, также какъ и казнью гетмана *Подковы* (или Серпяги), конечно, не было довольно козачество Украинское. И вотъ является въ 1586 году гетманъ *Чорнинскій*, ходившій въ томъ году съ козаками на Волынцевъ, еще прежде гетмана Косинскаго. Я назвалъ такое имя козацкаго вождя, которое не было еще, кажется, извѣстно въ книжномъ мірѣ. Но его смѣло можете помѣстить въ спискѣ гетмановъ передъ именемъ *Скалозуба*, ибо оно взято изъ современныхъ ему писаній.

Я могу назвать еще одно имя, неизвѣстное донынѣ въ бытописаньи Малороссійскомъ: имя *Гаврила Кортневича*, бывшаго гетманомъ войска его К. М. Запорожскаго, въ 1600-мъ году. Это былъ гетманъ, признаваемый тогда Запорожцами, и конечно ими же изсреди себя избранный. Вотъ вамъ новая прибавка къ исторіи первыхъ гетмановъ, о которой вы не напрасно говорите, что она *сбивчива*. Но возвратимся къ полку Прилуцкому. Съ гетманствомъ Богдана Хмельницкаго онъ является какъ бы вновь, о чемъ свидѣтельствуетъ лѣтопись Самовидца, называющая этотъ полкъ, въ числѣ прочихъ, подъ 1649 годомъ. Въ спискѣ полковъ 1650 года, вездѣ повторяемомъ изъ лѣтописи Рубановой, пропущенъ Прилуцкій полкъ, также какъ Гадяцкій и нѣсколько другихъ. Въ томъ же спискѣ, съ позднѣйшими прибавками (въ «Краткомъ историческомъ Описаніи» напечатанномъ въ *Чтеніяхъ*, годъ III, кн. 6) показанъ Прилуцкій полкъ; но съ полковникомъ *Дмитріемъ Черняескимъ*, въ 1650 году: анахронизмъ очевид-

ный.... Ваше открытіе двухъ полковниковъ, бывшихъ въ гетманство Богданово, есть истинная находка для исторіи Прилуцкаго полка. Но *Воронченко* видѣнъ полковникомъ въ 1652 — 53 годахъ, и долженъ уступить первенство *Ѳедору Кисѣлю*, бывшему полковникомъ Прилуцкимъ 1650 года, какъ значится въ исторіи Конискаго. Итакъ *Петро Дорошенко* на Прилуцкомъ полковничествѣ будетъ уже третій—1656 г. За нимъ у васъ поставленъ *Чернявскій*, узнанный вами только по женѣ его, «бывшей полковничкѣ Прилуцкой.» Вы зорко усмотрѣли его изъ записи 1680 года: но за что же такъ далеко отъ этого года вы отодвинули его полковничество? Вѣдь извѣстно, что въ 1659—60 годахъ Прилуцкимъ полковникомъ былъ *Ѳедоръ Терешенко* (или Терентьевъ): ему и слѣдуетъ стать послѣ Дорошенка!...

Между Терешенкомъ и Стороженкомъ у васъ поставленъ только одинъ *Лазарь Горленко*. Но его полковничество прерывалось два раза; и въ этомъ промежуткѣ были полковники другіе. Въ первый разъ оно прервалось въ гетманство Брюховецкаго; и тогда полковникомъ Прилуцкимъ былъ пропущенный въ вашемъ спискѣ *Данило Пѣсоцкій*. Онъ видѣнъ въ Батуринскомъ договорѣ, 1663 г. и въ лѣтописи Самовидца подъ 1664 годомъ.

Послѣ него является опять Лазарь Горленко, въ гетманство Самойловича, съ 1674 года до извѣстнаго приключенія съ нимъ въ 1676 году. Тогда на мѣстѣ Лазаря является *Ѳедоръ Мовчанъ* (или Молчанъ), тоже пропущенный въ вашемъ спискѣ. За подвиги этого полковника и полка его, въ 1678 году, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ почтилъ его похвальною грамотою; а убитыхъ въ Чигиринской войнѣ Прилучанъ повелѣлъ «написать въ вѣчное помяновеніе въ синодикъ во святой велицей соброной церкви Успенія Пресвятой Богородицы».

Подъ конецъ той же Чигиринской войны, въ 1679 году въ числѣ «множественныхъ силъ царскихъ и войскъ Запорожскихъ», собранныхъ въ Кіевѣ, находился и Прилуцкій полковникъ *Дмитрій Чернявскій*, который въ слѣдующемъ году былъ уже покойникомъ... Тутъ ему и мѣсто. Современ-

нымъ свидѣтелемъ его бытія на Прилуцкомъ полковничествѣ 1679 года, служитъ послѣдняя (116-ая глава *Кіевскаго Синопсиса*, изъ которой позаимствовался и Ригельманъ, въ свое «повѣствованіе». Изъ той главы можно заключить, что Чернявскій, будучи Прилуцкимъ полковникомъ, не воевалъ уже съ Турками; а вмѣстѣ съ другими, бывшими въ Кіевѣ полковниками малороссійскими, обводилъ Печерскую Лавру «крѣпкими земляными валами».

Въ 1680 году Прилуцкимъ полковникомъ сталъ опять *Лазарь Горленко*, и былъ до 1687 года *2 августа*, когда «пострадалъ отъ своихъ въ войску на рѣцѣ Сурѣ». Такъ сказано о немъ въ помянникѣ Ближней—пещеры, въ поминаніи, которое тогда же внесено туда сыномъ Лазаря—Иваномъ Горленкомъ. Въ замѣткахъ къ *Лѣтописцу Густынскому* встрѣчаются новыя подробности о погребеніи Лазаря въ Самарской степи, и о перенесеніи его, спустя 10 лѣтъ, въ обитель Густынскую. .

Итакъ, открытый вами полковникъ *Иванъ Стороженко* будетъ уже *девятый*, а не шестой, въ ряду полковниковъ Прилуцкихъ; за нимъ *Дритрій Горленко*, *Иванъ Носъ* и т. д. Въ завѣщаніи Ломиковскаго, напечатанномъ въ *Молодикѣ* 1843 года, встрѣчаются еще и Прилуцкій полковникъ *Дмитро Ярченко»*. Но это не иное что, какъ имя *Горленко*, не разобранное въ рукописи.

Вотъ вамъ мои замѣтки на вашу статью. По нимъ можете судить, какъ усердно я желаю видѣть подробное изображеніе *Прилуцкой старины*, въ которой люблю особенно то время, когда на укромныхъ островахъ медленноструйнаго Удая подвизался нашъ достопамятный молитвенникъ Ісаія Копинскій, и возникали тамъ святыя обители Густынская и Ладинская.... И кто же изслѣдуетъ и представитъ намъ въ живой, полной картинѣ минувшую жизнь Прилуцкой Украины, какъ не тотъ историкъ-поэтъ, который нѣкогда напѣвалъ намъ въ своихъ *Мелодіяхъ:*

«Удай, Удай, мой родной
Я люблю тебя, я твой»!

1849 г. 12 марта.
Михайлова-Гора.

ВОСПОМИНАНІЕ О НИКИФОРѢ ТУРѢ, АРХИМАНДРИТѢ ПЕЧЕРСКОМЪ. [1])

«*Никифоръ* II *Туръ* послѣ Мелетія избранъ и былъ архимандритомъ, по свидѣтельству Кальнофойскаго, съ *1590* года. Онъ претерпѣлъ за православіе отъ уніатовъ сильное гоненіе и скончался *1599* года».

Такъ сказано въ «Описаніи Кіевопечерской лавры», изданномъ 1831 года, митрополитомъ Евгеніемъ (стр. 142). Но свидѣтельство Аѳанасія Кальнофойскаго о годѣ избранія Никифора въ архимандриты оказалось невѣрнымъ; а между тѣмъ оно привело историка лавры къ ошибочному означенію и кончины *Мелетія* въ томъ же 1590-мъ году. Новый историкъ Русской церкви, Филаретъ Черниговскій, поправляя во многомъ Евгеніевъ каталогъ лаврскихъ настоятелей, сдѣлалъ новую ошибку, на основаніи того же Кальнофойскаго, именно ту, что архимандрита *Геннадія* онъ поставилъ передъ Мелетіемъ, послѣ Иларіона (см. *Русскіе святые*, августъ, стр. 119); а у Евгенія этотъ архимандритъ поставленъ еще передъ Протасіемъ (какъ было и въ прежнемъ, Самуиловомъ описаніи лавры), и сказано о немъ такъ: «*Геннадій* упоминается около 1535 года; а у Кальнофойскаго положенъ послѣ Иларіона». (стр. 141).

Такія разнорѣчія нашихъ именитыхъ историковъ о стародавнихъ настоятеляхъ Печерской лавры показываютъ, что историческое свѣдѣніе объ нихъ не доведено еще до надлежащей вѣрности и полноты; а потому не излишнимъ будетъ сказать нѣчто и о ближайшихъ предшественникахъ Никифора

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1867, № 5, стр. 150.

Тура, которыми были—по Евгенію: 55) *Иларіонъ Писочинскій* 1555—1566, 56) *Мелетій;* а по Филарету: 45) *Иларіонъ Песочинскій* 1555—1566, 46) *Геннадій*, 47) *Мелетій...*

Иларіонъ Песочинскій, преемникъ Іосифа [1]), былъ архимандритомъ Печерскимъ не только въ 1566 году, но и послѣ 1569-го, въ которомъ король Жигимонтъ-Августъ присоединилъ Кіевскую землю къ коронѣ Польской. По случаю этого присоединенія, Иларіонъ испросилъ подтвердительную грамоту о правахъ Печерскаго монастыря, данную королемъ *1570* г. мая 29; въ слѣдующемъ году, по его же прошенію, дана утвердительная королевская грамота (іюня 5) Печерскому монастырю на село Вишеньки, подаренное Кіевскимъ войтомъ, Семеномъ Мелешковичемъ.

Въ ту пору, по нездоровью Иларіона, королевскіе урядники принудили было его передать свое архимандритство *Богдану Шашковичу - Конюскому*; но когда это дошло до короля, онъ поручилъ разслѣдованіе коронному гетману Юрію Язловецкому и по оному оставилъ за Иларіономъ пожизненное архимандритство; оно кончилось въ *1572* году, въ которомъ не стало и Жигимонта-Августа.

Въ числѣ обновителей Печерскаго монастыря Кальнофойскій полагаетъ Иларіона, а по немъ *Геннадія*. Но архимандритовъ этого имени не было въ лаврѣ послѣ Иларіона; а былъ при немъ *уставникъ Геннадій*. Не онъ ли и прилагалъ попеченіе о лаврѣ, когда она, въ наставшее тогда междуцарствіе, оставалась нѣкоторое время безъ архимандрита? Хотя же и появлялся въ началѣ 1573 года какой-то *Іона Деспотовичъ* въ званіи архимандрита Печерскаго; но онъ, воспользовавшись выкупными деньгами за село Брусиловъ, переданное имъ земянику Яцку Бутовичу, тогда же и скрылся [2]).

Настоящимъ преемникомъ Иларіона былъ заслуженный мужъ *Мелетій Хребтовичъ-Богуринскій*, избранный Печер-

---

[1]) *Іосифъ*, по современнымъ ему актамъ, виденъ на архимандритствѣ въ *1550—1555* годахъ.

[2]) Брусиловъ на р. Здвиженѣ находился въ распоряженіи лавры съ 1541 г., въ которомъ Печерская схимница Пелагія Брусиловская заложила это свое село архимандриту *Вассіану* въ суммѣ 15-ти копъ грошей литовскихъ. См. Акты Южн. и Зап. Россіи, т. I. стр. 193. Также помѣщены и выше помянутыя грамоты

скою братіей въ исходѣ 1573 года и получившій утвердительную грамоту отъ новоизбраннаго короля Генриха, 1574 г. 15 марта. Въ этой грамотѣ сказано именно, что «архимандритство монастыра пресвятое Богородицы Печерское, въ Кіевѣ, по смерти бывшого архимандрита Печерского Иларіона Песочинскаго, *презъ не малый часъ ваковало»* (т. е. оставалось не занятымъ). Тоже повторяется и въ грамотѣ короля Стефана Баторія 1576 г. 30 ноября, подтверждающей архимандритство Мелетія, которое и оставалось за нимъ до кончины его, послѣдовавшей въ генварѣ *1593* года [1]) на Волыни, въ лаврскомъ имѣніи Городкѣ [2]). Будучи архимандритомъ Печерскимъ, Мелетій былъ вмѣстѣ и епископомъ Владимирскимъ и Берестейскимъ, но не съ 1570 года, а съ *1579*, въ концѣ котораго (23 декабря) дана ему грамота Стефана Баторія на ту епископію.

—

Немедленно по кончинѣ Мелетія, выбранъ былъ въ архимандриты Печерскіе и утвержденъ королемъ Жигимонтомъ III-мъ *Никифоръ Туръ* [3]). Того же года, апрѣля 24, онъ введенъ былъ во владѣніе Печерскимъ монастыремъ и всѣми имѣніями, по составленной тогда описи [4]), королевскимъ коморникомъ Иваномъ Сосницкимъ.

Много мужества и подвига надо было архимандриту Туру, чтобы не дать Печерскаго монастыря и его достоянія во власть нововводимой уніи и отстоять отъ нея сіе древнее святилище православной Руси. Но этимъ отстояніемъ и достопамятно его архимандритство.

Великое значеніе Печерской лавры для всего Русскаго міра и ея обширныя владѣнія обращали на нее особенное

---

[1]) Годъ и день Мелетіевой кончины (13 ген. 1593 г). опредѣлены въ Архивѣ Юго-западной Россіи ч. I т. I, по напечатаннымъ тамъ актамъ.

[2]) Имѣніе *Городокъ* Луцкаго повѣта утверждено за Печерскимъ монастыремъ *1516* г. записью князя Константина Ивановича Острожскаго, по завѣщанію тещи его, княгини Анастасіи, князя Семена Юрьевича Гольшанскаго.

[3]) Въ королевской грамотѣ, данной *4 марта* 1595 г. литовскимъ сановникамъ, говорится: «Присылалъ до насъ *архимандритъ Кіевскій* монастыря Печерского, велебный Никифоръ Туръ». См. въ *Актахъ* Ю. З. Р. т. I, стр. 255.

[4]) Эта любопытная опись тогдашняго движимаго и недвижимаго имущества Печерской лавры, напечатана въ *Арх. Ю. З. Р.* ч. I, т. 1, стр. 375.

вниманіе поборниковъ уніи. И вотъ Кіевскій митрополитъ Рагоза, имѣвшій свое пребываніе въ Новгородкѣ Литовскомъ, зоветъ туда Никифора Тура, чтобы онъ принялъ отъ него посвященіе, «яко отъ своего старшаго», а безъ того не смѣлъ-бы жить въ Печерскомъ монастырѣ. Но посланный за нимъ священникъ Новогродской соборной церкви, Константинъ Григоровичъ, возвратясь изъ Кіева, предъявилъ письмо владыки, непринятое Туромъ. Это было въ мартѣ 1594 года.

Печерскій монастырь, по праву патріаршей ставропигіи, былъ неподвластенъ митрополиту; а избранный законно и утвержденный королевскою властью на Печерскую архимандрію, Никифоръ Туръ, былъ въ полномъ правѣ принять посвященіе отъ любаго православнаго епископа, и не обязанъ былъ посвящаться непремѣнно у митрополита, и притомъ такого, о которомъ было уже извѣстно, что онъ намѣревался измѣнить православію и перейти въ унію. По его приказанію, о. Константинъ вторично ѣдетъ въ Кіевъ, и 20 сентября получаетъ отъ архимандрита Тура такой отвѣтъ: «Какъ прежде я отправилъ тебя съ тѣмъ, что господинъ твой митрополитъ не имѣетъ здѣсь никакого права и власти; съ тѣмъ и теперь тебя отправляю» [1]). За третьимъ разомъ въ февралѣ 1595 года, архимандритъ Печерскій сказалъ тому же посланнику: «Я и первые два раза отправилъ тебя съ тѣмъ, что митрополитъ не имѣетъ здѣсь никакой власти; и теперь, уважая тебя, какъ духовнаго отца, прошу не бывать у меня больше». Никифоръ Туръ, какъ видно, крѣпко держался ставропигіальной грамоты Константинопольскаго патріарха Максима, данной Печерскому монастырю 1481 года, въ которой сказано: «а въ тотъ монастырь Печерскій ни въ чимъ не вступаться митрополитомъ Кіевскимъ, ани клирикомъ Софійскимъ». Можетъ быть и въ тогдашнемъ Патерикѣ Печерскомъ вычиталъ онъ, что самъ преподобный Өеодосій, при послѣднемъ свиданіи съ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, поручая ему свой монастырь, говорилъ: «да не обла-

---

[1]) См. донесеніе священника Константина, 1594 г. 6-го октября въ *Актахъ З. Рос.* т. IV, стр. 77, и въ *Архивѣ Ю. З. Рос.* ч. I, т. I, стр. 447.

даетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ никто же отъ клирикъ Софійскихъ», хотя эти слова—очевидная прибавка къ древнему сказанію, сдѣланная въ концѣ XV-го или въ XVI-мъ вѣкѣ. Какъ бы ни было, но державный ревнитель и вводитель уніи, Жигимонтъ III, испросилъ у папы Климента VIII буллу, отъ 4 марта 1595 года, которою Печерская архимандрія, со всѣми ея имѣніями и доходами, предоставляется во власть митрополитовъ Кіевскихъ, съ тѣмъ, чтобы они пребывали въ единеніи съ костеломъ Римскимъ. Но такое распоряженіе непогрѣшимаго въ глазахъ католиковъ папы, не имѣло никакого значенія для православнаго люда Кіевской Руси; да и самъ Климентъ VIII, увидавъ зло, причиненное насильственнымъ введеніемъ уніи въ государствѣ Польскомъ, согласился, по просьбѣ короля, ради успокоенія государства, отмѣнить свою буллу 1595-го года, и двумя *бреве*, данными въ 1603 году на имя короля (іюля 19) и нунція (августа 9), освободилъ Печерскую архимандрію отъ власти Кіевскихъ (въ ту пору уже уніатскихъ) митрополитовъ.

Между тѣмъ митрополитъ Рагоза продолжалъ свое наступленіе на архимандрита Тура, позвавши его на духовный судъ, на который однако тотъ не являлся, а прибылъ уже на Брестскій соборъ, созванный по королевскому назначенію на 6-е октября 1596 года, для окончательнаго рѣшенія уніи, еще за годъ передъ тѣмъ объявленной манифестомъ короля-миссіонера (1595 г. 24 сент.). Извѣстно, что на томъ соборѣ, въ которомъ принималъ участіе и нашъ Печерскій архимандритъ, православные люди, духовные и свѣтскіе, отвергли унію и объявили—митрополита Рагозу и его сообщниковъ, отступившихъ отъ православія, низложенными и лишенными духовнаго сана; а на противной сторонѣ объявлено было согласіе на унію и проклятіе всѣмъ непризнавшимъ ее. Въ субботній день, 9 октября, отступникъ Рагоза съ своими пятью епископами [1]) подписалъ нѣсколько отдѣльныхъ проклинательныхъ грамотъ, въ томъ числѣ и Никифору Туру [2]).

[1]) То были: *Ипатій Потѣй* Володимирскій и Верестейскій, *Кириллъ Терлецкій*, Луцкій и Острожскій, *Германъ*, архіепископъ Полоцкій, *Діонисій Збируйскій* Холмскій и Бельзскій, *Іона Гоголь* Пинскій и Туровскій.

[2]) См. эту грамоту въ *Акт. З. Р.* т. IV. стр. 147.

За то, что онъ принадлежалъ къ собору оставшихся въ православіи и не захотѣлъ пристать къ сторонѣ уніатской, вотъ что ему было написано въ грамотѣ: «Складаемъ тебе зъ столицы архимандритства твоего, абысь не дерзнулъ петрахиля на выю свою взлагати, и отнюдъ никоего священнодѣйствія правити, вѣчно и не разрѣшенно отъ Бога; а кто бы тебе мѣлъ за архимандрита или презвитера, яко отъ насъ выклятого, самъ да будетъ проклятъ и домъ его отъ Отца, Сына и Святого Духа». Тоже самое повторили они и въ своемъ универсальномъ листѣ 10 октября о всѣхъ нашихъ духовныхъ лицахъ, непринявшихъ уніи: о *Михаилѣ Копыстенскомъ*, епископѣ Перемышльскомъ и Самборскомъ, *Гедеонѣ Балабанѣ*, епископѣ Львовскомъ и Каменецкомъ, *Никифорѣ Турѣ* и т. д. Само собою разумѣется, что такіе проклены со стороны отступниковъ, тогда же преданныхъ проклятію соборомъ православнымъ, не имѣли никакой силы для православныхъ людей, и только усиливали народную ненависть къ уніи и ея послѣдователямъ, предателямъ православной церкви.

Въ слѣдующемъ (1597) году король Жигимонтъ, желая исполнить свое намѣреніе относительно Печерскаго монастыря, поручилъ дворянину своему, маршалку Мозырскому, *Стефану Лозкѣ*, отобрать монастырь у Никифора Тура и передать Михаилу Рагозѣ. Приступивъ къ исполненію королевскаго приказанія, маршалокъ Лозка послалъ 9 августа въ монастырь Печерскій вознаго генерала Кіевскаго Романа Овсянаго съ двумя шляхтичами, предъувѣдомить архимандрита о себѣ, что онъ ѣдетъ для передачи Печерскаго монастыря и его имѣній митрополиту. Но когда тѣ прибыли къ монастырю, то стоявшіе у святыхъ воротъ Печерскіе монахи не пустили ихъ въ монастырь къ архимандриту, говоря: «Мы тутъ пана дворянина ждемъ, и откажемъ». Когда пріѣхалъ маршалокъ, они также не пустили ни его, ни вознаго съ понятыми, и говорили такъ: «Архимандрита маемъ, и не треба намъ иншого, бо митрополита у Кіевѣ не маемъ; который былъ Михайло Рагоза, того, яко отщепенця вѣры нашое, церкви восточное, ижъ онъ вѣры нашое отступилъ, духовные наши на

синодѣ у Берестьи его зъ митрополитства зложили; и не есть онъ митрополитомъ; и мы его за митрополита не маемъ; и моцно того у монастырь Печерскій увязанья боронимъ».

Изъ братіи, говорившей это и не пускавшей маршалка въ монастырь, особенно замѣтны были: игуменъ Печерскій Никонъ, діаконъ Іона и другой Протасъ, ключникъ Савва, пономарь Гедеонъ и другой Аврамій, иконникъ Герасимъ, полатникъ Михайло. Тамъ же за воротами стояло не мало людей, съ ручницами и зажженными кнотами (фитилями).

Маршалокъ снова сталъ было добиваться къ архимандриту, но монахи закричали: «Мы того увязанья тутъ у Кіевѣ будучіе, моцно боронимъ!» И подали листъ съ подписью рукъ своихъ и печатью монастырскою. Принимая тотъ листъ, маршалокъ говорилъ, что онъ имъ никакого гвалту не причиняетъ; а по прочтеніи, подалъ имъ три королевскихъ листа, которые они прочли, но копій съ тѣхъ листовъ принять не захотѣли; и маршалокъ, по тогдашнему обыкновенію, воткнулъ ихъ въ ворота монастырскія. Послѣ того онъ въ третій разъ уговаривалъ монаховъ, чтобы пустили его къ архимандриту, объявляя штрафъ въ десять тысячъ червоныхъ. Но его не послушали; и онъ уѣхалъ изъ Кіева безъ успѣха, получивъ отъ вознаго формальное сознаніе о происходившемъ [1]). Маршалокъ Мозырскій, конечно, не очень поскорбѣлъ о неудачѣ возложеннаго на него дѣла, ибо оно было не по душѣ ему, какъ человѣку православно-русскому. Не далѣе, какъ въ 1599 году, когда составилась Виленская конфедерація православныхъ и евангеликовъ, для взаимной обороны отъ насилія папистовъ, Стефанъ Лозка былъ выбранъ въ число генеральныхъ провизоровъ или попечителей церкви. А въ 1615 году онъ, за-одно съ женою своею Анною Гулевичевною, отдалъ свой Кіевскій домъ и дворъ на устроеніе Богоявленскаго училищнаго братства, которое и донынѣ тамъ существуетъ.

Между тѣмъ Никифоръ Туръ, по настойчивой жалобѣ Рагозы, позванъ былъ на судъ къ королю. Вмѣсто себя, онъ

---

[1]) Выпись этого сознанія напечатана въ 1863 году, въ *Актахъ Ю. и З. Р.* т. II, стр. 195.

нарядилъ шляхтича Кіевскаго Христофора Бѣлобережскаго съ Печерскимъ монахомъ Ѳеодосіемъ и съ письменнымъ полномочіемъ отъ 7 сентября 1597 года. Король декретомъ своимъ 18 ноября, уничтожая право, данное Никифору Туру на архимандрію Печерскую, отчуждаетъ его отъ монастыря, и передаетъ оный со всѣми имѣніями и доходами митрополиту Рагозѣ, и поручаетъ это исполнить другому дворянину своему; а для устраненія препятствій, могущихъ встрѣтиться со стороны Тура или другихъ людей, назначаетъ штрафъ во сто тысячъ копъ грошей литовскихъ. Исполненіе декрета возложено было на *Ивана Кощица*, которому также вручены были три королевскихъ листа, подписанные 2 декабря 1597 года. Объ этихъ листахъ было упоминаемо еще въ прежнемъ, краткомъ описаніи лавры, что они «напечатаны на Польскомъ языкѣ въ Вильнѣ, особенною книжицею, которую преосвященный Георгій Кониской, архіепископъ Бѣлорусскій, прислалъ въ книгохранительницу Кіево-Печерской лавры». Въ 1851 году, тѣ королевскіе листы напечатаны были съ подлинниковъ, писанныхъ на Западно-Русскомъ языкѣ, въ *Актахъ Западной Россіи* (т. IV, стр. 176). Но и донынѣ неизвѣстны намъ тѣ подробности, какими сопровождалось исполненіе королевскаго декрета дворяниномъ Кощицемъ. Знаемъ только, что лавряне остались неподвластными уніатскому митрополиту, и что дѣйствительнымъ настоятелемъ Печерской обители оставался по прежнему Никифоръ Туръ. Когда-же Михаилъ Рагоза, при содѣйствіи королевскаго дворянина Кощица, посадилъ своихъ урядниковъ въ тѣхъ имѣніяхъ Печерскаго монастыря, которыя находились въ отдаленныхъ отъ Кіева предѣлахъ княжества Литовскаго, то непреклонный Туръ самъ явился туда. Встрѣчаемый и сопровождаемый толпами народа, онъ изгонялъ тѣхъ митрополитскихъ урядниковъ—Островецкаго, Пучковскаго и другихъ — не попуская лаврскаго достоянія въ руки сопротивныя.

Въ сентябрѣ 1598 года Рагоза доносилъ объ этомъ въ Литовскій трибуналъ, называя сопровождавшихъ Тура людей *наливайками*,—по имени храбраго козацкаго вождя, прежде всѣхъ возставшаго на первоначальниковъ уніи. Въ сентябрѣ

1598 года и Литовскій канцлеръ, Левъ Сапѣга, предписывалъ своему Могилевскому чиновнику, чтобы онъ помогалъ митрополиту Рагозѣ исправно получать годовые доходы съ находившихся тамъ имѣній Печерскаго монастыря, и чтобы онъ постарался изловить Никифора Тура, если онъ снова тамъ появится. А между тѣмъ Никифоръ Туръ съ капитулою Печерскою подавалъ въ томъ году позовъ на Михаила Рагозу и всю капитулу митрополитскую о восьми тысячахъ копъ грошей, неправильно взятыхъ отъ Могилевскихъ мѣщанъ; и декретомъ Кіевскаго земскаго суда присуждено было взыскать ту сумму съ имѣній митрополитскихъ, которыя для того и увязаны были монастырю Печерскому. Но въ половинѣ 1599 года общая всѣмъ примирительница, смерть, позвала и Рагозу и Тура на судъ Божій.

1867 г. 12 февраля.

Кіевъ.

ЗАМѢТКА О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. [1]

Въ концѣ прошлаго столѣтія, Ириней Фальковскій, будучи еще «учителемъ богословія и смѣшанной математики» въ Кіевской академіи, издавалъ *Кіевскій мѣсяцесловъ*. Всѣ вычисленія дѣланы были подъ его руководствомъ студентами академіи, въ числѣ которыхъ тамъ встрѣчаются имена будущихъ, извѣстныхъ профессоровъ: *Якова Кайданова, Василія Ризенка*.

Въ Кіевскомъ мѣсяцесловѣ на 1798 годъ помѣщена «хронологія вещей достопамятныхъ», въ которой между прочимъ означено:

От заведенія Московской академіи. . . 121 г.
Отъ начала Петербугской академіи наукъ. 73 г.
Отъ учрежденія Московскаго университета 44 г.

Почему бы, кажется, и въ Петербугскомъ *мѣсяцесловѣ* на 1865 годъ, въ «хронологическомъ перечнѣ достопамятныхъ происшествій» не поставить:

1615. Начало Кіевской академіи . 250 л.
1678. Начало Московской академіи 187 л.

если уже тамъ поставлены—и введеніе въ Россію прививанія оспы (1768), и основаніе коммерческаго училища (1772), и преобразованіе Дерптскаго университета (1802), и учрежденіе перваго училища въ Тифлисѣ (1802), и т. п.

Не странно-ли, что академія наукъ, проэктируя для себя такія чрезмѣрныя права и преимущества въ Русскомъ мірѣ, не вспомнила о двухъ старѣйшихъ Русскихъ академіяхъ!

22 октября 1865 г.
Михайлова-Гора.

---

[1]) День 1865 г. № 39, 936.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ГЕТМАНѢ ПЕТРѢ КОНАШЕВИЧѢ САГАЙДАЧНОМЪ. [1])

«Року 1622 Петро Сагайдачный, славный гетманъ Запорозскій и великій защитникъ Православной вѣры, любитель и ктиторъ Братского монастыря и школъ Латинскихъ [2]), временное свое житіе остави; тѣло же поховано въ Кіевѣ, въ монастиру Братскомъ въ Проводную недѣлю, зъ великимъ плачемъ Запорозского войска и всѣхъ людей Православныхъ».

Такъ поминаютъ Малороссійскія лѣтописи сего доблестнаго мужа, который въ ряду козацкихъ гетмановъ безспорно есть первенствующее лицо, послѣ Богдана Хмельницкаго, и, по своему характеру, не менѣе его примѣчателенъ въ исторіи. Если побѣдоносная сила Богданова была мечемъ, освободившимъ Украйну отъ Польскаго *ига*; то могучее, непобѣдимое мужество Сагайдачнаго служило хранительнымъ щитомъ православной Кіевской Руси, въ ту печальную, тяжкую годину, какая постигла ее послѣ казни отважнаго Наливайка. Сагайдачный наслѣдовалъ гетманскую булаву послѣ сего героя мученика, именно въ 1598 году [3]) Онъ былъ неизбѣжною, неотразимою грозою для Татаръ и Турковъ, которыхъ громилъ непрестанно на морѣ и на сушѣ. Его побѣды надъ ними столь важны были Польшѣ, что она невольно смирялась въ своемъ разъяреніи на козаковъ и Украйну, невольно уважала сего Запорозскаго гетмана, который съ могучимъ, суровымъ мужествомъ героя соединялъ и доблести отличнаго

---

[1]) Москвитянинъ 1843 г. № 10, стр. 347—370.

[2]) Этимъ именемъ назывались и наши православныя школы, въ которыхъ по образцу западныхъ школъ, ученіе было на Латинскомъ языкѣ.

[3]) По свидѣтельству Исторіи Руссовъ Конискаго.

гражданина. Сагайдачный для своего утѣсненнаго народа и гонимаго православія сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать при Жигимонтѣ III-мъ, не поднимая оружія на Польшу; и не даромъ называется онъ въ лѣтописяхъ *великимъ защитникомъ православія*: онъ стремился поддержать и утвердить благочестіе и просвѣщеніе своего народа, онъ убѣдилъ Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана посвятить въ Кіевѣ безъ королевскаго дозволенія—православнаго митрополита и епископовъ на Русскія епархіи, занятыя уніатами;—своимъ иждивеніемъ возобновилъ Богоявленское Кіевское Братство, и учредилъ фундацію на школу Братства Львовскаго «(на науку и на цвиченье бакаларовъ учоныхъ)». Кромѣ того онъ написалъ *объясненіе объ Уніи*, которое Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга называлъ: «предрагоцѣннымъ сочиненіемъ». [1]) Какъ жаль, что до сихъ поръ остается въ неизвѣстности сей памятникъ, изъ котораго можно бы увидѣть просвѣщеніе и умъ великаго гетмана. Но возстановленіе православной Кіевской митрополіи, 25 лѣтъ сиротѣвшей безъ пастыря подъ гнетомъ Уніи, и возобновленіе Богоявленскаго Братства, разореннаго противниками православія: это такія два дѣла, которыя даютъ безсмертіе славному имени *Петра Сагайдачнаго*, и по которымъ онъ былъ предтечею безсмертнаго *Петра Могилы*, такъ блистательно совершившаго то, что начато Сагайдачнымъ.

1. Анахронизмы въ повѣствованіяхъ о Сагайдачномъ.

Сіи два великіе мужа, въ исторіи Кониснаго, какъ бы умышленною ошибкою, сближены и представлены за одно и современно дѣйствующими въ Кіевѣ. Примѣчательная обмолвка! они современно дѣйствовали только подъ Хотиномъ, противу Туровъ, гдѣ 25-лѣтній воеводичь Могила отличился своею воинскою храбростію, а старый Сагайдачный со славою кончилъ свое козацкое поприще. Но я имѣлъ случай

---

[1]) Такъ названо объясненіе Сагайдачнаго въ письмѣ канцлера Льва Сапѣги, писанномъ изъ Варшавы 12-го марта 1622 года, къ свирѣпому Іосафату Кунцевичу.

Переводъ сего примѣчательнаго письма помѣщенъ въ Россійскомъ Магазинѣ, Спб., 1793 Ч. III,—и сокращенно въ извѣстіи объ Уніи. М. 1805 на стр. 75—84.

замѣтитъ, что изъ довѣрія къ Конискому упомянутая обмолвка его обращается въ мнѣніе, и даже повторилась было въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи о Малороссіи. Потому считаю не лишнимъ предложить читателямъ и почитателямъ исторіи Конискаго слѣдующія замѣчанія:

Описавъ подробно пораженіе Татаръ на р. Самарѣ (1613), Кониской такъ оканчиваетъ свое повѣствованіе о Сагайдачномъ: «гетманъ Сагайдачный, послѣ означенныхъ походовъ, *ни какихъ другихъ не предпринималъ;* а при обыкновенныхъ и всегдашнихъ безпокойствахъ и набѣгахъ пограничныхъ, командировалъ наказнаго атамана своего Петра Жицкаго [1]), и старшинъ генеральныхъ, и полковниковъ съ корпусами и командами, смотря по надобности и силамъ противнымъ, и самъ, бывши спокойнымъ правителемъ гетманства, поправлялъ внутренніе безпорядки правительственные и воинскіе; воспрещалъ сильно уніатство, возвращалъ съ него церкви, и въ томъ числѣ *воротилъ и соборную Кіевскую Софію;* созидалъ вновь церкви, и между тѣмъ построилъ Братскій Кіевскій монастырь на Подолѣ подъ распоряженіемъ гетмана Петра Жицкаго, яко въ архитектурѣ свѣдущаго; надалъ сему монастырю достаточныя деревни, *и возобновилъ въ немъ, съ помощію митрополита Кіевскаго, Петра Могилы, древнюю Кіевскую Академію, заведенную со временъ послѣдняго крещенія Россіи, но отъ нашествія и разоренія Татарскаго крывшуюсь въ разныхъ монастыряхъ и пещерахъ.* И поживши Сагайдачный въ полной славѣ великаго и славнаго гетмана Малороссійскаго болѣе двадцати лѣтъ, скончался въ Кіевѣ въ 1622 году и погребенъ въ церкви того созданнаго имъ Братскаго монастыря, коего почитался онъ главнымъ ктиторомъ.»

— «Поляки, уважая храбрость и заслуги Сагайдачнаго, не смѣли при немъ явно производить въ Малороссіи своихъ наглостей, да и самая любимая ихъ Унія нѣсколько поутихла и простыла.»

---

[1]) Въ извѣстныхъ мнѣ спискахъ исторіи Конискаго сказано «Петра Жицкаго;» но это, очевидно, есть *Иванъ Петрижицкій.*

Слова, напечатанныя курсивомъ, несогласны съ исторической истинною и точностью. Послѣ Самарскаго дѣла (1613 г.) Сагайдачный предпринималъ два важныхъ похода — подъ Москву (1618 г.) и подъ Хотинъ (1621 г.). — Въ 1622-мъ году, когда онъ возобновлялъ Богоявленское Братство, Петръ Могила находился еще въ военной службѣ: монашество принялъ онъ въ Печерской лаврѣ 1625 года, а въ митрополиты посвященъ во Львовѣ 1634 года. Въ этомъ же году и Софійскій соборъ отобранъ отъ уніатовъ Могилою, а не Сагайдачнымъ; и Богоявленское братство получило названіе монастыря, но перестало быть патріаршею ставропигіей. Основаніе Кіевскаго братства и при немъ школы относится къ 1588-му году, а не къ древнимъ временамъ. Можетъ быть и послѣдняя фраза Кониского о Сагайдачномъ, перенесенная въ исторію Бантышъ - Каменскаго, подлежитъ нѣкоторымъ измѣненіямъ; но объ этомъ говорить не стану.

Указанныя мною погрѣшности не отнимаютъ однако всего достоинства у повѣствованія Кониского о Сагайдачномъ. Подобныя обмолвки попадаются и у другихъ достойныхъ писателей. Такъ и у митрополита Евгенія—*въ краткомъ свѣдѣніи о началѣ Кіевской академіи,* приложенномъ къ описанію Кіевософійскаго собора, на стр. 210-й, читаемъ: «а хотя церковъ братскую обновилъ въ 1622-мъ году гетманъ войскъ Запорожскихъ Петръ Конашевичъ - Сагайдачный и братство поддерживалъ, но училища возстановить не смѣлъ безъ дозволенія Польскаго короля, и уже *въ 1629 г. февраля 19-го получилъ* отъ короля Сигизмунда III грамоту.....» Здѣсь Сагайдачному дано лишнихъ 7 лѣтъ жизни на этомъ свѣтѣ: явно, что это обмолвка. Такимъ же образомъ и на стр. 157 описанія Кіевософійскаго собора сказано: «въ сіе время, попущеніемъ *Кіевскаго воеводы, Ѳомы Замойскаго,* въ самомъ Кіевѣ начались грабежи церквей и монастырей, и при семъ случаѣ новозаведенное въ Братскомъ монастырѣ училище потерпѣло разореніе. Гетманъ Конашевичъ едва могъ спасти остатки его.....» Но возобновленіе разореннаго въ 1621 году братства совершено Сагайдачнымъ въ томъ же и въ началѣ слѣдующаго 1622 года; а Ѳома Замойскій былъ Кіевскимъ

воеводою съ 1626 года.—Не смотря на подобныя обмолвки, описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской Іерархіи есть трудъ чрезвычайно важный для церковной исторіи Югозападной Руси.

Дѣло въ томъ, что Кониской, при всѣхъ своихъ частныхъ погрѣшностяхъ, даетъ намъ общее понятіе о характерѣ Сагайдачнаго вѣрнѣе, чѣмъ новые розыскатели Малороссійской исторіи,—что и между выше указанными погрѣшностями Конискаго, встрѣчаемъ любопытное для исторіи Кіевскаго Братства извѣстіе о строительномъ участіи въ немъ *Петрижицкаго.* При этомъ извѣстіи Иванъ Петрижицкій, сподвижникъ Сагайдачнаго и наслѣдникъ его любви къ Братству—становится очень занимательнымъ лицомъ; въ 1632 году, когда онъ, будучи на тотъ-часъ гетманомъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Исаіею Копинскимъ первымъ ректоромъ Братскаго училища, — убѣждаетъ архимандрита Петра Могилу, чтобы онъ свою лаврскую школу соединилъ со школою братскою, которую самъ Могила потомъ назвалъ въ своемъ завѣщаніи *«единственнымъ своимъ залогомъ»* и даже — единственнымъ залогомъ Православной Русской церкви [1]).

Въ замѣнъ недостатковъ своихъ, повѣствованіе Конискаго о Сагайдачномъ представляетъ подробное и живое описаніе первыхъ его воинскихъ подвиговъ. Подобными описаніями изобилуетъ вообще исторія Руссовъ, и это составляетъ одно изъ ея отличительныхъ достоинствъ. Кониской понималъ, какова должна быть исторія воинственныхъ козаковъ, когда съ такою подробностію передавалъ ихъ битвы. Издатель запорожской старины, Срезневскій, рѣшился называть эти сказанія *повѣстями.* Но эти повѣсти выдумалъ не Кониской. Ихъ писали козаки на бранномъ полѣ оружіемъ и кровью, и потомъ переписывали на бумагу и хранили для памяти потомковъ. Вотъ по какимъ лѣтописямъ писалъ свои повѣсти о козацкихъ подвигахъ преосвященный Кониской [2]), который

---

[1]) См. его завѣщаніе, напечатанное въ прибавленіи къ описанію Кіево-Печерской лавры. Кіевъ, 1831 г.

[2]) Объ источникахъ своей *исторіи Руссовъ* Кониской довольно подробно говоритъ въ предисловіи къ ней.

самъ есть одно изъ примѣчательнѣйшихъ лицъ нашей исторіи. Въ его твореніи часто встрѣчается неотчетность хронологическая,—и нѣкоторыя частныя событія представлены невѣрно, по недостатку вѣрныхъ и точныхъ о томъ извѣстій. Но вспомнимъ, когда писалъ Кониcкій? Вспомнимъ, что у него не было того богатства матеріаловъ, какое было подъ рукою трудолюбиваго *Николая Бантышъ-Каменскаго*,—какимъ пользовался достойный сынъ его, сочиняя свою исторію Малой Россіи. Срезневскій имѣлъ въ своихъ рукахъ труды Кониcкаго, Бантышъ-Каменскаго и много другихъ источниковъ, составляя въ наше время свою коротенькую исторію Украины, предлагаемую въ Запорожской Старинѣ подъ именемъ «лѣтописи»; однако и эта новѣйшая лѣтопись, повѣствуя, напримѣръ, объ убіеніи козаками гетмана *Григорія* (Грицка Черного)? *въ 1628 году*, говоритъ [1]) что къ тому возбудилъ козаковъ своею рѣчью бывшій *въ то время* архимандритомъ Печерскаго монастыря, *знаменитый Никифоръ Туръ*, и что козаки провозгласили его своимъ гетманомъ». Это уже настоящая повѣсть! Въ 1628 году архимандритомъ Печерской лавры былъ уже Петръ Могила; а знаменитый Никифоръ Туръ, мужественно защищавшій Печерскую лавру отъ уніатовъ, и не взирая на королевскія повелѣнія, не уступившій сего Русскаго святилища отступному митрополиту Рогозѣ, умеръ въ одинъ годъ съ своимъ противникомъ, именно въ 1599 г.: почти тридцать лѣтъ разницы!... Въ той же лѣтописи, составленной Срезневскимъ, сказано и объ Сагайдачномъ, будто онъ предводительствовалъ козаками во время битвы Цоцорской. Но это также или обмолвка, или заимствованіе изъ невѣрныхъ источниковъ.

Описанные такъ подробно у Кониcкаго первые подвиги Сагайдачнаго, едва упомянуты и въ исторіи *Малой Россіи*, составленной Бантышъ-Каменскимъ; за то въ ней, особливо во второмъ изданіи (М. 1830), исторія Сагайдачнаго дополнена многими свѣдѣніями, изъ разныхъ источниковъ собранными и вновь къ исторіи Малороссіи прибавленными. Но

[1]) См. Запорожская Старина ч. I.

характеръ Сагайдачнаго, въ трудѣ Бантышъ-Каменскаго утратилъ свою опредѣленную ясность и представился какимъ-то не органическимъ смѣшеніемъ великихъ и низкихъ качествъ. Такъ и вообще въ исторіи Бантышъ-Каменскаго: она богата сборомъ свѣдѣній, изъ разнородныхъ источниковъ почерпнутыхъ, и важна особенно извѣстіями документальными. Но въ этомъ трудѣ нѣтъ вѣрной изобразительности историческихъ лицъ, нѣтъ того живаго духа, которымъ проникнута исторія Руссовъ, написанная преосвященнымъ Конискимъ.

2. Нареканіе историковъ на гетмана Сагайдачнаго.

Относительно Сагайдачнаго, въ исторіи Малой Россіи насъ остановили особенно слѣдующія слова Бантышъ-Каменскаго (ч. I стр. 184): «Исторія, передавая знаменитые подвиги героевъ, не можетъ скрывать дѣяній, помрачившихъ ихъ славу. Конашевичъ обнажилъ въ 1618-мъ году мечъ свой противъ соотечественниковъ: обратилъ въ пепелъ Елецъ, Ливны и другіе пограничные города Россійскіе; вспомоществовалъ, съ двадцатью тысячами козаковъ, Польскому королевичу Владиславу въ Московской осадѣ; опустошилъ окрестности сего города, Коломны, Переяславля-Залѣскаго, Калуги. Онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ для личныхъ выгодъ, желая удержать за собою гетманство, пріобрѣлъ довѣріе правительства Польскаго, и справедливую укоризну отъ потомства».

Укоризна благовидная, однако не бывалая въ потомствѣ и составляющая только личное мнѣніе историка. Но подобныя обвиненія, мнѣ кажется, въ исторіи Малороссіи могутъ начинаться только *съ 1654 года*: когда Богданъ Хмельницкій освобожденную имъ Украйну присоединилъ къ Московскому престолу Переяславскою присягою 8-го января,—когда Запорожское войско назвалось войскомъ *Его Царскаго Величества*; —когда вслѣдъ за тѣмъ и митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, съ подвластнымъ ему Кіевскимъ духовенствомъ рѣшился перейти въ подданство Россіи. Такимъ образомъ историкъ имѣлъ право налагать свои укоризны уже—на Ивана *Выговскаго*, такъ лукаво обманувшаго Москву,—на *Юрія Хмель-*

ниченка, такъ малодушно измѣнившаго своей присягѣ,—особенно же на *Мазепу,* такъ предательски измѣнившаго и великому царю, и народу своему; за что и народная пѣсня говоритъ ему въ укоръ:

Мазепо гетмане, изрядливый Пане!
Злее починаешъ, зъ Шведомъ накладаешъ!....
«И на царя Восточнаго руки пôдôймаешъ!....»

Но тогда, какъ Сагайдачный ходилъ на Москву, вспомоществуя королевичу Владиславу, было иное время и другой порядокъ вещей: тогда Польша не оставляла еще своего притязанія на невозвратный для Владислава Московскій престолъ, не смотря на то, что на немъ уже и царствовалъ избранникъ Михаилъ, тогда Украйна принадлежала еще къ составу Рѣчи Посполитой, и Запорожское войско именовалось еще войскомъ *Его Королевской Милости;* тогда Москва и козацкое Запорожье, возникшіе розно во время удѣльнаго разъединенія Руси и Татарскаго надъ нею ига,—считались еще чуждыми другъ для друга, не смотря на единство рода и вѣры. «Не оскорбляйтесь, что не видѣли очей Его Царскаго Величества. Вы пришли къ Москвѣ передъ постомъ, а въ постъ у великаго государя нашего *никакіе послы* и *иноземцы* не бываютъ». [1]) Такъ говорилъ князь Пожарскій въ 1620 году козакамъ, посланнымъ отъ Сагайдачнаго къ царю Михаилу.

Память потомства такъ добра, что даже прославляетъ имя доблестнаго князя Курбскаго, какъ бы забывая, что онъ воевалъ противъ Москвы и съ ея противниками.—А потому помощію, которую королевичу Владиславу оказалъ Запорожскій гетманъ еще до присоединенія Украйны къ Москвѣ, не помрачаетъ его славы. Въ противномъ случаѣ исторія должна бы помрачить и славу доблестныхъ князей Острожскихъ, воевавшихъ противъ Москвы, должна бы непрестанно осыпать укоризнами и всѣхъ Русскихъ князей, воевавшихъ другъ противъ друга во время удѣльнаго *разъединенія* Руси. Но борьба Западной или Литовской Руси съ Восточною или Московскою Русью была уже докончаніемъ древней удѣльной борьбы: и нашествіе Сагайдачнаго было послѣднимъ ея отзы-

[1]) См. Исторію М. Р. Ч. I. прим. 131.

вомъ. Съ утвержденіемъ Романовыхъ на Московскомъ престолѣ начался новый порядокъ для всей Русц; настала пора ея *возсоединенія*..... И Сагайдачный не преминулъ въ началѣ 1620 года обратиться къ Московскому царю съ своимъ посольствомъ и грамотою, предлагая свои услуги; и Московскій царь отвѣтствовалъ гетману дарами и похвальною грамотою. [1]) Вотъ первое начало того сближенія Украйны съ Москвою, обновленною воцареніемъ Романовыхъ, которое потомъ Богданъ Хмельницкій, начавъ такими же сношеніями, какъ Сагайдачный, довершилъ успѣшнѣе.—Что касается до внутреннихъ побужденій, которыми Запорожскій гетманъ былъ подвинутъ на помощь *обыденному* царю, королевичу Владиславу; то они несправедливо истолкованы Бантышъ-Каменскимъ: будто Сагайдачный дѣйствовалъ такъ изъ *личныхъ выгодъ, желая удержать за собою гетманство!*.... Если сей *великій защитникъ православія* и пріобрѣлъ чрезъ то довѣріе Польскаго правительства, то не для своеличныхъ выгодъ, и не для удержанія за собою гетманства. — Довѣріемъ Польскаго правительства гетманства удержать было нельзя: оно зависѣло отъ него самаго и отъ козаковъ. Десятки гетмановъ, довѣренныхъ у Польскаго правительства и отъ него поставленныхъ, были прогнаны или убиты козаками. Не разъ они отрѣшали отъ гетманства и самаго Сагайдачнаго за его суровость, но безъ него они не могли обойтись, и опять избирали его себѣ главою.

Сагайдачный не боялся утратить своего гетманства, вмѣстѣ съ довѣріемъ Польскаго правительства, когда вслѣдъ за своими сношеніями съ Москвой рѣшился, безъ дозволенія королевскаго, воспользоваться пребываніемъ въ Кіевѣ патріарха Ѳеофана, и возобновить православную здѣсь митрополію. И вотъ «по его убѣдительной просьбѣ» въ самый день Успенія, въ Печерской церкви, Іерусалимскій патріархъ посвящаетъ Іова Борецкаго въ Кіевскіе митрополиты, и шесть православныхъ епископовъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ радостныхъ и торжественныхъ дней для Кіевской Руси, 25 лѣтъ

[1]) См. грамоту сію 1622 г. 21 апрѣля въ Собраніи Госуд. грам. и Договоровъ Т. III.

не имѣвшей у себя православнаго митрополита! Извѣстно, какъ противно было сіе посвященіе для правительства Польскаго, и какъ оно поступило съ епископами посвященными въ Кіевѣ 15-го августа. — Въ октябрѣ того же года Сагайдачный ѣхалъ уже въ Варшаву, но не для отвѣта и казни за свой подвигъ православія; его звали на сеймъ, на совѣтъ военный. Безъ козацкаго гетмана, Польша потерпѣла сильное пораженіе отъ Турокъ подъ Цецорою, и сбиралась всѣми силами своими на Хотинское дѣло. Безъ козацкаго гетмана ей нельзя было обойтись.

Когда Сагайдачный былъ въ Варшавѣ у короля—говоритъ Червоно-Русская лѣтопись, король сказалъ: «Я посылаю сына и поручаю его тебѣ». Послѣ во Львовѣ, когда король, выѣзжая изъ города, выходилъ изъ архіепископскаго дома, а Сагайдачный стоялъ у воротъ, король ему поклонился и сказалъ: посылаю сына и поручаю его тебѣ! Сагайдачный положилъ королевичеву руку на голову, и, призвавши на помощь Господа Бога, сказалъ: «я съ вами смѣло пойду противъ нашихъ непріятелей»! Съ помощію Бога, и чрезъ усердіе козаковъ такъ сдѣлалось.

Таковъ былъ Сагайдачный. Ему ли было заискивать довѣріе у Польши изъ личныхъ выгодъ для удержанія гетманства? Онъ воевалъ своимъ оружіемъ за Польшу, какъ козакъ и какъ подданный короля; но не Польшѣ посвящена была душа его. Послѣ Хотинскаго дѣла онъ опять возвращается въ Кіевъ для подвиговъ православія и просвѣщенія, возобновляетъ своимъ иждивеніемъ Богоявленское братство; и въ немъ кончаетъ славную жизнь свою смиреннымъ братомъ.

Бантышъ - Каменскій, въ нареканіи на Сагайдачнаго, ссылается на исторію Энгеля. Но Энгель не потомство, и не его иноплеменной душѣ было проникать въ тайныя побужденія великаго гетмана! Вникая въ характеръ Сагайдачнаго, можно думать, что онъ, содѣйствуя Владиславу возсѣсть на престолѣ Московскомъ (который во все время гетманства его былъ обуреваемъ чрезвычайными смутами, съ прекращеніемъ древней династіи происшедшими), замышлялъ уже о томъ, чего достигъ Хмельницкій другимъ путемъ, т. е. сое-

диненіи Украйны съ единовѣрною Москвою. При томъ Сагайдачный конечно зналъ, почему такъ старался для юнаго королевича: признательный къ нему и благосклонный къ козакамъ, Владиславъ, будучи Польскимъ королемъ, много способствовалъ Петру Могилѣ къ возстановленію православія; да и самаго Хмельницкаго не Владиславъ ли рѣшилъ на возстаніе противу Польши, говорившй и писавши къ козакамъ: «когда вы есте воины добрые и саблю при боку имѣете, что же вамъ за себя постоять запрещаетъ?» Таково было тогда положеніе дѣлъ, что и самъ Польскій король согласенъ былъ на возстаніе козаковъ противъ Польши! Съ другой стороны и прежнія отношенія самой Москвы были еще таковы, что она долго не могла принять въ подданство свое Запорожскихъ козаковъ, издавна желавшихъ присоединиться къ единовѣрной имъ Московской Руси. Къ устроенію сего важнаго дѣла Москва не прежде рѣшилась приступить, какъ въ 1653 году, послѣ неоднократнаго о томъ обращенія къ царю Алексѣю Михайловичу отъ Богдана Хмельницкаго, который, хотя шесть лѣтъ уже властвовалъ самъ собою на освобожденной имъ Украйнѣ, но на Переяславской радѣ говорилъ козакамъ: «шесть лѣтъ живемъ безъ пана въ нашей землѣ и видимъ, что нельзя намъ жить болѣ безъ царя, и православнаго, Великія Росіи царя восточнаго себѣ за царя и пана просимъ,—и кромѣ его царскія высокія руки благодатнѣйшаго пристанища не обрящемъ.»

3. О родѣ гетмана Сагайдачнаго.

Въ исторіи Бантышъ-Каменскаго сказаніе о Сагайдачномъ начинается слѣдующею его характеристикою: «низкій происхожденіемъ, но великій духомъ, ума чрезвычайнаго, храбрый, добрый, проворный, малорѣчивый, врагъ роскоши, нрава жестокаго, неистоваго, проливавшій кровь за малѣйшее преступленіе, неумѣренный въ чувственныхъ наслажденіяхъ, ускорившихъ смерть его.»

Дѣло извѣстное, что наслажденій чувственныхъ не были чужды многіе герои, которыхъ прославляетъ исторія какъ

великихъ людей. Но я не знаю, должна ли наша исторія включить въ характеристику Сагайдачнаго сомнительное извѣстіе о неумѣрённой его чувственности, будто ускорившей смерть его? Сарницкій заставляетъ Сагайдачнаго и умереть отъ любострастной болѣзни преждевременно, въ 1620 году. Но чувство исторической истины оскорбляется такою явною ложью; и нашей исторіи не для чего заслушиваться того, что могла придумать клевета на *великаго защитника православія.* Память Хмельницкаго священна для всей Руси, и Южной и Сѣверной: но историки Польскіе смотрѣли на него не тѣми глазами; а Чарнецкій не пощадилъ даже и праха его и, разоряя Суботово, наругался надъ костями Богдановыми. Что касается до низкаго происхожденія Сагайдачнаго, то показаніе о семъ также основано, кажется, на позднѣйшихъ и недостовѣрныхъ сказаніяхъ. По крайней мѣрѣ мнѣ встрѣтилось другое, болѣе опредѣлительное и вѣрное извѣстіе, что Сагайдачный былъ уроженецъ и дворянинъ изъ *Самбора.* Это извѣстіе потому вѣрнѣе, что оно находится въ современныхъ Сагайдачному запискахъ [1]), веденныхъ съ 1620 по 1671 годъ на Польскомъ языкѣ, дворяниномъ Кіевскаго воеводства Якимомъ Олизаровымъ сыномъ *Ерличемъ.*

Подъ 1620 годомъ Ерличъ, говоря о сеймѣ, бывшемъ тогда въ Варшавѣ по случаю сбора на Хотинское дѣло, пишетъ о Сагайдачномъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Войска отъ Польши было около 70,000, кромѣ Запорожскихъ молодцевъ козаковъ, которыхъ могло быть 40,000; надъ ними гетманомъ поставленъ былъ человѣкъ въ военномъ дѣлѣ опытный, справца великій и добрый, Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, на котораго много полагались въ совѣтѣ, который былъ не простаго рода, но шляхтичъ изъ Самбора, который всѣ тѣ военныя тягости несъ на себѣ, а также и во всемъ давалъ совѣтъ, и какъ онъ совѣтовалъ, на то соглашались ихъ милость паны гетманы и королевичъ его милость».

---

[1]) Объ этихъ запискахъ, названны ъ въ подлинникѣ *лѣтописцемъ*, упоминалъ уже митрополитъ Евгеній въ описаніи Кіево-Софійскаго собора, на стр. 171.

4. О смерти Сагайдачнаго.

Хотя въ Малороссійскихъ лѣтописяхъ опредѣлительно сказано, что Сагайдачный скончался *въ Кіевѣ 1622 года* на проводной недѣлѣ, однако нѣкоторыя ускоряютъ кончину его. Такъ вышеупомянутая Червонорусская лѣтопись, говоря подъ 1620 годомъ о битвѣ Хотинской, прибавляетъ о Сагайдачномъ: «Здѣсь его застрѣлили, а въ Кіевѣ лежитъ его тѣло». Здѣсь двойная ошибка лѣтописца: ускорено цѣлымъ годомъ Хотинское дѣло, происходившее въ сентябрѣ 1621 года; ускорена смерть Сагайдачнаго, который послѣ Хотинскаго дѣла жилъ еще полгода.

Не смотря на то Эвецкій, напечатавшій (въ Телескопѣ) отрывки изъ сей лѣтописи, съ собственными на нее примѣчаніями, далъ излишнюю вѣру словамъ ея о смерти Сагайдачнаго, и говоритъ вотъ что: «нашъ лѣтописецъ убиваетъ Сагайдачнаго на войнѣ и показаніе его, современника, важное во всякомъ случаѣ, тѣмъ болѣе еще важно, что онъ именно оговариваетъ, что тѣло Сагайдачнаго лежитъ въ Кіевѣ. Какъ хотите, трудно повѣрить, чтобы мужественный, неукротимый, чувственный Сагайдачный захотѣлъ постричься; и пока это не будетъ дѣйствительно доказано, до тѣхъ поръ, ни Кіево-Братскому, ни какому въ свѣтѣ монастырю мы не уступимъ Сагайдачнаго, и лучше застрѣлимъ его подъ Хотиномъ. Это внутреннее убѣжденіе мы считаемъ нашею свѣтлою мыслію и твердо увѣрены, что тѣнь Сагайдачнаго намъ благодарна». Эвецкій смотритъ на Сагайдачнаго только съ воинской и притомъ чувственной стороны, и воображаетъ его себѣ такимъ воиномъ, который и умереть долженъ не иначе какъ на бранномъ полѣ, отъ пули непріятельской; эту свою мысль Эвецкій считаетъ свѣтлою мыслію, потому-то такъ полюбилось ему и показалось важнымъ ошибочное показаніе Червоно-Русскаго лѣтописца. Этотъ лѣтописецъ могъ вѣрно пересказать о встрѣчѣ Сагайдачнаго съ Жигимонтомъ и Владиславомъ во Львовѣ; ибо разсказъ объ этой встрѣчѣ могъ сохраняться въ городѣ долгое время безъ искаженія, равно какъ и то извѣстіе, что Сагайдачный погребенъ въ Кіевѣ.

Но показаніе лѣтописца объ убіеніи Сагайдачнаго подъ Хотинымъ, противурѣчащее другимъ о томъ же извѣстіямъ, не слѣдовало принимать такъ торопливо за несомнѣнное показаніе современника. Самъ Эвецкій приводитъ слова этого современника, что онъ въ 1621 году только что «ся учити почалъ въ Межибожу у дяка Дмитра Щирецкаго». Слѣдственно, о происшествіяхъ Хотинскихъ онъ писалъ уже впослѣдствіи, по слухамъ, въ которыхъ утратилась хронологическая точность, и событія перемѣшались. Потому-то о встрѣчѣ во Львовѣ и о Хотинскомъ дѣлѣ онъ говоритъ подъ 1620 годомъ вмѣсто 1621 г.; потому и смерть одного гетмана перенесена имъ на другаго. Во время Хотинскаго дѣла (скажемъ словами Ерлича) «Сентября 24 дня панъ гетманъ великій умеръ въ два часа пополудни въ замкѣ Хотинскомъ». Смерть Литовскаго гетмана (Ходкевича) очень могла потомъ быть обращена на смерть козацкаго гетмана, который для народа былъ *гетманъ* по преимуществу,—и тѣмъ болѣе могло это статься, что, по сказанію нѣкоторыхъ лѣтописей (упоминаемыхъ Срезневскимъ), Сагайдачный былъ подъ Хотиномъ сильно раненъ. Какъ бы впрочемъ не произошла ошибка Червонорусскаго лѣтописца о смерти Сагайдачнаго, Эвецкій еще усилилъ эту ошибку своею критикою. Онъ «твердо увѣренъ, что тѣнь Сагайдачнаго ему благодарна» за что же?—за то что Эвецкій рѣшился застрѣлить его подъ Хотиномъ, и такимъ образомъ отнять у Сагайдачнаго *полгода* жизни, ознаменованное прекраснѣйшими подвигами?... Но Эвецкій конечно отречется отъ напрасной увѣренности въ свѣтлости своей мысли, когда мы укажемъ на свидѣтельства о смерти Сагайдачнаго въ полной мѣрѣ современныя и достовѣрныя.

1. Въ Кіево-Братскомъ монастырѣ хранится большой золочено-серебряный ручной крестъ, обсаженный девятью камнями; съ передней стороны его внизу означено: вѣса въ немъ два фунта 16 лотовъ и 1 золотникъ; а на другой сторонѣ на рукояткѣ надпись старинная: Року 1622 далъ сей крестъ рабъ Божи Петръ Конашевичъ Сагайдачный, гетманъ войска Его К. М. Запороского до церкви святого Бого-

явления Господня в домъ братски на отпущение грѣховъ своихъ».

2. Въ старомъ помянникѣ Кіево-Михайловскаго монастыря, писанномъ въ 16 и первой половинѣ 17 вѣка (въ 4 д. л.) есть слѣдующая современная замѣтка о кончинѣ Сагайдачнаго (написанная киноварью на 98 листѣ):

«Року 1622, априля 10 дня благочестивый мужъ панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, гетманъ войска Его К. М. Запорозкого, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложи своемъ простеръ нозѣ свои, приложися къ отцемъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни в Кіеве. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте на Подолѣ честно, въ домоу Братства церковного».

«Помяни Господи души рабъ своихъ: Петра, Конона, Елисея, Якова, Германа». [1])

3. Есть и печатное современное доказательство о смерти гетмана: стихи или *вѣрше* на погребеніе Запорозскаго гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, сочиненные тогдашнимъ игуменомъ и ректоромъ Богоявленскаго Братства Кассіаномъ Саковичемъ, и напечатанные того же 1622 года въ Кіевопечерской Лаврѣ; но мнѣ не удалось найти этого рѣдкаго изданія.

Къ сожалѣнію не осталось надгробной надписи надъ могилою Сагайдачнаго, и мы только по преданію знаемъ, что онъ погребенъ за олтаремъ Братской церкви, около того мѣста, гдѣ лежитъ теперь надгробный камень знаменитаго странника нашего Григоровича.

5. Объ иночествѣ гетмана Сагайдачнаго.

Эвецкій представляетъ себѣ Сагайдачнаго такимъ *чувственнымъ* человѣкомъ, что ему невѣроятнымъ кажется, чтобы гетманъ *захотѣлъ постричься* въ монахи. Зачѣмъ же

[1]) *Имя Конона* принадлежало безъ сомнѣнія отцу гетмана. Но кому изъ рода его принадлежали имена, приписанныя послѣ, не знаю. Изъ имѣющагося у меня акта о завѣщаніи Сагайдачнаго видно, что послѣ него осталась только *жена*, а о сыновьяхъ ничего не сказано.

такое невѣріе въ мозможность преобразиться чувственному человѣку въ духовнаго, особливо въ предсмертный часъ своей жизни! Для такого преображенія нѣтъ ни психической невозможности, ни историческаго противорѣчія. Изъ нашей исторіи видно, что Русскіе князья и бояре прежнихъ временъ часто оканчивали жизнь въ монашествѣ и схимѣ. Ольгердъ былъ язычникъ; но и тотъ не отрекся принять передъ смертью своею христіанство и схиму. Читайте старинныя поминанія князей Острожскихъ, Четвертинскихъ, Черторижскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ, Сангушковъ, Олельковичей, Голшанскихъ... во всѣхъ этихъ и другихъ Западнорусскихъ родахъ вамъ непрестанно будутъ встрѣчаться иноки и схимники, инокини и схимницы; та же наклонность къ иночеству велась и въ козачествѣ Украинскомъ не только между старшинами, но и между простою Запорожскою братіей. Безграничная, буйная воля часто становилась въ тягость, и сѣчевые удальцы, для которыхъ и въ Запорожскомъ братствѣ первымъ условіемъ была православная вѣра, шли въ монастыри, особливо въ Межигорскій и Терехтемировскій, и тамъ въ строгомъ послушаніи смиряли свою душу и доканчивали жизнь. Надобно ли подтвердить примѣрами сказанное мною? Въ 16 вѣкѣ можно указать на гетмана Шаха, который свою жизнь кончилъ инокомъ Каневскаго монастыря. Изъ 17-го вѣка укажу на родъ Богдана Хмельницкаго: извѣстно, что сынъ его Юрій— это игралище судьбы, послѣ двухкратнаго гетманства былъ архимандритомъ *Гедеономъ;* памятная по исторіи Богданова жена также подъ конецъ жизни была инокинею *Анастасіею* [1]). Мать гетмана Мазепы была также инокинею и схимницею. А Михайло Вуяхевичъ.... 1690 году 16-го ноября лаврская братія избрала единогласно себѣ въ настоятели сего войсковаго судью, и онъ 9-го декабря былъ уже Печерскимъ архимандритомъ *Мелетіемъ,* пройдя быстро и постриженіе, и постепенное посвященіе въ діаконы и священники. Изъ прошлаго столѣтія можно привести много примѣровъ, подобныхъ

---

[1]) Объ этомъ узналъ я изъ лаврскихъ помянниковъ и особенно изъ находящагося при Воздвиженской церкви Антоніевой пещеры, гдѣ написано: родъ *инокини Анастасіи,* бывшей гетмановой Хмельницкой, которая пострижена въ року 1671.

Симеону Петриковскому, который сперва служилъ полковымъ Лубенскимъ писаремъ, потомъ былъ Брянскимъ архимандритомъ *Силуаномъ*. Мы здѣсь вспомянемъ только о Запорожскомъ сотникѣ Максимѣ Желѣзнякѣ. Оставивъ Запорожье, онъ находился въ числѣ послушниковъ Медвѣдовскаго Никольскаго монастыря, (на р. Тясминѣ), и уже готовился принять иноческій чинъ; — но произведенное въ 1768 году насиліе православію вызвало Желѣзняка изъ мирной обители и обратило на тотъ страшный подвигъ, который памятенъ подъ именемъ *Коливщины* [1]). Вообще въ прежнія времена козачество и монашество вовсе не были такими взаимно розными и чуждыми сферами жизни, чтобы Запорожскому гетману не захотѣть постричься, какъ думаетъ Эвецкій. Особливо Сагайдачный могъ это сдѣлать, и тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время жизни своей онъ преимущественно преданъ былъ подвигамъ благочестія и просвѣщенія христіанскаго. Но дѣйствительно ли онъ принялъ монашескій чинъ передъ своею кончиною? Это другой вопросъ, — и я согласенъ съ Эвецкимъ, что на это нѣтъ доказательствъ несомнѣнныхъ. Объ иночествѣ Сагайдачнаго мы говорили доселѣ, полагаясь только на исторію Бантышъ-Каменскаго, а онъ это извѣстіе заимствовалъ, кажется, только изъ Энгеля. Но судя потому, что въ болѣе достовѣрныхъ и въ современныхъ Сагайдачному свидѣтельствахъ ничего не упоминается объ его иночествѣ, я думаю, что славный гетманъ скончался въ Кіевскомъ братствѣ только смиреннымъ братомъ онаго, а въ монахи не постригался.

6. О народной пѣснѣ про Сагайдачнаго, относящейся не къ гетману Петру.

Къ сожалѣнію, между народными Украинскими пѣснями не встрѣтилось еще ни одной про знаменитаго гетмана. Что

[1]) Сіе послѣднее возстаніе Украинцевъ на Поляковъ, за утѣсненіе православной вѣры, происходило въ 1768 (а не въ 1770 году, какъ означено въ моемъ изданіи Украинскихъ народныхъ пѣсенъ. М. 1834 г. по ошибкѣ историка, бывшаго тогда у меня подъ рукою). Подробное сказаніе о Коливщинѣ, написанное мною 1839 г. остается въ рукописи.

же касается до удалой запорожской пѣсни, въ которой воспѣвается тотъ Сагайдачный,

Счо промѣнявъ жȏнку
На тютюнъ да люльку
Необачный!

то она очевидно относится не къ гетману Петру. Самый складъ ея показываетъ, что она не изъ его временъ; а представленный въ ней гетманъ Дорошенко опредѣляетъ ея время и того удалаго запорожца, про котораго она сложена. На него я указалъ еще въ первомъ изданіи Мало-Россійскихъ пѣсенъ 1827 года.

Не смотря на то, издатель Запорожской Старины, эту пѣсню относитъ именно къ гетману Сагайдачному, а въ Дорошенкѣ видитъ не гетмана Петра, а дѣда его Михайла, бывшаго гетманомъ въ 1625 году. Предлагая эту пѣсню, Срезневскій говоритъ (З. С. Ч. III стр. 106): «Отрывокъ изъ пѣсни о подвигахъ Сагайдачнаго можетъ отчасти показать мнѣніе козаковъ и отношеніе, въ какомъ онъ находился къ нимъ».

Какое же мнѣніе козаковъ о Сагайдачномъ, и какое его отношеніе къ нимъ показываетъ эта пѣсня — полная, а не отрывокъ?.... Такое толкованіе этой пѣсни показываетъ, что Срезневскій вообразилъ себѣ гетмана Сагайдачнаго самымъ отчаяннымъ запорожцемъ, на подобіе гетмана Карпа Полторакожуха, похороненнаго козаками въ горѣлочной бочкѣ. Но и тотъ *сѣромаха* искалъ въ винѣ веселаго забытья съ тоски отъ неудачи семейной, и ласкаясь къ чернобровой шинкаркѣ, говорилъ:

«Ой е въ мене жȏнка и диточокъ двое,
Да не пригортаються, серденько мое.

Судя потому, *за что* и *какъ* народная пѣсня славитъ «Наливайка — шановного пана» и другихъ своихъ героевъ, менѣе значительныхъ, — можно утвердительно сказать, что она не такъ бы изобразила и не тѣмъ бы помянула величаваго гетмана, оплаканнаго плачемъ Запорожскаго войска и всѣхъ православныхъ».

Срезневскій, упомянувъ, что я эту пѣсню отношу къ спутнику гетмана Дорошенка, Грицку Сагайдачному, возра-

жаетъ такъ: «можетъ быть и правда; но доказательства? И почему же о спутникѣ Дорошенка народъ, сколько мнѣ извѣстно, не знаетъ ничего, какъ между тѣмъ гетманъ Сагайдачный упоминается и въ сказкахъ, хотя и жилъ прежде Дорошенка? Помня Дорошенка, народъ, конечно, помнилъ бы и его спутника, если сложилъ о немъ пѣсню».

На это я замѣчу, что въ то время, когда сложена была пѣсня объ удаломъ Дорошенковомъ спутникѣ, онъ безъ сомнѣнія извѣстенъ былъ въ народѣ. Но теперь народъ поминаетъ въ пѣснѣ его имя, самъ не зная, кому оно принадлежало; да и про Дорошенка онъ едва помнитъ и знаетъ только, что это былъ славный гетманъ; а почему онъ такъ славенъ и почему сильнѣе многихъ другихъ гетмановъ запечатлѣлся въ народной памяти, того не объясняютъ и наши историки. Если Срезневскій не знаетъ о Грицкѣ Сагайдачномъ, Дорошенковомъ спутникѣ, и хочетъ доказательствъ, что пѣсня относится къ нему, то доказательства находятся въ самой пѣснѣ. На одно изъ нихъ я уже указалъ: не такъ бы отозвалась она о знаменитомъ гетманѣ! Далѣе: въ пѣснѣ представлено, что впереди Дорошенко ведетъ свое войско Запорожское; по срединѣ панъ Хорунжій; а за ними—Сагайдачный. Очевидно, что *свое Запорожское войско* могъ вести только гетманъ или вождь Запорожскаго войска, слѣдственно въ пѣснѣ представленъ гетманъ Петръ Дорошенко, а не дѣдъ его. Такимъ образомъ и Сагайдачный, шедшій назади Дорошенковаго войска, былъ современникъ Петра Дорошенка; это могъ быть внукъ и даже правнукъ гетмана, а не самъ онъ. Срезневскій ссылается на одну пѣсню, гдѣ порядокъ козацкаго войска представленъ: впереди реэстровые, за ними хорунжіе, а позади куренные. Чтожъ изъ этого? Грицко Сагайдачный вѣроятно и былъ куреннымъ атаманомъ въ то время, когда, идучи за Дорошенкомъ съ своими куренными молодцами, говорилъ:

«Менѣ зъ жӧнкою не возиться,
А тютюнъ да люлька
Козаку въ дорозѣ
Знадобиться!..»

Но у Срезневскаго выходитъ обратный порядокъ. Гетманъ, идущій передъ своимъ войскомъ, является въ званіи Бунчужнаго, которое, по мнѣнію Срезневскаго, могло принадлежать тогда Михаилу Дорошенку; а воображаемый гетманъ Сагайдачный является въ заднихъ рядахъ войска, въ ватагѣ сѣчевыхъ удальцовъ. Но если войсковой порядокъ объяснять уже изъ пѣсенъ, то въ нихъ гетманъ или военачальникъ представляется всегда впереди своего войска, какъ въ этой пѣснѣ представленъ гетманъ Петръ Дорошенко.

Для убѣжденія въ томъ можно взглянуть на пѣсни—о Сулимѣ (1633), о походѣ Богдана Хмельницкаго въ Молдавію (1649), объ Иванѣ Коновченкѣ (1684), о сотникѣ Харькѣ (1766).

1) Сборъ Сулимы въ походъ на Поляковъ 1633 г. представленъ такъ:

«Отъ и выйшли гайдамаки, хочъ тысяча й двѣсти,
Да багацько да за ними зведеться корысти.

Попереду панъ Сулима, атаманъ Кошовый
Чогожъ жаху завдавати, якъ вôнъ чорнобривый!»

Дѣло естественное; но для доказательства, приведу слѣдующіе примѣры: 2) начало о походѣ на Поляковъ въ 1637 году: (Укр. П. Ч. I. стр. 27).

«Ой пôшли козаки на чотыри поля;
Счо на чотыри поля, а на пяте на Подолье.
Счо однимъ полемъ, то пôшовъ Самко Мушкетъ!
А за паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи,
Усе хоробрыи товариши Запорозьци
На కоникахъ вигравають, шабельками блискають, у бубны ударяють,
Богови молитвы посылають, хресты покладають.

Такимъ же образомъ представленъ и Хмельницкій въ походѣ на Молдавію 1649 г.

«Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе повѣвае
Вôйсько Хмельницкого въ походъ виступае:

Тôльки Богъ Святый знае,
Счо Хмельницкій думае-гадае!...

Черезъ три перевозы переправу мали:
Самъ Хмельницкій напередъ всѣхъ рушавъ.

Вотъ отрывокъ изъ думы объ удаломъ Иванѣ Коновченкѣ (1684 г.):

«Перва сотня наступае,
Вдова сына не видае.
Друга сотня вступа, самъ Хорунжій попереду иде.

Наконецъ приведу начало пѣсни о сотникѣ *Харькѣ*, относящейся къ 1766 году.

«Ѣхавъ сотникъ чрезъ Уленикъ, горѣлки напився:
За нимъ, за нимъ сѣмсотъ молодцѣвъ:—стой, батьку! не журися!»

Срезневскій говоритъ, что ничего не узналъ въ народѣ о Грицкѣ Сагайдачномъ. Но объ немъ и справляться надо было въ письменныхъ памятникахъ, а не у современнаго намъ народа, который ничего не помнитъ о лицахъ гораздо важнѣйшихъ. Если же нужны историческія доказательства, что въ гетманство Дорошенка (дѣйствовавшаго съ 1665 по 1676 годъ) былъ Сагайдачный на Запорожьи и вѣроятно въ званіи куреннаго атамана, то я утвердительно повторю, что это именно былъ *Григорій Сагайдачный*, который въ 1687 году, будучи уже кошевымъ атаманомъ, предпринималъ возстаніе противъ новопоставленнаго гетмана Мазепы, взявъ сторону выбраннаго козаками въ Немировѣ гетмана Мигулы или Могилы [1]), и который получилъ царскую грамоту отъ 14 іюня 1688 г., отысканную въ Ж. М. Н. П. 1840 года кн. 4. Былъ ли этотъ Сагайдачный потомокъ гетмана Петра, не знаю.— Объ его родѣ нашелъ я слѣдующую современную ему *Опись* въ помянникѣ Антоніевой пещеры (на листѣ 182): «Родъ Григорія Сагайдачного атамана Запорозского Кошового. Помяни Господи: Іеремію, Василису, Іоанна, Іуліанію, Григорія». Но имена Іереміи, Іоанна не связываютъ сего рода съ выше приведеннымъ родомъ Петра Сагайдачнаго.

Срезневскій оказалъ значительную услугу собраніемъ народныхъ пѣсенъ; но отъ современнаго намъ народа напрасно онъ добивается историческихъ истолкованій о лицахъ и событіяхъ, упоминаемыхъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ. Народная память хранитъ эти пѣсни и преданія, какъ старая хартія, не понимающая, что на ней написано. Слишкомъ много полагается Срезневскій на бандуристовъ и стариковъ, которые,

---

[1]) См. Ист. М. Р. Бантышъ-Каменскаго, изд. 1-ое, ч. III, стр. 10; изд. 2-ое, ч. III, стр. 9.

по его мнѣнію, хорошо знаютъ старину, но которыхъ разсказы про старину въ самомъ дѣлѣ такъ состарѣлись, что выжили изъ смысла исторической истины и часто походятъ уже на дѣтскій лепетъ. [1])

---

[1]) Для оправданія словъ моихъ приведу слѣдующее мѣсто изъ Запорожской Старины (част. 2. отд. 2. стр. 122) «Но разъ мнѣ доставалось—говоритъ Срезневскій—слушать бандуристовъ и стариковъ, знающихъ старину, что у Богдана Хмельницкаго было *три сына,* или какъ они называли: Тимошъ, Юрій, или Юрась и *Иванъ* или *Ивашко.* Они прибавляли, что Юрій и Иванъ пережили отца и по смерти его оба желали быть гетманами. Это повело дѣло къ междоусобной войнѣ, которая продолжалось до тѣхъ поръ, пока Иванъ былъ убитъ.—Въ лѣтописяхъ (по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя мнѣ извѣстны) ничего объ этомъ нѣтъ; нѣтъ и въ дипломатическихъ актахъ, доселѣ изданныхъ —Но откуда же зашло это въ память бандуристовъ и стариковъ? Вѣрно не изъ воображенія. Во всякомъ случаѣ на этотъ пунктъ стоитъ обратить вниманіе. Я надѣялся найдти этому объясненіе въ народной думѣ о подвигахъ Юрія, до утвержденія его въ гетманскомъ достоинствѣ,—она должна кажется упоминать и объ этомъ; но эта дума осталась мнѣ извѣстною только въ отрывкахъ, самыхъ незначительныхъ».—Въ старинныхъ поминаніяхъ рода Хмельницкаго, между именами *Тимофея* и *Григорія* (т. е. Юрія) — есть имя *Ивана,* который могъ быть сыномъ Богдана. Но тотъ *Ивашко Хмельницкій,* про котораго разсказывали Срезневскому бандуристы, никто другой, какъ *Иванъ Выговскій,* воображеніемъ старческимъ усыновленный—Богдану; дѣло слишкомъ ясное и безъ дальнѣйшихъ разысканій!!

СКАЗАНІЕ О ГЕТМАНѢ ПЕТРѢ САГАЙДАЧНОМЪ. [1]

Несмертелнои славы достойный гетмане,
Твоя слава въ молчаню нѣкгды не зостане;
Поки Днѣпръ съ Днѣстромъ многорыбные плынути
Будутъ: поты дѣлности тежъ твои слынути.

Изъ книги виршъ 1622 г.

Послѣ Наливайка, сожженнаго на площади Варшавской 1597 года, на Украинѣ промелькнуло два или три козацкихъ гетмана, незамѣченныхъ бытописаніемъ. Таковъ былъ, напримѣръ, гетманъ *Гаврило Кортневичъ*, находившійся 1600 года [2]) въ землѣ Молдавской, гдѣ и Запорожцы, съ своимъ кошевымъ атаманомъ *Косткою*, помогали тогда Полякамъ противъ Волоховъ. Вслѣдъ за тѣмъ и Украинскіе и Запорожскіе козаки, своимъ участіемъ въ Шведской войнѣ и наѣздами на Лифляндію, оказали немалую услугу Польшѣ. При томъ же у Польши зачиналось большое дѣло съ Москвою; а потому не дивно, что козачеству въ 1601 году даровано было отъ короля прощеніе и возвращеніе разныхъ правъ и вольностей. Ободренные этимъ Запорожцы не замедлили выбрать себѣ гетмана, по стародавнему обычаю—вольными голосами, и выбрали *Петра Конашевича Сагайдачнаго*.

Сей достопамятный мужъ былъ родомъ изъ Подгорья Червонорускаго, сынъ Самборскаго шляхтича Конона или Конаша Сагайдачнаго. [3]) Образованіе свое получилъ онъ на

[1]) Кіевлянинъ 1850 стр. 151—183.

[2]) Объ немъ узналъ я изъ вкладной надписи, на рукописномъ Евангеліи, подаренномъ козаками 1660 года въ полковую Переяславскую Воскресенскую церковь, гдѣ находится оно понынѣ.

[3]) Въ поминаніи о гетманѣ Сагайдачномъ, въ старомъ Помянникѣ Михайловскаго монастыря, записано: «Помяни Господи души рабъ своихъ: Петра, Конона....» и проч. — Во второй половинѣ 17 вѣка извѣстенъ *Григорій Сагайдачный*, бывшій

Волыни, въ знаменитомъ училищѣ Острожскомъ, которое подъ исходъ 16-го столѣтія было средоточіемъ и разсадникомъ возрождавшагося просвѣщенія Южнорускаго. По окончаніи наукъ въ томъ училищѣ, Сагайдачный поступилъ на службу въ Запорожское войско; и тамъ, за свою *рыцарскую дѣльность*, почтенъ былъ отъ козачества выборомъ въ старшины, и наконецъ въ гетманы.

По слѣдамъ прежнихъ козацкихъ вождей, Сагайдачный съ своими запорожцами безпрестанно воевалъ Татаръ и Турковъ, на морѣ и сушѣ, и своими неотразимыми побѣдами грозно прославилъ свое имя. Въ длинномъ ряду тѣхъ побѣдъ, къ которому принадлежитъ и взятіе Варны въ 1605 году, [1]) особенно славилось взятіе города Кафы въ 1606 году [2]). Тамъ Сагайдачный погромилъ 14 тысячъ мусульманъ, перетопилъ

кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи. Безъ сомнѣнія къ нему, а не къ гетману Петру, относится извѣстная Запорожская пѣсня *о Сагайдачномъ*, «що проміняв жiнку, на тютюнъ да люльку.» Объ этомъ я подробно изъяснилъ г. Срезневскому, въ моей статьѣ *о гетманѣ Сагайдачномъ*, напечатанной въ Москвитянинѣ 1843 № 10. Тамъ я опровергалъ и другія недоумѣнія позднѣйшихъ писателей о нашемъ гетманѣ. А что онъ былъ *дворянскаго*, а не *низкаго происхожденія*, какъ написалъ въ исторіи своей Бантышъ-Каменскій, объ этомъ, кромѣ современника Ерлича, пишетъ и Величко въ своей лѣтописи.

[1]) Въ Галиціи сохранилась пѣсня на взятіе Варны, напечатанная въ *Днѣстровой Русалкѣ* и въ другихъ книгахъ. По всей вѣроятности въ ней говорится объ этомъ взятіи Варны, 1605 года, хотя и представлена въ ней старая королева, вызывающая козаковъ отмстить за ея сына *Варненчика*.

[2]) На рисункѣ заимствованномъ изъ книги *Вѣрши*, изображающемъ приступъ къ Кафѣ, и помѣщенномъ въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ въ Кіевлянинѣ 1850 г. находится слѣдующая подпись:

Кафу воевалъ . . . . Рок 1616.

За своего гетманства взял в Турцех мѣсто Кафу;
Аж и самъ цесар Турскій был в великом страху,
Бо му четырнадцать тисяч тамъ люду збилъ,
Катарги едины палил, другіи потопилъ.
Много тогды з неволѣ христіан свободил,
За што го Бог з воинством его благословил.
Бо за найбольшую нех собѣ нагороду
Почитает рыцер, кгды кого на свободу
Вызволит; за што грѣховъ собѣ отпущене
Одержит, а по смерти в небѣ вмѣщене.
Дознавал не поединкротъ Турчин поганин
Его мензства, и прудковенный Татарин.

Основываясь на этой надписи, М. А. Максимовичъ относилъ (въ 1850, въ настоящей статьѣ взятіе Кафы къ 1616 году, но изъ сообщенной имъ 1869 г. рукописной замѣтки, видно, что впослѣдствіи, сличивъ два экземпляра «Вѣршей», онъ убѣдился, что на томъ экземплярѣ, которымъ онъ первоначально пользовался, въ цифрѣ, означающей годъ 1616 знакъ ǀ былъ приписанъ впослѣдствіи другимъ почеркомъ и чернилом; потому онъ находилъ нужнымъ выставить годъ взятія Кафы — 1606., что и исполнено въ настоящемъ изданіи. Ред.

и пережегъ ихъ *катори* т. е. галеры, освободилъ множество плѣнныхъ христіанъ и навелъ страхъ на самого султана.

Запорожское товариство такъ охотно и неутомимо подвизалось въ тѣ времена на Черноморскомъ Югѣ не изъ одной добычи: его устремляло туда и освобожденіе христіанъ, томившихся тысячами въ плѣну мусульманскомъ, и

> ...«тая козацкая слава,
> Що по всёму свѣту дыбом стала,
> Що по всёму свѣту степом розляглась-простяглась,
> Да по всёму свѣту лугóвым гóмоном роздалась.
> Туреччинѣ да Татарщинѣ добрым лихом знати далась» [1]).

А между тѣмъ какъ Сагайдачный громилъ Татаръ и Турковъ Польша устремлялась и нападала на Московскую Русь, обуреваемую тогда смутами самозванствъ и междуцарствія. Гетманы Польскіе наводили на нее и Украинскихъ козаковъ; впрочемъ Москвѣ тогда было гораздо тяжелѣе отъ своего собственнаго, Великорусскаго козачества.

Въ томъ страшномъ безнарядьѣ Русской земли истомнная Москва провозгласила своимъ царемъ Польскаго ко- Владислава, въ августѣ 1610 года, и уже находилась въ распоряженіи Поляковъ. Но король Жигимонтъ III-й, захотѣвшій тутъ и себѣ власти, не съумѣлъ удержать Мономахова вѣнца за своимъ сыномъ, и простоялъ его подъ Смоленскомъ: народная вѣра и сила Великой Руси взяла верхъ надъ Польскимъ насиліемъ, освободила свою бѣлокаменную Москву, и въ ней воцарился юный Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ.

Пятый годъ уже царствовалъ на Москвѣ избранникъ народный, какъ Владиславъ собрался наконецъ явиться на Руси и взять вооруженною рукою утраченное для него царство. Въ ту пору и Сагайдачному довелось обнажить мечь на единовѣрную Москву. За это историкъ Бантышъ-Каменскій налагаетъ на славнаго гетмана «укоризны потомства». Но историку не должно забывать, что Кіевская Русь принадлежала тогда Польской коронѣ, и Запорожское войско звалось «войскомъ его королевской милости», что Сагайдачный

---

[1]) Изъ Украинской думы «походъ на Поляковъ 1637 г.» См. мой *сборникъ Украинскихъ пѣсенъ*, ч. I К. 1849, стр. 59.

шелъ на Москву не для себя, а въ помочь своему королевичу, все еще именовавшемуся царемъ Московскимъ. Притомъ-же, нашествія западной Руси на Восточную, со временъ Баторія, были уже принадлежностью роковой борьбы Польши съ Москвою, а не прежнею самопроизвольною усобицею разрозненныхъ частей Русскаго міра.

«Въ полѣ съѣзжаются, роднёй не считаются» говоритъ Русская пословица: и Сагайдачный, идучи войною къ Москвѣ, не могъ-же быть *фельдмаршаломъ мира*, — какъ называлъ себя впослѣдствіи знаменитый Украинецъ, любимецъ Елисаветы. [1]) Грозный гетманъ съ 20-тысячнымъ войскомъ выступилъ въ походъ весною 1618 года. Прежде всего онъ осадилъ и взялъ городъ Ливны, полонивъ и воеводу тамошняго, князя Никиту Черкаскаго. За тѣмъ взялъ онъ хитровоенными приступомъ городъ Елецъ, при чемъ воевода Андрей Полевъ, которому «осадное сидѣніе было не за обычай» [2]) былъ убитъ, а жена его досталась въ полонъ. Тутъ же добычею козацкою стало и Московское посольство въ Крымъ съ Степаномъ Хрущовымъ и подьячимъ Семенкою Бредихинымъ. Послѣ Ельца осажденъ былъ жестокими приступами городъ Михайловъ, при чемъ Михайловцы не щадили своихъ головъ.

На встрѣчу Сагайдачному отряжены были царемъ Михаиломъ, изъ Пафнутьева монастыря къ Серпухову, князья: Дмитрій Пожарскій, освободитель Москвы, и Григорій Волконскій. Но въ ихъ неустроенномъ войскѣ произошло разладье и волненіе, и козаки ихъ пустились на грабежъ; князь Пожарскій сильно заболѣлъ, и по приказу царскому воротился въ Москву; а Сагайдачный, осиливъ Москвитянъ при переправѣ черезъ Оку, приближался къ Москвѣ тихо и безпрепятственно, по Каширской дорогѣ. Когда передовые отряды его показались у Донскаго монастыря, бояре выступили изъ Москвы со всею ратью; но «грѣхъ ради нашихъ»—говоритъ лѣтопись—«ужасть ихъ взя, и они бою не поставиша». Запо-

---

[1]) Генералъ-фельдмаршалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

[2]) Описаніе Московскаго похода взято мною изъ «*Лѣтописи* о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей». Спб. 1772. въ 8.

рожское войско прошло спокойно мимо Москвы къ королевичу, стоявшему въ семи верстахъ отъ столицы.

Тогда Владиславъ отрядилъ своего полковника Чаплинскаго къ Переяславлю-Залѣскому; но тотъ безъ удачи нападалъ на Троицкую Лавру, и черезъ день или два былъ убитъ отъ Троицкихъ служекъ. Осада Москвы поручена была королевичемъ гетману Сагайдачному, и для приступа назначена была ночь подъ праздникъ Покрова. Два перебѣжчика «Французскіе Нѣмцы» предъувѣдомили объ этомъ Москву; и она поспѣшно укрѣпилась у всѣхъ воротъ. Судьба ея была въ опасности; ибо войско въ ней было малочисленно. Къ полуночи Сагайдачный со всѣмъ своимъ войскомъ былъ уже у Арбатскихъ воротъ; и уже выломаны были петардою ворота Острожныя. Но при первой стычкѣ съ Москвитянами, гетманъ прекратилъ осаду.... Отъ чего же? Отъ того, я думаю, что осада Москвы была ему не по мысли; въ противномъ случаѣ, какъ ни любилъ онъ сберегать своихъ козаковъ, и какъ ни силенъ могъ быть первый отпоръ ему отъ Москвитянъ, но, привыкшій къ побѣдамъ и взятію городовъ, имѣя у себя подъ рукою надежное и многочисленное войско, грозный гетманъ не покинулъ бы такъ скоро начатаго дѣла. Его козацкое сердце могло смутиться отъ той мысли, что онъ началъ крушить единовѣрную ему Русскую столицу для того, чтобъ отдать ее въ руки иновѣрца.... И можетъ быть такое раздумье пришло къ нему въ тотъ самый часъ, когда Москва звономъ колоколовъ своихъ позвала православный народъ къ заутренѣ на праздникъ Покрова, и руки осаждавшихъ ее козаковъ невольно поднялись на крестное знаменье. Въ тотъ часъ благочестивый гетманъ, уже исполнивъ свой подданическій долгъ взятіемъ меньшихъ городовъ и приступомъ къ самой столицѣ, могъ безукоризненно отойти отъ молящейся Москвы.... Впрочемъ это мое личное мнѣніе; въ лѣтописи Московской говорится слѣдующее.

«Едва Богъ сохранилъ царствующій градъ Москву; помощію же Пречистой Богородицы, славнаго ея Покрова, тѣхъ Литовскихъ людей отъ города отбиша, и многихъ людей у нихъ побиша; гетманъ же отыде прочь и ста опять въ табо-

рахъ.... Государь же поставилъ храмъ каменной, по обѣту своему, во имя Покрова Пречистыя Богородицы, во дворцовомъ селѣ Рыбцовѣ» (что называлось и селомъ Покровскимъ). Въ память тогоже случая есть и придѣлъ Покрова, при Арбатской церкви Николы-Явленнаго, устроенный также царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. [1])

Извѣдавъ новую неудачу, Владиславъ потребовалъ съѣздовъ, которые и происходили на рѣчкѣ Прѣснѣ. Однако на тѣхъ съѣздахъ мирный договоръ не состоялся. Тогда Владиславъ, отрядивъ Сагайдачнаго на Калугу, самъ двинулся подъ Троицкую лавру. Но тамъ и подавно не было ему удачи; а между тѣмъ лютый морозъ и голодъ становились не въ моготу; и Московскій походъ Владислава кончился перваго декабря Деулинскимъ перемиріемъ на 14 съ половиною лѣтъ, при чемъ Москва поплатилась своему обыденному царю, уступкою Польшѣ Смоленска съ Черниговомъ и другими городами Сѣверскими. Тогда и Сагайдачный, съ своими *Черкасами* (такъ называли Запорожскихъ и Украинскихъ козаковъ Москвитянине), выступилъ изъ Калуги, при чемъ триста козаковъ воротились къ Москвѣ «на государево имя».

Выступая въ походъ на Москву для Владислава, считавшагося у Поляковъ Рускимъ царемъ, Сагайдачный, конечно, помышлялъ уже о соединеніи Кіевской Руси съ Московскою. Но этому соединенію суждено было совершиться подъ властію не чужеземнаго иновѣрца, а православнорускаго царя, и притомъ тогда уже, когда и Москва успокоится и окрѣпнетъ послѣ своихъ роковыхъ бурь, и Кіевская Русь, подобно ей, своимъ «соединеніемъ и укрѣпленіемъ противъ Поляковъ» [2]) освободитъ себя отъ ихъ тяготы и будетъ самостоятельною.

---

[1]) См. въ *Русской Старинѣ*, составляемой И. М. Снегиревымъ, М. 1849. въ л. тетр. 8.

[2]) «А нѣчто вамъ впередъ отъ Поляковъ въ вѣрѣ будетъ утѣсненье, а *у васъ противъ ихъ будетъ соединенье и укрѣпленіе*, и вы о томъ впередъ царскому величеству и святѣйшему патріарху вѣдомо учините, и царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божьи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ во избавленье видѣти». Такъ сказано 5 февр. 1625 г, въ отпускѣ изъ Москвы епископа Исакія, присыланнаго къ царю и патріарху отъ Кіевскаго митрополита Іова Борецкаго ходатайствовать у царя о принятіи Кіевской Руси въ свое подданство. Акты, относящіеся къ этому посольству, приготовлены къ изданію Кн. М. А. Оболенскимъ.

А чтобы достичь этого Кіевской Руси, ей надо было сперва возстановить свою православную митрополію. Вотъ подвигъ, предстоявшій Сагайдачному, какъ главѣ козачества. Ибо съ той поры, какъ надъ южною Русью отяготѣла Унія и осиротила ея православную церковь, Южнорусскому козачеству выпалъ жребій; явиться представителемъ и защитникомъ обиженнаго народа своего, и отстоять свою праотеческую вѣру отъ гоненія и насилія западнаго.

Но козацкое ополченіе гетмана Наливайка и его погибель показали, что въ ту пору для Украины еще безвременна была борьба съ Польшею. Въ то время была еще и надежда, что козацкою заслугою Польской коронѣ можно облегчить злополучную участь народа Украинскаго и его церкви. Эту надежду поддерживали разныя королевскія привилегіи и сеймовыя конституціи; но онѣ составлялись и писались обыкновенно тогда, когда Польской коронѣ наставала нужда въ козачествѣ, и рѣдко были исполняемы на самомъ дѣлѣ. Духъ вражды устами іезуитовъ непрестанно шепталъ въ уши Полякамъ вѣрогоненіе и неразумную гордыню; и только грозное имя Сагайдачнаго сдерживало еще ихъ разъяреніе на православныхъ Украинцевъ. Можно сказать, что достопамятный гетманъ былъ хранительнымъ щитомъ Украины, и сдѣлалъ для нея все, что только можно было сдѣлать тогда подданному Польскаго короля, не поднимая оружія на Поляковъ,— какъ это въ послѣдствіи пришлось сдѣлать Богдану Хмельницкому, когда пропала уже вся надежда и все терпѣніе долготерпѣливаго народа.

Воротясь изъ похода Московскаго, въ 1619 году, Сагайдачный обратился вновь съ просьбою къ королю о возстановленіи правъ восточной церкви въ областяхъ Южнорусскихъ. Жигимонтъ обѣщалъ, но обѣщаніе его не исполнялось; и внутренній раздоръ, произведенный Уніей, не унимался.

Вѣроятно, къ этому времени принадлежало то неизвѣстное намъ писаніе Сагайдачнаго объ Уніи, которое канцлеръ Сапѣга, въ письмѣ къ Іосафату Кунцевичу, называлъ *предрагоцѣннымъ*,

Въ это же время поминаются въ бытописаньи два козацкіе гетмана: *Кушка*, попавшійся въ плѣнъ Туркамъ; а вслѣдъ за нимъ *Бородавка*, котораго увидимъ послѣ. Не видно однако, были ли это только *Наказные* гетманы; или же поставленіемъ ихъ коронный гетманъ Жолкевскій думалъ по прежнему забрать въ свою власть Украинское реестровое козачество, и убавить возроставшую въ народѣ силу и власть гетмана Сагайдачнаго.

Между тѣмъ пять тысячъ Запорожцевъ, подъ конецъ 1619 года, ходили на Крымскихъ Татаръ, и разбили ихъ по сю сторону Перекопа подъ самою стѣною, и освободили множество плѣнныхъ христіанъ. По этому случаю, Сагайдачный нарядилъ атамана Петра Одинца въ посольство къ Московскому царю, съ предложеніемъ служить ему своими головами противъ общаго врага христіанства. Козацкіе послы, съ гетманскою грамотою къ царю и съ двумя Татарскими *языками*, пріѣхали въ Москву въ концѣ февраля 1620 года; приняты были ласково и милостивно; однако у самаго царя они не были, ибо тогда была масляница. Ихъ принималъ бояринъ и намѣстникъ Коломенскій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. «Не оскорбляйтесь—говорилъ онъ—что не видѣли есте очей его царскаго величества: вы есте пришли къ Москвѣ передъ постомъ, а въ постъ у великаго государя нашего никакіе послы и иноземцы не бываютъ; а нынѣ царское величество ѣдетъ молиться къ святымъ мѣстамъ, и велѣлъ васъ отпустить». Козаки обдарены были деньгами, камками, тафтами, сукнами и шапками; и послано было Запорожскому войску отъ царя «легкое жалованье триста рублевъ», а на грамоту гетманскую царь отвѣтствовалъ своею грамотою данною 21 апрѣля 1620 года [1]).

Въ то же время Іерусалимскій патріархъ Өеофанъ возвращался изъ Москвы, гдѣ онъ (23 Іюня 1619 года) посвящалъ на патріаршество Филарета Никитича, отца Михайлова. По дорогѣ отъ Путивля, посѣтилъ онъ новоустроенную обитель Густынскую, подъ городомъ Прилукою. Козаки съ гет-

[1]) Эта грамота напечатана въ *Собраніи Госуд. Гр.* ч. III. Остальные документы объ этомъ посольствѣ хранятся въ Моск. Архивѣ Ин. дѣлъ.

маномъ Сагайдачнымъ проводили его въ Кіевъ, помѣстили его на Подолѣ, въ Братствѣ Богоявленскомъ. «Аки пчелы матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастыря овцы словесныя отъ волковъ противныхъ стрежаху», говоритъ лѣтописецъ Густынскій [1]). Тогда настала важная година въ жизни православнаго народа, подвластнаго Польшѣ: со всѣхъ сторонъ стекался онъ въ Кіевъ, чтобы увидѣть святителя Іерусалимскаго и принять отъ него благословеніе и совѣтъ. И много въ продолженіе того лѣта было въ Кіевѣ совѣщаній и думъ у всѣхъ людей, какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ; и казалось, сама земля Русская сочувствовала имъ своимъ потрясеніемъ [2]). Гетманъ Сагайдачный и другіе православные просили патріарха, чтобы поставить имъ митрополита и епископовъ, на мѣста занятыя Уніатами. Но Ѳеофанъ колебался, опасаясь короля, преданнаго іезуитамъ, и не имѣя согласія отъ патріарха Царьгородскаго, которому издревле была подвластна митрополія Кіевская.

Между тѣмъ настала большая необходимость для Польши въ гетманѣ Сагайдачномъ: безъ него она потерпѣла въ томъ году страшное пораженіе отъ Турковъ, подъ Цецорою, гдѣ убиты были: и горделивый томитель Москвы и Козаччины, коронный гетманъ Жолкевскій, и любимый имъ козакъ, Чигиринскій сотникъ Михайло Хмельницкій, отецъ Богдана. Польша немедленно задумала двинуться вновь противъ Турковъ всѣми силами, подъ главнымъ пачальствомъ королевича Владислава; и на совѣтъ объ этой войнѣ позванъ былъ въ Варшаву Сагайдачный—«справца великій и добрый, на которого много полагались въ совѣтѣ; и какъ онъ совѣтовалъ,

---

[1]) «*Лѣтописецъ* о первомъ зачатіи и созданіи святыя обители монастыря Густынскаго» напечатанъ 1848, въ *Чтеніяхъ* Моск. Общ. ист. и Древн. Изъ этого лѣтописца я заимствовалъ всѣ подробности о мѣстахъ, мѣсяцахъ и дняхъ посвященія митрополита и епископовъ, перемѣнивъ только 1622 годъ, ошибочно показанный въ лѣтописцѣ, на *1620*. (Тамъ же ошибочно показано митрополитство *Исаіи Копинскаго* съ 1633 года, а митрополитство Петра Могилы съ 1635-го: первое началось съ *1631*, а второе съ *1633*-го).

[2]) «Тогда же и земля трясляся въ недѣлю о пешпорной годинѣ», говоритъ *лѣтописецъ Густынскій*. «Въ той же часъ въ день суботный земля ся трясла о годинѣ 20 же, изъ оконъ шибы выпадали, шкляницѣ изъ столовъ спадали, и люде въ страху были великомъ», говоритъ *Львовская лѣтопись*, напечатанная въ Русскомъ историческомъ сборникѣ т. III 1839. Тамъ это описано подъ 1619 г.; но ошибочно, вмѣсто *1620;* а сказанное за тѣмъ подъ 1620-мъ г., принадлежитъ къ 1621-му.

на то соглашались паны гетманы и королевичъ его милость», говоритъ современникъ Ерличь [1]). Запорожскому гетману поручено было военачальство надъ всѣмъ Козачествомъ. «Я на твою опеку посылаю моего сына», говорилъ ему король [2]). Сагайдачный радостно спѣшилъ въ Кіевъ; и здѣсь онъ рѣшилъ просить патріарха исполнить то, чего такъ давно ждалъ и чего такъ желалъ теперь православный народъ Южнорусскій.

И вотъ, въ Богоявленской церкви, въ четвертокъ 6 октября, патріархъ Θеофанъ съ Неофитомъ митрополитомъ Софійскимъ и съ Аврааміемъ епископомъ Стагонскимъ, [3]) посвятилъ на епископство Перемышльское *Исаію Копинскаго*, который лѣтъ за шесть былъ вызванъ, изъ 15-лѣтняго отшельничества своего въ пещерѣ Антоніевой, на устроеніе Густынскаго монастыря, и уже третій годъ былъ игуменомъ Межигорскимъ. А въ слѣдующее воскресенье, 9 октября, въ великой церкви Печерской, совершилось посвященіе въ Кіевскіе митрополиты *Іова Борецкаго*, игумена Михайловскаго, который особенно любимъ былъ въ народѣ за свою добродѣтельную жизнь и славился ученостью. Тогда же, на епископство Туровское и Пинское, поставленъ Грекъ *Аврамій*, епископъ Стагонскій; а въ началѣ декабря, по выбору и прошенію Вильнянъ, посвященъ въ архіепископы Полоцкіе *Мелетій Смотрицкій*, не давній архимандритъ Святодуховскаго Братскаго монастыря въ Вильнѣ.

Такъ возстановлена была въ *1620*-мъ году православная Кіевская митрополія, послѣ 25-ти лѣтняго сиротства.

Въ генварѣ слѣдующаго года патріархъ Θеофанъ простился съ Кіевомъ. Зима стояла крѣпкая. Остановясь на отдыхъ въ козацкомъ Терехтемировскомъ монастырѣ, патріархъ посвятилъ тамошняго архимандрита *Іезекіиля Курцевича* на епископство Владимирское и Берестейское. Изъ Терехтемирова митрополитъ Іовъ со всѣми епископами и гетманъ Са-

---

[1]) Записки Якима Олизаровича *Ерлича*, дворянина Кіевскаго воеводства, ведены съ 1620 по 1671 годъ, на Польскомъ языкѣ, и въ подлинникѣ названы *Лѣтописцемъ*. Жаль что до сихъ поръ никто не издалъ ихъ: въ нихъ много любопытныхъ замѣтокъ для исторіи.

[2]) Изъ *Львовской Лѣтописи*.

[3]) Изъ посвятительной грамоты Исаіи Копинскому отъ патріарха, которая въ копіи находится въ Московскомъ Архивѣ Ин. Д.

гайдачный съ тремя тысячами козаковъ, и множество другихъ людей духовныхъ и свѣтскихъ, провожали патріарха до Волошской границы.

Во время отдыха въ городѣ Бѣлой-Церкви, посвященъ былъ, на епископство Луцкое и Острожское, *Исакій Борисковичъ*, игуменъ Черчицкій, ученикъ патріарха Мелетія, около 20-ти лѣтъ находившійся на Востокѣ и на Аѳонѣ. [1])

Вслѣдъ за тѣмъ Ѳеофанъ съ своими провожатыми гостилъ три дни въ городѣ Животовѣ, у благочестиваго князя Стефана Четвертенскаго, и тамъ посвятилъ *Паисія Ипполитовича*, на епископство Холмское и Бельзское. [2])

Наконецъ въ городѣ Бушѣ они разстались; и много печали и плача было при разлукѣ. «Поучаше бо тогда святителей своихъ—говоритъ Густынскій лѣтописецъ—содержатися истиннаго благочестія, смиренія и любве; скорби же и гоненія со всякою покорою переносити; такожде и все благочестивое воинство благословяше, ставше на торжищи посредѣ града, всѣмъ во слухъ глаголаше имъ съ зельнымъ усердіемъ поученіе, тоже молитвы прощальныи и раздрѣшительныи, преклоннымъ имъ всѣмъ главы своя ницъ на землю; по семъ увѣщевая ихъ, дабы отъ того времени не ходили па Москву, на родъ христіанскій, бранію».

Съ наступленіемъ лѣта приспѣвалъ срокъ похода Хотинскаго. Въ августѣ 1621 года, Сагайдачный съ 40-тысячнымъ козацкимъ войскомъ былъ уже у Днѣстра. Во Львовѣ онъ свидѣлся съ королевичемъ Владиславомъ, какъ *директоромъ* Хотинской войны.

Польскаго войска коронный гетманъ Ходкевичъ успѣлъ собрать 57 тысячъ, а именно: конниковъ въ желѣзныхъ латахъ 12 тысячъ, панцырниковъ 4 тысячи, пѣхотныхъ Поляковъ 30 тысячъ, Прусовъ и Поморянъ 8 тысячъ, да наемныхъ Угровъ 3 тысячи; да еще съ королевичемъ пришло подъ Хотинъ 30 тысячъ. А пепріятельская сила состояла въ 300

---

[1]) Изъ актовъ, о которыхъ сказано въ концѣ примѣчанія 2-мъ, стр. 363.

[2]) О посвященіи, см. въ *Лѣтоп. Густ.*; а о гощеніи въ Животовѣ говоритъ еще Захарія Копыстенскій въ своемъ посвященіи князю Стефану Четвертенскому книги *Бесѣды* 1623 г.

тысячахъ Турковъ и во 100 тысячахъ Татаръ; и когда явился тамъ Османъ, хвалившійся «въ войскѣ козацкомъ снѣдати, а въ обозѣ Польскомъ обѣдати»—то немедленно начались сраженія. Первая схватка произошла 2-го сентября, еще до прибытія Владислава.

Турки съ первыхъ дней напирали особенно на козацкій обозъ, стоявшій на челѣ къ обозу Султанскому и укрѣпившійся окопами. Но козаки, послѣ жаркихъ пушечныхъ перепалокъ, дали наконецъ сильный отпоръ, и гонясь за ними, ворвались было въ Турецкій обозъ; и только потому не овладѣли имъ вполнѣ, что коронный гетманъ отказалъ въ подмогѣ. Такая неправда произвела ропотъ въ козацкомъ войскѣ. Но Владиславъ, увѣдомленный объ томъ гетманомъ Сагайдачнымъ, поспѣшилъ нарядить депутатовъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный историкъ Яковъ Собѣскій, каштелянъ Краковскій, отецъ храбраго короля Яна. Онъ произнесъ въ козацкомъ обозѣ убѣдительную рѣчь, послѣ которой гетманъ Сагайдачный съ старшинами склонился на ихъ сторону, и козаки утихомирились. Они радовались тою вѣстью, пришедшею 6 сентября, что товарищъ ихъ, Богданъ Хмельницкій, ходившій особо съ 10-тысячнымъ козацкимъ отрядомъ на Черное море, разбилъ и потопилъ 12 Турецкихъ галеръ, а остальныя преслѣдовалъ до самаго Царягорода, и навелъ страхъ на Царьгородцевъ, окуривши ихъ пороховымъ дымомъ [1]). А между тѣмъ 7-го сентября, въ Польскомъ обозѣ, обезглавленъ бытъ гетманъ Бородавка, по военному суду, за ту вину, что онъ съ трехтысячнымъ отрядомъ козаковъ опоздалъ явиться подъ Хотинъ, гонявшись въ походѣ за добычею [2]). Черезъ три дня послѣ того, и королевичъ, и коронный гетманъ заболѣли лихорадкою, продолжавшеюся двѣ недѣли. Владиславъ оправился; но Ходкевичъ умеръ 24 сентября. Нельзя не вспомянуть здѣсь и того, что въ числѣ воевавшихъ подъ Хоти-

---

[1]) Объ этомъ Черноморскомъ *промыслѣ* говорится и въ королевскомъ листѣ Сагайдачному 1622, генв. 12 и въ *діаруши* Титлевскаго, и у Твардовскаго. И такъ напрасно пишутъ, что Богданъ Хмельницкій, взятый подъ Цецорою въ полонъ, оставался въ немъ два года.

[2]) См. объ этомъ въ прибавл. къ *лѣтописи* Самуила Величка. К. 1848. Т. I. И такъ Бородавку убилъ не самъ собою Сагайдачный!

номъ въ рядахъ Польскихъ, былъ *Петръ Семеновичъ Могила*, 24-лѣтній воеводичъ Молдавскій, черезъ четыре года постригшійся въ монахи Печерскіе.

Война Хотинская длилась пять недѣль и кончилась тѣмъ, что грозный Османъ, не смотря на многочисленность своего войска, пожелалъ мира, который и заключенъ былъ 8 октября на условіяхъ, выгодныхъ для Польши.

Октября 12-го Польское войско, на полѣ битвы, выстроилось на подобіе орла, съ распростертыми крылами, и на челѣ его сталъ Владиславъ, облекшійся въ порфиру поверхъ блестящаго вооруженія. Къ полудню Турецкій царь вывелъ свое войско, и, построивъ его въ видѣ полумѣсяца, сталъ въ его челѣ. Въ такомъ строѣ два войска простояли недвижимо около часу, другъ противъ друга. А между тѣмъ султанъ послалъ огромнаго слона и отборнаго коня въ даръ королевичу; а Владиславъ послалъ ему въ даръ тоже нарядынаго коня, да двѣ пушки отличной работы. Наконецъ Турки, наклоненіемъ своихъ вый и съ ними знаменъ своихъ, простились съ Польскимъ войскомъ; а Поляки откланялись Турецкому войску, покиваніемъ своихъ головъ [1]).

И когда Турки отошли во-свояси, Владиславъ отправилъ изъ своего главнаго обоза раненныхъ и больныхъ; выступилъ изъ старыхъ окоповъ на свѣжее мѣсто, и принялся торжествовать свою побѣду. Славянорусская народная поэзія издревле изображала битву свадебнымъ пиромъ. У Поляковъ это происходило въ лицахъ. Они выѣзжали на войну, какъ на свадебный праздникъ, въ блескѣ и роскоши, и любили воевать со всею прохладою яствъ и напитковъ; не то, что въ козачествѣ, любившемъ суровую простоту жизни, и долго державшемся стараго обычая своего: не пить вовсе вина во время войны [2]).

Пируя весело свою побѣду, Владиславъ послалъ въ козацкій обозъ, стоявшій на выстрѣлъ изъ лука отъ обоза Поль-

[1]) Эти и послѣдующія подробности о концѣ Хотинской войны взяты мною также изъ *лѣтописи* С. Величка, который заимствовалъ ихъ изъ «рукописныхъ лѣтописцевъ козацкихъ».

[2]) См. у Воплана, въ *описаніи Украины.*

скаго, множество харчей, навезенныхъ изъ окрестныхъ городовъ и селъ; а на попойку козакамъ прислалъ 25 большихъ бутъ Волошскаго вина, 48 бочекъ меду, отысканнаго въ Каменцѣ, и 24 большія куфы горѣлки. Для гетмана особо присланы были, кромѣ разныхъ яствъ и сластей: 7 анталовъ лучшаго Венгерскаго вина, бочка Рейнскаго, небольшая бута Котнарскаго, да погребецъ съ дюжиною полугарцовыхъ золочено серебряныхъ фляшекъ, наполненныхъ разными лѣкарствѐнными водками. Но Сагайдачному тогда было не до напитковъ и сластей, онъ лежалъ на одрѣ болѣзни, подъ тяжелыми ранами. Соболѣзнуя о томъ, Владиславъ прислалъ ему свою кармазиновую палатку, подшитую зеленую Венедскою адамашкою.

По окончаніи 8-дневнаго пира, на разсвѣтѣ 21-го октября, ударили въ бубны къ походу. Владиславъ, полюбившій козаковъ и полюбленный ими, прибылъ съ полутораста всадниками въ козацкій обозъ, проститься съ гетманомъ и Запорожскимъ войскомъ. Высказавъ благодарность свою, за ихъ щирую и вѣрную службу, онъ подошелъ къ Сагайдачному, приподнятому съ постели и поставленному на ноги, и возложилъ на него драгоцѣнный *щирозлотный канакъ*, на фіолетовой лентѣ, украшенный съ одной стороны королевскимъ портретомъ и рубинами, а съ другой гербовымъ одноглавымъ орломъ и сафирами. Потомъ, увидавъ пароконную простую кибитку, вымощенную сѣномъ и подушками, и прикрытую коврами, онъ догадался, кому она приготовлена, и, пошутивъ надъ нею, велѣлъ поскорѣе привезть свою *лектичку* съ балдахиномъ, изъ зеленаго съ золотыми цвѣтами табину, на парѣ легкихъ коней въ золоченыхъ шорахъ, и подарилъ ее больному гетману на дорогу; а на прощанье назначилъ къ нему еще своего придворнаго доктора Француза.

Того же дня выступили въ походъ. Сагайдачный, по желанію Владислава, оставилъ недѣли на три подъ Хотиномъ пять тысячъ отборнаго козацкаго войска для сторожи; а остальныхъ распускалъ по домамъ, въ продолженіе возвратнаго похода. Самъ же онъ прибылъ въ Кіевъ передъ Филипповскими заговѣнами, безъ тріумфовъ и парадовъ: его полумертваго

встрѣтила и приняла въ своемъ дому только плачущая жена его Анастасія, урожденная Повченская [1]).

По представленію Владислава, король Жигимонтъ, признавая всю заслугу козацкаго войска, прислалъ ему въ Кіевъ, съ своимъ придворнымъ подскарбіемъ, наградныя деньги, да королевскую хоругвь, булаву въ три тысячи талеровъ и золотую цепь въ пятьсотъ талеровъ гетману Сагайдачному, съ похвальною королевскую грамотою, данною въ Краковѣ, 12 генваря 1722 года. Въ той грамотѣ между прочимъ сказано: «Мы, довольные вашею преданностію и усердіемъ къ Намъ, и ко всей коронѣ Польсвой, которыя вы показали военными подвигами вашими подъ Хотиномъ, изъявляемъ вамъ и всему войску нашему Запорожскому милость Нашу и признательность, которую во всѣхъ потребностяхъ и нуждахъ войска охотно оказывать обѣщаемъ; и сколько оказалъ вамъ нѣкогда милости и расположенія славный предшественникъ нашъ найяснѣйшій Стефанъ Баторій король Польскій, умноженіемъ правъ и вольностей вашихъ, Мы не отречемся даровать вамъ противъ того въ досятеро, чего пожелаете отъ Нашей милости. Теперь же, награждая малымъ подаркомъ упомянутое мужество ваше и трудъ подъ Хотиномъ, посылаемъ изъ Нашей казны королевской, чрезъ придворнаго подскарбія, 400 тысячь битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 50-тысячамъ всей черни войсковой, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ съ Хмельницкимъ на Понтѣ Эвксинскомъ, не минуя родичей и вдовъ товариства козацкаго, по-

---

[1]) Имя и родъ жены Сагайдачнаго означены въ книгѣ *Вѣрши*, на маргинезѣ 15 листа, противъ стихотворнаго къ ней обращенія:

«Не дивъ цная малжонко, же ся обливаешъ
Слезами, и отъ жалю праве омдлѣваешъ:
Во-сь утратила свого малжонка милого
Кролю и Посполитой речи зычливого.
Для него-сь и ты у всѣхъ людей была славна;
А теперь твоя свѣча ясная южъ згасла.
Южъ ся съ тобою вѣчне другъ твой разлучаетъ,
Богу тя впродъ въ опеку и войску вручаетъ.
Жій побожне, якъ вдова, въ своей уцтивости,
За що въ Бога и въ людей набудешъ милости,
Богъ есть сиротамъ отецъ, а судіа вдовамъ,
Караетъ, кто бы хотѣлъ чинити кривду вамъ».

ложившаго свои рыцарскія головы въ военныхъ дѣйствіяхъ сего года. При томъ, особо вашей гетманской милости со всею старшиною, посылаю 4 тысячи червонцевъ, которые раздѣлите между собою по справедливости и усмотрѣнію вашему».

Въ отвѣтъ на то, выражая благодарность свою королю, въ письмѣ отъ 15 февраля, гетманъ Сагайдачный изобразилъ въ немъ и ту скорбь души своей, которая присоединялась къ его страданіямъ тѣлеснымъ.

«А любо — писалъ онъ — зъ стороны высокодумныхъ и велможныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ — Вишневецкихъ, Конецполскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ, на Украинѣ, властной предковѣчной отчизнѣ нашой, власть свою неслушне роспростираючихъ, повѣваютъ на насъ, войско Запорозское, холодныи и непріязненныи вѣтри, хотящіи славу нашу въ персть вселити, и насъ, братію свою, вѣрныхъ Вашого найяснѣйшого Величества и всей коронѣ Полской слугъ, въ подданство и ярмо работническое собѣ безбожне наклонити; однакъ уповаемъ, же кгды Ваше Величество восхощетъ и повелитъ, то внетъ бури и вѣтри оные престанутъ и въ тишину преложатся. И не такъ намъ есть жалостно на пановъ преречоныхъ, яко на ихъ старостокъ, нецнотливыхъ сыновъ и пьяницъ, которыи ни Бога боятся, ни премощныхъ Вашого найснѣйшого Величества монаршихъ мандатовъ слухаютъ: бо скоро я, гетманъ, по указу Вашого Величества, на Хотѣнскую военную службу зъ козаками зъ Украины выйшолъ, тогда они старостки заразъ козачокъ бѣдныхъ зачали на всякіе роботизны, безъ жадного обзору и призрѣнія, часто выгонити, бити, и вязенями неслухаючихъ мордовати; що тяжко и жалосно козакамъ, зъ службы Вашой монаршой военной, зъ ранами еще неугоенными и червей полными, повернувшимъ, было отъ женъ и матерей своихъ слышати, и слезы зъ очесъ ихъ точащіеся видѣти.... Ваше же найяснѣйшее королевское Величество, яко отецъ милостивый и панъ нашъ найласкавшій, и по семъ короткомъ донесеню нашемъ, можетъ своевольныхъ старостокъ и праволомцевъ (которые на особливомъ реестрику выражаются) усмирити и

покорити; а козаковъ бѣдныхъ, отъ ихъ безбожныхъ насильствъ, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгдыжъ, если они козаки не получатъ въ томъ Вашого королевского найяснѣйшого Величества призрѣнія и респекту, то же бы що новое отъ нихъ (якъ уже и пошемруютъ) не уродилося, и огня гнѣвного (чого не дай Боже) не запалило; въ якій часъ, уже не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ пьяницъ старостокъ, велможныи ихъ милость панове Польскіи нарѣкати и жалковати мусѣли бы».

Чувствуя приближеніе свое къ кончинѣ, Сагайдачный, въ послѣднихъ числахъ марта, отпустилъ отъ себя королевскаго придворнаго доктора, съ слѣдующимъ прощальнымъ письмомъ къ королю.

НАЙЯСНѢЙШІЙ КОРОЛЮ ПОЛСКІЙ И НАЙМИЛОСТИВѢЙШІЙ МОЙ ПАНЕ.

Поворочаючи зъ подъ Хотѣня до дому, любо Свѣтлѣйшій Ксіонже, принцъ Владиславъ, наймилшій вашого Королевского величества сынъ, а мой найласкавѣйшій добродѣй, для улѣченія смертельныхъ ранъ и болѣзній моихъ придалъ мнѣ лекаря своего, однакъ изнемогаютъ тамъ всѣ того лѣкаря лѣкарственныи медикамента и довцѣпы, где ядовитыи пострѣлы бѣсурманскіи, въ тѣло мое потрафивши, всѣ майстерства лѣкарственныи упередили, и смертотворный ядъ свой внутрними дѣйствіями во всѣ составы и жилы мои розливши, латвую и уже видимую не ко животу, но ко гробу устрояютъ мнѣ дорогу; бо, имъ далѣй, тымъ барзѣй изнемогаю и до кончины приближаюся. Для чого, не смѣючи болшей и доктора вашого найяснѣйшаго Королевского величества при себѣ удержовати, зъ достодолжнымъ служебничимъ за него благодареніемъ, отпускаю его до двору вашого найяснѣйшого Королевского величества.

Самъ тежъ приближаючися ко дверемъ гробнымъ, отдаю подъ ноги вашого найяснѣйшого Королевского величества найнижайшій остатній уклонъ мой; и уже не надѣючися болшей видѣти въ жизни сей найяснѣйшого лица и ласкавыхъ ку себѣ очесъ вашого Королевского величества, послѣднимъ

листовнымъ пожегнанемъ жегнаю превысокіе вашого найяснѣйшого Королевского величества наимилшого сына вашого, моего же директора и найласкавшаго добродѣя свѣтлѣйшого Ксіонженца принца Владислава, персони. Где яко упрейме зычу, абы Господь Богъ всемогущою силою сохранилъ вашого найяснѣйшого Королевского величества и наймилшого сына вашого принца Владислава здоровье, при щасливыхъ всегда вашихъ и державы вашея, короны Полскія сукцессахъ; такъ и прошу покорне вашого найяснѣйшого Королевского величества прощенія, въ чемъ бы колвекъ згрубилъ и погрѣшилъ, яко человѣкъ, предъ найяснѣйшимъ вашого величества маестатомъ.

Панъ докторъ вашого найяснѣйшого Королевского величества, будучи при мнѣ въ Кіевѣ чрезъ часъ немалый, яко присмотрѣлся добре безпрестаннымъ многихъ козаковъ, отъ пановъ Полскихъ и ихъ старостокъ разными способами оскорбленныхъ и бѣдствуемыхъ, сквиркамъ, плачамъ и опеляціямъ, до мене заношеннымъ; такъ о всемъ томъ можетъ ретелне словесно донести вашому величеству, если ваше найяснѣйшее величество рачитъ его о томъ спытати и милостиво послухати. А я, монаршіе вашого Королевского величества нозѣ смиренно обнявши, покорне и слезне прошу, дабы тое козакамъ творимое бѣдствіе и озлобленіе, превысокимъ и грознымъ вашого найяснѣйшаго величества мандатомъ, было запрещено и ускромлено. Особливе Унѣя, за милостивымъ вашого найяснѣйшого Королевского величества позволенемъ, теперъ зъ Русѣ чрезъ святѣйшого Феофана патріарху Іерусалимского знесенная, абы впредъ въ той же Русѣ никогда не обновлялася, и своихъ роговъ не возносила. Маютъ абовѣмъ отци езуити и все духовенство костела Римского (и безъ насъ православныхъ) кого до Унѣи своеи наворочати и присвояти, тыхъ народовъ, которыи отнюдъ не вѣдаютъ и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ миръ пришедшого. А мы, православныи, древнихъ святыхъ Апостолскихъ и Отческихъ преданій и догматовъ безъ жаднои Унѣи и схизмы придержащися, не отчаваемся нашого спасенія и блаженного живота вѣчного.

Сіи двѣ мои, вѣрного вашого Королевского величества слуги, желанія, ежели рачишъ и наймилшимъ дѣтемъ своимъ по собѣ милостивно прикажешъ учинити, и непремѣнно всегда заховати; то и панованіе ихъ и цѣлой Короны въ тишинѣ и благовременномъ отъ всѣхъ непріятелскихъ навѣтовъ покои завше будетъ и преизбудетъ; чого я и повторе всеусердно желаю, зъ Кіева, марта числъ послѣднихъ, року 1622.

Вашому найяснѣйшому королевскому величеству вѣрный и найнижшій слуга.

Петро Конашевичъ Сагайдачный, гетманъ войска Запорозского.

Хотинскимъ походомъ гетманъ Сагайдачный довершилъ военное поприще свое; и послѣдніе пять мѣсяцевъ жизни посвятилъ преимущественно заботамъ и печалямъ о успокоеніи и внутреннемъ благѣ Украины. Особенно обратилъ онъ свое попеченіе на Богоявленское Кіевское братство, въ которое записался онъ [1]) со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ; и пожертвовалъ нѣсколько тысячъ на обновленіе Богоявленскаго монастыря и на содержаніе братской школы; почему и называется *ктиторомъ* братскаго монастыря [2]). Не забылъ Сагайдачный и о своей Заднѣстровской родинѣ, и отказалъ полторы тысячи золотыхъ червонныхъ на школу братства Львовскаго [3]). Опредѣливъ вклады и другимъ монастырямъ, церквамъ и школамъ, и назначивъ опекунами женѣ и повиннымъ своимъ митрополита Іова и будущаго своего преемника въ гетманствѣ, Олифера Голуба, и совершивъ по долгу благочестія послѣдніе обряды христіанскіе, на страстной и свѣтлой седмицахъ,—славный гетманъ окончилъ жизнь на проводной недѣлѣ *10 апрѣля* [4]). Погребенъ въ братскомъ монастырѣ,

---

[1]) Не разумѣя, что значило записаться въ православное братство, Энгель въ своей исторіи сказалъ, будто Сагайдачный постригся въ монахи; и эта ошибка, черезъ исторію Бантышъ-Каменскаго, распространилась и у насъ. Но Сагайдачный въ монахи не постригался!

[2]) Напримѣръ въ лѣтописи малороссійской (помнится, Грябянкиной) сказано: «Року 1622 Петро Сагайдачный, славный гетманъ Запорозскій и великій защитникъ Православной вѣры, любитель и *ктиторъ* Братского монастыря» и т. д.

[3]) См. ниже приложеніе 1-е.

[4]) Уже и Самойло Величко, въ своей лѣтописи, не зналъ когда именно скончался Сагайдачный. Но мнѣ случилось узнать объ этомъ изъ современной замѣтки въ старинномъ помянникѣ Михайловскаго Золотоверхаго монастыря (въ 4-ку). «Року 1622

при училищной церкви. Надъ тѣломъ его, при погребеніи, двадцать студентовъ произносили стихи, сочиненные тогдашнимъ ректоромъ, Кассіаномъ Саковичемъ; а на могильномъ камнѣ ему вырѣзано было слѣдующее надгробіе [1]):

Тутъ вложилъ Запорозкій гетманъ свои кости,
Петръ Конашевичъ, ранный въ войнѣ: для волности
Отчизны, кгды нань Турцы моцно натирали,
И пострѣловъ смертельныхъ килка му задали:
Которыми зраненый, живота доконалъ.
Вѣры Богу, и Кролю, и войску доховалъ.
И умеръ боронячи мира ойчистого:
За што узычъ му, Творче! неба вѣчистаго,
Якъ ревнителю вѣры благочестивои,
Въ которой былъ выхованъ въ молодости своей.
Року тисеча шесть сотъ двадесятъ второго,
Погребенъ въ монастыри брацтва Кіевского.
На который тисячій килка офѣровалъ.
Аже бы тамъ науки фундовано, жадалъ.

Теперь не видно уже въ Кіевскомъ Братствѣ этого надгробнаго камня; не знаетъ никто даже и мѣста, гдѣ почилъ прахъ достопамятнаго гетмана; уцѣлѣлъ только большой золочено-серебряный ручной крестъ [2]), обсаженный девятью каменьями, съ такою надписью на рукояти:

«Року 1622 далъ сей крестъ рабъ Божий Петръ Конашевичь Сагайдачный Гетманъ Войска Его К. М. Запорозкого, до церкви святого Богоявления Господня въ домъ Братскій, на отпущение грѣховъ своихъ».

1850.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СКАЗАНІЮ О САГАЙДАЧНОМЪ.

1. Запись о пожертвованіи гетмана Сагайдачнаго на школу Львовскаго Братства, 1622.

Іовъ Борецкій Милостію Божеею Архиепископъ Митрополитъ Киевскій Галицкій и всеа Россіи, весполъ и Олиферъ

априля 10 дня благочестивый мужъ, панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, войска его К. М. Запорозкого, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложи своемъ простеръ нози свои, приложился къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни, въ Кіевѣ. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте на Подолѣ честно, въ дому братства церковнаго».

[1]) Изъ книги *Вѣршъ* 1622 года.

[2]) Рисунокъ этого креста см. въ *Обозрѣніи Кіева,* издан. И. Фундуклеемъ. К. 1847. Тамъ же и рисунокъ того креста, которымъ патріархъ Ѳеофанъ благословилъ Кіевское Братство въ 1620-мъ году, и который хранится нынѣ надъ царскими вратами Богоявленской церкви.

Остаповичъ Голубъ, Гетманъ, зо всѣмъ Товариствомъ Войска Его Королевской Милости Запорозского.

Вѣдомо чинимъ, кому то належати можетъ, нынѣшнего и напотомъ будучого вѣку людемъ: ижъ мы, Іовъ Борецкій, Милостію Божею Архиепископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и всеа Россіи, всполъ изъ Паномъ Олиферомъ Гетманомъ и всѣмъ рицерствомъ Войска Его Кор. Милости Запорозского, за волею Бога Вседержителя, въ року теперъ идучомъ, тисеча шестсотъ двадцат второмъ, мѣсяца Априля пятого дня, отъ вѣчное памяти и славы несмертелное годного Гетмана Войска Его Кор. Милости Запорозского, мужа христианскихъ цнотъ и милостини полнаго, пана Петра Конашевича Сагайдачного, при доброи памяти и здоровомъ умысле, въ хоробе его, будучи обраны отъ него самаго женѣ и повиннымъ его опевунами и всее худобы и маетности, ведле уподобаня и остатнее воли его, которую въ духовници остатнимъ тестаментомъ запечатовалъ и спорядити велѣлъ, шафарми и вѣрными диспозиторами, тисячей полторы золотыхъ, которыхъ онъ на школу Братства Лвовскаго, на науку и на цвиченья Бакаларовъ учоныхъ, легковалъ и вѣчными лѣты на пожитокъ ихъ офѣровалъ, таковымъ способомъ панюмъ Братіямъ Братства церковного храма Успения Пречистыя Богородицы въ мѣсте Львовѣ, якъ намъ повѣрено и полецено, повѣряемъ и повѣрилисмо, полецаемъ и полецилисмо по нихъ самыхъ и по ихъ потомкахъ братіяхъ Братства реченого, непрерваными часы мѣти то хотячи, абы зъ тыхъ полторы тисячи золотыхъ на каждый рокъ, на выхованье ученого майстра, въ Греческомъ языку бѣглого, Церкви Божой и дѣткамъ христианскимъ народу Россійскому потребного, золотыхъ полтораста пожитку прирасти могло, и то нигде индей, тылко на науку оборочано было. А тые полторы тисечи золотыхъ абы никакъ неубывали ани уменшали, зъ чого ихъ милости панове Братія, отъ почтаку тое фундацыи нашое, отъ року тисеча шестсотъ двадцатъ второго мѣсяца Июня двадцать четвертого дня, отъ дня рожества святого славного Пророка и Предотечи Іоанна, за зесланьемъ отъ мене любъ отъ потомка моего Митрополита Православнаго Киевского, и отъ

насъ Гетмана и потомка моего и всего рицерства Войска Его Кор. Милости Запорозского, посланника, маютъ и повинныи будутъ за всѣ хотъ надолшие лѣта зъ приростку на учителей школныхъ зъ полторусетъ золотыхъ рахунокъ пристойный и личбу чинити, а тую головную суму—полтори тисячи золотыхъ на мѣсцу и въ пожитку певномъ презъ вѣры годное свѣдоцтво цало указати, абы тая фундацыя того, всякое чти и памети вѣчное годного, мужа, пана Петра Конашевича Сагайдачнаго, зъ заслугъ всего рыцерства Войска Его Кор. Милости Запорозского, черезъ мене, Іова Борецкого Митрополита православнаго Киевскаго, учиненая, на школу албо рачей на дидаскаловъ, за чимъбы въ школе той Братской всегодне непрерване наука трвати могла, вѣчными и потомными часы не нищала ани уставала, обовезуючи въ томъ помененныхъ братий Братства церковного Лвовского, естлибы въ томъ значного старания чинить не хотѣли, я—зъ части моее духовное митрополитанское—страшнымъ Господа Бога моего именемъ и грознымъ а справедливымъ и неублаганымъ на недбалыхъ злыхъ дѣлателей Вседержителя судомъ; я—зъ части Войска Его Кор. Милости Запорозского, еслибы якое недбалство около наукъ по ихъ милость панахъ Братіяхъ которого часу пошляковано и пристойне показано было, кромѣ всякого позву и переводу правного, шкодою и зарукою другихъ таковыхъ полтори тисечи золотыхъ, которыхъ они, заплативши и до тое сумы приложивши, южъ совитый отъ трехъ тисячей пожитокъ триста золотыхъ до школы што годъ чинити повинни будутъ, намней неотступаючи отъ повинности своее. Въ чомъ и повторе, еслибы тоежъ недбалство въ оныхъ найдовалось, а пилности около школныхъ наукъ пристойне показатись не мѣло, зновъ въ совитость всѣхъ трохъ тисечей, до шести тисечей золотыхъ въ шкоды въ ровне совитей на каждый рокъ шестсотъ золотыхъ приробокъ и въ неотрочную около школы наукъ учтивыхъ пилность подпадати маютъ и повинны будутъ, и такъ, кромъ всякое вымовы, сами собою худобою зъ потомками во всѣ потомные вѣки всѣ братія Братства церковного храма Пресвятое Богородице Леополите около помноженья учтивыхъ наукъ въ школѣ

Братской въ месте Львове старатись, працовати и промыслъ вшелякій чинити, подъ вышъ описаною обликгаціею и кондыціями, яко спасение свое и народу и дѣтокъ своихъ и церкве Христовои помноженье милуючи, вѣчно и неотмѣнно, вespолъ и зъ нами, мают и повинни будутъ. И на томъ тую вѣчную войска его Кор. милости Запорозского фундацыю укгрунтовавши, и паномъ братіямъ Братства церковного Львовского въ руки подавши, тую помененную суму полтори тисячи золотыхъ черезъ посланниковъ умоцованыхъ ихъ милостей братію Братства Львовскаго: п. Григоріа Русиновича Романовича и пана Павла Михайловича, уистивши, при печати нашой митрополской, руками своими подписуемъ. Въ монастыри Михайловскомъ церкве Золотоверхое въ Киеве, дня 21 июля мѣсяца 1622 року отъ Христа, а отъ створенія свѣта 7130. Индикта пятого.

Іовъ Борецкій митрополитъ Киевскій рукою власною.

Олиферъ Остаповичъ Голубъ гетманъ войска его королевской милости Запорозского съ Товариствомъ.

Лаврентій Пашковскій писаръ.

(Эта запись сообщена мнѣ 1840 г. Денисомъ Зубрицкимъ, въ копіи, списанной имъ съ подлинника, хранящагося въ Ставропигіальномъ архивѣ Львовскомъ.)

2. Отрывки вѣршей (стиховъ), читанныхъ студентами Кіевобратской школы, при погребеніи гетмана Сагайдачнаго [1]).

Есть для чого гойныя слезы выливати,
Сердцы, усты, и шатми жаль свой освѣдчати:
Бо ото смерть горкая невчесне порвала

[1]) Въ Кіевлянинѣ 1350 г. къ настоящей статьѣ приложенъ снимокъ изъ заглавнаго листка книги «Вѣршѣ». На лицевой сторонѣ этаго листка находится слѣдующее полное заглавіе книги:

Вѣршѣ на жалосный погребъ зацного рыцера, Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска его кр. млсти Запорозкого.

Зложоныи презъ инока Кассіана Саковича, ректора школъ Кіевскихъ, въ Брацтвѣ.

Мовленые отъ его спудеовъ на погребѣ того цного рыцера в Кіевѣ, в недѣлю проводную, року Божого тысяча шестьсотъ двадцать второго.

В҃. ЦРСТ. Г҃.—НЕ ВѢСТЕ-ЛИ, ЯКО ВЛАСТЕЛИНЪ ВЕЛИКЪ ПАДЕ В СІЙ ДЕНЬ ВЪ ІИЛИ.

Славного рыцера, котрого похвала
Кролю пану и Рѣчи посполитой была;
Бо его слава въ многихъ краяхъ земныхъ слыла.
Славное войско годно такого гетмана,
Который пилне стерегъ чести своего пана;
Умѣлъ мудре тымъ силнымъ войскомъ кероватн,
Доброго любилъ, злого зась звыклъ былъ карати.
Для тогожъ и звитязства часто доказовалъ,
Же карность съ послушенствомъ въ своемъ войску мѣвалъ.
Пилне онъ того стерегъ, бы война съ христіаны
Христіаномъ не была, лечъ толко съ поганы,
Которыхъ онъ водою и сухомъ воевалъ,
И плененныхъ христіанъ зъ моцы ихъ выдиралъ.
Слушне о томъ гетманѣ каждый держать може,
Же былъ правый гетманъ, дай му вѣчный покой, Боже!
За великую себѣ мѣлъ то нагороду,
Гды зъ неволи вызволитъ кого на свободу.
Кгдыжъ война для тыхъ толко причинъ маетъ быти:
Себе отъ кривдъ и иныхъ также боронити.
О, цный гетмане, славный въ людехъ по всѣ вѣки,
Нехай тя пріиметъ Христосъ въ небесныи лики!

Не разъ онъ громилъ орды Татаровъ на шлакахъ,
И загоны ихъ разилъ въ великихъ оршакахъ.
Дозналъ моци рыцера того Турчинъ силный,
Въ томъ тогорочномъ бою, якъ то былъ мужъ дѣлный.
Же въ маломъ почтѣ своихъ, Турскимъ многимъ полкомъ,
Менжне спиралъ поганскимъ розъѣдлымъ волкомъ,
За ойчизну менжне ся имъ заставляючи,

На оборотной сторонѣ листка помѣщенъ гербъ Запорожскаго войска (козакъ, съ мушкетомъ на лѣвомъ плечѣ, идущій на право) и слѣдующая надпись:

На гербъ славного войска ег. кр. мл. Запорозкого.
Кгды мензства Запорожцовъ кролеве дознали,
Теды за гербъ такого имъ рыцера дали.
Который ото готовъ ойчизнѣ служити,
За волность ен и свой животъ положити.
И якъ треба: землею, албо тыжъ водою,
Вшеляко—онъ способный и прудкій до бою. (Ред).

Здоровя своего намнѣй не охороняючи.
Волѣлъ самъ, якъ Кодрусъ кроль въ Атенахъ въ Греціи,
Смерть поднять, бы ойчизна токмо была вцѣлѣ.
Гдыжъ лепѣй есть стратити животъ за ойчизну,
Нѣжли непріятелю достаться въ коризну;
Кто бо вѣмъ за ойчизну не хочетъ вмирати,
Тотъ потомъ зъ ойчизною мусить погибати.
Цный Сагайдачный волѣлъ самъ рану подняти,
Нѣжли бы поганину христіанъ выдати;
Отъ которои раны ото умираетъ,
Але слава и мензство его зоставаетъ.

—

По прожну фрасуетъ ся всякъ живый человѣкъ,
Поневажъ короткій есть его на свѣтѣ вѣкъ.
Богатство, мудрость, слава, сила, все преходитъ,
Нѣчого ся трвалого въ мірѣ не находитъ.
Што можемъ въ томъ рыцеру нашомъ оглядати,
Же такъ не иначей есть, латво узнавати.
Чи-ли онъ не мѣлъ силы, здоровя, и грошій;
Не былъ ли славный, менжный, на тѣлѣ хорошій;
Чи-ли не мѣлъ докторовъ на свою хоробу!
Лечъ на смерть нѣтъ лѣкарства, отдается гробу.
Чловѣкъ якъ тѣнь, сонъ, трава: якъ цвѣтъ увядаетъ,
Нагъ ся родитъ, нагъ сходитъ, все ся тутъ зостаетъ.....

—

Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Пренысскихъ,
Выхованъ въ вѣрѣ церкви всходней зъ лѣтъ дѣтинскихъ.
Шолъ потомъ до Острога, для наукъ уцтивыхъ,
Которыи тамъ квитли, за благочестивыхъ
Княжатъ, которыи ся въ наукахъ кохали,
На школы маетностій много фундовали:
Абы ся млодь въ наукахъ уцтивыхъ цвѣчила,
Церкви и тыжъ отчизнѣ пожиточна была.
Дай Боже, бы тая тамъ фундація трвала,
Жебы ся оттоль хвала Божія помножала!

Тамъ теды Конашевичъ часъ не малый живши,
И наукъ въ писмѣ нашомъ Словенскомъ навыкши,
Потомъ видячи ся быть способнымъ до мензства,
Шолъ до Запорозкого славного рыцерства,
Межи которымъ презъ часъ не малый жіючи
И рыцерскихъ дѣлностей тамъ доказуючи,
Гетманомъ потомъ себѣ войско го обрало,
И зъ нимъ менжне Татаровъ и Турковъ бивало.
За своего гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу,
Ажъ и самъ цезаръ Турскій былъ въ великомъ страху:
Бо му чотырнадцать тисячъ тамъ людей збилъ,
Катарги едины палилъ, другія потопилъ;
Много тогды зъ неволѣ христіанъ свободилъ,
За што Богъ зъ воинствомъ его благословилъ
Бо за найбольшую нехъ собѣ нагороду
Почитаетъ рыцеръ, кгды кого на свободу
Вызволитъ: за што грѣховъ собѣ отпущене
Одержитъ, а по смерти въ небѣ въмѣщене,
Дозналъ не по единъ кроть Турчинъ поганинъ
Его мензства, и прудковоенный Татаринъ.
Повѣсть и Мултянская земля и Волошинъ,
Якъ ихъ тотъ гетманъ зъ своимъ рыцерствомъ полошилъ.
Досвѣдчилъ и Инфлянтчикъ того войска силы.
Гды ихъ тамъ тыи рыцери якъ траву косили...
И завше онъ дѣлностю своею въ то трафлялъ,
Якъ бы безъ шкоды своихъ непріятелювъ досталъ,
Теды церкви въ покою оставляти казалъ....
И завше зъ своимъ войскомъ Кроля пана просилъ.
Абы вѣру нашу святую успокоилъ,
Офѣруючися му тымъ хентнѣй служити,
Кгдыбы рачилъ релію нашу успокоити,
Для которыи междоусобная война
Дѣется межи людми въ панствѣ Кроля пана,
Кгдыжъ за вѣру готовъ есть правый христіанинъ
Умирати, а недасть ся привести до новинъ.
А кгды тую прозбу Кроль зъ Сенатомъ откладалъ:
Тымъ часомъ патріарха вчасне къ намъ завиталъ,

Зъ землѣ святои, мѣста Іерусалима,
Отколь вышла на ввесь свѣтъ правдивая вѣра.
Которого тотъ гетманъ зъ войскомъ наведивши
Въ Кіевѣ, и поклонъ му достойный отдавши,
Съ православными почалъ раду въ томъ чинити:
Жебы могли пастырей православныхъ мѣти
Въ церкви своей, на мѣстцахъ владыковъ Унѣтовъ,
Которыхъ маетъ народъ нашъ за езуитовъ,
Кгдыжъ Унѣяти зъ ними единомудръствуютъ,
Всѣхъ подбити подъ владзу папѣ усилуютъ.
Обравши теды згодне всѣ, зъ людей духовныхъ,
Честныхъ мужей и въ писмѣ бѣглыхъ особъ годныхъ:
Патріарсѣ святому ихъ презентовали,
О посвяченя ихъ на владыцства жадали.
А кгды святѣйшій отецъ съ екзархомъ [1]) обачилъ
Слушность въ жаданю, особъ тыхъ посвятити рачилъ:
Іова Борецкаго на митрополію,
И владыкъ на каждого ихъ епископію.
Зоставивши теды намъ святыню въ Россіи,
Святѣйшій патріархъ самъ ѣхалъ до Кгреціи.
Которого тотъ рыцеръ зъ войскомъ Запорозкимъ
Отпровадилъ въ покою къ границомъ Волоскимъ,
Чинячи то за его кр. мил. позволенемъ,
И тыжъ войска Запорозкого повеленемъ.
О, якій тамъ плачъ былъ, кгды ся войско вертало
Назадъ, и зъ святѣйшимъ отцемъ южъ жегнало:
Сердце ихъ правѣ мдлѣло зъ набожного жалю,
Въ ономъ ихь зъ собою ся въ дорозѣ розстаню.

Тую теды послугу годне отправивши
И благословеніе Войску одержавши,
Вернулися въ покою до своихъ салашовъ,
И ледво троха вытхли: али Турчинъ нашолъ,
Зъ многоличбнымъ поганствомъ на отчизну нашу,
Южъ назначивши свого до мѣстъ нашихъ башу,

---

[1]) Объ экзархѣ *Арсеніи*, тогда бывшемъ въ Кіевѣ, упоминаетъ патр. Θеофанъ въ своей Грамотѣ Богоявленскому Братству 1620 г. Мая 27.

Который въ Запорозкомъ Войску хотѣлъ снѣдати,
А въ Полскомъ зась обозѣ мыслилъ обѣдати.
Але Богъ, въ котораго моцы есть звитязство,
Додалъ моци нашому Войску на поганство,
Же хотъ шесть кроть не ревно, предъ ся утѣкали
Турци предъ нашими, кгды на нихъ натирали:
Снѣданя имъ посполу зъ обѣдомъ даючи,
А на вечеру на честь до Плютона шлючи,
Котории не хтячи другія чекати,
Ради не ради, назадъ мусѣли вступати.
Дознадъ теды поганинъ Іисуса Христа,
Которого блюзнили злыи его уста,
Же нашихъ священниковъ хотѣлъ въ плугъ запрягати,
И въ домахъ Божіихъ конѣ обещалъ ставляти.
Але гордому, все ся то вспакъ обернуло:
Же мало што войска зъ нимъ назадъ ся вернуло.
Такъ то Богъ гордымъ завше звыклъ ся спротивляти;
Покорнымъ зась и тихимъ благодать давати!
Изъ нашихъ, хоть много тамъ побитыхъ и ранныхъ.
Зостало, оружіемъ Турчиновъ поганыхъ:
Еднакъ, если зъ сповѣдю шли на тую войну,
Возмутъ заплату въ Небѣ, за мужество, гойну:
Же за христіанскую кровъ ся заставляли,
Ойчизны бороначи, кровъ свою выляли.
На томъ же пляцу тотъ нашъ Гетманъ пострѣленый,
Пріѣхалъ до Кіева, наполы умерлый:
Где розмаитыхъ лѣкарствъ долгій часъ заживалъ,
На докторы отъ Кроля самого коштъ мѣвалъ.
Бо ктожъ бы не зычилъ былъ такому Гетману
Здоровя, што вѣрне служилъ Ойчизнѣ и Пану.
А кгды тѣлу лѣкарство намнѣй не помогало,
И овшемъ въ болшую го хоробу затягало:
Началъ далей о душномъ лѣкарствѣ мыслити,
Якъ бы отъ змазъ грѣховныхъ моглъ ся очистити,
На которую плястры такіе прикладалъ:
Жаль и слезы гойныя за грѣхи выливалъ,
Ку смерти ся отъ килку недель готуючи,

Споведю и жалостю грехи ветуючи.
Тайну седмъкроть принялъ маслосвященія,
Такъ тежъ тайны святого зъ нимъ причащенія.
Маетность свою роздалъ, едну на шпиталѣ,
Другую зась на церквы, школы, монастырѣ.
И такъ все спорядивши, живота доконалъ.
При церкви Братской честно въ Кіевѣ поховань.
Въ котрое ся Братство, со всѣмъ Войскомъ вписалъ,
И на на него ялмужну значную отказалъ.
Съ того Гетмана кождый рыцеръ нехъ ся учитъ,
Якъ бы тыжъ мѣлъ на свѣтѣ тотъ животъ свой кончить.
Ото онъ въ вѣрѣ своеи святой трвалъ статечне,
И ойчизны своеи боронилъ тыжъ менжне.
И маетностю добре своею шафовалъ,
Не на костки, и карты, и збытки оберталъ;
Але, яко есь слышалъ, на рѣчи добрыи,
Души его по смерти барзо потребныи.
Видѣлъ онъ и Лвовское Братство, хоть далеко,
Церковь ихъ въ мѣстѣ надѣлилъ, неледаяко:
Суму значную грошій до Братства лекговалъ,
Ажебы науки тамъ были, пилне жадалъ.
И такъ отъ всѣхъ повсюду богомолье маетъ:
За тымъ, нехъ душа его въ небѣ почиваетъ!

ВОСПОМИНАНІЕ О ЕПИСКОПѢ ИСАКІѢ БОРИСКОВИЧѢ. [1])

Какъ часто въ историческихъ воспоминаніяхъ объ іерархіи Кіевской приходится намъ останавливаться на той четверти вѣка, когда въ Югозападной Руси, подпавшей Польскому владычеству, введена была церковная Унія, и православный здѣшній народъ оставался безъ своего митрополита, а на нѣсколько лѣтъ и безъ своихъ епископовъ... Въ это тягостное двадцатипяти-лѣтіе пробудилась, наконецъ, духовная дѣятельность истомленнаго и надолго воздремавшаго Кіева; а въ 1620-мъ году возстановилась и православная Кіевская митрополія. Она возстановлена была, какъ извѣстно, возвращавшимся изъ Москвы Іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, по особенному настоянію козацкаго гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго. Тогда посвящены были: въ митрополиты Кіевскіе — игуменъ Михайловскаго монастыря *Іовъ Борецкій* и шесть православныхъ епископовъ на занятыя уніатами епархіи Западно-русскія. Великимъ торжествомъ народнымъ было это историческое событіе, хотя и трудна была дѣятельность и самая доля новопоставленныхъ святителей Руси, при тогдашнемъ вѣрогоненіи и соблазнѣ со стороны Польско-католической. Но тѣмъ болѣе достойны воспоминанія тогдашніе люди, труждавшіеся на пользу православія и пребывшіе ему вѣрными до конца. Къ числу менѣе извѣстныхъ и видныхъ подвижниковъ того времени принадлежитъ *Исакій Борисковичъ*, посвященный патріархомъ Ѳеофаномъ въ епископы Луцкіе и Острожскіе.

Родомъ онъ былъ Украинецъ. Подъ исходъ XVI-го вѣка поступилъ онъ въ послушники Печерской лавры; а отсюда

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 № 4, стр. 146.

перешелъ на услуженіе къ Александрійскому патріарху Мелетію, при которомъ и находился около семи лѣтъ. Отъ него Исакій принялъ посвященіе въ діаконы, и былъ посыланъ въ Іерусалимъ къ патріарху Софронію; оттуда ѣздилъ въ Антіохію къ патріарху Іоакиму; а, по возвращеніи, къ Мелетію, засталъ его уже на смертномъ одрѣ и видѣлъ его кончину въ день Воздвиженія Честнаго Креста. Отъ преемника его, Кирилла Кандійца, бывшаго впослѣдствіи патріархомъ Константинопольскимъ, Исакій принялъ посвященіе въ пресвитеры; удалился потомъ въ Святую гору и, проведя тамъ болѣе десяти лѣтъ, посѣтилъ свою родную землю Южнорусскую.

Тутъ мы встрѣчаемъ его въ 1617 году на первомъ листѣ *Каталога* новоучреждавшагося Луцкаго Братства. Исакій поставленъ былъ тогда въ игумены, находившагося возлѣ Луцка (на острову рѣки Стыри), Чернчицкаго монастыря, на мѣсто схимника Григорія Микулича, бывшаго первоначальникомъ того крестовоздвиженскаго Луцкаго Братства. А, спустя три года, Исакій посвященъ былъ въ епископы Луцкіе и Острожскіе. Но эта епископская каѳедра, также какъ и другія, находилась въ рухахъ уніатскихъ, и онъ не успѣлъ взять ее въ свое управленіе; онъ принужденъ былъ отказаться и отъ настоятельства въ Стѣпанскомъ Михайловскомъ монастырѣ, порученнаго ему княземъ Янушемъ Острожскимъ.

(Въ томъ монастырѣ, устроенномъ еще княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ, по его же приглашенію, находился съ 1599 года Бѣлградскій митрополитъ Лука, а съ 1603-го Пелогонскій митрополитъ Іеремія, а въ 1606—1610 годахъ владыка Мокачевскій, должно быть, Амфилохій).

Оставшись такимъ образомъ безъ мѣста, только съ титуломъ епископа Луцкаго и Острожскаго, Исакій Борисковичъ находился въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ, при митрополитѣ Іовѣ, до самой кончины сего приснопамятнаго архипастыря, сослужа ему и принимая дѣятельное участіе во всѣхъ тогдашнихъ дѣлахъ церковныхъ. Между прочимъ, въ 1624 году, онъ ѣздилъ въ Москву съ порученіемъ отъ митрополита Іова къ царю и патріарху о принятіи всей Кіевской

Руси подъ державу Московскую. Но это предложеніе въ тѣ поры было еще преждевременно, потому и не могло быть принято. Исакію поручено было доставить Кіевскому митрополиту царское жалованье «пять сороковъ соболей», да патріаршее благословеніе «образъ пресвятыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, окладъ серебрянъ золоченъ съ каменьемъ»; а епископу Луцкому дано на отпускѣ «три сорока соболей, цѣною на сто рублевъ».

Въ послѣдній разъ мы видимъ Исакія въ 1633 году, во Львовѣ, на посвященіи въ Кіевскіе митрополиты—Печерскаго архимандрита Петра Могилы. Это посвященіе было, какъ извѣстно, еще при жизни престарѣлаго Исаіи Копинскаго, который въ 1620 году былъ посвященъ въ епископы Перемышльскіе, съ 1628 года былъ архіепископомъ Смоленскимъ и Черниговскимъ, будучи при томъ игуменомъ монастырей заднѣпрскихъ, т. е. восточно-украинскихъ; а въ *1631* году, по кончинѣ Іова Борецкаго, выбранъ былъ въ игумены Михайловскіе и въ митрополиты Кіевскіе. Кончина сего богомысленнаго мужа, даже и въ писаніяхъ митрополита Евгенія полагается преждевременно въ 1634 году. Мнѣ достовѣрно извѣстно, изъ гродской Владимирской книги 1637 года, что Исаія Копинскій въ томъ году, 5 іюня, являлся самъ на урядѣ гродскомъ Владимірскомъ, съ жалобною просьбою о возвращеніи ему Михайловскаго монастыря; а въ старомъ помянникѣ Антоніевой пещеры я читалъ въ 1840 году слѣдующую современную замѣтку: «Родъ *Исаіи Копѣнского* митрополита Кіевского. Року *1640* окт. 5 преставися».

Когда и гдѣ окончилъ свою жизнь Исакій Борисковичъ, мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что у Межигорцевъ долго поминался онъ въ числѣ *ктиторовъ* ихъ монастыря; но имя Исаіи Копинскаго не было вписано ни въ числѣ игуменовъ, ни въ числѣ ктиторовъ Межигорскихъ. Напрестольный серебряный крестъ Исакія Борисковича хранился въ Межигорьи до послѣдняго времени монастыря; а его краснобархатныя ризы, построенныя 1625 года, можно видѣть и нынѣ въ преображенскомъ Межигорскомъ храмѣ.

1-го февр. 1865 года
на Старомъ Кіевѣ.

АКТЪ ИЗБРАНІЯ ПЕТРА МОГИЛЫ ВЪ МИТРОПОЛИТЫ КІЕВСКІЕ [1]).

Избраніе достопамятнаго Петра Могилы въ митрополиты Кіевскіе, на мѣсто престарѣлаго Исаіи Копинскаго, есть событіе весьма замѣчательное въ исторіи Кіевской іерархіи, но еще не вполнѣ ею изъясненное. Потому каждая новая подробность о немъ любопытна. Здѣсь предлагается читателямъ неизвѣстный доселѣ актъ избранія двухъ кандидатовъ на митрополію Кіевскую, *Петра Могилы* и *Михаила Ласка*, представленныхъ на выборъ и утвержденіе одного изъ нихъ новоизбранному тогда королю Владиславу IV-му. Этотъ актъ, писанный на польскомъ языкѣ, какъ и всѣ подобные акты того времени, сохранился въ одномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежавшемъ, какъ видно, православно-русскому человѣку, жившему во второй половинѣ XVII-го вѣка и вносившему въ свою памятную книгу разные документы, рѣчи, разсужденія и т. п., имѣющіе связь съ судьбою православія въ тогдашней Польшѣ. Между прочимъ, тамъ помѣщена и благодарственная рѣчь Владиславу, сказанная «отъ лица старой Руси» *Михаиломъ Кропивницкимъ*,—имя котораго находится и на этомъ избирательномъ листѣ, въ числѣ прочихъ православныхъ людей тогдашней западной Руси. И сколько между ними памятныхъ для насъ лицъ, начиная съ *Вороничей*, основателей Иржищевскаго монастыря, до *Лаврентія Древинскаго*, славнаго своею сеймовою рѣчью Жигимонту III-му и *Александра Пузыны*, избраннаго тогда же въ епископы Луцкіе и Острожскіе, и *Самуила Машкевича*, извѣстнаго своимъ исто-

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1867, № 8.

рическимъ сочиненіемъ, и другихъ!.... Впрочемъ этотъ списокъ представляетъ только нѣкоторую часть русскихъ людей, бывшихъ на томъ избирательномъ сеймѣ въ ноябрѣ 1632 года.—*М. М.*

Мы, сановники и рыцарство, и все духовенство, обыватели короны Польской и великаго княжества Литовскаго, люди народа Русскаго, религіи Греческой, находящіеся въ послушаніи святаго отца и пастыря нашего, патріарха Константинопольскаго, подписями рукъ нашихъ ниже поименованные и подробно означенные,—для благополучнаго избранія вновь государя нашего собравшись сюда изъ всѣхъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, въ которыхъ находятся люди народа Русскаго, религіи старожитной Греческой, то есть, изъ воеводствъ короны Польской: Кіевскаго, Русскаго, Волынскаго, Подольскаго и Браславскаго, а также изъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, лежащихъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ: Виленскаго, Троцкаго, Новогрудскаго, Витебскаго, Полоцкаго, Мстиславскаго, Брестскаго, Минскаго, Браславскаго, Оршанскаго, Пинскаго и прочихъ, участвуя всѣ сообща, по древнимъ правамъ и обычаямъ, въ избраніи общаго пастыря нашего, митрополита всея Руси, находящейся въ послушаніи патріаршемъ,—согласно, явно, ясно и добровольно объявляемъ и сознаемъ слѣдующее: Принимая во вниманіе, что послѣ долгаго и скорбнаго для насъ времени, нашему Русскому народу, мѣрами обсужденными и поставленными вновь избраннымъ королемъ его милостію, государемъ нашимъ милостивымъ, съ согласія всей речи посполитой, дано и возстановлено древнее право и свобода, такъ, что мы можемъ теперь избирать вольною подачею голосовъ какъ верховнаго нашего пастыря митрополита Кіевскаго, такъ и другихъ отцовъ епископовъ, согласно съ пунктами, постановленными найяснѣйшимъ королемъ его милостію и депутатами, для сего дѣла назначенными; принимая также во вниманіе, что въ силу необходимости и обязанности, возложенной на насъ тѣми же пунктами, мы должны представить во время коронаціи двухъ

избранныхъ въ санъ митрополита кандидатовъ, изъ которыхъ одного его королевская милость, государь нашъ милостивый, благоволитъ утвердить и уполномочить привилегіями; такъ какъ намъ было бы затруднительно собраться вторично въ такомъ составѣ и числѣ избирателей, имѣющихъ право на подачу голоса, въ какомъ находимся нынѣ; такъ какъ притомъ, по самому порядку церкви Божіей, слѣдуетъ выбрать митрополита прежде, чѣмъ епископовъ, которые должны быть хиротонисаны митрополитомъ и находиться въ зависимости отъ него: то, вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, мы на семъ мѣстѣ избираемъ тѣхъ, кого самъ Господь Богъ указалъ сердцамъ нашимъ,—соединяющихъ въ себѣ съ древнимъ и знатнымъ происхожденіемъ, высокими добродѣтелями, благочестіемъ и мудростію, постоянство и ревность къ религіи нашей и другія требуемыя условія. Мы избираемъ и представляемъ: одного—преподобнаго отца Петра Могилу, воеводича земли Молдавской, архимандрита Печерскаго, съ такимъ условіемъ, что, если поименованный отецъ архимандритъ Печерскій получитъ привилегію на санъ митрополита, то архимандрія будетъ неразлучно соединена съ митрополіею до конца его жизни или до того времени, пока митрополія не получитъ достаточнаго обезпеченія (бенефицій), такъ какъ до сихъ поръ эта высокая степень лишена всякихъ средствъ, между тѣмъ какъ митрополиту предстоятъ необходимые большіе расходы, особенно же для обновленія каѳедральной митрополичьей Кіевской церкви пресвятой Премудрости или Софіи, находящейся въ разрушеніи и упадкѣ; однако тотъ митрополитъ, который будетъ преемникомъ нынѣ избраннаго отца архимандрита Печерскаго, не будетъ имѣть никакого права ни на санъ архимандрита Печерскаго, ни на имѣнія Печерскаго монастыря, въ качествѣ митрополита, и монастырь Печерскій долженъ впредь на будущія времена сохранять свои древнія права и привилегіи. Другаго же избираемъ его милость, пана Михаила Ласка, подстаростія Винницкаго, обывателя воеводствъ Кіевскаго и Браславскаго. Всѣ единодушно подаемъ голоса наши на ихъ милостей, при семъ нашемъ согласномъ избраніи, представляемъ милостивому благо-

усмотрѣнію его королевской милости государя нашего милостиваго, которому изъ сихъ двухъ избранныхъ нами кандидатовъ благоволитъ предоставить санъ митрополита. Въ удостовѣреніе же всего вышесказаннаго, выдали мы ихъ милостямъ, избраннымъ кандидатамъ, сей актъ избранія, который подтверждаемъ подписями рукъ нашихъ и приложеніемъ нашихъ печатей. Данъ въ Варшавѣ 1632 года....

Филонъ Вороничъ, подкоморій Кіевскій.

Ѳедоръ Вороничъ, подчашій Кіевскій.

Адамъ изъ Брусилова Кисель, секретарь его к. м.

Григорій Черникъ, депутатъ воеводства Кіевскаго.

Иванъ Попель.

Василій Лихтинскій изъ Лихтина.

Иванъ Хлопецкій.

Ксенофонтъ Литинскій.

Григорій Комарницкій.

Андрей Турчанскій изъ Турчаго.

Андрей Хлопецкій.

Петръ Шептицкій.

Василій Яворскій.

Николай Шептицкій.

Яковъ Березницкій, самъ отъ себя и отъ всѣхъ пановъ Березницкихъ.

Юрій Пузына, ловчій Волынскій.

Павелъ Монастерскій.

Григорій Четвертинскій.

Лаврентій Древинскій, чашникъ Волынскій и секретарь его к. м.

Семенъ Гулевичъ-Воютинскій, писарь Луцкій Земскій.

Александръ Пузына.

Павелъ Гулевичъ-Воютинскій.

Юрій изъ Збаража Воронецкій.

Филонъ Еловицкій.

Михаилъ Кропивницкій, подсудокъ и депутатъ воеводства Браславскаго.

Василій Рогозинскій, депутатъ воеводства Браславскаго.

Николай Ободенскій, депутатъ воев. Браславскаго.

Иванъ Огинскій изъ повѣта Вилькомирскаго.
Александръ Огинскій, хорунжій Троцкій.
Богданъ Стеткевичъ, подкоморій Мстиславскій.
Иванъ Стеткевичъ изъ повѣта Оршанскаго, хорунжій е. к. м.
Самуилъ Огинскій, стольникъ Троцкій.
Севастьянъ Мирскій, судья земскій Браславскій.
Григорій Володковичъ изъ воеводства Новогрудскаго.
Григорій Куницкій изъ воеводства Новогрудскаго.
Николай Быковскій.
Николай Позаржицкій.
Самуилъ Машкевичъ изъ Сервеча, писаръ Гродскій Новогрудскій.
Николай Ломскій.
Григорій Война.
Кондратъ Давыдовичъ.
Павелъ Шембель.
Иванъ Самонтъ-Деревопьдъ.
П. П. *Терлецкіе* изъ воеводствъ Русскаго и Волынскаго: подсудокъ и хорунжій Владимирскіе.
Андрей Загоровскій.
Максимиліанъ Бржозовскій изъ вел. кн. Литовскаго.
Комаровскій.
Токаревскій.

ПИСЬМА О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ [1]).

До булавы треба головы.
Украинская пословица.

Письмо первое.

Когда мы съ тобою, любезный академикъ, доканчивали, въ «Русской Бесѣдѣ», ученую распрю нашу за древность Малороссійскаго народа и языка въ землѣ Кіево-Переяславской, тогда ты написалъ мнѣ вотъ что: «Богданъ былъ великій человѣкъ; память его драгоцѣнна Малороссіянину; но на славный его подвигъ можно и должно смотрѣть съ различныхъ сторонъ: одна сторона—*Московская*, другая—*Кіевская*. Я радъ поговорить съ тобою о Богданѣ, когда кончится изданіе превосходнаго, кажется, труда г. Костомарова.

Спасибо за такія рѣчи! Но трудъ г. Костомарова изданъ былъ весь, того же 1857 года, въ восьми номерахъ «Отечественныхъ Записокъ»; а теперь передъ нами уже *второе, пополненное* его изданіе, въ двухъ томахъ, Спб. 1859 г. И если ты все еще *радъ* поговорить со мною о Богданѣ, то я и подавно радъ бесѣдовать о немъ съ тобою — не потому только,

---

[1]) М. А. Максимовичъ написалъ о Богданѣ Хмельницкомъ 18 писемъ и помѣстилъ ихъ разновременно въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ 1859 и 1860 гг.. Пять первыхъ писемъ адресованы М. П. Погодину и были помѣщены: 1—4 въ изданномъ М. А. Максимовичемъ Украинцѣ. (Кіевъ. 1859 г., стр. 147—174), подъ общимъ заглавіемъ: «*Письма о Богданѣ Хмельницкомъ къ М. П. Погодину;*» затѣмъ одно письмо, носившее заглавіе: «*О пріѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья,—пятое письмо къ М. П. Погодину*», помѣщено было въ Русской Бесѣдѣ (1859 г. кн. VI). Остальныя 13 писемъ адресованы Н. И. Костомарову; они были помѣщены: 6-ое, «*Отвѣтъ на объясненіе г. Костомарова*» и 7-ое, «*Споръ о Малороссійскихъ именахъ*» въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1860 г. (№№ 8 и 103); наконецъ послѣднія 11 писемъ къ Н. И. Костомарову (каждое съ отдѣльнымъ заглавіемъ) были помѣщены въ журналѣ Основа (1860 г. кн. 2 и 5).

что мнѣ, какъ «щирому Малороссіянину», драгоцѣнна память достославнаго гетмана,—не потому только, что историческая бесѣда съ тобою не одному мнѣ, но и читателямъ нашимъ, конечно, бываетъ въ назиданіе, небезплодное и для науки; но еще и потому, что теперь именно мнѣ хочется этою бесѣдою отвлечь лишній разъ твои мысли отъ современности—и не въ глубокую древность Руси, въ которую ты и самъ постоянно уединяешься,—а только въ XVII-й вѣкъ, на берега моего родимаго Днѣпра Славутицы.... Сладко окунуться въ волнахъ минувшаго бытія, когда бываешь утомленъ и запыленъ дѣйствительностью современною.....

«Широко раздолье по всей земли;
Глубоки омуты Днѣпровскіе»!

Обо всемъ, что относится къ жизни Москвы и Великой Руси, ты говорилъ всегда съ такимъ живымъ разумѣніемъ и чувствомъ Русской души: говори же мнѣ о нашемъ Богданѣ, глядя на великій подвигъ его съ твоей *Московской* стороны; пусть увижу я: въ чемъ ты полагаешъ различіе этой стороны отъ нашей *Кіевской?*

А мой взглядъ на Богдана тебѣ извѣстенъ, особенно изъ двухъ статей моихъ, помѣщенныхъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 года, т. е.: изъ «Воспоминанія о Богданѣ Хмельницкомъ» (кн. I) и «письма къ М. А Грабовскому—о причинахъ взаимнаго ожесточенія Поляковъ и Малороссіянъ въ XVII вѣкѣ» (кн. IV). При моемъ Кіевскомъ взглядѣ на славный подвигъ Богдана, я и здѣсь, въ Москвѣ, когда въ виду Кремля любуюсь великолѣпнымъ памятникомъ Минина и Пожарскаго, всегда говорю себѣ: за чѣмъ же и до сихъ поръ нѣтъ ни въ Кіевѣ, ни въ Переяславѣ, подобнаго памятника освободителю Малороссіи отъ того же самаго ига, тяготѣвшаго надъ нею еще болѣе и долѣе, чѣмъ надъ Москвою!..... И если уже не попеклись объ томъ Разумовскіе, Завадовскіе, Бербородьки, Трощинскіе и другіе Малороссіяне, то—хоть бы вы Великороссіяне вздумали, наконецъ, выплатить этотъ долгъ своей благодарной памяти славному гетману, руками котораго вся Малороссія, восточная и западная, оторвалась отъ Рѣчи по-

сполитой Польской и примкнулась къ Москѣ, въ общій составъ Русскаго міра....

Я думаю, что мой Кіевскій взглядъ на Богдана сойдется съ твоимъ Московскимъ—въ одно *Русское воззрѣніе*, также, какъ Московская и Кіевская Русь—двѣ стороны одного *Русскаго міра*, надолго разрозненныя и даже противостоявшія другъ другу, сошлись *воедино* — усиліями Богдана. Его постоянное устремленіе къ Московской Руси, во все продолженіе своей шести-лѣтней, многотрудной борьбы съ Поляками — его усиліями совершенное отторженіе цѣлой Малороссіи отъ Польской короны и присоединеніе къ державѣ Русской, его крѣпкое настояніе и дѣятельное участіе козацкими силами въ отвоеваніи Смоленска и всей Бѣлоруссіи Москвою отъ Польши; и то, что въ 1654 году царь *Великой* Россіи сталъ царемъ *Малой*, а вслѣдъ за тѣмъ и *Бѣлой* Руси, и положено было тогда счастливое начало великому историческому дѣлу—*возсоединенію всей Владиміровой Руси*, и понынѣ еще не вполнѣ доконченному: все это даетъ Богдану полное право, чтобы память его была драгоцѣнною и для Великороссіянина, и для всей Руси.

19 февраля, 1859 г.

P. S. Ты былъ ораторомъ при открытіи памятника Карамзину; не помнишь ли, во что обошлось сооруженіе памятника? А я припомню тебѣ вотъ что: когда цѣлая Малороссія поступила подъ Русскую державу, то Чигиринское староство осталось по прежнему на булаву гетманскую; а городъ *Гадячь* со всѣми угодьями, составлявшій имѣніе королевское, пожалованъ былъ въ вѣчность гетману Хмельницкому и его потомкамъ, царскою грамотою 1654 года, марта 24 дня. Впослѣдствіи Гадячь поступилъ въ число ранговыхъ гетманскихъ имѣній, которыя были пожалованы въ потомственное владѣніе графу К. Г. Разумовскому, при увольненіи его отъ гетманства, 1764 года. Но въ 1785 году Императрица выкупила въ казну городъ Гадячь съ волостью, гдѣ считалось крестьянъ 9, 948 душъ м. п., заплативъ 596,880 рублей, т. е. по 60 р. за душу.

Письмо второе.

Любимецъ и представитель народа своего, краса и слава козачества Южнорусскаго,—Богданъ Хмельницкій былъ любимымъ героемъ и Малороссійскаго лѣтописанья,—и отъ первой лѣтописи Заднѣпровскаго козака, прозваннаго *Самовидцемъ*, и до послѣдней исторіи Малороссіи, сочиненной Прилуцкимъ помѣщикомъ *Н. А. Маркевичемъ*. Помянутая лѣтопись XVII вѣка, [1]) и двѣ старшія лѣтописи прошлаго столѣтія, т. е. *Грабянки* (1710) и *Величка* (1720),—какъ видно по ихъ заглавіямъ, и начались собственно, какъ сказанія о войнахъ Хмельницкаго съ Поляками; а потомъ уже обратились въ сказанія о послѣдующихъ десятилѣтіяхъ. Исторія Малороссіи Маркевича, написанная въ 1840 году, представляетъ въ себѣ живой и увлекательный разсказъ о гетманствѣ Хмельницкаго, напоминающій иногда художественность первоначальника Малороссійской исторіи Конискаго; но къ сожалѣнію, новый историкъ слишкомъ придержался стараго историка со стороны фактическій, и напрасно старался поддерживать многія ошибки его, которыя были уже безвременны послѣ исторіи Бантыша-Каменскаго (1829 г.),—исторіи, конечно, мертво-холодной и не безошибочной, но много обогатившей исторію гетманства Богдана свѣдѣніями документальными, изъ Московскаго архива заимствованными.

Между тѣмъ, именно съ сороковаго года, начался для насъ приливъ историческій, обнародованьемъ памятниковъ Русскихъ и Польскихъ, которые или совсѣмъ были неизвѣстны, или доступны были для весьма немногихъ. Въ томъ числѣ издано много памятниковъ и объ эпохѣ Хмельницкаго, которые вызывали собою новаго дѣятеля на новое повѣствованіе о Богданѣ, удовлетворительнѣйшее всѣхъ прежнихъ. И комуже было взяться за это дѣло, какъ не тому молодому препода-

---

[1]) Она начинается съ заглавія: Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго. Предостерегаю тебя, что вводное начало придѣлано къ ней позднѣе, не ранѣе, какъ во второй четверти прошлаго столѣтія, и взято сокращенно изъ лѣтописи Грабянки, съ малыми перемѣнами. Это я могу доказать тебѣ, какъ дважды два четыре. Потому, ссылаясь на лѣтопись Самовидца, не должно цитовать изъ этого введенія, дабы не приписывать писателю XVII вѣка, того, что написано въ XVIII-мъ.

вателю Руской исторіи въ университетѣ св. Владиміра, который съ такою любовью и трудолюбіемъ работалъ надъ изученіемъ исторіи и этнографіи Малороссійскаго народа! Съ удовольствіемъ вспоминаю тотъ вечеръ у г. Костомарова, въ началѣ 1846 года, на Старомъ-Кіевѣ, когда онъ прочелъ мнѣ только-что написанное имъ введеніе къ исторіи Богдана Хмельницкаго..... (Тогда же я впервые увидалъ и твою драгоцѣнную лѣтопись Величка, которая поручена была для изданія г. Костомарову отъ Временной Коммиссіи). И вотъ, черезъ тринадцать лѣтъ, я съ наслажденіемъ прочелъ уже всю его исторію, уже во *второмъ* изданіи.

Руская публика достойно вознаградила своимъ вниманіемъ прекрасный трудъ г. Костомарова, который — какъ объясняетъ авторъ—и написанъ «не въ видѣ систематической исторіи, а разсказа; не для ученаго круга спеціалистовъ, а для публики.» Такая форма сочиненія дала возможность автору придать исторіи всю занимательность романа, и черезъ то провести въ массу читателей богатство свѣдѣній о столь любопытной и важной эпохѣ въ Руской жизни, каково девятилѣтнее гетманство Богданово; а съ другой стороны, эта форма дала возможность автору принимать въ свое сказаніе множество такихъ подробностей, которыя ярко и живо обрисовываютъ характеръ и жизнь народа Малороссійскаго и Польскаго, во взаимной, роковой ихъ борьбѣ, но отъ которыхъ, вѣроятно, воздержалась бы всякая систематическая исторія, и самая художественная. Никто изъ писавшихъ о Богданѣ не захватывалъ еще подъ свою руку такого множества источниковъ, и особенно Польскихъ, какъ г. Костомаровъ; а потому въ нынѣшнемъ трудѣ его, исторія о Богданѣ Хмельницкомъ получила новую прибыль и для ученаго круга спеціалистовъ. На твой вопросъ мнѣ о достоинствѣ труда г. Костомарова, я скажу; его «Богданъ Хмельницкій» хорошъ, какъ широкій Днѣпровскій лугъ, въ ту пору, когда красуется онъ длинными рядами свѣжихъ травныхъ покосовъ, послѣ удачной *косовицы* и благовременной *гребовицы*. Но за привольною и веселою работою *косарей* и *гребцовъ*, настаетъ спѣшная и тяжелая работа *тягальниковъ* и *кидальниковъ*, чтобы уготованное, благо-

ухканное сѣно сложилось плотно въ стройныхъ скирдахъ. Чего бы и хотѣть, если бы за эту окончательную уборку взялся самъ хозяинъ занятаго и уже скошеннаго имъ луга, на которомъ ему уже знакомы каждый бугоръ и каждая ложбина. Эпоха гетмана Хмельницкаго, да и самъ великій Богданъ, стóятъ того, чтобы трудолюбивый г. Костомаровъ поработалъ надъ ними съизнова,—чтобы, пересмотрѣвъ и перебравъ *критически* весь богатый запасъ, имъ собранный, сложилъ бы его въ новую *исторію Богдана Хмельницкаго*, равно удовлетворительную для публики и для ученаго круга спеціалистовъ. Ибо, въ какомъ бы видѣ ни была изложена исторія эпохи Богдановой, — въ видѣ романическаго разсказа, или систематической исторіи, для публики ли, для круга ли ученыхъ, или для круга учениковъ малыхъ и большихъ, — вездѣ равно требуется и предполагается *историческая живая истина;* а для ея достиженія необходимо *точность* и *вѣрность историческаго факта*, потому что это есть основанïе, безъ котораго не можетъ состояться прочно никакое дѣло историка. Мы хотимъ и требуемъ отъ исторіи, чтобы въ ней давноминувшая жизнь являлась *оживьёмъ* предъ очами нашими; а для этого необходимо, чтобы каждое историческое событіе и лицо было познано и представлено вѣрно, въ его подлинномъ видѣ и на своемъ мѣстѣ, какъ *было* оно на самомъ дѣлѣ.

«Сего есмы искали—а потягнемъ!»

21 февраля 1859 г.

Письмо третье.

Пишу мои критическія замѣчанія собственно для тебя, какъ для историка, а потому и стану иногда входить въ такія подробности, которыя для большинства читателей могли бы показаться лишними и мелочными; но онѣ будутъ пригодны для всѣхъ, изучающихъ эпоху гетмана Хмельницкаго, слѣдовательно и для самаго г. Костомарова.

Приступая къ повѣствованію о Богданѣ, онъ говоритъ: «Двое козацкихъ старшинъ возвышались тогда передъ другими,

какъ достойнѣйшіе первенства по службѣ и по уваженію въ козацкомъ сословіи, но различные, по замѣчанію современника, и по уму и по нраву. Первый былъ *Иванъ* или *Ильяшъ Барабашъ*, полковникъ Черкаскій и вмѣстѣ съ тѣмъ генеральный асаулъ. Родомъ онъ былъ *Армянинъ*, но воспитанъ въ Украинѣ..... Другой былъ Зиновій—Богданъ Хмельницкій, *войсковой писарь*, природный Русскій.... (стр. 41, 42). Здѣсь у г. Костомарова сдѣлано одно лицо изъ двухъ такихъ лицъ, которыя никогда еще не смѣшивались, но различались во всѣхъ исторіяхъ, даже до «очерка исторіи Малороссіи» г. Соловьева, въ шестой главѣ котораго сказано: «Наказнымъ гетманомъ былъ въ это время какой-то *Барабашъ*», и далѣе: «Хмельницкій, съ помощью какого-то *Ильяша Ормянчика*»... Но въ «письмѣ пана синдика Львовскаго, отъ 4-го іюня 1648 года» сказано объ этихъ двухъ козацкихъ старшинахъ опредѣлительнѣе: «Реестровые козаки, которые отправились было водою противъ Хмельницкаго, пристали къ сему измѣннику, умертвивъ двухъ *извѣстныхъ* своею вѣрностью къ Республикѣ полковниковъ, *Ильяша и Барабаша*». (Памятн. Кіев. Ком. Т. I, отд. III № 10).

Предложу тебѣ нѣсколько біографическихъ подробностей объ этихъ двухъ лицахъ.

Ильяшъ Караимовичъ принадлежалъ къ товариству Переяславскаго полка, и въ концѣ 1637 года, — когда возсталъ Запорожскій гетманъ Павлюкъ и велѣлъ поймать и разстрѣлять Переяславскаго полковника *Савву Кононовича*, выбраннаго реестровыми козаками въ гетманы, и завязалась жаркая война Кумейская, — въ тѣ поры Ильяшъ сталъ Переяславскимъ полковникомъ и получилъ отъ Потоцкаго старшинство надъ козачествомъ реестровымъ. Полковникомъ Переяславскимъ оставался онъ до конца слѣдующаго 1638 года, когда во всѣ шесть полковъ поставлены были полковники Польскіе. Ильяшъ тогда получилъ званіе генеральнаго асаула, въ которомъ и оставался до смерти. Съ нимъ вмѣстѣ, другимъ генеральнымъ асауломъ былъ *Леонтій Бубновскій*, а потомъ— *Иванъ Барабашъ*. Фамилія Ильяшева — *Караимовичъ* показываетъ, что онъ былъ сынъ или внукъ Караима; но въ лѣтописи

Самовидца сохранилось народное прозваніе ему *Ормянчикъ*, данное по близости двухъ племенъ.

Иванъ Барабашъ принадлежалъ къ товариству Черкаскаго полка, въ которомъ онъ былъ сперва сотникомъ, а въ сороковыхъ годахъ сталъ полковникомъ и вмѣстѣ генеральнымъ асауломъ. Этимъ чиномъ онъ подписался 1645 года на двухъ книгахъ, наданныхъ имъ въ Черкаскую церковь Рождества Богородицы. Изъ тѣхъ надписей я узналъ, что его звали *Иваномъ Дмитріевичемъ*, а знаменитую жену его, панью Барабашиху — *Софіей*, и что у нихъ были два сына—*Григорій* и *Степанъ*. (Очевидно, что Запорожскій полковникъ *Яковъ Барабашъ*, который въ 1658 г. подвизался, вмѣстѣ съ Мартыномъ Пушкаремъ, противъ Выговскаго, былъ сынъ не Черкаскаго полковника).

Фамильное имя *Барабашъ* (также, какъ и *Булюбашъ*, *Кочубей*) обличаетъ Татарское, а не Армянское происхожденіе. Впрочемъ, наши народные Малороссійскіе художники любили встарину сближать непріятныя для нихъ народности. Такъ, напримѣръ, въ церкви *Гарбузинскаго* монастыря, на острову р. Роси, есть старая картина страшнаго суда, на которой между *табашниками*, *люлѣшниками* и другими грѣшниками, представлена особая группа, съ такимъ надписаніемъ:

«Жиды, Турки и Вѣрмене
Пойдить въ огонь вси одъ Мене.

Но отъ чего же, спросишь ты, г. Костомаровъ смѣшалъ два историческихъ лица въ одно?

Я полагаю тому двѣ причины. Во-первыхъ: у Польскаго историка В. Коховскаго, Барабашу дано имя *Ильяша*, т. е. Ильи, вмѣсто Ивана. (См. Annal. Т. I, стр. 22). Во-вторыхъ: извѣстная исторія о томъ, какъ Хмельницкій *штучнымъ способомъ* [1]) досталъ королевскія грамоты у Барабаша Черкасскаго, въ лѣтописи Самовидца отнесена къ *Ильяшу Переяславскому!* Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, какъ ложно бываетъ иногда свидѣтельство современника, и притомъ добросовѣст-

---

[1]) Такъ выразился самъ Хмельницкій, въ своемъ достопамятномъ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ, 1648 года; а не лѣтописецъ (Грабянки).

наго, каковъ Заднѣпровскій козакъ-лѣтописецъ. А такихъ случаевъ, изъ эпохи Хмельницкаго, можно привести не мало, даже очень много. Вотъ, напримѣръ, Переяславскій полковникъ *Кречовскій* (у Коховскаго поставленный Чигиринскимъ), которому поручено было схватить Хмельницкаго, но который оказалъ ему столько пріязни и сталъ на его сторонѣ, и потомъ, тяжело раненный въ битвѣ съ Радзивиломъ, принесенъ былъ полумертвый въ его станъ, и тамъ скончался: все это въ современной лѣтописи Православно-Русскаго Кіевскаго дворянина Ерлича возведено на Чигиринскаго полковника *Закревскаго*, и онъ незаслуженно называется тамъ (т. I, стр. 100) *измѣнникомъ*, такъ же какъ и канцлеръ Оссолинскій. Ерличъ держался антивладиславской аристократической партіи, ненавидѣлъ Хмельницкаго и все козачество.

Что касается до Коховскаго, лучшаго изъ историковъ Польскихъ, писавшихъ объ эпохѣ Хмельницкаго, то у него безпрестанно являются козацкіе рыцари—или не съ своими именами, или не съ своими фамиліями. Такъ знаменитый обозный войсковой, *Иванъ Чернота* или *Чорнята*, у него названъ *Еразмомъ*, почему и у насъ, начиная съ Грябянки, зовется онъ *Герасимомъ*. Извѣстный Миргородскій полковникъ *Матвѣй Гладкій*, у Коховскаго, а за нимъ и у нашихъ историковъ, зовется *Максимомъ*. Каневскій полковникъ *Семенъ Савичъ*, по-Латынѣ *Savicius*, у Коховскаго опечаткою названный *Pavicius*, у Грабянки преобразился въ *Павицкаго*, а у г. Костомарова въ *Павича* (см. II, 32). Знаменитый *Антонъ Кіевскій*, вмѣсто настоящей фамиліи своей *Ждановичъ* (а по-Великорусски *Ждановъ*), подъ которою онъ встрѣчается въ памятникахъ современныхъ, у Коховскаго называется *Адамовичемъ*, и подъ этимъ не собственнымъ именемъ онъ, съ легкой руки Грабянкиной, является уже полтораста лѣтъ у всѣхъ нашихъ историковъ, и въ книгѣ г. Костомарова.

Не велика важность, кажется, назвать историческое лицо не его именемъ, но отъ этого-то небреженія о точности и вѣрности историческаго факта и выходятъ такія ошибки, какая случилась у г. Костомарова, что Иванъ Барабашъ явился у него двуличный, какъ миѳическій Янусъ.

У него встрѣчаются: *Чигиринскій полковникъ Θедоръ Якубовичъ* (II, 33) и—*Вешнякъ полковникъ Черкаскій;* а вѣдь это одинъ и тотъ же полковникъ! Второе мѣсто у г. Костомарова взято изъ современнаго дневника Смяровскаго, гдѣ сказано опредѣлительнѣе: «одинъ изъ полковниковъ, *Θедоръ Веснякъ*, старшій полковникъ *Черкаскій.*» Тутъ ошибка только въ имени полка: надо было сказать *Чигиринскій;* а былъ Вешнякъ *старшимъ полковникомъ* потому, что Чигиринскій полкъ считался старшимъ, ибо при немъ числится и самъ гетманъ съ войсковою (генеральною) старшиною [1]). Потому и въ книгѣ Реестровъ войска Запорожскаго, писанной въ исходѣ 1649 года; реестръ Чигиринскаго полка начинается такъ:

«Е. М. панъ гетманъ Богданъ Хмельницкій.
Тимошъ Хмелницкій.
Михайло Лучченко, асавулъ войсковый.
Демко [2]), асавулъ войсковый.
Иванъ Остафіевичъ [3]), писарь войсковый.

—

Θедоръ Якубовичъ, полковникъ Чигиринскій.
Андрей Пилиповичъ, асавулъ полковый.
Васько Литвиненко, асавулъ полковый.
Данко Костенко, хоружый полковый...» и. т. д.

Полковникомъ Черкаскимъ въ тѣ поры былъ *Ясько Воронченко* (или *Воронко*), у г. Костомарова названный *Яковомъ Воронченкомъ.* Но *Ясько* значитъ *Иванъ* (какъ и названъ Воронченко у Конискаго;) уменшительная форма имени Яковъ —*Яцько.*

Полковникъ Корсунскій *Лукьянъ Мозыра* у Коховскаго называется то *Мозырою*, то *Мрозовицкимъ* (Mrozowicius), откуда и въ лѣтописи Грабянки вышло два лица: *Мозыра* и *Морозъ* (въ изданіи Туманскаго названный еще *Козарою.*) Очевидно, что на Корсунскомъ полковничествѣ былъ не *Морозъ* и не *Мрозовицкій*, а *Мозыра;* — потому не для чего и искать въ

---

[1]) При Богданѣ, родимый его городъ *Чигиринъ* сталъ столицею или резиденціею гетманскою, вмѣсто городовъ Черкасъ и Корсуня.

[2]) Этотъ *Демко* есть *Демьянъ Игнатовичъ Многогрѣшный*, который впослѣдствіи былъ полковникомъ Черниговскимъ, а наконецъ и гетманомъ Малороссійскимъ.

[3]) Это *Иванъ Остафіевичъ Выговскій;* бывшій тоже гетманомъ.

Корсунскомъ полковникѣ—*Морозенка*, пѣсеннаго героя козаччины. Въ гетманство Богдана было нѣсколько *Морозенковъ*, въ разныхъ полкахъ; но изъ нихъ одинъ только подходитъ къ пѣсенному герою, а именно обозный Кропивянскаго полка *Нестеръ Морозенко*, предводившій нерѣдко этимъ полкомъ, при отлучкахъ полковника своего, *Филона Джеджелья* или *Джаджалыя*, который у г. Костомарова именуется *Джаджалыкомъ*, а въ современныхъ Польскихъ писаніяхъ—*Дзялакомъ!*

Въ моемъ «Извѣстіи о лѣтописи Грабянки» (см. въ Москвитянинѣ 1854 г.) и въ «обозрѣніи городовыхъ полковъ и сотень, бывшихъ на Украинѣ» (см. въ Вѣстникѣ Географ. Общ.) я имѣлъ терпѣніе разобрать и поправить многія ошибки Коховскаго, перенесенныя въ лѣтописанье Малороссійское; но г. Костомаровъ моими поправками, какъ видно, не воспользовался. Доколѣ же намъ повторять ошибки писателей Польскихъ? За чѣмъ и новѣйшимъ Польскимъ писателямъ вносить въ свои сочиненія ошибки нашихъ Рускихъ историковъ (какъ это сдѣлалъ г. *Чарновскій* въ книгѣ своей «Украина и Запорожье», 1854 г.)? Не вѣкъ же мѣнятся намъ неправдою! Пора приняться намъ соединенными силами за добытіе исторической истины во всей ея чистотѣ и ясности! Но обратимся къ Хмельницкому.

24 февраля, 1859 г.

P. S. Тебѣ, книголюбцу, сообщу, библіографическое свѣдѣніе о *книгѣ Реестровъ войска Запорожскаго*, на которую иногда ссылаюсь. Эта книга, безъ сомнѣнія, есть первоначальный подлинникъ *Реестровъ*, составленный для войсковой канцеляріи, осенью 1649 года! въ разныхъ мѣстахъ ея встрѣчаются приписки и поправки руки Выговскаго. Въ моихъ рукахъ она была нѣсколько недѣль въ 1850 году, за что обязанъ я владѣльцу ея, Андрею Яковлевичу Стороженку. (сконч. 1858).

Реестры всего войска Запорозкого писаны въ два столбца на 449 номерованныхъ листахъ. На оборотѣ послѣдняго листа печать войсковая и собственноручныя подписи гетмана *Богдана Хмельницкаго* (одна по Русски, другая по Польски), и

войскового писаря *Ивана Выговскаго* (по Польски). Въ началѣ два заглавные листа: на оборотѣ перваго гербъ Хмельницкаго съ 8-стишною подписью:

+
W

Старожитность, то тилко якъ бы обновила,
Же вѣкопомность явъно зновуся одкрила
Клейнотъ, котрый Хмельницъкихъ домъ приоздобляетъ
Въ мужности, въ правдѣ, въ вѣрѣ моцъно утверждаетъ,
Не дивъ; бо Абданкъ знакъ есть щодрой иоволности;
Крестъ за фѣръмаментъ вѣры Хмельницкихъ, мужности.
Незвитяжный Кролю въ християнъскомъ панствѣ!
Кгды поволность Хмельницкихъ маешъ у подданствѣ».

Второй листъ занятъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Подъ счастливымъ пованьемъ наяснѣйшого, а за помочю Божею незвытяжоного Іана Казимера, зъ Божое ласки короля Полского, великого кназа Литовского, Руского, Прусского, Мазовецкого, Жмудского, Инфлянскаго, а Шведского, Кгодского, Вандальского, дедичного короля—волности одъ е. к. м. и речи посполитое здавна наданые войску Запорозкому и теперь аппробованые, а за реименту гетманского презъ урожоного пана Богдана Хмельницкого, гетмана войска е. к. м. Запорозкого Реестра всего войска перегляду споряженые року 1649, мѣсяца октоврія дня 15. Roku 1649».

По этой книгѣ я составилъ достовѣрный списокъ *16-ти полковъ* Малороссіи, установленныхъ Богданомъ Хмельницкимъ, послѣ Зборовского мира,—и этимъ спискомъ я предложилъ (1854 г.) замѣнить ошибочный *15-ти полковой списокъ* [1]), столько разъ повторенный, въ продолженіи полутораста лѣтъ, въ разныхъ сочиненіяхъ.

Полки и ихъ полковники, къ 1650 году:

1. Чигиринскій—Ѳедоръ Якубовичъ (Веснякъ).
2. Черкаскій—Ясько Ворونченко.
3. Кáневскій—Семенъ Савичъ.
4. Корсунскій—Лукьянъ Мозыра.

---

[1]) Главныя ошибки его: пропускъ *Бѣлоцерковскаго* полка и названіе Прилуцкаго полка *Острянскимъ!*

5. Бѣлоцерковскій—Михайло Громыка.
6. Уманскій—Іосифъ Глухъ.
7. Браславскій—Данило Нечай.
8. Кальницкій—Иванъ Ѳедоренко.
9. Кіевскій—Антонъ Ждановичъ.
10. Переяславскій—Ѳедоръ Лобода.
11. Кропивянскій—Филонъ Джаджалый.
12. Миргородскій—Матвѣй Гладкій.
13. Полтавскій—Мартынъ Пушкаренко.
14. Прилуцкій—Тимофей Носачь.
15. Нѣжинскій—Прокопъ Шумейко.
16. Черниговскій—Мартынъ Небаба.

Письмо четвертое.

На цѣлый мѣсяцъ отбился я отъ моихъ писемъ къ тебѣ, да и теперь возвращаюсь лишь на одно письмо. Повѣваетъ уже весною..... И мнѣ пора уходить отъ васъ на Днѣпръ, чтобы тамъ застать еще хоть конецъ весны Украинской..... Взглянемъ же на Хмельницкаго, какимъ онъ выведенъ, въ разсказѣ г. Костомарова, на сцену 1646 года.

Изобразивъ одного изъ двухъ тогдашнихъ козацкихъ старшинъ (Ильяша—Барабаша), авторъ продолжаетъ: а другой былъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій, *войсковой писарь*, природный Русскій» (с. 42). За чѣмъ же тутъ—«войсковой писарь?»—Богданъ Хмельницкій былъ «*сотникъ* на тотъ часъ *Чигиринскій*» (см. *Величка*. Т. I, с. 37). Это подтверждается и лѣтописью Самовидца, гдѣ сказано: «въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ *сотникъ* Богданъ Хмельницкій» (с. 7). Да и въ *Реестрѣ* козацкихъ *обидъ* 1647 года, сказано такъ: «въ прошедшемъ году, когда Хмельницкій ѣхалъ подлѣ *своего полковника* на встрѣчу Татарамъ, которые сдѣлали было набѣгъ на Чигиринъ.....» (Памятн. К. К. Т. I, отд. I, № 1).

Тутъ выраженіе: *съ своимъ полковникомъ* — обозначаетъ въ Богданѣ Чигиринскаго *сотника*, не болѣе.

Да и самъ г. Костомаровъ не увѣренъ, что Хмельницкій былъ когда нибудь *войсковымъ писаремъ*; ибо на слѣдующей

(43-й) страницѣ онъ говоритъ, что Хмельницкій, воротясь изъ Запорожья на Украину, «сталъ служить въ службѣ городовыхъ козаковъ; онъ получилъ въ ней чинъ *сотника* а *потомъ* занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, *какъ говорятъ нѣкоторые*, генеральнаго писаря». Эти *нѣкоторые* (какъ видно по цитатѣ) были—Миллеръ и Конискій.

Впрочемъ, Хмельницкій дѣйствительно былъ *войсковымъ писаремъ*; но гораздо прежде 1646 года, и то лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ сталъ войсковымъ писаремъ въ декабрѣ 1637 года, на мѣсто *Ѳедора Онушкевича* и *Степана Догоринскаго*,—когда взятъ былъ гетманъ Павлюкъ подъ Боровицею. Это видно изъ подписи *Богдана Хмельницкаго* на козацкой присягѣ, которая сохранилась въ тогдашнихъ гродскихъ книгахъ, а также и въ печатномъ Дневникѣ Окольскаго о войнѣ Кумейской. *Потомъ*, въ слѣдующемъ (1638 году), былъ уже другой войсковой писарь; а Богданъ остался въ скромномъ званіи *Чигиринскаго сотника*, въ которомъ и продолжалъ службу до 1648 года.

Но возвратимся къ началу его службы, по разсказу г. Костомарова.

«Отецъ Зиновія, Михайло Хмельницкій, служилъ въ козацкой службѣ сотникомъ» (с. 42)—и только. Но тутъ не мѣшало бы сказать опредѣлительнѣе: *сотникомъ Чигиринскимъ* (лѣт. Грабянки, с. 33); а къ этому слѣдовало бы прибавить и то, что Михайло Хмельницкій, будучи близкимъ человѣкомъ къ гетману Жолкевскому, былъ и *Чигиринскимъ подстаростою*,—въ той должности, которую, черезъ 20 лѣтъ послѣ него, занялъ негодяй *Чаплинскій*, обидчикъ и ворогъ заслуженнаго Богдана. Самъ Богданъ, въ своемъ письмѣ къ королю Яну Казимиру, писанномъ 1649 года въ лагерѣ подъ Зборовымъ, говоритъ: «всѣмъ извѣстна моя вѣрная служба, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, блаженной памяти Михаиломъ Хмельницкимъ, *подстаростою Чигиринскимъ*, который, служа всей республикѣ и славной памяти родителю вашему, королю Сигизмунду, палъ въ битвѣ подъ Цецорою». (Памятн. К. К. Т. I, отд. 1, № 84).

Г. Костомаровъ говоритъ далѣе: «окончивъ ученіе онъ (Богданъ) служилъ конюшимъ у *какого-то* пана Потоцкаго, и за неосторожную выходку чуть было не погибъ. Панъ, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ на потѣху собесѣдникамъ отрубить голову Хмельницкому, противъ котораго былъ предупрежденъ; но Хмельницкій, предувѣдомленный заранѣе товарищами, убѣжалъ въ Сѣчь; гдѣ, по выраженію лѣтописи, не жалѣлъ своего лба ни на полѣ, ни на морѣ, и былъ въ большой чести у Запорожской братіи» (с. 43).

Этотъ разсказъ извлеченъ изъ сказанія, которымъ начинается лѣтопись Величка и которое тамъ взято «зъ повѣсти певнои шляхты Польскои». Но эта повѣсть такъ баснословна, что ее совсѣмъ не слѣдовало принимать въ наше время (подобно тому какъ не слѣдовало г. Скальковскому довѣрять тому Польскому пану, который увѣрялъ, будто онъ самъ видѣлъ, какъ въ 1768 году посаженъ на колъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, — Мельхиседекъ, благополучно жившій до 1809 года)!

Вельможный панъ Потоцкій у Величка названъ опредѣлительно — «фундаторомъ замку Бродскаго», и по этому признаку можно было опредѣлить, какой это Потоцкій. Но дѣло вотъ въ чемъ: г. Костомаровъ говоритъ: «за неосторожную выходку чуть было не погибъ». Эта выходка состояла въ слѣдующемъ отвѣтѣ Богдана на вопросъ вельможнаго пана о Бродскомъ замкѣ: «що рука людская сдѣлаетъ, то таяжъ и зопсовати можетъ»! Ясное дѣло, что здѣсь примѣненъ къ Потоцкому и къ Бродскому замку тотъ извѣстный отвѣтъ Богдана, который онъ сказалъ гораздо позднѣе гетману Конецпольскому на его вопросъ о крѣпости Кадацкой. См. объ этомъ у г. Костомарова на стр. 58-й, гдѣ сказано въ заключеніе: «вспоминая слова Хмельницкаго, *паны подозрѣвали* и его въ участіи *(съ Сулимою)*. Подъ конецъ жизни Конецпольскій говорилъ: «жалко, что я оставилъ въ живыхъ такую безпокойную голову»!—При этомъ, я не могу не напомнить, что Броды принадлежали тогда гетману Конецпольскому, который тамъ и окончилъ свою жизнь, въ началѣ 1646 года.

Г. Костомаровъ продолжаетъ: *«черезъ нѣсколько времени* онъ воротился въ Украину, женился на Русской дѣвицѣ Аннѣ Сомковнѣ и сталъ служить въ службѣ городовыхъ козаковъ». (с. 43).

Тутъ необходимо было опредѣлить, хотя приблизительно, когда воротился Богданъ на Украину изъ Запорожской Сѣчи, дабы яснѣе себѣ представить двѣ половины до гетманской службы его—одну въ Низовомъ Запорожскомъ войскѣ, а другую въ городовомъ козачествѣ. Но г. Костомаровъ, сказавъ неопредѣлительно, что Богданъ воротился на Украину «черезъ нѣсколько времени», говоритъ далѣе: «въ сраженіи съ Турками подъ Цецорою, гдѣ былъ убитъ знаменитый Польскій военачальникъ Жолкевскій, Хмельницкій лишился стараго отца и былъ взятъ въ плѣнъ, гдѣ однако *былъ не долго* и выкупленъ за плѣнныхъ Туровъ». (с. 44).

Это Цецорское сраженіе происходило въ октябрѣ 1620 года. Такимъ образомъ выходитъ, будто Хмельницкій воротился изъ Запорожья на службу въ Украинскомъ городовомъ козачествѣ еще до 1620 года. При томъ же г. Костомаровъ, принявъ плѣненіе Богдана Хмельницкаго на Цецорскомъ сраженіи (какъ обыкновенно принимаютъ), своевольно сократилъ срокъ плѣна, который продолжался *два года*. Это *сокращеніе* плѣна сдѣлано для того, чтобы можно принять въ разсказъ знаменитое Черноморское дѣло Богданово *1621 года*. Прежніе историки, принимавшіе *двухлѣтній* плѣнъ Богдана на Цецорѣ (напримѣръ Грабянка, Бантышъ-Каменскій) пропускали совсѣмъ Черноморскую побѣду 1621 года; другіе, принимая эту побѣду (напримѣръ Величко), умалчивали о плѣненіи Богдана на Цецорѣ. Ригельманъ, въ своемъ повѣствованіи, уладилъ дѣло такъ: принявъ двухлѣтній плѣнъ съ 1620 года, Черноморскую побѣду переставилъ назадъ, на 1618 годъ! Но эта побѣда была — *въ августѣ 1621 года:* это фактъ достовѣрный, и потому непремѣняемый, — равно какъ и то, что Богданъ пробылъ въ плѣну *два года*, ибо объ этомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ королю 1649 года. Сказавъ о службѣ отца своего и смерти его на Цецорѣ, онъ потомъ говоритъ о себѣ: «а я, отведенный въ

плѣнъ, *два года* содержался въ тюрьмѣ и, по милости Божіей, получивши свободу, навсегда остался въ рядахъ войскъ республики, служилъ вѣрно».

И такъ ошибка прежнихъ историковъ состояла въ томъ, что они отдали Богдана на двухлѣтній плѣнъ въ Октябрѣ 1620 года, на Цецорскомъ сраженіи; а Бантышъ-Каменскій прибавилъ къ этому, что тамъ на Цецорѣ Богданъ оказалъ *первые опыты* своей храбрости!.... Въ какіе именно годá былъ онъ въ плѣну, объ этомъ нѣтъ современнаго свидѣтельства (вѣроятно это было еще до 1620 года;) но его военные подвиги начались, конечно, не съ октября этого года, если въ августѣ 1621 года онъ былъ уже побѣдоносным вождемъ десятитысячнаго козацкаго отряда Запорожцевъ на Черномъ морѣ,—разбилъ и потопилъ 12 Турецкихъ гелеръ, а остальныя преслѣдовалъ до самаго Царьгорода (во время Хотинской войны, на которой прославился гетманъ Сагайдачный;) видно изъ этого, что Богданъ Хмельницкій въ 1621 году былъ уже опытный, надежный Сѣчевикъ.

Г. Костомаровъ продолжаетъ о Богданѣ: «послѣ того нѣсколько разъ онъ бился съ Татарами, а въ 1629 году привелъ королю двухъ плѣнныхъ Волошскихъ князей.»

Это извѣстіе у насъ началось съ лѣтописи Грабянки, гдѣ сказано: «но и по выкупѣ, ходячи въ чамбулы, Орду бивалъ, и языковъ до кроля привождалъ, а въ року 1629 двохъ Кантѣмировъ живо до кроля привелъ» и т. д. (с. 23.) Это извѣстіе съ разными варіаціями, повторялось у насъ полтораста лѣтъ; но я крайне удивился, что оно нашло мѣсто и въ разсказѣ г. Костомарова. У него подъ рукою, въ числѣ источниковъ, были — и лѣтопись Ерлича, и Старожитности Амвросія Грабовскаго; а при этихъ двухъ пособіяхъ, легко было разобрать, что въ этой знаменитой поимкѣ двухъ Кантемиричей—лѣтописатель обманулся созвучіемъ именъ: героемъ той битвы, *въ сентябрѣ 1629 года*, былъ не *Богданъ Хмельницкій*, а *Степанъ Хмелецкій*, хорунжій Браславскій, съ которымъ вмѣстѣ подвизались тамъ и козаки, съ тогдашнимъ гетманомъ своимъ, *Григоріемъ Савичемъ Чорнымъ*. Хмелецкій былъ за то повышенъ въ воеводы Кіевскіе (на мѣсто князя

Александра Заславскаго, умершаго въ томъ году 4 августа;) однако онъ не успѣлъ воспользоваться воеводствомъ, ибо 16 февраля 1630 года скончался въ Барѣ. — А что же дѣлалъ тогда Богданъ Хмельницкій?.... Продолжая свою службу въ Запорожскомъ товариствѣ, онъ совершилъ въ 1629 году новый знаменитый походъ Черноморскій къ Царюгороду; но этотъ его походъ для всѣхъ историковъ нашихъ былъ заслоненъ вышеприведеннымъ подвигомъ—*Хмелецкаго!*

О Богданѣ, какъ Запорожцѣ, всего важнѣе для меня свидѣтельство современнаго ему Запорожца, славнаго кошеваго атамана *Ивана Сѣрка.* Вотъ что говоритъ онъ о Хмельницкомъ, въ своемъ письмѣ къ Крымскому хану Селиму (отъ 23 сентября 1675 года), исчисляя Черноморскіе походы козацкихъ вождей:

«По немъ (т. е. по *Конашевичѣ - Сагайдачномъ*), року 1621, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, *Богданъ Хмелницкій* на морю Черномъ воюючи, въ своихъ моноксилахъ, многіе корабли Турецкіе опановалъ, и благополучно до Сѣчи повернулся; потомъ, року 1629, браття наши Запорожци, зъ *певнымъ вождомъ своимъ* воюючи въ чолнахъ по Эксинопонту, коснулися мужественно и самихъ стѣнъ Константинопольскихъ, и оные довольно мушкетнымъ окуривши дымомъ, превеликій Султанови и всѣмъ мешканцамъ Цариградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и нѣкоторыи одлеглѣйшіи селенія Константинопольскіи запаливши, тожъ щастливе и зъ многими здобычами до Коша своего повернули.»

Этимъ походомъ на Царьградъ, 1629 года, *певный вождь* Запорожскій, кажется, и покончилъ свою службу въ Низовомъ войскѣ; и, возвратясь въ свою родную Чигиринщину, женился на Переяславкѣ, Аннѣ Сомковнѣ, сталъ служить въ городовомъ козачествѣ; и въ этой службѣ прошло еще около 18-ти лѣтъ до гетманской его жизни.

Переходя къ подробному повѣствованію о ея послѣднихъ двухъ годахъ (т. е. съ половины 1646 года), г. Костомаровъ предпослалъ характеристику Богдана, написанную подъ наитіемъ Польскаго историка Коховскаго и завершенную такими его словами о нелюбомъ для него героѣ козаччины: «Его

лице, сіяющее и кроткое, скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую болотную воду» (с. 46). Эту «гнилую болотную воду» — я выведу тебѣ на свѣжую воду Днѣпровскую — въ слѣдующемъ письмѣ, которое напишу, тебѣ уже съ Михайловой-Горы. Прощай!

4 апрѣля, 1859 г.
Москва.

Письмо пятое.

(О пріѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья).

Что же ты не отзываешься, любезный академикъ, на мои первыя письма къ тебѣ о Богданѣ Хмельницкомъ, тобою же вызванныя? Безъ того — мои дальнѣйшія письма будутъ только критикою книги г. Костомарова. Читалъ ли ты, въ 122 номерѣ С.-Петербургскихъ вѣдомостей, его *объясненіе?* На дняхъ я послалъ въ тѣже вѣдомости отвѣтъ мой на первую половину объясненія, относящуюся къ сподвижникамъ Хмельницкаго; а о второй половинѣ, относящейся къ самому Богдану, мнѣ слѣдуетъ поговорить съ тобою. Но на этотъ разъ, чтобы не начинать съ того, о чемъ было уже говорено, я возьму подальше; мнѣ развернулась книга г. Костомарова на 289 страницѣ, гдѣ зачинается рѣчь о прибытіи Хмельницкаго въ Кіевъ отъ Замостья. То былъ одинъ изъ достопамятнѣйшихъ дней въ жизни Богдана, и въ жизни поднятаго имъ народа, который торжественно встрѣчалъ въ Кіевѣ своего побѣдоноснаго гетмана, совершившаго въ продолженіи полугода цѣлый кругъ блистательныхъ побѣдъ своихъ надъ Ляхами. Какой богатый предметъ для историка художника! Но въ книгѣ Костомарова, какъ нарочно, картина этого прибытія Богдана въ Кіевъ блѣдна въ художественномъ отношеніи, невѣрна и неполна въ отношеніи историческомъ.

«Хмельницкій прибылъ, въ первыхъ числахъ января 1649 года, въ Кіевъ».

Это невѣрно. Историкъ взялъ изъ дневника Мясковскаго эту ошибочную подробность его, не воспользовавшись другими подробностями, необходимыми для картины Украинскаго героя въ Кіевскомъ торжествѣ. Въ Дневникѣ сказано: «Черезъ Валахію, миновавъ Константинополь, онъ (патріархъ Іерусалимскій) прибѣжалъ сюда въ Кіевъ, гдѣ его засталъ Хмельницкій, только что возвращавшійся побѣдителемъ и тріумфаторомъ отъ Замостья, *въ первыхъ числахъ января*». Г. Костомаровъ взялъ эти числа, не переложивъ ихъ на старый штиль, котораго онъ держался, на который у него переложены и числа того же дневника Польскихъ комисаровъ. Но и по новому штилю Хмельницкій прибылъ въ Кіевъ — въ послѣднихъ числахъ декабря 1648 года, именно — 27 декабря въ Воскресенье послѣ вечеренъ: такъ отмѣчено въ лѣтописи Кіевскаго дворянина Ерлича (т. I. стр. 72), съ прибавленіемъ, что Кіевляне вдвое или и вдесятеро болѣе радовались и воздавали почесть гетману Хмельницкому, чѣмъ когда-либо воеводамъ. Я уже говорилъ, тебѣ, что Ерличъ ненавидѣлъ Хмѣльницкаго и все козачество; но его опредѣлительное показаніе о времени пріѣзда Богданова въ Кіевъ заслуживаетъ полнаго вѣроятія; ибо онъ (какъ самъ говоритъ на стр. 69-й), бѣжавъ отъ козаковъ *до лясу*, и пришедши въ Кіевъ пѣшкомъ, сидѣлъ въ Печерской лаврѣ съ самаго августа, по пріязни къ нему тогдашняго архимандрита *Іосифа Тризны*. Въ дневникѣ Мясковскаго вышелъ ошибочный разсчетъ дней отъ того, можетъ быть, что Хмельницкій, въ Переяславѣ говорилъ комисарамъ: «Було много часу трактовати зо мною.... И на останокъ подъ Замостемъ и якъ одъ Замостя *шесть недѣль* ишовъ я до Кіева». Но Хмельницкій, въ разгоряченной рѣчи своей Польскимъ комисарамъ, легко могъ и обмолвиться недѣлею, какъ это нерѣдко случается не только въ изустной рѣчи, но и въ письменномъ изложеніи. Вотъ, хоть бы и въ книгѣ г. Костомарова (на стр. 45) — Хмельницкій показанъ, при осадѣ Смоленска, *въ 1635 году*.

Есть и документальный слѣдъ тогдашняго пребыванія Богдана въ Кіевѣ — его универсалъ Печерскому дѣвичьему монастырю, напечатанный въ 5 томѣ актовъ, относящихся

къ западной Россіи (стр. 85). Изъ него видно, что Хмельницкій тогда въ Кіевѣ занимался, между прочимъ, и вопросомъ крестьянскимъ (говоря по-нынѣшнему). Но къ нашему вопросу этотъ универсалъ идетъ собственно тѣмъ, что онъ— «данъ *въ Кіевѣ*, дня *28 декабря* року *1648*». И такъ, принимая опредѣлительное показаніе Ерлича и переводя его на старый штиль, я полагаю, что Хмельницкій прибылъ изъ Замостья въ Кіевъ *17 декабря, 1648 года.*

Г. Костомаровъ продолжаетъ: «При звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при радостныхъ восклицаніяхъ многочисленнаго народа, предводитель со всѣми старшинами въѣхалъ торжественно въ полуразрушенныя Ярославовы золотыя ворота, и у стѣнъ святой Софіи былъ привѣтствуемъ митрополитомъ и духовенствомъ; бурсаки академіи и училищъ пѣли ему Латинскіе и Украинскіе стихи.

Дневникъ Мясковскаго даетъ намъ болѣе полную картину. «Самъ патріархъ съ тысячью всадниковъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу изъ города; а здѣшній митрополитъ далъ ему подлѣ себя мѣсто въ саняхъ съ правой стороны. Весь народъ, вышедши изъ города, вся чернь, привѣтствовали его рѣчами и пѣснями, какъ Моисея, спасителя и избавителя народа отъ рабства Ляшскаго, находя въ имени *Богдана* доброе предзнаменованіе и называя его *Богоданнымъ*; Патріархъ далъ ему титулъ *Свѣтлѣйшаго князя*. Изо всѣхъ пушекъ и другихъ орудій, въ замкѣ и городѣ, раздавалась пальба». Выключить *патріарха* съ тысячью всадниковъ, встрѣчающаго за городомъ побѣдоноснаго гетмана—значитъ отнять много торжественности у картины въѣзда его въ Кіевъ. «Бурсаки пѣли ему Латинскіе и Украинскіе стихи»: тутъ ничего нѣтъ особеннаго,—кому они не пѣли ихъ? У г. Костомарова не принято именно то, что въ рѣчахъ академическихъ вызвано было самимъ случаемъ, что составляло принадлежность и особенность этого торжества: оборотъ словъ объ имени *Богдана* [1]) и сравненіе Украинскаго избавителя,

---

[1]) У Бантыша-Каменскаго было мнѣніе, будто Зѣновій Хмельницкій съ этого времени и принялъ имя *Богдана*. Но онъ и на Боровицкой присягѣ козацкой 1638 года, подписался: «Войсковый писарь Богданъ Хмельницкій».

которое не упущено и въ картинѣ Коховскаго—«ut Roxolanae gentis *Mosem*»—и которое долго отзывалось въ Малороссійскихъ писаніяхъ—названіемъ «Ляцкаго *Египетскаго* ига».

Въ замѣнъ того, г. Костомаровъ дополнилъ свою картину козацкимъ плачемъ, взятымъ изъ Грабянки: «Козаки, говоритъ Русскій лѣтописецъ, заплакали, увидя красоту церквей Божіихъ столицы святаго Владиміра на землю опроверженную».

Грабянка сочинилъ этотъ неумѣстный плачъ о Кіевскихъ храмахъ—въ подраженіе Коховскому, который, въ заключеніе своей нарядной картины Богдана, не упустилъ случая нарисовать Кіевъ. (Коховскій удивительный рисовальщикъ, какъ Московскій Зорянка въ портретахъ). Нечего было плакать, при торжественномъ въѣздѣ Богдана, тѣмъ козакамъ, которые часто бывали въ Кіевѣ и къ нему приглядѣлись. А тѣ козаки, которые не видали Кіева лѣтъ десять или двадцать, тѣ могли заплакать развѣ отъ умиленія, что древніе храмы Кіевскіе, лежавшіе въ вѣковыхъ развалинахъ или бывшіе въ рукахъ уніатскихъ, уже воздвиглись и обновились, попеченіемъ пламеннаго Могилы и другихъ ревнителей святыни церковной. Заплакать съ печали могли тогда іезуиты, Доминикане да Бернардины, о своихъ коллегіумахъ, конвентахъ и костѣлахъ, пострадавшихъ того года и въ Кіевѣ, отъ мести народной.

Далѣе говоритъ г. Костомаровъ: «самъ гетманъ очень былъ грустенъ; что-то странное явилось въ его характерѣ: онъ то постился и молился; по нѣскольку часовъ лежалъ ницъ передъ образами въ храмѣ; то совѣтовался съ колдуньями, которыхъ держалъ при себѣ три, и пьяный, пѣлъ думы своего сочиненія; то былъ ласковъ и ровенъ въ обращеніи со всѣми, то суровъ, и надмененъ; козачество все прощало ему».

И въ этихъ чертахъ—все пребываніе Богдана въ Кіевѣ! Историкъ Хмельницкаго продолжаетъ: «Изъ Кіева онъ уѣхалъ въ Переяславль [1]). Тамъ ожидалъ его митрополитъ Коринѳскій *Іоасафъ*, носившій имя патріарха въ Украинѣ. Отъ лица всего православнаго міра на востокѣ, онъ приносилъ ему

---

[1]) Тутъ ссылка на лѣтопись Грабянки; но откуда взятъ митрополитъ Коринѳскій—на это нѣтъ ссылки. У Грабянки показанъ въ Переяславѣ—патріархъ Константинопольскій.

поздравленіе и побуждалъ его на новую войну противъ ненавистнаго папизма. Онъ вовсе не былъ пастырь, какъ говорятъ о немъ современники—Поляки, а какой то изгнанникъ [1]). Съ благословенія этого архіерея Хмельницкій вступилъ въ брачную связь съ прежнею своею женою, отнятою Чаплинскимъ...» и т. д.

Невѣроятно, чтобъ на Украинѣ называли тогда всѣ патріархомъ не патріарха—даже Хмельницкій, который черезъ четыре года отпустилъ съ своимъ письмомъ въ Москву другаго патріарха, того *Афанасія сидящаго*, которому на поклоненіе ходитъ Русскій народъ въ Мгарскій монастырь подъ Лубнами. На самомъ дѣлѣ тутъ ошибка самого г. Костомарова, не разобравшаго, кто былъ тотъ патріархъ Іерусалимскій: и то, что дѣялось въ Кіевѣ, онъ перенесъ на Переяславъ; а патріарха—лучше было назвать его хоть *Евдоксіемъ*, какъ онъ названъ у Коховскаго, чѣмъ ставить на его мѣсто другое лицо, Коринѳскаго митрополита *Іоасафа*!

Вѣдь самъ же Хмельницкій говорилъ 13 февраля въ Переяславѣ комисарамъ: «Мене патріарха *въ Кіевѣ* на ту войну благословилъ, давъ менѣ шлюбъ зъ моею жôнкою, и розрѣшивъ мене одъ грѣхôвъ, хочъ я и не сповѣдався [2]), и велѣвъ кончати Ляхôвъ: якъ же менѣ не слухати великого и святого владыки, головы нашего и гостя любого!»—Само собою разумѣется, что патріархъ, благословляющій козацкаго гетмана *кончать Ляховъ*, былъ для нихъ лицомъ ненавистнымъ; и не удивительно, что Мясковскій осыпаетъ его злословіемъ въ своемъ Дневникѣ. Еще съ дороги, въ своемъ письмѣ изъ Новосёлокъ, говоря о перемѣнѣ, происшедшей съ Хмельницкимъ, онъ сказалъ: «причиною тому—*патріархъ Іерусалимскій*, который отъ него (Хмельницкаго) былъ принятъ съ честью и отпущенъ *въ Москву*, за что онъ далъ Хмельницкому титулъ Русскаго князя и сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ [3])». Въ Дневникѣ онъ называетъ патріарха «изгнан-

[1]) Тутъ ссылка на Дневникъ Мясковскаго; но тамъ это сказано о патріархѣ Іерусалимскомъ.

[2]) У Костомарова (Т. I. стр. 319) эти слова неправильно переведены: «хочъ я сёго не сподивався»; тутъ рѣчь объ *исповѣди*.

[3]) См. Памятники Кіев. Вр. Ком. Т. I. Отд. I. № 59.

никомъ изъ земли Іерусалимской, бѣглецомъ отлученнымъ церкви» и т. и. Желчными красками рисуетъ онъ пребываніе Хмельницкаго въ Кіевѣ; однакоже историку можно различить, что̀ ложь, и что̀ истина, и выбрать подробности, подходящія къ дѣлу; напримѣръ: «въ продолженіе нѣскольких дней патріархъ велъ съ Хмельницкимъ тайные переговоры и потомъ отправился въ Москву; напередъ однакожъ уѣхалъ Хмельницкій: патріархъ провожалъ его за городъ».—Но когда онъ вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «ходила молва въ Переяславѣ, что въ Москвѣ патріархъ былъ принятъ дурно; хитрая Москва узнала самозванца и обманщика»—то очень ясно, что эта вздорная молва распущена была Поляками. Историкъ Русской церкви и въ наши дни говоритъ такъ: «скоро послалъ Господь сильнаго учителя; въ 1649 году прибылъ въ Москву Іерусалимскій патріархъ *Паисій*» (стр. 169). Со дня торжественнаго въѣзда своего въ Москву (который былъ *января 27-го*) патріархъ Паисій былъ принимаемъ съ должною почестью, и оставилъ тамъ по себѣ добрую память своимъ участіемъ въ дѣлахъ просвѣщенія и церкви,—равно и въ Кіевѣ, во вторичное свое пребываніе на возвратномъ пути. Извѣстна его грамота Кіево-братской коллегіи, данная *23 мая 1649 г.*

Попросить-бы намъ князя М. А. Оболенскаго, чтобы онъ выбралъ изъ Греческихъ дѣлъ Московскаго архива и обнародовалъ все, что найдется тамъ о путешествіи Паисія въ Москву черезъ Кіевъ. Тогда, можетъ быть, открылось бы, въ чемъ именно состояли тѣ «тайные переговоры», которые велъ онъ въ Кіевѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ.

Въ лѣтописи Григорія Грабянки (писанной около 1710 года) сказано, что Хмельницкій изъ Кіева отправился въ Переяславъ—«и оттуда посла въ Чигиринъ и поятъ себѣ—(за позволеніемъ *Цареградскаго патріарха*) въ жену куму свою старостину Чигиринскую Чаплинскую, еще мужу еи живу сущу; сія бо, подъ часъ гоненія на Хмельницкаго отъ Ляховъ, упроси мужа своего, да испуститъ Хмельницкаго изъ темницы». Здѣсь все таки видно позволеніе *патріарха*, хотя онъ ошибочно названъ Цареградскимъ, вмѣсто Іерусалимскаго. Такъ въ книгѣ г. Костомарова (Т. I. стр. 29) сказано, что гетманъ

Сагайдачный «убѣдилъ въ 1620 году *Константинопольскаго патріарха* посвятить въ Кіевскіе митрополиты Іова»; а то былъ *Іерусалимскій* патріархъ Ѳеофанъ, столь памятный для Кіева.

Гетману Хмельницкому, въ его Кіевское пребываніе въ декабрѣ 1648 года, было еще одно торжество—его тезоименитство. Изъ Польскаго Дневника видно, что Богданъ, въ день своего ангела, стоялъ на первомъ мѣстѣ, и всѣ выражали къ нему благоговѣніе. Обѣдню служилъ патріархъ; и когда онъ причастилъ гетмана, объявивъ ему всенародно и безъ исповѣди отпущеніе грѣховъ, то вслѣдъ за тѣмъ стрѣляли изъ пушекъ. Тогда же патріархъ разрѣшилъ ему бракъ на Чаплинской (бывшей на ту пору въ Чигиринѣ), и далъ благословленіе на войну съ Поляками. Гетманъ подарилъ патріарху шестерню коней и тысячу червонцевъ.

Въ какой именно день были именины *Богдана* Хмельницкаго? Я полагаю, на третій день Рождественскихъ святокъ. У насъ на Украинѣ, когда родится мальчикъ, то поздравляютъ съ *Богданкомъ*, а когда дѣвочка—то съ *Богданкою*, но личное имя *Богданъ* было замѣною Греческаго имени *Ѳеодоръ* (Божій-даръ). У Коховскаго рѣчь о Хмельницкомъ начинается въ такихъ словахъ: «primus impiae rebellionis autor motorque *Theodorus* vernacule *Bohdanus* Cmelnicki» (I. 19). Въ декабрѣ мѣсяцѣ празднуется 27 числа память св. Первомученника Стефана и св. *Ѳеодора Начертаннаго*. Вотъ именинный патронъ гетмана Хмельницкаго.—Всего вѣроятнѣе, что вышеозначенное торжество происходило въ Печерской лаврѣ, гдѣ въ тотъ день было храмовое служеніе; ибо при великой Печерской церкви и тогда была придѣльная церковь св. архидіакона Стефана, поставленная князьями Корецкими: такъ видно изъ Тератургимы.

9 ноября 1859 года.

Письмо шестое.

(Отвѣтъ на «Объясненіе» г. Костомарова).

Въ 122 нумерѣ «Санктпербургскихъ Вѣдомостей» напечатано «Объясненіе» г. Костомарова, вызванное моими «пись-

мами» къ М. П. Погодину *о Богданѣ Хмельницкомъ*, помѣщенными въ первой книгѣ моего «Украинца». Не хочу оставить безъ отвѣта это «Объясненіе», дабы молчаніе мое не было принято за знакъ моего согласія на тѣ промахи г. Костомарова, въ которыхъ онъ оправдывается. Я ограничусь первою половиною его объясненія, въ которой идетъ рѣчь о сподвижникахъ и сослуживцахъ Богдана Хмельницкаго.

1) Прежде всего, г. Костомаровъ увѣряетъ меня, что онъ и не думалъ смѣшивать двухъ козацкихъ старшинъ, Барабаша Черкасскаго и Ильяша Переясловскаго, и т. д. Я очень вѣрю ему; однако же, хотя и недуманно, а случилось это смѣшеніе въ его книгѣ, которое не прошло еще и въ его «Объясненіи». Онъ говоритъ, что Барабаша назвалъ онъ *Армяниномъ* слѣдуя Самовидцу.

Но въ лѣтописи Самовидца названъ *Ормянчикомъ* не Барабашъ; посмотрите разсказъ ея на стр. 7-й: «Подъ часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ *Переясловскимъ*, съ Иваномъ Илляшемъ, а тотъ Илляшъ барзо зычливый королеви....»; далѣе, на стр. 8-й—«тое скрыто держали отъ полковниковъ *въ Переясловѣ*....»; наконецъ — «у гостяхъ *того Илляша Ормянчика*». Ясное дѣло, что у Самовидца названъ *Ормянчикомъ*—тотъ Ильяшъ Переясловскій; а г. Костомаровъ понимаетъ, что здѣсь говорится о Барабашѣ!

У Коховскаго названъ Барабашъ *Ильею* вмѣсто *Ивана:* это, просто, ошибка, которой не слѣдовало г. Костомарову ни принимать въ своей книгѣ, ни защищать въ своемъ «Объясненіи». Изъ современной замѣтки въ Межигорскомъ Помянникѣ, а также изъ собственноручной записи Барабаша, я знаю навѣрно, что его звали *Иваномъ*, по отчеству *Дмитріевичемъ*. Достовѣрно знаю и то, что современники подъ именемъ *Ильяша* разумѣли собственно Ильяша Караимовича Переясловскаго. Для убѣжденія въ томъ достаточно приведеннаго мною письма синдика Львовскаго (1648 года), гдѣ сказано: «умертвили двухъ извѣстныхъ своею вѣрностью къ республикѣ полковниковъ, *Ильяша* и *Барабаша*». Ясное дѣло, что имя *Ильяшъ* есть отличительное для Переяславскаго старшины отъ старшины Черкасскаго. А имя Барабашъ обличаетъ не

Армянское, а Татарское происхожденіе Черкасскаго старшины; впрочемъ, не съ него, а развѣ съ дѣда его, если не съ прадѣда, началась фамилія Барабашей на Украинѣ.

Изъ сказаннаго очевидно, мнѣ кажется, что въ книгѣ г. Костомарова, на стр. 41-й, надобно отнять отъ Ивана Барабаша—имя «Ильяшъ» и слѣдующія слова: «родомъ онъ былъ Армянинъ, но воспитанъ въ Украинѣ. Умѣньемъ, свойственнымъ своему племени»....

Г. Костомаровъ объясняетъ, что, назвавъ «Ивана или Ильяша Барабаша,» онъ оставилъ въ сторонѣ Ильяша Караимовича Переясловскаго, до котораго ему не было дѣла. Конечно онъ имѣлъ на то полную волю; но мнѣ кажется, что если историкъ заговорилъ о козацкихъ старшинахъ 1648 года и назвалъ намъ Барабаша Черкасскаго, то съ нимъ неразлучно представляется уже и Ильяшъ Переяславскій—первый по старшинству генеральный эсаулъ того времени, бывшій *старшимъ* въ реестровомъ козачествѣ еще 1638 года. Притомъ же, по сказанію Самовидца, ему Ильяшу дана была и у него въ Переяславѣ хранилась королевская грамота козакамъ на построеніе челновъ (что̀ повторено и въ лѣтописи Грабянкиной); а построеніе челновъ козаками въ ту пору было дѣломъ великой важности; потому и для историка—было дѣло до Ильяша Переясловскаго.

2) На мое замѣчаніе, что Черкасскій полковникъ *Ясько*, т. е. *Иванъ Ворonченко*, неправильно названъ у г. Костомарова *Яковомъ*, въ «Объясненіи» онъ говоритъ: «Недавно въ одной современной рукописи, я прочиталъ явственно *Яцько*, а не *Ясько*, что согласно съ другими источниками». Напротивъ это *несогласно* съ другими источниками! Переберите все Малороссійское лѣтописанье, отъ Грабянки и Величка до Бантышъ-Каменскаго и Маркевича: вездѣ *Ясько* или *Иванъ*. Въ «книгѣ войска Запорожскаго,» писанной въ октяврѣ 1649 года, да и въ другихъ актахъ XVII вѣка, мною видѣнныхъ, вездѣ писано *Ясько* или *Есько*. И такъ, попавшееся въ одной рукописи ошибочное написаніе *Яцько* не должно служить г. Костомарову предлогомъ къ неправильному именованію *Ивана*—*Яковомъ*.

3) Г. Костомаровъ говоритъ, будто я *укоряю* его за то, что онъ различаетъ два лица, *Мороза* или *Мрозовицкаго* и *Мозыру*, а самъ признаю ихъ за одно и тоже лицо. Въ опроверженіе, онъ напоминаетъ о казни *Мозыры* въ 1652 году и указываетъ на *Мрозовицкаго*, бывшаго въ гадяцкомъ сеймѣ 1658 года.

Мое замѣчаніе о Мозырѣ и Мрозовицкомъ относится собственно къ Коховскому; а къ г. Костомарову относится вторая половина моего замѣчанія о *Морозенкѣ*, про которую въ «Объясненіи» не сказано ни слова. Объясню же сперва первую половину, опровергаемую г. Костомаровымъ; а потомъ и вторую, про которую онъ умалчиваетъ.

У Коховскаго, при описаніи Збаражской войны, бывшей *лѣтомъ* 1649 *года*, два раза упомянутъ Корсунскій полковникъ Мрозовицкій. Зная положительно изъ книги «Реестровъ», что *осенью того* 1649 *года* Корсунскимъ полковникомъ былъ *Лукьянъ Мозыра*, и что въ ту пору не было ни въ Корсунскомъ, ни въ другихъ полкахъ, ни сотника, ни полковаго старшины *Мрозовицкаго*, и наглядѣвшись вдоволь на передѣлки собственныхъ именъ, я пришелъ къ такому мнѣнію, что во второй половинѣ 1649 года Корсунскимъ полковникомъ былъ *Мозыра*, котораго имя кто-то еще прежде Коховскаго передѣлалъ, на ладъ Польскаго имени—въ *Мрозовицкаго*, точно-такъ же, какъ Украинскій лѣтописецъ Грабянка изъ этого *Мрозовицкаго* произвелъ Корсунскаго полковника *Мороза* (а въ изданіи Туманскаго, *Мозыря* явился *Козарою*). Въ свою очередь, и г. Костомарову пришлось угадывать имя *Мозыры* въ *Мокерѣ* Коховскаго (см. т. II, стр. 195). Но изъ моего мнѣнія о тожествѣ того *Мрозовицкаго* съ *Мозырою* никакъ не слѣдуетъ, чтобы я всякаго Мрозовицкого принималъ за Мозыру. И тотъ панъ Мрозовицкій, который былъ на гадяцкомъ сеймѣ 1658 года (и которому г. Костомаровъ тоже придаетъ имя *Мороза)* — есть лицо новопришлое въ козаччинѣ Украинской, не принадлежащее къ первоначальнымъ сподвижникамъ Богдана. На мое мнѣніе—одно опроверженіе: показать изъ современныхъ актовъ, что лѣтомъ 1649

года былъ Корсунскимъ полковникомъ Мрозовицкій или иной, а не Мозыра.

Обращаюсь къ *Морозенку*, герою Украинскихъ народныхъ пѣсенъ, о которомъ до 1850 года я не зналъ къ какому историческому лицу его пріурочить. Жегота Паули, въ своемъ львовскомъ изданіи пѣсенъ 1839 года, удивлялся, что о *Морозенкѣ* нѣтъ и помину въ исторіи, и сказалъ: Кто знаетъ, не есть ли это Корсунскій полковникъ *Мрозовицкій?* Это предположеніе повторилъ и г. Костомаровъ, въ 1843 году, въ своемъ магистерскомъ разсужденіи о Русской народной поэзіи, гдѣ, на стр. 138, сказано о Морозенкѣ»: Можно думать — Корсунскій полковникъ *Морозъ»*.

Въ 1850 году, перечитывая книгу «Реестровъ», я встрѣтилъ въ ней нѣсколькихъ козаковъ *Морозенковъ* [1]), въ томъ числѣ и *Нестора Морозенка*, бывшаго въ Кропивянскомъ полку первымъ старшиною послѣ своего полковника, Филона Джеджелѣя, какими тогда были *Степанъ Побoдайло* въ Черниговскомъ полку, *Иванъ Искра* въ Полтавскомъ, и т. д. Къ этому историческому, подлинному *Морозенку*, безъ сомнѣнія, уже можно было отнести то, чтò народная пѣсня воспѣваетъ о своемъ героѣ—и походъ подъ Пиляву 1648 года, и участіе въ Жванецкой битвѣ 1653 года, и его роковую встрѣчу съ Ордою подъ Керебердою. Съ открытіемъ историческаго Морозенка (о которомъ я извѣстилъ 1854 года, въ моемъ «Извѣстіи о лѣтописи Григорія Грабянки», напечатанномъ въ «Москвитянинѣ»), прежнее предположеніе о тождествѣ пѣсеннаго Морозенка съ Корсунскимъ полковникомъ Мрозовицкимъ должно было, мнѣ кажется, остаться уже заштатнымъ. Но въ книгѣ г. Костомарова этому предположенію дана полная сила достовѣрности положительной, такъ что въ тѣхъ двухъ мѣстахъ, гдѣ у Коховскаго названъ *Мрозовицкій*, г. Костомаровъ замѣняетъ имя его именемъ *Морозенка;* напримѣръ, при описаніи Збаражской осады, у него сказано: «Полковникъ *Морозенко* кинулся на помочь гадячанамъ». (Т. I, стр. 362). А при описаніи Жванецкой битвы 1653 года (гдѣ

[1]) Въ сотнѣ Лютенской — *Супрунъ* (т. е. Софроній) и *Трохимъ Морозенко*, въ сотнѣ Кропивенской—*Онушко Морозенко* и проч.

у Коховскаго нѣтъ уже Мрозовицкого), г. Костомаровъ говоритъ: «Въ этой стычкѣ отличался *Морозенко* или *Морозовицкій*, бывшій полковникъ Корсунскій. Съ 1649 года имя его не упоминается. Гдѣ былъ онъ — неизвѣстно; но народная пѣсня, воспѣвая дѣло подъ Жванцемъ, прославляетъ его подвиги» (Т. II, стр. 386). Наконецъ, изъ «Объясненія» г. Костомарова оказывается, что онъ видитъ *славнаго козака Морозенка* и въ томъ *шляхтичѣ Мрозовицкомъ*, который, съ гетманомъ Выговскимъ и другими, участвовалъ въ Гадяцкомъ договорѣ 1658 года. На такое тожество я не могу согласиться.

4) Фамилія Кропивянскаго полковника Филона, въ извѣстныхъ мнѣ малороссійскихъ памятникахъ XVII вѣка, пишется обыкновенно *Джеджелѣй*, изрѣдка встрѣчается *Джаджалый* и *Джаджелей*. Первая форма постоянно ведется и въ лѣтописаньи малороссійскомъ и въ актахъ XVIII вѣка; она же употребительна и до нынѣ между козаками этой фамиліи. Но въ книгѣ г. Костомарова Филонъ Джеджелѣй постоянно зовется *Джеджалыкомъ*! Въ «Объясненіи» онъ говоритъ: «Люди, знающіе татарскій языкъ, убѣдили меня въ правильности формы *Джеджалыкъ*, вмѣсто другихъ формъ». Не вижу никакой надобности, ни справедливости, передѣлывать на татарскій ладъ козацкую фамилію, вопреки ея народному употребленію, бывшему и нынѣшнему.

5) По книгѣ «Реестровъ» я поправилъ фамилію Каневскаго полковника Семена, которая у г. Костомарова пишется *Павичъ*, вмѣсто подлинной—*Савичъ*. Но онъ въ «Объясненіи» говоритъ, будто *вездѣ*, гдѣ ему случалось видѣть фамилію этого полковника, она пишется *Павичъ*, а не *Савичъ*. Это оправданіе несправедливо. Г. Костомарову частёхонько случалось видѣть во всѣхъ малороссійскихъ исторіяхъ *Семена Павицкаго*, иногда съ перемѣною на *Павинскаго* и даже на *Новицкаго* (а началось это у насъ съ Грабянки, который взялъ имя *Павинскаго* изъ книги Коховскаго, гдѣ поставлено ошибочно Pawicius вмѣсто Sawicius). Но г. Костомарову, я полагаю, случалось видѣть и подлиннаго *Семена Савича*, когда онъ, въ самомъ началѣ 1651 года, былъ въ Москвѣ посланцемъ отъ гетмана Богдана. Онъ то и есть Каневскій

полковникъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, и который того же 1651 года убитъ въ битвѣ на р. Серетѣ, у Симоновскаго —подъ именемъ *Кононовича*, а у г. Костомарова—подъ именемъ *Павича*.

6) Наконецъ, только объ одномъ Кіевскомъ полковникѣ Антонѣ г. Костомаровъ сказалъ въ «Объясненіи»: «я *почти* склоняюсь къ мнѣнію г. Максимовича, что онъ *Ждановичъ*, а не Адамовичъ.» Но отчего же г. Костомаровъ и тутъ только «почти склоняется» къ моему мнѣнію, когда я подлинную фамилію Антона Кіевскаго *Ждановичъ* прочелъ въ подлинной книгѣ «Реестровъ», 1649 года? Чтобы совершенно преклонить г. Костомарова къ моему мнѣнію, мнѣ остается сказать: 1) что Антонова фамилія *Ждановичъ* извѣстна мнѣ не только изъ книги «Реестровъ», но и во всѣхъ современныхъ памятникахъ, мною видѣнныхъ, она пишется не иначе какъ *Ждановичъ* (по Московски *Ждановъ*); для примѣра, укажу на два письма, Выговскаго и Юрья Хмельницкаго, которыя читалъ я въ *подлинникѣ* и которыя напечатаны въ 3-мъ томѣ «Памятниковъ» изданныхъ Кіевскою Временною коммисіею (см. на стр. 387 и 470).—2) Ни въ гетманство Богдана, ни послѣ его, до конца Кіевскаго полка, не было полковника *Адамовича*: эта фамилія есть ошибка Коховскаго, взятая изъ него Грабянкою и повторяемая у насъ полтораста лѣтъ—до книги г. Костомарова включительно—пора же замѣнить ее подлинною фамиліей, которая принадлежала знаменитому сотруднику Богдана. 3) *Антонъ Никитичъ Ждановичъ* (подъ псевдонимомъ *Адамовича*) именуется Кіевскимъ полковникомъ и послѣ 1654 года; но съ этого года Кіевскимъ полковникомъ былъ уже *Павелъ Яненко* или *Павелъ Яновичъ Хмельницкій*; а его преемникомъ, съ 1659 года, былъ *Василій Ѳедоровичъ Дворецкій*.

Повѣряя возраженіями г. Костомарова критическія замѣчанія моихъ писемъ о современникахъ Богдана, я вижу, что только одно изъ нихъ не вполнѣ надежно, а именно мнѣніе, что Корсунскій полковникъ *Мрозовицкій* есть одно лицо съ *Лукьяномъ Мозырою*; это мнѣніе мое можетъ быть устранено, если въ современныхъ свидѣтельствахъ найдется,

что предъ Мозырою *лѣтомъ 1649 года* дѣйствительно былъ другой полковникъ Корсунскій: и я съ удовольствіемъ тогда скажу: нашего полку прибыло!

Письмо седьмое.

(Споръ о Малороссійскихъ именахъ).

«Да те все однако,
Що Якимъ, що Яковъ».

Изъ украинской думы.

Изъ вашего «Отвѣта» мнѣ, помѣщеннаго въ 8-мъ нумерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», я увидѣлъ съ удовольствіемъ, что вы согласились, наконецъ, принять подлинную фамилію Кіевскаго полковника Антона—*Ждановичъ*, вмѣсто ошибочной *Адамовцчъ*. Я увѣренъ, что вы, современемъ, согласитесь и на другое мое объясненіе—что фамилія Каневскаго полковника Семена была *Савичъ*, а не *Павичъ*; ибо, какъ въ «Книгѣ реестровъ», такъ и въ «Московской Запискѣ» 1751 года, написано явственно: *Семенъ Савичъ*. Малороссіяне встарину, вмѣсто прописнаго *С*, писали нерѣдко Σ, но ни той, ни другой буквы нельзя принять за *П*; а латинскія прописныя буквы *S* и *P* такъ были писаны, что ихъ легко смѣшать, и потому, вмѣсто Sawicz, у Коховскаго (I, 168) поставлено Pawicz, Pawicius, откуда явились у нашихъ историковъ *Павицкій* и *Павинскій*.

Гораздо труднѣе намъ рѣшить вопросъ о томъ, что значитъ личное имя Черкасскаго полковника Воронченка *Ясько*—*Иванъ* ли, какъ принимали Коховскій и наши Малороссійскіе историки, или *Яковъ*, какъ приняли вы? Чтобы отмѣнить прежній, общепринятый переводъ и замѣнить его вашимъ, новымъ, для того необходимо *современное* свидѣтельство, что имя Воронченка было не Иванъ, а Яковъ. Но такого свидѣтельства еще не нашлось; а потому старый переводъ я предпочелъ вашему новому, ничѣмъ еще неоправданному и для меня сомнительному. Въ «Отвѣтѣ» своемъ, вы приводите, противъ меня, увѣреніе многихъ коренныхъ малороссіянъ,

находящихся въ Петербургѣ, въ томъ числѣ гг. Шевченка и Кулиша, что они—«не слыхали, чтобъ народъ когда-нибудь называлъ Яськомъ Ивана, что скорѣе это *Яковъ или Осипъ, а не Иванъ.*

Я уважаю малороссійскую пословицу: «Громада великій человѣкъ»; но на ваше громадское рѣшеніе я не могу согласиться ни въ одномъ изъ трехъ его положеній. Мало ли чего мы не слышимъ нынѣ въ устахъ малороссійскаго народа и не видимъ въ его жизни, что слышалось и видѣлось въ прежнія времена! Слыхали ль вы, чтобы какой-нибудь украинецъ именовался *Трояномъ* или *Дунаемъ*? А по «Книгѣ реестровъ» 1649 года видны: Глинскій козакъ *Троянъ Ивахно́* и Полтавскій козакъ *Дунай Гуриненко*—и я полагаю, что эти личныя имена были передѣланы на древне-русскій ладъ изъ церковныхъ именъ *Троадій* и *Донатъ*. Въ числѣ тогдашнихъ сотниковъ были: Березанскій—*Полуянъ Быченко* и Зѣнковскій—*Жаданъ Татарищенко.* Но теперь эти личныя имена уже вывелись и позабыты въ народѣ; уже за рѣдкость и такія имена, нѣкогда очень любимыя, какъ напримѣръ, *Гапо́нъ* (Агаѳонъ), *Савра́нъ* (Саверій), *Супру́нъ* (Софроній), *Прись* (Евфросинъ), *Хурсъ* (Ѳирсъ). Повивальныя бабки, принося новорожденное дитя на молитву къ священнику, отпрашиваются у него всѣхъ сколько-нибудь затруднительныхъ и необыкновенныхъ именъ, которыя называютъ онѣ *крутыми.*

Вы полагаете, что *Ясько не Иванъ.* Однакожъ Ясько Воронченко у Коховскаго переведенъ Joannes Woronczenko (I. 168). Весьма можетъ быть, что Польскій историкъ такъ перевелъ только по своенародному измѣненію имени Иванъ —Янъ, Ясь, Ясько; но если и Конискій и Рубанъ—щирые Малороссіяне прошлаго столѣтія, называли Яська Воронченка *Иваномъ,* (а за ними Бантышъ-Каменскій, Маркевичъ и другіе), то изъ этого видно, что Малороссіяне прошлаго столѣтія допускали Польское измѣненіе имени Иванъ, какъ и нѣкоторыя другія имена перемѣнялись у нихъ въ Польскія формы (Лука въ Лукашъ, и проч.). Въ гетманство Богдана былъ Кіевскимъ полковникомъ софамилецъ его, Павелъ Яновичъ Хмельницкій, т. е. *Яновъ* сынъ или *Янѐнко*; былъ и сот-

никъ Ичснскій *Иванъ Яновичъ*. (При этомъ невольно вспоминаются и древній Кіевскій старецъ *Янъ*, прославленный Несторомъ, и знаменитая современница ихъ, Всеволодова дочь *Янка*, и ея Переяславское сельцо, *Янчино* или *Янцино*, что нынѣ *Янёнки-Малые*). Само-собою разумѣется, что украинецъ, именовавшійся *Яномъ*, назывался и уменьшительными видами этого имени. У меня есть народныя пѣсни, свадебныя и купальныя, записанныя на Волыни, въ которыхъ любимое этими пѣснями имя *Ивась*, *Ивашко*, замѣнено *Ясемъ*, *Ясенькомъ*, *Ясюнемъ*. И такъ переводъ Яська Иваномъ обличаетъ *полонизмъ*, принадлежавшій Малороссіянамъ прежняго времени. Еслибы не было у насъ этого перевода, я также не назвалъ бы Яська Ворончевка Иваномъ; но отмѣнить этотъ давно существующій и общепринятый переводъ нельзя—мнѣ кажется —до тѣхъ поръ, пока не найдется *современнаго* свидѣтельства о другомъ имени Ворончева (какихъ я вамъ представилъ два объ имени Ивана Дмитріевича Барабаша).

«Скорѣе это *Яковъ или Осипъ*», сказано въ вашемъ рѣшеніи. Что же изъ двухъ? по моему—ни то, ни другое! Я никогда не слыхалъ въ народѣ и не встрѣчалъ въ старыхъ писаніяхъ, чтобы Осипа называли *Яськомъ*, и полагаю, что это также несвойственно, какъ было бы названіе Осипа—*Ясипомъ*. По малороссійскому звукоизмѣненію, коренной звукъ *о*, съ удареніемъ, не переходитъ въ *а* и *я*. Имя Іосифъ у Малороссіянъ измѣнялось въ слѣдующія формы: 1) *Іосипъ* (Йосипъ) и отсюда *Іосько*, *Іося*, а по украинскому измѣненію звука *о* въ острое *и*—*Исько*. Есть у насъ и фамилія *Ищенко*. 2) *Есифъ* и отсюда *Есько*. Такъ въ «Книгѣ реестровъ» написанъ *Есифъ Наталчичъ*, извѣстный Овруцкій сотникъ, неправильно называемый *Напалищемъ*, *Напаличемъ* (такъ и въ вашей книгѣ. I 192, а въ «Старожитностяхъ» А. Грабовскаго (I 314) Natulczyc, явная описка или опечатка, вмѣсто Natalczycz). 3) *Юсько* и даже *Юзько*—отъ Польской формы *Юзефъ*.

Что касается до имени *Яковъ*, то отъ него происходитъ настоящая малороссійская форма *Яцько* или *Яцко*, столь же извѣстная по памятникамъ XVI и XVII вѣка, какъ и наше

спорное имя *Ясько*. Такъ, между сотниками 1649 года были: Обуховскій — *Яцко Красовскій*, Лисянскій — *Яцко Губиненко*, Березовскій—*Ясько Хвилоненко*; а въ Переяславскомъ полку: с. Гелмязовскій—*Яцко Иляшовичъ*, с. Острянскій—*Ясько Кошинъ* и три сотника съ именемъ *Иванъ*. Тутъ уже становится примѣтно, что Ясько не Иванъ и не Яковъ. Казалось бы не великъ переходъ отъ Яцка до Яська; но—слыхали-ль вы, чтобы на Украинѣ, вмѣсто *Грицько, Стецько, Процько* (Прокопъ), *Луцько* (Лукьянъ) выговаривали: Грисько, Стесько, Просько, Лусько? Нѣтъ, такое обращеніе *ц* въ *с* несвойственно Украинскому нарѣчію; и потому, вмѣсто *Яцько* не можетъ быть *Ясько* — и потому я сомнѣваюсь, чтобы Ясько Воронченко былъ Яковъ.

Что же, наконецъ значитъ *Ясько* не по Польскому, а по Малороссійскому словоизмѣненію? Ясное дѣло, что это не иное-что, какъ *Ясонъ*. Это имя и теперь встрѣчается изрѣдка въ народѣ, и по здѣшнему приднѣпровскому говору оно произносится *Гасонъ*, уменьшительно — *Гасько*. У меня въ близкомъ сосѣдствѣ, только черезъ Днѣпръ, на краю Черкасскаго уѣзда, есть живой Гасонъ или Гасько. Вотъ также и давній Черкасскій полковникъ *Ясько*, по моему мнѣнію, всего скорѣе былъ *Ясонъ Ворonченко*, и я надѣюсь, что въ какомъ нибудь *современномъ* «помянникѣ» или иномъ памятникѣ онъ найдется съ этимъ именемъ, но предполагаю и такой случай, что перепищикъ XVIII вѣка, не разобравъ хорошо имени Ясонъ, прочтетъ и напишетъ: Яковъ Ворonченко. Подобныя передѣлки именъ мнѣ попадались нерѣдко. Такъ Миргородскій полковникъ Гладкій—у Коховскаго, а за нимъ и у всѣхъ Малороссійскихъ историковъ—именовался *Максимомъ*; но изъ «Книги реестровъ» и изъ «Мгарскаго помянника» видно, что его звали *Матвѣемъ*. Его сынъ Григорій Матвѣевичъ Гладкій тоже былъ полковникомъ Миргородскимъ; но въ «Безбородьковскомъ спискѣ» (въ «Лѣтописцѣ» Рубана) значится *Евстафій Гладкій*: нѣтъ-ли и тутъ ошибки въ имени? —Прощайте!

12-го марта 1860 г.
Михайлова-Гора.

P. S. Въ моемъ «Украинцѣ» на стр. 159-й, сказано, что знаменитую панью Барабашиху звали *Софіей*—это ошибка, которую прошу исправить; ея имя было: *Агафія,* какъ это ясно видно изъ «Межигорскаго помянника»; а въ собственноручной надписи Барабаша на церковной книгѣ имя его жены затерлось отъ давности, и потому прочтено было ошибочно. —Кстати объ именахъ женъ. У васъ, во 2-мъ томѣ, на стр. 207-й, о третьей женѣ Хмельницкаго—Аннѣ Никифоровнѣ, урожденной Золотаренковой, сказано: «Поляки, неизвѣстно почему, называютъ ее козачкой *Филиппихой*». Безъ сомнѣнія потому, что она прежде была женою козака *Филиппа.* Изъ «Замѣтокъ» Миллера извѣстно, что ея сынъ, а Богдановъ пасынокъ, женатъ былъ на дочери Полтавскаго старшины, Ивана Искры. А изъ ближне-пещернаго и другихъ Кіевскихъ помянниковъ извѣстно мнѣ, что Анна Никифоровна, оставшись вдовою и послѣ гетмана Хмельницкаго, постриглась, въ 1671 году, въ монахини Печерскаго дѣвичьяго монастыря, подъ именемъ *Анастасіи Хмельницкой.*

Письмо восьмое

(О событіи на Кодакѣ).

Мои письма къ М. П. Погодину о Богданѣ Хмельницкомъ, напечатанныя въ *Украинцѣ* 1859 года, вызвали ваше «Объясненіе», напечатанное въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. № 122, и поставили насъ въ непосредственное сношеніе другъ съ другомъ. Я очень радъ этому возобновленію, хотя и на письмѣ, нашихъ ученыхъ бесѣдъ объ Украинѣ, и увѣренъ, что наша переписка или перекличка о ней во всеуслышаніе — будетъ не безъ пользы для *исторической истины*, изъ которой мы и бьемся.

О разногласіи нашемъ относительно нѣкоторыхъ сподвижниковъ Богдана мы достаточно, кажется, объяснились уже въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. За мною теперь—обѣщанный разборъ характеристики Богдана и отвѣтная рѣчь на ваше объ немъ «Объясненіе», ибо я считаю себя обязаннымъ отвѣчать на каждое ваше мнѣ возраженіе. Начинаю мой

разборъ характеристики Богдана—съ происшествія на Кодакѣ, въ которомъ его характеръ означился чертою рѣзкою и выразительною. Въ вашей книгѣ это происшествіе передано такъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, покойный Конецпольскій имѣлъ случай замѣтить *свободомысліе* Хмельницкаго. Построивъ крѣпость Кодакъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ, для укрощенія козацкихъ походовъ на чайкахъ, онъ стоялъ разъ на валу только-что оконченнаго укрѣпленія, и гордо спросилъ окружавшихъ козаковъ: «каковъ кажется вамъ Кодакъ»? Хмельницкій, поглядывая искоса, отвѣчалъ ему полатыни: «что человѣческими руками строится, то человѣческими руками и разрушается». Черезъ нѣсколько времени новый козацкій гетманъ Сулима, разорилъ Польскую крѣпость. Вспоминая слова Хмельницкаго, паны подозрѣвали и его въ участіи (I. 58)».

Смѣлая выходка Богдана не могла не заподозрить его сильно въ глазахъ Конецпольскаго; но это происшествіе случилось уже на четвертый годъ послѣ того, какъ гетманъ Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость и за то четвертованъ въ Варшавѣ; а потому подозрѣніе пановъ о соучастіи Хмельницкаго съ Сулимою было неосновательное и напрасное.

Тутъ вы сами вдались въ ошибку, сказавши, что Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость *черезъ нѣсколько времени* послѣ того, какъ Хмельницкій сказалъ свое смѣлое слово о ней грозному Конецпольскому. Нѣтъ, Сулима разорилъ первоначальную Кодацкую крѣпость тотчасъ по ея построеніи, при которомъ Конецпольскаго и не было. Ссылаюсь въ этомъ на самого строителя ея, Боплана; въ «Описаніи Украины», онъ говоритъ: «на Кодакѣ, въ *іюлѣ* 1635 года, былъ заложенъ мною зáмокъ, но послѣ моего отъѣзда, въ *августѣ* мѣсяцѣ, нѣкто *Солиманъ*, предводитель мятежныхъ козаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что зáмокъ преграждалъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ француза....» За тѣмъ Бопланъ разсказываетъ о послѣдующей войнѣ съ козаками, продолжавшейся до октября 1638 года, и возвращается къ Кодацкой крѣпости: «По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4,000 воиновъ,

лично отправился на Кодакъ и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца». Дѣло ясное, что это было въ 1639 году, что слова Хмельницкаго были сказаны о возобновленной крѣпости; а оправдались они уже въ 1648 году, когда Хмельницкій, ставши гетманомъ, послалъ Нѣжинскихъ козаковъ на взятіе той крѣпости. Такъ разумѣлъ и Коховскій, которому мы обязаны за сохраненіе этого замѣчательнаго анекдота о Хмельницкомъ: «Manu facta (inquit) manu destrui! Nec verbis defuit eventus, primum namque succrescentis Chmelnicii potentiae facinus incubuit Kodaco evertendo. (I. 21)». Этимъ кончаетъ Польскій историкъ свое мастерское изображеніе Хмельницкаго.

Я надѣюсь, что вы согласитесь со мною, какъ въ томъ, что слова Хмельницкаго о Кодацкой крѣпости сказаны были 1639 года, такъ и въ томъ, что возбужденное ими подозрѣніе пановъ о соучастіи съ Сулимою было неосновательно. Такъ и многое приписано Хмельницкому *заднимъ числомъ* — послѣ того уже, какъ онъ поднялъ Украину и Запорожье на Поляковъ.

Нашъ Украинскій лѣтописецъ Грабянка, сочиняя около 1710 года свою «исторію о дѣйствіяхъ презѣльной брани» и заимствуя въ нее многое изъ Коховскаго, событіе Кодацкое передалъ такъ: «Въ то время (въ року 1639) прилучися гетману коронному Конецпольскому въ Кодаку самому быти, и козакомъ ему предстоящимъ (между ими же бѣ и Богданъ Хмелницкій), тѣмъ ругаяся вкупѣ и хваляся о крѣпости Кодака града, рече: угоденъ ли вамъ, козаки, Кодакъ? Отвѣща Хмелницкій языкомъ латинскимъ: что есть рукою сотворено, чтобы было не разоренно? Чего ради гетманъ удивися, вкупѣ зло мысляше о Хмелницкомъ, вспомянувъ убо, яко во всѣхъ бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ и Хмелницкій бяше, обаче многія умроша, а онъ живъ оста (стр. 31)».

Откуда взялось это воспоминаніе Конецпольскаго? Очевидно, изъ того же Коховскаго, который говоритъ отъ себя, что Хмельницкій былъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ Тараса и Остряницы съ Гунею, но избѣжалъ заслуженной

кары. Нашъ лѣтописецъ заблагоразсудилъ это воспоминаніе польскаго историка переложить въ головѣ самого Конецпольскаго, и, вмѣсто участія Богдана въ двухъ козацкихъ возстаніяхъ, поставилъ его—(что называется: *за однимъ заходомъ*)— участникомъ во *всѣхъ* козацкихъ войнахъ противъ Поляковъ. Вотъ съ какимъ наращеніемъ и представленіемъ о Хмельницкомъ явилось въ нашемъ лѣтописаньи сказаніе о событіи Кодацкомъ. Справедливо ли это представленіе нашего лѣтописца и можетъ ли оно быть принято за дѣйствительность историческую, о томъ рѣчь впереди; а здѣсь я хотѣлъ вывести только то: когда и какъ произошло у насъ историческое мнѣніе объ участіи Хмельницкаго во *всѣхъ* возстаніяхъ козацкихъ на Поляковъ. Это *Грабянка* передѣлалъ на свой ладъ сказаніе польскаго историка. А что у него тутъ передѣлка изъ Коховскаго, видно и на слѣдующей за тѣмъ краткой характеристикѣ Богдана: «бысть бо Хмельницкій мужъ хитръ въ воинствѣ и разуменъ зѣло, вѣдый мысли лядскія на козаковъ и ихъ суетную клятву, разсмотрый ихъ военные ограды, и вся сія въ сердцѣ злѣ держаше, лице же свѣтлостію покрываше, аки бы онъ на Ляхи никоего зла не мѣслилъ, въ сердцу же его золъ совѣтъ бяше». — Тутъ живопись двухъ разнородныхъ стилей или пошибовъ: въ первой половинѣ— своя собственная, украинская; во второй — взятая изъ картины Коховскаго, отрывкомъ изъ которой и вы завершили свою характеристику Богдана. У васъ сказано: «Лицо его, сіяющее и кроткое, (говоритъ польскій историкъ Коховскій) скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую, болотную воду». Не могу не замѣтить, что отъ малой перемѣны въ словахъ подлинника, вышло не совсѣмъ вѣрное сравненіе *духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію* — съ гнилою болотною водою, которая представляетъ собою покой и застой. Отчетливая живопись Коховскаго едвали допустила бы эту несоотвѣтственность; у него сказано такъ: «Aderat huic militaris presso sermone facundia, animus obtegens sui, renidens vultus, quo praecipue, ut nitida glacie foetentes aquae, *recessus pectoris teguntur*». А для сравненія духа безпокойнаго, склоннаго къ

волненію, въ козацкомъ вождѣ, всего скорѣе и ближе подошли бы склонныя къ волненію воды *своевольнаго* Днѣпра, какъ о немъ говорится въ народной пѣснѣ:

Жалкуется Лиманъ морю,
Що Днѣпръ робить свою волю:
Свои гирла прочищае,
Лиманови закидае.

Какъ бы хотѣлъ я въ эту минуту взглянуть на свѣтлое лицо Богдана, на томъ старинномъ портретѣ его, на который глядѣли, вѣроятно, и онъ самъ, и его изобразитель Коховскій! Я разумѣю портретъ, гравированный гданскимъ Нѣмчиномъ Вильгельмомъ... (фамиліи не припомню).... 1650 года, когда Хмельницкій былъ на верху своей славы.

P. S. Въ моемъ извѣстіи о Грабянкиной лѣтописи, напечатанномъ въ Москвитянинѣ 1855 года, я различалъ двѣ ея редакціи: одну (славянскую), изданную въ Кіевѣ 1854 года, другую, напечатанную въ Россійскомъ Магазинѣ В. Туманскаго, 1793 года. Въ обозрѣніи источниковъ вашей книги «Богданъ Хмельницкій» не упомянуты оба печатныя изданія, а показана (подъ № 17-мъ) *рукописная* «Исторія о дѣйствіяхъ презѣльной брани». Судя по этому заглавію и по многимъ свѣдѣніямъ, изъ нея приведеннымъ, это лѣтопись Грабянкина. Но у васъ иногда приводятся изъ нея очень любопытныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни въ двухъ печатныхъ изданіяхъ, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ ея спискахъ. И такъ ваша рукопись составляетъ особую, третью редакцію этой лѣтописи, полнѣйшую и доселѣ неизвѣстную? Весьма любопытно было бы ваше подробное объ ней извѣстіе.

Въ вышеупомянутой статьѣ моей я высказалъ свое мнѣніе, что историческое *введеніе*, находящееся при «лѣтописи Самовидца,» извлечено все изъ Грабянкиной лѣтописи, вѣроятно, тѣмъ же лицемъ, которымъ написано продолженіе лѣтописи Самовидца до 1734 года. Необходимымъ считаю объ этомъ сказать напередъ; ибо все, что̀ говорится въ томъ введеніи, я не признаю за свидѣтельство заднѣпровскаго козака XVII-го вѣка, а отношу къ Гадяцкому полковнику старшинѣ Григорію Грабянкѣ и къ позднѣйшему сократителю его сказанія для лѣтописи Самовидца. Такимъ образомъ извѣ-

стіе о Кодацкомъ событіи я полагаю заимствованнымъ изъ Коховскаго сперва Грабянкою, а изъ него уже взятымъ во введеніе къ лѣтописи Самовидца. — Подробнѣе изложу мое мнѣніе при отвѣтѣ на ваше *объясненіе*.

30 ноября 1860.

Письмо девятое.

(О воспитаніи Богдана Хмельницкаго).

Обращаюсь къ началу характеристики Богдана, составленной вами на 1646 годъ, къ пріѣзду на Украину канцлера Оссолинскаго. Вы говорите: «самъ коронный гетманъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія, хотя смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Ни милости короля, ни ласки пановъ, не передѣлали его въ Поляка, чтó случилось съ другими Южно-руссами. Отъ іезуитовъ, воспитавшихъ его, получилъ онъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, — двоедушіе, съ какимъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и тоже время, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое... (I, 46)».

Здѣсь Хмельницкій написанъ вами въ два свѣта, по двоякому о немъ представленію—своему собственному, и заемному. Въ первомъ свѣтѣ—онъ щирый Украинецъ, самобытный и крѣпкій въ своенародности, не смотря ни на какіе соблазны и обаянія міра; въ другомъ свѣтѣ — онъ питомецъ іезуитовъ, преемникъ ихъ двоедушія и скрытности. Посмотримъ же на характеръ Хмельницкаго съ той и другой стороны.

Вѣками родятся такіе люди, какъ былъ Богданъ у народа украинскаго,—представитель его въ исторіи; потому и природа южнорусскаго человѣка должна была явиться въ немъ своеобразно и полносильно. Не такимъ щирымъ Украинцемъ и не на то родился онъ на свѣтъ, чтобы ему *ополя-*

читься отъ какихъ бы ни было милостей и ласокъ въ свѣтѣ, чтобы ему измѣниться въ коренныхъ свойствахъ души отъ вліянія хитроумныхъ іезуитовъ.

Многіе Южно-руссы, изъ поколѣнія современнаго Хмельницкому, перерождались въ Поляковъ, вслѣдствіе религіозныхъ и политическихъ убѣжденій и увлеченій, происходившихъ отъ воспитанія ихъ польскими іезуитами, отъ брачныхъ связей съ польками, и т. п. Но это случалось преимущественно съ людьми высшаго сословія, по большей части слабодушными, и—всего менѣе съ украинцами. Въ сословіи козацкомъ, и особенно въ печальное десятилѣтіе, бывшее передъ гетманствомъ Хмельницкаго, многіе изъ его украинскихъ captionслуживцевъ совсѣмъ передавались на сторону польскихъ пановъ и становились ихъ угодниками и потаковниками — изъ своекорыстныхъ видовъ. Изъ числа таковыхъ, выше всѣхъ поднялись тогда, въ генеральные асаулы—Иванъ Барабашъ Черкасскій, Украинецъ *Татарскаго* происхожденія, да Ильяшъ Караимовичъ Переяславскій, прозывавшійся у козаковъ *Армянчикомъ*. Богданъ Хмельницкій, щирый Украинецъ, оставался преданнымъ *своенародности*, за чтó не любили его польскіе паны и полковники и комисаръ, поставленные на Украинѣ, вмѣсто козацкихъ полковниковъ и гетмана, послѣ войны Остряницынской (1638 г.).

Посмотримъ, однакоже, — какія особенныя *милости* и *ласки* были заслуженному Чигиринскому сотнику, что бы имъ давать такой большой вѣсъ въ его характеристикѣ? Изъ вашей книги видна только одна королевская милость Хмельницкому: сабля за храбрость, данная въ войну подъ Смоленскомъ (1634 г.). Правда, самъ Богданъ, въ письмахъ къ Потоцкому и Шембергу (писанныхъ въ декабрѣ 1647 года), говоритъ, что ему, за его службы Польской коронѣ и всей Речипосполитой, король подарилъ участокъ земли въ Чигиринскомъ повѣтѣ и утвердилъ своею привилегіею; объ этомъ говорится и у нѣкоторыхъ Поляковъ, напримѣръ въ «Исторіи о бунтахъ Хмельницкаго»; но Коховскій смотрѣлъ на это глазами Чаплинскаго и его покровителей, и Богданово владѣніе тою землею признавалъ незаконнымъ. Чтó касается до

панскихъ ласокъ Богдану, то прежде 1646 года не видно ихъ ни откуда, кромѣ той развѣ, что Конецпольскій, уважавшій его дарованія, не воспретилъ ему населять вольноприхожими людьми отцовскую слободу его Суботовъ, на что̀ Богданъ имѣлъ, кажется, законное право, какъ сынъ подстаросты и сотника Чигиринскаго, и самъ сотникъ Чигиринскій, бывшій и войсковымъ или генеральнымъ писаремъ. А съ 1646 года, послѣ пріѣзда на Украину канцлера Оссолинскаго, полились на заслуженнаго Богдана такія панскія ласки, отъ какихъ и Поляки бѣгали на Запорожье и становились козаками.

Великою школою козацкой жизни была тогда Запорожская Сѣчь, изъ которой выходили и такіе крѣпкодушные, побѣдоносные мужи, какъ гетманъ Сагайдачный, и такія бѣдовыя головы, какъ гетманъ Павлюкъ, что стоялъ уже разъ у Варшавской плахи, вмѣстѣ съ Сулимою, но отпущенный тогда, по просьбѣ Турецкаго посла, не унялся, опять пошелъ на огонь и погибъ въ мукахъ на той же площади Варшавской. Богданъ Хмельницкій долго былъ со славою въ той Запорожской школѣ, и, продолжая около 18-ти лѣтъ военную и депутатскую службу въ реестровомъ козачествѣ, между Поляковъ и Украинцевъ, выработалъ изъ себя великаго дѣятеля и подвижника народнаго. Не Ярославскіе Patres Societatis Iesu, а суровый, долгій опытъ жизни между различныхъ огней научилъ нашего многодаровитаго Украинца тому искуству воина — политика, съ какимъ онъ, ставши гетманомъ, разыгралъ свою великую роль на театрѣ Польско-русскаго міра,—какъ онъ отчасти и самъ говорилъ, въ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ, что примѣрами прежнихъ гетмановъ научился онъ «*осторожности* и *луччого воинского управленія*».

Коховскій, какъ художникъ классическій, не могъ иногда не полюбоваться героемъ коза̀ччины, забывая въ себѣ на минуту *рыцаря Польскаго*. Когда Хмельницкій, послѣ двухъ первыхъ, блистательныхъ побѣдъ надъ Поляками, расположился таборомъ подъ Бѣлою Церковью и позвалъ къ себѣ Украинскій народъ своимъ универсаломъ, Коховскій говоритъ: «Chmelnicius tum, post Corsunenses Cannas — Annibal». Но то было торжественное явленіе исторической жизни; тамъ

Хмельницкій во весь ростъ—и онъ ясенъ тогда для историка-художника польскаго; а козацкая душа Богдана была для него именно, какъ говоритъ русская пословица: чужая душа потёмки. Коховскій, какъ eques Polonus, ненавидѣлъ Хмельницкаго, глядя на него, какъ на величайшаго мятежника Польской республики и называя его *жестокимъ матереубійцею;* и не мудрено, если *внутренній человѣкъ* Богдана представлялся ему темнымъ призракомъ іезуитскаго устройства; а навести протраву іезуитства на личность Богдана—значило напередъ уже помутить ея героическій блескъ и для своего собственнаго на нее взгляда.

Если не ошибаюсь, мы одному Коховскому обязаны за извѣстіе, что молодой Хмельницкій учился сперва въ *Кіевской школѣ*, а потомъ отданъ былъ въ *Ярославѣ къ отцамъ іезуитамъ*. Это извѣстіе, повторенное у насъ Грабянкою и другими, для насъ очень важно, при совершенной бѣдности нашихъ свѣдѣній о молодости Богдана; мы даже не знаемъ его лѣтъ, чтобы опредѣлить себѣ, когда онъ учился въ Кіевѣ, когда отданъ въ Ярославъ и долго ли тамъ пробылъ. Но для меня весьма сомнительнымъ кажется, чтобы Михайло Хмельницкій отдалъ своего сына въ Ярославъ — отцамъ іезуитамъ, при тогдашней ненависти къ нимъ у всего народа южнорусскаго. Если и пришлось ему отдавать своего Богдана послѣ Кіева въ Ярославъ, то скорѣе отдать было въ ту Латино-Польскую школу, которая тогда процвѣтала тамъ, независимо отъ Коллегіума іезуитскаго; а Польскій историкъ, писавшій о Богданѣ Хмельницкомъ черезъ четверть вѣка послѣ его кончины, весьма могъ вмѣсто одного Ярославскаго училища назвать другое, болѣе извѣстное въ его время [1]). Если бы я зналъ, что молодой Богданъ отданъ былъ изъ Кіева въ Ярославъ около 1600 года, тогда бы я поставилъ на видъ еще одного *Ярославскаго просвѣтителя*, Православно-Русскаго: это Лаврентій Зизаній—Тустановскій, бывшій проповѣдникомъ

[1]) Подобныхъ замѣнъ одного мѣста, года, лица — другими, можно привести множество изъ разныхъ писателей. У Коховскаго напримѣръ, кончина Богдана положена въ *іюнѣ* вмѣсто августа, ставится небывалый полкъ Остерскій вмѣсто Прилуцкаго, и прочая.

при церкви Ярославской и учителемъ при сыновьяхъ князя Александра Константиновича Острожскаго, а по его смерти († 1603 г.), прогнанный оттуда по проискамъ іезуитовъ. Впрочемъ, и въ тѣ поры дѣти Русскихъ людей попадали въ іезуитскія школы; это могло случиться и съ Богданомъ Хмельницкимъ; а потому, хотя и подъ сомнѣніемъ, я допускаю свидѣтельство Коховскаго, что Хмельницкій учился въ Ярославѣ — *у отцовъ іезуитовъ* (если бы даже онъ отданъ былъ туда изъ Кіева и не къ нимъ, а къ другимъ просвѣтителямъ). Но я не могу согласиться съ вами называть Ярославскихъ іезуитовъ — воспитателями Богдана; въ немъ не было того именно, чѣмъ отличались тогдашніе питомцы этихъ хитроумныхъ просвѣтителей. Они отбивали у Русскихъ юношей любовь къ своенародности и къ неразлучному съ нею православію, переводили ихъ на католичество; а Богданъ Хмельницкій былъ непреклоннымъ поборникомъ своенародности и православія. Питомцы іезуитовъ являлись приверженцами и почитателями своихъ учителей и ихъ коллегіумовъ; а Хмельницкій былъ страшнымъ гонителемъ и ненавистникомъ іезуитовъ и ихъ коллегіумовъ. Поэтому, вліяніе коллегіума Ярославскаго на Богдана, послѣ Кіевской школы (разумѣется, Братской), я ограничилъ бы только умственнымъ образованіемъ, дальнѣйшимъ усовершеніемъ его въ *наукахъ вызволёныхъ*, которыми Южная Русь такъ охотно въ томъ вѣкѣ заимствовалась во всѣхъ доступныхъ ей училищахъ латино-западныхъ.

Вы говорите, что Хмельницкій получилъ отъ іезуитовъ *скрытность* и *двоедушіе*. Это не мало, когда эти два свойства полагаются въ основу его характера и даются ему, какъ отличительныя черты его общественной дѣятельности, до 1647 года. Но я не могу признать такого воспріятія отъ іезуитовъ крѣпкою и самобытною душею Украинца—Богдана. Если бы въ немъ и была, напримѣръ, скрытность и въ большой степени, я призналъ бы ее за природное и доморощенное свойство его, и не отнесъ бы ее къ іезуитамъ, потому что и безъ ихъ вліянія—скрытность была присущею большинству Украинскаго народа, происходящею въ немъ изъ той *сосредоточенности* въ себѣ, которая принадлежала къ кореннымъ свой-

ствамъ Украинскаго духа и характера. Впрочемъ, Богданъ Хмельницкій не скрылъ своего *свободомыслія* передъ Конецпольскимъ на Кодакѣ — и въ какую минуту? Когда грозный коронный гетманъ воображалъ, что успѣлъ уже *зануздать* тою крѣпостью своевольное козачество, *осѣдланное* на Масловомъ-ставу, послѣ войны Остряницынской [1]). Хмельницкій не скрывалъ своей преданности и любви къ *своенародности* передъ польскими властями, поставленными тогда надъ козачествомъ. Да и прежде того, отъ самой короваціи Владислава, онъ былъ открытымъ, извѣстнымъ для всѣхъ народнымъ предстателемъ и ходатаемъ о правахъ и вольностяхъ Малороссіи, попранныхъ водворившимися и возобладавшими въ ней Поляками. Знали хорошо его съ этой стороны и король и канцлеръ, если на него преимущественно возлагали въ 1646 году свое предпріятіе; если, въ слѣдующемъ году, король говорилъ ему: «извѣстно мнѣ твое *чистое сердце* (I. 66)». Во всемъ этомъ не видно еще особенной *скрытности* въ Богданѣ.

Но посмотримъ, какъ основанный на іезуитскомъ двоедушіи и скрытности психическій образъ Богдана отражается и оправдывается въ его исторической дѣятельности.

2 декабря 1860.

Письмо десятое.

(Объ участіи Хмельницкаго въ козацкихъ возстаніяхъ на Поляковъ).

У васъ, въ характеристикѣ, сказано: «Не проходило мятежа, чтобъ Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса Павлюка, Остряницы, возбуждалъ совѣтомъ и одобрительною рѣчью собратій противъ Поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на

---

[1]) У Коховскаго, при анекдотѣ о Кодакѣ, сказано: «ratus Dux, quod res erat, eum licentiosorum obicem ac fraenum, obliquo Cosacos intueri oculo»....

Современникъ Хмельницкаго Ерличъ такъ выражался въ своей лѣтописи: «Na którą to wojnę pohamowanych już osiedlonych dobrze chłopów, ze swywoli zartzymanych dobrym munsztukiem Hetmanów koronnych (I, 52)».

плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю, и видимая преданность Речи посполитой отклоняли отъ него всякое подозрѣніе».

Ка́къ же отклоняли всякое подозрѣніе, когда самъ Конецнольскій «смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ?» Вотъ это и составляетъ для меня фактъ первостепенной важности, что Хмельницкій, въ подозрительныхъ глазахъ такихъ немилостивыхъ *современниковъ*, какъ Конецнольскій и его̂ товарищъ Потоцкій, не былъ признанъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ, бывшихъ въ *тридцатые* годы того времени. Ни подъ видимою преданностью Речи-Посполитой, ни подъ услугами королю, не укрылъ бы онъ своего постояннаго участія во всѣхъ козацкихъ мятежахъ, если бы оно было. Впрочемъ, особенныхъ услугъ самому королю Хмельницкій, кажется, не оказалъ никакихъ; но онъ искренно былъ *преданъ* Владиславу и много надѣялся на него для Украины, какъ и вообще козаки любили этого короля и на него всегда полагались. Поляковъ не любилъ Хмельницкій; но какъ *рыцарь* «Войска его королевской милости Запорожскаго» и какъ гражданинъ Речи-Посполитой, онъ оказывалъ ей *заслуги* очевидныя и несомнѣнныя и могъ съ полнымъ правомъ говорить Потоцкому (въ вышеупомянутомъ письмѣ отъ 29 декабря 1647 года): «не выписую тутъ працъ и трудовъ моихъ для общого добра Короны Полской и цѣлой Речи-Посполитой... самъ о нихъ вѣдаешь, велможность ваша».

Я представилъ вамъ, въ первомъ письмѣ, мой выводъ о томъ, какъ у насъ — однимъ почеркомъ пера лѣтописца Грабянки — Хмельницкій сталъ участникомъ «во *всѣхъ* бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ». Почему же бы и не стать?... Но Хмельницкому тогда не дожить бы до своей *презѣльной брани* съ Ляхами. Онъ не принадлежалъ къ такъ называвшейся *войсковой черни*, къ толпѣ козацкой, послѣ всякаго возстанія приводимой къ присягѣ и прощаемой. Онъ былъ такимъ виднымъ лицемъ въ козачествѣ, что его примѣтили бы—не то на челѣ или на крылѣ, но и въ хвостѣ всякаго возстанія. Онъ былъ сотникомъ и обывателемъ Чигиринскимъ, слѣдовательно былъ на глазахъ у старостовъ и дозорцевъ

Чигиринскаго старосты Конецпольскаго. И не могло же дѣло кончаться всякій разъ только тѣмъ, что на «Хмельницкаго никто не могъ доказать». Нашлись бы на доказательство и между козаками такіе людцы, какъ Чигиринскій товарищъ Богдана, полковой асаулъ Романъ Пешта, который тотчасъ донесъ на него молодому Конецпольскому въ 1647 году, какъ только онъ замыслилъ о возстаніи. Вѣдь были же, въ угоду старому Конецпольскому, реестровые козаки для обманнаго взятія гетмана Сулимы изъ самой Сѣчи Запорожской. Вѣдь сами же Чигиринцы, по взятіи Павлюка подъ Боровицею, явились туда съ своимъ полковникомъ Дорошемъ, и выдали Потоцкому Павлюкова полковника Сачка; сами же Ирклѣевцы выдали тогда Кіевскаго сотника Кизима, который потомъ, рядомъ съ своимъ сыномъ, торчалъ на колѣ передъ Кіевскимъ зáмкомъ (на горѣ Киселёвкѣ). А сколько буйныхъ головъ тогда въ Переяславѣ и Нѣжинѣ переказнилъ Потоцкій.... И ужъ вѣрно онъ не допустилъ бы Богдана подъ Боровицею къ званію *войсковаго писаря*, если бъ былъ онъ сподвижникомъ Павлюка, какъ не допустилъ тогда Каирскаго, выбраннаго козаками въ гетманы, а назначилъ имъ въ старшіе Ильяша Переяславскаго. Гдѣ вы нашли современное указаніе, или хотя сказаніе XVII-го вѣка, что Богданъ былъ *сподвижникомъ* Павлюка?

У Коховскаго сказано, что Хмельницкій участвовалъ въ возстаніяхъ Тараса и Остряницы съ Гунею, но избѣжалъ *заслуженной кары*. Трудно повѣрить, чтобы Хмельницкій въ ту пору избѣжалъ кары за два возстанія. Допустимъ, что онъ, на прощанье съ Запорожскимъ товариствомъ, могъ поучаствовать въ знаменитой *суботѣ*, заданной Конецпольскому гетманомъ Тарасомъ подъ Переяславомъ, весною 1630 года [1]) и что это прошло ему безнаказанно. Но еслибы потомъ, будучи уже въ Реестровомъ козачествѣ, Хмельницкій замѣшался въ возстаніе Павлюка ли, Остряницы ли, ему бы не укрыться отъ очей Конецпольскаго и не избѣжать бы заслу-

[1]) Въ вашей книгѣ возстаніе гетмана Тараса положено въ 1628 году (I. 29); но я нахожу, что этотъ годъ у Грабянки поставленъ ошибочно, и признаю вѣрнымъ 1630 годъ, какъ въ лѣтописи Львовской.

женной кары. Его смѣлое слово Конецпольскому на Кодакѣ врядъ ли могло пройти безнаказанно, еслибъ онъ былъ участникомъ и въ одной суботѣ Тарасовой. Вѣроятнѣе, что участіе въ возстаніяхъ Тараса и Остряницы приписано Хмельницкому уже впослѣдствіи, заднимъ числомъ, также какъ и подозрѣніе пановъ объ участіи его съ Сулимою. Тутъ нельзя еще положиться на одно слово Коховскаго, конечно, не имъ выдуманное, но пристрастно имъ повторенное. Иное дѣло, когда онъ говоритъ, что *нашелъ* онъ въ *коментаріяхъ* Кумейской войны, что послѣ нея Хмельницкій былъ однимъ изъ семи депутатовъ козацкихъ къ королю. Къ этому прибавляетъ онъ, что Хмельницкій, при томъ случаѣ, высмотрѣлъ внутреннее состояніе Польской республики «ac velut viscera inspexisse, in quae post, atrox Matricida, saeviret». Польскому историку, какъ видно, неизвѣстно было, что Хмельницкому уже прежде былъ гораздо удобнѣйшій случай высмотрѣть внутренность Республики, когда онъ былъ однимъ изъ козацкихъ депутатовъ при избраніи въ короли и при коронаціи Владислава, да и послѣ, въ 1647 году, когда онъ былъ въ Варшавѣ во время Майскаго сейма, на которомъ довершилось неистовое возстаніе пановъ противъ короля и канцлера, произшедшее на сеймѣ прошлогоднемъ.

У васъ какъ-будто ограничено участіе Богдана во всѣхъ козацкихъ мятежахъ — тѣмъ, что онъ «возбуждалъ совѣтомъ и одобрительнымъ словомъ собратій противъ Поляковъ». Но Поляки и сами тогда достаточно возбуждали противъ себя Украинцевъ своими непрестанно-возроставшими обидами, насиліями и неправдами, съ чѣмъ вмѣстѣ разгоралась все болѣе неугасимая ненависть къ нимъ и месть въ сердцахъ козацкихъ, особенно на Запорожьи. Раздувать пылающій костёръ — дѣло напрасное, но толкать своихъ собратій въ огонь, самому отъ нихъ отбѣгая, но укрываться во мракѣ, когда передовые смѣльчаки гибли на плахѣ, на колесѣ, на кольяхъ — это дѣло безчестное, несовмѣстное съ славною памятью Богдана. Когда повезли въ Варшаву Павлюка и Томиленка, сподвижникъ ихъ Сахнó самъ поѣхалъ за ними добровольно, чтобы раздѣлить тамъ одну съ ними участь.

Если Хмельницкій (какъ говоритъ Величко), ходячи съ козаками Запорожскими полемъ и моремъ, не закрывалъ своего предъ непріятелемъ ока, за что у Войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и повагѣ,—то ужъ, конечно, не отсталъ бы онъ отъ нихъ и теперь, если бъ былъ товарищемъ и совѣтникомъ ихъ возстаній, не хотѣлъ бы терять своей чести и славы козацкой, своего добраго имени въ отчизнѣ.

«За жизнь, за бѣдный даръ—не измѣнюсь душой!»

Послѣ того у васъ сказано: «Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ». При какомъ же это случаѣ? Можетъ быть у васъ есть въ виду какіе-нибудь особенные случаи изъ жизни Богдана до 1646 года; но они мнѣ неизвѣстны. Я полагаю только, что нельзя придавать ему, какъ темную черту его характера, того, что для него и для другихъ могло быть только лихою долею козацкою, только печальною необходимостью тогдашняго положенія, устроеннаго Конецпольскимъ, который, забравъ въ свои руки реестровое козачество, раздружилъ его съ Товариствомъ Запорожскимъ, и противопоставилъ ихъ другъ другу. Само собою разумѣется, что еслибы Хмельницкій былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, тогда онъ дѣйствовалъ бы противъ тѣхъ соотечественниковъ своихъ, реестровыхъ козаковъ, которые находились въ битвахъ подъ командою Конецпольскаго и Потоцкаго; а если бы онъ находился въ этихъ рядахъ, тогда бы онъ дѣйствовалъ противъ соотечественниковъ, находившихся подъ знаменами гетмановъ козацкихъ. Избѣжать этой Сциллы — Харибды онъ могъ только *неучастіемъ* въ тѣхъ междоусобныхъ польско-козацкихъ битвахъ, которыя на ту пору, при тогдашнемъ раздѣленіи козачества, безуспѣшно истощали украинскую силу и только поощряли одолѣвающихъ Поляковъ къ еще большему уничиженію Малороссійскаго народа. Возможность къ неучастію въ тѣхъ битвахъ была для Хмельницкаго, по многимъ другимъ его службамъ—походной, сторожевой, депутатской; но какъ было на самомъ дѣлѣ, о томъ ничего нельзя сказать утвердительно, по недостатку *современныхъ* указаній на боевое участіе Хмель-

ницкаго въ тѣхъ войнахъ польско-козацкихъ. Безъ современныхъ, опредѣлительныхъ свидѣтельствъ объ участіи Хмельницкаго во всѣхъ козацкихъ возстаніяхъ—Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, я смотрю на сказаніе объ этомъ—только какъ на *мнѣніе* историковъ, и, по всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не могу признать его справедливымъ. Если въ глазахъ такихъ современниковъ, какъ Конецпольскій и Потоцкій, не признанъ былъ Хмельницкій сподвижникомъ козацкихъ гетмановъ, поднимавшихъ оружіе на Поляковъ, то не намъ, потомкамъ взводить на него эту преждевременную вину противъ республики Польской.

У васъ на слѣдующей (47-й) страницѣ сказано, что когда Оссолинскій, въ 1646 году, привезъ козакамъ, вмѣстѣ съ королевскою грамотою, ихъ знамя и гетманскую булаву, и преимущественно на Хмельницкаго возлагалъ королевское предпріятіе, тогда онъ — «самъ отказался, до времени, отъ начальства и предоставилъ его Барабашу: онъ не хотѣлъ волновать умы слишкомъ рано!» Какой же мудрёный выходитъ Богданъ: не рано ему было волновать умы тихимъ омутомъ, лѣтъ за десять, за пятнадцать, подъ тяжелою булавою Конецпольскаго, рискуя потерять и свою голову на плахѣ и свое доброе имя въ козачествѣ; а *слишкомъ рано* показалось ему волновать умы теперь, когда давались ему въ руки и гетманская булава и козацкое знамя отъ самого короля, когда, какъ нарочно, не стало на свѣтѣ и могучаго томителя козаччины, стараго Конецпольскаго, вскорѣ послѣ женитьбы его на молодой женѣ (1646 г. 26 апрѣля). Будь у Хмельницкаго «духъ бурный, склонный къ волненію»—не упустилъ бы онъ такого благопріятнаго къ тому случая. Прежде онъ *уступалъ первенство* смѣлымъ Запорожскимъ вождямъ, выходившимъ на Поляковъ, какъ на вѣрную смерть, для спасенія Украины и православной вѣры; теперь—онъ *предоставляетъ начальство* Барабашу, своекорыстному угоднику польскихъ пановъ и *нѣдругу отчизны Малороссійской*.... Полно, такъ ли было на самомъ дѣлѣ! Читаю ваши послѣднія слова въ характеристикѣ: «и бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость и мягкосердіе

онъ умѣлъ употреблять когда нужно было, и, изъ всѣхъ его движеній, никто бы не узналъ, что́ на душѣ у него».

Можетъ быть онъ и былъ таковъ, еще до гетманства своего, искушенный опытомъ многотрудной жизни среди стихій разнонародныхъ, и его козацкая душа осталась задачею неразгаданною. Къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ въ виду ни его писемъ до 1646 года, ни его прежнихъ бесѣдъ съ козаками, записанныхъ современными Украинцами, что бы можно было по нимъ сколько нибудь дознаться: что было на душѣ у него, когда собирались козацкія ополченія на Поляковъ, подъ знаменами Тараса, Павлюка, Остряницы? Объ этомъ можно сказать развѣ словами народно-украинской думы:

Тілько Богъ святий знае,
Що Хмельницькій думае—гадае!

4 декабря 1860 г.

Письмо одинадцатое.

(Въ конецъ характеристики Богдана).

При нынѣшней разработкѣ архивныхъ рудниковъ и историческихъ ро́зсыпей Южно-русской земли, могутъ еще найтись неизвѣстныя доселѣ современныя извѣстія о Богданѣ Хмельницкомъ, озарить неожиданнымъ свѣтомъ всю его догетманскую жизнь, и измѣнить во многомъ наши о немъ представленія и соображенія. Но изъ того, что́ *положительно* извѣстно о ней теперь, для меня кажется вотъ-что́: служа около 18-ти лѣтъ въ Реестровомъ козачествѣ, Хмельницкій былъ у него въ постоянномъ довѣріи и почитался разумнымъ совѣтникомъ народнымъ; — впродолженіе этого времени онъ не утратилъ и въ Запорожскомъ Товари́ствѣ своей чести и славы козацкой, заслуженной въ прежніе годы; обѣ раздруженныя половины козачества соединились въ прежнее согласіе—однимъ Богданомъ, и стали подъ его знамя единодушно, за цѣлость своей отчизны Малороссійской; всего этого достигнуть онъ могъ только прямою доблестью и жизнію честною, а не лукавымъ двоедушіемъ.

Звѣзда Хмельницкаго взошла на Черномъ морѣ, въ то время, какъ на Хотинскомъ полѣ западала звѣзда стараго Сагайдачнаго. Жизнь этого достопамятнаго гетмана, который, служа со славою Польской коронѣ и всей Речи посполитой, сдѣлалъ для блага Украины все, чтó только могъ онъ сдѣлать тогда, не поднимая оружія на Поляковъ,—она служила примѣромъ для Богдана Хмельницкаго; его путемъ проходилъ онъ поприще своей *до-гетманской* жизни, мужественно и долготерпѣливо, какъ храбрый воинъ и честный гражданинъ республики Польской, какъ добрый и надежный сынъ своей *козацкой матери*, Украины. Но ему суждено было пройти еще своимъ путемъ—поприще *гетманской* жизни, и безпримѣрно совершить тó дѣло, на которое безуспѣшно порывались другіе Украинцы впродолженіе полувѣка. «*Встала обида въ силахъ Дажбожа внука*». И когда нашъ заслуженный Чигиринскій сотникъ, смертельно оскорбленный и поруганный отъ польскихъ пановъ, потерявшій все свое долготерпѣніе, и поощренный самимъ польскимъ королемъ, на «защиту Украины отъ Поляковъ мушкетомъ и саблею»—бѣжалъ на Запорожье и, укрѣпляясь на Днѣпровскомъ островѣ, велъ переговоры съ Потоцкимъ, — тогда современники — Поляки заговорили такъ: «вотъ что надѣлала жадность полковниковъ и тиранское съ козаками обхожденіе»! — или: «комиссія должна судить полковниковъ и самого комисара, которые наварили этого пива»! А они еще и не предвидѣли, кáкъ это пиво выпьется. А Потоцкій—*розумъ-жиноцькій*, ускользнувшему отъ его рукъ Хмельницкому, предлагалъ выйти мирно изъ Запорожья, *увѣряя* его *своимъ словомъ*, что не спадетъ и волосъ съ головы его.... Повѣрилъ бы его слову Богданъ послѣ того, какъ и Тарасъ и Павлюкъ попали на Варшавскую плаху, положась на такое же увѣрительное слово, и съ козаками продолжалось тóже, чтó въ 1252 году случилось съ княземъ Даниломъ Романовичемъ, по выраженію древней лѣтописи Волынской: »Ляхове же обѣщалися, но не исполниша».

Мой разборъ характеристики Богдана конченъ; смотрите и рѣшайте: что въ немъ есть справедливаго и что ошибочнаго; отъ послѣдняго—я отступлюсь охотно.... А между тѣмъ перехожу къ вашему «Объясненію», чтобы сказать на него мое отвѣтное слово о до-гетманской жизни Богдана.

5 декабря 1860.

Письмо двѣнадцатое.

(О Никольскомъ пирѣ Хмельницкаго).

Думалось повести рѣчь о той шляхетской повѣсти, какъ молодой Богданъ бѣжалъ на Запорожье изъ Бродъ, отъ меча *какого-то пана Потоцкаго*; а пришлось остановиться еще на той исторической были, какъ бѣжалъ на Запорожье изъ Чигирина старый Хмельницкій, когда надъ его головою повисъ мечъ короннаго гетмана *Николая Потоцкаго*. Въ нынѣшній день мнѣ вспомянулся знаменитый *Никольскій пиръ*, заданный Богданомъ на утѣху козацкой Украины, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ несчастливой битвы Кумейской. (Памятенъ былъ нынѣшній день и для Украины княжеской взятіемъ нашего первопрестольнаго Кіева Батыемъ). Хочу побесѣдовать съ вами сегодня о Никольскомъ пирѣ Богдана—и вотъ по какому поводу: въ вашей книгѣ онъ положенъ годомъ ранѣе т. е. не 1647-го, а 1646-го, и не въ Чигиринѣ, а въ Суботовѣ; а я на такое назначеніе времени и мѣста не могу съ вами согласиться. Тамъ достопамятный пиръ устроенъ былъ для отобранія *штучнымъ способомъ* у Барабаша затаенныхъ имъ королевскихъ грамотъ; и какъ только онѣ очутились въ рукахъ Хмельницкаго, ему нельзя было уже ни одного дня оставаться на Украинѣ, и онъ поскакалъ съ ними на Запорожье на разсвѣтѣ 7 декабря, а прибылъ туда 11-го. И такъ между днемъ Никольскаго пира и днемъ прибытія Богдана на Запорожье, прошло только четыре дня; а въ вашемъ повѣствованіи тѣ роковые два дня раздвинуты на цѣлый годъ. Противъ этого я представлю вамъ слѣдующія соображенія и доводы.

1) Барабашъ, одураченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, не попустилъ бы ему оставаться цѣлый годъ на Украинѣ —съ такимъ опаснымъ орудіемъ, какимъ въ рукахъ его были тѣ королевскія грамоты. При содѣйствіи всѣхъ польскихъ властей, да и самъ не безвластный тогда надъ козаками, Барабашъ немедленно отобралъ бы тѣ грамоты у Хмельницкаго, не *штучнымъ способомъ*, а просто насиліемъ, съ какимъ Чаплинскій отнялъ у Богдана отцовское его наслѣдіе Суботовъ, и самого его обезчестилъ тюремнымъ заключеніемъ.

2) Самъ Хмельницкій, имѣя уже въ своихъ рукахъ вожделѣнную для него движущую силу на поднятіе Запорожья и Украины на Поляковъ, не могъ не поспѣшать къ достиженію своей цѣли; и не сталъ бы онъ безполезно маяться цѣлый годъ на Украинѣ, отдаваясь на тѣ невыносимыя обиды и различныя приключенія, какія претерпѣлъ онъ — въ тотъ бѣдственный, *переломный* годъ своей жизни, рискуя столько разъ потерять ее ни за что, а черезъ то лишить и Украину спасительной помощи, какая была у него и въ немъ.

3) Вы говорите, что Хмельницкій приступилъ къ похищенію грамотъ у Барабаша тогда, «когда узналъ о неудачномъ концѣ королевскаго предпріятія на сеймѣ, когда нахлынули на Украину жолнѣры, а Барабашъ, потакая панамъ, казнилъ казаковъ смертью за малѣйшій ропотъ, для предупрежденія бо́льшихъ преступленій и заговоровъ,—тогда Хмельницкій понялъ, что изъ этого всего выйдетъ окончательная гибель Русскаго народа» (I. 52).

Хорошо; но вы на все это даете только *десять* дней сроку, назначая Никольскій пиръ на 6-е декабря 1646-го г.: вѣдь тотъ Варшавскій сеймъ, на которомъ королевское предпріятіе рѣшилось такимъ неудачнымъ концомъ, только *начался 25-го ноября* того года (I. 48).

4) Относя Никольскій пиръ къ *1646* году, вы полагаете, что онъ данъ былъ въ *Суботовѣ;* а послѣ, когда этотъ хуторъ отнятъ былъ Чаплинскимъ, Хмельницкій, «потерявъ пріютъ, жилъ гдѣ попало, и собирался на Запорожье. (I. 77)». По этому представленію, вы говорите, что Хмельницкій, въ письмѣ изъ Запорожья къ комисару Шембергу, просилъ его

«взять подъ свое покровительство домашнихъ слугъ и *какой-то домикъ его въ Украинѣ*». (I. 83).

Но въ письмѣ Хмельницкаго къ Барабашу, того же числа *(27 декабря)* писанномъ, ясно сказано, что тотъ домикъ былъ въ *Чигиринѣ;* тамъ и жилъ нашъ Чигиринскій сотникъ по отнятіи у него Суботова; въ томъ дому Барабашъ, упившійся крѣпко на козацкомъ пирѣ, проснулся на другой день, когда хозяинъ скакалъ уже на Запорожье. Вотъ что писалъ онъ къ Барабашу: «тѣшуся прето, же Господь Богъ, вѣдый тайная сердецъ людскихъ и всенародное Украинское стенаніе, удостоилъ мя по желанію моему слушнымъ способомъ зъ недишкретной неволи вашей вызволити и на вожделѣну до войска Запорожскаго свободу привезти оные привилеи королевскіе.... А я при семъ прошу вашей милости выбаченя, въ чомъ не выгодилемъ ему въ убогомъ дому моемъ, въ Чигиринѣ, на праздникъ святителя Христова Николая, и жемъ отъѣхалъ сюда на Запорожье безъ вѣдома и позволеня вашого». (Величко. I. 33). Изъ этого насмѣшливаго извиненія ясно, мнѣ кажется, что Хмельницкій — и объ освобожденіи грамотъ, и объ угощеніи Барабаша въ своемъ Чигиринскомъ дому въ Николинъ день, и о своемъ отъѣздѣ на Запорожье—говоритъ какъ о происшествіяхъ *недавнихъ*, т. е. случившихся въ декабрѣ того же 1647 года.

6 декабря 1860.

Письмо тринадцатое.

(Повѣсть о побѣгѣ Хмельницкаго изъ Бродъ).

Обращаюсь къ происшествію, которымъ начинается лѣтопись Величка и которое онъ заимствовалъ «зъ повѣсти певной шляхты Польской». Я сказалъ въ письмѣ къ Погодину, что этой повѣсти совсѣмъ не слѣдовало бы принимать въ историческое повѣствованіе о Хмельницкомъ. Вы въ своемъ объясненіи не соглашаетесь со мною, и полагаете, что еслибъ къ той повѣсти не былъ примѣшанъ разсказъ о Кодацкомъ событіи, то мнѣ — «не пришло-бы въ голову сомнѣваться въ ея достовѣрности».

Много значитъ, изъ какого источника выходитъ извѣстіе. Разсказъ о Кодацкомъ событіи, составляющій главную завязку той повѣсти, переданъ въ ней съ такимъ лганьемъ, что и остальная половина ея становится отъ того весьма подозрительною. Легко сказать: знаменитый отвѣтъ Богдана Конецпольскому на Кодакѣ 1639 года перенесенъ въ повѣсти на молодость Хмельницкаго; вмѣсто Кодацкой крѣпости на Днѣпрѣ —поставленъ замокъ Бродскій; вмѣсто Конецпольскаго Хмельницкій отвѣчаетъ Потоцкому: «ясневельможный мосце добродѣю! що рука людская сдѣлаетъ, то тая жъ и зопсовати можетъ!» Должно быть потому явились и Броды съ своимъ крѣпкимъ замкомъ, что они принадлежали коронному гетману Конецпольскому, который тамъ и скончался, весною 1646 года.

Защищая остальную половину повѣсти, вы говорите: «правила исторической критики не требуютъ на томъ основаніи, что событіе представлено съ невѣрностями, отвергать его сущность, какъ скоро нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ».

Но я отвергаю остальную половину повѣсти не по одному только подозрѣнію, падающему на нее отъ первой половины; я отвергаю ее потому, что и въ той *сущности*, которую вы извлекли для своего повѣствованія, вижу такую же передѣлку событія дѣйствительнаго. Молодой Хмельницкій, предостереженный товарищами, бѣжитъ на Запорожье отъ *какого-то-пана Потоцкаго*, который, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ отрубить ему голову, на потѣху своимъ собесѣдникамъ (143). Я вижу ясно, что это не иной кто, какъ Николай Потоцкій, извѣстный своимъ пьянствомъ и распутствомъ, и своею охотою казнить украинцевъ, показанною имъ послѣ войны Кумейской. Этотъ коронный гетманъ и хотѣлъ казнить Хмельницкаго въ исходѣ 1647 года, и уже далъ переяславскому полковнику Кречовскому приказъ взять его подъ крѣпкій арестъ и держать до дальнѣйшей резолюціи; но Кречовскій, по пріязни къ Хмельницкому, предостерегъ его, и тотъ бѣжалъ изъ Чигирина на Запорожье. Вотъ это происшествіе и перенесено на молодость Хмельницкаго — также

точно, какъ событіе Кодацкое, сплетенное съ нимъ въ одну повѣсть. Если бы и не было въ ней Кодацкаго событія, я и тогда усомнился бы въ ея достовѣрности — потому именно, что въ ней представленъ побѣгъ Хмельницкаго на Запорожье отъ меча Потоцкаго: — происшествіе столь же извѣстное, какъ первое. Съ тѣмъ и другимъ *историческая критика* должна допустить одинаково; и я не отступилъ, кажется, отъ ея *правилъ*, признавая эту повѣсть баснословною въ обѣихъ ея половинахъ, отвергая равно и завязку. Какую же сущность можно извлечь изъ нея для біографіи Хмельницкаго, столь скудной извѣстіями о его молодости? Развѣ ту, что онъ служилъ *конюшимъ у какого-то пана*, если не у Потоцкаго, то хоть у Концепольскаго. Но изъ такого мутнаго источника, какъ эта повѣсть, едвали надежно взять и эту подробность для исторіи Богдана.

Въ сказаніяхъ, относящихся къ Хмельниччинѣ, современныхъ и позднѣйшихъ, Польскихъ и Украинскихъ, есть не мало такого, съ чего нечего взять для повѣствованія *историческаго*. Вотъ, напримѣръ, хоть у того же Величка: какой живой разсказъ о томъ, какъ Чаплинскій взятъ былъ козаками изъ Чигирина, привезенъ къ Хмельницкому на Жолтую Воду, и тамъ обезглавленъ—въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ обозу Польскаго, «дабы врагъ мира и покою не лежалъ съ тѣми шляхетскими трупами, которыя съ его причины тамъ на Жолтой водѣ свои отъ оружія козацкаго всебѣдственно положили головы». (I. 64). И все это выдумка!

7 декабря 1860.

Письмо четырнадцатое.

(О Цецорскомъ плѣнѣ и Черноморскихъ походахъ Богдана Хмельницкаго).

Приступаю къ главному мѣсту вашего объясненія. Вы говорите: «Максимовичъ укоряетъ меня еще и за то, что говоря о плѣнѣ Хмельницкаго подъ Цецорою, я сказалъ, что онъ былъ въ плѣну *не долго*, вмѣсто того, чтобъ сказать опредѣлительно: *два года*. Вѣря положительно Сѣрку, что Хмель-

ницкій именно въ 1621-мъ году одержалъ надъ Турками побѣду на морѣ, Максимовичъ увидѣлъ, что по этому разсчету нельзя пробыть Хмельницкому два года въ неволѣ, а самъ Хмельницкій говоритъ о своемъ двухлѣтнемъ плѣнѣ; Максимовичъ смѣло прибѣгаетъ къ догадкѣ, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ прежде Цецорскаго дѣла, и, какъ слѣдуетъ, свою догадку выставляетъ фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію. Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ слѣдствіе Цецорскаго сраженія, тотчасъ помянувши о смерти своего отца на этой битвѣ. Что дѣлать съ такимъ разнорѣчіемъ? Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *недолго*, и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ: въ приведенной выше рукописи [1]), подъ 1624 годомъ, я нашелъ извѣстіе, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ напесли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константинополя. Полагаю, что морской походъ Хмельницкаго именно относится къ этому времени или ранѣе нѣсколько (въ 1624 г. козаки воротились, а воевать могли въ 1623,) но не въ 1621 г., а въ письмѣ Сѣрка-просто ошибка, происшедшая можетъ быть отъ переписчика копіи этого письма. Но предположеніе, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина; во всякомъ случаѣ, думаю, что есть больше основанія допустить послѣднее, чѣмъ то, которое предлагаетъ Максимовичъ».

Вы имѣли полную власть отдать своему предположенію преимущество передъ моимъ и назвать его болѣе основательнымъ; но зачѣмъ вамъ было обо мнѣ говорить, будто я свою *догадку*, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ *прежде Цецорскаго дѣла*, выставляю *фактомъ* не подлежащимъ сомнѣнію. Въ моемъ письмѣ къ Погодину, на 172 страницѣ Украинца, сказано такъ: «въ какіе именно годы онъ былъ въ плѣну, объ этомъ нѣтъ современнаго свидѣтельства (*вѣроятно*, это было еще до 1620 года)». — Видите *вѣроятно* —и только! Моя догадка предложена на утвержденіе или

[1]) Compendium rerum in Polonia gestarum a die Mart 1618 ad qiem 18 Julii 1632. (Имп. Публ. Библ. кат. Польск. рукоп., отд. IV № 138).

на отверженіе будущимъ историческимъ открытіямъ. Чего добраго: можетъ быть откроется, что Хмельницкій пробылъ два года въ неволѣ — спустя нѣсколько лѣтъ послѣ битвы Цецорской! А пока откроется что-либо новаго и опредѣленнаго объ этомъ предметѣ, я признаю *достовѣрнымъ* и *положительнымъ* только то что Хмельницкій самъ написалъ о себѣ—въ письмѣ къ королю, побѣжденному подъ Зборовомъ: что онъ пробылъ въ плѣну *два года;* а *вѣроятнымъ* я нахожу что это было еще до Цецорской битвы 1620 года, даже прежде, чѣмъ поступилъ Богданъ на службу въ Низовое Запорожское войско. Но этой *смѣлой догадки* моей никакъ не выдаю за *фактъ*, неподлежащій сомнѣнію.

Я вполнѣ согласенъ съ вами, что «*предположеніе*, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина»; но не могу согласиться съ вами въ томъ, чтобы Черноморская побѣда Хмельницкаго, означенная въ письмѣ Сѣрка 1621-мъ годомъ, означена была *ошибочно.* Я вполнѣ вѣрю ему, что та побѣда была *именно 1621* г. Да вы и сами вѣрили Сѣрку, когда въ своей книгѣ о Хмельницкомъ принимали эту побѣду и называли ее блистательною (I, 44): это ясно видно по вашимъ ссылкамъ на тѣ страницы Величка (II. 381) и Симоновскаго (7), на которыхъ находится письмо Сѣрково. Чтó же васъ разувѣрило, заставило отрицать 1621-й годъ и называть его въ письмѣ Сѣрка—*просто ошибкою?* Не ужели то, что вы въ помянутомъ рукописномъ Компендіумѣ нашли подъ 1624-мъ годомъ «извѣстіе, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константинополя»? Не ужели только эта находка дала вамъ увѣренность, съ какою вы говорите: «Полагаю, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, или нѣсколько ранѣе (въ 1624 году козаки воротились, а воевать могли въ 1623-мъ), но не въ 1621-мъ»? Другихъ основаній въ объясненіи не представлено. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ основательно ваше новое предположеніе.

1) Начать съ того, что вы нашли извѣстіе о такомъ морскомъ походѣ козаковъ, о которомъ давно извѣстно *поло-*

жительно, что онъ былъ именно 1624 года. Я сошлюсь въ этомъ хоть на примѣчанія Устрялова, приложенныя къ его переводу Бопланова описанія Украины; тамъ на 138 страницѣ сказано: «въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго флота къ Крыму, козаки пристали въ милѣ отъ Константинополя, опустошили загородные домы, мызы»... и т. д. И такъ ваше предположеніе о возможности этого похода въ 1623-мъ году оказывается лишнимъ и неоправданнымъ. Напрасное оно и въ томъ отношеніи, что заставляетъ Запорожцевъ зимовать въ морскомъ походѣ, тогда какъ они свои Черноморскіе походы совершали обыкновеннно въ одно лѣто, и къ зимѣ возвращались въ Запорожье.

2) Вы полагаете, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, но не къ 1621 году. Но развѣ нашли вы въ Компендіумѣ, что Хмельницкій былъ въ походѣ 1624 года? Кажется, ни отвуда еще не видно, чтобы онъ въ немъ участвовалъ. И такъ ваше утвержденіе не имѣетъ достаточнаго основанія.

3) Но если бы и нашлось современное извѣстіе, что Хмельницкій дѣйствительно былъ въ морскомъ походѣ 1624 года, — это была бы новая прибавка къ его Запорожскимъ подвигамъ; а первая побѣда его надъ Турками 1621 года остается все въ той же ненарушимой силѣ, какъ она поставлена въ письмѣ кошеваго атамана Сѣрка, передъ морскимъ походомъ 1629 года.

4) Вы отрицаете теперь побѣду 1621 года, называя ее въ письмѣ Сѣрка *ошибкою*... Ошибки въ годахъ встрѣчаются безпрестанно въ старомъ и новомъ лѣтописаніи Малороссійскомъ. Но развѣ ошибся и Самуилъ Зорка въ своей надгробной рѣчи Богдану, когда, вспоминая о его военныхъ громахъ, отъ которыхъ потрясались яснотвѣтная Сармація, и берега бурнаго Эвксинопонта, самыя стѣны Цареградскія, сказалъ: «особливе року *1621*. (Вел. І. 291)?» Развѣ ошиблись и гетманъ Сагайдачный и король Жигимонтъ III-й, когда въ королевской грамотѣ, данной гетману послѣ Хотинской войны, отъ 12 января 1622 года, сказано такъ: «Посылаемъ изъ нашей казны королевской чрезъ придворнаго подскарбія 400,000

битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 50-ти тысячамъ всей войсковой черни, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ *съ Хмельницкимъ* на понтѣ Эвксинскомъ». (Вел. I. приб. 41). А вотъ и самая первая вѣсть о той козацкой побѣдѣ на Черномъ морѣ, записанная въ Дневникѣ Хотинской войны такъ называемаго Матѳія Титловскаго. «6 сентября. Избѣжа отъ обозовъ Турецкихъ козакъ нѣкій, который седмъ лѣтъ въ Сарацинской пребывалъ неволѣ.... Онъ же козакъ и возвѣщаще, что во обозѣ своемъ Турки проговоруютъ: дванадесять суденъ, узброенныхъ арматою на морѣ Евксинскомъ, козаки емши потопиша, избывшіи же въ Константинополь убѣжаша, ихъ даже до самыхъ стѣнъ града козаки гоняще, всѣхъ Цареградцовъ устрашиша; сея новины перваго провозвѣстителя гнѣвомъ неистовящійся Отоманинъ повелѣлъ удавити; въ день же грядущій заповѣда ко обозу Поляковъ сильное готовити приступленіе. Тое жъ самое и Турки многіи, на страже яты, единодушнымъ согласіемъ глаголюще, утверждаху». (Вел. I. приб. 11).

Приведенныя три свидѣтельства, (за которыя съ благодарностью вспомянемъ Величка)! подтверждаютъ показанія Сѣрка о *1621* годѣ. Вамъ надо опровергнуть всѣхъ ихъ четырехъ свидѣтелей и пятаго Твардовскаго; а безъ того ваше отрицаніе не будетъ имѣть достаточнаго основанія.

Изъ всего сказаннаго видно, почему эту Черноморскую побѣду Хмельницкаго я признаю такимъ же *достовѣрнымъ* фактомъ, какъ и *двухлѣтній* срокъ его плѣна. А какъ только я призналъ эти два историческіе факта, для меня стало яснымъ, что начало Богданова плѣна напрасно полагается въ битвѣ Цецорской: она была въ октябрѣ 1620 года, слѣдовательно, только *за девять* мѣсяцевъ до побѣды Черноморской, этой *блистательной* спутницы войны Хотинской.

Вы говорите о себѣ: «Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *не долго* и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ». Не вижу, чѣмъ же тутъ быть довольнымъ, и на что вамъ нужно теперь это неопредѣленное *не долго*, вмѣсто опредѣленнаго

самымъ Богданомъ: *два года!* Иное дѣло въ вашей книгѣ, гдѣ вы принимали и Цецорскій плѣнъ, и Черноморскую побѣду 1621 года: тогда вамъ необходимо было прибѣгнуть къ сокращенію двухлѣтняго плѣна, ибо другаго выхода вамъ не было. А теперь, когда вы переставили Черноморскую побѣду на три года впередъ (какъ нѣкогда Ригельманъ переставлялъ ее за три года назадъ, на 1618-й) — ничто не мѣшаетъ Хмельницкому выдержать *двухлѣтній* срокъ своего плѣна. Избѣгая произвольныхъ догадокъ, вы вдались въ произвольное измѣненіе двухъ историческихъ фактовъ, которые должны оставаться нерушимыми.

Въ *Украинцѣ* я обратилъ вниманіе на письмо Хмельницкаго къ королю, 1649 года, — и пояснилъ, какимъ образомъ изъ этого письма произошло мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ. Вы говорите въ возраженіе мнѣ: «Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ *слѣдствіе* Цецорскаго сраженья, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ»... Нѣтъ, это слѣдствіе выведено уже польскимъ историкомъ, не знавшимъ или не признававшимъ за Богданомъ Черноморской побѣды 1621 года. Въ письмѣ своемъ Богданъ говоритъ сперва о службѣ своего отца и о его смерти подъ Цецорою; а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о себѣ, начавъ съ своего плѣна, по освобожденіи изъ котораго поступилъ онъ въ войсковую службу; его рѣчь о своемъ плѣнѣ пришлась къ упоминанію о Цецорѣ, относящейся къ отцу: оттого и кажется, что плѣнъ происходилъ подъ Цецорою; но когда признаешь Черноморскую побѣду, тогда видишь, что здѣсь Цецорскій плѣнъ только кажущійся. Во всякомъ случаѣ, это такое мѣсто въ письмѣ Хмельницкаго, которое допускаетъ различное толкованіе. Но тѣ слова его письма, что онъ, «уведенный въ плѣнъ, содержался въ тюрмѣ *два года*» — не подлежатъ ни какому толкованію и разногласію: это чистый и ясный фактъ, который и слѣдуетъ принять изъ его письма прежде всего, и оставить нерушимымъ. Мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ есть ошибочное заключеніе изъ Богданова письма, сдѣланное Коховскимъ. По крайней мѣрѣ для нашего лѣтописанья онъ есть первый источникъ Цецорскаго плѣна, ко-

торымъ у него позаимствовался Грабянка для своей исторіи; а изъ нея это свѣдѣніе перешло и во введеніе, придѣланное неизвѣстнымъ компиляторомъ къ лѣтописи Самовидца. За то же у нихъ нѣтъ и помину о Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго (тоже у Бантыша Каменскаго, и у того кто написалъ *старыми словесы* повѣсть «О томъ, что случилось на Украинѣ» которые прибавили еще и подробности, какъ молодой Богданъ въ Цецорской битвѣ показалъ первые опыты своей храбрости, ворвался далеко въ непріятельскій станъ, и прочая). Такъ смотрю я на происхожденіе и распространеніе мнѣнія о Цецорскомъ плѣнѣ; я отвергаю его, какъ историческій призракъ, подобный разнымъ другимъ призракамъ, которыми достаточно населена исторія козацкой Украины и представителя ея Богдана Хмельницкаго. Когда идетъ розыскъ о его жизни, для насъ важны свидѣтельства современныя, осмотрѣнныя и оправданныя критикою. Къ числу ихъ принадлежитъ отрывокъ изъ письма запорожца Сѣрка. Прочтемъ же слова этого «витязя сильного» — о двухъ Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго.

«По немъ, року *1621*, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, Богданъ Хмельницкій, на морю Чорномъ воюючи въ своихъ моноксилахъ, многіе корабли и каторги Турецкіе опановалъ и благополучно до Сѣчи повернулся; потомъ року *1629* братя наши Запорожцы съ певнымъ вождомъ своимъ, воюючи въ волнахъ по Евксинопонту, коснулися мужественно и самыхъ стѣнъ Константинополскихъ, и оные доволно мушкетнымъ окуривши дымомъ, превеликій султанови и всѣмъ мешканцемъ Цариградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и нѣкоторые одлеглѣйшіе селенія Константинополскіе запаливши, тожъ щасливе изъ многими здобычами до Коша своего повернули».

Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя подробности и самыя выраженія Сѣрки—*превеликій страхъ и смятеніе*, относящіяся ко второму походу Хмельницкаго, были отнесены у Величка къ первому походу; а самый походъ 1629 года ни у Величка ни у послѣдующихъ историковъ не былъ отнесенъ къ подвигамъ Хмельницкаго. Не знаю, согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ, что у Сѣрка подъ именемъ *певнаго вождя*

разумѣется Богданъ Хмельницкій, названный при первомъ походѣ. А если онъ былъ побѣдоносным вождемъ Запорожцевъ уже въ 1621 году, то нельзя не предположить, что въ Запорожское товариство онъ поступилъ за нѣсколько лѣтъ до битвы Цецорской.

13 декабря 1860.

Письмо пятнадцатое.

(О плѣненіи двухъ Кантемиричей, 1629 года).

Къ историческимъ призракамъ я отношу и плѣненіе двухъ Кантемировыхъ сыновъ 1629 года, будто-бы Богданомъ Хмельницкимъ. Хотя этотъ подвигъ и утвержденъ за нимъ большинствомъ Малороссійскихъ бытописателей, но въ Украинцѣ моемъ я передалъ этотъ подвигъ по принадлежности *Стефану Хмелецкому*, ссылаясь на два современныя о томъ свидѣтельства и объясняя ошибку нашего историка Грабянки созвучіемъ двухъ именъ. Вы въ своемъ объясненіи не соглашаетесь со мною и защищаете принятое вами мнѣніе, какъ сказаніе козака Самовидца «близкаго къ этому времени и, вѣроятно, видѣвшаго самого Хмельницкаго: едвали бы этотъ лѣтописецъ могъ обмануться созвучіемъ именъ».

Козакъ-Самовидецъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ Хмельницкаго, напримѣръ, на похоронахъ Золоторенка въ Корсунской Рождественской церкви. Но сказаніе о поимкѣ Кантемиричей находится не въ самой лѣтописи Самовидца, а во введеніи къ ней, котораго я не признаю уважительнымъ, ибо нахожу, что оно есть позднѣйшая выборка изъ исторіи Грабянкиной, написанной спустя полвѣка по смерти Богдана. Во введеніи сказано: «Року 1629, Зѣновій Михайловъ сынъ Хмѣльницкій, при другихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Польскомъ, двохъ Кантемировъ живо до короля привелъ, за что имѣлъ у короля особливую милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и полатынѣ изученъ» (стр. 4). Это отголосокъ Грабянкина сказанія: «ходячи въ чамбулы, орду бивалъ и языковъ до кроля привождалъ, а въ року 1699 двохъ Канте-

мировъ живо до кроля привелъ (отъ которыхъ король много о тайныхъ замыслахъ Турецкихъ на ляховъ извѣстился), чрезъ что мѣвалъ у кроля милость великую, бо былъ сприроды разуменъ и въ наукѣ языка латинскаго бѣглый» (стр. 33).

Посмотримъ теперь, какъ это происшествіе передано въ лѣтописцѣ Ерлича, современнаго Богдану Хмельницкому. Тамъ сказано, что Стефанъ Хмелецкій, разбившій орду одинъ разъ подъ Тарнополомъ, въ другой разъ (въ 1626 году) подъ Бѣлою-Церковью, въ 1629 году онъ, вмѣстѣ съ козацкимъ гетманомъ Гришкомъ Чернымъ, разбилъ 8,000 татаръ подъ Бурштиномъ, и Кантемировыхъ сыновъ одного убито, а другаго, живымъ взятаго, королю отдали (1,36). Тутъ дѣйствуетъ *Хмелецкій* (какъ и по другому свидѣтельству участника въ томъ походѣ, которое напечатано въ Старожитностяхъ А. Грабовскаго); а у Грабянки тутъ дѣйствуетъ *Хмельницкій*... Какъ же не признать, что это не иное что, какъ ошибочная замѣна перваго имени вторымъ? А какъ легко было случиться этой замѣнѣ, можно видѣть на той же 36-й страницѣ Ерлича, гдѣ поставлено одинъ разъ *Chmielecki*, а потомъ *Chmielnicki!* Такая описка и могла ввести въ заблужденіе нашего не слишкомъ осмотрительнаго историка Грабянку, и онъ принялъ подвиги *Хмелецкаго* за подвиги Хмельницкаго, измѣнивъ по своему и подробности, т. е. вмѣсто названныхъ опредѣлительно двухъ предыдущихъ побѣдъ надъ Татарами, Тарнопольской и Бѣлоцерковской, сказалъ общимъ выраженіемъ: орду бивалъ... вмѣсто одного живаго, а другаго убитаго Кантемирича, привелъ къ королю обоихъ живыхъ... Въ моемъ первомъ письмѣ къ вамъ я представилъ, какъ историкъ нашъ Грабянка передѣлалъ по своему сказаніе о Кодацкомъ событіи, взятое имъ очевидно у Коховскаго; а составитель введенія къ лѣтописи Самовидца взялъ изъ Грабянки голую сущность этаго сказанія, отбросивъ всю художественную обстановку.

Вы говорите: «если въ лѣтописи Ерлича говорится объ участіи въ этой битвѣ Гришки Чернаго, то это развѣ исключаетъ Хмельницкаго»? Непремѣнно исключаетъ, когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* поставлено здѣсь только

по ошибкѣ, вмѣсто имени *Хмелецкаго*, героя той битвы. Вы спрашиваете: «почему же съ этими козаками не могъ быть именно Хмельницкій?» Отвѣчаю: когда мы видимъ ясно, что имя Хмельницкаго замѣшалось сюда только случайною ошибкою нашего историка, когда есть уже передъ нами *дѣйствительность* о Хмелецкомъ, то не слѣдуетъ предполагать здѣсь *возможносши* о Хмельницкомъ. Вѣдь это то же, что походъ, бывшій 1624 года, могъ быть 1623-го. Кромѣ того, Хмельницкій весьма могъ не участвовать въ походѣ Хмелецкаго, потому что онъ ходилъ тогда съ Запорожцами на море подъ Константинополь и задалъ тамъ *превеликій страхъ и смятеніе* — слова Сѣрка, которыя въ вашей книгѣ отнесены къ Хмельницкому (I, 44), но съ перемѣщеніемъ ихъ отъ похода 1629 года на походъ 1621 г.

Вы отыскали въ Компендіумѣ, что «въ 1629 году 6 ноября козаки Запорожскіе отправляли предъ королемъ посольство и привели множество плѣнныхъ Татаръ; а 11 ноября являлся къ королю Хмелецкій». Что же? Эта отысканная вами подробность служитъ только дополненіемъ къ сказанію двухъ современниковъ о побѣдѣ Хмелецкаго, и нисколько не относится къ Хмельницкому.

Изо всего вмѣстѣ для васъ — «кажется *достовѣрнымъ*, что съ козаками, бывшими у короля 6 ноября 1629 года, и представлявшими ему плѣнниковъ, находился Хмельницкій». Но я и въ этомъ не вижу *достовѣрности:* она была бы тогда, когда бы въ Компендіумѣ поименованъ былъ *Богданъ Хмельницкій.* (Было нѣсколько *Хмельницкихъ* и въ гетманство Богдана).

Изъ всего сказаннаго для меня остается *достовѣрнымъ*, что побѣда надъ Татарами и *Кантемиричами* 1629 года вовсе не относится къ Хмельницкому; она принадлежитъ Хмелецкому и тогдашнему его сподвижнику гетману *Черному;* а вмѣсто поимки Кантемиричей и представленія ихъ обоихъ живыми королю будто бы *Хмельницкимъ*, справедливѣе вспомянуть тотъ случай, что въ 1646 году онъ отвезъ двухъ плѣнныхъ Татаръ кастеляну Краковскому (какъ это извѣстно изъ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Комиссіею.

Въ исторіи Грабянкиной, послѣ разсмотрѣнныхъ нами словъ о Кантемиричахъ, слѣдуетъ еще такое свѣдѣніе о Хмельницкомъ: «Изваживши король его разумъ, допустилъ себѣ за совѣтника, ибо когда умыслилъ мстити на Турчину за перешкожованную войну Москọвскую, будучую въ року 1635 (т. е. въ 1634) подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ сенаторовъ зъ нимъ радился, и великій регментъ морской всей арматы ему вручалъ». Вотъ новая задача; но рѣшить ее не умѣю.

15 декабря 1860.

Письмо шестнадцатое.

(О введеніи къ лѣтописи Самовидца).

Вы ссылаетесь на это въ введеніе, какъ на свидѣтельство *самого Самовидца*, современнаго Хмельницкому; а по моему мнѣнію оно составлено *кѣмъ-то другимъ*, должно быть тѣмъ же, кто написалъ продолженіе лѣтописи Самовидца до 1734 года. По этому разногласію, я считаю необходимымъ дѣломъ объяснить: на чемъ основано мое мнѣніе. Оно основано преимущественно но очевидномъ сходствѣ введенія, отъ начала и до конца, съ исторіей Грабянкиной, такъ что это введеніе представляется мнѣ выборкою изъ Грабянкиной исторіи, сочиненной около 1710 года. Предположить бы на оборотъ т. е., что козакъ—Самовидецъ прибавилъ впослѣдствіи къ своему *лѣтописцу* краткое историческое *введеніе*, а Грабянка распространилъ и пополнилъ его для своей книги. Но этого я не могу признать и допустить, находя въ введеніи и у Грабянки такія подробности, какихъ не могу предположить въ писаніи заднѣпровскаго козака, современнаго Хмельницкому. Тотъ *«Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго»* обличаетъ въ своемъ сочинителѣ козака грамотнаго, бывалаго и розумнаго, но не книжнаго, писавшаго по живому устному преданію, какое ходило въ козачествѣ о событіяхъ того времени. Ему ли было на старости даваться въ составленіе историческаго введенія—отъ стараго Владиміра до современнаго Богдана. А Гадяцкій полковой старшина, *Григорій Ивановичъ*

Грабянка, былъ человѣкъ ученый и книжный, знакомый съ Малороссійскимъ и Польскимъ лѣтописаньемъ. Сочиняя въ молодые свои года «*Исторію* о дѣйствіяхъ презѣльной брани,» —онъ не только поработалъ надъ исторіей козацкаго гетманства, но предпослалъ еще главу «о началѣ прошенованія козаковъ, отъ коего рода и племени купно же и дрѣвнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ сокращенѣ». За тѣмъ слѣдуетъ у него сказаніе: «како Малая Россія подпаде Лядскому игу», начинающееся одушевленнымъ вопросомъ: Откуду раздѣленіе царствъ и домовъ паденіе?»

1) Съ этого сказанія позднѣйшій составитель введенія и началъ свою выборку — отъ завладѣнія Кіевской земли *Гедимомъ* т. е. Гедиминомъ и до Желтоводсвой битвы, о которой у Грабянки сказано: «что ся стало въ року 1648 мая 2»: а въ введеніи: «что стало ся въ року 1648 мая 2 дня». Могъ ли это написать козакъ-самовидецъ? Нѣтъ, у современныхъ людей, пишущихъ по живой памяти, не рѣдко случаются ошибки въ годахъ, но числа мѣсяцевъ и дни происшествій замѣчательныхъ по большей части сохраняются вѣрно. Возможно ли, чтобы козакъ лѣтописецъ, современный Хмельницкому, не зналъ, что Желтоводская побѣда была во вторникъ 8 мая, а Корсунская въ среду 16 мая? Онъ могъ со всѣмъ не означать дней и чиселъ этихъ двухъ блистательныхъ побѣдъ, какъ они и дѣйствительно не означены въ его лѣтописцѣ; но ужъ никакъ онъ не могъ здѣсь поставить 2 мая вмѣсто 8-го. Эта ошибка или описка Грабянкина, которую скопировалъ позднѣйшій составитель введенія, повторявшій и другія ошибки своего подлинника.

2) Такъ въ самомъ началѣ введенія сказано, что со времени Гедимина, поставившаго въ Кіевскомъ княжествѣ намѣстника Миндовга, князя Ольшанскаго,—«Литва обладала Кіевомъ ажъ до смерти князя Симеона Олелковича, который церковь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ по Батыи пустовавшую, обновилъ. Въ 1340 году, по смерти князя Олелковича, король Польскій Казиміръ 1 княженіе Кіевское на воеводство перемѣнилъ и всю Малую Россію на повѣты роздѣлилъ». Это взято почти слово въ слово изъ Грабянки, который написалъ

эту путаницу, не давши себѣ труда повѣрить и того, что чрезъ 260 лѣтъ по раззореніи Кіева Батыемъ въ 1240 году выйдетъ 1471-й годъ, въ которомъ дѣйствительно скончался обновитель Печерской церкви, Кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ; а по смерти его, въ слѣдующемъ году, Казиміръ Ягеллновичъ обратилъ Кіевское княжество въ воеводство. Нашъ историкъ торопливо приставилъ сюда Казиміра Владиславича съ 1340 годомъ, въ которомъ этотъ король завладѣлъ Галицкимъ княжествомъ и обратилъ его, какъ полагаютъ, въ воеводство, называвшееся до послѣднихъ временъ воеводствомъ *Русскимъ.* Такимъ смѣшеніемъ двухъ разновременныхъ Казиміровъ, и двухъ воеводствъ *Русскаго* и *Кіевскаго*, не смотря на приведенныя 230 лѣтъ послѣ Батыя, Кіевское княжество —у Грабянки, а за нимъ и во введеніи, и еще въ нѣкоторыхъ писаніяхъ прошлаго столѣтія—обращается въ воеводство 1340 года, т. е. 130-ю годами ранѣе, чѣмъ было. Но у Малороссійскихъ писателей XVII вѣка оно полагалось вѣрно, *1471* года, Не знаю, почему въ вашей книгѣ оно положено *1476*-го (I. 4.). Не опечатка ли это?

3) Грабянка въ своей исторіи, помѣщая любопытную «*Суплѣку* до всей Рѣчи Посполитой Польской отъ утѣсненнаго Ляхами народа Русскаго, поданную въ року 1632»— вспоминаетъ при этомъ, что «и *прежде* отъ всей Руси много челобитныхъ подавалось до королей Полскихъ, и князь Острозскій Константинъ Ивановичъ (нынѣ въ Печерскомъ зъ каменя выбитый лежащій), будучи самъ Греческаго закона, до всего сенату за творимыя Руси обиды суплѣковалъ» (ст. 34). Здѣсь ошибка Грабянкина состояла въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду заступничество за Русь князя Константина Константиновича Острожскаго, скончавшагося 1608 года и положеннаго въ соборной церкви Острожской; а назвалъ отца его князя Константина Ивановича, погребеннаго въ церкви Печерской, 1533 года. Составитель введенія взялъ этотъ отрывокъ изъ Грабянки и помѣстилъ его вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ гетмана Сагайдачнаго въ *1622* году, въ такихъ словахъ: «*Около сихъ годовъ* (!) князь Острожскій Константинъ Ивановичъ котораго статую въ Печерскомъ монастырѣ имѣ-

ется мраморная, за общенародныя обиды Русскія супликовалъ до всего Сенату» (стр. 4). Тутъ въ составителѣ введенія обличается компиляторъ, совсѣмъ отличный и отъ козака—Самовидца, и отъ Грабянки.

4) Къ ошибкамъ Грабянкиной исторіи, перешедшимъ во введеніе, я отнесъ уже и Цецорскій плѣнъ Богдана, и поимку двухъ живыхъ Кантемиричей. Назову еще одну: это постановка въ гетманы Тараса и его Переясловщины—подъ *1628*-й годъ. Ошибка эта тоже повторялась не одинъ разъ въ послѣдующемъ малороссійскомъ бытописаніи, до вашей книги включительно (I. 29). Тарасъ былъ гетманомъ послѣ Гришки Чернаго, слѣдовательно, послѣ 1629 г. Современный Львовскій лѣтописецъ описалъ Тарасову войну подъ *1630-мъ* годомъ, который подтверждается и другими современными свидѣтельствами, напримѣръ, Тератургимою Аѳ. Кальнофойскаго, гдѣ описано чудесное событіе той войны, при осадѣ Печерской лавры Поляками и Нѣмцами. (Объ этомъ записано въ лѣтописи Львовской) Гетманство Тараса означено 1630 годомъ и въ томъ скудномъ списочкѣ гетмановъ, который составленъ Величкомъ (I. 24).

5) Этотъ списочекъ можетъ служить свидѣтельствомъ, какъ бѣдно было у насъ въ Малороссіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, познаніе о козацкихъ гетманахъ, бывшихъ до Хмельницкаго. Но какая разница между Величковымъ списочкомъ и тѣмъ, что за десять лѣтъ до него собралъ и написалъ Грабянка! А во введеніи прибавлено еще два гетмана: *Семенъ Перевязка 1632 г.* и *Булюкъ*, 1640 г. Предположить-ли, что они поставлены были во введеніи козакомъ — самовидцемъ, да Грабянка не захотѣлъ принять ихъ въ свою исторію? Но развѣ могъ козакъ—лѣтописецъ, современный Хмельницкому, написать слѣдующее:

«1640 року былъ еще гетманъ козацкій *Булюкъ*, на которомъ Ляхи гетманство Запорожское окончивши, наслали козакамъ вмѣсто гетмана комисаровъ и вождовъ своея Лядскія державы, породы и вѣры».... и прочая (стр. 5)?

Нѣтъ, современникъ Хмельницкаго не могъ не знать, что козацкое гетманство было прекращено послѣ войны Ост-

ряницынской, что въ концѣ того *1638* года поставлены были надъ козачествомъ — комисары и полковники польскіе. Это хорошо знали и Грабянка, и Величко. У Грабянки сказано, что послѣ Остряницынской войны — «поставыша надъ козаками реестровыми полковниковъ, сотниковъ и всю старнину Лядскія вѣры» (стр. 30). Тутъ нашъ историкъ перехватилъ немного, добавкою «сотниковъ и всей старшины»; но сущность дѣла въ томъ, что составитель введенія выключилъ это мѣсто изъ сказанія Грабянки о жестокихъ послѣдствіяхъ Остряницынской войны, и отнесъ къ прекращенію гетманства на Булюкѣ, 1640 года.

Кстати: въ лѣтописцѣ Ерлича подъ *1630* годомъ поставлено: «W tymże roku znowu kozacy wojnę podnieśli, którzy pociechi nie otrzymali, którym dano szlachtę za pułkowniki, a za hetmana kommisarza. Postanowiono aby 6,000 na usługę Rzeczy-Pospolitéj było» (I. 38). Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о войнѣ Остряницынской, и что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто; ему слѣдуетъ быть въ концѣ 1638 года (I. 43), передъ которымъ говорится о войнѣ Павлюковой; но годъ этой войны тамъ ошибочно означенъ *1636*, вмѣсто 1637-го.

Что за гетманъ *Булюкъ?* По моему мнѣнію это нашъ завзятый *Павлюкъ* (или Павелъ Михновичъ Бутъ,) въ смутномъ представленіи Пуфендорфа явившійся гетманомъ *Балукомъ*. Величко первый у насъ воспользовался этимъ *Балукомъ* изъ Пуфендорфовой исторіи, напечатанной въ русскомъ переводѣ 1718 года, и включилъ его въ свой списочекъ гетмановъ въ замѣнъ недостающаго тамъ *Павлюка*, но поставилъ ошибочно между Тарасомъ и Сулимою, означивъ годъ его гетманства: *1631 или 1637*. Вскорѣ послѣ Величковой лѣтописи, напримѣръ, въ томъ, «Собраніи гетмановъ», которое прилагается въ исторіи Грабянкиной, является *Булукъ* подъ 1640 годомъ, но съ удержаніемъ и *Павлюка* подъ 1637-мъ, а Семена Перевязки еще нѣтъ; во введеніи являются уже и *Перевязка* 1632 года, и *Павлюкъ* 1637 г. и *Булюкъ* 1640 г., что повторяется и во многихъ послѣдующихъ писаніяхъ малороссійскихъ. Кажется мнѣ, что эта прибавка можетъ служить

примѣтою о составленіи введенія—не ранѣе, какъ въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія.

6) Первые козацкіе гетманы у Грабянки означены въ такомъ порядкѣ: 1) *Предславъ Ланцкоронскій* съ 1506 г. 2) *Венжикъ Хмельницкій*—1534 г. [1]) 3) князь *Дмитрій Вишневецкій* 4) князь *Евстафій Ружинскій.* 5) *Свѣрговскій* 1574 г. 6) *Богданко* 1575 г.

Этотъ порядокъ вѣренъ, и за него мы съ благодарностью вспомянемъ о Грабянкѣ. Но во второй четверти прошлаго столѣтія кто-то измѣнилъ этотъ порядокъ — напрасною перестановкою *Вишневецкаго* и *Ружинскаго* передъ *Венжика Хмельницкаго*, т. е. изъ *второй* половины XVI столѣтія въ первую [2]). Въ такомъ безпорядкѣ первые козацкіе гетманы находятся въ помянутомъ «Собраніи гетмановъ» и остаются почти во всемъ дальнѣйшемъ малороссійскомъ бытописаніи прошлаго столѣтія—въ лѣтописцѣ Рубановомъ, у Кониского, Шафонскаго, Ригельмана, и во всѣхъ спискахъ гетмановъ, какіе составлялись въ Малороссіи въ довольномъ числѣ, на послѣдяхъ и на концѣ гетманства. Вотъ эта постановка князей Дмитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго передъ Венжика Хмельницкаго, т. е. до 1534 года, находимая и во введеніи къ лѣтописи Самовидца, служитъ мнѣ новымъ показателемъ, что оно составлено *въ тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія, когда прибавлено къ этой лѣтописи и продолженіе до 1734 года.

Приведенныхъ мною доказательствъ, кажется, достаточно для поясненія и оправданія моего мнѣнія.

17 декабря 1860.

Письмо семнадцатое.

(О похищеніи королевской грамоты у Барабаша).

Въ дополненіе къ предыдущему письму, надо мнѣ разобрать еще особенный случай, который представляетъ рѣз-

[1]) Въ Кіевскомъ изданіи ошибочно напечатано 1514 вм. 1534.

[2]) Подобныя перестановки гетмановъ дѣлались у насъ и во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Такъ *Иванъ Петрижицкій*, бывшій гетманомъ въ *1632* году (какъ извѣстно по его универсаламъ)—у Ригельмана и въ хронологіи гетмановъ переставленъ за полвѣка назадъ, передъ гетмана Шаха!

кое различіе между введеніемъ и самою лѣтописью Самовидца, по которому было разногласіе и у меня съ вами: это—похищеніе Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ у Барабаша. Во введеніи сказано:... «какій королевскій листъ Зѣновій, да онъ же и Богданъ, Хмельницкій досталъ фортелно у Барабаша, во время (крестинъ) дитины его воспріемникомъ бывшаго, вычиталъ предъ козаками, и усовѣтовалъ ступать на Запороже, и рушилъ декабря 7 дня 1647 года» (стр. 6). Это очевидное извлеченіе изъ сказанія Грабянки. Но въ лѣтописи Самовидца, отмѣнно отъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и позднѣйшихъ сказаній, вмѣсто Барабаша поставленъ Ильяшъ Переясловскій, и Хмельницкій у него похищаетъ королевскую грамоту, хранившуюся въ Переяславѣ. Ригельманъ такъ уладилъ дѣло, что заставилъ Хмельницкаго звать къ себѣ въ гости и Барабаша и Ильяша, и посылать гонцовъ за грамотами и въ Черкасы и въ Переясловъ. Но такая гоньба за двумя генеральными асаулами не рѣшаетъ намъ спорнаго дѣла. Предположить бы такъ, что Самовидецъ, написавши сперва сказку объ Ильяшѣ, во введеніи поставилъ настоящую быль о Барабашѣ; но тогда-бы онъ выбросилъ изъ своей лѣтописи сказку объ Ильяшѣ, или же какъ нибудь оговорился, какъ, напримѣръ, Величко въ своей лѣтописи, приводя сказку о Тимошѣ Хмельницкомъ: «же по смерти отческой (если то єсть правда) Чаплинскую, мачеху свою, на воротахъ обвѣсилъ» (I. 14).

Вы, въ своемъ объясненіи, желая согласить сказаніе введенія о Барабашѣ и сказаніе самой лѣтописи Самовидца объ Ильяшѣ, говорите: «Я понимаю дѣло такъ, что здѣсь говорится объ одномъ лицѣ, именно о Барабашѣ». Съ этимъ заключеніемъ вашимъ нѣтъ возможности согласиться; ибо слишкомъ ясно и опредѣлительно сказано въ лѣтописи объ *Ильяшѣ*, значномъ козакѣ *Переясловскомъ*, хранившемъ грамоту въ *Переясловѣ;* и нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы козакъ — лѣтописецъ, современный Хмельницкому, могъ объ этомъ старшинѣ и о Барабашѣ Черкаскомъ говорить какъ *объ одномъ лицѣ:* то были два старшія лица въ тогдашнемъ козачествѣ! Но ваши слова, что здѣсь говорится—«именно о

Барабашѣ»—заставили меня передумать это дѣло и рѣшить его зáново.

Не возможно, чтобы современный Хмельницкому козакъ—лѣтописецъ не зналъ, что королевская грамота похищена Хмельницкимъ—*именно* у *Барабаша*, въ Черкасахъ. О томъ самъ Богданъ, спустя полгода, объявилъ Малороссійскому народу, въ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ, говоря такъ: «Теды я Хмелницкій, взявши Господа Бога на помощь, и отобравши штучнымъ способомъ у Барабаша привиліе королевскіе, мусилемъ сіе военное зъ Поляками зачати дѣло». Какъ же можно было козаку—самовидцу написать въ своей лѣтописи такую небылицу, будто Хмельницкій отобралъ грамоты—у Ильяша Переясловскаго? Нѣтъ, онъ въ своей лѣтописи не могъ написать такой чепухи о дѣлѣ общеизвѣстномъ; у него, конечно, было написано имя *Барабаша*,—а какой нибудь проказникъ переправилъ *Черкасы* на *Переясловъ*, а имя Ивана *Барабаша* на *Ильяша*, отчего и стало: *зъ Иваномъ Илляшемъ*»...

Подобную штуку я замѣтилъ уже прежде на извѣстномъ спискѣ 15-ти полковъ (вмѣсто 16-ти), на которые раздѣлилъ Малороссію Хмельницкій 1650 года. Тогдашнія числа реестровыхъ козаковъ каждаго полка сохранились у Коховскаго. Какой-то проказникъ въ прошломъ столѣтіи переправилъ числа въ трехъ полкахъ.

Въ Черниговскомъ—вмѣсто 996—9,096!
Въ Нѣжинскомъ —вмѣсто 983—9,083!
Въ Кальницкомъ —вмѣсто 2,046—6,046!

И съ этими вздорными числами 15-полковой списокъ, напечатанный въ лѣтописцѣ Рубановомъ, повторялся потомъ въ историческихъ сочиненіяхъ о Малороссіи—Симоновскаго, Ригельмана, Бантыша-Каменскаго, Срезневскаго, Маркевича!.

Такъ-то вышло и съ похищеніемъ грамоты—у *Ильяша*, изъ *Переяслова*: съ этими именами разошлась лѣтопись Самовидца во многихъ спискахъ по Малороссіи. Такой же списокъ ея былъ и въ рукахъ Грабянки, ибо онъ въ свое сказаніе о похищеніи грамоты у Барабаша прибавилъ еще грамоту — «на робленіе суденъ водныхъ, данную королевскому

зычливцу Илляшу Переясловскому!» Но извѣстно положительно, какъ и въ вашей книгѣ означено, что грамота королевская, въ которой дозволялось козакамъ и строеніе челновъ, дана была Барабашу; а на долю Ильяша досталось совсѣмъ другое: полученіе и исполненіе приказанія сжечь козацкіе челны, 1638 года. И такъ теперь приспѣло намъ дѣло до Ильяша Караимовича Переясловскаго, состоящее въ томъ, чтобы вычеркнуть его имя изъ лѣтописи Самовидца, отнять у него королевскія грамоты и передать ихъ по принадлежности —*Ивану Дмитріевичу Барабашу* и женѣ его *Агафіи*. Черкасскому старшинѣ не посчастливилось и въ лѣтописи Ерлича, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ спискахъ ея, къ которымъ принадлежитъ напечатанный Войцицкимъ 1853 г. Тамъ, при сказаніи о королевскомъ позволеніи и денежномъ вспоможеніи на построеніе челновъ и морскіе походы, данныхъ козакамъ 1641 года, сказано: «давши имъ и ихъ старшему, по имени *Дорошенкови*» (I, 52). Это явная ошибка: Дорошенко — вмѣсто *Барабашенка*.

По изложенному мною соображенію, я предлагаю возстановить подлинное чтеніе лѣтописи Самовидца такимъ образомъ:

«Въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, козакъ ростропный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у писмѣ вѣжливый, и часто у двора кролевского въ посолствѣ будучій; и подъ часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ *Черкасскимъ* зъ *Ивваномъ Барабашемъ* (а той *Барабашъ* барзо зычливый королеви его милости), и упросили писмо албо привилей на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ *Черкассахъ*. «И далѣе:»... бо маючи въ дому своемъ у гостяхъ того *Барабаша*»....

Согласны ли вы признать такое чтеніе и тѣмъ порѣшить этотъ затруднительный случай въ Малороссійскомъ лѣтописаньи? А что въ драгоцѣнной лѣтописи Самовидца не все находится въ исправности, я приведу еще два случая.

Подъ конецъ 1656 года поставлено: «тылко тое войско зостаючое къ Богу и ко Днѣпру ходило зъ сыномъ Хмель-

ницкого Тимошемъ на помочъ господареви Волоскому, тестеви Василеви Липулу...» и т. д. (стр. 26). Ясное дѣло, что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто, конечно, при позднѣйшей переписке лѣтописи; ему слѣдуетъ быть подъ 1653 годомъ.

Подъ 1657 годомъ сказано: «але Выговскій... высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Стародубовскій* у повѣтъ Полтавскій на залогу» (стр. 28). Здѣсь, по моему примѣчанію, Стародубовскій полкъ поставленъ обмолвкою; ибо этого полка не было еще въ 1656 году; онъ установленъ уже въ *1663*-мъ году, когда сталъ гетманомъ Брюховецкій. Въ лѣтописи надо поправить такъ:»... высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Черниговскій*»..

20 декабря 1860.

Письмо восемнадцатое.

(О сотничествѣ Хмельницкаго).

Мнѣ остается отвѣчать еще на одно мѣсто вашего объясненія — *о сотничествѣ* Хмельницкаго и его генеральномъ и войсковомъ *писарствѣ.* Тутъ вы позабавились надъ тѣмъ, что Богданово сотничество я назвалъ — *скромнымъ званіемъ.* Вы говорите: «Что Хмельницкій прежде былъ писаремъ, Максимовичъ не отрицаетъ этого, но думаетъ, что Хмельницкій, по взятіи Павлюка, оставался въ скромномъ званіи сотника до 1648 года. Почему же знаетъ это Максимовичъ? Если Хмельницкій послѣ своего писарства въ 1637 году могъ находиться въ скромномъ званіи сотника, то въ промежутокъ отъ 1637-го до 1648-года онъ могъ изъ скромнаго званія сотника еще разъ сдѣлаться писаремъ, и снова перейти въ скромное званіе сотника. Не только Миллеръ и Конискій, какъ говоритъ Максимовичъ, но и Коховскій называетъ его писаремъ».

Шутки въ сторону, а дѣло вотъ въ чемъ. Меня остановило въ вашей книгѣ о Хмельницкомъ слѣдующее мѣсто: «Онъ получилъ въ ней (т. е. въ службѣ реестровыхъ коза-

ковъ) чинъ *сотника*, а потомъ занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, какъ говорятъ нѣкоторые, *генеральнаго писаря*». (I. 44). *Какъ говорятъ нѣкоторые*—и при этой оговоркѣ — ссылка только на двухъ позднѣйшихъ писателей, *Миллера и Конискаго:* это показалось мнѣ требующимъ подтвержденія, что Хмельницкій дѣйствительно былъ войсковымъ писаремъ, и опредѣленія, когда именно былъ онъ въ этомъ званіи, что̀ и сдѣлано мною въ Украинцѣ: я назвалъ Миллера и Конискаго только потому, что вы на нихъ двухъ сослались; будь у васъ еще и *Коховскій*, у меня сказано было-бы, что вы ссылаетесь на трехъ свидѣтелей; но ваши оговорки («какъ говорятъ нѣкоторые») все таки заставили бы меня опредѣлять: когда же именно Хмельницкій былъ писаремъ? Оказалось, что не было той постепенности, какую и вы дали, что былъ онъ сотникомъ сперва, а *потомъ* занималъ мѣсто въ войсковой старшинѣ, въ званіи писаря. Такъ представлять могъ Миллеръ, оставлявшій его писаремъ до самаго гетманства; но въ старой козаччинѣ не разъ случалось, что полковникъ становился сотникомъ и просто—*товарищемъ*. По моему примѣчанію, Хмельницкій сталъ войсковымъ писаремъ *по взятіи Павлюка* подъ Боровицею, т. е. въ половинѣ декабря 1637 года; это видно мнѣ изъ того, что Боровицкую присягу 15 декабря подписалъ «писарь Богданъ Хмельницкій»; а до той поры, въ продолженіе Павлюковой войны, были войсковыми писарями — прежній *Ѳедоръ Онушкевичъ*, а потомъ *Иванъ Догоринскій*. Опредѣливъ такимъ образомъ, когда началось писарство Хмельницкаго, я замѣтилъ и то, что оно продолжалось весьма не долго, ибо подъ конецъ Острянинцынской войны, т. е. въ половинѣ слѣдующаго 1638 года, былъ уже другой войсковой писарь, а Богданъ Хмельницкій остался по прежнему—*Чигиринскимъ сотникомъ*. Былъ ли онъ въ другой разъ войсковымъ писаремъ, на это нѣтъ у меня въ виду современныхъ, опредѣлительныхъ извѣстій. Возможности къ тому—я не отрицаю, но дѣйствительности—не вижу, потому и не признаю. А между тѣмъ вижу, что Хмельницкій и подъ конецъ своей до-гетманской жизни былъ въ званіи *сотника*, напримѣръ, въ 1647 году, когда онъ *съ своимъ пол-*

ковникомъ ходилъ изъ Чигирина противъ Татаръ. Величко, писавшій подъ вліяніемъ Дневника Зорки, говоритъ, что Хмельницкій былъ *на тотъ часъ сотникъ Чигиринскій.* А всего важнѣе для меня, что козакъ—Самовидецъ знаетъ его и называетъ *Чигиринскимъ сотникомъ.* Вотъ почему я и оставляю его въ этомъ званіи, съ половины 1638-го и до конца 1647-го, не имѣя еще *положительнаго* извѣстія, чтобы онъ въ промежутокъ этихъ лѣтъ *былъ* войсковымъ писаремъ.

Вамъ непремѣнно хочется, чтобы на 1646-й годъ, къ пріѣзду канцлера Оссолинскаго, Хмельницкій не былъ сотникомъ, а войсковымъ писаремъ. Вы говорите: «И кажется очень правдоподобно, что Хмельницкій занималъ чинъ войсковаго писаря въ то время, какъ Оссолинскій велъ съ нимъ и съ Барабашемъ переговоры; иначе странно было бы предположить, что канцлеръ съ такимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ, для котораго нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился къ сотнику одного изъ Украинскихъ полковъ. Очень могло быть, что Хмельницкій, послѣ неудачной развязки Владиславова предпріятія, возвратился въ свою сотню».

Ничего *страннаго* не вижу я въ предположеніи, что Оссолинскій, когда ему нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился къ Чигиринскому сотнику Хмельницкому. Такихъ *сотниковъ* не было ни прежде, ни послѣ, въ Украинѣ козацкой... Чтó могла прибавить къ именитости заслуженнаго Богдана въ козачествѣ лишняя чиновная ступенька? Если бы въ 1646 году онъ оставался даже не сотникомъ, а просто *товарищемъ* Чигиринскаго полка, и тогда бы Оссолинскій къ нему первому обратился съ порученіемъ отъ короля, который давно зналъ его и у котораго, безъ сомнѣнія, онъ первый въ козачествѣ былъ на примѣтѣ. Оссолинскій, какъ сказано было въ вашей книгѣ, довѣрилъ тайну двора не только Барабашу и Хмельницкому, но и еще нѣкоторымъ козакамъ. Въ какомъ же чинѣ предстали тѣ козаки на совѣтъ канцлера? Ужъ вѣрно, не старше сотницкаго! Богданъ Хмельницкій, будучи Чигиринскимъ сотникомъ подъ конецъ Остряницынской войны, наряженъ былъ тогда

въ депутаты къ самому королю отъ всего Запорожскаго войска; а тутъ, въ прiѣздъ канцлера къ козакамъ, съ тайнымъ порученiемъ отъ короля, мало Хмельницкому быть сотникомъ, надо быть ему войсковымъ писаремъ, какъ будто прибавка этого чина много значила въ глазахъ канцлера! Личность Богдана и его заслуга козацкая значили все — для Владислава и Оссолинскаго, и для козачества — добавлю вашими словами: «самъ Конецпольскiй, врагъ козацкаго сословiя, уважалъ его дарованiя».... И такъ—пока не откроется современнаго свидѣтельства, что Хмельницкiй въ сороковыхъ годахъ былъ войсковымъ писаремъ, оставимъ его въ скромномъ званiи—Чигиринскаго сотника, въ какомъ знаетъ его современное козачество подъ конецъ его до-гетманской жизни.

21 декабря 1860 года.
Михайлова-Гора.

ВОСПОМИНАНІЕ О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ. [1])

Въ нынѣшнемъ 1857 году, 15 августа, будетъ уже *двѣсти* лѣтъ, какъ скончался славный Малороссійскій гетманъ, Богданъ Хмельницкій.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго, когда достопамятный 1812 годъ живо напомнилъ собою 1612-й, «благодарная Россія» воздвигла, на Красной площади Московской, памятникъ «гражданину Минину и князю Пожарскому», и народъ Великороссійскій, любуясь дивнымъ памятникомъ, повседневно поминаетъ славныхъ освободителей Москвы отъ Поляковъ. Но въ Малороссіи нѣтъ еще памятника ея славному подвижнику и освободителю отъ Поляковъ, гетману Хмельницкому.

Не разъ обходилъ я весь городъ Переяславъ и его окрестности, припоминая разныя здѣшнія событія, отъ того древняго времени, когда Переяславскій богатырь-Швецъ потѣшилъ тутъ князя Владиміра единоборствомъ съ Печенѣжиномъ, до позднѣйшаго времени, когда «защитникъ Петрова Града» (Витгенштейнъ) со слезами обнялъ здѣсь Переяславскую старушку, бывшую его нянею. Много исторической десятивѣковой жизни улеглось въ этой землѣ «славнаго города Переяслава», нѣкогда бывшаго *третьимъ* городомъ русскимъ, въ которомъ была и первоначальная митрополія Руси, святымъ Владиміромъ учрежденная!... Вотъ деревянная Успенская соборная церковь, при въѣздѣ въ Верхній городъ, называемый, по старой памяти, «Зáмкомъ». Съ одной стороны, къ ней подошли разрытые остатки крѣпостнаго вала, да жидов-

---

[1]) Русская Бесѣда 1857 г. кн. I.

свія лачуги; съ другой стороны—пустырь, которымъ смотритъ и весь этотъ «Замокъ»; да и на самомъ зданіи церкви уже нестройно поднимается средній верхъ, оставшійся безъ четырехъ окружныхъ, давно скинутыхъ за ветхостью. А нѣкогда на этомъ мѣстѣ былъ «Княжъ дворъ», и красовалась на немъ каменная церковь «Святой Богородицы», заложенная 1098 года Владиміромъ Мономахомъ, »добрымъ страдальцемъ за Русскую землю», который и выросталъ здѣсь, въ Переяславѣ, и здѣсь же окончилъ славную жизнь свою, на завѣтномъ берегу Ильтицы, освященномъ кровью святаго князя, Бориса. Мономахову Успенскую церковь возобновилъ потомокъ его, святопамятный князь, Константинъ Констатиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій, около 1585 года. И въ той соборной церкви, *8 генваря, 1654 года*, совершилось достопамятное присоединеніе всей Малороссіи къ Русской державѣ, присягою гетмана Хмельницкаго и войсковой старшины. И когда я останавливался возлѣ Успенской церкви, мнѣ всегда приходило на мысль, какъ хорошо было бы воздвигнуть въ Переяславѣ памятникъ Богдану Хмельницкому, тамъ, на городовой площади, противъ Вознесенскаго храма, гдѣ почиваютъ мощи святаго современника его, архимандрита Макарія, замученнаго Татарами въ Кáневѣ, 1678 года. Тамъ каждое лѣто, изъ близкихъ, изъ далекихъ странъ Русскаго царства переходятъ тысячи народа на богомолье въ Кіевъ; и глядя на памятникъ, онѣ поминали бы славнаго освободителя Кіева и всей Малороссіи отъ Поляковъ. Тамъ былъ и его гетманскій дворецъ, въ которомъ проживалъ онъ, въ началѣ 1649 года, увѣнчанный въ Кіевѣ благословеніями народа своего, и обвѣнчанный здѣсь съ бывшею женою главнаго ворога своего, съ Чаплинскою, которую называлъ Богданъ «благоразумною и дарма погибающихъ людей жалѣющею Эсѳирью». Тогда у него въ Переяславѣ были посланники Московскій и Венгерскій, а 9 февраля, въ сильный морозъ, прибыли коммиссары Польскіе отъ новаго короля, во главѣ которыхъ былъ старый воевода Браславскій, Адамъ Кисель. На другой день коммиссары шли широкою улицею ко дворцу Хмельницкаго, передъ ними ловчій (Крентковскій) несъ булаву, а Кіевскій скарбникъ

(Кельтинскій) знамя; на встрѣчу имъ звучали трубы и литавры гетманскія; а Хмельницкій ждалъ ихъ, стоя подъ бунчукомъ, въ кругу своихъ полковниковъ и другихъ старшинъ, одѣтый въ краснопарчевую соболью шубу. Воевода вручилъ ему королевскіе листы и кредитивную коммисарскую грамоту, а потомъ булаву, осыпанную бирюзою, а воеводскій братъ, хорунжій Новогрудскій, поднесъ красное знамя съ бѣлымъ орломъ и надписью: «Joannes Casimirus Rex». Велико было торжество для побѣдителя Поляковъ; но полновластному любимцу Малороссійскаго народа были не по мысли ни та булава, осыпанная бирюзою, ни королевское красное знамя съ бѣлымъ орломъ. У него на мысли тогда было другое, начатое имъ, дѣло: освободить Малороссійскій народъ изъ Польской неволи и привести его подъ державу Русскую. Но для исполненія сего двойственнаго дѣла, Хмельницкому предлежало еще пять лѣтъ бороться съ Польшею, напрягавшею всѣ силы и всяческіе способы, чтобъ удержать въ своихъ рукахъ отрывавшуюся отъ нея козацкую Украину, бороться то въ торжествѣ побѣды Зборовской, то въ тяготѣ пораженія Берестецкаго, и во все время той многотрудной борьбы томиться ожиданіемъ, пока, на его многократныя обращенія къ Москвѣ, состоится, наконецъ, въ Грановитой палатѣ, 1 октября, 1653 года, соборный приговоръ: «гетмана Богдана Хмельницкаго, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, съ городами и землями принять въ Россійское подданство». Тогда отправленъ былъ въ Малороссію изъ Москвы, 9-го ноября, ближній бояринъ, Бутурлинъ, со многочисленною свитою, при которой находился и стрѣлецкій голова, Артемонъ Матвѣевъ, съ двумя стами стрѣльцевъ. Хмельницкій между тѣмъ подвизался надъ Днѣстромъ, подъ Жванцемъ, гдѣ онъ уже въ третій разъ сошелся на бой съ Яномъ-Казиміромъ; а оттуда воротился въ свой Чигиринъ, чтобы оплакать гробъ любимаго сына своего, Тимоша́, привезенный изъ Сочавы и похороненный въ Суботовѣ, 27 декабря. Наканунѣ новаго, *1654* года, въ Переяславѣ, встрѣчали торжественно Московское посольство; къ вечеру, на Крещеніе, прибылъ туда и гетманъ Хмельницкій; на другой день онъ видѣлся съ бояриномъ, и соби-

ралъ народную Раду, для окончанія дѣла; а на третій день совершилось достопамятное дѣло. Въ «Статейномъ спискѣ» московскихъ пословъ сохранились историческія подробности тѣхъ знаменитыхъ дней въ Переяславѣ. Вотъ описаніе Переяславской Рады: «и по тайной радѣ, которую гетманъ имѣлъ съ полковники своими съ утра того жъ дни, во вторый часъ дни бито въ барабанъ съ часъ времяни, на собраніе всего народа, слышать совѣтъ о дѣлѣ, хотящемъ совершиться. И какъ собралося великое множество всякихъ чиновъ людей, учинили кругъ пространный про гетмана и про полковниковъ, а потомъ и самъ гетманъ вышелъ подъ бунчюкомъ, а съ нимъ судьи и ясаулы, писарь и всѣ полковники, и сталъ гетманъ посреди круга, а ясаулъ войсковой велѣлъ всѣмъ молчать; потомъ, какъ всѣ умолкли, началъ рѣчь гетманъ ко всему народу говорить:

— «Панове полковники, ясаулы, сотники и все войско Запорожское, и вси православніи Христіяне! Вѣдомо то вамъ всѣмъ, какъ насъ Богъ свободилъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ церковь Божію и озлобляющихъ все Христіянство нашего православія восточнаго, что уже шесть лѣтъ живемъ безъ государя въ нашей землѣ, въ безпрестанныхъ бранѣхъ и кровопролитіяхъ съ гонители и враги нашими, хотящими искоренити церковь Божію, дабы имя Руское не помянулось въ земли нашей, что уже велми намъ всѣмъ докучило; и видимъ, что нелзя намъ жити болѣ безъ царя. Для того нынѣ собрали есми раду явную всему народу, чтобъ есте себѣ съ нами обрали государя, изъ четырехъ, котораго вы хощете. Первый царь есть Турскій, который многажды чрезъ пословъ своихъ призывалъ насъ подъ свою область; вторый — Ханъ Крымскій; третій — король Польскій, который, будетъ сами похочемъ, и теперь насъ еще въ прежнюю ласку принять можетъ; четвертый есть православный Великія Россіи государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ восточный, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіи нашими себѣ просимъ. Тутъ, котораго хотите, избирайте! Царь Турскій есть бусурманъ; всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ братіи наши, православніи Христіяне, Греки, бѣду тер-

пятъ, и въ какомъ суть отъ безбожныхъ утѣсненіи. Крымскій Ханъ тоже бусурманъ, котораго мы по нужди и въ дружбу принявши, каковыя несэерпимыя бѣды приняли есми! Какое плѣненіе, какое нещадное пролитіе крови христіянскія, отъ Польскихъ отъ пановъ утѣсненія, никому вамъ сказывать не надобетъ; сами вы всѣ вѣдаете, что лучше Жида и пса, нежели Христіянина брата нашего почитали! А православный Христіянскій великій государь, царь восточный, есть съ нами единаго благочестія Греческаго закона, единаго исповѣданія, едино есми тѣло церкви православіемъ великія Россіи главу имуще Іисуса Христа; той великій государь царь Христіянскій, сжалившися надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православныя церкви въ нашей Малой Россіи, шестьлѣтныхъ нашихъ моленій не презривши, теперь милостивое свое царское сердце къ намъ склонивши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостью своею прислати изволилъ; котораго, если со усердіемъ возлюбимъ, кромѣ его царскія высокія руки благотишнѣйшаго пристанища, не обрящемъ. А будетъ кто съ нами не согласуетъ теперь, куды хочетъ,—вольная дорога»!

Къ симъ словамъ весь народъ возопилъ: «Волимъ подъ царя восточнаго православнаго, крѣпкою рукою въ нашей благочестивой вѣрѣ умирати, нежели ненавистнику Христову, поганину, достати»! Потомъ полковникъ Переяславскій, Тетеря, ходячи въ кругу, на всѣ стороны спрашивалъ: «Вси-ли тако соизволяете»? Рекли весь народъ: «Вси единодушно»! Потомъ гетманъ молылъ (молвилъ): «Буди тако! Да Господь Богъ нашъ сукрѣпитъ подъ его царскою крѣпкою рукою»! А народъ по немъ вси единогласно возопили: «Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ есми во вѣки вси едино были»!

Генваря 8-го, передъ присягою, когда гетманъ и вся старшина были на посольскомъ дворѣ, и прочтена была во всеуслышаніе царская грамота, бояринъ Бутурлинъ, послѣ обряднаго спроса «о здоровьѣ», произнесъ привѣтственную историческую рѣчь объ отношеніи Малой и Великой Россіи къ Польшѣ. А когда послѣ присяги прибыли всѣ опять на посольскій дворъ, бояринъ вручилъ гетману присланныя отъ

царя: знамя, булаву, ферезею, шапку и соболи, говоря при каждомъ дарѣ красовитыя рѣчи; и гетманъ Хмельницкій возвратился въ свой дворъ, держа царскую булаву; а передъ нимъ несено было распущенное царское знамя, съ изображеніями Спаса Всемилостиваго, Богоматери, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и Великомученицы Варвары. Изъ помянутыхъ рѣчей боярина, сказанныхъ по повелѣнію царскому, прочтемъ двѣ кратчайшія. Отдавая булаву, онъ говорилъ: «Иное паки державы своея царскія знаменіе, булаву сію, благовѣрный и христолюбивый государь нашъ, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ, тебя жалуя, тебѣ посылаетъ, да тою благополучно благочестивому воинству и всѣмъ людемъ начальствуеши, гордящихся на православіе и непокоривыхъ да тою тебѣ смириши; воинство же твое благочестивое, яко же донынѣ устроевалъ еси, сице да и прочее время симъ пресвѣтлыя его царскія державы знаменіемъ, булавою, тако смотрѣливнѣ управляти возможеши, яко да самое видѣніе стройнѣ управляемаго отъ тебе воинства, вся враги, на вы возстающія и на благочестіе, устрашаетъ и отъ васъ прогоняетъ». А отдавая шапку, онъ говорилъ: «Главѣ твоей, отъ Бога высокимъ умомъ вразумленной, и промыслъ благородный о православія защищеніи смышляющей, сію шапку пресвѣтлое царское величество въ покрытіе даруетъ, да Богъ, здраву главу твою соблюдая, всяцѣмъ разумомъ ко благому воинства преславнаго строенію вразумляетъ, яко да тя, гетмана, имуще вѣрніи и тобою смысленно управляеми, враговъ ногами попирати и безуміе гордыхъ умной главѣ твоей покоряти возмогутъ. Сіе убо своего царскаго величества жалованье благовѣрный государь нашъ, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ, тебѣ даруя нами, и всякаго благопоспѣшія и на враги одолѣнія благопривѣтствуя, хощетъ, да, въ своемъ обѣщаніи къ царской его державѣ и вѣрѣ непремѣннѣй пребывающе, ту умную свою главу къ его царской милости подкланяя, твердую и нерушимую вѣрность свою со всѣмъ воинствомъ своимъ и всѣми Христіаны соблюдеши, яко да и царское его величе-

ство, вашимъ раченьемъ возбуждаемъ, большую къ тебѣ и всѣмъ твоимъ милость свою царскую простирати возможетъ».

Два года подвизался еще Хмельницкій противъ Поляковъ, въ *царской* войнѣ съ Польшею, того же года начатой и усиленной полками козацко-украинскими, но на третій годъ уже изнемогъ побѣдоносный гетманъ, и скончался въ Чигиринѣ, 15 августа. Вотъ народная дума украинскихъ слѣпцовъ-бандуристовъ на смерть Богдана:

«Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при ёму ни сотникôвъ ни полковникôвъ нема;
Часъ приходить умирати,
Нѣкому порады [1]) дати.
Поклικне вôнъ на Ивана Выговського,
Писаря вôйськового:
«Иване Выговській,
Писарю вôйськовый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы [2]) пиши,
Щобъ сотникы, полковникы до мене прибували,
Хоть мало пораду давали»!
То Иванъ Выговській,
Писарь вôйськовый,
Листы писавъ,
До всѣхъ розсылавъ.
То сотникы, полковникы, якъ ихъ прочитали,
Усе покидали,
До гетьмана Хмельницкого скорѣйшъ прибували.
То гетьманъ добре ихъ пріймае,
Словами промовляе:
«Панове молодци! добре вы дбайте,
Собѣ гетьмана наставляйте;
Бо я старъ, болѣю,
Більше гетьманомъ не здолѣю!
Коли хочете, панове, Антона Волочая Кіевського,
Або Грицька Костыря Миргородського,

[1]) Совѣта.
[2]) Письма, грамоты.

Або Хвилона Джеджеля Кропивянського,
Або Мартына Пушкаря Полтавського».
То козаки тее зачували,
Смутно себе мали,
Тяжко вздыхали,
Словами промовляли:
«Не треба намъ Антона Волочая Кіевського,
Ни Грицька Костыря Миргородського,
Ни Хвилона Джеджеля Кропивянського,
Ни Мартына Пушкаря Полтавського;
А хочемъ мы сына твого, Юруся, молодого,
Козака лейстрового!»—
«—Винъ, панове молодци, молодый розумъ мае,
Звычаѣвъ козацькихъ не знае!»—
«—Будемъ мы старыхъ людей биля [1]) его держати,
Будуть воны его научати,
Будемъ его добре поважати,
Тебе, батька нашого, гетьмана, споминати!»...
То Хмельницькій тее зачувавъ,
Великую радôсть мавъ,
Слёзы проливавъ,
Сѣдою головою поклôнъ оддававъ.
Скоро пôсьля того ще й гірше Хмельницькій знемогавъ,
Опрощенье зо всѣми пріймавъ,
Милосердному Богу душу оддавъ.—
То не чорны хмары [2]) ясне сонце заступали,
Не буйныи вѣтры въ темнôмъ лузѣ бушували—
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали....»

Онъ погребенъ 30 августа, въ знаменитомъ селѣ своемъ, *Суботовѣ*, въ поставленной имъ каменной церкви, и донынѣ уцѣлѣвшей. Обрядъ погребенія совершалъ Лазарь Барановичъ, «великій столпъ церковный». Старый секретарь Хмельницкаго, Самойло Зорка, въ надгробномъ словѣ ему, на Польскомъ языкѣ, говорилъ: «къ тебѣ обращаюсь съ молящимъ

---

[1]) Возлѣ, подлѣ.
[2]) Облака.

словомъ моимъ, о вождь нашъ возлюбленный, древній Русскій Одонацеръ, славный Скандербекъ, гетманъ всего славнаго войска Запорожскаго и всей козацко-Русской Украины, Хмельницкій Богдане! Взываю къ тебѣ, нынѣ въ четырехъ доскахъ лежащему и безмолвному, котораго слову и повелѣнію такъ недавно еще внимало насъ сто тысячъ, и было готово на каждое твое мановеніе.... Проговори къ намъ, братьи своей, и научи насъ, какъ жить намъ безъ тебя и обращаться съ друзьями и недругами, насъ окружающими!...»

Много постонала вся Украина послѣ своего Богдана, когда настали въ ней междоусобицы козацкія, и стала она распадаться надвое, между Россіею и Польшею.... На седмомъ году послѣ Богдана, когда Янъ-Казиміръ, обманувшій царя Алексѣя договоромъ Виленскимъ, проходилъ войною отъ Днѣпра вверхъ по Деснѣ, воевода его, Чарнецкій, опустошая Чигиринское староство, не пощадилъ и костей Богдановыхъ въ гробницѣ церковной.... «А Чарнецкій, (говоритъ Черниговская лѣтопись), Бужинъ и Суботовъ спалилъ, и тамъ, въ Суботовѣ, тѣло стараго Хмельницкого, и Тимоша, сына его, забитого подъ Сочавою, казалъ зъ гробовъ (зъ церкви, що въ рынку) выкинути на попелище. Суботовъ тогда былъ пустъ. А псовъ зъ Чигирина, зъ Суботова и отъ инших пустыхъ мѣстъ Украинскихъ, великое множество было, которые, чередами ходячи, не толко мертвыхъ трупы ѣли, але и живымъ людямъ шкодили. А Чарнецкій, набравши скарбу и герматъ, вышолъ зъ Чигирина, для того, же и самъ Тетеря гетманъ до Полщи выряжался; тилко Хлопицкій зъ Ляхами въ Чигиринѣ зостался».

Вотъ какую «колонизацію» зачали тогда Поляки въ тяготѣвшей къ нимъ заднѣпровской Украинѣ! Чарнецкій предварялъ Турецкое нашествіе на Чигиринъ, 1678 года, когда уже въ конецъ погибла цвѣтущая столица Богданова, и отъ ея развалинъ насчастный Хмельниченко прошелъ съ Татарами, какъ черная смерть, по Заднѣпровью.... А черезъ тридцать лѣтъ, и на восточную Украину настигло нашествіе Шведское, такое же тяжкое и переломное для всей козацкой

Украины, какимъ было нашествіе Батыево для Украины княжеской.

Въ царствованіе юнаго Петра Втораго повеселѣла восточная Украина гетманствомъ заслуженнаго старца своего, Даніила Апостола. Тогда, въ 1728 году, доканчивалось обновленіе великой Печерской церкви (послѣ лаврскаго пожара 1718 года), и въ ней, на сѣверной стѣнѣ, былъ написанъ тогда портретъ Богдана Хмельницкаго во весь ростъ; и болѣе ста лѣтъ глядѣлъ на него народъ, притекающій въ Печерскую лавру со всѣхъ концевъ Русскаго царства. Тамъ и я видѣлъ его въ 1834 году и поскорбѣлъ, когда того же года онъ закрашенъ былъ дикою краскою. Благолѣпный лаврскій портретъ Хмельницкаго для многихъ былъ живымъ напоминателемъ, какъ нѣкогда побѣдоносный *Богданъ,* шедшій въ Кіевъ отъ Замостья, встрѣченъ былъ на Кіевскомъ полѣ многочисленнымъ народомъ, и митрополитомъ Кіевскимъ, и патріархомъ Іерусалимскимъ, и величаемъ былъ, въ привѣтственныхъ рѣчахъ Академіи, *Богоданнымъ* избавителемъ народа своего отъ Лядскаго-Египетскаго ига, подобно древнему Моисею; и какъ тогда на него, молившагося въ Печерской церкви, «всѣ глядѣли съ благоговѣніемъ». Черезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ того, когда и Кіевъ и вся восточная Украина повеселѣли вновь гетманствомъ Даніила Апостола и было окончено обновленіе великой Печерской церкви, православный народъ Заднѣпровской Украины, снова доставшейся Польшѣ, застоналъ опять въ прежнихъ бѣдахъ вѣрогоненія, подъ гнетомъ возобновившейся Уніи; и терпѣлъ онъ еще сорокъ лѣтъ, до 1768 года, когда его долготерпѣніе лопнуло наконецъ грознымъ взрывомъ, «Коліивщиною».

Между тѣмъ въ Кіевѣ, того 1728 года, и Академія Кіево-Могилянская помянула своего питомца и благотворителя Богдана, стихотворною драмою: «Милость Божая». Кіевъ любилъ драматическія представленія, которыя, со времени Петра Могилы, почти ежегодно были даваемы питомцами Кіевской Академіи. Одно изъ нихъ, по желанію князя Юрія Петровича Трубецкаго, воеводы Кіевскаго, было и напечатано въ лаврской типографіи, 1674 года (въ 4-ку, на 6 лист.):

«*Алексій Человѣкъ Божій*», на честь царю Алексѣю Михайловичу, чрезъ шляхетну молодь, на публичномъ діалогу *явленный*». Но славнѣе всѣхъ была Өеофанова *трагедокомедія* въ пяти дѣйствіяхъ: «*Владимеръ*, всѣхъ Славенороссійскихъ странъ князь и повелитель.... въ православной академіи Могилянской Кіевской, на позоръ Россійскому роду, отъ благородныхъ Россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣ воспитуемыхъ.... лѣта Господня 1705, іюля 3 дня, *показанный*». Въ томъ же родѣ, и тоже въ 5 дѣйствіяхъ, но вдвое меньшихъ, была вышепомянутая драма, «*Милость Божая*».

Вотъ эта драма, кажется, еще неизвѣстная въ исторіи Южнорусской Словесности. [1])

8 генваря 1857 г.

Михайлова-Гора.

[1]) Первоначально М. А. Максимовичъ приложилъ къ статьѣ отрывки только изъ драмы. Онъ ее напечаталъ вполнѣ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и древн. 1858 г. (кн. I, смѣсь, стр. 75—100).

МИЛОСТЬ БОЖІЯ,

УКРАИНУ ОТЪ НЕУДОВЪ НОСИМЫХЪ ОВИДЪ ЛЯДСКИХЪ ЧРЕЗЪ БОГДАНА ЗИНОВІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО,

ПРЕСЛАВНАГО ВОЙСКЪ ЗАПОРОЗКИХЪ ГЕТМАНА,

СВОБОДИВШАЯ И ДАРОВАННЫМИ ЕМУ НАДЪ ЛЯХАМИ ПОБѢДАМИ ВОЗВЕЛИЧИВШАЯ,

НА НЕЗАБВЕННУЮ ТОЛИКИХЪ ЕГО ЩЕДРОТЪ ПАМЯТЬ РЕПРЕЗЕНТОВАННАЯ

ВЪ ШКОЛАХЪ КІЕВСКИХЪ 1728 ЛѢТА.

ДѢЙСТВІЕ 1.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Богданъ Хмельницкій долю козацкую оплакуетъ, и новые совѣты въ умъ пріемлетъ.

Егей, славы нашея упадокъ послѣдній!
Чого въ свѣтѣ живучи дождалъ козакъ бѣдный!
Докозаковалися и мы подъ Ляхами;
Чого намъ не дѣлаютъ Ляхи изъ Жидами!
Честь и славу въ нивочто нашу обращаютъ,
Козацкое потребить имя помышляютъ.
Сея ли мы отъ тебе, Ляше, ожидали
Платы, егда вѣрности нашей показали
На земли и на морѣ знаменія многа,
Бодуща тя враговъ си сокрушая рога?
Се ли достойная мзда? Сія ли заплата
За службу нашу? Се ли знскъ нашъ и интрата
За неисчислимые пріятые раны,
За смерти различные на различной брани,
За толикіе и толь славные побѣды
Терпѣли толикіе, толь тяжкіе, бѣды:
Грабленія, насильства, утиски, досады,
Узы и прочая, безъ всякоя отрады?

О, и вспоминати то, воистину, студно;
А якъ самимъ дѣломъ намъ терпѣти не трудно!
Что такъ безумни есмы, что такъ помраченни,
Что спимъ, аки летаргомъ якимъ омраченни?
О, жалю мой незносный: больше ли чекати?
Крайней ли погибели еще выглядати
Будемъ? Не видимъ, что ся грядетъ? Окаянни,
Егда стеная молчимъ, тако поруганни
Суще. О, нечувствія нашего! Страдати
Кая нужда есть, аще честь за честь воздати
Можемъ! Татаре, Турки и Нѣмци бували
Не страшни: и Ляхи ли ужасни намъ стали!
Сверѣпые львы, тикгри, вепри побѣждати
Удобъ было: отъ зайцовъ ли станемъ втѣкати?
Когда шабля при насъ есть: не совсѣмъ пропала
Многоименитая оная похвала
Наша; доказовала чуждой славы много
Она: студа жъ своего не отмстить такого!
Не отобрали еще Ляхи намъ остатка:
Живъ Богъ, и не умерла козацкая матка;

Хоръ.

Муза и Аполло грядущую Ляхомъ гибель предвозвѣщаютъ.

Не видишъ, Поляче,
Кто на тебе плаче,
Кого обиждаешъ,
Кому досаждаешъ?
Славу ти сотворшихъ,
Побѣды порождшихъ,
Тщишся погубити,
Славу испразднити.
Где жъ услуга тая,
Егда вся благая
Своя оставляли,
Тебѣ воевали;
Крови не жалѣли,
Головъ не щадѣли,
Тебе заступая,
Тебе прославляя?
О, что жъ ожидаетъ,
Кая месть чекаетъ,
Яко за благое
Воздаеши злое!
Коль лютое время,
Коль тяжкое бремя,
Пошлетъ на тя вскорѣ,
Судяй правду горѣ!
Се, твоя предѣлы
Пройдутъ сквозѣ стрѣлы,
Солнце зайдетъ въ хмуры,
Вдарятъ на тя бури;

Шкуры тебѣ дерти,
Главы будутъ терти,
Шіи вытягати,
Въ ярмо закладати,
По лѣсахъ гонити,
По рѣкахъ топити,
Зъ склеповъ выдирати,
Ажъ за Вислу гнати:
Прійдутъ на тя злая
Непремѣнно сяя:
Богъ бо тебѣ судитъ,
Судъ его не зблудитъ! [1])

ДѢЙСТВІЕ 2.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Хмельницкій козакамъ Запорожскимъ обиды и озлобленія неудебноносная, отъ Ляховъ дѣемыя, предлагаетъ, и свой имъ совѣтъ объявляетъ. которому Кошовій именемъ всѣхъ козаковъ отвѣтствуетъ, и якъ въ прочіихъ потребахъ, такъ найпаче въ томъ, послушныхъ себе быть, и головъ своихъ не щадѣть, обѣщаетъ.

Хмельницкій.

Пріѣзду моего къ вамъ вина есть не ина,
Панове Запорожцѣ, токмо се едина,
Что по премногихъ бѣдахъ неисповѣдимыхъ,
И утискахъ всегдашнихъ, неудобстерпимыхъ,
Крайняя всѣхъ насъ уже хощетъ постигнути
Пропасть, которой якъ бы могли убѣгнути,
Поки еще время есть, треба разсужати,
И что полезно будетъ, сіе предъизбрати;
На васъ бо то залежитъ, или жити тако
При козацкихъ вольностяхъ безъ налога, яко
Издавна жили, или вѣчными рабами
Въ Ляховъ быть, которіи якъ хотятъ надъ нами
И надъ дѣтми нашими руки истираютъ,

---

[1]) Такъ «Аполло Кіевскій», переселенецъ изъ Латино-Западныхъ школъ, воспѣвалъ тогда козацкую месть, воздававшую Полякамъ тѣмъ же. что было отъ нихъ Украинцамъ, даже и на послѣдяхъ королевства Польскаго, особенно 1768 года, когда, по усмиреніи Заднѣпровской «Коліивщины» русскимъ оружіемъ, явился на казнь Украинскаго народа, региментарь Стемпковскій, уполномоченный *«правомъ меча»*, и началъ тѣмъ, что, въ продолженіе трехъ дней, сдиралъ кожу съ Уманскаго козака Гонты, по подобію того древняго Аполлона, который содралъ кожу съ пѣвца Марсіаса. Было всего, съ обѣихъ сторонъ, въ той двухвѣковой борьбѣ Польско-козацкой; и нелюбіе Поляковъ къ представителю козачества столь же понятно, какъ и любовь къ нему народа Малороссійскаго; и ни сколько неудивительно, если Хмельницкій, въ Польскихъ писаніяхъ, можно сказать, весь забрызганъ чернильными пятнами, даже съ классическаго пера Коховскаго, тогда какъ Малороссіяне готовы были своего Богдана расписать золотомъ и превознести его до небесъ.

И уже явного насъ студа исполняютъ.
А мнѣ далеко лучше видится и главу
Свою положить, нѣжбы козацкую славу
И Украину зъ крайнимъ студомъ потеряти,
Или неблагодарнымъ врагомъ голдовати.
Вѣдаете бо вси, и не токмо вы сами,
Но и весь свѣтъ гораздо вѣдаетъ со вами,
Яко вѣрности въ насъ Ляхи дознавали много
Колико отвратили отъ головъ ихъ злого,
Когда за нихъ на брани перси выставляли,
Когда кровь проливали и головы клали,
Когда той не могъ отнюдь дружитися съ нами,
Кого между своими имѣли врагами,
Когда мы ихъ отъ Татаръ и Турокъ предѣлы
Зъ непрестаннымъ опаствомъ всегда боронили,
А они за нами, якъ за муромъ, стояли,
Или и на обѣдвѣ уши еще спали,
Ворочуячися. Я не воспоминаю
Древнихъ оныхъ дѣлъ нашихъ, како же ихъ маю
Изрещи, не вѣмъ, ибо не токмо ихъ полно
Было на земли, но и на морѣ довольно.
Свѣдѣтель есть Трапезонтъ на пень посѣщенный,
Свѣдѣтель есть и Синопъ, зъ землею смѣшенный.
Являютъ и славные оные подходы
Ажъ подъ Константинополь, или и народы
Самые тамошніе, ихъ же веси, гради,
Хутори, егда и самъ Салтанъ, вертогради
Своя обходяще, зрѣлъ, иные спалили,
Иные же въ нивочто тако разорили,
Что который пыхою надменъ, обладати
Цѣлымъ свѣтомъ мнѣлъ себе, обаче признати,
Радъ не радъ, истинную храбрость превелику
Козакамъ понужденъ былъ. Что же и колику
Вѣрность свою свѣдчили, уже и недавно
Того доказовали подъ Хотинемъ явно.
И сами Ляхи сіе, чаю, намъ признаютъ,
Любъ и не токмо славѣ нашей зазрощаютъ,

Но и всегда худыми словами, елико
Возможно, умаляютъ умыслне толико.
И Османовы войска когда напирали
Найпаче на козаковъ, ясно показали,
Что Лядская вся при насъ была оборона,
Которую если бы избили, корона
Польская давно бъ уже до чорта пропала,
И сама своего бы слѣду не познала.
А козаки первые когда мужественно
Выдержали инкурсы, тогда дерзновенно
Великій во воинствѣ его учинили
Падежъ, и самый ему обозъ разорили.
Тако о силѣ своей гордящеся, зѣло
Османа посрамили, и мира всецѣло
Искати понудили. Но что жъ исчисляю?
Миръ симъ и иннымъ дѣламъ нашимъ поставляю
Во свидѣтельство, яже есмы яко полни
Отважнаго сердца, такъ въ похвалѣ довольни.
Но что жъ? Видите, якъ намъ за сія платили
И платятъ услуги; коль тяжко угнѣтили
Бѣдную Украину тыми очковыми,
Поемщизнами тыми, тако жъ роговыми.
Повымышляли къ тому уже и ставщизны,
А при инныхъ поборахъ и сухомельщизны.
Власное наше добро въ очахъ передъ нами
Арендуютъ, и въ своемъ невольни мы сами.
И уже по времени ани дѣтей родныхъ,
Ни женъ власныхъ нашихъ, намъ не будетъ свободныхъ.
Что жъ говорить о иныхъ бѣдахъ нашихъ большихъ?
Что о безчестіяхъ, и укоризнахъ горшихъ?
Козака и за Жида не важатъ: милѣйшій
Имъ Жидъ, нежели Русинъ, и весьма честнѣйшій;
Зъ Жидомъ они ѣдятъ, пьютъ, банкеты справляютъ,
А козака бѣднаго за нѣзащо маютъ.
И что горше: которымъ поклонъ отдавали
Турки и Татаре, а многи не востали
Никогда же, егда разъ наклонили выи,

Нынѣ, срамно и казать, нынѣ сами сіи
Жидамъ кланяются, и шапку въ рукахъ носятъ
Передъ ними, и ихъ якъ пановъ якихъ просятъ.
О горе! о болѣзни! о неизреченна
Студа нашего печаль, но не окончена
Злоба ихъ! ибо уже и вѣру святую
Испразднити тщатся, а ввести треклятую
Унію помышляютъ, и Божіи храми
Вездѣ своими хотятъ оскверняти мшами.
Словомъ рещи: всѣхъ въ конецъ мыслятъ потребити,
И славу козацкую въ пепелъ обратити.
Что убо сотворите, теперь разсуждайте,
Когда еще можете, всякъ о себѣ дбайте:
Послѣдней ли пагубы своей ожидати
Что день будете, или и золъ убѣжати
Грядущихъ, и обиды отмстити, якіе
Доселѣ претерпѣли за дѣла благіе?
Я на Бога всю мою надежду слагаю;
Его, во первыхъ, себѣ помощи желаю;
Имѣю же надѣю на шаблю по Бозѣ,
Что нахилитъ подъ наши враговъ нашихъ нозѣ.
Только вы всѣ въ единъ гужъ со мною тягните,
А отчизны и вѣры своей не дадите
Православной до конца отъ нихъ пропадати
И козацкой на вѣки славѣ исчезати.

Кошовой.

Поки силы нашея, поки духа стане,
Будемъ себе боронить, вельможный гетмане;
Туркамъ, Татарамъ въ очи отважне ставали
За плюгавцевъ тыхъ, когда на нихъ наступали.
За себе противъ Ляховъ не вооружимся,
Въ своихъ бѣдахъ помогти себѣ убоимся?
Вѣдаемъ, яко всѣмъ намъ Украина мати;
Кто жъ не похощетъ руку помощи подати
Погибающей матцѣ, былъ бы той твердѣйшій
Надъ камень, надъ льва былъ бы таковый лютѣйшій!

Мы всѣ, якъ прежде были безъ всякой отмовы,
Такъ и найпаче теперъ служити готовы,
Будемъ себе и матку нашу боронити,
Аще намъ и умерти, будемъ Ляховъ бити!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Козаки, Днѣпромъ пришедши, приходятъ до Хмельницкаго, и что Ляхамъ сдѣлали, ему повѣдаютъ: вѣстникъ извѣщаетъ недалекій Лядскій приходъ; Хмельницкій кажетъ козакамъ на кони сѣдать.

Хмельницкій.

Что вы за козаки и откуля?

Козаки.

Зъ ляхами
Посланіи были мы Днѣпромъ байдаками.

Хмельницкій.

Кто васъ послалъ зъ ними, и гдѣ вы ихъ подѣли?

Козаки.

Гетманы обидва намъ ѣхать повелѣли.

Хмельницкій.

Гетманы гдѣ?

Козаки.

Зъ обозомъ поволѣ ступаютъ:
Но гдѣ уже суть, или куда натягаютъ,
Сего знати не можемъ: бо Днѣпромъ единыхъ,
Поки они настигнутъ, а землею иныхъ,
Ради скорости, легко передомъ послали,
Сами съ табуромъ нога въ ногу поступали.
Шембракъ изъ Сапѣгою поѣхалъ землею,
И сынъ же Потоцкого зъ юрбою тоею;
А намъ казали спѣшно ступати водою,
Придавши комисаровъ для лучшого строю
И безпечности.

Хмельницкій.

Гдѣ суть ваши комисарѣ?

Козаки.

Гдѣ жъ уже сидятъ, може у чорта въ кошарѣ:
Бо мы еретиковъ тыхъ нещадно побили
Иншыхъ, а иншыхъ живцемъ въ Днѣпрѣ потопили,
Лучше збравши, що будетъ, то будетъ, терпѣти,
Нежели Ляхамъ, хотя присягши, служити.

Хмельницкій.

Не бойтеся, надежду на Бога имѣемъ
Милостива, что нашимъ врагомъ одолѣемъ;
А что вѣрне служить имъ въ церкви присягали,
Передъ Богомъ такую кондицію клали:
Аще не будутъ они насильствовать вѣру
Нашу святую, и не переберутъ мѣру
Въ поступкахъ своихъ зъ нами, и за службу нашу
Не такую, якъ мы пьемъ, будемъ пити чашу;
Чого они поневажъ сами не сполняютъ,
Дармо и отъ насъ себѣ вѣры ожидаютъ.

Вѣстникъ.

Ляховъ, вельможный пане, не далеко чути.

Козаки.

Що румомъ поѣхали, мѣли то прибути.

Хмельницкій.

Не страшный намъ есть приходъ и самыхъ гетмановъ,
Не устрашается духъ отъ Ляховъ Богдановъ.
Нуте только, молодцѣ, на конѣ сѣдайте,
А пришествія оныхъ къ себѣ не чекайте:
Приходящимъ къ намъ гостямъ на встрѣчь поѣзджаймо,
А пришествія оныхъ къ себѣ не чекаймо.

ДѢЙСТВІЕ 3.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Украина о помощь и пособіе Божіе Хмельницкому во брани той просятъ.

Украина.

Въ безмѣрныхъ бѣдахъ моихъ, въ неисповѣдимой
Болѣзни и печали, во неусладимой

Горести сердца имамъ се мало отрады,
Се утѣхи ощутихъ нѣчто того ради,
Что чада моя уже якъ отъ сна востали
Коего, и нечувство далече прогнали
Отъ себе, и вси обще почали гадати,
Якъ бы матери своей пропасти не дати.
Малодушіе и страхъ всякій отложили,
Дерзость и безстрашіе себѣ прилучили,
На предлежащій подвигъ весело ступаютъ,
Скорбь мою преложити на радость желаютъ.
Но, увы! не извѣстна фортуна есть брани:
Ибо неудобъ познать отъ коея страны
Стояти будетъ, на ея различные виды
Воспріимати обыче, иногда бѣды
Наноситъ, иногда же бываетъ удобна,
Тѣмъ кости или картѣ она есть подобна:
Кому бо послужитъ и кому въ руки пойдетъ,
И самый премудрѣйшій астрономъ не дойдетъ.
Обоихъ странъ многажды силы будутъ равни,
Такъ числомъ воевъ, яко храбростію славни;
Но едини наконецъ изъ нихъ торжествуютъ,
Другіи побѣжденни, стеняще, сѣтуютъ;
Иногда же противно надеждѣ бываетъ,
Сильнаго немощнѣйшій часто постилаетъ,
Толикую я разность егда помышляю,
Увы мнѣ! отъ болѣзни паки унываю.
Паки острый во мнѣ тернъ пронзаетъ утробу,
Паки лютая печаль влечетъ мя ко гробу:
Ибо аще что на мя супостатъ успѣетъ,
Аще мнѣ окаянный нынѣ одолѣетъ—
Горе мнѣ! что сотворитъ суще побѣдитель,
Таковъ и толикій мой врагъ и озлобитель
Раздраженный? Ко тебѣ, о Боже всесильный,
Прибѣгаю азъ, воззри на плачь мой умильный!
Доколѣ мя до конца забудеши, Боже?
Душа моя отъ скорби во мнѣ изнеможе.
Доколь лице отъ мене свое отвращаешь,

Доволѣ безъ отрады мене оставляешь?
Призри съ небесе и виждь на мое толико
Окаянство, и помощь низпосли, владыко,
Иже древле съ Моѵсеомъ милость сотворивый,
И тѣмъ Израильское племя свободивый
Отъ работы Египта, провелъ по пустыни
Столпомъ сугубымъ: ты самъ, ты тожде и нынѣ
И Богдану моему яви неизмѣрну
Благодать твою! Буди вожду правовѣрну
Столпъ крѣпости, отъ лица враговъ заступая
И правовѣрныхъ его воевъ защищая,
Сотвори, да, иже мя посрамити тщатся,
Вѣчнымъ на брани студомъ сами посрамятся:
Да возрадуются же, иже въ тебѣ чаютъ,
Твоей помощи въ бѣдахъ своихъ ожидаютъ!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Вѣсть приходитъ, повѣдая преславные козаковъ надъ Ляхами побѣды, и студное ихъ за Вислу прогнаніе, и торжественное вскорѣ Хмельницкаго на Украину возвращеніе.

Вѣсть.

Не плачь, о Украино, престани тужити,
Печаль твою на радость время преложити:
Призрѣ на тя съ небесе Вышняго зѣница,
Поборствуетъ по тебѣ Божія десница!
Желтые Воды злату при брегу своему
Побѣду породили Богдану твоему.
Шембракъ изъ Сапѣгою пошли оглядати,
Таврики, свою Хану визиту отдати,
А Стефанъ Потоцкій, сынъ гетманскій, зъ своими
Лучше въ пеклѣ збравъ жити, нѣжъ въ Крыму зъ чужими.
Корсунь другой побѣды есть тебѣ свѣдѣтель,
Явися Хмелницкій твой паки побѣдитель;
Враговъ твоихъ студно въ лѣсъ якъ зайцовъ загнали,
И единыхъ побили, другихъ повязали;
Тамъ самъ гетманъ Потоцкій, тамъ и Калѣновскій
Польный, тамъ и Синявскій, тамъ и Бѣгановскій;
Тамъ Яскольскій, и инни тамъ многіе взяти,

Пошли въ слѣдъ Шембрака и Сапѣги искати.
Нестерваръ мѣсто Ганджа и Остапъ достали,
Глубокій ровъ Жидовскимъ стервомъ заровняли;
Ляховъ недобитыхъ подъ Корсунемъ побили,
Зъ ксендзовъ живыхъ шкуры, якъ зъ барановъ, лупили.
Кривоносъ въ Барѣ взятомъ отъ себе гуляетъ,
Ляховъ въ склепахъ и въ домахъ зъ свѣчками шукаетъ,
А инныхъ зъ подъ стрѣхъ тягнетъ, якъ воробцiовъ много,
Всѣхъ на пень истинаетъ, не смотритъ никого.
Дивны твои побѣды суть: ибо и тiи,
Которыхъ страхъ за Вислу у лѣса густiи
Розно позаносилъ былъ, когда и собрались
Большъ надъ тридесятъ тысящъ, да и перебрались
Вкупѣ за Константиновъ, подъ рѣчку Пиляву,
Тамо свою хотяще показати славу,
Зъ студомъ и безчестiемъ неслыханнымъ, зъ вѣчнымъ
Поруганiемъ своимъ, зъ срамомъ необычнымъ,
Знову всѣ въ безвѣстная мѣста повтекали,
Якъ тилько въ полю въ очи Хмельницкому стали:
Кто коня, кто шабли, кто узды, кто кульбаки,
Кто воза, кто хомута, а кто и собаки,
Или чего инного кто тилько дорвался,
Якъ найскорѣй за Вислу знову поспѣшался
Не отягощенъ ничемъ; ибо тамо рисы,
Соболи, горностаи, кунки, волки, лисы,
Сѣбирки, ванны, конвы, имбрики, наметы,
Медницы сребряныe, фарины, паштеты,
Цукры, креденсы, столы, скрини зоставляли,
Окованныхъ возовъ сто тысящъ покидали.
О прочихъ корыстехъ не воспоминаю,
Токмо безчисленные быти утверждаю.
Довольно грабленiя твоя наградили,
Которые чревъ старостъ и Жидовъ робили.
Толикое ихъ бѣгство вельми удивило
Вождa, и въ слѣдъ за ними гнати понудило
До Львова; а Небабы, Тиши, Полкожухи
И Нечая по бокахъ, зламанiе духи

Ихъ въ конецъ имъ отъемлютъ, гдѣ ихъ постизаютъ,
И такъ славу ко славѣ тебѣ прибавляютъ.
Но не было подъ Львовомъ изъ кимъ воевати,
А мѣста и самъ дармо не хотѣлъ псовати,
Когда сукна на барму козакамъ прислали,
И повелѣнну денегъ сумму поскладали.
Далѣ, Украино, все Богданъ твой ступаетъ,
Отъ Львова до Замосця скоро приступаетъ.
Слава о немъ повсюду дивная проходитъ,
Имя его до морей послѣднихъ доходитъ,
А Ляхамъ такъ страшно, что гдѣ либо повѣютъ
Вѣтры, всѣ, же Хмельницкій идетъ, розумѣютъ.
Таковый и толикій Ляховъ побѣдитель,
И Богомъ дарованный тебѣ избавитель,
Супостатовъ твоихъ въ мѣста пустыя загнавши,
А по Вислу границу тебѣ закопавши,
Вскорѣ, торжествуя, онъ къ тебѣ возвратится,
Неисказанна радость тебѣ съ нимъ явится.

Украина.

Словеса твоя дивно мене утѣшаютъ,
Егда толикіе мнѣ побѣды глашаютъ;
Убо се по словеси твоему да будетъ:
Богданъ мой, побѣдитель толикъ, да прибудетъ!

Хоръ.

Богъ скорбящихъ утѣшаетъ.

Иже самъ въ себѣ отъ вѣкъ почиваяй,
Иже предъ Ангелъ лики пребываяй,
Всесиленъ, премудръ, красенъ и богатый,
Святъ и всякоя полный благодати,
Чистъ, непороченъ, во всемъ совершенный,
Славою вѣчнѣ въ себѣ прославленный,
Всяческая всѣмъ обильно дарствуяй,
Но самъ ничесо отнюдь не требуяй,
Той на престолѣ сидяй превысокомъ,
Дольняя зряще всевидящимъ окомъ,
За безмерную милости пучину,

Призрѣвъ на бѣдну свыше сиротину,
Ухо абіе свое прикланяетъ,
Гласу молитвы милосердъ бываетъ;
И аще бури возмущаютъ море,
Ведя зъ собою великое горе;
Аще и волны до небесъ возносятъ,
И видимую пагубу наносятъ!
Но онъ не даетъ лютѣ погибати,
Ибо его есть таковыхъ спасати,
Иже во бѣдахъ къ нему прибѣгаютъ,
Въ немъ всю надежду свою полагаютъ;
Сынъ паче забвенъ у матери будетъ,
А нежели онъ таковыхъ забудетъ;
Блаженніи суть убо таковіи,
Ибо скорбь въ радость премѣнити тіи,
Аще и страждутъ, чаютъ непремѣнно;
Упованіе оныхъ несумнѣнно;
Богъ бо есть щедрый, въ немъ же уповаютъ,
Яко на Нь свою печаль возверзаютъ.

ДѢЙСТВІЕ 4.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Хмельницкій со торжествомъ на Украину возвратився въ Кіевъ, при вратахъ торжественныхъ благодаритъ Бога за толикіе побѣды: дѣти Украинскіи, во училищахъ Кіевскихъ учащіися, его привѣтствуютъ, потомъ и козаки чрезъ писара толикой ему славы вѣнщуютъ.

Хмельницкій.

Что тебѣ воздамы мы, о всеблагій Боже?
Кто бо твою къ намъ милость нарещи возможе?
О тебѣ супостаты наши побѣдихомъ,
Тобою гордіи ихъ думы низложихомъ,
И духи попрахомъ, ни на лукъ, ни на стрѣлы,
Ни на инши якіе уповахомъ силы.
Десница, о Господи, твоя прославися,
Въ крѣпости, десная ти рука утвердися
На нихъ, пособляя намъ. Отселѣ познаютъ,

Яко щедроты твоя по намъ побораютъ,
Не до конца бо твоихъ вѣрныхъ забываешь,
По гнѣвѣ милостива себе имъ являешь:
Наказуешь, но яко Отецъ милосердый,
Ибо потомъ бываешь аки щитъ имъ твердый,
Отъ лица вражія въ день брани защищая,
И всякія далече скорби прогоняя.
Сіе коимъ извѣтомъ будемъ утверждати,
Довольно показуютъ твоя благодати
Ко намъ: праведнымъ твоимъ судомъ мы страдали,
Яко неправды наша тебе прогнѣвали.
Но егда мы милости твоея искахомъ,
И благоутробіе твое не престахомъ
Молить: призрѣ съ небесе на наша обиды,
Толикіе намъ нынѣ дарова побѣды.
Рогъ убо правовѣрныхъ твоихъ возвышенный
Супостатъ безъ отрады стенетъ побѣжденный:
Твое сіе дѣло есть, а не человѣка,
Буди благословенъ ты отъ нынѣ й до вѣка!

Дѣти украинскія.

1.

Ревностію святыя церкве раздеженный,
Безбоязненно дерзнувъ вступить въ бой военный,
Егда съ врагами ея, Богдане, ратуешь,
Достойно и праведно съ нею торжествуешь:
Врата бо ей адова съ своими навѣты
Не могутъ, глаголющу Христу, одолѣти.
Донелѣ убо церковъ имать пребывати,
Дотоль и твоя будетъ похвала сіяти.

2.

Отчества любовь, яже въ тебѣ распалила
Сердце твое ко брани, но и пособила
Тоюжде ти въ побѣдѣ такъ, что разъяренный
Супостатъ твой явися весьма помраченный.
Вся бо, яже суть въ мірѣ, любовь побѣждаетъ,

Любве неудобное ничтоже бываетъ,
Всякъ убо, иже имать отчество любити,
Не можетъ тя никогда въ любвѣ не имѣти.

3.

Славою предковъ твоихъ поощренъ, на рати
Побѣдилъ еси славно твоя супостаты;
Отъ двоихъ бо едино восхотѣ имѣти:
Или умерти, или врага побѣдити;
Но козацка отъ тебѣ слава смерть прогнала,
А надъ врагомъ побѣду тебѣ даровала;
Иже убо за отчу подвизался славу,
Безсмертнымъ слава вѣнцемъ увѣнчаетъ главу.

4.

Добродѣтель твоя есть торжества виною
Нынѣшняго, побѣди сею единою
Врага твоего; ибо такъ сильно ничтоже
Обращается, или такъ высоко, что же
Мужествомъ добродѣтель своимъ не превзыдетъ,
Амо же она когда наконецъ не взыйдетъ;
Добродѣтель убо мы твою величаемъ,
Тебѣ Несторовыхъ лѣтъ отъ Бога желаемъ!

Писарь.

Аще тя и малыя дѣти привѣтствуютъ
И Богомъ данной тебѣ побѣды вѣншуютъ,
Якъ мы не устыдимся безстудно молчати,
Якъ будемъ нѣмотою уста заграждати?
О едина похвала наша, о Богдане,
О дивный въ гетманѣхъ, ты, нашъ вельможный пане!
Радуется о тебѣ Россія малая,
Веселитжеся купно и церковъ Святая:
Ибо твоя то были первые порады,
Не оставить матери своей безъ отрады;
Но елико возможно въ бѣдѣ утѣшити,
Горькую ея печаль въ сладость премѣнити.
Се уже и самымъ то дѣломъ совершися:

Скорбь далече отбѣже, радость водворися.
Торжественные гласы происходятъ всюду,
Тамо пѣсни слышатся, кимвали оттуду,
Грады, веси, дубравы, горы, холмы, рѣки,
Красно являютъ лице свое съ человѣки;
Словомъ единымъ сказать: якъ Вкраина стала,
Толикая въ ней радость еще не бывала.
Кто жъ не признаетъ, что все, что-либо имамы,
Такъ чудныя измѣны, яко надъ врагами
Нашими преславно мы нынѣ торжествуемъ,
А они воздыхаютъ? тебѣ долженствуемъ,
Твоимъ добродѣтелемъ должны восписати,
Тебѣ благодарствіе должны воздавати;
Будутъ убо вѣтіи вездѣ тя славити,
Будутъ и ритмотворцы дѣла твоя пѣти
Зъ гисторіографами: мы тя поздравляемъ
Толикою славою, а къ тому желаемъ:
Которую днесь радость имѣемъ тобою,
Долгимъ житіемъ утверди по бою!

Хмельницкій.

Радости сея не я и не добродѣтель
Кая моя вина, но Творецъ и Содѣтель
Нашъ: благодареніе ему возсылайте,
Его дивную ко намъ милость величайте.
Прочее въ мирѣ между собою живите,
Друголюбіе надъ вся паче возлюбите.
И малыя бо вещи умножаетъ згода,
Великія вопреки вмаляетъ незгода,
А желѣзо доброе важте и надъ злато,
Злато бо потемнѣетъ безъ него, якъ блато.
Что злато и что сребро Ляхамъ пользовало,
Коликіе жъ богатства желѣзо побрало?
Зъ сребныхъ полумисъ отцы наши не ѣдали,
И зъ золотыхъ пугаровъ они не пивали:
О желѣзѣ старались, желѣзо любили,
И велику тѣмъ себѣ славу породили.

О нихъ путемъ идите, о нихъ подражайте,
Славы ища, богатство вы за ничто майте.
Не той славенъ, который многа лѣчитъ стада,
Но иже многихъ враговъ своихъ шлетъ до ада:
Сему едино токмо желѣзо довлѣетъ,
А злато или сребро ничтоже успѣетъ.
Что Богъ дастъ, тѣмъ довольни суще, ни коея
Не обидите ни чимъ братіи своея:
Кто лѣсокъ добрый, или хуторецъ порядный,
Кто ставъ, кто луку, кто садъ имѣетъ изрядный,
Болѣть или завидѣть тому не хотите,
Якъ бы его привлащить къ себѣ не ищите.
Ибо когда козаки уже обнищаютъ,
То не долго остатки ваши потрываютъ.
Откуду коня, или ручницю, откуду
Инный порядокъ возьмутъ, аще не оттуду?
А безъ тыхъ приборовъ, что, мните, по насъ будетъ?
Слава, безъ сумнѣнія, наша не прибудетъ.
Напослѣдокъ глаголю: сами не купчуйте:
Лука, стрѣлки, мушкета и шабли пильнуйте!
Куплями бо обвязанъ житейскими воинъ,
Имени сего весьма таковъ недостоинъ.
И дѣтей своихъ, скоро отправлятъ науки,
До сей же обучайте козацкои штуки.
Тако творя, вражія потрете навѣты:
Радость сію на многи удержите лѣты.

ДѢЙСТВІЕ 5.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Украина радуется Богу, помощнику своему, и благодареніе возсылаетъ.

Соторжествуйте мнѣ вси нынѣ Россіяне,
Радуйтеся со мною и вси Христіане,
Иже не поврежденни злочестія ядомъ,
Зъ малымъ въ союзѣ есте благовѣрнымъ стадомъ.
Скорбь моя отложися, радость водворися,

Супостаты падоша, рогъ мой возвысися.
Дивна се измѣна есть Вышняго десницы,
Ляхъ побѣжденъ и прогнанъ за своя границы:
Страхъ, бѣда, клопотъ и студъ побѣже зъ Ляхами,
Побѣда и торжество осталася съ нами.
Иже славы моей путь запяти хотѣли,
Путь, ведущь здѣсь за горы, сами погубили.
Не вѣдаютъ и сами, куда утѣкати,
Гдѣ бы на старость себѣ отчества искати.
О, ниже риторскими усты исказанной,
Ниже историческимъ перомъ описаноой
Фортуны моей! се бо Богъ мнѣ пособствуяй,
Излія на мя своей благодати струя,
Совлекъ съ мене острое рубище печали,
Въ ризу мя веселія одѣя; престали
Бурніи свирѣпѣти на мя Аквиліоне,
Тишайшіи явились ко мнѣ Алціоне:
Пречь лютая отъ мене зима отступила,
А благопріятная весна наступила;
Тма во свѣтъ, а нощь во день златый премѣнена,
Горесть сердца моего въ сладость обращена,
Вышняго воистинну есть сія измѣна,
Милость его ко мнѣ се сотвори едина.
Вси, иже ко мнѣ любовь имущіи, роды,
Вси, мнѣ желающіи многихъ лѣтъ, народы
Возмите трубы гласни, настройте тимпаны,
Брацайте во кимвалы, пустите органы,
Пріймите псалтирь зъ гусльми, и пѣсни сложите,
Гласомъ радости купно Богу воскликните.
Се мѣсяцъ новъ явися; се день торжественный
Всемірный, нарочитый, свѣтлый, празденственный!
Аще когда, найпаче нынѣ возыграйте,
Бога же, побѣду мнѣ давша, величайте!
Что бо ему принесу за радость толику?
Что иное за милость воздамъ толь велику?
Буду развѣ имени его воспѣвати,
Буду Господне имя во вѣкъ прославляти!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Смотрѣніе Божіе предсказуетъ Украинѣ незыблемое ея блаженство подъ крѣпкою непобѣдимыхъ монарховъ Всероссійскихъ рукою, и добрымъ Рейментарскимъ правленіемъ.

Смотрѣніе.

Радуешися Богу, тебѣ пособившу,
Украина, въ брани, враговъ же низложившу
Твоихъ, и обліявшу необычнымъ студомъ:
Но радуйся и дивно о тебѣ строящу,
Дивнымъ тя Смотрѣніемъ утвердить хотящу.
Славы твоей толикой мнози ненавидятъ,
Толикому счастію не мало завидятъ:
Но зависть тая, ихъ же самыхъ погубляетъ,
Егда сердце, аки ржа желѣзо, снѣдаетъ:
Тебѣ же не принесетъ вреда никоего;
Никако не умалитъ блаженства твоего:
Прійму бо тя подъ крѣпку руку свою вскорѣ.
Непобѣдиміи на земли и на морѣ
Монархи Россійскіи,—поборники суще
Иже благочестія, зловѣрныхъ бодуще:
Тебѣ въ твоей потщатся пособляти нуждѣ;
Не лишатъ тя помощи своей, аки чужды.
Подъ тымъ непроломимымъ щитомъ пребывая,
Аки на твердой скалѣ себе утверждая,
Посмѣешься всѣмъ вѣтромъ; волны возмущенни
Аще даже до небесъ будутъ вознесенни,
Егда вихромъ гоними, начнутъ ударяти,
Пропасть отверзающе, но поколебати
Отнюдь тя не могуще, разбіются сами
Съ приходящими купно о камень водами.
Внемли же глаголаемымъ!

Украина.

Прилѣжно внимаю,
Слово твое радостнѣ въ себѣ разсуждаю.

Смотрѣніе.

Петръ тебѣ будетъ камень, отъ Бога поданный,
И за величество дѣлъ, великій названный.

Камене того ниже злобные совѣты.
Ни вражія преломлятъ противныхъ навѣты,
Ниже воспріятые тяжкіе походы,
Ни страшные многажды подъ грады подходы,
Смерть развѣ единая поздняя сокрушитъ.

Украина.

Увы мнѣ окаянной, убо мя порушитъ!

Смотрѣніе.

Стой, не бойся, за камень первый сокрушенный,
Камень другій, не меньшій, будетъ положенный,
Петръ, глаголю, имени вторый таковаго,
Монарха всероссійскій, Бога всеблагаго
Милостію увѣнчанъ, не дастъ ти упасти,
Не дастъ и славѣ твоей всячески пропасти,
Тотъ еще малъ отрокъ сый, но не дѣтоуменъ,
Къ пользѣ державы своей велми остроуменъ:
Совершеннаго мужа въ юности являя,
Великихъ по себѣ дѣлъ знаки подавая,
Подасть ти Даніила, вождя изряднѣйша,
Не токмо благородствомъ надъ иныхъ краснѣйша,
Но и дѣлы храбрыми славнаго, который
Супостатомъ Хмельницкій твоимъ будетъ вторый.
Имя его устрашитъ сосѣдъ твоихъ зѣло,
А чего жъ уже само не докажетъ дѣло?
Что убо врази твои, что будутъ творити?
Будутъ отъ зависти ажъ до костей худѣти,
И, оружьемъ не можа острымъ воевати,
Языкомъ много начнутъ на тебе щекати,
Аки грубу въ народѣхъ тебе поносяще,
Аки наукъ чуждую тебе обносяще.
Но Богъ тя во воинскомъ искуствѣ и штуцѣ
Прославивый, прославитъ тойже и въ науцѣ.
И сіе Коллегіумъ чрезъ Петра Могилу
Основавъ, произведетъ въ толикую силу,
Что отъ него вѣтіи красноглаголивы,
Тонкіи философы, богоглаголивы

Богословы, сильніи и дѣломъ и словомъ
Проповѣдники, стадо пасущи Христово,
Пастыріе премудри, святи, преподобны,
Древнимъ онымъ церковнымъ свѣтиламъ подобны,
И инны изрядніи мужіе изыйдутъ,
Къ тому начатки сіи совершенство пріймутъ.
Тако ти, миръ ли будешъ, или брань имѣти,
Надъ врагомъ твоимъ главу будешъ возносити.

Украина.

О, Боже! возсіяй ми день онъ скоро златый,
Толикое блаженство мое оглядати!
Даждь мнѣ Петру второму, отъ тебе избранну,
И тобою наслѣднимъ вѣнцемъ увѣнчанну,
Поклоненіе мое должное воздати,
Толику его милость ко мнѣ величати!
Даждь и его вѣрному вожду, Даніилу
Здравіе, долготу дній, во всемъ успѣхъ и силу!

Хоръ.

Поетъ похвалы Хмельницкому:

Вѣчной похвалы отъ насъ есть достоинъ
Храбрый на земли и на морѣ воинъ,
Войскъ Запорозкихъ Хмельницкій, старѣйшій,
Вождь изряднѣйшій.

Отчество надъ вся паче возлюбивый,
И его ради нивочто вмѣнивый
Роскоши, покой, користи, интраты,
И всѣ приваты.

Православныя церкви супостатомъ,
Найпаче мерзскимъ трепетъ Унѣятомъ,
Отческихъ догматъ усердный хранитель
И защититель.

Дѣлъ предковъ своихъ теплый подражатель,
Древней козацкой славы соблюдатель,
Свою на брани положити главу
Готовъ за славу.

Добродѣтельми сими украшенный,
Божія къ тому духа исполненный,
Горесть обратить нашу хотя въ сладость,
Печаль на радость,

Первіе началъ предлагать совѣты,
Како вражіе прогнати навѣты,
А по совѣтѣхъ принялся за дѣло
Поспѣшно зѣло.

Сразився съ врагомъ своимъ доблественно,
Прогналъ за Вислу даже немедленно;
Свыше бо ему помощь прибывала
И укрѣпляла.

Тѣмъ Ляховъ викторъ преславный явися,
Побѣдамъ его весь міръ удивися;
Пребысть студъ, печаль, пагуба зъ Ляхами,
Торжество съ нами.

О, кто тя лѣпо восхвалитъ, Богдане?
Кто толикихъ дѣлъ высоты достане?
Мы, ижъ похвалъ достойна тя знаемъ
Не увѣнчаемъ.

Въ похвалахъ твоихъ языкъ нашъ бездѣленъ,
Ублажить бо тя достойно не силенъ;
Будешь развѣ ты возвеличенъ въ небѣ,
Яко есть требѣ!

ЭПИЛОГЪ.

Дивную милость Божію, къ намъ прежде осмидесятъ лѣтъ явленную, нынѣ дѣйствіями и явленіями краткими предложихомъ вамъ, Богомъ собранные, слышателіе и зрителіе. Великое воистинну дѣло, яко великаго блаженства виновное; но величеству наше скудоуміе равное не было. Но и кто Божія щедроты, найпаче же толикія къ намъ милости, по достоинству ублажити можетъ? Обаче сего ради молчати не подобаше: ниже бо Богъ отъ насъ требуетъ, чего не можемъ; требуетъ же да богатно изливаемая его на насъ благодѣянія

въ незабвенной памяти содержимъ. Аще бо и не якоже лѣпо, но якоже отъ насъ возможно бяше, благоутробіе его прославихомъ, но за безмѣрное божественныхъ его къ намъ щедротъ величество, что либо или не прилично творихомъ, или погрѣшительно изрекохомъ, благоразуміемъ своимъ да покрыете, всесмиренно молимъ. Аминь.

[1]) Для Поляковъ, всѣ козацкія войны съ ними, и Хмельницкаго, и прежнихъ гетмановъ, были «бунты козацкіе»; а для насъ, Малороссіянъ, то были *Крестовые походы* за вѣру и свободу Святорусской Кіевской земли, которая дожила свое княжество, будучи въ составѣ великаго княжества Литовскаго, а въ іюнѣ, 1569 года, приняла соединеніе или гражданскую унію съ короною Польскою, на условіи вольныхъ съ вольными и равныхъ съ равными. Но Польское стремленіе поработить себѣ равныхъ, и жестокое насиліе православной вѣры въ Кіевской землѣ отъ Польскаго Католичества и отъ изобрѣтенной церковной уніи, произвели ту двухвѣковую междоусобицу Польскокозацкую, которая прекратилась только съ концемъ Запорожья (1775), козацкой Украины (1782) и королевства Польскаго (1795). «Що буде, то буде; а буде те, що Богъ дасть», говорилъ Богданъ. И въ историческомъ ходу всей *Русской жизни*, то заслуга и слава нашего *Южнорусскаго козачества*, Украинскаго и Запорожскаго, что оно, борясь такъ долго и крѣпко съ Турецкою и Татарскою силою, въ отпоръ ее отъ Русской земли, такъ мужественно отстояло у себя православную восточную церковь отъ Католичества западнаго, и свою Русскую народность отъ Поляческа; а въ гетманство *Богдана* освободило свою многострадальную *Матерь-Украину* отъ Польскаго ига, и добровольно примкнуло съ нею въ общій составъ Русскаго міра.

Но кто же помянулъ гетмана Богдана въ 1728 году академическою драмою? Она извѣстна мнѣ по двумъ рукописнымъ сборникамъ [2]) сочиненій *Өеофана Прокоповича*, на-

---

[1]) Замѣчанія М. А. Максимовича.

[2]) Одинъ изъ нихъ, принадлежитъ библіотекѣ М. О. Судьенка.

писанная въ обоихъ вслѣдъ за драмою «Владиміръ». И нельзя не признать, что обѣ драмы одного автора, что въ нихъ одинъ и тотъ же художественный пріемъ, съ тою развѣ отмѣною, что во «Владимірѣ» примѣтенъ еще молодой академическій учитель поэзіи, а въ «Милости Божой» виденъ уже многоопытный витія, взявшійся за свое прежнее стихотворное перо, которымъ и послѣ, въ привѣтъ молодому поэту, Кантемиру, написалъ онъ первыя Русскія *октавы:*

«Объемлетъ тебя Апполонъ великій;
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ парнасскіе лики;
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки....» и т. д.

(По риѳмамъ всѣхъ стихотвореній Ѳеофана, видно, что онъ до смерти не покидалъ своего Кіевскаго произношенья буквы *Ѣ* какъ *И*.)

Достопамятный пѣснопѣвецъ, и проповѣдникъ, и историкъ Петра великаго, былъ первенствующимъ духовнымъ дѣятелемъ и при Петрѣ второмъ, и столько разъ привѣтствовалъ его златымъ словомъ своимъ, особливо въ торжественный годъ его коронаціи. Тогда въ Москвѣ находился и новоизбранный гетманъ Малороссійскій, такъ ласково и почестно принятый юнымъ царемъ; архіепископъ Ѳеофанъ оказывалъ всяческое вниманіе маститому и доблестному вождю козацкому [1]); и конечно, тогда въ Москвѣ, помянувъ свои прежніе годы и свою родину, Кіевъ, онъ написалъ, для возлюбленной академіи своей, новую драму, представленіе которой было приготовлено, вѣроятно, къ пріѣзду гетманскому.

И такъ многочисленный кругъ сочиненій Ѳеофановыхъ пополняется еще однимъ замѣчательнымъ произведеніемъ.

---

[1]) См. *Краткій Журналъ* о поѣздѣ въ Москву Ясневелможного его милости пана «Даніила Апостола», во 2 томѣ «*Матеріаловъ* для Отечественной Исторіи», изданныхъ 1853 г. въ Кіевѣ, М. О. Судьенкомъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Jakuba Michałowskiego Xięga Pamiętnicza. Krakow. 1864.

(Два письма къ графу В. И. Броэль-Плятеру) [1].

I.

Памятная книга Михайловскаго, о которой вы вчера говорили, возбудила во мнѣ большое любопытство, и сегодня она уже передо мною; я успѣлъ прочесть предисловіе и пробѣжать по-верхамъ содержаніе помѣщенныхъ въ ней 350-ти актовъ, относящихся къ 1648—1655 годамъ. Нельзя не благодарить краковское ученое общество за изданіе въ свѣтъ этого любопытнаго и важнаго матеріала историческаго, а также и г. Гельцеля, потрудившагося надъ изданіемъ. Но знаете-ли что? Значительная часть тѣхъ актовъ, которые относятся къ войнѣ Хмельницкаго, отъ ея начала и до Зборовскаго мира (1648—1649), для насъ уже не новость: они были обнародованы въ Кіевѣ еще въ 1845 году, въ первомъ томѣ «*Памятниковъ*, издаваемыхъ временною коммисіею». И всѣ тѣ акты напечатаны буква въ букву по рукописи, принадлежавшей покойному барону Шодуару. Сличите ихъ съ нынѣ изданными по рукописи Михайловскаго, и вы увидите, что въ Памятникахъ нумера: 1, 2, 3, 4, 6... тѣ самые, что въ Памятной книгѣ нумера: 3, 4, 5, 6, 12.. Такъ и далѣе вы будете часто встрѣчать одни и тѣже акты въ обоихъ изданіяхъ, но въ перемежку съ такими актами въ Памятникахъ, (напр. 5 и друг.), которыхъ нѣтъ въ Памятной книгѣ, и наоборотъ.

Почему-же г. Гельцелю не упомянуть было о напечатаніи за двадцать лѣтъ въ Кіевскихъ *Памятникахъ* столь многихъ актовъ, повторенныхъ нынѣ въ *Памятной книгѣ*,—какъ это онъ сдѣлалъ съ немногими актами, обнародованными прежде въ *Споминкахъ* Грабовскаго? (стр. IX). Не ужели четыре тома *Памятниковъ*, изданныхъ въ Кіевѣ, и донынѣ неизвѣстны въ Краковѣ?

[1]) Кіевлянинъ 1865, № 23.

II.

Нисколько не удивительно и очень естественно, что Хмельницкій въ Польскихъ писаніяхъ XVII-го вѣка является весь обрызганный чернилами, даже съ классическаго пера Коховскаго. Но страннымъ и запоздалымъ дѣломъ показалось мнѣ то, что и въ XIX-мъ вѣкѣ, въ изданіи Краковскаго ученаго общества, пишутъ о давнопрошедшемъ историческомъ лицѣ все съ тѣмъ же давнимъ ожесточеніемъ.

«Znajdzie też czytelnik w tej części wyraziściej i żywiéj odcienowane naprzód początki i powody buntownej wojny, podniesionej przez złośliwie przewrotnego, a równie pychą jak gorzałką naprzemian rozmarzonego Chmielnickiego» (стр. XII).

Имѣя въ виду эту фразу о Хмельницкомъ, я предложилъ бы на разсужденіе г. Гельцелю и всему товариству Краковскому слѣдующія замѣчанія о *началѣ* и *поводахъ* шестилѣтней войны Хмельницкаго съ Поляками, — той междоусобной войны, которая повершила собою всѣ прежнія войны Польско-козацкія и докончила собою Люблинскій періодъ соединенія всей Кіево-переяславской земли или Украины съ короною Польскою.

1) Богданъ Хмельницкій, около тридцати лѣтъ служившій Польской коронѣ вѣрно и мужественно, былъ поощренъ на войну съ Поляками—самимъ королемъ Владиславомъ IV-мъ и канцлеромъ Оссолинскимъ. Таковъ былъ внутренній разладъ въ тогдашнемъ организмѣ Польши.

2) Заслуженный гражданинъ Польской республики, служа въ послѣднее десятилѣтіе *Чигиринскимъ сотникомъ*, претерпѣлъ невыносимыя кровавыя обиды отъ Чигиринскаго подстаросты Чаплинскаго и другихъ Польскихъ урядниковъ, и рѣшился бѣжать на Запорожье тогда, какъ надъ его головою повисъ уже гетманскій мечь Потоцкаго.

3) Единодушное возстаніе Малороссійскаго народа на Поляковъ, поднятое гетманомъ Хмельницкимъ, подготовлено было окончательно—предыдущимъ тягостнымъ десятилѣтіемъ, въ которое начальствовали надъ козаками: Польскій комисаръ, поставленный вмѣсто гетмана козацкаго, и полковники, на-

значаемые преимущественно изъ Польскаго шляхетства. Послушайте, что говорили современники передъ началомъ войны Хмельницкаго, когда онъ сталъ вооружаться на Запорожьи. Одинъ современникъ говоритъ: «коммиссія также должна судить полковниковъ и самаго комисара, которые наварили этого пива». (см. въ Памятникахъ н. 3, въ Памят. книгѣ н. 5). Другой современникъ говоритъ: «вотъ что надѣлала *алчность полковниковъ и тиранское съ козаками обхожденіе!*» (см. въ Памятникахъ н. 4, въ Памят. кн. н. 6).

4) Укоръ Хмельницкому *горѣлкою*, сдѣлянный въ предисловіи г. Гельцеля, обличаетъ похвальное уваженіе въ трезвости. Но вѣдь было не мало замѣчательныхъ въ исторіи людей, которые пили невоздержно; а нельзя же приписывать ихъ знаменитыя дѣла — вліянію крѣпкихъ напитковъ. Такъ и Богданъ Хмельницкій—не съ пьяныхъ глазъ совершилъ такой огромный переворотъ въ исторіи Польско-русскаго міра. Такія порицанія умѣстны тогда, когда черезъ пьянство государственныхъ людей страждутъ дѣла отечественныя,—какъ случилось во время битвы *Корсунской*, послѣ которой побѣдитель Хмельницкій (Hannibal post Cannas Corsunenses по выраженію Коховскаго) отдалъ татарамъ въ плѣнъ обоихъ гетмановъ: пьянаго Потоцкаго и близорукаго Калиновскаго. Въ извѣстной Польской реляціи о Корсунскомъ пораженіи сказано именно, что Потоцкій въ тотъ день сидѣлъ въ своей каретѣ пьяный какъ стелька. О пьянствѣ и распутствѣ этого короннаго гетмана говорится и въ современной лѣтописи Ерлича. Бандуристы Украинскіе напѣвали тоже:

«Гетьмане Потоцькій,
Що въ тебе розумъ жоноцькій!
Ты за дорогими напитками, бенкетами уганяешъ:
Чомъ ты Хмельницького не еднаешъ?»

Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать вамъ послѣ перваго взгляда на *Памятную книгу*, которую поставлю у себя возлѣ Кіевскихъ *Памятниковъ*, какъ необходимое и прямое къ нимъ дополненіе.

16 генв. 1865 г.

Кіевъ.

ОРѲОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА О ТОМЪ, КАКЪ ПИСАТЬ ФАМИЛІЮ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО [1]).

Съ нѣкотораго времени въ Кіевѣ стали писать и печатать имя Богдана Хмельницкаго съ буквою *ѣ*, вмѣсто *е*. Неужели и на памятникѣ ему въ Кіевѣ также будетъ написано: *Богдану Хмѣльницкому?* Но это значило-бы увѣковѣчить недавнее и неправильное писаніе славнаго имени.

Всѣ собственноручныя подписи Богдана и вся прежняя малороссійская письменность свидѣтельствуютъ, что имя *Хмельницкій* писано было у насъ не иначе, какъ съ буквою *е*; а это показываетъ, что оно произносилось на Украинѣ, также какъ и во всей Руси, съ звукомъ *е*. При такомъ произношеніи, оно и не могло у насъ быть писано: *Хмѣльницкій;* ибо на Украинѣ, по древнему свойству народнаго ея нарѣчія, буква *ѣ* выговаривалась всегда какъ острое *и* и служила для изображенія этого звука; потому нерѣдко она замѣнялась буквою *и*, иногда-же ставилась вмѣсто *и*. Такъ, напримѣръ, Георгій *Кониской* подписывался—*Конѣскій*; фамильное имя *Квитка* писали въ старину *Квѣтка*. Но въ тѣхъ именахъ и словахъ, гдѣ выговаривается звукъ *е*, буква *ѣ* вмѣсто него не ставилась, даже и тогда, когда звукъ *е* мѣстнымъ говоромъ обращался въ *и*. И такъ имя достопамятнаго гетмана должно писать по прежнему: *Богданъ Хмельницкій*,—и тогда оно по всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ будетъ читано и произносимо одинаково.

Отчего-же нынѣ въ Кіевѣ стали писать: *Хмѣльницкій?* Вѣроятно оттого, что слово *хмель* по-русски пишется

---

[1]) Кіевлянинъ 1870 г., № 127.

обыкновенно *хмѣль*. Но я полагаю, что и тамъ сдѣлана напрасная постановка буквы *ѣ* въ этомъ словѣ; что правильнѣе было-бы писать его съ буквою *е*, какъ и писали нѣкогда на русскомъ сѣверовостокѣ. Въ примѣръ тому приведу извѣстное мѣсто Несторовой лѣтописи, по Лаврентьевскому или Суздальскому ея списку: «Толи не будеть межю нами мира, елико камень начнеть плавати, а *хмель* начнеть тонути».

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РОМАНѢ Г. КУЛИША „ЧЕРНАЯ РАДА“, 1857 Г. [1]).

(Письмо къ Г. П. Галагану).

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я «Черную Раду» г. Кулиша, въ обоихъ ея видахъ: въ Малороссійскомъ подлинникѣ и въ Русскомъ переводѣ. Первый изъ нихъ особенно пріятенъ показался мнѣ, какъ новый и значительный подарокъ нашей собственно Малороссійской литературѣ XIX вѣка, весьма еще убогой сочиненіями прозаическими. Но «Эпилогъ», приложенный къ Русскому переводу «Черной Рады», произвелъ на меня впечатлѣніе тѣмъ болѣе грустное, что, подъ его вліяніемъ, я долженъ смотрѣть уже съ другой точки зрѣнія и на самый романъ. На первой же страницѣ «Эпилога» я остановленъ былъ слѣдующими словами автора о Малороссійскомъ подлиникѣ «Черной Рады»: «Вообразятъ, пожалуй, что я пишу подъ вліяніемъ узкаго мѣстнаго патріотизма, и что мною управляетъ желаніе образовать отдѣльную словесность [2]), въ ущербъ словесности Общерусской» (стр. 124). Кому же изъ читателей можетъ вообразиться такая блажь? Тѣмъ менѣе могло это вообразиться, что г. Кулишъ и для

---

[1]) Русская Бесѣда 1858 года кн. I.

[2]) Одинъ авторъ, каково бы ни было его дарованіе и сколько бы онъ ни написалъ, не можетъ образовать отдѣльной словесности. Словесность Малороссійская или Южно-русская существуетъ давно, и не прекращалась доселѣ. Съ упадкомъ народной, изустной поэзіи Украинской, въ исходѣ прошлаго столѣтія, немедленно явились стихотворенія и пѣсни—Головатаго, Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Писаревскаго и такъ далѣе. Ущерба словесности Общерусской отъ этого нѣтъ ни малѣйшаго. Если бы и Михайло Чернышенко, и Алексѣй Однорогъ, и Ѳеклуша, и всѣ повѣсти, написанныя г. Кулишемъ на Русскомъ языкѣ, были написаны имъ по-Малороссійски, и тогда не было бы отъ того примѣтнаго ущерба словесности Общерусской.

словесности Общерусской перевелъ или вновь написалъ свой романъ на языкѣ Русскомъ, и тѣмъ достаточно вознаградилъ себя за жертву, принесенную имъ словесности Молороссійской. Но онъ продолжаетъ такъ: «Для меня были бы крайне обидны подобныя обвиненія, и потому я рѣшился предупредить ихъ объясненіемъ причинъ, заставившихъ меня избрать языкъ Южнорусскій для художественнаго возсозданія лѣтописныхъ нашихъ преданій».

Читая этотъ предупредительный «Эпилогъ», я замѣтилъ что г. Кулишъ новому роману своему придаетъ слишкомъ высокое значеніе и важность, умаляя между тѣмъ достоинство повѣстей нашего великаго художника Гоголя, относящихся къ жизни Малоросcіи. Онъ говоритъ напримѣръ: «судя строго, Малороссійскія повѣсти Гоголя *мало заключаютъ этнографической и исторической истины*... Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать родное племя. Онъ брался за исторію, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кончилъ все это «Тарасомъ Бульбою», въ которомъ обнаружилъ *крайнюю недостаточность свѣдѣній о Малороссійской старинѣ* и необыкновенный даръ *пророчества въ прошедшемъ*....» Далѣе, онъ называетъ «Тараса Бульбу»,—эффектнымъ, *потѣшающимъ воображеніе*, но мало объясняющимъ народную жизнь». Наконецъ — въ своей статьѣ, напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ (1857 г. № 24), г. Кулишъ называетъ Гоголя «незнавшимъ *демократической* Малороссіи», изображавшимъ ее «*какъ баринъ*, видящій одно смѣшное въ мужикѣ....»

При этомъ мнѣ вспомянулось время перваго появленія повѣстей Гоголя: въ какомъ восторгѣ былъ отъ нихъ М. С. Щепкинъ, такъ хорошо знавшій Малороссію *демократическую* и *аристократическую!* И какъ посмѣялись мы тогда надъ отзывомъ Московскаго Телеграфа о «Вечерахъ» Гоголя! Вотъ что писалъ мнѣ изъ Петербурга, отъ 9 ноября 1831 года, О. М. Сомовъ (писавшій Малороссійскія повѣсти и стихи, подъ именемъ Порфирія Байскаго): «Кстати, прилагаю при семъ давно вами желаемую пѣсню о Богданѣ Хмельницкомъ. Да читали ль вы Украинскій Альманахъ? Тамъ есть нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ. Я познакомилъ бы васъ, хотя заочно,

если вы желаете того, съ однимъ очень интереснымъ землякомъ-пасѣчникомъ Панькомъ Рудымъ, издавшимъ Вечера на хуторѣ, т. е., Гоголемъ-Яновскимъ, которому... Полевой рѣшился сказать: «вы, сударь, *Москаль*, да еще и *горожанинъ*», и пр. и пр. и пр. Не правда ли, что Полевой совершенно оправдалъ басню Крылова: Оселъ и Соловей?... У Гоголя есть много Малороссійскихъ пѣсень, побасеновъ, сказокъ и пр. и пр., коихъ я еще ни отъ кого не слыхивалъ, и онъ не откажется поступиться пѣснями доброму своему земляку... Онъ человѣкъ съ отличными дарованіями и знаетъ Малороссію какъ пять пальцевъ».

Что Гоголь очень *достаточно* зналъ исторію Малороссіи, языкъ и пѣсни ея народа, и всю народную жизнь ея, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ писателей Малороссійскихъ, то извѣстно мнѣ положительно и достовѣрно, какъ по прежнимъ его занятіямъ, особенно 1834 и 1835 г., такъ и по его бесѣдамъ со мною 1849 и 1850 г. Но свойство его поэтическаго генія было уже таково, что дѣйствительную жизнь онъ своевольно пересоздавалъ и преображалъ въ новое бытіе, художественно-образцовое; и въ этомъ отношеніи нашъ другой великій художникъ, Пушкинъ, по свойству своего генія, въ поэмѣ «Полтава», былъ покорнѣе исторической дѣйствительности [1]), чѣмъ Гоголь въ своемъ «Тарасѣ Бульбѣ».

Г. Кулишъ, въ «Эпилогѣ», слишкомъ строго судитъ о Гоголѣ, и очень снисходительное оказываетъ вниманіе къ своей историкороманической дѣятельности. Онъ говоритъ, напримѣръ, что «Тарасъ Бульба» далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины, и называетъ его «эффектнымъ, *потѣшающимъ воображеніе*»; а о своемъ романѣ онъ говоритъ вотъ что: «Я—*подчинилъ всего себя былому*, и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а *хроникою* въ драматическомъ изложеніи. Не *забаву празднаго*

[1]) Въ 1829 году, когда Надеждинъ въ Вѣстникѣ Европы и Камашевъ въ Сынѣ Отечества укоряли Пушкина въ невѣрномъ изображеніи гетмана Мазепы и другихъ историческихъ подробностей поэмы, я возражалъ имъ особою статьею «о *Полтавѣ* Пушкина въ историческомъ отношеніи»,—напечатанною въ тогдашнемъ «Атенеѣ».

воображенія — имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ всего того, что читатель увидитъ въ немъ безъ объясненія, я желалъ выставить *во всей выразительности олицетворенной исторіи* причины политическаго ничтожества Малороссіи, и каждому колеблющемуся уму доказать, не дисертаціей, а *художественнымъ воспроизведеніемъ* забытой и *искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины*, нравственную необходимость сліянія въ одно государство Южнаго Русскаго племени съ Сѣвернымъ...» (стр. 145) и т. д.

Такая наставительная для колеблющихся умовъ цѣль романа, конечно, похвальна. Но въ чьихъ же понятіяхъ *искажена* старина 1663 года, и кѣмъ она *забыта?* Изъ всѣхъ исторій и лѣтописей Малороссіи она извѣстна намъ въ ея подлинномъ, неискаженномъ видѣ. И что же новаго, *историческаго* прибавилъ романистъ къ тому, что мы уже знаемъ о 1663 годѣ, изъ извѣстнѣйшихъ лѣтописей и исторій Малороссіи? А между тѣмъ—сколько *историческихъ* подробностей представилъ онъ несогласно съ преданіемъ лѣтописей! Или онъ не «подчинилъ всего себя былому», — подобно великому Гоголю; или же—у него «крайняя недостаточность свѣдѣній о Малороссійской старинѣ» 1663 года, но только—безъ «дара пророчества въ прошедшемъ»! А что касается до вышепомянутой дидактической цѣли романиста, то для ея достиженія ближе всего, кажется мнѣ, было бы ему взять происшествіе изъ вѣка Екатерины II, когда, съ преобразованіемъ Малороссіи, совершилось именно *сліяніе* южной и сѣверной Руси въ одно государство. Или же можно было представить олицетворенную исторію изъ временъ Богдана Хмельницкаго, напримѣръ, хоть бы *Переяславскую раду* 1654 г., на которой рѣшена была окончательно историческая и нравственная необходимость *присоединенія* цѣлой Малороссіи къ державѣ Русской. Но время *Черной рады* было въ самый развалъ козацкой междоусобицы, загорѣвшейся по смерти Богдана и подрывавшей въ корень великое его дѣло; было временемъ того внутренняго, самопроизвольнаго *раздвоенія* Малороссіи, которое вскорѣ привело и къ государственной необходимости *раздвоенія* Малороссіи между Россіей и Польшей, узаконеннаго

по Андрусовскому договору 1667 года (а потомъ и вторично, по договору Прутскому 1711 г.). Доказывать необходимость *сліянія* въ одно государство, когда шло историческое дѣло о *раздвоеніи* между двумя государствами, можно развѣ *доказательствомъ отъ противнаго*, и ужь, конечно, скорѣе *диссертаціей*, чѣмъ олицетворенною исторіей *Черной рады!*

Что г. Кулишъ иногда слишкомъ произвольно обходится съ историческимъ фактомъ, то я примѣтилъ еще въ началѣ его «Записокъ о жизни Гоголя». Тамъ, вмѣсто *Андрея Гоголя*,— котораго и дѣдъ поэта, Аѳанасій Ивановичъ, признавалъ своимъ дѣдомъ, — біографъ назначаетъ въ родоначальники поэту—Заднѣпровскаго гетмана *Евстафія Гоголя*, и заставляетъ этого героя козацкой Украины воевать Турковъ, на защиту Вѣны! Откуда біографъ Гоголя почерпнулъ эту небылицу? Тамъ, подъ знаменами Собѣскаго, 1683 года, подвизались козацкіе витязи: Палѣй, Самусь, Искра; а Евстафій Гоголь тогда лежалъ во гробу. Онъ не пережилъ роковаго разоренія Турками столицы Богдановой — Чигирина, и скончался въ Димерѣ 1679 года, 5 января, а погребенъ въ Межигорскомъ монастырѣ 9 января [1]). Подобное своеволіе надъ историческими лицами встрѣчается часто у г. Кулиша и въ его «Черной Радѣ». Приведу нѣсколько примѣровъ, относящихся къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ того времени.

1) Романистъ назначаетъ генеральнаго писаря *Михаила Вуяхевича* дѣйствовать на Черной радѣ — приверженцемъ прошлеца Брюховецкаго и тайнымъ предателемъ благороднаго, заслуженнаго Сомка. Какъ же можно было назначать такую низкую роль — лицу почтенному въ Малороссійской исторіи! Вуяхевичъ былъ на сторонѣ Сомка: и потому на мѣсто его въ генеральные писари поставленъ былъ тогда *Степанъ Гречаненко*. Уже спустя лѣтъ двадцать послѣ Черной рады, Вуяхевичъ является опять въ войсковой старшинѣ— *судьею генеральнымъ* (на мѣсто Саввы Прокоповича). Въ этомъ званіи, 1689 г. онъ оставался въ Малороссіи за наказнаго

---

[1]) «Ту въ склепѣ въ Межигорѣ положенъ»—замѣчено въ современномъ Синодикѣ того монастыря, на оборотѣ 228 листа; а день погребенія означенъ въ «Хроникѣ гетмановъ». См. Южноруск. лѣтоп. изд. Бѣлозерскимъ, стр. 119.

гатмана; а въ слѣдующемъ, 1690 году, когда онъ прибылъ въ Печерскую лавру, какъ депутатъ, на избраніе новаго архимандрита (на мѣсто Варлаама Ясинскаго), тогда Печерская братія нарекла единогласно себѣ въ архимандриты—его, генеральнаго судью, украшеннаго благочестіемъ и сѣдиною.

2) Знаменитый Пáволоцкій полковникъ, *Иванъ Поповичъ*, — въ романѣ г. Кулиша, — приходитъ въ Кіевъ изъ Пáволочи, по *Бѣлогородской* дорогѣ; потомъ идетъ подъ Нѣжинъ, и тамъ участвуетъ въ Черной радѣ, держа сторону *Сомкá* противъ *Брюховецкаго*. Но по сказанію лѣтописей, Паволоцкій полковникъ не былъ на Черной радѣ; а во все время оной подвизался храбро на Заднѣпровской Украинѣ, противъ ея томителей, напрасно ожидая себѣ помочи изъ Кіева отъ Сомка, а потомъ отъ Брюховецкаго, къ которому были и посланцы отъ него. Такимъ образомъ одно изъ главнодѣйствующихъ и лучшихъ лицъ романа введено въ него несогласно съ историческою истиною. Романистъ произвольно переименовалъ его *Старымъ Шрамомъ*, придавъ ему еще фамилію *Чепурнаго*, какъ имя реестровое. Но по «Книгѣ Реестровъ», писанной въ Октябрѣ 1649 года, онъ записанъ въ Бѣлоцерковскомъ полку (къ которому тогда причислена была Пáволочь въ качествѣ сотеннаго города)—подъ именемъ *Ивана Поповича*. Звался онъ и *Попéнкомъ*, какъ видно изъ Польскаго лѣтописца В. Коховскаго. Романистъ даетъ ему въ жены *Туркеню*, не имѣя и на то никакого основанія. При торжественномъ въѣздѣ Богдана въ Кіевъ, 1649 года, романистъ помѣщаетъ Поповича объ руку съ гетманомъ; но Иванъ Поповичъ въ ту пору былъ еще малымъ человѣкомъ; полковникомъ Пáволоцкимъ сталъ онъ спустя нѣсколько лѣтъ (на мѣсто *Ивана Куцевича-Минковскаго*); и тогда уже поминается онъ въ лѣтописаньи, именно: 1657 года, въ томъ козацкомъ походѣ на Поляковъ, который наряженъ былъ отъ Богдана, подъ начальствомъ генеральнаго судьи *Антона Ждановича* (или такъ называемаго Адамовича). Послѣ того похода въ наставшее гетманство Выговскаго, Поповичъ сложилъ съ себя полковничество и сталъ священникомъ. По словамъ романиста, онъ вторично сталъ Паволоцкимъ полковникомъ—

по смерти своего преемника. Но это тоже выдумка. Преемникъ Поповича, знаменитый *Иванъ Богунъ*, не умиралъ тогда, а продолжалъ подвизаться въ званіи генеральнаго асаула; а подъ исходъ 1663 года былъ онъ наказнымъ гетманомъ Заднѣпровской Украины, и въ этомъ званіи давалъ универсалы тамошнимъ монастырямъ. Доблестный Поповичъ тогда былъ уже казненъ Заднѣпровскимъ гетманомъ Тетерею, подобно тому, какъ на Восточной Украинѣ палъ жертвою Брюховецкаго достопамятный Сомкò, вмѣстѣ съ *четырьмя* Украинскими полковниками [1]).

3) Нѣжинскаго полковника *Васюту* (Василія Золотаренка) романистъ рисуетъ старикомъ. А на самомъ дѣлѣ, этотъ младшій братъ Ивана Золотаренка принадлежалъ къ числу молодыхъ полковниковъ Богданова времени, и въ 1663 году совсѣмъ не былъ онъ—старымъ *дидомъ!*

4) Между тѣмъ, наказный гетманъ *Якимъ Сомкò* представленъ въ романѣ—холостякомъ, женихомъ вымышленной Лéси (Александры) Череваневны. На этомъ основано въ романѣ много картинъ и сценъ, и весь характеръ паньи Череваневой. Но все это разлетается—

«Какъ прелестный призракъ сна»—

при двухъ строкахъ церковнаго стариннаго помянника: «*Родъ Ирины Якимовой Сомковой гетмановой*». Такое поминаніе можете видѣть на 400 листѣ Синодика Межигорскаго, сохранившагося въ Кіево-Софійской библіотекѣ. И такъ въ дѣйствительности — Якимъ Сомкò въ 1663 году былъ женатъ на *Иринѣ*, и не могъ быть женихомъ *Лéси*, не могъ получить въ Кіевѣ благословеніе на бракъ съ нею — отъ знаменитаго попа-полковника.

5) Брюховецкій, успѣвшій лестью, дерзостью и подарками достигнуть гетманства, при посредствѣ Запорожцевъ и дозволенной для него Черной рады, лучше всѣхъ историческихъ лицъ понятъ и возсозданъ романистомъ. Особенно удач-

---

[1]) Кромѣ Нѣжинскаго полковника *Васюты* Золотаренка и Черниговскаго *Оникія Силича*, были казнены еще Лубенскій полковникъ *Степанъ Шамлицкій* и Переяславскій *Аѳанасій Щуровскій*. Передаю будущему историку эти имена, записанныя въ современномъ помянникѣ Лубенскаго Мгарскаго монастыря.

ною сценою въ романѣ я признаю ту, гдѣ старые Сѣчевики, такъ усердно помогавшіе возвышенію своего Брюховецкаго, увидавъ себя обманутыми отъ него, плюютъ съ негодованіемъ на прошлеца. Но и въ его изображеніи, романистъ не обошелся безъ произвольныхъ прикрасъ, которыхъ не стоилъ Брюховецкій. Таково, напримѣръ, порученіе ему отъ Богдана Хмельницкаго достать у Барабаша (6-го декабря 1647 года) ту королевскую грамоту, съ которой началось освобожденіе Малороссіи отъ Польши. Таковы же и названіе ему «единственнаго друга», изъ устъ Богдана, и наказъ Богдана сыну Юрію, чтобы онъ держался «Иванцовыхъ совѣтовъ». Тутъ романистъ, очевидно, смѣшалъ своего героя съ *Иваномъ Ковалевскимъ*, генеральнымъ асауломъ, бывшимъ при Богданѣ неотлучно, въ послѣдній годъ его жизни.

6) Въ числѣ полковъ, передавшихся на сторону Брюховецкаго, романистъ именуетъ *Зѣнковскій* полкъ, съ полковникомъ *Грицькомъ*, говоря притомъ, что на сторонѣ Сомка остались только полки *Лубенскій* да *Гадяцкій*. Но Зѣньковскій и Гадяцкій полкъ одинъ и тотъ же, только подъ двумя именами; на ту пору ему присвоено было имя Зѣньковскаго; а полковникомъ его былъ не *Грицько*, а *Василь*, по фамиліи *Шиманъ*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, можно уже видѣть достаточно, что романистъ не «всего себя подчинилъ былому», — что главнодѣйствующія историческія лица являются у него частенько не въ своемъ видѣ, и что его олицетворенная исторія не рѣдко обращается въ маскарадъ.

Я очень знаю, что романистъ и не обязанъ такою строгою покорностью къ изображаемой имъ дѣйствительности, какъ историкъ. Но если уже г. Кулишъ вполнѣ воспользовался этою свободою, зачѣмъ же говоритъ онъ, что въ Гоголевскомъ дивномъ созданіи—мало художественной и исторической истины; а я де—всего себя подчинилъ былому! и романъ мой—не романъ, а *олицетворенная исторія, хроника!..*

Подобное самообольщеніе высказалось въ «Эпилогѣ» и относительно усовершенія исторіи Малороссіи въ два послѣднія десятилѣтія. Г. Кулишъ даетъ такой видъ, будто съ его

занятій Малороссійскою стариною началась новая эпоха для Малороссійской исторіи; и онъ, вмѣсто дѣйствительнаго ея усовершенія, предлагаетъ свои собственные успѣхи въ ней. Во время Гоголя — говоритъ — «не было возможности знать Малороссію больше, нежели *онъ* зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ *мы*, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь» (стр. 129). «Наступилъ *моментъ* исторической разработки, до котораго далеко еще было автору «Тараса Бульбы», — какъ это всего лучше доказываетъ современная этому произведенію статья Пушкина о Конискомъ (въ Современникѣ 1836 года), въ которой нѣтъ и намека на его недостатки со стороны фактической вѣрности» (стр. 132).

Какое же тутъ соотношеніе—между умолчаніемъ Пушкина объ ошибкахъ Конискаго и—историческою разработкою, до которой далеко было Гоголю! Пушкинъ, въ общемъ разборѣ тогда изданныхъ сочиненій Конискаго, обратилъ особенное вниманіе свое на его «Исторію Руссовъ», тогда еще не изданную. Какъ великій художникъ, онъ оцѣнилъ «Исторію Руссовъ» съ художественной стороны, справедливо назвавъ Конискаго «великимъ живописцемъ». Въ томъ и было дѣло Пушкина; а въ мелочныя замѣтки объ ошибкахъ фактическихъ неумѣстно было и входить ему, хотя бы онъ и зналъ объ нихъ. Но онѣ и тогда были видны для спеціалистовъ. Вѣдь за два года еще передъ тѣмъ, въ «Запорожской Старинѣ», г. Срезневскій, выписывая разныя сомнительныя сказанія изъ «Исторіи Руссовъ», называлъ ихъ—«Повѣстями Конискаго!» Вотъ кому первому, Срезневскому, принадлежитъ та честь, которую г. Кулишъ сугубо воздаетъ г. Соловьеву, говоря, что «его *заслуга*, какъ критика лѣтописи Конискаго, *велика*, хотя до сихъ поръ не оцѣнена Малороссіянами»—и восклицая: «съ Конискаго снята священная мантія историка!» Но вѣдь такъ же велика заслуга и г. Клеванова, который въ одно время съ Соловьевымъ (1849 г.), въ «Москвитянинѣ», разбиралъ Конискаго, также невоздержно теребя «священную мантію историка»!

Исторія Конискаго, написанная въ 60-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія, при недостаткѣ достовѣрныхъ матеріаловъ, и при избыткѣ строительной силы ума, есть только набросокъ столь желанной для насъ, художественной исторіи Малороссійскаго народа, проникнутый весь духомъ жизни, но обозначающій предметъ свой вѣрно только въ общихъ очертаніяхъ его и лишь въ немногихъ подробностяхъ. Въ большей части подробностей подлежитъ онъ дальнѣйшей отдѣлкѣ и переработкѣ. Нѣкоторыя, впрочемъ, подробности этого наброска исторіи донынѣ не потеряли своей цѣны, и нынѣшній историкъ не обойдется безъ нихъ,—какъ это видно изъ новыхъ сочиненій г. Костомарова, тоже вдавшагося въ излишнюю неблагосклонность къ Конискому. Маркевичъ, какъ поэтъ-историкъ, плѣняясь художественно-жизненною стороною Исторіи Конискаго, сдѣлалъ послѣдній опытъ - придержаться нѣкоторыхъ явныхъ его ошибокъ. Но вѣдь то было еще 1840 года. А теперь—слишкомъ уже безвременно ратовать такъ горячо противъ очевидныхъ ошибокъ въ «Исторіи Руссовъ»! Вѣдь послѣ нея составлено было богатое фактами «Лѣтописное Повѣствованіе» Ригельмана (1786 года); а въ нынѣшнемъ столѣтіи составлена еще болѣе богатая фактами «Исторія» Бантыша-Каменскаго. Вотъ въ этихъ двухъ склепахъ Малороссійской старины—пусть перебираютъ и разбираютъ историческіе факты, въ которыхъ тутъ все дѣло, а духомъ жизни не повѣетъ! Вотъ тутъ настоящее мѣсто для критическаго трупоразъятія, въ нынѣшнее время!

Исторія Малороссіи, послѣ важнаго для нея труда Бантыша-Каменскаго (изданнаго 1822, и полнѣе 1830 года), значительно обогатилась и подвинулась впередъ, въ два послѣднія десятилѣтія, разнообразными трудами Бодянскаго, Домбровскаго, Зубрицкаго (во Львовѣ), Иванишева, Костомарова, Маркевича, Самчевскаго, Судьенка и другихъ. Къ именамъ этихъ Малороссіянъ прибавляются имена соплеменниковъ нашихъ, Амвросія и Михайла Грабовскихъ, графа Пршездѣцкаго и другихъ. А г. Кулишъ, въ своемъ «Эпилогѣ», оный знаменитый *моментъ* исторической разработки (до которой *далеко* было Гоголю!), изображаетъ такъ: «*Открыта мною* и издана

профессоромъ Бодянскимъ *лѣтопись Самовидца*, неимѣющая ничего себѣ равнаго между Малороссійскими лѣтописями. *Новый взглядъ* на исторію козацкой Малороссіи началъ проявляться въ печатныхъ и рукописныхъ сочиненіяхъ. Недовѣрчивость къ собственнымъ источникамъ, *возбужденная* всего больше *упомянутой лѣтописью*, заставила *насъ* обратиться къ источникамъ Польскимъ. Живыя сношенія *знатоковъ* родныхъ преданій съ *безпристрастными* Польскими учеными, и преимущественно съ покойнымъ графомъ Свидзинскимъ и Михаиломъ Грабовскимъ, утвердили въ Южнорусскихъ писателяхъ *здравыя понятія* объ историческихъ явленіяхъ на Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра» (стр. 132).

Для г. Кулиша узнаніе «лѣтописи Самовидца» (сколько помню, въ 1843 году), конечно, было важнымъ *открытіемъ*. Но для другихъ любителей Малороссійской старины, и въ Кіевѣ, и въ Харьковѣ, эта лѣтопись была давно извѣстна. Такъ и у меня, еще 1835 года, былъ старинный списокъ ея — отъ митрополита Евгенія; а потомъ былъ у меня другой, мнѣ принадлежавшій, списокъ. Притомъ, еще въ 1785 году, почти всю эту лѣтопись знаменитый инженеръ Ригельманъ внесъ въ свое «лѣтописное Повѣствованіе», изъ котораго черпали Бантышъ-Каменскій и послѣдующіе писатели. А потому, лѣтопись Самовидца и не могла произвести въ историческомъ мірѣ того впечатлѣнія и движенія, какое произвела она на г. Кулиша, будучи для него — новостью. Иное дѣло лѣтопись Величка: ея пріобрѣтеніе Большаковымъ для Погодина—было дѣйствительно *открытіемъ* и важнымъ пріобрѣтеніемъ для Малороссійской исторіи; ибо до того времени ни одинъ Малороссійскій историкъ не зналъ этой, столь важной лѣтописи. Изъ извѣстныхъ людей, зналъ ее въ прошломъ столѣтіи депутатъ Полѣтика. У него была и копія Величковой лѣтописи, которая лежала, тоже въ неизвѣстности, до нынѣшняго десятилѣтія, до пріобрѣтенія оной г. Судьенкомъ у наслѣдниковъ Полѣтики.

Мы готовы благодарить г. Кулиша, что онъ доставилъ профессору Бодянскому сдѣланный имъ списокъ лѣтописи Самовидца, доведенный, впрочемъ, только до половины; но

еще болѣе мы благодарны г. Бодянскому, что онъ напечаталъ эту лѣтопись вполнѣ (въ Чтеніяхъ 1846 г.), получивъ другіе списки ея отъ Юзефовича и Костомарова, и имѣя сверхъ того старинный Великорусскій переводъ ея, съ важными пополненіями, принадлежащій съ 1824 года Московскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ.

Что касается до обращенія Южнорусскихъ писателей къ источникамъ Польскимъ, то оно было постоянно въ продолженіе трехъ послѣднихъ вѣковъ, и особенно въ XVII вѣкѣ, когда на Стрыйковскаго, Бѣльскаго, Кромера, ссылались, какъ на Нестора (довольно взглянуть на маргинезы Кіевскаго Синопсиса и лѣтописи Густынской!). Въ прошломъ столѣтіи первый Малороссійскій лѣтописатель, *Григорій Грабянка*, много заимствовалъ въ свою лѣтопись (1710), изъ лучшаго Польскаго историка Веспасіана Коховскаго, какъ и самъ о томъ упоминаетъ. Потомъ *Самойло Величко*, въ своей лѣтописи (1720), много заимствовалъ изъ поэмы Твардовскаго «Война домова», какъ это означилъ онъ и на заглавномъ листѣ. Эту Польскую поэму у насъ перевелъ вкратцѣ, 1718 года, *Малороссійскимъ нарѣчіемъ—Стефанъ Савицкій*, Лубенскій полковой писарь. Въ нынѣшнемъ столѣтіи и Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ, какъ и всѣ вообще историческіе писатели, пользовались очень многими писаніями Польскими. Какъ много было Польскихъ источниковъ подъ рукою митрополита Евгенія, то видно изъ его достопамятной книги—«описаніе Кіево-Софійскаго Собора» (1825 г.).

А г. Кулишъ говоритъ: «недовѣрчивость къ собственнымъ источникамъ, возбужденная всего больше упомянутой лѣтописью (т. е., лѣтописью Самовидца), заставила *насъ* обратиться къ источникамъ Польскимъ». Эти слова показываютъ ясно, что онъ здѣсь разумѣетъ *себя*, и опредѣляетъ *моментъ—своего* обращенія къ Польскимъ источникамъ. Живыя сношенія и личныя бесѣды съ тѣми двумя почтенными Польскими учеными, которыхъ онъ назвалъ, не значатъ еще утвержденія въ *здравыхъ понятіяхъ* объ историческихъ явленіяхъ Малороссіи. *Новый взглядъ* на исторію козацкой Малороссіи не значитъ еще вѣрный взглядъ, и бываетъ иногда хуже стараго.

Какіе же *новые взгляды* на исторію козацкой Малороссіи, какія *здравыя понятія* о ней, возникли изъ того «обращенія», изъ тѣхъ «живыхъ сношеній»? Если тѣ, которыми отличаются два первые тома «Записокъ о южной Руси» г. Кулиша, то они никакъ не могутъ быть показателями усовершенія и движенія впередъ Малороссійской исторіи, и вовсе не даютъ г. Кулишу права на представительство въ ея кругу; скорѣе, они могутъ быть признаны за уклоненіе отъ прямаго пути къ исторической истинѣ. Несостоятельность тѣхъ историческихъ взглядовъ и понятій я уже показалъ и доказалъ отчасти, въ трехъ письмахъ къ г. Кулишу и въ письмѣ къ Грабовскому, напечатанныхъ въ «Русской Бесѣдѣ» прошлаго года (кн. I и IV). Г. Кулишъ прогнѣвался на меня за мои письма, чего я вовсе не могъ ожидать отъ біографа Гоголя, сказавшаго: «*мы*, преемники Гоголя въ самопознаніи»! Но я не отложу начатаго мною дѣла: подвергнуть *исторической критикѣ* всѣ важнѣйшія Малороссійскія лѣтописи [1]), и новѣйшія сочиненія, относящіяся къ исторіи Малороссіи. Независимо отъ личныхъ отношеній и самолюбій, отдѣляя отъ нихъ *истину историческую*, и поставляя ее собственно предметомъ моихъ *критическихъ замѣчаній*, я говорю объ ней съ такою же откровенностію гг. Погодину и Грабовскому, какъ и гг. Скальковскому, Самчевскому, Кулишу, Бѣлозерскому, по старой пословицѣ: Amicus Aristoteles, amicus Plato, sed magis amica veritas.

Но вотъ еще одно разсужденіе въ «Эпилогѣ», которое не могу обойти молчаніемъ: въ письмѣ къ вамъ, Г. Кулишъ говоритъ, что «ни одинъ изъ Малороссійскихъ поэтовъ—въ томъ числѣ даже и Гоголь—не былъ удовлетворенъ своими сочиненіями на языкѣ Сѣверномъ. У каждаго изъ нихъ всегда оставалось на душѣ томительное сознаніе, что онъ не исполнилъ своего назначенія *принести пользу ближнему*, и дѣйствительно не принесъ ее въ той мѣрѣ, въ какой родное слово приноситъ пользу родному сердцу» (стр. 142).

---

[1]) Мое извѣстіе о лѣтописи Грабянки напечатано въ Москвитянинѣ 1854 года; а извѣстіе о «Южнорусскихъ лѣтописяхъ», изд. Бѣлозерскимъ, — въ Русской Бесѣдѣ 1857 г. кн. III.

Отсюда слѣдуетъ заключить, кажется, что и Гоголю, для достиженія его стремленія *принести пользу ближнему*, надобно было писать по Малороссійски, по примѣру Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго,—и тѣмъ болѣе, что г. Кулишъ о появленіи Гоголя на поприщѣ литературномъ говоритъ такъ: «Изъ глубины степей Полтавскихъ является на сѣверѣ писатель, съ поверхностнымъ школьнымъ образованіемъ, съ неправильною рѣчью, съ уклоненіями отъ общепринятыхъ законовъ литературнаго языка, *явно происходящими отъ недостаточнаго знакомства съ нимъ*, является, и поклонники изящнаго, отчетливаго, гармоническаго Пушкина заслушались степныхъ рѣчей его» (стр. 125).... А между тѣмъ самъ же г. Кулишъ говоритъ далѣе вотъ что: «Многіе изъ Малороссіянъ сожалѣютъ, что онъ не писалъ на родномъ языкѣ; но я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливѣйшихъ случайностей. По своему воспитанію и по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, онъ не могъ владѣть Малороссійскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своемъ творчествѣ, за недостаткомъ формъ и красокъ. Каковъ бы ни былъ его талантъ, но, при этомъ условіи, онъ имѣлъ бы слабое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, а на Великорусское общество никакого» (стр. 128).

Какъ же это такъ? Гоголь, «котораго поэтическое дарованіе взлелѣяно звуками Малороссійскихъ пѣсенъ» [1],—который, по словамъ г. Кулиша, «получилъ первое побужденіе къ изображенію Малороссійской жизни въ повѣстяхъ — отъ своего отца, автора и актера нѣсколькихъ драматическихъ піесъ на Малороссійскомъ языкѣ»: не могъ владѣть Малороссійскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своемъ творчествѣ! Но если онъ, начавъ писать на Русскомъ языкѣ—при «*недостаточномъ знакомствѣ съ нимъ*, рѣчью неправильною» — лѣтъ черезъ пять сталъ первостепеннымъ Русскимъ писателемъ и величайшимъ мастеромъ Русскаго языка, то — въ какомъ бы

[1]) Слова изъ моего предисловія къ «сборнику Украинскихъ пѣсенъ» 1849 г.

совершенствѣ и красотѣ явился, въ его творчествѣ, родной ему языкъ Малороссійскій!... Г. Кулишъ потому развѣ рѣшился сказать такъ о Гоголѣ, что не зналъ его лично. Но мнѣ, какъ и всѣмъ Малороссіянамъ, знавшимъ Гоголя близко, несомнѣнно извѣстно, что онъ свое родное Украинское нарѣчіе зналъ основательно и владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Въ иной часъ, когда бывало заговоритъ онъ по Украински, представляя какое нибудь оригинальное, типическое лицо, то—заслушаешься его, какъ иногда заслушивались мы поющаго *Шевченка*—этой художественной натуры, такъ богато выражающей себя въ живописи, стихотворствѣ, а всего сильнѣе и краше — въ пѣніи Украинскихъ народныхъ пѣсень.... Я говорю вамъ мое личное мнѣніе и впечатлѣніе. Но, вспомянувъ теперь Украинскую рѣчь въ устахъ нашего достопамятнаго степовика Гоголя, я могу сказать о ней словами Украинской же пѣсни:

«Ой якъ заговóритъ —
Якъ у дзвóны дзвóнитъ;
А якъ засмѣеться —
Дунай розольеться».

Гоголь не писалъ на родномъ нарѣчіи своемъ потому только, что не хотѣлъ;—потому только, что онъ послѣдовалъ путемъ общепринятымъ: писать языкомъ Великороссійскимъ или собственно такъ называемымъ *Русскимъ*, о водвореніи котораго между Малороссіянами, по образцамъ *Ломоносовскимъ*, такъ много заботился достопамятный Кониской, будучи префектомъ и ректоромъ Кіевской академіи въ благодатный вѣкъ Елисаветы,—и на которомъ, въ слѣдъ за тѣмъ, такъ хорошо писали Завадовскій, Безбородько и другіе питомцы академіи Кіевской. А если бы Гоголь рѣшился писать роднымъ нарѣчіемъ свои Малороссійскія повѣсти, тогда—что были бы передъ ними и «Приказки» Гребенки, и «Черная Рада» Кулиша, и даже повѣсти Основьяненка, котораго «Малороссія (по увѣренію г. Кулиша) ставитъ на ряду съ величайшими живописцами нравовъ и страстей человѣческихъ, каковы: Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ и нашъ Гоголь!» (стр. 136).... Да, если бы Гоголь, въ 1829 году еще колебавшійся въ выборѣ для себя поприща—быть или не быть ему Русскимъ писате-

лемъ,—если бы онъ рѣшился тогда писать по-Малороссійски: наша современная Малороссійская литература была бы не то, чѣмъ остается она до нынѣ, на широкомъ полѣ словесности Общерусской....

Тогда, вѣроятно, и г. Кулишъ, подъ конецъ своего «Эпилога», не написалъ бы слѣдующей замѣчательной страницы:

«Пишущій эти строки, предпринявъ вѣрное изображеніе стариннаго козачества въ «Черной Радѣ», на пользу своимъ ближнимъ, напрасно усиливался замѣнить Южнорусскую рѣчь языкомъ литературнымъ, общепринятымъ въ Россіи. Перечитывая написанныя главы, я чувствовалъ, что читатели не получатъ изъ моей книги вѣрнаго понятія о томъ, какъ отразилось былое въ моей душѣ, а потому не воспримутъ вполнѣ и моихъ историческихъ и христіанскихъ убѣжденій. Волею и неволею, я долженъ былъ оставить общій литературный путь и сдѣлать поворотъ на дорогу, едва проложенную, и для такого произведенія, какъ историческій романъ, представляющую множество ужасающихъ трудностей. Я былъ приведенъ къ ней томительнымъ чувствомъ художника и человѣка, напрасно борющагося съ невозможностію выразить свои задушевныя рѣчи. Не скрою, что этотъ поворотъ стоилъ мнѣ великихъ усилій и пожертвованій. Я долженъ былъ отказаться отъ удовольствія быть читаемымъ тѣми изъ писателей Великорусскихъ, которыхъ судомъ я дорожу, и которыхъ дружба возбуждала во мнѣ живѣйшее желаніе доставить имъ чтеніе серьезное и удовлетворительное. Я долженъ былъ ограничиться небольшимъ кругомъ читателей, ибо немногіе изъ земляковъ моихъ въ настоящее время способны оцѣнить мои труды по предмету разработки Южнорусскаго языка и возведенія его въ достоинство историческаго повѣствованія. Я долженъ выдержать порицанія людей, которые все то считаютъ пустяками, чего не знаютъ, но которые своимъ авторитетомъ имѣютъ вліяніе на умы неопытные и неутвердившіеся. И, при всемъ томъ, я напечаталъ свою книгу на языкѣ Южнорусскомъ. Я долго изучалъ его въ письменныхъ памятникахъ старины, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ и въ повседневныхъ сношеніяхъ съ людьми, незнающими никакого другого языка,

и раскрывшіяся передо мною его красоты, его гармонія, сила, богатство и разнообразіе дали мнѣ возможность исполнить задачу, которой до сихъ поръ не смѣлъ задать себѣ ни одинъ Малороссіянинъ, именно—написать на родномъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ» (стр. 144).

Не хочу и дотрогиваться до этой авторской исповѣди г. Кулиша. Что одному и кажется и дается—легко, то другому и представляется и достается—какъ ужасающая трудность. Труду г. Кулиша Малороссійская литература обязана первымъ историческимъ романомъ, за что и да будетъ ему навсегда подобающая честь въ исторіи Малороссійской литературы!

Москва.
1858 г. генваря 12.

БІОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИМѢЧАНІЕ О ПРЕПОДОБНОМЪ АРХИМАНДРИТѢ МАКАРІИ ТОКАРЕВСКОМЪ.[1])

(Письмо къ старому Переяславцу, о. Іоанну Крамаренку).

Переяславскій Вознесенскій храмъ и почивающія въ немъ мощи преподобнаго мученика Макарія—это первая святыня, запечатлѣвшаяся въ моей памяти еще съ младенчества, и все, къ ней относящееся, донынѣ возбуждаетъ во мнѣ живое вниманіе.

Въ 16-мъ нумерѣ Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей нынѣшняго года, въ статьѣ о. Іоанна Трипольскаго, о Переяславѣ, сказано нѣсколько словъ о преподобномъ Макаріи. Сказанное о немъ заимствовано изъ Житія, два раза изданнаго Архіепископомъ Гедеономъ; а это печатное Житіе взято изъ рукописнаго, сочиненнаго въ Переяславѣ, должно быть, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія.[2]) Неизвѣстный намъ сочинитель, сохраняя мѣстныя преданія о преподобномъ Макаріи, придалъ имъ отъ себя обстановку историческими подробностями, которыя однакоже не совпадаютъ съ исторической дѣйствительностью. Самое опредѣленіе времени раззоренія Каневскаго монастыря и страдальческой кончины въ немъ архимандрита Макарія—*1653* годомъ—несходно съ тѣмъ свѣдѣніемъ, какое было у Переяславцевъ и Каневцевъ прошлаго столѣтія, относившихъ кончину Макарія и раззореніе Каневскаго монастыря къ *1678* году.... Цѣлая четверть вѣка разницы и совсѣмъ иная обстановка историческая.

---

1) Полтавскія Епархіальн. Вѣдомости. 1865 № 19.

2) Экземпляръ этого Житія, писанный церковно-славянскими буквами, съ собственноручными переправками Преосвященнаго Гедеона, подаренъ мнѣ въ 1847 году о. Симеономъ Стронскимъ.

Между тѣмъ, лѣтъ за двадцать, въ Кіевѣ пошло въ ходъ еще одно мнѣніе, котораго придержался и г. Похилевичъ въ своихъ «Сказаніяхъ о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи» изданныхъ въ 1864 году,—которое повторено и въ 88 нумерѣ «Кіевлянина» нынѣшняго года. Въ книгѣ Похилевича сказано: «Монастырь этотъ сожженъ и разрушенъ Татарами въ *1630* году. Въ числѣ погибшихъ въ то время христіанъ былъ и архимандритъ монастыря св. Макарій Токаревскій, котораго мощи находятся нынѣ въ Переяславѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ» (стр. 542).

Откуда взялось такое свѣдѣніе? Базиліане, бывшіе до 1833 года въ Каневѣ, дѣйствительно относили раззореніе тамошняго монастыря къ 1630 году, показывая невѣрно, будто Успенская каменная церковь съ той поры стояла въ развалинѣ до 1810 года; но кончину блаженнаго архимандрита Макарія они означали въ 1678 году, какъ это видно изъ Помянника, оставшагося послѣ нихъ въ Каневѣ. Ясное дѣло, что позднѣйшій составитель записокъ о Кіевской губерніи взялъ Базиліанское свѣдѣніе о раззореніи монастыря Татарами въ *1630* году, да къ этому же году отнесъ и кончину блаженнаго Макарія, который такимъ образомъ представленъ мученикомъ — въ годъ знаменитой битвы гетмана Тараса съ Поляками.

Оставляя безъ дальнѣйшаго вниманія это мнѣніе и представленіе, взглянемъ на нѣкоторыя подробности «Житія» сочиненнаго въ Переяславѣ. Родившійся въ городѣ Овручѣ, въ годъ появленія уніи, Макарій удалился для иноческаго житія въ монастырь, находившій во Владимірѣ — Волынскомъ. Оттуда онъ вызванъ былъ Кіевскимъ митрополитомъ *Іосифомъ Нелюбовичемъ Тукальскимъ* и поставленъ въ пресвитеры, а потомъ и въ архимандриты Овручскаго монастыря, гдѣ онъ пробылъ 16 лѣтъ. По раззореніи того монастыря, Макарій удалился въ Печерскую Лавру; а черезъ 2 года, Кіевскій митрополитъ *Кипріанъ*, вручилъ ему архимандрію въ городѣ Каневѣ, на которой пробылъ онъ 10 лѣтъ, и претерпѣлъ кончину мученика при нападеніи на монастырь Татаръ и Поляковъ *1653* года, т. е. въ гетманство Богдана Хмельниц-

каго.—Но въ историческихъ извѣстіяхъ того времени, которыхъ сохранилось не мало, нѣтъ и помину о раззореніи Канева въ 1653 году; да не могло и быть оно, мнѣ кажется, при тогдашнемъ движеніи козацкихъ полковъ со всей Малороссіи къ Чигирину и соглашеніи гетмана Богдана съ Татарами на войну съ Поляками, бывшую подъ Жванцемъ.

По счету лѣтъ, предложенному въ Житіи, выходитъ, что Макарій поступилъ въ Овручскій монастырь около 1627 года; но тогда митрополитомъ Кіевскимъ былъ не Іосифъ Тукальскій, а Іовъ Борецкій. Двухлѣтнее пребываніе Макарія въ Печерской лаврѣ приходится къ 1641 и 1642 годамъ; а назначеніе его въ Каневскій монастырь—къ 1643-му; но тогда митрополитомъ Кіевскимъ былъ не Кипріанъ, а Петръ Могила.

Іосифъ Нелюбовичъ—Тукальскій былъ избранъ въ Кіевскіе митрополиты уже по смерти Діонисія Болобана, въ 1663 году, и скончался въ Чигиринѣ 1676-го. Вотъ къ какому времени относится архимандритство преподобнаго Макарія, если его назначеніе было отъ митрополита Іосифа.

Что же касается до Кипріана, то въ XVII-мъ вѣкѣ и не было православнаго Кіевскаго митрополита этого имени; а былъ уніатскій митрополитъ Кипріанъ Жоховскій, но и тотъ не ранѣе, какъ съ 1674 года.

Во второмъ изданіи Житія, напечатанномъ въ 1849 году, имена митрополитовъ *Іосифа* и *Кипріана* выключены; но сущность сказанія отъ этого не измѣнилась: преподобный Макарій представленъ современникомъ и совѣтникомъ гетмана Богдана, пострадавшимъ въ Каневѣ 1653 года. Такое свѣдѣніе было принято въ «исторіи Россійской Іерархіи»; а изъ нея заимствовано и въ «историческій словарь о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви», изданный 1836 года.

Но раззореніе Канева и тамошняго Успенскаго монастыря въ XVII вѣкѣ было вслѣдъ за раззореніемъ Чигирина,—именно въ сентябрѣ *1678* года, о чемъ обстоятельно сказано и въ лѣтописи Самовидца, и въ лѣтописи Величка. Къ этому же году относится и прежнее свѣдѣніе Каневцевъ о кончинѣ преподобнаго Макарія, записанное, какъ я уже сказалъ, въ помянникѣ, оставшемся въ Каневѣ отъ бывшаго тамъ базилі-

анскаго монастыря. Что же касается до Переяславцевъ прошлаго столѣтія, то ихъ свѣдѣніе объ этомъ видно изъ краткаго извѣстія о Вознесенскомъ Переяславскомъ монастырѣ, напечатаннаго 1801 года, въ первой части «географическаго словаря», составленнаго Львомъ Максимовичемъ. Тамъ, на стр. 949-й сказано, что въ Вознесенскомъ монастырѣ хранятся нетлѣнныя мощи преподобно-мученика Макарія, бывшаго архимандритомъ въ Каневскомъ монастырѣ и тамъ отъ Турецкихъ войсхъ пострадавшаго въ *1678* году. Вотъ основанія, на которыхъ слѣдуетъ принять за достовѣрную истину, что страдальческая кончина преподобнаго Макарія совершилась не 1630-го и не 1653-го года, *а 1678-го 4-го сентября, въ четвертокъ*, — какъ это означено Самуиломъ Величкомъ о раззореніи монастыря Каневскаго.

Итакъ блаженный Макарій принялъ вѣнецъ мученика не въ гетманство Богдана Хмельницкаго, а уже въ то время, когда Малороссійская гетманщина была разорвана на-трое и были въ ней гетманами: Самойловичъ и Гоголь, да еще Юрій Хмельницкій, снова явившійся гетманомъ на позоръ и пагубу козацкой Украины Заднѣпровской. Во время Богданово Макарій не былъ еще ни Овручскимъ архимандритомъ, ни игуменомъ Каневскимъ.

Это можно сказать утвердительно, основываясь на двухъ письмахъ Лазаря Барановича, напечатанныхъ прошлаго 1864 года въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Одно изъ нихъ, писанное въ маѣ 1671 года, къ о. *архимандриту Овручскому*, въ которомъ нельзя не признать блаженнаго Макарія; другое письмо — *до пана гетмана*, въ которомъ нельзя не признать Чигиринскаго гетмана Петра Дорошенка. Въ этомъ второмъ письмѣ Лазарь называетъ *своимъ рукоположенцемъ* Овручскаго архимандрита, оставшагося безъ мѣста по раззореніи Овручскаго монастыря Татарами и Поляками. А извѣстно, что Лазарь Барановичъ сталъ *епископомъ* въ мартѣ 1657 года,—того года, въ которомъ скончался Богданъ Хмельницкій (15 августа). Очевидно, что архимандритство Макарія въ монастырѣ Овручскомъ началось ни какъ не ранѣе этого года; а прекратилось оно съ разореніемъ того мо-

настыря весною 1671 года [1]). Послѣ этого *архимандритъ Овручскій* получилъ мѣсто *игумена Каневскаго.* Само собою разумѣется, что назначеніе его въ Каневскій монастырь было по благословенію митрополита Іосифа Тукальскаго, имѣвшаго свою резиденцію въ Чигиринѣ. Неизвѣстно, когда именно послѣдовало это назначеніе, въ концѣ ли того же 1671 года, или послѣ; во всякомъ случаѣ игуменство Макарія въ Каневѣ не могло быть долѣе *семи* лѣтъ. Вотъ все, что нынѣ можно сказать положительнаго о времени служенія преподобнаго Макарія въ монастыряхъ Овручскомъ и Каневскомъ. Предлагаю на ваше усмотрѣніе эти соображенія, а также и мое «Воспоминаніе о стародавнемъ монастырѣ Каневскомъ», напечатанное въ концѣ прошлаго 1864 года, въ 24-мъ нумерѣ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Будемъ надѣяться, что при дальнѣйшей разработкѣ старописьменныхъ памятниковъ найдутся новыя свѣдѣнія, относящіяся и къ житію нашего святаго молитвенника.

29-го августа 1865 года.
Михайлова-Гора.

---

[1]) О нападеніи Татаръ на Полѣсье въ 1671 году, около *святокъ великодныхъ* сказано и въ запискѣ того года, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи напечатанной (см. іюльскую книжку 1865 г. стр. 363),

О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ МОСКОВСКАГО СВЯЩЕННИКА ІОАННА ЛУКЬЯНОВА. [1]

(Письмо П. И. Бартеневу).

Еще въ 1862 году издано вами «Путешествіе въ святую землю» о. Лукьянова; но мнѣ, хуторянину, только нынѣшнимъ лѣтомъ удалось достать себѣ эту книгу. Само собою разумѣется, что я прочелъ ее съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Но зачѣмъ-же у васъ, на заглавномъ листѣ путешествія означено: 1710—1711?... Предупрежденный этими годами, я приходилъ въ нѣкоторое смущеніе, когда у Лукьянова шла рѣчь о Батуринѣ, Кіевѣ, Хвáстовѣ: не тѣ лица и не та обстановка, какія могли быть 1711 года. Уже впослѣдствіи я увидѣлъ, что путешествіе было десятю годами ранѣе, именно: въ 1701—1702.

Это видно уже изъ того, что Лукьяновъ, по пріѣздѣ въ Кіевъ, былъ представленъ «предъ воеводу Юрья Андреевича *Фамендина;*» генералъ-маіоръ Фамендинъ былъ въ Кіевѣ, впрочемъ, уже не воеводою, а губернаторомъ — въ 1700-мъ году и въ началѣ 1701-го, въ которомъ и скончался.

О митрополитѣ Кіевскомъ Лукьяновъ говоритъ: «старехонекъ миленькой, а охочь до органистова пѣнія». Такъ и видишь Варлаама Ясинскаго, который въ молодости получилъ степень доктора въ Краковской академіи, а подъ конецъ жизни такъ былъ дряхлъ, что его носили въ церковь; скончался въ 1707 году.

Живыми красками Лукьяновъ изображаетъ Палѣевцевъ и жену Палѣя, въ Хвáстовѣ. Знаменитый витязь Украинскій,

---

[1]) День, 1865, № 33, ст. 795.

Семенъ Ивановичъ Палѣй, и его супруга были полновластными *господами* на Заднѣпровьи только до 1704 года.

На возвратномъ пути Лукьянова, въ Кіевѣ былъ уже другой генералъ, о которомъ сказано только: «а генералъ Нѣмчинъ некрещеный»; фамилія не названа. То былъ новый губернаторъ Кіевскій, *Гулицъ*, заступившій мѣсто Фамендина. И такъ очевидно, что Московскій паломникъ проѣзжалъ черезъ Кіевъ сперва—въ концѣ января 1701 года, а на возвратномъ пути—въ августѣ 1702 г.

Послѣ того, хотя на его проѣзжей грамотѣ и означено, что она написана «въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1710.....» но я увѣренъ, что это ошибка и что въ подлинникѣ написанъ былъ 1700-й годъ. Грамота дана была на основаніи того упоминаемаго въ ней перемирнаго договора съ султаномъ, который состоялся въ предыдущемъ 1699 году. Въ январѣ 1711 года, при тогдашней войнѣ съ Турціею, едва ли бы и отправился въ свой путь набожный о. Лукьяновъ.

Можетъ быть все это было уже замѣчено вами или другими; но какъ объ этомъ мнѣ неизвѣстно, то я почелъ долгомъ сообщить вамъ мои замѣчанія.

Михайлова-Гора,

1865 г. сентября 4.

О БОГДАНѢ БРАТКОВСКОМЪ [1]).

(Письмо къ В. В. Антоновичу).

Съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ прочелъ я въ Кіевлянинѣ (№ 91 и 92) занимательную статью вашу о *Даніилѣ Братковскомъ*. Вы пояснили его малоизвѣстную донынѣ дѣятельность и злополучную судьбу этого человѣка. Въ благодарность за вашу статью, сдѣлаю небольшое къ ней дополненіе.

Вы говорите: «о ближайшемъ родствѣ Даніила ничего не извѣстно» и т. д. Нѣтъ, извѣстенъ отецъ его, *Богданъ Братковскій*, служившій въ званіи скарбника Брацлавскаго. Я узналъ о немъ еще въ 1830 году, изъ памятниковъ Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства, въ которое онъ записался 1619 года (см. въ *Кіевлянинѣ* 1841 г. стр. 523), и былъ постоянно усерднымъ его членомъ, а въ иные годы и старшиною братскимъ, напр. въ 1675 и 1676 (см. въ *Памятникахъ Кіевс. Ком.* I, I, стр. 273). Упоминается онъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ, напримѣръ въ войнѣ съ Хмельницкимъ 1648 г., при стычкѣ съ козаками въ Острогѣ. Комисары писали къ сенаторамъ 17 августа: «только трехъ тогда спасъ Богъ отъ смерти: пана Верещака, пана Сосницкаго и пана Братковскаго, которыхъ отъ черни защитила старшина». (см. въ *Памятной книгѣ Я. Михаловскаго* и въ *Памятникахъ К. К.*, гдѣ вмѣсто *Каменя*, написанъ *Каневъ* и пропущенъ *Сосницкій*.).

Но почему-же Богданъ Братковскій отецъ Даніиловъ? спросите вы. Загляните въ *родословныя записки*, помѣщенныя

---

[1]) Кіевлянинъ 1865 года, № 116.

въ томъ-же Кіевлянинѣ 1841 года. Тамъ найдете выписку православно-русскихъ дворянъ Волыни, изъ Луцкаго помянника; на страницѣ 307 сказано:

«43. Пана *Богдана Братковскаго*, скарбника Брацлавскаго (Р. 1673)». Противъ послѣдняго въ семъ родѣ имени— *Даніила* приписано съ боку: невинно отъ ляховъ страцон. Р. 1702».

Въ памятникахъ Луцкаго братства много встрѣчается *Гулевичей*, но я не знаю, чья дочь была *Анна Гулевичевна*, жена Мозырскаго маршалка Стефана Лозки, достопамятная основательница Кіевскаго Богоявленскаго братства. Не поможете ли вы мнѣ опредѣлить это?

1865 года, сентября 23,
Михайлова-Гора.

ЛИСТЪ ГЕТМАНА ИВАНА СКОРОПАДСКАГО КЪ МИТРОПОЛИТУ КІЕВСКОМУ ІОСАФУ КРОКОВСКОМУ—О СНЯТІИ ЦЕРКОВНОЙ КЛЯТВЫ СЪ ДМИТРІЯ ГОРЛЕНКА И ПРОЧИХЪ. [1])

Ясне въ Богу преосвященный мосцѣ отче архіепископъ митрополитъ Кіевскій, мой велце мосцѣвый пане архипастыру, милостивый въ Духу святомъ отче и добродѣю.

Прибыли тутъ въ Глуховъ въ ассекураціями сіятельнѣйшихъ царскаго пресвѣтлаго величества полномощныхъ ихъ милость господъ пословъ, панъ Димитрій Горленко и прочіи, о которыхъ я писалемъ до двору царского величества, просячи себѣ монаршого указу, якъ зъ ними поступити. Теды его царское величество на тое листовное предложеніе, по своемъ монаршескомъ добросердномъ благоутробію, указалъ милостевно вины ихъ простити и забвенію предати, и не тилко здравіемъ ихъ тѣлеснымъ въ руку своею содержащимъ даровалъ, но и клятву, во время измѣны на ихъ положенную, повелѣлъ съ нихъ зняти. Прето я, вѣдаючи, же тая клятва, по указу его царского величества, чрезъ ваше преосвященство на нихъ положенна, при отдачѣ нижайшого моего уклону, прошу вашого преосвященства, благоволи ваша пастырская милость свое архіерейское тоей клятвы на нихъ сюда прислати рѣшеніе и благословеніе, которому и я оразъ и Богу угоднымъ его святителскимъ молитвамъ на всегда полѣцаюся, пребывая

вашой архипастырской святынѣ всѣхъ благъ зычливый

въ Духу святомъ сынъ и нижайшій слуга,
Иванъ Скоропадскій, гетманъ войска
его царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Зъ Глухова.

Марта 3-го, року 1715.

---

[1]) Кіевскія Епархіальныя вѣдомости 1865 г. № 16.

(Надпись на оборотѣ письма: Ясне въ Богу преосвященному его милости отцу Іоасафу Кроковскому, Божіею милостію православному архіепископу митрополитѣ Кіевскому, Галицкому и всея Россіи, моему велце мосцѣвому пану архипастыровѣ, милостивому въ духу святомъ отцу и добродѣеви, подати).

Примѣч. Въ поясненіе этого историческаго акта, списаннаго съ подлинника, не лишнимъ будетъ припомнить слѣдующія подробности.

Въ октябрѣ 1708 года, во время шведской войны, гетманъ Мазепа, съ немалымъ числомъ козацкаго войска, передался Карлу XII-му и привелъ его, съ многочисленнымъ шведскимъ войскомъ, въ Малороссію. Такою измѣною русскому царю, онъ навлекъ тяжкое бѣдствіе на всю малороссійскую гетманщину и помрачилъ славу и блескъ своего двадцатилѣтняго гетманства. Царь Петръ извѣстился объ этой измѣнѣ 27-го октября, находясь надъ Десною, въ Пироговкѣ, и того же дня распорядился о выборѣ новаго гетмана и низложеніи прежняго, увлекшаго за собою всю генеральную старшину, большинство полковниковъ и товариство Запорожское. Ноября 5-го государь прибылъ въ Глуховъ, куда были уже созваны четыре полковника съ ихъ полковыми старшинами и сотниками, а именно: Стародубовскій полковникъ Иванъ Скоропадскій, Черниговскій Павелъ Полуботокъ, Переяславскій Степанъ Тамара и наказный Нѣжинскій Лукьянъ Жураховскій; и на другой день выбранъ былъ въ гетманы— Скоропадскій.

Вслѣдъ за тѣмъ прибыли въ Глуховъ: Кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, Черниговскій архіепископъ Іоаннъ Максимовичъ и Переяславскій епископъ Захарій Корниловичъ, и 12-го ноября предали они церковному проклятію *Мазепу и всѣхъ его единомышленниковъ, самоизвольно на шведскую сторону удалившихся*, и разослали свои архіерейскія грамоты объ томъ, для чтенія по всѣмъ церквамъ Малороссійскимъ. Того же дня и въ Москвѣ возглашено было проклятіе *из-*

мѣннику Мазепѣ блюстителемъ патріаршаго престола митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, соборнѣ съ тремя другими митрополитами и двумя архіепископами.

Между тѣмъ, еще 7-го ноября, дана была царская грамота къ гетману Скоропадскому о совершенномъ прощеніи всѣхъ тѣхъ, измѣною Мазепы увлеченныхъ въ непріятельскія руки, кто въ продолженіе мѣсяца возвратится по прежнему на вѣрную своему государю службу, въ прежнихъ чинахъ въ войскѣ запорожскомъ. Этимъ прощеніемъ воспользовались: Миргородскій полковникъ Данило Апостолъ, компанѣйскій полковникъ Игнатій Галаганъ, генеральный хорунжій Иванъ Сулима и еще нѣкоторыя меньшія лица. Другая часть войсковой старшины возвратилась уже въ слѣдующемъ 1709 году, послѣ побѣды Полтавской и бѣгства Карла XII съ Мазепой въ Бендеры. Принадлежавшіе къ этой, такъ—называвшейся «Чуйкевичевой, компаніи» были наказаны ссылкою и отобраніемъ ихъ имѣній: генеральный судья Василій Чуйкевичъ кончилъ жизнь въ Сибири, постригшись въ монахи; генеральный асаулъ Дмитрій Максимовичъ сосланъ былъ въ Архангельскъ. Сюда же принадлежали: Лубенскій полковникъ Дмитрій Зеленскій, компанѣйскіе полковники: Юрій Кожуховскій и Андріяшъ, сердюцкіе полковники: Антонъ Гамалѣя и Яковъ Покотило; войсковой товарищъ Семенъ Лизогубъ и еще нѣкоторые. Того же года скончался въ Бендерахъ Мазепа (22 сент.). На его мѣсто находившіеся при Карлѣ XII малороссійскіе эмигранты выбрали себѣ въ гетманы Филиппа Орлика, бывшаго генеральнымъ писаремъ. Генеральнымъ обозньмъ у нихъ остался прежній—Иванъ Ломиковскій; генеральнымъ судьею сталъ Климентъ Долгополый; генеральнымъ писаремъ—Иванъ Максимовичъ; а генеральными асаулами—Григорій Герцикъ (шуринъ и ближайшій другъ Орлика) и Ѳедоръ Мировичъ. Но особенно важнымъ лицомъ у нихъ считался *Дмитрій Горленко*, сынъ давняго прилуцкаго полковника Лазаря Горленка, и самъ бывшій на полковничествѣ Прилуцкомъ съ 1693 года. Русскіе полномочные послы въ Костантинополѣ, при посредствѣ Іерусалимскаго патріарха, долго старались склонить его и другихъ отстать отъ безпо-

койнаго Орлика и возвратиться на родину, ручаясь клятвенно, что имъ даровано будетъ прощенiе; и наконецъ успѣли въ томъ, что *Горленко* съ своимъ зятемъ *Дмитрiемъ Бутовичемъ*, съ *Иваномъ Максимовичемъ*, *Михайломъ Ломиковскимъ* и *Антоновичемъ*, въ началѣ 1715-го года, прибыли въ Глуховъ. Вотъ лица, къ которымъ относится предложенный актъ о снятiи церковной клятвы. Весною того же года, по царской грамотѣ и письму Головкина къ гетману Скоропадскому, всѣ они были отправлены изъ Глухова на жительство въ Москву.

1865 г. 9-го iюля

Михайлова-Гора.

О ГРИГОРЬѢ НИКОЛАЕВИЧѢ ТЕПЛОВѢ И ЕГО ЗАПИСКѢ „О НЕПОРЯДКАХЪ ВЪ МАЛОРОССІИ". [1])

(Письмо къ П. А. Кулишу).

Я обѣщалъ вамъ писать по временамъ замѣчанія на ваши «Записки о Южной Руси». Избираю на этотъ разъ «Записку Теплова» съ вашимъ къ ней предисловіемъ. Меня весьма удивило, ка́къ эта статья, *писанная желчью* (по выраженію о ней достопамятнаго мужа Трощинскаго), для васъ —«дышетъ желаніемъ общей пользы;» и вамъ показалось виднымъ изъ нея, будто «Тепловъ любилъ Малороссію!»—и вы вступили въ рѣзкое о немъ противорѣчіе съ общимъ мнѣніемъ, особенно съ сказаніемъ преосвященнаго Георгія Конискаго!.... Какъ бы ни была ошибочна Исторія Конискаго, въ разныхъ подробностяхъ своихъ о дѣлахъ *давно минувшихъ лѣтъ*; но о Тепловѣ написалъ онъ, какъ *современникъ*. Мы вѣримъ же писанію француза Боплана о современной ему Украинѣ; мы вообще даемъ вѣру сказаніямъ *современниковъ* и принимаемъ ихъ въ основаніе нашего знанія о прошедшемъ; какое же право имѣемъ не повѣрить сказанію Конискаго, такого доблестнаго и заслуженнаго мужа о свойствахъ и дѣйствіяхъ современнаго ему Теплова? Не знать ихъ не могъ Конискій; и, конечно, было то дѣйствительно, если то написалъ онъ, еще при жизни Разумовскаго и Теплова, и написалъ въ огласку, въ Исторіи, переданной отъ него знатоку современныхъ дѣлъ, депутату Полѣтикѣ. Онъ говоритъ, на примѣръ, что, когда Разумовскій, отказавшись отъ гетманства,

[1]) Русская Бесѣда, кн. IV, стр. 61—78.

явился во дворецъ, и любимецъ его, Тепловъ, встрѣтилъ его тамъ съ привѣтственными объятіями, то графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, стоявшій въ дверяхъ, апплодируя, сказалъ: «и лобза, его же предаде!» — Это живая, очевидная быль, которой Кониской не могъ выдумать. А кому же, какъ не Орлову, было знать, что за человѣкъ Тепловъ, и что онъ былъ орудіемъ въ прекращеніи гетманства Разумовскаго. А просьбы матери Разумовскаго къ своему ясновельможному сыну, чтобы онъ отдалилъ отъ себя своего совѣтника и любимца, и ея предсказанія, вполнѣ оправдавшія ее! Онѣ краснорѣчивы для насъ, вмѣстѣ съ общимъ голосомъ Малороссіи объ ея недоброжелателѣ. Но и въ академіи наукъ, которой президентомъ былъ гетманъ Разумовскій, Тепловъ дѣйствовалъ не безъукоризненно. Ломоносовъ, въ одномъ письмѣ къ Шувалову, называетъ Теплова *«коварникомъ»*. Въ другомъ письмѣ, къ нему самому (1762), Ломоносовъ попрекаетъ его въ личной къ себѣ несправедливости за то де, «что не удовольствовалъ безстыдныхъ требованій вашего свата»—и, вступаясь за честь академіи, продолжаетъ онъ: «сколько разъ вы были другъ и не другъ Шумахеру, Тауберту, Миллеру, и что удивительно—мнѣ? Въ томъ больше вы слѣдовали стремленію своей страсти, нежели общей академической пользѣ; и чрезъ такія повседневныя перемѣны колебали какъ трость все академическое зданіе. Тотъ сегодня въ чести и въ милости, завтра въ позорѣ и въ упадкѣ» и т. д. Этимъ свидѣтельствомъ великаго Ломоносова подкрѣпляется для насъ общее мнѣніе о характерѣ Теплова, дошедшее къ намъ по живому преданію (вѣдь знаменитый Трощинскій скончался на нашей памяти, 1827 года, въ своемъ Украинскомъ селѣ, Кабинцахъ). А для васъ Тепловъ лучше всѣхъ тогдашнихъ Малороссіянъ былъ для Малороссіи, и—любилъ Малороссію! Любилъ.... развѣ въ томъ смыслѣ, что ему тепло было жить въ ней, и Батуринскимъ *подсусѣдкомъ* своего ясновельможнаго питомца-покровителя, и «помѣщикомъ» недалекой отъ Яготина *Тепловки*.

Вы говорите: «Тепловъ, напротивъ, *любилъ* Малороссію: иначе — онъ не старался бы выставить передъ Государынею Елисаветою Петровною *злоупотребленій* Малороссійскихъ стар-

шинъ и вообще пановъ, отъ которыхъ страдало большинство населенія края» (стр. 171). Но выставленіе злоупотребленій само по себѣ не есть еще примѣта *любви*, особенно въ томъ, кто обвиненъ уже общимъ голосомъ въ *нелюбви*. Оно бываетъ и безъ участія любви, по одному долгу званія, по особеннымъ личнымъ свойствамъ и отношеніямъ, по злобѣ, изъ угодливости и т. п. По какому именно побужденію и поводу сочинена записка Теплова, это неизвѣстно; но ужъ, конечно, не изъ любви къ Малороссіи! Скорѣе можно предположить, что ему хотѣлось поколебать въ государынѣ Елисаветѣ великую любовь ея къ народу Малороссійскому. Выставлять злоупотребленія Малороссійскихъ пановъ Тепловъ могъ бы тогда изъ любви къ Малороссіи, когда-бы самъ онъ былъ чистъ и не причастенъ къ тѣмъ злоупотребленіямъ; а у него, какъ помѣщика Малороссійскаго, былъ тотъ же «пушокъ на рыльцѣ!» Вы этого за нимъ, кажется, не знали?—Но если уже, почему бы то ни было, онъ предпринялъ выставить передъ Государынею злоупотребленія старшинъ и прочіе непорядки Малороссійскіе, то онъ обязанъ былъ по крайней мѣрѣ—не лгать, если не по строгому долгу гражданина, то хоть изъ уваженія къ исторической истинѣ (такъ какъ онъ былъ членомъ академіи наукъ, и собиралъ матеріалы для исторіи Малороссіи). А его записка—полна *лжи* умышленной и недобросовѣстной. Неужели вы этого не примѣтили въ ней?.. Взгляните же пристальнѣе на эту канву, по которой онъ выводилъ свои благовидные узоры! Вотъ напримѣръ, въ § 5-мъ, онъ говоритъ: «таковымъ образомъ и *козаковъ число весьма умалилося;* ибо о семъ доподлинно можно удостовѣрить, что нынѣ Малороссія прямо вооруженныхъ *списковыхъ* едва ли *15* а по крайней мѣрѣ *20 тысячъ* выставить можетъ, а *выборныхъ* и *николи* толикаго числа не выставитъ, по статьямъ же должно *списковыхъ* имъ имѣть *60,000* козаковъ, *кромѣ отшедшихъ въ Заднѣпровскую* сторону, а всѣхъ козаковъ около 150.000 имѣть бы должно» (стр. 180).

Какая тутъ путаница и ложь!

Когда Богданъ Хмельницкій вступилъ подъ державу, Русскую, *со всею Малороссіей, обѣихъ сторонъ Днѣпра* (со-

стоявшею тогда въ *17-ти полкахъ*), тогда въ договорныхъ статьяхъ 1654 года (во 2-й) положено было: «войско Запорожское въ числѣ *60.000* чтобъ всегда полно было». Такъ и въ Переяславскихъ статьяхъ 1659 года, Юрья Хмельницкаго, положено (въ 6-й): «а быти реестровымъ козакомъ *60-ти* тысячъ», то есть во *всей* Малороссіи, обѣихъ сторонъ Днѣпра. Когда же, по Андрусовскому договору 1666 года, Россія уступила Польшѣ *Заднѣпровскую* сторону Малороссіи, тогда въ восточной ея половинѣ, оставшейся за Россіею, число реестровыхъ козаковъ, по договорнымъ статьямъ, полагалось уже *вдвое* и даже *втрое меньше* противъ прежняго. Въ Глуховскихъ статьяхъ 1669 года съ гетманомъ Многогрѣшнымъ —*30,000* (ст. 4); въ Переяславскихъ статьяхъ 1672 г. съ гетманомъ Самойловичемъ—*20,000* (ст. 16); въ Коломацкихъ статьяхъ 1687 г. съ гетманомъ Мазепою—*30,000* (ст. 3). — Въ какихъ же гетманскихъ статьяхъ полагалось «*60,000* козаковъ, *кромѣ отшедшихъ въ Заднѣпровскую сторону*»!...... И за чѣмъ было «таковымъ образомъ» припутывать къ винамъ Малороссіи *умаленіе* числа козаковъ, которое было естественнымъ и справедливымъ, при умаленіи самой Малороссіи, цѣлою половиною, по силѣ Андрусовскаго договора, при заключеніи котораго и не было никого со стороны Малороссіи!

Когда Тепловъ говоритъ о наличномъ въ его время числѣ *списковыхъ* козаковъ: «*15*, а по крайней мѣрѣ *20* тысячъ,»—то явно что онъ или не знаетъ, или не хочетъ сказать настоящаго числа. Но, когда онъ вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: «а *выборныхъ* и *николи* толикого числа не выставитъ,» —то явно, что онъ говоритъ ложь. Записку свою сочинялъ онъ, какъ видно, уже *послѣ* 1757 года; а по ревизіи 1746 года оказалось въ Малороссіи:

а) по счету душъ мужеска пола:

козаковъ—выборныхъ.	163,889
козаковъ—подпомощниковъ. . . .	199,998
Итого всѣхъ козаковъ.	363,887

б) по счету *хатъ* (съ дворами и бездворныхъ)

козаковъ—*выборныхъ*	72,585
козаковъ—*подпомощниковъ*	91,403
Итого всѣхъ козаковъ	163,988

т. е. оказалось даже болѣе, чѣмъ требовалъ Тепловъ, назначая *150,000*, (при чемъ онъ, конечно, имѣлъ въ виду положительное свѣдѣніе о тогдашнемъ числѣ козаковъ).

Противъ какого же числа «*весьма умалилося*» число козаковъ? По *офицерской* ревизіи, 1723 года, (на которую такъ упираетъ Тепловъ), во всѣхъ 10-ти полкахъ Малороссіи показано было *козаковъ* грунтовыхъ и безгрунтовыхъ—*66,415* (не включая въ сіе число стариковъ и малолѣтныхъ). Удвойте, утройте это число: и все еще далеко до 363,887,—оказавшихся черезъ 40 лѣтъ послѣ 1723 года. Итакъ, *удостовѣрять* бы слѣдовало, Теплову, что число козаковъ—*весьма увеличилось!* Онъ говоритъ, будто старшины — «*всѣ почти* грунты козацкіе скупили», и выводитъ, будто бы *злоупотребленіе* старшинъ—«*почти всѣхъ козаковъ истребило*, и перевело ихъ старшинамъ, яко помѣщикамъ, въ крестьяне» (стр. 131). И то и другое — наглая ложь. Чтобы судить о дѣйствительно бывшемъ тогда числѣ козаковъ *грунтовыхъ* и *безгрунтовыхъ*, я вамъ приведу его, тоже по ревизіи 1764 года:

а) Козаковъ *грунтовыхъ* (или по счету хатъ съ дворами): выборныхъ 19, 750, подпомощниковъ 22, 469; итого всѣхъ 42,219.

б) Козаковъ *безгрунтовыхъ* (или по счету хатъ бездворныхъ): выборныхъ 52,835, подпомощниковъ 68,934; итого *всѣхъ* 121,769.

Вотъ что значитъ у Теплова выраженіе «*почти всѣ!*» Что касается до *относительнаго* числа *козаковъ* и *посполитыхъ* (крестьянъ), то въ *1764* году сочтено козаковъ 363,887, а посполитыхъ (съ прочими окладными) 585,909, а въ 1723 году считалось козаковъ 66,415, а посполитыхъ (съ прочими окладными) 136,311. Итакъ относительное число козаковъ въ 40 лѣтъ тоже *увеличилось!* Тутъ, кстати, можно припомнить удостовѣреніе гетмана Скоропадскаго (изъ его челобитной,

писанной въ Москвѣ 1722 года 2 мая), что «козаки, которыхъ дѣды и отцы въ козацкомъ чину были, тіи и теперь суть козаками, а въ подданство никого изъ нихъ не принуждано».

Въ § 11-мъ Тепловъ говоритъ: «отъ сего-то *большая часть* козаковъ *претворилася* уже въ мужики помѣщикамъ» (стр. 194). Здѣсь у него причиною претворенія полагается то *неудобство*, — что козаки съ помѣщичьими мужиками въ однихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ. И выше: «ущербъ Вашего Императорскаго Величества есть *главной* тотъ, что козаки живутъ въ великомъ непорядкѣ, яко *разбросанные* по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на *великомъ разстояніи*, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ» (стр. 192).

Но вѣдь Малороссійское козачество было не военнымъ поселеніемъ на отведенной для него казенной землѣ; оно было особымъ сословіемъ Малороссійскаго народа, которое состояло изъ давнихъ владѣльцевъ разными участками Малороссійской земли, находившимися среди другихъ участковъ общественныхъ и частныхъ, и составлявшими полную и неотъемлемую ихъ *собственность*.

Разсѣянность козаковъ по лицу земли Малороссійской, освобожденной ими отъ Поляковъ, и, такъ сказать, пріобрѣтенной ими вновь цѣною своей крови,—*перемѣшанность* ихъ съ другими сословіями, въ городахъ и селахъ, — были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ постепеннаго историческаго хода жизни Малороссійской. Эта *разбросанность* козаковъ не представляла такого *великаго неудобства*, какъ представляетъ Тепловъ; ибо и разстояніе-то козаковъ отъ своихъ сотниковъ было *не велико*, по малой величинѣ *сотень*, на которыя раздѣлялись *полки*, особенно въ послѣднее время гетманщины (въ 10 полкахъ было въ 1723 году 128 сотенъ, а въ 1764 году 164 сотни). Разобщеніе козацкаго сословія съ другими было бы дѣло и несправедливое и невозможное.

Способъ претворенія или *перерожденія* козаковъ въ помѣщичьихъ крестьянъ, описанный здѣсь Тепловымъ—т. е.

черезъ отдачу помѣщиками горѣлки на шинкованье козакамъ спивающимся съ кругу,—никакъ не могъ относится *къ большей части* козаковъ и помѣщиковъ; онъ могъ имѣть мѣсто въ самой малой и, разумѣется, въ самой плохой части ихъ, гдѣ предполагается съ одной стороны—козакъ *нетяга*, потерявшій свою волю надъ собою отъ чрезмѣрной наклонности къ пьянству; а съ другой стороны—не *панъ*, а *полупанокъ* съ жидовски—безсовѣстнымъ разсчетомъ на слабость своего ближняго. Распространять это на *большинство*—есть напраслина равно оскорбительная для Малороссійскаго панства и для козачества.

Другой способъ, о которомъ сказано у Теплова: «*почти всѣхъ козаковъ истребило*»—означенъ такъ: «*достаточный* козакъ *всегда* отъ службы откупался, а *недостаточный*, бѣгая отъ оной, лучше желаетъ подъ именемъ крестьянина жить, нежели выдти въ походъ, и сверхъ того, бывши козакомъ по имѣнію своему, долженъ, яко грунтовый, платить иногда на консистентовъ цѣлую рацію и порцію.»—Что-бы достаточные козаки *всегда* отъ службы откупались, это есть ложь голословная, противъ которой говорятъ не только лѣтописныя свидѣтельства, но и множество старинныхъ козацкихъ абшитовъ или аттестатовъ, мною самимъ видѣнныхъ. А что козацкая служба послѣ «несчастливого Шведского року»—когда козакъ сталъ отбывать ее уже безъ жалованья, на собственномъ иждивеніи, лѣтъ до пятидесяти — была очень тяжела: то дѣло давно извѣстное. Еще въ статьяхъ гетмана Скоропадскаго (съ собственно-ручнымъ рѣшеніемъ на нихъ Петра I-го, Апрѣля 29, 1722 года) написано въ первой статьѣ: «Малую Россію, чрезъ тринадцать годъ, отъ станцій и переходовъ войскъ армейскихъ, въ людехъ и въ пожитки нынѣ оскудѣвшую, благоволи Ваше Имеператорское Величество, по своему высокому милосердію, ради всемірной радости, въ оной станціи помиловати, обще со всѣми Малороссіянами рабски молю; ибо такъ козаки, яко и посполитые, остались малочисленны, съ которыхъ козаки знести того не могутъ, чтобъ и драгунъ кормити и по званію своему Вашему Величеству служити; якъ и нынѣ подъ Ладогу и до Царицына

двадцать тысячей козаковъ зъ Малой Россіи вышли, а домы ихъ отъ кормленія драгунъ не свободные суть.»

Въ запискѣ Теплова сказано: «а въ военное время, или во время какой либо службы, сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли приняли, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ.»—Однакожс и въ *двадцатыхъ* и въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія были непрестанные выходы козаковъ *десятками тысячъ* и въ военные походы (въ которыхъ находились и козаки самые достаточные), и въ походы на работы каналовъ, крѣпостей, линій;—при всемъ томъ въ 1764 году было въ наличности козаковъ: до 164 тысячъ по счету хатъ, и до 364 тысячъ по счету душъ мужескаго пола. Зачѣмъ же было Теплову говорить, будто *почти всѣ козаки истребились* и перешли къ своимъ старшинамъ въ крестьяне? будто достаточный козакъ *всегда* отъ службы откупался? Такія гиперболы могутъ еще имѣть мѣсто въ учено-литературной статьѣ, какъ заблужденіе писателя, болѣе или менѣе извинительное; но въ докладной запискѣ Государынѣ онѣ составляютъ нечестное и непростительное дѣло гражданина!

Что касается до вышеупомянутыхъ оскорбленій, которыми, какъ частными случаями, не слѣдовало обвинять большинство, то въ объясненіе ихъ можемъ замѣтить, что для каждаго помѣщика покупать землю и продавать ее, кому захочетъ, было естественно и законно—по *праву собственности*; а козаки имѣли стародавнее и полное право на свои наслѣдственныя и благопріобрѣтаемыя земли, наравнѣ съ дворянствомъ, подобно которому козаки держали у себя и подданныхъ, равно какъ и судились они въ земскихъ дѣлахъ по тѣмъ же статутовымъ законамъ. Право на владѣніе землею постоянно было утверждаемо за козаками, со времени поступленія Малороссіи подъ Русскую державу. Ограниченіе этого права на продажу, указомъ 1739 года генваря 7 дня, было единственное и притомъ временное, только до окончанія тогдашней войны; и это отмѣнено было какъ указомъ 1741 года, такъ и послѣдующими грамотами Елисаветы. Другое: добровольный переходъ изъ козачества въ посполъство, какъ

видно, былъ въ тѣ поры весьма дозволителенъ, если онъ былъ и послѣ гетманства Разумовскаго, въ правленіе Румянцова, строгаго блюстителя порядка и казенной пользы. Живое преданіе ведется о томъ, какъ въ ревизію 1782 года множество козаковъ съ своими землями «*пôдойшли пôдъ панôвъ*,» да и остались за ними, по прекращеніи вольнаго перехода въ слѣдующемъ 1783 году. А это подхожденіе *вольнаго козачества подъ пановъ*, бывшее въ прошломъ столѣтіи, само собою уже говоритъ, что *посполиству*, находившемуся въ подданствѣ Малороссійскихъ пановъ XVIII вѣка, не было еще такъ тягостно и страдательно, какъ то представляется въ увеличительное стекло воображенія. При опредѣленіи степени этой тяготы и виновности въ ней Малороссійскаго панства, надо имѣть въ виду то положеніе Украинскаго посполиства, въ какомъ оно находилось до половины XVIII-го вѣка, подъ властью тогдашнихъ Польско-украинскихъ пановъ,—положеніе, на которое вы сами справедливо указываете (въ замѣчаніи на статью г. Грабовскаго), говоря: «какая жалкая картина порабощенія!» (с. 326). Надо имѣть въ виду и то, что Малороссійское нанство XVIII-го вѣка возникло на половину и даже больше—изъ самаго *козачества*, и только меньшая половина его была изъ стародавняго *шляхетства* Малороссійскаго. Это панство не могло же отдѣлиться отъ понятій, обычаевъ и образцевъ продшедшаго вѣка; не могло же оно стать и выше понятій, обычаевъ, образцевъ своего вѣка! И если оно не привело своего *посполиства* въ новое цвѣтущее состояніе (какого можно бы желать ему, по понятіямъ нынѣшняго времени), то не надо же взводить на него и упадокъ посполиства, оставшагося, по прежнему, съ своимъ стародавнимъ правомъ на вольный переходъ; не надо представлять и этотъ *упадокъ* въ преувеличенномъ видѣ. Ибо положеніе Малороссійскаго *посполиства* съ времени Богдана все таки было лучше, чѣмъ оно было передъ тѣмъ; и лучше, чѣмъ было положеніе современнаго посполиства заднѣпровскаго. Вамъ, для удостовѣренія въ томъ, будетъ достаточно и словъ Теплова: «по достовѣрнымъ извѣстіямъ, мужикамъ *весьма трудные* Малороссійкаго жить въ подданствѣ у господъ Польскихъ»

(с. 173). Вы вѣдь говорите, что *фактамъ*, которые приводятся въ запискѣ Теплова «нельзя не вѣрить!»

Благая воля Елисаветы была на то, чтобы возобновить *гетманство* въ Малороссіи (послѣ втораго между гетманства); чтобы, вмѣстѣ съ утвержденіемъ графа Разумовскаго въ гетманствѣ, подтвердить и Малороссіи *всѣ прежнія права* ея, какъ объ этомъ выражено въ грамотѣ 22 мая 1751 года: «въ Малой Россіи управлять по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу Дѣда нашего, блаженныя памяти Великаго Государя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, Его Царскаго Величества гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, и по Нашимъ Императорскаго Величества указамъ, опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ и къ нему посылаемымъ, *безъ нарушенія правъ и вольностей стародавнихъ народа Малороссійскаго*».

Но любимецъ гетмана, Тепловъ, покусился опорочить передъ государынею *Малороссійское право*, заподозрить *всѣхъ* Малороссійскихъ замлевладѣльцевъ—въ неправильномъ и незаконномъ *владѣніи* землею Малороссійскою!

«Право Малороссійское—говоритъ онъ—почитать надлежитъ яко *главный* непорядокъ въ Малороссіи» (с. 191). Или: «*главный* непорядокъ въ нынѣшнихъ временахъ право ихъ Малороссійское, которое есть Статутъ Литовскій, данный вновь Литовскому княжеству отъ короля Стефана въ 1576 году» (с. 183). И въ самомъ началѣ: «а притомъ заключеніе статей Богдану Хмельницкому въ 1654 году, *по неизвѣстнымъ нынѣ* тогдашнихъ военныхъ подвиговъ *обстоятельствамъ* (!), подтвержденіе тѣхъ Польскихъ, т. е. Литовскихъ законовъ, которыми, какъ по исторіи видно, тогдашній народъ, яко по большей части не грамотный, управлялся, паче по натуральному праву: два третьяго судили. То справедливо и безпристрастно, по довольномъ примѣчаніи Малороссійскихъ дѣлъ, можно сказать, что право Польское осталось у нихъ тщаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ про-

стой народъ никакого тогда попеченія, *ниже свѣдѣнія не имѣлъ.* Сіе доказывается *явственно* и тѣмъ, что прежде 1720 года почти *во всей Малороссіи никакихъ канцелярій не было;* ибо и самую гетманскую канцелярію, *случайнымъ образомъ* гетману Скоропадскому въ 1720 году..... особливою грамотою велѣно учредить» и т. д. (с. 175).

Мы съ вами не юристы; и намъ не для чего входить въ подробное разсужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ правъ или не правъ Тепловъ, полагая *главнымъ непорядкомъ* Малороссіи-- *Литовскій Статутъ* (которому основаніемъ послужили стародавнія права и обычаи юго-западной Руси; котораго два первыя изданія были еще до соединенія Кіевской Руси и Литовскаго княжества съ короною Польскою, котораго постановленія, взятыя изъ жизни народа, весьма были *извѣстны* народу; изъ котораго многія статьи приняты были и въ уложеніе царя Алексѣя Михайловича, для Великой Россіи; изъ котораго, наконецъ, многія статьи удержаны и въ Сводѣ законовъ, исключительно для двухъ губерній, составляющихъ Малороссію). Я обращаю вниманіе ваше только на *способъ*, какимъ подходитъ Тепловъ къ своему дѣлу,—способъ, вполнѣ достойный тѣхъ Малороссійскихъ юристовъ, которые и въ его запискѣ зовутся «людьми съ оборотомъ«! Вотъ онъ ввернулъ крючекъ: «по неизвѣстнымъ нынѣ тогдашнихъ военныхъ подвиговъ *обстоятельствамъ!*« —а о судопроизводствѣ тамъ же молвилъ: *«какъ по исторіи видно!»* Какъ будто *по исторіи* виднѣе было судопроизводство, чѣмъ *обстоятельстса* военныхъ подвиговъ! Какъ будто тѣ *обстоятельства 1654 г.* сдѣлались уже *неизвѣстными* въ 1754 году! Нѣтъ они очень хорошо были извѣстны тогда всѣмъ,— конечно, и самому Теплову. А каково у него *явственное доказательство:* «тѣмъ, что прежде 1720 года *почти во всей* Малороссіи *никакихъ канцелярій* не было»?..... «Ибо—говоритъ—и самую *гетманскую канцелярію*—въ 1720 году—особливою грамотою велѣно учредить!» Но учрежденіе этой гетманской или войсковой канцеляріи, въ 1720 году, по новому, никакъ еще не отрицаетъ историческаго бытія прежней *войсковой генеральной канцеляріи.* А что она, равно какъ и *полковыя* и *сотенныя*

уряды или канцеляріи существовали въ Малороссіи *прежде 1720 года*, то достовѣрно извѣстно; и мнѣ вамъ — не для чего и приводить на то ни лѣтописныхъ свидѣтельствъ, ни доказательствъ документальныхъ. И когда Тепловъ говоритъ, что тѣхъ канцелярій *до 1720* года «*отнюдь не было*, хотя притомъ, нѣкоторыя дѣла и *письменно* производилися; а все тогда въ самоволіе превращенное, не правомъ и законами управлялось, но силою и кредитомъ старшинъ, въ простомъ народѣ дѣйствующихъ, или лучше сказать обманомъ грамотныхъ людей» — когда онъ тамъ же говоритъ: «*почти все* прежде бывшее время передъ 1720 годомъ, яко *никакихъ урядовъ не имѣющее*»: тогда — не уже ли онъ дышетъ духомъ правды и любви, и блага общественнаго?.... Нѣтъ, Тепловъ подвелъ эту канцелярскую мину—подъ купчія крѣпости Малороссійскихъ владѣльцевъ, для того, чтобы вдругъ сказать: «почему и *всѣ* тамошніе владѣльцы, какъ духовные, такъ и мірскіе, на купленныя свои земли и грунты и на разныя поселенія *никакихъ урядовыхъ купчихъ*, старѣе тридцати или сорока лѣтъ, не имѣютъ!» А вслѣдъ за тѣмъ онъ выводитъ еще то: «что множественное число деревень, собственно принадлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества, разобрано самовольно; а которые владѣютъ *правильно*, у тѣхъ должны быть не токмо гетманскіе универсалы, но и государевы изъ посольскаго приказа грамоты; ибо съ 1656 года уже все по статьямъ Хмельницкаго и Государя было»..... Въ заключеніе онъ прибавляетъ: «но все сіе есть *противно* статьямъ Хмельницкаго и указамъ государевымъ, въ тѣхъ же статьяхъ изображеннымъ» (с. 177).

Посмотрите нарочно на статьи Хмельницкаго, и вы удостовѣритесь, что Тепловъ и здѣсь ссылается на нихъ такъ же недобросовѣстно и невѣрно, какъ ссылается онъ на статьи о числѣ козаковъ! А между тѣмъ онъ и въ продолженіи записки говоритъ, что *жители всѣхъ* Малороссійскихъ городовъ, мѣстечекъ, селъ, деревень, и хуторовъ— «живутъ старинными будто *займами* и *фальшивыми по большей части крѣпостями*» (с. 102.),—что Малороссійкіе *помѣщики* изобилуютъ землями «или» *грабленными государевыми*,

ими за долгъ *шинковой* себѣ приговоренными отъ козаковъ (с. 195.) Изъ этого очевидно, кажется, что записка Теплова дышетъ скорѣе духомъ ябеды и клеветы, чѣмъ духомъ любви къ Малороссіи и желаніемъ общей пользы!

Въ послѣдніе 20 лѣтъ моего занятія Малороссійскою стариною и народностью, въ самой Малороссіи,—я пересмотрѣлъ не менѣе тысячи подлинныхъ купчихъ листовъ, писанныхъ *до 1720 года*, и болѣе ста подлинныхъ гетманскихъ универсаловъ и царскихъ грамотъ, данныхъ на разныя владѣнія *прежде того года*. На тѣхъ купчихъ листахъ, конечно, не означено, что они выданы изъ такой-то *канцеляріи* полковой или сотенной. Но это нисколько не опровергало и не опровергаетъ ихъ законности. Не требовалось тогда этой формы! Тогда купчіе листы подписывались обыкновенно такъ: «а для *лѣпшои вѣры* далъ той вѣчисто продажный листъ за подписомъ пана *полковника* и иншихъ *товариства*, и за притисненіемъ *печати полковой*;» или же «за подписомъ пана *сотника* и притисненіемъ печати *сотенной*.» Слѣдя переходъ какого нибудь малаго лоскутка земли отъ одного владѣльца къ другому впродолженіе двухъ столѣтій и болѣе, вы нерѣдко встрѣчаете, въ ряду продажныхъ листовъ, небольшія записочки, на которыхъ нѣтъ даже и подписи сотника, а только «*вѣры годные* свидѣтели *крестомъ подписались*». Однако и эти листки встарину всегда принимались, какъ настоящіе купчіе листы, и упрочивали правильное и спокойное владѣніе не менѣе, чѣмъ *вводчій листъ*, данный отъ становаго пристава по указу уѣзднаго суда. На такомъ же основаніи и сотники прошлаго столѣтія пріобрѣтали не рѣдко у казаковъ малые лоскутки земли по листамъ, изъ которыхъ многіе свидѣтельствованы только сосѣдними «вѣры годными людьми» и не были заносимы ни въ полковую ни въ войсковую канцелярію. (Овчинка не стоила бы выдѣлки)! А какимъ порядкомъ занимаемы были до 1720 года «вольныя мѣста» [1]),

---

[1]) Въ Малороссіи и донынѣ существуютъ при многихъ селахъ такъ-называемыя *вольныя мѣста* или *вольницы*, которыя состоятъ въ общемъ пользованіи владѣльцовъ разнаго званія, на которыя имѣютъ право какъ дворяне, такъ и козаки того села, и которыя не могутъ быть присвояемы исключительно ни однимъ сословіемъ.

для образца тому я въ 1848 году, въ моей «Бубновской Сотнѣ» (гл. III) помѣстилъ запись сотника Дениса Деркача, 1700 года. *Кредитъ* и *обычай* въ народѣ вещь не маловажная; право *давности* есть право законное; новопоставленныя формы и узаконенія обратнаго дѣйствія не имѣютъ, такъ же, какъ понятій нашего 1857 года не вложишь въ поколѣніе 1757-го или 1657-го.

Вы, въ предисловіи къ запискѣ, говорите: «Разсказъ Теплова о томъ, какъ Малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ гетманщинѣ, присвоивали себѣ *обманомъ* и *насиліемъ* козачьи земли, *ни мало не преувеличенъ* —напротивъ: такъ преувеличенъ, что всю записку его, по истинѣ, можно назвать омутомъ, въ которомъ и самая *истина* является нечистою и лжеподобною! — Вы продолжаете: «Изъ Матеріаловъ для отечественной исторіи, изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, *видно*, какъ гетманы наши, пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ-старшинъ, набрали себѣ «на булаву» земель по всей Малороссіи. Въ такомъ то полку гетману принадлежатъ цѣлыя села, въ такой-то сотнѣ владѣетъ онъ многочисленными хуторами, въ такихъ то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасѣки, верхолазныя борти, лѣса и сѣнокосы, и всего этого *такъ много*, что цѣлыя книги наполнялись описями гетманскаго имущества» (стр. 173).

На это я скажу вамъ: большому кораблю — большое и плаванье! Гетману, какъ правителю и представителю Малороссіи, и надо было *такъ много* имѣнія. Для того-то ранговыя имѣнія на гетманскую булаву были гораздо бóльшія, чѣмъ для прочихъ старшинъ. Но гетманскія ранговыя имѣнія были законно-отдѣляемыя изъ общественныхъ или войсковыхъ земель Малороссіи,—утверждаемыя царскими грамотами, и несоставлявшія потомственной собственности гетмана—до конца гетманщины (1764 года). Такъ и гетману Даніилу Апостолу, избранному послѣ втораго между-гетманства, въ которое столько разныхъ переворотовъ произошло съ ранговыми владѣніями на гетманскую булаву, они были утверждены ему сперва грамотою Петра II-го, 1728 года; а потомъ, съ но-

выми дополненіями, грамотою Анны Іоанновны 1730 года 26 мая. У васъ идетъ рѣчь объ *описной книгѣ* гетманскихъ имѣній, составленной по смерти Даніила Апостола (одного изъ самыхъ заслуженныхъ и доблестныхъ мужей кончавшейся гетманщины); а вы продолжаете такъ: «не упускали гетманы и старшины Малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто, между ихъ владѣніями, упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли, *и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми гетманъ владѣетъ по поламъ съ простымъ козакомъ.* Этотъ мелкій наборъ по всей гетманщинѣ самъ за себя говоритъ, изъ какихъ рукъ и какими путями перешла недвижимая собственность во владѣніе *всемогущихъ* [1]) пановъ XVIII вѣка» (с. 173). Вотъ какая гипербола вышла у васъ, подъ вліяніемъ записки Теплова! Вы не разобрали, что то была законная повинность съ *млиновъ* (мельницъ), находившихся на гетманскихъ ранговыхъ земляхъ,—продолженіе стародавней *млиновой* (мельничной) повинности, которая налагалась на всѣ мельницы, и сбиралась въ пользу общественнаго войскового скарбу (казны); а съ находившихся на гетманскихъ земляхъ—въ доходъ гетманскій. Взгляните на «универсалы поборóвые» XVI вѣка, — напримѣръ, на универсалъ 1577 года (Vol. leg. т. II), которымъ назначался поборъ отъ *кола вального* по 24 гроша, а *дорочного* по 12-ти; отъ *вѣтряковъ дѣдичныхъ* по 10 грошей, а *дорочныхъ* по 5-ти. (Въ 1573 году даже попы Русскіе платили отъ каждой *Русской церкви* по копѣ Польской, а протопопы по двѣ копы!) *Третья мѣра* помолу съ каждой мельницы велась и тогда, и выкупилась старостами, съ дозволенія *королевскаго.* Такъ въ позднѣйшее время делибертація (увольненіе) отъ мельничной дани была по *гетманскимъ* универсаламъ, или же по грамотамъ *царскимъ*. И посмотрите, въ помянутой описи гетманскихъ владѣній: сколько тамъ значится мельницъ, которыя до 1728 года «за Малороссійской Коллегіи» взносили дань; а отъ гетмана Апостола,

---

[1]) Какая злая насмѣшка надъ панами XVIII вѣка! Не съ гетманства-ли Скоропадскаго стали они *всемогущими?* Или же по смерти его, за Коллегіи Малороссійской?

получили «делибертацію»—и, разумѣется, не въ прибытокъ, а *въ ущербъ* его гетманскому доходу!

Теперь сообщу вамъ слѣдующія извѣстія о самомъ Тепловѣ, какъ помѣщикѣ Малороссійскомъ.

1) Когда онъ устроялъ свою Тепловку, на благодатномъ берегу р. Оржицы, тогда онъ, какъ извѣстно по преданію, извозилъ себѣ кирпичу *изъ Кіева*, сколько ему надо было— сосѣдними козаками. Положимъ, то былъ старокозацкій обычай *толоки;* и нельзя же было не *послухать*—для любимца гетманскаго, на его новосельи, хотя до Кіева и далеченько! Но зачѣмъ же Тепловъ пишетъ въ осужденіе: «Какъ возможно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякой сотникъ, не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота, и первые *подводчики;* не упоминая о *прочихъ* разореніяхъ!» (с. 193).

2) Въ число тѣхъ *прочихъ разореній* козакамъ, можно включить слѣдующее, о которомъ тоже ведется мѣстное преданіе. Именитый устроитель и владѣлецъ Тепловки, не уважая на козацкую возку ему кирпичу изъ Кіева, примежевалъ къ своей землѣ смежные съ нею кусочки земли, принадлежавшіе Малютинскимъ и другимъ сосѣднимъ козакамъ. И ему обошлось это—по Украинской пословицѣ: «нехай лихо буде тихо!» —не такъ, какъ въ 1741 году Нѣжинскимъ старшинамъ, по жалобѣ козаковъ, за притяжаніе ихъ земель.....

3) Когда внукъ памятнаго въ Малороссіи представителя ея, *Якова Ефимьевича Лизогуба*, Григорій Григорьевичъ, остался въ сиротствѣ и малолѣтствѣ, тогда Григорій Николаевичъ Тепловъ не упустилъ примежевать къ своей землѣ смежный съ нею кусокъ земли Лизогубовской, «верстъ на десять окружности, не извѣстно почему, а больше дознавать, что самоправно» (такъ выражено въ протестѣ, поданномъ отъ Лизогубовскаго прикащика, по случаю предполагавшагося размежеванія земель, вслѣдствіе сенатскаго о томъ указа изъ межевой экспедиціи, 1766 года). Примежевавъ къ себѣ чужую землю, владѣлецъ Тепловки немедленно слободку *Лизогубов-*

шину (населенную Григоріемъ Яковлевичемъ) переименовалъ во имя сына своего — *Алексѣевкою*. Наслѣдники Лизогубовы вели долгую тяжбу съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Тепловымъ; но сей добрый человѣкъ продалъ свою отцовскую Тепловку графу П. В. Заводовскому, который и покончилъ то дѣло мировыми сдѣлками. Письменные слѣды тяжбы остались въ архивахъ судовыхъ и домашнихъ.—Теперь видите ли, что Малороссійскіе паны, обличаемые Тепловымъ, имѣли полное право сказать ему: врачу, исцѣлися самъ!

Вы (въ Эпилогѣ къ Черной Радѣ) объявили, будто съ Конискаго «снята священная мантія историка» (?!); и — ухватились за кафтанъ Теплова, и говорите: «взглядъ на тогдашнее состояніе Малороссіи приводитъ наблюдателя въ горестное изумленіе. Видишь повсемѣстное отсутствіе идеи добра и справедливости въ высшемъ классѣ ея населенія, видишь какое-то добродушное, совершенно спокойное, и какъ бы узаконенное обычаемъ, грабительство надъ беззащитною массою простолюдиновъ; народъ бѣднѣетъ, подпадаетъ матеріальной зависимости отъ пройдохъ и богачей, падаетъ въ своемъ безнадежномъ положеніи—и никто о немъ не жалѣетъ. Только *одинъ человѣкъ* возвысилъ свой голосъ въ пользу большинства Малороссійскаго населенія и старался, по мѣрѣ своего разумѣнія, раскрыть причины его матеріальнаго упадка, но и того *слѣпая исторія* нашего края записала въ число враговъ его.» (стр. 174).

И такъ—*вотъ человѣкъ*, Тепловъ! И такъ, исторія была доселѣ *слѣпа* на счетъ его, и прозрѣла только во 2-мъ томѣ вашихъ записокъ! Но я полагаю, что тутъ-то и напала на нее слѣпота...... Тепловъ признанъ недругомъ Малороссіи, за его очевидное нелюбіе къ Малороссіянамъ; за его ложныя оскорбительныя объ нихъ писанія; особенно же, за его лукаво соблазнительный проэктъ объ испрошеніи *потомственнаго гетманства* графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, отвергнутый Малороссіянами и надѣлавшій тогда такой кутерьмы. Опорочить всю Малороссійскую старшину и шляхетство преувеличеннымъ показаніемъ ихъ темной стороны—не значитъ еще принести пользу Малороссійскому простонародью. И ка-

кой же голосъ возвысилъ Тепловъ въ пользу большинства населенія Малороссійскаго? О козачествѣ онъ налгалъ государынѣ, будто оно *почти все истребилось* и претворилось въ крестьянъ, злоупотребленіемъ старшинъ. О *посполитствѣ*, въ концѣ своей записки, онъ возвысилъ такой голосъ, что «есть вредъ найближайшій Малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто, [1]) который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими.» — Но богатые помѣщики наипаче усилились въ Малороссіи не отъ вольнаго перехода посполитства, и даже по прекращеніи его. Не отъ него собственно бѣднѣли бѣдные помѣщики; не отъ него и посполитство Малороссійское подвергалось такой нравственной порчѣ, какъ представляетъ Тепловъ; ибо и по прекращеніи вольнаго перехода, въ 1783 году, крестьяне нерѣдко дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими.

«Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ прежде всего, какъ бы ему найти удобности *свой хлѣбъ жевать безъ труда....»* — Но безъ труда не могъ и быть у крестьянина *свой хлѣбъ*, разумѣется, честный. «Дѣлаяй землю вознесетъ стогъ свой.»

«Сего ради не допускаетъ *обременять себя никакою излишнею работою.»* — Да *обремененіе излишнею работою* отъ кого либо есть дѣло непріятное и нежеланное, для самаго трудолюбиваго человѣка, во всякомъ званіи.

«Между тѣмъ мужики *празднодѣльные и лѣнтяи* о томъ не оставляютъ навѣдываться, гдѣ и сколько-временными сво-

---

[1]) Не одинъ Тепловъ, многіе тогдашніе Малороссіяне, въ томъ числѣ и депутатъ Полѣтика, разсуждали такъ, что вольный переходъ посполитства не согласуется уже съ потребностями хозяйственнаго устроенія Малороссіи, тѣмъ болѣе, что въ Великой Россіи онъ давно былъ уже прекращенъ (1592). И было долгое разсужденіе о томъ, какъ отмѣнить и чѣмъ лучшимъ замѣнить древнее право вольнаго перехода? Ближайшимъ къ тому способомъ представилось уравненіе Малороссійскаго посполитства съ крестьянствомъ Великороссійскимъ. Такъ и рѣшила преобразовательница Малороссіи Екатерина II-я, указомъ 1783 года мая 3. Въ 8 пунктѣ онаго изображено: «для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородсѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селеніяхъ обитателей, каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего нашего указа».

бодами крестъ выставленъ на слободы, и, провѣдавъ, выбираютъ мѣсто, которое имъ *льготнѣе*». Такое мѣсто естественно избирать для себя не только, «празднодѣльному и лѣнтяю,» но и самому усердному трудолюбцу.

«Такимъ образомъ *вылеживаетъ* мужикъ урочные годы *въ крайнемъ лѣнивствѣ*, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободку и новаго креста ищетъ, и симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, перевозя свою семью и перемѣняя свое селеніе. Для сихъ причинъ они *по большей части* и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ *тайкомъ* отъ помѣщика учинить долженъ; ибо помѣщикъ, подъ претекстомъ тѣмъ, яко бы мужикъ все, что ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, *грабитъ* все его имѣніе, на которое онъ, по силѣ Статута, право имѣетъ. Такъ поступаютъ помѣщики *безкредитные* въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому» (стр. 196).

При такомъ представленіи въ комъ же вина хозяйской неурядицы и матеріальнаго упадка простолюдина: въ помѣщикѣ-ли, на чьей землѣ водворяется онъ, или въ самомъ простолюдинѣ, который наровитъ пользоваться землею помѣщика только въ льготные для себя годы, а къ концу срока, когда должна начаться уже отъ его труда выгода землевладѣльцу, онъ уклоняется отъ труда и бѣжитъ тайкомъ? Очевидно, что корень такому злу—*въ нравственномъ упадкѣ* самого простолюдина, въ его нечестномъ и «крайнемъ лѣнивствѣ»! Въ этомъ обвинять пановъ было бы несправедливо, такъ же, какъ несправедливо представлять большинство тогдашняго Малороссійскаго поспольства состоящимъ изъ такихъ нечестныхъ лѣнтяевъ и лежебоковъ. Тутъ подъ перомъ Теплова опять *преувеличеніе* частныхъ случаевъ въ господствующій характеръ, столь же оскорбительное для поспольства, какъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ было оно оскорбительно для козачества

и старшины. И глядя на эту картину его *непорядковъ Малороссіи*, я невольно спрашиваю васъ: гдѣ же то «*сознаніе* своей *человѣчности* и чувство своего *человѣческаго достоинства*», которое у Малороссійскаго простонародья, по вашему—«было развито въ необыкновенной степени» въ половинѣ XVII вѣка? Какъ это «*единомысленное* гражданское общество», которымъ, по вашему — явилась Малороссія при Богданѣ, и показала «присутствіе въ Малороссійскомъ народѣ высшихъ гражданскихъ понятій» (стр. 324), какъ оно въ XVIII столѣтіи является уже въ такой «совершенной безурядицѣ», съ такимъ повсемѣстнымъ отсутствіемъ идеи добра и справедливости въ высшемъ классѣ ея населенія, который и возникъ большею частью изъ того самаго «единомысленнаго гражданскаго общества»? Вѣдь древо отъ плода познается! — Но утѣшимся: какъ Малороссію, обновившуюся въ гетманство Богдана, вы представили себѣ въ преувеличенной гражданской красотѣ; такъ и Малороссію, бывшую въ гетманство Разумовскаго, вы представили себѣ въ преувеличенномъ гражданскомъ безобразіи. На самомъ же дѣлѣ, какъ Малороссія, возникшая при Богданѣ, не была вмѣстилищемъ одного новорожденнаго добра и благоустроенія народнаго, такъ и Малороссія XVIII вѣка, при всѣхъ *злоупотребленіяхъ* и *непорядкахъ*, бывшихъ въ ней на исходѣ ея гетманства и стараго козачества и вольноперехожаго поспольства, содержала въ себѣ еще много *добра* и *правды во всѣхъ сословіяхъ* народа своего, и послужила ими съ честью и славою, какъ сама для себя, такъ и для всего Русскаго міра. И сколько славныхъ именъ украшаютъ ея исторію въ XVIII вѣкѣ — отъ святителя Димитрія и гетмана Апостола, до Георгія Конискаго включительно! А Григорій Николаевичъ Тепловъ,хоть онъ и питомецъ Ѳеофана Прокоповича, и наставникъ гетмана Разумовскаго, — онъ долженъ и въ памяти потомства остаться тѣмъ же, чѣмъ былъ въ общемъ мнѣніи современниковъ, чтобы сбылась надъ нимъ народная пословица Украинская: «брехнéю свѣтъ перейдешъ, да назадъ не вéрнешся»!

9..

Москва.
1857 г. 8 октября.

МЛІЕВСКІЙ СТАРОСТА ДАНИЛО КУШНИРЪ. [1]

Въ Черкасскомъ уѣздѣ па рѣчкѣ Ольшаной есть село Мліевъ, принадлежащее къ Мошенскому владѣнію княгини Воронцовой. Въ прошломъ столѣтіи, когда весь этотъ край снова былъ отданъ Польшѣ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ по договору Прутскому, Мліевъ принадлежалъ къ Смѣлянскому владѣнію князя Любомирскаго. Въ числѣ жителей этого, нѣкогда значительнаго мѣстечка, находился честный селянинъ *Данило Кушниръ*, бывшій нѣкоторое время старостою или *ктиторомъ* при здѣшней, нынѣ уже упраздненной, Успенской церкви, и оставшійся въ народной памяти подъ именемъ *Мліевскаго титаря*. Замѣчателенъ этотъ Украинецъ силою духа, съ какою онъ, за непреклонность къ уніи, претерпѣлъ страшное мученіе.

И не вѣрится, чтобы за *сто* лѣтъ передъ симъ Украинскій православный народъ, въ своей предковѣчной родинѣ, могъ быть предоставленъ уніатамъ на такое лютое вѣрогоненіе, какое бывало въ первые вѣка христіанства отъ язычниковъ. Но оно дѣйствительно было и вызвало, наконецъ, народное отмщеніе себѣ въ такъ называемой *Коліивщинѣ* 1768 года, предводителемъ которой былъ Запорожецъ Максимъ Өедоровъ сынъ Желѣзнякъ, родомъ изъ села Ивковецъ Чигиринскаго уѣзда.

Данило Кушниръ претерпѣлъ страдальческую смерть 1766 года, 29 іюля, въ мѣстечкѣ Ольшаной. Предлагаю вамъ, мои читатели, тогоговременное сказаніе, лѣтъ за пять объявленное отцемъ Петромъ Лебединцевымъ. Оно написано

---

[1]) Статья эта входила въ составъ брошюры, предназначенной для популярнаго чтенія: «Сказанія о стародавнихъ людяхъ Кіевской земли». Кіевъ 1865.

въ Переяславѣ 1766 года 24 октября, стало — быть через нѣсколько дней послѣ того, какъ Данилова голова принесена была изъ-за Днѣпра въ Переяславъ и предана честному погребенію въ каѳедральной Вознесенской церкви приснопамятнымъ епископомъ Гервасіемъ Линцевскимъ.

—«За Днѣпромъ, въ коронѣ Польской, находящіеся священство и народъ издревле содержали по всѣмъ обрядамъ христіанскимъ Православное, Восточное, Грекороссійское исповѣданіе и принадлежали иные къ Кіевской, и другіе къ Переяславской православнымъ епархіямъ. Между тѣмъ, хотя отъ римлянъ и уніатовъ крайне насилуемы были къ Римскому и уніатскому закону, и хотя нѣкоторые изъ священства и принуждены къ тому, однако православный народъ и донынѣ ненарушимо содержалъ и содержитъ православное, Грекороссійское исповѣданіе.

И сего 1766 году, какъ прочіе въ Польской области находящіеся православные народы, въ томъ числѣ и губерніи (т. е. волости) Смѣлянской мѣстечка Мліева, церкви Успенія Пресвятыя Богородицы прихожане, будучи насилуемы отъ уніатовъ къ уніи и паче возревновавъ по благочестіи, минувшаго марта мѣсяца послѣднихъ чиселъ, во вторую недѣлю святаго великаго поста, согласясь всеобще, начали совѣтовать приходскому своему священнику Василію Гдышицкому, чтобы онъ единогласно съ ними обѣщался содержать благочестіе цѣло и ненарушимо, и надлежалъ бы къ епархіи Переяславской, и то присягою утвердилъ. Однако онъ Василій, будучи отъ уніатскаго архіерея рукоположенъ и придержуясь своего уніатскаго закона, не только на оный тѣхъ прихожанъ совѣтъ склонитися не хотѣлъ, но еще удобь возможнаго старательства прилагалъ, чтобы и прихожанъ къ своей уніи привратить; а именно: первое ихъ самихъ разнообразно бранилъ, потомъ православныхъ архіереевъ непотребными словами поносилъ, а наконецъ и православной Грекороссійской вѣры исповѣданіе хулилъ и уничижалъ. Но, за Божіею помощію, ничѣмъ правовѣрныхъ одолѣть не могъ; а напротивъ того, благочестивые прихожане оные, видя его яростью роспаленна и таковому ихъ совѣту крайне неблагодарна, не

пожелавъ имѣть его у себѣ приходскимъ священникомъ, усовѣтовали не допустить его къ своей приходской церкви; а, собрався всѣ обще въ церковь, какъ одѣяніе священническое, такъ книги и сосуды церковные, оставя одну только гробницу съ святыми дарами на престолѣ стоящую, все позабирали и въ сундукѣ, нарочно для того сдѣланномъ, замкнули, и потомъ, не смѣя оной грабницы, будучи простолюди, коснуться, совѣтовали, какимъ бы образомъ оную гробницу взять и также спрятать. Между тѣмъ тамошній Мліевскій атаманъ, по имени Кирикъ, а прозванія неизвѣстнаго, вѣдаючи изъ тѣхъ прихожанъ одного человѣка лѣтами уже не млада, благоговѣйна къ Богу, во всемъ безпорочна, надъ всѣми же тыми искренняго и первѣйшаго ревнителя ко благочестію, именемъ Даніила Кушнира, съ согласія общаго приказалъ ему, яко старѣйшему человѣку, гробницу оную взять съ престола; чему оный Даніилъ повинуяся, со страхомъ и благоговѣніемъ приступилъ къ престолу Божію и предъ престоломъ положилъ три поклона до земли, и завѣсою церковною руки обернувъ, взялъ оную гробницу съ престола, благоговѣйно постановилъ въ показанномъ же сундукѣ между означенными иными вещами, спряталъ въ комору, на которой колокольня сдѣлана. Однако оный уніатъ Василій и по тому не только не преклонился, но еще въ большое развращеніе пришедъ, не имѣя въ сердцѣ своемъ страха Божія и не могши онымъ прихожанамъ ничего сдѣлать, возымѣлъ злобу на помянутаго старика Даніила, и говорилъ ему въ глаза: «Какъ ты отважился гробницу съ престола взять? Такъ я сдѣлаю тебѣ то, что больше на свѣтѣ жить не будешъ!» А сказавъ тое, заразъ поѣхалъ въ мѣсто Смѣлу до отца своего, Смѣлянскаго жителя, протопопа Мошенскаго и Черкасскаго, Аѳанасія Гдышицкаго, уніата, а изъ прежнихъ прошедшихъ еретиковъ еретика и гонителя на вѣру православнаго народа, и тамо ему ложную занесъ жалобу, что якобы оный Даніилъ съ гробницею въ корчму ходилъ и оною пилъ горѣлку, а съ горѣлкою и частки святыхъ даровъ повыпилъ. Оный же Даніилъ, какъ оставилъ горѣлку пить, семь годовъ уже тогда миновало. Что оный Аѳанасій Гдышицкій

отъ сына своего когда выслушалъ, заразъ распалился гнѣвомъ, и немедленно пошли оба къ тамошнему Смѣлянскому губернатору (т. е. управителю), Вонжу, съ прошеніемъ о учиненіи оному бѣдному старику сатисфакціи; который губернаторъ, по настоятельству оныхъ безчеловѣчныхъ уніатовъ, заразъ повелѣлъ взять его подъ караулъ и заковать въ желѣза, что вдругъ и учинено; а, заковавъ, отдалъ его въ замокъ Смѣлянскій, гдѣ и содержанъ былъ съ вышеписаннаго марта мѣсяца сего года до іюля мѣсяца первыхъ чиселъ подъ карауломъ. Между тѣмъ множество православнаго народа, видя онаго старика невинно по ложнымъ доносамъ страждущаго, и соболѣзнуя объ немъ, первѣе прошеніемъ убѣждали онаго протопопа объ отпускѣ его свободна; но какъ по тому ихъ прошенію ничего не успѣли, то оный народъ, сложивъ нѣсколько денегъ суммы, вознамѣрились было его откупить. Однако онъ, Гдышицкій, видя онаго народа столько за нимъ соболѣзнующа, точію сказалъ сіе: «ежели на унію пристанетъ, то отпущенъ будетъ; а ежели нѣтъ, то казненъ будетъ смертію». Когда-жъ благочестивые люди таковыя его Гдышицкаго немилосердныя рѣчи оному, Христа ради и вѣры его православной страждущему, старику Даніилу объявили на разсужденіе; то онъ, не только не пожелалъ самъ приставать на унію, но еще и тому православному народу совѣтовалъ крѣпко и ненарушимо содержать православное Грекороссійское исповѣданіе; и просилъ при томъ ихъ, чтобы уже больше объ немъ не просили, сказуя: «я готовъ за вѣру православную и умрети, а на унію пристать не хочу». Что оный Гдышицкій видя, не могши чѣмъ бы его Даніила склонить къ своей злопротивной уніи, разъярился немилосердною яростію; не чувствуя въ сердцѣ своемъ страха Божія, велѣлъ его, за согласіемъ и совѣтомъ показаннаго губернатора Вонжа, провадить къ стоящему на Украинѣ близъ мѣстечка Ольшаной обозу, и тамо, за прибытіемъ, заразъ писать декретъ на онаго старика невиннаго, чтобъ руки ему пенькою обвертѣть и, смолою обливъ, огнемъ жегти. Что слышавъ многіе изъ тамошнихъ войсковыхъ, сожалѣя о таковой оному старику бѣдѣ, стали ему Гдышицкому совѣтовать, не дѣлалъ бы онъ ему

таковаго немилосерднаго и безчеловѣчнаго мученія, а наказалъ бы, ежели въ чемъ виновенъ, точію боевымъ наказаніемъ каковымъ. Однако онъ, будучи крайнѣю распаленъ яростію, не могъ отмѣнить своего безчеловѣчнаго предпріятія. И тако оный протопопъ Гдышицкій уфалъ и увѣрилъ на ложное представленіе своего сына, самъ былъ на безвиннаго старика Даніила доносщикомъ, а сыновья его родные Гдышицкіе свидѣтелями, чего ни по какимъ правамъ и законамъ не дѣлается. А какъ приспѣ время ему Даніилу мученія онаго, и приступилъ къ нему единъ попъ уніатъ, хотя его исповѣдывать, то онъ, крѣпко придержуясь православной вѣры, того уніата къ себѣ исповѣдывать не допустилъ, сказуя: «я васъ уніатовъ отрицаюся, ученія вашего и исповѣданія слушать не хочу; я уже на то приготовился и святыхъ таинъ пріобщался; а вы дѣлайте надо мною, что хощете», и проговоривъ самъ слова исповѣданія, сколько могъ знать наизустъ, отдалъ себе на волю ихъ. Въ томъ разѣ, по повелѣнію онаго немилосерднаго и безчеловѣчнаго мучителя Гдышицкаго, заразъ началъ палачъ жегти огнемъ руки такъ, что оный страдалецъ отъ великой болѣзни не утерпѣлъ и вопилъ болѣзненно сказуя: «Господи, Боже мой! что сіе мнѣ подалъ еси; воля твоя святая на мнѣ да будетъ!»—говоря притомъ: «о Боже мой! пріими духъ мой». А потомъ, взирая на православный народъ, окрестъ его стоящій во множествѣ, съ разныхъ селъ устрашенія ради старательствомъ уніатовъ согнанный, говорилъ: «православные христіане, не вѣруйте вы уніатамъ, они проклятіи и вѣра ихъ проклята». И какъ только руки ему обгорѣли; то многіе, при томъ бывшіе тамошніе господа, усумнѣвался, есть ли на немъ вина, достойна таковаго мученія, или нѣтъ, уговаривали онаго Гдышицкаго, чтобъ онаго мучившагося хотя и безъ рукъ отпустилъ, сказуя при томъ: «довольно было бы съ него и такой муки». Но оный безчеловѣчный мучитель Гдышицкій, таковаго совѣта не слушая, во удовольство своей затвердѣлой и окамененной ярости, еще доставлялъ того, чтобы оному страдальцу была и голова отсѣчена, сказуя при томъ: «ежели ему головы не отсѣчете, то мнѣ отсѣкутъ;» а потому и повелѣно палачу дѣлать то, что Гдышицкій при-

казываетъ. По какому Гдышицкаго велѣнію, когда, завязываючи оному невинному мученику очи, палачъ сказалъ: «не бойся старичокъ! Богъ съ тобою;» то оный мученикъ, при послѣднемъ уже своемъ издыханіи, говорилъ палачу: «я не боюсь; а ты дѣлай то, что тебѣ велятъ». И тако и главу ему вдругъ отсѣкъ, и отсѣкши, встромилъ на палю, и пригвоздилъ гвоздемъ большимъ желѣзнымъ посреди головы до пали; а пригвоздивъ, пришелъ къ оному Гдышицкому и, отеръ свои руки объ полы одѣянія его Гдышицкаго, началъ требовать отъ него денегъ: «заплати мнѣ за работу, что я работалъ». И потому оный Гдышицкій, вынувъ изъ своего кармана невѣдомо сколько денегъ, .и заплатилъ ему. А заплативши, наконецъ, приказалъ и тѣло онаго мученика сожещи, и сожжено такъ, что по сожженіи православныи люди, выривъ ровикъ нобольшой, только оставшійся пепелъ съ нѣкоторою частію костей загребли. Каковое мучительство видя приходившій для исповѣди сего мученика Даніила уломъ (т. е. отщепенецъ) нѣкоторый, уніатъ, много говорилъ въ слухъ всѣмъ людямъ и войску окрестъ тамо собравшемуся: «напрасно сему человѣку таковое мучительство причинили».

И тако житель Мліевскій Данило Кушниръ отъ рукъ безправныхъ уніатовъ скончался—1766 года, мѣсяца іюля 29 дня, въ день субботній, на святаго великомученика Каллиника. По всемъ томъ безбожномъ и несправедливомъ содѣланіи и выполненіи принятомъ тиранства надъ страдальцемъ объявленнымъ, тотъ безбожный уніатъ, протопопа уніатскаго Смѣлянскаго Аѳанасія Гдышицкаго сынъ, Василій Гдышицкій, пришедъ въ домъ усопшаго страдальца жены, домагался, какъ будто по справедливости, безстыдно на сорокоустъ осьми рублей денегъ. Но показанная жена въ отвѣтъ ему сказала: «Сорокоустъ вашъ за душу страченнаго мужа моего будетъ Господу Богу непріятенъ; а когда безвиннаго его замучили, то уже больше нѣтъ чего вамъ дѣлать; еже-ли угодно, возми еще и меня.» О каковомъ его уніата Василія Гдышицкаго домогательствѣ, и что за такого душу хощетъ отправлять сорокоустъ, котораго Даніила помянутаго самъ былъ и убійцею, послухавъ рейментарь генеральный Воро-

ничь отъ оффиціала уніата Григорія Мокрицкаго, говорилъ ему оффиціалу Мокрицкому, обличая его уніата Василія Гдышицкаго: «Руки его Василія въ кровь неповиннаго онаго смученнаго омочены; и такъ не только ему Василію за его душу мши отправлять, но и до олтаря и престола Божія доступать и коснуться не слѣдуетъ.»

Глава же его пригвождена оставалася на полѣ мѣсяца сентября до остатнихъ чиселъ; а потомъ, когда взята въ ночи тамо правовѣрными, то безбожные попы уявили рейментарю взятіе тоя главы, который рейментарь Воронич, не вѣдая, кто ее взялъ, зыскивалъ къ себѣ онаго страдальца Даніила жену и дѣтей, и сродниковъ, и содержалъ подъ арестомъ и грозно устрашалъ, допытываясь, не взяли бъ оные, альбо не вѣдаютъ? А когда при томъ стороннiе близъ ихъ живущіе люди засвидѣтельствовали, что изъ нихъ тоей ночи никто изъ дому не выходилъ, то оные отпущены въ домъ.

Сего октября принесена въ Переяславль, въ катедральный Свято-вознесенскій Переясловскій монастырь, и погребена въ катедральной Переясловской церкви, за лѣвымъ клиросомъ, предъ кіотомъ пресвятыя, преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы, преосвященнымъ Гервасіемъ, епископомъ Переялавскимъ и Бориспольскимъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ.»

ИЗВѢСТІЯ О ГАЙДАМАКАХЪ. [1]).

(Замѣчанія на книгу Г. Скальковскаго: «*Наѣзды Гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII столѣтіи,*» изданную въ Одессѣ. 1845 г. въ 8 д. 230 стр.)

Съ той поры, какъ покойный землякъ и пріятель мой *Порфирій Байскій* пустилъ въ литературный ходъ похожденія послѣдняго гайдамацкаго атамана и *характерника Гаркуши*, гайдамаки часто являться стали на поприщѣ литературы, особенно Польской. Въ послѣдніе годы, на Польскомъ языкѣ, издано не мало Современныхъ Записокъ о Гайдамаччинѣ прошлаго столѣтія, особенно о ея грозномъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ *Коліивщины*, 1768 года. Много разнорѣчія представляютъ записки о гайдамакахъ; но есть *чувство истины*, которое подсказываетъ историку, и руководитъ его въ выборѣ извѣстій; есть *соображеніе*, посредствомъ котораго отдѣляется истина отъ вымысла.

Г. Скальковскій, въ своей любопытной «Исторіи Новой Сѣчи» передалъ намъ Запорожскія извѣстія о томъ, что Запорожскіе *Сѣромахи* «драли Ляховъ и Жидовъ въ Польшѣ такъ сильно, что Ляхи отъ страху кидали домы и жилища свои, и уходили *до лясу*, во внутреннюю Польшу за Варшаву; а Жиды безъ вѣсти пропадали, и духу боялись Запорожскаго.» (с. 222). Онъ говорилъ намъ, что Запорожцы гайдамачествомъ своимъ даже хвастались, какъ молодечествомъ, какъ подвигами достойными хвалы и знаменитыхъ именъ: Палѣя, Наливайка, Подковы или Сѣрка.» (с. 220). Но когда рѣчь зашла объ 1768 годѣ, въ которомъ многіе Запорожцы уже не «на малую руку» *драли* Поляковъ и Жидовъ въ Западной или Польской Украинѣ, а, соединясь съ Западно-Украинскимъ православнымъ народомъ, тряхнули стариною

---

[1]) Москвитянинъ 1845 г., ч. III, № 5, стр. 44—68.

Богдановскою, историку Новой Сѣчи показалось *пятно* на Запорожьи, и онъ обѣщалъ «*очистить* память славнаго Низоваго войска отъ *пятна*, накинутаго на него нѣсколькими преступными его чинами» (с. 281).

И вотъ явились «Наѣзды Гайдамаковъ,» какъ очищеніе славнаго Низоваго войска.... Г. Скальковскій объявилъ еще въ Исторіи, что онъ пашелъ «въ дѣлахъ Запорожскаго *Коша* обильные и занимательные документы, относящіеся къ Гайдамаччинѣ;» а потому съ особеннымъ любопытствомъ прочелъ я новое его сочиненіе; по внимательномъ прочтеніи предлагаю нѣсколько замѣчаній объ этой «правдивой повѣсти,» какъ называетъ самъ авторъ свое повѣствованіе.

Такъ какъ *очищеніе пятна* составляетъ главную задачу въ «Наѣздахъ» г. Скальковскаго: то и первый вопросъ: какіе преступные чины Запорожскіе накинули это пятно на Запорожье, и кто главный, первый виновникъ?.... Въ отвѣтъ на это «Наѣзды» г. Скальковскаго указываютъ на — «жестокаго игумена Лебединскаго: подъ его вліяніемъ пало столько невинныхъ жертвъ, и на Запорожье, которому онъ желалъ мстить (?), легко *вѣчное пятно* безславія...» (с. 125).

И такъ г. Скальковскій предпринялъ *очистить* Запорожье отъ *вѣчнаго пятна!...* Не мудрено же, если, задавъ себѣ такую мудрёную задачу, онъ впадаетъ въ непрестанное противорѣчіе; если его мнѣнія и выводы не согласны съ его же повѣствованіемъ и доводами. Осуждаетъ ли онъ, превозноситъ ли, всё равно; ибо всё, какъ не на мѣстѣ и не въ мѣру, безъ убѣжденія и отчета; объ одномъ и томъ же какъ будто говорятъ два разные голоса, иногда сливающіеся въ обоюдный отзывъ... Хоть и говоритъ авторъ, что представилъ «вѣрную, живую картину;» но эту картину можно уподобить часамъ, въ которыхъ минутная рознитъ съ часовою, а репетиція звонитъ совсѣмъ не то, что показываютъ стрѣлки.

1. О Гайдамаччинѣ 1768 года.

Вотъ мнѣніе г. Скальковскаго о Коліивщинѣ 1768 года, какъ о главномъ предметѣ его повѣствованія. На стр. 143. «Славное Низовое товарищество не могло рѣшиться на

столь пагубное и богопротивное дѣло, какъ истребленіе цѣлыхъ тысячъ невиннаго и безоружнаго народа, изъ видовъ *корысти и мщенія*, *не побуждаемое* ни національнымъ, ни религіознымъ *фанатизмомъ*, который уже не существовалъ (№ 3).»

На стр. 15. «Въ XVIII столѣтія, когда Россія приняла навсегда Запорожье подъ свою державу, когда, слѣдственно, Польское правительство ни само, ни чрезъ свое дворянство не могло дѣлать угнетеній козачеству (№ 13).... они (предводители Гайдамаковъ) вооружились просто для разбоя и грабежа изъ видовъ *одной корысти* (№ 13)... Такого роду было произшествіе, извѣстное подъ названіемъ *Колiивщины* и *Уманской рѣзни*, бывшей 1768 года».

На стр. 65. «Этимъ-то расположеніемъ духа Украинской Руси (т. е. опасеніемъ за свою будущность и ненавистью къ Латинцамъ въ 1768 г.) воспользовались нѣсколько честолюбцевъ и злодѣевъ, которые изъ собственныхъ видовъ *корысти или властолюбія*, приобрѣли этой богатой и прекрасной странѣ *самую печальную* извѣстность (?).»

На стр. 110. «Желѣзнякъ не терялъ ни духа, ни своей дерзости и постоянно выдавалъ себя за полковника и поборника Православія... Грубая чернь прославляла его подвиги, считая этого ватажка какимъ то *героемъ Украины*».

На стр. 71. Имя его пріобрѣло столь *горькую* извѣстность.

На стр. 135. «Такимъ образомъ доброе имя и слава войска Запорожскаго были поруганы *горстью злодѣевъ;* тысяча убійствъ сдѣланы ими во имя козачества и даже православія». (Эта *горсть* состояла подъ Уманемъ «изъ 2,000 отчаянныхъ негодяевъ,» по выраженію г. Скальковскаго)!

Но послушаемъ повѣствованіе г. Скальковскаго; и оно представитъ совершенное опроверженіе его-же мнѣнія.

На стр. 31 говоритъ онъ, что «непріязненныя сношенія козаковъ съ Поляками столь же древни, какъ и существованіе Запорожской общины. Со времени гоненій *за вѣру и неслыханныхъ казней* героевъ козачества, мучениковъ православія, уже никогда не думалъ козакъ о сближеніи съ Ляхомъ.... Вотъ начало *вѣчной неумолимой борьбы* между ними;

вотъ причина *напѣздовъ* со стороны Поляковъ; вотъ наконецъ *источникъ Гайдамацтва* со стороны Русскихъ (т. е. Малорусскихъ) поселянъ и самихъ Запорожцевъ (№ 13).

На стр. 45 «Поляки, не боясь вовсе своего безсильнаго правительства, не обуздываемые ни гетманами, ни пограничными старостами, считали позволеннымъ дѣломъ *хватать и вѣшать* и козаковъ, и поселянъ, и даже Сербовъ, подъ общимъ предлогомъ Гайдамацтва». (см. объ этомъ въ «Наѣздахъ» стр. 32 и 33).

На стр. 51. «Въ долговременное царствованіе короля Августа III-го войны въ Польшѣ не было, отъ того дворянство, все почти номинально въ арміи приписанное, желая отличиться передъ своими соотечественниками, не имѣло на то другого поприща, какъ преслѣдованіе *Гайдамакъ*. Такимъ образомъ всякое появленіе грабителей или воровъ, пропажа у поселянъ лошадей или скота, *слагались на Запорожцевъ* и немедленно были причиною отправленія *подъѣздовъ* въ Запорожскія земли».

На стр. 55. «*Кошъ Запорожскій*, хотя въ Сѣчи и по паланкамъ дѣлалъ благоразумныя распоряженія противу Гайдамакъ, и пойманныхъ воровъ и разбойниковъ казнилъ смертью, или щедро награждалъ кіями; но къ суду, особенно Польскому, виновныхъ отсылать не хотѣлъ; ибо *въ душѣ похвалялъ ихъ молодечество и ненависть къ Ляхамъ*. «Что за бѣда, говорили Кошевому батьки-атаманы куренные, что Ляхамъ и Жидамъ достаётся отъ нашихъ гультяевъ: досталось колись и намъ отъ этой нехристи!»

На стр. 60. «Такъ приблизился знаменитый въ лѣтописяхъ Гайдамацтва 1768 годъ, и тогда разыграна была имъ *послѣдняя изъ тѣхъ печальныхъ и кровавыхъ трагедій*, которыя намъ представляетъ исторія XVII столѣтія въ первые годы возстанія Козачества противу Польши.»

На стр. 61. «Всѣмъ извѣстно, сколь много бѣдствій для Польши и всей Югозападной Россіи принесла *нетерпимость Католическаго Польскаго дворянства*, и слѣдственно *Сеймовыхъ его постановленій*, всего того, что было не Католическо-Римское. Іезуиты—болѣе и болѣе возбуждали умы

Поляковъ противу Русскихъ и Протестантовъ... Жалкій примѣръ столь не политическаго образа мыслей далъ Сеймъ 1767 года, который *лишилъ диссидентовъ всѣхъ гражданскихъ правъ и свободы богослуженія*; забытыя съ XVII-го столѣтія (?) *гоненія за вѣру* возобновились опять...»

На стр. 62. Возникаетъ «знаменитая и пагубная Конфедерація Барская, провозглашенная *29 февраля* 1768 года (NB) Іосифомъ Пулавскимъ.... Ея лозунгомъ были: свобода и вѣра (wolnosć i wiara), а въ самомъ дѣлѣ неограниченное честолюбіе вельможей, своевольство шляхты, *нетерпимость всего*, что не было Римско-апостолическо-католическое.»

На стр. 65. «Извѣстіе о столь *фанатическомъ* союзѣ, какова была барская Конфедерація, наполнило сердца диссидентовъ ужасомъ, удвоило ихъ опасенія о будущемъ, и усилило ихъ *ненависть къ Латинцамъ.*»

На стр. 68. «Преданія живыя доселѣ говорятъ: что игуменъ Лебединскаго (или по сказанію Запорожцевъ Мотронинскаго) монастыря Мельхиседекъ, изъ дворянскаго рода Значко-Яворскихъ, искренно преданный православію (NB), не смотря на силу въ этомъ краѣ Католическаго и Уніатскаго духовенства, началъ проповѣдывать явно святую вѣру по обрядамъ Восточной Церкви, и обращать къ ней Уніятовъ. Дѣйствія его вѣроятно не сопровождались благоразумною осторожностью, и онъ подвергся гоненіямъ мѣстнаго Уніатскаго Епископа Гервасія Линовскаго (?) отъ котораго онъ претерпѣлъ тяжкое заключеніе.

Ушедъ изъ тюрмы, онъ воспламенился уже не рвеніемъ, а *истиннымъ фанатизмомъ* и поклялся отмстить (?) гонителямъ своимъ и православія. Мельхиседекъ, узнавъ о Барской конфедераціи, видя всеобщее смущеніе нѣсколькихъ честолюбивыхъ магнатовъ, — предвидѣлъ *готовящіеся отъ того неминуемыя бѣдствія для Православной Церкви.* Одушевленный энтузіазмомъ.. .»

Тутъ разсказываетъ Г. Скальковскій: какъ одушевленный энтузіазмомъ Мельхиседекъ ѣдетъ въ Петербургъ (?), а оттуда въ Запорожье (?) съ вымышленною грамотою Екатерины II; какъ, разгнѣвавшись на Кошеваго за отказъ, про-

бирается изъ Сѣчи (?) въ зимовники на р. Громоклѣѣ, и тамъ уговариваетъ стараго Запорожца Григорія Желѣзняка отпустить съ нимъ своего меньшаго сына Максима Желѣзняка; какъ онъ воспламенилъ честолюбіе этого храбраго, грамотнаго козака, который, собравъ шайку изъ 50 Запорожцевъ, конныхъ и хорошо вооруженныхъ, доставъ перначи и и знамена, прибылъ въ Лебединскій монастырь (?); какъ между тѣмъ игуменъ къ храмовому празднику (Юрьеву дню 23 Апрѣля) созвалъ сосѣднихъ помѣщиковъ и поселянъ православнаго исповѣданія, послѣ пира уговорилъ многихъ вступить въ *Гайдамацкое братство* подъ начальствомъ Желѣзняка, на истребленіе заклятыхъ враговъ козачества, Ляховъ и Жидовъ; и какъ наконецъ Желѣзнякъ съ своею ватагою черезъ три дня (т. е. 28 Апрѣля!) выступилъ изъ монастыря.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается! Я говорю *сказка*; потому что весь этотъ эпизодъ въ Наѣздахъ Г. Скальковскаго не иначе можетъ быть названъ: такъ въ немъ измѣнена дѣйствительность и перемѣшана съ вымысломъ, относительно времени, мѣста и всего происшествія [1]). Все однако же, изъ приведенныхъ отрывковъ, каждый читатель увидитъ, что Коліивщина была не простой гайдамацкій набѣгъ, но произошла какъ противодѣйствіе новымъ насиліямъ Православію; а главнымъ исполнителемъ—козакъ Запорожскій Максимъ Желѣзнякъ; зерномъ предводимаго имъ полчища,—козаки, выведенные имъ изъ Запорожья.—И самъ Г. Скальковскій говоритъ:

На стр. 80. «Умань былъ ненавистенъ Гайдамакамъ.... влекла ихъ туда — однихъ жажда корысти, другихъ *религіозный фанатизмъ* (№ 13), котораго исчадіе Желѣзнякъ былъ главнымъ орудіемъ».

На стр. 93 читаемъ, что въ Умани, во время рѣзни— «когда уже набралось тамъ довольно дворянскихъ дѣтей и еврейскихъ, повели ихъ въ церковь св. Николая, чтобы обращать въ православіе»... И такъ, не смотря на неистовство и

[1]) Я полагаю, что Г. Скальковскій, какъ «поклонникъ Исторіи», при новомъ изданіи передѣлаетъ снова весь этотъ эпизодъ.

кровопролитія, произведенныя Гайдамаччиною 1768 г., видно, что они произведены изъ видовъ не одной корысти; что побужденіемъ къ тому былъ и національный и религіозный фанатизмъ, или лучше противодѣйствіе фанатическимъ угнетеніямъ, какія православный народъ въ Западной Украинѣ не переставалъ терпѣть отъ Польши и тогда, какъ Восточная Украина съ Запорожьемъ были уже подъ державою Русскою.

2. О Гайдамаччинѣ 17-го вѣка.

Г. Скальковскій не одинъ разъ отзывался съ похвалою о прежнихъ «витязяхъ козачества», въ отличіе отъ гайдамаковъ 18-го столѣтія...

Напримѣръ, на стр. 15. «Такіе Гайдамаки 18 столѣтія мало чѣмъ рознились отъ обыкновенныхъ грабителей 17-го вѣка, и ихъ подвиги *покрыли срамомъ* [1]) храброе, хотя и полуобразованное Низовое войско, оказавшее столько услугъ Русскому міру. Предводители такихъ *шаекъ* сперва, *нѣтъ сомнѣнія*, подымали оружіе на Поляковъ, какъ на враговъ своей вѣры и родины: ихъ славные подвиги, хотя и сопровождаемые жестокостію, но облагороженные святою цѣлію защиты церкви православной, воспѣла народная поэзія Украины». (Харька, Желѣзняка, Гонту, Швачку также воспѣваетъ народная поэзія Украины)!

На стр. 33. «Въ началѣ быта Запорожскаго, *нѣтъ сомнѣнія*, эти степные герои были истинные поборники православія, и они дѣлали Полякамъ зло изъ одной національной (?) и религіозной мести. Таковы были подвиги во время войнъ Хмельницкаго, Павлюка, Морозенка, Лободы, Полторакожуха, Нечая, Кривоноса и многихъ другихъ, которыхъ *гайдамацтво* было освящено высокою цѣлію — освободиться изъ подъ ига Лядскаго Египетскаго». (Это выраженіе Украинскихъ лѣтописей)...

Но авторъ «Наѣздовъ» не выдержалъ такого тона въ концѣ книги, когда пришлось говорить объ истребленіи одныхъ

---

[1]) «Мертвіи бо срама не имуть»! говорилъ дружинѣ своей воинственный Святославъ, сложившій за Днѣпровскими порогами свою голову, какъ бы въ основаніе Запорожья, *въ первообразъ голосъ козацкихъ* (Укр. Нар. пѣсни стр. 67).

Евреевъ, во время Хмельницкаго. «Всѣмъ извѣстны тиранства и мученія, которымъ предавали ихъ козаки въ 17 столѣтіи», говоритъ г. Скальковскій на стр. 134; и Запорожскихъ рыцарей—Нечая, Морозенка, Павлюка, Кривоноса—называетъ уже просто *Гайдамаками:* «молитва Евреевъ, въ память убіенныхъ *Гайдамаками* въ Немировѣ и Барѣ ихъ братій, 1649 г.»

Вотъ такъ бы прямо и во всей книгѣ говорить, не утверждая, что ни Запорожцы себя, ни Поляки ихъ не называли Гайдамаками; не отдѣляя (повидимому такъ рѣзко, а на самомъ дѣлѣ только повидимому) возстаній Наливайка, Лободы, Павлюка, Хмельницкаго, отъ подвиговъ Желѣзняка и его предшественника Харька. Всѣ эти Украинцы и козаки безъ сомнѣнія принадлежатъ къ одной категоріи [1]): Харько и Желѣзнякъ доканчивали въ Западной Украйнѣ то, что началъ Переясловскій полковникъ Лобода съ своимъ другомъ и родичемъ Наливайкомъ. На всѣхъ ихъ можно смотрѣть съ двухъ разныхъ сторонъ; но непремѣнно должно смотрѣть одинаково.

При началѣ возстаній каждаго изъ этихъ козацкихъ и Украинскихъ предводителей противу Поляковъ, современники ихъ, особенно Поляки, разумѣли ихъ и казнили ихъ, какъ бунтовщиковъ и разбойниковъ; въ послѣдствіи, въ потомствѣ, и особенно у насъ, Украинцевъ, они поминаются, какъ подвижники Украинской Руси и защитники православія. Богдану Хмельницкому Богъ далъ то, чего онъ, по собственному признанію, и не ждалъ въ началѣ своего возстанія: то былъ истинный *мечъ* на защиту Украины православной. А между тѣмъ судьба его, можно сказать, висѣла на волоскѣ... и я не знаю, какая была бы изобрѣтена казнь, если бы этотъ безсмертный вождь Украины, этотъ самый грозный Гайдамакъ —попался живой въ руки своимъ сопротивникамъ; но Чарнецкому достались на поруганіе только гробовыя кости Богдановы.

---

[1]) Изъ этой категоріи я исключилъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго: онъ одинъ умѣлъ быть хранительнымъ *щитомъ* Украины отъ Поляковъ, не подымая вооруженной руки на Польшу.—Припоминаю это въ отвѣтъ Погодину, на его примѣчаніе въ статьѣ моей о *гетманѣ Сагайдачномъ*, напечатанной въ Москвитянинѣ 1843 № 10-й.

И подвигъ Желѣзняка могъ-бы кончится иначе, если-бы случился не тогда, когда русская Царица подала уже государственную помощь Польшѣ противу ея внутреннихъ, предсмертныхъ возмущеній. На ту пору возстаніе Западной Украины, произведенное Желѣзнякомъ, конечно было уже безвременнымъ и неумѣстнымъ дѣломъ; почему русское войско и преслѣдовало Гайдамаковъ также, какъ и конфедератовъ Барскихъ. — Безъ этой вспомагательной, посредствующей силы, Западная Украина близко уже была къ тому, чтобъ быть, подъ рукою Желѣзняка, очищенною отъ всего не православнаго. И тогда Желѣзнякъ конечно поступилъ-бы съ нею также, какъ со всею Украиною и Запорожьемъ поступилъ счастливый Богданъ, и не будучи поданнымъ Россіи. Запорожецъ Желѣзнякъ, достигши своей цѣли, конечно поклонился-бы царицѣ своей Западною Украиною, какъ нѣкогда Ермакъ повинился Сибирью предъ царемъ Московскимъ; и новый предводитель Гайдамацкой шайки имѣлъ бы право на прославленіе не въ однѣхъ народныхъ пѣсняхъ и сочиненіяхъ Украинцевъ. Запорожцы, какъ ни отрывали ихъ судьбы отъ Русскаго міра, всегда влеклись къ нему, какъ и всѣ Русскіе влекутся въ общую цѣлость и жизнь православной Руси.—Г. Скальковскій такъ немилостивъ въ Желѣзняку, что даже и пострадавшей отъ Гайдамаковъ Кребсовой *не позволилъ* сказать объ немъ, что: «онъ былъ не простой Гайдамакъ» и выключилъ это выраженіе изъ ея разсказа. Между тѣмъ онъ самъ ненамѣренно сказалъ истинную похвалу Желѣзняку, назвавъ его «героемъ Украинской черни (с. 121)». Уже и славный Хмельницкій съ своимъ козачествомъ не былъ героемъ Южнорусской аристократіи: тѣмъ менѣе подвижникъ Православной Украины могъ быть героемъ высшаго сословія въ исходѣ прошлаго столѣтія, когда все почти Западно-Украинское и Волынское дворянство было уже не православное.

Г. Скальковскій, такъ услужливо очищая Запорожье отъ мнимаго пятна, говоритъ, что «Желѣзнякъ, какъ истинный сынъ славнаго Запорожья, умѣлъ хитрить и лгать при удобномъ случаѣ (с. 82).» Напрасно: народа не обманешь!

Мазепа-ли не воздвигалъ церквей, не благотворилъ школамъ и духовенству Малороссійскому! и кого изъ вождей Украины больше его превозносили современники пышными панегириками?... А между тѣмъ народныя пѣсни донынѣ поминаютъ лихомъ коварнаго Гетмана. Правду сказалъ пѣвецъ Екатеринина вѣка:

«Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться;
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.»

3. О Гайдамаччинѣ вообще и ея началѣ.

Чтобы устранить, сколько можно, отъ Запорожцевъ участіе ихъ въ Гайдамаччинѣ 1768 года, г. Сальковскій почелъ нужнымъ въ самомъ началѣ своихъ Наѣздовъ попротиворѣчить моему давнему замѣчанію, что «Гайдамаками сначала называли сами себя Запорожцы [1].»

Не принявъ этого замѣчанія, Г. Скальковскій сознаётся, что онъ *не знаетъ*, гдѣ нашелъ я свѣдѣніе объ этомъ (с. 9); а также *не знаетъ* и того, что значитъ этимологически и археологически слово Гайдамакъ (с. 13).» Это бы и не бѣда; мало ль о чемъ случается не знать, особливо, если, напримѣръ, —сбираясь писать о Запорожцахъ и Гайдамакахъ, станемъ собирать матеріалы изъ Польскихъ и Еврейскихъ источниковъ, и не прочтемъ Исторіи Малороссіи Маркевича [2]). Но сознавшись въ своемъ незнаніи, Г. Скальковскій потомъ рѣшительно утверждаетъ,—что «никогда Запорожцы не считали и не называли себя Гайдамаками (с. 143).» Вотъ это ужь напрасно! Наименованіе Запорожцевъ Гайдамаками конечно было не оффиціальное; потому и напрасный трудъ искать его въ дѣловыхъ бумагахъ *Новой Сѣчи*, когда имя Гайдамаки принадлежало уже только тѣмъ Запорожскимъ гультяямъ и ихъ послѣдователямъ, которые охотились разбоемъ; когда Запорожская старшина была уже въ отвѣтствен-

---

[1]) См. Украинскія Народныя Пѣсни.—М. 1834. Замѣтки на стр. 66 и 136.

[2]) Въ послѣдней (55) главѣ (Т. II.) *Исторіи Малороссіи* описано происшествіе 1768 года хоть коротко, но во многомъ вѣрнѣе. Изъ 5 тома (стр. 84 и 93) Г. Скальковскій можетъ удостовѣриться, что я пишу свои замѣчанія на его *Наѣзды*, давно зная въ подлинникѣ его источники Польскіе.

ности передъ правительствомъ за удаль своихъ *низовыхъ молодцовъ*. Но въ прежнее время, по крайней мѣрѣ съ той поры, когда козачество ополчилось на Польшу за утѣсненіе православной вѣры и Украины, имя Гайдамака является отличительнымъ эпитетомъ Запорожца въ войскѣ козацкомъ. Конечно, и въ тогдашнемъ смыслѣ, для Поляковъ и Евреевъ, Гайдамаки были «люди преступные и жестокіе» (с. 14): тѣмъ не менѣе *Гайдамаками* тогда называли себя Запорожцы, такъ же, какъ войско свое величали они *Кравчиною* (въ честь Кравца Наливайка,—по моему же давнему изъясненію). Это названіе *Кравчиною*, равно какъ и народное прозваніе гетмана Подковы — *Серпягою*, (а полковниковъ Лѣспицкаго и Ждановича — *Костыремъ и Волочаемъ*), извѣстны стали изъ народныхъ пѣсень, и приняты г. Скальковскимъ даже въ текстѣ его исторіи. Названіе Запорожцевъ *Гайдамаками* находимъ и въ пѣсняхъ, и въ историческихъ письменныхъ сказаніяхъ. Напримѣръ: «на Тясминѣ рѣкѣ козаки станомъ стояли: рвомъ и валомъ окопались; всего 20,000. Первымъ отрядомъ тремя полками командовалъ гетманъ (Наливайко); на переду стоялъ. А ниже на право полковникъ Лобода и обозный. А ниже на лѣво полковникъ Опара и асаулъ; и по ниже въ гаю *Гайдамаки* въ таборѣ». Или: «и егда подоспѣли до Хмельницкаго Вовгуревскіе ратники съ атаманомъ Лисенкомъ и *Гайдамаками*».... Кто же были эти *Гайдамаки* 16 и 17 вѣка, въ войскѣ и таборѣ козацкомъ? Это поясняютъ козацкія пѣсни: о Наливайкѣ (1597), о Сулимѣ (1633). — Вотъ слова изъ послѣдней:

«Ой въ гôродѣ въ Ватуринѣ дзвоны задзвонили,
То козаки *Гайдамаки* у радѣ радили,
Панъ Сулима, панъ Сулима козакôвъ збирае,
Да й усѣмъ тимъ *Гайдамакамъ* вôнъ такъ промовляе;
Товариши Гайдамаки, чинѣть мою волю!
Счо намъ треба одплатити Вкраинську недолю».

Кошевой называетъ товарищами своими Гайдамаковъ: кажется ясно, что Гайдамаками называлось *товариство Запорожское*. Надѣюсь, что г. Скальковскій согласится на мое давнее замѣчаніе; по крайней мѣрѣ впередъ не станетъ повторять, будто «Запорожцы не называли себя Гайдамаками». При этомъ ему

слѣдовало бы отказаться и отъ того мнѣнія, будто виновниками Гайдамаччины были не Запорожцы, а — «бѣглецы изъ разныхъ *Славянскихъ земель*, скрывшіеся въ Запорожьѣ отъ преслѣдованія законовъ (с. 14).» Зачѣмъ слагать на нашу западную братію то, чего виновниками были сами восточные рыцари наши, сами *братчики* Запорожскіе! Конечно, между ними бывали выходцы изъ разныхъ Славянскихъ земель, бывали ускоки Задунайскіе и *самозбройцы* Польскіе. Въ Наѣздахъ г. Скальковскаго встрѣчаемъ, напримѣръ, Запорожца *Ивана Ляха* (изъ Новогрудскихъ дворянъ, фамиліи Суллистровичей), который занимался разбоемъ, и въ 1748 году перегналъ въ Запорожье 100 лошадей изъ Уманской губерніи (с. 53). Встрѣчались мнѣ, въ старыхъ бумагахъ, и другіе Запорожцы, прозывавшіеся *Ляшками*, тоже съ пушкомъ на рыльцѣ.... Но это капли въ степномъ морѣ Запорожскомъ! Изъ множества дѣлъ о Гайдамакахъ, бушевавшихъ въ разные годы прошлаго столѣтія, видно, что почти всѣ они были или Сѣчевики, или же у нихъ учились гайдамачеству. Самъ г. Скальковскій такъ ясно и опредѣлительно показалъ намъ, (въ Исторіи Новой Сѣчи гл. II и IV), что Запорожцы, любившіе «погулять въ степи», пускались на гайдамачество «большею частію за вѣдома куреня (с. 222),» и что «Запорожская старшина, особенно Кошевые, отмолодечившись въ свое время.... въ глубинѣ души оправдывали ихъ, и если могли, давали средства къ побѣгу». Зачѣмъ же теперь кивать на Петра, потакая Климычу? Иное дѣло Запорожская старшина: тутъ имѣли выгоду и необходимость, для своего оправданія, покрывать иногда проказы своихъ гультяевъ. И въ Наѣздахъ г. Скальковскаго, по поводу вышеупомянутыхъ 100 лошадей, уведенныхъ Запорожцемъ Каневскаго куреня Иваномъ Ляхомъ и отогнанныхъ Сѣчевымъ объѣздомъ въ войсковой табунъ, вотъ что сказано (с. 53): «получивъ объ этомъ оффиціальную ноту, Леонтьевъ требовалъ отъ Коша выдачи лошадей Полякамъ, а виновнымъ наказанія; но напрасно. Кошъ «нижайше» донёсъ: «что виновныхъ нигдѣ не оказалось; лошадей въ табунѣ никогда не было; Иванъ Лях въ куренѣ Каневскомъ никогда не считался»....

Удивительно, какъ послѣ такихъ оффиціальныхъ показаній Г. Скальковскій все свое утвержденіе о значеніи и происхожденіи Гайдамаковъ основываетъ именно на тѣхъ оффиціальныхъ отвѣтахъ, которыми Запорожская Старшина оправдывала себя въ глазахъ Правительства, по случаю строгихъ запросовъ о Гайдамакахъ 1768 года! Самъ же онъ, въ Исторіи Новой Сѣчи, открывая намъ «секреты Коша Запорожскаго» говорилъ (с. 36), что Запорожцы «хранили строгую тайну о состояніи Войска и не хотѣли отвѣчать ни на какіе вопросы о томъ Русскаго правительства.» Такимъ образомъ, онъ самъ отнялъ вѣру въ искренность *оффиціальныхъ оправданій* и показаній Запорожской старшины, а между тѣмъ на нихъ то и основывается, ими преимущественно и очищаетъ память славнаго Низоваго войска!....

Но Г. Скальковскій въ сѣчевомъ архивѣ открылъ еще «лучшее доказательство непричастности Запорожья въ Гайдамацкихъ неистовствахъ.» (с. 138). Это—отвѣтъ Кошеваго на ясновельможное *падамъ до ногъ* Князя Яблоновскаго. Вскорѣ послѣ Уманской рѣзни, воевода Позианскій Князь Яблоновскій, какъ помѣщикъ Украинскій, пишетъ къ Кошевому: «не упускаю къ тому случая предаться еще и вашей вельможности съ войсковою Старшиною въ особеннѣйшую, дружескую, сосѣдственную милость, защищеніе и покровительство, прося притомъ дружелюбно, не оставить отеческою своею милостью находящагося области нашей въ Украинѣ надъ вѣчистыми моими добрами Космовскаго, подчашаго Новогрудскаго, отъ происходящихъ междоусобныхъ матежей, нарушающихъ почти государственную цѣлость, всевозможнымъ образомъ по своимъ силамъ, отъ стороны своей защищать и въ милости своей онаго Г. подчашаго, для моей подносимой предъ вельможностью вашей глубокой просьбы, содержать....» и проч. —Кошевой отвѣчаетъ: «хотя я всѣмъ усердіемъ отъ сихъ матежей онаго Г. Космовскаго готовѣйшій бы защищать; но яко онъ находится въ тамошнихъ В. С. принадлежащихъ мѣстахъ, куда намъ въѣзду имѣть съ командами безъ позволенія Высочайшаго не возможно...» и проч. И этотъ от-

вѣтъ въ Наѣздахъ Г. Скальковскаго предлагается, какъ «лучшее доказательство!« Чтожъ послѣ этого будутъ худшія?...

Худшими средствами ко очищенію «вѣчнаго пятна» можно назвать: 1) Уменьшительное показаніе числа Запорожцевъ, участвовавшихъ въ *Трагедіи* 1768 года; 2) усиленное наказаніе всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ этой трагедіи, и особенно того, подъ чьимъ вліяніемъ легло мнимое *вѣчное пятно* на Запорожье!

4. О числѣ Запорожцевъ, участвовавшихъ въ Колиивщинѣ 1768 г.

Г. Скальковскій говоритъ, что «въ этой несчастной и кровавой трагедіи участвовало до 300 Запорожцевъ.» (с. 127.)

Но въ этой трагедіи дѣйствовало не 300, а конечно болѣе тысячи Запорожцевъ! Возмёмъ первую половину этой трагедіи, до разоренія Умани включительно, и послушаемъ Историка Новой Сѣчи. «Сколько можемъ доискаться — говоритъ онъ (стр. 281), въ современныхъ бумагахъ, находимъ, что вначалѣ 1767 года внезапно цѣлыя толпы бездомнаго буйнаго *Запорожскаго товарства*.... пустились по направленію Буга. Бугогардовскій полковникъ Моисей Головко.... убѣдился въ томъ, что всѣ толпы идутъ на Польшу съ кровавыми замыслами. Полковники Тарасъ Чорный и Ѳедоръ Великій донесли въ тоже время (Кошу), что всѣ почти рыболовныя хижины по Днѣпровскому и Бугскому лиманамъ опустѣли, ибо всё бѣжитъ въ Польшу на грабительство; что шайка Гайдамацкая имѣла уже до *600 человѣкъ Запорожскихъ козаковъ* и до 1.000 взбунтованныхъ въ Польшѣ Украинскихъ поселянъ, которые дѣлаютъ грабежи и убійства неимовѣрныя.»

И такъ, по показанію трёхъ Запорожскихъ полковниковъ и самаго историка Новой Сѣчи, въ Гайдамацкой шайкѣ (подъ рукою Желѣзняка) было до 600 Запорожскихъ козаковъ.—

Зачѣмъ же Г. Скальковскій умолчалъ объ нихъ въ своихъ Наѣздахъ, и не включилъ ихъ въ общій *итогъ?*

Взглянемъ теперь на вторую половину этой трагедіи, когда, послѣ Уманской рѣзни, работали уже «на малую руку.» У Г. Скальковскаго говорится о ватажкахъ *Саражинѣ*, *Губѣ*, *Дейнекѣ* и другихъ; но не показано, много ли Запорожцевъ было въ ихъ *чатахъ* (шайкахъ). Правду сказать ихъ и сосчитать нельзя; ибо, кромѣ значительныхъ ватагъ, множество Запорожцевъ переходили за границу по 10 по 5 человѣкъ, и даже въ одиночку.

Поименуемъ однакоже нѣкоторыя ватаги, вышедшія изъ Запорожья послѣ Петрова дня, (извѣстныя намъ изъ подлинныхъ, несомнѣнныхъ актовъ 1768 года).

1) Въ пасѣкѣ *Семена Саражина*, близь Петровскаго хутора, въ продолженіе недѣли собрались 134 Запорожца: (съ атаманомъ И. Бандуркою пришло 21; съ атаманомъ Скориною 17; съ Петромъ Вѣтромъ 20). Гусарская команда, напавъ на эту чату при селѣ Нерубанкѣ, захватили изъ нея 60 человѣкъ, въ томъ числѣ Вѣтра, Бандурку и главнаго атамана ихъ Саражина, бывшаго ротнымъ квартермейстромъ *Чернаго* (прежняго *Хорватова*) Гусарскаго полка.

2) *Василь Щербина* и *Климъ Круть* вывели черезъ урочище Гардъ 60 Запорожцевъ: эта ватага поймана карабинерами и донцами въ селѣ Низгурцахъ.

3) Атаманъ *Гайдай* вывелъ ватагу, состоявшую изъ 64 Запорожцевъ, пойманныхъ подъ Бердичевомъ.

4) *Миронъ Губа* провелъ черезъ лѣсъ Чуту 82 Запорожца, перешедшихъ границу подъ Петровскимъ и захваченныхъ карабинерами подъ Сквирою.

Къ этимъ ватажкамъ можно еще прибавить: *Якова Мамая*, перешедшаго черезъ Гардъ съ 9 другими Запорожцами и пойманнаго въ Саврани Польскою командою; или *Ѳедора Вариводу*, который въ числѣ 70-ти Запорожцевъ прошелъ близь Орловскаго форпоста; или *Игната Чуба*..—Но довольно; и то уже вышло *болѣе* 400 Запорожцевъ, не поспѣвшихъ на Уманскую рѣзню и шедшихъ, «противу Конфедератовъ, на защиту людей Греческаго исповѣданія.» Всѣ они пошли изъ Запорожья, какъ и прежніе 600, разумѣется самовольно, безъ вѣдома сѣчевой Старшины, и конечно «не

были отрядомъ Низоваго войска, отправленнымъ отъ Коша....» (с. 127)... Правду сказать, новому Кошу и старшинѣ Запорожской въ то время было не до того, чтобы заниматься Западно-Украинскими дѣлами. Ихъ занимала тогда юриспруденція и заботила собственная тяжба, въ которой хотѣлось было выиграть «прежни степы съ темными лугами», а пришлось скоро утратить и самую «Сѣчь—мати.»

При этомъ же, Кошъ и Старшина не составляли всего Низоваго войска: самъ историкъ Новой Сѣчи говорилъ намъ, какую важность въ Запорожьи имѣло *товариство*; и самъ же онъ повѣствовалъ, что въ 1768 году «цѣлыя толпы Запорожскаго *товариства* шли въ Польшу.» Изъ его же Исторіи видимъ, что въ этомъ именно году товариство не ладило съ своею Старшиною: на общей войсковой радѣ, созванной кошевымъ 26 декабря, толпа вооруженнаго товариства, разогнавъ раду, разорила домы старшинъ, выпустила изъ тюрмы своихъ Гайдамаковъ; а Кошевой съ старшиною принуждены были бѣжать изъ Сѣчи; и только строгій, умный приказъ Румянцова, (котораго особенно уважали Запорожцы, какъ славнаго воителя), заставилъ ихъ утихомириться такъ скоро, и принять съ покорностью прежнюю старшину. При томъ же это было передъ самою войною Турецкою, въ которую Запорожское товариство само, своею кровью, омыло тотъ грѣхъ, что ихъ *братчики*, самовольно и безпашпортно отлучась за границу «для защиты Украинцевъ и Православныхъ монастырей,»—поучаствовали тамъ въ Уманской рѣзнѣ; а участвовавшіе въ томъ Запорожцы одни положили свои головы на мѣстѣ; другіе послужили во внутреннихъ гарнизонахъ (NB); нѣкоторые кончили свой вѣкъ въ странѣ, завоеванной Ермакомъ Тимофѣевичемъ. Кровавое пятно Коліивщины тогда же слилось съ свѣтлымъ пятномъ славы Запорожской,—и память Запорожья нуждается въ Историкѣ, а не въ адвокатѣ; въ проясненіи, а не въ очищеніи.

5. Судъ и наказаніе участвовавшихъ въ Коліивщинѣ.

Числовыя показанія въ Наѣздахъ Г. Скальковскаго часто невѣрны. Такъ на стр. 109 онъ говоритъ, что изъ схвачен-

ныхъ подъ Уманемъ Гайдамаковъ «150 человѣкъ, признанныхъ Запорожцами т. е. русско-подданными, отослалъ (Кречетниковъ) для суда въ Кіевъ.» Это число увеличено вдвое; ибо въ Кіевъ доставлено всего *73 Запорожца, захваченныхъ подъ Уманемъ*; а именно: 48 Запорожцевъ, пойманныхъ карабинернаго Каргопольскаго полка полковникомъ Гурьевымъ, и 25 пойманныхъ карабинернаго Тверскаго полка поручикомъ Кологривовымъ. Въ числѣ этихъ 73 Запорожцевъ были: Ѳ. Воложинъ, Ѳ. Губа, И. Шрамъ, Т. Чуприна, Я. Безродный... и два начальника ихъ: «атаманъ Павло Таранъ» и —«полковникъ *Максимъ Желѣзнякъ.*» Привожу это изъ подлинныхъ, несомнѣнныхъ актовъ 1768 года. Изъ нихъ видно, что разсказы Г. Скальковскаго о послѣднихъ похожденіяхъ Желѣзняка въ разныхъ мѣстахъ, особливо о поимкѣ его гусарскимъ полковникомъ Чорбою, требуютъ переслѣдованія. Можетъ быть, то былъ уже самозванецъ—Желѣзнякъ, бушевавшій подъ именемъ настоящаго, въ противоположность тому, какъ было съ Запорожцемъ Савкою Чалымъ, когда ловилъ его Потоцкій: «всякій пойманный Гайдамакъ называлъ себя Савкою Чалымъ, а истинный подвизался по прежнему» (с. 47).

На стр. 127. Г. Скальковскій говоритъ, что изъ 300 Запорожцевъ (вмѣсто тысячи), участвовавшихъ въ Коліивщинѣ, —«большая часть была убита гусарами и карабинерами; другіе схвачены и *наказаны кнутомъ въ Кіевѣ;* остальные бѣжали въ свои степи».... Коротко и ясно! Но если большая часть ихъ убита; то убито болѣе 150 человѣкъ, схвачено менѣе 150; а въ Кіевъ представлено и того менѣе. На самомъ же дѣлѣ было такъ: въ Кіевъ, кромѣ помянутыхъ 73 Запорожцевъ, пойманныхъ подъ Уманемъ, и еще нѣсколькихъ, въ небольшомъ числѣ доставленныхъ послѣ изъ разныхъ мѣстъ,—представлено полковникомъ Нижегородскаго карабинернаго полка Панинымъ 162, да капитаномъ Тюнинымъ 17; и того (179, а за смертію двухъ) 177, изъ коихъ дѣйствительно Запорожцами оказались 166 человѣкъ, вышедшихъ частію изъ Сѣчи, частію изъ рыболовныхъ дачъ Запорожскихъ. Въ Наѣздахъ г. Скальковскаго всѣ схваченные Запорожцы равно *наказаны кнутомъ;* на самомъ же дѣлѣ, изъ помянутыхъ 166 человѣкъ,

2 умерли сами; 154 разосланы во внутренніе гарнизоны, 6 человѣкъ посланы въ Сибирь на поселеніе; а 3-мъ, вмѣсто *кнута,* назначены *оковы и ссылка въ Нерчинскъ,* именно: *Колотнечъ, Чупринъ* и тому *Саражину,* который — по выраженію Скальковскаго (с. 122), «знаменитѣе другихъ своею дерзостью и жестокостью». Такова была Всемилостивѣйшая воля, изъявленная въ высочайшихъ рескриптахъ Воейкову и Румянцову, которому ввѣрена была судьба Гайдамаковъ въ полное его распоряженіе и благоусмотрѣніе... А Желѣзнякъ?.... Историкъ Малороссіи Маркевичъ былъ искреннѣе, сказавъ, что «смерть Желѣзняка неизвѣстна (т. II. стр. 67).» Но г. Скальковскій думаетъ и не придумаетъ, что бы съ нимъ сдѣлалось..... Въ исторіи Новой Сѣчи (стр. 291) ему казалось, что въ изданной мною народной пѣснѣ о Желѣзнякѣ онъ представленъ «готовящимся на казнь». Въ Наѣздахъ (с. 121) говоритъ уже, будто изъ этой пѣсни видно, что, Желѣзнякъ «казненъ въ Кіевѣ». Въ самомъ же дѣлѣ изъ этой пѣсни не видно ни того, ни другаго: Максимъ Желѣзнякъ представленъ въ ней сидящимъ въ Кіево-Печерской тюрьмѣ и думающимъ думу не о казни своей, а о томъ, изъ чего онъ бился, и чего хотѣлъ:

«И говорить Максимъ козакъ, сидючи въ неволѣ:
Не будуть мать вражи Ляхи на Вкраинѣ воли!
Течуть рѣчки зъ всёго свѣта до Черного моря,
Минулася на Вкраинѣ Жидôвськая воля!»

Но хотите ли знать, какая участь избрана отцу Мельхиседеку, въ Наѣздахъ г. Скальковскаго? Автору не показалось то преданіе, что игуменъ «ушелъ въ Малороссію, оправдался тамъ и получилъ въ управленіе какой то монастырь». Ему болѣе понравилось сказаніе Кребсовой, что Мельхиседекъ оставался въ монастырѣ Лебединскомъ, пока «Стемпковскій, съ 8 пушками и отрядомъ кавалеріи, составленной изъ одного дворянства, т. е. католиковъ, окружилъ Лебединскій монастырь во время заутрени.... По приказанію Стемпковскаго, солдаты его вкопали острый колъ въ землю близь самыхъ воротъ монастырскихъ, и палачи схватили игумена... Игуменъ былъ замученъ на колѣ, а двумъ монахамъ отрубили головы». Личнымъ свидѣтелемъ этого произшествія былъ

Польскій бригадиръ Голѣевскій, присутствовавшій и при казни Гонты въ селѣ Сербахъ.... Чего бы кажется вѣрнѣе?.... Но вотъ чудеса: Мельхиседекъ Значко-Яворскій, замученный на колѣ, по свидѣтельству очевидца бригадира Голѣевскаго, дѣйствительно является въ Малороссіи и живетъ еще лѣтъ 30, сначала въ Кіево-Софійскомъ, потомъ въ Глуховскомъ монастырѣ, занимаясь по прежнему, кромѣ церковнаго дѣла, медициною, физикою и механикою. Не даромъ на Украинѣ объ Мельхиседекѣ шла такая же молва, какъ въ Московской Руси о фельдмаршалѣ Брюсѣ! Престарѣлый топографъ Кіева, Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій и теперь еще живо помнитъ, какъ въ юности своей, вмѣстѣ съ другими академистами, ходилъ онъ въ Софійскій монастырь къ Мельхиседеку, и какъ этотъ осанистый, рѣчистый инокъ показывалъ имъ электрическіе опыты, и мѣднымъ тазомъ (т. е. вогнутымъ зеркаломъ) зажигалъ сѣрники. Вѣрьте послѣ этого *личнымъ свидѣтельствамъ* и *современнымъ запискамъ*, на коихъ основалъ г. Скальковскій свою, какъ говоритъ онъ, «правдивую повѣсть».

Съ епископомъ Гервасіемъ онъ обошелся иначе. Извѣстно всѣмъ, что Мельхиседекъ, за открытое распространеніе православія въ Западной Украинѣ, былъ, по приказанію Уніятскаго митрополита Фелиціана Володкевича, схваченъ въ Радомыслѣ, и содержался въ тюрьмѣ въ монастырѣ Дерманскомъ. Несомнѣнная истина и то, что въ то время епископомъ Переясловскимъ и Бориспольскимъ былъ Гервасій, бывшій прежде архимандритомъ Пекинскаго монастыря. Онъ скончался 1769 года 22 декабря въ Кіевѣ, откуда тѣло его перевезено въ Переясловъ [1]) и погребено въ каѳедральномъ Соборѣ (тогдашнемъ монастырѣ), въ томъ склепу, гдѣ погребены и другіе епископы. Уніатъ Туганскій, повѣствуя о ревности Мельхиседековой къ православію, говоритъ: «кажется даже, что съ особаго дозволенія православнаго епископа Переясловскаго Линцевскаго [2]), онъ (Мельхиседекъ)

---

[1]) Въ 1840 г. въ Переясловлѣ находились еще въ живыхъ вдова священника Базилевича (роднаго брата Преосвященнаго Іова Базилевича, преемника Гервасіева), помнившая, какъ жители Переяслова за городомъ встрѣчали гробъ Гервасіевъ.

[2]) Издатели сей записки на польскомъ языкѣ (въ русскомъ переводѣ напечатанной въ Наѣздахъ г. Скальковскаго) по ошибкѣ, вмѣсто Lincewsky, напечатали Linowski.

рѣшился давать благословеніе на постройку новыхъ русскихъ церквей, посвящать оныя, и народъ, всегда Уніи сопротивлявшійся, къ себѣ привлекать». Г. Скальковскій православнаго епископа Гервасія Линцевскаго, подъ именемъ *Гервасія Линовскаго*, обратилъ въ «мѣстнаго уніятскаго епископа», и заставилъ его (вмѣсто Володкевича) подвергнуть *тяжкому* заключенію Мельхиседека!

Такъ-то г. Скальковскій *очистилъ* память славнаго Запорожья отъ *вѣчнаго пятна!*... Весьма похвальна услужливость историка; но онъ самъ, изъ предложенныхъ мною замѣчаній, конечно увидитъ ошибки, въ которыя вовлекла его эта услужливость. Я увѣренъ въ этомъ, потому именно, что г. Скальковскій называетъ себя «поклонникомъ исторіи. А при его трудолюбіи и любви къ Запорожью, онъ можетъ оказать истинную услугу исторіи козачества, если найдетъ средства скорѣе издать въ подлинникѣ какъ можно больше актовъ изъ находящагося у него Сѣчеваго архива, изъ котораго уже извлекъ онъ столько новаго и любопытнаго для исторіи Запорожья и Гайдамаччины. Поспѣшность въ этомъ случаѣ была бы лучше той, съ какою онъ судитъ и рядитъ о предметахъ, съ которыми не довольно еще освоилась мысль его. Имѣть «передъ глазами своими тысячи Запорожскихъ бумахъ»—не значитъ еще видѣть ясно характеръ и судьбу Запорожья; прослушать или прочесть сотню или двѣ козацкихъ пѣсень и новыхъ стихотвореній, писанныхъ въ подражаніе имъ,—не значитъ еще постигнуть характеръ Запорожскихъ пѣсень.—А чтобы показать, какъ поспѣшны и ошибочны его рѣшительныя сужденія, я представлю еще слѣдующее замѣчаніе на *мнѣніе г. Скальковскаго о пѣсняхъ Запорожскихъ*.

Въ исторіи Новой Сѣчи, с. 143, авторъ говоритъ: «Да позволено будетъ намъ, *очень близко* знающимъ и *Низовую* и *Городовую* Украину, представить здѣсь нѣсколько *практическихъ* замѣчаній. Мы не мало удивлялись и удивляемся, что до сихъ поръ всѣ собиратели и объяснители плодовъ Украинской Народной Поэзіи смѣшиваютъ Запорожскія пѣсни съ Малороссійскими до такой степени, что даже ученый Максимовичъ, въ своемъ драгоцѣнномъ собраніи пѣсень,

только малую часть отдѣляетъ въ статью *Запорожскихъ*, и то о паденіи Коша; нѣкоторыхъ же происхожденіе даже ему неизвѣстно, какъ наприм. пѣснь о взятіи Варны. Это весьма важная ошибка для поэзіи, а еще болѣе для исторіи.» Смѣемъ увѣрить всѣхъ вообще и въ особенности Г. Скальковскаго, что въ этомъ смѣшеніи нѣтъ ни малѣйшей ошибки ни для поэзіи, ни для исторіи; и что его замѣчанія нисколько не *практическія*. Когда Украина была Гетманщиной, и Запорожье состояло съ нею подъ одною булавою, дѣйствовало за одно съ козачествомъ Украинскимъ, у нихъ была одна общая народная поэзія. Пѣсни и думы, слагавшіяся въ Запорожьи, расходились по всей Украинѣ; а слагавшіяся въ Украинѣ переходили въ Запорожье, вмѣстѣ съ Украинцами, изъ коихъ составлялось Запорожское населеніе. Въ Украинѣ и Запорожьи былъ одинъ народъ, одинъ языкъ, не смотря на мѣстную и бытовую особенность Запорожья. Украина оплакивала смерть Запорожскаго вождя; Запорожскій кошевой съ товариствомъ вступался за Украинскую недолю: такъ говорятъ и поэзія и исторія. Такимъ образомъ не было и нѣтъ никакой надобности, въ общемъ собраніи пѣсень, отдѣлять Запорожскія отъ прочихъ козацкихъ; и только *Запорожскія* пѣсни послѣднихъ временъ можно было означить особо отъ современныхъ имъ Западно-Украинскихъ и Малороссійскихъ, когда въ Малороссіи не было уже Гетманщины: когда Западная Украина доживала послѣдній срокъ бытія своего подъ Короною Польскою; а Запорожье, будучи уже безвременнымъ явленіемъ въ русскомъ мірѣ, доканчивало свой вѣкъ.... Отдѣленіе всѣхъ *Запорожскихъ* пѣсенъ можетъ прійти на мысль не издателямъ или объяснителямъ Украинской поэзіи, а развѣ историку Запорожья, который такъ рѣзко станетъ отдѣлять его отъ прочаго козачества, какъ отдѣляетъ Г. Скальковскій, наряжающій наше *Восточное Народное рыцарство* [1]) въ не свойственныя ему формы Западно-рыцарскихъ орденовъ. Для такой частной односторонней исторической цѣли можно, только для примѣра, привести нѣсколько собственно—Запо-

[1]) Укр. Нар. пѣсни стр. 70.

рожскихъ пѣсенъ разныхъ временъ. Но отдѣленіе всѣхъ Запорожскихъ пѣсенъ отъ не—Запорожскихъ есть чисто теоретическая мысль, неудобоисполнимая и для тѣхъ, которые болѣе г. Скальковскаго имѣютъ сочувствія къ народно-Украинской поэзіи, и болѣе его сжились съ нею. Для примѣра, вспомню здѣсь, какъ г. Срезневскій, въ Запорожской старинѣ, *пѣсню о Гордіенкѣ* не захотѣлъ признать Запорожскою. Такъ г. Грабовскій — въ прекрасномъ разборѣ изданныхъ мною Украинскихъ пѣсенъ [1]), думу *походъ на Поляковъ* не призналъ было древнею народною думою; между тѣмъ, какъ эта *превосходная* дума преимущественно передъ другими можетъ считаться *Запорожскою*, и сложена, конечно, вскорѣ послѣ 1637 года.

У г. Скальковскаго совсѣмъ наоборотъ: онъ предлагаетъ какъ древнія Запорожскія пѣсни — (и сказать не хочется)—новыя, современныя намъ стихотворенія о козачествѣ!.. Такъ подъ стихами, написанными вмѣсто эпиграфа на заглавномъ листѣ, поставлено: «Запорожская пѣсня». Повторяя тѣже стихи на стр. 148 и 166, историкъ не шутя замѣчаетъ, что это «говорилъ Запорожецъ,» и что «эта пѣсня сочинена вѣроятно въ 1630 годахъ». Положимъ, что эти и другіе стихи того же пера весьма хороши; но они столько же походятъ на древнія Запорожскія пѣсни, сколько новые *Юнаки* Волынскаго Полѣсья (такъ живо представленные въ *воспоминаніяхъ* Крашевскаго) походятъ на *бывалыхъ молодцевъ* Запорожскихъ, (такъ неясно представляемыхъ въ сочиненіяхъ г. Скальковскаго). На стр. 59-й исторіи Новой Сѣчи помѣщена цѣлая «пѣсня Бандуриста»:

«Гей козаче, въ имя Бога....»

Такъ и видно, что историкъ не Украинецъ и не близко знаетъ Городовую и Низовую Украину,—если эту пѣсню относитъ къ XVII вѣку; если даже слово *списъ* принимаетъ въ женскомъ родѣ: «*списа* — пика!».... Эта пѣсня Бандуриста «*доходящая до начала* XVII вѣка».... принадлежитъ къ числу стихотвореній современника нашего *Т. Падуры*, изданныхъ

[1]) Litteratura, Krytyka. Wilno 1837.

во Львовѣ, подъ названіемъ «Pienia» 1842 [1]), и въ Варшавѣ подъ титуломъ «Ukrainky» 1844.—На такомъ основаніи пожалуй и Лермонтовскую пѣснь о *Калачниковѣ* можно отнести къ 16-му вѣку; а о балладѣ Пушкина *Вѣщій Олегъ* можно сказать, что она доходитъ до 10-го вѣка!... Историкъ Новой Сѣчи не можетъ различить того, что само бросается въ глаза: новое стихотвореніе принимаетъ за древнюю Запорожскую пѣсню; а между тѣмъ удивляется, что всѣ издатели Украинскихъ народныхъ пѣсенъ смѣшиваютъ Запорожскія пѣсни съ прочими Малороссійскими!.... Видно издатели лучше разумѣютъ это дѣло, которое, кромѣ *сочувствія* къ народно-поэтической красотѣ, предполагаетъ еще и *опытность* въ обращеніи съ нею, подобную той, съ какою нумизматъ такъ легко отличаетъ подлинную древнюю монету отъ новой поддѣлки. Таковы ли «*практическія* замѣчанія» г. Скальковскаго—видно изъ вышесказаннаго.

Кіевъ,
1845 г. апрѣля 2-го дня.

---

[1]) Въ числѣ ихъ помѣщена баллада «Pani Twardowska»; но она написана не Падурою, а Гулакомъ-Артемовскимъ, и была напечатана при моемъ первомъ изданіи *Малороссійскихъ* пѣсенъ. М. 1827.

О СОТНИКѢ ХАРЬКѢ И ЗАПОРОЖЦѢ ЧУПРИНѢ [1]).

(Письмо П. А. Кулишу).

Получилъ вашъ новый гостинецъ, «Записки о Южной Руси,» и сердечно благодарю за прекрасный подарокъ. Я читаю съ наслажденіемъ ваши Записки, встрѣчая въ нихъ то старыхъ знакомцевъ своихъ, то новыя новины, добытыя вами изъ старой памяти народа. Хвала вамъ и сотрудникамъ вашимъ, Шишацкому-Иличу, Нѣговскому и всѣмъ новымъ дѣлателямъ на этомъ поприщѣ Южно-Русской народности, также богатомъ и неистощимомъ, какъ и земля Южно-Русская. Не нарадуюсь довольно, въ моей надднѣпровской глуши, видя непрестанное приращеніе нашего роднаго *збожья* въ литературнóмъ и ученомъ мірѣ.

Какъ все живо и свѣжо въ вашихъ «Запискахъ», и эти стародавнія думы бандуристовъ, и болтовня вашихъ разскащиковъ, и ваши собственныя историко-поэтическія мысли и мечты. Любуясь вашею книгою, я поучаюсь многому изъ нея, чего не зналъ прежде; но во многомъ съ нею не соглашаюсь; и если бы у меня было побольше писательной силы, я написалъ бы вамъ подробный отчетъ о моемъ чтеніи. Не могу, однако же, совсѣмъ отказать себѣ въ удовольствіи бесѣдовать съ вами объ этомъ; и потому буду иногда писать вамъ мой критическій комментарій хоть на нѣкоторыя мѣста вашихъ «Записокъ». Начну съ тѣхъ двухъ мѣстъ, гдѣ вы прямо объявили свое несогласіе со мною, и захотѣли передѣлать мою старую погудку на новый ладъ. И во первыхъ—*о сотникѣ Харькѣ.* За что вы обратили его изъ историческаго лица въ *загадочное?*...

[1]) Русская Бесѣда 1857 г. кн. I. стр. 38—49.

Вы говорите: «Сотникъ Харько представляетъ загадочное явленіе въ исторіи Польской Украины. Н. А. Маркевичъ, въ своей Исторіи Малороссіи, упоминаетъ о его возстаніи подъ 1765 годомъ, а о его смерти подъ 1766 годомъ, ссылаясь на неизданную статью М. А. Максимовича «О Коліивщинѣ....» и т. д. Что же? Историкъ Малороссіи, имѣвшій право извлечь изъ моего рукописнаго «Сказанія» все что ему было угодно, не ошибся въ означеніи смерти Харька 1766 годомъ, т. е., за два года до Коліивщины. «Но (продолжаете вы) въ мѣстечкѣ Смѣлой я встрѣтилъ старика, *Кондрата Тарануху*, который зналъ его *(Харька)* лично, и по разсказу котораго онъ предводилъ Жаботинскою сотнею, спустя лѣтъ *десять* послѣ Коліивщины» (стр. 96). Однако же, приведя разсказъ Таранухи, вы сами находите, что онъ приписалъ себѣ личное знакомство съ Харькомъ, будучи подъ хмѣлькомъ, и только «для большаго эффекта»! что онъ отъ своего лица передалъ вамъ разсказъ какого нибудь старожила; и вы сами полагаете, что Харько «долженъ былъ процвѣтать въ Жаботинѣ никакъ не послѣ разрушенія Сѣчи» (стр. 99). Такимъ образомъ вы отъ разсказа Таранухи возвращаетесь почти къ моему сказанью, на которое сослался историкъ Малороссіи. Въ моемъ «Сказаньи» написано такъ: «Свѣжа была еще память о возстаніи сотника Харька, и трогательная пѣсня объ немъ и его *молодой вдовѣ* была любимою пѣснею въ народѣ». Эту пѣсню въ первый разъ я узналъ въ Москвѣ, отъ *М. С. Щепкина*, когда онъ, своимъ задушевнымъ голосомъ, пропѣлъ мнѣ, у себя въ саду:

«Ѣхавъ сотникъ черезъ Уланикъ,
На вьечко похилився:
«Ой чомъ же ты, пане сотнику,
Ой чомъ зажурився?»
—«Якъ же менѣ, паны-молодци,
Ой якъ не журиться,
Коли пôдô мною буланый коню
Ирже й становиться....» и т. д.

Вскорѣ послѣ того я пріобрѣлъ у вдовы Ходаковской рукописное собраніе пѣсенъ, доставшееся послѣ ея достопамятнаго мужа; тамъ нашелъ я туже пѣсню про сотника Харька, съ слѣдующимъ концемъ:

«Ой летить крячок черезъ байрачокъ
Да й жалобненько кряче:
Стоить сотничка зъ полковникомъ,
Да й жалобненько плаче:
—«Ой бодай же ты, полковнику,
Наложивъ головою,
Що ты мене *молоденькую*
Нарядивъ удовою!»

Пополнивъ списокъ Ходаковскаго куплетами, слышанными отъ Щепкина, я напечаталъ эту пѣсню во второмъ изданіи моемъ «Украинскихъ Народныхъ Пѣсенъ», 1834 года. Любя издавать пѣсни съ поясненіями и примѣчаніями, я искалъ извѣстія: когда и гдѣ убитъ сотникъ Харько? И я нашелъ это—въ книгѣ достопамятнаго трудолюбца, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, «Историческое извѣстіе объ Уніи» (1805 г.), и, въ поясненіи къ пѣсни, я сказалъ, что сотникъ Харько убитъ 1766 года въ *Жаботинѣ*, по приказанію рейментаря, и сослался на книгу Бантыша-Каменскаго. Вы сами указываете, въ «Запискахъ», на 121 страницу моихъ «Украинскихъ Пѣсенъ», гдѣ напечатана пѣсня и ссылка на книгу Бантыша. И такъ, если вамъ угодно было усомниться въ достовѣрности извѣстія о годѣ смерти Харьковой, то слѣдовало бы опровергать оное не въ «исторіи Маркевича,» а въ самой книгѣ историка Уніи, на которую моя ссылка была предъ вами на 121 страницѣ. Но Н. Н. Бантышъ-Каменскій (отецъ историка Малороссіи) писалъ на основаніи подлинныхъ актовъ, которыхъ и былъ онъ блюстителемъ; опровергать его извѣстія можно только на основаніи подлинныхъ актовъ того времени, а не на разсказѣ современнаго намъ селянина. Всякій подобный разсказъ имѣетъ свое достоинство; но какъ источникъ историческаго свѣдѣнія, онъ занимаетъ послѣднее мѣсто, и рѣдко обойдется безъ ошибки, всегда требуетъ повѣрки строгой. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ у васъ разсказовъ о Колїивщинѣ, разсказъ *Ивана Бурдуна*, «о вербовкѣ въ Гайдамаки и развязкѣ Уманской трагедіи 1768 г.» (стр. 293): первая половина его (о вербовкѣ) отмѣнно занимательна и правдоподобна; но вторая половина, гдѣ онъ говоритъ о разстрѣляніи *Шелеста*, *Лусконога* и *Гниды* за Монастырищемъ, рѣшительно небылица. Изъ множества читан-

ныхъ мною показаній, снятыхъ съ Гайдамаковъ въ Кіевѣ и Переяславѣ, и въ судилищѣ Коденскомъ 1770 года, я достовѣрно знаю, что *Осипъ Шелестъ*, бывшій *атаманомъ* табора, сбиравшагося подъ Мотренинскимъ монастыремъ, въ Холодномъ оврагѣ, весною 1768 года, тамъ же и умеръ своею смертью, и въ дальнѣйшемъ дѣлѣ не участвовалъ; а на его мѣсто тогда сталъ старшимъ Запорожецъ *Максимъ Желѣзнякъ*, провозглашенный тамъ отъ козаковъ *полковникомъ*.

Но отъ чего вы не обратили вниманія на другое показаніе о годѣ смерти Харьковой, отходящее отъ вашего предположенія болѣе, чѣмъ принятое мною свидѣтельство историка Уніи? Въ изданіи пѣсень г. Метлинскаго, при новыхъ варіантахъ пѣсни о смерти сотника Харька, означенъ 1750-й годъ. Тутъ разницы даже больше, чѣмъ въ разсказѣ Таранухи! Вы ссылаетесь на тѣ пѣсни, предпочитаете ихъ старшему списку Ходаковскаго, а не обратили вниманія на показаніе 1750-го года.

На основаніи тѣхъ варіантовъ пѣсни о Харькѣ, записанныхъ вами и черноморцемъ Варенивомъ, и на основаніи разсказа Таранухи, вы говорите, что Харько убитъ въ *Паволочи*. А я, не довѣряя и старшему списку пѣсни (Ходаковскаго), гдѣ означена *Морозовка*, принялъ свидѣтельство Бантыша-Каменскаго, что сотникъ Харько убитъ въ *Жаботинѣ*. Пѣсня, какъ вы знаете, не рѣдко принимаетъ въ себя тѣ мѣста, гдѣ ее поютъ. Такъ, въ пѣснѣ о *Бондарôвнѣ*, поютъ: въ славнôмъ мѣстѣ *Немировѣ*, и въ *Умани*, и въ *Каневѣ*, а вѣрно только послѣднее. Такъ въ пѣснѣ о рыцарѣ *Байдѣ*, по изданному мною списку — *въ Берестечку*, а по списку Лукашевича — *въ Кіевѣ*, а ни то, ни другое невѣрно, если подъ именемъ *Байды* воспѣвается дѣйствительно нашъ знаменитый козацкій вождь, князь *Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій*. Имя *Байда* встрѣчалось мнѣ какъ фамильное имя въ Южной Руси: по книгѣ реестровъ войска Запорожскаго, 1649 года, значится козакъ *Байда*; по книгѣ Коденскаго Судилища значится дьякъ изъ Дубровицы *Омелько Байда*, ścięty 1770 г., 1 октября, по поводу Коліивщины. Народная пѣсня, при первомъ своемъ сложеніи, опредѣляетъ *мѣсто*

событія вѣрно; но если произволомъ позднѣйшихъ пѣвцовъ произошло уже разногласіе въ варіантахъ пѣсни, и если при этомъ есть указаніе документальное, то это послѣднее должно предпочесть; потому-то я и признаю мѣстомъ смерти Харьковой не *Паволочь*, а *Жаботинъ*.

Но вотъ еще одна, очень важная, подробность, которой нѣтъ въ позднѣйшихъ варіантахъ пѣсни, записанныхъ вами и черноморцемъ Вареникомъ, но которою начинается у меня списокъ этой пѣсни, записанный Ходаковскимъ:

»Ѣхавъ сотникъ черезъ Уланикъ,
Горѣлки напився;
За нимъ, за нимъ—*сѣмсотъ мóлодцѣвъ* ..»

Этимъ числомъ, за неимѣніемъ другихъ показаній, я и воспользовался въ моемъ «Сказаніи», для означенія, съ какою силою Харько предпринималъ свое дѣло, за два года до Коліивщины, т. е., въ 1764 году. Вы, въ своихъ «Запискахъ» (стр. 86), привели весьма любопытный и новый для меня разсказъ Звенигородскаго сотника *Погорѣлаго*, что Ляхи могли умертвить Харька не иначе, какъ только его же саблею, и приковавъ коня его по всѣмъ четыремъ ногамъ. Но такимъ представленіемъ народа о сотникѣ Харькѣ и подтверждается, что его предпріятіе и впечатлѣніе на народъ было немаловажное,—какъ и подвигъ Желѣзняка; и потому-то насильственная смерть Харька тотчасъ облеклась въ баснословное сказанье о его саблѣ и конѣ, подобно тому, какъ сложилось баснословіе о Желѣзнякѣ, подвизавшемся по горячему слѣду Харька, — что привязавъ Желѣзняка за руки и за ноги къ каменному столпу, двое сутокъ въ него изъ ружьевъ стрѣляютъ, да только казну теряютъ; а какъ привели его подъ царскія палаты, и онъ топнулъ ногою, махнулъ рукою, такъ и посыпались пули изъ него, какъ горохъ.... Сотникъ Харько для меня такое же историческое лице, какъ и Желѣзнякъ, исполнившій, въ 1768 году то, что предпринималъ Харько въ 1764-мъ; кончина его, означенная въ «Извѣстіи объ Уніи» *1766 года въ Жаботинѣ*, для меня есть свѣдѣніе *положительное*, какого я не доискался еще объ Желѣзнякѣ; ибо послѣднее, какое имѣю о немъ документальное свѣдѣніе,

есть то, что онъ, взятый подъ Уманемъ, Каргопольскимъ полковникомъ, *Гурьевымъ*, привезенъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ атаманомъ, *Павломъ Тараномъ*, и другими 72-мя гайдамаками, *8-го Іюля*, 1768 года, и сданъ въ Печерскую крѣпость плацъ-маіору, *Василію Лбову*. Тамъ представляетъ его и пѣсня:

«Ступай, ступай Желѣзняку!
Годѣ вже гуляти;
Пойдемъ въ Кіевъ въ Печерськее
Богу роботати!»
И говорить Максимъ козакъ,
Сидючи въ неволи:
«Не будуть мать вражи Ляхи
На Вкраинѣ воли!»
Течуть рѣчкы зъ всёго свѣту
До Чорного моря:
Минулася на Вкраинѣ
Жидôвськая воля!»

(*Укр. Пѣсн.*, стр. 124.)

Отбившись добровольно отъ *положительнаго* извѣстія о сотникѣ Харькѣ, предшедшемъ Желѣзняку, вы не могли уже сладить съ нимъ. То вы его слишкомъ поднимаете, (на стр. XVI.), что «онъ обнаружилъ въ своихъ поступкахъ *нѣчто*, напоминавшее Полякамъ *Хмельницкаго*» (развѣ по пословицѣ: «Ляхъ мудрый по шкодѣ!»); то вы слишкомъ понижаете сотника Харька, ставя его чуть ли не ниже *Чуприны* и *Чортоуса*, такихъ гайдамаковъ, которыхъ промысла и молодечество не относятся къ Коліивщинѣ, и которые здѣсь, на Восточной Украинѣ, назывались въ народѣ *сучаками*. На этой степени можно будетъ съ сотникомъ Харькомъ смѣшать и того загадочнаго запорожца, «*Харька Макогоненка*, що бувъ сêмъ лѣтъ вовкулакою», и объ которомъ еще въ дѣтствѣ моемъ я слышалъ скороговорку: «Харько Макогоненко-Калюбаренко Демкô, що матери око выколовъ.» Вы говорите, что, кромѣ Желѣзняка и Гонты, «остальные, извѣстные намъ по преданіямъ, какъ, на примѣръ, *Чуприна* и *Чортоусъ*, оставлены во мракѣ забвенія, и кровавая судьба ихъ не почтена отъ народа ни однимъ риѳмованнымъ двустишіемъ. За то нѣкоторыя лица, не вписанныя въ исторію, воспѣты бандуристами съ особенною любовью. Это ужъ капризъ популярной славы, которая не всегда избираетъ въ свои любимцы достойнѣйшихъ. Такъ, *сотникъ Жаботинскій*, *Харько*, о кото-

раго подвигахъ *мы не знаемъ ровно ничего*, воспѣтъ не хуже самаго *Залъзняка*»... (94 стр.)

Но вотъ это-то и свидѣтельствуетъ, что Харько, также какъ и Желѣзнякъ, выше толпы, которую они подвинули и подняли на дѣло общественное, и возбудили къ себѣ сочувствіе народа, означившееся пѣснотворческимъ одушевленіемъ. Тоже должно сказать и объ Уманскомъ сотникѣ, *Иванѣ Гонтѣ*, лицѣ весьма трагическомъ, какъ по тому стеченію обстоятельствъ, при которомъ онъ, вышедшій противъ Желѣзняка, перекинулся на его сторону, такъ и по той мучительной казни, какою покаралъ его свирѣный Польскій регииментарь *Стемпковскій*. И въ народной пѣсни (записанной Ходаковскимъ, см. *Укр. Пѣсн.* стр. 125), воспѣтой подъ впечатлѣніемъ той казни Гонты, высказалось задушевное чувство народа тогдашней Польской Украины:

«О Боже мій нескончений!
Дивитися горе,
Що тепера на сѣмъ свѣтѣ
Вѣра вѣру боре!»

Историческое значеніе *Коліивщины* 1768 года, въ моемъ *Скаваніи* (написанномъ въ сентябрѣ 1839 года), было означено такъ: «кровавый подвигъ Желѣзняка былъ не простой гайдамацкій разбой, и не случайное нападеніе Запорожцевъ на Польскія владѣнія для грабежа и добычи. Нѣтъ, то было огнедышащее изверженіе народной мести и вражды, цѣлый вѣкъ копившееся подъ гнетомъ *Уніи;* то была предсмертная судорожная схватка двухъ враждебныхъ стихій, въ государственномъ тѣлѣ (Польши), которое уже близилось къ своему концу. *Коліивщина* была послѣднимъ отзывомъ тѣхъ возстаній, которыми нѣкогда цѣлая Украина ополчалась на Польшу, для спасенія своей вѣры и своего народа, обреченнаго тогда на гоненіе; послѣднимъ отзывомъ и тѣхъ мучительныхъ казней, которыми Судилище Варшавское думало обуздать козаковъ и задушить ихъ непреклонную, широкую волю».

Что же касается до тѣхъ гайдамаковъ, которые въ прошломъ столѣтіи промышляли разбоемъ и въ Польской или Западной, и въ Русской или Восточной Украинѣ, къ которымъ принадлежали и *Чуприна*, и *Чортоусъ*, и, всѣмъ имъ верхъ

совершенства,—Запорожецъ *Гаркуша* [1]), то они и не могли внушить собою и не стоили пѣсенъ народныхъ, развѣ кто самъ про себя воспѣлъ бы, подобно Кармелюку. Но за то эти *гайдамаки-сучаки* остались гораздо памятнѣе въ народныхъ разсказахъ и въ повѣстяхъ литераторовъ, чѣмъ гайдамаки Жалѣзняковы, названные *коліями. Иванъ Чуприна* должно быть былъ не послѣдній изъ гайдамаковъ—сучаковъ, когда и теперь, тамъ, за Тясминомъ, есть большой дубъ, который такъ и называется—*Чуприною*, и въ которомъ, говорятъ, задѣланы червонцы его, да страшно доставать ихъ! А между тѣмъ Запорожцы: *Трофимъ Чуприна*, доставленный изъ-подъ Уманя въ Кіевъ, вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ, и *Власъ Чуприна*, доставленный въ Кіевъ изъ-подъ Гранова, вспоминаются вотъ теперь только, подъ моимъ перомъ, и то для того только, чтобы показать, изъ-за какого богатства хлопоталъ, на примѣръ, Запорожецъ Власъ, который пришелъ еще къ *Шелесту*, послышавъ, что собираются козаки подъ Мотренинскій монастырь,—«для защиты оного, и прочихъ благочестивыхъ монастырей» (такъ прописано въ дѣлѣ, съ его словъ). Между тѣмъ, какъ Иванъ Чуприна задѣлалъ, или нѣтъ, свои *червонцы* въ дубѣ, на долгую молву о себѣ въ народѣ, Власъ Чуприна, на допросѣ, ноября 1-го, показалъ вотъ что: «По прибытіи къ мѣстечку Умани, намѣрены были оное мѣстечко разграбить; но за чинимою изъ того мѣстечка Умани изъ пушекъ и изъ мѣлкаго ружья по нихъ стрѣльбою, отъ того мѣстечка отступя, стояли таборомъ; и тѣмъ же днемъ, пришедшій къ намъ, въ таборъ, Уманскій сотникъ Гонта съ старшиною и до пятисотъ козаковъ присталъ въ сообщество къ оному Желѣзняку; а на другой день, сообщась съ оными

---

[1]) *Гаркуша* посѣщалъ и здѣшнее наше побережье Днѣпровское, именно, онъ заѣхалъ однажды въ *Лѣпляево* на ночь, къ старому сотнику, *Лѣвицкому*, въ видѣ генерала..., ѣдущаго за Днѣпръ. Сотникъ очень былъ радъ важному гостю; но его превосходительство изъявилъ ему вскорости свое совершенное неудовольствіе, отпотчивалъ его келепомъ, и, уѣзжая до свѣту, сказалъ: «я бы къ тебѣ такому и въ дворъ не заглянулъ». Это случилось по тому обстоятельству, что у стараго сотника была страстишка прослыть въ сосѣдствѣ за богача; навязываетъ бывало мѣшечки мѣдныхъ денегъ, давая видъ, будто бы то серебряныя, да и складываетъ въ большую скрыню. А между тѣмъ слуга его..... бѣжалъ въ Гайдамаки, и объявилъ атаману, что у пана его полная скрыня карбованцевъ. Гаркуша немедленно явился къ сотнику, но ошибся въ своемъ ожиданіи, найдя въ скрынѣ мѣдяки, вмѣсто сребрениковъ.

Польскими козаками, и учиня въ Умани сильный приступъ, оное мѣстечко Умань отбили, и бывшихъ въ немъ Поляковъ и жидовъ множественное число до смерти побили и покололи, а имѣніе ихъ разграбили; при чемъ и онъ, Чуприна, по входѣ въ Умань, одного Жида застрѣлилъ. По разореніи Умани, все пограбленное имѣніе Польское: разное платье и вещи, и въ поставахъ сукна, тожъ и деньги мѣдныя и серебреныя, коихъ было многое число, а подлинно всего показать не упомнитъ, сносили въ имѣвшійся неподалеку отъ Умани таборъ, и складывали кучами, и чинили между собою дѣлежъ, при чемъ и ему, Чупринѣ, досталось: *кафтанъ суконный блакитный, семъ локотъ василъковаго сукна, да денегъ четыре рубли пятдесятъ копѣекъ.* Послѣ чего, погодя съ недѣлю, по приказу оного Желѣзняка, ѣздилъ онъ, Чуприна, съ Польскимъ Уманскимъ сотникомъ, прозываемымъ Тиликомъ, и зъ Запорожскими и Польскими козаками, человѣкъ до восмидесяти, до Польскаго мѣстечка Гранова, для защищенія отъ Польскаго нападенія бывшого тамъ для закупки хлѣбного вина Новороссійской губерніи капитана и комисара Тройницкаго; и по прибытіи въ Грановъ на другой день забраны Донскими козаками подъ караулъ, и при томъ забраніи все вышеписанное, доставшееся ему по раздѣлу,—кафтанъ, сукно и деньги, да *собственное его ружье и копье*, оными Донскими козаками у него отобрано. И отвезены до Польского мѣстечка Тулчина, гдѣ, по разобраніи ихъ Запорожцовъ особо, Польскихъ особо жъ, отведены одни они, Запорожцы, четырнадцать человѣкъ до Польского мѣстечка Тренбовля, а изъ оного до Польского города Острога, а оттуда до мѣстечка Полонного, а изъ оного присланы въ Кіевъ...» (А родомъ онъ былъ изъ села Стаекъ; отъ роду было ему тогда 30 лѣтъ; а потомъ онъ жилъ и работалъ въ Нерчинскѣ, получивъ *пятьдесятъ*, за Уманскаго Жида).

Что грабежемъ сопровождалась Коліивщина!, какъ и войны Хмельницкаго, и другія войны козацкія, это такое обыкновенное явленіе, безъ котораго не обходится никакая война. Волынская лѣтопись особенно указываетъ на обычай грабежа подъ 1281 годомъ, говоря о междоусобной войнѣ Бо-

леслава съ братомъ Кондратомъ, когда Болеславъ бралъ городъ Ездовъ. «Кондратови же не бывшу тогда въ городѣ, и тако приступльше, взяша городъ. Законъ же бяше въ Ляхохъ таковъ: Челяди не имати, ни бити, но *лупяхуть*. Городу же взяту, и поимаша въ немъ товара много и людій *полупиша;* и ятровь свою *облупи* княгиню Кондратовую; и сыновицю свою *облупи;* и учини соромоту велику брату своему Кондратови» (см. *Полн. Собр. Рус. Лѣт.* II. 209.).

Тоже говорится и въ слѣдующей Украинской пѣснѣ, которою я полакомлю васъ, какъ свѣжими *полуницами* (клубникою) съ Уманской степи:

«Ой вродили полуници,
Ажъ степу незнати:
Намножила вражихъ Ляхо̂въ
Нечистая мати.
Ой шли Ляхи на три шляхи,
Да й стали гадати:
«Ой ходимо мы, панове,
Умань грабовати!»
Ой и входять вражи Ляхи
Увъ Умань у мѣсто,
Да й зачали дивитися,
Що̂ й тутъ добре во̂йсько.
Ой якъ скочивъ сотникъ Юзько
На коня рябого:
«Бувай же ты здоровенька,
Юзчихо небого!»
Ой поѣхавъ сотникъ Юзько
На рѣчку Синюху,
Подавъ, подавъ Запорозцямъ
На тамъ-той бо̂къ руку.
«Гей на кони, паны-братья,
На кони, на кони!
Гей поросли на тѣхъ Ляхахъ
Золотыи роги!
Гей треба жъ намъ, паны-братья,
На кони сѣдати,

Гей треба якъ намъ отъ тѣмъ Ляхамъ
 Роги позбивати!»
Ой заѣхавъ сотникъ Юзько
 Въ глыбоку долину:
«Сюды, сюды, вражи Ляки,
 Я тутъ же загину!
Ой не такъ-то, паны Ляки,
 Вамъ було гадати:
Скоро въѣхали у мѣсто—
 Заразъ Юзька брати.»—
«Ой якъ же намъ Юзька брати,
 Що вôнъ стережеться;
А якъ выйде въ чисте поле,
 По козацьки бьеться!»
Ой насыпали могилу,
 Трохи не до неба:
«Отъ тутъ же вамъ, вражи Ляхи,
 Погибати треба!»

Вѣдь это пѣсня отъ временъ Хмельницкаго, отъ весны 1648 года, и сотникъ Уманскій, *Юзько*, кажется не кто другой, какъ извѣстный *Іосифъ Глухъ*, бывшій полковникомъ Уманскимъ, съ конца того же года, послѣ полковника *Ганжи*, убитаго подъ Пилявою (тамъ и теперь есть двѣ могилы *Ганжовки*, съ мѣстнымъ преданіемъ объ удаломъ Ганжѣ; (см. мое «Извѣстіе о Лѣтописи Грабянкиной»). Примите ее въ ваше собраніе пѣсенъ!

1856 г., 7 Ноября.
Михайлова-Гора.

Приписка. Развязавъ для *Чуприны* давно несмотрѣнную связку бумагъ моихъ, относящихся къ Гайдамаччинѣ, я выпишу вамъ кстати слѣдующій *отрывокъ* изъ автобіографіи Запорожца *Алексѣя Нагайца*, которую надиктовалъ онъ въ Кіевской губернской канцеляріи, 23 Октября, 1768 года, и въ концѣ которой означено такъ: «Показалъ сущую правду, въ чемъ *своеручно* и подписался».

«Подлинно Алексѣемъ его зовутъ, по крестному отцу Фотiевъ сынъ, по прозванiю Нагаецъ; отъ роду ему тридцать пять лѣтъ; родомъ онъ изъ Кубанскихъ Татаръ; назадъ тому двадцать два года вышелъ онъ, Нагаецъ, съ Татарской стороны въ Запорожскую Сѣчь, и присталъ къ жившему близъ урочища, называемаго Лиманъ, въ зимовникѣ, Запорожскому козаку, Григорью Глынному, который ѣдучи въ Кiевскiй Межигорскiй монастырь для богомолья, и его, Нагайца, съ собою взялъ, и въ томъ Межигорскомъ монастырѣ онъ, Нагаецъ, въ православную Греческаго исповѣданiя вѣру приведенъ, а при крещенiи воспрiемникомъ ему былъ того жъ монастыря iеромонахъ Фотiй. По прибытiи жъ обратно въ Запорожскую Сѣчь, записанъ онъ, Нагаецъ, въ Дядьковскiй курень въ козаки, и былъ въ разныхъ дачахъ войска Запорожскаго для рыбного промыслу. А сего году, передъ Спасовымъ постомъ, увидѣвъ онъ, что многiе Запорожскiе козаки шли за границу въ Польшу, объявляя, что, яко бы по указу велѣно Запорожцамъ собираться къ находящимся въ Польшѣ Россiйскимъ войскамъ противъ Поляковъ, для защищенiя живущихъ въ Польшѣ Греческаго исповѣданiя людей, то и онъ, Нагаецъ, съ шедшими тогда за границу двумя Запорожскими козаками, Константиномъ Шерстюкомъ да Кузмою, а прозванiя его не знаетъ, безъ вѣдома Кошеваго атамана и Войсковой старшины, пошелъ въ Польшу»... и т. д.

ОБЪЯСНЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЪ [1]).

Письмо П. А. Кулишу.

Обаятельный разскащикъ вашъ, Харануха, пропѣлъ вамъ пѣсню про Гайдамацкаго атамана, *Швачку*, да, вмѣсто настоящаго ея конца, припѣлъ къ ней передѣлку другой позднѣйшей пѣсни о *Запорожцахъ* (которая мною издана 1834 года подъ заглавіемъ *«Галка»*). Это пѣніе Таранухи, состоящее изъ двухъ пѣсенъ, вы приняли въ «Запискахъ» за одну цѣльную пѣсню про атамана Швачку, да къ тому припечатали слѣдующее примѣчаніе (стр. 136): «*Отрывокъ* этой пѣсни, напечатанный во второмъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 128, ошибочно отнесенъ къ разрушенію Сѣчи. Издатель былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается Кошевой. Но откуда и куда Запорожцы посылали галку?... Здѣсь эта посылка имѣетъ важное значеніе: она показываетъ тѣсную связь между Гайдамацкими набѣгами и Кошемъ.»

Что Гайдамацкіе набѣги на Польскую Украину, какъ и *Коліивщина* 1768 года, имѣли тѣсную связь съ Запорожьемъ, объ томъ я напечаталъ въ «Москвитянинѣ» 1845 г. нарочитую статью *О Гайдамакахъ»*, написанную мною противъ книги г. Скальковскаго: «Наѣзды Гайдамакъ на Западную Украину», 1845 г. Всѣ Запорожцы, выходившіе 1768 года въ Польскую Украину ратовать за Украинскій православный народъ, единогласно показывали на допросахъ, что они вышли изъ Запорожья, безъ вѣдома кошеваго атамана,—это не подлежитъ сомнѣнію; ибо хотя у Запорожскаго Коша и было замышлено на Западную Украину, чтобы присоединить ее къ Запорожью изъ-подъ вла-

[1]) Русская Бесѣда 1857 г. кн. I. стр. 49—64.

сти Польской, но во время Колівщины кошевой атаманъ (Кальнишъ) и вся войсковая старшина держали себя совершенно въ сторонѣ и отъ Запорожцевъ, и отъ козаковъ Западной Украины, которые тамъ подвизались. Тамъ, независимо отъ Коша, верховодою былъ Запорожецъ *Желѣзнякъ*, который, послѣ Уманской удачи, распоряжался самовластно на всю Западную Украину, посылалъ въ разныя мѣста отряды съ эсауломъ своимъ, *Ѳомою Буркою*, и разными другими атаманами, давалъ пособіе Россійскимъ чинамъ, пашпорты проѣзжимъ, словомъ, дѣйствовалъ въ Западной Украинѣ, какъ въ странѣ, уже отвоеванной имъ у Поляковъ. Если бы пѣсня о посылкѣ *галки* относилась къ атаману *Швачкѣ*, тогда галка была бы послана за вѣстями въ Умань къ Желѣзняку, котораго называли они *Козацкимъ батькомъ* своимъ, а не къ кошевому, который и знать ихъ не хотѣлъ, и отпирался отъ нихъ, что называется, руками и ногами, такъ, что и въ самой Сѣчи было противъ него возмущеніе. А потому посылка галки къ кошевому, отъ пойманнаго атамана, Швачки, не только не имѣетъ *важнаго значенія*, какъ вы говорите, но, по моему, она и совсѣмъ не имѣетъ значенія, и показываетъ, что пѣсня «*Галка*» сложена была не про Швачку, а *притулена* къ нему уже въ позднѣйшее время пѣвцами Заднѣпровской Украины. Здѣсь, на Восточной Украинѣ, именно, на Супоѣ и на Сулѣ, я слышалъ эту Галку всегда какъ особую, самостоятельную пѣсню, въ какомъ видѣ она и была мною издана. Да и какъ можно было назвать *отрывкомъ* пѣсню цѣльную, полную и доконченную! Вотъ она на лицо:

«Ой полети, полети, да чорная галко,
    Да на Дôнъ рыбы ѣсти!
Ой принеси, принеси, да чорная галко,
    Одъ Кошового вѣсти!»—
«—Да вже жъ мêнѣ не лѣтати
    На Дôнъ рыбы ѣсти!
Да вже жъ мêнѣ не носити
    Одъ Кошового вѣсти!»—
«Ой вы Запорозьци, ой вы Запорозьци,
    Ой вы молодыи!

Повдавались одинъ въ одного,
Якъ братья родныи.
Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши кони?»—
«—Наши кони въ пана на припонѣ,
Сами жъ мы въ неволѣ!»—
«Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши узды?»—
«—Наши узды въ коней на зануздѣ,
Сами жъ мы у нуждѣ!»—
«Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши списы?»—
«—Наши списы у пана у стрѣсѣ,
Сами жъ мы у лѣсѣ!»—
«Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши ручници?»—
«—Наши ручници у пана въ свѣтлицѣ,
Сами жъ мы въ темницѣ!»—
«Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши луки?»—
«—Наши луки побрали Гайдуки,
Сами жъ мы въ розлукѣ!»—
Ой вы Запорозьци, ой вы молодыи,
Де жъ ваши жупаны?»—
«—Наши жупаны поносили паны,
Сами жъ мы пропали!»....
Ой полети, полети, да чорная галко,
Да на Дôнъ рыбы ѣсти!
«Ой принеси, принеси, да чорная галко,
Одъ Кошового вѣсти!»—
«—Да вже жъ менѣ не лѣтати
На Дôнъ рыбы ѣсти!
Да вже жъ менѣ не носити
Одъ Кошового вѣсти!»—

Я и теперь полагаю по прежнему, что эта пѣсня сложена *на разрушеніе Сѣчи*, слѣдственно, ни какъ не ранѣе 1775 года. Вы говорите, что я «былъ введенъ въ заблужденіе,

вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается *Кошевой*». Конечно, и *Кошевой* служилъ мнѣ примѣтою, что пѣсня относится къ разрушенію Сѣчи. Но не одинъ Кошевой, и *Запорожцы* подтверждаютъ мнѣ тоже. Весь этотъ перечень имущества, доставшагося въ чужія руки: и вороныхъ коней, и серебреныхъ уздъ, и тугихъ луковъ, и громкихъ ручницъ, и голубыхъ жупановъ (беру эпитеты изъ вашего варіанта), ясно показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о владѣльцахъ *своего* добра, о *богатыряхъ Запорожскихъ*, а не объ той гайдамацкой *Голотѣ*, которая не на долго поживалась *чужимъ* добромъ, во время Колiивщины. «*Наши жупаны* поносили паны!» это говорятъ въ пѣснѣ, конечно, *Сѣчовики*, а не *Коліи*, которымъ, по словамъ вашего разскащика, Желѣзнякъ въ Умани говорилъ: «а що, хлопци! бачте, паны у якихъ хорошихъ жупанахъ ходятъ: а вы—*бѣда*, часомъ и сорочки не маете!» (стр. 286.).

На слова пѣсни: «сами жъ мы *пропали*», — я приведу, въ коментарій, слѣдующій анекдотъ, слышанный мною съ дѣтства не одинъ разъ. По разрушеніи Сѣчи нѣсколько Запорожцевъ явилось къ Потемкину: «*пропали мы* съ тобою, пане *Грицьку*, — и *ты прôпавъ!*» — «Якъ я пропавъ?» — «А вже жъ пропавъ; бо й ты Запорожець!»

Вы говорите мнѣ въ возраженіе: «но откуда и куда Запорожцы посылали галку?...»

«*Куда* посылали?» объ этомъ ясно сказано въ пѣснѣ: *на Дôнъ* рыбы ѣсти!»—куда и козачество ходило чумаковать и бурлаковать: «ой ходивъ чумакъ сêмъ рôкъ по Дону...»—«Да й шовъ козакъ зъ Дону, да й зъ Дону до дому...» Но эту посылку галки *на Донъ* не слѣдуетъ принимать въ буквальномъ смыслѣ, какъ поступилъ историкъ послѣдняго Запорожскаго Коша, заключивъ ошибочно, по этой пѣснѣ, будто послѣдній Кошевой (Кальнишъ) скрылся *на Дону!* Эта посылка галки не то, что аистъ, пущенный нѣкогда на зиму изъ Польши съ привязанною къ нему на мѣдной бляшкѣ надписью: «Haec ciconia de Polonia»; а весною воротился тотъ аистъ съ золотою station бляхою, на которой была надпись: «India cum donis remittit ciconiam Polonis»! Тутъ посылка галки *на Донъ* не

болѣе, какъ привычный народно-поэтическій образъ, тоже, что въ женскихъ пѣсняхъ — *на Дунай:*

«Ой гиля, гиля, вы сѣрыи гуси,
А на тихій Дунай!
Ой завязала свою головоньку,
Сиди да й думай!»

Такъ и въ Игоревой пѣснѣ, Ярославна, тоскующая по своемъ князѣ на высотахъ *Путивля*, говоритъ: «полечю зегзицею *по Дунаеви*, омочю бебрянъ рукавъ въ *Каялѣ* рѣцѣ». *Галка*, въ народно-Украинскомъ пѣснопѣніи, есть символъ *разлуки* (какъ я замѣчалъ въ лекціяхъ моихъ объ Игоревой пѣсни, 1835 года):

«Ой галочкы-чорнявочкы
Круту гору вкрыли:
Молодыи козаченькы
Жалю наробили.
Ой галочкы-чорнявочкы,
Пôдымайтесь вгору!
Молодыи козаченькы
Вертайтесь до дому»! и т. д.

Или:

«Ой полети, галко, де мôй рôдный батько,
Нехай мене одвѣдае, коли мене жалко!
Галочкы немае, батенька не буде,
Ой десь мене, несчасную, на вѣки забули»....

(*Малор. пѣсн.* стр. 53).

Для исторіи полета галки на Донъ въ нашей поэзіи я привелъ бы Бояново двустишіе:

«Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая:
Галици стады бѣжать къ Дону великому».

Но у Бояна, какъ мнѣ кажется, означенъ дѣйствительный побѣгъ галокъ-Половцевъ къ Дону, гдѣ они побиты были нашими соколами князьями, *Мономахомъ* и другими, 1111-го года. Въ нашей пѣснѣ галка посылается на Донъ для того только, чтобы сказать за нее, что уже не летать ей на Донъ и не носить уже вѣстей отъ Кошеваго, и тѣмъ выразить разлуку Запорожскаго товариства съ Кошевымъ навѣки.

Вы спрашиваете у меня: «*Откуда* Запорожцы посылали галку?» Она могла быть послана отовсюду—съ береговъ Днѣ-

пра, Буга, Дуная, Кубани, Иртыша, Бѣлаго моря. Вы знаете, что Запорожцы, по разрушеніи Сѣчи, разошлись во всѣ стороны, какъ разлетаются пчелы изъ улья, потерявшаго матку:

»Ой буде васъ, дѣтки, по горахъ, долинахъ;
Ой буде васъ, дѣтки, по всѣхъ украинахъ!»

Когда вы будете въ Батуринѣ, зайдите тамъ въ церковь, и посмотрите на одно изъ евангелій, на то, на которомъ надписано, что оно надано отъ *козака Запорожской Сѣчи, Павла Флоровича Головатаго, 1775 года, 1-го Сентября.* Откуда оно, спрошу васъ, послано въ Батуринскую церковь *1-го Сентября?* Запорожскій судья, Павелъ Головатый, взятъ былъ Текелліемъ *5-го Іюня*, вмѣстѣ съ Кошевымъ, Петромъ Кальнишемъ, и писаремъ, Иваномъ Глобою, и «отправлены, Кошевой атаманъ въ Соловецкій, судья въ Тобольскій, писарь въ Бѣлозерскій монастыри» (см. *Описаніе о Мал. Росс.*, С. Зарульскаго, въ «*Чтеніяхъ*,» 1848 г. стр. 24).

Другой *Головатый (Антонъ)*, бывшій тогда депутатомъ отъ Запорожской Сѣчи, впослѣдствіи со славою подвизался, вмѣстѣ съ собранными остатками Сѣчевиковъ, и въ Турецкую войну Потемкинскую, и потомъ въ Черноморьи, гдѣ онъ былъ Кошевымъ, послѣ перваго Черноморскаго Кошеваго, *Харька Чепѣги.* Украшенный Георгіевскимъ крестомъ за Березинское дѣло, этотъ Головатый прославился и какъ сочинитель пѣсенъ о Запорожцахъ: не онъ ли сложилъ и «Галку?» Но ее могъ сложить и самъ Кошевой Кальнишъ, строитель Петропавловской церкви въ Межигорьи: была же молва о сочиненіи имъ народной пѣсни, переданная историку Малой Россіи, Бантышу-Каменскому, отъ знаменитаго стихотворца нашего, Котляревскаго. Впрочемъ, народныхъ пѣсенъ на разрушеніе Сѣчи такъ много было сложено, что и *Галка* могла быть произведеніемъ одного изъ безъименныхъ пѣвцевъ козацкихъ:

«Похилилися всѣ до купочки
Калиновы вѣты:
Ой заплакали славни Запорозьци,
Якъ по матери дѣты.»

Обращаюсь теперь къ пѣснямъ про атамана *Швачку.* Я знаю ихъ двѣ. Первая, представляющая этого атамана

дѣйствующимъ въ г. Хвастовѣ, начинается запѣвомъ изъ пѣсни, относящейся ко времени побѣды Зборовской (1649 г). Этотъ стародавній запѣвъ очень могъ прильнуть къ пѣсни 1768 года, когда мгновенный успѣхъ Желѣзняка напомнилъ Западной Украинѣ времена Богдановы,—и особенно прильнуть къ пѣснѣ про того атамана, который такъ строго и буквально исполнялъ слова Зборовскаго напѣва, и вѣроятно пѣлъ его не одинъ разъ:

Да не буде краще, да не буде лѣпше,
  Якъ на тôй Украинѣ,
Що не буде Жидôвъ, що не буде Ляхôвъ,
  А третёй Уніи!—
Ой не звить мене да Швачкою,
  А зовить мене Кійло!
Позаганявъ Жидôвъ, позаганявъ Ляхôвъ
  Въ Бѣлу-Церкву на стôйло.
Ой вже жъ тая да Бѣлая Церква,
  Да обитая китайками;
Ой теперъ вона да завоёвана
  Да славными козаками!»—
Ой хвалився батько Швачка,
  Да до Хвастова идучи:
«Ой будемо драти, панове-молодци,
  Изъ китайки онучи»!
Да ходить Швачка да по Хвастови,
  Да у жовтыхъ чоботяхъ;
Ой вывѣшавъ Жидôвъ, ой вывѣшавъ Ляхôвъ,
  Да на панськихъ воротахъ.
Да ходить Швачка да по Хвастови,
  Да й ставъ собѣ въ кутку:
«Ой немае Жидôвъ, ой немае Ляхôвъ,
  Охъ мôй тяжкій смутку!...»
Да пôшли старци-торбишники,
  Да стали Ляшкôвъ бити:
«Ой не подобае, панове-молодци,
  Зъ неживого глумити»!

Но такіе подвиги Швачки прекратились скоро: онъ былъ разбитъ и пойманъ посланнымъ за Днѣпръ отъ графа Румянцева полковникомъ *Московскаго* карабинернаго полка, *Протасьевымъ*. И вотъ объ этомъ другая пѣсня, которую пѣлъ вамъ Смѣлянскій разсказщикъ, Тарануха, но *не всю*, а, вмѣсто ея настоящаго конца, притачалъ (разумѣется, не онъ первый) передѣлку изъ пѣсни «Галки», приноровленную къ Гайдамакамъ. Пѣсню на взятіе Швачки я знаю въ такомъ видѣ:

«Ой на *козаченькôвъ* на молоденькихъ
Пригодонька стала,
Що у середу да увъ обѣдѣ
Ихъ Москва забрала.
Ой якъ крикнувъ батько Швачка:
«Гей, изъ коней до долу!
Гей не даймося, панове-молодци,
Да у тяжкую неволю»!
А Москалики да недурныи,
Да розуму добрали:
На самперёдъ батька Швачку
И зъ осаулою звязали.
Ой извязали да попаровали,
Да на возы поклали,
Изъ Богуслава до Бѣлои Церквы
Ихъ у неволю забрали.
Ой извязали да попаровали,
Ой якъ голубци въ парцѣ!
Ой засмутилась уся Украина,
А якъ сонечко въ хмарцѣ,
Ой повезли да батька Швачку
Да густыми лозами;
Ой оглянувся батько Швачка,
Да й умывся слёзами.
Ой вывезли да батька Швачку
Да у чистее поле;
Ой оглянувся батько Швачка:
«Отъ тутъ менѣ горе»!

Послѣдніе три куплета, пропущенные вашимъ пѣвцомъ, и составляютъ настоящій *конецъ* этой пѣсни. Видите ли изъ этого, что Тарануха пропѣлъ вамъ только ея *отрывокъ*, и что варіантъ, вами записанный отъ него, есть позднѣйшая амальгама изъ *двухъ* разновременныхъ пѣсенъ. Рѣшайте же сами, кто изъ насъ правъ, и чья тутъ *ошибка*. Передѣлка изъ пѣсни «Галки», приставленная, вмѣсто конца къ пѣснѣ о Швачкѣ, очень интересна; но все же это передѣлка изъ пѣсни особой и самостоятельной, сложенной не ранѣе, какъ черезъ семь лѣтъ послѣ Коліивщины, на разрушеніе Сѣчи. Я знаю тоже, что Заднѣпровцы, не довольствуясь настоящимъ, вышеприведеннымъ, *концемъ* пѣсни о Швачкѣ, *притуляютъ* къ нему еще начальные стихи изъ «*Галки*», въ такой передѣлкѣ:

«Ой летить галка, ой летить чорна,
Да на *Дôнъ* рыбы ѣсти:
Ой пише, пише, да батько Швачка
До Кошового листы.»

Но тутъ нѣтъ уже никакого вѣроятія, чтобы связанный подъ стражею атаманъ писалъ листы до Кошеваго! Между тѣмъ замѣчу вамъ, что въ разсказѣ Таранухи есть *противорѣчіе* съ собственнымъ его пѣніемъ: въ пѣснѣ онъ пѣлъ, что Швачку повезли *изъ Богуслава*, и это вѣрно; а въ собственномъ разсказѣ онъ говорилъ (конечно, тоже «для большаго эффекта!»): «тогда стôйчикы, що замку стерегли, застукали ихъ *оттутъ у лозахъ*.. Швачка ими *довôдивъ*. Есть про ёго й пѣсня...» (стр. 135.) и вы пояснили, что «тѣ гайдамаки, предводимые Швачкою, пойманы *въ болотѣ близъ Смѣлой*» (стр. 16.). А въ книгѣ г. Скальковскаго совсѣмъ неопредѣленно сказано: «Желѣзнякъ и Швачка схвачены первые» (стр. 119). Гдѣ же и кѣмъ? Я окончательно рѣшу вамъ это обстоятельство слѣдующею выпискою изъ реляціи графа Румянцева, отъ *15 Іюля*, 1768 года: «Отъ *9-го* числа текущаго мѣсяца, тотъ полковникъ *Протасьевъ* прислалъ ко мнѣ репортъ, что онъ, вступя въ Польшу, развѣдавши, что собранія таковыхъ разбойниковъ, одно въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, въ селѣ Блощинцахъ, въ разстояніи отъ Бѣлой Церкви въ пятнадцати верстахъ, а другое близь мѣстечка

Богуславля, также въ нѣсколькихъ стахъ человѣкъ, и руководствуютъ оными атаманы, въ первомъ *Журба*, во второмъ *Швачка*,—учинилъ на ихъ нападеніе въ обоихъ мѣстечкахъ и разбилъ сіи обѣ партіи. Въ помянутомъ селѣ Блощинцахъ хотя сіи разбойники покусились было воспротивляться оборонительно, однако жъ не имѣли въ томъ успѣха и ни одного не повредили человѣка; на мѣстѣ ихъ убито до 30-ти, да поймано 64 человѣка, прочіе же разбѣжались; при чемъ взято четыре знамя, двѣ мѣдныхъ пушки и одну чугунную, да гаковницъ желѣзныхъ пять. Тоже, не доѣзжая мѣстечка Богуславля, настигнутыхъ другой партіи злодѣевъ взято 68 человѣкъ съ двумя знаменами, при упомянутомъ атаманѣ Швачкѣ, который, послѣ допросовъ, показалъ, что они будто отъ Запорожскаго полковника, Максима Желѣзняка, съ атаманомъ *Неживымъ*, посланы по всей Польской Украинѣ для истребленія Поляковъ и Жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ и истребили; а Желѣзнякъ сію посылку якобы чинилъ по Указу; въ ватагу же ихъ приставали Польскіе разнаго званія люди и козаки; третья же партія, по показанію сего пойманнаго атамана, съ атаманомъ Неживымъ, нынѣ находится въ Чигиринѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Уманѣ, куда реченный полковникъ, Протасьевъ, съ отправленіемъ ко мнѣ репорта, и взялъ походъ.»

Представивъ вамъ подробный отчетъ о вышеприведенныхъ пѣсняхъ, я обращу вниманіе ваше еще на одну, относящуюся къ разрушенію Сѣчи, которой начало особенно показываетъ, какъ произвольно иногда перемѣняется въ народѣ одна и таже пѣсня, — точно, какъ одна и таже тема превращается во многія варіаціи композиторами. Эта пѣсня о «*Васюринскомъ*», по варіанту, вами записанному и помѣщенному на стр. 321:

«Да встань, батьку, съ того свѣту,
Великій Гетьмане,
Якъ поѣдемъ до Царици—
По прежнёму стане!» и т. д.

Вы говорите въ примѣчаніи: «Не помню, гдѣ-то замѣчено, что этотъ стихъ относится къ Потемкину. Но Потемкинъ умеръ, спустя много лѣтъ по разореніи Сѣчи, которое, по

свойству народнаго вдохновенія, не могло быть воспѣто такъ поздно. Здѣсь разумѣется Богданъ Хмельницкій.» Я съ вами въ этомъ не согласенъ. Я нахожу, что вашъ варіантъ есть пѣсня, сложенная 1775 года, но первая половина ея передѣлана по смерти Потемкина, которому 1790 года данъ былъ титулъ *Великаго Гетмана* Козацкихъ войскъ; прежде того ни одинъ изъ козацкихъ Малороссійскихъ гетмановъ, отъ Ланцкоронскаго и до графа Разумовскаго, не именовался *Великимъ*, ни оффиціально, ни простословесно. Совершенно не въ тонѣ козацкой пѣсни 1775 года было бы назвать Богдана «*Великимъ Гетманомъ*», — титуломъ гетмановъ Литовскихъ и Польскихъ. Напротивъ въ козацкой пѣснѣ, названной *Пугачемъ*, Богданъ Хмельницкій зовется запросто — уменьшительнымъ именемъ:

«*Хмельниченька* уже не згадаемъ!» —

и въ этомъ простосердечномъ выраженіи отозвалась великая любовь козацкая къ приснопамятному Гетману. Во второй половинѣ вашего варіанта уцѣлѣла пѣсня 1775 года; но первая половина передѣлана черезъ 16 лѣтъ, т. е., послѣ смерти Потемкина, съ воззваніемъ къ нему, какъ *великому гетману* Черноморскаго войска, «собраннаго имъ изъ вѣрныхъ козаковъ бывшей Сѣчи Запорожской» (выраженіе указа 1792 г., 30 іюня). Это очевидно изъ самаго содержанія первой половины пѣсни, гдѣ говорится о разрушеніи Сѣчи, какъ уже о прошедшемъ дѣлѣ. Передѣлка эта относится къ тому же времени, въ которое сложена и извѣстная пѣсня Антона Головатаго: «о Боже жъ, нашъ Боже, Боже милостивый!» т. е., передъ переводомъ Черноморцевъ на Тамань. Что воззваніе къ Великому гетману именно значитъ здѣсь Потемкина, то ясно видно изъ другихъ, не менѣе извѣстныхъ, варіантовъ этой пѣсни:

«Да встань, *Грицьку*, да встань, батьку,
Просять тебе люде» и т. д.

Въ моемъ изданіи (1834 г., стр. 127) напечатана эта пѣсня въ томъ видѣ, въ какомъ она сложена была первоначально, съ упоминаніемъ о томъ посольствѣ къ царицѣ Запорожскихъ депутатовъ, которое было еще до разрушенія Сѣчи:

Да встань, *Харьку*, да встань, батьку,
Годѣ вже намъ спати;
Ой ходѣмо до царици
Милости прохати.
Ой царице, наша Мати,
Змилуйся надъ нами:
Ой оддай намъ прежни степы
Съ темными лугами!» и т. д.

Но что за имя тутъ *Харько?* — Сказать бы это *Харько Чепѣга;* но онъ тогда не былъ еще такъ значителенъ, какъ былъ послѣ. Я полагаю, что здѣсь имя Жаботинскаго сотника, *Харька*, вставленное въ пѣсню Заднѣпровскими пѣвцами, для которыхъ это имя было такъ памятно и любимо. (Подобныя произвольныя замѣны собственныхъ личныхъ именъ встрѣчаются очень часто, какъ видно, напримѣръ, изъ пѣсни о Данилѣ Нечаѣ, изъ думы о Хвеськѣ Дендеберѣ или Андыберѣ и другихъ). Подлинное имя и тутъ въ пѣснѣ было, конечно, *Грицько*, т. е. Потемкинъ, еще живой, на котораго такъ много уповалъ Запорожскій Кошъ въ своемъ дѣлѣ о земляхъ. Приписавшійся къ Запорожскому товариству великолѣпный Потемкинъ, писался *Сиромахою Грицькомъ;* но въ своихъ видахъ о Новороссійскомъ краѣ онъ вертѣлъ, какъ хотѣлъ, своимъ Сѣчевымъ товариствомъ; наконецъ и самъ— *пропавъ Грицько*, въ бездомной степи, какъ сиромаха Запорожскій... Что пѣсня, относящаяся своимъ содержаніемъ къ разрушенію Сѣчи, можетъ вмѣщать въ себѣ подробности позднѣйшія, то можно видѣть и на другой пѣснѣ, гдѣ воспѣты обложеніе Сѣчи Текелліемъ и побѣгъ Сѣчевиковъ на Дунай, слѣдственно, событіе 1775 года; между тѣмъ въ ней говорится:

«Не встерѐгся Кальнишенько
Одъ Чорного моря;
Да вже жъ ёму на столицѣ
Шестый годъ неволя!
Не встерѐгся Кальнишенько
Одъ чистого Ставу!
Да вже втерявъ Запороже
Й козацькую славу!»

Ясно, что это или сложено вновь 1781 года, или передѣлано на этотъ годъ изъ пѣсни, сложенной пятью или шестью годами ранѣе. Вообще я не могу согласиться на ваше теоретическое положеніе, будто народная Украинская пѣсня воспѣвала только современное ей событіе и не способна была воодушевляться прошедшимъ. Я того мнѣнія, что какъ Великороссійская, такъ и Малороссійская, народная поэзія способны были воодушевляться творчески не только современностью, но и воспоминаніемъ *прошедшей* жизни—какъ въ *общемъ* ея объемѣ, такъ и въ событіяхъ *частныхъ*. Въ примѣръ перваго приведу запѣвъ извѣстной думы на побѣду Чигиринскую 1596 года,—запѣвъ, стоющій цѣлой пѣсни:

«Ой у нашôй у славнôй Украинѣ
Бували колись престрашныи злыгодни, бездольни годины,
Бували й моры,
Й войськовы чвары;
Нихто Украинцêвъ не рятовавъ,
Нихто за ихъ Богови молитвъ не посылавъ;
Тôльки Богъ Святый не забувавъ:
На велики зусилья, на одповѣдья державъ!
Тôльки Богъ Святый знавъ,
Що вôнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украиньску землю посылавъ!...
Отъ же пройшли, изыйшли злые незгодины:
Немае никого, щобъ насъ одолѣли!
Тôльки Богъ Святый знавъ,
Що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ»!

А въ примѣръ пѣснотворческаго воодушевленія давнопрошедшими событіями частными, я припомню вамъ пѣсню о *Лободинскомъ Чурѣ*, вспоминающемъ такъ подробно о подвигахъ своего храбраго пана, уже при походѣ Сулимы. Мольба стараго Чуры объ отмщеніи за его пана обращена къ сподвижникамъ Сулимы, и пѣсня сложена, безъ сомнѣнія, въ тотъ походъ; а между тѣмъ въ ней воспѣты, по живому воспоминанію, Лободинскіе подвиги, бывшіе лѣтъ за *сорокъ*.

Хочу сказать вамъ теперь нѣчто объ изданіи «народныхъ Южно-Русскихъ пѣсенъ» г. профессоромъ Метлинскимъ.

Что это за мистификація тамъ? На стр. 437 напечатана пѣсня «про Волыночку», и поставлено подъ нею: «Записалъ П. К. въ *Кіевской* г.» А вы хорошо знаете, что П. К. выписалъ эту пѣсню изъ принадлежащей мнѣ рукописи *Ходаковскаго*, который записалъ *«про Волыночку»* не въ *Кіевской* губерніи, а въ *Клевани*. Да и зачѣмъ поставлена она у г. Метлинскаго въ разрядъ пѣсенъ историческихъ «неизвѣстныхъ временъ»? Она принадлежитъ къ разряду *свадебныхъ:*

«Татарове ѣдуть, Волыночку везуть»...

Здѣсь *Татарами* названы свадебные поѣзжане, увозящіе молодую изъ дому отцевскаго, названы такъ же, какъ о братѣ молодой, когда онъ беретъ за нее выкупъ, поютъ:

«*Татаринъ* братикъ, *Татаринъ*,
Продавъ сестрицю за таляръ».

А вотъ *Волыночка* потому тутъ, что пѣсня Волынская; у народа Кіевской стороны была бы скорѣе тутъ *Кіяночка*. Очевидно, какъ необходимы поясненія къ пѣснямъ; но г. Метлинскій, объясняясь о недостачѣ въ его изданіи примѣчаній и поясненій, говоритъ: «Иные, правда, любятъ *умничанья* о поэзіи болѣе самой поэзіи! но о такихъ народъ выразился бы своею пословицею: «Глухому пѣсню спѣвати!» (стр. XIII.). Но отъ кого же бы читателю и услышать умное слово о народныхъ пѣсняхъ, если не отъ профессора Русской словесности, издающаго «Народныя Южнорусскія пѣсни»!

На стр. 374 напечатанъ отрывокъ «про Венцеслава», а подъ ними означено: «*Лѣвой* стороны Днѣпра; записано до 1845 года». Конечно записано до 1845 г., когда было уже напечатано 1834 года, на 82-й страницѣ «Украинскихъ народныхъ пѣсенъ». А записано было не на *лѣвой,* а на *правой* сторонѣ Днѣпра, на Волыни, тоже Ходаковскимъ! У меня тамъ было сказано «*можетъ быть*, относится къ Венцеславу Хмельницкому»; а у г. Метлинскаго сказано уже: «*безъ сомнѣнія*—къ Венцеславу Хмельницкому» (стр. 432). А сомнѣніе-то здѣсь большое: Заднѣпровскіе знатоки литературы говорятъ, что здѣсь имя *Венцеслава* принадлежитъ герою нынѣшняго вѣка «*Золотой-Бородѣ!*

На стр. 122, подъ пѣснею «Пани моя, пани влюбленная», не означена, откуда она? А мы съ вами хорошо знаемъ, что она слово въ слово изъ тетради, писанной для меня рукою незабвеннаго Гоголя (тоже самое вступленіе и тоже окончаніе этой пѣсни, куплетами о вронѣ и галкѣ)!

Мое собраніе пѣсенъ, нѣкогда принимавшее въ себя вклады отъ стольких лицъ (въ томъ числѣ и отъ васъ), было всегда открыто для всѣхъ любителей и собирателей пѣсенъ; народныя пѣсни — общее достояніе. Г. Метлинскій, незнакомый мнѣ ни лично, ни письменно, имѣлъ полное право брать изъ моихъ изданій все, что угодно, въ свое изданіе, какъ это сдѣлалъ и Жегота Паули, 1839 года; но онъ могъ бы, по примѣру Паули, и упомянуть о своемъ заимствованіи, хоть разъ, хоть бы, на примѣръ, при Зажнивной пѣснѣ про Коваленка (стр. 324), переписанной слово въ слово съ моего *Волынскаго* списка этой пѣсни, напечатаннаго въ *Кіевлянинѣ* кн. 2. стр. 180 (въ письмѣ моемъ къ Основьяненку «О правописаніи Малороссійскаго языка»). —На стр. 79 напечатанная пѣсня «Въ городѣ Хмелинонька» взята слово въ слово изъ «Малороссійскихъ пѣсенъ« (со стр. 50), и подъ нею поставлено «*Глуховъ*»; но въ 1827 году я получилъ эту пѣсню отъ князя Н. А. Цертелева, совсѣмъ не изъ Глухова! Также точно нѣсколько прекраснѣйшихъ пѣсенъ, записанныхъ мною самимъ здѣсь, *при Днѣпрѣ*, на Михайловой Горѣ (вамъ первому я читалъ ихъ въ Кіевѣ, до 1840 года), очутились въ изданіи г. Метлинскаго, подъ тою же фирмою: «*Глуховъ*!»... Какъ хозяйка познаетъ и отлучаетъ своихъ овечекъ, приблудившихся къ чужой ватагѣ; такъ и я тотчасъ узнаю всѣ пѣсни изъ моего собранія, зашедшія безъ моего вѣдома, въ изданіе г. Метлинскаго. Я и радъ бы тому былъ, что онѣ поспѣшили явиться въ свѣтъ изъ моего деревенскаго затвора; но я не радъ только потому, что онѣ явились теперь въ свѣтъ, какъ бѣглецы, съ фальшивыми пашпортами. По моему, лучше бы совсѣмъ не означать подъ пѣснями *мѣстъ*, чѣмъ означать невѣрно: это можетъ будущаго изслѣдователя приводить къ ошибочнымъ соображеніямъ и выводамъ.

Приписка. Мнѣ вспомянулось, что въ 1852 году, когда мы съ вами ѣхали до Переяслова, вамъ очень понравилась косовицкая пѣсня, пѣтая моимъ поганяйломъ, и вы желали имѣть ее. Препровождаю вамъ эту пѣсню, для вашего собранія, жалѣя очень, что я не музыкантъ и не могу переложить ея прекраснаго напѣва; а народная пѣсня, которая и родится и живетъ въ словахъ и напѣвѣ совмѣстно и неразлучно, неудовлетворительна вполнѣ одними своими словами безъ напѣва:

«Ой косить хазяинъ да на луцѣ сѣно,
Ажъ изъ ёго пôтъ ильеться;
Ой сидить чумакъ да пôдъ своимъ возомъ,
Да зъ хазяина смѣеться.
«Ой смѣйся, смѣйся, чумаче-бурлаче,
А за смѣхъ тобѣ буде!
Ой прийде зима, лихая година,
Въ тебе сѣна не буде!» —
Ой прийшла зима, лихая година,—
Нѣчѣмъ волôвъ зимоваты...
Бере чумакъ пугу й налыгачъ у руки,
Да йде сѣна куповати.
Ой иде чумакъ вподовжъ слободою,
Ажъ и устѣлка волочеться;
Сидить хазяинъ край свого вôконьця,
Да зъ чумака смѣется,
«Ой здоровъ, здоровъ, пане хазяину,
А продай вязку сѣна!
Охъ и невелику худобоньку маю,
Да либонь теперъ сѣла!»—
—«Ой здоровъ, здоровъ, чумаче-бурлаче!
Не продамъ же я сѣна;
Ой навяжи ты да вязку соломы,
Да принеси пôвпуда соли!—

1856 г. 14 Ноября,

Михайлова-Гора.

СКАЗАНІЕ О КОЛІИВЩИНѢ. [1])

Кто читалъ *Историческое извѣстіе объ Уніи*, *изданное* Бантышъ-Каменскимъ въ 1805 году, и сочиненную его сыномъ *Исторію Малой Россіи* (Москва 1830 г.), тому довольно извѣстны происшествія, которыми еще и въ прошломъ вѣкѣ была обуреваема Западная Русь отъ распространенія въ ней Уніи и притѣсненія православной вѣры.

Въ историческомъ ряду сихъ происшествій значительное мѣсто занимаетъ *Коліивщина*, происходившая 1768 года въ западной Украинѣ, называвшейся тогда Польскою или козацкою Украиной, въ отличіе отъ восточной или собственно Малороссійской. На Русскомъ языкѣ ничего почти не писано объ этомъ событіи [2]). Въ здѣшнемъ краѣ хотя и знаютъ объ немъ по слухамъ и по нѣсколькимъ рукописнымъ извѣстіямъ на Польскомъ языкѣ, однако знаютъ его или очень мало и отрывочно, или же въ ненадлежащемъ, болѣе или менѣе одно-

---

[1]) Статья эта, написанная М. А. Максимовичемъ еще въ 1839 году, хранилась до его смерти въ рукописи и, по его собственному отзыву, не была имъ напечатана потому, что нуждалась въ пересмотрѣ и добавленіяхъ, согласно съ новыми источниками, открытыми авторомъ въ послѣдствіи. Михаилъ Александровичъ сообщилъ въ рукописи эту статью Н. Маркевичу, которому она послужила главнымъ источникомъ при составленіи послѣдней главы (56-ой) его «Исторіи Малороссіи». Напечатана была статья о Коліивщинѣ уже послѣ смерти автора г. Бартеневымъ въ Русскомъ Архивѣ (1875 года № 5, стр. 5—27). Ред.

[2]) Въ VI томѣ Библіотеки для Чтенія помѣщена статья «прежняя Новосербія», гдѣ очень живописно изображены похожденія буйныхъ гайдамаковъ, но о Коліивщинѣ 1768 года не дано никакого понятія; о Желѣзнякѣ и Гонтѣ упомянуто по темнымъ и невѣрнымъ слухамъ. Любопытно тамъ извѣстіе объ Иванѣ Усачѣ, но объ немъ по другимъ источникамъ мнѣ ничего неизвѣстно.

стороннемъ видѣ, и нѣкоторымъ подробностямъ, особливо первоначальнымъ, даютъ несправедливый толкъ. Изслѣдовавъ подробно о семъ событіи, я написалъ предлагаемое сказаніе *о Коліивщинѣ*. Полагаю, что оно будетъ не лишнимъ и для нашихъ историковъ: для нихъ я замѣчу, что всѣ обстоятельства описаннаго происшествія, всѣ дѣйствующія въ немъ лица и самые разговоры ихъ отмѣченные вносными знаками, не мною придуманы, а взяты изъ тѣхъ источниковъ, какіе я имѣлъ у себя подъ рукою. Источниками моими были: 1) *Народныя пѣсни* о Желѣзнякѣ и Гонтѣ, напечатанныя въ моемъ собраніи Украинскихъ народныхъ пѣсенъ, ч. 1. М. 1834 г.; 2) мѣстныя преданія и разсказы старыхъ людей, рукописныя сочиненія на Польскомъ языкѣ; 3) болѣе другихъ интересная записка Вероники Кребсовой урожденной Младановичевой; 4) записка Уніата Тучанскаго, хранившаяся въ Базиліянской Уманской библіотекѣ, во многомъ несходная съ первою [1]); 5) содержаніе сей записки, переложенное въ Польскіе стихи (числомъ 794) студентами школъ Уманскихъ; 6) составленное на основаніи сихъ двухъ записокъ и дополненное другими извѣстіями описаніе Липпомана, имѣющееся у меня въ подлинникѣ; 7) записка Піара Павла Младановича; 8) подлинное письмо къ графу Потоцкому отъ Якова Квитневича, писанное изъ Арханграда 28 іюня 1768; 9) выписки изъ подлинной книги генеральной визитаціи Кодненскаго костела въ 1768 году; 10) повѣсть на Польскомъ языкѣ, написанная Грабовскимъ, изданная въ Вильнѣ 1836, подъ именемъ Koliwczyzna i stepy.

Считаю долгомъ благодарить тѣхъ особъ, которымъ я обязанъ за сіи источники. Если у кого найдутся новые матеріалы относительно сего предмета, особливо документальные, то я покорнѣйше прошу сообщить оные мнѣ, для пополненія и поправленія моего сказанія.

---

[1]) Теперь обѣ эти записки уже напечатаны въ Познанскихъ журналахъ; первая въ....; а вторая въ Tygodnik literacki 1838, № 37 — 39, по списку, выданному 1787 изъ Уманскаго Базиліанскаго монастыря за подписями и печатями ректора Іосафата Миргулевича и вицеректора Мацевича.

Глава первая.

Вступленіе.

Збунтовалась Украина, и попы и дяки,
Погинули на Украинѣ Жиды и Поляки.
О Боже мій несконченый! Дивитися горе,
Що теперя на сёмъ свѣтѣ віра віру боре!

(Украинская пѣсня на смерть Ивана Гонты).

Въ 1768 году, въ западной Украинѣ, бывшей тогда подъ властью польской, совершилось ужасное кровопролитіе. Козаки и крестьяне украинскіе рѣзали поляковъ и жидовъ цѣлыми сотнями и тысячами; поляки отомщали козакамъ и украинскимъ крестьянамъ немилосердными казнями. Сіе событіе извѣстно на Украинѣ подъ именемъ Колѣевщины или Коливщины.

Объ немъ сохранились въ народѣ многія преданія и разсказы. Украинскія пѣсни — эти вѣрные отголоски народной жизни — по сю пору вспоминаютъ о запорожцѣ Желѣзнякѣ, главномъ зачинщикѣ возстанія, объ Уманскомъ сотникѣ Гонтѣ и другихъ сподвижникахъ Желѣзняка. Есть еще на Украинѣ и старые люди, которые знавали Желѣзняка и разсказываютъ про Коливщину, какъ близкіе самовидцы. Послушайте ихъ разсказовъ и пѣсенъ украинскихъ, сообразите положеніе Украины и Польши съ событіями прежними, и вы увидите, что кровавый подвигъ Желѣзняка былъ не простой гайдамацкій разбой и не случайное нападеніе Запорожцевъ на польскія владѣнія для грабежа и добычи. Нѣтъ, то было огнедышущее изверженіе народной мести и вражды, цѣлый вѣкъ копившейся подъ гнетомъ Уніи; то была предсмертная, судорожная схватка двухъ враждебныхъ стихій въ государственномъ тѣлѣ, которое уже близилось къ своему концу.

Коливщина была послѣднимъ отзывомъ тѣхъ возстаній, которыми нѣкогда цѣлая Украина ополчалась на Польшу для спасенія своей вѣры и своего народа, обреченныхъ тогда на гоненіе; послѣднимъ отзывомъ и тѣхъ мучительныхъ казней, которыми судилище варшавское думало обуздать козаковъ и задушить ихъ непреклонную широкую волю.

А было время, когда народъ Литвы и Украины, соединенный съ народомъ польскимъ «какъ ровный, съ ровными, свободный съ свободными», исповѣдывалъ безпрепятственно вѣру своихъ отцевъ, и Восточная церковь, отъ которой и Польша заняла свой первый свѣтъ христіанства, процвѣтала по всей западной Руси. Было время, когда козаки днѣпровскіе, гремя грозою на Татаръ и Турковъ, дружно стояли за Польшу; и Польша, зная всю цѣну заслуги козацкой, отличала храбрую дружину днѣпровскихъ рыцарей богатыми дарами, и знаками чести, и многими правами на Украинѣ. То былъ вѣкъ цвѣтущаго состоянія Польши, вѣкъ воинской славы козацкой..... Но со смертію Баторія кончился и славный вѣкъ его; Польша перестала красоваться своимъ бытіемъ и склонилась къ упадку; прежнее дружество ея съ козаками обратилось въ взаимную вражду и нелюбіе, и не милымъ стало для Украины ея союзническое подданство Польшѣ.

Какой же враждебный духъ произвелъ сіи роковыя перемѣны?... Главною виною тому было гоненіе вѣры, открытое Жигимонтомъ III-мъ, котораго на несчастіе себѣ избрала Польша въ короли изъ королевичей шведскихъ. Это гоненіе возбудили Іезуиты, опутавъ новаго короля, а съ нимъ и все Польское правительство, своею сѣтью, которая была тонка какъ паутина, но крѣпка и тяжела какъ желѣзо. Работая не для вѣры Христовой, а только для власти папской, помышляя только о Римской тіарѣ и не думая о коронѣ Польской, Іезуиты возстановили въ Польшѣ католичество, приведенное въ упадокъ реформаціей, и подорвали государственное бытіе и народность Польши.

Чтобы западную Русь отторгнуть отъ Восточной церкви и привлачить къ подножію римскаго престола, Іезуиты предначертали распространеніе Уніи—и Унія простерлась бѣдою по Литвѣ и Украинѣ. Увлеченная западнымъ вліяніемъ, Польша посягла на православіе Русской земли и за то лишилась навсегда своей самобытности.

Козаки, для которыхъ и въ Запорожскомъ братствѣ первымъ условіемъ была православная вѣра, вступились за нее оружіемъ, и завязалась у нихъ кровавая борьба съ Польшею.

Защита вѣры обратилась въ защиту Украины, и черезъ полвѣка жестокой борьбы, полная козацкой силы Украина отбилась отъ Польши, и украинскій народъ торжествовалъ свою свободу побѣдною пѣснею:

«Да не буде лучше, да не буде кращче, якъ у насъ на Украинѣ:
Да не мае Жида, да не мае Ляха, не мае Уніи!»

Рѣшитель сего дѣла, славный Богданъ, со своею Украиной, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра лежащею, поддался Москвѣ, къ которой давно уже влеклись козаки единствомъ вѣры и своего русскаго рода, и древнимъ единствомъ государственнымъ.

Но Украинѣ суждено было еще испытать новое разновластіе: ее раздѣлили пополамъ между Москвою и Польшею, и только вольное Запорожье оставалось обоюднымъ, какъ бы въ знаменіе того, что днѣпровскія волны соединятъ вновь свои разрозненные берега. Въ то время, подъ державою возраставшей Москвы, началось уже возсоединеніе древней Владиміровой Руси, а надъ Польшею изречено было уже королемъ ея Іоанномъ-Казиміромъ роковое предвѣщаніе объ ея раздѣлѣ. Восточная Украина, оставшаяся за Россіею, постепенно сливала въ общую жизнь ея свое отдѣльное бытіе и, переставъ быть Гетманщиной въ началѣ царствованія Екатерины Великой, почила отъ вѣковыхъ бурь. Что же сталось въ это время съ западной Украиной, отлученной отъ родной половины? Съ новымъ подданствомъ Польской коронѣ опять въ ней начала свирѣпѣть Унія; опять Жиды, какъ алчная саранча, налетѣли на благодатныя нивы Русскаго землевладѣльца, и какъ ѣдкая моль стали точить богатство украинскихъ пановъ.

Но Унія не могла соединить прежнимъ союзомъ Украину съ Польшею: она готовила только новый разрывъ между ними, производя печальный раздѣлъ между сынами западной Руси. Отторгнутые отъ Восточной церкви уніаты, руководясь іезуитами и заимствуя отъ нихъ духъ нетерпимости и весь духъ западной пропаганды, несли хулу на свое прежнее православіе, насильственно обращали украинскій народъ въ свое новое исповѣданіе и самопроизвольно вводили въ него

католичество, вопреки положеніямъ соборнымъ и утвержденіямъ папскимъ; чрезъ что они производили отступничество не только отъ православія, но и отъ самой Уніи, обратившейся въ переходный мостъ къ католичеству.

Вельможи и дворяне западной Украины, будучи гражданами Польши и находя, что всѣ гражданскія выгоды предоставлены были въ ней только папскимъ приверженцамъ, вовлеклись въ Унію и католичество, черезъ нѣсколько поколѣній забывали свой русскій родъ, усвояли себѣ нетерпимость къ вѣрѣ своихъ предковъ и теряли любовь къ коренному народу своей отчизны.

Великій отъ того былъ ущербъ для Украины, но не въ прокъ онъ пошелъ и для Польши! Горевала Украина, что и въ ней, какъ въ Литвѣ, русскіе паны обращались въ Поляковъ, и католичество становилось панскою вѣрою; но еще горше было ей терпѣть оскорбленіе своей вѣры, особливо когда православныя церкви отдавались въ аренду жидамъ, и племя, на которомъ возлегла кровь распятаго имъ Господа, сквернило своимъ торгомъ христіанскія требы и службы, заводило шинки въ домахъ Божіихъ. Отъ этого больше всего мутилась козацкая кровь и накипала на сердцѣ ненавистью къ жидамъ и полякамъ.

Неравнодушно смотрѣла и восточная Русь на утѣсненіе своей вѣры въ западной Руси, и не разъ она относилась къ Польшѣ съ мольбою о защитѣ своихъ родныхъ единовѣрцевъ. Но что могла сдѣлать Польша для дессидентовъ своихъ, когда она, обуреваемая непрестанными между-царствіями, многочисленными партіями и конфедераціями, не въ силахъ уже была сладить и сама съ собою?

Уже на западной Украинѣ прогремѣло грозою давно копившееся негодованіе козаковъ: въ 1764 году сотникъ Харько, съ семью стами козаковъ, произвелъ сильное кровопролитіе за новое утѣсненіе православной вѣры. Уже и Россія требовала отъ Польши, чтобы она своимъ дессидентамъ возвратила отнятыя у нихъ права и свободу вѣроисповѣданія. Но вѣротерпимость такъ уже была чужда Полякамъ, что когда и сеймовымъ опредѣленіемъ (1768 года 1-го марта) объявлена

была наконецъ свобода вѣроисповѣданій, то за сіе вступилась конфедерація Барская, образовавшаяся (въ томъ же году) на Подоліи противу короля Станислава-Августа. Эта конфедерація подала поводъ и къ тому возстанію Украины на Польшу, которое названо Коливщиною. И вотъ какъ это было.

Глава вторая.

Начало Коливщины.

«Товарищи гайдамаки, чинить мою волю!
Що намъ треба виплатити Украинську недолю...,»
(*Украинская пѣсня о полковникѣ Иванѣ Лободѣ*).

Между тѣмъ какъ Барскіе конфедераты сбирались двинуться въ Польшу и захватить въ свои руки короля, не большой отрядъ ихъ, въ первыхъ числахъ апрѣля, проникъ въ глубь Украины. Предводившій отрядомъ маршалокъ Пулавскій, въ мѣстечкѣ Лисянкѣ, взялъ насильно полкъ кавалеріи у рейментаря Воронича, навербовалъ множество шляхты и произвелъ сильное возмущеніе. Уніатскіе священники не замедлили воспользоваться симъ случаемъ и явились въ староство Чигиринское. Сопровождаемые толпами своихъ приверженцевъ, они начали склонять народъ къ принятію Уніи; но какъ проповѣдь ихъ была неубѣдительна, то они принялись опять за насилія, стали забирать подъ стражу служителей православной церкви и отбирать у нихъ имущество. Не смотря и на то, уніатскіе миссіонеры на сей разъ обогатились только стадами рогатаго скота и лошадей, отнятыми у священниковъ православныхъ.

Полковникъ Чигиринскихъ козаковъ Квасневскій, имѣвшій на ту пору смотрѣніе за староствомъ, предвидѣлъ бѣду, какая могла быть отъ этого смятенія: свѣжа еще была память о возстаніи сотника Харька, и трогательная пѣсня объ немъ и его молодой вдовѣ была любимою пѣсней въ народѣ. И потому Квасневскій съ своими козаками спѣшилъ унять уніатовъ, и они скоро оставили староство Чигиринское.

Но молва объ ихъ новомъ насиліи разошлась уже по Украинѣ и отозвалась ропотомъ негодованія. Духовенство, взволнованное новыми обидами, уже спѣшило въ Чигиринскій

Мотренинскій монастырь, къ настоятелю онаго архимандриту Мельхиседеку Значко-Яворскому. Это былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ тогда приверженцевъ православія и поборникъ Украины, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жарчайшій противникъ Уніи. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Мельхиседекъ, съ разрѣшенія своего епархіальнаго начальства, разъѣзжалъ по западной Украинѣ, утверждалъ народъ ея въ православіи и отклонялъ отъ Уніи. За сіи подвиги Мельхиседекъ, по приказанію тогдашняго уніатскаго митрополита Феліціана Володковича, былъ схваченъ въ Радомыслѣ и заключенъ въ тюрьму въ Дерманѣ, откуда могъ освободиться только бѣгствомъ. Объ этомъ знали на всей западной Украинѣ; беззащитное православное духовенство ея видѣло въ Мельхиседекѣ свою единственную опору, и потому-то прямо къ нему оно устремилось и держало съ нимъ совѣтъ, какъ оградить себя отъ дальнѣйшихъ бѣдствій и охранить свою церковь, непрестанно грозимую новыми притѣсненіями. Послѣ того они обратились къ своему епархіальному начальнику, епископу Переяславскому. Но преосвященный Гервасій только сказалъ имъ, что онъ съ своей стороны помочь имъ ничѣмъ не можетъ, что они должны себя укрѣплять терпѣніемъ и по возможности придумывать средства къ облегченію своей судьбы.

Тогда на монастырскомъ совѣтѣ стали говорить, что больше терпѣть уже нельзя, что какъ бы ни было, а пора положить конецъ бѣдамъ, что нечего добраго имъ ждать, когда ни воля короля, ни опредѣленіе сейма, ни заступленіе русской царицы не унимаютъ уніатовъ и не избавляютъ украинскій народъ отъ самоволія Католиковъ. И положено было нарядить духовное посольство къ запорожскому Кошевому и просить у него защиты козацкой. Но козацкая защита была гораздо ближе и отозвалась сама собою въ сердцѣ монастырскаго послушника.

Сей замѣчательный послушникъ былъ Максимъ Желѣзнякъ. Въ душѣ его скрывалась та могучая, несокрушимая воля и безстрашное суровое мужество, какія въ дѣтяхъ Украины выкармливала только Запорожская Сѣчь. Ея питомецъ

былъ и Желѣзнякъ, который нѣкогда считался однимъ изъ самыхъ бравыхъ козаковъ Запорожья и служилъ въ званіи сотника. Но ему прискучило наконецъ буйное приволье запорожской жизни; душа его пожелала смирить свою волю и поработать Богу постомъ и молитвою. И онъ простился со славнымъ днѣпровскимъ островомъ и удалился на свою родину — въ староство чигиринское, на островокъ рѣки Тясмина, гдѣ уединенно стоялъ небольшой Медвѣдовскій монастырь, во имя святаго Николая. Въ этомъ монастырѣ набожный Желѣзнякъ съ нѣсколькими изъ прежнихъ своихъ товарищей думалъ мирно окончить дни свои, былъ уже на послушаніи и готовился принять чинъ монашескій. Такъ доживали свой вѣкъ многіе Запорожцы. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Когда вѣсть объ новомъ насиліи православнымъ встревожила мирную обитель Желѣзняка, сильно забилось въ немъ сердце, и крѣпкая дума овладѣла его умомъ. Онъ подумалъ и положилъ себѣ—постоять за православную церковь и поработать еще разъ своею козацкою саблею. Рѣшимость его была тверда какъ камень; онъ передалъ ее своимъ неразлучнымъ товарищамъ, и они, съ наступленіемъ Свѣтлой недѣли, помолившись Богу, оставили свой монастырскій островъ и пошли въ Мотренинскій лѣсъ къ монастырю, тамъ находящемуся.

На дорогѣ пристали къ нимъ нѣсколько знакомыхъ Запорожцевъ, гулявшихъ тогда по Мотренинскому лѣсу. Такимъ образомъ составилась первоначальная ватага Желѣзняка изъ восемнадцати человѣкъ.

Верстахъ въ двухъ отъ Мотренинскаго монастыря есть оврагъ, называемый Холоднымъ. Надъ нимъ лежитъ небольшая поляна, возлѣ которой шла дорога отъ монастырскихъ мельницъ къ монастырю, черезъ чащу густаго лѣса. На этой полянѣ и расположился Желѣзнякъ таборомъ у студенаго ключа, который вытекалъ надъ самымъ оврагомъ.

Послѣ короткаго отдыха Запорожцы принялись рубить дубовыя рогатки и дѣлать другія приготовленія. Желѣзнякъ на слѣдующее утро отправился въ монастырь, явился къ отцу

Мельхиседеку. Онъ открылъ ему свое намѣреніе и сказалъ, что пришелъ просить у него добраго совѣта и благословенія пастырскаго. Такъ сошлись два человѣка, которые пылали однимъ чувствомъ и задумали одно дѣло, не сговариваясь между собою. Они сразу поняли другъ друга, съ полнымъ откровеніемъ вели долгую рѣчь о своемъ дѣлѣ и наконецъ рѣшили: насиліе отразить силою, поднять Украину на ея утѣснителей и во что бы то ни стало отстоять православную церковь. Мельхиседекъ благословилъ Желѣзняка на сей подвигъ и обѣщалъ изготовить универсалъ для воззванія къ народу.

Полонъ новыхъ думъ и надеждъ, воротился Желѣзнякъ въ свой таборъ, гдѣ нашелъ нѣсколько новыхъ сообщниковъ и гдѣ удальцы его успѣли спроворить себѣ коней и разнаго запасу.

И сталъ Желѣзнякъ рáдить съ товарищами, какъ повести свое дѣло. Всего прежде имъ надо было дать о себѣ вѣсть козацкимъ старшинамъ окружныхъ волостей; надо было имъ поладить и съ тѣми козаками, которые составляли надворное войско Чигиринскаго старосты князя Яблоновскаго. Помощь, какую полковникъ ихъ Квасневскій оказалъ недавно русскимъ священникамъ, давала надежду Желѣзняку, что, можетъ быть, и теперь этотъ полковникъ приметъ его сторону; на другихъ же козацкихъ старшинъ онъ надѣялся, какъ на каменную гору.

Съ наступленіемъ ночи разосланы были гонцы въ окрестныя волости къ сотникамъ и другимъ старшинамъ; самъ Желѣзнякъ съ нѣсколькими Запорожцами поѣхалъ въ мѣстечко Медвѣдовку, гдѣ жилъ Квасневскій. На ту пору дóма была только полковница. Пріѣздъ Желѣзняка чрезвычайно испугалъ ее, ибо только что передъ тѣмъ дошелъ до нея слухъ о новомъ появленіи гайдамаковъ въ Мотренинскомъ лѣсу; но Желѣзнякъ успокоилъ полковницу учтивымъ обращеніемъ съ нею и увѣреніемъ, что пріѣхалъ въ ихъ домъ не съ дурнымъ намѣреніемъ, а съ тѣмъ чтобы видѣть полковника и просить его неотступно принять надъ ними начальство. Послѣ того онъ спросилъ водки и тотчасъ же

уѣхалъ, сказавъ, что въ Холодномъ оврагѣ онъ будетъ ждать скораго отвѣта и доброй ласки отъ пана полковника.

Не порадовался Квасневскій такому предложенію, воротившись домой на слѣдующее утро. Онъ очень зналъ, что ему плохо будетъ отъ Желѣзняка, если откажется, что не лучше будетъ и отъ своего правительства, если согласится; а потому онъ за лучшее призналъ вовсе убраться изъ староства и поспѣшилъ переѣхать въ ту половину мѣстечка Крылова, которая лежала на Русской сторонѣ рѣки Тясмина. Такимъ образомъ предоставлено было Желѣзняку не только быть самому начальникомъ своей ватаги и занять мѣсто полковника Чигиринскихъ козаковъ, но открылся благопріятный случай распоряжаться свободно и въ цѣломъ староствѣ, гдѣ съ отъѣздомъ Квасневскаго не стало ни какого старшаго.

Уже по первому зову Желѣзняка къ козацкимъ старшинамъ начали въ таборъ къ нему сходиться козаки изъ окружныхъ волостей, принося ему поклонъ, оружіе и всякіе припасы. Много набралось къ нему и незванныхъ гайдамаковъ, которые давно уже роились буйными ватагами по темнымъ лѣсамъ надднѣпровскимъ, сходились вмѣстѣ обыкновенно у Холоднаго оврага и оттуда союзною ордою нападали иногда даже на города Польской Украины. Таборъ Желѣзняка съ каждымъ днемъ становился шумнѣе и многочисленнѣе. Между тѣмъ самъ Желѣзнякъ не разъ еще былъ у Мельхиседека и получилъ отъ него обѣщанный универсалъ. Архіерейскій писарь Молдаванъ, случившійся на ту пору въ Мотренинскомъ монастырѣ, написалъ ту грамоту на пергаменѣ золотыми буквами, почему она и прозвана была Золотою грамотою. Въ ней было воззваніе къ козакамъ и народу Украинскому, чтобы они старались прекратить власть Уніатовъ и истреблять Уніатовъ, Католиковъ и Жидовъ на Украинѣ, и что тогда Украина опять станетъ вольною гетманщиною, какъ была за Хмельницкимъ. Для большаго успѣха сей грамоты былъ распущенъ слухъ, будто она прислана къ Запорожцамъ отъ Русской Царицы.

Такимъ образомъ все было готово къ начатію дѣла. Шумная, пестрая громада козаковъ поклонилась Желѣзняку,

провозгласила его своимъ полковникомъ и вслѣдъ за нимъ двинулась къ монастырю. Тамъ отслужили молебенъ. Мельхиседекъ благословилъ Желѣзняка, его дружину и оружіе. Желѣзнякъ поклонился Мельхиседеку и монастырю. «Благослови же Господи!» сказалъ онъ крестясь, и молча повелъ свое войско по Жаботинской дорогѣ. Это было 18-го мая, въ Троицынъ день, въ храмовой праздникъ Мотренинскаго монастыря.

Глава третья.

Первые успѣхи Колiивщины.

«Максимъ козакъ Желѣзнякъ изъ славного Запорожья
Процвѣтае на Украинѣ якъ у городи рожа.
Роспустивъ вiйсько козацьке у славному мисти Жаботинѣ,
Гей розлилась козацька слава по всей Украинѣ!»

(Украинская пѣсня о Максимѣ Желѣзнякѣ).

Молва о выступленіи Желѣзняка разлеталась быстро и далеко по Украинѣ. Ободрились Украинцы, смутились Жиды и Поляки.

Первымъ мѣстомъ, гдѣ началось кровавое дѣйствіе Желѣзняка, было мѣстечко Жаботинъ. Прибывъ туда, онъ велѣлъ согнать на площадь всѣхъ Поляковъ и Жидовъ; а тамошняго управителя отдалъ въ руки Жаботинскому сотнику Мартыну Бѣлугѣ.

«А що, пане-губернаторе! говорилъ Мартынъ, водя за собою управителя,—не одного теперь Ляха голова заляже». И въ самомъ дѣлѣ, вся несчастная толпа была вырѣзана. Такова была поминка Желѣзняка по сотнику Харьку, которому въ Жаботинѣ, въ конюшнѣ, отрублена голова. Такая же участь постигала Поляковъ и Жидовъ вездѣ, куда являлся Желѣзнякъ; а народъ Украинскій вездѣ ждалъ его нетерпѣливо, встрѣчалъ радостно: каждому хотѣлось посмотрѣть на Желѣзняка и его войско, послушать Золотой Грамоты, которую читалъ онъ въ каждомъ селѣ и городѣ, объявляя, что подданство Украины Польшѣ уже кончилось.

Послѣ того козакамъ и крестьянамъ припадала смертная охота мстить ненавистнымъ Жидамъ и кичливой шляхтѣ, и кто былъ удалѣе, спѣшилъ пристать къ войску Желѣзняка,

которое росло съ каждымъ его шагомъ и тѣмъ болѣе, что къ нему присоединилось множество выходцевъ и съ лѣвой стороны Днѣпра.

Первою подмогою Желѣзняку былъ Смѣлянскій сотникъ Шило съ своими козаками. Разграбивъ Смѣлянскій за́мокъ, они вмѣстѣ ходили на Богуславъ, гдѣ завалили Жидами полные шанцы, и оттуда направили свой путь на Звенигородку.

Но гибель Жидовъ и Поляковъ не кончилась еще ихъ истребленіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходилъ Желѣзнякъ; на его кровавые слѣды, какъ хищныя птицы, сбирались цѣлыя ватаги разсвирѣпѣвшаго народа, ходили по окрестнымъ хуторамъ и селамъ и производили въ нихъ опустошенія. Особенно отличился на этомъ поприщѣ Нежи́вый, бывшій горшечникомъ въ селѣ Мельникахъ, подъ Мотренинскимъ лѣсомъ, гдѣ родился Желѣзнякъ. Соревнуя ему, Неживый собралъ огромную ватагу и долгое время опустошалъ Чигиринское и Черкаское староства, объявляя себя ихъ начальникомъ.

Такъ сильно было пламя бу́нта, навѣянное Желѣзнякомъ. Отъ этого пламени готова была загорѣться вся Западная Украина, а тушить было не кому: Польша была тогда бѣдна своимъ войскомъ; да и того половина пристала къ Барской конфедераціи; а остальная же половина находилась около Варшавы и нужна была королю для отраженія конфедератовъ, усмиреніемъ коихъ заняты были и Русскіе полки, посланные отъ Екатерины Великой. При этомъ внутреннемъ мятежѣ Польши, Украинскіе Поляки и Жиды оставались безъ всякой защиты отъ грознаго Желѣзняка, и вся ихъ надежда на спасеніе заключалась въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ городахъ, гдѣ они и прежде находили убѣжище отъ нападеній гайдамаковъ. Таковыми считались на Украинѣ: Бѣлая Церковь, Лисянка и особенно Умань. Въ двухъ первыхъ немного могло помѣститься народу, а потому найболѣе въ Умань устремилось множество Жидовъ и Поляковъ со всей Украины. Но чѣмъ больше накоплялось тамъ Жидовъ и Поляковъ, тѣмъ больше предстояло тамъ поживы Желѣзняку, тѣмъ больше порывался онъ идти на Умань. На этотъ городъ особенно острили зубы козаки и потому, что тамъ былъ притонъ Уніи,

и что Уманскіе владѣльцы болѣе всѣхъ принуждали Украинцевъ къ отступленію отъ Православія. Желѣзнякъ зналъ, что на всей Украинѣ только Умань могъ дать ему отпоръ, и даже на него самаго наступить своимъ войскомъ. Но онъ не терялъ надежды, что орудіе, которымъ собирались поразить его Уманскіе паны, можно обратить на ихъ же голову.

Войсковую силу Уманя составляли козаки, и Желѣзнякъ предпринялъ склонить ихъ на свою сторону. Добрымъ ему предвѣстіемъ въ этомъ замыслѣ былъ Уманскій козакъ Дзюба, который, прискакавъ изъ Уманя, пересказалъ все, чтó тамъ дѣлается, и убѣждалъ его спѣшить туда, увѣряя, что «изъ Уманя не втече нáвѣтъ и духъ Ляцкій». Желѣзнякъ сталъ готовиться идти на Умань, а между тѣмъ отправилъ два отряда на Лисянку и Бѣлую Церковь, наказавъ имъ, чтобы они рѣзали Жидовъ и Поляковъ и какъ можно шановали и берегли своего народу.

Мѣстечко Лисянка принадлежало къ помѣстьямъ князя Яблоновскаго. Въ немъ былъ большой каменный зáмокъ, построенный въ видѣ четвероугольника, на каждомъ углѣ съ башнею, вооруженною гаковницами или висячими пушками. Кромѣ того, зáмокъ былъ обведенъ высокимъ дубовымъ палисадомъ и для защиты имѣлъ въ себѣ значительный гарнизонъ изъ козаковъ и много военнаго припасу. Въ ту пору находился въ Лисянкѣ главноуправляющій князя Кучевскій, пріѣхавшій изъ Волынскихъ помѣстій Яблоновскаго для осмотра Лисянской волости, въ которой было тогда до тридцати тысячъ душъ крестьянъ. Кучевскій подъ защиту зáмка принялъ нѣсколько сотъ шляхты и Жидовъ, избѣгавшихъ Желѣзняка; но они и здѣсь отъ него не укрылись. Посланный имъ отрядъ, съ помощію Золотой Грамоты, пробрался въ зáмокъ; Зопорожцы съ неистовствомъ рѣзали и кололи Жидовъ и Поляковъ, гдѣ только могли отыскать ихъ въ зáмкѣ; на Кучевскомъ ѣздили верхомъ и потомъ подняли его на копья. Заграбивъ княжескую казну и добравшись до глубокихъ подваловъ, Запорожцы цѣлую ночь упивались дорогими винами и медами, и въ заключеніе своего кроваваго пира повѣсили на костелѣ ксендза, Жида и собаку, съ надписью: «Ляхъ, Жидъ

и собака — все віра однака». Наруганіе жестокое..... какъ будто Украинцы вспомнили, что Лисянка была родиною Хмельницкихъ, и захотѣли въ ней отомстить поруганіе, нанесенное Чарнецкимъ костямъ великаго Богдана. Не даромъ онъ на Переяславской радѣ говорилъ козакамъ: «сами вы вѣдаете, что Польскіе паны лучше Жида и пса, нежели Христіанина нашего брата почитали»!

Бѣлая Церковь отдѣлалась счастливо. Каменный замокъ ея, возвышаясь на крутомъ берегу Руси, стоялъ надъ городомъ, вооруженный пушками. Сильною пальбою встрѣтилъ онъ приближавшійся отрядъ, и когда ядра, перелетавшія черезъ городъ, стали валить козаковъ, то они поворотили назадъ, сберегая себя для Уманя и надѣясь тамъ вознаградить свою неудачу.

Посмотримъ же теперь, что происходило въ Уманѣ.

Глава четвертая.

Новая опора Колиивщины.

«Подъ Уманемъ, славнымъ мистомъ, великіи кручи;
Гей помлили Уманьчики, Запорожцевъ ждучи,
Гонта сотникъ Уманьскій помежъ військомъ ходыть,
Изъ Максимомъ Желѣзнякомъ черезъ листы говорыть.»

(*Украинская пѣсня о Максимѣ Желѣзнякѣ.*)

Городъ Умань, одинъ изъ лучшихъ тогда городовъ на Западной Украинѣ, былъ средоточіемъ огромныхъ Украинскихъ владѣній Кіевскаго воеводы графа Потоцкаго. Уманская волость его простиралась болѣе чѣмъ на сто пятьдесятъ верстъ и отдавалась на откупъ шестидесяти поссесорамъ, которые обыкновенно жили въ городѣ и доставляли довольно поживы торговавшимъ тамъ Грекамъ, Армянамъ и особливо Жидамъ. На иждивеніи графскомъ Базиліане основали въ Уманѣ училище, въ которомъ было до четырехъ сотъ учениковъ. Экономическій домъ графа, гдѣ жилъ его комисаръ или начальникъ города и волости, былъ главнымъ мѣстомъ въ Уманѣ, и, окруженный высокимъ частоколомъ, съ башнями и четырьмя бастіонами, служилъ ему цитаделью.

Вокругъ города также былъ высокій дубовый палисадъ и двѣ башни съ пушками, между которыми находились городскія ворота, охраняемые гарнизономъ изъ графской пѣхоты. Но главную защиту и войсковую силу Уманя составлялъ полкъ Уманскихъ козаковъ, которые жили особою слободою подъ самымъ городомъ, уволены были отъ всякихъ податей своему владѣльцу, имѣли у себя значительныя угодья и, сверхъ того, получили отъ графа все вооруженіе и войсковое убранство. Въ Уманскомъ полку считалось двѣ тысячи шесть сотъ козаковъ, изъ коихъ триста были очередно наряжаемы въ Кристинополь, гдѣ имѣлъ свое пребываніе графъ. Цѣлый полкъ собирался рѣдко, только въ случаѣ военнаго дѣла, и кромѣ того постоянно одинъ разъ въ годъ на Зеленой недѣлѣ для параднаго смотра.

Тогда каждый козакъ убирался въ желтый жупанъ, голубые шаравары и кунтушъ и желтую, съ чернымъ смушковымъ околышемъ, шапку; надѣвалъ на себя свое козацкое вооруженіе и садился на коня. Снарядившись такимъ образомъ, козаки выѣзжали къ Грекову лѣсу въ обозъ и становились сотнями подъ начальство полковника, трехъ сотниковъ и прочей старшины. Между тѣмъ, при церковномъ молебствіи и звонѣ колоколовъ, при звукѣ трубъ и литавръ, несли изъ города въ обозъ знамена съ княжескими гербами, бунчуки и прапоры. Послѣ торжественнаго смотра и удалыхъ маневровъ, графскій комисаръ задавалъ богатый пиръ Уманскому полку: козаки садились сотнями за приготовленные для нихъ столы, и скоро ихъ пиршество оглашалось пѣніемъ Украинскихъ думъ и звуками бандуръ; между тѣмъ знамена, бунчуки и прапоры были относимы опять въ городъ. Такъ содержалъ вельможный Потоцкій свое войско и славился имъ на всей Украинѣ. Потому-то со всей Украины потянулись въ Умань Поляки и Жиды, всполошенные возстаніемъ Желѣзняка. Въ три дня набралось ихъ такъ много, что не могли уже помѣщаться въ самомъ городѣ; а потому прибывавшіе вновь становились уже таборомъ за городомъ возлѣ Грекова лѣса, отдавая свои пожитки подъ сохраненіе комисару

Младановичу и главному уніатскому священнику Ираклію Костецкому, основателю и ректору Базиліанской школы.

Желѣзнякъ былъ далеко еще отъ Уманя; но страхъ, имъ наведенный, торопилъ къ скорымъ и дѣятельнымъ противъ него мѣрамъ. Младановичу присовѣтовали упредить его нашествіе и послать на него Уманскихъ козаковъ. Немедленно былъ собранъ весь Уманскій полкъ, и Младановичъ объявилъ торжественно козацкимъ старшинамъ, что для безопасности города Уманя и всей Уманщины они должны тотчасъ же идти съ своимъ полкомъ на Желѣзняка и отстоять отъ него графскія владѣнія. «Мы всѣ увѣрены, говорилъ онъ, обращаясь особенно къ сотнику Гонтѣ, что храбрые Уманскіе козаки уничтожатъ толпу гайдамаковъ, заслужатъ себѣ новую славу и новую благодарность отъ графа.» Старшины козацкіе увѣряли съ своей стороны въ преданности графу и ручались за успѣхъ предстоящаго дѣла. Затѣмъ они были приведены къ присягѣ въ церкви святаго Николая и того же дня выступили въ походъ къ Звенигородкѣ, откуда ждали Желѣзняка. Полковникомъ Уманскихъ козаковъ былъ шляхтичъ Обухъ, человѣкъ незначущій. Главною надеждою Уманскаго войска былъ сотникъ Иванъ Гонта. Въ сотники онъ вышелъ изъ крестьянскихъ дѣтей, будучи отмѣнно храбръ, весьма уменъ, краснорѣчивъ и благовиденъ, умѣя притомъ хорошо говорить и писать по Польски. Съ этими достоинствами Гонта скоро сталъ душею своихъ козаковъ, пріобрѣлъ себѣ общее уважеженіе и славу въ цѣлой Уманщинѣ; самъ графъ очень любилъ его и отличалъ особенными милостями: онъ назначилъ ему во владѣніе деревню Россушки, гдѣ родился Гонта, а потомъ еще деревню Орадовку Все это привязывало Гонту къ графу и къ Уманщинѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ породило въ немъ и сильное честолюбіе.

Уманскіе козаки, выступивъ противъ Желѣзняка и перейдя за предѣлы Уманщины, остановились таборомъ выжидать своего противника, хотя имъ и неохотно было драться съ своимъ братомъ-козакомъ. Но Желѣзнякъ не двигался съ мѣста; онъ умножалъ свою силу и выжидалъ случая прилучить къ себѣ Гонту; онъ былъ увѣренъ, что послѣ того

будутъ на его сторонѣ и всѣ уманскіе козаки, между которыми, какъ мы видѣли, былъ уже давно зародышъ къ возстанію.

Проходила уже третья недѣля, какъ Уманскій полкъ стоялъ таборомъ въ степи, а Желѣзняка все не было; отъ него пріѣзжали только Смѣлянцы подговаривать Уманскихъ козаковъ идти съ ними вмѣстѣ грабовать Умань; черезъ нихъ онъ звалъ Гонту стать съ нимъ одностайне, за вѣру и Украину, и открывалъ его честолюбію обширные виды, на основаніи Золотой Грамоты. Но Гонта остался непреклоннымъ и отписалъ Желѣзняку, что не можетъ поднимать рукъ на своего пана-батька и не пойдетъ на разграбленіе Уманя.

Таборъ подъ Уманемъ между тѣмъ все умножался. Вдругъ заговорили тамъ, что Гонта соединяется съ Желѣзнякомъ; вѣроятно Жиды провѣдали объ ихъ сношеніяхъ. Въ страшномъ испугѣ нѣсколько помѣщиковъ пришли въ городъ съ этою вѣстію и неотступно убѣждали комисара вызвать подъ какимъ нибудь предлогомъ Гонту въ Умань и отрубить ему голову съ помощію Магдебургіи. Встревоженный Младановичъ не рѣшался на послѣднюю мѣру; однако тотчасъ же послалъ гонца въ Уманскій полкъ съ приказаніемъ, чтобы всѣ сотники поспѣшили въ городъ для важныхъ совѣщаній. Всѣ три сотника и нѣсколько атамановъ прискакали въ Умань. Младановичъ вышелъ къ нимъ на площадь, сопровождаемый ксендзами и многими панами, и обратился къ Гонтѣ съ такою рѣчью: «пане Гонта! Доносятъ мнѣ, что ты ведешь переговоры съ Желѣзнякомъ и хочешь съ нимъ соединиться. Я не хочу тому вѣрить. Ты получилъ такъ много милостей отъ графа: сколько же новыхъ наградъ можешь надѣяться за охраненіе графскихъ владѣній отъ Желѣзняка!» До слезъ огорченъ былъ Гонта такими словами, имѣвъ полное право ждать себѣ другаго привѣтствія; краснорѣчиво опровергалъ онъ напрасное и для него обидное подозрѣніе, клялся въ своей вѣрности графу и свою клятву принужденъ былъ подтвердить новою присягою: въ предстояніи трехъ ксендзовъ, онъ цѣловалъ крестъ, евангеліе и руку уніата Костецкаго. Послѣ такого удостовѣренія всѣ сотники опять были отправлены въ свой

полкъ. Но Гонта уже не съ прежнимъ чувствомъ выѣхалъ изъ Уманя, гдѣ неосторожный Младановичъ такъ публично заподозрилъ его вѣрность и гдѣ такъ сильно была оскорблена козацкая честь перваго сотника. Гонта узналъ еще, что къ нему пришло письмо отъ графа, а Младановичъ утаилъ его у себя. Ему извѣстно было и то, что Уманскіе паны умышляли на его жизнь. Все это Гонта считалъ для себя невыносимою обидою; душа его возмущена была негодованіемъ противъ Уманя; честолюбіе его страдало и просило мщенія. Между тѣмъ и въ Уманскомъ полку, въ отсутстіе сотниковъ, развернулась охота грабовать Умань.

Гонту ожидало тамъ новое письмо отъ Желѣзняка. Запорожскій сотникъ, на котораго онъ шелъ, какъ на своего врага, не переставалъ дружески звать его быть съ нимъ за одно и сулилъ ему Уманское княжество въ будущей гетманщинѣ; а Уманскіе паны, за которыхъ онъ готовъ былъ рѣзаться съ Желѣзнякомъ, домогались его головы и готовили ему позорную смерть преступника! Когда объ этомъ узнали Уманскіе козаки, то закипѣли желаніемъ отмстить обиду своего перваго сотника и стали просить его, чтобы онъ велъ ихъ на Умань. Тогда не въ силахъ уже былъ Гонта устоять въ прежней преданности графу, и борьба души рѣшилась въ пользу Желѣзняка; только съ нимъ онъ могъ утолить досыта свое раздраженное и оскорбленное честолюбіе. Принявъ начальство надъ Уманскимъ полкомъ, Гонта далъ свободу полковнику Обуху бѣжать за границу; а къ Желѣзняку отправилъ свое козацкое слово быть съ нимъ за одно и ждать его подъ Уманемъ.

Пускай же не даромъ говорятъ Уманскіе паны, что Гонта еднается съ Желѣзнякомъ!

Глава пятая.

Уманская рѣзня.

«А у недилю рано стали да у дзвоны быты;
Гей ставъ Гонта зъ козаками пôдъ Умань пôдходыты.
Въ понедилокъ передъ обидомъ изъ гарматъ загули,
А въ вивторокъ ище раньше Уманя добули»...

(Украинская пѣсня о Максимѣ Желѣзнякѣ).

Спохватились Уманскіе паны, что выпустили сокола изъ своихъ рукъ, да ужъ поздно.

На другой же день по отъѣздѣ Гонты, они убѣждали Младановича, на всякій случай, отправить женъ и дѣтей въ городъ Тарговицу, прилежащій къ Русской границѣ. Но Уманскіе граждане, уповая твердо на своихъ козаковъ, отговорили комисара дѣлать такую тревогу. Однако изъ полка долгое время не приходило никакихъ извѣстій, и страхъ началъ овладѣвать цѣлымъ Уманемъ. Тогда рѣшились, на случай опасности, привести городъ въ оборонительное положеніе. За это взялся землемѣръ Шафранскій, служившій нѣкогда въ арміи Фридриха Великаго. Съ самаго начала осмотрѣлъ онъ таборъ пріѣзжихъ и нашелъ, что тамъ было уже до шести тысячъ человѣкъ и все еще прибывало. Гарнизону въ городѣ оказалось только шестьдесятъ человѣкъ. При такомъ недостаткѣ военной силы, для защиты городской стѣны наряжены были Жиды. Приготовивъ все, что̂ только могъ къ защитѣ, Шафранскій избралъ себѣ самую высокую башню возлѣ экономическаго дома и засѣлъ въ ней наблюдать окрестности города. Черезъ три дня онъ усмотрѣлъ, что Уманскіе козаки идутъ по Звенигородской дорогѣ. Радостна была эта вѣсть для Уманцевъ: думали, что Желѣзнякъ уже разбитъ, и готовились встрѣчать побѣдителей. Но Уманскій полкъ остановился возлѣ Грекова лѣса и какъ будто готовился къ битвѣ. «Вѣрно съ Желѣзнякомъ,» думали Уманцы. Въ самомъ дѣлѣ, скоро показалась на Звенигородской дорогѣ страшная громада народу, которая двигалась къ Уманю, какъ темная туча; скоро можно было различить пестроту народа ея, коннаго и пѣшаго: ясно было, что то полчище Желѣзняка. Передовой конецъ его, поровнявшись съ Грековымъ лѣсомъ, остановился. Шафранскій ясно разсмотрѣлъ, какъ ѣхавшій передъ громадою всадникъ отдѣлился отъ нея, какъ выѣзжалъ къ нему на встрѣчу Уманскій сотникъ и какъ они, съѣхавшись вмѣстѣ, другъ другу подали руку. Тогда не стало сомнѣнія, что то были Желѣзнякъ и Гонта и что они стали за одно.

Громовымъ ударомъ раздалась эта вѣсть по всѣмъ концамъ Уманя и привела его въ трепетъ. Тогда Костецкій велѣлъ бить въ колокола, начать моленіе во всѣхъ церквахъ и нарядилъ крестный ходъ по городу. Шафранскій пригото-

вилъ гарнизонъ къ оборонѣ воротъ; къ однимъ воротамъ приставилъ поручика Ленарда, защиту другихъ взялъ на себя и уставилъ городскую стѣну вооруженными Жидами. Остальные Жиды заключились въ синагогѣ и начали свое моленіе. Младановичъ съ своей стороны ободрялъ общее уныніе. Въ этой сумятицѣ 50 арестантовъ вырвались изъ заключенія и вмѣстѣ съ козаками, служившими при экономіи, перескакали черезъ палисады и ушли къ Гонтѣ.

Уманскій полкъ и громада Желѣзнякова двинулись наконецъ отъ Грекова лѣса. Сперва устремились они на таборъ и положили его на мѣстѣ. Вслѣдъ за тѣмъ они облегли весь городъ. Козаки приступили къ воротамъ, толпы гайдамаковъ и крестьянъ бросились рубить и подкапывать палисадъ. Сильно отражали ихъ картечью; Жиды, съ опалеными бородами и пейсами, стрѣляли безпрестанно; козацкія пули градомъ летѣли на городъ. Тамъ, между тѣмъ, при общемъ смятеніи и непрерывномъ звонѣ колоколовъ, Костецкій не разъ уже обошелъ весь городъ съ торжественною процессіею. Козацкія пули падали на процессію, но никому не вредили. Это считали въ городѣ добрымъ предзнаменованіемъ, и лучъ надежды мелькалъ еще среди отчаянія. Однако осада длилась. Въ цѣломъ Уманѣ не было воды. Осаждаемые утоляли жажду винами, наливками и медами. Наконецъ, чрезъ тридцать часовъ непрестанной пальбы, Шафранскій объявилъ, что всѣ пороховые запасы истощились. «Теперь нѣтъ надежды», сказалъ Младановичъ: «намъ остается предаться волѣ Божіей и гибнуть». И настала печальная година отчаянія и вопля; всѣ ожидали смерти. И она была не за горами. Гонта и Желѣзнякъ овладѣли Уманемъ и ввели въ него свое войско. Оно немедленно окружило собою базиліанскій соборъ, католическій костелъ, жидовскую школу, экономическій дворъ и другія важнѣйшія мѣста въ городѣ. Вслѣдъ за козаками нахлынули въ городъ толпы крестьянъ, и скоро началось страшное кровопролитіе, памятное подъ грознымъ именемъ Уманской рѣзни (rzeź Humańska), въ которой Колившина разразилась со всею силою.

Между тѣмъ, какъ совершались первыя смертоубійства и грабежи по городу, Гонтѣ представлено было письмо къ нему графа Потоцкаго, отысканное между бумагами комисара. Прочитавъ его, Гонта съ сотниками подъѣхалъ къ костёлу, гдѣ находился Младановичъ со своею роднею и множествомъ знатнѣйшихъ Польскихъ помѣщиковъ. «Берите комисара и всю его родню!» сказалъ онъ. Мучительна была разлука отца съ семействомъ: «Ратуй насъ, пане Яремо!» сказалъ одному сотнику Младановичъ—«Нехай васъ Богъ ратуе, а я васъ теперь не обороню!» отвѣчалъ жалостно сотникъ Ярема.

«Измѣнникъ! Предатель! Ты виною этой крови!» вскричалъ Гонта къ Младановичу, показывая на трупы. «Зачѣмъ ты, имѣя въ своихъ рукахъ это письмо, не отдалъ его мнѣ, а утаилъ у себя? Что же тебѣ отъ этого прибыло?....» Послѣ этихъ словъ Гонта ударилъ саблею Младановича по открытой головѣ, и тотъ упалъ въ крови къ его ногамъ.

Почти въ тоже время и главный защитникъ города, Шафранскій, былъ убитъ козаками въ башнѣ, защищаясь храбро, какъ воинъ, служившій нѣкогда въ арміи Фридриха Великаго. Ираклія Костецкаго козаки вытащили изъ Базиліанской церкви и подняли на копья. Учениками Базиліанской школы заваленъ былъ глубокій безводный колодезь, надъ которымъ впослѣдствіи поставлена ратуша. Въ жидовской школѣ вырѣзано было до трехъ тысячъ Жидовъ. Цѣлый Умань былъ поприщемъ разъяренной козацкой мести, которая упилась тогда досыта кровію Жидовъ и Поляковъ и натѣшилась вдоволь ихъ смертью: въ одинъ день было истреблено ихъ до восемнадцати тысячъ.

Не однимъ однако же смертоубійствомъ и грабежемъ былъ ознаменованъ этотъ ужасный день. Еще передъ началомъ Уманской рѣзни, козакамъ дозволено было выбирать, кого кто хочетъ, для крещенія въ православную вѣру, о которомъ особенно заботился Желѣзнякъ. Пользуясь этимъ случаемъ, Уманскіе козаки спасали своихъ знакомыхъ; другіе молодцы выбирали себѣ въ жены красивыхъ Полячекъ и Жидовокъ; нѣкоторые избирали себѣ крестниковъ, руководясь только

человѣколюбіемъ. Для крещенія велѣно было сберечь семейство Младановича и другихъ Польскихъ помѣщиковъ.

Всѣ избираемые для крещенія были отводимы на экономическій дворъ, назначенный сверхъ того для складки добычи и для пребыванія двухъ новыхъ градоначальниковъ. Оттуда всѣхъ ихъ повели къ церкви св. Михаила. Престарѣлый священникъ той церкви крестилъ ихъ, окропляя святою водою. Желѣзнякъ и Гонта воспринимали дѣтей Младановича и другихъ помѣщиковъ; воспріемниками прочихъ были козаки, старавшіеся другъ передъ другомъ. По совершеніи обряда, всѣхъ перекрещенцовъ отправляли подъ сохраненіе на гарнизонный дворъ. Такимъ образомъ спасено было много народа отъ гибели. Кромѣ того Уманскіе жители сберегли многихъ дѣтей изъ пріязни къ ихъ родителямъ, пряча ихъ подъ кровли или же объявляя за своихъ дѣтей. Нѣсколько шляхтичей и учениковъ Базиліянской школы, знавшихъ Русскія молитвы и набожные стихи, нарядясь нищими, пѣли про св. Николая, Почаевскую Божію Матерь и тѣмъ себя избавили отъ смерти. Другіе Поляки, для сбереженія своей жизни, переодѣвались въ крестьянское платье, вмѣшивались въ бунтующія толпы Украинцевъ и грабили вмѣстѣ съ ними.

Все это происходило въ Уманѣ того же 1768 г. 19 іюня.

Глава шестая.

Послѣдній разливъ Коліивщины.

«Гей тамъ поле, а на поли квиты:
Не по одномъ Ляху заплакали диты!»
(Украинская пѣсня о Богданѣ Хмельницкомъ).

Буйно праздновали Украинцы свою побѣду надъ Уманемъ, расположась возлѣ него укрѣпленнымъ обозомъ. Тамъ, съ утра до ночи, при громѣ пушекъ и ружейной пальбѣ, раздавались козацкія пѣсни и заздравные клики въ честь Желѣзняка и Гонты: Желѣзняка величали Украинскимъ гетманомъ, Смѣлянскимъ княземъ и батькомъ козацкимъ; Гонту провозглашали полковникомъ и княземъ Уманскимъ; Уманскій сотникъ Пантелеймонъ Власенко избранъ былъ въ правителя

и казначея всей Уманщины; другимъ козакамъ назначаемы были иныя званія и должности, смотря по ихъ заслугамъ. Всѣ они были веселы и довольны; одинъ Гонта не могъ разгуляться на козацкихъ пирахъ, не могъ позабыться возлѣ молодой жены, въ кругу своихъ малютокъ. Тоска-печаль, какъ змѣя, вилась у него около сердца, и онъ говорилъ своимъ гулявшимъ товарищамъ: «наварылы мы доброй вареной, паны-братья, да якъ-то вона выпьеться!».....

Между тѣмъ бунтъ и смерть распространялись въ остальную часть Западной Украины отъ Уманя, содѣлавшагося средоточіемъ Коліивщины. Отряды разсылаемые Желѣзнякомъ, на каждомъ шагу становились сильнѣе отъ пристававшаго къ нимъ народа. Ими разграблены были: Грановъ, Тепликъ, Дашевъ, Тульчинъ, Монастырище, Гайсынъ, Басовка, Жидячинъ, Ладыжинъ и еще многія мѣстечка и села. Увлекаемые ихъ примѣромъ, крестьяне и здѣсь собирались сами собою въ большія ватаги и довершали разливъ Коліивщины. Безъ милосердія жгли они жидовскія корчмы, панскіе хоромы и цѣлые фольварки; не давали пощады ни шляхтѣ, ни даже тѣмъ Украинцамъ, у которыхъ—по ихъ мнѣнію—была Ляцкая душа. Но особенно доставалось тогда бѣднымъ Жидамъ, которые не могли ни себя спасти, ни укрыть своихъ денегъ отъ поисковъ гайдамацкихъ. Много осталось разсказовъ про то, на какія хитрости поднимались Жиды для своего спасенія и какъ искусно гайдамаки ловили ихъ вездѣ и, доискавшись червонцевъ, распускали на вѣтеръ Жидовскія перины. Однажды гайдамацкій отрядъ, идучи черезъ лѣсъ, увидалъ нѣсколько монаховъ, сидящихъ въ сторонѣ подъ деревомъ. Подойдя къ нимъ, гайдамаки поклонились имъ, отдали на «добрый день» и спросили, откуда и куда несетъ ихъ Богъ? «Изъ Поцаева до Кіева», отвѣчали Жиды, переодѣтые въ монаховъ. «Что же это вы дѣлаете тутъ?» спросили опять гайдамаки, притворяясь, будто не узнаютъ ихъ». «Сідаемъ да за Хмельницкого Бога прохаемъ»... «Охъ якіе жъ вы добрые ченци»! сказали гайдамаки: «идить же прохать Бога за пана Желѣзняка, а мы вамъ и дорогу покажемо на той свитъ», и всѣхъ ихъ повѣшали на одномъ деревѣ.

При такой тревогѣ на Украинѣ, состоятельнѣйшіе Поляки и Жиды выѣзжали за границу; но и тамъ они не всегда находили себѣ спасеніе. Смѣлянскій сотникъ Шило, пріидя въ Балту, увидѣлъ, что на Турецкой половинѣ сего города собралось множество Жидовъ и Поляковъ. Шило потребовалъ у Турецкаго начальства, чтобы они ему были выданы. Ему отказали. Тогда онъ перешелъ силою на Турецкую сторону, вырѣзалъ тамъ Жидовъ, Поляковъ и многихъ Турковъ и воротился въ Умань съ добычею и славою.

Жестоко было разъяреніе возмущеннаго и возставшаго народа Украинскаго; но въ этомъ же самомъ народѣ многіе Поляки, особенно малолѣтніе, находили свое спасеніе во время Коліивщины; и среди самыхъ кровавыхъ и смертельныхъ зрѣлищъ блистали яркіе лучи человѣколюбія и добродушія Украинскаго.

Такъ, во время раззоренія Смѣлянскаго замка, гдѣ управителемъ тогда былъ Вильнеръ, малолѣтняя дочь его спасена была Куреннымъ, который прежде служилъ у Вильнера, потомъ очутился въ ватагѣ Желѣзняка и за спасеніе дитяти едва было не лишился головы отъ козаковъ.

Среди самой Уманской рѣзни множество Польскихъ дѣтей спасено было добродушіемъ Украинцевъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ спасеніе дѣтей Младановича. Въ тотъ самый день, когда и онъ и жена его погибли, крестьянка, кормившая шестимѣсячнаго ихъ сына, убѣжала съ нимъ изъ Уманя въ одну изъ сосѣднихъ деревень и тамъ сберегла его, какъ свое собственное дитя. Двое старшихъ дѣтей Младановича: Вероника и Павелъ, какъ мы уже сказали, были окрещены Желѣзнякомъ и Гонтою и отправлены вмѣстѣ съ прочими перекрещенцами въ гарнизонный дворъ. На другой день около полудня вошли къ нимъ нѣсколько козаковъ и сказали: «Казавъ панъ Гонта вывести комисарски діты». Дѣти перепугались, и всѣ думали, что ихъ зовутъ уже къ смерти. Тогда же на гарнизонный дворъ въѣхалъ на конѣ Желѣзнякъ. За нимъ шли, кланяючись, престарѣлый крестьянинъ и двое парубковъ. Этотъ старикъ былъ осадчій или атаманъ изъ села Оситной, которая была въ посессіи у Младановича.

Желѣзнякъ, увидавъ Гонту возлѣ гауптвахты, подъѣхалъ къ нему и сталъ говорить съ нимъ. Старикъ осадчій подбѣгалъ то къ тому, то къ другому и умолялъ ихъ отдать ему дѣтей комисарскихъ. Черезъ нѣсколько времени Гонта громко сказалъ крестьянамъ: «Берітъ собѣ ихъ къ чорту»...! Тогда старикъ и парубки радостно поцѣловали ноги у Желѣзняка и Гонты, взяли къ своему возу подаренныхъ имъ сиротъ, усадили ихъ и погнали тройку коней во весь духъ изъ Уманя. Миновавши Грековъ лѣсъ стали ѣхать тише, и старикъ сказалъ Вероникѣ: «Не лякайтесь, Богъ зъ вами! Я осадчій зъ Осытной. Мы васъ выпросили, щобъ хоть васъ двохъ отъ смерти сховаты».

Между тѣмъ въ отсутствіе осадчаго, толпа гайдамаковъ грабила и разорила экономическій дворъ въ Оситной. Увидавъ это, осадчій, для безопасности Младановичей, переодѣлъ ихъ въ крестьянское платье и на ночь спряталъ ихъ въ очеретѣ. На другое утро онъ рано пришелъ къ нимъ съ пищею и двумя граблями и отвелъ ихъ на свой сѣнокосъ какъ гребцовъ, а ночью скрывалъ въ тростникѣ и такимъ образомъ сберегалъ ихъ впродолженіи двухъ недѣль, выжидая благопріятнаго случая. Черезъ нѣсколько времени пришелъ изъ Уманя въ Оситную бывшій Младановичевъ писарь, Хмѣлевичъ, одѣтый по козацки. Хмѣлевичъ разсказывалъ, что во время разграбленія экономическаго дома онъ нарядился въ платье сторожа, вмѣшался въ толпу гайдамаковъ, грабилъ вмѣстѣ съ ними и этимъ избавился отъ смерти; онъ объявилъ также, что опасность миновалась, что гайдамаки уже побѣждены и что онъ самъ видѣлъ Гонту, закованнаго въ кандалы. Тогда старикъ осадчій перевезъ скрываемыхъ имъ Младановичей въ домъ свой и перезвалъ кормилицу съ ихъ маленькимъ братомъ въ Оситную. Узнавъ потомъ, что на Подольи живетъ дядя Младановичей, онъ повезъ ихъ туда и благополучно доставилъ ему сиротъ, которыхъ сберегалъ онъ такъ заботливо.

Старшая дочь Младановича, восемнадцатилѣтняя дѣвица Вероника, въ концѣ того же 1768 года взята была въ Кристинополь графинею Потоцкою; потомъ вышла замужъ за

Кребса, пережила своего мужа и достигла до глубокой старости. За годъ до своей смерти, въ 1827 году она написала любопытный разсказъ о своей жизни и объ Уманской рѣзнѣ. Братъ, ея Павелъ, былъ отданъ на воспитаніе піарамъ, сдѣлался самъ ксендзомъ піаромъ и скончался недавно въ Межиричѣ Корецкомъ. Онъ также писалъ извѣстіе объ Уманской рѣзнѣ. Кребсова, описывая минуты своего освобожденія изъ гарнизоннаго двора, когда старикъ осадчій вымаливалъ ихъ у Желѣзняка и Гонты, говоритъ: «Я помню еще лице Желѣзняка; по сей наружности его было видно, что онъ былъ не простой гайдамакъ.»

Глава седьмая.

Конецъ Коливщины.

«Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала;
Що вона кувала, промежъ святыхъ чувала.»
(Украинская пѣсня о Павлѣ Наливайкѣ.)

Въ то самое время, какъ въ Уманѣ шелъ пиръ горой и разливался кровью по Западной Украинѣ, коронныя Польскія и вспомогательныя Русскія войска осаждали большой отрядъ Барскихъ конфедератовъ, укрѣпившійся въ Бердичевскомъ Кармелитанскомъ монастырѣ. Возмущеніе, произведенное Барскими конфедератами, и широкій разливъ Коливщины, грозили двойною бѣдою бытію Польши, и она спѣшила нарядить военно-судную комисію на Украину, назначивъ рейментаремъ Іосифа Стемпковскаго, и субалтерномъ его Якова Комаровскаго. Но этой комисіи такъ мало было дано Польскаго войска, что, можетъ быть, и не пришлось бы ей открыть своихъ дѣйствій, если бы Россія, помогавшая Польшѣ усмирять Барскихъ мятежниковъ, не подала ей помощи и противъ бунтовавшихъ Украинцевъ. Для содѣйствія Стемпковскому былъ отряженъ полковникъ Кречетниковъ съ большимъ полкомъ конницы и съ назначеніемъ подъ его команду тысячи Донскихъ козаковъ, изъ подъ Кіева. Кречетниковъ съ своимъ полкомъ немедленно отправился къ Уманю, возлѣ котораго находился многочисленный таборъ Желѣзняка, преданный своему разгульному безпечью. Огромными кучами

были навалены тамъ деньги и всякое добро, награбленное Уманскими воителями. Многіе козаки разбирали серебряную и мѣдную монету по сортамъ и ссыпали въ опустошенныя ими горѣлочныя бочки.

Кречетниковъ увидѣлъ ясно, что здѣсь ничего нельзя было сдѣлать силою, съ однимъ его полкомъ. Потому онъ остановился лагеремъ ожидать Донцевъ, а объ себѣ объявилъ, что идетъ къ Бердичеву противъ конфедератовъ.....

Черезъ 12 дней, 6 іюля, дѣло было сдѣлано: съ наступленіемъ темной ночи, Гонта и до двухъ тысячъ его товарищей были схвачены и перевязаны; остальная половина табора разбѣжалась во всѣ стороны.

По прибытіи Стемпковскаго въ Умань Кречетниковъ поспѣшилъ съ своимъ отрядомъ къ Бердичеву. Стемпковскій хотѣлъ было тотчасъ же казнить Гонту и его товарищей на мѣстѣ ихъ преступленія; однако, имѣвши тогда только 400 человѣкъ кавалеріи, побоялся гайдамаковъ, которые бушевали еще по окрестностямъ. Потому онъ заблагоразсудилъ отправиться къ Могилеву на Днѣстрѣ, гдѣ находился тогда съ своимъ отрядомъ Русскій полковникъ Чирковъ. Стемпковскій остановился не подалеку отъ Могилева, въ селѣ Сербахъ, куда вслѣдъ за нимъ привезли и Гонту со многими его товарищами и, тамъ по войсковому декрету, казнили его перваго. Катъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней сдиралъ съ него живаго кожу до пояса, потомъ отрубывалъ руки и ноги, облупилъ голову, насолилъ ее солью и опять натянулъ кожу на черепъ. При начатіи этой казни, Гонта въ страшной мукѣ кричалъ: «чому тутъ нема Желѣзняка и того указу».... Но два солдата запихали ему ротъ землею.

А рейментарь между тѣмъ говорилъ къ народу: «смотрите, кто только бунтовалъ, всѣмъ будетъ тоже!»

Вмѣстѣ съ Гонтою были казнены и всѣ другіе участники Коліивщины, привезенные въ Сербы. Остальныхъ развозили по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ до самаго Львова и совершали надъ ними разныя казни: однихъ вѣшали, другимъ рубили головы, инымъ отрубывали на крестъ руку и ногу и потомъ, залѣчивъ, распускали ихъ на страхъ народу;

нѣкоторыхъ изъ нихъ, увязавъ руки вверхъ, обвязывали соломою въ смолѣ, зажигали ее и такъ водили несчастныхъ по улицамъ. Въ Лисянкѣ, гдѣ крестьяне неумышленно способствовали овладѣнію замкомъ, Стемпковскій, безъ дальнѣйшаго розыска и суда, повѣсилъ шестьдесятъ человѣкъ. На память сего печальнаго случая у Лисянскихъ дѣвицъ вошло въ обычай вплетать въ косы черную ленту между разноцвѣтными.

Съ упрямымъ равнодушіемъ переносили Украинцы всѣ эти казни, которыя послѣ смерти Наливайка были для нихъ уже не въ диво. Разсказываютъ, что когда въ Луцкѣ начали вѣшать одного изъ козаковъ, онъ сказалъ: «постойте! передъ смертію я уже открою вамъ важное дѣло». Палачу велѣно снять съ него веревку». Ну, что же ты скажешь?» спросили его предстоящіе. «А вотъ что: не велите меня очень высоко поднимать, такъ какъ вамъ же легче будетъ цѣловать меня...»

Между тѣмъ какъ совершались такія казни надъ поймаными возлѣ Уманя, отдѣльные отряды Русскаго и Польскаго войска, также надворныя команды разныхъ старостъ, ловили и разгоняли остальныя ватаги бушевавшихъ Украинцевъ. Неживой съ своею ватагою былъ пойманъ полковникомъ Чорбою возлѣ селенія Галагановки близь Чигирина. Ватага Бондаренкова была захвачена въ Макаровѣ сотникомъ Проскуринскимъ, который за то получилъ званіе шляхтича.

Мотренинская обитель, подъ стѣнами которой свилось первое гнѣздо Коліивщины, была опустошена и разграблена, въ присутствіи самаго Стемпковскаго. Нѣсколько монаховъ было убито; другіе разбѣжались. Деревянные шкафы, наполненные стклянками съ золотыми надписями, въ которыхъ Мельхиседекъ держалъ цѣлебныя вещества для врачеванія недужныхъ, были забраны и отвезены въ Смѣлянскую экономію для канцеляріи Любомірскаго.

Долго еще во всей Западной Украинѣ разъѣзжали военные отряды и розыскивали между крестьянами и козаками участниковъ Коліивщины; они забирали виноватаго и подозрѣваемаго, съ иныхъ деревень брали десятаго,—и всѣхъ ихъ везли къ суду, особливо въ Житомиръ, гдѣ находилась главная судная комисія. Судьями въ оной были: Лабецкій, Ви-

вѣрскій, Почентовскій и другіе; особенно грозенъ былъ для гайдамаковъ судья Дубровскій. Инстигаторомъ во все время былъ Дзивнопольскій. Привозимыхъ къ суду судьи разсылали сначала по разнымъ мѣстамъ для насыпки валовъ, рытья рвовъ и колодцевъ и для другихъ работъ; потомъ ихъ судили, осуждали и отправляли въ мѣстечко Кодню, находящееся въ двадцати одной верстѣ отъ Житомира. Тамъ надъ глубокою ямою клали ихъ на колоду, рубили имъ головы и бросали въ яму, и когда яма наполнялась отрубленными головами и обезглавленными трупами, тогда заставляли осужденныхъ засыпать ее и копать новую. И такихъ могилъ много тогда насыпано въ Коднѣ.

Въ книгѣ генеральной визитаціи Коденскаго костела, учиненной 1786 года тогдашнимъ духовнымъ начальствомъ, записано, что на западномъ углѣ Кодни, въ 50 шагахъ отъ крѣпостнаго стариннаго вала, есть могила, насыпанная въ 1769 году надъ ста четырнадцатью казненными гайдамаками или рѣзунами, которымъ по войсковому декрету, 11 и 12 сентября отрублены головы.

Въ той же книгѣ записано, что на трехъ висѣлицахъ, особливо на той, которая стояла за мостомъ, повѣшано болѣе двухъ сотъ такихъ же гайдамаковъ или рѣзуновъ.

Таковъ былъ конецъ Коліивщины, которая стремилась избавить Украину отъ Жидовства, Католичества и Уніи и почти достигла было своей цѣли. Конфедераты Барскіе сильно къ тому ей способствовали: поддерживая гоненіе вѣры и возбудивъ Коліивщину, они пошли противъ своего короля и сейма, а своихъ Украинскихъ земляковъ покинули безъ всякой защиты отъ возмущеннаго ими народа. Если вѣрить извѣстіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ того времени, то Польша отъ Коліивщины и Барской конфедераціи потеряла болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ.

Стемпковскій за усмиреніе Украинцевъ награжденъ былъ отъ своего правительства титломъ Кіевскаго воеводы и правомъ меча.

Но этотъ мечъ не избавилъ Польши отъ ея жребія. Едва усмирила она возстаніе Украинцевъ, какъ въ слѣдую-

щемъ же, 1770 году распространилась въ ней сильная моровая язва, отъ которой погибло народа не менѣе, какъ и отъ Коліивщины; а черезъ четверть вѣка сбылось предреченіе, ровно за сто лѣтъ до Коліивщины произнесенное Іоанномъ Казиміромъ на сеймѣ Варшавскомъ: пришелъ конецъ Польши, и Западная Украина, соединилась вновь съ своею родною половиною, подъ державою Россіи.

Воспоминая былое время козацкихъ возстаній за православную вѣру, невольно останавливаешься мыслію надъ рѣкою Тясминомъ, которая, соединясь съ изсякшимъ Днѣпровскимъ рукавомъ, Ирдынемъ, подъ Смѣлою, картинно извивается оттуда къ Чигирину и, пройдя черезъ Крыловъ, вливается въ Днѣпръ. На правомъ берегу этой рѣки храбрый Наливайко, начиная крестовый походъ за Восточную церковь, поставилъ въ первый разъ противъ Поляковъ три хоругви съ надписью: міръ христіянству, а на зачинщика Богъ! На монастырскомъ островѣ Тясмина задумано было и послѣднее возстаніе Украинцевъ противъ Поляковъ, зародилось зерно Коліивщины.

Но гдѣ и чѣмъ кончилась судьба Желѣзняка, который былъ первымъ зачинщикомъ и главнымъ свершителемъ сего возстанія. Объ этомъ говорятъ разно, и я не дознался еще навѣрно.

Изъ Украинской пѣсни о Максимѣ Желѣзнякѣ видно только, что хотя онъ безстрашно поскакалъ на конѣ изъ лагеря передъ Донскими козаками, но тоже былъ пойманъ.

—«Ступай, ступай Желѣзняку, годи вже гуляты!
Пойдемъ въ Кіевъ въ Печерскій Богу роботаты.
И говорыть Максимъ козакъ, сыдючи въ неволі:
«Не будуть маты вражи-Ляхи на Украині воли!
Течутъ рички зъ всего світу до Чорного Моря.
Минулася на Украинѣ Жидовская воля!»

Что касается до отца Мельхиседека, то онъ, сколько мнѣ извѣстно, во время Коліивщины вытребованъ былъ изъ Польской Украины въ Переяславль, а потомъ былъ архимандритомъ въ Глуховскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался въ глубокой старости.

Кіевъ.—1839 г.

ОБОЗРѢНІЕ ГОРОДОВЫХЪ ПОЛКОВЪ И СОТЕНЪ, БЫВШИХЪ НА УКРАИНѢ СО ВРЕМЕНИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО[1]).

ОТДѢЛЪ I.

О полкахъ, бывшихъ до Зборовскаго мира (1649 г.).

§ 1. Взглядъ на Украину.

Было мнѣніе, что съ нашествія Батыева на Кіевъ, Переяславъ и другіе города Украины—она оставалась надолго безлюдною степью и населилась уже другимъ, новопришлымъ народомъ. Но это долгое запустѣніе Украины и замѣна ея прежняго народа другимъ—сущая небылица, за которую теперь хвататься можетъ одна историческая немочь, не умѣя изъяснить нѣкоторыхъ явленій Южно-Русской жизни прямо изъ нея самой.

Города и села Украины были опустошаемы и прежде Батыя, и послѣ него, и, между-тѣмъ, они возобновлялись своимъ же народомъ, не покидавшимъ родныхъ пепелищъ. Оттого почти всѣ города и села украинскія, помянутые въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, существуютъ понынѣ на своихъ

[1]) Первые два отдѣла этой статьи были напечатаны въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго общества за 1856 г. (ч. XVII, кн. 4, отд. 2. стр. 222—224). Изъ 3-го отдѣла въ ней были помѣщены только краткія извлеченія, (составившія § 5 и § 6.), заключавшія въ себѣ только перечень козацкихъ полковъ и полковниковъ въ 1648—1649 годахъ. Но М. А. Максимовичъ продолжалъ разрабатывать свѣдѣнія, относящіяся къ этому отдѣлу и постоянно собиралъ цѣнные для его пополненія матеріялы. Въ бумагахъ его мы нашли рукопись, не вполнѣ правда законченную, (какъ видно по помѣткамъ самаго автора), но тѣмъ не менѣе содержащую громадную массу весьма цѣннаго для исторіи Южнорусскаго козачества матеріяла, которую и помѣщаемъ здѣсь, какъ естественное продолженіе «Обозрѣнія городовыхъ полковъ и сотенъ», давши ей въ общей связи со всею статьею, заглавіе III-го отдѣла (§. §.: 8—28). Ред.

мѣстахъ и съ своими прежними именами, иногда измѣненными. А лѣтописцы, говорившіе о городахъ и селахъ только по случаю, конечно, не назвали намъ и половины тѣхъ селъ и городовъ, которые были въ древней Украинѣ и они, конечно, продолжаютъ свое бытіе донынѣ, наравнѣ съ помянутыми въ лѣтописяхъ. Какъ бы могло это быть, если бы страна запустѣла надолго? Безлюдныя степи и пустыя урочища были бы нѣмы для новыхъ пришельцевъ и не сказали бы имъ своихъ древне-русскихъ именъ.

Украинцы всегда знали и говорили, что они коренной народъ въ своей землѣ, которая въ древнеее время звалась *Русскою Землею*, или *Русью*, преимущественно передъ всѣми другими частями русскаго міра, что они тотъ самый народъ, который жилъ здѣсь при своихъ великихъ князьяхъ Кіевскихъ, въ непрестанной борьбѣ съ Печенѣгами и Половцами.

Когда кончилась великокняжеская жизнь древней «матери русскихъ градовъ», то *Великая Русь* наслѣдовала отъ нея старшинство и господство въ русскомъ мірѣ, вмѣстѣ съ вѣнцомъ Мономаха; а наконецъ и самое имя *Руси* усвоилось преимущественно ей. А *Малая Русь* осталась хранительницей предковскаго жилья и всего, чтó составляетъ домашнюю предковскую жизнь, отъ языка и вѣрованій до *кожуха и свитки*. Подъ вліяніемъ литовскихъ князей для нея продолжалась все та же тревожная жизнь, въ непрестанной борьбѣ съ Татарами; русская земля по-прежнему «засѣвалась костьми и поливалась кровью». Въ тѣ поры нельзя было разсуждать о вящей пользѣ земледѣлія передъ козачествомъ; ибо надо было воевать для самаго земледѣлія, какъ рѣшено еще Мономахомъ, на княжескомъ сеймѣ подъ Кіевомъ, когда онъ говорилъ Святополку: «се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣлою, и поищетъ лошадь ту, и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжетъ; то о семъ чему не мыслите?...»

Слѣдствіемъ такой жизни для земледѣльческаго народа Украины было не только образованіе козацкой *Запорожской*

Сѣчи, въ отпоръ Крымской Ордѣ, но и развитіе въ цѣломъ народѣ Украинскомъ *козачества*, какъ особаго войскового сословія, отдѣлившагося отъ земледѣльческаго *посполитства*, для его же защиты. Впрочемъ, козакъ въ жизни домашней былъ тотъ же земледѣлецъ.

§ 2. О полковомъ дѣленіи Украины.

Малороссія, въ-продолженіе козацкой жизни своей (по 1782 годъ), дѣлилась на *полки* и *сотни*. Къ этимъ округамъ ея, вмѣстѣ съ другими сословіями народа, принадлежало и *козачество*. Изъ выборныхъ или реестровыхъ козаковъ набирались войсковые отряды, которые тоже назывались *полками* и *сотнями* и составляли собою главное войско Малороссіи, извѣстное подъ неточнымъ именемъ *войска Запорожскаго*.

Козацкое товариство Запорожской Сѣчи составляло особое войско, называвшееся *Низовымъ-запорожскимъ*.

Кромѣ-того, въ Малороссіи всегда были еще *охочіе* козацкіе полки, конные и пѣшіе, въ которые поступали люди всякаго сословія.

Въ отличіе отъ этихъ охочихъ и отъ Запорожскихъ полковъ, Малороссійскіе полки и сотни именовались *городовыми*; *полковники* и *сотники* ихъ были не только военачальниками, но и правителями въ нихъ по гражданской части.

Въ Малороссіи, при этомъ ея дѣленіи *по воинству* на полки и сотни, велось и дѣленіе *по земству* на *повѣты*, или *уѣзды*. Но оно, съ гетманствомъ Богдана Хмельницкаго, сдѣлалось второстепеннымъ: господствующимъ стало дѣленіе полковое, управленіе полковниками и сотниками. Такой порядокъ въ Малороссіи былъ возобновленіемъ и продолженіемъ того порядка, какой существовалъ и во времена княжескія. Ибо Южно-русская земля и въ тѣ поры дѣлилась на *тысячи* и *сотни*, которыхъ начальниками были *тысяцкіе* и *соцкіе*. Съ каждой тысячи набирался *полкъ* войска, котораго начальникомъ былъ тотъ же тысяцкій. (Такъ, по лѣтописямъ, Кіевскій тысяцкій Улѣбъ пріѣзжаетъ въ *свой полкъ*, т. е. Кіевскій;

полкъ Переяславскій находится подъ начальствомъ Переяславскаго тысяцкаго). Очевидно, что должность *тысяцкаго* въ княжеской Украинѣ была та же, что должность *полковника* въ Украинѣ козацкой: военачальникъ и градоначальникъ; древне-русскіе *соцкіе* были то же, что козацкіе *сотники;* имя *тысячи* замѣнилось именемъ *полка.*

При такомъ поясненіи, встрѣчая въ лѣтописи *тысяцкаго Бѣлогородскаго,* мы заключаемъ, что была особая тысяча и особый полкъ *Бѣлогородскіе,* въ предѣлахъ Кіевскаго княжества; упоминаніе о *тысячѣ Сновской* (въ 1149 году) даетъ разумѣть, что былъ особый *Сновскій полкъ,* подъ начальствомъ *Сновскаго тысяцкаго,* въ предѣлахъ княжества Черниговскаго.

Въ Червоной Руси было тоже. Извѣстны въ 1230 г. тысяцкій Демьянъ и соцкій Микула, вѣрные своему князю Даніилу, во время крамолы боярской.

Въ Кіевѣ были тысяцкіе и послѣ нашествія Батыева, напримѣръ, въ 1246 году.

Но тутъ исторія Кіевской Руси, на два съ половиною вѣка, покрывается туманомъ, въ которомъ нельзя еще распознать подробностей перехода ея изъ прежняго бытія въ новое. Да и XVI вѣкъ, который она прожила съ своимъ козачествомъ, оставилъ намъ слишкомъ скудныя и отрывочныя о ней сказанія.

§ 3. О полкахъ, бывшихъ до гетманства Хмельницкаго.

Въ исторіи Конискаго находится сказаніе о *двадцати* полкахъ, устроенныхъ въ Малороссіи 1515 г., гетманомъ княземъ Евстафіемъ Ружинскимъ. Этого сказанія не признаю вѣрнымъ, уже потому, что князь Евстафій Ружинскій дѣйствовалъ въ Кіевской Руси во *второй* половинѣ XVI вѣка, будучи подъ конецъ его намѣстникомъ воеводы Кіевскаго, князя Острожскаго. И такъ, если этотъ Ружинскій принималъ участіе въ судьбѣ козацкихъ полковъ, то оно не могло быть въ *1515* году, а подходитъ близко къ *1575* году, ко времени гетмана *Богданка,* который у Польскихъ писателей и зовется «княземъ Богданомъ Ружинскимъ». Что касается до самихъ полковъ, то они, всѣ двадцать, перечисляются у Конискаго

еще разъ, подъ 1650 годомъ, какъ *прежніе* полки, обновленные Богданомъ Хмельницкимъ. Но мы увидимъ (въ § 7), что они, какъ полки Хмельницкаго, весьма неисправны; потому нельзя имъ дать вѣры и какъ полкамъ Ружинскаго.

До открытія новыхъ источниковъ для исторіи первоначальныхъ козацкихъ полковъ въ Малороссіи, ограничимся слѣдующими о нихъ извѣстіями.

Въ бытіи полковъ до гетманства Хмельницкаго (т.-е. до 1648 года) выдаются двѣ эпохи: одна — возвышеніе полковъ при гетманѣ Богданкѣ, 1576 года; другая—умаленіе полковъ послѣ гетмановъ Павлюка и Остряницы, 1638 года.

На шестомъ году отъ соединенія великаго княжества Литовскаго съ Польшею (т.-е. 1575 года) избранъ былъ въ польскіе короли седмиградскій воевода Стефанъ Баторій. Цѣня заслуги козачества для Польши, онъ наградилъ его разными правами и почестями, а козацкимъ полкамъ далъ новое устроеніе и распространеніе. Въ ту пору, при гетманѣ Богданкѣ, опредѣлено было *10 полковъ*, съ 20,000 тысячами реестроваго козацкаго войска,—именно 7 полковъ на правой сторонѣ Днѣпра: *Чигиринскій*, *Корсунскій*, *Черкасскій*, *Уманскій*, *Ладыжинскій*, *Богуславскій*, *Кіевскій*, и 3 полка на лѣвой сторонѣ Днѣпра: *Переяславскій*, *Полтавскій*, *Миргородскій*. Резиденція гетманская была съ 1576 года въ надъ-днѣпровскомъ городѣ Терехтемировѣ, а съ 1579 года надъ рѣкой Сеймомъ въ городѣ Батуринѣ, который построенъ Баторіемъ козачеству на память о своемъ имени.

Какія перемѣны были съ полками въ продолженіе 60 лѣтъ, про то почти ничего еще неизвѣстно; да и самое устроеніе полковъ при Баторіи подлежитъ новой обработкѣ, по источникамъ современнымъ. О полковникахъ того времени также не извѣстно: за всѣхъ ихъ отвѣчаетъ одинъ Переяславскій полковникъ *Иванъ Лобода*, сподвижникъ Наливайки, съ которымъ и казненъ въ Варшавѣ 1597 года. Еще при Баторіи начались притѣсненія козачеству, и вскорѣ потомъ загорѣлась кровавая борьба козаковъ съ Польшею за православную вѣру. Утишенная гетманомъ Сагайдачнымъ, эта борьба послѣ него продолжалась опять, до изнеможенія козацкихъ

силъ при гетманахъ Павлюкѣ и Остряницѣ. Тогда Польская коммиссія, бывшая 1638 года на Масловомъ Ставу, опредѣлила быть только *6 полкамъ*, по тысячѣ реестровыхъ казаковъ въ каждомъ. Эти полки: *Чигиринскій*, *Черкасскій*, *Корсунскій*, *Каневскій*, *Бѣлоцерковскій* и *Переяславскій*. При этихъ 6 полкахъ и оставалась Украина до 1648 года, подъ начальствомъ польскихъ коммиссаровъ, вмѣсто гетмановъ казацкихъ.

Изъ полковниковъ этого десятилѣтія болѣе другихъ извѣстенъ Черкасскій полковникъ *Иванъ Барабашъ*, затаившій у себя королевскую грамоту, данную 1636 года Владиславомъ IV, которою дозволялся козакамъ выборъ гетмана.

Слухъ объ этой грамотѣ пробудилъ Переяславскихъ козаковъ 1637 выбрать въ гетманы своего полковника *Савву Кононовича*. Но въ ту пору былъ уже выбранный Запорожцами гетманъ Павелъ Михновичъ Бутъ, извѣстный подъ именемъ Павлюка.

Сбираясь на Поляковъ, онъ велѣлъ полковникамъ *Павлу Скидану* и *Семену Быховцу* поймать и разстрѣлять Кононовича. Тогда Переяславскимъ полковникомъ сталъ *Ильяшъ Караимовичъ*.

По взятіи Павлюка подъ Боровицею, Потоцкій назначилъ Ильяша старшимъ надъ козаками; а Переяславскими полковниками были потомъ: Полякъ *Станиславъ Олядковскій* (извѣстный мнѣ изъ монастырскихъ записей, около 1638 года); *Кричевскій*, отставленный въ началѣ 1648 года за преданность Богдану Хмельницкому; на его мѣстѣ недолго побылъ *Адамъ Душинскій*.

Странно, что въ такъ-называемой лѣтописи Самовидца, писанной Заднѣпровскимъ козакомъ, вся исторія о Владиславовой грамотѣ, относящаяся несомнѣнно къ *Ивану Дмитріевичу Барабашу* (и не къ его чести), приписана Переяславцу Ильяшу, названному въ лѣтописи «Иваномъ Ильяшемъ Ормянчикомъ». Впрочемъ, оба они, равно преданные Полякамъ, погибли за одно въ днѣпровскихъ волнахъ, въ апрѣлѣ 1648 года, будучи въ то время генеральными асаулами.

Бѣлоцерковскимъ полковникомъ съ 1637 года былъ *Клиша*, а Корсунскимъ, въ томъ году, *Василь Томиленко*, который

отъ своихъ козаковъ также выбранъ въ гетманы, но присталъ къ Павлюку. Львовская лѣтопись, называя его *Василемъ Томашикомъ*, говоритъ, что онъ и казненъ вмѣстѣ съ Павлюкомъ въ Варшавѣ. Впрочемъ, при гетманѣ Хмельницкомъ былъ (можетъ-быть, другой) *Васько Томиленко,* служившій 1649 года хорунжимъ гарматнымъ (т.-е. артиллерійскимъ).

§ 4. *О полкахъ, возникшихъ въ началѣ гетманства Хмельницкаго.*

Богданъ Хмельницкій, выбранный въ гетманы 19 апрѣля 1648 года въ Сѣчи Запорожской, началъ свое гетманство двумя блистательными побѣдами надъ Поляками: Желтоводскою (мая 8) и Корсунскою (мая 16). Вслѣдъ затѣмъ, на зовъ его Бѣлоцерковскаго универсала [1]), вспрянуло козачество по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и составились по разнымъ Украинскимъ городамъ многочисленные полки. Съ тѣми полками побѣдоносный Богданъ продолжалъ воевать Поляковъ въ томъ же году, въ походъ свой подъ Пиляву, Константиновъ, Львовъ и Замостье, и въ слѣдующемъ году, когда его походъ къ Збаражу и Зборову увѣнчался, 15 августа, договоромъ Зборовскимъ.

Въ лѣтописи Самовидца, писанной во второй половинѣ XVII вѣка козакомъ Заднѣпровскимъ, находимъ списокъ тѣхъ первоначальныхъ полковъ Хмельницкаго, который и полагаемъ здѣсь въ основаніе для исторіи тогдашнихъ полковъ.

I. На правой сторонѣ Днѣпра:

1) полкъ *Чигиринскій,*
2) полкъ *Черкасскій,*
3) полкъ *Ко́рсунскій,*
4) полкъ *Ка́невскій,*
5) полкъ *Лисянскій,*
6) полкъ *Бѣлоцерковскій,*
7) полкъ *Па́волоцкій,*

---

[1]) Этотъ достопамятный универсалъ впервые напечатанъ былъ 1793 года, въ «Россійскомъ Магазинѣ» Ѳедора Туманскаго; но тамъ онъ ошибочно подписанъ *8 мая.* Ближе къ правдѣ *28 мая* въ исторіи Конискаго. Въ лѣтописи Величка универсалъ подписанъ *іюнемъ*, но безъ означенія числа.

8) полкъ *Уманскій*,

9) полкъ *Кальницкій*,

10) полкъ *Могилевскій*,

11) полкъ *Животовскій;*

«бо тамъ (говоритъ) козацтво звалося ажъ и по за Днѣстромъ коло Галича...., а тутъ волости усѣ и городы, опрочъ тилко самого единого Подолского Каменця, ажъ по за Константиновъ Старый: въ Щулжинцахъ, Грицевѣ, Черторіи, козацтво зоставало».

12) «У *Овручомъ* особливый полковникъ зоставалъ, до котораго усе Полѣся належало».

II. На лѣвой сторонѣ Днѣпра:

1) полкъ *Переяславскій*,

2) полкъ *Нѣжинскій*,

3) полкъ *Черниговскій*, «со всею Сѣверью, ажъ по Гомель и Дроковъ и Мглинъ».

4) полкъ *Прилуцкій*,

5) полкъ *Ичанскій*,

6) полкъ *Лубенскій*,

7) полкъ *Ирклѣевскій*,

8) полкъ *Миргородскій*,

9) полкъ *Полтавскій*,

10) полкъ *Зѣнковскій*, (т. е. Гадяцкій).

Тутъ, между полками Заднѣпровскими или *тогобочными* не видно *Браславскаго* и *Кіевскаго*. Но самъ же лѣтописецъ, въ томъ же 1649 году, называетъ намъ

13) полкъ *Кіевскій*.

По другимъ современнымъ памятникамъ видно, что подъ исходъ 1648 года были еще три полка:

14) *Браславскій*,

15) *Звягельскій* и

16) *Брагинскій*.

Итого, мы знаемъ уже *26* первоначальныхъ полковъ Хмельницкаго.

Въ лѣтописи Коховскаго (I. 115) поминается еще одинъ Заднѣпровскій, *Милѣвскій*, полкъ, и три полка сегобочные: *Лохвицкій*, *Роменскій* и *Остерскій;* но я не рѣшаюсь принять

ихъ въ списокъ, находя въ нихъ нѣчто сомнительное. Подобно тому и въ разсказѣ нашего козака и лѣтописца о тогдашнемъ посполитомъ ополченіи Украины есть нѣчто художественно-гиперболическое. «Тіи усѣ полки были при гетману Хмельницкому, въ которыхъ незличоная личба войска была; бо иншій полкъ мѣлъ козацтва тысячъ болше двадцяти; бо що село, то сотникъ; а иншая сотня мѣла люду тысячу. Такъ усе, що живо, поднялося въ козацтво».... Впрочемъ, надо припомнить что, кромѣ *городовыхъ* полковъ, составлялись еще полки *охочіе;* такъ, въ исторіи поминаются нѣкоторые полковники того времени, неизвѣстно, къ какимъ полкамъ принадлежавшіе: *Головацкій*, *Донецъ*, *Таборенко* и другіе.

Изъ нихъ особенно выдается суровый *Максимъ Кривоносъ*, уроженецъ Островскій, умершій въ концѣ 1648 года, отъ бывшаго тогда повѣтрія; а за нимъ козацкій вождь *Калина*, убитый въ декабрѣ, при осадѣ Замостья.

Оттуда Хмельницкій возвращался черезъ Кіевъ, гдѣ встрѣченъ былъ торжественно, какъ *Бого-данный* избавитель народа своего отъ лядскаго египетскаго ига. Вслѣдъ затѣмъ, когда онъ принималъ въ Переяславѣ пословъ Московскаго и Венгерскаго, прибыли туда и коммиссары Польскіе отъ новоизбраннаго короля. Торжественно встрѣтилъ ихъ гетманъ за городомъ. На другой день, на площади, стоя подъ бунчукомъ, въ красной парчевой собольей шубѣ, принялъ онъ отъ нихъ булаву, осыпанную бирюзою, и красное знамя съ бѣлымъ орломъ и съ надписью: Ioannes Casimirus Rex. Въ слѣдующіе дни, когда начались переговоры и опредѣлялось ему ограничить число реестровыхъ козаковъ 12,000 или 15,000, Хмельницкій отвѣчалъ коммиссарамъ: «На что писать! Станетъ насъ и на сто тысячъ. Будетъ ихъ столько, сколько скажу»! Раздражаясь другими предложеніями коммиссаровъ, Хмельницкій, упоенный своимъ успѣхомъ и виномъ, грозно говорилъ имъ: «Правда, я человѣкъ малый и плохій; но Богъ далъ мнѣ, что я сталъ единовластникомъ и самодержавцемъ Русскимъ... Мнѣ удалось то, о чемъ я и не думалъ; а что я задумалъ, то видно будетъ послѣ.... Я вырву изъ лядской неволи Русскій народъ.... Воевать за границу не пойду, сабли

на Татаръ и Турковъ не подниму: будетъ съ насъ Украины, Подолья и Волыни; довольно теперь у меня выгоды и достатку въ моей землѣ, въ моемъ княжествѣ: по Львовъ, Хелмъ и Галичъ. Ставши на Вислѣ, я скажу и тѣмъ Ляхамъ: сидите, молчите, Ляхи! Туда загоню и дуковъ и князей; а коли и за Вислою станутъ брыкать, я и тамъ найду ихъ! Тутъ на Украинѣ не останется у меня и слѣду ни князей, ни шляхты ихъ; а кто захочетъ съ нами ѣсть хлѣбъ-соль, тотъ слушайся войска Запорожскаго и на короля не брыкай!... Мнѣ вольно тутъ распоряжаться: Кіевъ мой, — я воевода Кіевскій; его Богъ далъ мнѣ, и даже безъ бою... шкода говорити»!... [1]). Спустя полгода, договоромъ Зборовскимъ положено было составить *реестры* войска Запорожскаго и ограничить реестровое казачество *сорока* тысячами. Это было поводомъ къ новому распредѣленію Украины на полки и сотни, которымъ и занялся Хмельницкій, воротясь на Украину, дѣятельно, въ исходѣ того же 1649 года.

ОТДѢЛЪ II.

О полкахъ и сотняхъ, бывшихъ послѣ Зборовскаго мира (по 1657 годъ).

§ 5. О полковомъ распредѣленіи Украины въ исходѣ 1649 года.

Воротясь отъ Зборова на Украину, Хмельницкій далъ ей новое полковое распредѣленіе, раздѣливъ ее на *16 полковъ* и составивъ *реестры* городового козачества или войска Запорожскаго. Съ этого распредѣленія начинается новая исторія полковъ, на которые дѣлилась Малороссійская казацкая Украина до конца своего.

Во времена великокняжескія, Ярославъ и Мстиславъ, 1026 года, помирились на томъ, что «раздѣлиста по Днѣпръ Рускую землю». Днѣпръ положенъ былъ и послѣ отъ Ярослава гранью Кіевскаго княжества отъ Черниговскаго и Переяславскаго, и на что ссылались князья, говоря: «како насъ

---

[1]) См. *Дневникъ Коммиссаровъ*, напечатанный въ I т. *Памятниковъ* Кіевской Коммиссіи.

раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ». *(Кiев. лѣт.* подъ 1196 год.). Для Украины козацкой надо было иначе. Возстановитель и единовластникъ ея Богданъ Хмельницкій не хотѣлъ ея раздѣленія Днѣпромъ: онъ хотѣлъ Украины цѣльной, *обосторонней*; потому, въ своемъ распредѣленіи Украины, онъ поставлялъ Днѣпръ не разлучникомъ, а соединителемъ полковъ ея. Для того къ четыремъ при-днѣпровскимъ полкамъ тогобочнымъ причислены были разныя сотни на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Такъ, *Чигиринскій* полкъ, или *Чигиринщина* состояла изъ 9 сотень тогобочныхъ и изъ 8 сотень сегобочныхъ, съ ихъ сотенными городами и мѣстечками: *Жóвниномъ* (по древнему *Жолнинѣ), Веремьевкою, Максимовкою, Кременчукомъ, Потокомъ, Омельникомъ, Голтвою* (по древнему *Голтавѣ) и Остапьемъ.*

Къ *Черкáщинѣ* причислялись на сей сторонѣ 4 сотни, бывшія: при *Богушковой слободкѣ, Золотоношѣ, Пѣщаной* и *Дóмонтовѣ.*

Къ *Канéвщинѣ* принадлежали на сей сторонѣ 2 сотни, бывшія при городкѣ *Бубновѣ* (что въ книгѣ Большаго Чертежа *Дубковъ)* и мѣстечкѣ *Лѣплявомъ.*

Къ полку *Кіевскому* причислялась *Бровáрская* сотня, бывшая при тогдашнемъ городкѣ, а нынѣ селѣ *Броварахъ.*

На какіе же полки раздѣлена была Украина въ исходѣ 1649 года? Объ этомъ у нашихъ историковъ ведется уже полтораста лѣтъ такое разногласіе, что наконецъ надо порѣшить его и привести къ вѣрному единству.

§ 6. О неисправномъ спискѣ 15 полковъ.

Всего чаще у историковъ Малороссіи повторяется списокъ 15 полковъ, относимый къ 1650 году. Впервые онъ явился у насъ въ лѣтописи, сочиненной около 1708 г. Григорьемъ Гребенкою, или Грабянкою (бывшимъ послѣ, въ гетманство Апостола, полковникомъ Гадяцкимъ). Отсюда этотъ списокъ перешелъ въ «Краткую Лѣтопись», изданную Васильемъ Рубаномъ 1773 года, но съ тою разницею, что у Гра-

бянки значилось въ 14 полкахъ *35,080* реестровыхъ козаковъ (а по списку его лѣтописи, изданному 1793 года, въ «Россійскомъ Магазинѣ» Ѳедора Туманскаго—*37,549 ч.)*; въ Рубановой же лѣтописи число это возрасло до *57,889 ч.* Это произошло не отъ чего иного, какъ отъ произвольной и грубой переправки чиселъ въ трехъ полкахъ, такъ: въ Черниговскомъ 996 переправлено на 9,096, въ Нѣжинскомъ 983 на 9,083. Полковой списокъ съ 57 тысячами, изъ Рубановой лѣтописи, какъ первопечатной, переходилъ въ послѣдующія сочиненія о Малороссіи—Симоновскаго, Ригельмана, Бантыша-Каменскаго, Маркевича и еще нѣкоторыя.

Пропуская числа, какъ недостовѣрныя и разногласныя, я приведу здѣсь только имена полковъ и полковниковъ, изъ этого списка, отмѣчая курсивными буквами то, что ошибочно.

Полки:	Полковники:
1) Чигиринскій . . .	Ѳедоръ Якубо*вскій*.
2) Черкаскій	Иванъ Воронченко.
3) Каневскій	Семенъ *Павицкій*.
4) Корсунскій. . . .	Лукьянъ Мозыра.
. . . .	. . . .
5) Уманскій	Іосифъ Глухъ.
6) Браславскій . . .	Данило Нечай.
7) Кальницкій . . .	Иванъ Федоренко.
8) Кіевскій	Антонъ *Адамовичъ*.
9) Переяславскій . .	Федоръ Лобода.
10) Кропивянскій. . .	Филонъ Джеджелѣй.
11) *Острянскій*. . . .	Тимофей Носачъ.
12) Миргородскій. . .	*Максимъ* Гладкій.
13) Полтавскій. . . .	Мартынъ Пушкаренко.
14) Нѣжинскій. . . .	Прокопъ Шум*енко*.
15) Черниговскій. . .	Мартынъ Небаба.

Грабянка перевелъ этотъ списокъ съ латинскаго языка, изъ лѣтописи Коховскаго, которою онъ пользовался для своей лѣтописи. А потому, для проясненія дѣла, приведу этотъ списокъ подлинникомъ. Веспасіанъ Коховскій, одинъ изъ первостепенныхъ историковъ Польши, въ первой части своихъ Annales Poloniae (напечатанной въ Краковѣ, 1683 г.), гово-

ритъ, что по положенію Зборовскому было учреждено *шестнадцать* козацкихъ полковъ, и, для памяти, онъ приводитъ (стр. 186) имена ихъ, съ именами полковниковъ и числами реестровыхъ козаковъ. Вотъ они, съ отмѣтою курсивными буквами того, что ошибочно:

Legiones	Tribuni	Numer.
Czechrynensis . . .	Theodorus Iacubovicius. . .	3,189
Czerkassiensis . . .	Ioannes Woronozenko . . .	2,989
Kanioviensis. . . .	Semenus *Pavicius*.	3,120
Korsunensis	Lucianus Mozyra.	3,472
. . . .		
Humanensis	Iosephus Gluch.	3,083
Braslaviensis. . . .	Daniel Neczay.	2,072
Kalnicensis	Ioannes Fedorenko	2,046
Kioviensis	Antonius *Adamovicius* . . .	2,008
Pereaslaviensis. . .	Theodorus Loboda	2,015
Kropiwnicensis. . .	Filon Dzedzalyus	2,053
Ostrensis.	Thymothaeus Nosacz. . . .	1,958
Mirhorodensis . . .	*Maximus* Hladki	3,158
Pultaviensis. . . .	Martinus Puszkarenko . . .	2,783
Nizinensis	Prokopus Szumeyko	983
Czerniechoviensis. .	Martinus Niebaba	996

Тутъ всѣхъ козаковъ выходитъ *35,925* (если же, какъ я нахожу, въ Браславскомъ полку ошибкою поставлено 2,072 вмѣсто 2,672, то будетъ *35,525)*. Списокъ этотъ, конечно, взятъ изъ перечня, еще до Коховскаго извлеченнаго изъ *реестровъ*, полученныхъ королемъ отъ гетмана Хмельницкаго (при письмѣ его изъ Кіева отъ 20 марта *1650* года, см. это письмо во второмъ томѣ *Памятниковъ* Кіев. Врем. Коммиссіи). Но, вычисляя полки поименно, Коховскій, или его переписчикъ, пропустилъ одинъ изъ 16 полковъ: именно послѣ Корсунскаго полка слѣдовало бы поставить legio Bielocerkwiana— Michael Hromyka; а число для этого полка, въ счетъ *сорока* тысячъ, остается, *3,475* или около того.

Вотъ откуда пошло *15 полковъ* вмѣсто *16*, съ полкомъ *Остряанскимъ* вмѣсто *Прилуцкаго*. Отсюда же и полковники *Савичъ* и *Ждановичъ*, по-латынѣ *Savicius, Zdanovicius*, напе-

чатанные у Коховскаго ошибочно — *Pavicius, Adamovicius* — переведены у Грабянки — *Павицкимъ* и *Адамовичемъ*, а *Матвѣй* Гладкій названъ *Максимомъ*.

§ 7. О позднѣйшихъ спискахъ 20 полковъ.

Георгій Кониській, въ своей замѣчательной «исторіи Руссовъ», предлагаетъ списокъ *20* полковъ, возобновленныхъ и пополненныхъ Хмельницкимъ *1650* года. Вглядясь въ этотъ списокъ, мы замѣчаемъ, что тутъ въ основаніи лежитъ разсмотрѣнный нами списокъ 15 полковъ, съ пропускомъ *Бѣлоцерковскаго*, и съ тѣми же полковниками, (и съ *Павицкимъ*, и съ *Адамовичемъ*, которые такъ уже и пошли изъ книги въ книгу, вмѣсто *Савича* и *Ждановича)* и только одного *Максима Гладкаго* историкъ замѣнилъ *Максимомъ Тараномъ*, поставленнымъ, вмѣсто Гладкаго, и у Бантыша-Каменскаго, въ 15-полковомъ спискѣ.

Вмѣсто-того, чтобы прибавить одинъ Бѣлоцерковскій полкъ, Кониській прибавилъ 5 полковъ: *Сѣверскій*, при полковникѣ Яковѣ Коровкѣ, *Гадяцкій*, при Сергѣѣ Бухалѣ, *Лубенскій* при Дмитріѣ Кривоносѣ, *Прилуцкій*, при Ѳедорѣ Кисилѣ, и *Винницкій*, при Петрѣ Стягайлѣ. Но *Сѣверскаго* полка не было тогда, ниже подъ именемъ Стародубовскаго; ибо вся Сѣверь, или Стародубовщина, тогда была отчислена отъ состава полковой Украины и реестроваго козачества. Полкъ *Гадяцкій* былъ тогда присоединенъ къ Полтавскому; а *Лубенщина* вошла въ составъ обширнаго въ то время Миргородскаго полка и отчасти Кропивянскаго. *Прилуцкій* полкъ, дѣйствительно, былъ тогда; но когда въ спискѣ стоитъ особо еще и мнимый *Острянскій* полкъ, значитъ, что одинъ и тотъ же полкъ поставленъ дважды. Равно и *Винницкій* полкъ тоже, что и *Кальницкій*. Такимъ-образомъ, два полка поставлены вдвойнѣ, и, при дѣйствительныхъ здѣсь полковникахъ: Носачѣ и Федоренкѣ, Кисель и Стягайло уже неумѣстны. Такъ и прочіе три: Бухало, Кривоносъ и Яковъ Коровка, не могутъ быть приняты въ списокъ полковниковъ, бывшихъ послѣ Зборовскаго мира.

Самойло Величко, въ своей богатой лѣтописи, писанной вскорѣ послѣ Грабянкиной, докончивъ сказаніе о Богданѣ Хмельницкомъ, полагаетъ перечень *20* полковъ, «за Хмельницкаго будучихъ» (I. 300). На самомъ же дѣлѣ Величко называетъ намъ полки своего времени (къ которымъ послѣ онъ приписалъ еще 21-й полкъ, *Подольскій*, при немъ уже не бывшій). Потому-то въ спискѣ этомъ не видно *Кропивянскаго* полка, принадлежавшаго исключительно гетманству Хмельницкаго; а между тѣмъ поставленъ *Лубенскій* полкъ, возобновленный Выговскимъ, съ прекращеніемъ Кропивянскаго; поставленъ *Стародубовскій* полкъ, учрежденный 1663 г. новопоставленнымъ тогда гетманомъ Брюховецкимъ, поставленъ даже и полкъ *Богуславскій*, возникшій въ гетманство Мазепы, для своего единственнаго полковника Самойла Самуся.

Тутъ же замѣчу о *Стародубовскомъ* полку, что хотя онъ и по лѣтописи Самовидца посылается Выговскимъ подъ Полтаву, въ концѣ 1657 года, но это я признаю обмолвкою или опискою лѣтописца, вмѣсто *Черниговскаго* полка, который тогда, съ новопоставленнымъ полковникомъ Силичемъ, ратовалъ противъ Пушкаря въ пользу Выговскаго. Это замѣчаніе оправдывается самою лѣтописью Самовидца, подъ 1662 годомъ, гдѣ идетъ рѣчь о новой усобицѣ на Украинѣ и вычисляются всѣ тогдашніе полки сегобочные: «едни при Бруховецкому зоставали, якъ-то: полкъ Полтавскій, Зѣнковскій, Миргородскій; а при Сомку зоставали полки: Лубенскій, Прилуцкій, Переяславскій, Нѣжинскій и Черниговскій».

Въ «Топографическомъ Описаніи Черниговскаго Намѣстничества», сочиненномъ Аѳанасіемъ Шафонскимъ *1786* года, вычисляются *19 полковъ*, учрежденныхъ Богданомъ Хмельницкимъ (§ 28). Въ число ихъ Шафонскій поставилъ два не бывшіе тогда полка—*Ладыжинскій* и *Богуславскій*, равно мнимый *Острянскій* полкъ; а о *Прилуцкомъ* думалъ онъ, что этотъ полкъ сталъ извѣстенъ въ гетманство Юрья Хмельницкаго (§ 33).

Вотъ и еще одинъ списокъ *20* полковъ Хмельницкаго, въ «Краткомъ историческомъ описаніи о Малой Россіи», сочиненномъ 1789 года, неизвѣстнымъ авторомъ. Тамъ, вмѣсто

полковъ Каневскаго и Кальницкаго (какъ видно по полковникамъ), поставлены полки въ *Бѣлой Церкви* и въ *Слуцкѣ*; кромѣ полка въ *Острѣ*, поставленъ полкъ и въ *Прилукахъ*, съ полковникомъ Дмитріемъ Чернявскимъ (бывшимъ тутъ 1679 года); поставленъ полкъ и въ *Гадячѣ*, съ полковникомъ Иваномъ Чернышемъ (бывшимъ тутъ уже при гетманѣ Скоропадскомъ); а въ *Стародубѣ* поставленъ полкъ при Максимѣ Гамалѣѣ, котораго, кажется, не было совсѣмъ на здѣшнемъ полковничествѣ; а въ *Нѣжинѣ* данъ полковникъ Андрей Жураховскій, послѣдній изъ Нѣжинскихъ полковниковъ, бывшій въ правленіе Румянцова. А въ-заключеніе данъ 20-й полкъ въ городѣ *Почепѣ*, съ полковникомъ Алексѣемъ Рославцемъ.

Глядя на такія историческія шутки съ полками Хмельницкаго въ прошломъ столѣтіи, невольно скажешь словами пѣсни о полку Игоревѣ: «уже бо, братіе, не веселая година въстала!»

ОТДѢЛЪ III.

Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотень.

§ 8. О полку Чигиринскомъ.

Чигиринскій полкъ, ставшій при гетманѣ Богданѣ главнымъ, гетманскимъ полкомъ, состоялъ въ концѣ 1649 года изъ *восемнадцати* сотень, при слѣдующихъ сотникахъ.

а) *на правой сторонѣ Днѣпра.*

1) Сотня Чигиринская полковая.
2) „ Крыловская.—Сотникъ Лесько Волченко.
3) „ Вороновская.—Фесько.
4) „ Бужинская.—Лукьянъ Сухи́на.
5) „ Боровицкая.—Иванъ Проскурненко.
6) „ Медведовская.—Иванъ Ручка.
7) „ Жа́ботинская.—Иванъ Шуликъ.
8) „ Смѣловская.—Миськó Стрынча.
9) „ Оловятинская.—Семенъ Лѣснякъ.
10) „ Баклыйская.—Захарко.
11) „ Орловская.—Жаданъ Донецó.

б) *на лѣвой сторонѣ Днѣпра.*

12) Сотня Веремѣевская.—Рéва.
13) „ Жóвнинская.—Остапъ Сухомлинъ.
14) „ Максимовская.—Иванъ Скороходъ.
15) „ Кременчуцкая.—Андрушкó Супруненко.
16) „ Потоцкая.—Василь Гулячка.
17) „ Омелъницкая.—Иванъ Шукотъ.
18) „ Голтвинская.—Дмитро Андрущенко.
19) „ Остаповская.—Иванъ Махненко.

Города и мѣстечки.

Изъ предложеннаго обозрѣнія сотенъ ясно виденъ тогдашній составъ Чигиринскаго полка. На *правой* сторонѣ Днѣпра: полковой городъ *Чигиринъ*, гдѣ Богдановъ отецъ, Михайло Хмельницкій, служилъ нѣкогда сотникомъ и подстаростою. Городъ этотъ сталъ въ гетманство Богдана столицею козацкой Украины, — *Крыловъ*, *Вороновка*, *Бужинъ*, *Боровица*, *Медведовка*, *Жаботинъ*, *Смѣла*, *Оловятинъ*, и *Баклый.* На *лѣвой* сторонѣ Днѣпра принадлежали къ Чигиринщинѣ, какъ сотенныя мѣстечка: *Веремѣевка*, *Жовнинъ*, *Максимовка*, *Кременчукъ*, *Потокъ*, *Омельники*, *Голтва* и *Остапье.*

Изъ нихъ въ древнерусскомъ лѣтописаньи вспоминается прежде всего *Голтавъ*, о которомъ Мономахъ (въ своемъ поученіи) говоритъ: «и паки Итлареву чадь избиша и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ, (это было 1095 года). Городъ *Желнинъ* или *Желны* срубленъ въ *1116* году Переяславскимъ княземъ Ярополкомъ Владиміровичемъ, для полоненныхъ имъ Другчанъ. Не сомнѣваюсь, что первоначальная Украина [1]) или княжество Переяславское простиралось степями у Днѣпра до рѣки Орели, называвшейся въ древнее время *Угломъ*; за Орелью починалась уже земля Половецкая, занятая впослѣдствіи вдоль Днѣпра козачествомъ Запорожскимъ. Что касается до Чигиринщины заднѣпровской, то я полагаю, что она въ 12 вѣкѣ принадлежала уже Русской землѣ—княжеству Кіевскому какъ дальнѣйшее распрост-

[1]) Кіевская лѣтопись, о кончинѣ храбраго и молодаго князя Переяславскаго Володиміра Глѣбовича 1187 г , говоритъ: о немъ же «*Украина* много постона».

раненіе Поросья; и что Половецкая земля начиналась уже за рѣкою *Тясменью.* Въ 1190 году, Торцкій князь Кунтувдѣй, изъ мести къ Святославу Кіевскому, соединился съ Половецкимъ княземъ Тоглыемъ на воеваніе Русской земли. Взявши острогъ въ городѣ *Чюрнаевѣ* и сжегжи дворъ въ немъ и побравши весь статокъ, они «легоша по Висемъ; ту перепочивше конемъ своимъ, и ѣхаше къ *Боровому;* и слышавше Ростислава Рюриковича въ *Торцкомъ,* и возвратишася къ ватагамъ своимъ». Этотъ городъ *Боровой,* конечно, та вышепомянутая приднѣпровская Боровица, гдѣ въ 1637 году взятъ былъ побѣжденный подъ Кумейками гетманъ Павлюкъ, и гдѣ тогда вынужденную козацкую присягу подписалъ писарь Богданъ Хмельницкій. (см. Діаріушъ Окольскаго). А городъ *Чюрнаевъ* (т. е. князя Чюрная) не стоялъ-ли на высяхъ Тясмени, какъ сторожевой городъ отъ *Половеччины*— тамъ гдѣ возвышался послѣ нашъ старый Чигиринъ?... Существованіе монастыря мотренинскаго въ началѣ 14-го вѣка (верстахъ въ сорокахъ выше Чигирина) тоже свидѣтельствуетъ о принадлежности заднѣпровской Чигиринщины къ Руси еще въ древнее, до-татарское время. Въ 15 вѣкѣ она принадлежала къ *повѣту* Черкаскому; и здѣсь въ *Черкасѣхъ* было село *Родивоново* на р. Тясмени, пожалованное Кіевскимъ княземъ Олелькомъ или Александромъ Владиміровичемъ князю Ѳедору Глинскому. (см *акты* западнорусскіе т. 1 № 129 и 158). Въ 16 вѣкѣ Чигиринщина принадлежала къ *старосту Черкаскому*; но съ 1589 года, по возобновленіи Чигирина, учредилось особое *Чигиринское староство,* которое обращено было на гетманскую булаву, по Зборовскому договору, и по договорнымъ статьямъ Хмельницкаго, 1654 года.

Въ Московской книгѣ Большаго Чертежа (составленной въ концѣ 16 вѣка) къ Чигиринщинѣ относится слѣдующее мѣсто: а ниже Черкасовъ 6 миль градъ *Бобровица*; а ниже Бобровицы 3 версты... *(тутъ въ книгѣ очевидно пропускъ)* а отъ рѣки отъ Днѣпра 3-же версты на рѣкѣ на Тесмени градъ *Криловъ;* а въ верхъ по Тесмени 4 мили—градъ *Чигиринъ,* съ Крымскія (т. е. съ правой) страны Тесмени; а выше Чигирина на Тесмени 2 мили градъ *Медведица.* — А ниже Бобровицы

2 мили съ Московскія страны пала въ Днѣпръ рѣка Сула.... а ниже Хороля на Пслу градъ *Полтава*». Современникъ Хмельницкаго Бопланъ, инженеръ польской службы—въ «Описаніи Украины» говоритъ: Ниже Черкасъ по Днѣпру находится: *Бобровица*, *Бужинъ*, *Вороновка;* а на противоположномъ берегу *Чигринъ-Дуброва;* а при рѣкѣ Тесмени на милю отъ Днѣпра *Крыловъ*. Еще ниже, на Московской сторонѣ, лежитъ *Кременчукъ* съ древними развалинами. Тамъ въ 1635 году назначено мною построить замокъ; сей прекрасный и удобный для житья городъ есть послѣдній на Днѣпрѣ; дальше идутъ необитаемыя степи».

Монастыри въ Чигиринщинѣ.

1. *Чигиринскій Троицкій* монастырь извѣстный отъ начала 17 вѣка. Въ гетманство Хмельницкаго здѣсь войсковый писарь Иванъ Выговскій построилъ каменную Троицкую церковь, въ которую, по ходатайству патріарха Никона, царь Алексѣй Михайловичъ 1653 года пожаловалъ всю утварь и книги церковныя. — По смерти Богдана, когда и въ митрополіи Кіевской было раздвоеніе, какъ въ гетманщинѣ, Чигиринскій монастырь былъ мѣстопребываніемъ Кіевскаго митрополита Іосифа Нелюбовича Тукальскаго, который и скончался здѣсь 1676 года 26 іюля, а въ 1678 году, при занятіи Турками Чигирина, бывшій духовникъ Іосифа—Макарій Русановичъ перенесъ тѣло его въ Мгарскій Лубенскій монастырь.

2) *Мотренинскій Троицкій* монастырь, существовавшій до нашествія Батыева, а потомъ долго бывшій скитомъ пещернымъ, возобновился 1568 года по благословенію Кіевскаго митрополита Іоны IV-го Протасовича—Островскаго; утвержденъ въ правахъ и надѣленъ владѣніями отъ гетмана Петра Сагайдачнаго, въ 1620 и 1621 годахъ.—Въ гетманство Хмельницкаго здѣсь былъ начальникомъ съ 1648 года іеромонахъ *Пафнутій*, при которомъ въ роковой для Чигиринщины 1678 годъ разорена была сія обитель. При освященіи новопостроенной церкви, 1695 года 6 декабря, старецъ Пафнутій завѣщалъ всенародно древнее преданіе о своемъ монастырѣ,

что здѣсь нѣкогда Переяславскій епископъ Павелъ (1196 — 1230 г.) закладывалъ трапезную церковъ во имя св. Іоанна Предтечи; и далъ онъ тогда на благословеніе игумену свою *мантію съ источниками*, почему всѣ прежніе игумены здѣсь носили архіерейскія мантіи; и что до послѣдняго разоренія монастыря хранился здѣсь закладный камень отъ Іоановской церкви съ именемъ епископа Павла. Названіе монастыря *Мотренинскимъ* произошло отъ имени лѣса, въ которомъ онъ находится. Въ народѣ ведется сказаніе, что былъ нѣкогда князь *Юръ*, который поставилъ замокъ на *Юровой* горѣ (находящейся подъ этимъ именемъ, только безъ замка, верстахъ въ двухъ отъ Смѣлой); а сестра его *Мотрена* построила монастырь Мотрененскій въ своемъ лѣсу, разъ въ древнемъ монастырскомъ валу, не очень давно еще, найдены были двѣ мѣдныхъ *сороковки* (одна Юстинова, другая Юстиніанова) съ числительною буквою *М* и простодушныя грамотники прочли въ этой буквѣ имя княгини Мотрены.

3) *Медведовскій Пустынно-Николаевскій*, монастырь на р. Тясминѣ, верстахъ въ 20-ти отъ Чигирина.

4) *Жаботинскій Онуфріевскій*, на вѣтряной горѣ, между рѣками Тясминомъ и Жаботянкою.

5) *Лебединскій Георгіевскій* близь рѣчки Турьи на урочищѣ Чичковѣ.

Время основанія этихъ трехъ монастырей неизвѣстно. Не знаю также, гдѣ былъ монастырь *Левковскій*, существовавшій во время Богданово, и впослѣдствіи приписавшійся къ монастырю Межигорскому.

Полковники Чигиринскіе.

1) Первымъ Чигиринскимъ полковникомъ, въ гетманство Богданово, былъ *Федоръ Якубовичъ Веснянъ*. Въ іюлѣ 1648 года онъ былъ старшимъ посломъ отъ войска Запорожскаго при погребеніи короля Владислава IV (который, будучи въ разладѣ съ Поляками, самъ поощрялъ противъ нихъ козаковъ, говоря: «маете мушкетъ и при боку шаблю; тоею можете боронити своихъ, повреждаемыхъ отъ Поляковъ, правъ и вольностей»; а между тѣмъ гетманъ Хмельницкій велѣлъ

по всѣмъ церквамъ Украины править панихиды о душѣ короля и записать его имя въ помянникахъ. Въ 1649 году, когда возвращался въ Москву изъ Переяслава бывшій посломъ къ гетману Унковскій, вмѣстѣ съ нимъ отправленъ былъ Веснякъ въ Москву отъ гетмана, и царь обѣщалъ ему принять козаковъ подъ свою высокую руку, когда Польскій король признаетъ ихъ независимыми! Веснякъ докончилъ свое полковничество въ 1650 году, когда освобождаемая Богданомъ отъ Польши Украина была такъ торжественно весела послѣ своихъ побѣдъ.

То панъ Хмельницкій добре учинывъ
Польщу засмутывъ,
Волощину побѣдывъ,
Гетьманщину звеселывъ.
Въ той часъ була честь, слава,
Войскова справа!
Сама себе на смѣхъ пе давала
Непріятеля подъ ноги топтала!..

2) Но въ 1651 году, который прозванъ былъ *Берестецкимъ рокомъ*, порвоначальное счастье измѣнило Хмельницкому: въ маѣ потерявъ любимую жену свою Чаплинскую, проигравъ Берестецкое дѣло въ іюнѣ, — онъ принужденъ былъ въ сентябрѣ принять Бѣлоцерковскій миръ, которымъ отнималась вся выгода мира Зборовскаго. До половины этого года Чигиринскимъ полковникомъ былъ *Крыса*, который отличался всего болѣе своею красивою наружностью. Подъ Берестечкомъ, когда Хмельницкій, угнавшись за измѣнившимъ ему и побѣжавшимъ отъ него съ поля битвы Ханомъ («а же нестатечная пріязнь вовку съ бараномъ, такъ христіанинови зъ бѣсурманомъ» говоритъ при этомъ козакъ лѣтописецъ), когда терявшійся гетманъ покинулъ свое войско, изъ него посланъ былъ полковникъ Крыса, вмѣстѣ съ Гладкимъ и Лободою, въ Польскій лагерь для переговоровъ, и тамъ задержанъ.

3) Тогда на его мѣстѣ сталъ полковникомъ *Яковъ Пархоменко*, подписавшійся вмѣстѣ съ прочими на Бѣлоцерковскомъ договорѣ,—по которому и число реестроваго козачества

должно было убавиться на половину (т. е. изъ 40 тысячъ на 20), и войска Польскія зазимовали квартирами по Украинѣ, и прежніе владѣльцы Поляки, прогнанные Богданомъ изъ Украины, опять стали возвращаться въ нее съ новымъ нахальствомъ; и пріунывшіе семьи козаковъ, покидая родину, стали переселятся въ Украину слободскую.... и становилось такъ смутно въ гетманщинѣ. Впрочемъ это положеніе дѣлъ начало поправляться въ слѣдующее-же лѣто и въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ свадебный поѣздъ гетманича Тимоша въ Молдавію, совершилась страшная годовщина невзгодья Берестецкаго; тамъ, надъ Бугомъ, на Батогѣ истребленъ былъ на голову девятитысячный отрядъ вернувшагося изъ плѣна гетмана Калиновскаго; и его собственная голова принесена была татариномъ къ гетману Хмельницкому.

4) Послѣднимъ Чигиринскимъ полковникомъ въ его гетманство былъ прежній Кіевскій полковникъ *Антонъ Ждановичъ*. Подъ его начальствомъ наряжено было 12 тысячъ козаковъ на Поляковъ въ помочь отъ гетмана Шведскому королю Карлу X-му и Венгерскому князю Юрью Ракочію, въ концѣ 1656 года. «Итакъ потягши Подгоремъ за Самборомъ и тамъ учеснившися съ войсками Венгерскими, а на потомъ и изъ Шведскимы, и пустошили Польщу ажъ по самые Прусы, ибо и Варшаву узяли были. Барзо тогда великое спустошеніе стало Польщи; бо начавши отъ зимы, немалъ цѣлое лѣто тамъ пустошили» *(лѣт. Сам)*. 1657 года въ гетманство Выговскаго Ждановичъ остался на его сторонѣ и былъ войсковымъ судьею.

За тѣмъ слѣдовали полковники:

5) *Кирило Андреевичъ*... (фамилія неизвѣстна въ 1659 г.

6) *Петро Дорошенко*, бывшій до 1659 г. Прилуцкимъ полковникомъ а съ 1660 г. Чигиринскимъ. Въ гетманство Тетери съ 1663 г. онъ служилъ генеральнымъ асауломъ, а съ 1666 по сентябрь 1676 г. былъ гетманомъ. Докончилъ жизнь Московскимъ помѣщикомъ, въ селѣ Ярополчѣ (Волоколамскаго уѣзда) 9 ноября 1698 г.

7) *Прокопъ Берзецкій* въ 1664 г.

8) *Григорій Карповичъ Коровченко* (или Волокій), поставленный въ полковники гетманомъ Самоиловичемъ 1676 года, изъ сотниковъ Батуринскихъ; онъ былъ полковникомъ до разоренія Турками Чигирина въ 1678 г., а потомъ онъ былъ на полковничествахъ Стародубскомъ и Кіевскомъ.

9) *Иванъ Скоробогатка*, давній Чигиринскій старшина, назначенъ въ полковники 1678 г.

10) *Гримашевскій*, поставленный въ полковники 1683 г. отъ Молдавскаго господаря Дуки, которому отдана была султаномъ западная Украина.

11) *Василій Невинчаный*, поставленный гетманомъ Мазепою, съ которымъ бѣжалъ послѣ битвы Полтавской.

12) *Игнатъ Галаганъ*, былъ компанейскимъ полковникомъ, а въ 1709 году назначенъ царемъ Петромъ на полковничество Чигиринское, которое по немъ и прекратилось въ 1712 г. Послѣ того Галаганъ былъ долго полковникомъ Прилуцкимъ.

Войсковая старшина.

При полку Чигиринскомъ, въ гетманство Хмельницкаго, какъ уже сказано, считался самъ *гетманъ* и вся *войсковая старшина*, къ которой послѣ Зборовскаго мира принадлежали слѣдующія лица: гетманичъ *Тимошъ Хмельницкій;* войсковый обозный *Иванъ Чорнята* (или *Чорнота*), первый въ этомъ званіи въ гетманство Богданово; войсковые асаулы: *Михайло Лучченко* и *Демко Многогрѣшный*, бывшій впослѣдствіи гетманомъ (1668—1672); и—войсковый писарь *Иванъ Остафьевичъ Выговскій*, ставшій въ этомъ званіи въ концѣ 1648 г. (на мѣсто *Ивана Петрушенка*), бывшій у гетмана Богдана ближайшимъ и довѣреннымъ дѣльцемъ, а по смерти его выхитрившій себѣ гетманство, въ которое началась междоусобица на Украинѣ и ея раздвоеніе.

Что касается до другихъ старшинъ, то они состояли тогда при Чигиринскомъ полковникѣ Веснякѣ, — вмѣстѣ съ полковою старшиною. Его-же вѣденію подлежалъ и *асаульный курень*, состоявшій изъ 350 козаковъ (въ томъ числѣ—комиссаръ *Гаврило Кульбака*, гетманскій конюшій *Иванецъ Хмельницкаго* т. е. *Иванъ Складовскій).*

Войсковымъ хоружимъ въ ту пору былъ *Опанасъ Процовникъ;* гарматнымъ хоружимъ *Васько Томиленко;* а полковымъ хоружимъ *Данко Костенко*, а полковыми асаулами — *Андрей Пилиповичъ* и *Васько Литвиненко*...

Удалый гетманичъ *Тимошъ* былъ надеждою отца своего; для него грознымъ походомъ въ Молдавію, 1650 года, Богданъ засваталъ дочь у господаря Василія Лупулы; и въ 1652 году господаревна Домна стала гетманскою невѣсткою *Тимошихою.* Въ слѣдующемъ году Тимошъ съ 7 тысячами козаковъ ходилъ въ Молдавію на помочь своему тестю; и былъ осажденъ въ Сочавѣ Венгерско-польскимъ войскомъ. Въ томъ войскѣ находился князь Дмитрій Вишневецкій, прежній искатель прекрасной господаревны Домны; онъ зорко стерегъ своего соперника на Сочавскихъ валахъ; и въ одинъ день, когда храбрый гетманичъ распоряжался тамъ пушками, мѣткій ударъ ядра далъ ему смертельную рану. Тѣло Тимоша перевезено въ Чигиринъ, и погребено 27 декабря въ каменной Ильинской церкви, поставленной Богданомъ въ отцевскомъ селѣ его *Суботовѣ*.

§ 9. *О полку Черкаскомъ.*

Черкасы до гетманства Богданова были главнымъ городомъ козацкой Украины, по которому и козаки и самая Украина звались у Москвитянъ *Черкасами.* Черкаскій полкъ въ исходѣ 1649 года состоялъ изъ 18-ти сотень при слѣдующихъ сотникахъ:

а) *на правой сторонѣ Днѣпра.*

1) Сотня Черкаская полковая.
2) „ Шубцева—Фесько Шубецъ.
3) „ Петрашкова—Петро Сипадановичъ.
4) „ Драгилева—Андрей Драгиль.
5) „ Мошенцова—Степанъ Мошенецъ.
6) „ Маркова—Марко.
7) „ Лазарева—Лазарь Петровичъ.
8) „ Саварского—Мартынъ Саварскій,
9) „ Вовченкова—Фесько Вовченко.
10) „ Кулаковскаго—Степанъ Кулаковскій.

11) Сотня Островскаго—Александръ Островскій.
12) „ Микитина—Микита Трохимовичъ.
13) „ Савина—Сава Горкушенко.
14) „ Мо́шенская—Нестеръ Терещенко.

б) *на лѣвой сторонѣ Днѣпра.*

15) „ Богушкова—Ефимъ Кіаченко.
16) „ Золотоношская—Остапъ Заяцъ.
17) „ Домонтовская—Степанъ Цапко́.
18) „ Пѣщанская—Костя Федоровичъ.

Города и Мѣстечки.

Изъ предложеннаго списка сотень, большая часть которыхъ называлась тогда именами сотниковъ, видны въ *Черкащинѣ* только слѣдующія мѣста; а) на правой сторонѣ Днѣпра полковой городъ *Черкасы* и *Мошны*; б) на лѣвой *Домонтовъ, Пѣщана, Золотоноша* и *Богушковъ.* Изъ книги Большаго-Чертежа сюда относится слѣдующее мѣсто: «На Днѣпрѣ градъ *Долмантовъ*, а подъ нимъ пала рѣка Супой, на Московской странѣ; а по рѣкѣ, по Супою, въ верхъ 2 мили—градъ *Песчаная*, а ниже Долмантова на правой странѣ Днѣпра на рѣчкѣ, на Мошнѣ, отъ Днѣпра 3 версты—градъ Мошна Вишневецкаго; а ниже Мошенъ 4 мили на Днѣпрѣ градъ *Черкасы»*. Черкасы упомянуты и въ спискѣ русскимъ городомъ, относящемся къ концу 14 вѣка; что касается до древнерусского лѣтописанья, то изъ него сюда принадлежитъ только тотъ *Пѣсоченъ*, о которомъ говорится, что 1169 году (а по Кіевской лѣт: 1172 г). «прійде множество Половецъ, раздѣлившися на двое, одни придоша къ Переяславлю, и сташа у *Пѣсочна»*... Это скорѣе всего наша Супойская *Пѣщана.* Черкасы становятся извѣстны со временъ Гедимина, въ числѣ городовъ, присоединенныхъ имъ (около 1320 года) къ великому княжеству Литовскому. Изъ намѣстниковъ, управлявшихъ Черкасами до 16 столѣтія, вспомянемъ о *Свиридовѣ*, намѣстникѣ послѣдняго Кіевскаго князя Симеона Александровича (скончавшагося 1570 году); онъ мѣрилъ границу Литовскаго княжества отъ рѣки Морахвы до Тихой-Сосны.

Въ началѣ 16 столѣтія утвердилось *староство* Черкаское; и тутъ прежде всѣхъ памятенъ *Остафій Дашковичъ*, уроженецъ Овруцкій. Будучи намѣстникомъ Кричевскимъ, онъ въ 1504 году уходилъ въ Москву, послужить Іоану III-му; а въ 1508 году, воротясь на Днѣпръ, былъ сперва атаманомъ Запорожскихъ козаковъ, а потомъ старостою Черкаскимъ и Каневскимъ, до 1535 года; а его сподвижникъ *Предславъ Ланцкоронскій* полагается первымъ козацкимъ гетманомъ. Дашковичъ памятенъ, какъ первый распространитель козачества по Украинѣ и строитель Черкаскаго замка, извѣстнаго въ 1523 году сильною осадою отъ Сайдетъ Гирея, въ шатрѣ котораго тогда храбрый козацкій вождь пировалъ и мировую.

Пропуская имена *Пенька* (1539), Горностая (1544) и другихъ, мелькнувшихъ на староствѣ Черкаскомъ послѣ, мы вспомянемъ болѣе именитаго и знаменитаго старосту Черкаскаго, Каневскаго и Любецкаго, который съ 1569 года былъ притомъ и кастеляномъ Кіевскимъ: это князь *Михаилъ Александровичъ* Вишневецкій (сынъ Александра Михайловича, старосты Рѣчицкаго; кромѣ воинскихъ подвиговъ, сей князь замѣчателенъ какъ стяжатель огромнаго помѣстья на Украинѣ,— извѣстнаго подъ именемъ Вишневеччины и продолжавшагося до гетманства Богдана; служившій у сего Вишневецкаго князь *Евстафій Ивановичъ Ружинскій*, былъ также гетманомъ козацкимъ (передъ Иваномъ Свирговскимъ), а потомъ былъ онъ подвоеводымъ Кіевскимъ или намѣстникомъ Кіевскаго воеводы. Современникъ Хмельницкаго Бопланъ, въ описаніи Украины, говоритъ: «я видѣлъ Черкасы во всемъ ихъ блескѣ, когда они служили главнымъ оплотомъ для козаковъ; самъ гетманъ имѣлъ тамъ свое пребываніе, но мы сожгли сей городъ 18 декабря *1637* года, т. е. чрезъ два дни послѣ побѣды, одержанной нами надъ козаками». Бопланъ говоритъ о побѣдѣ, одержанной надъ гетманомъ Павлюкомъ подъ Кумейками, и въ тотъ годъ, прозванный на Украинѣ *Кумейскимъ рокомъ*, вмѣстѣ съ паденіемъ Черкасъ, произошелъ упадокъ и первобытнаго Украинскаго козачества; ибо хотя и возникали еще, вслѣдъ за *Павлюкомъ* молодой *Остряница* и горемычный *Полторакожуха*, и много отъ нихъ пролилось Польской крови,

но не въ пользу для козаччины. Вмѣсто гетмановъ назначались уже комиссары на Украину; подъ ними старшиновали въ козачествѣ: Переяславецъ *Ильяшъ Караимовичъ* и Черкаскій полковникъ *Иванъ Барабашъ*, недруги отчизны. Впрочемъ, чрезъ десять лѣтъ послѣ сожженія Черкасъ, загорѣлось возрожденіе гетманщины въ Богданѣ Хмельницкомъ. Въ декабрѣ 1647 года, имѣя уже въ своихъ рукахъ грамоты короля Владислава, затаенныя Барабашемъ, Хмельницкій скакалъ уже съ своимъ сыномъ на Запорожье, а оттуда въ Крымъ; и 19 апрѣля 1648 года, въ Запорожской Сѣчи, превозглашенъ былъ гетманомъ. А въ Черкасахъ между тѣмъ собиралось на него 23 тысячи Польскаго войска и 5 тысячъ козацкаго и 13 апрѣля двинулись къ Кодаку. Польское войско шло медленно при Днѣпрѣ, на Крыловъ; козаки, плывшіе Днѣпромъ, подъ начальствомъ Барабаша, опередили; и когда узнали они, что Хмельницкій уже близко, и увидѣли его самого на берегу, всѣ передались ему, предавъ Днѣпровскимъ волнамъ Барабаша съ его согласниками. Это было 24 апрѣля; а 8 мая произошла первая побѣда Богданова при Желтыхъ водахъ и козаки запѣли:

«Чи не той-то хмиль, що коло тычинъ вьеться?
Гей, тожъ той Хмельницкій, що зъ Ляхами бьеться!
Гей, выѣдавъ Хмельницкій и къ Жовтому броду:
Гей, не одинъ Ляхъ лежить головою въ воду»!....

Монастыри въ Черкащинѣ.

1) Надъ рѣчкою Ирдинемъ, (которая въ предыдущіе вѣка звалась *Ердономъ*, былъ издавна монастырь *Ирдинскій—Успенскій*. Въ гетманство Хмельницкаго, по универсалу его, данному въ Чигиринѣ 1656 года 20 Сентября, сей монастырь, при игуменѣ своемъ *Герасимѣ Ивашковскомъ*, устроился вновь, на нынѣшнемъ мѣстѣ, надѣленный отъ гетмана хуторами и землями. По своимъ виноградникамъ онъ еще называется *Виноградскимъ*.

Монастырь *Мошногорскій Вознесенскій* или *Мошенскій*, весьма давній; но его документальная исторія начинается не ранѣе 1671 года, когда здѣшніе монахи начали строить еще новый *Петро-Павловскій* монастырь, верстахъ въ четырехъ отъ Вознесенскаго, на мѣстѣ, называемомъ нынѣ Монастырищемъ.

Полковники Черкасскіе.

1) Послѣ убіенія Черкаскаго полковника и вмѣстѣ генеральнаго эсаула, Ивана Барабаша (въ Апрѣлѣ 1848 года) правилъ этимъ полкомъ козакъ *Марко*, бывшій потомъ сотникомъ особой сотни, именовавшейся Марковою сотнею.

2) *Яско Ворончснко*, извѣстный на здѣшнемъ полковничествѣ отъ начала 1649 года; въ 1651 году онъ перемѣстился на полковничество Прилуцкое, а на Черкаскомъ былъ *Худый*. Въ 1653 году Ясько опять сталъ полковникомъ Черкаскимъ. Въ тѣ поры Хмельницкій, отправивъ девяти тысячный казацкій отрядъ въ Молдавію съ Тимошомъ, снаряжалъ вновь туда-же большое козацкое ополченіе. Противъ этого были многіе полковники, особенно Черкаскій, сказавшій гетману: «треба намъ за себе стояти и свою землю обороняти!» У гетмана же въ тѣ поры было подпито, и онъ за такую рѣчь Яська, ранилъ его въ лѣвую руку саблею. Въ послѣдствіи этотъ старый и храбрый полковникъ былъ войсковымъ эсауломъ (1658).

3) На Бѣлоцерковскомъ договорѣ въ 1651 году подписанъ Черкаскій полковникъ *Баранъ Худый* (см: Памятн. Кіевск. Ком. т. II).

Вѣрно ли прочитано это имя въ подлинникѣ?

4) На мѣсто Воронченка (1658) поступилъ черкаскимъ полковникомъ *Ѳедоръ Джулай*, какъ извѣстно мнѣ изъ современныхъ записей, въ томъ числѣ изъ жалобы на него Ивана Мировича, зятя Джеджелѣева, въ 1658 году.

5) *Андрей Одинецъ*, извѣстный въ 1659 и въ 1660 (въ Переясловскомъ договорѣ 1659 г. ошибочно названъ «Овиневъ»).

6) *Михайло Гамалья*, поставленъ въ полковники съ Русской стороны, при взятіи Черкасъ 1662 года (лѣтоп. Самов).

7) *Петро Дорошенко*, бывшій полковникъ Прилуцкій, выбранъ въ началѣ 1666 года въ гетманы изъ полковниковъ Черкаскихъ (Величко т. II стр. 95). Дальнѣйшее полковничество Черкаское остается еще неизвѣстнымъ.

§ 10. О полку Каневскомъ.

Каневскій полкъ въ исходѣ 1649 года состоялъ *изъ 16 сотенъ* при слѣдующихъ сотникахъ:

1) Сотня Полковая Каневская [1])
2) „ Стародубова.—Иванъ Стародубъ.
3) „ Волынцова.—Павелъ Волынецъ.
4) „ Кулагина.—Якимъ Кулага.
5) „ Богданенкова.—Феско Богданенко.
6) „ Гунина.—Федоръ Гуняка.
7) „ Рощенкова.—Петро Рощенко.
8) „ Климова.—Климъ Малашенко.
9) „ Ефимова.—Ефимъ Рощенко.
10) „ Андрѣева.—Андрѣй.
11) „ Межирицкая.—Супрунъ Михайловичъ.
12) „ Трехтимировская.—Цепковскій.
13) „ Иржищевская.—Чугунъ.
14) „ Стояцкая.—Тарасъ Шереметъ.
15) „ Михайловская.—Данило Ефимовичъ.
16) „ Масловская.—Семенъ Евлашенко.

Города и Мѣстечки.

Изъ предложеннаго списка сотень, при полковомъ городѣ Ка́невѣ видны только: *Михайловка́*, *Межи́рѣчье*, *Масловка*, *Терехтемировъ*, *Иржищевъ* и *Стайки*; а прочія мѣста не видны, по названію ихъ сотень именами сотниковъ.

Изъ нихъ въ древне рускомъ лѣтописаньи вспоминаются города: *Каневъ*, *Михайловъ*; да сюда же къ Каневщинѣ принадлежитъ *Зарубъ* (нынѣ село *Зарубинцы*) съ знаменитымъ *Зарубскимъ бродомъ*, черезъ который въ Іюлѣ 1096 года переправлялся Мономахъ, на побѣду Тугоркона подъ Переяславомъ; а въ 1223 году три князя Мстислава—«то бо бяху старѣйшины въ Руской земли; и совокупивше землю Рускую всю противу Татаромъ, и прійдоша къ рѣцѣ Днѣпру на *Зарубъ* къ острову Варежскому».

Городъ *Каневъ* въ половинѣ 12 вѣка становился средоточіемъ Поросья. Юрій Долгорукій, по занятію Кіевскаго престола въ 1149 году посадилъ на княженіе въ Каневѣ сына своего *Глѣба*; а по второмъ занятіи Кіевскаго престола

[1]) Въ сей сотнѣ между старшиною въ реестрахъ записанъ эсаулъ Богданъ Шабельниченко, а между рядовыми казаками: Иванъ Богунъ.

въ 1155 году, онъ отдалъ Поросье сыну своему *Васильку*. Передъ тѣмъ, юрьевскій епископъ Демьянъ называется «въ 1154 году епископомъ Каневскимъ»; не была ли тогда Юрьевская эпархія временно въ Каневѣ, при церкви св: Георгія, заложенной 1144 года Всеволодомъ Ольговичемъ. Подъ конецъ 14 вѣка по повелѣнію Витовта, Каневъ былъ укрѣпленъ замкомъ, который вновь отстроенъ былъ, въ первые годы 17 столѣтія, Каневскимъ старостою, князсмъ *Янушемъ Константиновичемъ Острожскимъ* († 1620 году). Потомъ старостою Каневскимъ былъ князь *Іеремія Вишневецкій*, воевода Русскій, послѣдній владѣтель Украинной Вишневеччины, первенствовавшій въ войнѣ съ Хмельницкимъ († 1651 году).

Городъ *Михайловъ*, поставленный на Роси, вѣроятно Михалькомъ Юрьевичемъ, былъ мѣстопребываньемъ удалого на Половцевъ князя *Василька Ярополчича;* но его здѣсь осадилъ въ 1172 году Глѣбъ Юрьевичъ съ Ростиславичами «и городъ его пожгоша, и греблю роскопаша». Книга Большого Чертежа называетъ намъ на Днѣпрѣ: «градъ *Стайки*..., градъ *Иржищевъ*.... градъ *Ходоровъ*, а ниже Ходорова градъ *Трехъ-Темиревъ* козацкій, а ниже Трехтемирова съ Литовской страны на Днѣпрѣ градъ *Каневъ*.. а отъ Канева близъ по Днѣпру градъ *Дубковъ* (т. е. Бубновъ!) на Московской сторонѣ Днѣпра».

У Боплана, между прочимъ, показанъ Каневъ «съ весьма древнимъ замкомъ». Древность его относится ко времени великаго князя Витовта. Вновъ построенъ былъ Каневскій замокъ, въ первые годы 17 вѣка, Каневскимъ старостою кн. Янушемъ Константиновичемъ Острожскимъ.

Монастыри.

1) *Каневскій Успенскій* монастырь, памятный въ 16 вѣкѣ погребеніемъ, казненнаго во Львовѣ гетмана Подковы (Серпяга), монашествомъ его *друга* гетмана *Шаха* (около 1578 года).

Изъ игуменовъ 17 вѣка достопамятенъ Макарій *Токаревскій,* Архимандритъ Овруцкій, игуменъ Пинскій, Купятицкій,

Каневскій [1]). Онъ принялъ мученическую кончину отъ Татаръ при разореніи Канева и монастыря, въ Сентябрѣ 1678 года [2]). Мощи его перенесены казаками 1688 года въ Переяславъ, гдѣ и находятся понынѣ. Вспомянемъ здѣсь еще объ одномъ изъ прежнихъ Каневскихъ полковниковъ, козакѣ, *Сѣмашкѣ*, который далъ монастырю Каневскому сѣножать, поле и млынъ при селѣ Пекаряхъ, находящемся при устьѣ Роси, гдѣ нѣкогда стоялъ бѣдовый городъ *Роднія*, извѣстный Владиміровою осадою брата Ярополка.

2) *Трехтемировскій Успенскій* монастырь, подаренный козакамъ вмѣстѣ съ городомъ Терехтемировымъ, отъ Стефана Баторія, 1576 года. Запорожцы называли сей монастырь своимъ *шпиталемъ*, т. е. больницею. Къ нему принадлежала рѣка Самара, которую козаки звали святою рѣкою. (На ней при впаденіи Самарки, на острову, былъ монастырь *Пустынно-Никольскій Самарскій*, который по разореніи Трехтемировскаго въ 1678 году, приписался, вмѣстѣ съ Запорожскою Сѣчью, подъ начало Межигорскаго монастыря). Въ генварѣ 1621 г, въ Трехтемировскомъ монастырѣ, его архимандритъ *Іезекіилъ Курцевичъ*, посвященъ былъ на епископство Владимірское и Берестейское, патріархомъ Ѳеофаномъ, возвращавшимся изъ Кіева, гдѣ онъ возстановилъ православную митрополію Кіевскую, посвященіемъ Іова Борецкаго въ митрополиты 1620 г. Изъ послѣдующихъ Трехтемировскихъ игуменовъ извѣстенъ *Антоній Калишевичъ* (1634 г.). Въ позднѣйшемъ (Ермолаев-

---

1) Такъ онъ собственноручно подписался на принадлежавшей ему книгѣ «Бесѣды Іоанна Златаустаго» 1623. Для соображенья припомню изъ Діаріуша св: Димитрія Ростовскаго: «1678. Авг. 3. отецъ Ѳеофанъ Креховецкій *архимандритъ Овруцкій* также прибылъ въ Слуцкъ». На Переяславскихъ статьяхъ 1660 подписался *Кобринскій архимандритъ* игуменъ Каневскій Іовъ Заіончковскій, а по немъ игуменомъ Каневскимъ былъ Сильвестръ, 1666 года.

2) Этотъ годъ кончины показанъ въ географическомъ словарѣ; въ сентабрѣ того года, по взятіи и разореніи Чигирина Турками, говоритъ лѣтопись Самовидца: «тогожъ часу отступивши отъ нашего войска, часть войска Турецкаго и Татарскаго, пошовши зъ Яненкомъ подъ Каневъ, и Каневъ достали, и вырубали людей, и Каневъ спалили и монастырь, гдѣ у церкви Мурованой много люду подушили огнемъ Турки». Въ житіи позднѣйшаго сочиненія, нападеніе Татаръ на Каневъ и кончина преподобнаго Макарія показаны 7 сентабря, 1653 года. Но въ это время со всей Украины и Запорожья шли козацкіе войска въ Чигиринъ, куда и Татарское войско съ Ханскимъ сыномъ пришло въ помочь Хмельницкому, для похода на Поляковъ къ Жванцу; и нападеніе Татарское на Каневъ не могло быть тогда, возвращавшіеся изъ Польши и Полѣсья Татары, ставши въ разрывъ съ козаками, произвели грабежи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заднѣпровской Украины; но и тогда они не могли касаться Канева.

скомъ) спискѣ Кіевской лѣтописи, къ словамъ ея (1147 г.) «поставя Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ *Заруба*» прибавлено: гдѣ теперь монастырь Трехтемировскій [1]). Но это примѣненіе выше помянутаго *Заруба*, пониже Трехтемирова находящагося, напрасно; въ лѣтописи рѣчь о *Смоленскомъ Зарубѣ*, селѣ княжны Рогнѣды Мстиславовны, гдѣ скончался братъ ея великій князь Кіевскій Ростиславъ, 1168 года.

3) Монастырь *Иржищевскій Преображенскій* извѣстный отъ начала 17 вѣка, и по разоренію его въ 1678 г., отданный Кіево-Софійскому монастырю для возобновленія.

Каневскіе полковники.

1) Въ началѣ 1649 года упоминается у Коховского Каневскій полковникъ Кутакъ (Kuthak Кутахъ)? Не будетъ ли это Гулакъ?

2) Со времени Зборовскаго дѣла, т. е. съ половины 1649 г. Каневскимъ полковникомъ былъ *Семенъ Савичъ*. Въ 1651 году онъ ѣздилъ въ Москву посломъ отъ гетмана; потомъ былъ онъ въ походѣ на поляковъ, и убитъ въ сраженьи на рѣкѣ Серетѣ, 14 мая 1651 года.

3) Не знаю, кто былъ его преемникомъ; и затѣмъ на Каневскомъ полковничествѣ извѣстенъ *Иванъ Лизогубъ* въ 1659—1661 г.

4) *Степанъ Трощенко*, упоминается въ 1660 году.

5) *Иванъ Дмитренко*, извѣстенъ мнѣ въ 1663 году изъ фамильныхъ актовъ рода Прохоровичевъ.

6) *Яковъ Лизогубъ*, жалованный Царскою грамотою 1667 г. 3 февраля въ Русскіе дворяне, потомъ былъ генеральнымъ эсауломъ (1674 года).

---

[1]) Сдѣлавшій эту прибавку къ лѣтописи, не встрѣчалъ ли упоминаніе о *Зарубскомъ монастырѣ святое Пречистое*, вовсе позабытомъ въ бытописаніи Кіева! Но этотъ монастырекъ, еще въ началѣ 17 вѣка бывшій съ однимъ только сторожемъ — монахомъ, находился подъ Кіевомъ, въ той же сторонѣ его, гдѣ былъ нѣкогда и древній монастырь *Гнилецкій*; и я полагаю, что онъ былъ не вдалекѣ отъ *городища Китаевскаго* (въ которомъ, говорятъ, былъ нѣкогда увеселительный дворецъ князя Китая, т. е. Андрѣя Боголюбскаго; а по моему соображенію, чуть ли не былъ тамъ сторожевой Кіевскій городокъ *Пересѣченъ*, упоминаемый 1154 года, при которомъ находился и порубъ или погребъ пересеченскій, извѣстный заключеніемъ въ немъ новогородцевъ, 1161 года и, можетъ быть, тотъ давній монастырекъ *Зарубскій* былъ тамъ, гдѣ въ началѣ прошлаго столѣтія устроилась пустынь Китаевская.

7) *Иванъ Гурскій*, извѣстный въ 1672—1674 годахъ.

8) *Давидъ Пушкаренко*, дѣйствовавшій въ Чигиринскую войну въ 1677—1678 годахъ.

§ 11. О полку Корсунскомъ.

Корсунскій полкъ въ исходѣ 1649 года состоялъ изъ девятнадцати сотень, при слѣдующихъ сотникахъ:

1) Сотня Полковая Корсунская [1].
2) „ Горкушина.—Остапъ Ярошенко.
3) „ Вергуненкова.—Василь Горкуша.
4) „ Демкова.—Демко Прутильчичъ.
5) „ Ивахниченкова.—Мисько Ивахниченко.
6) „ Бажаненкова.—Марко Бажаненко.
7) „ Тулюпенкова.—Герасимъ Тулюпенко.
8) „ Курйшкова.—Курйшко.
9) „ Корчовская.—Данило Корчовскій.
10) „ Костенкова.—Фесько Костенко.
11) „ Герасименкова.—Семенъ Герасименко.
12) „ Имглѣевская.—Мартынъ.
13) „ Максима Городискаго.—Максимъ Кулѣй.
14) „ Ярутина.—Ярута.
15) „ Лйсянская.—Яцко Губиненко.
16) „ Демковая.—Демко Якимовичъ.
17) „ Гавриленкова.—Гринецъ Гавриленко.
18) „ Ольшанская.—Кондратъ Свиридовичъ.
19) „ Ситницкая.—Грицко Воробѣенко.

Города и Мѣстечки.

Изъ предложеннаго списка сотень, въ Корсунскомъ полку видны только: полковой городъ *Корсунь*, село *Ситники*, *Городище*, *Ольшана*, *Имглѣевъ*, (или Мглѣевъ) и *Лйсянка*.

Корсунь, встрѣчаемый въ лѣтописяхъ съ 1169 года, справедливо полагается въ числѣ городовъ, которые великій Ярославъ строилъ по Роси, когда онъ 1031 года сажалъ здѣсь полоненныхъ имъ Ляховъ (о которыхъ Несторъ говоритъ: «и суть до сего дне»).

[1]) Между козаками сей сотни въ реестрѣ записаны: *Иванъ Гуляницкій*, *Иванъ Золотаренко*, *Петро Дорошенко* (другой) и *Тимошъ Филоненко*.

Въ «спискѣ Русскимъ Городамъ» значится: «а се кіевскіе городы: на Рши *Дверенъ*, *Корсунь*», этотъ древній городъ Дверенъ на Роси, отданный 1192 года Торцкому князю Кундувдѣю, я полагаю, есть тоже, что и городъ *Дерновой*, въ которомъ 1146 года соединилось все Поросье подъ знамя Изяслава Мстиславича, князя Переяславского, и откуда онъ пошелъ на княженіе Кіевское, по призванію Кіянъ. Этотъ городъ —нынѣшнее село *Деренковецъ*, на правомъ берегу Роси, ниже Корсуня.

Древній Корсунь былъ вновь построенъ и укрѣпленъ, стараніемъ князя Михаила Вишневецкаго около 1580 года, по грамотамъ Короля Баторія. Тутъ устроенъ былъ замокъ; поселившимся мѣщанамъ да́но право Магдебурское; установлено староство, и козацкій полкъ. Въ гетманство Сагайдачнаго въ 1616 году считалось въ Корсунѣ 1300 казацкихъ дворовъ.

Въ маѣ 1648 года, когда оставшіеся въ Черкасахъ гетманы: Николай Потоцкій и Мартынъ Калиновскій, послышавъ о побѣдѣ Желтоводской, отодвинулись къ Корсуню, здѣсь атаковалъ ихъ 15 мая Максимъ Кривоносъ. На другой день поспѣшили они въ Богуславъ, и попали въ западню, которую въ ту ночь Хмельницкій, не вѣдомо для нихъ, устроилъ перешедши имъ дорогу. Онъ велѣлъ перекопать дорогу широкимъ рвомъ, въ глубокомъ и топкомъ яру, противъ села Сотниковъ: и здѣсь-то 16 мая произошло пораженіе Поляковъ, извѣстное подъ именемъ побѣды Корсунской. Городъ *Лисянка*, родина Михайла Хмельницкаго, отца Богданова, былъ вновь устроенъ, укрѣпленъ воеводою Иваномъ Даниловичемъ по грамотѣ короля Жигимонта III-го, данной 1622 года, которою мѣщанамъ Лисянскимъ дано было право Магдебурское. По возрожденіи козаччины Лисянское староство, вмѣстѣ съ Корсунскимъ, обращено было на войсковую гармату (артилерію).

Монастыри.

1) *Корсунскій Онуфріевскій* монастырь. Въ «Краткомъ историческомъ извѣстіи о монастыряхъ Кіевской митрополіи» (помѣщенномъ въ *полномъ мѣсяцесловѣ* Кіевскомъ 1845 г.) сказано, что сей монастырь «основанъ нѣкоимъ Григоріемъ

Гуляницкимъ, съ дозволительнаго универсала 1707 г. гетмана Мазепы». Но въ этомъ универсалѣ, данномъ 1707 года 1 октября въ Печерскѣ сказано: «ознаймуемъ, ижъ превелебный въ Богу отецъ Гедеонъ Волскій, игуменъ монастыря Пустынно-Корсунского съ братіею, маючи у себя старинныи права и антецессоровъ нашихъ прошлыхъ гетмановъ подтвержательніи универсалы на розніи добра, кгрунта и угодія одъ розныхъ побожныхъ особъ и христолюбивыхъ дателей монастыреви оному легкованныи и наданія, въ полкахъ Корсунскомъ и Богуславскомъ будучіи, именно: на островъ, прозываемый Валковскій, на которомъ и монастырь тотъ стоитъ, съ озерами, съ ступами водными, съ ставомъ, именуемымъ Гарбузнымъ, съ трома лѣсами, сѣножатми и зъ селищемъ Мліовщиною, отъ блаженной памяти Григорія Гуляницкого, ктитора и фундатора онаго монастыря наданный, въ селѣ Шинкгирѣевцѣ на ставъ зъ млинами, лѣсомъ, садомъ и полемъ пахатнымъ, надъ рѣчкою Каменкою лежачимъ, отъ славной памяти пана Сагайдачного войскъ Запорозкихъ гетмана наданный же; на три гребли на рѣкѣ Роси недалеко отъ Корсуня съ прочимъ кгрунтомъ, до оныхъ належнымъ, будучіи на два пляци въ мѣстѣ Корсунѣ и на третій за мѣстомъ, гдѣ прежде броваръ съ солодовнею стоялъ, лѣжачій надъ рѣчкою Корсункою; на ставъ съ лѣсомъ сѣножатьми и полемъ пахатнымъ въ селѣ Ситникахъ, надъ тою жъ рѣчкою Корсункою будучими, на три ставы прозываемыи Бакумовскія; на ставъ подъ Деренкувцемъ...» и т. д. Отсюда ясно видно, что Корсунскій монастырь существовалъ въ первой четверти 17 вѣка, въ гетманство достопамятнаго поборника православія, Петра Сагайдачнаго; и по преданію, онъ находился тогда при самомъ городѣ, на одномъ изъ тѣхъ каменистыхъ островъ рѣки Роси, которые нынѣ красуются садомъ и домомъ князя Лопухина. А на Валковскій островъ перемѣстился монастырь уже въ гетманство Хмельницкаго, когда *Григорій Гуляницкій* записался съ своими братьями въ козаки полковой Корсунской сотни, и подарилъ монастырю этотъ Волковый островъ съ озеромъ Гарбузнымъ, по которому и монастырь зовется въ народѣ *Гарбузинскимъ*, а по своему фунда-

тору онъ называется еще *Гуляницкимъ*. Извѣстно исторически, что Григорій Гуляницкій, въ 1652 году подпалъ было гнѣву гетмана Хмельницкаго (вмѣстѣ съ Гладкимъ и Хмелецкимъ, которые были казнены), и укрылся онъ тогда въ этомъ монастырѣ на острову Валковскомъ; но потомъ Богданъ перемѣнилъ свой гнѣвъ къ нему на милость; и Гуляницкій въ исходѣ 1653 года былъ посланъ отъ него въ Москву.

2) *Лисянскій Троицкій* монастырь, извѣстный въ гетманство Хмельницкаго, существовалъ еще и во второй половинѣ 18 столѣтья.

Полковники Корсунскіе.

1) Первымъ Корсунскимъ полковникомъ въ гетманство Богданово былъ *Шингирей* въ началѣ 1648 года.

2) *Лукьянъ Мозыра*, бывшій въ іюлѣ 1648 года вмѣстѣ съ Весиякомъ и Григорьемъ Бовдыремъ въ козацкомъ посольствѣ на погребеніи Владислава IV-го; въ 1651 году, послѣ Бѣлоцерковскаго мира, онъ выбылъ изъ Корсунскаго полка, и весною слѣдующаго года на лѣвой сторонѣ Днѣпра, вмѣстѣ съ козакомъ Бугаемъ, верховодилъ онъ украинцами, бушевавшими противъ Польскихъ жолнѣровъ, которые, зимуя въ Нѣжинскомъ полку, подъ начальствомъ Войниловича, производили разныя неистовства. И въ одну ночь побито ихъ было до двадцати тысячъ. Тарасова ночь подъ Переяславомъ была *суботкою* для Поляковъ; а эта ночь прослыла *Четверенькою:*

«То вже изъ куреневъ по три по чотыри вставалы,
До дрючковъ и до оглобель хватали,
И панôвъ Ляхôвъ,
Такъ якъ кабанôвъ,
У ночку у четвереньку заганяли».

За это нападеніе на Поляковъ Мозыра былъ казненъ (1652 г). по приказанію Хмельницкаго, желавшаго настоять на исполненіи статей Бѣлоцерковскаго договора, не смотря на народный протестъ противъ этого договора.

У Коховскаго полковникъ этотъ названъ и *Мозырою* и *Мрозовичемъ*, отчего и у нашего лѣтописца Грабянки, кромѣ *Мозыры*, является еще и *Морозъ*, которыхъ однако не слѣдуетъ принимать за два лица и пріурочивать къ этому Корсунскому полковнику и пѣсеннаго героя *Морозенка;* тотъ самъ по себѣ, и, я думаю, не другой кто, какъ *Нестеръ Морозенко*, принадлежавшій къ полковой старшинѣ Кропивянской.

3) На Корсунскомъ полковничествѣ послѣ Мозыры былъ *Григорій Гуляницкій*, бывшій послѣ Ивана Золотаренка полковникомъ Нѣжинскимъ.

4) *Тимофей Носачъ*, прежній полковникъ Прилуцкій, бывшій потомъ войсковымъ обознымъ.

Богданъ Хмельницкій, овдовѣвшій въ маѣ 1651 года и проигравшій въ іюнѣ дѣло Берестецкое, женился съ горя въ іюлѣ мѣсяцѣ въ третій разъ, на дочери знатнаго Корсунскаго козака Никифора Золотаренка, котораго сыновья: *Иванъ* и *Васюта* служили въ товариствѣ Корсунской полковой сотни. Въ сентябрѣ, когда пріѣзжалъ къ Хмельницкому Маховскій для переговоровъ, гетманъ говорилъ ему шутя: «колибъ и панъ Краковскій оженился какъ я, то у насъ отъ такого дѣла скорѣе сталъ бы миръ; ибо тогда и онъ и я журились бы за жонками; а пока будемъ мы вдовцами, намъ охотнѣе будетъ воевать, чѣмъ сидѣть спокойно».

Анна Никифоровна Хмельницкая, оставшись вдовою, была инокинею Анастасіей. Постриглась она въ 1671 году, какъ видно изъ Печерскаго помянника.

5) Въ 1659 году Корсунскимъ полковникомъ былъ *Яковъ Петренко.*

6) Въ 1660 году упоминается наказной полковникъ *Самойло Сухопаренко.*

7) *Яковъ Улеско (Влещенко)* былъ на Корсунскомъ полковничествѣ съ 1660 и въ 1664 годахъ. Въ послѣдствіи онъ былъ генеральнымъ судьею (1679 г.).

8) Въ 1662 году упоминается Корсунскій полковникъ *Григорій Гуляницкій.*

9) *Михайло Соловей*, именуемый также (у Рубана) и *Рославцемъ,* онъ упоминается въ 1672 — 1674 годахъ.

10) *Григорій Шійко*, упоминается въ 1674 году.

11) Въ 1675 году извѣстенъ *Андрѣй Кандыба*, передавшійся на Русскую сторону, служившій впослѣдствіи въ канцеляріи Мазепы. Выпущенный изъ Москвы 1715 года, онъ служилъ въ разныхъ походахъ и, въ гетманствѣ Апостола, въ 1729 году, былъ генеральнымъ судьею.

12) Украинская дума объ Иванѣ Коновченкѣ называетъ намъ Корсунскаго полковника *Филоненка;* относя думу къ 1684 году, я полагаю, что полковникъ этотъ былъ *Тимошъ Филоненко*, бывшій въ гетманство Богданово козакъ сотни Корсунской.

13) *Захарій Искра* 1685—1705, извѣстенъ какъ сподвижникъ Самуся и Палѣя въ возстановленіи козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Послѣ паденія Палія онъ подчинился Мазепѣ, упоминается послѣдній разъ въ 1705 году.

О полку Лисянскомъ.

Сей полкъ, не долго бывшій въ началѣ гетманства Богдана, отдѣлился и подъ конецъ онаго отъ полка Корсунскаго; а *полковникомъ Лисянскимъ* былъ вышепомянутый сотникъ *Демко Якимовичъ*. О томъ свидѣтельствуетъ собственоручная надпись этого полковника, на напрестольномъ Евангеліи, данномъ отъ него *1657* года въ Лисянскій Троицкій монастырь (существовавшій и въ 70-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія). Нынѣ евангеліе сіе, львовской печати 1636 года принадлежитъ Мгарскому Лубенскому монастырю.

§ 12. О полкахъ Бѣлоцерковскомъ и Паволоцкомъ.

Бѣлоцерковскій полкъ въ октябрѣ 1649 года не былъ еще распредѣленъ вновь на сотни, и козачество этого, въ то время обширнаго, полка въ книгѣ реестровъ было вписано безъ раздѣленія на сотни; а съ 1651 года этотъ полкъ опять былъ раздѣленъ на два: *Бѣлоцерковскій* и *Паволоцкій*.

Изъ какихъ сотенъ состояли они, объ томъ до времени, въ моемъ обозрѣніи, остается значительный пробѣлъ......

Города и мѣстечки.

Кромѣ полковыхъ городовъ: *Бѣлой Церкви* и *Паволочи*, назовемъ здѣсь: *Богуславъ*, *Хвастовъ*, *Ольховецъ*, *Антоновъ*, *Петигоры*, м. *Торчицу*, м. *Сквиру*, *Ходорковъ*, *Брусиловъ*. Бѣлая—Церковь становится извѣстною съ 16 столѣтія, и особенно съ 1550 года, когда Кіевскій воевода князь Пронскій построилъ здѣсь крѣпкій замокъ. Послѣ побѣды Корсунской гетманъ Хмельницкій семь недѣль стоялъ обозомъ подъ Бѣлою-Церковью, разославъ во всѣ концы Украины 60 списковъ своего перваго универсала, по которому и собралось къ нему сюда болѣе 40 тысячъ новаго козацкаго войска.

Полагаютъ, что Бѣлая—Церковь есть древній городъ *Юрьевъ*, который былъ поставленъ на Роси В. Кн. Ярославомъ во свое христіанское имя, и при которомъ съ половины 11-го вѣка и до нашествія Батыева была епархія Юрьевская или Пороская.

Къ тому же времени, конечно, отнести должно и построеніе города *Богуслава* на Роси, который 1195 года, вмѣстѣ съ городами: Торцкимъ, Корсунемъ, Каневомъ и Триполемъ, вытребовалъ себѣ Всеволодъ Суздальскій у Рюрика Кіевскаго. Въ исходѣ 16 вѣка (1589 года) Богуславъ былъ вновь устроенъ и укрѣпленъ княземъ Янушемъ Острожскимъ.

По древности замѣчателенъ еще *Торческъ* или *Торцкій* (нынѣ село Торчица), такъ названный по имени обитавшихъ здѣсь Торковъ. Онъ извѣстенъ въ лѣтописаньи 1093 года, когда былъ осажденъ Половцами, въ тяжкую для Руси войну съ ними князя Святополка. Во второй половинѣ 12 и въ 13-мъ вѣкѣ Торческъ былъ главнымъ городомъ Поросья, и въ немъ были удѣльные князья, начиная съ *Михаила Юрьевича* (въ 1172 г.) и до Пороскаго князя *Юрья*, вспоминаемаго Волынскою лѣтописью въ 1189 году.

Городъ Юрьевъ значится еще и въ «спискѣ Русскимъ городамъ» (14 вѣка).

Для древне-руской географіи, въ этомъ участкѣ Украины памятны еще: *Володаревъ* 1150 г. (нынѣ село *Володарка*); Ярополчь, 1610 г. (нынѣ село *Яроповицы*); *Товарый*—1190 г.

Брусиловъ, упоминаемый въ грамотѣ Андрея Боголюбскаго Печерскому монастырю, 1159 года (къ сожалѣнію, извѣстной уже по редакціи *16 вѣка*, съ очевидными анохронизмами). Но для нашего обозрѣнія важнѣе полковой городъ *Паволочь*; въ первую четверть 16 вѣка принадлежалъ онъ Остафію Дашковичу, и отъ него укрѣпленъ замкомъ.—Тутъ въ іюнѣ 1651 года, Богданъ Хмельницкій послѣ Берестечка собиралъ вновь козацкое войско и остатки подвижниковъ Берестецкихъ.

Монастыри.

Богуславскій монастырь того времени во имя *Рождества Богородицы* находился верстахъ въ трехъ отъ нынѣшняго, въ лѣсу, на томъ мѣстѣ, которое зовется *Монастырищемъ*. (А нынѣшній монастырь, надъ самою рѣкою Росью, на каменистомъ холму, окруженномъ съ прочихъ сторонъ оврагомъ, поставленъ Богуславскимъ полковникомъ *Самуиломъ Самусемъ*, въ началѣ *прошлаго* столѣтія, тоже во имя *Рождества Богородицы*. Съ половины столѣтія онъ занятъ былъ уніатами, но въ *1768* году опятъ сталъ православнымъ Николаевскимъ монастыремъ).

Полковники Бѣлоцерковскіе.

1) Первымъ Бѣлоцерковскимъ полковникомъ при Хмельницкомъ былъ *Гира*, извѣстный въ 1648 г. и первой половинѣ 1649 года.

2) Преемникомъ полковника *Гиры*, въ половинѣ 1649 года былъ *Михайло Громыка*. Въ сентябрѣ 1651 года, когда происходили здѣсь такіе тревожные и боевые переговоры о мирѣ, Громыка былъ однимъ изъ главнодѣйствующихъ лицъ, онъ видѣнъ здѣсь еще и въ 1652 году.

3) Послѣ него не долго былъ Бѣлоцерковскимъ полковникомъ *Семенъ Половецъ*, какъ видно и изъ его подписи на евангеліи, наданномъ отъ него 1654 году «до храму святого Преображенія въ мѣстѣ Бѣлой-Церкви» (это евангеліе, Львовской печати 1636 года, видѣлъ я 1849 года въ Батуринской церкви) [1].

---

[1]) Тамъ же есть евангеліе отъ Павла Фроловича Головатого, 1775 г. 1 сентября.

4) Преемникомъ его былъ *Иванъ Кривченко*, бывшій 1649 г. асауломъ сего полка. Въ августѣ 1659 г. посылалъ его гетманъ Выговскій въ Москву. При избраніи Юрася въ октябрѣ сего же года онъ былъ вмѣстѣ и войсковымъ судьею.

5) 1660 г. упоминается Бѣлоцерковскимъ полковникомъ *Данило*, неизвѣстный по фамиліи.

6) Въ 1672—74 годахъ служилъ полковникомъ Бѣлоцерковскимъ *Стецько Бутенко*, прежній полковникъ Паволоцкій.

7) Съ 1685 года извѣстенъ здѣсь *Семенъ Палѣй*, уроженецъ Борзенскій. Такъ какъ до 1702 года Бѣлоцерковская крѣпость занята была польскимъ гарнизономъ, то Палѣй жилъ въ Хвастовѣ, почему и назывался *Хвастовскимъ* полковникомъ. Въ 1702 году Палѣй овладѣлъ наконецъ Бѣлою Церквою, но въ 1704 г., по извѣтамъ Мазепы, сосланъ былъ Петромъ I въ Сибирь, откуда возвращенъ весною 1709 г. въ званіи «Охочекомоннаго Бѣлоцерковскаго полковника».

8) Послѣ ссылки Палѣя назначенъ былъ Мазепою въ Бѣлоцерковскіе полковники его родственникъ *Михайло. Омельяновичъ* или *Омельченко*. Въ апрѣлѣ 1709 года онъ смѣненъ гетманомъ Скоропадскимъ и мѣсто его занялъ опять Палѣй.

9) Послѣ смерти Палѣя Бѣлоцерковскимъ полковникомъ назначенъ Скоропадскимъ *Антонъ Танскій*, оставшійся въ этой должности до упраздненія Бѣлоцерковскаго полка въ 1712 году, вслѣдствіе Прутскаго договора. Танскій тогда былъ переименованъ въ полковники Кіевскіе.

Полковники Паволоцкіе.

1) По отдѣленіи Паволоцкаго полка отъ Бѣлоцерковскаго въ 1651 году, первымъ полковникомъ его былъ *Иванъ Куцевичъ-Минковскій*, подписавшійся на договорѣ Бѣлоцерковскомъ.

2) Въ 1658 г. упоминается Паволоцкій полковникъ *Михайло Суличичъ*.

3) *Иванъ Богунъ*, знаменитый полковникъ Винницкій, извѣстенъ на полковничествѣ Паволоцкомъ въ 1657—60 годахъ. Въ 1663 году онъ былъ за наказного гетмана, но въ слѣдующемъ году за невѣрность королю, осаждавшему Глуховъ, разстрѣлянъ (см. лѣтоп. Ерлича II. 90).

4) *Иванъ Поповичъ*, уроженецъ Ходорковскій, бывшій полковникомъ, а потомъ ставшій священникомъ, но, вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ 1663 года, опять сталъ полковникомъ и произвелъ возмущеніе противъ Поляковъ, за что и казненъ мучительно гетманомъ Тетерею.

5) *Стецько Кутенко*, извѣстный на здѣшнемъ полковничествѣ 1670 года, а потомъ сталъ полковникомъ Бѣлоцерковскимъ.

6) *Андрей Дорошенко*, (названный у Рубана Андреемъ Сѣдымъ) 1673 года, бывшій въ слѣдующемъ году наказнымъ гетманомъ.

7) *Константій Мигалевскій*, въ первой половинѣ 1674 г.

8) *Павелъ Низкоглядъ*, въ іюлѣ 1674 года (изъ актовъ Межигорскаго монастыря) который владѣлъ въ этомъ полку селомъ Сокольчею.

О Богуславскомъ полку.

Богуславскій полкъ возникъ уже подъ конецъ XVII столѣтія, во время возстановленія козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Онъ существовалъ съ 1685 по 1712; въ теченіи этого времени имъ управлялъ полковникъ *Самуилъ Самусь*, бывшій при томъ наказнымъ гетманомъ правой стороны Днѣпра съ 1693 по 1704 г., когда онъ отказался отъ булавы въ пользу гетмана Мазепы.

§ 13. О полку Уманскомъ.

Уманскій полкъ въ исходѣ 1649 года состоялъ изъ *четырнадцати* сотенъ при слѣдующихъ сотникахъ.

1) Сотня Полковая Уманская.
2) „ Маньковская.—Гришай Бовдыръ [1]).
3) „ Ивангородская.—Василь Бубликъ.
4) „ Бузовская.—Иванъ Черкасъ.
5) „ Бабанская.—Степанъ Килимей.
6) „ Бершадская.—Лукьянъ Гродзенко.
7) „ Кочубѣевская.—Гринецъ Шелестъ.

---

[1]) Вѣроятно онъ въ посольствѣ къ Владиславу 1648 года названъ: Григорій Волдаръ-Вутъ (см. Пам. Кіев. ком.). Въ лѣтописи Ригельмана имена пословъ очень неисправно написаны.

8) Сотня Цыбулевская.—Иванъ Гродзенко.
9) „ Ивановская.—Мисько.
10) „ Бучинская.—Ирись.
11) „ Романовская.—Гринецъ Рудый.
12) „ Кислякская.—Степанъ Мовчанъ.
13) „ Соболевская.—Андрушко Филенко.
14) „ Ладыжинская.—Юрко Яхненко.

Города и мѣстечки.

Изъ предложеннаго списка сотенъ, видно что въ этомъ полку, при полковомъ городѣ *Умани* были сотенными мѣстами: *Маньковка*, *Иванигородъ*, *Бузовка*, *Бабанка*, *Бершадъ*, *Кочубей*, *Цыбулевъ*, *Иванковъ*, *Буки*, *Романовка*, *Кислякъ*, *Соболевка*, и *Ладыжинъ*. Древнерусское лѣтописанье не касалось Уманщины. Въ словахъ Волынской лѣтописи: «и приде (Батый) къ городу *Колодяжну*» думали прежде видѣть *Лодыжинъ*, и читали ко *Лодяжину*, но Погодинъ замѣтилъ, что здѣсь идетъ рѣчь о *Колодяжнѣ*, что нынѣ мѣстечко *Коледежно* въ Луцкомъ уѣздѣ. Надеждинъ и Неволинъ указали на село Колодежно въ Новгородъ Волынскомъ уѣздѣ на р. Случи. Впрочемъ молчаніе лѣтописцевъ о городахъ не есть отрицаніе ихъ бытія; если же Уманщину и въ 17 вѣкѣ еще называли «Уманскою пустынею», то это было по старой памяти [1]).

Монастыри.

Въ половинѣ 17 вѣка былъ *Уманскій* монастырь, котораго исторія не извѣстна. Извѣстенъ еще *Маньковскій Троицкій* монастырь, въ началѣ *1768* года занятый уніатами.

Полковники Уманскіе.

1) Полкъ этотъ является 1648 года подъ началъствомъ полковника *Ганжи*. Мѣстное преданіе утверждаетъ, что Ганжа убитъ въ сраженіи подъ Пилявою, (въ сентябрѣ 1648) гдѣ понынѣ двѣ могилы зовутся *Ганжовками*.

---

[1]) Въ Кіевской лѣтописи, подъ 1164 г. говорится о чрезвычайномъ наводненіи Днѣстра «и потопи человѣкъ болѣе 300, иже бяху пошли съ солью изъ Удеча». При неизвѣстности этого мѣста, не лишнимъ считаю припомнуть въ Уманщинѣ озеро *Удичъ*, бывшее близъ Татарской *Удыцкой* дороги, не вдалекѣ отъ мѣстечка Шавулихи.

2) Преемникъ его былъ *Штепка* или *Стенка*, упоминаемый въ лѣтописи Ригельмана 1648 года и у Коковскаго (I, 115).

3) Со времени Зборовскаго мира былъ полковникомъ прежній сотникъ Уманскій *Іосифъ Глухъ*, который вспоминается не одинъ разъ въ битвахъ съ Поляками, а въ іюнѣ 1651 года, когда, измѣнивши Хмельницкому, Исламъ-гирей, бѣжалъ при началѣ Берестецкой битвы, Глухъ побилъ Татаръ при рѣкѣ Синюхѣ (которою кончалась Уманщина). Въ той сторонѣ Украины понынѣ ведется пѣсня про Уманскаго сотника *Юзька*, вѣроятно относящаяся къ *Глуху*.

«Уродилы полуници, [1]) ажъ степу не знати;
Наиножила вражихъ Ляховъ нечистая мати и т. д.

Въ числѣ полковой Уманской старшины 1649 года находился *Иванъ Безпалый*, который въ 1658 году противупоставленъ былъ гетману Выговскому, при вліяніи князя Ромадановскаго; но онъ того же года отпросился отъ этой должности и ограничился званіемъ войсковаго судьи (1659).

4) *Михайло Ханенко* 1658—1669 годахъ. Въ 1670 году онъ сталъ гетманомъ *Уманскимъ* подъ короною Польскою, въ противность Чигиринскому гетману Дорошенку; но въ мартѣ 1674 года на Переяславской радѣ, онъ отказался отъ гетманства и поселился на жительство въ Кіевѣ.

5) *Григорій Бѣлогрудъ* былъ уманскимъ полковникомъ по сентябрь 1672 года; онъ извѣстенъ пораженіемъ, которое нанесъ польскому региментарю Маховскому.

6) Преемникомъ ему назначенъ отъ Дорошенка въ 1672 году *Гродзенко* (неизвѣстно который изъ двухъ: *Лукьянъ*, бывшій прежде сотникомъ Бершадскимъ или *Иванъ* бывшій сотникъ Цыбулевскій).

7) *Степанъ Яворскій*, поставленъ былъ самыми Уманцами въ 1673 году; впослѣдствіи онъ былъ сердюцкимъ полковникомъ (1690 г.) При немъ городъ Умань былъ совершенно разоренъ Турками въ Августѣ 1674 года.

8) 1712 года присланъ былъ отъ кошевого Гордіенка въ Уманщину запорожскій полковникъ *Поповичъ*.

---

[1]) *Полуницями* по Украински зовется клубника, а *суницями* земляника.

9) Въ 1768 году званіе Уманскаго полковника принялъ бывшій сотникъ Уманскихъ надворныхъ козаковъ *Иванъ Гонта*, казненъ Поляками въ томъ же году.

О Полку Тарговицкомъ.

Полкъ Тарговицкій существовалъ съ 1669 года, но изъ полковниковъ извѣстенъ только *Степанъ Щербина*, въ 1674 г. передъ нимъ 1672 упоминается «*Ефимъ Тарговицкій*, ошибочно лѣтописцемъ поставленный въ уманскіе полковники.

§ 14 О полку Браславскомъ.

Браславскій полкъ, въ исходѣ 1649 года, состоялъ изъ *двадцати двухъ* сотенъ, при слѣдующихъ сотникахъ.

1) Сотня полковая Браславская.
2) „ Райгородская.—Степанъ Атаманенко.
3) „ Тулчинская.—Михайло Стороженко.
4) „ Клебанская.—Матвѣй Мошута.
5) „ Краснянская.—Гришко Лата.
6) „ Браиловская.—Романъ Шпаченко.
7) „ Вулшанская.—Дмитро Мурза.
8) „ Вербская.—Хома Стрѣлецъ.
9) „ Горяшковская.—Іеремѣй.
10) „ Тимоновская.—Михайло Махаринскій [1]).
11) „ Александровская.—Андрей Гуминскій.
12) „ Яланецкая.—Захаръ Швайковскій.
13) „ Ямпольская.—Иванъ Александренко.
14) „ Шаргородская.—Иванъ.
15) „ Мураховская.—Павелъ Мшенко.
16) „ Станиславская.—Василей.
17) „ Мястковская.—Михайло Зеленскій.
18) „ Лучинская.—Юхно.
19) „ Баглановская.—Штепа Билоченко.
20) „ Чечельницкая.—Андрусъ Дмитренко.
21) „ Комаргородская.—Андрушко Коровка.
22) „ Чернавецкая.—Гаврило Новомѣсцкій.

---

[1]) Въ 1654 году онъ былъ посланъ въ Москву отъ гетмана съ письмами о Малороссійскомъ духовенствѣ.

Города и мѣстечки.

Изъ этого списка сотенъ видно, что въ собственно такъ называемой *Браславщинѣ*, при полковомъ городѣ *Браславѣ* находились сотенныя мѣста: *Райгородъ*, *Тулчинъ Клебанскъ*, *Красное*, *Браиловъ*, *Вулшана*, *Вербка*, *Горяшковка*, *Тимоновка*, *Александровка*, *Ялонецъ*, *Ямполь*, *Шаргородъ*, *Мурахва*, *Станиславчикъ*, *Мястковка*, *Лучинецъ*, *Богдановка*, *Чечельникъ*, *Комаргородъ и Чернявка*. Изъ помянутыхъ городовъ, Волынская лѣтопись вспоминаетъ только *Рай городъ*, въ которомъ болящій князь Владиміръ Васильковичъ, 1287 году, совѣщался съ братомъ своимъ Мстиславомъ, и писалъ завѣщательныя грамоты. А въ «Спискѣ Рускимъ городамъ», названъ только *Браславъ*, котораго постройка приписывается князьямъ Коріятовичамъ (въ 14 вѣкѣ) и который потомъ былъ главнымъ городомъ половины Подолья (или по древнему Понизья), составлявшей *Воеводство Браславское*. Эта часть Украины, въ гетманство Богданово, образовалась въ три полка: *Браславскій*, *Кальницкій и Уманскій*.

Полковники Браславскіе.

1) Первымъ Браславскимъ полковникомъ былъ *Данило Нечай*, съ 1648 года. Онъ былъ одинъ изъ самихъ рьяныхъ поборниковъ козачества; но въ 1651 году, загулявшись на масляной, сложилъ свою голову подъ Краснымъ, въ жаркой схваткѣ съ Поляками; и тѣмъ началось невзгодье Берестецкаго року. Пѣсни объ немъ по нынѣ любимы въ заднѣпровской Украинѣ.

Ой съ темного лѣсу, изъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: утикай, Нечаю!
«Якъ я маю козакъ Нечай зъ витсиль утикати,
Славу свою козацкую подъ ноги топтати.
Ой е въ мене Шпакъ, отъ той добрый хлопець,
Отъ той менѣ дае знати, коли утикати!...»

Этотъ добрый хлопецъ—выше упомянутый Браиловскій сотникъ Романъ Шпаченко, бывшій какъ видно неизмѣннымъ копьемъ у своего полковника.

Вертаеться малый хлопецъ, ажъ изъ Полонного:
«Иде Ляховъ сорокъ тысячъ только безъ одного:»
Козакъ Нечай, козакъ Нечай на те не вповае,
Да зъ кумою Хмельницкою медъ вино кругляе.

Братъ его *Иванъ Нечай* былъ женатъ на Богдановой дочери Насты. Объ немъ говорится въ пѣсни на битву Жванецкую (1653 года).

Выйшовъ панъ Хмельницкій до святого гаю:
Ой покликни пана Яна, друже мой Нечаю!

По занятіи Бѣлорускихъ городовъ козаками, съ 1654 г. Иванъ Нечай, по смерти Золотаренка, оставался въ Быховѣ козацкимъ начальникомъ около пяти лѣтъ, прибравъ себѣ титулъ, полковника Бѣлорускаго. Вѣроятно его могила въ Подольи зовется могилою *Нечаєвой*.

2) Былъ ли онъ Браславскимъ полковникомъ послѣ брата Данила, неизвѣстно, а извѣстенъ тутъ на полковничествѣ помянутый сотникъ Мясковскій *Михайло Зеленскій*, храбро подвизавшійся съ Богуномъ въ дѣлѣ Охматовскомъ или Дрижипольскомъ (въ генварѣ 1655) и съ Антономъ въ походѣ 1657 года; онъ былъ здѣсь полковникомъ и при Юрьѣ Хмельницкомъ (1660).

3) *Иванъ Бутъ*, записанъ въ помянникѣ Пивскаго монастыря въ числѣ его ктиторовъ въ 1663.

4) *Иванъ Сербинъ*, извѣстный въ 1664 г.

5) *Дроздъ* или *Дрозденко*, бывшій Браславскій полковой сотникъ, убитый гетманомъ Дорошенкомъ въ 1665 г. (по лѣтописи Самовидца) или въ 1667 (по свѣдѣніямъ Величка).

6) *Григорій Дорошенко* назначенъ въ 1668 году и видный до 1774 года. Въ 1668 онъ былъ наказнымъ гетманомъ.

7) *Павелъ Лисица* въ 1674 году.

8) *Коваленко*, разстрѣлянный Юрьемъ Хмельницкимъ въ 1685 году.

9) *Абазинъ*, возобновившій Браславскій полкъ съ 1692—1702; посаженъ на колъ Поляками въ Шаргородѣ 1702 г.

10) *Григорій Иваненко* или Григорашъ, вышедшій изъ Волоховъ и назначенный гетманомъ Мазепою Браславскимъ

полковникомъ въ 1706, оставался до упраздненія полка въ 1712 году.

§ 15. О полку Кальницкомъ.

Кальницкій полкъ, называвшійся и *Винницкимъ*, въ исходѣ 1649 года состоялъ изъ *девятнадцати* сотенъ при слѣдующихъ сотникахъ.

1) Сотня полковая Кальницкая.—Семенъ Бутъ.
2) „ Животовская.—Логвинъ.
3) „ Борщаговская.—Криско.
4) „ Четыевская.—Фесько Фенченко.
5) „ Погребыская.—Федоръ Григоревичъ.
6) „ Липовецкая.—Ониско.
7) „ Балабановская.—Олексѣй.
8) „ Илинская.—Иванъ Туровецъ.
9) „ Кунянская.—Ильяшъ Радуленко.
10) „ Рахновская.—Павло Курбала.
11) „ Дашковская.—Гришко Сурмачъ.
12) „ Терлицкая.—Василь Вареница.
13) „ Жорницкая.—Мартынъ.
14) „ Омпетинская.—Сергѣй Гресько.
15) „ Бабинская.—Игнатъ.
16) „ Прилуцкая.—Василь Антоненко.
17) „ Винницкая.—Ярема Уруловичъ.
18) „ Немировская.—Лавринъ Герелуха.
19) „ Вороновицкая.—Семенъ.

Изъ этого списка видно, что къ полку Кальницкому принадлежали: полковой городъ *Кальникъ*, *Животовъ*, *Борщаговка*... *Погребище*, *Липовецъ*, *Балабановка*, *Ильинцы*, *Кунка*, *Рахны*, *Дашовъ*, *Терлица*, *Жорнище*, *Прилука*, *Винница* (или Вѣница) *Нѣмировъ* и *Вороновица*.

Изъ нихъ въ «спискѣ Русскимъ городамъ» значится только *Винница*, которой построеніе такъ-же какъ и Браслава приписывается Подольскимъ князьямъ Коріатовичамъ, въ 14 вѣкѣ.

Строитель замка Браславскаго въ 1550 году, Винницкаго въ 1571 году былъ князь *Ефимій—Богушъ Θеодоровичъ Ко-*

рецкій, воевода Волынскій, староста Луцкій, Браславскій, Винницкій и Звенигородскій, скончавшійся 1576 года 19 августа въ Луцкѣ, и погребенъ въ Печерской лаврѣ; а воеводою Браславскимъ былъ тогда князь *Романъ Өедоровичъ Сангушко.*

Въ первое время при Хмельницкомъ существовалъ отдѣльный полкъ Животовскій, вскорѣ присоединенный къ Кальницкому.

Не имѣя полныхъ свѣдѣній о монастыряхъ Браславскомъ и Кальницкомъ, припомянемъ о школахъ Винницкихъ, которыя учреждены были около 1630 года Петромъ Могилою.

Полковники Винницкіе или Кальницкіе.

1) Остапъ въ 1648 и первой половинѣ 1649 года. Въ памятникахъ Кіевск. Ком. (I. 16) онъ напечатанъ Ostafi Uswaniski, т. е. Ostafius Winicki—Остапъ Винницкій.

2) *Иванъ Өедоренко*, съ 1649 года (у Коховскаго полагается Николай Өедоренко, сдавшійся Полякамъ (1653 при осадѣ Сочавы).

3) *Иванъ Богунъ*, съ 1651 года, впослѣдствіи (1558) ставшій полковникомъ Паволоцкимъ; онъ извѣстенъ защитою Винницы отъ Поляковъ въ 1651 году и участіемъ въ Дрижипольскомъ сраженіи въ 1655 г.

4) *Иванъ Сѣрко,* въ 1658—1660 годахъ.

5) *Василь Лобойко*, по 1667 годъ.

6) *Коваленко*, поставленъ Дорошенкомъ 1667 года на мѣсто Лобойка; вѣроятно онъ впослѣдствіи объединилъ полки Браславскій и Винницкій; въ 1685 году разстрѣлянъ Юрьемъ Хмельницкимъ.

7) Въ 1702 году въ окрестности Винницы образовалъ козацкій полкъ *Шпакъ*, бѣжавшій потомъ въ Молдавію и съ 1705 поступившій на службу къ Мазепѣ охочекомоннымъ полковникомъ.

§ 16. О полку Подольскомъ.

Въ 1648 году образовался полкъ Могилевскій или *Поднѣстрянскій* при городѣ *Могилевѣ* на Днѣстрѣ. Въ 1649 году онъ прекратился на нѣсколько лѣтъ, но потомъ опять былъ возобновленъ подъ именемъ *Подольскаго* полка.

1) Полковникомъ въ немъ упоминается въ 1658 году *Өедоръ Михайловичъ.*

2) Съ октября 1658 года извѣстенъ Подольскій полковникъ *Евстафій Гоголь* по 1676 годъ. Въ 1675 онъ назначенъ былъ гетманомъ отъ короля Яна Собѣскаго. Въ 1676 году Подольскій полкъ былъ совершенно опустошенъ Турками и пересталъ существовать. Остатки полка размѣстились въ Кіевскомъ Полѣсьи, гдѣ 1679 умеръ Гоголь. Погребенъ въ Межигорскомъ монастырѣ.

3) Въ 1734 году, во время крестьянскаго возстанія въ Подоліи противъ Поляковъ, принялъ титулъ Подольскаго полковника молдавскій выходецъ *Верланъ.*

§ 17. О другихъ полкахъ, временно бывшихъ на правой сторонѣ Днѣпра.

Сверхъ выше исчисленныхъ полковъ, въ началѣ гетманства Хмельницкаго возникли въ 1648 году еще слѣдующіе полки, упраздненные потомъ послѣ Зборовскаго мира:

Овруцкій полкъ при городѣ *Овручѣ*; первымъ полковникомъ въ немъ былъ *Илья Голота*, а послѣ него *Осипъ Натальчичъ* (въ польскихъ писаньяхъ называемый Напалищемъ). Овручъ присоединенъ былъ въ исходѣ 1649 года къ полку Кіевскому, въ качествѣ сотеннаго города; сотникомъ остался тотъ же Натальчичъ, видный еще въ 1651 году.

Звягельскій полкъ при городѣ *Звяглѣ* (называется нынѣ Новгородъ-Волынскимъ), находился подъ начальствомъ полковника *Тыши.*

Брагинскій полкъ при городѣ *Брагинѣ*, находился подъ начальствомъ полковника *Мадеры.*

§ 18. О полку Кіевскомъ.

Кіевскій полкъ возобновился въ 1649 году; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ *17* сотенъ:

1) Сотня *Кіевская* полковая—(сотникъ Григорій Пѣщенко.

2) „ *Бѣлецкаго*—Самуйло Бѣлецкій.

3) „ *Нагорнаго*—Тышко Нагорный.

4) Сотня *Предримирскаго* (или Печерская)—(Опанасъ Предримирскій) (сотникъ Печерскій).

5) „ *Васильковская*—Микита Бутъ.
6) „ *Бѣлогородская*—Каленикъ.
7) „ *Ходосовская*—Иванъ Бармаскій.
8) „ *Трипольская*—Андрей Ворока.
9) „ *Обуховская*—Яцко Красовскій.
10) „ *Преварская*—Евхимъ.
11) „ *Чортомская*—Ермола Басаренко.
12) „ *Броварская*—Өедоръ Медвѣдь.
13) „ *Яснogородская*—Трохимъ Яценко.
14) „ *Макаровская*—[1]) Григорій Петрицкій.
15) „ *Мотовиловская*—[2]) Степанъ Половый.
16) „ *Версовская*—Иванъ Крузъ.
17) „ *Овруцкая*—Ефимъ Натальчичъ.

Полковники Кіевскіе.

1) Бывшій Переяславскій полковникъ Кричевскій былъ первымъ Кіевскимъ полковникомъ послѣ возстановленія полка въ 1649 году; въ томъ же году, въ іюлѣ, въ битвѣ съ Радзивиломъ, въ Литвѣ, тяжело раненъ въ голову, онъ захваченъ былъ въ плѣнъ, и едва приведенъ былъ въ польскій лагерь, какъ тамъ же и скончался.

2) Въ концѣ того-же 1649 года Кіевскимъ полковникомъ сталъ *Антонъ Никитичъ Ждановичъ*, (ошибочно извѣстный въ лѣтописяхъ и у Коховскаго подъ именемъ *Адамовича*, а въ думѣ на смерть Хмельницкаго названъ *Волочаемъ*) извѣстенъ на Кіевскомъ полковничествѣ съ октября 1649 года и до исхода 1653 года, въ которомъ онъ, будучи посланъ отъ Хмельницкаго къ полякамъ, оставался у нихъ въ плѣну. Впослѣдствіи былъ Чигиринскимъ полковникомъ.

3) На его мѣсто съ 1654 года поставленъ былъ *Павелъ Янено Хмельницкій*, изъ старшинъ Чигиринскаго полка. Изъ письма Выговскаго къ Никону патріарху, отъ 17 августа 1654 года видно, что Яненка посылали изгономъ до Мозыря,

---

[1]) Между козаками находился Савка Туппалепко.
[2]) При ней числились Солтановцы и Горностайтольцы.

гдѣ онъ Павлушу полковника Литовскаго со всѣмъ полкомѣ погромилъ; по монастырскимъ актамъ, онъ виденъ Кіевскимъ полковникомъ еще и въ іюнѣ 1658 года.

Писаремъ полковымъ съ 1649 г. былъ *Иванъ Якимовичъ.*

4) Послѣ *Павла Яненка Хмельницкаго*, докончившаго свое полковничество въ гетманство *Выговскаго*, Кіевскимъ полковникомъ съ 1659 года былъ *Василій Өедоровичъ Дворецкій* (онъ же и Бутримовъ). Въ войнѣ Чудновской, 1660 г. вмѣстѣ съ воеводою Кіевскимъ Василемъ Борисовичемъ Шереметьевымъ взятъ былъ въ полонъ Татарскій, въ которомъ Шереметьевъ и оставался по 13 ноября, 1681 года, а Дворецкій (съ войсковымъ писаремъ Семеномъ Остафьевичемъ Голуховскимъ и Броварскимъ сотникомъ Григорьемъ Хотовцемъ) освободился 1662 года, и опять воевалъ въ томъ же году. Дворецкій былъ посланъ въ Москву отъ гетмана Брюховецкаго, и опять ѣздилъ съ нимъ въ Москву 1665 г.

5) Вскорѣ послѣ сего Кіевскимъ полковникомъ сталъ *Константинъ Дмитріевичъ Солонина*, видный въ семъ урядѣ 1669—1673 г. (и вторично 1687 г.).

6) Между тѣмъ изъ записей монастыря Межигорскаго виденъ въ 1670 году Кіевскій полковникъ *Филиппъ Олещенко* (при раздѣленіи Украины на два гетманства Кіевскій полкъ былъ нѣкоторое время въ двойнѣ).

7) Въ 1682—90 годахъ. *Григорій Карповичъ Коровченко* (онъ же Вольскій) бывшій на полковничествѣ Чигиринскомъ (1677—78), а потомъ на Стародубскомъ (1679). Кіевскимъ полковникомъ былъ онъ въ 1682—1690 годахъ.

8) Преемникъ его *Константинъ Мокѣевскій*, племянникъ гетмана Мазепы, славенъ сталъ побѣдою надъ Татарами, которую одержалъ 5 августа 1694 года, вмѣстѣ съ Палѣемъ. Въ 1695 г. посыланъ въ Москву. Въ 1699 году построилъ своимъ коштомъ каменную о семи главахъ церковь Рождества Богородицы на дальнихъ или Өеодосіевыхъ пещерахъ. Въ Шведскую войну Мокѣевскій остался на сторонѣ гетмана Мазепы.

9) *Өедоръ Коробка.*

10) Въ другой разъ *Коровченко*, умершій 1712 г.

11) Въ преемники ему представленъ былъ отъ гетмана генеральный хорунжій Иванъ Сулима; но опредѣленъ былъ Бѣлоцерковскій полковникъ *Антонъ Михайловичъ Танскій*, бывшій здѣсь и въ гетманство Апостола (1731 г.)

По немъ Кіевскими полковниками были:

12) *Михайло Танскій.*

13) *Ефимъ Өедоровичъ Дараганъ.*

14) Наконецъ *Александръ Андреевичъ Безбородько*, который, съ званіемъ полковника Кіевскаго, находился при государинѣ Екатеринѣ у принятія челобитенъ, въ ту пору онъ написалъ продолженіе *Краткой Лѣтописи*, а также «*Изъявленіе* настоящаго образа правленія Малыя Россіи» и «*Списокъ* бывшимъ въ Малой Россіи гетманамъ, генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ, со времени благоприсоединенія той земли къ Имперіи Всероссійской, т. е. съ 1654 года». Тотъ списокъ (полковниковъ только 10-ти полковъ сегобочныхъ) и изъявленіе напечатаны В. Рубаномъ при «Краткой Лѣтописи» 1777 года. Безбородько скончался, будучи Канцлеромъ, свѣтлѣйшимъ княземъ, 1799 г., 6 апрѣля. Мы видѣли уже составъ и сотни Кіевскаго полка при Богданѣ Хмельницкомъ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ него вслѣдствіе перваго договора Андрусовскаго, почти весь Кіевскій полкъ на правой сторонѣ Днѣпра, уступленъ Польшѣ, да и самый Кіевъ предположено было отдать ей чрезъ два года (т. е. въ апрѣлѣ 1669 года). Тогда учредился новый полкъ *Кіевскій* на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ который изъ полка Переяславскаго перечислено пять сотенъ, въ дополненіе къ сотнѣ Кіевской. Прочія за Днѣпровскія сотни оставались особымъ *Кіевскимъ* полкомъ, принадлежавшимъ Польшѣ. Такимъ образомъ Кіевскій полкъ былъ вдвойнѣ: тогобочный, безъ Кіева, и сегобочный, принадлежавшій къ сегобочной Украинѣ, вмѣстѣ съ Кіевомъ. Онъ состоялъ изъ 6-ти сотенъ.

1) *Сотня Кіевская*, къ составу которой въ 1667 причислена сотня *Броварская*, а въ 1686 году съ возвращеніемъ къ Кіеву Василькова, эта сотня расспространилась еще болѣе. Сотники: *Григорій Олиферовъ* (1669), *Өедоръ Андреевъ* (1672), *Иванъ Гудимовъ* (1779 г.).

2) *Козельская*, изъ Переяславскаго полка. Сотники: *Гаврило Карповъ* (1669), *Гаврило Жиленко* (1672).

3) *Острицкая*, по прежнему *Острянская*, впослѣдствіи называвшаяся *Остерскою*. Сотники: *Максимъ Степановъ* (1669, *Иванъ Дворецкій* (1672), *Павелъ Дворецкій* (1682).

4) *Бобровицкая*, изъ прежней *Заворицкой* сотни Переяславскаго полка. Сотники: *Онисимъ Коробка* (1666), *Игнатъ Каленицкій* (1672.).

5) *Гоголевская*, изъ Переяславскаго полка. Сотники: *Иванъ Кононовъ* (1669), *Иванъ Яковенко* (1672).

6) *Муравская*, или *Моровская* изъ Переяславскаго полка. Сотники: *Яковъ Василевъ* (1669); *Иванъ Шумейко* (1672). Къ симъ 6-ти сотнямъ перечислены были изъ Нѣжинскаго полка.

7) Сотня *Кобыжская*.

8) Сотня *Носовская*.

Сверхъ того за два года 1666 и 1672 намъ извѣстенъ составъ полковой старшины Кіевскаго полка, а именно въ 1666:

Полковой хорунжій *Иванъ Дворецкій*.

Полковой асаулъ *Игнатъ Кальницкій*.

Полковой писарь *Лаврентій Михайловичъ*. Сотники (безъ означенія сотень) *Андрей Васильевъ*, *Иванъ Маковьеевъ*, *Гаврило Шиловъ*.

Въ 1672 г. Полковой обозный *Афанасій Савенко*.
Полковой судья *Юрій Незамай*.
Полковой писарь *Петръ Ивановичъ Домантовичъ*.
Полковой асаулъ *Семенъ Карповичъ Жила* [1]).
Полковой хоружій *Яковъ Александровичъ*.

§ 19. *О полку Переяславскомъ.*

Въ стародавнемъ полку Переяславскомъ послѣ Зборовскаго мира, считалось *19 сотенъ*, съ слѣдующими сотниками.

1) Сотня полковая Переяславская.
2) „ Романенкова.—Сотникъ Андрей Романенко.
3) „ Коваленкова.—Иванъ Коваленко.
4) „ Чикменева.—Θедоръ Чикмень.

---

[1]) Въ 1725 году судьею Кіевскаго полка былъ *Илья Жила*.

5) Сотня Сидоровича.—Оверко Сидоровичъ.
6) „ Бабича.—Иванъ Бабичъ.
7) „ Яготинская.—Стась Оброжѣевичъ.
8) „ Гелмязовская.—Яцко Ильяшовичъ.
9) „ Березанская.—Полуянъ Быченко.
10) „ Быковская.—Онопрей Величко.
11) „ Воронковская.—Богданъ Крышненко.
12) „ Баришпольская.—Антонъ Герасименко.
13) „ Баришская.—Евсей Шкабура.
14) „ Басанская.—Тышко Смѣлый.
15) „ Гоголевская.—Василь Гоголевскій.
16) „ Козельская.—Прокопъ Горчяка.
17) „ Острянская.—Яско Кошинъ.
18) „ Заворитская.—Иванъ Мищенко.
19) „ Муравская.—Ничипоръ Ткаченко.

Изъ этого списка видно, что тогда въ Переяславскомъ полку, сотенными городами и мѣстечками были: *Бельмязовъ*, *Яготинъ*, *Быковъ*, *Березань*, *Баришполь*, *Воронковъ*, *Барышевка*, *Басань*, *Гоголевъ*, *Козелецъ*, *Остеръ*, *Заворичи* и *Муравскъ*. (Послѣдніе 5 перечислены были впослѣдствіи въ Кіевскій полкъ съ перемѣною сотни Заворитской въ Бобровицкую). Изъ означенныхъ мѣстъ кромѣ *Переяслава*, (который и въ «Спискѣ Городамъ» зовется *Переясловомъ Русскимъ* въ отличіе отъ Переяслава Залѣскаго) въ древнихъ лѣтописяхъ вспоминается только три: *городокъ Остерскій*, построенный Мономахомъ 1098 г. (нынѣ онъ *Старогородка* близъ города *Остра*, который въ 17 вѣкѣ устроился изъ бывшаго Остерскаго замка) *Баришполь*, основательно полагаемый въ древнемъ городѣ *Баручь;* и *Муравскъ* или *Моровскъ* древній *Моровійскъ*, на правой сторонѣ Десны, принадлежавшій къ Черниговскому княжеству.

Въ книгѣ Большаго Чертежа, онъ названъ «Градъ *Муромескъ*», а изъ прочихъ тамъ значатся: «градъ *Остеръ*, а подъ нимъ впала въ Десну рѣка Остръ», «градъ *Елмазовъ*, а выше 6 миль градъ *Быковъ* на Супоѣ на верховьѣ».

По отчисленіи пяти сотенъ къ Кіевскому полку (1667 года) остались прежняго Переяславскаго полка сотни.

1) *Переяславская полковая.* Сотники: Степанъ Северинъ, 1659 казненъ полковникомъ Цыцурою, за преданность Выговскому, *Максимъ Хоменко* (1672).

2) *Барышевская.* Сотникъ *Павелъ Моркотунъ* (1672).

3) *Баришпольская.* Сотникъ *Василій Носачъ* (1672).

4) *Воронковская.* Сотникъ *Кирило Брайко* (1672).

5) *Басанская,* къ которой причислена была и прежняя *Быковская.* Сотникъ *Сава Матяшенко* (1672).

6) *Березанская.* Сотникъ *Өедоръ Бузинарскій* (1672).

7) *Гелмязовская.* Сотникъ *Селіенъ Якубенко* (1672).

8) *Яготинская.* Сотникъ *Лавринъ Скоченко* (1672).

Отъ прежняго полка Кропивянскаго, перечислены были сюда.

6) *Кропивинская.* Сотникъ *Процикъ Кужеленко* (1672).

10) *Иркльевская.* Сотникъ *Филиппъ Андреенко* (1672).

Изъ Черкаскаго полка перечислены.

11) *Золотоношская.* Сотникъ *Войца Сербинъ* (1672).

12) *Пещанская.* Сотникъ *Мойсей Федесенко* (1672).

13) *Домонтовская.* Сотникъ *Ташко Сашченко* (1672).

Да изъ Каневщины къ сему полку причислены около 1667 года двѣ сотни.

14) *Бубновская.* Сотникъ *Богданъ Омельченко* (1672).

15) *Льплявская.* Сотникъ Семенъ Евхименко (1667).

16) Въ послѣдствіи отъ Каневскаго полка причисленъ былъ къ Переясловскому Терехтемировъ, съ своею сотнею *Терехтемировскою.*

17) *Каневская* сотня въ гетманство Разумовскаго учредилась подраздѣленіемъ Ирклѣевской сотни, при селѣ Каневцахъ. Сверхъ того намъ извѣстны слѣдующія лица, входившія въ составъ Переясловской полковой старшины въ 1666, 1669 и 1672 годахъ.

Въ 1666 г. Наказной полковникъ *Андрей Романенко.*
Полковой обозный *Гаврило Ярмоленко.*

Сотники (безъ означенія сотенъ) *Степанъ Корнњевъ* и *Иванъ Лященко.* Въ 1669 г. Сотники (безъ означенія сотенъ) *Панько Кулунъ, Григорій Волошинъ* и *Иванъ Щербина.*

Въ 1672 г. Полковой обозный *Григорій Рубанъ.*
Полковой судья *Юрій Мокріевичъ.*
Полковой асаулъ *Романъ Романовичъ.*
Полковой хорунжій *Θедоръ Забудскій.*

Полковники Переяславскіе.

1) *Θедоръ Лобода,* былъ полковникомъ до 1653 года, а потомъ служилъ генеральнымъ судьею. Скончался въ мартѣ 1666 г. (изъ помянника Переяславской Михайловской церкви, въ которомъ онъ названъ создателемъ храма сего).

2) *Павелъ Ивановичъ Тетеря,* изъ Кіевскаго шляхетства; служилъ сперва Переяславскимъ полковымъ писаремъ, а съ 1653 г. полковникомъ. Во время присоединенія Малороссіи къ Москвѣ, въ генварѣ 1654 года, онъ былъ здѣсь однимъ изъ главнодѣйствующихъ лицъ; его же (и генеральнаго судью Самойла Богдановича) гетманъ Хмельницкій въ февралѣ посылалъ въ Москву съ договорными статьями. Въ гетманство Выговскаго, Тетеря передался на Польскую сторону, которой придержался онъ и ставши гетманомъ на мѣсто Юрія Хмельниченка, постригшагося въ монахи (1662 г). Послѣ своего гетманства Тетеря основался въ званіи королевскаго секретаря. Уѣхавъ изъ Корсуня, онъ дожилъ вѣкъ въ селѣ Колкахъ Луцкаго повѣта, гдѣ умеръ 1772 года. Женатъ былъ на дочери Хмельницкаго Еленѣ, оставшейся вдовою послѣ Данила Выговскаго (ум. 1660 г).

3) *Тимофей Ермолаевичъ Цецура,* съ 1658 г., убитъ въ сраженіи подъ Чудновомъ 1660 г.

4) *Якимъ Сомко,* шуринъ Богдана Хмельницкаго, съ 1661 года, въ которомъ сталъ и называться наказнымъ гетманомъ. Казненъ 1663 г. 18 сентября въ Борзнѣ новоизбраннымъ гетманомъ Брюховецкимъ.

5) *Афанасій Щуровскій* съ 1662 года казненъ вмѣстѣ съ Сомкомъ (изъ помянника Мгарскаго).

6) *Данко,* назначенный въ 1663 г. отъ гетмана Брюховецкаго. Убитъ козаками 1666 года. Во время поѣздки Брюховецкаго въ Москву 1665 г. Данко былъ наказнымъ гетманомъ, а наказнымъ Переяславскимъ полковникомъ ѣздившій съ Брюховецкимъ *Андрей Романенко.*

7) При *Многогрѣшномъ* въ 1669 году былъ наказнымъ полковникомъ *Иванъ Ефименко.*

8) *Думитрашко-Раичь*, или *Дритрій Григорьевичъ Раичъ* извѣстный въ гетманство Самойловича, въ 1672—76 г. въ 1688 г. сосланъ въ Москву гетманомъ Мазепою.

9) *Иванъ Лисенко*, въ 1677 году, гналъ Турокъ отъ Чигирина до Ингула, 1678 году прогналъ Татаръ отъ Переяслава за Днѣпръ къ Мошнамъ.

10) *Василь Войца Сербинъ* изъ сотниковъ Золотоношскихъ, былъ полковникомъ Переяславскимъ въ 1679—1680 годахъ.

11) *Леонтій Артемовичъ Полуботокъ*, изъ сотниковъ Черниговскихъ, былъ войсковымъ Бунчужнымъ (1672—76), и генеральнымъ асауломъ (1679 г), а потомъ Переяславскимъ полковникомъ въ 1682—1687 г. Въ 1692 г. Мазепа, подозрѣвая его въ искательствѣ гетманства, лишилъ маетностей и держалъ въ заточеніи вмѣстѣ съ сыномъ *Павломъ.*

12) *Якимъ Головченко*, (изъ Кіевскаго Пещернаго помянника).

13) *Иванъ Мировичъ*, извѣстенъ на полковничествѣ съ 1692 года; въ 1706 г. попался въ плѣнъ Шведамъ, и скончался 4 декабря въ Готтенбургѣ. Въ Переяславѣ онъ поставилъ каменную Покровскую церковь, доконченную зятемъ его Як. Еф. Лизогубомъ.

14) *Степанъ Тамара* правилъ Переяславскимъ полкомъ въ званіи наказнаго полковника съ 1706 по 1713 г.

15) *Василь Мировичъ*, сосланъ 1715 г.

16) *Иванъ Даниловичъ* (въ 1723. г).

17) *Карпѣка*, наказной полковникъ въ 1724 г.

18) *Василь Михайловичъ Танскій*, съ 1725 года.

19) Въ 1727 году, когда противъ него возстали Переяславцы, полковникомъ писался выбранный ими Бориспольскій сотникъ, *Степанъ Афендикъ*, но гетманъ Апостолъ возстановилъ полковничество Танскаго.

20) *Василь Тамара* (въ 1735 г).

21) *Михайло Самсоновичъ Богдановъ*, (въ 1738 г).

22) *Семенъ Ивановичъ Сулима* съ 1739.

23) *Григорій Григорьевичъ Иваненко*, съ 1769 года и до конца полка въ 1782 году.

§ 20. *О полку Кропивянскомъ.*

1) Сей полкъ возникъ въ 1648 году подъ начальствомъ полковника *Михайла Телюченка.* О немъ я знаю изъ современной надписи на старомъ служебникѣ (львовской печати 1646 года) «сія книга, глаголемая Служебникъ, добитая у войнѣ подъ Ульвовомъ, за гетмана Хмельницкого, и пана полковника Ирклѣевскаго, Михайла Телюченка, и за сотника Кропивянскаго, Клима Далденка; добувъ сѣ Демко Игнатенко и съ товариствомъ, и надали сѣ у селѣ Денгахъ до храму Архистратига Христова Михаила, за отпущеніе грѣховъ своихъ». Отсюда видно, что село *Деньги* (при р. Кропивнѣ) принадлежало тогда къ сотнѣ *Кропивянской* полка Ирклѣевскаго; а когда этотъ полкъ 1649 года обращенъ былъ въ *Кропивянскій*, тогда при селѣ Деньгахъ [1]) учредилась особая *сотня Денезская* и сотникомъ ея сталъ усердный вкладчикъ помянутаго Служебника *Демко Игнатенко;* а бывшій крестьянскій сотникъ Климъ поступилъ въ рядовые реестровые козаки.

2) *Филонъ Джеджелѣй* или *Джажалій*, единственный полковникъ Кропивянскаго полка, составленнаго въ 1649 г. изъ Ирклѣевскаго и Лубенскаго. При началѣ гетманства Хмельницкаго, Джеджелѣй находился въ томъ отрядѣ козацкомъ, который отправленъ былъ Днѣпромъ противъ Богдана, подъ начальствомъ Барабаша. Джеджелѣй произвелъ возмущеніе въ этомъ отрядѣ и присоединилъ его къ Хмельницкому, убивъ Барабаша. Съ той поры Филонъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ и самыхъ вѣрныхъ друзей Богдана. (Въ дневникѣ Мясковскаго 1649 года Джеджелѣй названъ *Дзялакомъ;* а въ донесеніи Кодацкаго коменданта Гродзинскаго 1648 г. онъ названъ *Дзалкіемъ Кривулею*).

---

[1]) Село Деньги вспомяну какъ родину дядьевъ моихъ: Ивана Θедоровича (р. 1778 г.) и Василія Θедоровича (р. 1781 г.) *Тимковскихъ* и ихъ двоюроднаго брата Евдокима Петровича *Каневецкаго* (р. 1776 г. 31 іюля) который потомъ, въ имени *Епифанія* былъ епископомъ Воронежскимъ и Черкаскимъ. Его иждивеніемъ сооружена въ Деньгахъ новая каменная церковь Архистратига Михаила, вмѣсто старой, сгорѣвшей 1825 года, для которой онъ еще 1824 года прислалъ богато оправленное напрестольное евангеліе, плащеницу и прочую утварь церковную.

Извѣстна выходка его въ Переяславѣ, къ Адаму Киселю и прочимъ комисарамъ королевскимъ: «король якъ король, але вы короленята, князи броите и наробили! И ты Кисѣлю, кость отъ костей нашихъ, отщепился отъ насъ и пристаешь до Ляховъ!» Въ 1650 г. Джеджелѣй былъ посланъ посломъ въ Царьгородъ къ Султану. Въ 1651 году, когда счастье измѣнило Богдану, когда онъ такъ неудачно началъ Берестецкое дѣло и, угнавшись за измѣнившимъ ему Ханомъ, очутился въ Паволочи, покинутое имъ козацкое войско вручило начальство надъ собою прежде всѣхъ Джеджелѣю. Предвидя неудачу, хотѣлъ онъ склониться на миръ, но козаки смѣнили его Богуномъ, блестѣвшимъ свѣжею побѣдою надъ гетманомъ Калиновскимъ; но все было напрасно. Филонъ первый явился къ Хмельницкому въ Паволочъ, и они поздоровались рыданіемъ. Съ Литвы новою грозою шелъ Радзивилъ чрезъ Кіевъ къ Бѣлой церквѣ; и вскорѣ прибылъ туда къ Хмельницкому Маховскій съ письмомъ отъ комисаровъ, написаннымъ безъ титула гетманскаго. Богданъ поблѣднѣлъ въ смущеніи; а Филонъ закричалъ. «Не доводилось нашому добродію, щобъ отнимать у него титулъ гетманскій». По смерти Богдана незадолго уже и предъ своимъ концомъ, былъ старый Филонъ на пиру у Выговскаго, туда пріѣхалъ и Карачъ—бей для тайныхъ переговоровъ. Охмелѣвшій Филонъ былъ такъ взбѣшонъ этимъ на своего новаго гетмана, что бросился въ его палатку съ кинжаломъ, крича: «пропадай собака, коли залюбилъ торговать козацкою кровью». Но тотъ, пользуясь темнотою ночи, ускакалъ въ станъ Карачбеевъ. Первымъ послѣ полковника старшиною въ Кропивянскомъ полку, т. е. полковымъ обознимъ, былъ *Несторъ Морозенко*. Конечно это тотъ герой козаччины, который былъ и подъ Пилявой и понынѣ славится въ пѣснопѣніи народномъ.

«Ой Морозе, Морозенку славный козаче!
За тобою Морозенкомъ Украина плаче»!

Знаю нѣсколько Морозенковъ того времени въ разныхъ полкахъ (въ Кропивянской-же сотнѣ былъ *Онушко Морозенко;* въ Лютенской сотнѣ Полтавскаго полка *Супрунъ Морозенко;* въ асаульскомъ куринѣ Чигиринскаго полка *Тараско Моро-*

зенко); но ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Нестера, не подходитъ къ герою пѣсенному.

Вотъ 14 сотень сего полка съ ихъ сотниками въ концѣ 1649 года.

1) Сотня *Кропивянская полковая*, (въ ней первымъ послѣ полковника записанъ *Несторъ Морозенко.*
2) „ *Денезская.*—Демко (Игнатенко).
3) „ Ирклѣевская 1-я.—Климъ Семеновичъ.
4) „ Ирклѣевская 2-я.—Кузьма Вергунъ.
5) „ Ирклѣевская 3-я.—Иванъ Воропай.
6) „ Оржицкая.—Матюща.
7) „ Яблоновская.—Матвѣй Федоровичъ.
8) „ Пирятинская 1-я.—Ничипоръ Лелетъ.
9) „ Пирятинская 2-я.—Иванъ Миколаенко.
10) „ Чернушинская 1-я.—Матвѣй Довгаль.
11) „ Чернушинская 2-я.—Иванъ Коханъ.
12) „ Городиская.—Мартынъ Романенко.
13) „ Журавская.—Федоръ Бульба.
14) „ Куринская.—Тимошъ.

И такъ здѣсь, вмѣстѣ съ полковымъ городомъ, считалось 9 городовъ: *Кропивна*, *Ирклѣевъ*, *Оржица*, *Яблоновъ*, *Пирятинъ*, *Чернухи*, *Городище*, *Журавка* и *Курѣнка*, да еще сотенное село *Деньги.* (Изъ нихъ: Курѣнка, Журавка и Пирятинъ помянуты въ числѣ городовъ и въ книгѣ Большаго Чертежа).

Послѣ Джеджелѣя въ 1658 г. гетманъ Выговскій раздѣлилъ по прежнему Кропивянскій полкъ на Лубенскій и Ирклѣевскій, прекращенный въ слѣдующемъ году.

3) Ирклѣевскимъ полковникомъ въ 1659 г. былъ преданный Выговскому *Матвѣй Папкевичъ*

§ 21. Полкъ Лубенскій.

Лубны, (по древнему *Лубьно*) одинъ изъ древнихъ городовъ Переяславскаго княжества, живописно расположенъ на горномъ берегу, рѣки Сулы. Сюда въ 1107 году приходилъ Половецкій Ханъ Бонякъ съ старымъ Шаруканомъ; но Рус-

скіе князья погнали ихъ до Хорола, и одержали побѣду великую 12 августа.

Передъ гетманствомъ Хмельницкаго Лубны были мѣстомъ пребыванія князя Іереміи Вишневецкаго, владѣвшаго тогда большою половиной Восточной Украины. При возстаніи Хмельницкаго, сей князь принужденъ былъ, въ концѣ мая 1648 г. бѣжать на всегда за Днѣпръ изъ своей обширной *Вишневеччины*, и она по прежнему обратилась въ козаччину. Въ тѣ поры и Лубенщина стала особымъ полкомъ; хотя имя полковника намъ неизвѣстно, но послѣ Зборовскаго мира она причислена была къ полку Миргородскому. Съ тѣхъ поръ Лубенскимъ гербомъ осталась рука съ булавою, при чемъ невольно вспоминается пословица: «до булавы треба головы».

Полкъ Лубенскій возстановился съ гетманствомъ Выговскаго, подъ начальствомъ преданнаго ему *Павла Швеца Омельяновича*, прежняго сотника Лубенскаго. Тогда въ составъ Лубенскаго полка вошли слѣдующія 7 сотенъ изъ прежняго полка Миргородскаго.

1) Сотня *Лубенская полковая* (вмѣстѣ съ Лубенскою сельскою).

2) Сотня *Лохвицкая*, бывшая съ 1648 года при давнемъ городѣ *Лохвицѣ*, (лежащемъ при впаденіи рѣчки Лохвицы въ Сулу). Въ этомъ городѣ 1658 года зазимовалъ князь Ромодановскій, принимавшій около 20-ти лѣтъ большое участіе въ судбѣ Малороссіи. Въ 1665 г. Лохвица была положена на войсковую гармату.

3) *Сотня Сѣнчанская*, (называвшаяся и *Сѣнецкою)* бывшая съ 1648 года при древнемъ городѣ *Сѣнчѣ*.

(«А выше Снятиня 3 мили на Сулѣ градъ *Синча*» сказано *въ книгѣ Большаго Чертежа*. А его древнее имя *Синецъ*.

4) *Сотня Глинская*, при давнемъ, лежащемъ на Сулѣ, городѣ *Глинскѣ* (въ 14 вѣкѣ отданъ былъ В. Кн. Витовтомъ служившему у него Татарскому князю *Лексѣ*, родоначальнику князей Глинскихъ).

5) *Сотня Роменская*, при древнемъ городѣ *Ромнѣ*, лежащемъ при впаденіи рѣчки Ромна въ Сулу (Роменъ извѣ-

стенъ еще въ походахъ Мономаховыхъ). Въ 1665 г. Роменъ вмѣстѣ съ Лохвицею положенъ на войсковую гармату.

6) *Сотня Константиновская* при городѣ Константиновѣ.

7) *Сотня Смѣловская* при городѣ *Смѣломъ*.

Кромѣ того къ Лубенскому полку причислены были изъ прекратившагося Кропивянскаго полка 4 сотни:

8) *Сотня Пирятинская* при древнемъ городѣ *Пирятинѣ*, извѣстномъ съ 1154 года (на р. Удичѣ).

9) *Сотня Чернушская* при городѣ *Чернухахъ* на р. Многой.

10) *Сотня Городиская* при *Городищѣ* на р. Оржицѣ.

11) *Сотня Яблуновская* при городѣ *Яблуновѣ* на р. Оржицѣ.

Да изъ прежняго полка Полтавскаго перечислены въ Лубенскій двѣ сотни:

12) *Сотня Букомская* при древнемъ городѣ *Букомлѣ*, лежащемъ надъ Сулою (онъ извѣстенъ съ 1179 г.).

13) *Сотня Чигринъ-Дубровская* при городѣ *Чигринъ-Дубровѣ*, находящемся при впаденіи Сулы въ Днѣпръ. (Сія сотня учреждена вмѣсто прежней Веремѣевской сотни полку Чигринскаго).

Изъ сихъ 13 сотенъ и состоялъ полкъ Лубенскій въ 1672 году. Въ послѣдствіи (1723—1744) считалось въ немъ 11 сотенъ, ибо Яблуновская и Константиновская были упразднены. Но въ гетманство Разумовскаго встрѣчаются еще:

14) *Сотня Снѣтинская*, при городкѣ *Снѣтинѣ* или *Снятинѣ* (на р. Сулѣ), который извѣстенъ еще съ 1107 г. походомъ Мономаха на Половцевъ.

15) *Сотня Горошинская* при городѣ *Горошинѣ*, извѣстномъ съ 1084 года походомъ Мономаха на Половцевъ. (Лежитъ на Сулѣ и рукавѣ оной, называемомъ *Сагою)*.

Лубенскіе полковники.

1) *Павелъ Швецъ-Омельяновичъ*, бывшій противъ Пушкаря за Выговскаго въ 1658 году.

2) *Яковъ Загадка*, извѣстный съ 1659 г. и до 1663.

3) *Степанъ Шамлицкій*—въ 1668 году; казненъ Брюховецкимъ 18 сентября вмѣстѣ съ Сомкомъ (изъ Мгарскаго помянника).

4) *Игнатъ Вербицкій*, опредѣленный Брюховецкимъ 1663 года.

5) *Григорій Гамалья*, съ 1664 года; въ 1665 онъ былъ въ Москвѣ съ гетманомъ Брюховецкимъ; въ 1669 г. держался Дорошенка, былъ задержанъ въ Москвѣ, гдѣ оставался до 1715 года.

6) *Иванъ Сербинъ* съ 1672 по 1674 годъ; убитъ въ Уманѣ. Послѣ него, въ Безбородьковскомъ спискѣ поставленъ *Войца Сербинъ*, (едва ли не ошибочно, ибо онъ не названъ въ ряду Переяславскихъ полковниковъ).

7) *Максимъ Ильяшенко*, изъ Ромна, былъ полковникомъ въ 1679 и 1687 г.

8) *Леонтій* (Васильевичъ) *Свѣчка* изъ Пирятина, бывшій полковой судья Лубенскій, 1693—1696.

9) *Дмитрій Зеленскій* (въ спискѣ Безбородька и у Ригельмана ошибочно названный *Семеномъ Зеленскимъ)* 1702—1708 г. бѣжалъ вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепою.

10) *Василь Савичъ*, изъ сотниковъ Лубенскихъ, въ 1714 году былъ уже генеральнымъ писаремъ.

11) *Андрей Маркевичъ* съ половины 1714 до 1727 года, служилъ потомъ генеральнымъ подскарбіемъ.

12) *Петръ* (Даниловичъ) *Апостолъ* назначенъ въ 1728 году 7 апрѣля, но прибылъ изъ Москвы 1731, и былъ на полковничествѣ по 1750 годъ.

13) *Иванъ* (Петровичъ) *Кулябка* [1]).

14) *Степанъ* (Петровичъ) Максимовичъ, послѣдній полковникъ Лубенскій и первый изъ полковниковъ кавалеръ св. Георгія.

Полковая старшина.

Лубенскіе обозные:—Павелъ Мартосъ (1725), Иванъ Кулябка (1744).

---

[1]) Существуетъ пословица: «славны Лубны Кулябками, а Хоролъ Родзянками».

Лубенскіе асаулы: Левко Назаренко (1665), Микита Бурай и Яцко Лещенко (1672).

Карпъ Значко-Яворскій, отецъ Мельхиседека.

Иванъ Павловъ и Семенъ Евстафьевъ (1725).

Семенъ Пріима и Ѳедоръ Зарудый (1744).

Лубенскіе хорунжіе: Герасимъ Ильенко (1665), Матвѣй Гудученко (1672), Степанъ Корсунъ и Семенъ Евстафьевъ (1725), Григорій Манжосъ и Радіонъ Рвачевскій (1744).

Лубенскіе судьи: Кирилъ Гуляченко (1665), Левко Свѣчка (1672). 1725—вакансія.

Лубенскіе писари: Степанъ Григорьевъ сынъ (1663 ноября), Климовъ (1665), Федоръ Васильевъ (1725), Степанъ Савицкій (1725), Семенъ Столповскій (1744).

Сотники.

1) *Сотники Лубенскіе:* Пасько Пупченко (1672). Василь Савичъ, Михайло Скоржинскій (1744).

2) *Сотники Лохвицкіе:* Іосько Отрокъ (1672), Иванъ Прокоповичъ (1744).

3) *Сотники Сѣнчанскіе:* Михайло Будовиченко (1672), Иванъ Криштоповъ (1744).

4) *Сотники Глинскіе:* Грицко Ивановъ (1672), Антонъ Крыжановскій (1744).

5) *Сотники Роменскіе:* Максимъ Ильяшенко (1672), Иванъ Марковичъ (1744).

6) *Сотники Константиновскіе:* Иванъ Лубенецъ (1672).

7) *Сотники Смѣловскіе:* Леонтій Сивянченко (1672), Григорій Довгій (1744).

8) *Сотники Чорнушскіе:* Лавренъ Игнатенко (1672), Петро Троцкій (1744).

9) *Сотники Пирятинскіе:* Гапунъ (т. е. Агафонъ) Забровскій (1672), Григорій Корнѣевичъ (1744).

10) *Сотники Городискіе:* Трофимъ Ничипоренко (1672), Филипъ Петровскій (1744).

11) *Сотники Яблуновскіе:* Петро Ворона (1672).

12) *Сотники Лукомскіе:* Алексѣй Михайловъ (1672), Стефанъ Пѣковецъ (Нѣковецъ?) (1744).

13) *Чигиринъ-Дубровскіе:* Иванъ Дуненко (1972), Александръ Бутовскій (1744).

§ 22. *О полку Миргородскомъ.*

Въ 1649 году, когда къ стародавнему Миргородскому полку присоединена была Лубенщина, онъ состоялъ изъ 16 сотенъ, съ слѣдующими сотниками:

1) Сотня Миргородская полковая.
2) „ Гладченкова.—Гаврило Гладченко.
3) „ Андросова.—Андросъ.
4) „ Кирика Поповскаго.—Кирикъ Якименко.
5) „ Краснопольская.—Муха.
6) „ Уцтивицкая.—Василь Хмѣль.
7) „ Хорольская.—Фесько Джука.
8) „ Комышанская.—Павелъ Григоровичъ.
9) „ Лубенская.—Павелъ (Омельяновичъ).
10) „ Лубенская сельская.—Устинъ Леценко.
11) „ Роменская.—Василь.
12) „ Константиновская.—Тишко.
13) „ Лохвицкая.—Василь Зубъ.
14) „ Сенчанская.—Михайло Шипало.
15) „ Панковская.—Ѳесько Чигиринъ.
16) „ Глинская.—Демко Мартыновичъ.

Собственно Миргородщину составляли города: *Миргородъ, Краснополье.* (Извѣстное послѣ подъ именемъ Великихъ Сорочинецъ) *Уцтивица* (или Устивица), *Хоролъ* и *Комышна.* Къ Лубенщинѣ принадлежали: *Лубны, Роменъ, Константиновъ, Лохвица, Сенча, Панко* и *Глинскъ.*

Изъ нихъ въ древнерусскомъ лѣтописаньи извѣстны: *Хоролъ,* съ 1084 г. *Лубьно,* съ 1107 г. и *Роменъ* или *Римовъ* [1]).

По книгѣ большаго Чертежа изъ помянутыхъ 12 мѣстъ, значатся слѣдующія: «на Сулѣ градъ *Синча*; а выше Синчи

---

[1]) Въ лѣт: Кіев. онъ зовется *Римомъ* и *Римовымъ* (напримѣръ, подъ 1185 г. гдѣ поминается и *Римское болото*), но въ поученіи Мопомаховомъ упоминается и *Римовъ* (1095 и Роменъ 1114 г). По моему соображенію именемъ *Римова* называлась низменная половина города; а Роменъ верхній нагорный городъ. Постоялые дворы или корчмы, издавна и по нынѣ извѣстные подъ именемъ *Рима* или *Римовъ*, сюда не относятся.

миля пала въ Сулу рѣчка Лохвица, а на ней на устье градъ *Лохвица;* а отъ устья рѣчки Лохвицы на Сулѣ градъ *Глинскъ*, отъ Лохвицы двѣ мили; а выше Глинска, 20 верстъ пала въ Сулу рѣчка Роменъ (Романъ) а на устье градъ Романъ....

А отъ Сулы на Хоролъ отъ устья 20 верстъ градъ Хоролъ; на той же рѣчкѣ на Хоролѣ *Миръ-Городокъ* а градъ Хоролъ отъ Лубенъ 20 верстъ, а Миръ-Городокъ отъ Лубенъ 30 верстъ а Лубны отъ Днѣпра отъ Переяславля 60 верстъ.... а выше Миръ-городка на Пслѣ *Городище старое* отъ Миргорода 10 верстъ а выше старого на Пслѣ Городище новое отъ старого верстъ съ 7..... Это старое городище, не будетъ ли тоже, что *Краснополье?*

О Вишневеччинѣ.

По тогдашней принадлежности Лубенъ къ Миргородскому полку, я считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о знаменитой *Вишневеччинѣ*, нерѣдко поминаемой въ лѣтописаньи того вѣка. Такъ называлась обширная доля Украины, составлявшая владѣнія князей Вишневецкихъ. Послѣднимъ ея владѣльцемъ былъ *Іеремія Вишневецкій*, Русскій воевода, отецъ Короля Польскаго Михаила, первый изъ сего княжескаго рода отступившій отъ православія въ 1631 году. При немъ средоточіемъ Вишневеччины и его резиденціей, былъ городъ *Лубны*, (который по своему положенію и есть настоящее средоточіе Полтавской губерніи). Тутъ находился князь Іеремія и при возстаніи Хмельницкаго, и принужденъ былъ онъ тогда пробираться отсюда на Волынь чрезъ Сѣверъ, и разстаться навсегда съ своею Украинскою вотчиною. Отсюда понятно его особенное ожесточеніе противъ козачества въ борбѣ съ Хмельницкимъ, во время которой храбрый «воевода Рускій» крѣпко потерпѣлъ въ осадѣ Збаражской, но потомъ утѣшился въ побѣдѣ Берестецкой, послѣ которой и скончался.

Повторю здѣсь имена городовъ и мѣстечекъ, ему принадлежавшихъ, изъ которыхъ лишь немногіе были на правой сторонѣ Днѣпра, какъ Мошны, которыми началась Вишне-

веччина: «по книгѣ Большого Чертежа», градъ *Моѝна Вишневецкаго*, т. е. стародавняго Михаила Вишневецкаго, который принадлежалъ, такъ же какъ и Дмитрій Вишневецкій, къ героямъ козаччины.

1) Лубны. 2) Хоролъ. 3) Горошинъ. 4) Лукомль. 5) Оржица. 6) Буромль. 7) Еремѣевка. 8) Жовнинъ. 9) Чигиринъ-Дуброва. 10) Пирятинъ. 11) Бѣлошапка. 12) Держикрай. 13) Золотоноша. 14) Пѣщана. 15) Домонтовъ. 16) Прилуки. 17) Полтава. 18) Монастырище. 19) Гака [1]. 20) Журавка. 21) Городня. 22) Хмыровка. 23) Ичня. 24) Иваница. 25) Голенка. 26) Красне. 27) Липове. 28) Кропивна. 29) Самборъ. 30) Глинскъ. 31) Варва. 32) Переволочна. 33) Сѣкирна. 34) Срѣбне. 35) Чернухи. 36) Спятинка. 37) Воронка. 38) Многа. 39) Курѣнка. 40) Лохвица. 41) Пѣски. 42) Сѣнча. 43) Комышно. 44) Ручинцы. 45) Хомутецъ. 46) Сергѣевка. 47) Робишовка. 48) Царевъ-бродъ. 49) Липова-Долина. 50) Кайгородъ [2]. 51) Опанасовка. 52) Талалаевка. 53) Роменъ. 54) Мошна. 55) Корыбутовъ. 56) Кули-городище.

Съ бѣгствомъ князя Іереміи изъ Лубенъ, вся Вишневеччина по старому обратилась въ козаччину; и собственно Лубенщина стала было полкомъ Лубенскимъ, но съ 1649 года вошла въ составъ Миргородскаго полка, въ которомъ и оставалась до 1658 года; и только гербомъ Лубенскимъ осталась, какъ была, *рука съ Булавою*.

По отдѣленіи Лубенщины отъ полка Миргородскаго (1658 года), онъ остался только при четырехъ сотняхъ своихъ.

1) *Миргородская полковая.*

2) *Сорочинская* (т. е. прежняя Краснопольская).

3) *Устивицкая.*

4) *Хорольская.*

Въ такомъ умаленномъ объемѣ былъ онъ и въ *1672* году, при выборѣ въ гетманы Самойловича. Въ его гетманство прибавлены къ Миргородскому полку изъ Полтавскаго слѣдующія сотни:

---

[1] *Гака* должно быть тоже, что въ кн. Больш. Чертежа *Городище Гацкое*.
[2] *Кай-городомъ* и теперь въ народѣ зовется Безбаховка.

5) *Шишацкая.*

6) *Яресковская.*

7) *Богачская.*

8) *Бѣлоцерковская.*

9) *Остаповская.*

10) *Голтвянская.*

Двѣ послѣднія сотни въ Полтавскій полкъ были перечислены изъ прежняго *Чигиринскаго* полка, изъ котораго прямо въ Миргородскій полкъ перечислено еще 5 сотенъ.

11) *Омельницкая.*

12) *Потоцкая.*

13) *Кременчуцкая.*

14) *Власовская.*

15) *Городиская*, (учрежденная изъ прежней Максимовской). Въ такомъ составѣ, изъ 15 сотенъ былъ сей полкъ и при Данилѣ Апостолѣ, и послѣ него (1744 г.).

Въ 1764 г. сотни Кременчуцкая и Власовская причислены были къ Новороссійской губерніи, въ то время учрежденной изъ Новой Сербіи, а въ 1775 г. къ той же губерніи причислены и сотни Омельницкая и Потоцкая.

Полковники Миргородскіе.

1) Полковникомъ Миргородскимъ съ 1648 года былъ *Матвѣй Гладкій* (неправильно именуемый у Коховскаго *Максимомъ Гладкимъ*, а у Конискаго и Бантышъ-Каменскаго названный *Максимомъ Тарановъ*). Это одинъ изъ самыхъ храбрыхъ вождей того времени. Послѣ Берестецкаго пораженія, возвращаясь въ Паволочъ, Гладкій роптал́ъ на Хмельницкаго и похвалялся быть гетманомъ; отсюда между ними и начался разладъ въ 1652 году, когда, въ силу Бѣлоцерковскаго договора, польскія войска становились квартирами по Украинѣ, въ Миргородщинѣ на самый Великдень (1652 г) произошла сильная рѣзня козаковъ съ жолнѣрами. А когда послѣ того Хмельницкій, выходившій изъ терпѣнія, что Москва медлитъ принятіемъ къ себѣ Украины, хотѣлъ (кажется только для виду) отдаться подъ покровительство Порты, тогда Гладкій сталъ возражать ему въ такихъ оскорбительныхъ рѣ-

чахъ, что разгнѣванный гетманъ, сложивъ на него прежнюю вину, велѣлъ отрубить ему голову по приговору военной Польско-козацкой коммисіи.

2) Преемникомъ Гладкаго былъ *Григорій Сахненко-Лесницкій*, (названный въ народной думѣ Костыремъ, а въ актахъ *Сахновичемъ);* этотъ полковникъ былъ уже не изъ воиновъ, а изъ политиковъ тогдашнихъ. Умирающій Богданъ ему, совмѣстно съ войсковымъ асауломъ Коваленкомъ, поручилъ въ опеку своего безталаннаго молодого Юрася, котораго козачество выбрало тогда въ преемники своего гетмана, желая тѣмъ возблагодарить его и утѣшить на смертномъ одрѣ.

«Будемъ мы старыхъ людей биля его держаты
Будуть воны его научаты,
Будемъ его добре поважаты,
Тебе батька, нашого гетмана спомынати».

Лесницкій послѣ смерти Богдана сталъ за одно съ Выговскимъ. Отправивъ Хмельниченка въ Кіевъ поучиться въ академіи, онъ усердно поддерживалъ гетманство Выговскаго и вмѣстѣ съ нимъ передался на сторону Польши 1658 года. Въ 1661 — 1663 годахъ онъ былъ генеральнымъ судьею, въ какомъ званіи мы его встрѣчаемъ въ 1662 году въ таборѣ подъ Ходорковомъ.

3) *Степанъ Довгаль*, въ 1658 году держалъ сторону Пушкаря въ его борьбѣ съ Выговскимъ.

4) *Павелъ Апостолъ*, въ 1659 г., будучи и за наказного гетмана, занялъ Гадячъ и отразилъ отъ него Выговскаго съ ордою.

5) *Григорій Матвѣевичъ Гладкій*, (изъ Мгарского помянника; въ Безбородьковскомъ спискѣ поставленъ Евстафій Гладкій).

6) *Иванъ Дубяга*, извѣстный въ 1672 году.

7) Послѣ него вторично былъ полковникомъ *Павелъ Апостолъ* (1679 г.); а его преемникомъ сталъ храбрый сынъ его *Данило Апостолъ* около 1682 года и былъ на полковничествѣ до 1727 г., въ которомъ онъ октября 1 избранъ въ гетманы. Скончался 1734 г. въ Глуховѣ; погребенъ въ Сорочинцахъ 28 генваря, въ сооруженной имъ каменной Преображенской церкви.

8) *Павелъ Даниловичъ Апостолъ*, 1734—1737.

9) *Василь Петровичъ Капнистъ*, съ 1737 по 1650-й.

10) *Якимъ Петровичъ Троцкій.*

11) *Θедоръ Матвѣевичъ Остроградскій.*

12) *Θедоръ Григорьевичъ Занковскій*, на которомъ окончилось Миргородское полковничество.

§ 23. *О полку Полтавскомъ.*

Сей полкъ по присоединеніи къ нему Гадяцкаго, въ исходѣ 1649 г. состоялъ изъ 19 сотенъ съ слѣдующими сотниками:

1)	Сотня	Полтавская полковая.
2)	„	Петрашова Полтавская.—Петрашъ Яковенко.
3)	„	Оксютина Полтавская.—Оксюта.
4)	„	Зѣнковская.—Жаданъ Татарищенко.
5)	„	Кобеляцкая.—Прокопъ Борковскій.
6)	„	Опошнянская.—Сергѣй Тепличенко.
7)	„	Богацкая.—Иванъ Гузѣй.
8)	„	Борковская.—Миско Телюченко.
9)	„	Куземинская.—Трохимъ Хурсенко.
10)	„	Борковская 2-я.—Мисанъ.
11)	„	Ковалевская.—Радько.
12)	„	Балаклыйская.—Терешко Исаевичъ.
13)	„	Лукомская.—Назарій Елецкій.
14)	„	Веприцкая.—Захарко Остапенко.
15)	„	Гадяцкая.—Иванъ Богодунъ.
16)	„	Клышовская.—Иванъ Донецъ.
17)	„	Подольская.—Павелъ Макаренко.
18)	„	Рашавская.—Фесько Жижко.
19)	„	Лютенская.—Иванъ Миценко.

Отсюда видно, что въ Полтавскомъ полку, кромѣ *Полтавы*, находились тогда какъ сотенные города такъ и мѣстечки. *Зѣньковъ*, *Кобеляки*, *Опошня*, *Богачка*, *Борки*, (или *Бурокъ*) *Куземинъ*, *Ковалевка*, *Балаклыя*, *Лукомье*, *Веприкъ*, *Гадячъ*, *Клышовъ*, *Подолскъ*, *Рашевка* и *Лютенька*.

Изъ этихъ 16-ти мѣстъ, въ древне русскомъ лѣтописаньи встрѣчаются только два: 1) *Полтава*, подъ именемъ *Лтавы*,

когда въ 1174 году молодой князь Игорь Святославичъ побѣдилъ тамъ Половцевъ, въ Ильинъ день; 2) *Лукомль*, въ 1179 году.

Первымъ Полтавскимъ помѣщикомъ былъ Татарскій князь Лекса (по принятіи крещенія звавшійся Александромъ и бывшій родоначальникомъ князей Глинскихъ); онъ служилъ у воинственнаго князя Витовта и получилъ себѣ вотчину «Глинескъ, Глиницу и Полтаву».

По книгѣ Большаго Чертежа, изъ помянутыхъ городовъ значится только: «выше Горошины 2 мили градъ *Лукомля*». Полтавскій полкъ принялъ значительное измѣненіе въ составѣ своемъ, послѣ 1660 года, когда отдѣлилась отъ него Гадяцкая волость, въ особый полкъ Зѣньковскій.

Тогда въ Полтавскомъ полку остальныя сотни его образованы были въ слѣдующія.

1) *Полтавская полковая.*
2) *Будянская* (названная послѣ *Велико-будищскою).*
3) *Старо-сенжаровская.*
4) *Ново-сенжаровская.*
5) *Бѣликовская* или *Бѣлицкая.*
6) *Кобеляцкая.*
7) *Сокологорская* или *Сокольская.*
8) *Кишинская.*
9) *Переволочанская.*
10) *Келебердянская.*

Кромѣ сихъ сотенъ, постоянно принадлежавшихъ къ *Полтавщинѣ*, были въ ней еще три сотни, впослѣдствіи перечисленныя въ полкъ Миргородскій.

11) *Бѣлоцерковская* (вмѣсто прежней *Балаклыйской).*
12) *Ресковская.*
13) *Шишацкая.*

Да еще возвращены были въ Полтавскій полкъ, въ гетманство Многогрѣшнаго, изъ Зенковскаго полка (при образованіи изъ него Гадяцкаго) *двѣ сотни*, впослѣдствіи опять перечисленныя въ полкъ Гадяцкій.

14) *Зенковская.*
15) *Опошнянская.*

Сверхъ того, къ Полтавщинѣ были причислены, изъ прежняго *Чигиринскаго* полка двѣ сотни, перечисленныя послѣ къ Миргородскому.

16) *Остаповская* (съ 1649 г).

17) *Голтвянская* (съ 1649 г).

Въ такомъ составѣ изъ 17-ти сотенъ былъ Полтавскій полкъ до 1672 года.

Въ слѣдъ за тѣмъ Полтавщина пріумножилась выходцами Заднѣпровскими, и особенно изъ Уманщины (во избѣжаніе наступавшей Турецкой грозы и междуусобицы, тогда бывшей между двумя Заднѣпровскими гетманами: Дорошенкомъ и Ханенкомъ). Въ ту пору возникли на рѣкѣ Орели новые городки, преимущественно тѣми выходцами построенные и заселенные.

Нехворощa, при устьѣ р. Нехворощи въ р. Орель 1674 (женскій монастырь).

Маячка, при Устьѣ въ Орель р. Маячки, 1674.

Царичанка на урочищѣ Царичанкѣ 1674.

Китай-Городокъ, 1677 г. построенный Ладыжинцами и другими.

Орликъ или *Орель*, на устье Орели, заселенный еще Запорожцами, и вновь построенный 1678 г. Степаномъ Подстрельнымъ. При нихъ учреждены были 5 сотенъ *Орельскихъ*.

1) *Орлянская*.

2) *Маяцкая*.

3) *Нехворощанская*.

4) *Царичанская*.

5) *Китай-Городская*.

Къ симъ пяти сотнямъ прибавлены были еще *Полтавская* 2-я и новоучрежденная (послѣ 1723) сотня *Рѣшетиловская* (при м. Рѣшетиловкѣ).

И такимъ образомъ считалось (1744) *17 сотенъ* въ Полтавскомъ полку за исключеніемъ изъ него вышеупомянутыхъ семи сотенъ.

Полковники Полтавскіе.

1) Во все гетманство Хмельницкаго Полтавскимъ полковникомъ былъ *Мартынъ Пушкаренко* или *Пушкаръ*, подвизавшійся храбро во многихъ битвахъ и походахъ козацкихъ,

въ томъ числѣ и въ походѣ на Молдавію 1650 г. А когда по смерти Богдана, Выговскій, удаливъ молодаго гетмана Хмельниченка въ Кіевъ, чтобы поучился въ академіи, и выхитривъ себѣ гетманство, (при содѣйствіи боярина Хитрова) предпринялъ возвращеніе Украины подъ Польшу; тогда Пушкарь, не смотря ни на что, противудѣйствовалъ ему войною, имѣя на своей сторонѣ Запорожье; но онъ палъ въ неравной борьбѣ подъ Полтавою 1658 года; во вторникъ, іюня 1 подана была Выговскому на копьѣ голова правдомолвнаго Пушкаря. Полковымъ обознымъ былъ при немъ *Иванъ Искра*, русскій шляхтичъ, котораго Хмельницкій въ началѣ 1652 г. (вмѣстѣ съ войсковымъ судьею Самойломъ Богдановичемъ) посылалъ въ Москву. По смерти Пушкаревой онъ самъ съ товариствомъ ѣздилъ къ царю и возвратился съ именемъ гетманскимъ; но на пути въ Лохвицу къ князю Ромадановскому, былъ онъ окруженъ Чигиринскимъ паказнымъ полковникомъ Скоробогаткою и Татарами и тамъ подъ Пѣсками въ жаркой битвѣ 12 генваря 1659 г. погибъ.

2) На его мѣсто назначенъ былъ онъ Выговскаго *Филонъ Горкуша*, но Полтавцы его не приняли.

3) *Ѳедоръ Жученко*, выбранный Полтавцами на мѣсто Пушкаря, правилъ полкомъ до 1663 года. Впослѣдствіи онъ былъ опять два раза на полковничествѣ: въ 1679 — 1681 г. и въ 1691 г.

4) *Демьянъ Гужель* въ 1663 и 1664 г.

5) *Григорій Витязенко* съ 1665 по 1668 г., въ которомъ онъ убитъ своими козаками, вслѣдъ за тѣмъ какъ былъ убитъ гетманъ Брюховецкій (1 іюня 1668 г.).

6) Въ ту пору выбранъ былъ въ полковники опять *Демьянъ Гуджель*, бывшій съ 1668 по 1673.

7) *Прокопъ Левенецъ*, раненъ былъ въ Чигиринской битвѣ 1678 г.

8) *Леонтій Чернякъ* съ 1682 г. потомъ былъ генеральнымъ асауломъ (1687 г.).

9) *Павелъ Семеновичъ Герцигъ* въ 1687, приверженецъ гетмана Мазепы. Построилъ въ Кіевѣ на ближнихъ пещерахъ каменную Воздвиженскую церковъ, въ которой и погребенъ.

10) *Иванъ Искра*, изъ полковниковъ Корсунскихъ; казненъ вмѣстѣ съ Кочубеемъ, 15 іюня 1708 года, за ихъ доносъ на гетмана Мазепу. Тѣла ихъ погребены въ Печерской лаврѣ, близь трапезы.

11) *Иванъ Прокоповичъ-Левенецъ*.

12) *Иванъ Леонтьевичъ Чернякъ*, съ 1714 г., изъ бунчуковыхъ товарищей, взятый 1717 г. въ Москву подъ караулъ.

13) *Василь Васильевичъ Кочубей*, зять гетмана Апостола, пожалованъ въ полковники 1727 г.

14) *Андрей Андреевичъ Горленко*, бывшій полковникомъ болѣе тридцати лѣтъ до прекращенія Полтавскаго полка въ 1765 году.

§ 24. О полку Гадяцкомъ или Зѣньковскомъ.

Гадяцкій или Зѣньковскій полкъ возникалъ еще 1649 г. подъ начальствомъ полковника *Бурлая*. Но слѣдующаго года *Гадяцкій повѣтъ* причисленъ былъ къ Полтавскому полку и оставался въ немъ до гетманства Юрія Хмельницкаго, составляя собою *Гадяцкое староство* (или волость) бывшее при булавѣ гетманской и управляемое особымъ «намѣстникомъ» или «господаремъ». Извѣстенъ Гадяцкій намѣстникъ *Тимошъ*, который въ 1656 г. подъ селомъ Подолками, вырубилъ Донскихъ козаковъ, отпущенныхъ Хмельницкимъ послѣ тогдашней войны и возвращавшихся домой съ великимъ буйствомъ и грабительствомъ по Украинѣ. Въ началѣ 1659 года, когда Выговскій, по прибытіи изъ Константинова въ Гадячь, умертвивъ тамъ нѣсколько человѣкъ старшины, ему подозрительныхъ, послалъ Тимоша къ Пушкарю, склонять его на миръ, тотъ отвѣчалъ: «Чи не такъ Выговскій хочетъ мене съ собою погодити, якъ погодилъ въ Гадячью братью нашу, лучшихъ одъ себе товаришивъ войска Запорожского, поутинавши имъ головы? Но недождетъ того!» и, заковавъ въ кандалы Тимоша, отправилъ его къ воеводѣ Колонтаевскому (см. Величка Ч. 1 стр. 325).

Въ 1662 году, или за годъ передъ тѣмъ, Гадяцкая волость съ своими городами была уже особымъ полкомъ, отдѣльнымъ отъ Полтавскаго. Въ гетманство Брюховецкаго сей

полкъ назывался Зѣнковскимъ и состоялъ изъ слѣдующихъ 12 сотенъ.

1) *Зѣнковская полковая* (съ 1649).

2) *Опошнянская* (съ 1649).

3) *Ковалевская* (съ 1649).

4) *Куземинская* (съ 1649).

5) *Котельвянская* (не Клышовская ли? 1649).

6) *Бурковская* (съ 1649).

7) *Гадяцкая* (съ 1649).

8) *Грунская* (должно быть Подольская 1649).

9) *Веприцкая* (съ 1649).

10) *Рашевская* (съ 1649).

11) *Лютенская* (съ 1649).

12) *Комышенская* (съ 1649 года) бывшая въ прежнемъ, полку Миргородскомъ.

Послѣ Брюховецкаго, когда Зѣнковскій полкъ перемѣненъ въ *Гадяцкій*, три первые сотни его: Зѣнковская, Опошнянская и Ковалевская (на тотъ часъ упраздненная?) перечислены были по прежнему въ Полтавскій полкъ. Такимъ образомъ Гадяцкій полкъ состоялся изъ *девяти* сотенъ, при которыхъ былъ онъ и въ 1672 г.

1) *Гадяцкая полковая.*

2) *Веприцкая.*

3) *Грунская.*

4) *Котельвянская.*

5) *Куземенская.*

6) *Бурковская.*

7) *Лютенская.*

8) *Рашевская.*

9) *Комышанская.*

Въ послѣдствіи опять были возвращены въ Гадяцкій полкъ сотни: *Зѣнковская*, *Опошнянская* и *Ковалевская.* Изъ сего числа *Котельва*, съ своею сотнею перепросилась изъ Украины въ Слободскіе полки; и упразднена была еше сотня *Бурковская* (около 1724 года).

Въ замѣнъ ихъ прибавлены потомъ: *Гадяцкая 2-я* и Зѣнковская 2-я, и считалось (1744) тоже 12 сотенъ,

И такъ въ семъ полку назовемъ слѣдующіе города и мѣстечки сотенные при Разумовскомъ.

1) *Гадячь*, 2) *Веприкъ*, 3) *Грунь*, 4) *Котельва*, 5) *Куземинъ*, 6) *Бурокъ* или *Борки*, 7) *Лютенка*, 8) *Рашевка*, 9) *Комышна*, 10) *Ковалевка*, 12) *Опошня*, 13) *Зѣньковъ*.

Полковники Гадяцкіе или Зѣньковскіе.

1) *Бурлай*, извѣстный въ свое время Черноморскими походами, былъ Гадяцкимъ полковниломъ въ первое время гетманства Богданова; убитъ въ сраженіи подъ Збаражемъ, въ іюлѣ 1649 г.

2) *Василій Шиманъ*, извѣстный въ 1663 году, сынъ его Григорій Шимапенко былъ съ Брюховецкимъ въ Москвѣ въ 1666 году.

3) *Григорій Васильевичъ*, въ 1665 г.

4) *Ѳедоръ Криницкій*, убитъ въ Чигиринскую войну, 1678 г. (изъ Переяславскаго Успенскаго помянника).

Михайло Васильевичъ (по фамиліи Самойловичъ, двоюродный братъ гетмана) съ 1678 года; 1685 пожалованъ былъ въ стольники. Въ 1687 г. сосланъ гетманомъ Мазепою въ Москву, гдѣ содержался въ ямѣ, а въ 1692 г. послѣ пытокъ, выдержанныхъ съ твердостію, сосланъ въ Сибирь.

6) *Михайло Боруховичъ*, съ 1687 г. 1705 подвизался храбро въ войнахъ съ Татарами. Въ 1692 году построилъ Никольскую каменную церковъ въ Гадяцкомъ монастырѣ, и каменную-же Успенскую въ м. Лютенкѣ.

7) *Степанъ Трощинскій*, племянникъ гетмана Мазепы, отставленный отъ полковничества въ іюлѣ 1709 г., онъ былъ женатъ на дочери компанейскаго полковника Ильи Новицкаго.

8) *Иванъ Чарнышъ* съ іюля 1709 года по 1714, потомъ былъ генеральнымъ судьею.... Умеръ въ Москвѣ 1728 г. 30 ноября; погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ склепу подъ большою церковью.

9) *Михайло Милорадовичъ*, сербъ; пожалованъ въ полковники Гадяцкіе 1715 г. и былъ до кончины своей въ 1727 г.

10) *Гаврило Милорадовичъ*, опредѣленъ на мѣсто брата въ 1727 г., но въ 1728 г. отрѣшенъ за взятки.

11) *Григорій* (Ивановичъ) *Грабянка*, съ 1729 г. убитъ въ Крымскомъ походѣ, при взятіи Перекопа 1738 г.

12) *Петръ* (Семеновичъ) *Галецкій*, извѣстный походомъ въ Крымъ.

13) *Василь* (Ивановичъ) *Разумовскій*.

14) *Антонъ* (Степановичъ) *Крыжановскій*, 1762 года Голштинскій бригадиръ.

15) *Иванъ* (Даниловичъ) *Тарновскій*.

16) Премьеръ маіоръ Плименецъ.

§ 25. *О полку Прилуцкомъ*.

Прилуцкій полкъ возникъ въ 1648 г.; въ 1649 къ нему былъ причисленъ полкъ Ичанскій. Коховскій въ 1650 г. по ошибкѣ вмѣсто Прилуцкаго ставилъ *Острянскій* (legio Ostrensis), съ чего и у нашего старшаго лѣтописца прошлаго столѣтія, Григорія Гребенка или Грабянки взялся мнимый *Острянскій* полкъ, повторяемый у насъ уже полтора столѣтія и приводившій насъ къ сбивчивымъ понятіямъ о началѣ *Прилуцкаго* полка.

Такъ, напримѣръ, въ исторіи Бантыша Каменскаго (Ч. I. прим. 268) сказано, вопреки Пасторію, что Прилуцкій полкъ не существовалъ до гетманства Юрія Хмельницкаго (того же мнѣнія былъ еще прежде Шафонскій); между тѣмъ въ его же исторіи, въ документальномъ и достовѣрномъ перечнѣ 17 полковъ, бывшихъ 1654 г. во время присоединенія Малороссіи къ Русской державѣ, значится *Прилуцкій* полкъ. И такъ у Пасторія (Bellum Scythico — Cosaccicum 1652 г. pag. 124) гдѣ говорится о подвигахъ Богуна въ началѣ 1651 года (первомъ и знаменитомъ его подвигѣ) не ошибочно названъ *Прилуцкій* полкъ «restitit iterum Bohunus et cum eo plurimae legiones: Czeherinensis, Przylucensis, Lubenensis, Braclawiensis». Тутъ подлежалъ бы критикѣ только Лубенскій полкъ (см. выше), а Прилуцкій существовалъ постоянно съ 1648 г. и по 1782. Что же касается до города *Остра*, поставленнаго еще Мономахомъ (1098) на границѣ княжества Переяславскаго, то онъ издавна былъ сотеннымъ городомъ. Остерскіе сотники встрѣчались мнѣ и въ XVI вѣкѣ. Сотня

Остерская или Острянская при Хмельницкомъ принадлежала, по прежнему, къ полку Переяславскому, и уже 1668 года перечислена въ Кіевскій полкъ, въ которомъ она осталась до конца своего. Въ 1649 году Прилуцкій полкъ состоялъ изъ слѣдующихъ сотенъ.

1) Сотня *Прилуцкая* полковая.
2) „ Шкуратова. —Иванъ Шкуратовичъ.
3) „ *Прилуцкая* [1])—Омельянъ Проценко.
4) „ *Варвинская.*—Микита Антоненко.
5) „ *Варвинская.*—Хведько Андріевичъ.
6) „ *Прилуцкая.*—Павелъ Терехъ.
7) „ *Сребрянская.*—Павелъ Хведоренко.
8) „ *Девицкая.*—Огѣй Даниловичъ.
9) „ *Галицкая.*—Васько Колосъ.
10) „ *Переволочинская.*—Иванъ Мисковичъ.
11) „ *Ичнская.*— Иванъ Яновичъ.
12) „ *Иченская.*—Федоръ Грищенко.
13) „ *Городенская.*—Остапъ Еремѣенко.
14) „ *Иваницкая.*—Стефанъ Гриценко.
15) „ *Монастырская.*—Дацко Мальченко.
16) „ *Карибогповская.*—Леско Федоренко.
17) „ *Краснянская.*—Давидъ Деркачъ.
18) „ *Горлюнская.*—Юрько Демченко.
19) „ *Гужовская.*—Матвѣй Романенко.
20) „ *Кропивенская.*—Михайло Торлало.
21) „ *Липовчанская.*—Тимко Гриценко.

Полковники Прилуцкіе.

1) Не зная навѣрное, былъ ли здѣсь полковникомъ *Ѳедоръ Кисѣль* въ первую пору гетманства Хмельницкаго, полагаемъ здѣсь первымъ *Тимофея Носача*, извѣстнаго на полковничествѣ Прилуцкомъ съ 1649 года.

Въ слѣдующемъ году совершилъ онъ опустошительный походъ въ Молдавію вмѣстѣ съ Пушкаремъ и Дорошенкомъ; и вскорѣ послѣ того перемѣстился въ Корсунскій полкъ;

2) *Иванъ Шкуратъ* (или *Шкуратовичъ*) изъ сотниковъ Прилуцкихъ; убитъ 1651 г. въ сраженіи Берестецкомъ.

[1]) Въ числѣ козаковъ сей сотни—*Лазарь Горленко.*

3) *Ясько Воронко* или *Ворonченко*, прежній Черкаскій полковникъ, бывшій впослѣдствіи войсковымъ асауломъ (1658).

4) *Сомко*, въ 1652 (Велич. I. 119).

5) *Петро Дорошенко*, съ 1653 до 1659 г.; съ 1660 былъ Чигиринскимъ полковникомъ, а съ 1666 до сентября 1676 г. гетманомъ, † 1698 г. 9 ноября, въЯрополчѣ.

6) *Өедоръ Терещенко*, съ 1659 года.

7) *Лазарь Горленко*, козакъ сотни 2-й Прилуцкой.

8) *Данило Пѣсоцкій*, поставленный въ 1663 г. Брюховецкимъ, вмѣсто Лазаря Горленка, въ 1664 г. при нашествіи короля Яна Казимира сдался ему (Лѣтоп. Самовидца).

9) *Лазарь Горленко*, извѣстный вторично на полковничествѣ Прилуцкомъ въ 1762 г.

10) *Өедоръ Мовчанъ*, отличался въ Чигиринской войнѣ 1678 г. за что и получилъ похвальную грамоту.

11) *Дмитрій Чернявскій*, съ 1679 г. (братъ его *Григорій Чернявскій* былъ въ 1672 г. полковымъ асауломъ, а въ 1695 г. обознымъ).

12) *Лазарь Горленко*, убитъ козаками въ походѣ 1687 г. по взятіи Самойловича, погребенъ въ Густинскомъ монастырѣ.

13) *Иванъ Стороженко*, въ 1689—1691 г.

14) *Дмитрій Лазаревичъ Горленко*, въ 1693—1708 ушелъ вмѣстѣ съ Мазепою. Строилъ въ Густинскомъ монастырѣ церковь.

15) *Иванъ Яремовичъ Носъ*, пожалованъ въ полковники 14 ноября 1708 г.

16) *Игнатъ Ивановичъ Галаганъ*, назначенъ изъ компанейскихъ полковниковъ въ Чигиринскіе, а затѣмъ въ Прилуцкіе (1725—1745).

17) *Григорій Игнатьевичъ Галаганъ*, въ 1745—1760 г.

18) *Александръ Ивановичъ Якубовичъ*.

О полку Ичанскомъ.

Ичанскій полкъ возникъ въ 1648 году, но уже въ 1649 былъ причисленъ къ составу полка Прилуцкаго.

Ичня памятна тѣмъ, что здѣсь 1662 г. былъ вторично выбранъ въ гетманы *Якимъ Сомко*, родной братъ первой

жены Богдановой — Анны. Но заслуженное имъ гетманство перебилъ у него пришлецъ Брюховецкій, бывшій конюхъ Хмельницкаго, выхлопотавшій для себя *Черную раду* въ Нѣжинѣ 1663 года, небывалую дотолѣ при выборѣ въ гетманы, «тогожъ дня (говоритъ лѣтопись Самовидца), якъ тая рада стала, мѣсто Ичня, въ которомъ рада (т. е. прежняя) была, и церковъ тая, у которой Сомкови присягали на послушенство гетманское, усе згорѣло до знаку, той же годины, якъ Сомка взято до вязеня». Ичня еще на моей памяти отличалась тѣмъ особеннымъ обычаемъ, что здѣшнія жôнки, вмѣсто очипковъ, повязанныхъ платкомъ, или намѣткою, ходили даже и въ церковъ въ мужескихъ смушовыхъ шапкахъ [1]).

§ 26. О полку Нѣжинскомъ.

Нѣжинскій полкъ, возникшій 1648 года, въ концѣ 1649 года состоялъ изъ *одиннадцати* сотенъ при слѣдующихъ сотникахъ:

1) Сотня полковая Нѣжинская.
2) „ Нѣжинская 2-я.—Фесько Мринскій.
3) „ Нѣжинская 3-я.—Григорій Красножонъ.
4) „ Дѣвицкая.—Карпъ Лѣтошный.
5) „ Нѣжинская 4-я.—Иванъ Нагорный.
6) „ Кобилецкая.—Григорій Кобилецкій.
7) „ Нѣжинская 5-я.—Иванъ Барсукъ.
8) „ Нѣжинская 6-я.—Грицко Василенко.
9) „ Березовская.—Яско Филоненко.
10) „ Носовская } Опанасъ Едута.
11) „ Кобызская }

Этотъ первоначальный составъ Нѣжинскаго полка вскорѣ измѣнился перечисленіемъ къ нему отъ Черниговскаго полка сотенъ, на лѣвой сторонѣ Десны и Сейма лежащихъ, т. е.: *Батуринской*, *Конотопской*, *Бахмацкой*, *Борзянской* и *Ивангородской*.

---

[1]) Подобно тому въ Ладинскомъ монастырѣ черницы носятъ такіе же клобуки, какъ у чернецовъ, тоже было нѣкогда и въ бывшемъ Золотоношскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Не оттого-ли повелся такой обычай, что эти два монастыря получили свое начало отъ мужскихъ монастырей?

Кромѣ того къ Нѣжинскому полку были причислены: 1) *Засеймская* часть Малороссіи по рѣку Клевань, и 2) Задесенская часть Сѣвери, составляющая такъ называемая *Стародубовщину;* а потому къ названію полка Нѣжинскаго прибавлялось иногда; «и всего Сѣвера».

Города и мѣстечки.

По первоначальному ограниченію полка въ немъ, при полковомъ городѣ *Нѣжинѣ* находились сотенныя мѣстечки: *Мринъ*, *Верѣевка*, *Олишевка*, *Дѣвица*—(Салтыкова), *Березанка*, *Носовка*, *Кобызча.*

Послѣ причислены сюда города: *Батуринъ*, *Конотопъ*, *Бахмачъ*, *Борзна*, *Иванъ городъ.*

Къ Засеймской волости принадлежали города: *Коропъ*, *Кролевецъ*, *Воронежъ*, *Ямполь* и *Глуховъ*, а къ Стародубовщинѣ: *Новгородъ-Сѣверскъ*, *Стародубъ*, *Мглинъ*, *Погаръ* и *Почепъ.*

Изъ помянутыхъ мѣстъ, въ древнерусскомъ лѣтописаніи, встрѣчаются слѣдующія.

Унѣжъ (безъ сомнѣнія нашъ Нѣжинъ), [1]) вспоминаемый вмѣстѣ съ *Бѣлою вежею*, *Бохмачемъ*, 1147 года, когда Изяславъ Мстиславичъ, воюя Черниговскіе города, взялъ на щитъ городъ *Всеволожъ* (нынѣ село Сиволоже). Въ Засеймской полосѣ вспоминаются: *Глуховъ*, съ 1152 года, когда тамъ остановился Юрій Долгорукій, шедшій вторично изъ Суздаля, и *Хороборъ* или *Хоробръ*, извѣстный подъ этимъ именемъ съ 1152 года и до 16 вѣка включительно (нынѣшній *Коропъ*, по объясненію Надеждина и Неволина).

А изъ Сѣверныхъ городовъ вспоминаются: Новгородъ-Сѣверскъ, построенный Ярославомъ великимъ (ок. 1044) и бывшій удѣльнымъ городомъ князей Святославичей, начиная съ Олега Тмутараканскаго (1097—1115) и до внука его Игоря Святославича (1178—1198). *Стародубъ*, о которомъ Мономахъ (въ поученіи говоритъ: а на ту зиму (1083 г.) повоеваша Половцы *Стародубъ* весь и азъ шедъ съ Черниговцы на Половцы [2]) на Деснѣ изъимахомъ князи: Асадука и

---

[1]) Такъ полагалъ Карамзинъ.—Странно, что даже и въ настоящее время битву, бывшую 1078 г. на *Нѣжатиной нивѣ* подъ самимъ Черниговомъ, многіе полагаютъ въ Нѣжинѣ.

[2]) Въ подлинникѣ, «исъ Половцы» явная ошибка; я читаю *на Половцы.*

Саука, и дружину ихъ избиша, а на заутрей за *Новымъ городомъ* разгнахомъ сильни вои Белка(тина) а се мечи и полонъ весь отъяхомъ.

Радощъ или *Радогощъ* [1], подъ которымъ 1155 года встрѣтилъ Юрія Долгорукаго Святославъ Ольговичъ —(Погаръ). О городѣ Нѣжинѣ можно припомянуть, что его мѣщанамъ 1625 года дано было магдебурское право; а въ гетманство Богдана Хмельницкаго, около 1656 года, онъ населился греками, которымъ права и вольности даны универсаломъ его 1657 года 2-го мая.

Монастыри.

1) Подъ самимъ Нѣжиномъ, на Красномъ острову рѣки Остра былъ издавна скитъ, который отъ начала 17 вѣка извѣстенъ уже *Монастыремъ Рождественскимъ* (Рождество Богородицы). Въ 1655 году здѣшній игуменъ *Діонисій* провожалъ гробъ полковника Золоторенка до Корсуня, и тамъ совершалъ его погребеніе. (лѣт. Сам.)

2) *Нѣжинскій Введенскій* дѣвичій монастырь.

3) *Омбышскій Введенскій монастырь* при селѣ Обмышѣ, на Острѣ, основанный 1649 года Екатериною Угорницкою скарбниковою Черниговскою.

4) *Максаковскій Спаскій*, монастырь, при селѣ Максакахъ на Деснѣ (ему подчиненъ былъ и Клюсовскій Спаскій монастырь).

5) *Батуринскій Николаевскій* монастырь, называемый *Крупицкимъ*, извѣстный отъ начала 17 вѣка.

6) *Батуринскій дѣвичій* монастырь.

7) *Глуховскій* Петропавловскій, въ верстѣ отъ Глухова надъ рѣкой Клевенью, извѣстный съ конца 16 вѣка.

8) *Глуховскій Успенскій* дѣвичій монастырь.

9) *Новгородсѣверскій Спасскій* монастырь, основанный еще во второй четверти 12-го вѣка князьями: Владиміромъ и Изяславомъ Давыдовичами. (Въ Новгородѣ Сѣверскомъ были еще православные монастыри: мужескій *Успенскій*, за-

---

[1]) *Радогощемъ* зовется онъ и въ актахъ 15 и 16 вѣка, и въ книгѣ большаго чертежа.

нятый Базиліянами, и женскій *Покровскій*, занятый Доминиканами, но неизвѣстно возстановлялись ли они съ 1648 г.

10) Монастырь *Рыхловскій Николаевскій*, котораго основаніе полагается въ 1656 году, отъ Богдана Хмельницкаго или вскорѣ послѣ того.

Полковники Нѣжинскіе.

1) *Прокопъ Шумейко*, извѣстный въ 1649 году и первой половинѣ 1650 г.

2) *Лукьянъ Сухина*, изъ сотниковъ Бужинскихъ (изъ Чигиринскаго помянника), назначенный въ Нѣжинскіе полковники гетманомъ Хмельницкимъ 1650 г. 1 августа.

3) *Иванъ Золотаренко* — (или Ничипоренко по имени отца), служившій въ козакахъ Корсунской полковой сотни, въ половинѣ 1651 года сталъ шуриномъ гетмана Хмельницкаго [1]) и опредѣленъ былъ въ полковники Нѣжинскіе (кажется 1652 г., въ которомъ былъ посыланъ въ Москву). Слава его началась съ 1654 г., когда онъ, въ званіи наказнаго гетмана предводилъ козаками во время Виленской войны и покорялъ города Бѣлорусскіе. «Тамъ козаки, говоритъ лѣтопись Самовидца», отважнѣ починали въ приступахъ; ажъ на верху на мурахъ Смоленскихъ по лѣствицахъ были; аже оныхъ нѣмцы вспирали; але многіе и въ городъ упавши, погинули. Що видичи Его Царское Величество ихъ отвагу, барзо ихъ улюбилъ». По взятіи Гомеля, Золотаренко съ своими козаками былъ въ Смоленскѣ, гдѣ царь 25 сентября торжественно праздновалъ возвращеніе Смоленска подъ *державу Русскую*. Вслѣдъ за тѣмъ, Иваномъ Золотаренкомъ взяты были: Новый Быховъ, Чечерскъ, Пропойскъ; отраженъ былъ гетманъ Радзивилъ; а съ наступленіемъ весны, когда царь, пойдя на Вильну, завоевалъ было почти всю Литву, при немъ находился тамъ и Золотаренко съ своими козаками; а повернувшись оттуда, онъ осадилъ не сдававшійся старый Быховъ, и на одномъ приступѣ раненъ былъ пулею въ ногу такъ сильно, что отъ той раны и умеръ тамже. Тѣло его перевезено было

---

[1]) *Анна Никифоровна* была третьею женою Богдана Хмельницкаго; по смерти его постриглась въ монахини Печерскаго дѣвичьяго монастыря подъ именемъ *Анастасіи*.

въ Нѣжинъ, а оттуда, въ концѣ Филиппова поста перевезено на родину его, въ Корсунь, для торжественнаго погребенія, въ день Рождества Христова, въ Рождественской церкви, его иждивеніемъ сооруженной [1]). Для большей торжественности гробъ его поставленъ былъ на великолѣпномъ катафалкѣ сперва въ загородной Никольской церкви; и тамъ была обѣдня съ музыкою, но подъ конецъ службы загорѣлась церковь, и много погибло въ ней народа. Недогорѣлый трупъ Золотаренка, въ новомъ гробѣ, похоронили въ Рождественской церкви, но и та загоралась два раза во время погребенія. Этотъ погребальный пожаръ и самая смерть Золотаренка отъ пули серебрянной, освященной ксендзами и пущенной съ колокольни органистомъ Томашомъ, расказаны въ многоразличныхъ видахъ современными писателями польскими, такъ что Нѣжинскій полковникъ сталъ героемъ баснословнымъ. Говорили и писали, напримѣръ, что церковъ загорѣлась отъ громоваго удара (25 декабря) и что тогда лежавшій въ гробу покойный полковникъ замахалъ рукою и проговорилъ трижды: бѣгите! Но козакъ лѣтописецъ, бывшій самовидцемъ погребенія, описалъ подробно этотъ пожаръ и безъ всякихъ сверхъестественностей.

4) *Григорій Гуляницкій*, шляхтичъ Русскій изъ воеводства Волынскаго, служилъ съ своимъ братомъ *Иваномъ* въ Корсунскомъ полку еще въ первое время гетманства Богданова. Вмѣстѣ съ Гладкимъ подпалъ было гнѣву гетманскому, но тогда Гуляницкій скрылся въ *Гарбузинскомъ* Онуфріевскомъ монастырѣ (сей монастырь, обстроенный и надѣленный отъ него и зовется по его имени Корсунскимъ—Гуляницкимъ), а потомъ Хмельницкій перемѣнилъ гнѣвъ къ нему на милость, и посылалъ его въ Москву (1653 г. по Ригельману). Послѣ Ивана Золотаренка былъ на полковничествѣ Нѣжинскомъ. По смерти Богдана былъ на сторонѣ Выговскаго.

5) *Василій Никифоровичъ Золотаренко*, (или Васюта) 1654 г., въ званіи наказного Нѣжинскаго полковника, находился при осадѣ и взятіи Смоленска (см. лѣтоп. Самовидца).

---

[1]) Будучи въ Корсунѣ, въ іюлѣ 1651 г.

Былъ Нѣжинскимъ полковникомъ уже 1658 г. 30 генваря (надпись на евангеліи) до половины 1663 г. Хотѣлъ перебить гетманство у Сомка; но и самъ поплатился вмѣстѣ съ нимъ головою: казненъ 18 сентября Брюховецкимъ.

6) *Матвѣй Никитичъ Гвинтовка*, поставленъ 1663 г. отъ Брюховецкаго на мѣсто Васюты. Послѣ былъ генеральнымъ асауломъ (1670).

7) *Филиппъ Ивановичъ Уманецъ*, въ 1665 году былъ въ Москвѣ съ Брюховецкимъ, виденъ на полковничествѣ и въ первые годы гетманства Самойловича (1674 г.).

8) *Артемъ Мартыновичъ* въ мартѣ 1667.

9) *Марко Ивановичъ Барсукъ*, (отецъ его Иванъ Барсукъ былъ въ 1649 г. сотникомъ).

10) *Яковъ Михайловичъ Жураховскій*, до Чигиринской войны былъ Сердюцкимъ полковникомъ, а въ 1677 сталъ полковникомъ Нѣжинскимъ. (Отецъ его *Михайло Жураховскій* былъ въ 1649 г. Сотникомъ Сосницкимъ).

11) *Ярема....* извѣстенъ 1687 г. (не онъ ли *Ярема Андреевичъ*, бывшій пѣхотнымъ полковникомъ 1690 г.).

12) *Степанъ Петровичъ Забѣла*, (сынъ генеральнаго обознаго Петра Забѣлы), былъ Нѣжинскимъ полковникомъ въ первые годы гетманства Мазепы.

13) *Иванъ Обѣдовскій*—племянникъ Мазепы (сынъ его сестры *Александры Степановны*, бывшей потомъ за Кіевскимъ судьею Яномъ Войнаровскимъ), пожалованный въ стольники. Будучи Нѣжинскимъ полковникомъ, вѣнчался въ Батуринѣ съ *Анною Кочубеевною* 1698 г.; скончался 31 генваря 1701 г. Въ 1689 году царь пожаловалъ ему слободу въ Рыльскомъ уѣздѣ, а въ 1690 село Фроловъ Калужской губ. Козельскаго уѣзда.

14) *Лукьянъ Яковлевичъ Жураховскій*, съ 1701 г. былъ наказнымъ, а съ 1708 г. полнымъ Нѣжинскимъ полковникомъ, до кончины своей въ маѣ 1718 г.

15) На его мѣсто пожалованъ 1719 г. 8 марта Графъ *Петръ Петровичъ Толстой*, зять гетмана Скоропадскаго, скончался 1728 г. 24 октября.

16) *Иванъ Семеновичъ Хрущовъ*, бригадиръ, съ 1727 года по 1735.

17) *Иванъ Пантелеймоновичъ Божичъ*, переведенный 1747 г. въ полкъ Черниговскій.

18) *Семенъ Васильевичъ Кочубей*, съ 1747 года, а послѣ былъ онъ генеральнымъ обознымъ (съ 1756 г).

19) *Петръ Ивановичъ Разумовскій*, въ 1753 г.

20) *Андрей Яковлевичъ Жураховскій*, по 1782 г.

§ 27. О полку Черниговскомъ.

Полкъ Черниговскій, возникшій въ половинѣ 1648 года въ обширномъ видѣ, со всею Сѣверью, въ концѣ 1649 года былъ ограниченъ только 7-ю сотнями при слѣдующихъ сотникахъ:

1) Сотня полковая Черниговская.
2) „ Борзнянская.—Пилипъ.
3) „ Бахмацкая.—Панько Омельяновичъ.
4) „ Батуринская.—Степанъ Окша.
5) „ Конотопская.—Иванъ Рыбальченко.
6) „ Сосницкая.—Михайло Жураховскій.
7) „ Ивангородинская.—Онисій Дорошенко.

Изъ этого списка сотенъ видно, что въ тогдашнемъ составѣ Черниговскаго полка оставлены были только двѣ его сотни: Черниговская и Сосницкая; а прочія пять были отъ полку Нѣжинскаго.

Когда же именно отошли отъ него эти послѣднія, а при немъ учредились *Любецкая*, *Березинская*, и прочія, это надобно еще изслѣдовать.

Города и мѣстечки сотенные.

И такъ послѣ Зборовскаго мира, въ полку Черниговскомъ, главными мѣстами козачества были: полковой городъ *Черниговъ*, *Сосница*, *Борзна*, *Батуринъ*, *Бахмачъ*, *Конотопъ* и *Ивангородъ*.

Изъ этихъ городовъ, кромѣ стольнаго княжескаго города *Чернигова*, въ древнемъ лѣтописаньи вспоминаются: *Сосница*, которую Даніилъ Романовичъ 1234 года взялъ, вмѣстѣ съ *Хораборомъ*, *Сновскомъ* и другими городами Черниговскаго княжества; *Бохмачъ*, который вмѣстѣ съ *Бѣлою - вежею*,

Уньжомъ, и другими городами Черниговскими сжегъ Изяславъ Мстиславичъ, взявъ на щитъ городъ *Всеволожъ* (Сиволожъ.), 1147 года. Но славнѣе этихъ городовъ *Любечъ*, родина славнаго богатыря Рускаго дяди Владимирова Добрини [1]) и первоначальника Русскихъ иноковъ, преподобнаго Антонія Печерскаго; у Любеча Святополкъ окаянный 1016 года былъ побѣжденъ Ярославомъ; *Листвинъ*, гдѣ 1023 года при ночной грозѣ, бился Ярославъ съ Мстиславомъ, и былъ отъ него побѣжденъ; *Сновескъ*, гдѣ въ 1067 году Святославъ Ярославичъ одержалъ первую побѣду надъ Половцами.

Припомнимъ здѣсь еще городъ Березый (Березна), извѣстный въ 1156 году. А изъ городовъ позднѣе возникшихъ, знаменитъ *Батуринъ*, поставленный козакамъ отъ короля Стефана Баторія.

Монастыри.

Древнѣйшій Черниговскій монастырь *Успенскій Елецкій* основанъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ еще 1060 г. [2]) на Болдиной горѣ. О немъ упоминаетъ Несторъ, говоря о перемѣщеніи преподобнаго Антонія въ Черниговъ, 1067 года: «Антоній же пришедъ къ Чернигову взлюби Болдины горы; ископавъ печеру, ту ся всели, есть ту монастырь святое Богородицы на Болдиныхъ горахъ и до сихъ дней». Въ этомъ монастырѣ погребенъ 1196 года, доблестный князь Всеволодъ Святославичъ (Буй—туръ).

Во время Хмельницкаго архимандритомъ Елецкимъ былъ знаменитый южнорускій богословъ *Кирилъ Транквиліонъ Ставровецкій*, тутъ онъ завелъ типографію и напечаталъ одно изъ послѣднихъ своихъ сочиненій: «Перло Многоцѣнное» 1646 года.

2) *Черниговскій Ильинскій* монастырь тоже на Болдиной горѣ, при пещерѣ Антоніевой. По преданію, здѣсь въ 1069 году Святославъ Ярославичъ поставилъ каменную Иль-

---

[1]) Несторъ, подъ 970 годомъ, говоритъ о Добринѣ и сестрѣ его Малушѣ, матери Владиміровой; «отецъ же бѣ има Малко Любечанинъ». Добриня въ народномъ пѣснопѣніи величается Никитичемъ, изъ чего можно предполагать, что христіанское имя Малка было Никита.

[2]) См. *Скарбницу* Галятовскаго, напечатанную въ Новгородѣ Сѣверскомъ, 1679 года.

инскую церковь, при которой и учредился сей монастырь. Возобновился онъ 1649 года иждивеніемъ *Степана Пободайла*, который, будучи полковникомъ Черниговскимъ (съ 1651 г.), убитъ при осадѣ стараго Быхова въ сентябрѣ 1654 года. Величко въ своей лѣтописи говоритъ (I ст. 190) о немъ: «и припроваженъ въ Черниговъ, и погребенъ сентеврія 20 въ манастыру Ильинскомъ Черныговскомъ, который послѣ Батыевого разоренія по многолѣтномъ запустеніи своимъ стараньемъ и коштомъ онъ Пободайло и отновилъ». Строителемъ и игуменомъ Ильинскаго монастыря былъ тогда іеромонахъ *Зосима Тышевичъ*.

3) *Черниговскій Борисоглѣбскій монастырь*, тоже древній при церкви Бориса и Глѣба, поставленный въ началѣ 11-го вѣка Черниговскимъ княземъ Давидомъ Святославичемъ (какъ это видно изъ словъ кіевской лѣтописи о погребеніи Изяслава Давидовича 1162 года; «и положиша тѣло его *въ отни ему* церкви мученику Бориса Глѣба)» Изъ древнихъ игуменовъ здѣшнихъ извѣстенъ *Іоаннъ*, бывшій 1231 года въ Кіевѣ, при посвященіи митрополитомъ Кирилломъ въ Софійскомъ храмѣ духовника князя Василька Константиновича *Кирилла* въ епископы Ростовскіе, которое такъ торжественно происходило 6 апрѣля (см. Лав. Лѣт.). Въ началѣ 17 вѣка Борисоглѣбскій монастырь занятъ былъ Доминиканами, но они прогнаны отсюда въ гетманство Богданово. Лазарь Барановичъ, ставши епископомъ Черниговскимъ (въ началѣ 1657 года), устроилъ здѣсь вновь монастырь православный, и съ 1672 года утвердилъ его катедральнымъ монастыремъ.

А въ древнее время *епископскою* церковью въ Черниговѣ была достопамятная церковъ Спаская, которую заложилъ храбрый Мстиславъ, ставши Черниговскимъ княземъ 1024 г. и въ которой онъ погребенъ 1036 года.

4) *Черниговскій Пятницкій* монастырь, дѣвичій, неизвѣстно когда основанный.

5) *Любецкій Антоніевскій* монастырь, не извѣстно когда устроенный; а началомъ ему была пустынь при пещерѣ, въ которой проживалъ преподобный Антоній на своей родинѣ.

6) *Домницкій Рождества Богородицы* монастырь на семъ мѣстѣ устроенъ игуменомъ Діонисіемъ.

Полковники Черниговскіе.

Первымъ Черниговскимъ полковникомъ, съ 1648 года былъ *Мартынъ Небаба*, уроженецъ Коростышевскій, отважный, но безпечный. Въ 1651 г., когда большая часть козацкихъ полковниковъ двинулась къ Берестечку, онъ съ своимъ и Нѣжинскимъ полкомъ остался на заставѣ отъ Литовской стороны; безпечно расположась подъ Репками, онъ поставилъ у Днѣпра только сторожу. При нападеніи стражника Мирскаго, Небаба съ своимъ войскомъ бросился къ Лоеву, но туда подоспѣлъ гетманъ Радзивилъ и окружилъ козаковъ; повторилась таже исторія, что съ Нечаемъ подъ Краснымъ 26 іюня, въ отчаянномъ бою изрубленъ былъ *неуважный полковникъ* (такъ выражается лѣтопись Самовидца). Тяжело раненный въ правую руку, онъ долго отбивался еще лѣвою, отъ двухъ наскакавшихъ на него всадниковъ [1]).

2) Преемникомъ его былъ, *Степанъ Пободайло* (а не Подобайло); этотъ храбрый козацкій вождь, убитъ при осадѣ Стараго Быхова, въ сентябрѣ 1654 г. Погребенъ въ Ильинскомъ монастырѣ.

3) На мѣсто Пободайла выбранъ въ полковники *Иванъ Абрамовичъ Выбѣльскій*, оставался три года, до кончины Богдановой (1657).

4) *Оникій Силичъ*, съ конца 1657 г.... казненъ Брюховецкимъ въ сентябрѣ *1663*.

5) и 6) Въ гетманство Брюховецкаго можетъ быть были тѣ полковники: *Трофимъ Николаенко* и *Тихоній Красная Башта*, о которыхъ поминается въ *Черниговѣ Маркевича*, но неизвѣстно, въ какіе годы именно они были на полковничествѣ.

7) *Демко* (Игнатовичъ) *Многогрѣшный*, бывшій нѣкогда войсковымъ асауломъ, является подъ конецъ гетманства Брюховецкаго *полковникомъ Черниговскимъ*. Будучи въ семъ званіи,

---

[1]) У Симоновскаго (стр. 59) показанъ въ августѣ 1651 г. Черниговскимъ полковникомъ *Горкуша* (который въ то лѣто подвизался вмѣстѣ съ Антономъ Кіевскимъ подъ Чернобылемъ и Димеромъ) едва ли это вѣрно. Пободайло еще съ 1649 г. былъ первымъ послѣ полковника старшиною.

онъ въ началѣ 1668 г. посыланъ къ гетману Дорошенку въ Чигиринъ, приглашая его на гетманство сегобочной Украины и получилъ отъ него званіе «наказного гетмана всего Сѣвера (въ апр. 1688, см. Черниговъ Маркевича). По убіеніи Брюховецкаго, когда Дорошенко, будучи гетманомъ сей стороны, и отлучась изъ ревности къ женѣ отъ начатой войны, поручилъ наказное гетманство Демку — сей, измѣнивъ Брюховецкому, измѣнилъ и Дорошенку; собралъ небольшую раду въ Новгородѣ Сѣверскомъ, на которой и предложено ему гетманство, «чого онъ отмовлялся якъ старая дѣвка хорошаго жениха!.. (лѣт. Сам.). За сію измѣну, Дорошенко испросилъ на него проклятіе патріарше, *1670*, а *1672*. Карпо Мокріевичъ съ старшиною свергли его съ гетманства «Въ петровку въ козацкой Дубровѣ радою поставленъ *Иванъ Самойловичъ* поповичъ съ Красного».

8) *Василь Игнатовичъ Многогрѣшный.*

9) *Иванъ Лисенко*, въ половинѣ 1672 г. онъ былъ уже полковымъ асауломъ.

10) *Василь Андреевичъ Дунинъ - Борковскій*, извѣстенъ на полковничествѣ съ половины 1672 г., а въ восмидесятыхъ годахъ онъ былъ генеральнымъ обознымъ. Скончался 1702 г.

11) *Григорій Ивановичъ Самойловичъ*, извѣстенъ на полковничествѣ съ 1685 г., казненъ 1687.

12) *Яковъ Кандратовичъ Лизогубъ*, съ 1687. 1696 г., будучи въ званіи наказного гетмана, онъ отличился при взятіи Азова. Въ 1694 г. онъ, вмѣстѣ съ Палѣемъ, опустошалъ селенія Буджацкихъ Татаръ.

13) *Ефимъ Яковлевичъ Лизогубъ*, извѣстенъ на полковничествѣ въ 1699—1705 г.

14) *Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ*, съ 1707 г., по смерти Скоропадскаго (1722 г.) былъ наказнымъ гетманомъ, а въ концѣ 1723 г. скончался въ Петербургѣ, въ Петропавловской крѣпости.

15) *Михайло Самсоновичъ Богдановъ*, бригадиръ, (съ 1723 —1735).

16) *Владиміръ Васильевичъ Измаиловъ*, генералъ маіоръ 1744.

17) *Иванъ Пантелеймоновичъ Божичъ*, бригадиръ, (съ 1747 г. по 1762).

18) *Петръ Степановичъ Милорадовичъ*, бригадиръ (1762 —1782).

§ 28. *О полку Стародубовскомъ.*

Стародубовскій полкъ учрежденъ въ іюлѣ 1663 года новопоставленнымъ тогда гетманомъ Брюховецкимъ. Полковниками здѣсь были:

1) *Иванъ Терникъ*, (онъ извѣстенъ и подъ именемъ *Ивана Плотника*.

2) *Петръ Ивановичъ Рославецъ*, (или Рославченко) въ 1664 г. и потомъ опять въ 1669—1676 г. [1]).

3) *Григорій Карповичъ Коровченко*, (или *Волскій*) въ 1678 и 1679 г.

4) *Семенъ Ивановичъ Самойловичъ*, скончался въ іюнѣ 1685.

5) *Яковъ Ивановичъ Самойловичъ*, съ 1685 г. сосланъ въ Сибирь 1687 г.

6) *Тимофей Алексѣевичъ*.

7) *Михайло Миклашевскій*, извѣстенъ какъ стольникъ и Стародубовскій полковникъ съ 1690 по 1706 г., въ которомъ убитъ въ Несвижѣ; погребенъ въ Выдубицкомъ монастырѣ, въ притворѣ Георгіевской церкви, поставленной его коштомъ.

8) *Иванъ Чарнышъ*, (не извѣстно, когда именно на полковничествѣ).

9) *Иванъ Ильичъ Скоропадскій*, избранъ въ гетманы 1708 г. 6 ноября на мѣсто Мазепы.

10) *Лукьянъ Журавка*, изъ сотниковъ Новгородъ-Сѣверскихъ (съ 1711 г).

11) *Иванъ Кокошкинъ*, маіоръ (1723 г).

12) *Илья Пашковъ*, съ 1724 г., отставленъ за взятки 1729 г.

13) *Александръ Дуровъ*, отданъ подъ судъ 1730 г.

14) *Ѳеанасій Радищевъ*, бригадиръ, 1735 г.

---

[1]) Вѣроятно между 1669 и 1671 годами былъ полковникомъ братъ гетмана Брюховецкаго *Шумка*.

15) *Өедоръ Дмитріевичъ Максимовичъ*, 1744—1750.
16) *Якимъ Яковлевичъ Барсукъ.*
17) *Степанъ Ефимовичъ Карновичъ*, бригадиръ (съ 1762).
18) *Князь Юрій Васильевичъ Хованскій.*
19) *Иванъ Васильевичъ Завадовскій.*

БУБНОВСКАЯ СОТНЯ [1]).

I. Градъ Дубковъ.

Въ предѣлахъ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи находятся восемь старинныхъ Русскихъ городовъ, которые впрочемъ уже не считаются «городами»: *Жовнинъ* (по-старинному *Желнинъ*), *Буромка* (по-старинному *Буромля*), *Ирклѣевъ*, *Крапивна*, *Глемязовъ* (по-старинному *Гелмязовъ*), *Пѣщана*, *Домонтовъ*, и наконецъ такъ-называемый *Дубковъ*..... Это послѣднее имя извѣстно только изъ Московской «Книги Большаго Чертежа», изъ которой перешло и въ новыя географическія сочиненія. Но землевѣдцы наши не знали, гдѣ именно былъ этотъ надъ—Днѣпровскій «градъ Дубковъ» и что съ нимъ сталось. Наконецъ г. Спасскій въ 1846 году, издавая вновь «Книгу Большаго Чертежа» рѣшилъ такъ, что «Дубково нынѣ неизвѣстно». И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни слуху, ни памяти о городѣ Дубковѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, по указанію знаменитой Московской книги, а въ ней сказано ясно: «Отъ Канева въ низъ по Днѣпру градъ Дубковъ, на Московской странѣ Днѣпра. А ниже Дубкова 2 мили на Днѣпрѣ градъ Домонтовъ, а подъ

---

[1]) Журналъ министерства Внутреннихъ дѣлъ 1848 г., № 11, стр. 112 — 143, 1849, № 4. стр. 26—68 и № 6, стр. 315—393.—Мы печатаемъ эту статью съ небольшими дополненіями, пропусками и поправками, сдѣланными самимъ авторомъ въ рукописи, приготовленной имъ для 2-го изданія. Въ концѣ ея мы нашли слѣдующую приписку, сдѣланную рукою Михаила Александровича:

Послѣсловіе: Предлагаемыя сказанія о Бубновской сотнѣ были помѣщены въ Ж. М. В. Д. 1848—1849 года. Здѣсь они напечатаны вновъ всѣ вмѣстѣ съ немногими небольшими перемѣнами. Посвященныя воспоминанію собственно тѣхъ людей, которые жили на небольшомъ приднѣпровскомъ участкѣ Южной Руси, составлявшемъ *Бубновскую сотню*, эти сказанія представляютъ собою и очеркъ цѣлой Украинской жизни въ прошедшемъ столѣтіи. Москва 1850. Мая 25.

нимъ пала рѣка Супой на Московской странѣ..... А ниже Домонтова по правой сторонѣ Днѣпра, на рѣчкѣ на Мошнѣ, отъ Днѣпра 3 версты, градъ Мошна Вишневецкаго».

Это мѣсто въ «Книгѣ Большаго Чертежа», есть классическое для меня, какъ для жителя того Поднѣпровья, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, и которое какъ на ладони видно изъ моей нагорной хаты — съ Каневомъ, съ Мошнами и съ Святославскою-башнею, поставленною на Заднѣпровской-горѣ княземъ Воронцовымъ. По направленію къ ней, прямо на полдень, на лѣвой сторонѣ Днѣпра — видѣнъ мнѣ и нашъ искомый градъ, верстахъ въ 16-ти ниже Канева, и въ 7 верстахъ выше Домонтова. Онъ извѣстенъ здѣсь подъ тѣмъ же именемъ, какимъ онъ всегда здѣсь назывался, подъ которымъ значится и на географическихъ картахъ, начиная съ Боплановой карты Украины до новѣйшихъ картъ Полтавской губерніи. Это имя — *Бубновъ*. Московскіе писцы «Книги Большаго Чертежа» передѣлали это имя, вѣроятно, сперва въ *Дубновъ*, а тамъ ужъ и въ *Дубковъ*, подобно тому какъ имя Гелмязовъ перемѣнилось у нихъ сперва въ Елмазовъ, а тамъ и въ Алмазовъ [1]).

Что касается до Польскихъ географическихъ картъ, то онѣ городокъ Бубновъ называютъ обыкновенно Бобновкою. Тоже и на Блавіановской картѣ Днѣпра [2]): тамъ Бубновъ называется Bobnowkij, Прохоровка — Pokorowko, а вмѣсто Решетки поставлено Rozetki!

До 1782 г., когда Малороссія раздѣлялась еще на полки и сотни, Бубновъ считался сперва городомъ, а потомъ сотеннымъ мѣстечкомъ Переяславскаго полка. Къ Бубновской сотнѣ причислялись три села: Прохоровка, Сушки и Бубновская Слободка, съ принадлежащими къ нимъ хуторами и землями. Примыкая одною стороною къ Днѣпру, Бубновская-сотня съ другихъ сторонъ окружена была сотнями: Лѣплявскою, Гелмязовскою, Пѣщанскою и Домонтовскою. Всей земли она занимала, примѣрно сказать, около ста квадратныхъ верстъ.

---

[1]) См. въ изданіи Спасскаго, Москва 1846 стр. 98.

[2]) Помѣщенной во 2-мъ томѣ Geographiae Blavianae, напечатанномъ въ Амстердамѣ 1667 года.

На этомъ участкѣ Русской земли давно уже ведется общественная жизнь Русскаго человѣка; и много здѣсь близкаго лично для меня, въ разныхъ отношеніяхъ. Потому я желалъ привести себѣ въ извѣстность прошедшую жизнь Бубнова и его сотни — тѣмъ болѣе, что исторіи Русской недосужно было останавливаться надъ такимъ уголкомъ Руси, гдѣ общественная жизнь ея работала тихомолкомъ, не выдаваясь ничѣмъ особеннымъ изъ своего обиходнаго круга. Свѣтъ исторіи, какъ лучи утренняго солнца, озаряетъ прежде всего вершины, да крупныя выпуклости народнаго бытія; а то, что у подошвы его, то остается надолго въ тѣни, и нерѣдко вовсе изчезаетъ изъ памяти людской. Но я люблю прохладу такихъ укромныхъ уголковъ земли Русской; люблю распросить смиреннаго, но забытаго труженика Руси обо всей прошедшей жизни его; посмотрѣть на все, что отъ нея уцѣлѣло, и помянуть съ нимъ нашу родную старину....

II. Первыя времена Бубновской сотни.

Городовое бытіе нашего Бубнова является на свѣтъ исторіи въ половинѣ XVI вѣка, въ ту молодую пору Днѣпровскаго козачества, когда оно воевало Татаръ и Турокъ, подъ знаменемъ своего гетмана, князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго, укрѣпившагося на острову Хортицкомъ. Въ 1554 году, этотъ знаменитый витязь, перейдя изъ Запорожья въ Черкащину и Каневщину, укрѣплялъ здѣшнія мѣста надДнѣпровскія. Тогда поставленъ былъ надъ Днѣпромъ, какъ сторожевой козакъ, и городокъ Бубновъ, въ крѣпостныхъ валахъ, которыхъ остатки есть и теперь возлѣ Бубновской церкви. Вишневецкій еще въ ту пору вызывался прилучить къ Московскому царству все Поднѣпровье. Но Москва тогда была еще молода, и недовольно окрѣпла въ страданіяхъ, чтобы принять на свои руки Украину съ «древнею матерью городовъ Русскихъ». Украина въ то время принадлежала еще къ составу Западно-Русскаго княжества, называвшагося «Великимъ княжествомъ Литовскимъ». Но въ 1569 году Польша домоглась, наконецъ, «гражданской уніи» этого княжества съ ея королевствомъ—въ одну Рѣчь-посполитную. Украина

стала принадлежать къ Польшѣ; но не лежала къ Полякамъ душа Украинцевъ. Извѣстно, что еще древнимъ Кіянамъ представлялся бѣсъ «въ видѣ Ляха»: такая странная мечта возникла, вѣроятно, съ появленіемъ въ Кіевѣ Болеслава Храбраго, который былъ такъ «великъ и толстъ, яко и на кони немогій сидѣти»; къ тому-же онъ явился въ Кіевѣ, (1018 года), какъ союзникъ и тесть Святополка окаяннаго, и осквернилъ своимъ сладострастіемъ Владиміpову дочь, княжну Предиславу. О свадьбѣ Святослава Всеволодовича, бывшей 1143 года, такъ говорится въ лѣтописи Кіевской: «и скупишася братья вся и безбожни Ляхове, и пиша у Всеволода».

И вотъ, подъ исходъ XVI вѣка, оправдалось древнее нелюбіе Кіевскаго народа къ Польшѣ. Въ правленіе короля Жигимонта III, воспитаннаго іезуитами и одержимаго ихъ духомъ, Украина потерпѣла отъ Польши такое горе, какого не вѣдала Московская Русь подъ игомъ Татарскимъ: она потерпѣла гоненіе и оскорбленіе своего православія, которое для Украинскаго народа со временъ Св. Владиміра, стало первѣйшимъ условіемъ и нерушимымъ залогомъ народнаго бытія. Иное дѣло было вѣроисповѣданіе для Польши, первѣйшей «Западницы» въ кругу Славянскомъ: сначала она приняла восточное православіе отъ общихъ первоучителей Славянскихъ; но вскорѣ возобладало въ ней Католичество западное; съ появленіемъ реформатскаго новомыслія, она оставляла католичество для реформатства; а когда водворились въ ней іезуиты, они обратили ее опять въ католичество, передавъ ей и духъ своего вѣрогоненія. Тогда, на бѣду западной Руси, явилась «церковная унія» (въ 1595 году), которая породила столько раздѣла и раздора въ духовенствѣ западно-русскомъ; а реформатское новомысліе, распространившееся изъ Польши по западной Руси, открыло путь іезуитамъ уловлять въ свои сѣти новыя поколѣнія западно-русскихъ князей, которыя, увлекаясь хитролестнымъ ученіемъ этихъ западныхъ мудрецовъ, блескомъ и роскошью польскаго панства, отпадали отъ благочестія своихъ предковъ, и отдѣлялись отъ православной Руси, какъ поднимается пыль отъ земли, набѣжавшимъ на нее вихремъ. Тогда Днѣпровское

козачество, вполнѣ непреклонное въ своемъ православіи, стало представителемъ и главнымъ защитникомъ народа Украинскаго: и начались ополченія за вѣру на вѣрогонителей.

Послѣ первыхъ ополченій, которыхъ жертвою пали Наливайко и Лобода, православная Кіевская Русь отдохнула немного подъ защитою своего доблестнаго гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, мужественнаго побѣдителя Татаръ и Турковъ, востановителя православной Кіевской митрополіи, и обновителя Кіевобратскихъ школъ. Отъ Польши въ тѣ поры страдала и отбивалась Московская Русь; ибо и ей суждено было отвѣдать той горькой чаши, которую выпила до дна многострадальная Украина. Но по смерти Сагайдачнаго (1622 г.), когда Москва, послѣ смутныхъ бурь, свѣтлѣла уже своимъ избранникомъ Михаиломъ—на Украинскую землю, какъ темная туча, надвинулся Конецпольскій, и подъ этою мглою налетѣли іезуиты на берега Днѣпровскіе. Тогда опять явились ополченія козацкія. Украинцамъ посчастливилось въ Тарасову ночь подъ Переяславомъ (1630), они тогда гнали Поляковъ съ побѣдою: «ото-жъ унія: лежитъ Русь съ Поляками»—говорилъ Конецпольскій, указывая на трупы. И между-тѣмъ этотъ коронный гетманъ продолжалъ все туже унію, вызывая своими насиліями новыя ополченія козацкія. Кошевой атаманъ Сулима, воевавшій на Черномъ-морѣ, воротясь на Днѣпръ, разорилъ Польскую крѣпость на Кодакѣ, построенную Конецпольскимъ; но, вслѣдъ за тѣмъ, онъ былъ взятъ и четвертованъ въ Варшавѣ. Запорожецъ Павлюкъ отпущенъ былъ тогда съ мѣста казни; но черезъ полтора г., ставши гетманомъ, онъ ополчился на Конецпольскаго. Въ виду Бубнова, собирались отовсюду Украинцы на городъ Мошны. Поляки изготовились на рѣкѣ Роси, и потомъ расположились своимъ станомъ между Мошнами и Кумейками. Передъ битвою, гульливый Потоцкій ухитрился подослать въ Мошны жидовъ съ бочками горѣлки. Козаки позабыли на этотъ разъ старый козацкій обычай—не пить вовсе вина во время войны. Еще хмѣльные, на разсвѣтѣ, они выступили въ бой. Павлюкъ не дремалъ, и въ строгомъ порядкѣ велъ свое войско, построивъ въ шесть рядовъ обозъ, вооруженный шестью пушками. Но

при началѣ пальбы, повѣялъ козакамъ супротивный вѣтеръ, и закрылъ отъ нихъ пороховымъ дымомъ станъ непріятельскій. Полякамъ посчастливилось: смѣшанные съ перваго разу Украинцы бились отчаянно до самой ночи и наконецъ отступили. Поляки чрезъ два дня сожгли Черкасы, и вслѣдъ за тѣмъ, осадивъ Боровицу, принудили козаковъ выдать бывшаго тамъ гетмана Павлюка съ Корсунскимъ полковникомъ Василемъ Томиленкомъ; а ихъ товарищъ Сахно Чернякъ самъ добровольно поѣхалъ за ними въ Варшаву, гдѣ и казнили ихъ. Между-тѣмъ Потоцкій въ Переяславѣ и по другимъ городамъ до самаго Нѣжина кровожадно казнилъ сообщниковъ Павлюковыхъ. Возстанія гетмановъ Остряницы и Гуни кончились тѣмъ же. И въ тотъ злополучный 1638 г., извѣстный въ народѣ подъ именемъ *Кумейскаго року,* Бубновъ съ своими хуторами и землями отданъ былъ во владѣніе Переяславскимъ іезуитамъ, для которыхъ не задолго передъ тѣмъ соорудилъ великолѣпную коллегію Переяславскій староста Лука Жолкевскій.

Но не долго черные вороны каркали на берегахъ, освященныхъ для насъ веселіемъ св. Владиміра, кровью св. Бориса, и смертью Мономаха. Черезъ десять лѣтъ встрепенулся на Днѣпрѣ нашъ ясный соколъ Хмельницкій: тогда не стало и духу іезуитовъ нигдѣ на Украинѣ. Съ той поры Бубновъ поработалъ нѣкоторое время на Успенскій Каневскій монастырь, по назначенію Богданову.

Въ этотъ третій рядъ своихъ ополченій, козацкая Украина была уже на верху своей славы....

«Въ той часъ була честь, слава,
Войскова справа:
Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля подъ ноги топтала!»

Но грустно вздумать, сколько истратила своей силы безпомощная Украина въ тѣ ополченія....

Но вотъ воодушевленная своимъ гетманомъ Богданомъ, Украина сама освободила себя отъ вѣрогонительной Польши и, дохнувъ самостоятельнымъ бытіемъ, вошла добровольно въ общій составъ Русскаго царства, 1654 года.

Но Украина козацкая еще не вѣдала тѣхъ бѣдъ разновластія и междоусобства, которыми такъ много страдала въ древности Украина княжеская. Наступили на нее и тѣ бѣды, по смерти единовластника ея — Богдана Хмельницкаго. Еще при немъ возобновившаяся война у Москвы съ Польшею, и новое отношеніе къ нимъ Украины, подали поводъ крамольничать честолюбцамъ и своекорыстникамъ Украинскимъ, начиная съ гетмана Выговскаго и до гетмана Мазепы. Украина потрясена была до основанія междоусобицами гетманскими и нашествіями Поляковъ, Татаръ, Турковъ и наконецъ Шведовъ, наводимыхъ на нее крамольниками. Эти постылыя для самаго воспоминанія тревоги унялись побѣдою Полтавскою; но изнемогшая Украина осталась разорванною на двое—сперва по Андрусовскому (1667), а потомъ по Прутскому (1711) договору; и Заднѣпровская половина Украины (кромѣ Кіева)—томилась опять подъ властію Польши.

Среди треволненій, обуревавшихъ тогда всю Украину, городъ Бубновъ съ своею сотнею былъ не замѣтенъ въ ней, какъ волна въ пучинѣ Днѣпровской. Въ лѣтописаніи Малороссійскомъ находимъ только мимоходное о немъ упоминаніе. Что въ 1672 году, въ селѣ Козацкой-Дубровѣ (между Конотопомъ и Путивлемъ), гдѣ происходилъ выборъ въ гетманы Ивана Самойловича, тамъ, въ числѣ сотниковъ Переяславскаго полка, былъ и Бубновскій сотникъ *Богданъ Омельченко*. Подъ 1692 годомъ записано: «Орды Крымскія и Бѣлогородскія зъ солтаномъ зближали ко Днѣпру; и подпавши на сей бокъ Днѣпра, коло Домонтова и Бубнова села пограбовали». Я съ своей стороны могу прибавить къ этому только то, что Бубновскимъ сотникомъ тогда былъ *Иванъ Каневецъ*, человѣкъ хворый для войны и нестарательный для своей сотни.

III. Сотникъ Денисъ Деркачъ.

Бубновское «товариство», недовольное на своего сотника Каневца, въ іюлѣ 1693 года отправило отъ себя «громаду» къ Переяславскому полковнику Мировичу, въ Золотоношу (гдѣ находился онъ въ своемъ селѣ Ольхахъ), и просило его, чтобы онъ поставилъ имъ въ сотники *Дениса Дер-*

кача. На эту просьбу данъ былъ слѣдующій «полковницкій универсалъ»:

«Ихъ царскаго пресвѣтлаго величества войска Запорозкого полковникъ Переяславскій Иванъ Мировичъ».

«Всему старшому и меньшему сотни вашой Бубновской товариству, доброго отъ Господа Бога узычивши здоровя и щастливого поводженя, ознаймуемъ: ижъ прибувши до насъ въ Золотоношу килкодесять товариства сотни вашой, прекладали намъ дѣючіеся долегливости и особливое недоброхотство до всего товариства пана Ивана Каневца, сотника вашего, же оный на урядѣ зостаючи сотникомъ, едно за неспособностію здоровя своего, другое за недоблестю своею, велми вамъ всѣмъ, добрымъ молодцомъ, принаприкрился; и просили у насъ, именемъ всѣхъ васъ, абысмо его, пана Ивана Каневца, отъ уряду того сотницкого оставили, а на томъ уряду утвердили сотникомъ пана Дениса Деркача, значного товариша и заслуженого въ войску Запоросокомъ. Теды мы, схилившися прозбѣ вашой, вѣдаючи о немъ, пану Денису, которого на урядъ себѣ сотницкій просите, же онъ есть человѣкъ добрый, въ военныхъ оказіяхъ справный и до уряду сотницкого способный, посылаемъ зумыслу высланого отъ боку нашого въ сотню вашу, и позволяемъ сему высланному нашому, пану Евсѣю Караджѣ, товаришу войскому, короговъ сотницкую пану Денису вручити. А тутъ росказуемъ пану Івану Каневцу, яко тамже вамъ всему товариству за урядъ подяковати, такъ, пріѣхавши до насъ, належитый намъ уклонъ отдати. Которого то новоизбранного сотника вашого чтѣте и яко старшому своему повинуйтеся! а онъ васъ всѣхъ, добрыхъ молодцовъ, любячи, будетъ ку вамъ ласковымъ. Данъ въ Золотоношѣ. Іюля 27. Року 1693.

«Звышъ менованный полковникъ Переяславскій».

Сотникъ Денисъ въ томъ же году оправдалъ свое избраніе, будучи въ трехтысячномъ козацкомъ отрядѣ, ходившемъ въ Бѣлгородчину: тамъ, на урочищѣ Кодымѣ, онъ храбро дрался съ Татарами, подъ начальствомъ полковника Палѣя. Былъ онъ и въ слѣдующемъ году въ Бѣлгородщинѣ, въ двадцатитысячномъ козацкомъ ополченіи, ходившемъ туда

подъ главнымъ начальствомъ Черниговскаго полковника Якова Лизогуба. Наконецъ, участвуя во всѣхъ походахъ Переяславскаго полка, онъ потерпѣлъ и его плѣнъ въ 1706 г. Исторія Малороссіи уже осудила гетмана Мазепу за то, что онъ изъ ненависти къ сопротивнику своему, полковнику Мировичу, послалъ его въ Ляховичи нарочно съ однимъ Переяславскимъ полкомъ. Тамъ, послѣ долгой осады Шведами, въ неровной силѣ, наши Переяславцы достались въ плѣнъ непріятелю, и отвезены были за море. Въ Кіевѣ, въ помянникахъ Печерской лавры и монастыря Пустынно-Никольскаго, поминается: «родъ пана Іоанна Мировича, полковника Переяславскаго, взятого въ неволю Шведскую, на службѣ Его Царского Пресвѣтлого Величества, въ тотъ часъ будощого въ союзѣ зъ королевскимъ величествомъ, на пароль короля Шведского, въ осадѣ Ляховецкой въ панствѣ короны Польской, року 1706 мая 1; и запроваженъ за море зо всѣмъ полкомъ до мѣста Готтенбургу; и тамъ, въ великой нуждѣ, многіе скорби терпячи, скончился въ день святыя великомученицы Варвары; и похороненъ есть тамъ - же подъ зборищемъ Лютерскимъ, отъ своихъ полчанъ соплѣнниковъ».

А сотнику Денису, съ двумя товарищами (съ Золотоношскимъ сотникомъ Лукьяномъ Шульгою и съ Домонтовскимъ Сергѣемъ Колибоженкомъ), Богъ помогъ въ слѣдующемъ году освободиться изъ Шведской неволи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ они пробирались черезъ Польшу, гдѣ находились тогда казацкія войска подъ начальствомъ региментаря Андрея Войнаровскаго. У него наши сотники были 2 іюля, подъ Якубовичами; и вскорѣ прибыли они въ Кіевъ, гдѣ Переяславскіе козаки работали тогда Печерскую крѣпость, заложенную Петромъ первымъ 1707 г. 15 августа. Денисъ Деркачъ объявилъ наказному Переяславскому полковнику Тамарѣ, что онъ желаетъ быть въ прежней должности, и воротился въ Бубновъ съ слѣдующимъ «универсаломъ»:

«Вамъ, пану атаману городовому Бубновскому, атаманнѣ Куренной и Сельской зо всѣмъ товариствомъ, такъ же войтамъ зъ посполитыми людми, добраго отъ Господа Бога узычивши здоровья, извѣстно подаемъ: ижъ якъ изволеніемъ и

судьбами Божіими попалъ былъ въ Шведскую неволю панъ Денисъ Деркачъ Сотникъ вашъ Бубновскій, такъ Его жъ силою и помоцу Бозкою нынѣ высвобожденъ особливымъ щастемъ рейментарскимъ отъ тонжъ непріятельской неволи, простуетъ въ домъ свой; который, якъ прежде найдовался по милости Божой и ласцѣ войсковой въ городѣ вашомъ сотникомъ цѣлымъ Бубновскимъ, такъ и теперъ жадаетъ, абы неотмѣнно при той власти и чести зоставалъ! а В. М. атамання зъ товариствомъ и посполитыми людми, абысте своего властного господаря и старшого знали и вѣдали, всякую почесть и пошанованје зъ належитымъ послушенствомъ отдавали: о чомъ выражаючи, жадаемъ и зостаемъ вамъ зычливымъ:»

«Стефанъ Томара, обозный полковый и наказный полковникъ Переяславскій; зъ Печерского. Іюля 18-го, 1707 року.

Въ слѣдующемъ году, сотникъ Денисъ, въ награду за службу и плѣнъ, получилъ село Сушки, по универсалу гетмана Мазепы, данному въ Бѣлой-Церквѣ, 1708 года 20 апрѣля. Но онъ не долго пользовался этимъ достояніемъ, и въ томъ же году скончался на службѣ, въ чинѣ полковаго асаула, оставивъ по себѣ въ Сушкахъ вдову Агафью съ сыновьями: Иваномъ, Ѳедоромъ и Андреемъ. За ними утвердилъ вновь гетманъ Скоропадскій (универсаломъ 1716 года 2 іюня) село Сушки, въ потомственное владѣніе.

Тамъ и теперь живетъ правнукъ Дениса, внукъ Андрея, Левъ Павловичъ Деркачъ, который въ войну двѣнадцатаго года козаковалъ на берегахъ Рейна, и при отставкѣ награжденъ чиномъ коллежскаго секретаря. Съ той поры наслаждается онъ благополучнымъ миромъ въ кругу своего семейства. Изъ его коморы (точно такой, какую описалъ Гоголь въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ») получилъ я въ подлинникѣ выше приведенные универсалы и нѣсколько другихъ старинныхъ записей.

IV. Мѣстность Бубновской сотни.

Жилая половина Бубновской сотни находится на побережной, луговой равнинѣ, которая во времена первоначаль-

ныя была Днѣпровскимъ дномъ. Но послѣ того, какъ нашъ «Словута» вошелъ въ нынѣшнюю колею своего бѣга, онъ только въ рѣдкіе годы проходитъ грозно по своему бывалому руслу, и потомъ опять отдаетъ его на спокойное жилье людямъ. Такой разливъ Днѣпра видѣли мы въ 1845 году. Въ прошломъ столѣтіи было ихъ три, и все въ девятые годы: 1709—послѣ суровой зимы Шведской; 1739—послѣ горячей зимы Миниховской; 1789—послѣ великой зимы Очаковской. Случались они и въ древнія времена, какъ видно изъ лѣтописи Кіевской подъ 1119 годомъ: «въ сеже лѣто бысть вода велика [1]) въ Днѣпрѣ: потопи люди и жито, и хоромы внесе.» Но побережному люду ни-почемъ такія потѣхи Днѣпровскія: перебудетъ съ нуждою годъ-другой; а тамъ и заживетъ себѣ припѣваючи болѣе полувѣка, надъ своимъ «Словутою» — Днѣпромъ... «Домонтове—Домонтове, хорошее мѣсто! Сидимъ подъ горою, якъ лебедь надъ водою»! говорится въ одномъ изъ здѣшнихъ народныхъ разсказовъ. Однако сосѣду Домонтова, нашому Бубнову, приходилось иногда не въ моготу близкое сосѣдство съ Днѣпромъ. Оттого сталъ онъ всѣхъ малолюднѣе въ своей сотнѣ, оттого уже давно возникла Бубновская-Слободка, многолюднѣйшая изъ нашихъ селъ, половина которой не была въ водѣ и 1845 года.

Побережная равнина Бубновской-Сотни начинается подъ селомъ Келебердою — гладкою Прохоровскою толокою, которая прилежитъ къ большому рѣчищу (рукаву), называемому *Козаркою.* Это рѣчище выходитъ изъ Днѣпра противъ Келебедры (тамъ оно принимаетъ въ себя конецъ рѣчища Ковержина, соединенный съ устьемъ побережной рѣчки Цыбли). Подъ селомъ Прохоровкою Козарка вливается въ Днѣпръ, составляя своимъ устьемъ весьма удобную пристань Прохоровскую.

Названіе Козарка ведется, безъ сомнѣнія издревле: отъ нашихъ давнихъ «насильниковъ» Козаръ, которымъ выгодно было имѣть свое становище у здѣшней пристани, противъ знатнаго города Родни, находившагося надъ устьемъ Роси.

---

[1]) Въ Лаврентіевскомъ спискѣ эта *великая вода* описана подъ 1128 годомъ.

Замѣчу, что Днѣпръ еще и въ прошломъ столѣтіи подходилъ къ самой Прохоровкѣ, и пристань была на немъ при устьѣ рѣчища. Такимъ образомъ можно предполагать здѣсь Козарское «становище», какъ первое историческое заселеніе того мѣста, въ которомъ впослѣдствіи водворились Прохоры (такъ называлась въ старину Прохоровка). Вспомнимъ притомъ древнее урочище Козары, подъ Старымъ Кіевомъ, надъ устьемъ Почайны, такъ долго служившей пристанью Днѣпровскою.

Съ началомъ нынѣшняго столѣтія, Днѣпръ отодвинулся отъ Прохоровки, оставивъ послѣ себя такъ называемый Уступъ подъ Бѣлою-Косою. Въ концѣ этого Уступа есть другой протокъ, называемый Безоднею. Видно глубокъ онъ былъ въ прежнія времена, что получилъ такое имя. Но теперь онъ съ каждымъ годомъ мелѣетъ отъ наноснаго песку, также какъ и Уступъ.

Изъ Безодни, невдалекѣ отъ Прохоровки, беретъ свое начало побережная рѣка Орѣховка, которая, подъ разными названіями, пробирается лугомъ мимо села Сушковъ къ Бубнову и тамъ впадаетъ въ небольшое рѣчище. При устьѣ Бубновскаго рѣчища также есть пристань, но неудобная. Есть и перевозъ оттуда черезъ Днѣпръ, къ хутору Роскопанкѣ, отъ котораго версты на три отстоитъ село Крещатикъ, надъ рѣчкою Бѣлазерью.

Названіе Орѣховки основательно производятъ здѣсь отъ «водяныхъ» или «рогатыхъ орѣховъ» (trapa natans), которые росли въ ней во множествѣ, да и теперь попадаются изрѣдка. Не рѣдко находимы были по берегамъ Орѣховки оленьи рога. А чтобы показать давній слѣдъ человѣка на этой рѣчкѣ, и вмѣстѣ прежній порядокъ завладѣванія вольными мѣстами или «вольницами», я приведу цѣликомъ слѣдующую запись, любопытную и для исторіи города Ромна [2]):

---

[2]) Извѣстно, что князь Іеремія Вишневецкій, которому принадлежалъ городъ Домонтовъ, велъ можно сказать войну съ Казановскимъ за городъ Роменъ. Вѣроятно по этому поводу и было то переселеніе Роменцовъ въ наши мѣста, о которомъ старожитные Бубновцы говорятъ въ этой записи.

«Року 1700 мѣсяца февраля 21. Я Денисъ Деркачъ, Сотни Бубновской товаришъ и житель Бубновскій, чиню вѣдомо симъ моимъ письмомъ, явно и ясно: иже-мъ не съ примусомъ, але за порадою всего товариства, такъ тижъ и посполитыхъ людей, смѣю построити млинокъ на вольномъ мѣсцу на Орѣховцѣ, и никому ни въ чомъ непенный, и перешкоди никому нема; ижъ пыталемъ старожитныхъ людей, чи не пенное мѣсце оное? Теди всѣ нижеписанные люде повѣдали: Павло Норецъ, Андрей Бѣлько, Ванько Елищенко, Хилко Власенко и Гаврило Хижнякъ, що то мѣсце вольное; ижъ бывалъ, прави́, на томъ мѣсну млинокъ еще до Кумейского року, передъ кильконадцять годовъ, якъ городъ Роменъ изходилъ, и нѣякійсь человѣкъ Роменскій постановилъ былъ на томъ мѣсцу млинокъ, на вольномъ; а гди сталъ Роменъ осѣдати въ друге, и той человѣкъ покинулъ той млинокъ, и на свои грунта до Ромна вернулся, и до сихъ часовъ тое мѣсце пусто зоставало. Теди я за тое мѣсце на церковъ Божію кладу два таляра грошей, и всѣмъ коштомъ своимъ поднимаюсь гребельку и млинокъ строити; и всѣмъ людемъ, яко товариству и посполитымъ, позволяю и въ ставку рыбу ловити всякими посудки: неводами, сѣтьми, вѣтерями; и ѣзки ставити позволяю, тилько бы икъ лотокамъ не близко, такъ якъ зъ лука кинути; и для лѣпшой вѣры и певности упросилемъ о подпись людей зацныхъ».

«Я, Петро Стукало, атаманъ городовый Бубновскій изъ товариствомъ казалемъ подписатися зъ Савою Клаваномъ, Хвесько Бѣлько, Хвесько Левоненко, Сидоръ Палѣенко, Микита Дубовиченко, и Хвесько Прагленко. Такъ тижъ и при Гордѣю Юнаку, войту Бубновскому, и при посполитыхъ людехъ, при Андрею Быковцю и Харьку Бендику, и при многу людей зацныхъ и вѣры годныхъ».

«И сіе писане подаемъ ему, и позволяемъ вѣчными часы онымъ мѣсцемъ владѣти, якъ самому и дѣтямъ его. Дѣялося въ Бубновѣ, року и дня выше писаного. Стефанъ Семеновичъ рукою власною».

Кромѣ Орѣховки, есть еще рѣченки въ нашей сотнѣ; какъ-то: Потокъ въ Прохоровкѣ, Дехтярка въ Сушкахъ, Ка-

расиковка въ Слободкѣ, Дергалёвка подъ Бубновомъ. Довольно также есть небольшихъ озеръ и болотъ, подобныхъ Балёвому и Чаиному, которыми поддерживается влажность нашей побережной равнины, послѣ разлитій Днѣпровскихъ. На многихъ «мочарахъ», подъ верхнимъ слоемъ земли, лежатъ слои бѣлой глины, употребляемой здѣсь для побѣлки хатъ; а на берегу Козарки есть кряжъ вохристаго песку, которымъ нѣкоторые «побережане» натираютъ свои помосты, вмѣсто масляной окраски. Впрочемъ, въ здѣшнихъ домахъ господствуютъ еще мазаныя глиною доловки. Къ числу ихъ принадлежитъ и одинъ изъ старѣйшихъ въ нашей сотнѣ домовъ (по нынѣшнимъ размѣрамъ жизни—домикъ), въ селѣ Сушкахъ, во дворѣ Н. С. Романовскаго. На сволокѣ этого дома, по стародавнему обычаю, вырѣзанъ крестъ по срединѣ, и слѣдующая надпись: «благослови Господи домъ сей и живущія въ немъ. Сія храмина создася рабомъ Божіимъ Антоніемъ Седоровичемъ Деркачемъ 1755 года, 10 дня мѣсяца апреля».

Надъ побережнею равниною поднялась другая, набережная равнина, простирающаяся пажитною степью до рѣки Супоя. Она спускается на побережье довольно крутою, иногда почти отвѣсною стѣною, обглаженною лѣвымъ бокомъ первобытнаго Днѣпра, волнами котораго, вѣроятно, нанесена и самая равнина. Степныя воды давно уже изрѣзали ея окраину частыми ярами (оврагами), изъ которыхъ многіе обращены во взвозы.

Въ такомъ видѣ окраина степной равнины идетъ излучисто надъ побережьемъ отъ Супоя до Прохоровки; отсюда верстъ на девять, до Лѣпляваго, она разсыпалась въ пески и смѣшалась съ песками побережными.

Надо думать, что эта песчаная розсыпь наброшена здѣсь большимъ заливомъ первобытнаго Днѣпра; а буйные вѣтры еще и теперь холмятъ и пересыпаютъ ее по своей прихоти.

Ничего любопытнаго не находится въ этихъ пескахъ для любителя ископаемой природы; но для охотника до старины человѣческой въ нихъ много есть небольшихъ металлическихъ стрѣлокъ, называемыхъ здѣсь площиками. Всѣ онѣ трехгранныя): однѣ походятъ на чугунныя, другія желто-мѣд-

ныя; и можно различить ихъ до двадцати видовъ, отличныхъ размѣромъ и очертаніемъ частей, нарѣзками на бокахъ, и другими подробностями. Иныя изъ нихъ точно такія, какія выкапываются въ древнихъ могилахъ Заднѣпровскихъ [1]) и Керченскихъ. Видно по всему, что здѣсь давнымъ давно, и притомъ многоразличные народы—стрѣлялись другъ съ другомъ. Но дойдетъ ли наша наука о древностяхъ до того, чтобы по этимъ стрѣламъ могла она угадывать воевавшіе ими народы и вѣкъ войны, подобно тому, какъ испытатель природы, по одному ископаемому зубу, опредѣляетъ цѣлое животное и періодъ его бытія на землѣ!...

За Днѣпромъ, прямо противъ этой песчаной россыпи и на такомъ же протяженіи (то есть верстахъ на девяти), стоитъ большая горная возвышенность, на южномъ концѣ своемъ обогнутая рѣкою Росью, а на сѣверо-западномъ концѣ орошенная Дунайцемъ и Каневкою. Этотъ горный кряжъ, который я называю Роденскимъ, надвинулся надъ самимъ Днѣпромъ; и отъ него-то, я думаю, Днѣпровскія волны нѣкогда сторонились влѣво вышепомянутымъ большимъ заливомъ. Въ геологическомъ отношеніи кряжъ этотъ любопытенъ своими слоями юрскаго образованія, особливо зеленопесчанымъ слоемъ, начиненнымъ изобильно мелкими зубами допотопныхъ рыбъ и гадовъ. Изъ первоначальныхъ временъ Русской жизни, на этихъ горахъ, прежде всего, вспоминается бѣдовый городъ Родня, гдѣ князь Владиміръ осаждалъ брата Ярополка въ 980 году. Отъ того города, стоявшаго надъ устьемъ Роси, уцѣлѣли только валовые слѣды у такъ называемой Княжой горы; да находимы были, еще и за мою память, Кіевскія шестіугольныя гривны серебра. А рѣка Рось

---

[1]) Въ 1845 году, когда профессоръ Университета Св. Владиміра, Иващишевъ, производя разрытіе знаменитой могилы Перепетовки или Перипятихи, представилъ въ учрежденную въ Кіевѣ Временную Коммиссію найденныя имъ стрѣлы, волотые грифоны, монисты изъ разноцвѣтнаго стекла и другія вещи, я высказалъ сочленамъ свое мнѣніе, что эта могила можетъ быть приписана Гелонамъ, выходцамъ изъ приморскихъ Эллиновъ, и что ихъ городъ Гелоносъ можно полагать на Перепетовомъ-Полѣ, упоминаемомъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. Самое имя Перепетъ или Перипетъ звучитъ по Гречески. Теперь, послѣ блестящихъ розысканій и находокъ въ могилахъ всей Кіевской губерніи, изданныхъ г. Фундуклеемъ, становится очевиднымъ и несомнѣннымъ распространеніе здѣсь Греческихъ поселеній въ глубокой древности, и притомъ болѣе обширное, чѣмъ предполагали доселѣ.

по прежнему выбѣгаетъ изъ за горы, быстро поворачиваетъ вверхъ Днѣпра, и впадаетъ въ него подъ селомъ Пекарями. Оттуда и теперь ходитъ перевозъ черезъ Днѣпръ, на устьѣ рѣчища Козарки.

Прямо противъ того мѣста, гдѣ Рось поворачиваетъ къ Днѣпру, на нашей сторонѣ его, надъ селомъ Прохоровкою, выдалась моя Михайлова-Гора, съ которой такъ далеко видно во всѣ стороны. Сколько разнообразныхъ картинъ сливается здѣсь въ одну полную, живую панораму; и какъ хорошо отсюда поглядѣть на просторъ и красоту Божьяго міра!... Цѣлую половину кругозора моего обнялъ собою Днѣпръ, сверкая мнѣ на шестидесяти верстахъ своего теченія. Прекрасенъ Днѣпръ—и въ сіяніи дневномъ, когда на его свѣтлыхъ водахъ забѣлѣются полные паруса, ныряя въ зелени прибережныхъ деревъ — и въ сумракѣ ночномъ, когда на его стемнѣвшихъ берегахъ засвѣтятся огни, и мимо ихъ проходятъ огни на плывущихъ плотахъ. Прекрасенъ видъ Заднѣпровья—съ широкими раздолами его темныхъ, лѣсистыхъ луговъ, разлегшихся на полдень отъ Роси, подъ синѣющимися полосами возвышенностей Корсунскихъ и Мошенскихъ—съ его величавою, нарядною возвышенностью Роденскою, бѣлѣющею въ концѣ своемъ городомъ Каневомъ—и съ выходящею изъ-за Канева отраслію Трехтемировскихъ горъ. Но еще ненаглянѣе для меня видъ Побережья, на которомъ, какъ на разосланномъ коврѣ, безпечно раскинулись наши села. Тамъ улеглась бездна зелени, въ лугахъ и лѣсахъ, сплетаясь безчисленными очерками и оттѣнками въ одну ткань съ струями и зыбами блѣдножелтыхъ песковъ, поднимающихся холмами на сѣверъ. А на востокъ отъ меня потянулась набережная степь, съ разсѣянными по ней лѣсками, садиками и хуторами, и этими таинственными могилами, безъ которыхъ и степь не степь на Украинѣ. Тамъ надъ Супоемъ, въ двадцати верстахъ отъ меня, бѣлѣетъ Глемязовъ-церковью святыя Тройцы, построенною козакомъ Горбатымъ или Савенкомъ, которому богатство наносили трудолюбивыя пчелы. За Супоемъ—виднѣется длинная полоса высокой степи, уходящей къ рѣкѣ Золотоношѣ. Вправо отъ Глемязова на Супоѣ—древнее мѣстечко Пѣщана.

Еще правѣе—Новая-Гребля, насыпанная въ началѣ прошлаго столѣтія козаками полковнику Томарѣ. Но отдаленность кругозора моего заслоняется здѣсь дубровою, покрывшею версты на двѣ окраину нашей набережной степи, которая здѣсь кончается Михайловою-горою, сходясь ею съ послѣдними холмами нашей грустной песчаной разсыпи. Тяжело черезъ эти пески Глемязовцамъ спускаться въ нашу Прохоровку, на торги, бывающіе здѣсь по понедѣльникамъ, и на Днѣпровскую пристань; не легко и Прохоровцамъ всходить этими песками на свои поля. Несмотря на то, цѣлое лѣто движется народъ въ обѣ стороны мимо воротъ моихъ, по Глемязовской дорогѣ. Иная поселянка, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ дня, выходитъ съ груднымъ младенцемъ, верстъ за десять, на полевую работу, и оттуда поспѣшаетъ вернуться домой еще къ заходу солнечному, чтобы встрѣтить ватагу овецъ и сварить вечерю своей семьѣ. Тогда какъ-бы по данному знаку, надъ цѣлымъ селомъ разстилается голубоватый дымъ съ каждаго двора. А когда смеркнетъ, начинаютъ раздаваться голоса пѣсенъ, иногда слышные по цѣлымъ ночамъ:

«Лугомъ иду, пѣсни гуду,
Ажъ лужечки розлягаються;
Вже вороги спать полягли,
Теперь воны не втѣшаються».

Глемязовская дорога спускается въ Прохоровку мимо кладбища, отдѣлившагося отъ моей горы глубокимъ яромъ: оно началось со второй половины прошлаго столѣтія. На склонѣ горы стоитъ Успенская церковь, построенная тогда нашимъ Прохоровскимъ слѣпцомъ — войсковымъ товарищемъ Ѳедоромъ Петровскимъ. Какъ хорошо это кладбище, когда повѣетъ на него вѣтеръ снизу Днѣпра — и тихо зашумятъ вербы, выросшія изъ крестовъ надъ могилами убогихъ поселянъ—и затреплются бѣлыя хустки на крестахъ, надъ могилами козацкими!...

Идучи степью, Глемязовская дорога, на половинѣ своей, проходитъ между рядовыми могилами: тамъ Бубновская сотня смежалась съ сотнею Глемязовскою. Въ числѣ рядовыхъ могилъ есть и могила—Раскопанка. Я тогоже мнѣнія, что эти, такъ называемыя раскопанныя или робленыя могилы, слу-

жили нѣкогда мѣстами для языческихъ жертвоприношеній и тризнъ; а обыкновенныя круглыя могилы составляютъ собою памятники надгробные.

Дорога Пещанская идетъ отъ насъ сперва по степной окраинѣ, спускаясь на побережье взвозами Сушковскимъ и тремя Слободскими. На половинѣ ея (на осьмой верстѣ) находится урочище Супоецъ, которымъ Пѣщанская сотня отдѣлялась отъ Бубновской. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, на томъ урочищѣ, былъ хуторъ войсковаго товарища Саввы Терлецкаго, жителя Шабельницкаго; но теперь тамъ остался только окопъ съ растущими въ немъ вербами. Рядъ небольшихъ степныхъ долинъ, наполняющихся водою въ весеннее время, составляетъ начало степной рѣчки Малаго-Супойца, пробирающейся оттуда къ большому Супою. По этой дорогѣ встрѣчаете еще болѣе могилъ: однѣ изъ нихъ разбрелись по степи; другія стоятъ на краю степной равнины, какъ сторожа надъ-Днѣпровскіе. Есть нѣсколько могилъ и на самомъ побережьѣ, напримѣръ: между Слободкою и Сушками. У здѣшнихъ жителей, каждой могилѣ есть свое имя: Переяславка, Ярошиха, Вовча, Лисича, и тому подобныя.

Особенною извѣстностью пользуется здѣсь городище, искусно и сложно устроенное на углу крутаго и глубокаго яра, между Сушковскимъ и первымъ Слободскимъ взвозами. Съ давнихъ временъ поселяне Бубновской сотни сходятся туда на гулянье въ Юрьевъ-день. Ведутся въ народѣ расказы объ этомъ городищѣ, но все общеизвѣстные: объ ушедшей въ землю церкви, о кладахъ, о златорогомъ козлѣ (вѣроятно, древнемъ «турѣ золотые рога»); и нѣтъ ни одного преданія, относящагося къ его собственной, подлинной исторіи. Оно, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ разряду древнѣйшихъ городищъ, служившихъ нѣкогда жертвенными майданами [1]). Внутри его подъ землею есть остатки обстеклившейся печной стѣны.

---

[1]) На противуположномъ концѣ степной окраины нашей, за Лѣплявымъ, верстахъ въ семи отъ села Хоцекъ, въ лѣсу, есть большой четыреугольный окопъ, валы котораго заросли давно большими деревьями. Этотъ окопъ, называемый въ народѣ Даладаевымъ-Городкомъ, принадлежитъ къ разряду древнихъ насыпей, служившихъ городками оборонными или окрѣпами. Къ числу ихъ относится и то городище, которое находится на побережной равнинѣ за Лѣплявымъ, не доѣзжая Каневскаго перевоза черезъ Днѣпръ, и которое называется Козацкимъ рогомъ.

Подобныя городища находятся и на возвышенности, поднявшейся надъ нашею степною равниною, съ праваго боку Супоя, между Глемязовымъ и Ташанью. У тамошнихъ жителей они называются *кугумами*—названіе, неслыханное мною въ другихъ мѣстахъ Украины.

Противъ нашего городища, вправо отъ дороги, идущей въ Бубновъ между Слободкою и Сушками, на пятой верстѣ отъ Бубнова, есть небольшой четыреугольный окопъ, саженъ въ пятнадцать длиною съ каждой стороны, и съ кругловатою насыпью внутри каждаго угла. Непонятно, за что этотъ окопъ прозванъ Дворцомъ; но видно по всему, что онъ устроенъ въ позднѣйшія времена, съ назначеніемъ сторожевымъ, вѣроятно на время разлитія Днѣпровскаго.

Къ числу старинныхъ насыпей, въ предѣлахъ Бубновской сотни, принадлежитъ еще небольшой валъ, котораго отрывки видны на побережной равнинѣ, вдоль Днѣпра, между Бубновомъ и Келебердою. Валъ этотъ конечно пограничный; но неизвѣстно, кто имъ и отъ кого отграничивался.

Въ заключеніе упомяну объ островахъ Днѣпровскихъ, прилежащихъ къ нашей сотнѣ. Не большое рѣчищѣ Бубновское обтекаетъ островъ Молодняги; а рѣчище Козарка отъ Старика-Днѣпра отдѣляется большимъ островомъ Шелестовымъ. На срединѣ между этими двумя островами, противъ того мѣста, гдѣ теперь урочище Осетровщина, былъ на Днѣпрѣ островъ Осетрова-Голова. Тамъ въ прежнія времена производилась богатая ловля Днѣпровскихъ осетровъ, которыми Бубновскіе сотники каждую весну лакомили ясневельможныхъ гетмановъ и полковниковъ Переяславскихъ. Но теперь этой ловли здѣсь нѣтъ; она производится подъ Каневомъ, и уже не косяками, похожими на волчьи тенета, а неводами. Съ началомъ нынѣшняго столѣтія, когда Днѣпръ отодвинулся отъ Прохоровки поближе къ Роси, онъ срѣзалъ Осетрову-Голову, а къ острову Шелестову и къ его товарищу Коверживу прибавилъ значительную присыпь, которая немедленно заросла осокорями, вербами и лозою, также какъ и старые острова. Любо глядѣть, какъ быстро проращаетъ изъ себя траву и дерево новорожденная земля, на глубинахъ Днѣпровскихъ.

V. Времена Бубновской сотни съ нашествія Шведскаго до послѣдняго гетманства (1708—1750).

Шведскимъ нашествіемъ и низложеніемъ гетмана Мазепы, въ 1708 году, кончился прежній періодъ бытія козацкой Украины, и начался новый, послѣдній, который я называю періодомъ «перемежающагося гетманства». Онъ прекратился въ 1782 г., «преобразованіемъ» Малороссіи, изъ полковъ и сотенъ, въ намѣстничества и уѣзды.

Шведское нашествіе, въ ходу жизни Украины козацкой, составляетъ событіе такое же роковое и переломное, какъ для Украины княжеской нашествіе Татарское. Какъ ни различны между собою въ подробностяхъ эти два событія, и ихъ предпріимчивые совершители: Батый и Карлъ; но въ отношеніи къ двумъ кругамъ жизни, пройденной нашею Украиною, они соотвѣтственны другъ-другу.

«Шведського року несчастливого лѣта,
Не одна-те Християнська душа безневинно пошла зъ сего свѣта!

Такъ поминается въ Украинской думѣ то время, блистательное для Руси вообще — побѣдою Полтавскою, но несчастливое для Украины—тѣми опустошеніями, какія потерпѣла она отъ Шведской войны, которой была поприщемъ, отъ порожденнаго этою войною мора, и наконецъ отъ необычайнаго налета саранчи въ томъ же 1710 году, съ началомъ котораго по всей Южной Руси разлилась изъ Полтавщины моровая язва. Къ этимъ внѣшнимъ бѣдствіямъ присоединились тяжкія впечатлѣнія, соединявшіяся съ памятью объ измѣнѣ Мазепы, — впечатлѣнія, которыхъ въ глазахъ Петра перваго не могла загладить безпредѣльно вѣрная и покорная служба новаго гетмана Ивана Скоропадскаго.

Но неоспоримо, что Малороссія въ это время, способствовавъ такъ много къ побѣдѣ Полтавской повсюднымъ истребленіемъ Шведа, доставила великому преобразователю Россіи первѣйшихъ тогдашнихъ духовныхъ дѣятелей: св. Димитрія Ростовскаго, первосвятителя Стефана Яворскаго и краснорѣчиваго Ѳеофана Прокоповича. Съ этими свѣтильниками, при начатіи XVIII вѣка — Украина козацкая вступила на

поприще обще-Русской духовной дѣятельности, подобно тому какъ въ XIII вѣкѣ упадавшая Украина княжеская передавала Русскому сѣверо-востоку лучшій цвѣтъ духовной силы своей: въ св. Симонѣ Епископѣ Суздальскомъ, въ великомъ митрополитѣ всея Россіи Кириллѣ II-мъ и въ златословесномъ сподвижникѣ его Серапіонѣ, архимандритѣ Печерскомъ. И до самаго конца своего, Украина козацкая, можно сказать, первенствовала въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія Руси, расходясь во всѣ ея концы, и лѣторослями своей Кіевской академіи, и множествомъ достойныхъ ея питомцевъ: отъ св. Иннокентія (Кульчицкаго) епископа Иркутскаго до Георгія Конискаго, архіепископа Бѣлорусскаго.

Съ воцареніемъ юнаго Петра втораго, выпадали свѣтлыя воспоминанія старины на долю Украины, подъ управленіемъ доблестнаго семидесятилѣтняго воина Даніила Апостола, выбраннаго въ гетманы послѣ перваго пятилѣтняго междугетманства (1-го октября 1727). При немъ Украинское козачество потѣшилось опять войною съ Поляками (съ 1733 года), подъ начальствомъ старыхъ вождей своихъ: генеральнаго-обознаго Якова Лизогуба [1]) и Прилуцкаго полковника Игната Галагана. Въ его же гетманство, Запорожская Сѣчь, четверть-вѣка пропадавшая въ подданствѣ Татарскомъ, получила прощеніе (1733), и воротилась на Днѣпръ, чтобы съ честію послужить еще православной Руси, и умереть на родномъ пепелищѣ, подобно своему кошевому атаману Костѣ Гордѣенку, который скитальцемъ пришелъ на рѣку Каменку, чтобы сложить буйную голову свою на сѣчевомъ кладбищѣ (1730). Главнымъ виновникомъ сего возвращенія Сѣчи подъ Русскую державу былъ храбрый кошевой атаманъ Иванъ Малишевичъ, уроженецъ Золотоношскій. Въ 1734 году, скончался маститый гетманъ Апостолъ (17 января), и погребенъ въ сооруженной имъ каменной церкви въ сотенномъ городѣ Сорочинцахъ, незабвеннымъ Кіевскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ.

---

[1]) Вышеупомянутый (см. гл. III Лизогубъ — Яковъ Кондратьевичъ, былъ полковникомъ Каневскимъ, а подъ конецъ XVII вѣка, Черниговскимъ полковникомъ былъ Ефимъ Лизогубъ. Сынъ-же этого послѣдняго, Яковъ Ефимовичъ, былъ генеральнымъ-бунчужнымъ, а съ 1729 года генеральнымъ-обознымъ.

Послѣ того, Малороссійское и Запорожское козачество, около пяти лѣтъ, дралось непрестанно съ Татарами и Турками, принимая жаркое участіе и въ знаменитыхъ побѣдахъ Очаковской и Хотинской. Но отъ лавровъ, стяжанныхъ тогда Минихомъ, крѣпко болѣли чубы Украинцевъ; на Украину налетали опять (въ 1738 году) и саранча и моръ, и унывала душа отъ страховъ наведенныхъ на Русь кровожаднымъ Бирономъ. Къ счастію, вскорѣ явилась на престолѣ Всероссійскомъ Елисавета Петровна. И зазвучала пѣснь Холмогорскаго пѣвца:

«Гряди, краснѣйшая денницы!
Гряди—и свѣтлостью лица,
И блескомъ чистой багряницы—
Утѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое»!...

И дѣйствительно, настало златое благодатное время тишины и довольства для всей неизмѣримой земли Русской, въ особенности-же—для истомленной вѣковыми тревогами Украины. Эта послѣдняя была, наконецъ, обрадована прибытіемъ самой Елисаветы въ «богоспасаемый Кіевъ» (въ 1744 году, съ 17 августа по 10 сентября). Проводя здѣсь нѣсколько недѣль въ поклоненіи святымъ мѣстамъ, миротворная царица встрѣчала повсюду разцвѣтшую радость и любовь къ себѣ народа Украинскаго; и однажды сказала она во всеуслышаніе: «возлюби мя, Боже, такъ въ царствіи Небесномъ, какъ я люблю сей благонравный и незлобивый народъ!» Церковь Андрея Первозваннаго, собственноручно заложенная Елисаветою, составляетъ изящный памятникъ ея незабвеннаго посѣщенія предѣловъ Днѣпровскихъ.

Въ ту пору торжественно встрѣчалъ и провожалъ по Малороссіи свою царицу Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ. Возвращенный Украинѣ при Петрѣ второмъ, онъ былъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ представителемъ народа своего, и скончался въ Петербургѣ 25 января 1749 г., будучи тогда главою депутаціи о выборѣ гетмана. Съ кончиною Якова Лизогуба пришла къ своему концу и старая козацкая Украина, доживая свой трудный вѣкъ въ мирной тишинѣ и счаст-

ливомъ довольствѣ, и поставивъ себѣ заживо памятникъ въ великолѣпномъ гетманствѣ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго (съ 1750 до 1764 г.).

Что было съ Малороссіей вообще въ тѣ сорокъ два года, тому причастна была и наша Бубновская сотня. До 1740 года включительно, она безпрестанно выряжала козаковъ своихъ въ походы: то на войну, то на земляную работу (на Ладогѣ, на Бѣломъ морѣ, на Волгѣ, на Сулакѣ, на Линіи-Украинской). Въ сороковыхъ годахъ, Бубновскіе козаки домовали и отдыхали, сторожа только свои пограничные форпосты, въ помочь драгунамъ Новотроицкаго и другихъ полковъ, квартировавшихъ въ тѣ годы на нашемъ Побережьѣ.

Послѣ смерти сотника Деркача (1708), Бубновскими сотниками были: Михайло Прохоровичъ (до 1738) и Ѳедоръ Васильевичъ (до 1752). Мѣстопребываніе ихъ было уже не въ Бубновѣ, а въ Прохоровкѣ; почему сюда же перемѣстился и «сотенный Бубновскій урядъ», съ 1735 года называвшійся «сотеннымъ Бубновскимъ правленіемъ» [1]. Это перемѣщеніе (которому поводомъ былъ великій разливъ Днѣпра въ 1709 г.) послужило къ возвышенію Прохоровки и къ упадку Бубнова.

VI. Сотникъ Михайло Прохоровичъ.

Въ прежнія времена наше Побережье считалось Каневщиною [2]; ибо, еще и при Хмельницкомъ, *Бубновская* и *Лѣпляевская* сотни въ отношеніи гражданскомъ, принадлежали къ повѣту Каневскому [3]. Этою принадлежностью усилена была

---

[1]) Къ сожалѣнію, я не могъ дознаться, куда дѣвался архивъ того правленія. Впрочемъ, у здѣшнихъ жителей, уцѣлѣло не мало подлинныхъ листовъ, выданныхъ изъ Бубновскаго уряда. Они писаны по общепринятой тогдашней формѣ; напримѣръ: «Року 1716 мѣсяца іюня 14 дня. На врядѣ нашомъ сотнѣ Бубновской, въ селѣ Прохоровцѣ, предо мною Михаиломъ Прохоренкомъ, сотникомъ Бубновскимъ, Григоромъ атаманомъ, и при — Ивану Антипенку, Павлу Лесенку и при иныхъ товариству, на тотъ часъ прилучившихся представилъ намъ честный отецъ Даніилъ Фелиповичъ, священникъ нашъ Прохоровскій»... и т. д.

[2]) Въ селѣ Келебердѣ, въ Троицкой церкви, понынѣ хранится Евангеліе (Виленской печати 1600 года), со вкладною надписью, что оно подарено въ эту *Керебердѣевскую* церковъ въ Каневщинѣ, 1635 года, Запорожскимъ козакомъ Филипомъ Яковлевичемъ.

[3]) Такъ и въ слѣдующей надписи, на рукописномъ евангеліи XVI вѣка, нѣкогда принадлежавшемъ Ильинской церкви въ Прохоровкѣ: «Я рабъ Божій Мартинъ Корощупъ и зъ жоною своею Параскевеею, обуватель Каневскій и козакъ его царского величества войска Запорозького, надалъ сію книгу, глаголемую евангеліе напре-

сосѣдская связь нашихъ «побережанъ» съ Каневскими «тогобочцами» (то есть заднѣпровцами). Козаки здѣшніе служили въ Каневской сотнѣ; а Каневцы переходили къ намъ. Я разумѣю здѣсь прежнее, добровольное общеніе; а не то насильное переселеніе заднѣпровцевъ, которое было послѣ Прутскаго договора, и названо «згономъ». Тогда переселенные Каневцы водворились за Золотоношею, преимущественно въ сотнѣ Ирклѣевской [1]); Днѣпръ сталъ разлучникомъ двухъ родныхъ половинъ козацкой Украины, и правый берегъ его назывался Польшею [2]).

Стародавнее общеніе Канева съ нашимъ Побережьемъ вспомянулось въ Запорожской Сѣчи, когда воротилась она на Днѣпръ въ 1734 году: Бубновскіе козаки тогда, поступая въ Запорожцы, приписывались обыкновенно къ «товариству Каневскаго куреня», нерѣдко были въ немъ атаманами, и оттуда, по старому обычаю козацкому, надѣляли здѣшнія церкви евангеліями, крестами и другими утварями, преимущественно серебряными. Такъ, напримѣръ, Прохоровскій уроженецъ Павелъ Фесуненко, будучи куреннымъ атаманомъ

стольное, до храму св. пророка Иліи на селѣ Прохоровцѣ у повѣтѣ Каневскомъ, з отпушеніе грѣховъ своихъ.... року 1655 априля 1 дня». Между тѣмъ въ старинномъ «помянникѣ» Каневской Преображенской церкви (переписанномъ вновъ 1674 года, за стараніемъ Каневскаго протопопа Кирила Мужиловскаго, священникомъ Васильевской Каневской церкви Стефаномъ Чупкою) поминается «раба Божія Екатерина, вернувшись отъ жидовства во святую Христіанскую вѣру, которая, поживши въ Христіанствѣ недѣль двѣ и три дни, мечемъ скончался отъ злосливаго Мартина Корощупа, року 1648 іюля 11». То былъ годъ возстанія Украинцевъ, поднятаго Хмельницкимъ: Жидовка не нашла себѣ избавленія отъ козацкой руки даже и въ крещеніи! Сказанный помянникъ или «субботникъ», какъ надписано въ немъ рукою нашего священника Стефана Осиповскаго, «по збуренію города Канева, отданъ въ село Прохоровку 1677 мая 3 числа». Ошибкою поставленъ этотъ годъ. Изъ лѣтописей видно, что городъ Каневъ былъ разоренъ въ сентябрѣ 1678 года. Писавшій помянникъ, священникъ Стефанъ Чупка, по раззореніи Канева, перешелъ въ Переяславъ, и былъ викаріемъ въ соборной Успенской церкви, въ 1680 году, гдѣ священниками тогда были: Стефанъ Мокріевичъ и Григорій Максимовичъ. Викарные священники въ Малороссіи были до 1775 года.

[1]) Здѣсь, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, до 1783 года, была новая Каневская сотня, которой не должно смѣшивать со старою Каневскою сотнею Заднѣпровскаго полка Каневскаго. Къ новой Каневской сотнѣ Переяславскаго полка принадлежали села: Великіе-Каневцы, Малые-Каневцы, Лихолѣтки, Крутьки, Мельники, Ревбинцы и Вороницы, да хуторъ Кононовичевъ.

[2]) Такъ и теперь еще, заднимъ числомъ, зовется у нашихъ степовиковъ «правая сторона Днѣпра». Въ «Книгѣ большаго чертежа» эта сторона называется — Литовскою, а у Воплана—Русскою, въ отличіе отъ лѣвой стороны Днѣпра, которая, и у Воплана, и въ «Книгѣ большаго чертежа», зовется —Московскою, хотя она стала принадлежать къ Москвѣ уже послѣ. Вотъ примѣръ, какъ названіе мѣста не всегда выражаетъ дѣйствительную его принадлежность.

въ Сѣчи, поручилъ сотнику Прохоровичу «справить» на престолъ Ильинской церкви евангеліе въ зеленобархатной золоченосребряной оправѣ, которое и теперь тамъ находится [1]). На большомъ колоколѣ при тойже церкви прочтете надпись: «року 1738 августа 20 дня, звонъ сей здѣланъ до храму святого Пророка Иліи въ село Прохоровку, коштомъ Сѣчоваго атамана куреня Каневскаго Павла Фесуненка, за отпущеніе грѣховъ, а стараніемъ пана Дмитрія Прохоровича».

Въ Каневскомъ полку, еще при гетманѣ Богданѣ, поступилъ на службу козакъ Прохоръ, прозваніемъ Шинкаренко. Схоронивъ первую жену свою, Марью Лебедевну, въ сотенномъ селѣ Піяхъ, онъ женился на другой женѣ, на Каневской козачкѣ Иринѣ. Къ началу Чигиринской войны онъ былъ уже сотникомъ Піевскимъ, а подъ конецъ войны—полковымъ асауломъ Каневскимъ; и въ этихъ чинахъ сталъ прозываться Кочмаренкомъ [2]).

---

[1]) Это евангеліе примѣчательно и по своему изданію, котораго не знали ни Сопиковъ, ни Кастеринъ: оно напечатано въ Москвѣ 1735 г.

[2]) Извѣстія о родѣ сотника Прохоровича взяты мною изъ старинныхъ актовъ, сохранившихся у потомковъ его: Григорія Ивановича, Өедора Михайловича и Леонида Павловича Прохоровичей. Изъ этихъ актовъ, два древнѣйшіе относятся къ 1662 и 1663 годамъ. Первый изъ нихъ—декретъ генеральныхъ судей по жалобамъ Марьи Лебедевны Прохоровой на своихъ братьевъ:—«Року 1662 мѣсяца іюня дня четвертаго надцять. Передъ нами: Григоріемъ Лесницкимъ и Михаиломъ Радкевичемъ, судями войскъ его королевской милости Запорозкихъ генеральными, постановившися очевисто обывателька Пыевская, на имя Марья Лебедевна, зъ мужемъ своимъ Прохоромъ ускаржали на брата своего рожоного Лашка Лебеденка и на Тышка также рожоного брата другого, о позосталые добра отца ихъ небожчина Ивана Лебедя, то-есть о кгрунта да дворы стоячіе въ Иржищевѣ и въ Стайкахъ, также и о иншіе рѣчи рухомые... (и т. д.; въ концѣ-же).... А мы на тотъ часъ владзы нашой сей декретъ ствердивши, для даня вѣры у каждаго права и суду, при подписѣ рукъ нашихъ печать судейскій войсковый притиснуть росказали. Въ таборѣ подъ Ходорковомъ. Року и дня вышей описанного. Григорій Лесницкій, Михайло Радкевичъ, судьи вышъ мененные рукою властною.»—Второй актъ продажная запись: «Я Матвѣй Гарбузенко, козакъ войска его королевской милости Запорозскаго полку Каневскаго, обыватель Процковскій. чиню явне и добровольне зознаваю тимъ моимъ вечисто продажнымъ листомъ записомъ вобецъ каждому, кому бы о томъ вѣдати надлежало теперъ и на потомные часы: ижъ продалемъ ставъ и лѣсъ зъ сѣножатю... свое власное, нѣкому пѣвчомъ не певное и незаведенное, свободное мнѣ продавать, спадковымъ по небожнику тестю моему належитое, подъ селомъ Піями, вышей Олеиченкова става лежачее, за рублей 86 (?), за золотыхъ 30, славетному Прохору Шинкаренку тожъ козаку полку Каневского, ему самому, жонѣ и потомкомъ его, на вѣчность продалемъ... (и т. д.; а въ концѣ).. Для лѣпшои вѣры далъ той вечисто продажный листъ записъ съ подписомъ рукъ пана полковника Каневскаго и иншихъ товариства и за притисненіемъ печати полковои. Писанъ въ Каневѣ дня 16 ноября 1662. Іоанъ Дмитренко полковникъ войска его королевской милости Запорозскаго Каневскій. Олефѣръ Касаненко. Евхимъ Панченко асаулъ полковый р. вл. Михайло Копяковичъ писарь полковый р. вл.

Извѣстно, что въ Чигиринскую войну, грозный Турецкій султанъ Магометъ IV, освободивъ изъ семибашенной крѣпости Юрія Гедеона Хмельницкаго, съ титломъ «князя Малороссійской Украины», наслалъ его на Украину. По разрушеніи Чигирина, Хмельниченко (такъ звали Юрія) съ Татарами наступилъ на Каневщину: и городъ Каневъ съ монастыремъ, 4 сентября 1678 г., потерпѣлъ страшное разореніе. Передовымъ Юрія, въ этомъ дѣлѣ, былъ другой такой же Хмельницкій у котораго народъ отнялъ это имя и прозвалъ его Яненкомъ [1]). Къ приключеніямъ жизни безталаннаго сына Богданова видно не доставало еще, чтобы, въ нашествіе его на Каневъ, былъ замученъ Татарами тотъ святой мужъ, у котораго въ Каневскомъ монастырѣ былъ гостепріимный пріютъ ему, подѣломъ гонимому тогда со всѣхъ сторонъ. Нетлѣнныя мощи преподобнаго архимандрита Макарія, обрѣтенныя въ Каневѣ 1688 г. 17 марта, перенесены были козаками въ Переяславскую полковую церковь св. Воскресенія, а оттуда, 8 ноября 1713 г., въ обновленный древній монастырь Михайловскій: по упраздненіи же этого монастыря, онѣ перенесены, 4-го августа 1786 года, въ Вознесенскій Переяславскій монастырь, гдѣ находятся нынѣ.

Каневскій асаулъ Прохоръ, по разореніи Каневщины, перешелъ на службу, въ Кіевскій полкъ, сотникомъ Остерскимъ, впрочемъ не на долго: въ 1682 году его уже не было въ живыхъ [2]). Вдова—Ирина Прохориха воротилась въ Каневъ. Всему доброму учила она своего сына Михайла: но не успѣла выучить грамотѣ. Впрочемъ неграмотность въ тѣ времена не мѣшала надежнымъ козакамъ быть сотниками и даже полковниками: и если разумному и мужественному Меньщикову,

---

[1]) Изъ Кіевскихъ актовъ XVII вѣка, мнѣ достовѣрно извѣстно, что передъ Василіемъ Θедоровичемъ Дворецкимъ, бывшимъ долго въ званіи Кіевскаго полковника (начиная съ 1659 года), былъ полковникомъ Кіевскимъ Павелъ Яновичъ Хмельницкій. Извѣстный въ исторіи Яненко, если не ошибаюсь, былъ сынъ его, служившій также вѣрно Богданову сыну, какъ Павелъ Хмельницкій служилъ Богдану. А что Иванъ Яненко былъ точно Хмельницкій, то видно изъ универсала Юрія Хмельниченка, посланнаго съ нимъ Иваномъ и съ Татарами въ Каневъ» изъ табору надъ Ирклѣевомъ, августа 23, 1678 года»: въ томъ универсалѣ онъ названъ «Иваномъ Яненченкомъ Хмельницкимъ».

[2]) Въ 1682 году Кіевскимъ полковникомъ былъ Григорій Карповичъ, служившій до разоренія Чигиринщины полковникомъ Чигиринскимъ; а Остерскимъ сотникомъ — Павелъ Дворецкій.

при Великомъ Петрѣ, не нужны были ни родъ, ни грамота, чтобъ возвыситься до такого величія въ Русскомъ царствѣ, то храброму сиротѣ Прохоренку и Богъ велѣлъ быть въ то же время главою Бубновской сотни. Служа въ ней рядовымъ козакомъ, онъ отличился въ битвѣ подъ Полтавою, и тамъ же назначенъ въ Бубновскіе сотники; гетманскій же универсалъ на то данъ ему уже 22 апрѣля 1726 года. Онъ правилъ нашею сотнею тридцать лѣтъ безъ году; правилъ честно и безкорыстно: служилъ «не щадя здоровья и живота», и былъ съ своими козаками во многихъ походахъ; за походами тогда остановки не было, особливо въ тридцатыхъ годахъ, когда въ слѣдъ за войною Польскою начались непрестанныя схватки съ Татарами въ походахъ Нагайскомъ, Крымскомъ, Подкарасевскомъ и другихъ. Въ послѣдній разъ сотникъ Прохоровичъ выступилъ въ походъ Поднѣстрянскій, весною 1738 г.; тогда при немъ были: сотеннымъ хорунжимъ—Кирило Макаренко, сотеннымъ асауломъ—Никифоръ Бадѣка; а въ Прохоровкѣ наказнымъ сотникомъ оставался—Алексѣй Петровскій. Походъ Поднѣстрянскій извѣстенъ: фельдмаршалъ Минихъ ходилъ по лѣвому берегу Днѣстра, не рѣшаясь переходить на правый берегъ, уставленный Турецкою силою, выхвалялъ въ своихъ реляціяхъ храбрость генерала Августа фонъ-Бирона, и воротился въ Кіевъ ни съ чѣмъ. А между тѣмъ много козаковъ погибло тогда въ мелкихъ битвахъ съ Татарами и отъ моровой язвы. Въ первомъ сраженіи козаковъ съ Татарами за Бугомъ, былъ изрубленъ сотникъ Прохоровичъ [1]), на рѣкѣ Кодымѣ. И въ «Субботникѣ» Прохоровской Ильинской церкви записали тогда память «раба Божого Михайла, сотника Бубновского, сколотого отъ Татаръ на Кодымѣ, сего 1738 году,

[1]) Такъ сказано въ аттестатѣ, выданномъ изъ Переяславской полковой канцеляріи, 22 іюля 1652 года, старшему сыну сотника Данилу Прохоровичу, который началъ службу при отцѣ въ 1708 году, «походомъ, какъ Кочубея и Искру потеряно», былъ вмѣстѣ съ отцомъ и «подъ Полтавою, противъ Шведовъ, на подъѣздѣ»; а потомъ, въ 1710 году женился на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Кохновнѣ, получивъ за нею отъ тестя своего имѣнія на рѣкѣ Чумчакѣ (въ томъ числѣ «три дворища въ городищѣ Чумчацкомъ»). Съ 1735 года, Даніилъ Прохоровичъ служилъ въ чинѣ значковаго-товарища. Второй сынъ сотника, Антонъ Прохоровичъ, тоже былъ «значковымъ-товарищемъ», и служилъ «въ Сербахъ», то-есть въ гусарахъ.

іюня 30-го дня. Вдова сотника, Евдокія Григорьевна, скончалась въ Прохоровкѣ 1747 г.

Изъ трехъ сыновей ихъ, остался въ отцовскомъ домѣ—меньшой Дмитрій [1]). Онъ началъ войсковую службу при отцѣ съ 1730 года: въ отставку вышелъ 1757 года, въ чинѣ Бунчуковаго товарища; скончался въ 1761 году, будучи шестидесяти лѣтъ отъ роду. Служба прежнихъ козаковъ тѣмъ отличалась отъ нынѣшней военной, что отбывалась обыкновенно на собственномъ коштѣ, и послѣ многихъ лѣтъ, или послѣ калѣчества, награждалась обыкновенно увольненіемъ отъ всякой повинности общественной, не рѣдко съ производствомъ въ чинъ. Такъ продолжалась и тѣмъ кончилась служба Дмитрія Прохоровича, который былъ вторымъ изъ козаковъ Бубновской сотни—въ чинѣ Бунчуковаго товарища (равнявшемся Премьеръ-Маіорскому) [2]): а первымъ изъ нихъ въ этомъ чинѣ былъ меньшой сынъ сотника Дениса, Андрей Деркачъ. Старшій сынъ Дмитрія Прохоровича Яковъ служилъ въ Запорожской Сѣчи; а меньшій Иванъ—въ Бубновской сотни (съ 1758

---

[1]) Предковскій дворъ свой съ колодяземъ въ Прохоровкѣ, на улицѣ, шедшей отъ Ильинской церкви къ Днѣпру, Дмитрій Прохоровичъ продалъ въ 1758 году Бубновскому сотнику Ивану Максимовичу.

[2]) Вотъ абшитъ Дмитрія Прохоровича:—«Ея Императорскаго величества Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорозскихъ гетманъ, дѣйствительный камергеръ, императорской Санктпетербургской академіи наукъ президентъ, лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полку подполковникъ и обоихъ Россійскихъ императорскихъ ординовъ святыхъ апостола Андрея и Александра Невскаго, также Полскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго, святыя Анны кавалеръ, Россійской имперіи графъ Кирилъ Разумовскій. Господамъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ, Бунчуковымъ товарищамъ, старшинамъ полковымъ и сотникамъ, и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежить, объявляется:—Бунчуковый товарищъ Дмитрій Прохоровичъ подалъ намъ доношеніе, представляя о службахъ своихъ съ 1730 года въ чину Значковыхъ товаришей, а потомъ Хоружимъ полковымъ Переяславскимъ въ военныхъ походахъ и коммѣсіяхъ отправленныхъ, и что съ 1742 году будучи въ званіи Бунчуковыхъ товаришей, неоднократныи коммѣсіи отправлялъ зъ единаго своего домовства, не имѣя къ оному (по примѣру прочихъ полковыхъ чиновниковъ и Бунчуковыхъ товаришей) въ надачи двороваго награжденія, чрезъ то де пришелъ въ нищету, такъ что и нужного пропитанія лишается при старости своихъ лѣтъ, и службы войсковой гражданской опредъ отправлять не въ состояніи, просилъ о уволненіи его отъ всѣхъ службъ нашего разсмотрѣнія; а яко, и по усмотрѣнію нашему, онъ Прохоровичъ за старостію къ отправленію служебъ являться не въ состояніи, того ради. призирая на оныя его Бунчукового товариша Димитрія Прохоровича долговременно отправленные службы и старость, Димитрія его Прохоровича отъ всѣхъ служебъ уколняемъ, и предлагаемъ, дабы господа генералные Малороссійскіе старшины. полковники, Бунчуковые товариши, старшины полковые, сотники и прочіе, до кого сіе принадлежитъ, о таковомъ нашемъ его Димитрія Прохоровича отъ всѣхъ служебъ уволненіи вѣдали: для чего и сей нашъ абшитъ за рукою нашею и при печати національной. Данъ въ Глуховѣ 1757 года іюля 10 дня. —Гетманъ графъ Кирилъ Разумовскій».

года), сперва сотеннымъ писаремъ, потомъ сотеннымъ атаманомъ, и кончилъ службу вмѣстѣ съ жизнью, 1770 года, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, будучи сотникомъ Пѣщанскимъ. Въ Прохоровкѣ и теперь еще «тупаетъ» помаленку девяносто лѣтній правнукъ сотника Михайла Григорій Ивановичъ: живая, но уже забывчивая лѣтопись о послѣднихъ дняхъ Бубновской сотни [1]).

Сотникъ Михайло сталъ называться Прохоровичемъ уже въ позднѣйшіе годы; а сперва обыкновенно звался онъ Прохоренкомъ. Такъ и въ надписи на одномъ изъ колоколовъ Ильинской церкви: «року 1722, зробленъ сей звонъ за стараніемъ пана сотника Михайла Прохоренка, до храму святого Пророка Иліи, въ село Прохоровку».

Вотъ исторія объ этомъ колоколѣ. Прохоровскій козакъ Романъ Косенко, передъ смертью, лѣтомъ 1720 года, отказалъ свою «худобу» (то есть имущество) на Ильинскую церковь, и поручилъ ее пану сотнику. Худоба Косенка состояла въ 140 овцахъ, 5 коняхъ, 5 волахъ, да въ небольшой козацкой движимости; по продажѣ ея, сочтено было вырученныхъ денегъ «сто талярей безъ четырехъ золотыхъ» [2]). Прибавивъ къ тому своихъ денегъ, Прохоровичъ, въ 1622 году вылилъ колоколъ. Такое распоряженіе сотника въ дѣлѣ, относившемся къ церкви, отецъ Даніилъ (Прохоровскій священникъ) почелъ

---

[1]) Состоитъ онъ въ чинѣ коллежскаго Регистратора, съ 1802 года: а получилъ этотъ «основный чинъ» черезъ двадцать-два года службы, которую началъ въ 1780 году въ полковой Переяславской канцеляріи канцеляристомъ· за тѣмъ черезъ два года, въ чинѣ значковаго-товарища, поступилъ въ Переяславскій козачій полкъ; но за расформированіемъ этого полка въ карабинерные, опредѣлился въ Золотоношскій уѣздный судъ; изъ него, въ 1796 году, перемѣстился въ казенную палату новооткрытаго тогда намѣстничества Брацлавскаго; за упраздненіемъ-же этого намѣстничества, въ слѣдующемъ году, помѣстился наконецъ въ самой Прохоровкѣ — къ дѣламъ Золотоношскаго маршала письмоводителемъ: въ каковой должности и обрѣтался до отставки своей, послѣдовавшей 1806 года.

[2]) Для любопытства приведу здѣсь тогдашнюю цѣну. Овцы проданы по золотому; волы—по 10 и 11 золотыхъ; корова съ теленкомъ—за 3 копы; конь гнѣдый — за 41 золотый; 2 кобылы — по 11 копъ; 2 лошицы — по 7 копъ. Замѣтимъ изъ прочей худобы: жупанъ блакитный (голубой) проданъ Кунашу—за 10 золотыхъ; кафтанъ — за 3½ золотыхъ безъ копѣйки; убранье (шаровары) — за 14½ шаговъ; шабля—за 18 шаговъ; кульбака сѣдло)—Василю Красовскому за 3½ золотыхъ; жукъ пороховый—за 5 чеховъ; возъ—за копу за двѣ кухвы—за полталяра. Изъ 140 овецъ, 20 отдано было женѣ «небожчика» (покойника), 10—пастуху, 4 зарѣзано на обѣдъ, а 2 съѣдены волками. Изъ той-же худобы выдали «горѣлки» на похороны и на обѣдъ золотыхъ на 15.

нарушеніемъ своихъ пресвитерскихъ правъ, и не принялъ колокола. Черезъ четыре года, сестра покойнаго козака жаловалась въ полковую Переяславскую канцелярію, что панъ сотникъ не исполнилъ братняго завѣщанія, но Отецъ Даніилъ былъ непреклоненъ, и колоколъ оставался непосвѣщеннымъ. Наконецъ участь его рѣшилась въ 1729 году, слѣдующимъ опредѣленіемъ Прохоровской «громады»: «року 1729 мѣсяца мая 26. Предъ окончаніемъ житія своего зъ сего свѣта, въ минюшедшихъ годѣхъ, Романъ Косенко, житель и товаришъ Прохоровскій, отказалъ субстанцію свою пану Михайлу Прохоровичу, сотнику Бубновскому; якую субстанцію врученную спродавалъ; и за тые звонъ отлилъ; а тыхъ денегъ было талярій сто; а пана сотника также у звонѣ денегъ сорокъ талярей; а отъ тыхъ часовъ и по сію пору звонъ у коморѣ лежитъ за запрещеніемъ Отца Даніила презвитора Прохоровскаго; а нынѣ мы всѣ: мѣщане, товариство и посполитые усовѣтовали, дабы тотъ звонъ былъ на звоницѣ; на що мы товариство и поспольство села Прохоровки повелѣваючи своей старшинѣ сотенной, и подписуемся [1]).

VII. Пресвитеръ Даніилъ Осиповскій, и другіе священники Бубновской сотни.

Отецъ Даніилъ — лицо самое замѣтное въ духовенствѣ Бубновской сотни. Онъ былъ казачій сынъ, и родился въ Прохоровкѣ предъ концемъ іезуитскаго владычества надъ Бубновымъ, именно въ 1645 году. Выросталъ онъ и учился грамотѣ во времена Хмельницкаго, а поступилъ въ войсковую службу во время Дорошенково. Какъ человѣкъ грамотный, онъ дослужился въ Переяславскомъ полку полковаго писаря: это званіе было немаловажное, ибо уравнено было съ секундъ-маіорскимъ чиномъ, тогда какъ званіе сотника считалось

---

[1]) Слѣдуютъ подписи: «Ктиторъ Назаръ Демченко, атаманъ Прохоровскій—Прокопъ Самоненко, Романъ Ворисенко, Олиферъ Гавриченко, Иванъ Антипенко, Грицько Сесько, Кузьма Курянъ», и еще двадцать-шесть козаковъ, съ прибавкою: «и при сихъ вышеписанныхъ товариства и многихъ будучихъ при семъ товариства старыхъ и молодыхъ свидѣтели». За тѣмъ подписи посполитныхъ: «Панько войтъ Прохоровскій, Уласъ Федщенко, Матвѣй Носакъ, Тимко Коваль, Андрей Усъ, Иванъ Жукъ», и еще восемь человѣкъ.

наравнѣ только съ чиномъ ротмистра [1]). Не смотря на свой полковый чинъ, Даніилъ Филиповичъ Осиновскій не захотѣлъ продолжать войсковой службы; и въ 1692 году принялъ рукоположеніе, отъ митрополита Кіевскаго Варлаама Ясинскаго, въ пресвитеры Прохоровской Ильинской церкви. Этого конечно желали Прохоровцы; ибо, еще до поѣздки Даніила въ Кіевъ на посвященіе (1692 года 26 мая), Прохоровскій атаманъ Иванъ Сыроватка съ товариствомъ отдали ему на церковъ «сѣножать» на рѣчкѣ Ореховкѣ, прозванную Поповымъ Кутомъ.

Отецъ Даніилъ былъ ревностный служитель своей церкви: содержалъ при ней исправно богадѣльню и школу, но въ тоже время требовалъ отъ всѣхъ прихожанъ непремѣннаго взноса ему «роковщины», состоявшей въ полчетверикѣ пашни и когда, во время Шведщины, многіе селяне перестали исполнять этотъ «поданный датокъ», то строгій пресвитеръ понудилъ ихъ къ тому универсаломъ наказнаго полковника Степана Томары (1710 г. августа 24). Крутой нравъ Даніила поставлялъ его иногда въ разладъ съ прихожанами; но это не охлаждало ни сколько ихъ усердія къ церкви, которое во все время Даніилово явственно обнаруживалось. А Даніилово время при Ильинской церкви продолжалось шестьдесятъ восемь лѣтъ, до кончины его 5 января 1760 года, когда ему самому было уже сто пятнадцать лѣтъ отъ роду.

За полтора мѣсяца передъ тѣмъ (16 декабря 1759 г.) скончался шестидесяти двухъ лѣтній сынъ Даніиловъ, священникъ Стефанъ, рукоположенный Переяславскимъ епископомъ Кирилломъ Шумлянскимъ (1721 г. 30 января). Преемниками ихъ были внуки Даніиловы, сыновья Стефановы: Петръ (скончавшійся семидесяти семи лѣтъ, 4-го октября 1798 года) и Моисей (скончавшійся 1787 г. 17 мая). Преемникомъ Петра былъ правнукъ Даніиловъ, Иванъ Моисеевичъ Осиповскій: онъ учился въ С.-Петербургской академіи, и по выходѣ изъ ней поступилъ было въ военную службу, въ Новороссійскомъ

[1]) Такъ и сотникъ Денисъ Деркачъ, въ пашпортѣ, данномъ ему изъ Швеціи 1707 года, отъ Русскаго посла ближняго-столника Андрея Измайлова, наименованъ ротмистромъ.

краѣ; но въ 1797 году покинулъ ее, при наступавшихъ тогда новыхъ порядкахъ, и поступилъ въ священники Прохоровскіе, женясь тутъ же на дочери войсковаго товарища Шаркевича, Агафьѣ Григоровнѣ. При немъ началъ здѣсь священство и меньшой сынъ его Михаилъ, въ 1834 г. [1]).

Съ такимъ же преемствомъ, при церкви Никольской, въ Бубновской Слободкѣ, долго велись священники изъ рода Терлецкихъ, водворившагося въ XVII вѣкѣ на нашемъ побережьѣ. Въ 1762 году скончался въ Слободкѣ Іоаннъ Васильевичъ Терлецкій, старикъ осьмидесяти двухъ лѣтъ, долго бывшій здѣсь настоятелемъ [2]). Его мѣсто заступилъ сынъ его Ѳеодоръ, бывшій при немъ (съ 1755 г.) діакономъ; преемниками Ѳеодора Терлецкаго были: внукъ Іоанновъ Трофимъ, учившійся въ Кіевской академіи (скончался 1822 г.), и правнукъ Арсеній (съ 1823 г.)

Подобно тому и въ Пѣщанской церкви Троицкой издавна служатъ священниками потомки Кропивянскаго полковника, Филона *Джеджелья*, сподвижника Богдана Хмельницкаго. (Въ 1692 г. былъ наказнымъ сотникомъ Пѣщанскимъ Иванъ Джеджелѣй). Въ 1751 году скончался тамъ отецъ *Ѳедоръ Ивановичъ Джеджелей* (внукъ Филона?), бывшій духовникомъ нашихъ священниковъ. На его мѣсто остался сынъ его, тоже *Ѳедоръ*, прозвавшійся *Жежельевскимъ;* потомъ внукъ *Василій* (зять Прохоровскаго отца Петра); наконецъ правнукъ Федоровъ *Константинъ*, который донынѣ тамъ служитъ, исполняя и должность духовника священниковъ, подобно прадѣду.

Подобно Жежелевскимъ и Даніилъ Осиповскій, съ принятіемъ священства, не лишался съ своимъ потомствомъ тѣхъ

---

[1]) Отецъ Иванъ уже болѣе десяти лѣтъ не служитъ, представляя собою живую развалину. При семидесяти-семи-лѣтнемъ старикѣ, около двадцати-пяти лѣтъ уже находится старшій сынъ его Яковъ Осиповскій, бывшій однимъ изъ первыхъ богослововъ въ Переяславской семинаріи, но обезумѣвшій во время своего ученія въ Кіевской академіи.

[2]) Въ тоже время братъ Іоанновъ, Михаилъ Васильевичъ Терлецкій, былъ священникомъ при церкви Троицкой въ Келебердѣ: тамъ онъ, будучи еще викаріемъ въ 1733 году написалъ «помянникъ». Настоятелемъ въ ту церковъ посвященъ, въ 1734 году, Ѳедоръ Гречка (отецъ знаменитаго Переяславскаго протопопа Стефана Гречки или Гречины, товарища и друга Украинскаго мудреца Сковороды; а по перемѣщеніи отца Ѳедора въ Переяславъ, въ Келебердѣ остался настоятелемъ отецъ Михаилъ Терлецкій. При немъ въ 1744 году, Лѣплявскій сотникъ Василій Лазаревичъ построилъ нынѣшнюю Троицкую церковъ, освященную 1748 года 16 февраля

правъ, какія пріобрѣлъ онъ званіемъ полковаго-старшины. При томъ-же, духовный чинъ, и самъ по себѣ, по силѣ тогдашнихъ постановленій равенъ былъ въ правахъ съ чиномъ шляхетнымъ. Малороссійское духовенство, неся великій уронъ отъ католичества и уніи, вознаграждалось и пополнялось изъ другихъ сословій, не только изъ мѣщанъ и простаго выборнаго козачества, но также изъ войсковой старшины, изъ шляхетства и родовъ княжескихъ. Извѣстно каждому, на-примѣръ, что святитель Димитрій Ростовскій былъ сынъ Макаровскаго сотника Саввы Туптала, а другъ его митрополитъ Стефанъ Яворскій—сынъ Шляхтича Волынскаго; епископъ Луцкій и Острожскій Аѳанасій, помогашій отрядамъ Хмельницкаго ратоборствовать на Волыни, былъ Русскій князь Пузына, а митрополитъ Кіевскій Гедеонъ — князь Четвертенскій, потомокъ св. Владиміра. Восполненіемъ своимъ изъ всѣхъ сословій, а вмѣстѣ и просвѣщеніемъ своимъ (о которомъ прилагалъ такое попеченіе достопамятный Петръ Могила, покинувшій военную службу и княжеское достоинство для подвиговъ пастырскихъ), духовенство Малороссійское въ продолженіи XVII вѣка возвысилось на такую степень, что уже и послѣ новаго порядка, установившагося съ 1728 года, еще и въ царствованіе Екатерины второй, считалось первымъ сословіемъ народа, по тогдашнему понятію Малороссійскому. Это можно видѣть, между прочимъ, изъ «Краткаго Извѣстія о Малой Россіи» [1]), которое въ 1773 году издалъ особою книжкою и посвятилъ графу П. А. Румянцову извѣстный писатель Василій Рубанъ, внукъ нашего сотника Михайла Прохоровича [2]).

---

[1]) Это «извѣстіе о малой Россіи», найденное въ спискѣ между бумагами Миллера, напечатано въ чтеніяхъ Моск. общ. и. и Д. 1846 № 4, какъ сочиненіе Миллера, еще неизданное. Есть нѣкоторыя небольшія отмѣны въ этомъ спискѣ: у Рубана, напримѣръ, сказано: «народъ Малороссійскій раздѣляется нижеслѣдующимъ образомъ: въ 1 классѣ — духовный чинъ, во 2 — шляхетство» и т. д.; у Миллера переправлено такъ: «народъ Малороссійскій раздѣляется на нижеслѣдующія состоянія: шляхетство, духовный чинъ», и т. д.

[2]) Дочь Михаила Прохоровича, помнится, Агафья, была за войсковымъ товарищемъ Григорьемъ Васильевичемъ Рубаномъ, жителемъ села Каневцовъ. Тамъ 14 апрѣля 1738 года, былъ у нихъ на прощаньѣ сотникъ Прохоровичъ, идучи въ походъ Поднѣстрянскій, изъ котораго уже не вернулся.

Времена переходчивы: и въ нынѣшнемъ вѣкѣ многое, и въ жизни, и въ понятіяхъ, отмѣнилось отъ того, что продолжалось въ вѣка прежніе. Въ Украинѣ козацкой, чины: Духовный и Мірской, были такъ близки другъ къ другу, что можно было одному и тому же лицу быть священникомъ, и вмѣстѣ войсковымъ старшиною, шляхтичемъ, или княземъ. Извѣстенъ Паволочскій полковникъ Иванъ Поповичъ, который изъ полковниковъ сталъ священникомъ послѣ Богдановой кончины, а въ 1662 году, въ смутное гетманство, опять взялся за полковничество. Но самое торжественное явленіе тогдашней взаимности между духовенствомъ и козачествомъ было 1790 года 18 ноября, въ Печерской лаврѣ, въ которой издревле всѣ сословія Руси уравнивались въ одну Христіанскую братію: я разумѣю здѣсь тотъ достопамятный выборъ въ Печерскіе архимандриты, которымъ лаврская братія внезапно и единогласно почтила войсковаго судью Михайла Вуяхеевича, «яко вдовствующаго, благочестиваго и сѣдинами украшеннаго мужа» [1]).

VIII. Сотникъ Өедоръ Василевичъ.

На мѣсто сотника Прохоровича, въ концѣ 1738 года поступилъ Өедоръ Василевичъ, по опредѣленію генеральной войсковой канцеляріи, которой предсѣдателемъ тогда былъ добрый правитель Малороссіи, Александръ Ивановичъ Румянцовъ [2]).

Өедоръ Василевичъ поступилъ въ сотники уже на двадцать-седьмомъ году своей службы, въ чинѣ Бунчуковаго товарища, котораго тогда никто еще не имѣлъ въ нашей сотнѣ. Онъ былъ сынъ Лубенскаго гражданина Василія Леонтьева или Левоненка, служившаго компанейскимъ полковымъ писаремъ [3]).

---

[1]) Подробно описанъ этотъ выборъ въ описаніи Кіево-Печерской лавры, изданномъ митрополитомъ Евгеніемъ, 1831 года, въ Кіевѣ.

[2]) Предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія о Өедорѣ Василевичѣ заимствованы изъ записей, хранящихся у правнуки его Елены Өедоровны Каневской.

[3]) Славетный панъ Василь Леонтьевичъ, гражданинъ Лубенскій 1698 года купилъ у Ирклѣевскаго жителя Семена Валабана хуторъ на рѣчкѣ Буромкѣ; а обыватели Горошинскіе, въ 1697 году, отдали ему луку вольную на тойже рѣчкѣ, Буромскою долиною называемую, за то что онъ «на спаскую Горошинскую церковъ справилъ разные аппараты, и дворище Романовское съ коморкою на рынкѣ отдалъ, и еще пять копъ грошей». Это владѣніе за нимъ утверждено было въ 1697 году универсаломъ Лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки, и въ 1710-мъ году универсаломъ гетмана Скоропадскаго.

Службу свою началъ въ Лубенскомъ полку 1711 года, еще при полковникѣ Василѣ Савичѣ; и былъ во многихъ походахъ, начиная съ Самарскаго, когда козаки ходили разорять свои же крѣпости на Днѣпрѣ, въ слѣдствіе Прутскаго договора. Былъ потомъ и на Сулакѣ съ 1723 года, вмѣстѣ съ полковникомъ Андреемъ Марковичемъ, работая тамъ около двухъ лѣтъ надъ крѣпостію—св. Креста.

Въ 1728 году, Василевичъ былъ съ гетманомъ Апостоломъ на коронаціи Петра втораго въ Москвѣ, гдѣ они (7 апрѣля) угощали юнаго императора великолѣпнымъ пиромъ.

Въ 1733 году, нашъ воинъ, бывшій уже Бунчуковымъ товарищемъ, выступилъ въ Польскій походъ, подъ командою Якова Лизогуба; а когда этотъ послѣдній наказный гетманъ, за смертью гетмана Апостола, воротился въ Малороссію, то Василевичъ поступилъ въ команду генерала Измайлова, и пробылъ въ Польщѣ два года съ половиною, командуя Полтавскимъ полкомъ, за смертію наказнаго полковника Полтавскаго. Воротясь послѣ того въ Малороссію, онъ, въ 1736 году, занятъ былъ въ Переяславскомъ полку постановкою верстъ, починкою гатей и другихъ переправъ, для свободнаго перехода Русской арміи. Въ тотъ походъ онъ и самъ ходилъ потомъ подъ командою тогоже генеральнаго обознаго Лизогуба, съ которымъ былъ также и на знаменитомъ штурмѣ Очаковскомъ.

Въ слѣдующемъ, 1737 году, Василевичъ находился при князѣ Мещерскомъ въ мѣстечкѣ Манжелеѣ, для прикрытія границъ; а къ началу зимы поступилъ на Бубновское сотничество. Сюда онъ поспѣлъ на работу Днѣпровскую. Извѣстно, что еще съ 1731 года, десятки тысячъ Малороссійскихъ козаковъ и поселянъ трудились надъ Миниховскою такъ называемою «Украинскою линіей» съ затѣйливыми башнями и узорочными городками; а въ 1738 году наши Украинцы прохлаждались всю зиму надъ «крыгами» Днѣпровскими, подъ начальствомъ Переяславскаго обознаго Семена Безбородька. Воротясь въ Кіевъ изъ неудачнаго похода Поднѣстрянскаго, Минихъ все ожидалъ Турецкаго нашествія на здѣшнія мѣста; и въ концѣ 1738 года поднялъ страшную тревогу, подобную

той, какая была здѣсь въ 1677 году, въ войну Чигиринскую. Въ самомъ Кіевѣ онъ спѣшилъ тогда насыпать огромные Старо-Кіевскіе валы, которые и въ то время ни къ чему не послужили, а теперь, около пятнадцати уже лѣтъ, растаскиваются Кіевлянами. Сверхъ того, онъ безпрестанно торопилъ генераловъ: Фермора, Леонтьева и Левендаля, объ укрѣпленіи Триполья, Стаекъ, Василькова, и о скорѣйшей уборкѣ сѣна и хлѣба съ правой стороны Днѣпра; а на Днѣпрѣ, отъ быстраго залива подъ Трипольемъ, до Украинской линіи (4 версты ниже Орлика), всю зиму работали Украинцы, полоня ледъ, и рубили засѣки въ два и три ряда, возлѣ Канева и въ другихъ лѣсахъ над-Днѣпровскихъ, складывая дерево на дерево [1]). Настала уже и весна, а жданные гости не являлись на приготовленный для нихъ пиръ. Тогда Очаковскій герой самъ двинулся къ нимъ за Днѣпръ: въ походъ Хотинскій, увѣнчанный блистательною побѣдою и славною одою Ломоносова! Въ томъ походѣ былъ и нашъ сотникъ съ Бубновскими козаками, подъ начальствомъ Переяславскаго полковника Семена Сулимы; а послѣ битвы Ставучанской и по взятіи Хотина, онъ былъ отряженъ съ Переяс-

---

[1]) Вотъ одно изъ предложеній фельдмаршала Миниха генералу фон-Левендалю, списанное съ подлинника (какъ и всѣ акты здѣсь помѣщенные):—«Высокоблагородний и превосходительный генералъ лейтенантъ и кавалеръ!—Къ вашему превосходительству о имѣніи отъ непріятеля зѣло крѣпкой осторожности, дабы по ево злому намѣренію внезапного нападенія учинить и какого вреда приключить допущенъ не былъ, уже многократно предложено; а каково сего числа отъ нашихъ обрѣтающихся въ Полше аенцеровъ получено вновь извѣстие, коимъ образомъ непріятель въ немаломъ собраніи уже имѣетця и стоитъ подъ Беньдерами съ намѣрениемъ нападение учинить на наши границы на сей сторонѣ Днѣпра къ Василкову и въ протчіе места, со оного при семъ къ вашему превосходительству сообщаю точную копію, исъ которой изволите быть извѣстны, и отъ такого непріятельского внезапного приходу и нападенія, по силе ея імператорскаго величества указовъ, иметь зело крепкую осторожность; и для того имеющияся въ ведомстве вашемъ посты зело надежнейшимъ образомъ укреплять, и ледъ на реке Днепру неотменно полонить, и засеками и протчимъ укреплять, какъ о томъ въ помянутыхъ ордерахъ довольно предписано, къ чему употреблять крайнее свое неусыпное старание; и ежели где оной неприятель показался, въ такомъ случаѣ следуя съ полками команды вашей къ темъ мѣстамъ во отпоре и поимке поступать по ея императорскаго величества указамъ и воинскимъ регуламъ, какъ надлежитъ поверенному генералитету, имѣя съ протчими частое сношеніе. И для того въ незакрытыхъ местахъ людей и скота ничего въ оварде неприятелю отнюдь бы небыло, ибо въ случае какова несчастія пе иной кто какъ Генералитетъ отвѣтствовать будите должны; а что чинитця будетъ, о томъ почасту репортовать. Вяшего превосходительства охотный слуга Münich.—Ноября 22 дня 1738 года. Киевъ». О намѣреніи Турковъ доносилъ тогда изъ Богуславля, тайному совѣтнику Ивану Неплюеву, капитанъ Колюбакинъ, увѣдомленный о томъ Богуславскимъ Польскимъ коммисаромъ Покрасою.

лавскими козаками въ партію Миргородскаго полковника Василія Капниста, къ предѣламъ Австрійскимъ. Оттуда наши партизаны, разбивъ Турецкій отрядъ при Фокшанахъ и взявъ городъ Сороку, воротились во-свояси черезъ Трансильванію, съ честію и славою великою.

Въ 1739 году. Бубновцы и всѣ Переяславцы, подъ начальствомъ Сулимы, ходили на Бугъ, для встрѣчи Турецкаго посольства при размѣнѣ онаго съ посольствомъ Русскимъ, въ которое полномоченнымъ—посломъ назначенъ былъ А. Н. Румянцовъ.

Послѣ того, въ царствованіе Елисаветы, нашъ сотникъ съ своими козаками оставался уже на Днѣпрѣ, при здѣшнихъ форпостахъ, и занимался мирнымъ управленіемъ Бубновской сотни. Въ 1752 году, по прошенію, уволенъ отъ всякой службы, и скончался около 1755 года [1]).

По преданію извѣстно, что сотникъ Василевичъ былъ высокаго роста, величаваго вида; храбъ на войнѣ и робокъ къ миру; жизнь велъ трезвую; жилъ въ небогатой хатѣ, но держась пословицы: «не красна углами». Сознавая свое служебное достоинство, онъ очень хотѣлъ получить себѣ жалованное имѣньице, подобно сотнику Деркачу: въ 1742 году, была уже готова

---

[1]) Вотъ «апшитъ», полученный имъ при выходѣ въ отставку: — «Ея императорскаго величества Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетманъ, дѣйствительный камергеръ, императорской Санктпетербургской академіи наукъ президентъ, лейбъ-гвардіи Измаиловского полку подполковникъ и обоихъ Россійскихъ императорскихъ орденовъ святыхъ апостола Андрея и Александра Невскаго, также Полского бѣлого орла и Голстинского святыя Анны кавалеръ, графъ Кириллъ Розумовскій. Господамъ генеральной Малороссійской старшинѣ, полковникамъ, а особливо полковнику Переяславскому, старшинѣ полковой, сотникамъ того полку зъ сотенными старшинами, и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ; объявляется: сотникъ Бубновскій Θедоръ Васильевъ сего іюля 22 поданнымъ намъ доношеніемъ представилъ, что служилъ онъ ея императорскому величеству многіе года въ разныхъ военныхъ походахъ вѣрно; нынѣ же, будучи при старости лѣтъ и къ отправленію войсковыхъ служебъ по слабости силъ не достаточнымъ себе празнавая, просилъ о увольненіи его отъ служебъ нашего расмотрѣнія; и мы, гетманъ и кавалеръ, призирая на его Василева долговременныя службы, предусматривая и состояніе лѣтъ его престарѣлыхъ, за чемъ и къ службѣ уже онъ есть ненадеженъ, повелѣли его Θедора Василіева отъ всѣхъ воинскихъ и штатскихъ служебъ уволнить, и на то дать ему нашъ апшитъ, чрезъ который повелѣваемъ, дабы господа генеральные старшины, полковники и протчіе чины, а особливо полковникъ Переяславскій зъ старшиною полковою, о такомъ его Θедора Василіева отъ всѣхъ служебъ уволненіи вѣдая, отъ сего числа впредь не употребляли ни къ какимъ службамъ, посылкамъ и нарядамъ. Во утвержденіи чего сей апшитъ, за подписомъ нашимъ и при печати національной Малороссійской, ему апшитованному сотнику Θедору Василіеву данъ въ Козелцѣ 1752 году іюля 27. Гетманъ графъ Кириллъ Розумовскій.

унего просьба объ этомъ на высочайшее имя [1]; съ тою же цѣлью, онъ получилъ изъ Переяславской полковой канцеляріи одобрительный аттестатъ, 1744 года 25 августа. Но у него недостало рѣшимости: просьба и аттестатъ остались въ его скрынѣ; имѣнье-же себѣ онъ умножилъ хозяйскимъ трудомъ [2].

По смерти Ѳедора Василевича, остались въ Прохоровкѣ, при вдовствующей матери своей Марьи, два сына: Василій и Иванъ. По примѣру другихъ сродниковъ, они назывались Базилевичами. Старшій братъ Василій (род. 1742) началъ и кончилъ службу въ здѣшнихъ мѣстахъ: сперва былъ Бубновскимъ

---

[1]) Прилагаю письмо къ сотнику, писанное тогда отъ Модеста Стефановича бывшаго съ 1746 года архимандритомъ Михайловскаго золотоверхаго монастыря:— «Благородный Мосцѣ пане сотникъ Бубновскій, мой коханый Мосцѣ пане Штвагру и благодѣтелю. Извѣстившися я, что намѣрены ваше благородіе ѣхать въ Санктпѣтербурхъ въ своихъ нуждахъ, на дорогу вамъ посылаю перчатки и сточокъ для поклону и отдачи госпожѣ генеральшой Аншефовой Маріи Андреевнѣ ея высокопревосходительству Румянцовой, милостивой ко мнѣ государинѣ; и желаю вамъ отъ усердія моего по намѣренію своему желаемое получить; въ полученіи же намѣреннаго изволите прежде при нижайшемъ своемъ уклонѣ прилежно искать милостиваго предстательства у ежъ высокопревосходительства. При томъ поздравляя васъ новымъ годомъ, зъ желаніемъ всѣхъ благъ пребуду, Вашого благородія, моего коханого швагра и благодѣтеля доброжелательный богомолецъ и слуга, Катедры Кіевософіи писарь іеромонахъ Модестъ.— 1742 года генвара 8-го дня. Кіевъ».

[2]) Вотъ уступная запись Василевичу отъ братіи Кіево-Межигорскаго монастыря. «Року тысяча сѣмъсотъ четиридесять третого мѣсяца маия четвертогонадесять дня: Мы нижей означенные Кіевомежигорскія обители законники: архимандритъ зъ братіею, вѣдомо чинимъ симъ добровольнымъ нашимъ писаніемъ, хтобы востребовалъ о томъ вѣдать, что грунтъ собственный обители нашой въ полку Лубенскомъ въ сотнѣ Пирятинской въ степу надъ рѣчкою Чумгакомъ обрѣтающійся, а именно лѣсъ прозываемый Яровое, округъ окопомъ ограниченний въ 1723-мъ году, отъ пана Прокопа, Парфеновича, знатного полку Переяславского товарища куплею набутый, по общесогласному всея братіи совѣту отпустили во вѣчное владѣніе его милости пану Ѳедору Василіевичу, сотникове полку Переяславского Бубновскому; заякой лѣсъ приняли мы до обители нашой отъ него пана сотника коровъ сѣмь зъ телятами, а восемъ безъ телятъ, только надежныхъ къ плоду на будущіе года, да при тѣхъ коровахъ и бугая одного; которымъ вышеозначеннымъ лѣсомъ позволяемъ реченному пану сотнику, такожъ женѣ его, дѣтемъ и потомковъ ихъ вѣчными часы владѣть безъ жадной и малѣйшой ни отъ кого не затѣваемой турбаціи; а въ найкрѣпчайшее подтверждение и купчую на тотъ же лѣсъ, зъ магистрату Переяславского прежнѣхъ годовъ выданную отъ антецессоръ того лѣса владѣлцовъ, имянно отъ Ѳедора Кохна, знатного полку Лубенского товарища, у насъ имѣвшуюся, ему жъ пану сотнику Бубновскому вручаемъ, и во вся оттого нами уступленного грунта, зовемого Ярового лѣса, чуждыми себе чинимъ, и якъ мы сами, такъ и по насъ будущіе правители монастыря Межигорскаго и нихто зъ братіи неповинны помянутого пана сотника въ тотъ лѣсъ ни въ чемъ турбовать и никакимъ способомъ въ оный интересоватись, понеже тотъ лѣсъ ни въ чемъ монастырю не способенъ за дальнимъ монастыря растояніемъ. Чего ради, въ лучшее достовѣріе на потомные часы, и сіе уступное писаніе, при печати монастырской, за подписомъ рукъ нашихъ, къ пану сотнику Бубновскому зъ монастыря Межигорского. выдано року и дня вышевыраженныхъ. Кіевомежигорьскаго монастыря архимандритъ Герасимъ зъ братіею. Тогожъ монастыря намѣстникъ іеромонахъ Павелъ Маркевичъ. Іеромонахъ Ѳеодоръ Екклисіархъ. Іеросхимонахъ Фидоѳей Куцевичъ. Іеромонахъ Іосафъ Маевскій. т. р. Іеромонахъ Наѳанаилъ Викторовскій. Писаръ Іоасафъ Фаворскій».

сотеннымъ писаремъ, потомъ сотеннымъ атаманомъ [1]), затѣмъ—Домонтовскимъ (послѣднимъ) сотникомъ, а подъ исходъ прошлаго столѣтія—Золотоношскимъ судьею; скончался 1804 года, на семьдесятъ-первомъ году отъ роду. Меньшой братъ его Иванъ Базилевичъ (род. 1752) началъ службу волонтеромъ съ 1771 года, во время Турецкой войны; по возвращеніи Румянцова въ Малороссію награжденъ былъ отъ него (въ 1783 году) чиномъ Бунчуковаго товарища; съ 1797 года (когда, повелѣніемъ императора Павла, возобновленъ былъ въ Малороссіи прежній порядокъ судопроизводства, и были постановлены маршалы вмѣсто предводителей) долго служилъ Золотоношскимъ маршаломъ и въ этомъ званіи получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени; но въ чинахъ ему уже не было удачи: за Бунчуковаго товарища онъ получилъ только коллежскаго ассесора, вь каковомъ чинѣ и скончался въ Прохоровкѣ, 14 августа 1816 года. Изъ внуковъ сотника Василевича, вспомяну о среднемъ сынѣ Ивановомъ Александрѣ Базилевичѣ. Родился онъ въ Прохоровкѣ 13 февраля 1787 года, и, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ своимъ Ѳедоромъ, учился въ Кіевской артиллерійской школѣ, отличаясь сколько дарованіемъ, столько же и прекрасною наружностію. Служа въ лейбъ-гвардіи по артиллеріи, находился онъ во многихъ сраженіяхъ первой Французской войны, въ которую награжденъ былъ и золотою шпагою за храбрость; а за сраженіе подъ Лейпцигомъ въ войну двѣнадцатаго года, награжденъ Владиміромъ 4 степени: тогда онъ былъ уже капитаномъ лейбъ-гвардіи. Въ послѣдствіи онъ служилъ артиллерійскимъ генералъ-маіоромъ на Кавказѣ. По выходѣ въ отставку, жилъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1843 году; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Ѳедоръ Василевичъ въ здѣшнемъ народѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ «сотника Кулябки». Это прозванье присвоилось ему отъ его матери Татьяны, урожденной Кулябкиной, скон-

[1]) Главнымъ лицемъ въ сотенной атаманѣ былъ Бубновской городовый атаманъ, подъ которымъ уже были прочіе сельскіе и куренные атаманы. Званіе городоваго атамана, въ нашей сотнѣ, около 1763 года, было замѣнено званіемъ атамана сотеннаго; въ немъ находились: Осипъ Фесунъ (1763), Иванъ Прохоровичъ (по 1768), Василь Базилевичъ (съ 1768), Максимъ Красовскій (съ 1777). Изъ давнѣйшихъ городовыхъ атамановъ Бубновскихъ, мнѣ извѣстенъ Кондратъ Сацько (1680).

чавшейся 1732 года. Братья его: Семенъ и Яковъ тоже были Бунчуковыми товарищами; а Константинъ—сотникомъ Смѣлянскимъ (1731).

Въ современномъ ему «Бубновскомъ товариствѣ», много было старыхъ, заслуженныхъ козаковъ. Таковъ, па-примѣръ, Прохоровскій козакъ Иванъ Антипенко, который ратовалъ еще въ Чигиринскую войну, подъ начальствомъ Переяславскаго полковника Василя Войцы—Сербина: въ 1718 году онъ былъ наказнымъ Бубновскимъ сотникомъ; а скончался въ 1742 году, девяноста-двухъ лѣтъ отъ роду. «Изъ сотенной Бубновской старшины» того времени вспомяну объ козакѣ Осипѣ Засенкѣ, внукѣ Прохоровскаго козака Степана Засенка, убитаго на Кодымѣ въ 1698 году. Онъ долго служилъ въ разныхъ походахъ и должностяхъ; въ тридцатыхъ годахъ былъ Бубновскимъ городовымъ атаманомъ; а при сотникѣ Василевичѣ служилъ семь лѣтъ сотеннымъ хорунжимъ. Въ 1752 году, при выборѣ новаго сотника, онъ выбранъ здѣсь первымъ кандидатомъ; но не былъ утвержденъ гетманомъ за старостью: къ тому же былъ не грамотенъ. Послѣ того онъ прослужилъ еще два года сотеннымъ хорунжимъ, и получилъ отставку въ 1763 году, съ награжденіемъ его самаго и четырехъ сыновей его чиномъ значковаго товарища. Вѣкъ свой кончилъ онъ жителемъ Бубновской слободки, 1773 года, осьмидесяти-двухъ лѣтъ отъ роду. Въ Прохоровкѣ и теперь здравствуетъ семидесяти-двухъ-лѣтній внукъ Осипа—Петръ Леонтьевичъ Засенко [1]).

Народъ «Бубновской сотни» состоялъ тогда собственно въ двухъ сословіяхъ: въ *товариствѣ* и въ *посполиствѣ*. Къ товариству принадлежали войсковые люди или козаки; къ старшему товариству козаки выборные или реестровые, а къ меньшему остальные козаки, называвшіеся «подпомощниками. Посполиство состояло изъ людей посполитыхъ, то есть «посе-

---

[1]) Поступивъ на службу 1793 года въ Тверскій карабинерный полкъ капраломъ, онъ переведенъ былъ 1797 года въ лейбъ-кирасирскій его величества полкъ и черезъ годъ произведенъ въ эстандартъ-юнкеры; а въ декабрѣ 1801 года, по прошенію его, уволенъ отъ службы съ чиномъ коллежскаго регистратора, въ которомъ состоитъ и до сего дня.

лянъ», которые до 1783 года имѣли право перехода съ одного мѣста на другое, и по отношенію къ своимъ владѣльцамъ назывались «подданными». Что касается до стариннаго Малороссійскаго шляхетства, то оно, со времени роковаго перехода въ Ляхи знатнѣйшихъ родовъ, почти извелось въ здѣшней околицѣ: отчасти перешло въ духовенство, или же обратилось въ козачество. Въ козачество поступала и Польская шляхта, выходившая сюда изъ за Днѣпра (таковымъ считался, между здѣшними козаками Красовскими, Иванъ Григорьевичь Красовскій, *сынъ королевскаго ловчаго*, приставшій къ Прохоровскому товариству въ концѣ XVII вѣка, и «одружійшійся» на здѣшней козачкѣ). Но въ сословіи Малороссійскаго козацкаго товариства давно возрастала и умножалась «войсковая старшина», отъ которой остальное товариство отличалось именемъ войсковой черни» (въ универсалахъ Богдана Хмельницкаго и другихъ гетмановъ). Въ войсковой старшинѣ считались и тѣ благородные остатки прежняго Украинскаго шляхетства, которые сохранили свою Русскую породу, и тѣ старшинскіе роды, которые уже отъ Русскихъ царей жалованы были достоинствомъ дворянскимъ. Такимъ образомъ, въ войсковой старшинѣ заключалось тогда, и изъ нея опредѣлилось потомъ нынѣшнее *дворянство* Малороссійское. Войсковая старшина составляла тогда Малороссійское панство, которому не доставало только нынѣшняго имени; ибо слово «дворянинъ» тогда здѣсь означало «двороваго служителя».

Изъ «товариства Бубновской сотни», въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, возникли три старшинскіе рода, имѣвшіе право считаться здѣшнимъ кореннымъ *панствомъ:* Деркачи, Прохоровичи и Осиповскіе. Къ нимъ прибавился въ 1738 году, со-стороны, родъ сотника Василевича (Базилевичи). Въ первой-же половинѣ прошлаго столѣтія, здѣшнее панство умножилось водвореніемъ еще двухъ сотниковъ Компанейскихъ. Одинъ былъ сотникъ втораго Компанейскаго полка *Иванъ Фабриціусъ*, попавшій въ Украинскіе козаки изъ рыцарей Шведскихъ. Онъ водворился въ Сушкахъ, гдѣ меньшой сынъ его Максимъ, служившій кирасирскимъ ротмистромъ, завелъ садъ съ отличными яблоками, плодами ко-

торыхъ нынѣ пользуется сынъ его Петръ, отставной маіоръ уланскій; а старшій сынъ сотника Фабриціуса, по-имени Левъ, чуждался домовства, и былъ такимъ мудреннымъ скитальцемъ по свѣту, что объ немъ надо когда нибудь разсказать особо. Другой сотникъ перваго Компанейскаго полка, былъ *Степанъ Гайворонскій.* Похитивъ сестру наказнаго полковника Степана Томары, Анну Васильевну, онъ взялъ за нею въ приданное порядочные участки земли въ Сушкахъ и Прохоровкѣ, и водворился въ послѣдней, у подошвы той горы, на которой теперь сельское кладбище, а въ ту пору была густая дуброва. Здѣсь у него родился въ 1750 году сынъ Григорій; но этимъ онъ не привязался на всегда къ нашему побережью. Продавъ здѣшнее имѣніе жены своей войсковому товарищу Ивану Шаркевичу, онъ поселился въ городѣ Золотоношѣ возлѣ церкви Тройцы, владѣя этимъ предмѣстіемъ до урочища Бокаевки, имѣлъ свой домъ и обширный садъ. Сынъ его Григорій продалъ это имѣніе Керстену, а самъ поселился въ хуторѣ на рѣчкѣ Згари: тотъ хуторъ по нынѣ зовется Гайворонщиною, хотя внукъ Степановъ, Елисей Григорьевичъ, придалъ ему великолѣпное имя «Пальмиры». А на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Прохоровской домъ и садъ компанейца, нынѣ растутъ старыя шелковицы, полузасыпанныя пескомъ.

СТАТЬЯ III.

IX. Послѣднія времена козацкой Украины.

Село Лемеши Кіевскаго полка, Козелецкой сотни, было родиною графовъ Алексѣя и Кирилла Григорьевичей Разумовскихъ [1]). Послѣдній, которому суждено было заключить собою Малороссійское гетманство, бывъ принятъ на службу пятнадцати-лѣтнимъ юношею (въ 1743 году), черезъ три года послѣ того, воротясь изъ чужихъ краевъ, былъ уже дѣйствительнымъ камергеромъ, академіи наукъ президентомъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковникомъ и орденовъ

[1]) Графъ Алексѣй Григорьевичъ родился въ 1709 году; а графъ Кириллъ Григорьевичъ—1728 года 18 марта.

св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеромъ. Въ 1750 г. 22 февраля, въ Глуховѣ, происходилъ торжественный выборъ молодаго графа въ гетманы. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, прибылъ онъ изъ Петербурга въ Малороссію; и 29-го іюня, былъ торжественный въѣздъ его въ Глуховъ—тогдашнюю резиденцію гетманскую.

Отдохнула и можно-сказать помолодѣла Украина въ благословенное царствованіе Елисаветы. Наслаждаясь тишиною вообще, она была участницею и въ той «семи-лѣтней» войнѣ, которою такъ блистательно завершилось двадцатилѣтнее царствованіе дщери побѣдоносца Полтавскаго. Тысяча компанейскихъ козаковъ была въ первой битвѣ и вмѣстѣ побѣдѣ Русскихъ надъ Пруссаками подъ Эгернсдорфомъ (19-го августа 1757 г.), гдѣ положилъ свою голову нашъ храбрый греко-украинецъ бригадиръ Капнистъ. Тогда-же для Русской арміи наряжены были возовиками 8,000 Малороссійскихъ мѣщанъ и поселянъ, и отправлено отсюда 8,000 воловъ и 5,000 коней. Въ 1760 году, посланы въ Пруссію еще 2,000 козаковъ, подъ начальствомъ прилуцкаго полковника Григорія Галагана, и двѣнадцать самыхъ лучшихъ пѣвцовъ Малороссіянъ, для Русской церкви въ завоеванномъ городѣ Кенигсбергѣ. [1]) Съ

---

[1]) Вотъ письмо о семъ гетмана, изъ Петербурга, къ Кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому: «Ясне въ Богу преосвященнѣйшій господинъ Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, намъ въ Духу Святомъ отецъ Архипастирь! Сего априля 10 дня, въ полученномъ изъ учрежденной при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества дворѣ конференціи рескриптѣ, изображено: что Ея Императорское Величество заблагоразсудили въ завоеванномъ оружіемъ Ея Императорскаго Величества главномъ Прусскомъ городѣ Кенигсбергѣ имѣть публѣчную церковъ и ученыхъ священнослужителей, которіе скоро и отправлены будуть; но какъ притомъ необходимо послать надлежитъ и певчихъ самихъ лучшихъ, несколько человѣкъ, то Всевысочайше повелѣно мнѣ выбрать оныхъ изъ Малороссіянъ двенадцять человѣкъ, и, построя на всехъ, по ихъ обыкновенію, одинакое платье, также снабдя на дорожный произдъ денгами, какъ наискоряе на почтовыхъ подводахъ вислать въ Синодъ; чего ради объ ономъ Вашему Преосвященству обявляю; и не оставте за силу онаго Ея Императорскаго Величества Высочайшого повелѣнія, съ находящихся въ вокальной Вашего Преосвященства музыке или гдѣ можно въ Кіевѣ къ тому способныхъ людей, а особливо изъ обрѣтаючихся въ училищахъ четирохъ человѣкъ самихъ лучшихъ пѣвчихъ вибрать, въ томъ числѣ былъ-бы единъ басѣста, теноръ единъ, алтъ единъ и дискантъ единъ, и по выборѣ прислать оныхъ на почтѣ въ Глуховъ, откуду по надлежащемъ ихъ приборѣ отправлены будуть въ Санктъ-Пѣтербургъ непродолжително, для чего и нарочный посылается. Впрочемъ пребываю Вашего Преосвященства послушнѣйшій слуга Графъ К. Разумовскій. 1760 года, априля 11 дня». Вслѣдствіе этого письма посланы были въ Глуховъ, 24 апрѣля, выбранные изъ учениковъ Академіи: басистъ *Григорій Щербатскій*, изъ школы философіи; теноръ—*Федоръ Павловскій*, изъ школы риторики; альтъ—*Иванъ Короставецъ*, изъ школы піитики; дискантъ—*Тимофей Данилевскій*, изъ школы инфимы.

кончиною Елисаветы (25 декабря 1761 г.), прервалась побѣдоносная война Россіи съ Фридрихомъ Великимъ, и обратилась ему-же въ союзничество. Но вслѣдъ за тѣмъ (28 іюня 1762 г.) начался вѣкъ Екатерины II, вѣкъ славы и торжества, возвеличенной ею Россіи.

Гетманство Разумовскаго, начавшееся съ 1750 года, 24 апрѣля должно было служить облегчительнымъ переходомъ Украины отъ прежняго отжившаго свой вѣкъ устройства въ новую жизнь. Понимая это, графъ Кириллъ Григорьевичъ, доставлявшій разныя льготы Малороссіи, тѣмъ не менѣе заботился уже, чтобы отъ войсковыхъ чиновъ ея отдѣлить власть гражданскую; и въ началѣ 1764 года, раздѣливъ всю Малороссійскую Украину, независимо отъ полковъ и сотней, на двадцать *повѣтовъ*, возстановилъ въ ней прежніе суды *Гродскіе, Земскіе* и *Подкоморскіе*. Вслѣдъ за тѣмъ и самъ онъ 15 ноября 1764 года, переименованъ былъ изъ гетмановъ въ фельдмаршалы, съ старшинствомъ со дня возведенія его въ достоинство гетманское; и тѣмъ кончилось гетманство Малороссійское.

Въ правители Малороссіи назначенъ былъ, того-же 15 ноября, *графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ*, въ званіи генералъ-губернатора и президента *Малороссійской Коллегіи*, тогда-же назначенной вновь вмѣсто правленія гетманскаго. Эта новая Коллегія, по выраженію современнаго ей историка Конисскаго, «вошла въ Правленіе, яко роса на пажить». Мужественный покоритель Колберга, уроженецъ и любитель Украины, пришелся ей по сердцу; тѣмъ болѣе, что здѣсь была еще свѣжа память объ отцѣ Румянцова, добромъ правителѣ Малороссіи во времена Миниховскаго военачальства. Новый правитель Малороссіи порадовалъ ее прежде всего тѣмъ, что, отмѣнивъ продовольствіе находившихся здѣсь постоянно армейскихъ командъ, провіантомъ и фуражемъ въ натурѣ, тягостнымъ для обывателей, учредилъ вмѣсто того денежную подымную подать «по рублю и двѣ копѣйки съ хаты», исключивъ изъ ней только чиновныхъ людей и служащее выборное козачество. А вскорѣ послѣ того, герой семи-лѣтней войны, въ начавшейся войнѣ Турецкой, напомнилъ собою козаче-

ству доблестнаго соименника своего, Петра Конашевича-Сагайдачнаго, съ его неотразимыми побѣдами надъ Татарами и Турками, и воодушевилъ Украинцевъ новымъ мужествомъ.

Въ томъ самомъ году, какъ Румянцовъ сталъ правителемъ Малороссіи, на Варшавскомъ сеймѣ былъ выбранъ въ Польскіе Короли Станиславъ-Августъ Понятовскій, указанный Полякамъ Екатериною. Но напрасны были его предпріятія къ благоустройству Польши; вотще была и трогательная рѣчь преосвященнаго Конисскаго (говоренная въ Варшавѣ 27 іюля 1765 г.) о страданіяхъ Православно-Русскаго народа подъ короною Польскою. Обуреваемая духомъ безначалія и вѣрогоненія, Польша близилась уже къ своему роковому концу. Краковскій бискупъ Солтыкъ, на сеймѣ 1766 года, возопіялъ вновь о лишеніи иновѣрцевъ всѣхъ правъ въ Польшѣ. А въ началѣ 1768 года Пулавскій съ своими сыновьями составилъ новую конфедерацію *Барскую*, придавшую великое буйство вѣрогонителямъ.

Тогда Заднѣпровской Украинѣ стало не въ моготу. Встревоженное новыми обидами духовенство ея спѣшило отовсюду въ Чигиринскій Мотренинскій монастырь, на совѣтъ къ игумену *Мельхиседеку Значко Яворскому*, смѣлому ревнителю православія, не задолго передъ тѣмъ потерпѣвшему заключеніе въ Дерманской тюрьмѣ, отъ Уніатскаго митрополита Володковича. Прежде всего они обратились къ своему епархіальному начальнику, Переяславскому епископу *Гервасію Линцевскому;* но онъ ничѣмъ не могъ пособить имъ на ту пору, кромѣ благословенія пастырскаго. Тогда на монастырскомъ совѣтѣ положено было просить козацкой помощи у атамана Запорожской Сѣчи. Но помощь козацькая нашлась ближе, сама собою: въ послушникѣ сосѣдняго Медвѣдовскаго монастыря *Максимъ Желѣзнякъ*. Этотъ Максимъ былъ прежде однимъ изъ самыхъ бравыхъ козаковъ въ товариствѣ запорожскомъ; а теперь готовился уже въ монастырѣ на монашество. Новая обида православному народу воротила его опять на поприще мірское; и онъ, принялъ начальство надъ «гайдамацкою чатою», собранною въ Мотренинскомъ лѣсу—козакомъ *Осипомъ Шелестомъ*. Толпа гайдамаковъ скоро обратилась въ многолюдное

полчище, провозгласившее Железняка своимъ «Полковникомъ». Заслышавъ объ этомъ, запорожскіе «Гультаи», со всѣхъ «паланокъ» своихъ, двинулись толпами въ западную Украину. И она простонала тогда страшною грозою, извѣстною подъ именемъ «Колѣевщины». Со всею силою разразилась эта гроза въ Уманьщинѣ, въ іюлѣ 1768 года. Нашего Днѣпра коснулась она только заревомъ Каневскаго замка, сожженнаго извѣстнымъ гайдамацкимъ вождемъ — *Семеномъ Неживымъ*. [1]) Подвигъ Желѣзняка пришелся уже вовсе не въ пору. Тогда были посланы Екатериною Русскія войска на помощь Польскому королю, для укрощенія Барской конфедераціи и производимыхъ ею волненій. Распорядительный Кречетниковъ,

[1]) Замокъ въ Каневѣ весьма древній: говоритъ Вопланъ, видѣвшій его во время Владислава IV. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ надежною твердынею еще при великомъ князѣ Витовтѣ, крѣпокъ онъ былъ и въ пановалье Жигимонта-Августа, при князьяхъ Вишневецкихъ; но послѣ князя Михаила Александровича Вишневецкаго (скончавшагося 16 октября 1584 г.) пришелъ было въ запустѣніе. Тогда князь Янушъ Константиновичъ Острожскій, Кастелянъ Краковскій будучи вмѣстѣ и старостою Каневскимъ, исходатайствовалъ сеймовую конституцію 1598 года на десятилѣтній сборъ, по 6 грошей съ 10 злотыхъ, отъ всѣхъ купцовъ, вывозящихъ наличныя деньги за границу до Москвы, для возобновленія на эти деньги Каневскаго замка. Поэтъ Польскій могъ рисовать какими угодно красками свой «Замокъ Каневскій». Но изъ дѣйствительной ревизіи Канева въ 1765 году видно, что замокъ въ немъ былъ обнесенъ частоколомъ; вооруженъ пушками на деревянныхъ быкахъ; чрезъ неглубокій ровъ былъ мостикъ отъ дубовыхъ воротъ, надъ которыми возвышалась горница съ перегородкою; посрединѣ замка стоялъ довольно большой, обитый дубовыми досками, домъ съ принадлежащими къ нему: кладовою, ледовнею и конюшнею. Въ такомъ видѣ онъ сожженъ гайдамаками въ 1768 году; и послѣ того уже не возобновлялся. Что онъ сожженъ именно *Семеномъ Неживымъ*, это мнѣ извѣстно изъ дѣла о «пяти гайдамакахъ», пойманныхъ на нашемъ Побережьѣ, которые препровождены были, 15 октября 1768 года, изъ сотеннаго Пѣщанскаго правленія въ Переяславскій гродскій судъ; а оттуда пересланы потомъ въ Глуховъ въ судъ генеральный, гдѣ окончательно судились тогда гайдамаки и рѣшеніе объ нихъ разсматривалось въ Малороссійской коллегіи и утверждалось Румянцовымъ. *Иванъ Лазаренко* и другіе изъ этихъ пяти гайдамаковъ были въ чатѣ Неживаго; а потомъ въ чатѣ *Саввы Майбороды*, который хозяйничалъ въ Каневщинѣ. Этотъ послѣдній пойманъ былъ въ Мошенскомъ лѣсу съ десятью товарищами еще въ августѣ, и представленъ съ ними въ румянцевскую походную канцелярію, находившуюся тогда въ «компаментѣ при Переяславѣ»; а оттуда, за ордеромъ Румянцева отъ 1 сентября, пересланы въ генеральный судъ. *Савва Майборода* былъ Запорожецъ Каневскаго куреня, уроженецъ Миргородскаго полка, сотни Голтвянской. Ему было отъ роду только 22 года. Въ описаніи примѣтъ его говорится, что «онъ роста средняго, лица круглаго, волосовъ русыхъ, очей сѣрыхъ, носа кирповатаго, говоритъ пространно; одежда на немъ черкесская, сукна краснаго; штани каламайкові, шараварами зшиты; поясъ полотняный пополамъ съ голубицею дѣланый; шапка зшита по запорожски вершка блакитнаго (голубаго) съ околицею черною; въ чоботяхъ красныхъ». Во время похожденій по Каневщинѣ, у Май-бороды вмѣсто знамени была «корогва», взятая изъ Мошенской церкви. При взятіи его въ Мошенскомъ лѣсу, чата его состояла изъ 130 человѣкъ. Въ дополненіе къ извѣстіямъ, предложеннымъ въ моей статьѣ о «Гайдамакахъ», напечатанной въ «Москвитянинѣ» 1845 года, упомяну еще здѣсь о гайдамацкой чатѣ «Вожая» *Ивана Обертаса:* онъ находился съ нею въ мѣстечкѣ Городищѣ, а потомъ, избѣгая Русскихъ войскъ, попался польской командѣ въ селѣ Лукѣ.

съ полковникомъ Гурьевымъ, успѣлъ подъ Уманемъ прибрать къ своимъ рукамъ этихъ самозванныхъ защитниковъ Украины, пригласивъ ихъ идти вмѣстѣ на пораженіе Барскихъ конфедератовъ, тогда укрѣпившихся въ Бердычевѣ; полковники: Панинъ и Чорба помогли Польскимъ командамъ разгонять и ловить остальныя ватаги бушевавшей вольницы. Графъ Румянцовъ, которому вручена была судьба Запорожцевъ и Украинцевъ лѣвой стороны Днѣпра, принимавшихъ участіе въ «Колѣевщинѣ», судилъ ихъ законнымъ порядкомъ и наказывалъ съ милосердіемъ; за то регіментарь Стемпковскій, на правой сторонѣ Днѣпра, воспользовался безъ мѣры «правомъ меча», и въ лютой мести упился кровью народа Западно-Украинскаго.

Между тѣмъ, преслѣдованіе Барской конфедераціи подало поводъ Турціи объявить войну Россіи. Тогда Румянцовъ двинулся за Днѣпръ; и своими подвигами на Кагулѣ и за Дунаемъ стяжалъ всемірную славу и безсмертное имя *Задунайскаго*. Подъ его знаменемъ, въ достопамятной «Румянцовской войнѣ», счастливо оконченной Кучукъ Кайнарджскимъ миромъ 10-го іюня 1774 года, мужественно подвизалось и козачество Малороссійское, и козачество Запорожское.

Но возвышеніе Разумовскихъ при дворѣ Елисаветы было уже предвѣстникомъ вступленія Малороссіи на поприще обще-русской дѣятельности гражданской. Въ вѣкъ Екатерины, она окончательно и многолюдно вступила на это поприще; и самыми блестящими явленіями ея на немъ были тогда: *Петръ Васильевичъ Завадовскій* и *Александръ Андреевичъ Безбородько*. Оба они учились въ Кіевской академіи; подъ конецъ Румянцовской войны были полковниками; а послѣ мира поступили изъ канцеляріи Румянцова въ кабинетъ Екатерины, въ исходѣ 1775 года. Тогда же и на Русскомъ Парнасѣ прославился своею «душенькою» Украинецъ *Богдановичъ*, и явился *Капнистъ* съ своею заунывною лирою.

На государственномъ поприщѣ Россіи въ то время первенствовалъ уже *князь Григорій Александровичъ Потемкинъ*. Любимою мечтою его былъ Русскій югъ, съ его необозримыми степями и ненаглядным Чернымъ моремъ. Тамъ въ

обѣ стороны отъ Днѣпра разширялась тогда Запорожская Сѣчь. Къ ея товариству присталъ и Потемкинъ: пересылался онъ письмами и подарками съ кошевымъ атаманомъ своимъ, посылалъ поклоны своимъ Сѣчевымъ «товарищамъ—сиромахамъ», и, юродствуя, называлъ себя *Грицькомъ Нечосою*. Но старая «Сѣчь-Маты» была уже безвременнымъ и неумѣстнымъ явленіемъ Русскаго міра. Не кстати она стала обзаводиться многолюдными поселеніями и хлѣбопашествомъ; невоздержно ссорилась она съ пришлою сосѣдкою своей Новою-Сербіей [1]); не подъ силу себѣ повела тяжбу за свои прежнія земли. И въ 1775 году ея не стало: іюня 4-го, она внезапно была окружена и занята генералъ-поручикомъ Текеліемъ; а манифестомъ 3-го августа объявлена несуществующею.

Въ цвѣтущемъ Крыму, гдѣ нѣкогда великій просвѣтитель Руси просвѣтился святымъ крещеніемъ, шевелилась еще Татарская орда, ровесница и соперница Запорожской Сѣчи. Въ 1773 году, и эта орда вошла въ Русское подданство: хищная волчица присмирѣла, какъ овца. Того-жъ года, приведена въ русское подданство Суворовымъ и Ногайская орда Кубани, а орда Бѣлогородская или Буджацкая покорилась Россіи еще въ войну Румянцовскую. И самый Крымъ былъ въ то время (1771) занятъ предварительно княземъ Василіемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ—Крымскимъ; но окончательное и «безкровопролитное» пріобрѣтеніе его было подвигомъ Потемкина, за который потомъ и названъ онъ *Таврическимъ*.

Между тѣмъ фельдмаршалъ Румянцовъ, усталый въ тріумфахъ и торжествахъ на Русскомъ сѣверѣ и чужестранномъ западѣ, воротился въ Кіевъ, въ званіи государева намѣстника Малороссіи. Тогда, озаренная славою своего правителя, Малороссія сложила съ себя изветшалый покровъ своего сот-

---

[1]) Поселеніе новой Сербіи, какъ извѣстно началось въ царствованіе Елисаветы, съ 1751 года; но Сербскіе гусары служили въ Русскомъ войскѣ и при Петрѣ великомъ, еще до 1723 года. Дунайскіе витязи уже и тогда не мирили съ Украинцами. Стоя постоемъ въ Лукомлѣ, они причинили Лукомскимъ обывателямъ разныя обиды, для разбора которыхъ назначена была гетманомъ Скоропадскимъ (около 1723 года), «комиссія о Сербахъ». Дѣлопроизводителями въ этой коммиссіи были одинъ великорусскій поручикъ, а со стороны Лубенскаго полка *Өеодоръ Васильевичъ* (впослѣдствіи бывшій Вубновскимъ сотникомъ).

ничества и полковничества, и приняла новыя обще-Русскія формы устройства гражданскаго, начертанныя законодательною Екатериною. Въ 1782 году, съ открытіемъ трехъ «намѣстничествъ»: Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородсѣверскаго, кончилась *Украина козацкая.* Съ тѣмъ вмѣстѣ начался для Малороссіи новый кругъ жизни, въ которомъ главнодѣйствующимъ органомъ стало дворянство.

Чтоже съ Польшою и Украиною Заднѣпровскою, съ 1768 года? ни мирный въ томъ году трактатъ съ Россіею, ни гроза «Колѣевщины», не унимали внутреннихъ, смертельныхъ судорогъ республики Польской. Наконецъ, въ 1772 году Суворовъ усмирилъ мятежниковъ; и того-же года началось возсоединеніе съ Россіею древнихъ областей, отторгнутыхъ Литвою и Польшею. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1775 году рѣчь посполитая подарила своему королю городъ Каневъ со всею Каневщиною; а король, въ томъ же году, уступилъ ихъ своему племяннику князю Станиславу Понятовскому, который освободилъ жителей Канева отъ всѣхъ повинностей, и предоставилъ ему вполнѣ земли, принадлежащія къ нему, съ обязательствомъ за то вносить въ графскую экономію по 6,500 злотыхъ ежегодно. Впрочемъ, въ остававшихся еще за Польшею областяхъ Украины, православный народъ, и особенно духовенство, все еще не переставало терпѣть бѣды отъ вѣрогонителей; Переяславскимъ епископамъ: Іову и Иларіону было столько же, какъ и предшественнику ихъ, печальной заботы о злополучной за Днѣпровской паствѣ [1]).

---

[1]) Вотъ, можно сказать на выдержку, два письма, относящіяся къ тому времени: 1. Письмо генералъ-маіора М. Ѳ. *Каменскаго* (въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршала) къ Переяславскому епископу *Іову Базилевичу:* «Преосвященнѣйшій Владыко! По ордеру, данному мнѣ отъ Его Сіятельства Высокоповелительнаго Господина Генералъ-Фельдмаршала Графа Петра Александровича Румянцова, велѣно единовѣрцамъ нашимъ, находящимся здѣсь въ Польшѣ сдѣлать всякое вспоможеніе. А какъ мнѣ извѣстно, что многіе изъ священниковъ, поставленныхъ Вами и предмѣстниками Вашими въ польскія селенія, не токмо изъ ихъ мѣстъ выгнаны происками здѣшняго духовенства и на мѣстахъ ихъ посажены уніатскіе священники, но нѣкоторые содержатся въ заточеніи за то, что не приступаютъ къ Уніи; то для лучшаго распознанія тѣхъ селеніевъ, и чтобы не здѣлать притѣсненія и въ таковыхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ издревле либо уніатскіе или и католическіе священники были, прошу симъ Ваше Преосвященство о присылкѣ сколь скоро можете, за подписаніемъ Вашимъ списка всѣхъ селъ здѣсь въ Польшѣ подлежащихъ до Вашей епархіи, съ имяннымъ спискомъ священниковъ, кто гдѣ находится, съ вручителемъ сей посланнымъ къ Вамъ для того нарочнымъ курьеромъ, которому испрошаю и себѣ благословенія Вашего; а я надѣюсь,

Засимъ, въ половинѣ января 1787 года, Малороссія увидѣла въ своихъ предѣлахъ великую императрицу. Три дня (17—19 января) провела она въ Новгородсѣверскѣ, гдѣ принималъ ее графъ Румянцовъ Задунайскій; почти три мѣсяца потомъ прожила въ Кіевѣ (прибыла 30-го января), дожидаясь весны, чтобы отсюда плыть Днѣпромъ въ Херсонъ и Крымъ, для обозрѣнія своего Новороссійскаго «хозяйства», устроеннаго въ исполинскихъ размѣрахъ «питомцемъ» ея Потемкинымъ. Путь этотъ шелъ мимо Канева, и имѣлъ тамъ блистательное перепутье, которое со всѣми его подробностями вношу въ помянникъ нашего побережья.

Польскій король, получивъ въ Варшавѣ согласіе императрицы на свиданіе подъ Каневомъ, поспѣшилъ сюда, и дожидался здѣсь шесть недѣль. Наконецъ, утромъ 25-го апрѣля, завидѣли съ Каневскихъ горъ царственную флотилію на Днѣпрѣ. Она состояла изъ двадцати двухъ мачтовыхъ галеръ, за которыми тянулось еще множество провожатыхъ шлюбокъ, дубовъ и челновъ. На пяти передовыхъ галерахъ, называвшихся «Самара», «Кубань» и т. д., помѣщалось дорожнее

что въ такомъ благочестивомъ дѣлѣ поспѣшите мнѣ отвѣтомъ, утишите плачь ввѣреннаго Вамъ стада, и заставите меня тѣмъ еще и охотнѣ называться, Преосвященнѣйшій Владыко, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Михайло Каменской*. 21 Мая 1773 г. Г. Броды.» II. Отъ Переяславскаго епископа *Іларіона Кондратковскаго* къ Переяславскому коменданту *Христофору Ивановичу Мантигайлу:* «Высокородный и Высокопочтенный господинъ Полковникъ и Комендантъ Переяславскій! На той сторонѣ Днѣпра, при самомъ берегу стоящаго Крестовоздвиженскаго Терехтемировскаго монастыря начальникъ, іеромонахъ Антоній, въ духовную консисторію доношеніемъ представилъ, что Польскій комендантъ Ювефъ Цонглевскій да индуктарь, досматривающій пограничныхъ карауловъ, съ находящеюся при нихъ командою, еще прошлаго 1775 года насильно въѣхавши въ тотъ монастырь и по сіе время квартируя, не малое дѣлаютъ монастырю во всемъ разореніе и опустошеніе, и его-же начальника съ находящимися при немъ братіею и послушниками выгнавъ со всѣхъ келій, сперва въ поварнѣ съ великимъ утѣсненіемъ для жительства дали мѣсто, просилъ о освобожденіи монастыря отъ таковыхъ притѣсненій и о сводѣ Поляковъ зъ онаго въ другое пристойное для ихъ должности мѣсто. А какъ оный монастырь издревле есть Православный, принадлежитъ къ здѣшней епархіи и при самой границѣ въ видѣ Россіи положеніе свое имѣетъ, претерпѣваетъ же таково постоями угнетеніе въ противность всѣхъ Высочайшихъ отъ Россіи съ короною Польскою постановленій: для того духовная консисторія Вашего Высокородія покорнѣйше проситъ сообщить о томъ отъ себя до главной Польской команды, но исходатайствованіи прописанному монастырю спокойнаго и безпрепятственнаго состоянія приложить возможнаго попеченія. Впрочемъ пребываемъ съ истиннымъ доброжелательствомъ.... и пр. Сентября дня 1776 года». Это послѣднее письмо списано съ черноваго подлинника, поправленнаго рукою самаго Іларіона. Знаменитый Трехтемировскій монастырь, названный здѣсь *Крестовоздвиженскимъ*, въ прежнее время былъ *Успенскимъ:* въ январѣ 1789 года онъ занятъ былъ уніатами, и вскорѣ совсѣмъ уничтожился.

хозяйство царицы. Шестая галера «Сожъ», была для гофмаршала князя Барятинскаго и другихъ придворныхъ особъ. Седьмая галера, одна изъ самыхъ большихъ, называвшаяся «Десною», служила столовою залою. Осьмая галера «Сновъ» была для графа Безбородка и другихъ сановниковъ. На девятой, самой блистательной, подъ краснымъ павильономъ, галерѣ, называвшейся «Днѣпромъ», находилась императрица. На десятой галерѣ «Бугъ», находился князь Потемкинъ, съ графинями Браницкой и Скавронскою и ихъ мужьями. На одиннадцатой галерѣ «Ипуть», помѣщались Левъ Нарышкинъ, графъ Шуваловъ и другіе русскіе вельможи. На двѣнадцатой «Сеймъ», были иностранные послы и министры, въ томъ числѣ и принцъ де-Линь съ двумя сыновьями. На тринадцатой галерѣ, называвшейся «Орелъ», находился графъ Чернышовъ съ дочерью. На четырнадцатой галерѣ «Остеръ», плыли камергеры Валуевъ и Салтыковъ съ камеръ-юнкерами; на пятнадцатой «Трубежъ»—Кохъ и разные медики, съ аптекаремъ Гревсомъ; на шестнадцатой «Лыбедь» камеръ-пажи и т. д. Часу въ одиннадцатомъ, когда передовая половина флотиліи, тянувшейся по Днѣпру версты на три, поровнялась съ Каневомъ, всѣ галеры стали на якорь, по обычному пушечному сигналу съ галеры царицыной. Тогда въ Каневѣ привѣтствовали ихъ 101 выстрѣломъ изъ пушекъ, съ высокой горы, прозванной *Московскою.* На этой горѣ, нѣкогда называвшейся *Греческимъ* городомъ, бѣлѣлась огромная колонна (устроенная изъ досокъ, архитекторомъ Кубицкимъ), въ видѣ четырехъ сторонной пирамиды, украшенной съ каждой стороны крупнымъ вензелемъ Екатерины II, а на верху императорскою короною и подписью изъ Виргилія: «Imperium oceano, famamque terminat astris». Каневскія горы и удолья полны были народомъ, который, вмѣстѣ съ послѣднимъ королемъ своимъ, любовался невиданною на Днѣпрѣ флотиліей, пестрѣвшею великолѣпнымъ убранствомъ и звенѣвшею войсковою музыкою. Немедленно отплыла отъ ней къ Каневскому берегу лодка съ принцами де-Линемъ и Насаускимъ, для привѣтствія Станислава Августа. По тогдашнему обычаю, онъ хотѣлъ явиться къ императрицѣ въ качествѣ *князя Понятовскаго;* но Екате-

рина предувѣдомила его, что онъ будетъ принятъ какъ король и другъ. Вскорѣ прибыли за нимъ двѣ раззолоченныя шлюбки, съ графомъ Безбородькомъ и княземъ Борятинскимъ, которыхъ встрѣтилъ и проводилъ къ королю коронный маршалокъ Мнишекъ. Переговоры о дѣлахъ государственныхъ, начатыя еще Потемкинымъ въ Хвастовѣ, гдѣ онъ съѣхался съ королемъ 9-го марта, докончены 17-го марта въ Каневѣ пріѣзжавшими сюда: русскимъ посланникомъ графомъ Штакельбергомъ и графомъ Безбородкомъ [1]). Нынѣшній день Екатерина хотѣла посвятить беззаботному, дружелюбному веселью.

Въ пышныхъ рыдванахъ спустились къ Днѣпру король и всѣ званные на обѣдъ къ царицѣ. На первую шлюбку принялъ короля сынъ Русскаго адмирала, съ двѣнадцатью матросами, украшенными Чесменскими медалями. Тамъ помѣстился король съ графинею Мнишекъ, съ Безбородькомъ и Барятинскимъ, съ тремя Польскими министрами: Мнишкомъ, Попятовскимъ и Браницкимъ, съ Англійскимъ министромъ Витвортомъ и двумя помянутыми принцами. На другой шлюбкѣ усѣлись: Смоленскій бискупъ-коадъюторъ Нарушевичъ, Пляторъ, Шидловскій, Дзѣдушицскій, Деболи, Комаржевскій, Моравскій, Мальтійскій повѣренный Мелоневдъ и королевскіе адъютанты: Бышевскій и Киркоръ. Цѣлый часъ плыли они; ибо надо было спуститься сперва внизъ по Днѣпру и потомъ плыть противъ воды. Музыкою и пальбою съ галеръ привѣтствованы были гости. Короля, одѣтаго въ мундиръ конной коронной гвардіи встрѣтилъ на императорской галерѣ фельдмаршалъ Потемкинъ, тоже въ военномъ мундирѣ и шарфѣ. Послѣ краткой бытности въ кабинетѣ, Станиславъ—Августъ вышелъ опять въ пріемную залу, полную блестящимъ собраніемъ, въ челѣ котораго былъ тотъ-же Потемкинъ. Черезъ нѣсколько минутъ вышла и Екатерина: на ней было одѣяніе Славянскаго кроя. въ родѣ кунтуша, изъ шелковой, затканной золотомъ матеріи лиловаго цвѣта, съ золотымъ

[1]) Переговоры шли тогда о неприкосновенности православнаго Русскаго народа подъ короною Польскою и о торговыхъ отношеніяхъ Польши къ Новороссійскому краю. При отъѣздѣ въ Кіевъ, на другой день, король подарилъ графу Безбородку свой портретъ, богато украшенный бриліантами.

шитьемъ вокругъ, съ длинными, закинутыми назадъ рукавами; голова была убрана искусно нѣсколькими булавками и эгреткою, съ бриліантами необыкновенно крупными; на груди блестѣла бриліантовая Андреевская звѣзда, надъ звѣздами Георгіевскою и Владимірскою. Чрезъ полчаса привѣтствій и разговоровъ, царица подала руку королю; за ними Потемкинъ и госпожи: Мнишкова, Браницкая и Скавронская, сошли на императорскую шлюбку, осѣненную краснобархатнымъ, зъ золотымъ шитьемъ, балдахиномъ. Въ другихъ шлюбкахъ, слѣдовали за ними прочіе гости на галеру «Десну», въ столовую залу. За столомъ, королю, сидѣвшему возлѣ царицы съ правой руки, прислуживалъ камергеръ Валуевъ. По возвращеніи отъ обѣда, Станиславъ—Августъ немедленно отправился на галеру «Бугъ», съ визитомъ къ Потемкину, гдѣ вскорѣ генералъ-маіоръ Мамоновъ вручилъ ему пакетъ отъ императрицы съ бриліантовою звѣздою св. Георгія; говорили всѣ, что это была звѣзда, которую носила сама императрица; новый Георгіевскій кавалеръ принялъ поздравленіе въ пріемной залѣ Потемкинской, наполненной знаменитыми гостями, и тамъ оставался до шести часовъ.

Между тѣмъ, на царицыну галеру приплылъ съ новорожденнымъ сыномъ своимъ графъ Тарновскій, старостичъ Сулеёвскій, котораго домъ все это время гостепріимно служилъ всѣмъ, проѣзжавшимъ изъ Кіева въ Каневъ и обратно. Императрица милостиво приняла желаніе Тарновскаго довершить обрядъ крещенія надъ его сыномъ. Бискупъ Нарушевичъ, съ двумя Кіевскими прелатами: Палуцкимъ и Острожскимъ, дожидался уже въ пріемной залѣ. По прибытіи туда короля, вышла и Екатерина, и крестила съ нимъ младенца, названнаго *Станиславомъ—Павломъ*.

Такъ какъ императрица намѣрена была рано утромъ пуститься въ дальнѣйшій путь, то король, около восьми часовъ вечера, вошелъ съ Потемкинымъ въ ея кабинетъ, и откланялся. Пригласивъ къ себѣ на ужинъ Русскихъ вельможъ и иноземныхъ министровъ, онъ отплылъ въ Каневъ прежнимъ порядкомъ, въ сопровожденіи Безбородька и Барятинскаго. Музыкою и пальбою провожали его отъ галеры. Весь Ка-

невъ, между тѣмъ, засвѣтился иллюминаціею. Великолѣпный видъ представляла свѣтозарная колонна на горѣ Московкѣ, сверкая своими яркими вензелями Екатерины II. А когда званные гости собрались къ королю, началась пальба изъ пушекъ, и зажженъ былъ на тойже горѣ богатый фейерверкъ, представлявшій изверженіе вулкана. Тысячи ракетъ снопами летѣли въ темную вышину изъ сосѣдней горы; а другой подобный-же призракъ вулкана уходилъ въ глубину Днѣпровскую....

Такъ кончился тотъ воскресный день, ознаменованный кумовствомъ Русской царицы съ послѣднимъ Польскимъ королемъ, па волнахъ Днѣпровскихъ: день конечно самый торжественный въ жизни нашего стараго города Канева!... [1]).

Черезъ три года послѣ того, какъ (по выраженію Каневскаго народа) «царица шла Днѣпромъ» мелькнуло—было еще разъ гетманство на Русскомъ югѣ, въ своемъ первобытномъ видѣ, какъ военачальство козацкое. Еще въ 1783 году, когда Румянцовъ обращалъ Малороссійскіе козацкіе полки въ карабинерные, Потемкинъ поручилъ Головатому, Чепегѣ, Тимковскому и Легкоступу, бывшимъ старшинамъ Запорожской Сѣчи, собирать прежнихъ оставшихся на Руси Сѣчевиковъ, для служенія, подъ его предводительствомъ въ званіи козацкомъ.

Такимъ образомъ, по начатію Очаковской войны, собралось козацкое войско *Черноморское;* а изъ однодворцевъ и другихъ жителей Екатеринославскаго намѣстничества, въ 1787 году, учредилось козацкое войско *Екатеринославское:* храбро подвизались Черноморцы въ войнѣ съ Турками, подъ начальствомъ своего кошевого атамана, стараго Запорожца *Харька Чепеги.* Потемкинъ, въ апрѣлѣ 1790 года, украшенъ былъ лавровымъ вѣнкомъ съ бриллiантами въ полтораста тысячъ рублей, и титломъ «*великаго гетмана* козацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ». Но чрезъ полтора года раздалась дивная пѣснь «Водопада» Державина:

---

[1]) Подробности этого дня заимствованы мною изъ книги, напечатанной въ Варшавѣ 1788 года подъ названіемъ: «Dziennik Podróży króla jegomości Stanisława-Augusta, roku 1787».

Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты-ли славы, счастья сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты-ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей»?...

Такъ, въ 1791 году, 5 октября, кончился и этотъ послѣднiй призракъ козацкаго гетманства, на прекрасномъ челѣ чуднаго Потёмкина, который при жизни имѣлъ все, чего душа хотѣла, а умеръ ни при чемъ, въ бездомной степи, какъ *сиромаха* Запорожскiй! Собранное имъ, Черноморское козацкое войско, въ слѣдующемъ году водворилось въ Тамани, гдѣ со временъ св. Владимiра было наше Тмутараканское княжество, и гдѣ ратоборствовалъ тогда храбрый Мстиславъ. Можетъ быть то Лукоморье было и колыбелью козачества, которое такъ шумно развернулось потомъ за порогами Днѣпровскими, гдѣ сложилъ свою чубатую голову воинственный князь Святославъ, и гдѣ былъ выброшенъ Днѣпромъ на пески низверженный въ Кiевѣ кумиръ златоусаго Перуна.

Въ 1794 году, богатырь Суворовъ еще разъ прогремѣлъ надъ Польшею; и чрезъ годъ послѣ того, ровно чрезъ два вѣка отъ объявленiя Унiи [1]), не было Польши нигдѣ на правой сторонѣ Днѣпра, ни за Днѣстромъ, ни за Вислою; не было и на лѣвой сторонѣ Днѣпра той пограничной цѣпи, которая, отъ устья Сожи до устья Тясмина, тянулась шестидесятью двумя форпостами: на всемъ Днѣпрѣ—и въ Крыму—и въ Тамани—было одно Русское царство....

Великая совершительница этого возстановленiя и расширенiя Руси докончила свой славный вѣкъ 6 ноября 1796 года. Черезъ мѣсяцъ послѣ Екатерины, 8 декабря, скончался и герой Задунайскiй, доживавшiй свой вѣкъ мирнымъ помѣщикомъ и хозяиномъ на славномъ Супоѣ, въ своемъ Ташан-

[1]) Церковная Унiя окончательно была объявлена 1595 года (9 октября) на Брестскомъ соборѣ. Отреченiе короля Станислава-Августа отъ Польскаго престола было 1795 года (25 ноября) въ Гроднѣ; того-же года и дня былъ подписанъ и указъ Екатерины о присоединенiи къ Россiи Литвы и остальныхъ частей Бѣлоруссiи, Волыни, Подолья и Украины. Станиславъ-Августъ дожилъ вѣкъ свой въ Россiи: онъ умеръ въ Петербургѣ 13-го января 1798 года.

скомъ замкѣ: онъ погребенъ въ Кіевѣ, въ великой Печерской церкви, 7 января 1797 года. Въ 1799 году, 6 апрѣля, скончался канцлеръ, свѣтлѣйшій князь Безбородько, знаменитый дипломатъ и миротворецъ Русскій, ходатайствомъ котораго въ 1797 году Малороссія была составляема въ одну губернію и въ ней возобновляемъ былъ прежній порядокъ судопроизводства. Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій пережилъ всѣхъ преобразователей Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Хлѣбосольнымъ, благотворительнымъ, веселонравнымъ вельможею, онъ доживалъ свой вѣкъ то на Супоѣ въ Яготинѣ, въ сосѣдствѣ съ уединеннымъ, угрюмымъ Румянцовымъ: то на Сеймѣ въ Батуринѣ, возстановленномъ для него изъ полувѣковаго праха. Тамъ 9 января 1803 года докончилъ свой вѣкъ послѣдній гетманъ Малороссійскій, стороннимъ, спокойнымъ зрителемъ великихъ событій и перемѣнъ, совершавшихся въ Русскомъ мірѣ.

X. Сотникъ Иванъ Максимовичъ и его родъ.

Отъ великихъ людей, двигавшихъ судьбою всей Малороссіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія, обратимся къ тогдашнимъ Бубновскимъ сотникамъ. Послѣ сотника Василевича, было ихъ только два: Иванъ *Максимовичъ* и Петръ Ивановичъ *Неверовскій*.

Сотникъ *Максимовичъ* былъ правнукъ *Максима Печерскаго*, который прозывался *Печерскимъ* по мѣсту своего жительства, а его родовое прозваніе было *Васильковскій*. Неизвѣстна мнѣ та королевская грамота 1668 г., которая гласитъ о Максимѣ, какъ о шляхтичѣ короны Польской [1]). Изъ монастырскихъ записей и универсаловъ гетманскихъ знаю я его только послѣ Андрусовскаго трактата, какъ мирнаго и трудящагося гражданина Кіево-Печерскаго. Принявъ на себя отъ лавры принадлежавшую ей аренду мѣстечка *Печерскаго* [2]),

---

[1]) Польское шляхетство, для многихъ Русскихъ родовъ, составляетъ баснословный періодъ ихъ жизни: какъ это показалъ и ученый префектъ Кіевскій *Михайло Козачинскій*, своею «философіею Аристотелевою», напечатанною 1745 года.

[2]) Владѣніе *Печерскимъ* мѣстечкомъ подтверждено было лаврѣ царскою грамотою отъ 9 мая 1680 г., напечатанною въ «описаніи Кіево-Печерской лавры». *Митр.*

онъ строилъ своимъ коштомъ плотины и мельницы на Трубежѣ, Вѣтѣ и другихъ рѣкахъ на мѣстахъ монастырскихъ [1]), и тѣмъ пріобрѣталъ себѣ право на половинный доходъ. Обезпечивая такимъ способомъ насущный хлѣбъ своей немалочисленной семьѣ, онъ служилъ и общественной пользѣ, какъ сборщикъ пошлины съ иноземныхъ товаровъ, которыхъ складъ былъ тогда въ мѣстечкѣ Печерскомъ. Занимался въ послѣдствіи строеніемъ церквей [2]). То было въ первую, свѣтлую пору гетманства Ивана Мазепы—когда онъ,—одинъ изъ образованнѣйшихъ Россіянъ своего времени, служилъ великому Петру со всею вѣрноподданническою преданностью, былъ почтенъ отъ него довѣренностью безграничною, украшенъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго (второй—на Руси), пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и достоинствомъ княжескимъ—когда онъ не былъ еще обидчикомъ и предателемъ Украины, но, воздвигая въ ней повсюду (въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Глуховѣ, Батуринѣ и въ другихъ мѣстахъ) великолѣпныя церковныя зданія, украшая и обогащая Кіевскую академію, лаская духовенство и воинство, увлекалъ собою всѣхъ, такъ что «лавроносный» Яворскій, съ Орновскимъ, Орликомъ и другими Малороссійскими піитами, славили его въ своихъ Латино-Польскихъ панегири-

---

Евгенія, въ прибавленіяхъ подъ № 11, гдѣ между прочимъ сказано: «купцомъ чюжоземскимъ Грекомъ и Волохомъ съ разными товары и коломойцомъ съ солью, пріѣзжая, въ томъ мѣстечкѣ *Печерскомъ* торговать и товары складывать.... и перевозомъ владѣть (то есть—Лаврѣ на Днѣпрѣ), и аренду въ томъ мѣстечкѣ имѣть». Максимъ Васильковскій названъ также *арендаремъ Печерскимъ*, между прочимъ, и въ поминаніи объ немъ, въ одномъ изъ сѵнодиковъ Пустынно-Николаевскаго монастыря.

[1]) Въ старинномъ спискѣ актовъ Межигорскаго монастыря упоминается «облята постановленя межи монастыремъ Межигорскимъ, а паномъ Максимомъ Печерскимъ о збудованю млиновъ на греблѣ Переяславской, 1676 года 25 февраля». Между записями Выдубицкаго монастыря есть договоръ Максима Васильковскаго съ игуменомъ *Ѳеодосіемъ Углицкимъ*, 1686 года 17 марта, на поставленіе млина на рѣкѣ Вѣтѣ. Право на половину этого млина было передано Максимомъ сыну *Михайлу*; а по немъ, его жена «*Анна Михайловая Максимовичевая*», уступила монастырю это право за 500 *золотыхъ*, въ августѣ 1712 года. Въ вышепомянутой записи сказано, что тотъ млынъ поставленъ на *Вѣтъ*, «межи Хотовымъ и Ходосовкою, посреди городища нѣякогось давнего». По моему соображенію, тамъ слѣдуетъ положить мѣсто древняго города *Увѣтичи*, о которомъ поминаютъ наши лѣтописи.

[2]) Ему принадлежитъ обновленіе лаврской Троицкой церкви, въ 1694 году. (См. также упоминаніе о немъ въ «тестаментѣ митрополита Гедеона», писанномъ 1690 года 21 марта; напечатанъ въ прибавленіяхъ къ «описанію Кіево-Софійскаго собора», подъ № 23).

кахъ, какъ *Мецената*, *Русскаго Алкида и т. п.* [1]). Въ первые годы своего гетманства, Мазепа обратилъ вниманіе на полезные для войска труды Максима Печерскаго; и за его заслуги принялъ подъ свое покровительство и привлекъ къ себѣ его сыновей. Въ универсалѣ, данномъ ему въ Кіевѣ 1690 года 5 іюня, сказано: «ознаймуемъ, ижъ съ певныхъ респектовъ и для частой намъ въ войсковыхъ потребахъ выгоды дознанной, маючи мы до пана *Максима* обывателя Кіево-Печерскаго и до сыновъ его всѣхъ ласкавую нашу прихильность, беремъ его самаго и сыновъ его: пана Василя, пана Петра и пана Дмитрія *Максимовичевъ*, подъ нашу гетманскую оборону» [2]).

У Максима Печерскаго было семь сыновей. Старшій изъ нихъ, *Іоаннъ Максимовичъ*, былъ человѣкъ духовный.

---

[1]) Въ селѣ Сушкахъ, у помѣщика Н. С. Романовскаго, нашелъ я сборникъ Латино-Польскихъ панигириковъ, печатанныхъ въ разные года XVII вѣка. Въ томъ числѣ есть три панигирика гетману Мазепѣ: 1) Muza Roxolanska *Іоанна Орновскаго*, напечатанъ въ Черниговѣ 1688 года; 2) Echo, *Яворскаго* (еще Симеона, а не Стефана), напечатанъ въ Кіевѣ 1689; 3) Alcides Rossyiski, *Филиппа Орлика*, напечатанъ въ Видьнѣ 1695 г. Тамъ-же есть панигирикъ Латинскою прозою, отъ Коллегіатовъ Кіевскихъ, тому-же гетману. Емуже панигирикъ, сочиненный *Петромъ Армашенкомъ*, подъ заглавіемъ «Theatrum perennis gloriae», напечатанъ въ Черниговѣ 1699 года (находится въ библіотекѣ К. К. Свидзинскаго).

[2]) Помѣщаю здѣсь одинъ изъ двухъ универсаловъ, данныхъ сыну Максима Печерскаго *Василію Максимовичу*: «Іоаннъ Мазепа гетманъ зъ войскомъ ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозскимъ. Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ всей старшинѣ и черні войска ихъ ц. пр. вел. Запорожскаго, особливе пану полковникови Переяславскому, старшинѣ его полковой, городовому войту и всѣмъ товариству и посполитымъ того полку обывателемъ, и каждому, кому о томъ вѣдать належить: Ижъ яко самого пана Максима Василковскаго, обывателя мѣста Печерскаго, выгодного намъ человѣка и въ дѣлѣ войсковомъ около выбранья индукты працуючого, маемо мы въ нашой гетманской охоронѣ, такъ респектомъ тоей его годности и дѣтей его подъ тужъ нашу рейментарскую беремо оборону, позволяючи сынови его П. Василеви Максимовичу во дворѣ его, въ Переяславлѣ будучомъ, жити свободне, и фольварками и всѣми кгрунтами владѣти, и пожитки належитые привлащати зъ оныхъ зуполне; где и млынъ его одинъ на рецѣ Трубежу на греблѣ середней мѣской Переяславской о трохъ колахъ, другій у Глемязови на рецѣ Супои о двохъ колахъ будучіе, респектомъ тоежъ отца его ку намъ зычливости и выгоды, при немъ П. Василеви Максимовичу заховуемъ, такое учинивши постановленье, же онъ зъ тыхъ своихъ млыновъ.... разиѣровъ отбирати и на свои пожитки оборочати маетъ цале мѣти; теды хочемъ и приказуемъ, жебы ему П. Максимовичу въ владѣнью тыхъ его всѣхъ кгрунтовъ и млыновъ, яко панъ полковникъ Переяславскій, такъ зъ старшины и Черні никто не важился жадное и найменьшое чинити перешкоды и трудности, подъ виною неотступною срокгого войскового караньа. Данъ въ Батуринѣ, генваря 21. року 1688. Звышъ менованный гетманъ рукою власною».

Другой универсалъ, данный въ Батуринѣ 19 марта 1691 года, дозволяетъ Василію Максимовичу выдѣлку селитры на войсковыхъ Переяславскихъ буртахъ.

Кончивъ свое ученіе въ Кіевской академіи или коллегіи, онъ вскорѣ постригся въ Печерской лаврѣ, гдѣ служилъ довольно долго іеромонахомъ, проповѣдникомъ и казначеемъ (1681). Послѣ Ѳеодосія Углицкаго, былъ онъ архимандритомъ Черниговскаго Елецкаго монастыря; съ 1697 года — архіепископомъ Черниговскимъ; а съ 1712 — митрополитомъ Тобольскимъ и всея Сибири; въ исторіи просвѣщенія онъ памятенъ, какъ основатель Черниговскаго коллегіума, послужившаго образцомъ для Русскихъ семинарій; а въ исторіи словесности Русской онъ извѣстенъ какъ сочинитель 9 книгъ, напечатанныхъ въ Черниговѣ въ первое пятнадцатилѣтіе прошлаго вѣка. Въ этихъ книгахъ прежде всего бросается въ глаза обиліе рифмованныхъ стиховъ; по исчисленію П. М. Строева, въ книгѣ «Арфавитъ» — 10,068 стиховъ, а въ книгѣ «Богородице Дѣво»—24,260. Но есть и другая особенность въ сочиненіяхъ Іоанновыхъ: «духовное глубокомысліе», столь рѣдкое у современныхъ ему писателей. Скончался онъ въ Тобольскѣ, 10 іюня 1715 года.

Второй сынъ Максима Печерскаго *Василій*, обыватель Переяславскій, служилъ въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка полковникомъ Компанейскимъ, и въ 1698 году «за достоинство монаршое оппонуючися, въ руки непріятельскіе попалъ, и на Кодымѣ отъ тыхъ же непріятелей бѣсурманъ усѣченіемъ головы животъ свой докончилъ». Такъ сказано въ универсалѣ гетманскомъ, данномъ въ Глуховѣ 10 генваря 1734 года, сыну Василія Максимовича, войсковому товарищу *Леонтію*, отцу сотника Бубновскаго Ивана Леонтьевича.

Третій сынъ Максима Печерскаго *Петръ*, значковый товарищъ, былъ тоже обыватель Переяславскій. Его старшій сынъ *Иванъ* служилъ писаремъ войсковой канцеляріи, при генеральномъ писарѣ Орликѣ, съ которымъ бѣжалъ въ 1709 году; въ 1711 г. онъ числился генеральнымъ писаремъ послѣ принятія Орликомъ гетманскаго титула; затѣмъ воротился изъ Цареграда на Русь уже въ 1715 году, и отправленъ былъ изъ Глухова на жительство въ Москву, гдѣ получалъ по десяти копѣекъ на дневное содержаніе. Меньшой братъ его *Сте-*

панъ кончилъ свою службу и жизнь Очаковскимъ походомъ 1737 года, въ чинѣ Бунчуковаго товарища [1]).

Четвертый сынъ Максима Печерскаго *Дмитрій* въ 1708 году былъ генеральнымъ Асауломъ: послѣ битвы Полтавской бѣжалъ онъ съ гетманомъ Мазепою въ Бендеры, откуда впрочемъ немедленно явился съ повинною головою, и въ августѣ 1709 года отправленъ былъ въ Москву на допросъ. Старшій сынъ его *Ѳедоръ*, въ царствованіе Елисаветы, служилъ полковникомъ Стародубовскимъ, и, подобно отцу, былъ чрезвычайный силачъ [2]). Второй сынъ *Иванъ* служилъ поручикомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, и убитъ Турками подъ конецъ Румянцовской войны; а третій сынъ *Василій* былъ сотникомъ Чернотицкимъ. Пятый сынъ Максима Печерскаго *Григорій* служилъ въ Переяславѣ протопопомъ успенской соборной церкви, съ 1680 года. Изъ его дѣтей мнѣ извѣстенъ сынъ *Владиміръ*, служившій войсковымъ товарищемъ [3]).

---

[1]) Этотъ Переяславскій *Степанъ Петровичъ Максимовичъ* женатъ былъ на *Евдокіи Петровсковнѣ*. Меньшая сестра его *Елена Петровна* была за-мужемъ сперва за Василіемъ Каневцемъ, а потомъ за Барышевскимъ сотникомъ Исаемъ Денисовичемъ, родоначальникомъ *Исаевичей*.

[2]) Ведется преданіе, что во время затѣйливыхъ проводовъ Елисаветы въ Кіевѣ придуманныхъ Лизогубомъ (объ которыхъ см. въ «исторіи Малороссіи»), *Ѳедоръ Дмитріевичъ* отдавалъ честь, держа и поворачивая въ рукахъ пушку вмѣсто ружья. Помѣщаю здѣсь сообщенную мнѣ объ немъ выписку изъ дневныхъ записокъ генеральнаго хорунжаго *Николая Ханенка*, изъ которой видѣнъ тогдашній обрядъ поступленія въ полковничество: «подлугъ отданного вчора приказу, собранъ полкъ съ знаменами передъ мою квартеру; а потомъ какъ прыбылъ и полковникъ ко мнѣ, то отдана ему честь отъ всего полку поднятьемъ ружья на караулъ и зъ музыкою. Потомъ пошолъ полкъ строемъ къ соборной церкви; и какъ тамъ построился въ тріангуль, то и я зъ полковникомъ пріехалъ цугомъ предъ полкъ, где отдана намъ честь при игранью музыки, ружьемъ и выпалено зъ трехъ штукъ. Потомъ какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ полковымъ знаменамъ, и старшина полковая и сотники и значковые посередъ строю стали; то я, учинивъ объявленіе о опредѣленіи въ полкъ Стародубовскій полковникомъ господина Максимовича, велѣлъ читать въ слухъ всѣмъ данный изъ войсковой генеральной канцеляріи оному жъ господину полковнику унѣверсалъ, который и читалъ писарь полковой Стефанъ Петрункевичъ. А по прочтеніи унѣверсалу, взялъ я первей большое полкововое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные вручалъ полковнику; потомъ, показавъ ему-жъ лѣтавры и музыку полковую и сотенные знамена, велѣлъ его всѣми знамёнами окрыть, и, по здешному обычаю, покрывъ его шапками, окончили тую церемонію поздравленіемъ его полковника полученіемъ той Императорской милости, причемъ паки изъ пяти штукъ выпалено; и пошли всѣ въ церковъ. А по службѣ Божей было молебствіе при троекратной изъ пушокъ палбѣ; а на остатокъ изъ мѣлкого ружья козаки одинъ залпъ выпалили. Потомъ обѣдали у полковника, и при многократной зъ мортировъ и мѣлкого ружья палбе пулями допозна въ ночь». Слич. подобную выписку о выборѣ казацкаго полковника, напечатанную въ «Старинѣ», изданной *Николаемъ Сементовскимъ*, Спб. 1846 г., стр. 46.

[3]) *Владиміръ Григорьевичъ Максимовичъ* не имѣлъ дѣтей мужескаго пола; а дочь свою выдалъ за Лубенскаго полковника Кулябку.

Двое остальныхъ сыновей Максима Печерскаго: *Михайло* и *Антонъ*, служили Бунчуковыми товарищами при гетманѣ Мазепѣ, и пожалованы отъ него селомъ Луками (1700). Антонъ умеръ безпотомственно; а послѣ Михайла осталась вдова *Анна* (1712), съ сыновьями *Семеномъ* и *Іокиноомъ*. Этотъ послѣдній былъ монахомъ; а Семенъ Михайловичъ служилъ сперва въ Глуховѣ въ войсковой канцеляріи; потомъ (съ 1716), сотникомъ Чернушскимъ, въ каковомъ званіи отъ гетмана Скоропадскаго пожалованъ селомъ Бондарями (1721); въ гетманство же Апостола былъ Лубенскимъ полковымъ судьею. Его сыновья: *Петръ*, *Өедоръ*, *Акимъ*, *Иванъ* и *Данило*, служили всѣ въ разныхъ чинахъ, преимущественно въ полку Лубенскомъ. Старшій сынъ Петра Семеновича *Степанъ* былъ полковникомъ Лубенскаго Малороссійскаго полка; а меньшой *Тарасъ* полковникомъ гусарскимъ [1]).

Вотъ краткая поминка о первыхъ потомкахъ *Максима Печерскаго*. Сотникъ Бубновскій *Иванъ Леонтьевичъ Максимовичъ* происходилъ отъ него, какъ уже выше было сказано, чрезъ второго сына его Василія, которому былъ внукомъ [2]). Онъ родился 1727 года, въ мѣстечкѣ Гремячѣ (Стародубовскаго полка), и по достиженіи двадцати-лѣтняго возраста опредѣлился на службу въ войсковой генеральной канцеляріи; но передъ тѣмъ женился, и притомъ довольно оригинально. По

---

[1]) Въ Румянцовскую войну, когда Екатерина вторая, въ исходѣ 1769 года, учредила военный орденъ св. Георгія-побѣдоносца, Румянцовъ пожалованъ былъ перный въ Георгіевскіе кавалеры 1-го класса, 29 іюля 1770 года, а изъ Малороссіянъ въ томъ же году награждены Георгіевскими крестами: 3-го класса—бригадиръ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, будущій графъ и фельдмаршалъ; 4-го класса—Лубенскій полковникъ *Степанъ Петровичъ Максимовичъ*, бывшій потомъ бригадиромъ.

[2]) Послѣ *Василія Максимовича*, въ Переяславѣ осталась вдова *Өеодосья*, съ сыновьями *Леонтіемъ* и *Іосифомъ*. *Леонтій Васильевичъ* сперва служилъ въ Переяславскомъ полку, а послѣ (кажется съ 1727 года) служилъ и жилъ въ полку Сатродубовскомъ. Въ 1734 году, онъ увольнился по калѣчеству отъ войсковыхъ службъ. Универсалъ на это увольненіе данъ 9 января того года; а 10 января другой универсалъ, подтверждающій за нимъ отцовскія имѣнія въ Переяславскомъ полку. Оба подписаны такъ: «Звишъ менованный гетманъ и кавалеръ. А вмѣсто власной рейментарской руки, по повелѣнію его ясновельможности на сей часъ болѣзнствующаго, подписалъ войсковый генералной писарь *Михайло Турковскій*». Кромѣ своихъ, отцовскихъ земель, Леонтій Васильевичъ имѣлъ владѣніе въ селѣ Семіоновкѣ, купленное имъ вмѣстѣ съ женою его *Евдокіею Васильевною*. Скончался онъ 25 февраля 1745 года; погребенъ въ Успенскомъ Каменскомъ монастырѣ въ Глуховѣ. Евдокія Васильевна, по смерти перваго своего мужа, была за *Григоріемъ Лукашевичемъ*, Переяславскимъ полковымъ асауломъ, по смерти котораго (въ 1756 году) опять осталась вдовою.

желанію своей матери, онъ ѣхалъ къ предназначенной своей невѣстѣ Марѳѣ, дочери Лѣплявскаго сотника Василья Лазаревича, и, не доѣзжая Лѣпляваго, остановился на ночлегѣ въ Прохоровкѣ. Сотникъ Василевичъ пригласилъ къ себѣ молодаго путника, который охотно прогостилъ у него и другой день; а на третій день сталъ его зятемъ. Тѣмъ началось водвореніе его въ Прохоровкѣ, въ слѣдствіе котораго онъ 1752 года былъ выбранъ здѣсь въ кандидаты на сотничество, и утвержденъ въ немъ универсаломъ гетмана Разумовскаго, даннымъ, того же года 28 іюля, въ Козельцѣ. Впрочемъ Иванъ Леонтьевичь не избѣжалъ своей судьбы; послѣ первой жены Мотрены Ѳедоровны, скончавшейся въ Прохоровкѣ 8 января 1757 года, онъ женился вторымъ бракомъ на первосуженой невѣстѣ своей Лазаревичевой, которая крѣпко смутила его старость своимъ помѣшательствомъ, и скончалась 1796 года, въ Бориспольѣ, у своей сестры Афендиковой.

Хотя служба сотницкая была военною, и Иванъ Леонтьевичъ исправлялъ ее «шестнадцать лѣтъ, но ему ни разу не довелось побывать на поляхъ битвы: атлетическая его сила развертывалась только на бесѣдахъ пріятельскихъ ломкою подковъ, удержаніемъ лодейной мельницы на быстринѣ Днѣпровской, и тому подобными выходками молодечества, подобно гетману своему, и нашъ сотникъ былъ не воинъ, а гражданинъ. Въ послѣдній годъ гетманщины, то-есть 1764 года, открылся *Золотоношскій* повѣтъ», къ которому стала принадлежать *Бубновская сотня* по гражданскимъ и земскимъ дѣламъ, не переставая принадлежать къ «Переяславскому полку» по дѣламъ войсковымъ и уголовнымъ (которыми сталъ тогда завѣдывать въ Переяславѣ *Гродскій* судъ). Въ Золотоношѣ, называвшей себя уже «городомъ», но называемой все еще «местечкомъ», открылись тогда суды: *Земскій* и *Подкоморскій*, и начали разъѣзжать *Возные:* повѣтовый съ сотенными. Въ 1768 году, когда на правой сторонѣ Днѣпра бушевала конфедерація Барская и возбужденная ею «Колѣевщина», лѣвая сторона Днѣпра закипѣла всякаго рода приготовленіями къ Турецкой войнѣ; и на поляхъ Переяславскихъ до глубокой осени продолжался «кампаментъ», гдѣ находился самъ Румянцовъ

съ своею народною канцеляріею; а съ октября начальствовалъ тамъ генералъ-поручикъ фонъ-Дальке. Такого многолюдства военнаго не видали подъ Переяславомъ съ той поры, какъ генеральный обозный Яковъ Лизогубъ собиралъ сюда въ 1741 году всѣ Малороссійскіе полки для смотра. Въ началѣ того бурнаго 1768 года, сотникъ Максимовичъ поступилъ въ должность коммиссара Переяславскаго, въ которой пробылъ онъ четырнадцать лѣтъ, до преобразованія Малороссіи; въ это время награжденъ онъ былъ отъ Румянцова (25 іюля 1779) чиномъ Бунчуковаго товарища.

Въ 1782 году, въ числѣ одиннадцати «уѣздовъ» новооткрытаго тогда Кіевскаго намѣстничества, учредился «уѣздъ *Золотоношскій*» [1]. *Золотоноша* окончательно утвердилась

---

[1] Кіевское намѣстничество составлено было изъ полковъ: *Кіевскаго, Переяславскаго, Лубенскаго, Миргородскаго*, и изъ частей полковъ *Прилуцкаго* и *Гадяцкаго*. Первоначально было раздѣлено оно на одиннадцать уѣздовъ: *Кіевскій, Козелецкій, Остерскій, Переяславскій, Золотоношскій. Пирятинскій, Лубенскій, Миргородскій, Хорольскій, Голтвянскій* и *Городискій*. Не лишнимъ считаю припомнить, что въ Кіевскомъ полку только *Кіевская* сотня была на правой сторонѣ Днѣпра, а на лѣвой были сотни: *Козелецкая, Остерская Носовская, Бобровицкая, Гоголевская, Моровская, Кобызская;* къ Переяславскому же полку принадлежали сотни: *Полковая-Переяславская, Терехтемировская, Вороньковская, Бориспольская, Басанская, Березанская, Яготинская, Глемязовская, Золотоношская, Пѣщанская, Крапивянская, Ирклѣевская, Домонтовская, Бубновская* и *Лѣпляевская*. Такъ было въ царствованіе Петра I. Послѣ того, въ разное время, отъ Переяславскаго полка была отчислена *Бориспольская* сотня къ Кіевскому полку (оставаясь по церковному отношенію въ Переяславской епархіи); а въ немъ, кромѣ остальныхъ тринадцати сотень, были еще установлены сотни: *Перво-Переяславская, Второ-Переяславская, Барышевская*, и наконецъ *Каневская* (подраздѣленіемъ прежней *Ирклѣевской* сотни на двое).

Первоначальная межа Золотоношскаго уѣзда, въ 1782 году, положена была у Днѣпра, между землями села Рѣшетокъ (Золотоношскаго уѣзда) и села Комаровки (Переяславскаго уѣзда), выходила по ту сторону села Хоцекъ, и, проходя черезъ такъ-называемый «Малый-Валъ» (очень древній), продолжалась между землями Хоцковскими и Пологовскими; конецъ этой межи шелъ опять къ Днѣпру черезъ рѣчку Сомовицу и озеро Яцково, потомъ черезъ озеро Гусиное и Калиты, между землями села Мутишинецъ (Городискаго уѣзда) и деревни Дубинокъ (Золотоношскаго уѣзда). Въ 1792 году, было совсѣмъ иное ограниченіе: межа начиналась на нашемъ Днѣпровскомъ островѣ Шелестовѣ, шла на немъ черезъ озерцо Покаль или Покалецъ, и перейдя потомъ черезъ большую Золотоношскую дорогу, она направилась между Глемязовымъ (тогда Переяславкаго уѣзда) и Пѣщаною, черезъ рѣчку Ковраецъ и т. д.; конецъ межи шелъ опять къ Днѣпру между землями мѣстечка Чигиринъ-Дубровы (тогда Хорольскаго, а передъ тѣмъ Городискаго уѣзда) и землями деревни Воинской и села Ляплинецъ, по Днѣпровскому рѣчищу Глушцу и черезъ озеро Закитное. Въ оба эти межеванія Золотоношскимъ уѣзднымъ землемѣромъ былъ прапорщикъ *Василій Клементьевъ*. Такимъ образомъ въ составъ Золотоношскаго уѣзда входили: изъ Переяславскаго полка—сотни: *Золотоношская, Пѣщанская, Бубновская, Домонтовская, Крапивянская, Каневская, Ирклѣевская Лѣпляевская*, часть *Второ-Переяславской* (село Хоцки) и часть *Яготинской* (село Коломійцы и проч.); да изъ Лубенскаго полка — большая часть *Яблуновской* сотни (Яблуновъ, Бѣлоусовка и проч.) и три слободки изъ сотни *Перво-Пирятинской*.

въ достоинствѣ «города»; а бывшій городъ *Бубновъ* остался на степени простаго «мѣстечка» (почти уравнившись съ Волынскимъ селомъ *Буановымъ*, между Берестечкомъ и Локачами, которое можетъ быть помянуто развѣ тѣмъ, что въ немъ 24 февраля 1787 года, у владѣльца его Стройновскаго, ночевалъ король Станиславъ—Августъ съ своею свитою, ѣдучи изъ Варшавы въ Каневъ, для свиданія съ Русскою царицею). При выборѣ членовъ для Золотоношскаго уѣзднаго суда, коммиссаръ *Максимовичъ* выбранъ былъ въ судьи. Въ засѣдатели тогда же поступили: полковой судья *Василь Леонтовичъ* и *полковой асаулъ Өедоръ Тимковскій*; а въ секретари—войсковой товарищъ *Никифоръ Зубковскій*.

Въ тоже время, новооткрытыя «коммисіи о разборѣ дворянства» привели Малороссіянъ къ историческому самопознанію, обративъ ихъ вниманіе на предковъ. Тогда и въ предѣлахъ нашей, уже прекратившейся, Бубновской сотни, все, что принадлежало самолично и своими предками къ сотенной старшинѣ, засуетилось и зашевелило бумажными листами вмѣсто знаменъ; и много перебралъ тогда рублишковъ Прохоровскій серебряникъ *Өома Антоновичъ Снѣжка* (выходецъ изъ-за Днѣпра), рисуя гербы и вырѣзывая печатки здѣшнимъ искателямъ дворянства. *Иванъ Леонтьевичъ Максимовичъ* съ своимъ родомъ былъ внесенъ, въ 1784 году, въ шестую часть родословной дворянской книги Кіевскаго намѣстничества [1]).

Черезъ годъ послѣ того, на новыхъ выборахъ, Иванъ Леонтьевичъ изъ судей выбранъ былъ въ предводители Золотоношскаго дворянства [2]). Въ этомъ званіи, въ апрѣлѣ 1787 года, онъ, вмѣстѣ съ другими предводителями Кіевскаго намѣстничества, имѣлъ счастіе провожать Екатерину вторую, Днѣпромъ, изъ Кіева до Кременчуга. Этотъ городъ былъ тогда гражданскимъ средоточіемъ Новороссійскаго края; и августѣйшая путешественница нашла его «несравненно весе-

---

[1]) Къ слову о гербахъ помяну здѣсь, что въ старину гербомъ всей Бубновской сотни былъ «равноконечный крестъ съ полумѣсяцомъ».

[2]) На мѣсто *Ивана Андреевича Синеока*, коллежскаго ассесора, бывшаго прежде судьею въ Золотоношскомъ земскомъ судѣ.

лѣе Кіева» [1]). Въ то время Иванъ Леонтьевичъ удостоился получить отъ императрицы золотую табакерку съ ея портретомъ; а отъ короля Станислава — Августа золотой перстень съ его портретомъ, обсыпанымъ вокругъ мелкими брилліантами.

Разскажу здѣсь примѣчательный случай, сохранившійся отъ того времени въ неизгладимой памяти нашихъ побережанъ. На разсвѣтѣ понедѣльника, въ который Екатерина отплыла отъ Канева, наши священники въ облаченіи и всѣ Прохоровцы собрались торжественно у Днѣпра на Бѣлой косѣ; но утренній дождистый туманъ не далъ имъ ни себя показать, ни разглядѣть царственной флотиліи. Въ то утро, больше чѣмъ въ обыкновенные понедѣльники, приставало челновъ и дубовъ на Прохоровскій берегъ; на одномъ челнокѣ былъ Суворовъ. Обрызганный дождемъ, онъ вбѣжалъ въ топившуюся хату козака Ковалевскаго, и спросилъ себѣ *поснѣдать*. Бывалый козакъ (про котораго всѣ говорили, что онъ ходилъ и въ гайдамакахъ) узналъ своего гостя, и побѣжалъ увѣдомить сельское начальство. Но русскій богатырь, перекусивъ наскоро козацкой *стравы*, положилъ хозяйкѣ подъ скатерть три серебрянныя монетки, и скрылся въ туманѣ. Разсказываютъ также, что на канунѣ того дня ждали въ Прохоровку графа Безбородька. Онъ приплылъ сюда уже за полночь: отказался отъ всѣхъ церемоній, съ какими явились къ нему Базилевичи; и, принявъ отъ нихъ только бутылку вишневки, переночевалъ запросто въ набережной хатѣ ранговыхъ крестьянъ Секретовъ.

Дослуживъ свое трехлѣтіе предводительства, Иванъ Леонтьевичъ Максимовичъ доживалъ свой вѣкъ въ Прохоровкѣ, оставаясь до смерти въ чинѣ Бунчуковаго товарища, которымъ онъ дорожилъ. Росту былъ онъ средняго, сложенія крѣпкаго, плечистаго, лица открытаго. Нравомъ былъ тихъ, хорошо говорилъ по Латыни и по Польски, любилъ пѣть и играть на гусляхъ, ходилъ всегда въ привычномъ ему нарядѣ:

---

[1]) Такъ писала государыня въ Москву къ Еропкину, въ день прибытія своего въ Кременчугъ, то-есть 30 апрѣля.

въ шелковомъ кафтанѣ съ широкимъ персидскимъ поясомъ, въ суконномъ кунтушѣ съ вылетами; сѣдые волосы свои подбривалъ въ чубъ. Скончался въ Кіевѣ 4 декабря 1801 года, семидесяти лѣтъ отъ роду; погребенъ на горѣ Щековикѣ при церкви—Всѣхъ Святыхъ, возлѣ южныхъ дверей [1]).

Дѣтей у Ивана Леонтьевича было четверо (всѣ отъ первой жены): дочь и три сына. Изъ послѣднихъ, самый старшій, по имени *Алексѣй*, рожденный 12 февраля 1754 года, умеръ въ малолѣтствѣ. Затѣмъ, родъ его продолжился двумя оставшимися сыновьями: *Васильемъ* и *Иваномъ* [2]).

Василь Ивановичъ Максимовичъ, рожденный 28-го февраля 1755 года, служилъ по штатской службѣ, начавъ ее въ полковой Переяславской канцеляріи 1709 года, и продолжая въ Курскѣ, въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, до 1790

---

[1]) Въ послѣдніе годы жизни, великимъ утѣшеніемъ для него было присутствіе старшей сестры *Прасковьи Леонтьевны*. Еще съ 1740 находилась она въ Погарѣ, за войсковымъ-товарищемъ *Василіемъ Соболевскимъ*, сыномъ храбраго Погарскаго сотника Семена Соболевскаго. Оставшись тамъ бездѣтною вдовою, она продала свое имѣнье (въ деревнѣ Муравьяхъ и селѣ Суховѣевкѣ); сложила свое имущество на барку, посадила въ нее подвластныхъ себѣ Литвиновъ, до 10 душъ обоего пола, и пустилась Десною и Днѣпромъ въ Прохоровку. По прибытіи сюда, въ 1787 году, купила себѣ за 800 рублей домъ съ дворомъ и другими лоскутками земли, у бывшаго сотника Неверовскаго. Тихая и примѣтная старушка, она до преклонныхъ лѣтъ была отмѣнно бодра, такъ что могла еще метко стрѣлять изъ ружья, и нерѣдко охотилась разъѣзжая на дрожкахъ по лугамъ над-Днѣпровскимъ. Скончалась 5 февраля 1803 года, осьмидесяти лѣтъ отъ роду, и погребена на Прохоровскомъ кладбищѣ. То мѣсто, гдѣ жила она надъ Днѣпромъ, гдѣ былъ дворъ послѣдняго Бубновскаго сотника, называется теперь *Соболевщиною*.

[2]) Что касается до дочери Ивана Леонтьевича, по имени *Татьяны*, то она, рожденная 12 февраля 1753 года, осталась четырехъ лѣтъ послѣ матери и, выросши при мачихѣ, семнадцати лѣтъ выдана была за войсковаго-товарища *Михаила Семеновича Концевича*. Сынъ Переяславскаго сотника, Концевичъ, буйно проводилъ свою молодость; и это страшило невѣсту. Послѣ своего *«дѣвичь-вечера»* (25 января 1770 года) она со слезами молилась въ своей комнаткѣ, передъ образомъ *Богоматери-Гданской*, который дѣду ея сотнику Василевичу достался въ 1764 году при осадѣ Гданска и которымъ впослѣдствіи онъ благословилъ дочь свою послѣ вѣнца. Долго невѣста лежала послѣ молитвы безъ сна, при свѣтѣ лампады; и видѣла, какъ вошла къ ней покойная мать, въ бѣломъ одѣяніи, и ставъ на колѣни передъ образомъ, молилась долго, а потомъ, обратясь къ постели, сказала: «Выходи спокойно, дитя мое: онъ перемѣнится!» Такъ и сбылось: Татьяна Ивановна была счастливою женою; Михайло Семеновичъ былъ достойнымъ семьяниномъ и гражданиномъ. Изъ немалаго числа ихъ дѣтей извѣстенъ болѣе другихъ второй сынъ *Петръ Михайловичъ*, служившій капитаномъ въ Гатчинской ротѣ при наслѣдникѣ Павлѣ Петровичѣ. Въ войну двѣнадцатаго года онъ служилъ генералъ-лейтенантомъ, потомъ былъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, наконецъ командиромъ внутренней стражи. Любитель своего артиллерійскаго мундира, онъ скончался 3 іюня 1841 года въ Оренбургѣ, поѣхавъ туда для леченія кумысомъ. Въ Переяславѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память вкладомъ въ сохранную казну сорока-тысячъ рублей, для ежегодной выдачи процентовъ двумъ бѣднымъ невѣстамъ и инвалидной командѣ, въ родномъ ему городѣ.

года. Затѣмъ онъ, пробылъ около четырехъ лѣтъ въ отставкѣ, при отцѣ своемъ, для занятій хозяйскихъ. Въ тѣ годы жили на Супоѣ два бывшіе правителя Малороссіи, единственные тогда Русскіе фельдмаршалы: Разумовскій и Румянцовъ. Василь Ивановичъ посѣщалъ обоихъ, развеселяя ихъ своимъ остроуміемъ.

Бывшему гетману, каждую весну, на подставныхъ тройкахъ, доставлялъ онъ въ Яготинъ живаго осетра по старому обычаю Прохоровскому; бывшаго же намѣстника лакомилъ часто поднѣпровскою дичью своей охоты, ястребиной и псовой [1]). Между тѣмъ сдѣлался онъ Переяславскимъ исправникомъ. Генералъ-губернаторъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ, переѣзжая черезъ Переяславъ, очень полюбилъ распорядительнаго исправника, и перевелъ его сперва въ Богуславъ коммиссаромъ, а въ 1799 году въ Кіевъ полиційместеромъ, и лѣтомъ того же года исходатайствовалъ ему чинъ надворнаго совѣтника, прямо изъ титулярныхъ [2]). Въ этомъ чинѣ онъ и вышелъ въ отставку, въ 1801 г., послѣ чего жилъ спокойно въ Прохоровкѣ. Въ сентябрѣ 1823 года, онъ похоронилъ въ Переяславѣ супругу свою *Евдокію Ивановну*, урожденную *Базилевичеву-Верховскую;* а весною 1825 года повезъ сына своего на теплыя воды въ Пятигорскъ, и тамъ скончался 1 іюля, на семьдесятъ первомъ году жизни [3]).

---

[1]) За это Ташанскій помѣщикъ не одинъ разъ благодарилъ Василя Ивановича учтивыми письмами (1792—94); а владѣлецъ Яготина прислалъ ему однажды Вѣнскую карету, запряженную четверикомъ дюжихъ воловъ. Въ первое же воскресенье Василь Ивановичъ явился въ Яготинъ въ Вѣнской каретѣ на этомъ самомъ четверикѣ. Графъ хохоталъ отъ этой выходки, и потомъ сталъ изъясняться, что у него въ Яготинѣ однѣ только англизированныя лошади «Это ничего, Ваше Сіятельство!» сказалъ Василь Ивановичъ: «я ѣздилъ бы и на куцыхъ!» Такой отвѣтъ позабавилъ графа; и четверо отличныхъ коней были прибавкою къ Вѣнской каретѣ.

[2]) Поздравляя его съ этою Монаршею милостью, письмомъ изъ Петергофа отъ 1 іюля 1799 года, Александръ Андреевичъ шутливо прибавилъ на этомъ письмѣ: «Теперь уже нечего бояться, что топать стану ногою: самъ сталъ панъ, и надѣвай какой хочешь кафтанъ!» вообще онъ часто писалъ къ Василю Ивановичу и послѣ, изъ Москвы и Риги: послѣднее письмо писано было по возвращеніи изъ Петербурга въ Ригу, отъ 28 декабря 1808 года.

[3]) *Николай Васильевичъ*, сынъ *Василья Ивановича*, рожденный въ Богуславѣ 1797 года 3 іюля, учился во второмъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ артиллеріи и вышелъ въ отставку подпоручикомъ. По смерти отца, воротясь съ Кавказскихъ водъ въ здоровьи, онъ женился въ Богодуховкѣ, 24 октября 1826 года на Александрѣ Михайловнѣ Дарагановой; служилъ нѣсколько времени Золотоношскимъ предводителемъ и почетнымъ смотрителемъ; а нынѣ живетъ благополучнымъ семьяниномъ и помѣщикомъ въ Прохоровкѣ, въ благоустроенномъ дому отца своего. Меньшой братъ его *Михаилъ*, любимецъ матери, умеръ въ 1818 году, девятнадцати-лѣтнимъ юношею.

Иванъ Ивановичъ Максимовичъ, меньшой изъ сыновей сотника, родился 26 августа 1756 года; двадцати лѣтъ поступилъ на службу лейбъ-гвардіи капраломъ; черезъ три года выпущенъ въ армію, и служилъ въ Брянскомъ пѣхотномъ полку; былъ потомъ въ походѣ Польскомъ 1783 года, подъ командою генералъ аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова; а съ 1787 года находился въ Крыму, подъ командою генералъ—аншефа Михайла Васильевича Коховскаго. Въ отставку вышелъ 1791 года, секундъ-маіоромъ. Еще до похода въ Польшу, онъ женился въ Слободской губерніи, въ селѣ Голубовкѣ, на дочери отставнаго сотника Василя Андреевича *Романова* [1]), *Еленѣ Васильевнѣ*, которая тамъ и оставалась до 1790 г., съ первымъ сыномъ своимъ *Александромъ*. Иванъ Ивановичъ былъ высокаго, слишкомъ тринадцати вершковаго роста, лица красиваго, взгляда чрезвычайно пронзительнаго. Въ бесѣдахъ былъ весельчакъ, и порою любилъ погулять; но вообще былъ преданъ труду, чуждъ всякаго искательства, и любилъ старосвѣтскую простоту жизни [2]).

Пріѣхавъ въ 1791 году въ Прохоровку, онъ въ началѣ слѣдующаго года купилъ себѣ тамъ грунтъ за 18 рублей съ полтиною, у войсковаго товарища Павла Киктя, и зажилъ собственнымъ дворомъ, близъ двора отцовскаго. Начиная хозяйничать, онъ своими руками затиралъ винокуренную кадь; и, трудясь постоянно, жилъ до смерти въ небольшой свѣтличкѣ. Не просторнѣе были у него двѣ свѣтлички и для жены, которая въ угоду ему повязывалась шелковымъ платкомъ, а въ память прежняго убранства выпускала оборку

---

1) Василь Андреевичъ Романовъ былъ сотникомъ Недригайловскимъ, въ Сумскомъ полку (въ которомъ послѣднимъ казацкимъ и первымъ гусарскимъ полковникомъ былъ сродникъ его Романъ Романовъ). Скончался онъ въ Голубовкѣ 10 марта 1794 года. Жена его *Анна Өедоровна*, была изъ дому *Герасима Кондратьева*, перваго полковника и основателя Сумскаго слободскаго полка.

2) Вотъ какъ высказывался онъ въ письмѣ своемъ къ женѣ отъ 27 іюня 1790 года изъ Яникале въ Прохоровку: «Душа. жизнь моя, всенаилюбезнѣйшая Аліона Васильевна! За великое щастіе почту, если даруетъ Богъ мнѣ изъ сего краю черезъ годъ вырваться.... а тамъ какъ Богъ велитъ, такъ будемъ и жить; худо-ль, хорошо-ль, но вмѣстѣ съ другомъ пріятно и хлѣбца съ водицей покушать. Не грусти, всеdражайшая моя! во всемъ твердо уповай на Бога: Онъ насъ пропитаетъ, лучше быть малымъ довольнымъ, нежели обидя ближняго и въ богатствѣ быть недовольну и ненасытну... Прошу еще Васъ: продайте ваше розовое гранитуровое платье; вамъ его носить не кстати: а на тѣ деньги, когда пріѣду, можете себѣ здѣлать Кіевскаго намѣстничества, которое весьма прилично Вамъ будетъ».

чепца изъ подъ платка. Но о внутреннемъ довольствѣ житья и хлѣбосольствѣ его вспоминаютъ и теперь здѣшніе старожилы. Въ народѣ знали его всѣ подъ именемъ «маіора». Скончался онъ 9 сентября 1826 года, семидесяти лѣтъ отъ роду и погребенъ на Прохоровскомъ кладбищѣ. Тамъ почиваетъ и супруга его, скончавшаяся 17 ноября 1822 года.

Дѣтей у Ивана Ивановича было всѣхъ трое: два сына и дочь. Старшій изъ всѣхъ, *Александръ Ивановичъ Максимовичъ*, родился въ Голубовкѣ 13 августа 1782 года [1]). Съ 1795 года, находился онъ при дядѣ своемъ Василѣ Ивановичѣ, сперва въ Переяславѣ и Богуславѣ, потомъ въ Кіевѣ, служа и вмѣстѣ учась, чему Богъ пошлетъ: отъ того тому, отъ другаго другому; между прочимъ, физикѣ и архитектурѣ отъ *Иринея Фальковскаго* [2]). Въ 1803 году, онъ оставилъ свою Кіевскую службу, въ чинѣ коллежскаго регистратора, и женился 10 сентября, въ деревнѣ Згари, на *Гликеріи Өедоровнѣ Тимковской*. Вслѣдъ затѣмъ сталъ онъ хозяиномъ, на отцовскомъ родовомъ имѣньицѣ, въ деревнѣ Староселье, подъ Переяславомъ, надъ рѣчкою Караныо. Но сельское хозяйство было не его стихія: у него всегда надъ земледѣліемъ брала

---

[1]) Остальные дочь и сынъ Ивана Ивановича родились въ Прохоровкѣ: въ 1791 году, дочь *Екатерина*, находящаяся въ замужествѣ за Львомъ Павловичемъ Деркачемъ; а въ 1793 году, сынъ *Хрисантъ*, служившій по гражданской части въ Перекопѣ, и тамъ умершій 1831 года отъ холеры.

[2]) Сей достопамятный архипастырь, въ то время еще іеромонахъ, былъ тогда въ Кіевской Академіи «учителемъ богословія и смѣшанной математики и надзирателемъ математическихъ классовъ». Своею любовью къ физико-математическимъ наукамъ онъ возбуждалъ ее и въ другихъ. Памятниками тому служатъ два «Кіевскіе мѣсяцесловы» на 1798 и 1799 годы, сочиненные въ Академіи Кіевской и напечатанные (въ 4-ку) «въ типографіи Академіи Кіевской при Кіевопечерской Лаврѣ». Вычисленія въ этихъ мѣсяцословахъ сдѣланы разными академическими учителями и учениками (въ томъ числѣ Яковомъ Кайдановымъ и Василіемъ Ризенкомъ), а повѣрены самимъ Иринеемъ. Замѣчу, что еще и передъ тѣмъ сочиненъ былъ Иринеемъ «Стѣнной мѣсяцословъ» на 1796 годъ, который Академія послала къ П. Н. Бантышъ-Каменскому въ Москву, гдѣ онъ и напечатанъ за 36 рублей 50 копѣекъ. Желательно, чтобы кто-либо изъ Кіевлянъ составилъ подробную біографію преосвященнаго Иринея, которую самъ онъ уже началъ. Жизнь его полна любопытныхъ подробностей и особенностей. Самая кончина его примѣчательна. Въ послѣдніе годы особенно, жилъ онъ уединенно и нелюдимо, въ Михайловскомъ монастырѣ, трудясь непрестанно и «побѣждая» (какъ говорилъ онъ) «послѣднихъ внутреннихъ враговъ своихъ». Въ 1823 году, 29 апрѣля, ждали его на служеніе въ Михайловской церкви; но онъ долѣе обыкновеннаго оставался въ своемъ кабинетѣ. Заглядывая въ окно изъ сада, видѣли, что онъ все еще читаетъ. Наконецъ келейникъ, войдя къ нему, осмѣлился тронуть его ногу; и тогда узнали, чтоИриней давно уже сидѣлъ мертвъ, склонясь надъ разогнутой библіей, и какъ бы все еще углубленный въ пророчества Іезекіиля.

верхъ или технологія, или механика. Страсть къ послѣдней нашло наконецъ себѣ удовлетвореніе въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ, гдѣ онъ съ 1815 года служилъ «у исправленія физическихъ, механическихъ и гидравлическихъ работъ», исправляя при томъ и должность архитектора. Черезъ девятнадцать лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку чиновникомъ 9 класса; и въ 1835 году поселился въ опустѣломъ дому отца своего, гдѣ и нынѣ здраствуетъ, помогая недужному человѣчеству своею доморощенною медициною. Супруга его, родившаяся на Згари 13 мая 1788 года, скончалась 22 іюля 1829 года на постыломъ для нея берегу Шостки [1]).

XI. Сотникъ Петръ Неверовскій и его сынъ, герой двѣнадцатаго года.

Петръ Ивановичъ Неверовскій, сынъ значковаго товарища Золотоношскаго обывателя, родился 1737 года, служа въ Переяславскомъ полку, онъ въ началѣ 1768 года поступилъ на Бубновское сотничество; исправлялъ эту должность пятнадцать лѣтъ, и награжденъ за нее чиномъ Бунчуковаго товарища. Въ 1783 году, когда Бубновская сотня, входя въ составъ Золотоношскаго уѣзда, прекратило въ немъ свое бытіе, послѣдній сотникъ ея сталъ городничимъ Золотоношскимъ; и этою должностью кончилъ службу свою, въ чинѣ

---

[1]) Богъ судилъ и мнѣ увидѣть свѣтъ на Згари, въ благословенномъ дому *А. С. Тимковской*, 3 сентября 1804 года. Въ сознаніе и память пришелъ я въ окрестностяхъ Переяслава, выучился грамотѣ въ Золотоношскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ, и, кончивъ первое пятнадцатилѣтіе жизни моей ученикомъ Новгородсѣверской гимназіи, вторыя лучшія пятнадцать лѣтъ моей жизни, провелъ я въ Москвѣ, сперва въ университетскомъ дому студентомъ, а потомъ въ Ботаническомъ суду (за Сухаревою башнею) профессоромъ ботаники. Учрежденіе новаго университета въ Кіевѣ повлекло меня неодолимою силою туда, гдѣ колыбель Русской земли, гдѣ родина моего рода. Въ полночь 5 іюля, послѣ университетскаго акта, разстался съ Москвою; въ яркій полдень 13 іюля, преклонился у Святыхъ вратъ Печерской лавры; и черезъ день послѣ того, 15 іюля 1834 года, былъ участникомъ и свидѣтелемъ торжественнаго открытія университета св. Владиміра, въ которомъ служилъ я первымъ ректоромъ и профессоромъ русской словесности. Черезъ пять лѣтъ, тяжкая болѣзнь свалила меня съ ногъ, и я безвременно прервалъ мою службу и общественную жизнь. Получивъ отставку 26-го апрѣля 1841 года, я водворился надъ Прохоровкою. на пустынной горѣ, которая такъ нравилась покойной матери моей, и на которой такъ желала она пожить. Живучи здѣсь, я какъ будто народился вновь: опять сталъ на ноги, сталъ въ силахъ читать и писать... И вотъ доканчиваю здѣсь уже третье пятнадцатилѣтіе моей жизни, повторяя себѣ не разъ слова украинской пѣсни:

Ой щожъ наша доля,
Якъ не Божа воля!...

надворнаго совѣтника. Вѣкъ свой доживалъ онъ въ 30 верстахъ отъ Золотоноши, въ хуторѣ *Неверовщинѣ*, который въ девяностыхъ годахъ сталъ деревнею *Павловщиною* (названною такъ по имени меньшаго брата сотника, *Павла Ивановича Неверовскаго*, служившаго во время Потемкинское въ Новороссійскомъ краю, гдѣ онъ былъ Екатеринославскимъ вице-губернаторомъ).

Во время службы своей, Петръ Ивановичъ Неверовскій отличался правдивостью и безкорыстіемъ. Прямота его нрава доходила иногда до запальчивой рѣзкости; но своимъ дружелюбіемъ во всѣмъ и готовностью на добро каждому, онъ возбуждалъ къ себѣ общую любовь въ молодые годы и уваженіе въ лѣта преклонныя.

При началѣ своего сотничества, онъ водворился на краѣ Прохоровки, близъ Днѣпра, у озера Балёваго... Тамъ былъ дворъ Ивана Арабскаго, переселенца изъ Домонтова: сынъ его Гавріилъ Арабскій, принявъ рукоположеніе въ священники, по тогдашнему—«за границу» (въ село Халчу, Каневской протопопіи), продалъ сотнику Неверовскому, за 60 рублей, свой отцовскій дворъ, въ которомъ тогда были три рубленыя коморки и плетневая винокурня.

Въ то время, въ дому бывшаго сотника Максимовича, у второй жены его Лазаревичевны, проживала дочь родной сестры ея, Ульяны Васильевны Лѣвицкой, сотнички Лѣплявской [1]). Юная Прасковья Ивановна плѣнила Неверовскаго своею красотою и кротостью, и сама полюбила его. Всѣ родные и близкіе такъ были этому рады, что согласились обвѣнчать ихъ, и уже потомъ выпросить материнское благословеніе Лѣплявской сотнички, которая дочь свою прочила дру-

[1]) *Иванъ Моисеевичъ Лѣвицкій*, сынъ Нѣжинскаго полковаго асаула, служившаго во все время царствованія Петра I, былъ зятемъ престарѣлаго Лѣплявкаго сотника *Василья Лазаревича*, и опредѣленъ на его мѣсто того же 1752 года 18 іюля, какъ въ Бубновскіе сотники, на мѣсто Василевича, опредѣленъ былъ его зять Максимовичъ. Иванъ Моисеевичъ, будучи сотникомъ, ходилъ подъ конецъ семи-лѣтней войны въ Пруссію, въ такъ-называвшейся «воловой экспедиціи», 1759 года; а послѣ того былъ онъ командиромъ Малороссійскихъ казаковъ, работавшихъ крѣпость св. Елисаветы (въ комендантство бригадира Черткова), и, воротясь оттуда въ 1764 году, лѣтъ черезъ пять сталъ полковымъ судьею; а Лѣплявскимъ сотникомъ, уже послѣднимъ, сталъ сынъ его *Иванъ Ивановичъ Лѣвицкій*. Сынъ сотника Лазаревича *Владиміръ* былъ послѣднимъ сотникомъ Пѣщанскимъ (послѣ *Жилы* и Ивана Дмитріевича *Прохоровича*).

гому жениху, не милому для невѣсты. Такъ и было сдѣлано въ Прохоровкѣ, при содѣйствіи отца Петра Осиповскаго и Богъ благословилъ молодую чету многочисленною семьею.

Радовался сотникъ своему счастью, и своимъ веселіемъ дѣлился съ подвластнымъ ему товариствомъ. Ведется по нынѣ преданіе о тѣхъ веселыхъ «бесѣдахъ», какія бывали во дворѣ послѣдняго сотника, и которыя такъ пригодны были подъ конецъ Бубновской сотни, чтобы товариству ея безпечально разстаться съ старо-козацкимъ бытьёмъ, переходя къ бытію новому. На тѣ сотницкіе пиры съѣзжалась старшина со всей околицы [1]). Козаки любили своего сотника; и онъ самъ любилъ ихъ [2]).

---

[1]) Въ этихъ пирахъ принимала всегда особенное участіе Прохоровская вдова *Марья Красничка*, бывшая сотенная хорунжая. Эта всѣми уважаемая старушка отличалась маленькимъ ростомъ. необычайною быстротою черныхъ глазъ и дѣвственною бѣлизною зубовъ. Нрава была она добраго и смирнаго; но любила подгулять съ добрыми людьми, а, подгулявши, наполнялась ратнаго духа, и начинала сама пѣть козацкія пѣсни:

«Идуть Ляхи, шумлять шляхи, козаченьки тихо;
Стережѣться, вражи Ляхи, бо буде вамъ лехо!» и т. д.

Тогда у сотницкаго дома непремѣнно уже являлась заряженная пушка. На нее садилась хмельная Маруся, оправляла на головѣ своей намітку, брала фитиль и при веселыхъ кликахъ всей «бесѣды» палила на Днѣпръ, *за границу*, воображая, что воюетъ Польшу. Храбрая казачка дождалась-таки до роковаго конца Польши. Она была свидѣтельницею и той милиціи противъ Француза, которая во всей Полтавщинѣ снаряжалась, въ началѣ 1808 года, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣлухи-Кохановскаго. Тогда поставляли съ 24 душъ по ратнику, въ крестьянской одеждѣ, съ пикою, съ ружьемъ или пистолетомъ, и съ обращенною въ саблю косою. Но Красничкѣ нашей тогда было не до милиціи: она была уже очень стара; и, предоставивъ сыну Андрею все хозяйство, жила себѣ отшельницею, въ маленькой хаткѣ, срубленной изъ бѣлыхъ тополей. Тамъ она, въ нуждѣ и болѣзни, кончила свой девяностолѣтній вѣкъ, 28 февраля 1810 года. Почувствовавъ наступленіе смерти, она попросила отодвинуть окно въ половой стѣнѣ, подъ которой лежала; и глядя въ него, промолвила: «Свѣте Божій, украшенный! останній разъ тебе бачу!»

[2]) Изъ старыхъ Прохоровскихъ козаковъ, больше всѣхъ любилъ нашъ сотникъ *Илью Красовскаго*, жившаго на другомъ краѣ села, подъ Михайловою горою. Илья Ивановичъ родился въ Прохоровкѣ, еще въ концѣ XVII вѣка; поступилъ на службу рядовымъ козакомъ въ 1722 году; былъ въ походахъ на Сулакѣ и въ Архангельскѣ, подъ Гданскомъ и Очаковомъ, и получилъ отставку уже подъ конецъ Румянцовской войны, въ ноябрѣ 1773 года, съ чиномъ значковаго-товарища. Старый Илья до самой смерти ѣздилъ не иначе, какъ верхомъ на конѣ, и ѣзду на колесахъ съ пренебреженіемъ называлъ «ѣздою бабьей». Умеръ онъ 12 января 1795 года, не дотянувъ только двухъ лѣтъ до ста. Изъ молодыхъ козаковъ того времени назову *Ивана Зуба*. Оставшись сиротою въ Прохоровкѣ, при наступленіи Румянцовской войны, онъ записался въ Запорожцы Каневскаго куреня; до конца войны находился въ походахъ и сраженіяхъ, подъ начальствомъ Сѣчевыхъ старшинъ, и по разбитіи непріятельскихъ судовъ, былъ тяжело раненъ пулею въ правое плечо. Тогда онъ воротился въ Прохоровку, съ хорошимъ аттестатомъ отъ Запорожскаго коша, даннымъ ему въ іюнѣ 1774 года. Тутъ женился онъ на дочери козака Андрея Гуржея, оправился, снова началъ служить въ Переяславскомъ полку и вскорѣ дослужился до полковаго асаула. Послѣ того Иванъ Петровичъ Зубъ сталъ опять жить здѣсь на хозяйствѣ; но въ 1797 году онъ оставилъ Прохоровку; имя его осталось только въ названіи Зубовщиною того поля, у Лесь-

Прохоровскій дворъ и садъ сотника Неверовскаго давно уже обратились въ сѣнокосную Леваду, называемую *Соболевщиною.* Это мѣсто (нынѣ принадлежащее Еленѣ Ѳеодоровнѣ Каневской, по наслѣдству отъ дѣда ея Ивана Ѳедоровича Базилевича) должно навсегда остаться памятнымъ для здѣшняго народа; ибо на этомъ мѣстѣ возникъ лучшій цвѣтъ нашего Побережья, краса и честь Бубновской сотни — первый сынъ сотника Неверовскаго...

Дмитрій Петровичъ Неверовскій [1]) родился въ Прохоровкѣ 21 октября 1771 года, и выросталъ до двѣнадцати лѣтъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Павломъ*, рожденнымъ 16 января 1773 года. Красавецъ лицомъ и душею, юный Дмитрій развивался на привольѣ Днѣпровскомъ и просторѣ степномъ, во всей простотѣ тогдашней жизни. На десятомъ году онъ былъ уже смѣлымъ пловцомъ, меткимъ стрѣлкомъ и удалымъ наѣздникомъ. Разумная строгость отца и добрая ласка матери воспитали сердце его столько же для мужества желѣзнаго, сколько и для любви самой нѣжной. Первымъ учителемъ его церковной грамотѣ былъ старый казакъ Григорій Николаенко [2]). По переѣздѣ въ Золотоношу, Петръ Ивановичъ Неверовскій самъ училъ сыновей своихъ латинской грамотѣ и ариѳметикѣ.

ковской могилы, гдѣ онъ хозяйствовалъ въ лѣтнюю пору. Сынъ тестя его *Гуржья*, прозвавшійся *Гуржъевскимъ*, дослужился до коллежскаго ассесора, и переселился отсюда въ Хорольскій уѣздъ, на имѣнье жены своей. Вспомяну еще о чернобровомъ козакѣ Прохоровскомъ, *Степанѣ Костюкѣ*. Служа вознымъ Бубновской сотни, онъ прозвался *Костюшевскимъ*, и въ чинѣ поручика скончался въ Прохоровкѣ, въ февралѣ 1811 года, семидесяти лѣтъ отъ роду.

[1]) Предложенныя здѣсь свѣдѣнія о Неверовскомъ заимствованы мною изъ «Описанія войны 1812 года», соч. *Михайловскаго - Данилевскаго*; изъ *«Біографіи генералъ-лейтенанта Неверовскаго»*, изданной въ 1845 году, племянникомъ его *Д. И. Дараганомъ*; а также изъ мѣстныхъ разсказовъ. Старикъ *Григорій Ивановичъ Прохоровичъ* былъ товарищемъ Неверовскаго въ его дѣтствѣ, и учился вмѣстѣ съ нимъ грамотѣ. Здѣсь-же въ Прохоровкѣ родился и живетъ *Иванъ Павловичъ Кикоть*, котораго Неверовскій въ 1803 году опредѣлилъ въ Малороссійскій гренадерскій полкъ, въ Заславлѣ: въ этомъ полку Кикоть или *Киктевъ* служилъ до 1816 года, въ которомъ онъ уволенъ капитаномъ, съ мундиромъ и съ пенсіономъ полнаго жалованья за раны, полученныя въ разныхъ сраженіяхъ, напримѣръ въ сраженіи подъ Кульмомъ, гдѣ онъ раненъ пулею въ лѣвое плечо и оконтуженъ ядромъ въ голову, и за храбрость свою въ томъ сраженіи награжденъ чиномъ штабсъ-капитана; въ послѣдующіе походы онъ былъ въ Парижѣ.

[2]) Родной братъ Марьи Кра́сничкн, тѣмъ отличавшійся отъ другихъ казаковъ, что носилъ бороду.

Въ это время знаменитый сосѣдъ бывшаго сотника, потомъ городничаго, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, проживая въ Драбовѣ, бывалъ у него въ гостяхъ въ Невѣровщинѣ; и однажды, любуясь прекраснымъ Дмитріемъ, вызвался взять его къ себѣ въ Петербургъ, вмѣсто сына. Нечего и говорить какъ рады тому были отецъ и мать, у которыхъ въ семьѣ было четыре сына и десять дочерей. И вотъ ихъ первенецъ, 16 мая 1786 года, сталъ гвардейцомъ Семёновскаго полка, и черезъ годъ произведенъ въ сержанты.

Графъ Завадовскій готовилъ своему питомцу блестящее поприще въ Невской столицѣ. Но не тотъ удѣлъ былъ сужденъ ему; скоро зачалась вторая Потемкинская война съ Турками, на Черномъ морѣ; и великолѣпная галера «Десна», служившая на Днѣпрѣ столовою залою для путешествующей Русской царицы, обратилась въ гостинницу смерти для Мусульманъ. Вспоенный Днѣпромъ для войны, гвардеецъ Невѣровскій встосковался на сѣверѣ, и загорѣлся неодолимымъ стремленіемъ на югъ, въ дѣйствующую армію. Графъ не хотѣлъ и слышать объ томъ, и съ угрозою сказалъ, что не выпуститъ его изъ дому. Но просьба о переводѣ въ армію была подана еще при первомъ порывѣ къ тому пылкаго юноши; скоро полученъ былъ и переводъ; пришлось уѣхать изъ Петербурга, не простясь съ графомъ.

Шестнадцатилѣтній поручикъ Малороссійскаго гренадерскаго полка, летя въ армію, торжественно явился въ Невѣровщинѣ. Радостно встрѣтили его въ дому отцовскомъ. Но, узнавъ объ его самоволіи противъ графа, строгій отецъ исполнилъ любимый встарину завѣтъ: «иже щадитъ жезлъ, ненавидитъ сына своего»! Послѣ того съ любовью и миромъ, родители напутствовали своимъ благословеніемъ милаго сына на войну. Онъ извѣдалъ битву и побѣду въ первый разъ при Сальчѣ, откуда разбитыхъ Турковъ гнали наши до Измаила; а потомъ находился онъ при знаменитомъ взятіи Бендеръ.

Послѣ этихъ первыхъ уроковъ въ войнѣ, прошелъ онъ новую школу побѣдъ въ кампаніи Польской. Служа въ четвертомъ батальонѣ Екатеринославскаго егерскаго полка, онъ

ратоборствовалъ почти во всѣхъ тогдашнихъ сраженіяхъ. Въ 1792 году храбро дѣйствовалъ онъ разсыпнымъ строемъ въ лѣсу при Деревицѣ, 4 іюля, и при Городищѣ, 7-го іюля; и, за отличіе произведенъ въ капитаны. Въ 1794 году, онъ храбровалъ при Мацѣевицахъ, на томъ самомъ полѣ, гдѣ Костюшко, падая съ коня, воскликнулъ: «Finis Poloniae»! А послѣ штурма Праги, нашъ двадцати-трехъ-лѣтній герой награжденъ былъ чиномъ секундъ-маіора и тѣмъ пражскимъ крестомъ, которымъ такъ гордились ученики великаго побѣдоносца Суворова.

Въ декабрѣ 1791 года, по расформированіи егерскаго батальона, въ которомъ Неверовскій прослужилъ Польскую компанію, онъ поступилъ опять въ Малороссійскій гренадерскій полкъ, въ которомъ и пробылъ до 1803 года. Тогда этотъ полкъ, квартировавшій въ Волынскомъ городѣ Заславлѣ, смотрѣлъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ съ генералъ-инспекторомъ Боуэромъ. Батальонный командиръ Неверовскій, своимъ величаво-прекраснымъ видомъ, громозвучнымъ голосомъ и совершенствомъ строеваго дѣла, привелъ въ восторгъ цесаревича, и по его ходатайству былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ, и назначенъ командиромъ формировавшагося тогда перваго морскаго полка. Въ сентябрѣ того же года, узнавъ лично Неверовскаго, Государь произвелъ его въ полковники, а черезъ полгода (въ мартѣ 1804 года) возвысилъ его въ генералъ-маіоры, и назначилъ шефомъ третьяго морскаго полка, находившагося въ Ревелѣ. Тамъ, послѣ двухъ смотровъ, царскаго и инспекторскаго, въ 1805 году Неверовскій награжденъ былъ отъ государя Владиміромъ 3 степени и бриллiантовымъ перстнемъ. Въ томъ же году, 27 іюля, вѣнчался онъ съ дочерью адмирала Мусина - Пушкина, Елисаветою Алексѣевною. Черезъ два мѣсяца, походъ за границу (въ Щведскую Померанію) разлучилъ молодую, цвѣтущую чету; но не надолго. Весною 1806 года, наши войска возвращались въ предѣлы Россіи. Еще за двѣсти верстъ отъ Ревеля, Дмитрій Петровичъ былъ утѣшенъ нежданною встрѣчею жены и тещи! онѣ мчались къ нему въ почтовой телѣжкѣ; а въ ближайшей корчмѣ дожида-

лась его новорожденная дочь, единственное дитя у него бывшее. То была блаженнѣйшая пора въ жизни его, завершившая собою двадцатилѣтіе его службы.

Въ 1809 году, Неверовскій назначенъ былъ шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка, старые храбрецы не нарадовались своимъ генераломъ, который самъ былъ однимъ изъ первыхъ гренадеровъ, и обладалъ рѣдкимъ даромъ завладѣвать сердцами и становиться душою подвластнаго ему войска. Но не съ этими бывалыми Павловцами суждено ему было встрѣтить французовъ у Днѣпра, въ войну *двѣнадцатаго* года. При началѣ того великаго года, нашъ генералъ спѣшилъ въ Москвѣ формировать, новую двадцать-седьмую дивизію по порученію Государя, и сформировалъ ее въ два мѣсяца. «Посмотрите, какихъ чудесъ надѣлаетъ эта молодежъ въ сраженіи»! говорилъ, указывая на своихъ офицеровъ, Неверовскій, украшенный за свой успѣшный трудъ Аннинскою звѣздою.

И вотъ онъ, съ своею молодою дивизіей, уже въ походѣ изъ Москвы къ западной границѣ, въ Новогрудкѣ, 22 іюня, присоединился къ князю Багратіону; и оттуда, ровно въ мѣсяцъ, совершили они свой многотрудный, Суворовскій обходъ къ Смоленску, предназначенный для соединенія второй арміи, предводимой Багратіономъ, съ первой арміей, водимой Барклаемъ-де-Толли. Тогда рѣшено было наконецъ пойти наступательно противъ Наполеона, стоявшаго въ Витебскѣ. По расчетамъ Барклая, Наполеонъ долженъ былъ двинуться къ Смоленску по Порѣцкой дорогѣ; поэтому на лѣвой сторонѣ Днѣпра оставленъ былъ только Неверовскій у Красного, для наблюденія за Смоленскою дорогой. Вдругъ Наполеонъ является на Днѣпрѣ у Рососны, чтобы зайти нашу армію ниже Смоленска, какъ предсказывалъ Багратіонъ; на разсвѣтѣ, 2 августа онъ занимаетъ многочисленными полками своими лѣвый берегъ Днѣпра и передовые отряды его двинулись уже къ Красному. Вотъ трудное положеніе Неверовскаго, у котораго при его дивизіи были только Харьковскій драгунскій, да три козачьихъ полка.

Едва успѣлъ онъ отправить тяжести къ Смоленску и отдать своему войску одобрительный приказъ, какъ прискакали вновь сторожевые казаки, говоря: «Французы валомъ валятъ!» То былъ Неаполитанскій король Мюратъ, съ 15,000 блестящей кавалеріи и съ дивизіею пѣхоты. Обхвативъ Красный, отбивъ семь пушекъ, опрокинувъ драгуновъ и казаковъ, онъ устремился на 27-ю дивизію, и уже былъ отъ ней на ружейный выстрѣлъ. Она стояла близь Красного, безмолвно, въ стройномъ карре, какъ неподвижная скала. Вдругъ прогремѣлъ голосъ Неверовскаго: «тревога!»; засверкалъ прицѣльный батальный огонь; и въ мигъ Французскіе всадники и ихъ кони устлали собою землю: такъ разшибся передовой валъ Наполеоновскій. Тогда, ударивъ отбой пальбѣ, съ побѣднымъ «ура!», Неверовскій повелъ свою дивизію къ Смоленску, по столбовой дорогѣ, усаженной березами. На него со всѣхъ сторонъ кидался Мюратъ; но напрасны были его нападенія, и его предложенія о сдачѣ: «умремъ, а не сдадимся»! кричали французамъ солдаты Полтавскаго полка. Неверовскій отступалъ, «какъ левъ» (по выраженію иностранцевъ: Сегюра и Вальтера—Скотта). И въ такомъ мужествѣ, отразивъ 40 атакъ, 27 дивизія прошла 12 верстъ до рѣчки, гдѣ находился егерскій полкъ съ 2 пушками, отправленный туда про запасъ, при началѣ Красненскаго дѣла. Тамъ держались они до вечера; а ночью перешли къ оврагу, что въ 6 верстахъ отъ Смоленска.

Такъ, 2 августа, совершилъ Неверовскій свое достопамятное отступленіе отъ Красного, которое наши знатоки войны признали безпримѣрнымъ. А онъ самъ, не думая о славѣ своего подвига, только и думалъ тогда, что о потерѣ своей въ людяхъ; онъ былъ безутѣшенъ. По счастію, Раевскій съ своимъ корпусомъ позднѣе назначеннаго срока, выступилъ изъ Смоленска, и былъ только въ 12-ти верстахъ отъ Днѣпра. По данной туда вѣсти отъ Неверовскаго, на разсвѣтѣ 3 августа, подоспѣлъ къ нему смѣлый Паскевичъ, съ своею 26 дивизіей, и сталъ передовымъ у помянутаго оврага; и была у него новая перепалка съ Французами. Такъ два храбрые Украинца встрѣчали Наполеоновы полки на лѣвомъ бе-

регу Днѣпровскомъ. Того же дня подоспѣлъ къ нимъ Раевскій — «слава дней своихъ»; и съ наступленіемъ ночи, герои наши рѣшились засѣсть на смерть въ Смоленскѣ. Богъ помогъ имъ: цѣлый день обороняли они древнюю столицу Мономаха и храбраго сына его Мстислава! Съ приближеніемъ нашихъ армій къ Днѣпру, тѣснѣе обступили Смоленскъ полки Наполеоновы; и на другой день, 5 августа, произошла та страшная осада города, которую Смольняне называли «преставленіемъ свѣта». Въ тотъ день на защитѣ Смоленска былъ надежный Дохтуровъ; нашему Украинцу довелось тогда состязаться съ Полякомъ: Неверовскій былъ на оборонѣ Раченскаго предмѣстья, которое бралъ приступомъ Понятовскій, и не взялъ.

Скоро приспѣлъ великій день Бородинскій, преддверіемъ къ нему служила Шевардинская битва, 24 августа. Тамъ на оборонѣ, подъ начальствомъ князя Горчакова, былъ и Неверовскій, а нападеніемъ распоряжался самъ Наполеонъ. Шевардинскій окрѣпъ, въ продолженіи дня, не одинъ разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; но къ вечеру остался за нами. Французы вздумали взять его ночью, въ расплохъ; но ихъ движеніе было угадано. Тогда Неверовскій велѣлъ своей дивизіи ссыпать порохъ съ ружья, невидимкою подошелъ къ непріятелю, ударилъ въ штыки—и обратилъ въ бѣгство.

Между тѣмъ довершилъ свои приготовленія къ Бородинскому дѣлу несокрушимый Кутузовъ, за недѣлю передъ тѣмъ принявшій военачальство. При появленіи стараго вождя Русскимъ полкамъ, взвился надъ нимъ орелъ, предвозвѣстившій побѣду. Но побѣда была еще впереди; она ждала себѣ въ жертву еще Москвы бѣлокаменной; а на Бородинскомъ полѣ Русская сила только помѣрилась съ силами запада. Съ разсвѣтомъ 26-го августа зачался тотъ достопамятный бой Руси съ Наполеоновскою ратью «двунадесяти языкъ». На лѣвомъ крылѣ нашемъ, съ котораго Наполеонъ предназначалъ себѣ побѣду, стоялъ впереди Графъ Воронцовъ, съ гренадерскою сводною дивизіей; а за нимъ во второмъ ряду Неверовскій, съ своими храбрецами. Первый налетъ на нихъ Французскаго войска былъ отраженъ; но скоро возобнови-

лось нападеніе въ большой силѣ и быстротѣ. Безстрашный Воронцовъ держался, пока не стало гренадеровъ его, да и самъ онъ былъ раненъ; мужественный Неверовскій пошелъ въ штыки; къ нимъ на помощь подоспѣлъ «безмятежный» Багговутъ. Наполеонъ подослалъ подмогу своимъ: и—завязалась страшная битва, длившаяся нѣсколько часовъ, при громѣ семи-сотъ пушекъ. Въ томъ огнѣ пропала большая часть 27 дивизіи; но Неверовскій уцѣлѣлъ невредимо. Поспѣшно собралъ онъ небольшой строй изъ разсѣянныхъ солдатъ разныхъ полковъ, и повелъ его противъ Французскихъ драгуновъ, въ тотъ привалъ Бородинскаго боя, когда Наполеонъ, пользуясь временнымъ нашимъ отступленіемъ, думалъ подавить насъ стремленіемъ своей конницы:

Но стали-жъ мы пятою твердой,
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой;
И равенъ былъ неровный споръ!..

Вспылала златоглавая Москва. Кипѣла и волновалась Русская земля, какъ море, сбираясь извергнуть изъ себя надменный кумиръ запада, съ его полчищами. Въ ту пору всеобщаго вооруженія Руси, ополчалась и Малороссія. Еще по манифесту 6 іюля, составились, въ продолженіе двухъ недѣль, два ополченія отъ Малороссійскаго дворянства, именовавшіяся «Дворянскимъ Земскимъ Войскомъ». Поставлено было со ста душъ въ Полтавской губерніи—по четыре, а въ Черниговской — по 6 ратниковъ, пѣшихъ и конныхъ. Эти ополченія дѣлились на повѣты, а повѣты на сотни; въ начальники имъ назначались дворяне по выборамъ. Ополченію Полтавскому, по числу ревизскихъ душъ, предположено было составиться изъ 13,211 человѣкъ; а собралось болѣе 16,000 ратниковъ, именовавшихся тогда казаками. Первоначальнымъ распорядителемъ этого ополченія былъ *Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій*, статсъ-секретарь Екатерины II, служившій министромъ удѣловъ юстиціи въ царствованіе Александра; а въ губернскіе начальники Полтавскаго ополченія выбранъ былъ генералъ-маіоръ *князь Жевах͏овъ*. Вслѣдъ за тѣмъ, когда объявлена была Царская воля объ ополченіи Малороссійскаго казачества, выраженная въ рескриптѣ 25 іюля, казаки не-

медленно снарядили отъ себя съ двадцати-пяти душъ по одному вооруженному всаднику; и въ сентябрѣ готовы уже были пятнадцать полковъ (9 Полтавскихъ и 6 Черниговскихъ, по 1,200 человѣкъ въ каждомъ). Въ ноябрѣ эти полки двинулись въ Бѣлоруссію, на преслѣдованіе непріятеля; нѣкоторые изъ нихъ воевали и за Рейномъ [1]).

Подобно тому, и въ 1831 году, во время мятежа Польскаго, когда послѣдовалъ царскій указъ 6 мая о составленіи осьми конныхъ полковъ изъ Малороссійскаго козачества, козаки земледѣльцы радостно снаряжали себя на войну; дворянство поставило имъ отъ себя коней съ упряжью, выбрало имъ начальниковъ изъ отставныхъ офицеровъ; и черезъ шесть недѣль, это охотное войско было уже въ походѣ изъ Чернигова въ царство Польское [2]).

---

[1]) Таковъ былъ, напримѣръ, четвертый Полтавскій полкъ, сформированный въ Горошинѣ отставнымъ штабсъ-ротмистромъ *Николаемъ Михайловичемъ Копцевичемъ*, старшимъ братомъ генерала Копцевича. Копцевичъ довелъ свой полкъ до Бѣлоруссіи, гдѣ и сдалъ его, за болѣзнію, въ половинѣ ноября, *Михайлу Львовичу Муравьеву*, надворному совѣтнику, служившему въ военной службѣ во время Суворовское, а послѣ того по таможенной части. Подъ его командою и находился четвертый Полтавскій полкъ, до возвращенія изъ-за границы, въ концѣ 1814 года. По переходѣ изъ Варшавы въ Новгородъ-Волынскій (по-старинному Звягель), Муравьевъ умеръ; въ Житомірѣ офицеры выбрали себѣ въ начальники товарища своего *Ашанина;* но по приходѣ въ Переяславъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ въ дому своемъ первый командиръ ихъ Копцевичъ, явился туда *Елисей Григорьевичъ Гайворонскій*, долго бывшій въ откомандировкѣ, и, какъ старшій офицеръ полка, взялъ начальство надъ нимъ, которое и продолжалось до конца 1816 года, когда всѣ пятнадцать казачьихъ полковъ, квартировавшіе въ Малороссіи, были распущены по-домамъ. Въ этомъ-то полку, съ 16 сентября 1812 года по 1817 годъ, служилъ помянутый мною (въ III главѣ) уроженецъ и житель села Сушковъ, *Левъ Павловичъ Деркачъ*, однимъ изъ эскадронныхъ командировъ, которые на первой порѣ назывались сотниками. Онъ поступилъ въ полкъ губернскимъ секретаремъ; а при отставкѣ награжденъ чиномъ коллежскаго секретаря «за мужество, оказанное противъ непріятеля», а также и медалью «отечественной войны». По распущеніи всѣхъ этихъ полковъ, Государь Императоръ дозволилъ имъ носить мундиръ, въ которомъ они были въ продолженіи службы, и который былъ слѣдующій. Рядовые казаки: при началѣ были въ курткахъ и шараварахъ изъ чернаго, домашняго или сермяжнаго сукна; а въ Голландіи перемѣнили его на сукно фабричное. Мундиръ офицерскій тоже состоялъ изъ суконной куртки, которая на первой порѣ была перешита изъ фраковъ, сертуковъ и мундировъ, всякаго цвѣта; но мало по малу составлялось у нихъ одѣяніе мундирное изъ куртки, а вице-мундирное изъ казакина синяго сукна, съ краснымъ воротникомъ, который выложенъ былъ серебрянымъ шнуркомъ, а шаравары съ красными лампасами; шапки у всѣхъ были, какъ у донцовъ; въ Голландіи офицеры прибавили себѣ еще третью перемѣну, сертучную, на подобіе уланской, съ чѣмъ вмѣстѣ и порядокъ службы въ полкахъ учредился на положеніи уланскомъ. Многіе изъ казаковъ тѣхъ пятнадцати полковъ, полюбивъ службу, поступили охотою въ уланскіе полки, которые въ 1816 году набиралъ здѣсь графъ Виттъ. Замѣчу, что одинъ изъ полтавскихъ полковъ въ то время сформированъ былъ въ Горошинѣ-же знаменитымъ украинскимъ стихотворцемъ И. П. Котляревскимъ.

[2]) Изъ этихъ полковъ, четвертый Полтавскій, формированный въ Прилукѣ, находился подъ начальствомъ *Сакуна*. Въ дивизіонные командиры этого полка выбранъ

Такъ на защиту отечества всегда готовъ былъ воздвигнуться тотъ ратный духъ, которымъ издревле отличалась Южно-Русская земля, и объ которомъ хорошо сказалъ нѣкогда лѣтописецъ Украинскій: «речетъ старшій слово, и абіе войско числомъ, аки трава будетъ». Тоже было съ 27 дивизіей Неверовскаго: черезъ мѣсяцъ послѣ Бородинскаго боя она народилась вновь, и была воодушевлена прежнимъ мужествомъ, какъ это видѣли всѣ на поляхъ Тарутина, и осебенно въ битвахъ подъ Малымъ-Ярославцемъ, откуда повелитель запада началъ свой бѣдственный выходъ изъ земли Русской.

Послѣ того Неверовскій, награжденный за Бородинское дѣло чиномъ Генералъ-лейтенанта, зимовалъ и весновалъ въ Вильнѣ. Тамъ Государь, при всѣхъ генералахъ, изволилъ сказать ему: «дивизія ваша отличилась славою безсмертною, и я никогда вашей славы и дивизіи не забуду!» Извѣщая объ этомъ свою милую жену, герой нашъ имѣлъ полное право сказать ей: «такъ, другъ мой! Дмитрій твой служилъ храбро и съ честью!»...

Въ началѣ 1813 года, онъ назначенъ былъ корпуснымъ командиромъ предположеннаго тогда тринадцатаго корпуса; однако, по выступленіи въ Пруссію, служилъ онъ въ корпусѣ Сакена, который вскорѣ причисленъ былъ къ Силезской арміи, подъ главное начальство Блюхера. Этому храброму полководцу генералы наши доставили (14 августа) Кацбахскую побѣду надъ Макдональдомъ, и за то были награждены: будущій генералъ губернаторъ Парижа — Чернымъ Орломъ, а герой Красненскій — Краснымъ Орломъ.

Въ послѣдній разъ Неверовскій ратовалъ подъ Лейпцигомъ. Подъ конецъ тѣхъ октябрскихъ битвъ, когда наши войска уже съ побѣдою ломились въ городъ, корпусъ Сакена

былъ (Переяславскимъ дворянствомъ) отставной драгунскій маіоръ *Петръ Михайловичъ Красовскій*, служившій съ 1813 года. Уроженецъ нашего побережья, онъ и теперь живетъ при селѣ Сушкахъ, поселяниномъ па маленькомъ хозяйствѣ жены своей, Ксеніи Алексѣевны Килюшкиной. Своеручно плететъ онъ рыболовныя сѣти и закидываетъ ихъ въ Днѣпръ; а въ праздничные дни является въ своемъ драгунскомъ мундирѣ. Что касается до казацкаго мундира этихъ осьми полковъ, то онъ состоялъ въ казакинѣ изъ зеленаго фабричнаго сукна, съ красными выпушками; а шапка была въ родѣ донской, только пониже.

бралъ предмѣстье Гальское. На томъ приступѣ Неверовскій былъ раненъ пулею, еще въ первый разъ; ибо, получивъ сильную контузію ядромъ подъ конецъ Бородинскаго дня, онъ не считалъ себя раненымъ. Пуля ударила ему въ ногу надъ пятою, и такъ глубоко вошла въ кость, что хотя операторъ Малаховъ, спустя нѣсколько дней, и успѣлъ ее вырвать, но это было безполезно; ибо вскорѣ открылся антоновъ огонь, и началась сильная горячка. Лежа въ Галле на смертной постелѣ, Неверовскій получилъ наградные ордена: св. Владиміра и св. Георгія 2 степени. «Впередъ на штыки!» повторялъ онъ въ бреду, видя передъ собою полки непріятельскіе; и, въ этихъ видѣніяхъ скончался 1813 года 21 октября, въ день своего рожденія.

Въ слѣдующемъ году, когда императоръ Александръ даровалъ миръ Европѣ, и наши побѣдительныя войска возвращались уже на Святую Русь, гренадеры Павловцы посѣтили въ Галле могилу своего шефа, прошли возлѣ ней съ грустнымъ маршемъ, и отслужили панихиду по душѣ героя, почившаго на чужой сторонѣ. Да будетъ же ему тамъ—«*перомъ земля*;» а на родинѣ слава!..

Сотникъ Неверовскій не дождался радости слышать о славныхъ подвигахъ своего сына въ отечественную войну; семидесятипятилѣтній старикъ скончался въ маѣ 1811 года, въ Сорочинцахъ, гдѣ онъ напрасно искалъ себѣ врачебной помощи у Трофимовскаго. Но старый сотникъ не извѣдалъ и скорби отцовской: слышать о смерти сыновей своихъ, одного за другимъ. Еще прежде Дмитрія, въ двѣнадцатомъ году умерли: вторый сынъ его *Павелъ*, набиравшій ополченіе въ уѣздѣ Новомосковскомъ, и третій сынъ, гвардѣецъ *Александръ*, раненный въ Бородинскомъ бою. Остался въ живыхъ только меньшой сынъ его, *Иванъ*, служившій тогда во флотѣ Черноморскомъ. Этотъ почтенный, но къ сожалѣнію послѣдній представитель своей фамиліи понынѣ здраствуетъ въ деревнѣ Павловщинѣ, украшенный Георгіевскимъ крестомъ за взятіе Анапы въ 1807 году.

XII. Обозрѣніе церквей Бубновской сотни.

Издавна существуютъ здѣсь четыре приходскія церкви: *Преображенская* — въ Бубновѣ, *Никольская* — въ Бубновской Слободкѣ, *Михайловская* — въ Сушкахъ и *Ильинская* — въ Прохоровкѣ; сверхъ того, въ Прохоровкѣ же—кладбищенская *Успенская*. Неизвѣстно, когда эти приходскія церкви основаны первоначально, и въ какіе годы строились прежними зданіями. Извѣстно только, что нынѣшнія зданія ихъ поставлены въ послѣднія пять лѣтъ бытія Бубновской сотни; а Кладбищенская за семь лѣтъ до конца сотни. Имѣя это въ виду, можно сказать, что здѣшнія церкви составляютъ послѣдній благочестивый трудъ нашей старины, для новыхъ поколѣній: духовное завѣщаніе Бубновской сотни ея потомству.

До начатія прошлаго вѣка, онѣ подлежали непосредственно митрополіи Кіевской. Но въ 1701 году, при новозданномъ тогда Переяславскомъ Вознесенскомъ соборѣ, возобновилась древняя епархія Переяславская. Въ числѣ протопопій, на которыя она подраздѣлялась, была «протопопія *Золотоношская*» съ духовнымъ правленіемъ: къ ея вѣдомству, а въ ней къ «намѣстніи *Пищанской*» — причислена была Бубновская сотня съ ея церквями и духовенствомъ.

Зданія всѣхъ пяти церквей нашихъ, какъ прежнія, такъ и нынѣшнія, строены изъ дерева; и нѣтъ между ихъ утварью ничего особенно важнаго по древности или по драгоцѣнности. Тѣмъ не менѣе въ нихъ стоятъ вниманія нашего всѣ уцѣлѣвшія остатки стараго времени, когда благочестіе было въ полной силѣ, и каждый Украинецъ поставлялъ себѣ непремѣннымъ долгомъ отдѣлить часть своего имущества на церковь Божію, или послужить ей собою самимъ.

Нынѣшняя Бубновская церковь *Преображенія Господня* поставлена возлѣ того мѣста, гдѣ была прежняя, поновленная, около 1745 года, *Дмитріемъ Михайловичемъ Прохоровичемъ*. Она построена въ 1780 году, иждивеніемъ Прохоровскаго жителя, войсковаго товарища *Ѳедора Алексѣевича Петровскаго*. Иконостасъ въ ней сохранился прежній, безъ поновленія и перемѣны. Изъ трехъ напрестольныхъ евангелій, упомяну объ

одномъ, Московской печати 1763 года: оно оправлено и подарено сюда, въ 1767 году, Запорожскимъ атаманомъ Каневскаго куреня, *Петромъ Максимовымъ*. Между служебными книгами на клиросѣ, которыми вообще бѣдна Бубновская церковь, я замѣтилъ Апостолъ, со вкладною подписью отъ Переяславскаго жителя *Василія Тимченка*, и Требникъ, съ подписью 1746 года отъ Печерскаго монаха *Виталія* [1]. Въ Бубновской церкви уцѣлѣла еще (замоченная Днѣпромъ, въ разливъ 1845 года) самая старшая въ здѣшней сотнѣ «книга записная о приходскихъ тоя церкви людехъ на три части, кто имянны когда родились, браками вѣнчались и померли, 1734 года, января съ 1 дня». Въ Слободской церкви такая же книга начата въ 1737 году. Вообще же эти книги «метрическія», начались тутъ не ранѣе, какъ въ правленіе Переяславскаго епископа Арсенія Берла (1733—44).

Слободская церковь *св. Николая*, поодаль отъ прежде бывшей, поставлена въ 1777 году, иждивеніемъ *Романа Ѳедоровича Строчинскаго*, бывшаго куреннымъ атаманомъ въ Сѣчи Запорожской. Продолжая военную службу и по разрушеніи Сѣчи, онъ былъ капитаномъ, и не переставалъ усердствовать здѣшней церкви, какъ свидѣтельствуютъ на ея престолѣ крестъ и «гробница» (то есть дарохранительница), хорошей работы изъ сребра, сдѣланные отъ него въ 1787 году [2]. Изъ

---

[1]) Съ уваженіемъ смотрѣлъ я на эти подписи въ книгахъ, по которымъ болѣе ста лѣтъ уже служатъ въ здѣшней церкви. Обѣ онѣ притомъ одной, знакомой мнѣ руки. Этотъ Переяславецъ *Василій* или печерянинъ *Виталій*, былъ прадѣдъ моей матери, сынъ Бубновскаго казака Тимофѣя или *Тимка*, родоначальника *Тимковскихъ*. Женясь въ мѣстечкѣ Лѣплявомъ, на казачкѣ Настасіи Рѣшетковнѣ, Василій Тимченко переселился въ Переяславъ, и, служа тамъ въ казакахъ Терехтемировской сотни, былъ во всѣхъ походахъ Турецкой войны, веденной Минихомъ; а когда настало мирное время, онъ получилъ отставку въ 1740 году, и чрезъ четыре года постригся въ Печерской Лаврѣ, подъ именемъ Виталія. Тамъ и скончался онъ, въ іюнѣ 1749 года, и погребенъ у сѣверныхъ дверей Великой церкви. Вспоминая о немъ чрезъ сто лѣтъ послѣ кончины его, я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ его послѣдняго письма къ сыну, писаннаго въ Переяславъ изъ Лавры, отъ 3 іюня 1749 года: «Сыну моему Назарію. При семъ восписавъ тебѣ отческое благословеніе, во многіе лѣта зъ домомъ твоимъ желаю жить, и объявляю, что я, за посѣщеніемъ Божіимъ, нынѣ въ крайней болѣзни и слабости здоровя и уже при кончинѣ житія своего нахожусь.... Деньги поручаю твоему сыну, а моему унуку Федору... и притверждаю, Бога ради не оставляйте дитины, смотрѣте и учѣте его..., Ежели-же Богъ жизнь мою прекратитъ, не оставьте мене о поминовеніи».

[2]) Отъ этого-же Запорожскаго казака *Романа Строця* (такъ его коренное прозваніе) есть и въ церкви Прохоровской напрестольное Евангеліе, въ довольно богатой оправѣ.

книгъ, уцѣлѣвшихъ отъ прежней церкви Никольской, замѣчу евангеліе, Кіевской печати 1697 года, въ зелено-бархатной оправѣ, пожертвованное сюда въ 1720 году *Силою Вубленкомъ*, и другое Кіевское же евангеліе 1733 года, внесенное сюда «за небожчика *Иванину*». Также замѣчанія достойно напрестольное евангеліе Московской печати 1794 года, въ краснобархатной оправѣ: оно подарено въ 1796 году Печерскимъ іеромонахомъ *Сиѳомъ Карлицкимъ*, который въ послѣдующіе годы подарилъ сюда же почти цѣлый кругъ церковныхъ книгъ [1]. Сохранились въ алтарѣ нѣсколько образовъ отъ прежняго иконостаса; и желательно, чтобы они оставлены были безъ поправки, въ память той иконописи, которая въ здѣшней сторонѣ господствовала до половины прошлаго столѣтія, и была если не въ цвѣтущемъ состояніи, то все же лучше той, какая настала здѣсь со второй половины прошлаго вѣка. Изъ новыхъ предметовъ Никольской церкви, останавливаютъ на себѣ вниманіе два образа, стоящіе по бокамъ иконостаса, въ большихъ кіотахъ нездѣшней работы: они пожертвованы прихожанами церкви: маіоромъ *Михайломъ Степановичемъ Томарою* (скончавшимся 8 іюня 1837 года) и его женою *Елисаветою Николаевною*, урожденною *Мотонисовою* (дочерью того сенатскаго оберъ-секретаря Мотониса, который въ 1767 году былъ выбранъ въ числѣ депутатовъ отъ Малороссійскаго шляхетства въ «коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія»).

Нынѣшняя Сушковская церковь *Архистратига Михаила* поставлена на мѣстѣ прежней, въ 1782 году, общимъ иждивеніемъ прихожанъ. Изъ напрестольныхъ предметовъ ея упомяну о евангеліи Кіевской печати 1746 года, которое подарено сюда въ 1750 году, сѣчевымъ казакомъ Каневскаго куреня *Василемъ Гуржъемъ*, и сыномъ его *Иваномъ*, того же куреня «знатнымъ козакомъ». Изъ служебныхъ книгъ назову Минею въ шести книгахъ, Кіевской печати 1750 г.:

---

[1]) Этотъ іеромонахъ *Сиѳъ* прежде звался *Самуиломъ* и былъ жителемъ Вубновской Слободки, гдѣ и родился онъ 20 августа 1742 года, и началъ войсковую службу прямо значковымъ-товарищемъ, по заслугѣ отцовской. А отецъ его былъ компанѣецъ *Несторъ Карлицкій*, женившійся въ Вубновской слободкѣ на Ульянѣ Деркачовнѣ, и здѣсь-же умершій, въ чинѣ значковаго товарища, въ 1760 году.

она сюда подарена 1754 года, отъ сѣчеваго казака *Степана Шіяна* [1]). Назову еще Цвѣтную Тріодь, Черниговской печати 1685 года: она подарена въ Сушковскую церковь *Захаріемъ Щасненкомъ*, въ 1687 году.

Прохоровская церковь *св. Иліи* построена на мѣстѣ прежней, въ 1781 году, общимъ иждивеніемъ прихожанъ. Прежняя колокольня стояла на западной сторонѣ, гдѣ тоже были и школа и «шпиталь»; нынѣшняя колокольня поставлена въ 1843 году. Я говорилъ уже (въ VI главѣ) о колоколѣ, вылитомъ 1722 г., и объ другомъ колоколѣ, который (вмѣстѣ съ евангеліемъ Московской печати 1755 года) составляетъ здѣсь память Запорожскаго атамана Каневскаго куреня *Павла Фесуненка.* Другой атаманъ того же куреня *Ефремъ Иванченко* пожертвовалъ въ Ильинскую церковь серебряный хорошей работы крестъ на престолъ, а на жертвенникъ чашу и дискосъ со всѣмъ приборомъ, тоже серебряные. Передъ алтаремъ висятъ четыре серебряныя лампады: двѣ отъ Запорожца *Ивана Невѣнчаннаго*, а другія двѣ отъ Запорожца *Григорья Поперечнаго.* Строитель Бубновской церкви—*Петровскій* пожертвовалъ въ Ильинскую церковь плащаницу, серебряную чашу съ приборомъ, и серебряное кадило. Изъ старинной церковной описи, веденной съ 1771 года, видны имена многихъ другихъ лицъ, усердствовавшихъ Ильинской церкви; въ томъ числѣ и сотниковъ, особенно: *Прохоровича* и *Василевича*, отъ которыхъ были здѣсь богатыя ризы и другія одежды священническія. Между образами здѣшней церкви, особенно уважается прихожанами образъ Богоматери, стоящій у Южныхъ дверей, въ кіотѣ, сооруженномъ отъ *Елены Даниловны Базилевичевой*, урожденной *Лисевичевны* (жены маршала *И. Θ. Базилевича*, скончавшейся 3 января 1823 г.) Изъ привѣсокъ къ этому образу, Ильинская церковь взнесла два фунта серебра въ отечественную войну двѣнадцатаго года.

Что касается до кладбищенской Прохоровской церкви во имя *Успенія Богородицы*, то она поставлена въ 1774 году,

[1]) За этого-же казака «преставившагося», внесена и въ Никольскую церковь, въ 1755 году, эта-же Кіевская Минея.

иждивеніемъ того-же войсковаго товарища *Θедора Алексѣевича Петровскаго.* Этотъ чиновный казакъ во благо употребилъ наслѣдство, доставшееся ему отъ нѣсколькихъ родичей. Жилъ онъ въ Прохоровкѣ, на томъ дворѣ, гдѣ въ недавнее время выстроилъ себѣ домъ покойный флотскій медикъ Степанъ Осиповичъ Завойко. Тамъ и скончался Петровскій 1795 года 5 августа, шестидесяти-осьми лѣтъ отъ роду. Подъ старость жилъ онъ себѣ одинокій, и былъ слѣпъ. Разсказываютъ, что у него, при всѣхъ пожертвованіяхъ на разныя церкви, оставалась еще скрынка карбованцевъ, закопанная въ саду, подъ окномъ его хаты: онъ часто приходилъ освѣдомляться на то мѣсто, и постукивалъ палкою въ землю: это подмѣтилъ служившій у него хлопецъ, разсказалъ козаку Негрѣю, и негодяи украли завѣтную скрынку набожнаго слѣпца.

Нынѣшнее Прохоровское кладбище учредилось въ 1733 году, послѣ того сильнаго мора, который былъ вслѣдъ за «Колѣевщиною», при началѣ «Румянцовской войны». Нижняя половина кладбища, на которой поставлена церковь, пожертвована, въ 1773 году, *Иваномъ Шаркевичемъ*, войсковымъ товарищемъ, который прежде жилъ подъ Переяславомъ, въ Козинцахъ, на имѣніи тещи своей *Елены Петровны Исаевой*, урожденной *Максимовичевой.* Здѣсь онъ поселился въ 1762 году, купивши, за 900 рублей, у жены компанейскаго обознаго *Степана Гайворонскаго* леваду ея и прочіе участки земли. На новоселье Шаркевичу сгорѣлъ домъ, того-же 1762 года, 15 ноября. Горѣлъ этотъ Золотоношскій коммиссаръ и послѣ не одинъ разъ. А черезъ годъ, какъ учредилось кладбище, именно въ то время, какъ разрушена была Запорожская Сѣчь, были здѣсь такіе сильные наводки, что вода съ горы бѣжала рѣкою на дорогу мимо кладбища, промыла на ней провалье, и много гробовъ съ мертвецами вынесла на себѣ опять въ Прохоровку. Черезъ десять лѣтъ послѣ того умеръ старый Шаркевичъ: сынъ его *Григорій*, отставной поручикъ изъ войсковыхъ товарищей (женатый на *Евдокіи Савичнѣ Терлецкой*), прибавилъ въ 1813 году къ кладбищу верхнюю его половину, и въ 1817 году самъ улегся здѣсь.

На первую Пречистую, то-есть въ день Успенія Богородицы, послѣ обѣдни въ кладбищенской церкви, жители Прохоровскіе собираются «на медъ», который, по давнему обычаю, варится къ этому дню и распивается у одного изъ зажиточныхъ казаковъ (теперь у *Вакулы*, а за нѣсколько лѣтъ у покойнаго *Сеська*). Кромѣ этого храмоваго дня Успенской церкви, въ ней ежегодно бываетъ обѣдня на третій день Рождественской, Свѣтлой и Зеленой недѣль.

Но главное народное празднество у этой церкви бываетъ въ понедѣльникъ на Проводной (то-есть Ѳоминой) недѣлѣ, когда Прохоровцы сходятся сюда помянуть своихъ родныхъ покойниковъ, и надгробною молитвою, и заупокойною чаркою. Въ этотъ поминальный день и я, доканчивая мои сказанія о Бубновской сотнѣ, спѣшу перейти отъ нихъ къ молитвенному поминовенію моихъ родителей и земляковъ на ихъ могилахъ.

11 апрѣля 1849.
Михайлова-Гора.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ [1]).

О названіяхъ, дававшихся козакамъ.

Баторій, давшій козакамъ устройство, раздѣлилъ ихъ на *выборныхъ* и *охочекомонныхъ*. *Выборные* или *реестровые* (лестровыи) козаки составляли постоянное войско, въ мирное время бывшее пограничною стражею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторіѣ считалось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г). въ 15 полкахъ 57,889—кромѣ Гадяцкаго и Бѣлоцерковскаго полковъ.

Охочекомонные козаки въ мирное время вели жизнь поселянъ и промышленниковъ, но въ военное время составляли цѣлые полки; и дано было имъ право всякаго принимать къ себѣ въ козаки, почему множество *посполитыхъ* [2]) стали отходить отъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторіѣ всѣхъ вообще козаковъ считалось около 20,000; а во время возстанія было 200,000,—по сказанію Боплана.

Компанѣйцами назывались пять полковъ, изъ охочекомонныхъ козаковъ, составившихся въ послѣдствіи и содержавшихся на жалованьѣ. 1776 они переобразованы въ три

---

[1]) Замѣтки эти составлены были М. А Максимовичемъ въ качествѣ комментаріевъ къ двумъ сборникамъ Украинскихъ народныхъ пѣсней, изданныхъ имъ въ 1834 и 1849 годахъ.

[2]) *Посполитыми* назывался простой народъ: тѣ изъ нихъ, кои не имѣли земли и дворовъ (не грунтовые), назывались *сусѣдами* и *подсусѣдами*.

полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣщены въ карабинерные полки, изъ Малороссійскихъ полковъ устроенные.

Сердюками назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ составившіеся, по мнѣнію Бантышъ-Каменскаго.); при Мазепѣ они состояли изъ всякаго сброду и были его тѣлохранителями, ненавистными для народа и войска козацкаго.

1834 г., стр. 50.

Гайдамаками сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значить бродяга, а Запорожцы вѣроятно въ началѣ были почти тоже что *бродники* Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только тѣмъ ватагамъ Запорожцевъ, кои, не составляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ; всѣхъ же Запорожцевъ гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичъ и Срезневскій пишутъ: *гайдомакъ* отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, лѣсной житель; но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: гайдамакъ слово Татарское, употребительное также у Турковъ, Молдаванъ: *гайда* — пошелъ, гуляй; *макъ*—окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ слово «гайда» иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ украинскимъ словомъ *гультай* (гуляка), откуда и слово *гультайство.*

1834, стр. 66.

Козакъ *лейстровый* значитъ *реестровый* — (малороссійское нарѣчіе въ иноязычныхъ словахъ любило перемѣнять *р* на *л: лицаръ, лейтаръ, олондаръ* вм. рыцарь, рейтаръ, орендаръ); т. е. принадлежащій къ украинскимъ козачьимъ полкамъ, постояннымъ и опредѣленнымъ въ числѣ. Кромѣ того были еще *охочекомонные* полки, составлявшіе *охотное* козац-

кое войско. Въ этомъ не было недостатка, по словамъ украинской лѣтописи: «induce речетъ старшій слово; и абіе войска числомъ, аки трава будетъ»!

1849. стр. 50.

Замѣтки о происхожденіи и значеніи козачества.

Нашествіе Монгольскихъ ордъ (1224 — 38) отдалило слишкомъ на 4 вѣка *Южно-Русскую* или просто *Руськую землю*, т. е. *Украину*, отъ ея родственнаго союза съ *Сѣверно-Русскими* княженіями, съ коими она составляла древній періодъ нашей исторіи, и потомъ, вмѣстѣ съ ними, сто лѣтъ влачила тяготу ярма Татарскаго. Въ то время развивалась на западѣ другая орда, Европейская, въ 1340 г. Гедиминъ отбилъ Кіевъ *у поганой Татарвы*, и Украиною овладѣла *Литва беззаконная*, водившая храбрыхъ *Русичей* на Татаръ, и на Крижаковъ, потомъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшею (Pacta Conventa, 1434); но въ послѣдствіи Кіевъ изъ княжества обращенъ въ воеводство (1478) и Украина вмѣстѣ съ Литвою подпали подъ власть Польши.

Въ сей-то Литовскій періодъ Украины (съ 1340) началась *Московія*, юное сердце, punctum saliens *великой Россіи;* и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ тяжкой мглы Татарской, крѣпилось и росло въ сей исполинскій и мощный организмъ, на югѣ зачиналось *Козачество*, которое, подобно летучей кометѣ, вспыхнувъ на Украинѣ, грозно пронеслось въ мірѣ, огневою чертою означило слѣдъ свой въ исторіи, и, приставъ къ Восточному солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Внѣшніе набѣги Татаръ и внутреннее угнетеніе отъ Литвы и Польши, въ оное время общаго хаоса, служило поводомъ къ составленію *Козачества* за порогами Днѣпровскими, тамъ, гдѣ воинственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ козацкихъ!... *Запорожье* было гнѣздомъ, гдѣ родилась дружная, отважная, холостая ватага *вольныхъ Козаковъ*, плодилась безъ матери, ибо для нея была

Сѣчь мати а *Великій Лугъ батько.* Козаковъ сводила и дружила жажда воли, мести, битвы, добычи, и всякій выходецъ, ктобъ онъ ни былъ, могъ сдѣлаться ихъ братомъ товарищемъ, только бы, принеся съ собою боевую *отвагу*, онъ принялъ *Греческую вѣру* и *языкъ ихъ.*

Двѣ стихіи сіи, т. е. *Азіятски-наѣздническая* и *Греко-христіанская,* глубоко приняты были кореннымъ племенемъ Украины еще въ Дотатарскій періодъ нашей исторіи: духъ боевой, наѣзднический воспитали въ немъ непрестанныя схватки и сближенія съ ордами Азіятцевъ; а въ сношеніяхъ съ византійцами они получили восточное христіанство и *письменство.* Живое сліяніе сихъ двухъ стихій съ *природнымъ* свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особенность. Природное же свойство ихъ состоитъ въ угрюмой, столь способной къ внутренней жизни *глубинѣ* духа, которую искони воспоило въ нихъ родное имъ *Черное* или *Русское* море, и въ *грустномъ безпечьи,* къ коему расположила ихъ жизнь степей Днѣпровскихъ. Ибо Украинцы или Малороссіяне составляютъ восточную половину *Южныхъ* или *Черноморскихъ* руссовъ, имѣвшую своимъ средоточіемъ богоспасаемый градъ *Кіевъ,* именемъ коего называлась иногда и самая страна ихъ *земля Руськая, Украина* или *Малороссія* [1]). Западная половина ихъ составила Червленную *(Красную) Русь* или *Галицію,* гдѣ *Южно-Русскій* языкъ ихъ и нынѣ называется *Руськимъ;* у насъ же названіе *Русскаго* усвоилось языку Сѣверно-Русскому или Велико-Рускому.

(*Слово о полку Игоревѣ* есть драгоцѣнный памятникъ Южно-Русской поэзіи XII вѣка, имѣющій, по моему мнѣнію, поэтическое однородство съ думами и пѣснями Украинскими).

1834. стр. 66—67.

Сѣчь и ея устройство.

Сѣчью называлось укрѣпленіе (подобное *острогамъ* либо *городкамъ),* гдѣ находился главный Запорожскій таборъ или

---

[1]) Напримѣръ въ Никоновской лѣт. ч. 3. с. 4. «того-же (1239) лѣта Батый нача посылати рать на грады Рускіе и взяша «градъ *Переяславль Рускій* иже въ Кіевѣ». Переяславъ всегда въ сей лѣтописи наз. Рускимъ, въ отличіе отъ Переяславля Залѣскаго.

Кошъ, по имени коего и начальникъ Сѣчи назывался *Кошевымъ атаманомъ* или просто *кошевымъ*. Первая (*старая* или *великая)* Сѣчь была на Днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ, находящемся за порогами, близъ мыса Кичкаса. Этимологія *Сѣчи* таже что и *Засѣки*.

Сѣчь дѣлилась на части, называемыя *куренями*, управляемыя *куренными атаманами*. Эти *курени* или *холивы* состояли изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Баторіѣ Украина раздѣлилась на *10 полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), полки дѣлились на *сотни* (каждая съ своимъ *мѣстечкомъ* или сотеннымъ городомъ), а сотни на *курени* (съ слободами, селами и хуторами). Но кромѣ такого собирательнаго значенія, *куренемъ* въ Украинѣ и на Донѣ называется и одинокій шалашъ, обыкновенно изъ тростника (очерета), либо орѣшника, крытаго соломой, дѣланный для лѣтняго жилья на лугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большею частью избы *курныя) куренемъ* иногда называется шалашъ или полатка торговая. Въ Игоревой пѣсни упоминается о *куряхъ* тмутараканя (т. е. жилищахъ). *Куренемъ*, *курею* называлось жилье потому же, почему и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворы называются *дымами*.

Кромѣ кошевого и куренныхъ атамановъ въ Сѣчи были еще старшины: *войсковой судья*, *войсковой писарь*, *асаулъ*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, т. е. совѣтѣ (мірской сходкѣ, вѣчѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у куреней были свои частныя Рады *(до куреня)*.

1834. стр. 4.

Замѣтка о первыхъ гетьманахъ козацкихъ.

Въ началѣ 16 столѣтія козачество изъ Запорожья разливалось уже по Украинѣ, и мало по малу пересиливало собою такъ называвшееся *рыцарство шляхетное*. Татарскимъ именемъ *козакъ*, означавшимъ первоначально только *наѣздника*, сталъ называться уже всякій добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, коимъ называли

себя Украинцы. «Козаковъ—по словамъ лѣтописи—на Украинѣ было столько, сколько и людей: «照речеть старшій слово, абіе войска числомъ аки трава будеть!» —Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ *западное рыцарство*, въ противоположность коему *козачество Украинское* представляло собою *рыцарство восточное, народное*, имѣвшее и свою народно—рыцарскую или козацкую поэзію, и свою народную войну за восточную церковь, и нашедшее себѣ владыку въ единовѣрномъ царѣ восточномъ (или Московскомъ).

Съ 1506 года *Евстафій Дашковичъ* былъ вождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Ланцкоронскій* былъ первымъ гетманомъ козачества Заднѣпровскаго и основателемъ онаго въ Хмельникѣ. Потомъ предводили козаками: *Венжикъ (Венцеславъ) Хмельницкій*, *Димитрій Вишневецкій*. Въ 1564—1574 козацкимъ гетьманомъ былъ *Иванъ Свирговскій—той бѣ слава дней своихъ!* Послѣ него вождемъ козацкимъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, который въ 1676 году отъ короля Баторія (или *Батыря)* получилъ титулъ *Запорожскаго гетьмана*, клейноды, бунчукъ, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а козачество было возвышено и Украина получила устройство воинско-гражданственное.

Послѣ Богданка гетьманами были: *Иванъ Подкова или Серпяга* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скалозубъ*.

Весь этотъ періодъ можетъ названъ быть періодомъ *воинской славы козаковъ*, воевавшихъ въ сіе время съ Татарами, Турками и Волохами, не только на сушѣ, но и на Черномъ морѣ, по коему разъѣзжая на своихъ лодкахъ, они производили опустошеніе въ Синопѣ, Трапезонтѣ и Царьградѣ; рядъ сихъ подвиговъ заключается славнымъ морскимъ походомъ Скалозуба, 1589.

1834. стр. 70.

Иванъ Серпяга (какъ замѣтилъ г. Срезневскій по пѣснямъ) есть народное имя гетьмана, столь извѣстнаго въ ис-

торіи подъ именемъ *Гина. Подковы*. Такія двойныя фамиліи часто бываютъ у Малороссіянъ (такъ полковникъ Адамовичъ назывался *Костыремъ*, Лѣсницкій—*Волочаемъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ на Молдавское господарство, но измѣннически убитъ въ Львовѣ 1578, а похороненъ въ Каневѣ товарищемъ и другомъ своимъ *Шахомъ* или *Жахомъ*, который постригся 1579 въ монахи Каневскаго монастыря. По имени Серпяги была названа *Серпяжинымъ шляхомъ* дорога, идущая отъ Канева (какъ по имени гетьмана Конашевича—Сагайдачнаго названъ *Сагайдачный шляхъ*): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: лежить *Гася*, простяглася, якъ устане, неба достане?

1834. стр. 78.

Упоминаемый въ думѣ народной о Черноморской бурѣ козацкій вождь *Грицько Зборовскій*—какъ справедливо замѣтилъ г. Грабовскій (въ разборѣ моего втораго изданія *Украинскихъ пѣсенъ*, напечатанномъ во 2 части его сочиненія Literatura i Krytyka, Wilno, 1837) есть тотъ самый *Самуилъ Зборовскій*, который послѣ изгнанія своего изъ Польши (1574 г., за дуэль съ Тенчинскимъ), служилъ при Стефанѣ Баторіѣ, и въ козацкихъ отрадахъ при гетьманѣ Свирговскомъ; а потомъ (между 1579—83 г.) былъ самъ выбранъ въ гетьманы Запорожцами, и ходилъ съ ними на Чорное море. Въ 1584 г. онъ казненъ въ Краковѣ, канцлеромъ Ив. Замойскимъ.

1849. стр. 49.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Косинскомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593), сжегъ Цецору и разграбилъ Яссы (1594); потомъ онъ былъ другомъ и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ коимъ вмѣстѣ и погибъ въ Варшавѣ. Въ пѣснѣ представленъ Лободинскій чура, напоминающій о подвигахъ своего пана и объ отмщеніи за него взывающимъ

козакамъ, сбиравшимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводительствомъ кошоваго *Сулимы* (который въ 1635 г. четвертованъ въ Варшавѣ). Про гетманство Потоцкаго и двукратное пораженіе его Лободою по исторіи неизвѣстно.

1834. стр. 88.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали тѣ притѣсненія, которыя Украинѣ стала наносить Польша, частію по своему урону отъ усилившагося козачества, частію по внутреннимъ безпорядкамъ своего избирательнаго правленія. Но когда Польша, во имя Уніи, посягнула на вѣру козаковъ, тогда загорѣлось *религіозно воинское возстаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего втораго періода козачества. Въ 1592 году *Христофоръ Косинскій*, вызвавшись быть гетьманомъ козацкимъ, первый ополчился на Унію. По смерти его (1594) козаками избранъ въ гетьманы *Павелъ Неливайко*, славный и побѣдами своими и мученическою смертію въ мѣдномъ быкѣ (1597). Много потерпѣла обиды вслѣдъ за тѣмъ Украина, но съ 1606 года, когда Запорожскимъ гетьманомъ сталъ *Петръ Конашевичъ Сагайдачный*, затихли на время угнетенія на Украинѣ, сколько по силѣ сего замѣчательнаго человѣка, столько по смутному для Польши времени, въ которое ей были необходимы козаки для войны съ Россіей и Турціей. По смерти его (1622) снова постигла Украину бѣдственная година, и снова вспыхнуло ополченіе козачества на Поляковъ. *Тарасъ Трясило* въ 1629 году провелъ съ ними подъ Переяславомъ кровавую *ночь*, извѣстную подъ именемъ *Тарасовой*. И съ этой памятной ночи исторія Украины на 17 лѣтъ обращается въ повѣсть самую трагическую, самую назидательную [1]). *Сулима*, *Павлюкъ*, *Остряница*, съ своими сподвижниками очередно наслѣдовали въ Варшавѣ участь Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. воздвигся гетьманъ *Зиновьй Хмельницкій*, освободившій Украину и отъ народа

[1]) Чит. Бант. Кам И. М. Р. ч. I. гл. XII.

своего получившій великое имя — *Богдана.* Послѣ того онъ въ 1654 году поддался царю Московскому, присягнулъ ему на вѣрность въ Переяславѣ 8 января, вмѣстѣ съ нимъ воевалъ еще противъ Поляковъ, и 1657 г. 15 августа скончалъ свою славную жизнь.

1834. стр. 84.

Замѣтки о козацкихъ гетьманахъ, бывшихъ послѣ Хмельницкаго.

Измѣны *Выговскаго*, *Брюховецкаго*, *Тетери*, производили сильныя смятенія на Украинѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-лѣтіе, по истеченіи коего (1667, янв. 13) Заднѣпровская Украина отошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неутральнымъ. Замыслы и ожесточенныя дѣйствія предпріимчиваго *Петра Дорошенка*, который завладѣлъ было обостороннею Украиною, продолжили кровавыя междоусобія. Сіе мятежное тридцатилѣтіе кончилось избраніемъ *Мазепы* (1687); но не легче для Украины было 22-лѣтнее гетьманство сего измѣнника. Побѣдою Полтавскою великій Петръ рѣшилъ судьбу Россіи и Украины: въ 1764 кончена гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь великой Россіи.

Въ теченіе сихъ 55 лѣтъ гетьманами были (по счету Кіев. Синопс. 1823): 28-й Иванъ Ильичъ *Скоропадскій* съ 1708 по 1722; — 29-й Павелъ Леонтьевичъ *Полуботокъ*, съ 1722 г. бывшій гетьманомъ наказнымъ; — 30-й Данило Павловичъ *Апостолъ*, съ 1727 по 1734;—31-й графъ Кириллъ Григорьевичъ *Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803, января 6 въ Батуринѣ, бывшемъ его гетьманскою резиденціей. Первымъ послѣ него правителемъ былъ фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ—Задунайскій.

1834. стр. 104.

Дума объ Иванѣ Коновченкѣ.

Прекрасная дума эта относится къ 1684 году, когда Заднѣпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на Татаръ, разбили ихъ надъ *Тягиномъ*, и отбивались отъ пришедшаго съ войскомъ ханскаго сына по возвращеніи своемъ, убили гетмана *Куницкаго* (поставленнаго Собѣскимъ) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. лѣтоп. Рубана). Корсунскій полковникъ *Филоненко*, кажется, былъ сынъ Филона Чичая (Джеджелѣя: *Джеджели* близь *Корсуня*, находящагося въ Кіев. губ. между Черкасами и Богуславомъ, на р. Роси). *Черкень-долина* не толи-же что и Черная долина? городъ *Тягинъ* нынѣ селеніе Тягинка въ Херсонскомъ уѣздѣ, между р. Ингульцомъ и городкомъ Бериславлемъ (Кизикерманомъ). Рѣчка Тягинка впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, 20 верстъ ниже Ингульца.

1834. стр 51.

О пѣсняхъ, относящихся къ послѣднимъ временамъ Запорожья.

Дня надлежащаго уразумѣнія былевыхъ пѣсень, относящихся ко времени послѣ гетманщины, надобно припомнить, что послѣ 1766 г, когда собственно такъ называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — *Заднѣпровская* часть Украины оставалась еще не возвращенною къ Россіи, а *Запорожцы* составляли холостую козацкую вольницу, гнѣздившуюся въ Сѣчи.

Въ Заднѣпровьи въ то время произошли кровавыя распри между козаками и поляками, по поводу новыхъ утѣсненій за религію и вольностей жидовскихъ, до чрезвычайности изнурявшихъ народъ. Въ этихъ распряхъ принимали сильное участіе Запорожцы, кои при томъ безпокоили Малороссію и край Новороссійскій. Конецъ такимъ безпорядкамъ положенъ разрушеніемъ Сѣчи (1775) и присоединеніемъ Зад-

нѣпровской Украины къ Россіи (1794). Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ составилось (1788) храброе войско *Черноморскихъ козаковъ*; нѣкоторая же часть ихъ тогда перешла на Дунай; но кому неизвѣстенъ похвальный поступокъ Дунайскихъ козаковъ и начальника ихъ, въ послѣднюю Турецкую кампанію?

И такъ, въ семъ отдѣлѣ пѣсень можно болѣе или менѣе различать, какъ разныя памятники прошедшихъ событій, пѣсни: собственно *Малороссійскія*, *Заднѣпровско-Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія*, и пѣсни козаковъ, бывшихъ на Дунаѣ, коихъ хотя и не имѣю еще, но увѣренъ, что они есть; мнѣ извѣстно также, что у Черноморцевъ есть историческія пѣсни, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ, но я не имѣлъ еще случая достать ихъ.

1834. стр. 120.

~~~~

Зопорожцы просили *Императрицу Екатерину* о возвращеніи мнимыхъ своихъ земель въ Новороссійской губерніи: по поводу чего, грамотой 1774 г. 22 мая, и повелѣно было прислать имъ нарочныхъ депутатовъ. Послѣ сего они замыслили своевольно завладѣть землями Запорожскими по Бугъ и землею Донскою, препятствовали поселенію Сербовъ, переманили было землепашцевъ Малороссійскихъ до 50,000; сіи и другіе ихъ непозволительные поступки, изъясненные въ манифестѣ 1775 3 авг., заставили *Государыню разрушить сѣчь Запорожскую*, повеленіемъ 1775 г. 4 іюня, даннымъ генералъ-поручику Текеллію.

1831, стр. 126.

~~~~

Генералъ-фельдмаршалъ князь Потемкинъ—Таврическій составилъ изъ Запорожцевъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ козаковъ*. Они оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788) подъ предводительствомъ

кошеваго *Чепъги*, а свѣтлѣйшій князь Потемкинъ былъ пожалованъ титуломъ ихъ *гетьмана*. Въ 1792 г. Черноморцы поселены на островѣ Таманѣ.

Особая пѣсня была сложена и пѣта на праздникѣ 15-го августа 1792 г., по случаю полученія грамотъ царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій кошъ войсковымъ судьею *Головатымъ*.

Головатый извѣстенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Вѣршу, говоренную Потемкину Запорожцами на Великъ день* (Христосъ воскресъ, радъ міръ увесь....); ему же приписываютъ и пѣсню «ой годѣ намъ журитися». Онъ, съ отцемъ и дѣдомъ своимъ, извѣстенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ *Трехъ Антоновъ*.

1834. стр. 133.

Историко-топографическія замѣтки.

Гетьманщиною называлась Украйна отъ своихъ вождей, кои именовались гетьманами, по примѣру вождей Литовскихъ. называвшихся *гетманами*, *гедманами* или *гедиманами*, вѣроятно по имени славнаго *Гедимина*. Можетъ быть, названія: *король*—произошло отъ *Карла*, *Carolus; Цесарь* отъ великаго *Цезаря; Султанъ* отъ имени *Салтана*. На время отлучки гетьмана изъ резиденціи поставлялся въ Украйнѣ *наказный гетьманъ;* а въ отсутствіе съ поля битвы, власть его принималъ *гетьманъ Напольный*.

Московщиною называлась Великая Россія, Московія *Шведчиною* Швеція; *Волощиною* Валахія и Молдавія; такимъ же образомъ *Туретчина*, *Татарщина; Бѣлгородщиною* называлась Татарская сторона между Днѣпромъ и Днѣстромъ; *Полѣсьемъ*—Бѣлостокская область; *Подольемъ*—Подолія; *Покутьемъ*—Буковина.

1834. стр. 20.

Муравскій шляхъ (дорога), о которомъ говорится въ думѣ «о побѣгѣ трехъ братіевъ изъ Азова» идетъ отъ *великой Сѣчи* (остр. Хортицы на Днѣпрѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и с. Донца. Между Азовомъ и симъ шляхомъ находятся большіе *байраки* (овраги или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть *могила* (курганъ) *Саворъ*, о которой упоминается и въ пѣснѣ *о Морозенкѣ*.

1834. стр. 9.

